

Русская мысль 17.56
РУССКАЯ 1896

МЫСЛЬ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

М А Й.

МОСКВА.

Типо-лит. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,

Пименовская ул., собств. домъ.

1896.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ДРАМА ЗА СЦЕНОЙ. Повѣсть. <i>Продолженіе</i> .—Вл. И. Немировича-Данченка	1
II. ЛЮБОВЬ ЭНРИКЕСА. (Разсказъ Вретъ-Гарта). Переводъ съ англійскаго Г.	37
III. СТИХОТВОРЕНІЯ.—К. Д. Бальмонта	63
IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Н. Николаева	65
V. ТРАГИЧЕСКАЯ ИДИЛЛІЯ. (Космополитическіе нравы). Романъ Поля Бурже. Переводъ съ французскаго М. Н. Р. <i>Окончаніе</i>	66
VI. ЧЕРНОМОРСКАЯ СИРЕНА. (Повѣсть).—К. М. Станюковича	116
VII. НОВЫЕ МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ Н. В. ГОГОЛЯ	150
VIII. КАЛУЖСКОЕ ГУБЕРНСКОЕ ПО КРЕСТЬЯНСКИМЪ ДѢЛАМЪ ПРИСУТСТВІЕ ПРИ В. А. АРЦИМОВИЧЪ (1861—1863 гг.). <i>Продолженіе</i> .—П. Н. Обнинскаго.	1
IX. ВВЕДЕНІЕ ВЪ ИЗУЧЕНІЕ КВАРТИРНАГО ВОПРОСА. <i>Окончаніе</i> .—В. В. Святловскаго 2-го.	23
X. МАКБЕТЪ. Георга Брандеса. Переводъ съ датскаго В. М. С.	38
XI. ГОЛОСЪ ПРОВИНЦІИ ВЪ ВОПРОСЪ О НАРОДНЫХЪ ЧТЕНІЯХЪ.—В. Н. Сторожева	52
XII. ИЗЪ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ ГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Кн. Вахтангъ Вахтангсвицъ Орбеліани.—А. А. Хаханова.	78
XIII. ШВЕДСКАЯ ВОЙНА 1788—90 гг. (По новымъ даннымъ изъ французскихъ архивовъ).—А. Брикнера.	91
XIV. СТОЛИЧНЫЕ КОМИТЕТЫ ГРАМОТНОСТИ.—П. М. Шестакова.	106
XV. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—И. И. Иванюкова	125

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Поступили въ продажу новыя изданія редакціи журнала „Русская Мысль“:

БЕЗЪ ДОГМАТА.

РОМАНЪ.

Генрика Сенкевича.

3-е изданіе. Переводъ В. М. Лаврова.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

КАМО ГРЯДЕШИ?

(QUO VADIS).

Романъ изъ времянь Нерона.

Генрика Сенкевича.

Переводъ В. М. Лаврова.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ В. М. Лаврова, уголь Большой Никитской и Леонтьевского пер., д. 2—24.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ.

РОМАНЪ.

Переводъ В. М. Лаврова.

Цѣна 3 руб.

Покупающіе „Камо грядеши“ и „Семью Поланецкихъ“ платятъ за обѣ эти книги вмѣстѣ 3 р. 50 к. Подписчики „Русской Мысли“ пользуются уступкой 10⁰/₁₀.

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ:

„НАДЪ НѢМАНОМЪ“.

Романъ въ 3 частяхъ Элизы Омешковой. Переводъ съ польскаго
В. М. Лаврова.

Изданіе редакціи журнала „Русская Мысль“.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

„ВЪ ВОЛОСТНЫХЪ ПИСАРЯХЪ“

Н. М. Астырева.

Второе, дополненное изданіе редакціи журнала „РУССКОЙ МЫСЛИ“, съ портретомъ автора.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Пересылка по разстоянію. Подписчики «РУССКОЙ МЫСЛИ» пользуются 10% уступки.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ журнала «РУССКАЯ МЫСЛЬ» В. М. Лаврова.

(Москва, Большая Никитская, домъ № 2—24).

Поступили въ продажу новыя изданія редакціи
журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“:

Короленко.

„Счерпки и Разказы“.

Кн. 1-я, изданіе 7-е. Цѣна 1 руб. 50 коп. Кн. 2-я, изданіе 3-е.
Цѣна 1 руб. 50 к.

Короленко.

„Слѣпой музыкантъ“.

Изданіе 5-е. Цѣна 75 коп.

Складъ изданій въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ журнала *Русская Мысль* В. М. Лаврова (Москва, уг. Б. Никитской ул. и Леонтьева пер., домъ 2—24). Подписчики *Русской Мысли*, выписывающіе изъ означеннаго склада, пользуются уступкой 10%. Складъ въ С.-Петербургѣ: въ редакціи журнала *Русское Богатство*.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

РЕДАКЦІЯ „РУССКОЙ МЫСЛИ“

предприняла новое изданіе, которое будетъ выходитьъ подъ названіемъ:

„Библиотечка Русской Мысли“.

Въ составъ этого изданія войдутъ беллетристическія произведенія, какъ оригинальныя, такъ и переводныя, и популярныя сочиненія по всѣмъ отраслямъ науки. Въ теченіе года выйдутъ отъ 15 до 20 книжекъ. Первые книжки:

I.

ЧЕРЕЗЪ СТЕПИ.

Повѣсть Генрика Сенневича, переводъ В. М. Лаврова.

Цѣна 40 коп.

II.

КЛЕОПАТРА.

Картинки античной жизни М. Н. Ремезова.

Цѣна 40 коп.

III.

ЮБИЛЕЙ.

(Не совсѣмъ обыкновенная исторія).

М. Н. АЛЬВОВА.

Цѣна 1 руб.

IV.

ПОВѢДА. НА СѢВЕРЪ ДИКОМЪ.

Н. С. Баранцевича.

Цѣна 1 руб.

V.

МИЛОРДЪ. — БАБУШКА.

Элизы Ожешковой.

Цѣна 50 коп.

VI.

ИУДЕЯ И РИМЪ.

Картинки античнаго міра М. Н. Ремезова.

Цѣна 50 коп.

Вышли и продаются въ книжномъ магазинѣ В. М. Лаврова, уголъ Большой Никитской и Леонтьевского пер., д. 2—24.

Въ слѣдующія книжки войдутъ произведенія В. А. Гольцева, М. Конопницкой, М. С. Корелина, В. Косякевича, Вас. Из. Немировича-Данченко, Э. Ожешковой, М. Н. Ремезова, К. М. Станюковича, А. Шиманьскаго, А. П. Чехова и другихъ.

Энциклопедическій словарь „Брокгауз и Ефронъ“

(начатый проф. И. Е. Андреевскимъ)

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. К. АРСЕНЬЕВА и заслуженнаго профессора В. В. ПЕТРУШЕВСКАГО,

при участіи редакторовъ отдѣловъ:

Проф. А. Н. Бенковъ (біологич. науки).
С. А. Венгеровъ (исторія литературы).
Проф. А. И. Вейновъ (географія).
Проф. Н. И. Наръевъ (исторія).
А. М. Сомовъ (изящн. искусство).

Проф. Д. И. Менделѣевъ (химико-технич. и фабрично-завод.).
Проф. В. Т. Собичевскій (сельско-хозяйственный и лесоводство).
Владиміръ Селозевъ (философія).
Проф. Н. В. Соловьевъ (музыка).

Энциклопедическій словарь выходитъ каждыя два мѣсяца полутомами, въ 30 лист. убористой печати. Въ настоящее время вышли 34 полутома. Всего полутомовъ предполагается до пятидесяти. Цѣна за каждыя полутомы (въ переплетѣ) 8 руб., за доставку 40 коп. Въ Москвѣ и другихъ университетскихъ городахъ за доставку не платятъ.

Словарь обнимаетъ собою свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ науки, искусства, литературы, исторіи, промышленности и прикладныхъ знаній.

Тексты помѣщаемыхъ въ словарь статей составляются самостоятельно русскими учеными и специалистами, причемъ все касающееся Россіи обрабатывается наиболее полно и тщательно. Значительная часть русской географіи обрабатывается членами географическаго экспедицій, посѣтившими съ научными цѣлями описываемыя или мѣстности. Для каждой губерніи и области дается специальная карта. Кроме географ. картъ приложены разнообразныя иллюстраціи, служащія наглядной составной частью энциклопедическаго цѣлага.

По соглашенію редакціи Энциклопедическаго Словара и книжнаго магазина журнала „Русская Мысль“ В. М. Лаврова, подписка принимается въ означенномъ магазинѣ. Уголь Большой Никитской и Леонтьевскаго пер., А. № 2—24.

Допускается разсрочка на слѣд. услов.: при подпискѣ вносится задатокъ 10 руб., послѣ чего выдаными имѣющимися на-лицо полутомами; остальная сумма долга выплачивается ежемѣсячными выносами отъ трехъ рублей. Правительственные и частныя учрежденія задатка не вносятъ.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

КНИГА V.

МОСКВА.

1896.

40 1000
1111001100

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW ordered 3/27/84

AP30
R875
v.17:5-6
MAIN

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ДРАМА ЗА СЦЕНОЙ. Повѣсть. <i>Продолженіе</i> .—Вл. И. Немировича-Данченко	1
II. ЛЮБОВЬ ЭНРИКЕСА. (Разсказъ Вретъ-Гарта). Переводъ съ англійскаго. Г.	37
III. СТИХОТВОРЕНІЯ.—Н. Д. Бальмонта.	63
IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Н. Николаева	65
V. ТРАГИЧЕСКАЯ ИДИЛЛІЯ. (Космополитическіе нравы). Романъ Поля Вурже. Переводъ съ французскаго М. Н. Р. <i>Окончаніе</i>	66
VI. ЧЕРНОМОРСКАЯ СИРЕНА. (Повѣсть).—Н. М. Станюковича.	116
VII. НОВЫЕ МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ Н. В. ГОГОЛЯ.	150
VIII. КАЛУЖСКОЕ ГУБЕРНСКОЕ ПО КРЕСТЬЯНСКИМЪ ДѢЛАМЪ ПРИСУТСТВІЕ ПРИ В. А. АРЦИМОВИЧѢ (1861—1863 гг.). <i>Продолженіе</i> .—П. Н. Обнинскаго.	1
IX. ВВЕДЕНІЕ ВЪ ИЗУЧЕНІЕ КВАРТИРНАГО ВОПРОСА. <i>Окончаніе</i> .—В. В. Святловскаго 2-го.	22
X. МАББЕТЪ. Георга Брандеса. Переводъ съ датскаго В. М. С.	38
XI. ГОЛОСЪ ПРОВИНЦІИ ВЪ ВОПРОСѢ О НАРОДНЫХЪ ЧТЕНІЯХЪ.—В. Н. Сторожева	52
XII. ИЗЪ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ ГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Кн. Вахтангъ Вахтанговичъ Орбелиани.—А. А. Хаханова	78
XIII. ШВЕДСКАЯ ВОЙНА 1788—90 гг. (По новымъ даннымъ изъ французскихъ архивовъ).—А. Брикнера	91
XIV. СТОЛИЧНЫЕ КОМИТЕТЫ ГРАМОТНОСТИ.—П. М. Шестакова	106
XV. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—И. И. Иванюкова	125

823282

	<i>Стр.</i>
XVI. ОБЪ ОТВЕРТЫХЪ РЕНТГЕНОМЪ X-ЛУЧАХЪ.—П. Н. Лебедева.	150
XVII. ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ БИОЛОГИИ. (<i>Yves Delage: «La structure du protoplasma et les théories sur l'hérédité et les grands problèmes de la biologie générale»</i>).—М. Г.	159
XVIII. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: XXIV передвижная выставка картинъ.—Выставка типовъ Христа.—Работы А. Д. Кившенко. Ам.	176
XIX. ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ НАБЛЮДЕНІЙ.—О. Т. В.	185
XX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Бумажный рубль, золото и серебро.—(По поводу проекта денежной реформы). А. А. Исаева.—Отъ комитета по присужденію премій при Харьковскомъ университетѣ. Отъ комитета общества вспомошествованія студентамъ С.-Петербургскаго университета	193
XXI. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г.	217
XXII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Публицистика.—Психологія, педагогика.—Исторія литературы, исторія, біографія.—Политическая экономія.—Юридическія книги.—Техническія книги.—Медицина.—Учебники. II. Периодическія изданія: «Русское Богатство», <i>мартъ</i> .—«Русскій Вѣстникъ», <i>апрѣль</i> .—«Вѣстникъ Европы», <i>апрѣль</i> .—«Русское Обозрѣніе», <i>мартъ</i> . III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 апрѣля по 1 мая 1896 г.	203 241 274
XXIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ	274

9 мая Ихъ Императорскія Величества совершили торжественный въѣздъ въ древній московскій Кремль. 14 мая предстоитъ Священное Вѣнчаніе на царство Императора Николая II и Его Августѣйшей Супруги. Издревле установленный обрядъ коронованія царей, исторически смѣнившихся императорами всероссійскими, является не національнымъ только, но и международнымъ торжествомъ. Въ Москву прибыли представители европейскихъ царствующихъ домовъ и всѣхъ европейскихъ государствъ; три могущественнѣйшихъ государства Америки и Азіи представляются чрезвычайными посольствами. Въ блескѣ торжествъ, знаменующихъ Коронацію Императора Николая II, развернется государственная мощь великаго народа, Верховный Вождь котораго вѣнчается на царство. Глубокій миръ возвѣщаетъ это событіе, на благо развитію русскаго народнаго труда, на благо цѣлаго міра.

TO YOU
ABSORBING

ДРАМА ЗА СЦЕНОЙ *).

ХІV.

По условію съ Мякинымъ за освѣщеніе театра не полагалось особой платы только во время спектаклей. По вечерамъ репетицій не дѣлалось. Сегодня утромъ Раменскій сказалъ, что для *Отелло* надо бы воспользоваться свободными двумя вечерами. Тогда же онъ стоворился съ Марьей Николаевной «потолковать о многомъ» вечеромъ. Переваловъ замѣтилъ ему, что лишняя репетиція — лишній расходъ. Раменскій отвѣтилъ, что беретъ расходъ на себя. Ему хотѣлось говорить съ Марьей Николаевной именно вечеромъ и не у нея дома, гдѣ имъ могли мѣшать, а въ театральномъ саду. Онъ даже выбралъ заранѣе скамейку въ самой глухой части сада, куда заведетъ жену.

Когда къ семи часамъ Марья Николаевна пришла въ театръ, Переваловъ опять, какъ и утромъ, подхватилъ ее.

— Вы что-жъ это дѣлаете, голубушка? — сказалъ онъ торопливо. — Хотите зарѣзать насъ? Ручкина рассказываетъ, что вы тоже собираетесь просить Раменскаго остаться и такъ далѣе?

— Да если всѣ находятъ...—начала она, робѣя, какъ всегда, передъ рѣзкостями.

— Что всѣ? Кто всѣ? Вѣдь эти всѣ, голубушка, стадо барановъ! Развѣ они смыслятъ что-нибудь? У нихъ глаза на затылкѣ и такъ далѣе. Спросите Василю Сергѣевича — вотъ вамъ человѣкъ отличный. Онъ вашего Раменскаго въ грошъ не ставитъ.

— Раменскій столько же мой, сколько и вашъ.

— Ужъ не знаю, голубушка. Только когда Василю Сергѣевичъ ужъ мѣ, что вы противъ отъѣзда Раменскаго и такъ далѣе, такъ онъ руками развелъ.

* Русская Мысль, кн. IV.

— А откуда-жь онъ узналъ?

— Не знаю, голубушка, откуда, не знаю.

— А вамъ кто же сказалъ, что онъ руками развелъ?

— Самъ, самъ. Я его встрѣтилъ на улицѣ и такъ далѣе.

— А утромъ зачѣмъ вы у него были?

— Я? Утромъ? — съ удивленіемъ спросилъ Переваловъ, оставиваясь, но сейчасъ же трусливо признаваясь: — Да, утромъ! Я заходилъ къ нему по одному дѣлу и такъ далѣе...

Марья Николаевна почувствовала, какъ у нея дрожали руки и губы.

— Не хорошо, Переваловъ, вотъ что! — сказала она и повернулась отъ него, идя по направленію къ театру.

Онъ догналъ ее.

— Что не хорошо? Что не хорошо, голубушка?

Но Марья Николаевна больше ничего не въ силахъ была сказать и взволнованная вошла на сцену. При актерахъ Переваловъ не рискнулъ допрашивать. Черезъ минуту Марья Николаевна видѣла его худую широкоплечую фигуру со впалой грудью, вертѣвшуюся, какъ ни въ чемъ не бывало, съ плотникомъ Никитой около лодки, которая должна была изображать корабль *Отелло*. Второе дѣйствіе Переваловъ озаглавилъ на черновой афишѣ такъ: «Приморскій городъ на Кипрѣ. Видъ бушующаго моря. Громъ и молнія. Вѣтеръ шумитъ и сердито ходятъ волны. Турецкій флотъ разбитъ. Прибытіе *Отелло* на корабль». Никита досталъ старую, потрескавшуюся лодку, на которой съ обѣихъ сторонъ было написано крупными буквами «Чертовка». Надо было придѣлать паруса и какъ-нибудь замазать это совсѣмъ неподходящее къ случаю названіе корабля.

Въ группѣ актеровъ шли толки все о томъ же, то-есть объ отъѣздѣ Раменскаго. Самъ онъ еще ничего не говорилъ, но оказалось, что Переваловъ, никого не спрашиваясь, уже просилъ Раменскаго объявить *Отелло* его бенефисомъ, конечно, номинальнымъ. Очевидно, онъ про себя уже рѣшилъ, что это будетъ послѣдняя гастроль и собирался сорвать ею съ публики все, что можно было. Раменскій сказалъ, что дастъ отвѣтъ вечеромъ, поэтому афиша была Переваловымъ задержана. Актеры бунтовались, но Переваловъ уговаривалъ ихъ.

Самъ Раменскій, на глаза актеровъ, велъ себя странно. Такъ какъ онъ жилъ съ Аполлошей, то для него не должно было быть тайной все, что говорилось по поводу его отъѣзда. А онъ дѣлалъ видъ, что ничего не знаетъ, говорилъ Аполлошѣ, что, можетъ-быть, уѣдетъ, но товарищамъ объ этомъ не сообщалъ, а въ то же время

Перевалову сказалъ, что вечеромъ дастъ какой-то отвѣтъ. Всѣмъ было ясно, что во всемъ этомъ замѣшана Раменская.

Пришелъ Раменскій. Начали репетицію. Послѣ перваго дѣйствія гастролеръ попросилъ Перевалова пройти всѣ сцены безъ Отелло по его экземпляру, гдѣ были отмѣчены всѣ переходы и вся mise-en-scène. Самъ же подошелъ къ женѣ, взялъ ее подъ руку и вывелъ изъ театра.

— Позвольте мнѣ вашу руку, — сказалъ онъ тономъ, не допуская возраженій.

Въ саду горѣлъ только одинъ фонарь, въ буфетѣ одна лампа, на всякій случай, если актеры потребуютъ чаю или водки «на личные», — въ кредитъ имъ было отказано.

— Куда вы меня ведете? — спросила Марья Николаевна.

— Куда? Подальше отъ людей.

Изъ-за крыши театра выползала луна.

— Вотъ тутъ мы сядемъ чинно и побесѣдуемъ, — сказалъ Раменскій, подводя жену къ намѣченной утробѣ еще скамейкѣ.

Гдѣ-то за театромъ, вѣроятно у воротъ сосѣдняго дома, играли на гармоніи.

— Ну-съ! Вамъ, конечно, уже донесли, что я рѣшилъ прекратить мои неудачныя гастроли въ этой пыльной ямѣ, именуемой городомъ. Мнѣ извѣстно также, что вы выразили Ручкиной согласіе просить меня остаться. Правда это?

— Правда. По-моему, они должны умолять васъ. При васъ они все же что-нибудь да заработаютъ. А если вы уѣдете, то я увѣренъ, что сборы совсѣмъ упадутъ.

— И слава Богу. Господинъ Переваловъ вполне заслужилъ этого.

— Переваловъ не одинъ въ труппѣ.

— Все равно. Скажу вамъ прямо, я отъ всей души презираю всѣхъ этихъ полуграмотныхъ бродягъ, именующихъ себя артистами.

Марья Николаевна иронически усмѣхнулась.

— Это очень странно! Вы сами актеръ и прежде не такъ думали.

— Да-съ, прежде. Когда я еще ихъ недостаточно близко зналъ.

— Скажите лучше: когда я не былъ такъ знаменитъ.

— Полноте, пожалуйста. Вглядитесь въ нихъ хорошенько. За что ихъ любить? Они не актеры, потому что шагу ступить на сценѣ не умѣютъ, двухъ словъ не могутъ сказать грамотно, въ кофеечѣхъ напоминаютъ ряженыхъ приказчиковъ на масляницѣ, для

нихъ Венеція, Кипръ—витайская грамота. Какъ можно заступать за нихъ. За что ихъ любить?

— Любить, можетъ быть, не за что, — но пожалѣть есть за что.

— Ну, это я предоставляю сердобольнымъ сестрамъ милосердія. Если вы промѣняли славную карьеру выдающагося таланта на роль сестры милосердія, то вамъ и книги въ руки. Право, вы меня начинаете бѣсить, — вдругъ возвысилъ онъ голосъ и всплеснулъ руками. — Откуда въ васъ этотъ тонъ, это заступничество? Неужели дружескіе поцѣлуи Ручкиной, «ото гарна дывчина», замѣняютъ вамъ блескъ и славу? Она васъ цѣлуетъ, и вы счастливы? Вѣдь я знаю васъ, ваше лицо. Какая-то Ручкина вызываетъ радость на меня! Я былъ возмущенъ утромъ, при видѣ этого!

— Вѣроятно, это объясняется тѣмъ, что я женщина. Мужчины не умѣютъ жалѣть.

— Вы прежде всего артистка.

— Позвольте, къ чему эти споры? Если васъ хотятъ удержать не только «полуграмотные бродяги», но и «артистка», то вамъ это должно льстить. Чего-жъ вы хотите, не понимаю? Чтобы я радовалась вашему отъѣзду?

Онъ взялъ ее за обѣ руки.

— Я хочу, чтобы вы бросили этихъ оборванцевъ и уѣхали со мной. Я вамъ вчера ясно сказалъ.

— Куда? Зачѣмъ? — улыбаясь, спросила Марья Николаевна, не отнимая рукъ.

— Ахъ, Боже мой! Куда, зачѣмъ, — какіе праздные вопросы. Это ужъ мое дѣло. Слушайте. Я скопилъ себѣ кое-какія средства. Могу быть независимымъ и ѣздить только туда, гдѣ мнѣ будетъ выгодно, гдѣ намъ будетъ хорошо, — онъ подчеркнулъ «намъ». — Если вы боитесь нужды, напрасно! Вы ее больше никогда не узнаете. Плюньте вы на этихъ Переваловыхъ и Ручкиныхъ, пропади они пропадомъ, разорвите контрактъ на зимній сезонъ. Вѣдь передъ вами блестящая жизнь.

Марья Николаевна попыталась освободить руки.

— Пойдите, не вырывайтесь. Выслушайте меня. Дайте сказать все, что накопилось у меня въ груди.

— Да вѣдь вчера вы ужъ все сказали.

Ей становилось неловко больше всего потому, что онъ говорилъ совершенно тѣмъ же тономъ, какъ и игралъ съ нею четыре вечера. Повидимому, эти лунныя пятна на дорожкѣ сада онъ принималъ за освѣщеніе электрическаго солнца, еще на-дняхъ шипѣвшаго на нихъ изъ-за кулисы, когда они играли *Влуждающіе оти*. Даже

лова, которыя онъ произносилъ, были все тѣ же, какія ей такъ много приходилось слышать на сценѣ, изображавшей садъ со скамьей въ лунный вечеръ.

— Нѣтъ, я еще не все сказалъ. Еслибъ я уже передалъ вамъ то, что жжетъ меня, вы бы не были такъ холодны.

Ей пришло въ голову, что опытные актеры должны обяательно дѣствовать на тѣхъ «дамъ изъ общества», за которыми они ухаиваютъ. Дамамъ изъ общества, вѣроятно, очень льститъ, когда нѣ въ будуарѣ «жонъ премье», какъ выразилась сегодня мама, обмывается въ любви такъ, какъ онъ это продѣлываетъ на сценѣ. Будь онъ въ жизни искреннѣе и проще, онъ не имѣлъ бы у нихъ никакого успѣха. Это было бы похоже на обыкновенныя объясненія въ любви всѣхъ жениховъ и мужей.

Но Раменскій актеръ не дурной. Онъ и въ театральной аффекціи умѣетъ быть искреннимъ. А Марья Николаевна еще не настолько удручена опытомъ, чтобы не забыться при первыхъ же искреннихъ звукахъ.

— Я вѣрю, что вы, какъ бы это сказать, немножко угорѣли, — говоритъ она послѣ того, какъ онъ произнесъ цѣлый монологъ, — но именно только угаръ, маленький угаръ въ васъ. Однако, согласитесь сами, Раменскій, не могу-жъ я изъ-за вашей прихоти разбивать всю свою жизнь. Такъ или иначе я устроилась, случайно мы встрѣтились и разойдемся. Можетъ быть, еще когда-нибудь встрѣтимся, вы уже будете не одинъ и очень просто познакомите меня съ «нею». Если она согласится, конечно. А я буду очень рада.

Она мимолетно вспоминаетъ о женахъ того актера, про котораго вчера рассказывалъ Василій Сергѣевичъ, но ей гораздо удобнѣе говорить такъ, чѣмъ проповѣдовать высшую мораль, какъ требовалъ Красавцевъ.

— При тебѣ никакъ «ея» не можетъ быть, — перешелъ Раменскій на «ты», послѣ чего Марья Николаевна тотчасъ же выдержала одну руку, другую онъ успѣлъ удержать. — Прежде я былъ холостъ, не жилъ, увлекался направо и налево. Теперь же я знаю людей, знаю женщинъ и нахожу тебя лучше всѣхъ. Ты мила, грациозна, талантлива, скромна. Иногда я разыгрывалъ дурака и испытывалъ въ женщинѣ страсти, ты мнѣ казалась холодною. Но потомъ я увидѣлъ, что всѣ эти страстныя натуры грубы, рѣзки, шокируютъ художественный вкусъ и артистическое чутье.

Въ эту минуту онъ припоминалъ нѣкоторыхъ изъ своихъ любовницъ и въ немъ еще сильнѣе разгоралось желаніе обладать ею.

Марья Николаевна вырвала и другую руку. Ей стали противны эти признанія. Онъ обнялъ ее и началъ цѣловать.

— Слушайте, Раменскій. Вѣдь это же, право, дерзко. Я начну кричать.

— Кричи. Пусть всё придутъ и увидятъ, что я цѣлую свою жену. При всѣхъ скажу, что люблю тебя. И не смѣешь ты отталкивать меня. Люблю, люблю, буду говорить тебѣ «люблю», пока ты не почувствуешь этого слова.

Онъ снова обхватилъ ее, сжалъ сильными руками и цѣловалъ въ шею и около уха. Она не могла вырваться и только старалась спрятать отъ него лицо.

— Кто же вамъ сказалъ, что я не чувствую этого слова, да только не къ вамъ! — произнесла она съ приступомъ слезъ, упираясь руками въ его грудь.

— А я этого не позволяю, требую, чтобъ ты была моя.

Онъ правою рукой сжималъ ее плечо, хотѣлъ обнять за талию, но въ этотъ мигъ она успѣла выскользнуть и вскочила. Отойдя на два шага и поправляя волосы, она сказала:

— Если вы не перестанете насильничать, я уйду и не скажу съ вами больше ни слова.

— А, дьяволъ! — проговорилъ Раменскій сквозь зубы и топнулъ ногой. — Ну, хорошо, я тебя не трону. Садись.

Марья Николаевна подняла шляпу, упавшую на землю, надѣла ее и снова сѣла на скамейку.

Онъ, дѣйствительно, не переставалъ быть актеромъ. У него былъ готовый шаблонъ на выраженіе всякихъ чувствъ — любви, ревности, обиды, гордости, хвастовства. Съ этимъ шаблономъ онъ такъ сжился, что вносилъ тѣ же приемы и въ жизнь. Марья Николаевна впослѣдствіи поняла, что это же должно и погубить Раменскаго, какъ актера, что, выливши всё чувства въ опредѣленные выраженія, онъ перестанетъ искать новыхъ и станетъ однотоненъ.

На этотъ разъ, однако, онъ былъ такъ же трафаретенъ, какъ и искрененъ. Когда онъ крикнулъ «а, дьяволъ» и топнулъ ногой, она могла бы припомнить, изъ какой роли эта интонація, но онъ былъ взбѣшенъ совершенно искренно. Онъ испытывалъ настоящій приступъ злобы отъ того, что выскользнула изъ рукъ эта гибкая фигура, которою онъ когда-то владелъ и которую утратилъ раньше, чѣмъ успѣлъ пресытиться. Мысль, что на нее имѣетъ право кто-то другой, взвинченное воображеніе въ продолженіе уже нѣсколькихъ дней, самый тонъ разговора, какой онъ взялъ, — все возбуждало его и раздражало.

ХУ.

— Я тебя не трону, — повторил Раменскій, когда Марья Николаевна снова сѣла на скамейку. — Но скажи мнѣ сама, какъ мнѣ дѣйствовать, чтобъ вернуть твое чувство? Что я долженъ дѣлать? Скажи, чтобъ я ждалъ, я буду ждать, буду играть здѣсь десять, двадцать, сколько тебѣ угодно, спектаклей. Даромъ, если нужно. Буду цѣловать ручки у твоей Ручкиной, — извините за каламбуръ, только-жъ ей носить такую фамилію. Буду дружить съ этой скотиной, вашимъ режиссеромъ. Ну, что нужно? Скажи. Маменькѣ поклониться? Готовъ и на это.

— Невозможно, Георгій Васильевичъ, — тихо сказала Марья Николаевна.

— Невозможно? Все - таки, невозможно? Это твое послѣднее слово?

— Послѣднее.

— Маня, родная, подумай. Вѣдь, это же, право, ужасно досадно!

Это было сказано даже просто.

— У меня столько чудесныхъ плановъ. Вѣдь, я три дня только о тебѣ и думаю!

— Невозможно, — повторила она.

— То-есть почему невозможно? Что ты контрактомъ связана?

— Нѣтъ.

— Значить, совсѣмъ, рѣшительно не любишь меня?

Она опять опустила голову.

— Хм... Ну, что-жъ! Такъ и запишемъ!

Онъ всталъ и оправилъ тужурку.

— Стало-быть имѣю честь влаться. Богъ съ вами! Смотрите, однако, чтобы вамъ не пришлось каяться. Отъ души желаю вамъ этого, потому что если вы теперь сами обратитесь ко мнѣ, то — не изыщите — я могу быть и жестокъ. Пожалуйте вашу руку.

Она молча встала и пошла съ нимъ подъ руку.

— Ну-съ, теперь я готовъ побесѣдовать съ господиномъ Перетовымъ. Только врядъ ли онъ останется доволенъ.

— Вы уѣдете? — спросила Марья Николаевна, глядя на облако, закрывшее луну.

— Ну, ужъ это теперь мое дѣло. Надѣюсь, что я совершенно бодрень въ своихъ поступкахъ... А! — вдругъ протянулъ онъ, ватриваясь впередъ. — Вотъ и вашъ... не знаю, какъ назвать... дѣлъ, покровитель, антрепренеръ!...

Марья Николаевна узнала въ темной фигурѣ, прогуливавшейся по саду, Василю Сергѣевича и выдернула руку.

— Фуй, вы боитесь вашего импрессаріо? Какой срамъ!

— Вы говорите глупости, я вовсе не...

Она не кончила, такъ какъ дѣйствительно страшно испугалась. Василій Сергѣевичъ видитъ, какъ она выходитъ съ Раменскимъ изъ темнаго угла сада. Онъ убьетъ ее. Ей захотѣлось бѣжать. Однако, она шла впередъ. Сознаніе, что она не сдѣлала ничего дурнаго, поддерживало ее.

Василій Сергѣевичъ ждалъ ихъ. Съ такимъ лицомъ, вѣроятно, производились тѣ многочисленныя покушенія на убійство, которыя онъ защищалъ на судѣ.

— И вы къ намъ пожаловали? Скучно безъ спектакля? — съ веселымъ окрикомъ подошелъ къ нему Раменскій.

Красавцевъ пожалъ ему руку и, подавая ее потомъ Марьѣ Николаевнѣ, такъ стремительно отдернулъ, точно обжегся.

— Я на минутку. Зашелъ сообщить, что завтра уѣзжаю.

— Вотъ какъ! Надолго?

— Совсѣмъ.

— Значить, я передъ вами неоплатный должникъ. Ужъ извините. Каждое утро репетиція, такъ что до сихъ поръ не успѣлъ зайти къ вамъ поблагодарить за ваше лестное вниманіе ко мнѣ.

— Полноте! Я всегда цѣню талантъ, — сказалъ Василій Сергѣевичъ, самъ не зная, что говорить.

— Сегодня даже надѣлъ сюртукъ, думалъ непремѣнно быть у васъ, — не удалось.

— Я слышалъ, что вы уѣзжаете, то-есть хотѣли ѣхать, но васъ удерживаютъ.

— Какъ, однако, здѣсь быстро плетутъ! — сказалъ Раменскій, обращаясь къ Марьѣ Николаевнѣ. — Бому я говорилъ, что хочу ѣхать? И не думалъ.

— Мнѣ Переваловъ передалъ.

— Да? Ему, видно, хочется меня выжить. Говоря серьезно, я еще самъ не знаю. Правду сказать, опротивѣла мнѣ эта яма! Вотъ сейчасъ идемъ бесѣдовать. Пойдемте, — обратился онъ опять къ Марьѣ Николаевнѣ.

— Виновать, — остановилъ его Красавцевъ. — Могу я васъ попросить на два слова, Марья Николаевна?

— Радон! — Раменскій отстранился. — Мы еще увидимся?

— Врядъ ли. Я сейчасъ уйду.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте пожелать вамъ всего хорошаго. Еще разъ благодарю за вниманіе.

Онъ крѣпко пожалъ Красавцеву руку и, насвистывая, пошелъ въ театру.

Василій Сергѣевичъ ничего не сознавалъ, и все, что говорилъ Гаменскій, летѣло мимо него; онъ не вдумывался въ его слова, да ни о чемъ не думалъ. Онъ помнилъ только одно, что Марья Николаевна вышла съ мужемъ вонъ изъ того темнаго угла. И ему хотѣлось поскорѣе туда, въ тотъ уголъ, точно слова, которыя тамъ прозносились, еще висятъ на деревьяхъ и валяются на землѣ, и онъ ихъ еще можетъ поднять и оцѣнить по достоинству.

— Не скажете ли вы мнѣ, какъ другу, — началъ Василій Сергѣевичъ, испытывая къ ней далеко не дружескія чувства, — о чемъ вы объяснялись такъ долго, да еще въ темномъ концѣ сада? Странное мѣсто для объясненій по поводу роли Дездемоны! — Онъ почему-то ждалъ, что она скажетъ о роли, и предупреждалъ ложь. — Конечно, если по-вашему я не имѣю права, не прибрѣлъ такого права допрашивать васъ, то не отвѣчайте. Я и самъ догадаюсь.

Они шли рядомъ. Его дыханіе прерывалось.

— Извольте, я вамъ отвѣчу, — сказала Марья Николаевна. — Гаменскій уговаривалъ меня сойтись съ нимъ опять и виѣстѣ ѣздить на гастроли.

Красавцевъ стиснулъ зубы.

— Вотъ какъ! Что-жъ это съ нимъ вдругъ случилось? По вашимъ словамъ видно было, что онъ къ вамъ совершенно равнодушенъ. И вдругъ такъ ни съ того, ни съ сего! Удивительно странно! Вѣроятно, онъ игралъ до сихъ поръ молчаливаго рыцаря. А вы сумели заставить рыцаря заговорить. Зачѣмъ же вы лгали? Кажется, я не подалъ повода къ такому обману.

— Я вамъ не лгала, а думала такъ. И вообще вы не смѣете говорить, что я лгунья.

Марья Николаевна почувствовала, что сейчасъ расплачется.

— Вы мнѣ не лгали, а между тѣмъ весь день доказываетъ противное. Вы никогда не ходили на счетку, никогда не отвѣчали такими дерзкими записками, у васъ никогда не бывало вечернихъ репетицій, а сегодня понадобилась. Причемъ виѣсто репетиціи вы проводите съ нимъ время вотъ гдѣ!

Они были уже около скамьи.

— Я прихожу на сцену, — продолжалъ онъ, — въ полной увѣренности найти васъ за дѣломъ, на меня смотрятъ улыбающіяся лица, мнѣ говорятъ: «она съ мужемъ ушла въ садъ», съ мужемъ!

Здѣсь въ публикѣ есть какая-то дама съ сыномъ, — я два раза уже слышалъ, какъ они говорили: должно-быть Раменскіе очень любятъ другъ друга, они такъ сыгрались! Надо мной всё издѣваются. Но я не допущу этого. Напрасно вы думаете.

Онъ потянулъ воротъ сорочки, который душилъ его.

— Повторяю, я ничего не лгала, и вы не смѣете не вѣрить мнѣ, не смѣете!

— Вы никогда не говорили со мной такъ! — вскрикнулъ онъ фальцетомъ.

— Потому что вы никогда не вели себя со мной такъ оскорбительно! Шпіонить, подкупать, это возмутительно!

Онъ остановился.

— Марья Николаевна! Вы затѣвали плохую игру. Васъ... вы... — онъ не зналъ, что бы сказать ужасное. — Васъ Богъ наказаетъ за это!

— Никакой я игры не затѣвала, а не хочу, чтобъ меня оскорбляли.

Она расплакалась и сѣла на скамейку, гдѣ только что была съ Раменскимъ.

— Господи! Какая я несчастная! — проговорила она.

Василій Сергѣевичъ постоялъ на мѣстѣ, потомъ отошелъ. Ему стало полегче, точно ему только и нужно было довести ее до слезъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ онъ услышалъ всхлипыванія Марьи Николаевны.

«Когда женщина плачетъ, она собирается проглотить мужчину», — подумалъ онъ и тутъ же почувствовалъ, что былъ бы радъ, еслибы Марья Николаевна собиралась проглотить именно его.

Онъ вернулся, сѣлъ на скамейку, положилъ возлѣ себя палку, палка скатилась на землю, онъ очень поспѣшно поднялъ ее.

— Мнѣ все-таки не лишнее узнать, на чемъ же вы порѣшили. Уѣзжаете съ Раменскимъ «гастролировать»? — произнесъ онъ съ ироніей, вмѣсто того, чтобъ извиниться въ своемъ поведеніи.

Онъ рѣшительно не хотѣлъ понять ни возмущеннаго тона Марьи Николаевны, ни слезъ. Она ничего не отвѣтила на вопросъ, и молчаніе онъ подчеркнулъ опять по-своему.

— Вы не отвѣчаете. Поздравляю васъ. Счастливой дороги.

Онъ и самъ вовсе не объяснялъ ея молчанія въ пользу Раменскаго, но оно подозрительно. Можно понимать такъ, а можно и совсѣмъ иначе.

Василій Сергѣевичъ досталъ батистовый платокъ и началъ грызть

его углы. Пусть она плачетъ, но пусть скажетъ, какъ далеко зашелъ ихъ новый романъ. Отъ кого-жъ ему узнать? Не спрашивать же скамейку, чему она была свидѣтельницей четверть часа назадъ.

— Вотъ вамъ ваши театральные нравы! — снова заговорилъ онъ. — Наивно было съ моей стороны думать, что женщина, которую я люблю, останется мнѣ вѣрна за кулисами! Теперь, разумеется, послѣ того, что произошло, вамъ больше ничего не остается, какъ вернуться къ мужу. Я васъ своею особой стѣснять не буду.

Все это были хитрости съ расчетомъ на то, что Марья Николаевна сейчасъ встанетъ, наговоритъ дерзостей, но разрушить его подозрѣнія. Онъ потомъ извинится, и все пойдетъ по-хорошему. Или она, еще сильнѣе заплачетъ и воскликнетъ: Господи! Сколько я незаслуженно терпѣю за то, что люблю этого человѣка, т.-е. Василя Сергѣевича!

Но Марья Николаевна не вскочила и не наговорила дерзостей. И не заплакала сильнѣе, — напротивъ, вовсе перестала плакать. Она сидѣла спиной къ нему, и думала: пусть говоритъ что хочетъ! Авось скорѣе кончить.

Тутъ уже неизвѣстность стала такъ мучительна и молчаніе Марьи Николаевны такъ усиливало подозрѣнія, что оставалось пустить въ ходъ самое рѣшительное средство.

Василій Сергѣевичъ быстро подвинулся къ ней и вдругъ сказалъ:

— Если бы вы отвѣтили мнѣ, что между вами и имъ не было ничего обиднаго для меня, то я готовъ предложить вамъ быть моею женой.

«Проглотила!» — сообразилъ онъ тотчасъ же.

Марья Николаевна была такъ далека отъ его предложенія, что не повѣрила, вѣрно ли поняла его.

— Что вы говорите?—спросила она, повернувши къ нему голову и оставляя еще руку на спинкѣ скамейки.

Онъ немного растерялся, вѣроятно, чувствуя, что слишкомъ далеко зашелъ, однако повторилъ:

— Если вы поклянетесь мнѣ, — теперь ужъ онъ будетъ требовать че только отвѣта, но и клятвы, — что между вами и Раменскимъ не было ничего оскорбительнаго для моего самолюбія, то я готовъ хлопотать о разводѣ и жениться. Вы понимаете, что такія слова на вѣтеръ не бросаются, и я ихъ назадъ не возьму, — прибавилъ онъ, чувствуя, что бросилъ слова на вѣтеръ и съ удовольствіемъ взялъ бы ихъ назадъ.

Онъ не потому пожалѣлъ о своей послѣдственности, что не хотѣлъ

бы жениться на Марьѣ Николаевнѣ. Нѣтъ, онъ не разъ уже думалъ объ этомъ. А испугался онъ. Это было слишкомъ ново и неожиданно для него самого. И пока онъ не произносилъ этихъ словъ, онъ видѣлъ въ Марьѣ Николаевнѣ прелестную женщину, изъ которой можетъ выйти отличная жена. А теперь онъ вдругъ вспомнилъ, что она актриса, что она уже принадлежала раньше актеру Раменскому, что у нея есть грубая и простоватая мать, а у него огромный кругъ знакомства, чуть не весь губернской бомондъ, и что вообще это слишкомъ пахнетъ *mésalliance*'омъ. Да и въ какой обстановкѣ сдѣлано предложеніе! Около балагана, принадлежащаго купцу второй гильдіи Мявину!

Однако, кажется, предлагая руку и сердце, онъ вправѣ требовать, наконецъ, разъясненія, что происходило тутъ, на этой сценѣ. Это все же важнѣе всего. Что-жъ она смѣется?

Какъ это глупо! Она не только смѣется, она хохочетъ.

— Марья Николаевна! Вы съ ума сошли! — вскрикнулъ онъ, вскакивая, неловкимъ движеніемъ опять роняя палку и поднимая ее.

Но ея хохотъ переходитъ въ истерику.

— Я принесу вамъ воды. Прикажете?

Она машетъ рукой.

— Нѣтъ, нѣтъ, — удастся ей произнести.

Онъ стоитъ передъ нею и чувствуетъ себя очень смѣшнымъ.

— Это сейчасъ пройдетъ. Я сама не знаю, отчего у меня... Очень ужъ неожиданно... То ревновалъ, какъ Богъ знаетъ кого, то вдругъ...

Она опять засмѣялась, но уже не надолго и тихо, на его любимыхъ, высокихъ ноткахъ.

— Никакъ не ожидалъ, что мое предложеніе такъ развеселитъ васъ, — замѣтилъ Василій Сергѣевичъ обиженно и въ первый разъ мысленно назвалъ ее невоспитанною.

Марья Николаевна встала и взяла его за руку.

— Нѣтъ, не обижайтесь на меня, — сказала она, вытирая слезы другою рукой. — Вы — милый. Теперь я васъ совѣмъ поняла. Пожалуйста, не обижайтесь. Я думала, вы собираетесь убить меня, а вы...

Новый смѣхъ.

— Развѣ вы заслужили, чтобъ я васъ убилъ? — мрачно вставляетъ онъ вопросъ.

Смѣясь, она отрицательно закивала головой.

— Я не къ тому, а вообще. Фу, какъ глупо, въ самомъ дѣлѣ! —

упрекнула она себя за смѣхъ. — Не сердитесь, пожалуйста. Я со-
всѣмъ дурачка. Пойдите отсюда.

Она пошла впередъ, онъ за нею.

Всякаго отвѣта могъ онъ ожидать, но только не такого: радости
и гнѣвъ въ вѣрности или, наоборотъ, смущеннаго признанія, что
она должна возвратиться къ мужу, — а это что? Истерическій хо-
лотъ, и ни слова о самомъ предложеніи.

Марья Николаевна шла, быстро поправляя шляпку и перчатки.

— Куда-жъ мы идемъ? — спросилъ онъ.

— Я на сцену, а вы?

Онъ остановился.

— Не могу-жъ я торчать за кулисами!

— Да, правда, тѣмъ болѣе, что тамъ врядъ ли репетируютъ,
гѣрибѣ — ведутъ переговоры. Лучше уходите.

Около театра стояло двѣ фигуры. Въ темнотѣ нельзя было
разобрать, кто это были.

Замѣтивъ ихъ, Марья Николаевна сказала шепотомъ:

— Уходите, уходите, — и лѣвой рукой быстро пожала ему руку.

Этотъ милый, робкій шепотъ и это пожатіе такъ походили на
первое рѣшительное свиданіе молодыхъ любовниковъ, что въ Ва-
сильѣ Сергѣевичѣ дрогнули веселыя чувства. Это напоминало ему
тѣ минуты, которыя для сорока-двухъ-лѣтняго мужчины кажутся
уже не существующими.

— Я пойду къ Надеждѣ Алексѣевнѣ и буду ждать васъ, — ска-
залъ онъ.

— Хорошо. Только не говорите ничего мамашѣ.

XVI.

Раменскій не засталъ на сценѣ никакой репетиціи. Подходя къ
театру, онъ слышалъ громкій говоръ, но, очевидно, о его прибли-
женіи предупредили, потому что, когда онъ поднимался по лѣстни-
цѣ, всѣ сразу смолкли. Сцена была освѣщена всего тремя лампами,
одною въ правой, другою въ лѣвой кулисахъ и третьею на столѣ
Аполлоши.

— Ну, что-жъ, господа, не репетируете? Скоро девять часовъ.
Переваловъ подошелъ къ нему.

— Георгій Васильевичъ! Какъ же насчетъ завтрашней афиши?
Ты въ дожидаешься изъ типографіи мальчикъ.

— Да! Это насчетъ именного бенефиса? Нѣтъ, Григорій Але-
ксѣевичъ. Я не могу согласиться. Это подорветъ мой настоящій
бенефисъ.

Переваловъ сразу вспыхнулъ.

— А что-жъ мы будемъ дѣлать, если на *Отелло*, какъ вчера на *Безприданницу*, опять будетъ пятьдесятъ рублей?

Раменскій пожалъ плечами, потомъ, прищурившись на него, сказалъ:

— Вамъ собственно что нужно? Говорите на чистоту.

Остальные актеры разошлись по угламъ. Переваловъ и Раменскій стояли около суфлерскаго столика.

— Мнѣ лично ничего не нужно. Я рассчитывалъ, что вы у насъ поднимите сборы...

— А развѣ я не поднялъ?—сказалъ Раменскій, садясь и чуть прибавляя въ лампѣ свѣта.

Переваловъ быстро взялъ отъ кулисы другой стулъ и подсѣлъ къ нему.

— Конечно, подняли, Георгій Васильевичъ, но 50 рублей мы могли бы дѣлать и одни и такъ далѣе.

— Такъ, вѣдь, я съ васъ за это ничего не беру. Словомъ, вы тутъ, милый мой, что-то врете.

— Позвольте, Георгій Васильевичъ, я вамъ не далъ права...

— Ну, бросимъ это,—перебилъ его Раменскій.—Вы на чистоту говорить не желаете. Почему вамъ понадобилось выжить меня, я не знаю, да, откровенно говоря, и не интересуюсь знать...

Переваловъ нѣсколько разъ хотѣлъ перебить его, вскидывалъ руками, вскакивалъ.

— Постойте,—рѣзко и съ пренебреженіемъ остановилъ его Раменскій.—Садитесь и слушайте. Лучше всего для васъ же, если вы будете молчать.—Онъ возвысилъ голосъ, такъ что всѣ актеры уже слушали ихъ.—Если мы начнемъ разбираться въ вашемъ поведеніи со мной со вчерашняго дня, то пятилѣтній ребенокъ обвинить васъ. Но я этого не желаю. Это скучно, да и не идетъ къ дѣлу.

— Хорошо. Я слушаю,—сказалъ Переваловъ.

— Да, слушайте. Мнѣ не въ первый разъ гастролировать. Такихъ неудачъ у меня никогда не было, и вы, какъ опытный человекъ, должны это знать. Но и эта неудача касается только меня одного. Я сошлюсь на всѣхъ.

Первый Аполлоша, а за нимъ и другіе начали подходить.

— У васъ даже такихъ сборовъ не было.

— Конечно, не было, — подхватилъ Аполлоша.

— Не было, не было! — крикнули за нимъ другіе, громче всѣхъ Ручкина.

— Вы ошибаетесь, господа. Два первых дебюта Луцкого... — начала Перевалова. Она прохаживалась по сценѣ, держась отдѣльно отъ всѣхъ.

— Ну, вотъ, я только-что хотѣлъ сказать! — перебилъ ее Переваловъ.

Луцкой отодвинулся въ глубь и спрятался за Холодкова.

— Ну, только два сбора! — крикнулъ Аполлоша.

— Да, вѣдь, еще неизвѣстно, кто вчера поднялъ до пятидесяти: Георгій Васильевичъ или Луцкой, — сказала Бѣлесовъ.

Эту фразу подучилъ его сказать Переваловъ. И хотя она ему была не по душѣ, но режиссеръ намекнулъ, что, съ отъѣздомъ пестрелера, онъ получитъ нѣсколько прекрасныхъ ролей.

— Позвольте, — крикнулъ Раменскій. — Чтобы кончить объ этомъ, я поставлю вопросъ такъ: мое присутствіе уменьшаетъ ли сборы?

Онъ обратился прямо къ Переваловой.

— То-есть, какъ же оно можетъ уменьшать?—сказала она, потерявшись.

— Не можетъ? Ну, и я такъ думаю. А я, если не считать *Гамлета*, не получилъ почти ничего. Значить, объ убыткѣ пока не могло быть и рѣчи. Кто сдѣлалъ вчера сборъ, Луцкой или я, — вопросъ щекотливый и поставленъ глупо. Можете, Бѣлесовъ, распечататься въ полученіи.

— Извольте, — наивно пробормоталъ тотъ.

Многіе засмѣялись.

— Теперь я хочу сказать главное. Стало-быть, уѣхать я могу самъ, когда захочу. Вы могли бы просить меня увеличить цифру расхода или уменьшить мою половину — это другой вопросъ. Но я на это не сойду. Я хочу уѣхать и вотъ единственно о чемъ стоить говорить: какъ играть мой послѣдній спектакль — *Отелло*.

Переваловъ скрылъ вздохъ облегченія, но въ это время поднялась цѣлая буря.

— Этого нельзя. Мы этого не допустимъ. Мы всѣ васъ будемъ просить. Мы тебя просимъ. Если ты уѣдешь, мы пропали. Переваловъ не антрепренеръ нашъ, а представитель. Его нечего слушать. Мы только-что начали дышать. Сборъ съ *Гамлета* пошелъ на покрытие долговъ.

голикъ, за которымъ сидѣли Раменскій и Переваловъ, обступили шесть человѣкъ: Аполлоша, Блючиковъ, Ручкина, Лиманова, Луцкий и Холодковъ. Всѣ они говорили въ одинъ голосъ. Аполлоша, Ручкина и Жаровъ очень кричали. Бѣлесовъ и Луцкой стояли

съ ними же, но молча. Перевалова оставалась въ сторонѣ. На всѣхъ падалъ свѣтъ только отъ лампы на столѣ, такъ какъ другія были заслонены.

Раменскій продолжалъ сидѣть за столикомъ, опустивъ голову и свертывая одинъ уголъ страницы изъ пьесы въ трубочку. Онъ ужъ зналъ твердо, что не останется, но ему надо было уѣхать именно послѣ отчаянныхъ просьбъ остаться. Иначе могла бы пострадать его репутація гастролера.

— Если вы уѣдете, намъ нечего ставить. Какъ бы ни играть лишь бы были сборы. Многие изъ насъ кругомъ задолжали. Не по мирать же намъ съ голода! Мы всё васъ просимъ, всё.

— Всѣ,—закричалъ внезапно Бѣлесовъ,—всѣ и я!

Онъ былъ подхваченъ общимъ настроеніемъ.

Раменскій посмотрѣлъ въ упоръ на Перевалова. Тотъ медленно всталъ и, обойдя толпу, перешелъ къ женѣ.

— Всѣ, всѣ,—кричала больше всѣхъ Ручкина.— Вотъ видите, и Бѣлесовъ, и Луцкой! Какъ же вы можете? Вы за него не думайте, за Луцкого,—кричала она въ самое лицо Раменскаго,—они только конфузятся.

— Я тоже,—покраснѣвъ, перебилъ Луцкой.

— Мама! Мама!—врывалось откуда-то въ общій гвалтъ, но не дѣтскій крикъ никто не обращалъ вниманія.

— Что онъ ерунду говоритъ!—горячился Аполлоша, кивая головой на Перевалова.— Если онъ хочетъ разыгрывать изъ себя антрепренера, такъ пусть платитъ намъ жалованье, да внесетъ сначала залогъ, потому что мы ему не повѣримъ.

— Конечно, не повѣримъ.

— А пока онъ долженъ дѣлать, что мы скажемъ.

— Ма-а-ма!

Переваловъ слышалъ Аполлошу и улыбнулся женѣ: они забыли, что съ Мякинымъ заключалъ условіе онъ, а не товарищество и театръ принадлежить ему.

— Гдѣ Марья Николаевна? Господа! Позовите же Марью Николаевну. Пусть она броситъ на время свои любовные романы,—требовала Ручкина, ни на минуту не умолкая, а потому и не обращая вниманія на крикъ сына.

— Мама! — кричалъ онъ, наконецъ, плача.

Эта маленькая толпа, въ полутьмѣ шумѣвшая и размахивавшая руками, страшно подѣйствовала на сына Ручкиной, который сидѣлъ одинъ въ совершенно темной залѣ. Мать никогда не разставалась съ нимъ. Во время репетицій онъ бѣгалъ по саду, во время

спектаклей крутился за кулисами или ютился гдѣ-нибудь въ партерѣ. Сегодня мать посадила его въ темной залѣ въ первомъ ряду креселъ. Онъ долго смотрѣлъ на сцену, ожидая продолженія репетиции. Потомъ съ любопытствомъ прислушивался къ спору Раменскаго съ Перваловымъ, но когда поднялся шумъ, онъ оглянулся и, не увидѣвъ ничего, кромѣ едва освѣщенныхъ стульевъ, перепугался, перескочилъ барьеръ оркестра и хотѣлъ пролѣзть на сцену, но не могъ. Тогда онъ началъ звать маму. Но Ручкина слишкомъ горячилась. Чѣмъ сильнѣе шумѣли на сценѣ, тѣмъ страшнѣе становилась мальчику, которому казалось, что всѣ сейчасъ же разбѣгутся, и онъ останется одинъ въ этомъ громадномъ темномъ сараѣ.

Всѣ сразу посмотрѣли на него. Раменскій подсочилъ и поднялъ его на руки. Весь дрожа, онъ прижался къ юбкѣ матери и, поднимая къ ней головенку, въ слезахъ, сказалъ:

— Мама! Не кричи такъ, пожалуйста.

— Господа! Блянусь вамъ честью, я пережилъ сейчасъ самыя счастливыя минуты моей жизни, — началъ Раменскій, стоя у столика. — Еслибъ я не былъ мужчиной, я бы заплакалъ. Но выслушайте меня и войдите въ мое положеніе. Я вездѣ получаю за свои гастроли не меньше 50—75 рублей. Надѣюсь, вы мнѣ повѣрите. Не такая минута, чтобы лгать въ кругу такихъ хорошихъ товарищей. Въ другое время я бы привралъ, сказалъ, что получаю больше ста. Десять-одиннадцать гастролей моихъ проходятъ обыкновенно въ двѣ недѣли. Значитъ, за двѣ недѣли я съ бенефисомъ всегда получу около тысячи рублей. Здѣсь же, въ этомъ городишкѣ, для того, чтобы сыграть десять спектаклей, надо прожить четыре недѣли и въ лучшемъ случаѣ получить триста цѣлковыхъ. Войдите и въ мое положеніе, господа. «Гамлетомъ» я покрылъ только дорогу сюда. Я ничего не имѣю противъ того, чтобы заработать еще на дорогу обратно и больше мнѣ не надо, но не заставляйте меня тратить такое огромное количество времени. Позвольте, господа, мнѣ кончить, — поспѣшилъ онъ прервать нѣсколько возгласовъ. — У всякаго свои потребности. Мнѣ, вѣдь, кушать надо такъ же, какъ и вамъ. Если я буду такъ неэкономно распоряжаться сеими временемъ и силами, то меня хватить не надолго. Повѣрите что я не хочу хвастаться, но, вѣдь, всякій понимаетъ, что сыграть за недѣлю Гамлета, Отелло, Фердинанда, Шейлока не все равно, что Полонія, президента.

— Васъ обидѣли, потому вы уѣзжаете! — встала Ручкина.

— Мама, не плачь, — прибавилъ ей сыннишка, понимая, вѣроятно, по ея тону, что она скоро заплачетъ.

— Нѣтъ! Обиду, нанесенную мнѣ, я совершенно игнорирую, да и забылъ уже. Наше дѣло такое, что безъ этого невозможно. У насъ у всѣхъ взвинченные нервы, наши страсти легко обостряются и сталкиваются чаще, чѣмъ у обыкновенныхъ людей. Я былъ бы глупъ и наивенъ, если бы не помнилъ этого. Притомъ же я такъ вознагражденъ товарищескимъ отношеніемъ! На долю другихъ не достается и этого счастья. Итакъ, господа, спасибо вамъ и простите меня. Я долженъ уѣхать.

Актеры уже не шумѣли, но ропотно переговаривались другъ съ другомъ, разсыпаясь по сценѣ.

Раменскій отшелъ отъ суфлерскаго столика и, доставъ платокъ, отиралъ вспотѣвшее и взволнованное лицо. До него долетали отдѣльныя фразы. Онъ слышалъ, какъ вошла Марья Николаевна и какъ Ручкина заговорила съ нею съ особенно сильнымъ акцентомъ южанки:

— Развѣ-жъ это можно, чтобъ главная актриса ничего не говорила! Нашли время заниматься любовными дѣлами!

Сынишка угадалъ: Ручкина уже плакала.

Глядя на нее, плакала и Лиманова, убѣгавшая съ Бѣлесовымъ искать Марью Николаевну.

Аполлоша говорилъ:

— Нѣтъ, господа, прощайте. Я старый воробей. Знаю, чѣмъ это пахнетъ. Обойдетесь и безъ меня. Дадите жалованье, да все впередъ — останусь. Суфлеры нигдѣ не служатъ на маршахъ. Слышишь, Перваловъ? Я тоже уѣзжаю.

Перваловъ, увѣренный, что Раменскаго уже не уговорить, дѣлалъ видъ, что самъ готовъ просить его остаться.

— Развѣ я врагъ самому себѣ и такъ далѣе. Если вы думаете, что надо просить Раменскаго, давайте просить и такъ далѣе.

Но Ручкина такъ крикнула на него, что онъ смолкъ.

— Вы хитрая лиса и больше ничего. Если мы будемъ умирать съ голода, вы за насъ отвѣтите. У васъ гдѣ-то припрятаны деньги, выкупили вещи. А у насъ ничего нѣтъ.

— Мама, не плачь, ради Бога!—говорилъ ей сынишка, дергая ее за рукавъ.

— Я не плачу, голубчикъ, не плачу, хлопецъ,—успокивала она его, отирая слезы рукавомъ ситцеваго лифа.

Марья Николаевна распросила Луцкого, какъ шли переговоры. Онъ подробно рассказалъ, избѣгая, какъ и утромъ, смотрѣть ей въ глаза.

Она пошла впередъ къ Раменскому. Онъ тотчасъ же принялъ предупредительную позу.

— Георгій Васильевичъ!—сказала она:—останьтесь хоть на нѣсколько спектаклей. Вы видите, какъ васъ просятъ.

— Не всякая просьба исполнима. Бажется, вы это сами только что доказали мнѣ.

— Но то ваша прихоть и больше ничего, а здѣсь—существованіе цѣлой труппы.

— Вы будете говорить—прихоть, я буду говорить—серьезное чувство, вѣдь, мы не переспоримъ другъ друга!

— Что-жъ я могу сдѣлать?

— Вы слишкомъ холодно просите...—Онъ заигралъ глазами и ротомъ.

— Что-жъ, мнѣ на колѣни стать?—сказала она, слабо улыбувшись.

— Зачѣмъ же! Дѣло проще: объявите господину Красавцеву, что вы сходитесь съ вашимъ законнымъ мужемъ и такъ далѣе, какъ говорить Переваловъ, и я буду играть здѣсь съ вами, сколько угодно. Больше,—сказалъ онъ, какъ бы предлагая самую большую жертву:—я возьму антрепризу, положу всѣмъ жалованье, вамъ—первой, и объявлю, что это ваше желаніе. Они будутъ молиться на васъ.

Марья Николаевна посмотрѣла на него такъ, какъ будто это предложеніе заставило ее поколебаться.

— Ну, что же?—продолжалъ онъ.—Бажется, дальше мнѣ некуда идти. Я даже готовъ удовлетворить ваше сердобольное чувство. Я уложу въ это дѣло всѣ свои сбереженія. А можетъ быть, иодъ вашею счастливою звѣздой и не потеряю ничего. Ваше согласіе придастъ мнѣ новыя силы и—кто знаетъ?—намъ можетъ повезти даже въ этотъ паршивомъ городишкѣ. А если и прогорю, не страшно. Я знаю, что потомъ вмѣстѣ съ вами я завуюю всѣ провинціальные театры.

Подходя къ мужу, Марья Николаевна не ожидала новыхъ волненій. Она думала, что спокойно исполнить свой долгъ и спокойно выслушаетъ отказъ. Препжній разговоръ уже не повторится. И вдругъ такой неожиданный поворотъ. До сихъ поръ ей не трудно было отказывать мужу, теперь же исключительно отъ нея зависѣло существованіе десяти человекъ. Она могла сдѣлать ихъ счастливыми.

Волненія были тѣмъ сильнѣе, что и Раменскій казался ей уже и такимъ безсердечнымъ, какъ раньше.

— Или вы мнѣ не вѣрите? Скажите только «да», и я сію минуту предложу имъ всѣмъ, вмѣстѣ съ Переваловыми, перейти ко мнѣ на жалованье, конечно, скромное, однако, вдвое, втрое большее, чѣмъ они получали до сихъ поръ, завтра же внесу залогъ и примусь за дѣло. Понятно, я поведу его не по-ихнему и ужъ заставлю учить роли наизусть. «Отелло» уже пойдетъ не такъ, какъ у Перевалова. Мы заработаемъ дружно и весело. Я начинаю вѣрить, что мы будемъ дѣлать сборы! Ну, согласны? Сейчасъ я объявляю имъ. Онъ даже сдѣлалъ шагъ, обернувшись къ сценѣ.

— Пойдите!—съ испугомъ остановила его Марья Николаевна.

— Извольте, стою и жду. Только ужъ тогда кончено. Сейчасъ же вы пишите вашему другу записку подъ мою диктовку, а завтра мы живемъ вмѣстѣ.

Марья Николаевна беспомощно оглянулась на группу актеровъ. Луцкой, точно догадываясь, о чемъ они говорятъ, смотрѣлъ на нее такъ, какъ будто хотѣлъ внушить ей свои мысли. На этотъ разъ, когда ихъ глаза встрѣтились, онъ не отвелъ взгляда. Онъ стоялъ около лампы въ лѣвой кулисѣ, она освѣщала ему лицо, и его черные глаза блестѣли, какъ будто въ нихъ тоже горѣла какая-то лампочка.

Брови Марьи Николаевны около пореносицы поднялись и придали ей лицу выраженіе отчаянной тоски. Оно тотчасъ же сообщилось и Луцкому.

— Вотъ что,—сказала она тихо, не спуская съ него глазъ и какъ бы читая по лицу Луцкого отвѣтъ Раменскому:—у меня есть золотыхъ вещей и брилліантовъ рублей на пятьсотъ. Возьмите ихъ и начните антрепризу.

Ей быстро пришелъ на память ночной кошмаръ. Кажется, она угадала, о чемъ говорили ей блестѣвшіе въ глубинѣ сцены глаза.

— Ну, вы не хотите меня понять и потому бросимъ это,—сказалъ Раменскій отходя. Потомъ сейчасъ же вернулся и прибавилъ:—Не вздумайте, по крайней мѣрѣ, отдавать имъ ваши брилліанты. Безъ меня, или вообще безъ какого-нибудь сноснаго перваго актера, ваши брилліанты все равно пойдутъ прахомъ и никого не спасутъ. Ихъ расхватаютъ Мякины, Переваловы, да парикмахеры. Впрочемъ, я и забылъ про маменьку. Она скорѣе зароетъ ихъ въ землю, чѣмъ отдастъ вамъ для такихъ затѣй.

Онъ еще ближе подошелъ къ ней.

— Ну, не ребенокъ ли вы? Я говорю, что изъ-за любви къ вамъ готовъ пожертвовать всѣмъ, а вы мнѣ предлагаете свои брилліанты!

Она опустила глаза, окончательно рѣшивъ, что даже такая значившая жертва съ его стороны не заставитъ ее отвѣтить на его чувства.

— Итакъ, мы нашъ разговоръ кончили?—спросилъ Раменскій тихо, точно все еще на что-то надѣясь.

Марья Николаевна не отвѣтила.

Раменскій молча отошелъ.

— Ну, господа! Пора намъ и кончать наши переговоры, — сказалъ онъ.

Ручкина подбѣжала къ Марьѣ Николаевнѣ.

— Не остается?—спросила она.

— Нѣтъ, — тихо отвѣтила Марья Николаевна.

— Пропали наши головушки!—взвыла хохлушка.

Оставалось еще условиться насчетъ послѣдняго спектакля, но это уже мало интересовало актеровъ. Переваловъ съ Раменскимъ торговались. Они очень скоро сошлись на слѣдующемъ: послѣдній спектакль *Отелло* объявляется прощальнымъ бенефисомъ Раменскаго; онъ бралъ половину сбора за вычетомъ не пятидесяти, а ста рублей.

XVII.

Было около десяти часовъ, когда актеры гурьбой шли по театральному саду къ выходу. Репетиціи не продолжали. Работать, трудиться, когда у всякаго на душѣ была забота, не хотѣлось никому.

Раменскій ушелъ впередъ одинъ.

«Хоть бы какой-нибудь затрапезный клубъ былъ въ этомъ городѣ, — подумалъ онъ, — не съ кѣмъ даже въ карты поиграть!»

Аполлоша предложилъ ему составить пулъку въ винтъ, но онъ отвѣтилъ:

— Покорно благодарю. Знаю я этотъ винтъ съ товарищами. Чистый проигрышъ. Выиграешь—взять нечего, а проиграешь—плати. Да еще угости чаемъ, водкой и закуской. Бушцовъ бы здѣшнихъ вздуть въ «железную дорогу», это бы я съ удовольствіемъ.

— Переваловъ говорилъ, что въ гостиницѣ остановились три козъника. Пойдемъ туда въ буфетъ, можетъ, познакомимся.

— Нѣтъ, голубчикъ, я играю только въ клубахъ. Въ гостиницѣ какъ разъ на шулеровъ налетишь.

Раменскій любилъ вести большую игру и игралъ очень счастливо. Приѣзжая въ городъ на гастроли, онъ сейчасъ же искалъ случая попасть въ клубъ. Тамъ онъ держалъ себя джентльменомъ, за

ужиномъ пилъ дорогое вино, угощалъ новыхъ знакомыхъ и, въ концѣ-концовъ, бралъ хорошій бенефисъ и хорошо выигрывалъ въ карты. По всѣмъ городамъ у него оставались пріятели, съ которыми онъ скоро сходилъ на «ты» и которые устраивали ему проводы съ шампанскимъ и съ дамами.

Встрѣча съ женой оставила на его душѣ ссадину. Онъ зналъ, что она скоро заживетъ, но для этого ему нужно было поскорѣе вырваться изъ этого омота. Его уже тянуло въ большой городъ съ театральной публикой, съ постоянными посѣтителями перваго ряда и ложъ, съ хорошей гостиницей и ярко освѣщеннымъ послѣ спектакля клубомъ.

Но еще только два дня. Онъ всегда относился къ своимъ занятіямъ аккуратно и добросовѣстно, поэтому рѣшилъ спокойно пережить оставшіеся два дня.

Переваловъ взялъ Аполлошу подъ руку.

— Ты остаешься?—спросилъ Раменскій.

— Я скоро,—отвѣтилъ Аполлоша.

— Можешь не торопиться. Я буду заниматься.

«Пойду домой и буду учить Бина»,—подумалъ онъ.

Онъ еще не игралъ этой роли, но костюмы уже приобрѣлъ и собрался зимой внести Бина въ свой гастрольный репертуаръ.

Переваловъ уговаривалъ Аполлошу «не дѣлать глупостей».

— Вѣдь, ты же бросаешь товарищей безъ суфлера и такъ далѣе.

— Нѣтъ, я старый воробей,—повторилъ Аполлоша, отплеываясь,—знаю, чѣмъ это пахнетъ.

— Чѣмъ же?

— Чѣмъ? Голодомъ — вотъ чѣмъ. Всѣ до одного пойдете пѣшкомъ по шпаламъ, вотъ помяните мое слово,—кричалъ онъ.—Я, батюшка, уже три раза испыталъ это удовольствіе. Будетъ съ меня.

— Буда же ты поѣдешь? И на какія деньги и такъ далѣе?

— Вотъ пристану сейчасъ къ Раменскому, чтобъ онъ взялъ меня съ собой. Мнѣ хоть въ собачьемъ вагонѣ, все равно. Черезъ мѣсяцъ и на дрогахъ не доѣду.

— Такъ онъ тебѣ и дастъ.

— Дастъ. Если съ него теперь не сорвать, такъ другого случая не дождешься.

— Ты оттого такъ и воевалъ за него?

— Я - то оттого, а вотъ ты отчего воевалъ противъ, это самъ чортъ не разберетъ.

— Ну, братецъ, я, можетъ быть, повыгодишь тебя устроился,

— Да какъ, лѣшій?

— Да ужъ тамъ какъ—это мое дѣло. А вотъ что: я тебѣ дѣлать дѣловыхъ аванса дамъ, если не уѣдешь.

— А видалъ ты, какъ лягушки прыгаютъ? Если не видалъ, я тебѣ покажу. Пятьдесятъ объ это мѣсто, — останусь.

— Ну, чортъ съ тобой и такъ далѣе!

— И тебѣ туда же!

На этомъ пріятели и разстались.

Аполлоша зашагалъ догонять Раменскаго, оглашая пустыя улицы сухимъ, чахоточнымъ кашлемъ, а Переваловъ повернулъ назадъ и сразу наскочилъ на Ручкину съ сыномъ и старикомъ-отцомъ.

— Вы хоть бы дѣтину пожалѣли, — крикнула она, — давайте мнѣ сейчасъ хоть рубль.

— Голубушка, да вы же утромъ получили свое и такъ далѣе.

— Что получила? Вы думаете, чтобъ намъ втроемъ жить, достаточно вашихъ грошей. Намъ завтра обѣдать нечего.

— Продали насъ, — сказалъ Жаровъ, подвинувшись къ нему, — такъ хоть въ первые-то дни выручайте. Вѣдь я старый человекъ.

— Да чѣмъ же я васъ продалъ? Онъ самъ рѣшилъ уѣхать и такъ далѣе.

Переваловъ обошелъ группу, и его сутоловатая фигура быстро исчезла въ темнотѣ.

— Ото поганецъ! — обругала его Ручкина.

— Гриша! Уговори его идти къ намъ, — услышалъ Переваловъ голосъ жены.

Прищурившись, какъ будто у него ныла нога, Переваловъ всматривался въ темноту, отыскивая жену.

— Мы здѣсь! — крикнула она, засмѣявшись.

Она стояла съ Луцкимъ подъ руку. Остальные актеры были не далеко отъ нихъ.

Перевалова сегодня все время ухаживала за Луцкимъ. Мужъ старался выдвигать молодого актера на первое мѣсто. Жена знала всѣ его планы. Слѣдующій спектакль послѣ *Отелло* будетъ съ Луцкимъ въ главной роли. Его ниня попадетъ въ красную строку. Этого одного было бы довольно, чтобы опытная актриса ухаживала за нимъ. Она привыкла быть всегда подъ руку съ «первачами». Съ Раменскимъ это не удалось ей, потому что онъ держалъ себя не такъ затуръ гордо.

Но была еще причина, почему Перевалова старалась овладѣть Луцкимъ. Она уже нѣсколько дней замѣчаетъ, что Луцкой смотритъ на бленными глазами на Раменскую.

— Однако, Маруся—это какая-то Аспазія!—сказала она мужу.—Ужъ очень обжорлива. Мало ей Красавцева и Раменскаго, еще Луцкого завлекаетъ въ свои сѣти. Она задумала «отбить» его.

Отъ тѣхъ денегъ, которыя «занялъ» сегодня утромъ Переваловъ у Красавцева, послѣ выкупа вещей кое-что осталось. Съ обычной безшабашностью провинціальныхъ актеровъ, не знающихъ цѣны деньгамъ, несмотря ни на какую нужду, Переваловы, вмѣсто того, чтобъ уплатить хоть часть долга хозяину квартиры, купили кое-какихъ закусокъ и устраивали маленькую вечеринку съ картами. Лиманова, Бѣлесовъ, Блючиковъ и Холодковъ были уже позваны. Луцкой отказывался. Онъ обѣщаль проводить Марью Николаевну до дому и втайнѣ рассчитываль зайти къ ней, если тамъ не будетъ Красавцева.

— Нечего, нечего!—сказаль Переваловъ, похлопывая Луцкого по плечу.—Пойдемъ къ намъ, поболтаемъ и такъ далѣе.

— Можетъ быть, вы уже отозваны? Ахъ, въ такомъ случаѣ, виновата! — съ притворною ревностью сказала Перевалова и выдернула руку.

«И вчера мнѣ то же самое сказали, — подумаль онъ, — но какая разница!»

— Нѣтъ, я не отозванъ. Правда, я обѣщаль проводить Марью Николаевну до дому, но это не далеко. А потомъ мнѣ надо роли учить.

— Глупости! Успѣете.

Но Луцкой рѣшительно отказался. Перевалова надумась.

— Хорошо же!—сказала она,—я вамъ это припомню.

Однако, не переставала кокетничать, такъ какъ еще не теряла надежды «забрать» этого мужичка.

— Ты не думай, что онъ ужъ очень простъ, — сказаль о немъ Переваловъ женѣ, идя съ нею,—это хитрый малый!

Луцкой, дѣйствительно, не былъ такъ наивенъ, какъ казался. Онъ отлично понималь, что имѣеть успѣхъ и что этотъ успѣхъ поднимаетъ его въ глазахъ товарищей. Понималь также и то, что его недавнее прошлое, разрывъ съ семьей, придаетъ ему интересную окраску. Актеровъ онъ уже зналь много и со всѣми умѣль ладить. Но хитрить ему еще не приходилось. Онъ даже не вѣрилъ, что въ этомъ можетъ встрѣтиться надобность. Онъ былъ рѣзко и прямолинейно убѣжденъ, что актеръ съ дарованіемъ, при горячей любви къ сценѣ и большой работѣ, всегда можетъ оставаться честнѣйшимъ и прямымъ человѣкомъ, что во всякой обстановкѣ и при

всѣхъ обстоятельствахъ онъ отъ своей прямоты и честности только выиграетъ, а никогда не проиграетъ.

— Что-жъ, идите, господа! — крикнула Перевалова. — Холодновъ! дайте мнѣ вашу руку.

— Будимъ сегодня! — сказала Бѣлесовъ Блючикову, поправивъ пенснѣ.

Онъ уже легкомысленно забылъ, что происходилъ какой-то споръ, въ которомъ онъ былъ то противъ Раменскаго, то за него. Сейчасъ будутъ карты, анекдоты, болтовня, не будетъ недостатка къ чаю и въ папиросахъ — отъ этой мысли ему было весело, и онъ юношески радовался. Онъ даже легко уступилъ Блючикову мѣсти Лиманову подъ руку. Что же касается роли Бассіо, которую онъ все еще не переписалъ, то онъ уже давно рѣшилъ, что роль хороша только тогда, когда ее играешь, а до спектакля она несколько не лучше всѣхъ тѣхъ учебниковъ, противъ которыхъ онъ ухрился еще мальчигомъ.

— *Votre bras, mademoiselle!* — сказалъ Блючиковъ, комически подставляя руку Лимановой. Она стояла съ Марьей Николаевной.

— Вы не можете безъ кривляній! — сказала она.

— Ампула такое, сударыня.

Нѣкоторое время Луцкой съ Марьей Николаевной шли за всѣми направлявшимися къ Переваловымъ. На углу переулка они простились.

— Я васъ не зову. Васъ, вѣроятно, ждуть, — сказала Перемлова.

— Да. Очень вамъ благодарна.

Компанія актеровъ, уже повеселѣвшая, пошла по переулку, разговаривая очень громко. Всѣ старались поудачиѣе сострить, разсѣшнить и безъ всякаго усилія забыли тѣ заботы, съ которыми полчаса назадъ вышли изъ театра.

— Э! Вы еще не принялись, — съ особеннымъ жаргономъ говорилъ Блючиковъ, ухаживая за Лимановой, — въ томъ-то и прелесть нашей жизни, что мы во всякое время можемъ наплевать на то, что не вкусно. Погодите, привыкнете. Будете такъ же скоро переходить отъ слезъ къ смѣху и обратно, ссориться и черезъ минуту цѣловаться. Мы — одна семья. Намъ нельзя долго дуться другъ на друга. А главное — бросьте вашу мерехлюндію. Пошли на сцену, такъ ужъ со всѣми мамами да бабушками — адью! Должны стать такимъ же цыганомъ, какъ мы. Всѣ эти ваши свѣтскія фигляки, *parlez-vous français, tenez-vous droit* — къ чорту! Никакихъ перестовъ и, выражаясь высокимъ слогомъ, кандаловъ! Оттого у

насъ и душа широкая!... А ваши всё кузены да гранжанристы дядюшки мелко плаваютъ, узко чувствуютъ. По мнѣ хоть бы всю жизнь колбаса да чай, а на всё чужія философіи да разныя тамъ порядочности чихать хочу!...

И Лиманова чувствовала, что если отбросить всё грубыя выраженія Блючикова, то за его словами бьется именно то манящее, увлекающее и засасывающее, ради чего она оставила свою мать и родню, не богатую, но вездѣ уважаемую...

ХІІІ.

Базарная площадь была залита луннымъ свѣтомъ и казалась покоемъ для мертвыхъ.

Марья Николаевна уже увидѣла ярко освѣщенный тротуаръ около своей квартиры отъ лампы изъ оконъ и еще замедлила шаги. Ей бы хотѣлось вотъ такъ подъ руку съ Луцкимъ пойти дальше, выйти на площадь и гулять по ней. Вкругомъ никого. Можетъ быть, тогда они разговорились бы. До сихъ поръ — они уже шли около двадцати минутъ — между ними не было произнесено ни слова изъ того, что ихъ обоеихъ волновало. Оба чувствовали себя стѣсненными и мучились этимъ. Каждая фраза выходила насильственною и прежде, чѣмъ была произнесена, и онъ и она уже заранѣе знали, что не стоить ее произносить, что она не коснется важнаго и интереснаго. Оба испытывали такое чувство, какъ будто имъ запрещено искренно дѣлиться впечатлѣніями дня.

Марья Николаевна, когда еще попросила Луцкого проводить ее, подумала:

«Дорогой непременно спрошу, отчего онъ цѣлый день какъ будто избѣгаетъ смотрѣть на меня».

Потомъ точно такъ же рѣшила спросить, что онъ думалъ, когда смотрѣлъ на нее въ упоръ во время ея разговора съ Раменскимъ и когда его глаза такъ блестяли.

Но первый же вопросъ застылъ у нея на губахъ, какъ только они остались одни. Она какъ бы сразу поняла, что отвѣтъ будетъ сложный, запутанный и важный, что за прошедшую ночь Луцкой передумалъ много и серьезно, и то, что онъ избѣгалъ днемъ встрѣчаться съ нею взглядами, явилось результатомъ этихъ думъ. Онъ стыдился или того, что чувствовалъ самъ, или что подозрѣвалъ въ ней, или и того и другого вмѣстѣ. И вызвано это ничѣмъ инымъ, какъ вчерашними тирадами Красавцева. Луцкому и Марьѣ Николаевнѣ и тогда уже было стыдно. Но она, какъ болѣе легкомыслен-

ная, отдалась сегодня уже другимъ волненіямъ, а на немъ, какъ болѣе глубоко, бесѣда съ Красавцевымъ, вѣроятно, оставила слѣдъ посильнѣе.

И Марья Николаевнѣ стало немножко страшно. Если она за-дастъ вопросъ, онъ можетъ сказать много такого, отъ чего ей бу-детъ больно. Лгать ей онъ ни за что не станетъ. Она должна бу-детъ отвѣчать ему. А отвѣчать—это значить рассказать многое, многое,—все! И она вполне готова къ такой исповѣди, но на это нужно не полчаса времени, а рядъ дней.

Луцкому тоже хотѣлось сказать ей все, что онъ надумалъ по поводу вчерашнихъ тирадъ Красавцева, но этотъ баринъ такъ не нравится ему! Онъ такъ сознательно чувствовалъ, что въ отно-шеніяхъ между Марьей Николаевной и Красавцевымъ есть что-то ложное, оскорбительное, натянутое и ни къ чему не нужное!...

Не задавъ перваго вопроса, Марья Николаевна сразу поняла, что не задастъ и втораго, и третьяго, и десятаго. Все, о чемъ она желала бы поговорить съ Луцкимъ, такъ цѣплялось одно за дру-гое, что нельзя было задѣть одинъ вопросъ, не захвативъ всѣхъ разомъ.

Ей хотѣлось рассказать ему о предложеніи Раменскаго взять антрепризу, хотѣлось подѣлиться впечатлѣніями той минутной борьбы, которую она испытывала. Она никому въ мірѣ не расска-зеть объ этомъ, кромѣ, можетъ быть, матери, а ему рассказала бы. Узнай товарищи о томъ, что она имѣла возможность спасти всѣхъ и не воспользовалась случаемъ,—ее заклевали бы. А Луцкой, на-кѣрное, одобрилъ бы ея рѣшеніе.

Но какъ же онъ можетъ одобрить, если не узнаетъ подробно-стей объ ея отношеніяхъ къ мужу? Для того, чтобъ оправдать ее, мало одного довода, что она холодна къ Раменскому. А къ Красав-цеву она не холодна? Кто другой, а Луцкой понимаетъ, что она не любитъ Красавцева. Вотъ онъ вдругъ и скажетъ ей:

«Я не нахожу вашъ отказъ Раменскому безупречнымъ. Если уже выбирать между этими двумя господами, то за Раменскимъ, во всякомъ случаѣ, то преимущество, что, сходясь съ нимъ, вы спасли бы товарищей отъ риска голодать. Между тѣмъ какъ, оста-ва съ съ Красавцевымъ, вы только эгоистично оберегаете свой во фортъ».

И для того, чтобы предупредить такую незаслуженную обиду, въ сначала посвятить его, Луцкого, во все, что она передумала за эти дни.

Хотѣла она рассказать ему и о кошмарѣ, и о томъ, что Василій

Сергѣевичъ сдѣлалъ ей предложеніе и что она истерически смѣялась при этомъ.

И они прошли весь путь отъ театра, говоря о томъ, какъ рано здѣсь ложатся спать и какъ ярко свѣтитъ луна. Интереснаго только и было, что немного поговорили объ отъѣздѣ Раменскаго. Марья Николаевна, безъ всякой робости, какую испытала бы при Василии Сергѣевичѣ, сказала:

— Мнѣ прямо становится страшно. Въ самомъ дѣлѣ, не пришлось бы плохо, какъ пугаетъ Аполлоша. Я такъ боялась, что Раменскій уѣдетъ—и вотъ!

Луцкой вдумчиво и серьезно замѣтилъ:

— Признаться вамъ, мѣсяць назадъ я бы не боялся за сборы. А теперь... Видите ли, я хорошо знаю нашъ край. Въ эту пору у насъ почти каждый годъ начинаются дожди и какъ зарядятъ, такъ недѣли на три, изо-дня въ день; изо-дня въ день. А вы уже видѣли, что въ дождь къ нашему театру даже придвинуться не откуда, сплошныя лужи. И дожди перестанутъ, а лужи все не высыхаютъ.

— Ахъ, какой ужасъ! И вы думаете, что скоро пойдутъ они, эти противные дожди?

— Думаю,—начнувъ головой и съ грустью произнесъ онъ.— Я еще мальчикомъ всегда слѣдилъ... Чувствуете вы, что вонъ оттуда чуть-чуть тянетъ вѣтерокъ?

Онъ остановилъ Марью Николаевну и указалъ на юго-западъ.

— Да, чувствую,—сказала она, ощутивъ на лицѣ и на груди свѣжую струю воздуха.

Они опять пошли.

— Вотъ такъ тянетъ нѣсколько дней, потомъ начинаютъ набѣгать... нѣтъ, не набѣгать, а медленно, незамѣтно надвигаться облака... Сейчасъ вотъ небо совершенно чистое, нигдѣ ни облачка...

Онъ опять остановилъ Марью Николаевну и вмѣстѣ съ ней оглядѣлъ небосклонъ.

— Видите? Нигдѣ нѣтъ. А дня черезъ два посмотрите, такъ, часовъ въ одиннадцать утра, все небо будетъ въ облакахъ, густыхъ такихъ, бѣлыхъ, точно молочныхъ. Но часамъ къ пяти они расплзутся. И не замѣтите, какъ исчезнутъ. Такъ дня три-четыре, иногда пять. Къ вечеру небо ясное, только вѣтерокъ тянетъ, а днемъ облака и кое-гдѣ далеко погромыхиваетъ. А потомъ разомъ ударить, и пойдутъ дожди. Если бы передъ этимъ поднималась буря, то дождей бы не было... Дай Богъ, чтобъ я ошибся,—прибавилъ онъ,—но я столько разъ наблюдалъ за этимъ!

Къ дому они подходили совсѣмъ молча. Въ нѣсколькихъ шагахъ

отъ куска яркаго свѣта, лежавшаго передъ окнами квартиры, они услыхали голосъ Василю Сергѣевича.

— Одиннадцатый часъ. Не находите ли вы страннымъ, что ея до сихъ нѣтъ?—говорилъ онъ у открытаго окна.

— Да ужъ идетъ она, идетъ, успокойтесь! — сказала Марья Николаевна, приближаясь.

Василій Сергѣевичъ высунулся въ окно.

Марья Николаевна съ Луцкимъ остановились.

— Вы къ намъ не зайдете?—спросила она.

— Нѣтъ, благодарю васъ. Мнѣ надо роли учить.

— Ну, такъ до свиданья! Спасибо, что довели.

Она крѣпко и откровенно пожала ему руку, точно прося, чтобъ онъ понялъ ее и не таилъ въ душѣ противъ нея никакихъ козней. Луцкой отвѣтилъ смущеннымъ и неловкимъ пожатіемъ и такъ быстро пошелъ назадъ, какъ будто боялся, что его вернуть.

Марья Николаевна сразу стало скучно.

XIX.

Отелло сдѣлалъ очень большой сборъ, болѣе двухсотъ рублей. Бронь кресель перваго ряда и трехъ ложъ,—ихъ было въ театрѣ шесть,—всѣ мѣста были проданы.

Переваловъ сказалъ Василю Сергѣевичу:

— Что я вамъ говорилъ, голубчикъ! Самая популярная пьеса въ мірѣ. Нѣтъ такой солдатки, которая не называла бы своего мужа «Отеллой». Всякая лавочница знаетъ, что это самый какой ни на есть ревнивецъ. Только она никогда не видала въ глаза этого зѣбра и такъ далѣе. И теперь прибѣжали посмотрѣть, каковъ онъ изъ себя.

Въ другомъ антрактѣ онъ говорилъ ему, похлопывая по плечу и улыбаясь обычно недоброю улыбкой.

— Дешевенько я вамъ продалъ Раменскаго и такъ далѣе.

— Северно, Лизанька, северно,—шепталъ онъ въ кулисахъ, во время дѣйствія, женѣ.

— Отчего?—спросила она.

Онъ наклонился къ ея уху, а глазами слѣдилъ, не слышитъ ли кто-нибудь.

— Не пойдетъ къ намъ больше публика и такъ далѣе. Раменскій старается, ниѣтъ успѣхъ. Дура-публика и скажетъ, что безъ него не стѣнтъ ходить въ театръ.

— Что же ты хочешь дѣлать?

— Подобью актеровъ уговаривать его, чтобъ остался еще и два, на три спектакля.

— Не останется.

— А тогда падо завтра же просить у Маруси брилліанты. Скажи—всего на недѣльку. Съ перваго же маскарада выкупимъ.

Свои вещи онъ рѣшилъ не только не закладывать больше, если маскарадъ не дастъ сбора, то немедленно отправить ихъ въ Москву. Съ нимъ уже былъ случай, какъ онъ не могъ выкупить вещей въ теченіе двухъ лѣтъ. Рисковать вторично онъ не хотѣлъ.

Аполлоша, въ теченіе всего спектакля, проходя мимо него, говорилъ только:

— Ахъ, ты, устрица!

Актеровъ Аполлоша уговаривалъ бросить дѣло и какъ-нибудь добраться до Москвы искать ангажемента на зиму.

— Мнѣ все равно. Я завтра уѣзжаю. А вамъ не пришлось бы худо. Проторчите тутъ до сентября и только всѣ мѣста провороните.

Раменскій не только везъ его на свой счетъ, но и обѣщалъ устроить на зиму, а до тѣхъ поръ позволилъ жить у него. Аполлоша былъ доволенъ, и его рябое лицо съ большимъ румянцемъ дышало спокойствіемъ.

Перевалову доставалось не отъ одного Аполлоши. Больше всѣхъ его преслѣдовала Ручкина. Для роли Біанки онъ одѣлъ ее въ старый, потрепанный костюмъ Прекрасной Елены, причѣмъ запретили зашивать вырѣзь на ногѣ.

— Что, не дѣлаетъ Раменскій сборовъ?—говорила ему Ручкина.—Только при немъ, голубчикъ, и дышать можно. Еслибъ я знала, что вы такой поганый, никогда бы не поѣхала съ вами.

— Да что вы съ этою устрицей разговариваете!—вставилъ Аполлоша.

— Устрица, да устрица! Ты лучше уговори его остаться и такъ далѣе.

— Ну, нѣтъ, братецъ! Я теперь и уговаривать не стану. Я радъ, что вырвусь отъ васъ.

Раменскій торжествовалъ. Послѣ третьяго дѣйствія, когда ему вызывали особенно шумно, актеры окружили его и возобновили просьбу остаться еще хоть на два спектакля. Переваловъ стоялъ тутъ же.

— Нѣтъ, дорогіе мои,—сказалъ Раменскій.—Бромъ того, что мнѣ надо ѣхать,—признаюсь, и играть съ вами очень тяжело. Извините за откровенность. О дамахъ я ничего не говорю,—прибавилъ онъ, встрѣтившись взглядомъ съ Марьей Николаевной.—Даже

здесь, какъ и вездѣ, добросовѣстно относятся къ дѣлу, но Яго, Басю, Брабанціо... ужъ извините, господа, за правду...—онъ взглянулъ на всѣхъ,—стоило бы повѣсить въ назиданіе потомству.

И, улыбнувшись, онъ ушелъ въ уборную.

Актеры въ смущеніи разошлись.

— Много себя позволяетъ! — пробормоталъ Переваловъ.

— Что же, вѣдь, я игралъ не свою роль! — сказалъ Брабанціо-Ключиковъ.

Столкнувшись съ Надеждой Алексѣевной, Раменскій поцѣловалъ ей руку и сказалъ:

— Прощайте, маменька. Завтра ѣду. Не поминайте лихомъ.

— Прощай. Дай тебѣ Богъ удачи, — отвѣтила она мягко и поцѣловала его въ черный парикъ венеціанскаго мавра.

— Да! — вспомнилъ онъ. — Я хочу дать вамъ одинъ маленькій советъ. — Понизивъ голосъ и прикасаясь къ ея рукѣ своею, заткнутою въ шелковую перчатку коричневаго цвѣта съ болѣе свѣтлою ладонью, онъ заговорилъ: — Хотите дочери добра, такъ послушайте меня.

— Что еще? — уже струхнувъ, спросила Надежда Алексѣевна.

— Припрячьте ея золотыя вещи какъ можно дальше. Дѣла тебѣ здѣсь не будетъ, — это говорю вамъ я, — а эти господа могутъ разжалобить ее, и она, чего добраго, сдѣлаетъ большую глупость.

Такъ какъ Раменскій въ этотъ вечеръ имѣлъ большой успѣхъ, то Надежда Алексѣевна ему вѣрила.

— Ты думаешь, они стибрятъ?

— Она въ послѣднее время стала не въ мѣру жалостлива. Ее легко обставить. Да ужъ вы послушайте меня, потому что спасибо скажете.

Надежда Алексѣевна поймала Красавцева.

— Вотъ что, — сказала она. — Завтра утречкомъ, пока Маруся будетъ еще спать, я принесу къ вамъ ящикъ съ ея цѣнными вещами. Такъ ужъ вы, пожалуйста, захватите съ собой и припрячьте до нашего пріѣзда въ сохранной казнѣ, что ли. А квитанцію приложите или пришлете.

— Что такое? Почему?

— Да кто его знаетъ, долго ли до грѣха! Мы тутъ никого не знаемъ... Ужъ вы, пожалуйста!... Да Маруся-то не сказывайте. Я отъ хоньгу отъ нея.

Лядя въ свободной ложѣ, во время представленія, Надежда Алексѣевна думала о дочери. Она ея не понимала и сердилась.

Помяните, слажено такое большое и важное дѣло, какъ бракъ съ Красавцевымъ, а радости въ ней хоть бы на волосокъ!

Положимъ, дѣло еще затянется, дай Богъ, чтобы до Рождества окончилось. Завтра Красавцевъ и Раменскій уѣзжаютъ вмѣстѣ, въ вагонъ будутъ имѣть первую бесѣду. Можетъ быть, Богъ поможетъ имъ сразу договориться до точки, а можетъ быть только условятся, гдѣ и когда имъ свидѣться для дѣла о разводѣ.

Василій Сергѣевичъ требовалъ отъ невѣсты письма къ мужу. Напишите, говорить, что такъ и такъ, прошу у васъ свободы, такъ какъ мнѣ надо выходить замужъ за почтеннаго человѣка, чтобы не ходили обо мнѣ разные глупые толки.

И онъ былъ правъ. А Маруся сказала, что это письмо глупое, и что если понадобится по дѣлу, такъ она всегда успѣетъ написать мужу впослѣдствіи.

На это Василій Сергѣевичъ резонно замѣтилъ: «Въ какое же положеніе вы ставите меня, если вдругъ Раменскій скажетъ: а по какому праву вы заводите со мной такой неделикатный разговоръ? Какія у васъ доказательства? Я съ женой видѣлся, она мнѣ ничего не говорила!»

Но Маруся стояла на своемъ. Ничего этого, молъ, онъ вамъ не скажетъ, потому что онъ не дуракъ.

Тогда Василій Сергѣевичъ заподозрилъ ее, не скрываетъ ли она отъ него какихъ-нибудь особенныхъ разговоровъ съ мужемъ. На это она отвѣтила очень гордо: «Я рассказала вамъ все и прибавлять мнѣ нечего». И это была правда. Она сообщила жениху и прито, что Раменскій уговаривалъ ее сойтись съ нимъ, и даже про то что онъ насильно поцѣловалъ ее.

Все это мать слышала сама. Одно говорилось при ней, другое она подслушала. Красавцевъ обидѣлся, когда узналъ про поцѣлуй.

«Если васъ оскорбляетъ, — сказала Маруся, — что человѣкъ насильно цѣловалъ меня, такъ берите ваше предложеніе назадъ, и гнѣваться не буду. Ежели же вы мнѣ не вѣрите, такъ и подавно глупо вамъ жениться на мнѣ».

Тихоня, тихоня, а хитрая баба! Знаетъ, чѣмъ держать возмъ себя Василія Сергѣевича. Висни - ва ему на шею, онъ вотъ какъ задралъ бы носъ! А она все это съ такимъ видомъ, какъ будто ей рѣшительно все равно.

Только вотъ бѣда, что ей, кажется, и впрямь все равно. Съ того самаго вечера она такая скучная, какую Надежда Алексѣевна давно уже и не видала ее. Охъ, хочетъ ли она этого брака? Не похоже что-то.

И согласіе-то она дала такъ, какъ будто и не давала его вовсе. Надо сказать правду, есть у нея въ характерѣ лукавая сторона—отмалчиваться.

Вотъ это, наприимѣръ:

«Я не хочу требовать, чтобы вы совсѣмъ бросили сцену,—сказалъ ей Василій Сергѣевичъ,—это ваша...—какъ онъ выразился-то?—это ваша естественная потребность. Но служить, какъ вы служили до сихъ поръ, не могу вамъ позволить...»

Тутъ Маруся посмотрѣла на него такъ, словно испугалась, что онъ ее прибьетъ.

Онъ прибавилъ: «Это мое условіе»,—и подождать, не скажетъ ли она что-нибудь. Но не дождался и продолжалъ такъ:

«Вы ни въ чемъ не будете нуждаться и, стало-быть, можете играть только такія роли, которыя вамъ по-душѣ. Будете играть рѣдко, съ кѣмъ пожелаете».

Вѣдь, надо же бы ей отвѣтить, согласна она на это условіе или нѣтъ. А она ни словечка. Сидитъ и крутитъ въ рукахъ роль Дездемоны, да смотреть въ окошко.

Потомъ ужъ сама Надежда Алексѣевна спросила ее: «Ты что же молчала про службу? Бросишь сцену или будешь по-прежнему?»

«Ахъ, мама, не мѣшайте мнѣ роль учить!»

Ну, мать переждала, пока она бросила роль, и опять спросила про то же.

«То-есть какъ вы умѣете приставать, мама! У васъ талантъ, право!»

Вотъ и всѣ ея отвѣты.

Но было у матери еще одно наблюденіе, настолько щепетильное, что она даже сама съ собой избѣгала задумываться надъ нимъ.

Въ антрактѣ передъ послѣднимъ дѣйствіемъ *Отелло* Марья Николаевна, стоя съ Красавцевымъ въ кулисахъ, сказала матери:

— Ну, мама! Переваловъ совсѣмъ съ ума сошелъ. Сейчасъ прислалъ три громаднхъ роли, изъ нихъ двѣ новыхъ. Когда только я успѣю учить. Придется сегодня всю ночь читать.

Надежда Алексѣевна старалась не смотрѣть на Василю Сергѣевича, но по тому, какъ онъ сначала помолчалъ и какимъ голосомъ заговорилъ потомъ, догадалась, что онъ злится.

— А какія пьесы предполагаются? — спросилъ онъ.

— *Соттитъ да не грѣетъ*,— назвала Марья Николаевна и сейчасъ же въ полголоса прибавила: — Мама! Лизавета Ивановна будетъ играть Ренеу, эту плѣнительницу! — и Марья Николаевна

тихо засмѣялась на своихъ высокихъ ноткахъ. — Не поздравляй Луцкого!

— Ну-съ, а еще? — Брасавцевъ только криво улыбнулся ей смѣхъ.

— Потому *Ванька-ключникъ* и потому *Бѣшенныя деньги*. ни той, ни другой не играла. Всѣ пьесы для Луцкого, мама. Во повезло ему!

«Неужто и я, — думала Надежда Алексѣевна, — была въ молодости такая хитрюля? Хочеть избавиться отъ нѣжностей переотвѣдомъ, сваливаетъ на то, что много ролей, а еще смѣетъ такъ искренно. Вотъ она, актриса-то, и видна! А этотъ болванъ, — потому что всѣ мужчины болваны, — и понимаетъ, въ чемъ дѣло, но изъ самолюбія вида не показываетъ. Да, пожалуй, готовъ и повѣрить, что Маруся бы и рада всею душой нѣжности разводить, роли мѣшаютъ! Охъ-охъ-охъ! Не бывать этой свадьбѣ!» — закончила она размышленія, отходя.

— По крайней мѣрѣ, у васъ найдется время поужинать со мной? — спросилъ Василиій Сергѣевичъ, стараясь улыбкой прикрыть поднявшуюся на душѣ муть.

— Да, конечно. Вѣдь, вы завтра уѣзжаете. А въ которомъ часу?

— Часовъ въ двѣнадцать, должно быть.

— Значить, придете къ намъ кофе пить. Сегодня я съ вами не долго посижу. Первый часъ, а мы еще не начинали пятого дѣйствія. Ночью прочту «Ваньку ключника». Я совсѣмъ не знаю пьесы. Вы не помните?

Брасавцевъ злился. Она рѣшительно хотѣла выскользнуть отъ него сегодня. Но вдругъ, ласково улыгнувшись, сказала:

— А Отелло сегодня сильно ревнуетъ Дездемону!

Опять онъ испыталъ то же чувство, какъ и въ саду, послѣ объясненія, когда она быстро пожала ему руку. Есть въ ней что-то необыкновенно привлекательное! Вотъ эта улыбка сейчасъ: она молодила его и быстро приближала къ ней. И сколько непринужденнаго кокетства въ этой фразѣ, — тонко сказать, что Раменскій ревнуетъ ее къ нему!

— Съ этимъ ревнивымъ Отелло завтра въ купѣ перваго класса мы будемъ объясняться о Дездемонѣ. Я не дамъ разыграться пятому акту, — сказалъ онъ, повеселѣвъ, впадая въ любимый имъ тонъ.

«Рѣшительно, я рожденъ быть любовникомъ, а не мужемъ, — думалъ онъ, сидя въ первомъ ряду: — какъ мнѣ легко и пріятно поддерживать съ нею тонъ челоуѣка влюбленнаго, всегда готоваго предложить руку и сердце, но твердо увѣреннаго, что этого никогда

Вам понадобится. Тогда я веселъ, остроуменъ, щедръ, благороденъ, съ полнымъ смысломъ слова джентльменъ! И такимъ она меня всегда знала.

«А какъ женихъ, я чувствую, что въ этомъ положеніи глущъ, альшивъ, бьюсь какъ рыба, выброшенная на песокъ».

Ему даже неприятно было вспоминать тѣ свиданія, въ которыхъ онъ велъ себя женихомъ съ Марьей Николаевной.

— Итакъ, вы теперь будете совсѣмъ моя, нераздѣльно! — говорилъ онъ съ пафосомъ и самъ чувствовалъ, что пафосъ этотъ — плохого актера, и что было бы гораздо лучше, еслибъ она была «совсѣмъ его, нераздѣльно», безъ брака.

— Вы не раскаетесь, что выйдете за меня замужъ?

— Больше раскаиваются мужья, — отвѣтила Марья Николаевна.

— О! — воскликнулъ онъ. Одно это «о» чего стоитъ! — О, только не съ такой женушкой. — И «женушкой» глупо.

Онъ не находилъ ни тона, ни словъ. Онъ чувствовалъ, что впасть во лжи, и не могъ выкарабкаться.

«И за какимъ чортомъ полѣзъ я на эту галеру!» — думалъ онъ во время пятаго акта «Отелло».

И какъ это случилось? Что было поводомъ? Ревность, глупѣйшая, идиотская ревность. Отелло она довела до возмутительнаго убійства, а его до смѣшной женитьбы. Да, смѣшной, потому что если Отелло не возбуждаетъ симпатій, — Красавцевъ никогда не любилъ этой пьесы, — то какъ же можетъ быть симпатиченъ онъ, попавшій изъ ревности въ женихи?

Женихъ... Сколько въ этомъ словъ пошлости! Хорошо еще, что для женитьбы надо сначала развести невѣсту съ ея мужемъ. Все-таки, это оригинальнѣе.

Но какъ же онъ ревновалъ? Что это было за чувство? Неужели ревновалъ вотъ къ этому Раменскому, съ которымъ Марья Николаевна говоритъ такъ просто?

Вотъ она сказала «Мои грѣхи — любовь моя къ тебѣ!»

Ну, что-жъ изъ того? Ну, сказала. И повидимому она, дѣйствительно, сильно любить своего Отелло. Однако, Василий Сергѣевичъ не испытываетъ ни малѣйшаго проблеска ревности. И для этого спокойствія надо было сдѣлать предложеніе?

Какъ ни странно, а Василий Сергѣевичъ рѣшительно не могъ припомнить во всѣхъ фазахъ то, что переживалъ на этомъ же креслѣ, всего три дня назадъ, во время представленія «Безприданницы». А когда вспоминалъ, что думалъ о Марьѣ Николаевнѣ и

Раменскомъ всякій вздоръ, то недоумѣвалъ, какъ ни одно соображеніе не явилось на помощь и не удержало его отъ цѣлага ряда глупостей!

Второй день уже вертится въ немъ хитрая мысль: какъ вернуть прежнее положеніе? Разстаться съ Раменской? Ни за что! Хоть его и никто не гналъ въ шею, все же лучше жениться.

А вдругъ, на его счастье, самъ Раменскій ни за что не дастъ развода?

Но даже при такомъ благополучіи, — Красавцевъ понималъ, — прежнія отношенія невозможны. Онъ не будетъ болѣе ловкимъ, остроумнымъ и элегантнымъ любовникомъ, потому что она не увидитъ уже въ немъ ни ловкости, ни остроумія, ни элегантности. Ей всегда будетъ мѣшать то новое, скучное и отталкивающее, что она успѣла замѣтить въ немъ въ послѣднее время. Изъ-за глупой ревности онъ сталъ слишкомъ откровененъ, рассчитывая, что обнаружитъ передъ нею новыя красивыя стороны своей души. Потомъ спохватился, но уже поздно.

Самъ виноватъ. Надо помнить, что не всякій мужчина одинаково красивъ и во фракѣ, и въ ночной сорочкѣ. Ему идетъ только фракъ.

Вл. Неириновичъ-Данченко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛЮБОВЬ ЭРИКЕСА.

(Разсказъ Бретъ-Гарта).

Въ одномъ изъ своихъ разсказовъ, гдѣ шла рѣчь о подвигахъ нѣкоего калифорнскаго мустанга, названнаго Чу-Чу, я упоминалъ о доблестяхъ Эрикеса Сальтилло, помогавшаго мнѣ при выѣздѣ лошади и приходившагоса роднымъ братомъ Консуэлъ Сальтилло, которой я принесъ въ даръ и мустанга, и свою юношескую любовь. При этомъ считаю вѣскимъ доказательствомъ преимуществва дружбы между мужчинами надъ тѣмъ же чувствомъ у женщинъ то, что послѣдовавшая затѣмъ измѣна мустанга и молодой дѣвушки ни мало не повліяли на искренность нашихъ отношеній. Въ нѣкотораго рода недовѣрчивому удивленію передъ тѣмъ, что я могъ найти достойнаго поклоненія въ его сестрѣ, у него примѣнявалось снисходительно-скептическое отношеніе къ женщинамъ вообще. Это чувство онъ выражалъ съ тѣй удивительною смѣсью чисто-испанской точности опредѣленія и калифорнскаго жаргона, которая служила отличительнымъ признакомъ его рѣчи. «Что касается женщинъ и ихъ маленькихъ хитростей, — говорилъ онъ мнѣ часто, — вашъ старый пріятель Эри на это не попадетъ. Нѣтъ, онъ всегда останется въ сторонкѣ, какъ только на сцену выступитъ любовь. А почему? Вотъ видите ли! Съ лошадью вы всегда можете сказать напередъ, что, могъ, на такомъ-то препятствіи она закинется, такое-то — обойдетъ, тутъ — не дойдетъ въ-время, тамъ — дойдетъ раньше времени. А съ женщиной — не тутъ-то было. Вы говорите: «она обойдетъ кругомъ», — нѣтъ, она идетъ прямо или остановится ранѣе, когда ожидаешь, что она закинется или сама дойдетъ до цѣли, а васъ броситъ по дорогѣ. И все-то вы въ дуракахъ. И всегда такъ. Мой отецъ и дядя оба ухаживали за моею матерью, когда она была еще молоденькою дѣвушкой. Отцу показалось, что она отдаетъ предпочтеніе его брату. По-

этому онъ приходитъ къ ней и говоритъ: «Довольно, не беспокойтесь, я сумѣю ступеваться! Можетъ быть, и приведетъ еще когда-нибудь судьба свидѣться». И что же бы вы думали она сдѣлала? Тутъ же вышла за него замужъ, немедленно. О, эти женщины! Вѣрьте мнѣ, Панхо, съ ними никогда не знаешь, что выйдетъ. Даже не знаешь, будешь ли, по милости ихъ, сыномъ своего отца, или его племянникомъ».

Я нарочно привожу въ началѣ разсказа эту характеризующую Эрикеса рѣчь, чтобы показать, какого рода убѣжденія имъ руководили. Однако, при всемъ томъ, въ манерѣ его держать себя съ тою половиной рода человѣческаго, противъ которой онъ такъ добродушно предостерегалъ, не было ничего похожего на робость или осторожность. Напротивъ, въ сношеніяхъ съ женщинами онъ отличался любезностью и общительностью. Танцевалъ онъ отлично: въ фандаго ловкость и смѣлость при исполненіи фигуръ дѣлали его завиднымъ кавалеромъ, а всѣмъ извѣстныя убѣжденія его должны были, по всему вѣроятію, служить ему оплотомъ противъ мученій ревности, сердечной тоски или зависти. Особенно живо представляется онъ мнѣ въ одномъ танцѣ, носившемъ названіе сембикуакуа и оставлявшемъ настолько же широкое поле дѣятельности изобрѣтательности танцюющихъ, насколько узкое—воображенію зрителей. Видную роль играетъ здѣсь пестрый платокъ: имъ машутъ попеременно кавалеръ и дама, и онъ долженъ служить имъ орудіемъ для выраженія душевнаго состоянія ихъ, въ которомъ должны чередоваться постепенно восхищеніе и равнодушіе, робость и смѣлость, страхъ и сознаніе побѣды, застѣнчивость и кокетство. Нечего и говорить, что пантомима Эрикеса представляла изъ себя въ этомъ случаѣ нѣчто невѣроятное, но какъ исполненіе ея, такъ и отношеніе къ ней со стороны его дамы отличались серьезностью, составляющею непремѣнное условіе танца. Порой изъ груди его вырывались вздохи, долженствовавшіе изобразить начальные приступы страсти, порой—хрипъ при намекѣ на существованіе соперника; то охватывало его нѣчто вродѣ Виттовой пляски отъ робости при первомъ объясненіи въ любви, то трясла лихорадка отъ гнѣвнаго взгляда, брошеннаго на него предметомъ его страсти, или одинъ знакъ увлеченія съ ея стороны повергалъ его въ буйное помѣшательство. Все это Эрикесь продѣлывалъ вполне удовлетворительно. Но въ этотъ памятный вечеръ онъ всѣмъ намъ устроилъ сюрпризъ, начавши фигуру съ четырьмя платками, вмѣсто одного. Подпрыгивая, вертясь и кружась, онъ неистово махалъ надъ головой платками, и они развѣвались по воздуху подобно шарфу балерины. Въ заключеніе,

дойдя до окончанія фигуры, когда побѣжденная и очарованная красавица должна упасть въ объятія кавалера, онъ, не задумываясь, прижалъ къ сердцу своему заразъ четырехъ изъ танцовавшихъ фанданго дамъ. При этомъ онъ не выказалъ никакого излишняго самодовольства по поводу восторговъ зрителей и очевиднаго успѣха своего у красавицъ. «Право, не стоить обращать на нихъ вниманія,— сказалъ онъ спокойно, дѣлая себѣ папирску, прислонясь спиной къ выходной двери.— Миѣ только придется угощать ихъ шоколадомъ или виномъ, или же устроить съ ними прогулку по верандѣ при лунѣ. Всегда такъ бываетъ. А то, можетъ быть,— прибавилъ онъ, обращаясь ко миѣ, очевидно, подъ вліяніемъ какой-то внезапной вспышки рыцарскаго самоотверженія,—вы не захотите ли занять мое мѣсто? Въ такомъ случаѣ, охотно уступаю ихъ вамъ, а самъ исчезну, скроюсь изъ глазъ и больше не покажусь вамъ». Думаю, что онъ привелъ бы въ исполненіе этотъ оригинальный планъ, и я бы очутился съ четырьмя дамами цыганскаго типа на рукахъ, еслибъ въ эту минуту толпа, разступившись, не выдвинула на первый планъ одну изъ зрительницъ—высокую и стройную молодую дѣвушку. Она пристальнымъ и критическимъ взглядомъ разсматривала всю группу сквозь лорнетъ въ золотой оправѣ. Пораженный ея появленіемъ, я въ смущеніи и ужасѣ смотрѣлъ на нее. Это была не кто иная, какъ миссъ Уранія Маннерслей, племянница главнаго пастора и недавняя гостыя въ нашемъ маленькомъ городѣ.

Быль ли хоть одинъ человѣкъ во всемъ нашемъ Эпсинальскомъ округѣ, который бы не зналъ Рейни Маннерслей. Она была предметомъ зависти и подражанія для всѣхъ дочерей юго-западныхъ и восточныхъ эмигрантовъ, поселившихся въ нашей долинѣ. Ея умъ нее держать себя, критическій взглядъ на вещи, безупречность и наблюдательность вошли въ пословицу. Она держалась скромно, но самостоятельно, получила прекрасное образованіе,—ее подозрѣвали даже въ томъ, будто она знаетъ латынь и греческій языкъ,—и даже выговоръ ея отличался особенною правильностью. Вы бы никогда не услышали изъ ея устъ тѣхъ безчисленныхъ провинциализмовъ и сокращеній, которыми такъ изобилуетъ американскій языкъ, особенно въ провинціи. Одною точностью ботанической классификаціи и номенлатуры она могла бы иссушить любой скромный букетикъ полевыхъ цвѣтовъ въ рукахъ своихъ здѣшнихъ, менѣе ея ученыхъ подругъ. Она приводила наизусть выдержки изъ Броунинга и Теннисона, и въ самомъ дѣлѣ, чего добраго, читала ихъ цѣликомъ. Она была родомъ изъ Бостона. И какъ только она могла попасть сюда и зачѣмъ, въ толпу зрителей свободнаго фанданго?

Даже не зная здѣсь никто, что она такое, одного ея вѣшняго вида было бы достаточно, чтобы привлечь всеобщее вниманіе. Ея гладкое свѣтло-сѣрое платье и шляпа сами по себѣ бросались въ глаза среди ярко-красныхъ, черныхъ и желтыхъ нарядовъ танцующихъ, да и къ тому же вся фигура дѣвушки какъ бы находилась въ молчаливомъ противорѣчій съ фономъ кричащей пестроты, на которомъ она выдѣлялась. Ея тоненькая, прямая талія и плоская спина еще больше выставляли на видъ неуклюжую полноту мексиканокъ, а длинныя, узкія, щегольски обутыя ножки, выглядывавшія изъ-подъ коротенькой накрахмаленной юбки, заставляли казаться еще болѣе неуклюжими ихъ тяжелые, широкіе башмаки съ квадратными носами и толстыми каблуками. Замѣтивъ, что она осталась одна на переднемъ планѣ, дѣвушка, — безъ малѣйшаго смущенія или робости, — подалась немного назадъ и оглянулась, какъ бы отыскивая затерявшагося въ толпѣ спутника. Въ эту минуту взглядъ ея случайно встрѣтился съ моимъ. Она мило улыбнулась, показывая этимъ, что узнала меня, и затѣмъ глаза ея съ любопытствомъ устремились на Энрикеса, все еще продолжавшаго стоять рядомъ со мной. Я счелъ своимъ долгомъ, прервавъ разговоръ, немедленно подойти къ ней, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ присутствующихъ, показалось мнѣ, принялись уже совсѣмъ безъ стѣсненія разглядывать ее.

— Это—одно изъ самыхъ любопытныхъ зрѣлищъ, какія приходится видѣть, не правда ли?—спокойно сказала она, и вслѣдъ затѣмъ, замѣтивъ выраженіе смущенія на моемъ лицѣ, прибавила, очевидно, болѣе для того, чтобы поддержать разговоръ: — Мы только что разошлись съ дядей. Онъ зашелъ тутъ по сосѣдству навѣстить одного изъ своихъ прихожанъ, а я собралась было идти домой съ Юкастой, — (это была креолка, служанка пастора), — но услышала музыку и зашла сюда. Не знаю, куда она дѣвалась, — и она еще разъ оглянулась кругомъ. — Съ нею что-то необыкновенное сдѣлалось, когда она увидела вонъ того человѣка съ платками. Вы съ нимъ разговаривали сейчасъ. Скажите, пожалуйста, что онъ—настоящій человѣкъ, какъ слѣдуетъ быть?

— Думаю, что въ этомъ довольно трудно усомниться, — отвѣчалъ я, смѣясь.

— Нѣтъ, я не совсѣмъ такъ выразилась, — возразила она спокойно. — Я хотѣла спросить, въ умѣ ли онъ? И продѣлываетъ ли онъ все это изъ любви къ искусству, или за плату?

Это было уже слишкомъ. Я тутъ же объяснилъ ей, что Энрикесъ принадлежит по рожденію къ одной изъ древнѣйшихъ ка-

стильских фамилий, что въ этой національной цыганской пляскѣ онъ присоединился только изъ чувства патриотизма и гостеприимства и что онъ — мой лучший другъ. Въ душѣ я при этомъ, разумеется, жалѣлъ, зачѣмъ она видѣла его танцующимъ именно въ этотъ разъ.

— Но быть не можетъ, чтобъ все, что онъ предѣлывалъ, требовалось по правиламъ танца, — сказала она. — Ни за что не повѣрю это, несомнѣнно, его собственное изобрѣтеніе.

Я призадумался: что возразить на очевидную справедливость этого предположенія.

— Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ онъ протанцевалъ еще разъ, — продолжала она. — Какъ вы думаете, можно его заставить?

— Пожалуй, онъ согласится, если вы попросите его, — отвѣчалъ я не безъ лукаваго умысла.

— Нѣтъ, это неудобно, — спокойно возразила она. — Но, все равно, онъ, кажется, и самъ собирается повторить. Или, можетъ быть, что-нибудь новое будетъ. Смотрите!

Я взглянулъ и къ ужасу своему увидалъ, что Энрикесь, вѣроятно, подъ вліяніемъ направденнаго на него сквозь лорнетъ взора миссъ Маннерслей, снялъ куртку и живописно обматывалъ кругомъ тѣла четыре связанныхъ вмѣстѣ платка, очевидно, приготавливаясь къ новому предствленію. Я попытался украдкой подать ему знакъ, чтобъ онъ пересталъ, но все было напрасно.

— Онъ уморителевъ, — сказала миссъ Маннерслей не безъ нѣкотораго, однако, оттѣнка радостнаго ожиданія въ голосѣ. — Я никогда ничего подобнаго не видала, и не повѣрила бы, еслибъ мнѣ кто-нибудь сказалъ, что существуетъ такой человекъ.

Даже въ томъ случаѣ, еслибъ мои сигналы привели къ чему-нибудь, не думаю, чтобъ они могли поправить дѣло.

Выхвативъ гитару у одного изъ музыкантовъ, Энрикесь взялъ нѣсколько аккордовъ и затѣмъ, плавно раскачиваясь въ тактъ музыки, выступилъ на середину комнаты и запѣлъ тоненькимъ испанскимъ теноркомъ цыганскую пѣсню, аккомпанируя себя на инструментѣ. Въ число лингвистическихъ познаній миссъ Маннерслей два ли входило знакомство съ кастильскимъ нарѣчіемъ, но она не могла не понять, что жесты и выразительная пантомима пѣвца были обращены исключительно къ ней. Все тутъ было: и страстные вѣренія, что она любимая дочь Пресвятой Дѣвы, что очи ея сияютъ, какъ большія свѣчи въ соборномъ паникадилѣ, и упреки въ томъ, что она украла его сердце и погубила душу, и проч., и проч. Въ заключеніе онъ робкими шагами приблизился къ ней, сдѣлавъ

жестъ, будто бросаетъ къ ногамъ ея воображаемую мантию, сбѣламъ неподражаемый прыжокъ и, взявъ на гитарѣ послѣдній жалобный аккордъ, сталъ на одно колѣно и, приложивъ губы къ лепесткамъ розы, бросилъ ее къ ногамъ красавицы.

Если я раньше сердился на него за его дикую и нелѣпую выходку, мнѣ теперь стало жаль его, съ такимъ равнодушнымъ непониманіемъ отнеслась къ ней молодая дѣвушка, замѣтившая въ ней только, повидимому, смѣшную сторону. Раздались громкія рукоплесканія и одобрительные возгласы со стороны участниковъ въ танцахъ и зрителей, а ея тонкія, алые губки сложились въ едва замѣтную, полунедовѣрчивую усмѣшку. И въ послѣдовавшей зтѣмъ тишинѣ, лишь только взволнованный Энрикесъ отошелъ въ сторону, она проговорила, на половину про себя: «Что за странный человѣкъ». Раздосадованный такимъ отсутствіемъ чуткости, обернулся и посмотрѣлъ ей прямо въ глаза. Они были каріе, съ тою особенною, бархатною легкостью взгляда, какая часто бываетъ у близорукихъ людей и словно мѣшаетъ глубже всмотрѣться въ нихъ. Она разсѣянно прибавила: «Не правда ли? — и затѣмъ немного помолчавъ:—Будьте такъ добры посмотрѣть, гдѣ Локаста Намъ пора идти, и онъ ужъ, навѣрное, кончилъ свое представленіе. А, вотъ и она. Что это такое у тебя въ рукахъ?»

Это была роза Энрикеса. Локаста подняла ее и робко протянула вала своей госпожѣ.

— Что съ тобой? Зачѣмъ она мнѣ? Возьми ее себѣ.

Я счелъ нужнымъ проводить ихъ, чувствуя нѣкоторое безпокойство за нее въ виду гнѣвныхъ взглядовъ, которые бросали ей вслѣдъ сеньориты Мануэла и Пепита, внимательно наблюдавшія за ней. Выйдя на улицу, я рѣшилъ пояснить ей, въ чемъ дѣло.

— Видите ли, — началъ я прямо, — хотя это собраніе и имѣетъ видъ какого-то случайнаго сборища, оно носитъ вполне приличный и семейный характеръ. Таковъ здѣсь обычай, и всѣ дѣвушки, которыхъ вы здѣсь видели, вполне честныя и порядочныя. Это болѣею частью работницы или служапки, онѣ собираются вмѣстѣ веселятся, какъ бывало встарину ихъ матери и бабушки.

— Да, — сказала она разсѣянно. — А этотъ танецъ, вѣроятно, нѣчто въ родѣ мавританской пляски, онъ, вѣроятно, занесенъ сюда эмигрантами изъ Андалузій около двухъ сотъ лѣтъ назадъ. Онъ напоминаетъ Арабскіе танцы. Нѣчто подобное я видѣла въ картинкѣ въ старинномъ пѣсенникѣ, который купила у старейшица въ Бостонѣ. Но это все не то, — прибавила она съ восхищеніемъ.

мень, — то-есть все не то, что онъ тутъ дѣлалъ. У него положи-тельно есть что-то свое, особенное.

Немного смущенный такими разсужденіями, я распростился съ ней и вернулся къ Эрикесу, спокойно поджидавшему меня, съ сигарой въ зубахъ, передъ домою, гдѣ происходили танцы. Повидимому, онъ вполне безсознательно относился къ своему нелѣпому поведенію, такъ что мнѣ даже неловко было начинать съ нимъ разговоръ по этому поводу. Но онъ началъ самъ, глядя вслѣдъ удалявшимся отъ насъ двумъ женскимъ фигурамъ: «Она идетъ домой, вы не идете ее проводить, такъ я пойду. Дождитесь меня здѣсь». Но я крѣпко схватилъ его за руку и рѣшилъ не пускать, доказывая, что, во-первыхъ, у нея есть уже провожатая въ лицѣ служанки, а, во-вторыхъ, что ужъ если я, знакомый ей человѣкъ, не рѣшусь предложить ей себя въ спутники, то ему, совершенно чужому ей, это тѣмъ болѣе неудобно, и наконецъ, что миссъ Мансерлей ярая поборница свѣтскихъ приличій, и это качество онъ, по своему званію кастильскаго дворянина, долженъ особенно цѣнить».

— А она не приметъ развѣ во вниманіе, что эту смѣлость дать мнѣ любовь и поклоненіе ея красотѣ? — спросилъ онъ, задумчиво крутя свои тонкіе усы.

— Нѣтъ, отнюдь нѣтъ, — возразилъ я довольно рѣзко. — Къ тому же, мнѣ кажется, вамъ слѣдовало бы понять, что ее нельзя ставить на одинъ уровень съ вашими здѣшними Мануэлами и Барбанами.

— Извините, другъ мой, — сказалъ онъ торжественно, — женщины всегда и вездѣ — однѣ и тѣ же. Есть у насъ испанская пословица: «пронзишь ли толедскимъ клинкомъ атласъ или козью шкуру, все равно — одно и то же сердце будетъ истекать кровью подъ твоимъ ударомъ». Этотъ толедскій клинокъ — я, а можетъ-быть и вы, мой другъ. Поэтому бѣжимъ, не теряя времени, вмѣстѣ догонять эту бостонскую дѣвушку.

Я, все-таки, крѣпко продолжалъ держать за руку Эрикеса, и заставилъ его притихнуть хоть на мгновенье. Онъ пріостановился и закурилъ было сигару, но въ слѣдующую же минуту имъ снова овладѣло стремленіе впередъ.

— Нѣтъ, давайте хоть издали слѣдить за ней; пройдемся мимо дома, остановимся и будемъ смотрѣть на него, — это ее тронетъ.

Какъ ни смѣшной казалась эта погоня за молодой дѣвушкой послѣ того, какъ мы только что съ ней разстались, я, зная, что Эрикесъ способенъ былъ предпринять такой походъ на свой

страхъ, рѣшилъ уступить ему и пройти съ нимъ по указывавшему имъ направленію, однако оцель при этомъ пужнымъ предупредить его о впечатлѣніи, произведенномъ имъ на миссъ Маннерслей:

— Я долженъ сказать вамъ, что она сочла данное вами представленіе за нѣчто оцель странное и даже дикое, и на вѣнцѣ мистѣ избѣгалъ бы того, что можетъ усилить въ ней это мнѣніе.

— Вы не хотите сказать отишь, что мое поведеніе ее возмутило?—возразилъ онъ на своемъ ломаномъ англійскомъ діалектѣ.

Сказать «да» было бы не совсѣмъ правдиво съ моей стороны. Онъ замѣтилъ мое колебаніе.

— О, тогда въ ней просто заговорила зависть,—добавилъ онъ снисходительно.—Видите! Я говорилъ: всегда такъ бываетъ!

Дольше выдержать не было силъ.

— Видите ли, Горри,—возразилъ я,—я долженъ предупредить васъ. Она просто смотритъ на васъ какъ на акробата или на одного фокусника.

— А!—и его черные глаза засверкали.—Тогда торреро, вступающій на бой съ быкомъ, тоже акробатъ.

— Нѣтъ. Но, вѣдь, васъ она считаетъ за клоуна, то-есть *gracioso de teatro*. Поняли?

— Такъ я насмѣянилъ ее?—спросилъ онъ холодно.

Этого я не думалъ, и потому ограничился тѣмъ, что пожал плечами.

— Хорошо же,—отвѣчалъ онъ безпечно.—Любовь часто начинается улыбкой, а кончается вздохомъ.

Я обернулся и взглянулъ ему прямо въ лицо, освѣщенное луннымъ свѣтомъ. На немъ лежала обычная испанцамъ печать серьезности и торжественности, какъ бы скрывающей въ себѣ насмѣшку. Маленькіе черные глаза его сверкали безотчетною отвагой и удалымъ. Быть не могло, чтобы спокойная холодность миссъ Маннерслей в самомъ дѣлѣ задѣла его за живое. И мнѣ вспоминалось такое и мимолетное увлеченіе его миссъ Пинки Спикитъ, блѣдушкой западною красавицей, увлеченіе, очень обидно кончившееся для обоихъ. По мѣрѣ того, какъ мы медленными шагами подвигались впередъ, я продолжалъ убѣждать его: «Конечно, вы только дурачились, вотъ она принимаетъ все это въ серьезъ и думаетъ, будто вы и в самомъ дѣлѣ таковы». Тутъ я занулся самъ, противъ воли, сознавая, что онъ и въ самомъ дѣлѣ таковъ. «Да, наконецъ, чудакъ вы эдакій, вѣдь, не хотите же вы, чтобъ она приняла васъ за простого шута или за сумасброднаго мальчишку?»

— Сумасброднаго?—повторилъ Энрикесь, медленно протягивая слово по слогамъ.—Да, это именно точное выраженіе. Другъ мой, мы попали въ самую точку. Да, это именно сумасбродство, но да-же не такое, въ которомъ бы я не отдавалъ себѣ отчета. Послушайте, про одного изъ моихъ предковъ рассказываютъ по этому поводу любопытную исторію. Разъ, въ церкви, встрѣчается онъ съ молодой дѣвушкой, простою крестьянкой. Она шла на исповѣдь. Тамъ ихъ встрѣчаютъ, онъ останавливается пораженный,—Энрикесь для поясненія прыгнулъ ногой по пыльной дорогѣ,—и вскрикнувъ, — дѣйствіе не замедлило бы послѣдовать за словами, но онъ въ-время не поддержалъ его.—Его отнесли домой, раздѣ-живъ, а тамъ онъ принялся пѣть и танцовать. Это было настоящее опьяненіе, но опьяненіе отъ любви. И, замѣтите, эта дѣвушка даже краснѣла и не отличалась особенною прасотой. Предка моего звали...

— Донъ-Кихоть Ламанчскій, — лукаво подсказалъ я.—Я такъ и зналъ. Ну, что же дальше?

— Предка моего звали, — продолжалъ, не смущаясь, Энри-кесь, — Антонио Герменсгильдо де-Сальватіера. А тотъ Донъ-Ки-хоть, о которомъ вы упоминаете, вовсе даже и не существовалъ.

— Ну, ничего. Только вы, ради Бога, не выкиньте еще какой-нибудь штуки. Вотъ ихъ домъ.

Была чудная лунная ночь. На тяжелой, краснаго дерева, двери историческаго дома, освѣщенной тѣнью огромнаго дуба, самаго стараго въ мѣстѣ Эпсиналъ, играли переливы мрака и свѣта. Когда обѣ дѣ-вушки подошли къ подъѣзду, ихъ силуэты обозначились на ней темными очертаніями. Миссъ Маннерслей пропустила впередъ Юка-нду, а сама обернулась и остановилась на минуту на порогѣ, за-блужденная красотой ночи. Мы въ это время какъ разъ проходили мимо. Она замѣтила насъ, просто и небрежно кивнула мнѣ, а на Энрикеса, котораго тотчасъ же узнала, посмотрѣла пристально съ своимъ же холоднымъ и безстрастнымъ любопытствомъ. Къ ужасу моему, пріятель мой опять сталъ обнаруживать попытки изобра-зить робость въ походкѣ и затрудненіе въ дыханьи, но я неистово схватилъ его за руку и заставилъ—таки его миновать домъ въ ту самую минуту, какъ дверь захлопывалась за молодой дѣвушкой.

— Какъ вы не понимаете, другъ Панхо, — сказалъ онъ мнѣ такъ сурово, — что эти ея глаза въ очахъ подобны зажигатель-ному стеклу. Они жгутъ, испепеляютъ меня, какъ бумагу. Влѣ-те на это дерево. Она, навѣрное, покажется у окна, и мы по-кажемъ ей доброй ночи.

— Ничего подобнаго мы дѣлать не будемъ, — рѣзко отвѣчалъ я.

Видя мою твердую рѣшимость, онъ далъ увести себя. Во всяком случаѣ я порадовался, замѣтивъ, что указанное имъ окно принадлежало кабинету пастора, и что, такъ какъ спальни находились на противоположной сторонѣ дома, то ни сама миссъ Маннерслей ни ея служанка не могли быть свидѣтельницами нашего совѣщанія. Однако, я разстался съ Эрикесомъ не раньше, какъ приведя его обратно въ бывшую танцевальную залу, гдѣ и оставилъ его сидящимъ за чашкой шоколада, въ обществѣ двухъ изъ дамъ танцевавшихъ съ нимъ фанданго. Попережбно обнимая за талию то ту, то другую изъ нихъ, онъ ребячески наслаждался этою аркадскою идилліей и, повидимому, окончательно забылъ о миссъ Маннерслей. Фанданго обыкновенно бывали вечеромъ и субботамъ. На слѣдующій день, то-есть въ воскресенье, я такъ не видалъ Эрикеса, что, впрочемъ, меня нисколько не удивилъ какъ ревностный католикъ, онъ долженъ былъ быть утромъ у обѣни, а въ послѣобѣденное время, вѣроятно, отправился въ Сан-Антоніо смотрѣть бой быковъ. Въ понедѣльникъ же со мной случилось обстоятельство, нѣсколько меня поразившее. Когда я въ утро переходилъ площадь, ко мнѣ подошелъ и взялъ меня по руку не кто иной, какъ самъ мистеръ Маннерслей, для котораго такого рода жестъ былъ величайшимъ приближеніемъ къ фамильярности, на какое была способна его крайне сдержанная натура. съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на него. При всей его чопорности, черты его лица обладали замѣчательнымъ сходствомъ съ карикатурнымъ изображеніемъ, извѣстнымъ подъ названіемъ «Дяди Самы» безъ юмористическаго оттѣнка, конечно. Медленно поглаживая себѣ подбородокъ тремя пальцами, онъ тихо началъ: «Вы, я думаю, болѣе или менѣе знакомы съ нравами и обычаями испанцевъ и здѣшнемъ краѣ?» При этомъ вопросѣ мною овладѣло мучительное безпокойство. Ну, какъ онъ узналъ о продѣлкахъ Эрикеса? Или можетъ-быть, миссъ Маннерслей безжалостно выдала моего пріятеля своему дядѣ?

— Самъ я мало посвящалъ вниманія изученію ихъ быта и нравствъ, — продолжалъ онъ, широко разводя руками, — но за то тщательнѣе ознакомился съ ихъ религіозными вѣрованіями и суевѣрїями. — При этихъ словахъ меня невольно осянула мысль, что подобное любопытство свойственно большинству людей одного типа (мистеромъ Маннерслей. — До сихъ поръ я лично уклонялся отъ бесѣды на эту тему и, наоборотъ, старался смотрѣть съ возможно болѣе широкой точки зрѣнія на ихъ замѣчательные успѣхи въ миссіонерскомъ дѣлѣ, указывая даже моимъ протестантскимъ собр

на возможность сотрудничества съ ними въ томъ, гдѣ дѣло касается догматической стороны ихъ ученія. Всѣ эти воззрѣнія я изложилъ въ проповѣди, которую говорилъ въ прошлое воскресенье. Говорятъ, она возбудила большое вниманіе. — Онъ остался и слегка кашлянулъ. — Мнѣ еще не приходилось говорить ни по какому поводу ни съ кѣмъ изъ католическаго духовенства, но у меня есть основаніе думать, что вообще среди католиковъ мои словеса встрѣтили нѣкоторое сочувствіе.

Я вздохнулъ свободнѣе, хотя и не могъ понять, почему онъ только ко мнѣ обратился съ этою рѣчью. Что-то смутно припомню мнѣ только, будто я слышалъ, что его проповѣдь въ предыдущее воскресенье не понравилась нѣкоторымъ изъ его прихожанъ, и только.

Онъ продолжалъ:

— Я только что сказалъ вамъ, что мало знакомъ съ характеромъ испано-американской расы. Думаю, что живость ихъ и подвижность зависятъ отъ примѣси латинской крови. Они имѣютъ привычку жестикулировать, выражая всякое душевное волненіе, какъ-то благодарность, радость, симпатію спазмодическими движеніями. Правда ли? У нихъ страсть къ танцамъ, къ пѣнію! Да? — Въ умѣ ихъ мелькнуло ужасное подозрѣніе, и я могъ только молча, безмолвно смотрѣть на него. — Но я говорю слишкомъ въ общихъ словахъ, — любезно замѣтилъ онъ. — Дѣло вотъ въ чемъ. Со мною одну ночь случилась странная вещь. Я только что вернулся домой отъ одного изъ прихожанъ и сидѣлъ одинъ въ кабинетѣ, прошивая проповѣдь на завтрашній день. Вѣроятно, было довольно поздно, потому что племянница моя уже съ часъ какъ вернулась домой въ сопровожденіи служанки. И вотъ, представьте себѣ, на полѣ раздаются звуки музыки и чей-то голосъ поетъ или говоритъ импровизованную какую-то поэтическую импровизацію на языкѣ испанскомъ мнѣ. Однако, по тону и ритму я могъ судить, что это что-то весьма лестное. Въ первыя минуты я, будучи сильно погруженъ въ свою работу, мало обращалъ вниманія на эту музыку, но подъ конецъ она, все-таки, возбудила мое любопытство, и подошелъ къ окну. Мнѣ не хотѣлось показываться въ халатѣ, поэтому я старался помѣститься такъ, чтобъ меня не было замечено. Подъ большимъ дубомъ на улицѣ стоялъ молодой человекъ, только я могъ судить по виду при слабомъ освѣщеніи, испанецъ. Вѣроятно, мнѣ все-таки не удалось остаться незамѣченнымъ, потому что, какъ только я подошелъ къ окну, онъ выступилъ впередъ и сталъ привѣтствовать меня самыми удивительными кивками

и поклонами. Я плохо понимаю значеніе жестикуляціи, не имѣю самъ въ этомъ отношеніи другой опытности, кромѣ участія въ драме не-греческихъ трагедійхъ въ ранніе дни моей юности, но здѣсь меня поразило послѣдовательное изображеніе самыхъ горячихъ чувствъ благодарности, преданности, благоговѣнія и восторга. Онъ прикладывалъ руки къ головѣ, къ сердцу и даже складывалъ ихъ слѣдующимъ образомъ. — Къ немалому смущенію моему, почтенный пасторъ изобразилъ мнѣ въ лицахъ эту нелегкую пантомиму Энрикса. — Долженъ сознаться, — продолжалъ онъ, — меня отъ души тронула эта искренность и чисто-христіанскій духъ любви къ ближнему, который вызвалъ эту манифестацію. Подъ конецъ я рѣшился открыть окно и, высунувшись изъ него, выразилъ пѣвцу съ сожалѣніемъ, что поздній часъ мѣшаетъ мнѣ дать ему иной отвѣтъ, кромѣ краткаго изъявленія благодарности за одушевляющія его дѣла чувства, а потомъ пригласилъ его зайти ко мнѣ хоть на несколько минутъ въ ризницу на другой день передъ обѣдней или вечеромъ, въ то время, какъ будутъ собираться вечерніе классы священной исторіи. Я пояснилъ ему, что такъ какъ мое единственное стремленіе заключается въ желаніи устроить евангелическое братство, чуждое доктринальной вражды, — ничто не могло доставить мнѣ такого удовольствія, какъ его столь искренно выраженное и безкорыстное сочувствіе моимъ цѣлямъ. Съ перваго раза онъ казался глубоко пораженнымъ, даже взволнованнымъ до рабобы души, а потомъ спокойно удалился съ граціознымъ и легкимъ поклономъ.

Пасторъ остановился. Меня, какъ молнія, ослѣпило новое познаніе, заставившее пристально взглянуть ему прямо въ глаза. Неужели на этотъ разъ продѣлка Энрикса была понята и мастера парализована опытностью старика? Но въ самодовольномъ лицѣ мистера Маннерслея не отражалось ни лукавства, ни юмора. Очевидно, онъ всю эту исторію принималъ въ серьезъ и преспокойно принялъ на свой счетъ серенаду, назначенную его племянницѣ. Мною овладѣло неудержимое желаніе расхохотаться, но продолженіе разсказа окончательно сбilo меня съ толгу.

— Я сообщилъ за завтракомъ племянницѣ объ этомъ происшествіи. Она не слыхала пѣнія, но согласилась со мной, что пѣвецъ вѣроятно, хотѣлъ выразить мнѣ благодарность за мое хорошее отношеніе къ его единовѣрцамъ. Она же и подала мнѣ мысль, что ваше знаніе здѣшнихъ обычаевъ поможетъ мнѣ провѣрить мое впечатлѣніе.

Я былъ ошеломленъ. Неужели миссъ Маннерслей, которая

могла не понять, что всю эту штуку устроилъ Эрикесъ, пустила въ ходъ притворство, чтобы не выдать его? Но это было такъ несовѣстно съ ея взглядомъ на него, исключительно какъ на материалъ для каррикатуры, что скорѣе можно было ожидать отъ нея, что она расскажетъ дядѣ о его поведеніи до этого. Быть не могло также, чтобы она захотѣла скрыть, что она ходила смотрѣть фандингъ. Для этого она имѣла слишкомъ независимый нравъ, да къ тому же и дядя, изъ одного желанія узнать побольше о соотечественникахъ Эрикеса, не сталъ бы ей препятствовать. Мнѣ было такъ неловко, что я послѣшилъ заочно согласиться съ ней, поздравилъ его съ успѣхомъ и поскорѣе скрыться. Мною овладѣло желаніе увидать Эрикеса и узнать отъ него всю правду. Онъ былъ ют и фантазеръ, но по природѣ правдивъ.

На бѣду, мнѣ, оказалось, вновь овладѣла обычная страсть къ бродяжничеству, побудившая его отправиться въ деревню къ одному изъ двоюродныхъ братьевъ. Такъ что, вѣроятно, онъ въ эту пору усердно занимался ловлей и выѣздой дикихъ лошадей и услаждалъ своихъ родственниковъ бесѣдой на столь хорошо усвоенномъ имъ англійскомъ языкѣ и своимъ изящнымъ обращеніемъ свѣтскаго благовоспитаннаго юноши. Тогда мысли мои обратились къ миссъ Маннерслей. Неужели она въ самомъ дѣлѣ не обратила вниманія на серенаду Эрикеса? Это я рѣшилъ узнать, по возможности, не выдавая своего пріятеля. Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ это былъ кто-нибудь другой, а не онъ.

Мнѣ везло. На слѣдующій день я былъ приглашенъ на вечеръ, гдѣ миссъ Маннерслей, благодаря своему общественному положенію и личнымъ качествамъ, явилась желанною и даже почетною гостьей. Но при этомъ я замѣтилъ, что, несмотря на то, что молодыя красавицы Эпсиналя удостоились ея вниманія и сами втайнѣ любовались ея прекрасными манерами и аристократическимъ спокойствіемъ, она все-таки подавляла ихъ превосходствомъ своего ума и образованія, и онѣ боялись сдѣлать какую бы то ни было попытку къ сближенію съ ней. Ея появленіе даже возбудило въ нихъ ревность вслѣдствіе того, что мѣстные молодые люди хотя и робѣли передъ ея умомъ и неприступностью, тѣмъ не менѣе, платили робкимъ и благоговѣйнымъ ухаживаньемъ дань ея превосходству надъ скромными подругами. Въ этотъ вечеръ она была окружена своими постоянными поклонниками, къ числу которыхъ принадлежали мѣстные власти и почетные гости. Она разсуждала о существованіи медиковъ на Пожеть-Шастѣ съ геологомъ въ очкахъ и съ очаровательною простотою приняла участіе въ разговорѣ объ анатоміи

между мѣстнымъ докторомъ и ученымъ профессоромъ. Потомъ ее попросили сыграть что-нибудь. У нея была замѣчательная техника и чистота въ игрѣ, но исполненіе было холодно и сухо. Глядя на нее, когда она сидѣла за роялемъ въ простомъ, но замѣчательно ловко сшитомъ платьѣ, гордо поднимая свою красивую головку, вся пропитанная изящною сдержанностью и сознаниемъ своего умственного развитія, глядя на нее, я болѣе чѣмъ когда-либо сознавалъ всю неумѣстность ухаживанья за нею Энрикеса, если оно было въ шутку, и всю его безнадежность—въ противномъ случаѣ. Что могла имѣть общаго эта благовоспитанная, молодая и строгая дѣвица съ безконечно-веселымъ кутилой, романтическимъ искателемъ приключеній, неутомимымъ Донъ-Кихотомъ, — однимъ словомъ, съ моимъ невозможнымъ пріятелемъ Энрикесомъ?

Она кончила. Узенькій плоскій носокъ ея маленькой ножки еще покоился на педали, красивые пальцы еще лежали на клавишахъ, головка была немного откинута назадъ, а тонкія брови слегка сдвинуты, показывая очевидное усиліе памяти.

— Что-нибудь изъ Шопена, — просилъ геологъ.

— Его сонату, — умолялъ докторъ.

— Что-нибудь изъ Рубинштейна. Я его слышалъ разъ, — говорилъ одинъ изъ мѣстныхъ юношей. — Можно было подумать, что рояль стонетъ и ноетъ у него подъ руками. Рубинштейна, пожалуйста.

Она отрицательно покачала головой, улыбаясь съ легкимъ отѣвкомъ кокетства. Вслѣдъ затѣмъ изъ-подъ рукъ ея полилась серебрястая трель... нѣсколько отрывистыхъ аккордовъ, заглушенныхъ сурдиной педали, и она начала чуть слышно напѣвать что-то про себя. Я былъ пораженъ, узнавъ одну изъ любимыхъ и притомъ наиболѣе дикихъ пѣсенъ Энрикеса, изъ тѣхъ, что онъ пѣлъ съ аккомпаниментомъ гитары. Она была звонкая, нѣсколько рѣзущая слухъ обиліемъ диссонансовъ и, боюсь сказать, не совсѣмъ приличная по содержанію.

Въ ней заключался рассказъ о приключеніяхъ нѣкоего дона Франциска, провинціального кутилы и буяна самаго невозможнаго пошиба. Пріятель мой всегда заставлялъ меня прослушать всѣ сто четыре стиха до конца.

У меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ, когда строго-приличная миссъ Маннерслей спокойнымъ, пріятнымъ голосомъ пропѣла похвалу винной бочкѣ и съ ея тонкихъ алыхъ губокъ слетѣло привѣтливое упоминаніе объ игрѣ въ кости.

На все остальное общество пѣніе ея подѣйствовало совершенно

иначе: оригинальный, дикій напѣвъ и аккомпаниментъ оказались настолько увлекательными, что всякій невольно подошелъ поближе къ роялю, кто-то въ противоположномъ углу комнаты принялся насвистывать мотивъ и даже лица доктора и геолога прояснились.

Миссъ Маннерслей кончила и успѣшила встать изъ-за рояля.

— Это — мавританская пѣсня пятнадцатаго столѣтія, — сухо замѣтила она.

— А мнѣ показалось, — робко замѣтилъ одинъ изъ молодыхъ людей, — будто вы какъ-нибудь нечаянно... — онъ запнулся и покраснѣлъ, — то-есть что она случайно осталась у васъ въ памяти послѣ того, какъ вы ее услышали гдѣ-нибудь здѣсь.

— Она попалась мнѣ въ одномъ сборникѣ южныхъ мелодій, изданныхъ фирмой Гарварда, и я списала ее, — спокойно отвѣтила она, отходя въ сторону.

Но мнѣ не хотѣлось такъ скоро выпустить ее изъ рукъ, и я успѣшно подошелъ къ ней.

— Дядя вашъ, — сказалъ я ей, — оказалъ мнѣ местное довѣріе, обратившись ко мнѣ съ просьбой разъяснить ему, что значило появленіе нѣкоего очень пылкого испанца въ прошлую ночь передъ окнами его дома.

Я посмотрѣлъ въ ея каріе глаза, но ничего не успѣлъ замѣтить въ ихъ бархатистомъ взглядѣ. Она надѣла репсе-пез и небрежно замѣтила:

— Ахъ, это вы? Здравствуйте! Ну, и что же, помогли вы ему разъяснить недоразумѣніе?

— Только въ общихъ чертахъ, — отвѣтилъ я, продолжая смотреть на нее. — У такого рода людей все зависитъ отъ настроенія минуты. Испанская кровь представляетъ смѣсь золота со ртутью.

Она чуть замѣтно улыбнулась.

— Эти слова напоминаютъ мнѣ о вашемъ вѣтренномъ пріятелѣ. Въ немъ дѣйствительно избытокъ ртути. Что онъ, все танцуетъ?

— Иногда и поетъ, — отвѣчалъ я не безъ ехиднаго умысла.

Она замѣтила на это только: «странное существо», не подавая никакого виду, чтобы за этими словами крылся какой-либо иной смыслъ, и отошла отъ меня. Я остался при томъ же, съ чѣмъ пришелъ. Одинъ Энрикесъ могъ мнѣ теперь разъяснить, въ чемъ дѣло. Надо было во что бы то ни стало повидаться съ нимъ.

Свиданіе это состоялось, хотя не совсѣмъ въ томъ видѣ, какъ я ожидалъ. Въ слѣдующую субботу былъ бой быковъ въ Санъ-Антоніо, перенесенный на этотъ день съ воскресенья въ угоду аме-

риканцамъ. Къ этому представленію должно было быть добавленіе состоявшее въ борьбѣ быка съ медвѣдемъ—развлеченіе, тоже при мѣненное къ американскому вкусу, не признававшему одинъ бой быковъ самъ по себѣ довольно занимательнымъ и захватывающимъ зрѣлищемъ. Я радъ, что могу избавить читателя отъ необходимости выслушать разсказъ о всѣхъ ужасахъ, обыкновенно сопряженныхъ съ такого рода представленіями на мѣстѣ ихъ родины: въ Калифорніи они носятъ совершенно иной, гораздо менѣе кровавый характеръ. Здѣсь лошади—не злополучныя старыя влячи, а молодые и ловкіе мустанги, а искусство пикадоровъ даетъ почти полную гарантію безопасности какъ для лошади, такъ и для ѣздока. Мнѣ ни разу не приходилось видѣть, чтобы кто-нибудь изъ участниковъ былъ раненъ, и хотя случалось, что неловкіе ѣдоки бывали выбиты изъ сѣдла, они обыкновенно успѣвали поймать своего мустанга и сѣсть на него, не получивъ никакого вреда.

Путь къ Пиаццѣ де-Торосъ лежалъ черезъ заброшенное и грязное предмѣстье стараго испанскаго поселка. Арена представляла полукруглый амфитеатръ, окаймленный оштукатуренною стѣной изъ бѣлаго плитняка, осѣненной крышею только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были устроены ложи для мѣстной аристократіи. На этотъ разъ ложи были заняты мелкими торговцами и ихъ женами, среди которыхъ тамъ и сямъ мелькали представители чуждаго элемента—заѣзжіе путешественники и обитатели ближайшихъ мызъ. Знойный полуденный вѣтеръ столбомъ подымалъ мелкую пыль, и уносилъ съ собою отвратительный запахъ чеснока и ѣдкій дымъ дешевыхъ сигаръ. Я стоялъ, перевалившись черезъ загородку, отдѣлявшую мѣста зрителей отъ арены, и ждалъ, чтобы появились торжественною процессіей участники боя отпирать клетку, куда заключены были, когда вниманіе мое привлекла какая-то суета въ почетной галлерей. Какіе-то дама и кавалеръ, рѣзко выдѣлявшіеся по виду изъ остальной публики, пробирались между скамейками къ мѣстамъ у барьера ложи. Къ моему удивленію, я узналъ въ кавалерѣ геолога, а въ дамѣ, шедшей съ нимъ подъ руку—самой миссъ Маннерлей, въ гладкомъ, прекрасно сшитомъ платьѣ темнаго цвѣта, выдѣлявшуюся среди ярко одѣтой толпы.

Какъ бы то ни было, я былъ, вѣроятно, менѣе пораженъ такимъ явленіемъ, нежели остальная публика, потому что начиналъ уже привыкать къ неожиданнымъ выходкамъ молодой дѣвушки, такъ же какъ и къ странностямъ друга моего Энривеса. Къ тому же, меня искренно радовало то, что дядя позволилъ ей явиться сюда въ знакъ благодарности за перенесеніе зрѣлища на субботу,

а также, очевидно, съ цѣлью привлечь на свою сторону католическую часть населенія. Я наблюдалъ за ней въ то время, какъ вышелъ на арену первый быкъ и былъ убитъ матадоромъ, послѣ краткой борьбы съ пикадорами и бандерильеро. Въ ту минуту, когда матадоръ подошелъ къ нему съ американскимъ клинкомъ, я полюбопытствовалъ взглянуть въ ея сторону. Руки лежали у нея на колѣняхъ, голова была опущена. Сначала мнѣ показалось, что она, какъ и я, отвернулась отъ грубаго зрѣлища, но къ негодованію своему убѣдился, что она держитъ въ рукѣ альбомъ и дѣлаетъ снимъ. Я предпочелъ отвернуться и смотрѣть на умирающее животное.

Второй быкъ, выпущенный на арену, былъ угрюмѣе, злѣе и опаснѣе, нежели первый. Онъ принималъ всѣ попытки раздражить его съ мрачнымъ, подозрительнымъ видомъ, отворачиваясь отъ приставаній окружавшихъ его пикадоровъ. Весь утыканный бандерильями, какъ ежъ, онъ стоялъ упершись задомъ въ барьеръ, и единственнымъ тоскливымъ, унылымъ протестомъ его было мѣрное постукиваніе копытомъ о песчаный грунтъ, поднимавшее облака мелкой пыли, минутами совершенно скрывавшей его отъ глазъ зрителей. Смутное чувство чего-то неладнаго овладѣло его противниками: пикадоръ отошли къ сторонѣ, бандерильеро продолжали дразнить его, но издали. Зрителямъ была замѣтна только неуверенность быка, и они искренно досадовали на нее. Бранные эпитеты сыпались на него со всѣхъ сторонъ. Послышались крики «Эспадо», и матадоръ выступилъ впередъ, округливъ локоть подъ широкимъ плащомъ, и держа въ рукѣ отточенную, блестящую шпагу. Вышелъ и остановился, какъ вкопанный. Быкъ не двигался.

Въ эту минуту случайно налетѣвшій сильный порывъ вѣтра поднялъ на аренѣ большое облако удушливой пыли, скрывшее отъ глазъ остальныхъ присутствующихъ около трети зрительной галереи. На мгновеніе все замерло. Я услыхалъ громкій возгласъ геолога, причемъ онъ вскочилъ съ своего мѣста. Мнѣ почудилось даже какое-то слабое восклицаніе со стороны миссъ Маннерслей, и въ слѣдующую минуту, когда облако пыли отнеслось въ сторону, мы увидали листокъ бумаги, случайно захваченный по пути вихремъ, и кружащійся неровнымъ полетомъ надъ ареной. Наконецъ онъ опустился въ самой серединѣ ея. Это былъ листокъ изъ альбома миссъ Маннерслей, тотъ самый, на которомъ она набрасывала на ходившееся передъ ея глазами зрѣлище.

Въ послѣдовавшую затѣмъ минуту клочокъ этотъ казался единственнымъ предметомъ, успѣвшимъ пробудить грозный, но

нѣсколько запоздалый гнѣвъ быка. Онъ смотрѣлъ пасмурными налитыми кровью глазами, фыркалъ на него съ накипавшей бѣшеной яростью. Видѣлъ ли онъ насмѣшку надъ собой въ рисункъ миссъ Маннерслей, или принималъ этотъ новый для него предметъ за неизвѣданную имъ еще хитрость противника, — я не берусь рѣшить. Въ слѣдующую же минуту матадоръ, пользуясь тѣмъ, что удалось привлечь вниманіе быка, двинулся по направленію къ листку бумаги, при громкихъ рукоплесканіяхъ толпы. Но въ то же мгновеніе какой-то молодой человѣкъ однимъ прыжкомъ перескочилъ черезъ барьеръ на арену, оттолкнулъ въ сторону матадора схватилъ листокъ, обернулся къ ложѣ, гдѣ сидѣла миссъ Маннерслей, съ легкимъ поклономъ, потомъ подбѣжалъ къ быку, опустился передъ нимъ на одно колѣно, и съ преувеличенно-почтительнымъ жестомъ поднесъ ему рисунокъ, будто на разсмотрѣніе. Стороны зрителей раздался громъ рукоплесканій; а со стороны участниковъ боя — крикъ предостереженія и безпокойства, потому что разъяренное животное сразу бросилось на незнакомца. Он ловко отскочилъ въ сторону, съ любезнымъ поклономъ матадору какъ бы передавая ему быка по праву, и, продолжая держать въ рукахъ рисунокъ, цѣлымъ и невредимымъ перескочилъ барьеръ зрительной галереи. Я не видалъ удара, которымъ матадоръ закончилъ съ кинувшимся на него врагомъ, потому что слѣдилъ въ это время за смѣльчакомъ, теперь пробиравшимся между свамеекъ къ почетнымъ мѣстамъ. Съ глубокимъ поклономъ онъ передалъ листокъ миссъ Маннерслей и скрылся въ толпѣ. Нельзя было не узнать эту тоненькую, стройную фигуру, небольшіе, закрученные усы и серьезнымъ лукавствомъ свѣтящіеся глаза. Да и кому же другому могла принадлежать такая смѣлость предпріятія, оригинальность въ исполненіи, и въ то же время ироническое отношеніе къ собственной продѣлкѣ, какъ не Энрикесу.

Я перебрался на сторону миссъ Маннерслей, пользуясь тѣмъ временемъ, пока на шести попарно запряженныхъ мулахъ свозилъ съ арены тѣло убитаго быка. Дѣвушка спокойно складывала свой альбомъ, служившій точкой притяженія для сотенъ любопытныхъ глазъ, и слегка улыбалась, увидавъ меня. «Я только что разсказывала мистеру Бригасу про то, какой это необыкновенный человекъ, и сказала, что вы его знаете. Онъ должно быть очень опытенъ въ подобныхъ штукаxъ, чтобы продѣлывать ихъ съ такимъ умѣньемъ и увѣренностью. И часто онъ это продѣлываетъ? Т. - е. конечно, не именно тоже самое. А онъ подбираетъ сигары и разную мелочь и все то, что бросаютъ матадору? Это его ремесло

Мистеръ Бригасъ думаетъ, что вся эта штука была уловкой, чтобъ отвлечь вниманіе быка», — прибавила она, съ насмѣшливымъ взглядомъ въ сторону геолога, повидимому, раздосадованнаго.

— Боюсь, — сказала я, — что этотъ поступокъ настолько же непредвидѣнно и внезапно пришелъ ему въ голову, насколько необычно было подобное зрѣлище.

— Почему боитесь?

Это уже было не въ бровь, а прямо въ глазъ, но я тотчасъ же замѣтилъ свою оплошность. И въ самомъ дѣлѣ, какое право имѣлъ я предполагать, чтобы любезности Энрикеса заключали въ себѣ больше, нежели ея спокойное равнодушіе? Да, наконецъ, еслибъ я предполагалъ это, честно ли было бы съ моей стороны выдать пріятеля этой безсердечной кокеткѣ?

— Однако вы не любезны, — замѣтила она, смѣясь, и видя мое смущеніе, вмѣстѣ съ своимъ спутникомъ отошла отъ меня прежде, нежели я успѣлъ опомниться. Но за то теперь можно было безпрепятственно добратъся до Энрикеса и добиться отъ него толкомъ, въ чемъ дѣло. Я зналъ, гдѣ найти его. Только бы онъ не спрятался гдѣ-нибудь тутъ же, затѣвая новую штуку, — но миссъ Маннерслей и Бригасъ удалились на этотъ разъ безпрепятственно.

Гаціенда Рамона Самтилли, родственника Энрикеса, находилась въ предѣлѣхъ городка. Придя туда, я засталъ пѣгаго мустанга Энрикеса отдыхающимъ подѣ навѣсомъ, и затѣмъ, послѣ небольшой задержки, вслѣдствіе того, что вынужденъ былъ объяснить слугамъ цѣль своего посѣщенія, нашелъ своего пріятеля лѣниво растянувшимся въ гамакѣ, въ одномъ изъ тѣнистыхъ уголковъ сада. Онъ беспомощно свѣсилъ руки, будто находясь въ состояніи сильнѣйшаго утомленія, но меня, все-таки, не покидала догадка, будто хитрецъ нарочно улегся въ гамакѣ, какъ только услышалъ о моемъ приходѣ.

— Вы явились какъ разъ во-время, другъ Панхо, — объявилъ онъ мнѣ ослабѣвшимъ голосомъ. — Я выбился изъ силъ, измучился, извелся весь. Я видѣлъ васъ, другъ мой, на галлерей. Сначала я не могъ съ вами говорить, потому что весь былъ на чеку, а потомъ и не въ силахъ былъ, у меня духъ захватило.

— Да, нечего сказать, быкъ задалъ вамъ знать себя.

Онъ даже привскочилъ на своемъ гамакѣ.

— Быкъ! Карамба! Тысяча быковъ тутъ не причемъ! А этотъ быкъ и вовсе трусъ. Я могъ схватить его за рога, подѣ самымъ его носомъ и крутить себѣ сигару.

— Ну, такъ въ чемъ же дѣло?

Онъ откинулся назадъ, туго натягивая боковыя веревки гамака, и голосъ его прозвучалъ изъ глубины души, какъ бы призывъ къ небу.

— И онъ можетъ спрашивалъ меня, онъ — другъ сердца моего, названный братъ мой, пріятель мой Панхо спрашиваетъ меня, въ чемъ дѣло? Онъ хочетъ, чтобъ я сказалъ ему, почему у меня ноги не ходять, руки трясутся, голосъ пропалъ, отчего я никуда не го-жусь! Спрашиваетъ это, зная, что я увидалъ бостонскую миссъ, смотрѣлъ въ ея глаза, касался ея руки и имѣлъ счастье держать на минуту рисунокъ, сдѣланный ея рукой. Это была дивная картина, Панхо, — сказалъ онъ, снова выпрямляясь, — и, навѣрно, она причинила быку смерть раньше, нежели нашъ другъ Беппо дотро-нулся до его шеи концомъ своей шпаги.

— Послушайте, Энрикесь, — началъ я сразу, — это вы устрои-ли серенаду дѣвушкамъ?

Онъ пожалъ плечами безъ малѣйшаго смущенія.

— Конечно. Чего же вы хотите? Это было необходимо.

— Хорошо, — сказалъ я. — Въ такомъ случаѣ знайте же, что дядя ея принялъ всю эту штуку на свой счетъ, вообразивъ, что это кто-нибудь изъ католиковъ захотѣлъ поблагодарить его за вѣротер-пимость въ религіозныхъ вопросахъ.

Онъ даже и не улыбнулся.

— Тѣмъ лучше, — замѣтилъ онъ серьезно. — И это что-нибудь да значить. Въ подобныхъ дѣлахъ всегда лучше начинать съ дуэны. Онъ въ данномъ случаѣ исполняетъ роль таковой.

— И вдобавокъ, — продолжалъ я въ томъ же духѣ, — спутникъ ея объяснилъ ей сейчасъ, что вашъ подвигъ на боѣ быковъ былъ штукой, устроенной дирекціей зрѣлища, чтобы отвлечь вниманіе быка.

— Ба, спутникъ ея — ученый геологъ. Она для него не болѣе, чѣмъ камень.

Я собрался продолжать разговоръ, но намъ помѣшало появле-ніе одного изъ слугъ гаціенды. Онъ сдѣлалъ таинственный знакъ Энрикесу, и тотъ быстро выскочилъ изъ гамака, прося меня подо-ждать минутку, пока онъ переговоритъ съ посланнымъ, ожидаю-щимся у калитки. Все еще неудовлетворенный исходомъ бесѣды, я принялся ждать, усѣвшись въ гамакъ, покинутый Энрикесомъ. Вдругъ бросился мнѣ въ глаза клочокъ бумаги, застрявшій въ пет-ляхъ сѣтки. На первый взглядъ могло показаться, что это обры-вокъ той бумаги, изъ которой обыкновенно дѣлають папиросы, но, взявъ его въ руку съ цѣлью бросить, я остановился, пораженный

его значительною плотностью. Мало того, разсмотрѣвъ его внимательно, я съ изумленіемъ узналъ въ немъ поразительное сходство съ бумагой, изъ которой состоялъ альбомъ миссъ Маннерслей. Зачѣмъ было, что онъ раньше былъ сложенъ подь прямымъ угломъ къ письму разъ, что придавало ему видъ оставшейся чистой половинки отъ записки.

Все это могло быть простою случайностью и, однако, любопытство мое было сильно возбуждено. Я зналъ, что Энрикесь вернулъ миссъ Маннерслей ея рисунокъ, я самъ видѣлъ его у нея въ рукахъ. Можетъ быть она подарила ему другой? Если такъ, зачѣмъ было его складывать? Это неминуемо должно было его испортить. Или, можетъ быть, это — остатокъ письма, другая половина котораго уничтожена? Въ первомъ порывѣ нетерпѣнія узнать правду, я быстрыми шагами направился къ калиткѣ, за которой исчезъ Энрикесь. Онъ стоялъ тамъ и разговаривалъ съ какою-то молодой дѣвушкой. То была Юкаста, служанка миссъ Маннерслей.

Видѣть съ этимъ открытіемъ мною овладѣло чувство досады и негодованія, неизбежно, хотя и неосновательно охватывающее насъ, когда мы начинаемъ замѣчать, что друзья наши скрываютъ отъ насъ что-либо, хотя бы и касающееся только лично ихъ самихъ. Напрасно я убѣждалъ себя, что все это — не мое дѣло, что онъ правъ, храня про себя тайну, касающуюся другого, а къ тому же женщины, и все же не могъ не сознавать, что сержусь, главнымъ образомъ, потому, что это открытіе опровергаетъ окончательно мое мнѣніе относительно его поведенія и отношенія къ нему миссъ Маннерслей. Я вышелъ изъ дому и поспѣшно простился съ Энрикесомъ, подь предлогомъ, что долженъ зайти еще въ другое мѣсто. Уходя, я старался дѣлать видъ, будто не узнаю молодой дѣвушки, стоявшей спиной ко мнѣ, но этотъ негодяй, чтобъ еще больше сбить меня съ толку, остановилъ меня таинственнымъ виваномъ, бросилъ мнѣ на шею и прошепталъ хриплымъ голосомъ надъ самымъ ухомъ:

— Что? Видите? Понимаете? Но, вѣдь, вы само молчаніе, сама скромность!

И онъ опять повернулся къ Юкастѣ. Значило ли это, что онъ получилъ посланіе отъ миссъ Маннерслей, или что онъ пробовалъ заглянуть ея служанку, — я не могъ понять. Онъ былъ способенъ на то, и на другое.

В теченіе слѣдующихъ двухъ-трехъ недѣль мы съ нимъ видѣлись часто, но такъ какъ я положилъ себѣ за правило не упоминать имени Маннерслей въ нашихъ съ нимъ разговорахъ, я мало

узналъ новаго, да и самъ мой пріятель, если не считать одного изъ двухъ странныхъ намековъ, не касался этого предмета. Только одинъ разъ, прощаясь со мной, онъ сказалъ, между прочимъ:

— Другъ мой, вы сегодня вечеромъ отправляетесь къ Маннерлею. Я тоже имѣлъ честь получить приглашеніе. Только вы ужъ возьмитесь на этотъ разъ быть моимъ Меркуріемъ или Лепорелло и передайте отъ меня бостонской миссъ, что я боленъ, измученъ и удрученъ, но что быть не могу, потому что взялся на всю ночь пробить сидѣлкой при бабушкѣ своего зятя, которая при смерти больна жабой. Ужасно досадно!

Это было первое указаніе на измѣненіе его отношеній къ миссъ Маннерслей. Меня не мало удивилъ подобный отказъ со стороны его.

— Что за пустяки, — сказалъ я прямо. — Вѣдь, вамъ ничто не мѣшаетъ быть.

— Другъ мой, — возразилъ Энрикесъ съ тою томностью, которая придавала ему видъ совсѣмъ разслабленнаго больного, — у меня много причинъ воздерживаться отъ этого посѣщенія. Я не владѣю собою, становлюсь самъ не свой и блѣднѣю подъ взглядомъ бостонской миссъ. Кромѣ того, я чувствую себя способнымъ прямо броситься на геолога и схватить его за горло. Лучше пускай требуютъ отъ меня какой-нибудь другой жертвы, я сдѣлаю что угодно, туда не пойду.

Онъ такъ и уперся на своемъ, и не пошелъ. Я отправилъ одинъ и засталъ миссъ Маннерслей прелестно одѣтой и особенно интересной и оживленной въ этотъ вечеръ. Огонекъ, вспыхивавшій въ ея непроницаемыхъ глазахъ, когда она подняла ихъ на меня, могъ бы показаться мнѣ лестнымъ для моей особы, еслибъ у меня не закралось уже раньше въ душу подозрѣніе, что съ Энрикесомъ дѣло не ладно. Я передалъ его извиненія, стараясь, насколько могъ придать имъ видъ правдивости. Она какъ-то вся выпрямилась, точно стала еще выше.

— Мнѣ очень жаль, — прозвучалъ наконецъ ея голосъ. — Онъ мнѣ показался такимъ забавнымъ. Я хотѣла попробовать заставить его проиграть старинную мавританскую пѣсню, которую отыскала недавно и только-что успѣла разобрать.

— Да и ему какое бы это доставило удовольствіе. Какая досада, что онъ не могъ прійти со мной! Но, — прибавилъ я послѣшнее и повторяя съ удареніемъ ея собственныя слова, — онъ таковой странный, не похожій на другихъ людей.

— Я не вижу ничего страннаго въ привязанности къ старому

родственницѣ, — спокойно возразила моя собесѣдница. — Это только подтверждаетъ мое лестное мнѣніе о немъ.

Не знаю почему, но я не передалъ ему этого разговора. Отчасти, вѣроятно, потому, что самъ отказался понимать ихъ обоихъ, а отчасти оттого, что начиналъ убѣждаться въ его способности управляться самому. Нѣсколько дней спустя, приглашая меня ѣхать съ собой въ деревню къ своему дядѣ, онъ удивилъ меня заявленіемъ, что тамъ я встрѣчу бостонскую миссъ. Меня это настолько поразило, что, не говори онъ такъ серьезно, я бы принялъ его слова за шутку. Дѣло въ томъ, что предполагавшееся на этотъ разъ развлеченіе, — ловля дикихъ лошадей и выѣздка ихъ, — носило нѣсколько грубый характеръ. Поэтому въ немъ участвуютъ почти исключительно мужчины, для которыхъ она представляетъ интересъ, потому что тутъ же производится оцѣнка лошадиныхъ ставокъ у богатыхъ владѣльцевъ. Вслѣдствіе этого обстоятельства празднество это носитъ семейный характеръ и окружено нѣкоторою таинственностью, и иностранцы, въ особенности американцы, рѣдко получаютъ на него доступъ.

— Какъ же она сдѣлала, чтобы достать приглашеніе? — спросилъ я. — Вы, вѣдь, не могли рѣшиться просить ее.

— Другъ мой, — прервалъ онъ меня торжественно, — сама великая и досточтимая бостонская дѣвица и ея уважаемый и всѣми почитаемый дядюшка, вмѣстѣ съ другими бостонскими аристократами, сдѣлали мнѣ невѣроятную честь просить для нея у моего недостойнаго дяди-паписта позволенія быть на его праздникѣ и собственными безгрѣшными очами взирать на варварскіе обычаи нашей расы.

Его тонъ и способъ выраженія были такъ странны, что я невольно подошелъ къ нему, положилъ руки ему на плечи и взглянулъ ему прямо въ лицо. Но огоньки, мелькнувшіе было въ его глазахъ, тотчасъ же потухли, и онъ снова съ лѣнливо-равнодушнымъ видомъ откинулся въ кресло.

— Я буду тамъ, другъ Панхо, — повторялъ онъ, нервно сжимая мою руку, — я напрягу всѣ усилія, чтобы накинуть лассо на буйвола и бросить его къ ея ногамъ. Самаго упрямаго мустанга я и введу передъ ея свѣтлыя очи. Я на всемъ скаку схвачу цыпленка и, поднявъ его съ земли, подамъ ей. Вы увидите, другъ Панхо, я сумѣю показать себя.

И онъ сдержалъ слово. Какъ только донъ-Педро Амадоръ, дядя его, съ присущею ему испанскою любезностью, усадилъ миссъ и инерслей на высокомъ помостѣ, устроенномъ на равнинѣ, гдѣ

происходило зрѣлище, Энрикесъ намѣтилъ одного буйвола среди испуганно мчавшагося стада, заставилъ его отдѣлиться отъ другихъ, зацѣпилъ за заднія ноги при помощи лассо и притащилъ къ подножію возвышенія, на которомъ помѣщалась миссъ Маннерслей. Онъ же поймалъ дикаго мустанга, перескочилъ съ своего сѣдла на его неосѣдланную спину и, при помощи одного лассо, замѣнявшаго узду, привелъ его укрощеннымъ къ ногамъ миссъ Маннерслей. Въ послѣдовавшей затѣмъ скачкѣ онъ на всемъ скаку нагнулъ съ сѣдла, выхватилъ изъ земли цыпленка, зарытаго въ песокъ по самую шею, и живьемъ доставилъ его своему предмету. Что же касается ея, то я подмѣтилъ въ глазахъ ея то же оживленіе, которое поразило меня въ послѣднюю нашу встрѣчу. На этотъ разъ съ ней не было альбома, но она опять безстрашно смотрѣла, какъ накладывали тавро на лошадей, — операція эта производилась у нея прямо передъ глазами.

До сихъ поръ мнѣ еще не приходилось видѣть ее и Энрикеса вмѣстѣ: насколько я зналъ, они не успѣли еще обмѣняться ни единымъ словомъ. Да и теперь, хотя она была гостьей его дяди, взятыя имъ на себя обязанности удерживали его вдали отъ нея. Впрочемъ, повидимому, ни онъ, ни она не дѣлали никакихъ попытокъ устроить, чтобы было иначе. Это обстоятельство никого другого, кромѣ меня, не поражало. Не знай я, или не предполагай, что между ними есть нѣчто, я бы счелъ ихъ совершенно чужими другъ другу.

Однако я былъ увѣренъ, что они найдутъ возможность поговорить на праздникѣ, который предполагался въ домѣ дон-Педро. Вечеромъ, когда мы всѣ, сидя на верандѣ, любовались танцами мексикановъ, медленно размахивавшихъ легкими бѣлыми шарфами подъ тактъ мотива, уныло наигрываемого на двухъ дребезжащихъ арфахъ, миссъ Маннерслей вышла изъ дома и присоединилась къ намъ. Сначала она внимательно слѣдила за этой дикой пляской и тихо сидѣла, прислонясь къ балюстрадѣ и опершись щекой на руку, потомъ вдругъ вскочила, будто неожиданно вспомнивъ о чемъ-то.

— Что такое? — спросили двое или трое изъ присутствующихъ.

— Ничего, я, кажется, потеряла вѣрвь. — И она разсѣянно смотрѣла на полъ.

Около полудюжины мужчинъ вскочили съ своихъ мѣсть.

— Позвольте пойти за нимъ, — наперерывъ просили они.

— Нѣтъ, благодарю васъ. Я вспомнила, гдѣ онъ, и пойду за нимъ сама.

И она встала, собираясь уходить. Этому, однако, воспротивился донъ-Педро, въ силу испанскихъ обычаевъ. О подобной вещи онъ

и слышать не хотѣлъ у себя въ домѣ. Если сеньорита не хочетъ позволить ему, старику, пойти за вѣромъ, пусть отправится за миссъ Энрикесъ, ея сегодняшній кавалеръ.

Но пріятеля моего нигдѣ не могли отыскать. Я замѣтилъ ея смущенный видъ и попросилъ ее позволить мнѣ сходить за вѣромъ. У нея, видимо, точно гора съ плечъ свалилась и, слегка покраснѣвъ, она шепнула мнѣ вполголоса:

— На каменной скамейкѣ, въ саду.

Я поспѣшилъ, несмотря на протестъ дон-Педро. Садъ былъ мнѣ хорошо извѣстенъ. Каменная скамейка была вдѣлана въ уголокъ лужайки ограды, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ дома. При яркомъ свѣтѣ луны я тотчасъ увидалъ лежащій на ней маленькій вѣеръ въ сѣрыхъ страусовыхъ перьяхъ. Но рядомъ съ нимъ, касаясь его, лежала также смятая, черная, вышитая золотомъ перчатка миссъ Маннерслей, та самая, что была сегодня на Энрикесѣ во время скачки.

Я поспѣшно сунулъ ее въ карманъ и бѣгомъ вернулся назадъ. Проходя мимо калитки, я велѣлъ одному изъ слугъ послать ко мнѣ Энрикеса. Тотъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня и объявилъ, что онъ только-что уѣхалъ верхомъ.

Вернувшись на веранду, я молча возвратилъ вѣеръ миссъ Маннерслей.

— Такъ и быть, — сказалъ донъ-Педро, — больше не будетъ споровъ изъ-за этого: Энрикесу, говорятъ, пришлось ѣхать назадъ въ Эспиналь сегодня же вечеромъ.

Миссъ Маннерслей рано ушла къ себѣ. Я ничего не сказалъ ей о своей находкѣ, да и не дѣлалъ никакихъ попытокъ проникнуть въ ея тайну. Не было сомнѣнія, что она и Энрикесъ видѣлись наединѣ и, вѣроятно, не въ первый разъ. Но каковъ былъ результатъ ихъ свиданія? Судя по виду молодой дѣвушки и поспѣшному отъѣзду Энрикеса я предполагалъ самый печальный для моего друга исходъ. Выкинулъ ли онъ опять какую-нибудь штуку и былъ прогнанъ съ глазъ долой или успѣлъ признаться въ дѣйствительно искреннемъ, хотя и скрывавшемся подъ такой странной маской, чувствѣ и получилъ рѣшительный отказъ? Я долго не могъ заснуть, мысленно слѣдуя за удалявшимся теперь пріятелемъ, и даже заснувъ, не разъ просыпался оттого, что мнѣ во снѣ чудился удалявшійся стукъ конскихъ копытъ.

Я всталъ рано и сошелъ внизъ, но другіе обитатели дома собрались еще раньше. Небольшая группа людей, состоявшая исключительно изъ членовъ семьи дон-Педро, оживленно разсуждали

о чемъ - то, и мнѣ показалось, будто они смущенно и намѣренно отвернулись, когда я подошелъ ближе. Во всемъ чуялась какая-то неловкость. Мною овладѣло странное предчувствіе. Холодная дрожь вызванная свѣжестью ранняго утра, пробѣжала по тѣлу. Ужъ и случилось ли чего съ Энрикесомъ? Я всегда считалъ его выходе принадлежностью его веселаго нрава. А ну какъ онъ, подъ вліаніемъ неудачи, привелъ въ исполненіе свою глупую угрозу стереться съ лица земли? Если такъ, миссъ Маннерслей, навѣрное знаетъ или подозрѣваетъ что-нибудь: Я подошелъ къ одной изъ мексиканокъ и спросилъ, встала ли сеньорита? Она смутилась и украдкой оглядѣлась кругомъ, прежде чѣмъ отвѣчать: —Развѣ донъ Панхо не знаетъ, что ни миссъ Маннерслей, ни служанка ея въ эту ночь не ложились и исчезли неизвѣстно куда?

Въ первую минуту мной овладѣло страшное сознаніе своей отвѣтственности въ этомъ дѣлѣ, внезапно получившемъ такое серьезное значеніе, и я поспѣшилъ вслѣдъ за удалявшимися членами хозяйской семьи. При входѣ въ коридоръ меня остановилъ кто-то, до тронувшись до моего плеча. Это оказался одинъ изъ пастуховъ. Онъ только-что сошелъ съ лошади и былъ съ ногъ до головы покрытъ слоємъ пыли. Я взялъ у него изъ рукъ записку, написанную карандашомъ на листкѣ изъ альбома миссъ Маннерслей. По черкѣ, несомнѣнно, принадлежалъ Энрикесу, и подпись его была украшена самымъ невѣроятнымъ росчеркомъ:

«Дорогой другъ Панхо, читая эту первую строчку, вы будете думать, что меня уже нѣтъ на свѣтѣ. И жестоко ошибетесь, голубчикъ! Я существую, и существую вдвойнѣ, потому что женился на бостонской миссъ. Наша свадьба была въ миссіонерской церкви, въ пять часовъ утра, каково! Особыхъ приглашеній не будетъ. Цѣлую руку почтеннаго дядюшки моей жены. Передайте ему, что мы мчимся на югъ такъ же стремительно, какъ соединенная католико-протестанская миссія къ язычникамъ. Сама бостонская миссъ говорить это. Что, каково вамъ теперь? Преданный вамъ Энрикесь».

Два стихотворенія.

1. Эдельвейсъ.

Я на землю смотрю съ голубой высоты,
Я люблю Эдельвейсъ,—Эдельвейса цвѣты,
Что растутъ далеко отъ обычныхъ оковъ,
Какъ застѣнчивый сонъ заповѣдныхъ снѣговъ.
Съ высоты голубой я на землю смотрю
И безгласной мечтой я съ душой говорю,
Съ той незримой Душой, что мерцаетъ во мнѣ,
Въ тѣ часы, какъ иду къ неземной вышинѣ.
И, помедливъ, уйду съ высоты голубой,
Не оставивъ слѣда на снѣгахъ за собой,
Но одинъ лепестокъ—Эдельвейса цвѣтокъ—
Мнѣ напомнить, что мѣръ безконечно широкъ.

2. Правда.

*„А правда пошла по поднебесью“.
Стихъ изъ Голубиной книги.*

Кривда съ правдою сходилась,
Кривда въ спорѣ верхъ взяла.
Правда въ солнце превратилась,
Въ мѣръ чистый свѣтъ зажгла.
Удалилась къ поднебесью,
Бросивъ кривду на землѣ,
Свѣтитъ лугу, перелѣсью,
Жизнь рождаетъ въ мертвой мглѣ.
Съ той поры до дней текущихъ
Только правдой и жива,

Межь цвѣтовъ и травъ цвѣтущихъ,
Жизни грусть, плакунъ-трава.
Съ той поры на синемъ морѣ,
Тамъ, гдѣ валъ непобѣдимъ,
Правды ждетъ—съ огнемъ во взорѣ—
Птица мощная Стратимъ.
И когда она протянетъ
Два могучія крыла,—
Солнце встанетъ, море грянетъ:
«Правда, правда въ мѣръ пришла!...»

К. Бальмонтъ.

*
*
*

Еще грохочетъ громъ, и тучи надъ полями
Проходятъ медленно широкой полосой;
Но даль уже горитъ побѣдными огнями
И блещетъ новою чарующей красой.

Ясныютъ небеса. Деревьевъ очертанья
Становятся виднѣй. Тамъ, на краю небесъ,
Грядую облака стоятъ, какъ изваянья...
О, сколько золота, и красокъ, и чудесъ!

И все, что подъ грозой таилось и молчало,
Что ждало тишины и солнечныхъ лучей,
Вдругъ къ жизни поднялось, и робкіе сначала
Раздались голоса... Все громче и звончѣй!

Все больше голосовъ, все больше пѣсенъ. Вскорѣ
Жужжаніе въ травѣ и пѣсни въ вышинѣ
Слились въ одинъ аккордъ, въ одномъ побѣдномъ хорѣ—
То вѣчный чудный гимнъ свободѣ и веснѣ!

Н. Николаевъ.

ТРАГИЧЕСКАЯ ИДИЛЛІЯ *).

Космополитическіе нравы.

Романъ Поля Бурже.

ХІ.

Между двумя драмами.

Эли ждала отвѣта Пьера на свое письмо безъ всякаго опасенія. Она написала ему тотчасъ же по уходѣ Оливье подѣ влияніемъ инстинктивной, неодолимой потребности согрѣться, очиститься его простою, задушевною нѣжностью послѣ жестокой сцены, которая разбила, унизила, загрязнила ее. Ни на одну минуту не пришло ей въ голову оскорбительное для Оливье подозрѣніе, что могъ онъ поддаться бѣшенству ненавистной страсти и затронуть то представленіе, какое имѣлъ Пьеръ о любимой женщинѣ, тотъ образъ, который совершенно не походилъ на нее въ прошломъ и былъ такъ правдивъ теперь, такъ тождественъ съ тѣмъ, чѣмъ была она въ настоящее время. Въ этомъ письмѣ она не говорила своему милому ничего такого, чего не повторяла бы ему уже двадцать разъ, начала письмо тѣмъ, что любить его, потому писала, что любить, и кончила тѣмъ, что любить. Она была увѣрена, что и онъ, съ своей стороны, отвѣтитъ ей фразами любви, читанными и перечитанными множество разъ, но въ которыхъ каждое слово будетъ такимъ новымъ и очаровательнымъ, какъ неизвѣданное счастье. Взявши конвертъ, на которомъ Пьеръ написалъ ей адресъ, Эли по дѣтски взвѣсила его въ рукѣ и подумала: «Прислалъ длинное письмо, какой онъ милый!» — и она разорвала конвертъ съ восторгомъ, превратившимся тотчасъ же въ ужасъ. Она взглянула на свое нераспечатанное письмо, потомъ на конвертъ,

*) Русская Мысль, кн. IV.

написанный на ея имя. Неужели такое оскорбленіе наносилъ ей на самомъ дѣлѣ ея «дивный» другъ, какъ называла она своего любовника съ нѣжною лаской, обычной всѣмъ влюбленнымъ, — неужели сдѣлалъ это Пьеръ, который прошедшею ночью сжималъ ее въ своихъ объятіяхъ съ безграничнымъ обожаніемъ, съ благоговѣнною страстью! Никакого сомнѣнія въ томъ не могло быть, — адресъ былъ написанъ рукой Хотфейля. Вслѣдъ за удручающимъ, только что происходившимъ объясненіемъ съ Оливье, эта присылка обратно нераспечатаннаго письма означала разрывъ, и поводъ къ тому представлялся Эли съ поразительною ясностью. Молодая женщина никакого понятія не могла имѣть объ истинной причинѣ, — о ревности Берты Дю-Прать, возбужденной столькими соображеніями, и о внутренней драмѣ, вынудившей жену Оливье обратиться къ повѣренному всѣхъ тайнъ мужа съ отчаяннымъ требованіемъ объясненій, раскрывшихъ все. То былъ послѣдовательный рядъ случайностей, угадать которыя нельзя было, тогда какъ умысленная нескромность Оливье передъ его другомъ представлялась весьма правдоподобною, весьма обыкновенною низостью тяжело оскорбленнаго мужского самолюбія! Эли придумать не могла и не искала другой причины ошеломляющей перемены, совершившейся въ душѣ Пьера и неотразимо, до очевидности, доказанной лучше, чѣмъ какими бы то ни было доводами, тѣмъ, что въ данную минуту было передъ ея глазами. Всѣ подробности катастрофы возстановлялись въ ея умѣ очень просто и вполне логически: Оливье ушелъ въ совершенномъ бѣшенствѣ отъ злости, ревности и униженія, и въ припадкѣ полубезумія сдѣлалъ подлость, не выдержалъ, заговорилъ. Что же онъ сказалъ? Разумѣется, все...

При одной этой мысли, вся кровь застыла въ жилахъ несчастной женщины. Съ той минуты, какъ на набережной Генуи Хотфейль показалъ ей телеграмму, сообщавшую о возвращеніи Оливье, баронесса Эли пережила столько мучительныхъ часовъ, что могла бы, казалось, освоиться мысленно съ надвигающеюся опасностью, — предвидѣть, по крайней мѣрѣ, возможность того, что произошло. Но сердце человеческое, когда оно любитъ, такъ энергично продолжаетъ надѣяться, такъ упорно держится за свои иллюзіи, что бѣда, постигшая Эли, застала ее такую же неподготовленную, ничто неожиданною, ничему непокорившеюся, какими всѣхъ насъ беретъ смерть... А, еслибъ Эли могла увидать Пьера тотчасъ же, одинъ-на-одинъ, поговорить съ нимъ въ свою очередь, оправдатъ ся передъ нимъ, объяснить ему, какою была она прежде и почему, и какою она стала, и тоже почему, рассказать ему про борьбу,

пережитую ею, про удручавшую ее необходимость самой, первою во всемъ ему признаться, про свое молчаніе изъ боязни лишиться его, изъ страха причинить ему страданія, и только изъ любви единственно изъ любви къ нему!... Увидать его? Но гдѣ? Бюгдъ Какъ?... Въ его отелѣ? Онъ не приметъ ее. Тамъ Оливье съ нимъ не допуститъ этого, караулитъ его... У нея? Пьеръ не пойдетъ къ ней. Назначить свиданіе? Невозможно и это, онъ не распечатаетъ ея письма... Эта женщина, столь первобытная въ глубинѣ существа своего, чувствовала, какъ передъ опутывавшими ее препятствіями дико поднимается въ ней буйный духъ ея предковъ чернагорцевъ. Какъ ни была она удручена горемъ, ее охватилъ порывъ страстной потребности биться до конца. Безсильное возмущеніе выразилось въ томъ, въ чемъ оно могло выразиться, въ письмѣ къ Оливье, къ безчестному предателю. Въ эту минуту Эли презиралъ его со всею силою прежней вѣры своей въ его благородство и со всею пламенностью своей любви къ Пьеру. Письмо это, ненужно и безцѣльное, нисколько не согласовалось съ чувствомъ ея собственнаго достоинства. Но, давая полную свободу своему бѣшенству противъ Оливье, она какъ бы отстаивала свою любовь къ Хотфейлю. А затѣмъ, затрогивая нашу душу въ самыхъ глубокихъ тайникахъ ея, горе вызываетъ изъ нихъ новый приливъ надежды не покидающей насъ, несмотря ни на какое отчаяніе, — и кто знаетъ, не раскается ли Оливье, когда его прямо уличатъ въ безчестномъ поступкѣ, не пойдетъ ли онъ и не скажетъ ли своему другу «Я не правду говорилъ. Я солгалъ. Я не былъ любовникомъ этой женщины»... Весь этотъ ураганъ сумасбродныхъ мыслей, тщетныхъ негодованій и еще болѣе безумныхъ гипотезъ долженъ былъ обратиться въ ничто передъ новымъ фактомъ, столь же рѣзкимъ, какъ предшествовавшій. Эли послала письмо къ Оливье съ однимъ изъ своихъ слугъ около семи часовъ вечера. Полчаса спустя, въ то время, какъ она въ лихорадочномъ ожиданіи заканчивала свой вечерній туалетъ, ея челоуѣкъ принесъ отвѣтъ, — большой заклеенный конвертъ съ адресомъ, написаннымъ рукою Оливье, а въ конвертѣ ея нераспечатанное письмо!

Ясно было, что друзья сговорились нанести ей одинаковыя оскорбленія въ одинаковой формѣ! Она какъ бы видѣла ихъ протягивающими другъ другу руки и заключающими союзъ противъ нея во имя ихъ дружбы. И въ первый разъ въ жизни душа баронессы Эли, никогда не знавшая обычной женской мелочности, почувствовала къ дружбѣ мужчинъ ту неразумную ненависть, съ какою заурядныя любовницы относятся даже къ простымъ товарище-

ннѣ привязанностямъ своихъ любовниковъ. Эли испытывала сильнѣе инстинктивной антипатіи женщины къ этому исключительно мужскому чувству, недоступность котораго для себя самой она угадываетъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, слѣдовавшихъ за двойнымъ оскорбленіемъ, Эли была не только влюбленною и отвергнутою женщиной, теряющею, вмѣстѣ съ любимымъ человекомъ, всѣ радости жизни и умирающею отъ того, но и женщиной, томимой всѣми мученіями самой странной ревности. Она ревновала Пьера, ревновала за его чувства къ другу, за привязанность къ нему Дю - Прата. Въ отчаяніи, вызванномъ въ ней безпощадностью разрыва съ любимымъ человекомъ, она переносила еще болѣе пытки отъ сознанія, что эти два человека счастливы торжествомъ ихъ братской нѣжности, что они живутъ вмѣстѣ, неразлучны, уважаютъ, любятъ другъ друга. Всѣ ощущенія этого рода отнюдь не согласовались съ врожденными ей благородствомъ и великодушіемъ. Но чрезмѣрнымъ страданіемъ присуща та общая черта, что они извращаютъ наше сердце. Существо самое деликатное они дѣлаютъ грубымъ, самое довѣрчивое, подъ ихъ вліяніемъ, теряетъ свою ясность душевную, самое привѣтливое—падаетъ въ мизантропію. Величайшая ошибка принимать на вѣру мысль, выраженную въ знаменитомъ стихѣ:

«L'homme est un apprenti, la douleur est son maitre».

«Человѣкъ — ученикъ, страданіе—его учитель». — Да, пожалуй, учитель, только обучающій эгоизму и развращающій ученика. Чтобы страданіе не развратило, необходимо принимать испытанія за возмездіе и за средство искупленія. А въ такомъ случаѣ улучшить насъ уже не страданіе, а вѣра. Конечно, если бы несчастная Эли не была тою разочарованною нигилисткой, которая думала и энергично говорила, «что ничего нѣтъ внѣ этого міра», вся удручающая ее роковая тѣма озарилась бы яркимъ свѣтомъ. Молодая женщина увидала бы таинственное правосудіе, болѣе могущественное, чѣмъ всѣ наши усилія, болѣе непогрѣшимое, чѣмъ всѣ наши расчеты, справедливо карающее виновныхъ и сообщниковъ. Но въ постигшемъ ее ударѣ она видѣла только низкую мечь своего прежняго любовника, и такое страданіе могло лишь унижить ее. Она чувствовала, какъ исчезаетъ все доброе, чистое и свѣтлое, что въ ея сердцѣ было разбужено внезапною восторженною любовью, и какъ на смѣну этому возвращаются ея худшіе инстинкты, вмѣстѣ съ сознаніемъ, что ее сообща презираютъ эти два человѣка, которыми она принадлежала и изъ которыхъ одного безумно любила...

Вся эта горечь разрѣшилась припадкомъ слезъ и криками, которыми она звала возлюбленного. Звала напрасно! Тотъ, къ кому обращались ея страстные стоны, не пошелъ бы на эти призывы, если бы даже могъ слышать ихъ!

Какой страшный вечеръ и какую ужасную ночь провела несчастная, запершись одна въ своей комнатѣ! И сколько силы воли понадобилось ей на то, чтобы на весь слѣдующій день не остаться такою же одинокой, въ потемкахъ съ закрытыми ставнями и съ опущенными драпировками, погруженною въ тишину и во мракъ, точно заживо зарытою въ могилу!... Но Эли была дочерью офицера и женою принца, въ ней крѣпко вкоренилась черта вдвойнѣ военного воспитанія — неуклонная точность въ исполненіи общаго, заставляющая дисциплинированное въ этомъ направленіи сознание въ опредѣленную часть, при какихъ бы ни было обстоятельствахъ, быть исправно на указанномъ посту. Эли общалась наканунѣ похлопотать у Дики Марша за мужа Ивонны и сообщить послѣ полудня о результатѣ переговоровъ. Она до того утомлена была утромъ, что готова была написать госпожѣ де-Шези отсрочить время отвѣта и, съ тѣмъ вмѣстѣ, отложить необходимый визитъ американцу на его яхтѣ. Потомъ баронесса де-Карлсбергъ сказала себѣ: — «Нѣтъ, это трусость»... — и въ одиннадцать часовъ утра, съ лицомъ закрытымъ бѣлымъ газовымъ вуалемъ, скрывавшимъ красноту ея глазъ, она вышла изъ кареты на маленькой набережной, у которой стояла *Женни*. Когда Эли подъ блѣднымъ отъ жары небомъ увидала снасти яхты и ея бѣлый корпусъ, она вспомнила свой прїѣздъ на тѣ же залитые солнцемъ камни маленькой набережной, въ той же каретѣ и почти въ тотъ же часъ, двѣ недѣли назадъ, — вспомнила свою радость, при видѣ Пьера, тревожно ожидавшаго ее на палубѣ яхты. И этихъ двухъ недѣль достаточно было для того, чтобы ея романтическая идиллія превратилась въ мрачную трагедію. Гдѣ былъ влюбленный въ нее въ день отъѣзда въ Геную? Гдѣ скрывалъ онъ тяжелое горе, которое постигло его изъ-за нея, въ которомъ она не могла даже утѣшить его? Не уѣхалъ ли онъ изъ Баннъ? Съ вечера предшествовавшаго дня мысль, что Пьеръ, быть можетъ, покинулъ ее навсегда, безпрерывно томила ея сердце. Эли глазъ не могла оторвать отъ яхты, гдѣ она была такъ счастлива, и считала иллюминаторы, рядъ которыхъ какъ разъ выдавался надъ бортомъ военного бота, стоявшаго рядомъ съ *Женни*. Седьмой былъ тотъ самый, что освѣщалъ ихъ каюту, пріютъ первыхъ восторговъ ихъ любви. Рядомъ съ иллюминаторомъ сидѣлъ матросъ на подвѣшанной, качающейся на

веревкахъ доскѣ и мыль наружную сторону яхты шваброй, котору окуналъ въ висѣвшую тутъ же бадью. Прозанчность такой черной работы, исполняемой въ эту минуту и на этомъ мѣстѣ, еще болѣе подчеркивала контрастъ между этимъ и прежнимъ посѣщеніемъ яхты и заставила болѣзненно сжаться сердце молодой женщины. И она чуть не задыхалась отъ сдерживаемаго волненія, переходя по мѣстку, положенному между набережной и яхтой. Волненіе Эли было такъ замѣтно, что даже Маршъ позволилъ себѣ спросить о его причинѣ, измѣнивши на этотъ разъ основному правилу англо-саксонцевъ избѣгать всякихъ *personal remarks*.

— Со мною ничего не случилось, — отвѣтила баронесса, — или, по крайней мѣрѣ, ничего, касающагося меня лично.

И пользуясь вопросомъ американца, она тотчасъ же заговорила о дѣлѣ:

— Вы видите меня взволнованною тѣмъ, что я узнала объ Ивоннѣ...

— Вамъ не угодно ли будетъ пройти въ курильную? — сказалъ Маршъ, котораго имя мадамъ де-Шези заставило вздрогнуть. — Такъ удобнѣе будетъ поговорить...

На самомъ дѣлѣ, Эли ввели въ контору, въ *office*, гдѣ американецъ сидѣлъ, по своему обыкновенію. Прерывистое постукиваніе пишущей машины не прекратилось и не замедлилось ни на секунду, при появленіи посѣтительницы, въ то время, какъ другой секретарь продолжалъ телефонировать депешу въ телеграфную контору, а третій — разбирать бумаги. Интенсивность такого труда ясно доказывала важность и спѣшность дѣла. Но хозяинъ прекратилъ диктовку и оставилъ свои счета, какъ ребенокъ бросаетъ свои игрушки, чтобы съ лихорадочною торопливостью распросить гостью про Ивонну.

— Такъ разразилась бѣда? Они разорены? — заговорилъ Маршъ, какъ только очутился наединѣ съ баронессой де-Барлсбергъ.

И, послѣ ея утвердительнаго отвѣта, онъ продолжалъ:

— Не правъ ли я былъ? Эти дни я не видалъ виконтессу и не искалъ случая ее видѣть. Я зналъ, что тутъ путается Бріонъ, и былъ увѣренъ въ томъ, что вы позовете меня, когда будетъ нужно, если только... Да нѣтъ, быть не могло никакого «только»... Я былъ убѣжденъ, что это милое дитя по достоинству оцѣнить негодяя и выгнать его вонъ, при первомъ словѣ, которое онъ позволитъ себѣ...

— Она пріѣхала ко мнѣ, — сказала Эли, — вся трепещущая, возмущенная мерзкими предложеніями этого наглеца...

— А! его стоило бы поучить настоящим манеромъ, — прервалъ ее Маршъ, дѣлая рукой энергическое движеніе, дополняющее сказанную фразу. — И вы сказали ей, что она можетъ ко мнѣ обратиться? Бя мужъ хочетъ ли, наконецъ, взяться за дѣло?

— Она въ такомъ положеніи, что просила у меня для Гонтрана мѣста управляющаго въ имѣніяхъ эрцгерцога, — отвѣтила Эли.

— У меня есть дѣло для Шези! — живо заговорилъ Дики Маршъ. — Очень хорошее дѣло, для меня даже болѣе хорошее, чѣмъ для него... Я держусь такого принципа: всякая услуга должна, прежде всего, принести пользу тому, кто ее оказываетъ. Такимъ образомъ, если обяжешь неблагодарнаго, то свое-то, все-таки, возьмешь... Такъ вотъ, мы работали съ поѣздки въ Геную, основали въ Маріонвилѣ вчетверомъ, — «четыре бряжистыхъ», какъ насъ зовутъ, — общество для эксплуатаціи двухъ десятковъ разоренныхъ *ранчей*, которыя мы скупили въ Сѣверной Дакотѣ. У насъ тамъ на многія мили тянутся луга, и на нихъ мы намѣрены разводить не рогатый скотъ, а лошадей... Почему лошадей? Тоже вопросъ. Въ Штатахъ лошади ничего не стоятъ. Мои соотечественники уничтожили глупость и тщеславіе ѣзды на лошадяхъ, обходятся вполне желѣзными дорогами, электрическими трамваями и канатными омнибусами. У васъ, въ Европѣ, при вашихъ постоянныхъ арміяхъ, совсѣмъ иное дѣло. Черезъ пять лѣтъ вы не будете знать, откуда добыть лошадей для вашей кавалеріи. Смотрите же, что выйдетъ. Мы скупаемъ тамъ у себя лошадей тысячами, по дешевымъ цѣнамъ, поправляемъ ихъ на нашихъ лугахъ, скрещиваемъ съ сирійскими заводчиками... Я уже купилъ по телеграфу пятьсотъ штукъ у султана...

Онъ пересталъ говорить «мы» и перешелъ на «я», увлеченный грандіозными перспективами своего предпріятія:

— Я создамъ новую породу, превосходную для службы легкой кавалеріи. Посажу на своихъ лошадехъ всѣхъ гусаръ, всѣхъ уланъ и драгунъ Европы. Я расчелъ и могу поставлать лошадей въ Парижъ, въ Берлинъ, въ Римъ и въ Вѣну на двадцать пять процентовъ дешевле, чѣмъ государство платитъ за нихъ во Франціи, въ Германіи, въ Италиіи и у васъ... Но мнѣ нуженъ хорошо знающій и вѣрный человекъ для наблюденія надъ моими заводами. Это мѣсто я приберегу для Шези. Я ему дамъ пятнадцать тысячъ долларовъ въ годъ, разѣзды на мой счетъ и, кромѣ того, долю въ чистыхъ прибыляхъ. Вы мнѣ скажете: «Кто хочетъ обогатиться плугомъ, тому приходится пахать». Это вѣрно. Но, при посредствѣ телеграфа, я всегда у дѣла, лишь бы мой молодецъ меня не об-

радывалъ... Шези честный человекъ, въ лошадахъ знаетъ толкъ и хуже барышника. Мнѣ онъ дастъ въ чистую прибыль все то, что стащилъ бы у меня мошенникъ и что нагадилъ бы неспособнѣй. Черезъ десять лѣтъ онъ вернется въ Европу болѣе богатымъ, чѣмъ былъ до совѣтовъ Бриона, и ничѣмъ мнѣ обязанъ не будетъ... Только согласится ли?

— Въ этомъ сомнѣнія нѣтъ, — отвѣтила Эли. — Я увижусь съ вами послѣ полудня. Она вамъ напишетъ...

— Въ такомъ случаѣ, — продолжалъ Маршъ, — я телеграфирую, чтобы поторопились приготовить для нихъ помѣщенія въ Мадридѣ и въ Сильверъ-Сити. У нихъ будетъ два дома на счетъ общества. Водворить ихъ на мѣсто я самъ отправлюсь. Въ июнѣ они могутъ уже быть тамъ... Если они согласны, то не возьмете ли на себя трудъ сказать виконтессѣ, что послѣ завтра мы уходимъ на паромахъ въ Бейрутъ? Я ихъ беру съ собой. Шези примется тотчасъ за свое дѣло, не дастъ бедуинамъ всучить намъ, при покупке, какой-нибудь глянцъ. Я, впрочемъ, напишу ему, чтобы переговоры обо всемъ основательно...

Помолчавши немного, американецъ сказалъ:

— Есть еще одинъ человекъ, котораго я желалъ бы увести съ ними...

— Кто? — спросила Эли.

Слишкомъ великъ былъ контрастъ между душевною растерянностью, отчаяніемъ молодой женщины и доходящей почти до безотрадности энергіей дѣльца-янки. На Эли, при ея угнетенномъ состояніи, это производило такое ошеломляющее впечатлѣніе, что она забыла о планахъ Марша относительно замужства его племянницы Флорансы.

— Вердье, конечно! — воскликнулъ американецъ. — У меня тамъ тоже и своя полиція, — продолжалъ онъ, еще болѣе оживляясь: история и жадность такъ рвались наружу въ то время, какъ Маршъ восхвалялъ лаборанта эрцгерцога и его изобрѣтенія. — Я радъ, что онъ разрѣшилъ, наконецъ, свою задачу... Они вамъ не говорили объ этомъ? Такъ я вамъ скажу, это дивное дѣло! Вы сейчасъ поймете... Вамъ извѣстно, что алюминій единственный металлъ по своей легкости. У него одинъ недостатокъ: онъ слишкомъ дорогъ. Вердье началъ съ того, что нашелъ способъ добывать его прямо электролизомъ, безъ химической обработки, за ничтожную плату, и, пользуясь этимъ алюминіемъ, онъ создалъ новый типъ электрическаго аккумулятора, въ пятнадцать разъ болѣе сильнаго, чѣмъ одъчабовомъ вѣсѣ съ теперешними... Электрическій двигатель

для желѣзныхъ дорогъ найденъ! Онъ въ рукахъ. Я увожу Вердъ въ Штаты. Его изобрѣтеніемъ мы сразу опрокидываемъ всѣ общиства трамваевъ въ Маріонвилѣ, въ Блivelэндѣ и въ Буффало. Э-мъ вѣдь, это гробъ Джемъ Дэвису, конецъ, провалъ, банкротство!.. Да, вы не знаете Дэвиса. Это—*мой врагъ*... У васъ, конечно, естъ какой-нибудь врагъ на свѣтѣ, кто-нибудь, съ кѣмъ вы бьетесь и смерть десять лѣтъ, пятнадцать лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ вы себѣ помните... Вотъ что такое для меня этотъ Джемъ... Всѣ его дѣла идутъ плохо въ настоящую минуту. Съ изобрѣтеніемъ Вердѣ въ рукахъ я его прикончу, а съ нимъ вмѣстѣ и всю республиканскую партію въ Огіо...

— Не могу же я, однако, пойти въ лабораторію и заставить отдать мнѣ эти аппараты! — прервала его мадамъ де-Карлсбергъ.

Несмотря на свое горе, она не могла сдержатъ улыбку передъ ея кровеностями Марша, полуполитическими, полукommerческими, онъ, съ обычною ему смѣсью холодности и возбужденности, не трясъ изъ вида своихъ практическихъ расчетовъ. Онъ только-что оказалъ услугу баронессѣ де-Карлсбергъ и, твердо помня, что долъ красенъ платежомъ, просилъ въ замѣну ея услуги.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ, — но вы можете узнать, что этотъ молодой человѣкъ имѣетъ противъ Флоси. Дѣло въ томъ, что я рѣшилъ поженить ихъ. Дѣвочка не говорила вамъ объ этомъ? Такъ вамъ говорю. Брагъ этотъ — великолѣпнѣйшая вещь: молодцу-состояніе, дѣвочкѣ — счастье, мнѣ — орудіе!... Да еще какое орудіе, когда этотъ гениальный человѣкъ будетъ въ такихъ вотъ рукахъ!... — и онъ сдѣлалъ движеніе рабочаго, схватывающаго рукоятку инструмента, который готовъ пустить въ дѣло. — Все шло отлично, и вдругъ летитъ въ дребезги... Дней пять-шесть назадъ вижу я, моя дѣвочка задумчива, почти печальна. Я спрашивалъ «Вы дали ему слово, Флоранса?» — «Нѣтъ, дядя, и никогда мадамъ»... Начинаю выпрашивать, не много, но достаточно, чтобъ добратъ до какой-то размолвки влюбленныхъ. Еслибъ вы рѣспросили ее, баронесса, то узнали бы точнѣе и подробнѣе, чѣмъ я и могли бы поговорить съ Вердѣ... Посудите сами, естъ ли какой смыслъ тянуть дѣло, когда они любятъ другъ друга? А любить, онъ вѣрно... Я, напримѣръ, познакомился съ мистрисъ Маршъ, — я хочу сказать, съ миссъ Потъ, — въ четвергъ, а въ субботу я былъ женихомъ, она моею невѣстой. Время, знаете, — время такая штука, что изъ него не слѣдуетъ терять ни одного дня, ни одного часа ни минуты. Слишкомъ много потеряемъ мы его въ могилѣ!

— Вы хотите, чтобъ я узнала отъ Флорансы причину ея не...

али и ихъ ссоры? Я узнаю. А затѣмъ, чтобъ я опять все нала-
ла? Попытаюсь...

— Вотъ именно, баронесса, — сказалъ Маршъ и добавилъ на-
сно: — А! еслибы моя племянница была такая, какъ вы!... Я бы
васъ въ товарищи по вѣмъ моимъ дѣламъ. Вы легко, быстро
понимаете и, не задумываясь, дѣлаете, когда что нужно!...
Франсу найдете въ ея комнатѣ. Что же касается Шези, то дѣло
важное. Если позволите, я сейчасъ телеграфирую о нихъ...

— Распоряжайтесь! — сказала Эли и направилась одна къ
миссъ Маршъ.

Чтобы добраться до нея, баронесса де-Карлсбергъ должна была
взять карту, которую сама она занимала во время незабвенной
пѣздки въ Геную. Съ необыкновенно тоскливымъ чувствомъ Эли
отворила дверь. Маленькая комнатка, никѣмъ не занятая въ эту
минуту, имѣла видъ зауряднаго помѣщенія, готоваго принять дру-
гую случайную гостью, пріютить инныя радости или инныя печали,
инныя нечты и инныя горести! Возможно ли было, однако, чтобы со-
вершенно безъ слѣда и навсегда исчезло все, что здѣсь пережито
въ такомъ волненіемъ? Потому ли, что рѣчи Марша повліяли на
молодую женщину бодрящимъ образомъ, потому ли, что, при извѣст-
ной степени душевной угнетенности, наступаетъ инстинктивно ре-
шеніе, — Эли отвѣтила сама себѣ на этотъ вопросъ: «Нѣтъ». На
прѣгъ маленькой кельи, бывшей для нея такъ недавно настоящимъ
домомъ, она дала себѣ клятву не сдаваться, биться за свое счастье
и вернуть его. И минутнаго подъема достаточно было для того, что-
бы любопытству миссъ Флорансы, болѣе догадливой, чѣмъ Маршъ,
баронесса не показала лица, слишкомъ рѣзко выражающаго горе.
Молодая американка была занята писаніемъ картины, — срисовыва-
вшая съ натуры великолѣпный букетъ гвоздикъ и розъ, гвоздикъ жел-
тыхъ, точно облитыхъ сѣрой, почти золотистыхъ, розъ темно-пур-
пурныхъ, почти черныхъ. Любительница рѣзкихъ колеровъ, она
сочетала такимъ сочетаніемъ пурпурнаго и желтаго цвѣтовъ. Не-
малой кистью она накладывала на полотно яркія пятна и упор-
но, старательно отдѣлывала ихъ съ энергіей терпѣнія, равной энер-
гии въ веденіи промышленныхъ предпріятій. И все-таки, изъ-
за упорной твердости и рѣшительности, въ ней видна была жен-
щина, и ее выдавало слишкомъ замѣтное волненіе при появленіи
миссъ Флорансы. Флоранса угадывала, что баронесса, свиданій съ которою она
имѣла уже нѣсколько дней, начнетъ говорить съ ней о Вердѣ.
Она не стала, впрочемъ, хитрить съ гостьей и на первый же
вопросъ отвѣтила:

— Это дядя прислалъ васъ переговорить со мной. Онъ хорошъ сдѣлалъ. То, чего я не хотѣла и не могла сказать ему, я скажу вамъ. Я поссорилась съ Вердье, это правда, поссорилась изъ-за того, что кто-то гадко наклеветалъ на меня, а онъ повѣрилъ клеветѣ. Вотъ и все...

— «Кто-то» — это эрцгерцогъ, не такъ ли? — спросила и дама де-Барлебергъ, помолчавши немного.

— По виду, все было противъ меня, — продолжала американка, не отвѣчая на вопросъ баронессы, — но когда вѣришь человѣку, — видимости ничего не значать... Не одного ли вы со мною мнѣнія?

— Я того мнѣнія, что Вердье любить васъ, — отвѣтила Эли, — и что въ каждомъ влюбленномъ сидитъ ревнивецъ... Но что случилось?

— Нельзя любить того, кого не уважаешь, — живо возразила молодая дѣвушка, — и нельзя уважать женщину, когда считаешь виновной въ извѣстнаго рода пособничествѣ... Вы знаете, — продолжала она съ возрастающимъ раздраженіемъ, ясно доказывая шипомъ, какъ глубоко почувствовала она оскорбленіе, — что Андрианъ и ея мужъ наняли виллу у залива Жуана. Я ѣздила туда съ Андрианой. Моссь Вердье узналъ объ этомъ. А что онъ узналъ, это менѣе особенно удивляетъ. Разъ или два, когда мы ѣздили пить чай, мнѣ показалось, что я видѣла не вдалекѣ фигуру господина де-Лаубаха. И знаете ли, что моссь Вердье осмѣлился подумать обо мнѣ, американку, и въ чемъ онъ упрекнулъ меня?... Что я прикрываю интригу между Андрианой и Корансецомъ, такую нехорошую вещь, что вы называете связью...

— Но вамъ такъ легко оправдаться! — перебила ее Эли.

— Я не могла выдать Андриану, — отвѣтила Флоранса, — общала сохранять ея тайну и не хотѣла просить разрѣшенія, какъ бы то ни было открыть ее, не хотѣла, во-первыхъ, потому, что я считала себя въ правѣ на это, а затѣмъ... — лицо дѣвушки вырвало всю гордость затронутаго самолюбія. — А затѣмъ, противъ подобныхъ подозрѣній не защищаются. Я сказала господину Вердье, что онъ ошибается, онъ мнѣ не повѣрилъ... Между нами кончено...

— Такъ что вы, — сказала Эли, — останавливаетесь на рѣшеніи не выходить за него замужъ изъ гордости, изъ-за того, что разсержены и не хотите дать ему самаго простого объясненія въ шего поступка?... А если онъ самъ придетъ сюда, на яхту вашей дяди, будетъ умолять простить его въ томъ, что онъ подумалъ, или вѣришь, въ томъ, что ему казалось, будто онъ подумалъ!... Если

лучше еще сдѣлаетъ, будетъ просить вашей руки, будетъ просить васъ стать его женой, отвѣтите ли вы отказомъ и заявленіемъ, что между вами все кончено?

— Онъ не придетъ, — отвѣтила Флоранса. — Въ цѣлую недѣлю могъ бы хоть написать мнѣ, хоть чѣмъ-нибудь выразить желаніе видѣть меня. Зачѣмъ вы говорите мнѣ все это? Вы только знаете у меня бодрость, а она мнѣ такъ нужна теперь...

— Настоящее вы дитя, Флоси! — сказала Эли, цѣлуя молодую девушку. — Когда-нибудь вы узнаете, что никакой бодрости нѣтъ, когда любишь человѣка и когда онъ васъ любитъ. Предоставьте лучше мнѣ дѣйствовать и будете вы невѣстой до наступленія вечера...

Она проговорила эти слова утѣшенія и надежды съ такимъ искреннимъ выраженіемъ, какого Флоранса никогда прежде не слышала. Выслушивая рассказъ молодой дѣвушки о ничтожномъ недоумкѣ, разлучившимъ ее съ Вердье, баронесса де-Карлсбергъ не живѣ почувствовала собственное несчастье. Разладъ между двумя влюбленными былъ не болѣе какъ ссорой дитяти, — какъ она назвала миссъ Маршъ, — съ другимъ ребенкомъ, и въ умѣ Эли только возникло сравненіе, являлась мысль о ея разрывѣ съ Пьеромъ, горькомъ, загрязненномъ, непоправимомъ. Передъ милою красотою американки, невиновной и оклеветанной, она сознавала, насколько тяжело быть справедливо обвиненною и поставленною въ необходимость или лгать, или сознаться въ своемъ позорѣ и умолять о пощадѣ! Въ то же время она глубоко возмущена была недоумкомъ и шпіонствомъ, которымъ пользовался эрцгерцогъ для того, чтобъ удержать у себя Вердье. Тутъ передъ нею было опять то же самое, что со вчерашняго дня поднимало всю ея ненависть къ Оливье, а именно — привязанность мужчины къ мужчинѣ, мужская дружба, ревнующая любовь, враждебная женщинѣ, преслѣдующая и травящая женщину всѣми средствами ради того, чтобъ отдѣлаться отъ нея друга. Правда, привязанность принца къ его соратнику была не совсѣмъ тождественна съ привязанностью Оливье къ Пьеру и Пьера къ Оливье. То было глубокое расположеніе ученика къ товарищу по лабораторіи, учителя къ ученику, почти — отца къ сыну. Но и такая привязанность, не сердечная, а чисто интелектуальная, была, тѣмъ не менѣе, въ своемъ родѣ тоже истинною дружбой. Разставшись съ Флорансой и принимаясь тотъ же за разрушеніе этой дружбы, баронесса де-Карлсбергъ находила въ этомъ какъ бы удовлетвореніе своей жажды отплатить за себя лично. Столь ничтожная отплата была слишкомъ слабымъ возмещеніемъ въ тоскѣ молодой женщины о потерянномъ счастьи въ

то время, какъ она пускалась хлопотать объ устройствѣ счастья племянницы Марша... Эли начала съ того, что отправилась на виллу, гдѣ жила Андриана, на противоположномъ концѣ Баннгъ. Баронессѣ ни о чемъ не пришлось просить добродушную итальянку. Едва узнавши о недоразумѣніи, ставшемъ причиной размолвки между Вердье и миссъ Маршъ, она воскликнула:

— Да почему же она не сказала ему? Бѣдная, милая дѣвочка! Я эти дни замѣчала, что съ ней что-то дѣлается. Такъ вотъ причина!... Я сейчасъ же отправлюсь къ вамъ, увижусь съ Вердье, увижусь съ принцемъ, скажу имъ всю правду. Тогда они, поневолѣ, признають, что въ поступкѣ Флорансы не было ничего непохожаго... Къ тому же, мнѣ и самой достаточно наскучило постоянно скрываться, непрерывно лгать. Я хочу объявить о своемъ замужствѣ и сегодня же. Я ждала только случая, чтобъ уговорить Барансеца сдѣлать это. Случай на-лицо...

— А вашъ братъ?—спросила Эли.

— А, да... Мой братъ?... Мой братъ?...—повторила венецианка.

При этомъ напоминаніи, по ея красивому лицу, сившему съ жестью прозрачныхъ тоновъ кожи, разлился яркій румянецъ, смившійся тотчасъ же блѣдностью испуга. Было очевидно, что в ея долго-порабощенной душѣ происходитъ послѣдняя борьба между привычнымъ страхомъ и возвращающею нравственною силой. В нея было два могучихъ побужденія становиться смѣлой: ея любовь, экзальтированная счастьемъ и сладострастіемъ, и только-что мелькнувшая надежда сдѣлаться матерью. Объ этомъ она сама тутъ же объявила баронессѣ съ великолѣпнымъ отсутствіемъ стыдливости, почти съ гордостью супруги, влюбленной въ своего мужа.

— Дѣло въ томъ,—добавила она,—что мнѣ скоро не будетъ уже и выбора: я думаю, что я беременна... Пошлите сейчасъ къ Барансецомъ. Что вы ему посоветуете, онъ то и сдѣлаетъ. Вы только настаивайте... Я не понимаю причины его нерѣшительности. Еслибъ я не такъ безусловно вѣрила ему, я подумала бы пожалуй, что онъ уже раскаивается въ томъ, что женился...

Вопреки опасеніямъ, высказаннымъ сантиментальною Андрианой, провансалець не подумалъ возражать баронессѣ де-Барнсебергъ, когда она попросила его открыть эрцгерцогу и его лаборанту всѣ тайны,—или всю комедію,—*matrimonio segreto*. Отецъ южанинъ лишній разъ имѣлъ бы случай полюбоваться ловкостью своего Маріа, еслибъ могъ видѣть снисходительную готовность, съ которою было дано согласіе на то, чѣмъ осуществлялись всѣ завѣтные желанія плѣнительнаго интриганта. Въ такихъ южанахъ окрестности

Марсели грекъ смѣшивается съ тосканцемъ, и у всѣхъ у нихъ точно выгравирована въ глубинѣ сердца пословица, резюмирующая собою всю философію итальянцевъ и левантинцевъ: *Chi ha ragione, ha gloria...* *). Корансець предполагалъ объявить о своемъ бракѣ, какъ только явится надежда на рожденіе ребенка. Но дать согласіе на такое объявленіе, по просьбѣ баронессы де-Карлсбергъ и ради блага оклеветанной молодой дѣвушки, представляло собою отличный случай практическому малому блеснуть великодушіемъ! И вся сложность этой личности, изворотливой и лукавой, сразилась на слѣдующей рѣчи, сказанной Корансецомъ двумъ женщинамъ искреннимъ или почти искреннимъ тономъ:

— Надо идти куда судьба ведетъ, Андриана. Таково мое основное правило, какъ вамъ извѣстно. Исторія миссъ Маршъ и Вердье есть для насъ прямое указаніе... Мы должны объявить о нашемъ бракѣ, къ чему бы это ни повело... Мнѣ такъ хотѣлось бы подольше сохранить нашу тайну. Такъ хорошо, такъ чудно намъ живется! Я—прежде всего романтикъ, человѣкъ старинной школы, трубадуръ. Быть съ нею, боготворить ее,—онъ указалъ на Андриану, враспѣвающую отъ восторга,—наслаждаться счастьемъ безъ другихъ свидѣтелей, кромѣ такихъ друзей, какъ вы,—онъ обратился къ Эли,—какъ Пьеръ, какъ миссъ Маршъ, это было осуществленіемъ идеала... Такъ же идеально будетъ, но по иному идеально, гордо объявить всѣмъ: «Я ея избранникъ!...» Но,—онъ помолчалъ немного, чтобы оттѣнить важность своего совѣта, — если Корансець трубадуръ, то онъ трубадуръ, претендующій на умѣнье перебирать струны. И, пока не будетъ доказано противное, я держусь того мнѣнія, что не совсѣмъ благоразумно было бы Андрианѣ или мнѣ лично объявлять принцу о нашемъ бракѣ. Вы позволите мнѣ высказаться вполне откровенно, баронесса? Я, впрочемъ, никогда не умѣлъ быть льстецомъ... Принцъ... какъ бы это выразить? Ну, словомъ, онъ—слишкомъ принцъ: не особенно любить онъ, чтобы дѣлалось что-нибудь не по его, а любовь Вердье къ миссъ Маршъ очень ему не нравится... Про ихъ историю онъ, конечно, знаетъ. Быть-можетъ даже, что онъ рѣзко суждалъ молодую дѣвушку въ разговорѣ съ своимъ лаборантомъ. Онъ желаетъ удержать при себѣ такого помощника, что весьма понятно: Вердье замѣчательно талантливый человѣкъ! Кромѣ сказать, ничего пріятнаго для принца въ томъ не будетъ, если придутъ къ нему добрые люди и скажутъ: «На миссъ Маршъ

* Извѣщій терпѣніе вмѣстѣ славу.

неправду наговорили. Она была доброю подругой самой честной самой безукоризненной женщины, вступившей въ законный бракъ легальнѣйшимъ образомъ». И разумѣется, принцу досадно будетъ сознаться въ своей ошибкѣ такого рода при постороннихъ свидѣтеляхъ!... Короче, мнѣ кажется, было бы проще и полезнѣе до окончательнаго примиренія, еслибы принцъ узналъ обо всемъ отъ васъ, дорогая баронесса, и только отъ васъ одной... Андрианна напишетъ вамъ письмо здѣсь же, подъ мою диктовку, и будетъ васъ просить сообщить его высочеству о нашемъ бракѣ, тамъ уже все само собою сдѣлается, пока мы будемъ улаживать ся, какъ сможемъ, съ милѣйшимъ Альвизомъ...

Такимъ образомъ самыя разнородныя вліянія приводили къ тому чтобы создать новый конфликтъ между баронессой де-Карлсбергъ и ея мужемъ въ ту минуту, когда она переживала мучительныя потрясенія, дѣлавшія ее неспособной предусматривать и защищаться ни даже просто наблюдать внимательно. Позднѣе ей часто приходилось вспоминать это утро и подхватившій ее сначала, а за ней и двоихъ молодыхъ людей, настоящій вихрь событій, въ которыхъ повидимому, ни Пьеръ, ни Оливье, ни она сама никогда не могли принимать участія. Шези по-дурацки разорился, играя на биржѣ а Брюнъ вздумалъ воспользоваться этимъ для того, чтобы сбить съ пути бѣдную Ивонну; — поразительное сходство этой послѣдней съ умершею дочерью Марша и странное увлеченіе этимъ сходствомъ американскаго милліонера, побудившее его оказать самое романтическое и очень выгодное для него благодѣяніе; — важное въ промышленномъ отношеніи изобрѣтеніе Вердье и стремленіе того же Марша воспользоваться для своихъ выгодъ этимъ открытіемъ наивѣрнѣйшимъ способомъ, отдачей племянницы замужъ за молодого физика; — желаніе Андрианы и Корансеца подкараулить наиболѣе подходящій моментъ для объявленія о ихъ бракѣ, — все это были исторіи не имѣвшія ничего общаго съ жизнью баронессы Эли, могущія, казалось, интересовать ее очень мало. И, тѣмъ не менѣе, каждая изъ этихъ исторій, — точно въ силу какого-то заранѣе придуманнаго сочетанія, — оказывала свою долю вліянія на то, что предполагалъ предпринять Эли, по совѣту Корансеца, а исполненіе ею предпріятія таго подготавливало, въ свою очередь, самую неожиданную и страшную развязку нравственной трагедіи, въ которой молодая женщина очутилась, не видя никакого выхода. Сколько разъ задумывалась Эли надъ вопросомъ, каково было бы будущее ея любви, даже послѣ объясненія Оливье съ Пьеромъ, еслибы не поѣхала она въ этотъ день къ Маршу, чтобы помочь Брюнѣ, еслибы американецъ не про-

силъ еще помирить Вердье съ Флорансой, еслибы, наконецъ, сообщеніе эрцгерцогу о замужствѣ Андрианы и Борансеца не получило характера бравады, доведшей принца до полного бѣшенства! Все это — тщетныя предположенія, дающія только сильнѣе чувствовать дускающимся на ребяческій трудъ мысленной перестройки за-ново своей жизни всю неизбѣжность предначертаннаго для нихъ судьбой!

Направляясь на виллу Гельмгольцъ съ письмомъ Андрианы, Эли отнюдь не предполагала, насколько грозно самое ближайшее готится ей будущее. Не радостно было у нея на душѣ, разумѣется, — разлука съ Пьеромъ отняла у нея всѣ радости, — но баронесса испытывала горькое удовлетвореніе мщеніемъ, за которое пришлось ей потомъ заплатить слишкомъ дорого. Только что вернувшись къ себѣ, она послала спросить эрцгерцога, никогда уже не завтракавшего съ ней, не можетъ ли онъ удѣлить немного времени на разговоръ съ ней, и была приглашена въ лабораторію, гдѣ до этого не побывала и трехъ разъ. Тамъ, въ рабочей обстановкѣ ученаго, обутанный большимъ фартукомъ, съ ермолкой на головѣ, наследникъ императоровъ, стоя передъ кузнечнымъ горномъ, держалъ въ возожженныхъ рукахъ желѣзный пруть и самолично накаливалъ его на огнѣ. Немного поодаль Вердье, одѣтый одинаково съ своимъ патрономъ, настраивалъ электрическіе элементы. Вся очень большая комната, освѣщенная сверху, была заставлена сложными машинами, таинственными инструментами, аппаратами непонятнаго вида для посѣтителя, незнакомаго съ дѣломъ. У обоихъ физиковъ, достигнутыхъ за профессиональною работою, были сосредоточенныя и терпѣливо неподвижныя выраженія лицъ, которыя экспериментальная наука даетъ въ концѣ-концовъ своимъ адептамъ. На ихъ лицахъ отражается покорность дѣлу, терпѣніе, налагаемое необходимою продолжительностью опытовъ, увѣренность въ ожиданіи результата, высокое интеллектуальное спокойствіе, обусловленное постояннымъ общеніемъ съ непреложными законами. И, все-таки, сквозитъ невозмутимость рабочаго-ученаго, проглядывала озабоченность, томившая лаборанта. Принцъ, напротивъ, казался помолодѣвшимъ отъ веселости, — но отъ нехорошей и злобной веселости, молчавшей еще болѣе жестокой оттѣнокъ съ приходомъ его жены. Онъ встрѣтилъ Эли такими фразами, полными враждебныхъ недомолвокъ:

— Чему обязаны мы честью, которую вы дѣлаете намъ, моя милая, посѣщая насъ въ нашемъ пандемоніумѣ?... На первый взглядъ, здѣсь покажется не особенно весело. За то живетъ здѣсь счастливѣе, чѣмъ гдѣ-либо... Естественныя науки даютъ намъ то,

чего жизнь никогда не даетъ, сознание истины. Ни лжи, ни разочарованія не можетъ быть въ хорошо произведенномъ опытѣ. Не такъ ли, Вердье?

— Я счастлива, ваше высочество, что слышу отъ васъ такіа слова, — возразила молодая женщина, отвѣчая ироніей на иронію супруга. — А такъ какъ вы настолько любите правду, то я надѣюсь, вы поможете мнѣ возстановить истину относительно одной особы, которую здѣсь жестоко оклеветали, быть-можетъ, передъ вами и, навѣрное, передъ господиномъ Вердье.

— Я не понимаю, — сказалъ эрцгерцогъ, лицо котораго вдругъ омрачилось. — Мы люди не свѣтскіе, я и господинъ Вердье, и не допускаемъ, чтобы передъ нами могли оклеветать кого бы то ни было. Если мы чему-либо и о комъ-нибудь вѣримъ, то значить имѣемъ неотразимыя доказательства. Не такъ ли, Вердье?

Онъ обратился къ лаборанту, не отвѣтившему на это ни слова. Для обоихъ мужчинъ сказанное баронессой Эли было такъ же ясно, какъ еслибъ она назвала миссъ Маршъ, и взглядъ Вердье не оставлялъ сомнѣнія въ томъ, какъ онъ сильно любитъ американку и какъ страдаетъ отъ того, что утратилъ къ ней уваженіе. Это новое проявленіе чувства, нанавистнаго эрцгерцогу, раздражило принца до крайности, и онъ повелительнымъ, почти грубымъ, тономъ проговорилъ:

— Намъ, сударыня, время дорого. Опыты не ждутъ, и вы обяжете меня, если перестанете говорить загадками.

— Исполняю волю вашего высочества, — отвѣтила мадамъ де-Карлсбергъ, — и говорить буду кратко: я узнала отъ моей пріятельницы, миссъ Маршъ...

— Если вы пришли за тѣмъ, чтобы говорить съ нами объ этой интриганткѣ, — рѣзко оборвалъ ее эрцгерцогъ, — то это совершенно бесполезно...

— Ваше высочество... — отозвался Вердье, подходя ближе.

Оскорбленіе, брошенное эрцгерцогомъ по адресу Флорансы, заставило его вздрогнуть всѣмъ тѣломъ.

— Ну, что? — обратился принцъ къ своему лаборанту: — Правда или нѣтъ, что у насъ есть доказательства того, какъ мадамъ Бонакорси отправляется на свиданія въ маленькій домикъ около залива Жуана? Правда или нѣтъ, что мы сами видѣли, какъ она входила въ этотъ домикъ? Правда или нѣтъ, что мы знаемъ, гдѣ нанять домикъ и кто любовникъ, съ которымъ она тамъ встрѣчается? Правда или нѣтъ, что миссъ Маршъ сопровождала ее туда? Если въ васъ былъ братъ, другъ, допустили ли бы вы его жениться

на дѣвицѣ, про которую вы знали бы, что она принимаетъ участіе въ похиженіяхъ такого рода?

— Ни въ какихъ похиженіяхъ миссъ Маршъ не принимаетъ участія,—вступилась Эли съ негодованіемъ, котораго уже не скрывала.—У мадамъ Бонакорси нѣтъ любовника!... Такъ какъ вамъ угодно знать правду, то позвольте же мнѣ выяснить все до конца. Четырнадцатаго числа этого мѣсяца,—слышите ли, четырнадцатаго,—я, самолично, присутствовала при вѣнчаніи Андрианы Бонакорси съ де-Борансецемъ въ Генуѣ, въ капеллѣ дворца Фрегозо... Основательно ли, нѣтъ ли, но они желали, чтобы бракъ ихъ оставался въ тайнѣ. На то у нихъ были свои причины. Теперь обстоятельства измѣнились, и вотъ письмо, которымъ Андриана проситъ меня открыто сообщить вашему высочеству о ея замужствѣ... Какъ видите,—обратилась баронесса Эли къ Вердѣ,—Флоранса никогда не переставала быть самою честною, самою правдивою, самою безукоризненною дѣвушкой, и я совершенно права была, говоря, что ее оклеветали жестоко и недостойно...

Эрцгерцогъ взялъ письмо Андрианы, прочелъ его и возвратилъ женѣ, не говоря ни слова. Онъ пристально посматрѣлъ на баронессу пронизательнымъ и гордымъ взглядомъ, добирающимся до сокровенныхъ помысловъ человѣка, и увидалъ, что она не лгала. Потому онъ перевелъ на Вердѣ взоръ, въ которомъ гнѣвъ смѣнился глубокою грустью, и, не обращая ни малѣйшаго вниманія на Эли, точно ея совсѣмъ не было въ комнатѣ, заговорилъ съ молодымъ человѣкомъ, употребляя мѣстоименіе «ты», допускаемое разницею лѣтъ и положеній ихъ, чего, однако, принцъ никогда не позволялъ себѣ съ своимъ помощникомъ при постороннихъ людяхъ.

— Другъ,—началъ онъ, и его обычно рѣзкій, металлическій голосъ зазвучалъ нѣжно,—скажи всю правду: ты раскаиваешься въ своемъ рѣшеніи?

— Я раскаиваюсь въ своей несправедливости,—отвѣтилъ Вердѣ, волнуясь не менѣе, чѣмъ его патронъ,—это правда, ваше высочество, и желалъ бы выпросить прощеніе у особы, оскорбленной мною...

— Прощеніе ты успѣешь получить,—продолжалъ эрцгерцогъ,—въ этомъ можешь быть увѣренъ. Сюда явились по ея желанію... Вѣрно это?—спросилъ онъ у Эли.

— Вѣрно,—отвѣтила она.

— Вотъ видишь,—сказалъ принцъ.—А теперь,—продолжалъ онъ тономъ, въ которомъ жалость сливалась съ досадою,—загляни

въ свое сердце, у тебя цѣлая недѣля была на то, чтобы разобрать-ся въ своихъ чувствахъ: ты все еще любишь ее?

— Люблю, — отвѣтилъ Вердье послѣ короткаго молчанія.

— Еще одинъ человѣкъ въ отбросъ, — воскликнулъ принцъ, пожимая плечами въ то время, какъ вздохъ смягчалъ грубость выраженія. — Итакъ, несчастный, жизнь, которую мы вели вмѣстѣ, такая полная, возвышенная, свободная, уже не удовлетворяетъ тебя? Наскучили тебѣ радости, благородные восторги открытій, которые мы переживали здѣсь съ тобою за-одно? Ты хочешь вернуться въ то гнусное общество, цѣнить которое я училъ тебя во столько, чего оно на самомъ дѣлѣ стоитъ, ты хочешь жениться, покинуть это тихое убѣжище, покинуть науку, бросить своего учителя, друга!...

— Но, ваше высочество, — прервалъ его Вердье, — развѣ не могу я быть женатымъ и продолжать работать съ вами?

— Съ такою-то женой? Никогда, — отвѣтилъ эрцгерцогъ тономъ страстной энергіи и съ возрастающею злобой повторилъ: — никогда! Разстанемся, разъ это неизбѣжно, но разстанемся безъ фальши, безъ лжи, такъ, чтобы достойно это было того, чѣмъ мы были другъ для друга... Ты самъ хорошо знаешь, что первымъ условіемъ твоей женитьбы на этой дѣвицѣ поставлена выдача тобою ея разбойнику дядѣ вотъ этого секрета, — и онъ ударилъ рукой по одному изъ аккумуляторовъ, стоявшихъ на столѣ. — Не говори мнѣ, что откажешь ему потому, что изобрѣтеніе принадлежитъ намъ обоимъ: я уступаю тебѣ мою часть, слышишь? — дарю ее тебѣ! Безъ этого ты дошелъ бы до того, что измѣнилъ бы мнѣ изъ слабости, изъ-за этой подлой любви, которую я вижу въ твоемъ сердцѣ... Теперь совѣсть тебя не будетъ упрекать. Женись, продавай наше изобрѣтеніе дѣльцу-грабителю... Продавай ему науку, разрѣшаю тебѣ это. Но уже никогда не увижусь я съ тобой... не увижусь потому, что ты продашь *науку*! Дѣлай это, но знай, что ты дѣлаешь, и знай также, что, дѣлая это, ты становишься участникомъ во всей мерзости нынѣшняго времени, въ томъ коллективномъ преступленіи, которое глупцы называютъ цивилизаціей. Изъ твоего изобрѣтенія, изъ твоихъ изобрѣтеній, — такъ какъ ты не перестанешь работать и не утратишь генія, — твой новый хозяинъ надѣлаетъ милліоны франковъ, много милліоновъ, которые произведутъ безумную роскошь и отвратительные пороки вверху, а внизу — грязь нищеты и человѣческаго рабства... А! какъ я съ перваго взгляда разгадалъ эту дѣвицу! Вотъ ея дѣло. Явилась она, и ты не устоялъ, передъ чѣмъ? Передъ улыбками и взглядами, ко-

торыми она стала бы обольщать другихъ, еслибъ тебя не было тутъ, перваго встрѣчнаго болвана съ здоровыми плечами и красивыми усами! Не устоялъ, въ особенности, передъ нарядами и передъ роскошью!... Дай мнѣ кончить! Черезъ часъ ты будешь у нея и, съ нею вмѣстѣ, будешь потѣшаться, какъ тебѣ угодно, надъ твоимъ старымъ учителемъ, надъ твоимъ другомъ! Что значитъ такой другъ, какъ я, и такой человѣкъ, который любитъ тебя, какъ я любилъ, ты не знаешь этого! Но когда-нибудь ты это поймешь, какъ только узнаешь и оцѣнишь разницу между тѣмъ, что покидаешь, между этимъ общеніемъ мыслей благородною общностью труда, и тѣмъ, что ты предпочелъ, уходя въ жизнь, обезличивающую, унижающую, растлѣвающую... Прощай, Вердье,—и въ голосѣ страннаго человѣка дрожали ноты горечи и безконечной грусти.—Ты женишься на этой дѣвушкѣ, я вижу по твоимъ глазамъ. Если такъ, то уходи, я предпочитаю никогда не видать тебя. Навивай богатство тѣмъ, чему ты у меня научился. Тому же научился бы ты и въ иномъ мѣстѣ, мы расквитались: по твоей милости, я пережилъ лучшіе часы за много лѣтъ моей жизни. И за это я все тебѣ прощаю. Но повторяю тебѣ, на глаза мнѣ не показывайся никогда. Между нами все покончено... А вамъ, сударыня,—продолжалъ онъ, окидывая Эли взглядомъ непримиримой ненависти,—вамъ я даю слово въ томъ, что доберусь до васъ...

ХІІ.

Развязка.

Эта угроза, произнесенная голосомъ, въ которомъ слышалось совершенно опредѣленное рѣшеніе, не заставила молодую женщину опустить глаза. Изъ этой сцены, крайне опасной для нея, такъ какъ ею Эли окончательно возбудила противъ себя ненависть злопамятнѣйшаго и несправедливѣйшаго изъ людей, баронесса вынесла, вернувшись въ свои комнаты, лишь одно впечатлѣніе, неимѣвшее никакого отношенія къ ея личной безопасности. Слушая, какъ у эрцгерцога вырывались крики оскорбленной дружбы, Эли очень ясно представляла себѣ, каково было объясненіе двухъ другихъ друзей, Оливье и Пьера. Она съ полною отчетливостью поняла чувство, соединившее ихъ противъ нея,—этотъ протестъ несчастнаго человѣка противъ женщины и противъ любви и стремленіе укрыться въ братствѣ мужчинъ, какъ въ единственномъ надежномъ убѣжищѣ, куда женщина не можетъ проникнуть слѣдомъ за нимъ. Она видѣла настоящій бой любви съ дружбой. Въ сердцѣ Вердье побѣ-

дла любовь: къ принцу онъ питалъ только привязанность ученика къ учителю, облагодѣтельствованнаго къ покровителю, — чувства почтенія и признательности, — и, кромѣ того, Вердье уважалъ ту женщину, которую любилъ. Насколько инымъ было бы его поведеніе, если бы онъ дружбой отвѣчалъ на дружбу патрона и въ особенности, еслибы про Флорансу Маршъ онъ зналъ то, что зналъ Пьеръ про свою любовницу! Такая аналогія и такой контрастъ представились Эли, по уходѣ ея изъ лабораторіи, съ такою поразительною отчетливостію, что окончательно подорвали въ ней остатки физической энергіи. Необходимость дѣйствовать для другихъ ея уже не поддерживала. Когда она осталась одна, организмъ ея не выдержалъ, какъ то всегда бываетъ послѣ слишкомъ сильныхъ волненій, смѣшившихся слишкомъ энергическими усиліями. Едва войдя къ себѣ, она почувствовала приступъ мигрени, близкой къ агоніи. Да, подобныя кризисы можно назвать настоящею агоніей нервной системы, въ конецъ надорванной усиліями воли и требующей пощады. Эли не пыталась бороться, она легла, какъ больная, въ часъ дня, пославши телеграмму единственному существу, чье присутствіе она могла еще выносить, на чью поддержку могла рассчитывать: къ Луизѣ Брионъ, вѣрной подругѣ, остававшейся въ пренебреженіи за послѣднія недѣли.

— Она мнѣ другъ, — говорила себѣ Эли, — и наша самоотверженная преданность стоитъ ихъ дружбы, слагающейся только изъ ненавистничества...

Итакъ, доведенная до послѣдней крайности, Эли обращалась тоже къ дружбѣ. Баронесса де-Карлсбергъ ошибалась, думая, что Луиза предана ей сильнѣе, чѣмъ Оливье Пьеру или эрцгерцогу своему лаборанту. Но не было съ ея стороны ошибки въ предположеніи, что это совершенно иная преданность. На самомъ дѣлѣ, дружба между женщинами и дружба между мужчинами отличаются одна отъ другой, прежде всего, тѣмъ, что послѣдняя является почти всегда непримиримымъ врагомъ любви, тогда какъ первая всего чаще оказывается ея благосклонною союзницей. Мужчина рѣдко относится съ добрымъ расположеніемъ къ любовницѣ своего друга, тогда какъ самая безупречная женщина питаетъ естественную симпатію къ любовнику своей пріятельницы, лишь бы ея пріятельница была съ нимъ счастлива. Тутъ все дѣло въ томъ, что большинство женщинъ обожаетъ любовь, всякую любовь, чужую не менѣе, чѣмъ свою собственную. А мужчина, наоборотъ, по инстинкту, въ которомъ сказывается дикій деспотизмъ первобытнаго самца, благородно относится лишь къ такой любви, которую самъ испыты-

васть или которую онъ внушаетъ. Какъ извѣстно уже, Луиза Брионъ чувствовала большое расположеніе и безконечную жалость къ Хотфейлю еще въ ту минуту, когда, выслушивая признанія Эли въ саду своей виллы, умоляла пріятельницу отказаться отъ ея опасной любви. Съ этого вечера мадамъ Брионъ не переставала интересоваться молодымъ человѣкомъ, его тревогами, его чувствами, и въ то же время пускала въ ходъ все краснорѣчіе нѣжной заботливости, чтобъ убѣдить подругу никогда не видаться съ Пьеромъ! Потомъ, когда Эли совсѣмъ отдалась своей любви, Луиза отстранилась, ступевалась, изъ нравственной мнительности, чтобы не быть свидѣтельницей того, что ея совѣсть признавала очень преступнымъ, — изъ скромности и чтобы не стѣснять влюбленныхъ своею интимною близостью, — изъ стыдливости честной женщины, встревоженной и пугающейся запрещенныхъ увлеченій. — Но, отстранившись и ступевавшись, она ни на минуту не ощутила ни малѣйшей враждебности къ Пьеру. Ея нѣжно настроенное женское воображеніе не переставало, вопреки ея воли, дѣлать ее въ душѣ участницей страстнаго романа подруги, и Луиза Брионъ продолжала мысленно переживать все испытанное Эли болѣе чутко, чѣмъ свои собственные тихія впечатлѣнія. Въ особенности же, со времени пріѣзда Оливье, такое отождествленіе ея сердца съ сердцемъ любимой подруги сдѣлалось совершенно полнымъ. Обѣдъ въ Монте-Карло, гдѣ они сидѣли почти рядомъ съ Дю-Пратами, взволновалъ, разстроилъ ее до настоящей лихорадки, и съ той минуты она ждала дружескаго призыва Эли, приглашенія раздѣлить съ нею всѣ страхи, всѣ сомнѣнія, всѣ страданія любви, радостей которой Луиза, совершенно искренно, не хотѣла знать. А потому ее не удивила и не ввела въ заблужденіе телеграмма Эли, извѣщавшей только о легкомъ нездоровьѣ. Мадамъ Брионъ сразу угадала, въ чемъ дѣло, и передъ вечеромъ сидѣла уже у изголовья несчастной, выслушивая, поощряя, вызывая всѣ признанія, безъ тѣни осужденія. И, чтобъ осушить слезы, катившіяся по милому ей лицу, чтобъ утишить жаръ маленькой ручки, сжимавшей ея руку, она готова была на всякія слабости, на всякія снисхожденія, на всякія пособничества!

И о такомъ пособничествѣ, первомъ и самомъ невинномъ, Эли попросила ее черезъ день, такъ какъ въ теченіе тридцати шести часовъ мигрень не давала ей опомниться. Подобно всѣмъ физически грѣпкимъ людямъ, Эли никогда не была больна или здорова на-полюну. Когда она уснула, наконецъ, тяжелымъ сномъ, слѣдующимъ за такими потрясеніями, то встала опять бодрою по-прежнему столь же энергичною и своенравною, какою была наканунѣ

удара, отнявшаго у нея счастье, но она не знала, къ чему приложить вернувшуюся энергію, и снова задала она себѣ вопросъ, отъѣтомъ на который опредѣлится ея послѣдующій образъ дѣйствія! «Въ Банныхъ ли еще Пьеръ?» Баронесса надѣялась, что послѣ полудня ее посѣтитъ кто-нибудь, могущій сообщить ей объ этомъ. Но никто изъ побывавшихъ у нея не произнесъ даже имени Хотфейля, у нея же самой не хватило смѣлости говорить о молодомъ человѣкѣ. Ей казалось, что, при первыхъ же словахъ о немъ, лице ея вспыхнетъ яркимъ румянцемъ и непреодолимое волненіе выдастъ ее передо всѣми присутствующими. Въ этотъ день были у нея, однако, только искренніе друзья. Первою явилась Флоранса Маршъ, въ глазахъ которой сіяла глубокая и спокойная радость.

— Я пріѣхала поблагодарить васъ, дорогая баронесса: я дала слово мосьѣ Вердье. Я знаю все, чѣмъ мы вамъ обязаны, и никогда этого не забуду... Дядя поручилъ мнѣ извиниться за него. У него минуты нѣтъ свободной, такъ какъ мы завтра же уходимъ на *Женни*... Мой женихъ отправляется съ нами.

Имѣла ли право Эли омрачать, хотя бы однимъ вздохомъ, тѣшившимъ ея грудь, такую радость, чистота которой давила ея сердце? Могла ли она, такъ же точно, дать заподозрить свое горе доброй Андрианѣ, вошедшей съ блаженнымъ лицомъ, сіяющимъ отъ того, что слуга доложилъ о ней: «Госпожа виконтесса де-Борансецъ?»...

— Представьте, — заговорила венеціанка, — Альвизъ былъ очень милъ! Какое ребячество было трусить! Мы избѣжали бы всѣхъ хлопотъ и тревогъ, еслибъ я все сказала ему съ перваго же дня... Но, — добавила она, — я не жалѣю о такой глупости, у насъ останется сладкое воспоминаніе!... А я такъ напугала Марію, что онъ никакъ не можетъ успокоиться. Ну, скажите на-милость, что же теперь-то могутъ намъ сдѣлать?

Потомъ наступила очередь супруговъ Шези. Она явилась вса трепещущая вернувшеюся веселостью, онъ вошелъ уже поражающимъ своимъ аристократическимъ нахальствомъ въ роли будущаго коннозаводчика Западныхъ Штатовъ.

— Когда дѣло идетъ о лошадяхъ, у моего бѣдняги Марша самыя дѣтскія понятія, — говорилъ де-Шези, — но счастье такъ и валить ему! Только что задумалъ онъ свою спекуляцію съ коневодствомъ, какъ сейчасъ же натолкнулся на меня...

— Наконецъ, я увижу американокъ у нихъ на родинѣ! — болтала Ивонна. — Я далеко не прочь дать имъ нѣсколько уроковъ настоящаго *шика*...

Эли предоставила милой парочкѣ беззаботныхъ парижскихъ

и такъ полную свободу продолжать ихъ обезоруживающее щебетанье, очень довольная тѣмъ, что они не басаются даже большого вѣста ея сердца. Они толковали о предстоящей имъ экспедиціи въ Америку съ такою необыкновенною легкостью, что еще разъ получалось такое впечатлѣніе, будто они не живутъ на самомъ дѣлѣ, а лишь *играютъ съ жизнью*, — когда оба они только что вынесли страшное испытаніе, не научившее ихъ ничему! Эли завидовала ихъ способности забывать, начинать съ начала, увлекаться иллюзіями. Не такова ли, впрочемъ, была судьба и всѣхъ ихъ: Марша, Пьеръ, Корансеца? Не было ли передъ ними полнаго, громаднаго простора ничѣмъ не стѣсненнаго будущаго, какъ передъ барками, плывущими по теченію широкой рѣки, уносящей ихъ къ вольнымъ морямъ? Ея же судьба, наоборотъ, была тождественна съ судьбою лодки, попавшей въ тѣсный протокъ, перегороженный плотиною, за которою лежатъ водовороты, водопады и пропасть. Сравненіе это было вызвано въ умѣ Эли фразою Ивонны о томъ, съ какимъ удовольствіемъ она поѣдетъ посмотрѣть Ніагару. Сравненіе это показалось баронессѣ совершенно точнымъ и правдивымъ изображеніемъ ея беспомощнаго душевнаго одиночества, и во все время этихъ визитовъ она непрерывно обращала взоры къ Луизѣ, какъ бы стараясь убѣдиться въ томъ, что и близъ нея есть свидѣтель ея волненій, есть сердце, способное понять ее, пожалѣть ее, помочь ей. Въ особенности, помочь! Выслушивая фразы гостей и отвѣчая на нихъ, Эли занята была одною неотступною мыслью: узнать, уѣхалъ ли Пьеръ. И этотъ вопросъ, естественно, сорвался съ ея губъ, какъ только она осталась наединѣ съ мадамъ Бріонъ.

— Ты слышала, — сказала баронесса, — что они говорили?... А знаю я не болѣе, чѣмъ до нихъ знала... Здѣсь ли еще Пьеръ? И если здѣсь, то когда уѣзжаетъ?... А! Луиза!...

Эли не договорила. Услуга, о которой она хотѣла просить подругу, имѣла характеръ довольно щекотливый. Баронессѣ самой стыдно было высказать вслухъ свое желаніе. Но нѣжное существо, къ которому она обращалась, поняло ее и оцѣнило ея нерѣшительность.

— Почему не высказываешь ты мнѣ всего, что думаешь? — сказала Луиза. — Тебѣ хотѣлось бы, чтобъ я попыталась разузнать о немъ.

— Но какъ же ты это сдѣлаешь? — спросила Эли, ничуть не удивляясь легкости, съ которою ея добродушная пріятельница готова была взяться за порученіе, столь неподходящее къ ея характеру, къ ея принципамъ, а также къ ея взглядамъ на увлеченіе подруги.

Въ какомъ результату могли привести справки о томъ, здѣ ли Пьеръ и долго ли пробудеть еще? Не удобный ли представлялся Луизѣ случай начать опять и съ еще большею силой убѣдить Эли отказаться отъ несчастной любви? Теперь уже ниче другого не оставалось баронессѣ де-Барнсбергъ и Хотфейлю, какъ молчать и стараться забыть прошлое: свидѣться—значило для обихъ обречь себя на самое безцѣльное и на самое мучительное объясненіе, вновь сойтись—было бы настоящимъ адомъ. Все это лично понимала Луиза Бріонъ, но въ то же время она знала, что исполнивши желаніе Эли, она увидитъ въ милыхъ печальныхъ глазахъ хотя какой-нибудь проблескъ радости, и въ отвѣтъ на предложенный вопросъ поднялась съ мѣста, говоря:

— Какъ я сдѣлаю? Очень просто. Черезъ полчаса я разузнаю все, что тебѣ желательно. Есть у тебя списокъ пріѣзжихъ?

— Онъ долженъ быть на четвертой страницѣ одной изъ этихъ газетъ,— сказала Эли.— На что онъ нуженъ тебѣ?

— Чтобы разыскать имя кого-нибудь изъ знакомыхъ, кто бы жилъ въ отелѣ Пальмъ... Нашла, мадамъ Ньель... Жди меня и я очень волнуюсь.

— Ну, вотъ! — говорила мадамъ Бріонъ, входя въ гостиную полчаса спустя, какъ общала.— Оба они здѣсь и могутъ уѣхать лишь черезъ нѣсколько дней. Мадамъ Дю-Прать больна... Не особенно легко мнѣ далось это,—добавила она съ улыбкой, въ которой не исчезло еще смущеніе.— Пріѣхала я туда, спросила, тамъ ли остановилась мадамъ Ньель и оставила ей карточку. Потомъ я посмотрѣла на доску съ именами пріѣзжихъ и заговорила съ секретаремъ самымъ равнодушнымъ тономъ. Я сказала ему: «Я думала, что мосье и мадамъ Дю-Прать уже уѣхали... Долго они еще будутъ?...» Этою маленькою фразой я все разузнала...

— И ты для меня сдѣлала это! — отвѣтила Эли, лаская руку Луизы.— Какъ я люблю тебя. Смотри, я оживаю... Я увижу его. Ты можешь мнѣ увидать его... Общаешь мнѣ это... А! мнѣ надо, необходимо, еще разъ говорить съ нимъ, одинъ только разъ! Я хочу сказать ему всю правду, чтобы зналъ онъ, по крайней мѣрѣ, что я любила его искренно, страстно, глубоко любила! Такъ невыносимо не знать даже, что онъ думаетъ обо мнѣ!

Да. Что думалъ Хотфейль о любимой женщинѣ, любимой до обожанія нѣсколько дней назадъ, превознесенной имъ на такую высоту и вдругъ уличенной предъ нимъ въ страшномъ позорѣ?...

онъ! зналъ ли несчастный самъ, что онъ думаетъ? Былъ ли онъ въ состояніи разобратъся во всей путаницѣ противорѣчивыхъ мыслей впечатлѣній, толпившихся, стамлевавшихся, смѣнявшихся въ его умѣ? Быть-можетъ, еслибъ онъ тотчасъ же уѣхалъ изъ Баннь, то душевная сумятица не была бы такъ сильна. Послѣ обоюдной клятвы, данной имъ и Оливье, имъ оставалось сдѣлать одно: уѣхать скорѣе, поставить пространство, время, событія между ними и женщиной, которую оба они любили и которую полагались принести въ жертву своей дружбѣ. Но, какъ бы ни была сильна воля человѣка, можетъ ли она повліять на воображеніе, на сердце, на всю глубину разнородныхъ чувствъ? Властны мы только надъ тѣмъ, что мы дѣлаемъ, и совершенно безсильны передъ мечтами, передъ сожалѣніями, передъ желаніями. Они пробуждаются въ насъ, помимо нашей воли, трепещутъ и растутъ, вызываютъ поразительную отчетливость дорогіе взгляды, улыбки, цѣлые образы, и снова прежній лихорадочный жаръ пробѣгаетъ по нашимъ нервамъ... Покинутая любовница опять зоветъ насъ, влечетъ къ себѣ, готова овладѣть нами. И если мы находимся въ одномъ съ нею городѣ, если достаточно четверти часа ходьбы, чтобы свидѣться съ нею, требуется огромное самообладаніе для сопротивленія такому искушенію!... Оливье и Пьеръ хорошо сознавали необходимость спасительнаго для нихъ отъѣзда и твердо порѣшили не откладывать его. Непредвидѣнная случайность вынудила ихъ остаться въ Баннахъ. Какъ сообщилъ секретарь отеля Луизѣ Бриль, мадамъ Дю-Пратъ была серьезно больна. Она вынесла очень сильное потрясеніе и все еще не могла оправиться. Ея нервность столько была велика, что, при попыткѣ подняться съ постели, при малѣйшемъ движеніи, съ Бертой дѣлались жестокія сердцебиенія, отъ которыхъ она задыхалась, чуть не умирала. Врачъ предлагалъ посѣщать ее и рѣшительно высказался противъ путешествія, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько дней. Въ такомъ положеніи дѣла Хотфейлю слѣдовало уѣхать одному. Этого онъ не сдѣлалъ, — выше силъ его было оставить Дю-Прата безъ себя въ Баннахъ. Передъ самимъ собою онъ выставлялъ къ тому поводомъ обязанность не покидать друга въ тяжелую для него минуту. Но, когда онъ пристально заглянулъ внутрь себя, до той глубины, въ которую прячутся мысли, которыхъ мы стыдимся, разчеты, въ которыхъ не хотимъ сознаться, темныя эгоистическія побужденія, которыми мы совѣстимся, онъ увидалъ бы иные, менѣе благородныя мотивы, вынуждавшіе его оставаться въ городѣ. Слову Оливье онъ былъ вполнѣ, и все же ненавистна была ему мысль, что тотъ

Безъ него останется въ одномъ городѣ съ Эли де-Бардсбергъ. смотря на ихъ героическія усилія сохранить дорогую имъ дружбу, несмотря на взаимное уваженіе, нѣжность, жалость одного къ другому, несмотря на святость воспоминаній, между ними стояла женщина и, съ нею вмѣстѣ, все то, что такъ быстро прокрывается подъ ея вліяніемъ: инстинктивныя вспышки ревности, упадки мнительности и мрачнаго недовольства. Друзьямъ предстояло скоро испытать это и узнать, насколько глубоко проникла въ ихъ души губительная отравка. Имъ предстояло также убѣдиться въ томъ странномъ, чудовищномъ, повидимому, но совершенно естественномъ фактѣ, что любовь, которую они поглялись убить, и ихъ дружбу, оказалась теперь связанною неразрывными узами этою дружбой. Ни тотъ, ни другой не могли ни подуматъ другъ друга, ни сойтись, ни заговорить, безъ того, чтобы не предстояла обоимъ женщина, бывшая любовницею обоихъ. Они были настолько въ ея власти, что въ теченіе нѣсколькихъ дней, проведенныхъ вдвоемъ, пережили настоящій кризисъ «общаго помѣшательства», тѣмъ болѣе мучительнаго, что, оставаясь вѣрными даннаго обѣщанію, оба избѣгали произносить имя этой женщины. Имъ надобности не было говорить, они и безъ того знали, что одна въ мысляхъ у обоихъ!

Какъ томительны были эти дни и, хотя немного ихъ прошло, какими они казались долгими, безконечными!... Друзья сходили утромъ, около десяти часовъ, въ салонъ Оливье. Кто подсмотрѣлъ бы, подслушалъ, какъ они здоровались, какъ Пьеръ спрашивалъ здоровья Берты, а Оливье отвѣчалъ ему, какъ оба говорили о прочитанномъ въ газетахъ, о погодѣ, о лучшемъ распредѣленіи денегъ, тотъ никогда не заподозрилъ бы, что эта первая встрѣча была равно мучительна для обоихъ. Пьеръ чувствовалъ, что другъ дозрительно слѣдитъ за нимъ въ то время, какъ самъ онъ тоже точно слѣдилъ за своимъ другомъ. Каждый изъ нихъ и будто жаждалъ узнать, одинаковыя ли мысли, — вѣрнѣе, та же самая мысль, — занимали другого, пока они были врознь. Мысль они читали другъ у друга въ глазахъ такъ же ясно, какъ еслибъ она написана была четко на бумагѣ, подобно ужасной фразѣ, открывшей все Пьеру. Между ними проносился невидимый призракъ, и оба они умолкали... А за раскрытымъ окномъ передъ ними чудная весна Юга сіяла яркою лазурью на безоблачномъ небѣ, осыпала дороги цвѣтами, наполняла воздухъ опьяняющими ароматами. Одинъ изъ друзей предлагалъ товарищу идти пройтись въ тщетной надеждѣ, что радостный блескъ дивной природы

жить, хоть немного, ихъ души. Бывало, они такъ любили ходить въ вѣстѣ, думать вслухъ, на одинъ ладъ настраивая мысли. Ходили они и теперь, но черезъ десять минутъ имъ говорить не о чемъ. Инстинктивно, не условливаясь заранѣе, они изъбирали тѣхъ кварталовъ города, гдѣ могли повстрѣчать баронессу или кого-нибудь изъ общества. Не показывались они ни въ Антибъ, ни на Брузетъ, ни на набережной, не бывали даже основомъ лѣсу около Валори, гдѣ въ первый разъ заговорили они въ день пріѣзда Оливье. Друзья не ходили и въ сторону, чтобы не видать виллы Гельмгольцъ, бѣлѣющей между группами пальмъ. За холмами, прилегающими къ Калифорніи, они выбрали тихую долинку, пустынную потому, что она была открыта съ сѣвера, и въ этой долинкѣ задичалый паркъ, уже много лѣтъ издававшійся участками. Тамъ, въ этой заросшей западинѣ въ горизонтѣ, стали они бывать почти исключительно, какъ два медвѣдья звѣря, укрывающихся въ одномъ логовѣ. Узенькія тропки лишали ихъ возможности идти рядомъ, за то давали поводъ возвращать всякую бесѣду. Вѣтки хлестали ихъ по лицамъ, кусты свисали ихъ руки, и такимъ образомъ старые товарищи доходили до ручья, журчавшаго въ глубокомъ руслѣ. Тутъ они присаживались на камняхъ, и дикость этого уголка, совершенно пустынного и моднаго города, успокоивала на нѣсколько минутъ ихъ страсти. Влажная свѣжесть разросшихся въ тѣни деревьевъ напоминала имъ такіе же овраги въ лѣсахъ Шамеана, и друзья могли опять говорить, вспоминать о далекомъ дѣтствѣ, о лучшихъ дняхъ ранней привязанности. Но выходило это такъ, будто они, чувствуя, какъ изсыкаетъ дружба, пытаются отчаянно разрыть то место, гдѣ былъ ея родникъ, и тѣмъ вновь оживить источникъ дѣтства они переходили къ ранней юности, къ годамъ школьной жизни, къ впечатлѣніямъ войны. Но въ этихъ возвратахъ къ прошлому было что-то насильственное, придуманное и дѣланное, сразу подрывавшее задушевность бесѣды. По сравненію съ прежними разговорами такого же рода, они отлично понимали, что теперь не хватаетъ имъ чего-то, не достаетъ увлеченія безъ задней мысли, естественности, придававшей чарующую прелесть самымъ значимымъ словамъ былого времени. Любили ли они другъ друга больше, чѣмъ тогда? Неужели ихъ взаимная привязанность никогда уже не дастъ имъ прежняго счастья, никогда не освободится отъ ужаснаго осадка отравляющей ее горечи?...

Во время прогулокъ утромъ и передъ вечеромъ они были одни, было, по крайней мѣрѣ, лишняго свидѣтеля ихъ волненій. Если

они не всегда высказывали другъ другу свои мысли, то имъ не было надобности и лгать, играть комедію. Не то бывало за столомъ когда они кушали. Завтракали и обѣдали они въ салонѣ, чтобы оставлять Бертю въ одиночествѣ. Такого рода немедленное возстановленіе обычной короткости, послѣ сценъ, происходившихъ между двумя друзьями и молодою женщиной, кажется на первый взглядъ невозможнымъ. Въ дѣйствительности же это дѣлается очень просто и легко. Чуть ли не вся семейная жизнь такъ складывается. И деликатности передъ хозяйкой Оливье и Пьеръ старались говорить весело и много. Подобное насиліе надъ собой было само по себѣ уже тягостно. А затѣмъ, какъ бы осторожны ни были собесѣдники въ разговорѣ всегда возможны разныя случайности. Одной фразой одного слова достаточно бывало для того, чтобы каждый изъ нихъ задумался опять о связи Эли съ его товарищемъ. Вспоминалъ Оливье про Италію, и воображеніе уносило Пьера въ Римъ, представляло ему Эли, — его Эли площадки, засыпанной цвѣтами белыхъ и красныхъ камелій, его Эли сада Эленъ Ронъ, его Эли яхты несущейся по морю. Но Эли шла не къ нему, она къ Оливье ехала. Не ему раскрывала она свои объятія, а Оливье, и Эли прижимала къ своей груди. И Пьеръ переживалъ настоящую пытку ретроспективной ревности. Приходилось ли ему самому сдѣлать совершенно безобидный намекъ на красоту какого-нибудь мѣстечка въ окрестностяхъ Каннъ, — и онъ видѣлъ, какъ глаза его друга затуманиваются страданіемъ, въ которомъ онъ узнавалъ свое собственное страданіе. Оливье мысленно видѣлъ его, идущимъ къ Эли сжимающимъ ее въ объятіяхъ, цѣлующимъ ее въ губы. Эта своего рода общность мученій, невыносимо тяжелыхъ для обоихъ, въ то же время манила ихъ нездоровою привлекательностью. Безумно хотѣлось имъ въ такія минуты выспросить другъ друга о самыхъ интимныхъ тайнахъ ихъ двойного романа, все узнать, все понять до души истерзать мельчайшими подробностями! Когда они бывали вдвоемъ, послѣдній остатокъ нравственной порядочности мѣшалъ имъ пуститься въ такія постыдныя откровенности, а за столомъ въ присутствіи Бертю, они тотчасъ же мѣняли разговоръ, чтобы устранить поводъ къ лишнему волненію молодой женщины. Они слышали, насколько неровнымъ и прерывистымъ становится ея дыханіе, обличающее, что сердце ея не въ порядкѣ. И эти несомнѣнные, видимые ими, признаки серьезной болѣзни смущали ихъ окончательно, вызывали раскаяніе Оливье, жалость Пьера, подрывали въ обоихъ способность къ реакціи.

Такъ проходило каждое утро, то же было днемъ, то же повто-

шлось вечеромъ, и оба они съ нетерпѣніемъ и со страхомъ ждали минуты отъѣзда, — съ нетерпѣніемъ потому, что уединеніе представитъ свободу сполна отдаться своимъ чувствамъ, — со страхомъ въ видствіе сознанія обоими, что клятвою, которою они обмѣнялись, нѣтъ не разрѣшается конфликтъ между ихъ любовью и ихъ дружбой. Въ заповѣди сказано: «Не прелюбодѣйствуй», — Писаніе должно: «Всякій, смотрящій на женщину съ похотѣніемъ, прелюбодѣйствуетъ»... — Слова дивной глубины, ими ясно установлено тождество, въ нравственномъ значеніи, помышленія и дѣянія, вождельнія и беззаконія! Оба друга были людьми, достаточно чуждыми нравственно, для того, чтобы со стыдомъ признать, что въ ихъ затаенныя мысли были не чѣмъ инымъ, какъ непрерывнымъ и страстнымъ нарушеніемъ ихъ клятвы... Едва проводивши Пьера, Оливье принимался ходить изъ своей комнаты въ комнату Берты, разговаривать съ Бертой, стараясь сказать ей наиболѣе привилегіи фразы, пытаясь бороться съ призраками въ полной увѣренности, что онъ, все-таки, сдѣлается ихъ жертвой. Потомъ онъ вернулся у себя, и его охватывало, опутывало, побѣждало то, что онъ называлъ «своимъ искушеніемъ». Подступала всѣ воспоминанія о Римѣ, появлялась Эли, — не тогдашняя, гордая и кокетливая, любимая и ненавистная ему недоступностью ея сердца, — Эли теперешняя, нѣжная, страстная, искренняя, какою онъ здѣсь любилъ ее, съ душою столь же прекрасною, какъ лицо ея. И всѣмъ чувствомъ своимъ Оливье уносился къ этой женщинѣ въ порывѣ надежды и любви. Онъ громко говорилъ съ нею, умолялъ ее, точно безумный. Звукъ собственного голоса приводилъ его въ себя, и Дю-Прать съ ужасомъ сознавалъ всю бессмысленность такого ребячества и всю преступность своихъ вождельній. Онъ живо представилъ себѣ Пьера и говорилъ: — «Если бы онъ зналъ это!...» Оливье хотѣлъ былъ просить прощенія у него въ томъ, что не можетъ разлюбить Эли, и въ томъ еще, что онъ взялъ съ друга такое честное слово, какого никогда братъ не слѣдовало. Дю-Прать зналъ, что въ эту самую минуту Пьеръ страдаетъ отъ того же и такъ же, какъ онъ, а это было совершенно несправедливо! И всякій разъ, при такихъ его терзаніяхъ, одна мысль подступала къ уму и сердцу Оливье: пойти къ Пьеру и сказать ему: — «Ты любишь ее, она тебя любитъ... Оставайся съ нею, а обо мнѣ забудь»... Увы! передъ этимъ проектомъ великодушнаго самоотреченія Оливье чувствовалъ съ одинаковою силой, что Пьеръ отвѣтитъ ему «нѣтъ», и что онъ, говоря такъ, не можетъ быть искреннимъ. Онъ понималъ съ двойнымъ чувствомъ ужаса и стыда, что, несмотря ни на

что, для него было радостью, — дикою отвратительно, но все ж радостью, — сохранять увѣренность въ одномъ: — если Эли не ея любовница, то никогда уже не будетъ она и любовницей ея друга!

Не менѣе тяжело было то, что переживалъ Пьеръ съ своей стороны. Едва оставшись въ одиночествѣ, онъ гналъ прочь отъ себя мысль объ Эли, и, стараясь отогнать ее, уже думалъ о любимой женщинѣ. Чтобы исчезъ ея образъ, Пьеръ противопоставлялъ ему образъ своего друга, а въ этомъ-то и заключалась причина ея терзаний: — онъ говорилъ себѣ, что Оливье былъ любовникомъ этой женщины, и этотъ фактъ, доказанный, неоспоримый, достоверный, захватывалъ его мозгъ, точно огромная рука, изъ которой нѣтъ возможности вырваться. Въ то время, какъ Оливье представлялъ себѣ свою бывшую любовницу облагороженною, возвышенною любовью, которую внушилъ ей Пьеръ, самъ-то Пьеръ видѣлъ изъ-за вроткой и нѣжной Эли, какою онъ зналъ ее, ту женщину которую описывалъ ему Оливье, не называя по имени. И она представлялась ему безсердечною и развращенною кокеткой съ тѣмъ самымъ лицомъ, которому онъ такъ безгранично вѣрилъ! Онъ говорилъ себѣ, что у нея было еще два другихъ любовника: одинъ когда она была въ связи съ Оливье, другой — прежде. Оливье Пьеръ, эти двое, — стало быть уже четверо, и еще были, конечно про которыхъ онъ не зналъ! Мысль, что женщина, убѣдившая ея въ томъ, будто она отдала ему дѣвственную душу, переходила изъ рукъ въ руки и до него дошла загрязненная многими приключеніями, доводила его до настоящаго помѣшательства. Всѣ эпизоды ея очаровательнаго романа, его восхитительной идилліи тускнѣли, получали гадкій оттѣтокъ въ его глазахъ. Во всемъ онъ видѣлъ только мерзкій расчетъ оскорбленной знатной дамы, безсовѣсти завлекавшей его изъ западни въ западню. Тогда Пьеръ выдвигалъ ящикъ стола, гдѣ онъ хранилъ реликвию своего былого счастья, вынималъ портсигаръ, купленный въ Монте-Карло. Видъ этой славянскѣй вещицы надрывалъ ему душу, напоминая фразу, сказанную ею другомъ въ лѣсу Валори: — «У нея были до меня любовники, былъ одинъ, по крайней мѣрѣ, русскій, убитый подъ Плевной...» — Этотъ любовникъ, вѣроятно, подарилъ Эли портсигаръ, передъ ея торымъ умилялся Пьеръ и благоговѣнно волновался! Иронія выходила настолько унижительною, что молодой человекъ вздрагивалъ отъ негодованія. А далѣе, въ другомъ углу ящика, онъ видѣлъ письма, уничтожить которыхъ не хватало у него силы. И ему вспоминались другія фразы Оливье, увѣрявшаго, каившагося въ томъ

что съ нимъ, Пьеромъ, она была правдива, что его она любила искренно, и всѣ подробности ея вѣжныхъ отношеній къ Пьеру неопровержимо подтверждали, что Оливье былъ правъ. Мыслимо ли, чтобы съ ея стороны было ложью все, происходившее на яхтѣ, въ Генуѣ, въ дивные часы ихъ свиданій?... Пьеромъ овладѣла страстная потребность увидать ее опять. Ему казалось, будто онъ успокоится, какъ только поговорить съ нею, разспросить ее, кой-что, и онъ придумывалъ вопросы, которые предложить ей, воображеніемъ слышалъ ея голосъ, отвѣчающій на его вопросы... Вся его энергія тонула въ смертельно расслабляющемъ желаніи, въ желаніи унизительномъ, чувственность котораго обострялась презрѣніемъ! Тогда молодой человѣкъ возмущался противъ самого себя, вспоминалъ свою клятву, обязанности, налагаемыя на него самоуваженіемъ и его отношеніями къ другу. Въ моментъ жертвы онъ высказалъ сущую правду. Эту правду онъ чувствовалъ: если онъ увидится съ любимой женщиной, ему невозможно будетъ видѣться съ Оливье. Пьера уже охватывало смутное сознаніе, что ихъ обонхъ онъ ненавидитъ. Онъ такъ невыносимо страдалъ отъ него изъ-за нея и отъ нея изъ-за него!... Въ концѣ-концовъ, чувство чести брало верхъ, молодой человѣкъ осиливалъ себя самого, упорно стоялъ на своемъ рѣшеніи, говорилъ себѣ:—«Испытаніе страшно тяжело. Но время свое возьметъ... Не скоро, можетъ быть, а я все же исцѣлюсь...»

Пять дней длились эти странныя отношенія, когда произошли два событія, одно за другимъ вызванныя и оказавшія рѣшающее вліяніе на трагическую развязку такого трагическаго положенія. Первымъ событіемъ, котораго Пьеръ долженъ былъ ожидать, оказалось посѣщеніе его веселымъ и хитрымъ Борансецомъ. Чтобы отклонить всякія попытки къ сближенію, Хотфейль абсолютно запретилъ принимать кого бы то ни было. Но Борансецъ принадлежалъ къ тому разряду людей, которые одарены способностью вырваться куда угодно, несмотря ни на какіе запреты. На шестой день утромъ, такимъ же яркимъ, какъ то утро, когда они отпавлялись вдводемъ съ визитомъ на яхту Марша, въ комнату Хотфейля вошелъ Борансецъ съ неизмѣннымъ букетомъ фіалокъ въ петлицѣ, съ улыбкой на губахъ, съ румянцемъ здоровья на щекахъ, съ блестящимъ весельемъ въ глазахъ. Пятно засохшаго коллодіума на вискѣ свѣдѣтельствоваало о томъ, что наканунѣ или за день провансалецъ до училъ довольно сильный ушибъ. Фиолетовый цвѣтъ опухоли

еще не исчезъ. На превосходное расположеніе духа Корансеца это не оказывало, говидимому, никакого вліянія.

— Тутъ немножко «бобо!» — началъ онъ, развязно извинившись въ своемъ насильственномъ вторженіи. — Хочешь знать причину этого маленькаго «бобо»? Изволь! Это одно изъ доказательствъ, въ ряду множества другихъ, что удачи не измѣняютъ Корансецу. Это разъ!... А затѣмъ свидѣтельство, что, вопреки хвалебнымъ рѣчамъ аббата Лагумина, французъ ловчѣе итальянца... Вотъ тебѣ два!... А въ сущности это просто слѣдъ маленькаго покушеньица на жизнь моей скромной особы со стороны моего добрѣйшаго шурина, — добавилъ онъ, съ своимъ обычнымъ беззаботнымъ смѣхомъ.

— Да ты это серьезно говоришь? — сказалъ Хотфейль.

— Какъ нельзя серьезнѣе! — отвѣтилъ Корансець. — Но мнѣ на роду написано потѣшаться и надъ убійствомъ. Для драмы я чловѣкъ неподходящій, должно быть... Надо тебѣ сказать, первымъ дѣломъ, что о моей женитьбѣ объявлено пять дней назадъ. По этой самой причинѣ ты и не видалъ меня за послѣднее время. Мнѣ пришлось дѣлать визиты всѣмъ, имѣющимся въ Каннахъ высочествами и лордамъ... Со всѣхъ сторонъ симпатіи и удивленія: — Обвѣнчались тайно!... Но почему?... Я посоветовалъ Андрианѣ объяснить это давнишнимъ обѣтомъ... — «Ахъ, какъ оригинально!... Ахъ, какъ восхитительно!...» — Успѣхъ полный, даже слишкомъ полный, въ особенности у Альвиза. Онъ упрекалъ насъ только въ одномъ, зачѣмъ мы отъ него скрыли и подумали, будто онъ когда-нибудь могъ помѣшать счастью сестры. На каждомъ шагу только и слышно: — «Милый братъ», «дорогой братъ». Но мы, провансальцы, смѣаемъ кое-что по части мщеній, когда имѣемъ дѣло съ корсиганцами, съ сардинцами или съ итальянцами, и я задавалъ себѣ лишь одинъ вопросъ: — «Въ которомъ часу пырнуть меня ножемъ?...»

— Съ его стороны очень неосторожно было такъ торопиться! — прервалъ его Пьеръ.

— Ты, стало быть, не знаешь знаменитой фразы, — возразилъ Корансець. — Не припомню, кто именно, сказалъ, увидавши, что какого-то бѣднягу ведутъ на висѣлицу: — «Молодецъ плохо рассчиталъ...» На этомъ-то и попадаются убійцы, а въ данномъ случаѣ и рассчитано было не плохо! Могло ли прійти кому въ голову подозрѣніе, что графъ Альвизъ Наварега прикончилъ мужа родной сестры, своего задушевнаго друга?... Я говорилъ тебѣ, что это чловѣкъ временъ Маккіавели, вылощенный на новѣйшій ладъ. Вотъ самъ посуди. Я смотрѣлъ въ оба, не показывая ему ни малѣйшаго

вида... Два дня назадъ, приблизительно, въ этотъ самый часъ, добрый родственникъ предлагаетъ мнѣ прогулку на велосипедахъ... Можешь ты себѣ представить Борджию, отмахивающаго педалями по большой дорогѣ рядышкомъ съ своею будущею жертвой? Я нѣблъ удовольствіе видѣть это своими глазами... Катимъ мы со скоростью вѣтра по гребню Валори, вдоль обрыва, срѣзаннаго, какъ столъ, вдругъ я чувствую, что съ моею машиной произошла какой-то казусъ, и лечу метровъ на двадцать впередъ, къ счастью, въ хорошую сторону, не въ пропасть... Вотъ гдѣ я заполучилъ эту нишку... Отъ смерти отдѣлался, даже настолько удачно отдѣлался, что ясно разсмотрѣлъ на лицѣ моего спутника нѣчто, наводившее меня на мысль, будто случай этотъ сильно отзывается XVI-мъ вѣкомъ, несмотря на прозаичность способа. Наварего отправился за экипажемъ, чтобы свезти меня домой. Оставшись одинъ, я достался до обломковъ велосипеда, валявшихся на дорогѣ, и разсмотрѣлъ, что въ двухъ мѣстахъ мой инструментъ тщательно подпиленъ очень искусною рукой. Я покажу тебѣ эти штуки, — превосходная работа, отлично рассчитанная на то, чтобы, послѣ усиленной получасовой ѣзды, все полетѣло вдребезги, а я — въ пропасть...

— И ты не распорядился арестовать этого разбойника? — спросилъ Хотфейль.

— Знаешь, я противникъ скандаловъ въ своей семьѣ, — отвѣтилъ Борансецъ, продолжая «отдѣлывать» свои эффекты. — Къ тому же мой молодецъ сталъ бы увѣрять, что онъ тутъ не причемъ... А гдѣ доказательства? Я сталъ только присматривать за нимъ еще болѣе зорко, въ полномъ убѣжденіи, что онъ не отложитъ на-долго новой попытки. И вотъ, вчера передъ обѣдомъ, захожу я къ жемѣ. Братецъ тамъ, глаза у него блестятъ, лицо сияющее!... Я соображаю: — «Сегодня вечеромъ...» — Почему мнѣ пришли на память папа Александръ VI и отравленное вино, отъ котораго онъ умеръ, — этого я не объясню. Просто носомъ учуялъ, какъ охотничья собака. Ты знаешь, а можетъ быть и не знаешь, что Андриана не пьетъ ничего, кромѣ воды, нашъ англomanъ-братецъ — ничего, кромѣ содовой воды и виски. Когда мы сѣли за столъ и мнѣ предложили вина, я сказалъ: — «Послѣдую вашему примѣру, Альвизъ. Одолжите мнѣ вашего виски». — «All right!» — отвѣтилъ онъ. Быть отравленнымъ венеціанцемъ, подъ англійскій говоръ, штука тоже не совсѣмъ заурядная! Видя его совершенно невозмутимымъ, при моемъ отказѣ пить вино, я начинаю думать, что я ошибся. Но рас-
ва. чваніе нѣкоего портвейна, полученнаго имъ въ подарокъ отъ

лорда Герберта, опять наводитъ меня на мысль, что, именно, этого напитка и слѣдуетъ остерегаться. Братецъ угощаетъ, я даю ему налить мнѣ стаканъ, нюхаю вино и преспокойно говорю: — «Какой странный запахъ: въ винѣ, я убѣжденъ, есть что-нибудь...» — «Вѣроятно, плохая бутылка попалась, — отзывается Наварега, — надо ее выбросить». — Его голосъ, лицо, взглядъ... Такъ и есть, я угадалъ. Сижу, молчу, но въ ту минуту, какъ метръ-д'отель подошелъ взять со стола вино, я кладу руку на мой стаканъ и приказываю принести маленькую бутылку, объясняю очень просто: — «Я хочу отнести вино для изслѣдованія аптекарю. Говорятъ, будто англичанамъ продаютъ портвейнъ, въ которомъ нѣтъ ни капли винограднаго сока. Любопытно удостовѣриться». — Приносятъ бутылочку, я прехладнокровно выливаю въ нее мое вино, закупориваю и кладу въ карманъ. Посмотрѣлъ бы ты на рожу моего милаго шурина... Послѣ обѣда мы имѣли съ нимъ маленькое объясненьце, закончившееся дружественнымъ рѣшеніемъ, что въ судъ я его не потяну, но что онъ тѣмъ же вечеромъ отправится въ Венецію. Ему предоставлено пользоваться тамошнимъ палаццо, назначена приличная пенсія, и я могу поручиться въ томъ, что такихъ штукъ онъ дѣлать уже не будетъ. А на всякій случай я предупредилъ его, что прикажу вино изслѣдовать, — замѣчу въ скобкахъ, онъ закатилъ въ него здоровую дозу стрихнина, — и что результатъ анализа будетъ переданъ мною въ надежныя руки. Удовостовѣреніе этого анализа у меня въ двухъ экземплярахъ. Одинъ я передалъ баронессѣ де-Карлсбергъ, вотъ другой. Не согласишься ли ты сохранить его у себя?

— Конечно, согласенъ, — отвѣтилъ Пьеръ и взялъ бумагу, данную ему провансальцемъ.

Эгоизмъ страстной любви такъ силенъ, что, въ повѣствованіи о необычайномъ приключеніи, вскользя произнесенное имя Эли взволновало Пьера болѣе, чѣмъ все переданное южаниномъ. Хотфейлю показалось, будто его собесѣдникъ, заговоривши о баронессѣ де-Карлсбергъ, посмотрѣлъ на него какъ-то особенно пристально. Пьеръ подумалъ: «Не она ли прислала его съ порученіемъ ко мнѣ?... Съ порученіемъ? Нѣтъ. Эли не такая была женщина, чтобы давать порученія Борансецу. За то Борансецъ былъ какъ разъ такой человекъ, который самъ по себѣ готовъ былъ взяться за миссію примирителя. Наканунъ вечеромъ онъ былъ у баронессы, чтобы представить ей свой рассказъ совершенно свѣженькимъ и просить ее о сохраненіи документа. Съ нею онъ, естественно, заговорилъ Хотфейль и учуялъ размолвку. Этотъ странный человекъ на се

можъ дѣлѣ искренно, почти до обожанія, любилъ Пьера и не переставалъ быть глубоко, умиленно благодарнымъ баронессѣ Эли за бывающую собственную исторію, которою онъ, однако, весьма гордился, Корансець забралъ себѣ въ голову тотчасъ же помирить влюбленныхъ. При всей своей проницательности, онъ не догадывался объ истинномъ значеніи разыгрывавшейся между ними драмы. Онъ видѣлъ ихъ влюбленными, необыкновенно счастливыми и воображалъ, будто извѣстіе о томъ, что Эли огорчена, вернуть къ ней Пьера немедленно.

— Давно ли ты видѣлъ мадамъ де-Карлсбергъ?—спросилъ Корансець послѣ нѣсколькихъ довольно скромныхъ комментаріевъ къ своему разсказу: на своемъ торжествѣ онъ настаивалъ умѣренно и любезно.

— Нѣсколько дней назадъ,—отвѣтилъ Хотфейль съ замираніемъ сердца отъ такого вопроса.

Чтобы сдержать во всей точности честное слово, данное имъ Дю-Прату, Пьеру слѣдовало придержать слишкомъ любопытнаго товарища и не давать ему пускаться въ дальнѣйшіе разговоры о баронессѣ. вмѣсто того, Пьеръ не выдержалъ и прибавилъ:

— Ты почему спрашиваешь?

— Просто такъ спросилъ, — сказалъ Корансець. — Хотѣлъ узнать твоё мнѣніе о ней: меня беспокоитъ немного ея здоровье. Со мною она была очень мила, какъ всегда, но показалась мнѣ разстроенною и грустною. Я опасаясь, что ея плохая семейная жизнь пошла еще хуже и что дикое животное - супругъ тиранитъ ее еще больше за то, что она уговорила Вердье жениться на миссъ Маршъ... Да ты ничего не знаешь? Дики, нашъ американскій пріятель, отправился на Востокъ и забралъ съ собою на яхтѣ супруговъ Шези, племянницу и Вердье въ качествѣ ея объявленнаго жениха. Можешь себѣ представить бѣшенство эрцгерцога!

— И ты думаешь, что онъ опять мучаетъ ее? — спросилъ Пьеръ.

— Не думаю, а убѣжденъ въ этомъ. Побывай у нея, ей все-таки легче будетъ. Она на самомъ дѣлѣ расположена къ тебѣ, ручаюсь въ томъ, и увѣренъ, что о тебѣ думала, когда говорила мнѣ, что друзья покидаютъ ее...

Итакъ, она страдаетъ! Изъ-за фразъ Корансеца Пьеру послышался отзвукъ ея вздоха, несчагося къ нему изъ безгранично-любимыхъ устъ, мелькнулъ измученный, тоскливый взглядъ осужденной и покинутой любящей женщины... И это случайное и мимолетное напоминаніе о ней еще сильнѣе взволновало его, — настолько

сильно, что Оливье замѣтилъ его разрастающуюся тревогу и, заподозривши причину, заговорилъ съ нимъ:

— Я встрѣтилъ Корансеца, онъ выходилъ изъ отеля. Ты видѣлся съ нимъ?

— Онъ былъ у меня и просидѣлъ довольно долго, — отвѣтилъ Пьеръ.

И онъ передалъ подробности двухъ покушеній венеціанца на жизнь мужа Андрианы.

— По дѣломъ, такъ ему и слѣдовало, — сказалъ Оливье. — Ты знаешь мое мнѣніе о немъ и о его женитьбѣ... А еще онъ ни о чемъ не говорилъ?

И, помолчавши немного, онъ добавилъ:

— Не говорилъ... ты знаешь о комъ?

— Говорилъ, — отвѣтилъ Пьеръ.

— И это разстроило тебя до боли? — спросилъ Оливье.

— Разстроило до боли.

Они пристально взглянули другъ на друга. За эти шесть дней они въ первый разъ заговорили опредѣленно о томъ, что неотступно занимало ихъ мысли. Оливье видимо колебался, точно слова, которыя онъ готовился сказать, были ему не по силамъ. Наконецъ, онъ заговорилъ глухимъ голосомъ:

— Слушай, мой Пьеръ, ты слишкомъ удрученъ несчастьемъ. Длиться это не можетъ... Я уѣзжаю послѣ завтра. Берта почти совсѣмъ оправилась, докторъ разрѣшаетъ, совѣтуетъ даже вернуться въ Парижъ. Потерпи еще сорокъ восемь часовъ... Когда меня здѣсь не будетъ, возвращайся къ ней. Я отдаю тебѣ назадъ твое слово... Ничего я не буду видѣть, ничего не буду знать. Что прошло, того не вернуть. Ты любишь ее больше, чѣмъ меня... Слѣдуй же до конца влеченію этого чувства...

— Ошибаешься, Оливье, — возразилъ Пьеръ. — Я страдаю, правда, и не отрицаю этого, но не отъ того, что я рѣшилъ и общалъ. Объ этомъ я не жалѣлъ ни секунды. Нѣтъ... Я страдаю отъ того, что я узналъ. Но, вѣдь, узналъ я это уже навсегда... Вернуться къ ней теперъ — значило бы сознательно попасть въ адъ. Нѣтъ, я далъ тебѣ слово и сдержу его. Что же касается вопроса, будто я люблю ее больше, чѣмъ тебя... то смотри на меня!...

На глазахъ Пьера были слезы, крупныя, тяжелыя слезы, скатывавшіяся по его щекамъ. Такія же слезы брызнули изъ глазъ, изъ сердца Оливье. Нѣсколько минутъ они не говорили ни слова, и общее горе, послѣ долгой сдержанности, вновь сблизило ихъ души. Одинъ и тотъ же порывъ жалости побудилъ Оливье вернуть Пьеру

его слово, а Пьера—отказаться взять его назадъ, и жалость вызвала на ихъ глаза слезы. Каждый изъ нихъ жалѣлъ друга и чувствовалъ, что другъ его жалѣетъ. Оба сознавали полный возвратъ всего прежняго, и дружба охватывала обоихъ такъ властно, что еще разъ была побѣждена любовь. Пьеръ отеръ слезы и тѣмъ же рѣшительнымъ тономъ, которымъ давалъ обѣщаніе, проговорилъ:

— Я уѣзжаю съ тобой послѣ завтра, и для этого не потребуетъ съ моей стороны никакого усилія. Остаться я не могу. То, что я предложилъ тебѣ, я предложилъ совершенно искренно. Но слишкомъ тяжело мнѣ было... Я, кажется, умеръ бы отъ того...

Послѣ этого разговора они провели остатокъ дня и весь вечеръ необыкновенно спокойно, почти счастливые. При болѣзняхъ души бываютъ часы такого же сладкаго облегченія, какъ при болѣзняхъ тѣла,—часы тихой нѣги, когда намъ кажется, будто мы вновь оживаемъ, оставаясь еще слабыми, изнеможенными недугомъ.—Это впечатлѣніе возврата къ хорошему былому, неустойчивое и еще болѣзненное, усиливалось для обоихъ друзей наступившимъ улучшеніемъ въ здоровьѣ Берты. При помощи какой благотворной лжи успѣлъ Оливье успокоить ее и исцѣлить? Какъ бы ни было, молодая женщина была на ногахъ, хлопотала надъ приготовленіями къ скорому отъѣзду и, видимо, такъ была довольна близостью отъѣзда, что становилась даже менѣе натянутою. Къ тому же, за это время и она не мало выстрадала, и этихъ нѣсколькихъ дней было достаточно для того, чтобы проснулись въ ней чуткіе инстинкты женщины, дремавшіе до сихъ поръ. Она порѣшила заставить мужа любить ее, заслужить его любовь. Подобныя усилія всегда способны растрогать мужчину, умѣющаго понять и оцѣнить, какую преданностью и какимъ смиреніемъ они обусловлены! Крайне тяжело молодой женщинѣ, совершенно противно ея инстинктамъ сентиментальной гордости, вымаливать чувство, добиваться его, стараться быть любимою потому, что она любитъ, а не потому, что ее любятъ! Оливье былъ человекъ слишкомъ деликатный нравственно для того, чтобы не уловить такихъ оттѣнковъ. Онъ отдавался тѣмъ своеобразнымъ ощущеніямъ, которыя испытываетъ мужчина, пострадавшій отъ женщины и находящій задушевные ласки другой женщины, цѣнить которыя научила его несчастная любовь. Онъ улыбался Бертѣ такъ привѣтливо, какъ никогда не улыбался, и даже Пьеръ поддавался этой возвращающейся веселости друга. Не былъ ли это его дѣломъ, платою за жертву, подтвержденную его

новымъ обѣщаніемъ? Словомъ, то былъ одинъ изъ такихъ моментовъ, какіе наступаютъ нерѣдко наканунѣ рѣшительнаго кризиса и обманчивая ясность которыхъ вспоминается потомъ, чтобы поразить насъ и привести въ содраганіе. И это является самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ мысли, что жизнь человѣка есть сонъ, игра невѣдомыхъ силъ, толкающихъ насъ туда, куда онѣ направляютъ насъ, не имѣющихъ возможности предвидѣть сегодня ожидающаго насъ завтра. Опасность приближается, она уже подступила. Люди, рѣшающіе нашу судьбу, рядомъ съ нами, живутъ своею жизнью и тоже не подозрѣваютъ того, что имъ предстоитъ сдѣлать. Случай, Рокъ, Провидѣніе? Какое имя дать загадочному фактору неизбѣжнаго?

Корансецъ былъ у Хотфейля въ пятницу. Оливье и Пьеръ рѣшили уѣхать изъ Баннъ въ воскресенье. Въ субботу утромъ Хотфейль былъ одинъ въ комнатѣ, укладывалъ свои вещи, когда стукъ въ дверь заставилъ его вздрогнуть. Несмотря на безповоротно-принятое рѣшеніе сдержатъ данное слово, онъ не могъ отдѣлаться отъ ожиданія чего-то. И самъ онъ не сумѣлъ бы объяснить, чего онъ, въ сущности, ждалъ. Но какой-то внутренней голосъ, бессознательный и незаглушимый, шепталъ ему, что Эли не дастъ ему уѣхать, не попытавшись увидать его. Со времени возвращенія письма она ничѣмъ не дала знать о себѣ, никого не присылала къ нему. Корансецъ являлся по своей собственной инициативѣ. И, все-таки, Пьеръ былъ въ той нервной тревогѣ, которая ждетъ, угадываетъ приближеніе событія, идущаго на насъ, и голосъ молодого человѣка дрогнулъ, когда онъ словомъ «Войдите», отозвался на стукъ незвѣстнаго посѣтителя. Пьеръ *зналъ*, что этотъ посѣтитель, кто бы онъ ни былъ, присланъ баронессою Эли. На самомъ же дѣлѣ это былъ слуга отеля, державшій въ рукѣ письмо безъ марки, принесенное посыльнымъ, которому не было приказано ждать отвѣта. Хотфейль осмотрѣлъ конвертъ, не распечатывая его. Читатъ ли это письмо, когда Пьеръ знаетъ, что оно тоже прислано отъ госпожи де-Карлсбергъ?... Адресъ былъ написанъ, однако, не ея рукой. Пьеръ старался припомнить, гдѣ онъ видѣлъ этотъ почеркъ, нервный, неровный, точно испуганный. И вдругъ онъ вспомнилъ анонимную записку, полученную имъ послѣ вечера въ Монте-Карло. Онъ показалъ ее баронессѣ, и Эли сказала: «Это писала Луиза!...» И теперь передъ нимъ было письмо госпожи Брионъ. Онъ уже сомнѣваться не могъ въ томъ, что вскрытъ конвертъ — значило войти въ сношенія съ Эли, искать извѣстій о ней, не сдержатъ слова,

сказать другу. Пьеръ сознавалъ все это и, оттолкнувши соблазнительное письмо, просидѣлъ долгія минуты, склонивши голову на руку. Надо, впрочемъ, отдать ему справедливость въ томъ, что онъ не пытался оправдываться софизмами передъ самимъ собой. Онъ говорилъ себѣ: «Я не долженъ читать это письмо, *не долженъ...*» — и, минутою спустя, заперъ дверь, точно воръ, собирающійся приступить за нехорошее дѣло, весь багровый отъ стыда, дрожащими руками разорвалъ пакетъ. Изъ него выпало сначала письмо, потомъ другой конвертъ, заклеенный и ненадписанный... Еслибъ у Бера хоть малѣйшее сомнѣніе было относительно заключающагося въ этомъ другомъ конвертѣ, оно исчезло бы по прочтеніи письма мадамъ Брионъ. Вотъ что она писала:

«Нѣсколько недѣль назадъ вы получили письмо, которымъ васъ умоляли повинуть Канны и избавить отъ несомнѣннаго несчастья одну особу, жизнь которой и безъ того горька и которая заслуживала, чтобъ ее пожалѣли. Вы не послушали совѣта, даннаго вамъ въ томъ письмѣ неизвѣстнымъ вамъ другомъ. Теперь, когда несчастье уже случилось, тотъ же другъ умоляетъ васъ не отвергнуть этой вторичной просьбы, какъ вы сдѣлали тогда. Особа, въ жизни которой вы заняли такое мѣсто, не надѣется вернуть отнятое у нея счастье. Она проситъ васъ только не осуждать ее, не выслушавши, и если вы заглянете въ душу свою, то признаетесь, что на это она имѣетъ право. Она написала вамъ письмо, которое при этомъ приложено. Не отсылайте его назадъ ей, какъ вы тотъ разъ сдѣлали, съ жестокостью, не свойственною вамъ. Если вы не можете читать ея письма, то уничтожьте его. Но сами передъ собою сознайтесь въ томъ, что вы поступаете жестоко въ отношеніи сердца, отдавашаго вамъ все, что было въ немъ искренняго, благодушнаго, нѣжнаго, наиболѣе правдиваго».

Пьеръ прочелъ и перечитывалъ эти фразы, наивныя, несладкія, но для него краснорѣчивыя. За ними онъ угадывалъ страстную нѣжность Луизы Брионъ къ Эли, и это глубоко трогало его, такъ всякаго несчастнаго влюбленнаго трогаютъ доказательства преданности къ любимой имъ женщинѣ. Любящему человѣку такъ дорого, такъ сладко знать, что *къ ней* хороши, что ласкаютъ и охраняютъ *ее* въ то самое время, когда онъ безжалостно проглатываетъ ее, готовъ на всякія неистовства въ своемъ безумномъ разсужденіи!... И на самомъ дѣлѣ, какова же была преданность Луизы, этой безукоризненно честной, благочестивой женщины, дошедшей изъ любви къ подругѣ до передачи письма Эли Хотфейлю! Мадамъ Брионъ хотѣла сама пріѣхать въ отель Пальмъ, вызвать

Пьера, говорить съ нимъ, отдать письмо изъ рукъ въ руки и и посылъа. Лично она, быть-можетъ, потерпѣла бы неудачу, тому какъ письмомъ своимъ она побѣдила всѣ колебанія молодого чема въна. Волненіе, вызванное ея простыми, безыскусственными стрками, совершенно обезоружило его передъ слишкомъ нѣжными вом поминаніями: онъ разорвалъ второй конвертъ и прочелъ:

«Пьеръ,

«Я не знаю даже, прочтете ли вы эти слова и не напрасно я и пишу ихъ, какъ столько слезъ напрасно пролито мною въ ду махъ о васъ съ того ужаснаго дня. Я не знаю, согласитесь ли вы меня выслушать, когда я еще разъ скажу вамъ, что люблю васъ, что никого въ мирѣ не любила, кромѣ васъ, и что никогда никого не люблю, кромѣ васъ. Но сказать вамъ это я *должна* въ надеждѣ, что, все-таки, дойдетъ до васъ мой стонъ, стонъ сердца которое собственнымъ страданіемъ менѣе измучено, чѣмъ причиннымъ вамъ страданіемъ. Когда я получила то письмо, распечатать которое вы не захотѣли, сердце это разрывалось отъ мысли какъ же страшно онъ страдаетъ, если такъ безжалостенъ ко мнѣ! И я уже ничего не сознавала, кромѣ вашихъ терзаній...

«Нѣтъ, милый мой, любимый, не могу я говорить съ тобой иначе, чѣмъ говорила въ тотъ часъ, когда позвала тебя, чтобы просить тебя уѣхать, и обхватила тебя своими объятіями. Я пробовала бороться съ собой. Мнѣ слишкомъ больно не раскрыть передъ тобой всего моего сердца. Если ты не прочтешь этихъ строкъ, то не поставишь мнѣ въ вину словъ любви, которыя я говорю тебѣ: ты не узнаешь о нихъ. Если же прочтешь!... А, если прочтешь, ты вспомнишь *наши* часы, тѣ часы, что такъ быстро проносились на берегу моря, подъ красивыми соснами Антибъ, потомъ на палубѣ яхты, потомъ въ Генуѣ, когда не постигъ еще тебя страшный ударъ, когда я видѣла тебя счастливымъ, могла дѣлать тебя счастливымъ!... Хорошій мой, ты не знаешь себя и не понимаешь, что значить для женщины создавать тебѣ счастье! Если я не сказала тебѣ тотчасъ же того, что ты знаешь теперь, то вся моя вина произошла отъ одного, отъ увѣренности, что не увижу я никогда потомъ твоихъ глазъ, твоихъ обожаемыхъ глазъ, такими, какими я видѣла ихъ, сіяющими яснымъ свѣтомъ, исходившимъ изъ твоей чудной души, охваченной восторгомъ.

«Пойми меня, милый, и не думай, что я хочу оправдаться въ моемъ преступленіи передъ тобой. Правда, я не стоила тебя. Ты былъ красота, молодость, чистота, — все, что есть хорошаго, добраго, очаровательнаго въ мирѣ. Я утратила право на любовь такого

щества, какъ ты. Я должна была сказать тебѣ это, а затѣмъ, если бы ты захотѣлъ, ты взялъ бы меня и покинулъ бы, какъ существо принадлежащее тебѣ, бѣдное существо, созданное для того, чтобы нравиться тебѣ нѣкоторое время, развлечь тебя и благодать тебя за это... Знай, милый мой, я думала объ этомъ и очень дорого заплатилась за то, что поддалась не гордости, а моей любви и испугалась твоего презрѣнія!... Къ тому же, женщина, которую ты создалъ во мнѣ, такъ не похожа на ту, какою я была прежде, чѣмъ тебя узнала. Я говорила себѣ: «Ему я не лгу». И я ждала, я любила тебя совершенно измѣнившимся сердцемъ... А ты я любила тебя, какъ любила! Этого ты никогда не узнаешь, ты, ни даже я сама, кажется: это было что-то болѣе глубокое, въ мое сердце, и такое томительно горестное, когда я думала, что могло бы быть, если бы я тебя ждала!...

Шерь, ты видишь, я говорю о себѣ, какъ о посторонней, какъ о жертвой. Не пугайся, однако. Я не думаю покончить расчетъ съ жизнью. Я причинила тебѣ слишкомъ много горя и не усилю его своимъ совѣсти. Я живу и буду жить, если только можно назвать жизнью существованіе послѣ того, какъ я знала тебя, любила и тобою была любима и утратила тебя!... Я знаю, что ты уйдешь изъ Баннъ, уѣдешь завтра. Мнѣ кажется, ты не захочешь покинуть меня навсегда, не давши мнѣ возможности поговорить съ тобой. Рука дрожитъ, когда я пишу это, и не нахожу я словъ, чтобы высказать мои мысли. Но было бы безпощадно жестоко покинуть меня, не выслушавши объясненій, почему я была такою прежде. Если бы я провела съ тобою одинъ часъ, всего одинъ часъ еще, ты уѣхалъ бы потомъ, но судить меня сталъ бы иначе. Что бы, того быть уже не можетъ. Но я хотѣла бы въ одиночествѣ, которое я обрекаю себя, имѣть одно утѣшеніе, что ты видишь такую, какова я на самомъ дѣлѣ, что не считаешь меня способною на то, чего я не дѣлала. Любимый мой, часы мои сочтены. Уѣдешь завтра. Когда ты будешь читать это письмо, если хочешь прочесть его, намъ останется менѣ сутокъ пребыть въ томъ городѣ. Если же ты прочесть мое бѣдное письмо, если тронешь тебя, если ты найдешь справедливымъ то, о чемъ я прошу тебя, приходи въ тотъ часъ, въ какой ты приходилъ ко мнѣ. Если въ одиннадцати часовъ я буду ждать тебя въ теплицѣ. Если ты откажешь меня окончательно, безповоротно, если откажешь мнѣ въ свиданіи, тогда — прощай, прощай, прощай, и ни одинъ слезъ тебѣ не сорвется съ моихъ губъ, не сложится въ моемъ

сердцѣ, и всегда, всегда я буду повторять: благодарю тебя, волюбленный, за то, что ты заставилъ меня любить тебя».

«Не пойду», — проговорилъ молодой человѣкъ, кончивши чтіе страницъ, полныхъ страстныхъ призывовъ любви. — «Не пойду», — повторялъ онъ. Но онъ зналъ, что самого себя обманываетъ, что не устоитъ передъ болѣзненными стонами, сдастся на голоженщины, все очарованіе котораго вылилось въ словахъ письма мольбой, обожаніемъ, сердечною ласкою, грустною и сладкою смѣлостью. Сознаніе подлости, которую онъ могъ сдѣлать, которую и пременно сдѣлаетъ, было такъ ясно въ немъ, что Пьеръ уже не въ состояніи былъ выдерживать взглядъ друга, когда они сошлись завтракомъ, — не въ состояніи былъ разговаривать съ Оливье, слышать его голосъ, оставаться въ одной комнатѣ съ нимъ. Къ вечеру Хотфейль не пытался даже говорить: «Не пойду». Лихорадочное безуміе, которое испытываютъ влюбленные передъ несомнѣнности свиданія, овладѣвало имъ, захватывало всего, влекло его неудержимо, а въ одиннадцать часовъ, надвинувши шляпу на глаза, крѣдучись вдоль стѣны, какъ преступникъ, съ пересохшимъ отъ вѣненія горломъ, задыхаясь отъ стыда и желанія, онъ вышелъ изъ отеля и направился по дорогѣ, ведущей къ виллѣ Гельмгольцъ. Желѣзная побѣдила. Измѣна совершилась...

Была одна изъ тѣхъ весеннихъ провансальскихъ ночей, когда вся природа пьянѣетъ и дышетъ сладострастіемъ. Ароматы цвѣтовъ неслись на встрѣчу Пьеру изъ-за изгородей садовъ. Лѣнивый ветерокъ едва шевелилъ темную листву деревьевъ какъ разъ настоялко, чтобы придать пейзажу видъ очарованной жизни, объятай драмой. Небо трепетало звѣздами. Тонкій серпъ луны прорѣзывалъ мракъ, не имѣя силъ разогнать его. Кругомъ вѣяло безгранично таинственностью. Каково идти въ такую ночь къ любимой женщинѣ, когда сердце замираетъ отъ восхищенія, уста жаждутъ поцѣлуевъ, кровь горитъ отъ предвкушенія восторговъ! Пьеръ, однакъ по мѣрѣ приближенія къ мѣсту свиданія, испытывалъ все увеличивавшуюся неизъяснимую тоску. То, что онъ дѣлалъ, представлялось ему настолько дурнымъ, что онъ подавленъ былъ сознаніемъ совершаемаго преступленія. И все-таки совершалъ его, шелъ впередъ. Отравы, влитая въ его жилы фразами письма, властно дѣйствовала на его ослабѣвшую волю. Онъ шелъ, но огромная разница между тѣмъ, какъ онъ теперь воровски проглядывалъ къ женщинѣ, которую презиралъ, презирая и себя въ то же время

любовь къ ней, и прежними его приходами на ту же виллу, этою дорогой, когда онъ былъ полонъ чувствомъ нѣжнаго благоговѣнія!

«А Оливье?... Что, еслибъ Оливье увидалъ его теперь, когда въ такъ мерзко измѣняется ему!»... И такъ сильно было напѣхание всѣхъ чувствъ его, охваченныхъ тревогами любви и желанія, что малѣйшій звукъ волновалъ его; тѣни и очертанія предметовъ принимали въ его глазахъ угрожающія, фантастическія формы. Сердце его билось, нервы дрожали, страхъ нападалъ на него. Пьеру казалось, будто чьи-то шаги раздаются за нимъ слѣдѣя, онъ останавливался и прислушивался. Въ ту же минуту, когда онъ уже готовъ былъ перебраться черезъ откосъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ обыкновенно проходилъ въ садъ Эли, впечатлѣніе Хотфейля, что за нимъ слѣдятъ, разрослось до такой степени, что онъ отступилъ назадъ, всматриваясь въ дорогу, заглядывая за кусты и за камни, избѣгая, точно воръ, длинной полосы свѣта отъ электрическаго фонаря, поставленнаго на воротахъ виллы. Понски не открыли ничего подозрительнаго. Но страхъ, закравшійся въ душу, былъ такъ великъ, что Пьеръ не посмѣлъ идти обычнымъ путемъ, казавшемся легко доступнымъ и открытымъ. Молодой человѣкъ пустился бѣжать, точно за нимъ гнались на самомъ дѣлѣ, и обогнулъ маленький паркъ, тянувшійся въ гору за садомъ виллы. Значительная часть парка была обнесена стѣной. Хотфейль перелѣзъ черезъ нее, хватаясь за вѣтви дуба, росшаго съ наружной стороны. Съ сумраку, привалившись къ кирпичному гребню стѣны, онъ прислушивался еще разъ. Бругомъ лишь вѣтерокъ шелестѣлъ, перебирая лиственную листву, да въ тиши ночи, гдѣ-то далеко, раздавался лай собаки у какого-то одинокаго дома. «Мнѣ почудилось», — прошепталъ Пьеръ и, придерживаясь руками, спустился со стѣны, поспѣшно уйдя.

Стѣнка оказалась вышиною болѣе трехъ метровъ. На его счастье, открытая въ этомъ мѣстѣ земля ослабила толчокъ, и Хотфейль навалился къ теплицѣ. Еще нѣсколько минутъ, и онъ былъ около двери, осторожно толкнулъ дверь. Рука Эли схватила его руку... Что случилось бы съ нимъ, еслибъ могъ онъ знать, что страхъ его не былъ напраснымъ, что за нимъ на самомъ дѣлѣ слѣдили шагъ за шагомъ съ ухода его изъ отеля и что свидѣтель, присутствіе котораго онъ чувствовалъ во мракѣ ночи до того момента, когда пустился бѣжать, былъ не кто иной, какъ Оливье?

Дождь оставался молчаливымъ, выдѣляясь въ сумракѣ ночи единственною массой, мѣстами совершенно черною, мѣстами бѣ-

люю, гдѣ падалъ свѣтъ электричества. Кругомъ царилъ та же возмутимая тишина, изрѣдка нарушаемая далекимъ лаемъ собакъ такъ же мягко шелестили листья и лили ароматы цвѣты, и звѣды дрожали въ необъятномъ пространствѣ, а Оливье стоялъ неподвижно у откоса сада, тамъ, куда онъ спрятался, чтобы не быть замеченнымъ другомъ. Горе его въ эту минуту перешло тотъ же дѣлъ, за которымъ человѣкъ утрачиваетъ способность дѣйствовать и бороться.—За завтракомъ, какъ только увидѣлъ онъ Пьера, по взволнованному лицу, блестящимъ глазамъ, вздрагивающимъ губамъ, по всему, угадалъ, что происходитъ вѣчто новое. Оливье до изнеможенія былъ утомленъ непрерывною борьбой, истомленъ постояннымъ возникновеніемъ въ его сердцѣ и въ сердцѣ его друзей удручающихъ осложнений! А затѣмъ, о чемъ могъ онъ спрашивать Пьера, послѣ ихъ вчерашняго разговора? И Оливье промолчалъ. Смысла не было долше мучить другъ друга. Скоро, однако, передъ возрастающимъ безпокойствомъ Хотфейля опять пробудилась и дозрительность Дю-Прата. Онъ подумалъ: «Она писала ему, свиданіе назначила...» — Нѣтъ! Быть этого не можетъ. Въ тѣхъ взаимныхъ отношеніяхъ, въ какихъ они были теперь, получить письма Эли, прочесть его и не сказать объ этомъ было бы со стороны Пьера такимъ преступленіемъ противъ дружбы, какого онъ никогда не совершитъ. Оливье упорно отстаивалъ доказательства бессмысленности такого подозрѣнія. Потомъ видная лихорадка друга начала и имъ овладѣвать. При прощаніи на ночь, по рукопожатію Пьера, онъ почувствовалъ, что измѣна близка, неизбежна, достоверна. Почему Дю-Пратъ ничего не сказалъ въ эту послѣднюю минуту? Крайнія разочарованія доводятъ нерѣдко до безучастной некорности: передъ нѣкоторыми ударами, слишкомъ неожиданными прекращается всякая борьба, смолкаютъ всякія жалобы. Если Пьеръ на самомъ дѣлѣ задумалъ и рѣшилъ измѣнить состоявшемуся между ними договору, съ какими упреками обращаться къ нему и для чего? Для чего?... Облокотившись у открытаго окна и призывая на помощь всю силу [сознанія собственного достоинства чтобы не пойти слѣдомъ за Пьеромъ въ его комнату, Оливье долбитъ твердилъ себѣ: «Это невозможно»,—повторялъ до той секунды, когда ему показалось, будто фигура Пьера промелькнула въ саду отеля. На этотъ разъ Оливье не выдержалъ, сошелъ внизъ, спросилъ швейцара, узналъ, что Пьеръ дѣйствительно только что вышелъ. Нѣсколько секундъ спустя, и самъ онъ чуть не бѣжалъ по направленію къ виллѣ Гельмгольцъ. Онъ узналъ своего друга, послѣдовалъ за нимъ, видѣлъ, какъ тотъ останавливался, прислу-

ивался, шелъ дальше... Когда Пьеръ готовъ былъ войти въ садъ, Оливье не осилилъ превозмочь себя и сдѣлалъ шагъ впередъ. Пьеръ услышалъ это. Оливье скрылся въ тѣни, а тотъ прошелъ очень близко отъ него, чуть не задѣлъ, и пустился бѣжать, — вѣроятно, къ другому входу, извѣстному ему. Оливье остался на мѣстѣ.

Онъ сѣлъ на землю и всецѣло отдался отчаянію, въ которомъ было все горькое, пережитое въ эти двѣ недѣли. Онъ зналъ, что въ эту минуту, въ безмолвномъ домѣ, такъ близко отъ него, Эли и Пьеръ были вмѣстѣ. Онъ зналъ, что они примирились, любятъ другъ друга, и мысль эта причиняла ему нестерпимую боль, парализовала его на мѣстѣ. Страстная любовь къ этой женщинѣ, сожалѣніе, что другъ, лучшій, единственный его другъ, растопталъ ее, чтобы къ ней пройти, смертельная ревность и горечь измѣны — всѣ эти разнородныя чувства доводили его до потери сознания. Оливье кончилъ тѣмъ, что легъ на холодную землю, — на землю, которая въ свое время всѣхъ насъ прикроетъ и своею тяжестью давитъ насъ, а съ нами вмѣстѣ — всѣ тревоги сердца! И онъ лежалъ недвижимый, какъ трупъ, и хотѣлъ умереть на самомъ дѣлѣ, заснуть, не любить болѣе эту женщину, не видать никогда своего друга, не сознать ничего, заснуть безъ сновидѣній, безъ воспоминаній, такимъ сномъ, будто Эли и Пьера, и его самого никогда не было!

Оливье не могъ опредѣлить, сколько времени провелъ онъ такъ, совершенно разбитый безысходнымъ горемъ, доводящимъ душу до великаго изнеможенія. Звукъ голосовъ, послышавшійся изъ-за изгороди сада, заставилъ Дю-Прата очнуться отъ полузабытья, въ которомъ онъ находился. Тамъ ходили люди безъ огня осторожно и невѣрными шагами и говорили, понижая голоса. Они такъ близко подошли къ Оливье, что онъ могъ бы дотронуться до нихъ руками, еслибы поднялся на ноги.

— Вотъ здѣсь онъ входилъ и уходилъ прежними ночами, ваше высочество, — говорилъ одинъ голосъ едва слышнымъ, вкрадчивымъ, шепотомъ, — мы можемъ быть увѣрены, что онъ не ускользнетъ отъ насъ...

— А убѣждены ли вы въ томъ, что ни одинъ изъ вашихъ людей не подозрѣваетъ правды? — отозвался другой, едва сдерживаемый, голосъ.

— Ни одинъ, ваше высочество, они думаютъ, что будутъ брать въ вора.

— Мосье де-Лаубахъ, — виѣшался третій голосъ, очевидно,

подчиненнаго, — садовникъ пришелъ доложить, что отворена дветри теплицы...

— Я самъ посмотрю, — отвѣтилъ первый голосъ, тогда какъ болѣе повелительный чуть не крикнулъ: — *Verfluchter Esel!* *)

Это ругательство обличало ясно, насколько подобная тщательность наблюдений была не по душѣ распорядителю засады... Противъ кого?... Зная, въ чемъ дѣло, Оливье ни на минуту не усомнился въ томъ, что эрцгерцогъ провѣдалъ о свиданіи жены съ мужчиной и подготавливалъ свою месть. Вопросъ, заданный имъ адъютанту, потому раздраженіе противъ «проклятаго осла», заявившаго о дветри теплицы, свидѣтельствовали о желаніи принца скрыть мотивы ищенія. Требовалось, чтобы любовникъ былъ убитъ, какъ заурядный грабитель, — «дабы охранить честь Эли», — подумалъ Оливье, поднимаясь на ноги и прислушиваясь къ удаляющимся голосамъ. Эрцгерцогъ и адъютантъ заканчивали, конечно, устройство облавы. Пьеру нѣтъ спасенья!...

Пьеръ погибъ!... Оливье совсѣмъ выпрямился. Передъ нимъ мелькнула возможность спасти друга, котораго онъ такъ горячо любилъ. Что, если онъ, Оливье, проберется въ садъ, прокрадется до дветри теплицы, о которой говорилъ одинъ изъ сторожившихъ и изъ которой долженъ выйти тотъ, кого собирались убить!... Если потомъ Оливье бросится бѣжать, дѣлая видъ, будто хочетъ ускользнуть изъ виллы... Мысль замѣнить друга и собою пожертвовать за него овладѣла съ непреодолимою силой несчастнымъ, котораго такъ хотѣлось умереть. Онъ пошелъ сначала вдоль откоса, потомъ края стѣны, черезъ которую перебрался въ свою очередь невдалека отъ того мѣста, гдѣ перелезалъ Хотфейль, и направился прямо въ виллѣ... Она виднѣлась въ сумракѣ, все такую же молчаливою и мирно спящею, безъ единаго луча свѣта, проскальзывающаго сквозь закрытыя наглухо окна. Какъ желалъ бы Оливье проникнуть въ эти стѣны, войти въ нихъ невидимкой, явиться передъ тѣмъ, кого онъ рисковалъ жизнью!... Устоялъ ли бы онъ въ рѣшеніи спасти друга цѣною своей жизни, если бы въ дѣйствительности увидалъ комнату Эли такую, какова она была въ эту минуту, при слабомъ свѣтѣ прикрытой лампы? Прекрасная обнаженная рука молодой женщины обвивалась вокругъ шеи Пьера, Эли тихо говорила ему:

— Если бы ты не пришелъ, мнѣ кажется, я умерла бы на вѣшней ночью отъ отчаянія и любви... Но я чувствовала, что т

*) Осель проклятый.

придешь, что все простишь... Когда я дотронулась до твоей руки, все горе я забыла, а ты былъ очень жестокъ ко мнѣ сначала! Какія ужасныя слова ты говорилъ мнѣ... и какъ мнѣ больно это было! Но все забыто! Скажи, скажи мнѣ, что все забыто, такъ какъ опять ты взялъ меня въ свои объятія, опять знаешь, какъ я люблю тебя, дозволяешь мнѣ опять любить тебя... Говори мнѣ, что любишь меня! Повтори, что любишь по-прежнему, какъ любилъ на лѣтѣ, когда мы слушали вздохи моря! Ты помнишь это?...

И Эли старалась заглянуть въ глаза возлюбленнаго, желала увидать въ нихъ то, о чемъ говорила въ своемъ письмѣ,—чарующую ясность счастья, которая уже не свѣтилась въ нихъ. Въ глубинѣ ихъ лежала неотступно печальная мысль, скоро смѣнившаяся угасающею мыслью. Въ ту минуту, когда еще болѣе нѣжныя, болѣе ласкающія, болѣе влюбленныя губы Эли сжимали вѣки молодого человѣка, пытаясь отогнать отъ нихъ печаль, въ саду грянулъ выстрѣлъ, за нимъ—второй, потомъ—третій, разъ за разомъ, и въ воздухѣ пронесся крикъ человѣка...

Затѣмъ все смолкло. Наступила страшная тишина. Эли и Пьеръ взглянули другъ на друга, у обоихъ мелькнула одна и та же мысль.

— Спрячься въ драпировкѣ, — сказала Эли, — я сейчасъ узнаю...

Она накинула на плечи пеньюаръ и скрыла молодого человѣка, спустивши занавѣсъ алькова. Потомъ съ лампою въ рукѣ она пошла къ окну, раскрыла его и громко крикнула:

— Кто тамъ? Что случилось?

— Не тревожьтесь, мой милый другъ, — отвѣтилъ голосъ, безпощадная иронія котораго заставила вздрогнуть молодую женщину. — Воръ хотѣлъ пробраться на виллу. Ему влетѣло двѣ или три пули. Мы разыскиваемъ его. Будьте покойны, *больше не придетъ*: лаубахъ стрѣлялъ въ упоръ...

Эли закрыла окно. Обернувшись, она увидала, что Пьеръ уже почти одѣтъ. Онъ былъ очень блѣденъ, его руки дрожали.

— Нельзя тебѣ уходить! — сказала она. — Садъ полонъ народа.

— Я долженъ идти, — отвѣтилъ Пьеръ. — Они стрѣляли въ Оливье...

— Въ него?—воскликнула Эли. — Да ты съ ума сходишь!

— Въ него стрѣляли, — повторялъ онъ съ странною энергіей, — стрѣляли потому, что за меня приняли... Онъ видѣлъ, какъ я ушелъ, за мною слѣдовалъ... Я слышалъ его шаги...

— Нѣтъ, я не пущу тебя, — сказала она, становясь въ две-

ряхъ, — заклиная тебя подожди. Не онъ былъ тамъ, не могъ онъ тамъ быть. Они убьютъ тебя. Умоляю тебя, милый, дорогой мой, не выходи, не покидай меня!

Пьеръ былъ совсѣмъ одѣтъ. Онъ почти грубо отстранилъ ее, повторяя:

— Пустите меня, пустите, безъ возраженій, безъ прощаній.

Онъ былъ уже внизу лѣстницы, въ теплицѣ, въ саду, а Эли все еще не имѣла силъ двинуться съ мѣста. Она стояла, прислонившись къ стѣнѣ, къ которой онъ оттолкнулъ ее, низко опустила голову и прислушивалась со страхомъ, близкимъ къ помѣшательству... Въ саду было совершенно тихо. Пьеръ не встрѣтилъ ни эрцгерцога, ни его людей, занятыхъ розысками перваго бѣглеца.

«А! — простонала Эли, — онъ спасенъ!... Лишь бы только спасся и тотъ!»...

Итакъ, ужасъ Пьера захватилъ и ее. Да, неизвѣстный, въ котораго стрѣляли, могъ быть Оливье дю-Прать. Значеніе словъ и тона эрцгерцога было для нея достаточно ясно. Дѣло шло вовсе не о ворѣ. Ея мужъ узналъ, что она принимаетъ у себя любовника, и устроилъ на него облаву. Кто же могъ попасться, вмѣсто Пьера... Въ первый разъ за много лѣтъ эта женщина, не вѣрующая, глубоко проникнутая фатализмомъ и нигилизмомъ, отдалась влеченію просить помощи свыше. Ужасъ передъ тѣмъ, что представлялось ей, — если на самомъ дѣлѣ она и Пьеръ дали поводъ къ убійству человѣка, бывшаго ея любовникомъ и единственнымъ другомъ Пьера, — настолько ошеломилъ ее, что она упала на колѣни и стала молиться объ избавленіи всѣхъ троицъ отъ такой страшной кары... Тщетныя мольбы, столь же тщетныя, какъ поиски ея сообщника, то безумно бѣжавшаго по дорогѣ, то останавливавшася чтобы кричать: «Оливье!»... Никто не откликнулся на его призывъ. Хотфейль добѣжалъ, наконецъ, до отеля. Тутъ онъ узнаетъ, навѣрное, не было ли все это игрой разстроенаго воображенія. И что же случилось съ Пьеромъ, когда ночной швейцаръ отвѣтилъ на его вопросъ:

— Мосё дю-Прать? Да онъ вышелъ почти тотчасъ послѣ васъ.

— И спрашивалъ, ушелъ ли я?

— Да, мосё. Я удивляюсь, что вы не встрѣтили его, онъ пошелъ слѣдомъ за вами въ томъ же направленіи...

Такимъ образомъ, ни одно изъ предчувствій не обмануло Хотфейля. Слѣдилъ за нимъ, на самомъ дѣлѣ, Оливье, и ясно, что въ саду стрѣляли въ Оливье. Убить ли онъ? Раненъ ли? Гдѣ искать его? Всю ночь Пьеръ бродилъ по дорогѣ, осматривая канавы, кучи

каменной, ощупывая руками рытвины и кусты. Утромъ, когда онъ, буквально обезумѣвши, возвращался съ безплодныхъ поисковъ, онъ встрѣтилъ совсѣмъ на другой дорогѣ, ведущей къ отелю, двухъ садовниковъ, которые везли телѣжку, а въ этой телѣжкѣ трупъ человѣка. Пьеръ подошелъ и узналъ своего друга. Грудь Оливье была пробита двумя пулями; на лицѣ, испачканномъ пескомъ, застыло выраженіе безконечной грусти. Судя по мѣсту, гдѣ нашли его садовники, онъ раненый прошелъ еще съ четверть часа. Потомъ силы изнѣжили ему, онъ упалъ и умеръ, не приходя въ сознаніе.

Буда отходить умершіе? Гдѣ тѣ, кого мы любили и кто насъ любилъ, съ кѣмъ мы хороши были и нѣжны, — и тѣ, передъ кѣмъ мы виноваты, покинувшіе насъ въ неизвѣстности, простили ли они насъ? Навсегда ли мы разлучены съ ними? Или же они продолжаютъ существовать вокругъ насъ особою жизнью, недоступною нашимъ плотскимъ чувствамъ, таинственною и смущающею насъ жизнью неувидимыхъ призраковъ? Мы не можемъ ни понимать какой-либо связи, ни допускать полнаго разрыва между нашимъ міромъ и тѣмъ, другимъ, намъ невѣдомымъ. За мечту ли принимать, или за дѣйствительность невидимую жизнь умершихъ, — несомнѣнно одно, что съ этой страшной ночи Эли не могла уже видаться съ Пьеромъ, ни писать ему. Всякій разъ, когда она хотѣла взяться за перо, чтобъ еще разъ сблизиться съ любимымъ человекомъ, *что-то* удерживало ее, и *что-то* всегда останавливало Пьера, когда онъ хотѣлъ подать ей только вѣсть о себѣ. Умершій остается между двумя живыми, и никогда, никогда онъ не исчезнетъ.

М. Р.

ЧЕРНОМОРСКАЯ СИРЕНА.

Повѣсть.

I.

Пробило два звонка.

Отъѣзжавшіе торопливо прощались съ провожавшими и входили въ вагоны. Тамъ, въ открытыя окна, они обмѣнивались отрывочными фразами. Теплый майскій вечеръ видимо дѣйствовалъ на петербуржцевъ: на ихъ лицахъ не было обычнаго выраженія скуки. По временамъ около вагоновъ перваго и втораго классовъ раздавался сдержанный, «приличный» смѣхъ, и слышались веселыя восклицанія.

Въ эту минуту изъ дверей вокзала на залитую электрическимъ свѣтомъ платформу выбѣжали два запоздавшіе пассажира: дама и мужчина.

— Вагонъ прямого сообщенія до Севастополя? Первый классъ? — торопливо спрашивалъ мягкимъ теноркомъ красивый господинъ лѣтъ за тридцать, съ засѣдѣвшими кудрями, выбивавшимися изъ-подъ круглой пуховой шляпы съ короткими полями.

— Пожалуйте впередъ.

Его спутница, небольшого роста, щегольски одѣтая брюнетка, газавшаяся подъ вуалью очень хорошенькой и молодой, почти бѣжала къ вагону, видимо раздраженная, и на ходу кидала своему спутнику:

— Я вамъ говорила... Я вамъ говорила...

— Но вѣдь мы не опоздали! — мягко отвѣчалъ красивый господинъ.

— Могли опоздать! — раздраженно замѣтила она, подбѣгая къ вагону.

— Могли, но, какъ видите, не опоздали! — повторилъ онъ, улыбаясь и лицомъ и глазами, и помогъ своей дамѣ войти въ вагонъ.

Бто-то изъ стоявшихъ у вагона мужчинъ замѣтилъ молодому генералу:

- Это Овѣринъ.
- Бто такой Овѣринъ?—спросилъ генералъ.
- Извѣстный писатель.
- А дама съ нимъ?
- Меньковская, жена присяжнаго повѣреннаго.
- Недурна бабенка...
- И даже очень...

Бондукторъ посадилъ пассажирку въ дамское отдѣленіе, а спутникъ ея вошелъ въ купе перваго класса, рядомъ. Онъ облегченно вздохнулъ, увидавъ въ купе только одного пассажира, пожилого, маленькаго господина съ выбритымъ лицомъ, въ шелковой дорожной шапочкѣ на головѣ, и сѣлъ на противоположномъ диванѣ.

При появленіи пассажира, пожилой маленькій господинъ тотчасъ же принялъ строгій видъ, словно бы предупреждающій, чтобы съ нимъ не вздумали разговаривать. Онъ искоса окинулъ бѣглымъ взглядомъ своихъ маленькихъ острыхъ глазъ и пассажира, и его чемоданчикъ, и иностраннаго вида чехолъ, въ которомъ были зонтикъ и палка, и аккуратно свернутый плащъ, и, плотнѣе усѣвшись въ уголъ, закрылъ глаза и притворился спящимъ, мысленно порѣшивъ, что его спутникъ не то адвокатъ, не то художникъ, не то писатель.

«Нынче всѣ въ первый классъ лѣзутъ!» — подумалъ выбритый господинъ.

Въ свою очередь и Овѣринъ посмотрѣлъ на своего спутника тѣмъ недоброжелательнымъ взоромъ, какимъ обыкновенно люди, какъ и собаки, встрѣчаютъ незнакомыхъ при первой встрѣчѣ. Онъ почти не сомнѣвался, что передъ нимъ «чинуша» и никакъ не меньше вице-директора департамента, а то, пожалуй, и самъ директоръ. Вѣрно, ѣдетъ въ Крымъ провести весну. Пересидѣлъ, видно. Ишь, желтый какой!

И вдругъ, словно вспомнивъ что-то, Овѣринъ вскочилъ и, выйдя изъ купе, постучался въ дамское отдѣленіе.

Его спутница оказалась въ дверяхъ въ капотѣ, мягкая твань котораго обрисовывала красивыя формы пышнаго бюста, и въ красной шелковой матросской шапочкѣ. Эта красная шапочка необыкновенно шла къ ней и моложавила ея лицо, умное, хорошенькое и раздраженное, съ небольшимъ, слегка вздернутымъ носомъ, тонкими губами и большими темными, «глубокими» глазами, опущенными длинными рѣсницами. Темно-каштановые волосы, гладко причесан-

ные назадъ, вились на лбу кудерьками. При слабomъ освѣщеніи коридора ей казалось не болѣе двадцати пяти, хотя въ дѣйствительности было за тридцать.

— Что вамъ?—спросила она недовольнымъ тономъ.

При видѣ своей спутницы такой соблазнительно - хорошенькой Овѣринъ приласкалъ ее взглядомъ и тихо и нѣжно спросилъ:

— А вы все еще сердитесь, Варвара Алексѣевна?

— Еще бы не сердиться! — отвѣчала она, поправляя прядки волосъ маленькою выхоленною рукой съ кольцами на безымянномъ пальцѣ и на мизинцѣ.

— За что же?

— За все!—гнѣвно отвѣчала она.

Овѣринъ пожалъ плечами, словно бы не понимая, за что можно на него сердиться, и спросилъ:

— Хорошо ли вы устроились?

— Благодарю васъ... Скверно.

— Развѣ тѣсно?

— Еще бы.

— Я, право, не виновать. Въ этихъ поѣздахъ нѣтъ спальныхъ отдѣленій.

— Вы, вѣдь, всегда во всемъ правы, конечно.

— Какъ и вы, Варвара Алексѣевна. Ну, не стану раздражать васъ своимъ присутствіемъ. Спокойной ночи.

Варвара Алексѣевна видимо ждала, что Овѣринъ, какъ бывало обыкновенно, станетъ просить прощенія. Но онъ не просилъ и собирался уйти. Тогда молодая женщина значительно и строго шепнула:

— Въ Москвѣ мы съ вами серьезно поговоримъ.

— О чемъ?

— Узнаете.

— Къ вашимъ услугамъ.

— Я поняла теперь васъ, по-ня-ла... На словахъ вы... вѣрнѣйшій и преданный рабъ, а на дѣлѣ такой же эгоистъ, какъ и всѣ мужчины... Я перестала вѣрить вамъ... Вы сегодня опять напали на меня!—говорила она шепотомъ.

Ея красивые глаза словно позеленѣли и сдѣлались злыми. Тонкія алыя губы вздрагивали. Прелестная маленькая ручка нервно щипала бахромку рюша у воротника капота, не закрывавшаго красной шени. Она была хороша въ гнѣвѣ.

Овѣринъ вспыхнулъ.

— А я, извините, васъ не понимаю!

— Удивительно! — усмѣхнулась Варвара Алексѣевна. — Известный психологъ... Съ одного взгляда читаетъ въ сердцахъ и не можетъ понять самой обыкновенной женщины.

— Каюсь, не понимаю. И я вамъ не лгалъ.

— Не лгали?—чуть слышно прошептала Варвара Алексѣевна и посмотрѣла въ упоръ на Овѣрина.

Глаза Овѣрина вдругъ сдѣлались застанными.

— Посмотрите лучше въ зеркало на свои глаза.

Съ этими словами она ушла въ свое отдѣленіе. Въ ея глазахъ блестяли слезы.

Овѣринъ стоялъ нѣсколько мгновений нѣсколько удивленный. «Въ чемъ онъ попался опять?» Наконецъ, онъ пожалъ плечами съ рѣшительнымъ видомъ человѣка, готоваго ко всему, и пошелъ въ свое купе.

Поездъ двинулся.

Овѣринъ, почти не спавшій прошлую ночь, проведенную имъ на островахъ, надѣлъ туфли, дорожную шапку и, вынувъ подушку, расположился спать, но сонъ не шелъ. Въмѣсто сна въ голову Овѣрина лѣзли думы о «Вавочкѣ», объ ихъ отношеніяхъ, о своемъ положеніи.

Положеніе не изъ особенно приятныхъ и избавиться отъ него, хотя бы на время, не такъ-то легко, какъ ему казалось нѣсколько дней тому назадъ, когда онъ пришелъ къ Варварѣ Алексѣевнѣ и съ обычнымъ своимъ чарующимъ добродушіемъ объявилъ ей, что устать отъ работы и ѣдетъ на мѣсяць-на другой отдохнуть въ Крымъ.

— Тамъ такъ хорошъ май! — прибавилъ онъ. — И тамъ я оюнчу свою большую статью.

Варвара Алексѣевна отлично знала Овѣрина и понимала, что отпустить его отъ себя на два мѣсяца значитъ почти навѣрняка потерять его. И здѣсь надо было зорко слѣдить за нимъ, питать его непоимѣрное самолюбіе и говорить исключительно о немъ и объ его произведеніяхъ, которыя онъ читалъ ей, требуя ея мнѣнія. И она ужѣла и хвалить, и бранить его статьи, дѣйствительно талантливья, хотя часто небрежно написанныя, съ тою тонкою лестью у шой женщины, которая такъ нравится мужчинамъ. Вдобавокъ и з мѣчанія Варвары Алексѣевны всегда бывали мѣтки и обличали н благодательнаго, тонко-чувствующаго человѣка.

Она испытующе взглянула на Овѣрина и спросила:

— Ты раньше о поездиѣ не думалъ, Дима? Эта мысль внезапно пришла тебѣ въ голову?

Овѣринъ, съ тѣхъ поръ какъ прошелъ острый періодъ влюбленности, также хорошо изучилъ Варвару Алексѣевну, какъ и она его, если еще не лучше, и умѣлъ угадывать малѣйшіе оттѣнки ея голоса, значеніе каждаго взгляда, каждаго жеста. И онъ сразу понималъ, что подъ равнодушнымъ тономъ этого вопроса кроется ревнивое подозрѣніе о поѣздкѣ съ какой-нибудь другою женщиной. Не даромъ жизнь Овѣрина была полна такихъ приключеній, о которыхъ самъ же онъ, на свое несчастье, съ подкупающею искренностью рассказывалъ Варварѣ Алексѣевнѣ послѣ первой же встрѣчи.

Такъ какъ ничего подобнаго не предполагалось, то симпатичные, ласковые сѣрые глаза Овѣрина были ясны, какъ у годовалаго ребенка, а голосъ его дышалъ самой искренностью, когда онъ отвѣтилъ:

— Третьяго дня, Вавочка, пришелъ докторъ Валькевичъ и посовѣтовалъ мнѣ отдохнуть... Нервы, говорить, плохи... Надо ихъ поправить... Совѣтовалъ этакъ мѣсяцъ, другой полное уединеніе!—прибавилъ онъ, лаская Вавочку глазами, и въ то же время думалъ не безъ тревоги: отпустить ли она его, или нѣтъ?

При всей своей добротѣ и чарующей искренности, Овѣринъ былъ хитеръ и лукавъ.

— Эта мысль превосходная... Тебѣ, Дима, надо отдохнуть, а то ты вертишься здѣсь въ постоянной сутолокѣ. И не можешь сосредоточиться, чтобы работать... А тамъ ты напишешь прелестную статью... Тема ея безподобная... Надобно только хорошо ее обработать...

По обыкновенію, Овѣринъ возбудился и, увлеченный, сталъ говорить о новыхъ подробностяхъ, которыя пришли ему въ послѣднее время въ голову. Говорилъ онъ хорошо: образно, мѣтко, рисуя, такъ сказать, тонкими штрихами планъ статьи. И Варвара Алексѣевна вся впиалась въ его загорѣвшіеся глаза и слушала его какъ бога. И когда «богъ» окончилъ, она вскочила съ кресла, поцѣловала его крѣпко, крѣпко и восторженно воскликнула:

— Какой же ты талантъ, Дима!... Огромный талантъ! И знаешь ли что?

— Что Вавочка?—спросилъ онъ, весь вспыхивая отъ этой, казалось, невольной вырвавшейся похвалы.

— Я поѣду съ тобой... Не бойся, я мѣшать не буду... И мы не станемъ ссориться, какъ ссорились въ послѣднее время. Я буду переписывать твою статью...

«Однако, ловко!» — подумалъ Овѣринъ и даже улыбнулся при

мысли, что Вавочка обошла его такъ «ловко», и нашелъ, что отлично вмѣстѣ ѣхать и вмѣстѣ работать.

Отговаривать, конечно, было невозможно, да и мягкая натура Овѣрина неспособна была обидѣть женщину непосредственнымъ рѣзкимъ объясненіемъ. Онъ предпочиталъ и умѣлъ прерывать связи какъ-то нѣжно, мило, благодарно и даже поэтично, увѣряя въ неизмѣнной дружбѣ.

Вдобавокъ Овѣринъ ниѣмъ въ то время сильно не увлекался, и хорошенькая Вавочка нравилась ему. И ему казалось, что тѣ обостренныя отношенія, которыя отравляли имъ обоимъ жизнь въ послѣднее время и служили для Овѣрина главнымъ поводомъ отдохнуть одному, исчезнуть въ путешествіи, и особенно на ночь мѣстѣ, подъ чуднымъ небомъ Брына, гдѣ-нибудь на берегу моря, въ укромномъ домикѣ, гдѣ онъ будетъ писать... Тамъ, навѣрное, сцена не будетъ.

А между тѣмъ первый день путешествія, и уже началось...

«Въ чемъ я солгалъ ей... Не узнала ли она, что я ухаживалъ два дня за одною барыней. Но, вѣдь, это пустыяки!»

II.

Вотъ уже годъ, какъ сошлись Овѣринъ и Варвара Алексѣевна.

Съ первой же встрѣчи ее очаровалъ этотъ талантливый писатель, съ шапкой засѣдѣвшихъ кудрей, живой, увлекающійся, добродушный и необыкновенно мягкій, съ прелестными яркими сѣрыми глазами и быстро воспламеняющимся темпераментомъ, напоминающимъ южанина, горячій спорщикъ и фантазеръ, исповѣдующій самыя крайнія убѣжденія послѣ того, какъ въ молодости исповѣдовалъ совершенно противоположныя, наивно самолюбивый и безшабашный, готовый въ минуты порыва на всякое сумасбродство, и въ то же время, когда надо, очень практичный и осторожный, славный товарищъ и добрый человекъ, имѣвшій мужество высказывать иногда нелѣпости и не обижаться, если надъ нимъ за это смѣялись.

Такого интереснаго, симпатичнаго человека она не встрѣчала, и въ первую же встрѣчу на одномъ изъ журъ-фиксовъ Варвара Алексѣевна проболтала цѣлый вечеръ съ Овѣринымъ, наговорила ему много комплиментовъ по поводу его произведеній и просила бытъ у нея.

Овѣринъ влюбился, какъ онъ выражался, съ разбѣга. Эта хорошенькая пикантная женщина, умная и живая, которая такъ тон-

бо цѣнила его талантъ и понимала его самого, казалось, воплощала въ себѣ его идеаль, и онъ думалъ, что полюбитъ ее навсегда только съ ней найдетъ настоящее счастье. По обыкновенію увлекающихся сангвиниковъ, онъ въ первое время былъ ослѣпленъ одѣлялъ Варвару Алексѣвну всѣми совершенствами, какія толы могло придумать его пылкое воображеніе. Онъ сталъ за ней ухаживать съ почтительной нѣжностью по уши влюбленнаго рыцаря готоваго, въ крайнемъ случаѣ, умереть за свою даму. Но смерть не предвидѣлось. Напротивъ, впереди предстояло жить и наслаждаться.

Очарованная Овѣринымъ съ первой же встрѣчи, Варвара Алексѣвна сама влюбилась, какъ институтка. Мужъ ей показался какъ нибудь-то прозаичнымъ, циничнымъ толстякомъ, оставляющимъ же ну, ради мака, по цѣлымъ вечерамъ одну. И никогда никакихъ разговоровъ. Только разныя сплетни, насмѣшки и остроты, и всегда удачныя. И развѣ это любовь? Она для него одинъ изъ элементовъ домашняго комфорта—вотъ и все. Баяная гадость!

И молодая женщина безъ протеста, безъ борьбы отдавалась той поздней могучей страсти, которая нерѣдко охватываетъ женщинъ за тридцать лѣтъ и дѣлаетъ ихъ молодыми и необыкновенно красивыми. Она вдругъ похорошѣла, стала нервна, находила все болѣе и болѣе недостатковъ въ мужѣ и стала запирается на ночь въ своей спальнѣ.

Послѣ мѣсяца разговоровъ о любви, чтенія начатыхъ произведеній Овѣрина и невиннаго флирта, ограничивавшагося цѣлованіемъ красивыхъ рукъ Варвары Алексѣвны, они были близки, и оба, казалось, трепетали отъ счастья.

Порывистая, страстная, гнушавшаяся обмана и безсердечная, какими бываютъ влюбленные жены въ отношеніи къ нелюбимымъ мужьямъ, Варвара Алексѣвна въ одно прекрасное утро категорически и властно, точно ожидая протеста, объявила мужу, что она любить Овѣрина, отдалась ему и оставаться на квартирѣ у мужа не можетъ. Она будетъ жить отдѣльно.

Никакого, однако, протеста не послѣдовало.

Павель Ивановичъ Меньковскій, талантливый петербургскій адвокатъ, толстый, порядочно обрюзгшій пожилой человекъ, когда-то очень красивый, добрый малый, сибаритъ и немного циникъ, привыкъ къ своей Вавочкѣ и любилъ ее. Онъ цѣнилъ въ ней красивую женщину и умную жену, которая не особенно донимала его сценами ревности и сквозь пальцы смотрѣла на его увлеченія на сторонѣ, и на его отсутствіе по вечерамъ. Она была удобная же-

— не особенно притязательная къ проявленіямъ горячей любви и наглядная для кармана. У нея было свое небольшое состояніе, и на свои костюмы она не брала отъ мужа денегъ.

Несмотря на неожиданность заявленія жены, Павелъ Ивановичъ обнаружилъ ни малѣйшаго удивленія, давно уже догадываясь, что Вавочка увлечена Овѣринымъ, и вообще отнесся къ этому приключенію съ истинно-джентльменскою сдержанностью.

Тщательно скрывая чувство обиды, онъ мягко отвѣтилъ, что согласенъ на все, чего желаетъ Вава.

И съ шутивымъ цинизмомъ прибавилъ:

— Когда мужу подь пятьдесятъ, онъ надоѣдаетъ. Это въ пошлѣе вещей. Овѣрину тридцать пять... Онъ красивъ и имѣетъ репутацію обольстителя.

— Не говори гадостей... У насъ съ Овѣринымъ родственныя дѣла.

— Ну, конечно, родственныя... Но только помни одно, Вавочка: когда ваши души перестанутъ быть родственными, и Овѣринъ расцѣлитъ тебя, твое мѣсто здѣсь никѣмъ не будетъ занято. Возвращайся.

Молодая женщина не ожидала такого великодушія. Она взглянула на это ожирѣвшее, потасканное лицо и подь шутивою маскою почувствовала скрываемую скорбь.

И ей сдѣлалось стыдно, что она такъ безжалостно оборвала съ любовью, съ которымъ прожила болѣе десяти лѣтъ.

— Ты прости, что я тебя оставляю... Но я не могу... Не могу... Я люблю такъ, какъ никогда не любила!—говорила она.

— За что прощать? Чувство свободно... Я тебя вполнѣ понимаю!—промолвилъ Павелъ Ивановичъ и, поднявшись съ кресла, внимательно поцѣловалъ женину руку.

«Бъ чему бѣсноваться? Бъ чему выходить изъ себя?—философски размышлялъ Павелъ Ивановичъ, избѣгавшій всякихъ безпокойствъ и тревогъ.—Вѣдь, все равно влюбленную бабу не оставишь. Она пойдетъ на рожонъ. У Вавы критическій возрастъ, а... плохой мужъ!»—мысленно проговорилъ Меньковский и уѣхалъ въ сущь...

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого объясненія Варвара Алексѣевна переехала въ небольшую квартиру и сдѣлала изъ нея уютное гнѣздышко. Павлу Ивановичу было разрѣшено разъ въ недѣлю ѣздить къ ней обѣдать, — ужъ очень онъ на этомъ настаивалъ, — а у Варвары Алексѣевны не хватило духа отказать ему въ этомъ. Мужъ и жена разстались пріятелями.

И Овѣринъ разошелся съ одной вдовушкой, которая успѣла и надѣсть послѣ мѣсячнаго короткаго знакомства, такъ же скоро какъ надѣдали ему и прежнія привязанности. Передъ блестящею Вавочкой простоватая вдовушка показалась вульгарной, и Овѣринъ прежде чѣмъ объявить ей о немедленномъ выдуманномъ отъѣздѣ изъ Петербурга, просидѣлъ у нея вечеръ и говорилъ ласковыя слова. Ему жаль было огорчить эту маленькую, пухлую, простоватую ашшерку, которая гордилась любовью писателя, благоговѣла передъ нимъ и давала къ чаю такое прелестное варенье, что Овѣринъ съѣдалъ его по два блюдечка, — и онъ въ этотъ вечеръ особенно нѣжно старался успокоить ее, общая никогда не забывая эти «чудныхъ глазъ», причѣмъ общалъ писать ей и легкомысленно просилъ, чтобъ и она писала, адресуя письма въ редакцію. Оттуда перешлютъ!

Счастливымъ и польщеннымъ, что ради него Барвара Алексѣевна оставила мужа, Овѣринъ молился на свою «мадонну». Какимъ только совершенствомъ не находилъ онъ въ ней! Какимъ только талантомъ не вглядывалъ онъ въ нее! Какимъ только стихомъ онъ не подивился ей!

Первые шесть мѣсяцевъ были какимъ-то безумнымъ сплошнымъ праздникомъ для нихъ. Они почти не разлучались. Овѣринъ забралъ работу, забылъ всѣхъ знакомыхъ и съ утра пріѣзжалъ къ Вавочкѣ съ букетомъ цвѣтовъ. Онъ имѣлъ состояніе и безумно тратилъ деньги, чтобы доставить удовольствіе любимой женщины. Завтраки, обѣды и ужины въ лучшихъ ресторанахъ, театры, концерты, коляски, тройки, цвѣты.

И все это ихъ тѣшило.

Прошли эти мѣсяцы, и Овѣринъ сталъ охлаждать. Безумная чувственная страсть притупилась, а вмѣстѣ съ нею проходила и любовь. Оставались только привычка, чувство благодарности за любовь и непріятное сознаніе нравственнаго обязательства. Какъ жидится, вмѣстѣ съ охлажденіемъ, къ Овѣрину вернулась способность наблюденія: онъ сталъ замѣчать въ Вавочкѣ тѣ недостатки, которыхъ, ослабленный, прежде не замѣчалъ. Красота «мадонны» теперь казалась несовершенной: и вѣрки на вискахъ, и морщины на лбу, и слегка подведенные глаза, и подкрашенные брови теперь обратили на себя вниманіе Овѣрина. И всѣ прежнія совершенства оказывались преувеличенными. Вавочка теперь представлялась Овѣрину властолюбивой, хитрой и черезчуръ ревнивой женщиной, пытавшейся забрать любимаго человѣка въ руки.

Она требовала, чтобъ Овѣринъ всецѣло принадлежалъ ей.

онъ не бывалъ безъ нея и нерѣдко говорила о жертвѣ, какую она и него принесла, и эта «жертва» смущала Овѣрина. Неблагодарный, онъ частенько теперь думалъ, что было бы лучше, еслибъ Вавочка не приносила жертвы и не бросала мужа. Тогда куда легче бы увидѣнуть, а теперь?...

Это, впрочемъ, не мѣшало Овѣрину позволять себѣ маленькія меченія и коротенькіе романы, хранимые въ тайнѣ отъ Вавочки. Вавочка имѣла способности сыщика и ловила, случалось, Овѣрина на первой главѣ, обрывая своимъ внимательствомъ продолженіе дальнѣйшихъ главъ.

— Дима! Опять?

Но Дима, разумѣется, не будь дуракъ, съ необычайною смѣлостью отрицалъ факты и, стараясь выпутаться изъ сѣтей, давалъ самыя невѣроятныя объясненія на счетъ писемъ и телеграммъ, издававшихъ какими-то судьбами въ руки Варвары Алексѣевны.

Но глаза его выдавали. Они какъ - то растерянно, по-дѣтски, смотрѣли на Вавочку, точно просили оставить въ сторонѣ щекотливый вопросъ, и самъ онъ имѣлъ видъ влопавшагося школьника, сбивающаго очки учителю.

И ему «попадало».

Послѣ: «Дима... Опять?» — слѣдовала хорешая порція негодованія и упрековъ и нерѣдко истерическихъ припадковъ.

Надо отдать справедливость Овѣрину. Онъ былъ чувствителенъ къ женскимъ слезамъ и умѣлъ какъ-то скоро и ловко успокаивать нервы. Онъ клялся, что любитъ только одну Вавочку, и такъ горько и страстно цѣловалъ Вавочку, что та скоро приходила въ себя съ радостными слезами, вся покраснѣвшая и счастливая, прощала Диму и будто вѣрила его невинности, хотя въ душѣ и была убѣждена, что онъ лгалъ, отрицая свою вину.

Въ послѣднее время сцены сдѣлались чаще и отравляли жизнь. Овѣрину приходилось несосвѣтимо врать, увѣряя Вавочку, что онъ въ чемъ передъ нею не виноватъ. Онъ сталъ рѣже ходить, объясняя, что занятъ работою, но о разрывѣ не смѣлъ и думать.

Имѣлъ ли онъ право бросить женщину, которая многое приняла въ жертву ради любви къ нему? И, наконецъ, несмотря на остатки Вавочки, онъ, все-таки, привязанъ къ ней.

Тихое покачиванье вагона успокоило нервы Овѣрина.

«Въ чемъ, однако, я попался... Интересно узнать!»

Овѣринъ мысленно произнесъ эти слова и, стараясь вспомнить, въ чемъ онъ попался, что Вавочка вдругъ разсердилась, заснула, и не вспомнивъ своей вины.

Не вспомнилъ онъ ея и проснувшись въ Химгахъ, и когда по ѣздъ пришелъ въ Москву. По недовольному лицу Вавочки и по сухой встрѣчѣ онъ чувствовалъ, что вина за нимъ немаловажная, и, проведя свою спутницу въ вокзалъ, занявъ угловой отдаленный столикъ, велѣлъ подать кофе и сѣлъ напротивъ Вавочки, имѣя на лицѣ выраженіе несправедливо обиженнаго человѣка и едва улыбку въ глазахъ.

«Начинайте, но только поскорѣй!» — просили, базалось, эти ласковые, мягкіе и въ то же время лукавые глаза, наблюдавшіе не замѣтно Варвару Алексѣевну, плохо выспавшуюся, съ дурнымъ цвѣтомъ лица и потому, вѣроятно, еще болѣе раздраженную.

Варвара Алексѣевна не заставила долго ждать.

Она оглядѣлась, — вблизи никого не было, — и проговорила:

— Вамъ не стыдно? И вы, конечно, отлично спали ночь?

Варвара Алексѣевна усиленно подчеркивала: «вы».

— Но объясните, ради Бога, въ чемъ дѣло?

— Вы не догадываетесь?

— Честное слово, не догадываюсь.

— Какой же вы... безсовѣстный! Вчера, когда мы ѣхали въ вокзалъ, вы говорили, что не видѣлись съ этой пѣвичкой Востроглазовой.

«Вотъ оно что!» — подумалъ Овѣринъ и отвѣтилъ:

— Говорилъ и, конечно, не видался. Разъ какъ-то, дня два тому назадъ, я, правда, встрѣтилъ ее на улицѣ.

Тогда Варвара Алексѣевна вынула изъ своего маленькаго дорожнаго мѣшечка измятый исписанный листикъ почтовой бумаги, передавая Овѣрину, промолвила:

— А это что?

Овѣринъ пробѣгалъ письмо къ нему, принесенное на квартиру Варвары Алексѣевны передъ самымъ отъѣздомъ на вокзалъ. Варвара Алексѣевна, по почерку догадавшаяся, что письмо отъ женщины, спрятала и прочла какъ только вошла въ вагонъ. Письмо было уличающее, полное благодарныхъ и довольно подробныхъ воспоминаній о проведенномъ времени послѣ театра.

«Ловко влопался!» — подумалъ Овѣринъ, и мысленно обруталъ пѣвичку и за обстоятельное воспроизведеніе горячихъ поцѣлуевъ и за глупость посылать письма на квартиру Вавочки.

И, улыбаясь своей чарующей улыбкой, виновато проговорилъ небрежно разрывая письмо:

— Ну, что-жь? Ну, положимъ, ужиналъ. Ну, положимъ, да и поцѣловалъ разъ, другой. Такъ, вѣдь, это пустяки, о которыхъ

стоит говорить такой умищъ, какъ вы. Вы знаете, что истинно
бы я только одну васъ.

Овѣринъ пожалѣлъ, что нельзя было немедленно же прибѣгнуть
доказательствамъ и расцѣловать Вавочку, и потому предусматри-
вно прибавилъ:

— Я постараюсь достать отдѣльное купе, и мы поговоримъ. Я
скажу вамъ, какое у меня знакомство съ этой пѣвичкой, и вы
видите, что я не виноватъ, какъ вамъ кажется. Право, совсѣмъ
виноватъ. Нѣсколько поцѣлуевъ послѣ шампанскаго. Самый
инимый флиртъ.

— Воображаю! — брезгливо промолвила Варвара Алексѣевна.

— Клянусь вамъ! Да мы и не одни были!

— Не одни? — подозрительно кинула Вавочка.

— Съ нами ужиналъ Бѣлобрысовъ! — внезапно совралъ Овѣ-
ринъ и прибавилъ: — можете спросить у него!

Надо полагать, что Варварѣ Алексѣевнѣ очень хотѣлось вѣрить
Овѣрину. вмѣсто того, чтобы, послѣ такихъ двусмысленныхъ объ-
ясненій, поговорить съ нимъ «серьезно», какъ собиралась, она
только смягчилась и тихо, съ грустнымъ видомъ, промолвила:

— Ахъ, Дима, Дима! Какъ ты меня терзаешь последнее время.
Скажи свою Вавочку!

Овѣринъ мгновенно просвѣтлѣлъ, что горизонтъ очистился. Онъ
любилъ, чтобы на него дулись.

И онъ такъ искренно общалъ больше не терзать Вавочки, такъ
ново-вызывающе смотрѣлъ на нее, что Вавочка простила Димѣ
протянувъ ему обѣ руки, выразила удовольствіе, что отъ Мос-
квы они поѣдутъ вдвоемъ.

— А то одной такъ скучно. И дамы все какія-то неинтерес-
ны, Дима.

Весело болтая о томъ, какъ должно быть хорошо теперь въ
Москву, какъ уединенно поселятся они въ Алупкѣ, Мисхорѣ или
Коктебелѣ, какъ отлично будетъ заниматься Димѣ, — они выпили кофе.
Кондукторъ объявилъ, что передаточный поѣздъ скоро идетъ на
станцію «Курскъ», но они теперь рѣшили пріѣхать на станцію на
Коктебелѣ, предварительно позавтракавъ въ Эрмитажѣ. Овѣринъ
сталъ справляться объ отдѣльномъ купе до Севастополя, а Вар-
вара Алексѣевна пошла въ дамскую комнату тщательнѣе заняться
туалетомъ. Минуть черезъ пятнадцать она вернулась свѣжая
выходящая подъ вуалеткой и крѣпко пожала Димѣ руку, узнав-
ши, что онъ купилъ отдѣльное купе. Черезъ нѣсколько минутъ они
поѣхали на отличномъ лихачѣ въ городъ.

III.

Чуднымъ раннимъ утромъ поѣздъ подходилъ къ Симферополю. Овѣринъ только что проснулся, разбуженный лучомъ соли проникшимъ изъ-за опущенной сторы. Онъ потянулся, не зная спать или бодрствовать, взглянулъ на крѣпко спавшую Вавочку съ предусмотрительно накинутымъ поверхъ лица платкомъ (ли во время сна не всегда привлекательны), заглянулъ сквозь стору на ослѣпительный пейзажъ и вышелъ на платформу.

Овѣринъ жадно вдыхалъ чудный, полный острой свѣжести, вѣтеръ раннего майскаго крымскаго утра и любовался дивнымъ пейзажемъ. Налѣво мелькали деревни, поля съ яркою зеленью, сады съ цвѣтущими черешнями, сливами, яблоками и грушами, и среди этихъ бѣлорозовыхъ деревьевъ несло благоуханіе. А далѣе видѣлись цѣпи горъ съ ихъ верхушками, подернутыми золотистымъ дымкомъ. Надъ другими вершинами носился туманъ.

И надъ всѣмъ этимъ медленно поднималось ослѣпительное солнце по бирюзовому, безоблачному небу, заливая блескомъ сады, поля и деревни.

— Какая прелесть! — невольно воскликнулъ Овѣринъ, любя южной природой и чувствуя какую-то бодрящую жизнерадостную силу въ своей груди.

Онъ вспомнилъ про Петербургъ, про эти острова, сырые и холмистые, и какъ хорошо казалось ему здѣсь. Какая прелесть и серебристые тополи, эта тонкая, нѣжная листва акацій, готовые цвѣсти. Что за воздухъ! Что за виды!

Раздался свистокъ. Поѣздъ приближался къ станціи.

Овѣринъ вернулся въ вагонъ и заглянулъ осторожно въ купе. Его спутница крѣпко спала. Онъ не хотѣлъ ее будить, и одинъ вышелъ на станцію, чтобъ выпить стаканъ чаю.

Все здѣсь говорило объ югѣ. И эти татары съ южнаго берега въ своихъ шитыхъ курткахъ, съ барашковыми шапками на головахъ, въ широкихъ шароварахъ и чевякахъ, — важные, степенные съ правильными чертами красивыхъ, казалось, безстрастныхъ лицъ и скрипъ подѣвжающей маджары, и этотъ прелестный садъ начальника станціи, гдѣ олеандры, розы, фіалки, резеда и другіе цвѣты ласкали взглядъ и несли благоуханіе, и эти названія дѣшевнѣйшихъ станцій: Булганакъ, Альма, Шакулъ, Бахчисарай...

Въ буфетѣ пусто. Немногіе заспанные пассажиры и нѣсколькихъ мѣстныхъ жителей — южанъ со смуглыми лицами, горбатыми носами и глазами похожими на черносливы, не то греки, не то кабардинцы, не то евреи.

Овѣринъ наскоро выпилъ стаканъ свѣрнаго чаю и вышелъ на платформу. Впередѣ, по направленію къ Севастополю, синѣли горы, не высокія, мягкихъ, нѣжныхъ очертаній. Налѣво видѣлись бѣлые дома Симферополя, утопающіе въ зелени садовъ, съ золотыми наковками церквей, съ куполами мечетей и верхушками минаретовъ. Издали онъ казался красивымъ городкомъ.

Звонокъ, и Овѣринъ опять остался на платформѣ. Не хотѣлось возвращаться въ вагонъ.

Поездъ двинулся, и чѣмъ далѣе, тѣмъ живописнѣе были мѣста. Вотъ и Бахчисарай—это татарское гнѣздо, живописный маленькій городокъ, не видный со станціи, въ ущельѣ среди скалъ, съ доминантами, которые лѣнятся одинъ около другого, со множествомъ мечетей. На станціи одни татары... и нѣсколько татарокъ въ покрывалахъ, сквозь которыя видѣются только черные, узкіе глаза... Слышатся гортанные звуки татарскаго языка, и изрѣдка прорывается русская рѣчь станціонныхъ служащихъ.

Овѣринъ вспомнилъ, конечно, про Бахчисарайскій фонтанъ, про дворецъ крымскихъ хановъ и рѣшилъ непременно сдѣлать экскурсію въ Бахчисарай и непременно верхомъ, забывая въ эту минуту, что Вавочка будетъ съ нимъ и, разумѣется, будетъ его сопровождать всюду.

Нѣсколько тоннелей, и поездъ спустился въ Инкерманскую долину и повернулъ къ Севастополю. Южная бухта, на берегу которой шелъ поездъ, свернула направо. Налѣво—высились скалы инкерманскаго камня. Мелькнулъ нещерный монастырь въ скалѣ.

Севастополь былъ близко. Пора было будить Варвару Алексѣевну.

Овѣринъ вошелъ въ купе и нашелъ Вавочку ужъ умытой и причесанной. Веселая и радостная, глядѣла она въ открытое окно.

— Неправда ли, хорошо, Вава?—спросилъ Овѣринъ, цѣлуя ея руку.

— Прелесть!—отвѣчала Варвара Алексѣевна,—крѣпко пожала руку Овѣрина и взглядывая на его красивое, жизнерадостное лицо восторженнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ благодарнымъ взглядомъ женщины, обожающей своего любовника. — Ты хорошо спалъ, Дима?

— Отлично. А ты, Вава?

— Превосходно... Крѣпко, крѣпко!—прошептала она и вдругъ, вся краснѣя, поднесла большую широкую руку Овѣрина къ губамъ и пошептала: Милый, какъ я тебя люблю.

Овѣринъ прильнулъ къ губамъ Вавочки.

— А я развѣ тебя не люблю? Люблю, люблю!—нѣжно повторялъ онъ и въ эту минуту искренно былъ увѣренъ, что любить эту хорошенькую Вавочку и что здѣсь въ Крыму любовь его возродится съ новою силой.

— Садись напротивъ. Давай смотрѣть въ окно.

Они смотрѣли въ окно, и ихъ головы почти касались. Имъ было обоимъ весело. Они обмѣнивались радостными восклицаніями, смѣялись, и Овѣринъ держалъ въ своей рукѣ крошечную руку Вавочки и тихо сжималъ ее.

Давно ужъ не было имъ такъ хорошо вмѣстѣ.

— Гляди, Вавочка, вонъ и чинуша высунулся изъ окна.

Вавочка повернула голову. Маленькій бритый и желтый господинъ такъ и впился въ молодую женщину, и глаза его загорѣлись.

— Нахалъ!—шепнула Вавочка, садясь на диванъ.

— За что ты его такъ?

— Смотритъ во всѣ глаза. Такой противный.

— Крымъ, весна... И ты такая красавица, Вавочка!—смѣясь замѣтилъ Овѣринъ.—Ну, вотъ и пріѣхали!

Поѣздъ остановился.

Черезъ пять минутъ Овѣринъ и Варвара Алексѣевна ѣхали въ фаятонѣ въ городъ. Слѣдомъ за ними ѣхалъ другой фаятонъ съ вещами.

Поднимались въ гору. Внизу отливала изумрудомъ корабельная бухта. Послѣ подъема сразу открылся Севастополь, чистенькій, бѣлый, сверкавшій на солнцѣ. Когда фаятонъ въѣхалъ на главную большую Екатерининскую улицу, наши путешественники увидели красивые дома и нѣсколько развалинъ, остающихся послѣ войны. Налѣво, на горѣ, красовалось красивое зданіе въ греческомъ стилѣ возстановленнаго Петропавловскаго собора, бывшаго въ развалинахъ послѣ войны, съ портикомъ и колоннадой, напоминающими Партенонъ. Направо бѣлѣли колонны Графской пристани и сквозь нихъ виднѣлась сѣверная бухта и нѣсколько кораблей. Поворотъ влѣво, и большая гостиница на самомъ берегу моря передъ бульваромъ.

Нашимъ путешественникамъ отвели два просторныя номера рядомъ.

Когда Овѣринъ отворилъ окно, онъ замеръ отъ восторга.

Передъ нимъ виднѣлось море, чудное, голубое море, тихое и, казалось, замершее въ штиль. На горизонтѣ чернѣли дымки пароходовъ. На небѣ ни облачка. И полная тишина.

Овѣринъ долго стоялъ у окна, любуясь моремъ и вдыхая его

чудный, наполненный озономъ, воздухъ. И ему казалось, что именно на берегу моря онъ долженъ написать что-нибудь значительное. Онъ чувствовалъ нервную приподнятость и бодрость, и вся эта петербургская жизнь съ ея сутолокой, ресторанами и островами вдругъ, показалась ему такой пошлой и ничтожной. И какъ могла она ему нравиться?... И какъ онъ могъ свыкнуться съ ней? «Нѣтъ, надо серьезно измѣнить жизнь!» — подумалъ онъ.

Къ одиннадцати часамъ Овѣринъ и Вавочка, оба взявшіе ваннъ, оба свѣжіе и красивые, спускались въ ресторанъ завтракать.

— Что у васъ есть?... Устрицы есть?—весело спрашивалъ Овѣринъ.

— Есть!—отвѣчалъ слуга.

— Такъ давайте устриць, потомъ султанку, потомъ... чего вамъ угодно, Варвара Алексѣевна?—спрашивалъ Овѣринъ, передавая своей спутницѣ карточку.

— Не прикажете ли молодого барашка? Всѣ прїѣзжіе одобряють-сь,—говорилъ лакей.

— Отлично. Давайте. Говорять, крымскіе барашки хороши. Хотите, Варвара Алексѣевна?

— Я такъ голодна, что все буду ѣсть.

— А вино—бѣлое. Дайте только бутылку самаго лучшаго. Да устриць поскорѣй, пожалуста.

— Сколько прикажете?

— Полсотни, что ли. И маленькую рюмку водки... да чего-нибудь закусить.

Лакей ушелъ. Овѣринъ сталъ озирать бывшую въ ресторанѣ публику.

Невдалекѣ отъ нихъ сидѣла компанія молодыхъ моряковъ. Оттуда слышались громкіе, веселые голоса. Говорили о корабляхъ, о плаваніи, бранили какого-то капитана, восхищались какой-то Черноморской Сиреной.

Овѣринъ насторожилъ уши.

Черноволосый юный мичманъ громко воскликнулъ:

— Какъ она хороша вчера была на бульварѣ, господа... Адмирала и того съ ума свела. Подумайте, старикъ, адмиралъ, а хотѣлъ съ Графской пристани броситься за цвѣткомъ, который она бросила въ море. Насилу удержали.

— А ты бросился конечно?

— Еще бы... И досталъ цвѣтокъ.

— А дальше?

— Поѣхалъ на «Боець», переодѣлся и вернулся на бульваръ.

- А она?
- Улыбнулась.
- И только?
- Да развѣ вы не знаете Сирены?...
— Когда она пріѣхала?
- Вчера...

Овѣринъ тихо шепнулъ Вавочкѣ:

- Слышала? Здѣсь и Сирена водится... Всѣхъ съ ума сводить.

Вавочка, смѣясь, отвѣтила:

- Надѣюсь, ты устоишь?
- Да мы, можетъ-быть, и не встрѣтимся съ ней.
- А любопытно, Дима?—подразнила Вавочка.
- Нисколько, — протянулъ Овѣринъ, рѣшившій непремѣнно

увидать эту Сирену.

Въ отдаленіи сидѣла семья: высокая, краснощекая полная женщина лѣтъ подь сорокъ, въ роскошномъ туалетѣ и съ крупными кабушонами въ ушахъ, дѣвушка лѣтъ семнадцати, мальчикъ-подростокъ и англичанка немолодыхъ лѣтъ.

— Кто это такіе?—полюбопытствовалъ Овѣринъ у лакея, когда тотъ принесъ устрицы.

— Госпожа Брехунова съ семействомъ... Извѣстная милліонщица изъ Москвы... Буничиха-съ... Каждую весну въ Ялту ѣздятъ и осенью тоже.

— А вонъ тамъ... двѣ сидятъ. Вѣрно англичанки?

— Точно такъ... англичанки. Недѣлю живутъ... И прелюбопытныя, я вамъ доложу, сударь.

— А что?

— До всего имъ касательство есть... Все осматриваютъ... Должно, корреспондентки... Нынче такого народа много наѣзжаетъ.

— А устрицы прелесть! — говорилъ Овѣринъ, проглатывая сразу штукъ по пяти маленькихъ черноморскихъ устриць.

— Всѣ хвалятъ-съ! — отвѣчалъ рыжеватый, довольно предстательный лакей, видимо желавшій показать себя передъ петербургскими пріѣзжими и сразу угадавшій въ Овѣринѣ тароватаго привыкшаго къ «первому сорту» барина.

Въ эту минуту въ залу ресторана вошелъ, шуря глаза, маленький, худощавый выбритый господинъ, сосѣдъ Овѣрина въ купѣ.

Онъ былъ въ безукоризненномъ темно-сѣромъ, отлично сидящемъ на немъ, «complet» и въ ослѣпительномъ бѣлѣ, серьезныи и словно бы накрахмаленный, съ тщательно выбритыми желтоватыми щеками, съ высоко приподнятою, коротко остриженной голо-

вой, черноволосой, подернутой сѣдиной, и небольшими усами. Сегодня онъ казался Овѣрину молодежавѣе. Ему можно было дать лѣтъ сорокъ-сорокъ пять.

Онъ присѣлъ къ столу съ аффектированной скромностью людей крупнаго положенія и поманилъ пальцемъ слугу.

— Это, сударь, съ вами сегодня пріѣхали... Очень, говорятъ, важные генералы изъ Петербурга... Имъ номеръ по телеграфу заказанъ. Давеча у нихъ ужъ и градоначальникъ былъ.

— А какъ его фамилія?

— Господинъ Завистовскій... Можеть, изволили слышать?

— Какъ же... Онъ товарищъ министра.

— Важная особа?

— Не изъ мелкихъ! — засмѣялся Овѣринъ.

— Но теперь несите султанку... Гляди, Вавочка. Ты рѣшительно очаровала г. товарища министра. Онъ опять не спускаетъ съ тебя глазъ.

— Это меня нисколько не интересуеть.

— А, все-таки, пріятно?

— Нисколько... Я на тебя не похожа, Дима... Для меня никого не существуетъ, кромѣ тебя.

— А для меня ты... какъ любимая...

— А другія? — перебила, смѣясь, Вавочка.

— Другія, какъ пріятное зрѣлище для глазъ... Вотъ и все! — весело говорилъ Овѣринъ.

Оба они ѣли съ аппетитомъ. И все имъ нравилось: и жареная султанка, эта маленькая, вкусная рыбка Чернаго моря, напоминающая форель, и мягкій, сочный барашекъ, почти не имѣвшій специфическаго бараньяго запаха, и вино, и черный кофе съ гущей, которымъ они закончили завтракъ.

— Ну, теперь что будемъ дѣлать? — воскликнулъ Овѣринъ. — Если не устала, ѣдемъ осматривать городъ.

— Буда хочешь.

Лакей подалъ счетъ, и когда Овѣринъ далъ ему два рубля на чай, онъ былъ рѣшительно очарованъ Овѣринымъ. Такіе щедрые господа попадаются не часто.

— Обѣдать у насъ будете? — спросилъ онъ послѣ низкихъ поклоновъ.

— У васъ... А что?

— Быть-можетъ, меню пожелаете измѣнить... Можно на жаркое дупельковъ... Сегодня принесли дупельки...

— Валийте... дупельковъ.

— А что у васъ на пирожное?

— Кремъ-съ.

— Велите сдѣлать фисташковое мороженое... Такъ вѣдь?—
обратился Овѣринъ къ Варварѣ Алексѣевнѣ.

Та кивнула головой и поблагодарила взглядомъ за вниманіе. Она любила именно это мороженое.

Овѣринъ приказалъ швейцару привести лучшаго извозчика, и они поѣхали осматривать городъ. Старикъ извозчикъ, сева­стопольскій старожилъ, помнившій Севастополь еще до войны, добросовѣстно показывалъ и домъ, гдѣ жилъ Павелъ Степанычъ Нахимовъ, и Севастопольскій музей, называлъ всѣ церкви, объяснилъ, что развалины по Екатерининской улицѣ были прежде домомъ командира порта, показалъ мѣсто четвертаго бастиона, гдѣ встарину былъ густой бульваръ и, объѣхавъ весь городъ, предложилъ прокатиться въ Георгіевскій монастырь.

Наши путешественники согласились и, послѣ довольно скучной, однообразной дороги по степи, были вознаграждены чуднымъ видомъ на море съ паперти Георгіевскаго монастыря и прелестью густой растительности и цвѣтовъ на скалистомъ обрывѣ, падающемъ въ море почти отвѣсно. Прослушавъ отъ одного монаха легенду возникновенія монастыря и напившись студеной воды съ вареньемъ, Овѣринъ съ Вавочкой отправились назадъ, по дорогѣ осмотрѣли французское кладбище и вернулись домой.

Отдохнувъ послѣ обѣда, они въ девятомъ часу вечера вышли на бульваръ.

Ночь была волшебная, мягкая, ласковая. Легкій вѣтерокъ дулъ съ моря. Луна заливала своимъ томнымъ серебристымъ свѣтомъ алею бульвара и гуляющихъ. Весь городъ высыпалъ на берегъ моря. Дамы и кавалеры, преимущественно моряки и артиллеристы, въ своихъ бѣлыхъ фуражкахъ, ходили по бульвару небольшими гучками. Всѣ, точно боясь нарушить прелесть ночи, говорили тихо, и разговоръ казался какимъ-то таинственнымъ, полнымъ полупризнаній и намековъ. Порой встрѣчались пары, ищущія уединенныхъ мѣстъ. На скамейкахъ сидѣли больше старики и старухи.

Овѣринъ шелъ подъ руку съ Вавочкой. Она почти прижалась къ нему, счастливая, казалось, еще болѣе влюбленная подъ обаяніемъ этой дивной ночи и близости этого прелестнаго моря, въ которое смотрѣлась луна, заливая его серебристымъ блескомъ.

Обоимъ имъ казалось, что они видятъ какую-то волшебную сказочную декорацію. Они то и дѣло останавливались, смотрѣли

въ морскую даль, прислушивались къ тихому ласковому рокоту набѣгающихъ волнъ, нѣжно облизывающихъ берегъ, и жадно вдыхали свѣжій воздухъ.

И снова шли, очарованные, переполненные грѣзами о счастьѣ.

Варвара Алексѣевна думала, какъ она снова счастлива, какъ Дима милъ и нѣженъ, какъ хорошо они проживутъ въ уединеніи въ Брышу. Не надо только ни съ кѣмъ знакомиться, а то Дима не окончитъ задуманной работы.

Думалъ и Овѣринъ о томъ, какъ хорошо здѣсь, и, главное — чувствовалъ это всѣмъ своимъ существомъ. И ему хотѣлось увидать Черноморскую Сирену. Разговоръ о ней такъ заинтересовалъ его. Видѣлъ всякихъ онъ женщинъ на своемъ вѣку, но коварныхъ Сиренъ не видалъ. А это такъ интересно. И онъ пристально всматривался въ женскія лица.

Вдругъ что-то ослѣпительно красивое бросилось ему въ глаза.

Навстрѣчу, сопровождаемая нѣсколькими кавалерами, шла, залтая блескомъ луннаго свѣта, легкою, плывущею походкой, высокая, стройная молодая женщина, вся въ бѣломъ, и тихо-тихо смѣялась. Овѣринъ успѣлъ замѣтить необыкновенную бѣлизну красиваго лица, черные глаза, взглянувшіе на него, и рыжіе волосы. Онъ тотчасъ же догадался, что это и есть Сирена, и, восхищенный ея красотой, вдругъ неодолимо захотѣлъ съ ней познакомиться.

И въ ту же минуту, какъ онъ подумалъ объ этомъ, его окликнулъ мягкій, слегка крикливый голосъ:

— Дмитрій Сергѣичъ! Вы ли это?

Съ этими словами, одинъ изъ кавалеровъ «бѣлой» дамы подходилъ, снимая шляпу передъ Варварой Алексѣвной, къ Овѣрину.

— Я самый! — весело отвѣчалъ Овѣринъ, пріостанавливаясь и крѣпко пожимая руку высокому, бѣлокурому молодому человѣку. — А вы какъ здѣсь очутились, Александръ Петровичъ? Еще недавно были въ Ярославѣ и — въ Севастополѣ?... Варвара Алексѣевна, позвольте вамъ представить моего хорошаго пріятеля, Александра Петровича Родзянскаго... Варвара Алексѣевна Меньковская...

«Новая любовь!» — подумалъ Родзянскій, пожимая руку Варварѣ Алексѣвнѣ, и проговорилъ:

— А очутился я здѣсь, вѣроятно, такъ же, какъ и вы, Дмитрій Сергѣичъ... Хотѣлось отдохнуть, и я махнулъ въ Одессу, оттуда сюда и на-дняхъ поѣду въ Ялту.

— Правильно... Ѣдемъ вмѣстѣ.

— Съ удовольствіемъ, если...

— Если что?

— Если сойдемся на днѣ отъѣзда... Однако, до свиданія...
Завтра утромъ зайду къ вамъ... Вы у Биста, конечно?

— У Биста. Да вы куда спѣшите сейчасъ?

— Я тутъ съ одной дамой.

— Съ Черноморской Сиреной?

— И вы ужъ успѣли узнать ея прозвище?

— Успѣлъ... Такъ завтра приходите пораньше!

Родзянскій раскланялся и ушелъ. Овѣринъ былъ очень радъ. Приятель завтра же познакомитъ его съ Сиреной.

— Ну, что, Дима, понравилась тебѣ эта Сирена? — спрашивала Варвара Алексѣевна.

— Я не разглядѣлъ... Кажется, ничего особеннаго, — небрежно протянулъ онъ, зная, что Вавочка не любила, когда онъ особенно хвалилъ красоту дамъ...

— И мнѣ показалось... Однако, не пора ли и домой, Дима... Мнѣ спать хочется!

— Что же, пойдемъ, если хочешь.

— Но, быть-можетъ, ты не хочешь, Дима? Такъ оставайся.

— И я спать хочу! — проговорилъ Овѣринъ.

И въ то же время подумалъ:

«Вавочка уводитъ отъ Сирены, а завтра я съ ней познакомлюсь во что бы ни стало!»

И они вернулись въ гостиницу.

IV.

Часу въ девятомъ утра Родзянскій стучался въ номеръ Овѣрина.

Овѣринъ, уже одѣтый совсѣмъ и надушенный, отворилъ двери.

— Здѣсь измѣнили петербургскимъ привычкамъ, Дмитрій Сергѣичъ? Раненько встали? — громко и весело заговорилъ Родзянскій, довольно видный блондинъ съ рыжими волосами, бородой и усами, съ умнымъ, нервнымъ лицомъ и небольшими острыми, насмѣшливыми глазами.

— Тише говорите, Александръ Петровичъ... Тише! — прошепталъ Овѣринъ, крѣпко пожимая руку пріятеля.

— А что? — совсѣмъ понижая голосъ, спросилъ Родзянскій.

Вмѣсто отвѣта Овѣринъ, улыбаясь, показалъ рукою на дверь сосѣдняго номера.

Родзянскій давно и хорошо зналъ Овѣрина со всѣми его недостатками и любилъ его какъ талантливаго писателя и милаго человека.

Онъ усмѣхнулся болѣе глазами, чѣмъ лицомъ, и шепнулъ:

— Вчерашняя ваша спутница на бульварѣ?

— Да.

— А вдовушка?

— Эка вспомнили... Вотъ уже годъ, какъ я сошелся съ другой.

— Годъ? — удивленно шепнулъ Родзянскій. — На этотъ разъ добрую вашъ вкусъ, — прибавилъ онъ.

— Очень радъ. Идемъ лучше внизъ. Будемъ чай пить и поговорить.

— Осѣдлали коника! — подсмѣялся Родзянскій.

Овѣривъ меланхолически свиснулъ и произнесъ:

— Ничего не подѣлаешь... Супруга бросила.

Они спустились въ ресторанъ, усѣлись у открытаго окна и спросили чаю.

— Теперь васъ позвольте допросить. Кто эта барыня, съ которой вы были вчера?

— Что, небойсь, ослѣпила?

— Именно ослѣпила. Кто она... Какъ ея фамилія?

— Христофори...

— Она дѣвица, замужня, вдова?

— Замужемъ, а быть-можетъ и вдова... Я точно ничего не знаю.

— Да вы давно съ ней знакомы?

— Два дня, вѣрнѣе три, впрочемъ...

— Какимъ образомъ?

— Самымъ простымъ... Я былъ въ Одессѣ и хотѣлъ ѣхать въ Кіевъ погостить къ роднымъ, какъ вдругъ увидалъ эту самую барыню на улицѣ въ коляскѣ, съ багажомъ. Она такъ, я вамъ скажу, меня поразила, что я велѣлъ извозчику ѣхать за коляской. Убѣдившись, что барыня ѣдетъ на пристань, я немедленно вернулся въ гостиницу, уложился и черезъ двадцать минутъ былъ на крымскомъ пароходѣ и увидалъ ее на мостикѣ, окруженною мужчинами. Капитанъ парохода лебезилъ передъ ней. Ну, на пароходѣ я и познакомился... Замѣчательно оригинальная женщина, умница и какъ хороша, какъ хороша! Оказывается, что она каждую весну и каждую осень проводитъ въ Крыму... Здѣсь ее прозвали Черноморскою Сиреною. И не даромъ... Настоящая Сирена.

— Познакомьте меня съ ней, Александръ Петровичъ...

— Сдѣлайте одолженіе. Приходите вечеромъ на Графскую пристань.

— Нельзя ли раньше... днемъ. Она гдѣ остановилась?

— Тутъ, близко, въ гостиницѣ Венцеля.

— Въ которомъ часу она завтракаетъ?

— Въ двѣнадцать.

— Въ ресторанѣ?

— Да.

— И вы будете тамъ въ этотъ часъ?

— Буду.

— Ну, такъ я приду въ этотъ часъ... Только не проговори-
тесь при Варварѣ Алексѣевнѣ, а я какъ-нибудь улизну отъ завтра-
ка дома... Или будемъ завтракать позднѣе.

— Приходите. Сирена утромъ еще лучше, чѣмъ вечеромъ.

— Она долго остается въ Севастополѣ?

— Завтра ѣдетъ на пароходѣ въ Ялту.

— И вы, Александръ Петровичъ?

— И я.

— И мы съ Варварой Алексѣевной. Это будетъ отлично.

— А что скажетъ ваша спутница?

— Тамъ, батюшка, видно будетъ. Бѣ чему упреждать событія.

— Но только я напередъ скажу вамъ, Дмитрій Сергѣичъ, что
ничего не выйдетъ.

— Я и не гонюсь за чѣмъ-нибудь... Просто, меня заинтересо-
вала Сирена.

— И вы въ нее влюбитесь?

— И этого не знаю... А, можетъ быть, вы не хотите меня зна-
комить? — подсмѣялся Овѣринъ.

— И не думалъ не хотѣть! — отвѣтилъ, весь вспыхивая, Род-
зянскій. — Напротивъ, съ удовольствіемъ познакомлю... По край-
ней мѣрѣ, увижу, какъ вы останетесь съ носомъ. Она не петер-
бургская барынька, льнущая къ литераторамъ.

— Она откуда?

— Не знаю. Объ этомъ не говорить... И вообще о себѣ не го-
ворить. Кажется, живетъ гдѣ-то на югѣ. Капитанъ парохода гово-
рилъ, что она замужемъ, и что мужъ у нея богатый румынъ
или грекъ, Богъ его знаетъ... Но видно не ревнивый. Пускаетъ
ее одну въ Крымъ... А здѣсь она кружить всѣмъ головы и надъ
всѣми забавляется.

— И у нея нѣтъ любовника?

— Говорятъ, нѣтъ. За ней даже одинъ нѣмецкій принцъ уха-
живалъ и остался въ дуракахъ.

— Быть-можетъ, съ татарами ѣздитъ въ горы?

— Что вы? Ничего подобного. Если ѣздить, то всегда въ большой компаніи.

— Странная женщина.

— И очень. Не даромъ же ее зовутъ Сиреной.

— Манить и топить въ морѣ?... Это очень, знаете ли, любопытно.

— Не сломайте себѣ шеи, Дмитрій Сергѣичъ.

— Богъ дастъ не сломаю, Александръ Петровичъ.

Въ эту минуту въ ресторани показалась Вавочка, и Овѣринъ, видя, что ее не замѣтилъ, заговорилъ довольно громко, словно продолжая разговоръ:

— Такъ въ двѣнадцать, значить, мы въ редакцію *Севастопольскаго Листка*, Александръ Петровичъ?...

— Зачѣмъ это вамъ, господа, въ редакцію?— проговорила, поднявшись у стола, Варвара Алексѣевна.— Неужели и здѣсь существуютъ редакціи?

Мужчины встали и поклонились.

Родзянскій склонилъ низко голову съ тою, нѣсколько аффективной почтительностью, съ какою часто кланяются дамамъ, чувствуя неловкость своего фальшиваго положенія, и, смѣло взглянувъ въ лицо Варвары Алексѣевны, нашелъ, что она хороша собой и «дама съ характеромъ».

«То-то Овѣринъ цѣлый годъ при ней!» — подумалъ онъ, пожавъ протянутую ему маленькую и мягкую руку въ кольцахъ.

— Такъ вы въ редакцію? А я думала, что въ двѣнадцать часовъ мы позавтракаемъ вмѣстѣ. Я рассчитывала и на васъ, Александръ Петровичъ! — проговорила Варвара Алексѣевна, присаживаясь къ столу.— Дмитрій Сергѣичъ! будьте любезны, прикажите подать мнѣ кофе.

Родзянскій низко поклонился и сказалъ, что онъ далъ слово быть въ двѣнадцать часовъ въ редакціи мѣстной газеты.

— Тамъ, — заговорилъ Овѣринъ, — оказался сотрудникомъ нашъ общій старый знакомый. Хочется его повидать. А онъ бываетъ въ редакціи только съ двѣнадцати до часу.

— Да... съ двѣнадцати до часу! — подтвердилъ Родзянскій, удивившись, что Овѣринъ вретъ по-прежнему съ необыкновенною смелостью.

— А не позавтракаемъ ли мы въ часъ, Варвара Алексѣевна? Или вы согласитесь на это, то мы къ часу вернемся... Не правда ли, Александръ Петровичъ?

Варвара Алексѣевна аппетитно отхлебывала маленькими глот-

нами кофе, заѣдая его небольшими ложтиками бѣлаго хлѣба масломъ, и нѣсколько разъ неожиданно взглядывала то на Овѣра, то на его пріятеля.

И хотя оба они сидѣли съ самымъ невиннымъ видомъ, тѣмъ менѣе и эта «редакція», и этотъ неожиданный «старый знакомый» о которомъ раньше Дима ни слова не говорилъ,—а онъ выбралъ валь рѣшительно все, кромѣ встрѣчь съ женщинами,—показалъ ей почему-то подозрительными. Инстинктъ сыщика подсказывалъ ей, что тутъ пахнетъ какииъ-то заговоромъ. И этотъ рыжій пріятель Димы, съ его изысканною любезностью и маленькими острыми глазами, въ которыхъ играла усмѣшка, не внушалъ ей особеннаго довѣрія.

«Вѣрно такой же юбочникъ, какъ и Дима!» — подумала Варвара Алексѣевна и вслѣдъ затѣмъ въ головѣ ея блеснула мысль объ одной красавицѣ—Сиренѣ, около которой былъ вчера пріятель Димы.

И ей вдругъ захотѣлось скорѣй уѣхать изъ Севастополя. Крайней мѣрѣ, Дима не успѣетъ познакомиться съ Сиреной увлечься ею, если она, въ самомъ дѣлѣ, такая опасная, какъ и говорятъ.

Ей было обидно. Самолюбіе ея жестоко страдало при мысли, что она должна вѣчно бояться за человѣка, котораго она безгранично любила. Она тайнѣ презирала легкомысліе своего любовника и тѣмъ не менѣе ужасалась при мысли о разрывѣ и надѣялась прибрать его къ рукамъ и сдѣлаться его женой. Мужъ, конечно дастъ разводъ. А она знала Овѣрина, знала, какъ онъ безгранично добръ и безхарактеренъ.

— Въ часъ такъ въ часъ! — весело проговорила она и, желая очаровать Родзянскаго, какъ пріятеля Димы, взглянула на него ласково, кротко и въ то же время кокетливо.

Родзянскій слегка выпятилъ грудь и закрутилъ свой рыжій усъ.

— Надѣюсь, Александръ Петровичъ,—заговорила она своимъ мягкимъ, груднымъ голосомъ,—вы не лишите меня удовольствія видѣть и послушать васъ за завтракомъ. Я такъ много слышала о вашемъ умѣ, о вашихъ интересныхъ походахъ отъ Дмитрія Семеновича, что вы поймете мое желаніе поближе познакомиться съ такимъ интереснымъ человѣкомъ! — прибавила Варвара Алексѣевна съ очаровательной улыбкой, которая дала возможность показать рядъ мелкихъ, ровныхъ и ослѣпительно бѣлыхъ зубовъ.

— Я постараюсь быть, Варвара Алексѣевна, хотя боюсь, что не оправдаю вашихъ ожиданій,—скромно промолвилъ Родзянскій, весело вспыхивая до корней волосъ отъ комплимента молодой женщины.

Овѣринъ въ это время подумалъ: «Буда это гнѣть Вавочка?» и порожился.

— Скромность, конечно, добродѣтель...

— Я не очень скромнъ, Варвара Алексѣевна, но дѣло въ томъ, Дмитрий Сергѣвичъ слишкомъ торопливъ въ своихъ опредѣ-
нiяхъ.

— Слишкомъ увлекающійся человекъ, хотите вы сказать?

— Пожалуй, что и такъ.

— Валийте, валийте, не стѣсняйтесь, Александръ Петровичъ, привикъ къ критическому отношенію къ моей особѣ. Знаете ли, Варвара Алексѣевна, никто не ругаетъ меня такъ, какъ мои милые
друзья и особенно Александръ Петровичъ.

— За что, главнымъ образомъ?—полюбопытствовала Варвара
Алексѣевна.

— Да рѣшительно за все!—проговорилъ, заливаясь хохотомъ,
Овѣринъ.

— Однако?

— За статьи, за легкомысліе, за расточительность, за фанта-
зерство, за скоропалительность дѣйствій, за то, что я позволяю
себѣ роскошь говорить, не стѣняясь, то, что пріятели считаютъ
рундой, однимъ словомъ, я въ ихъ глазахъ вродѣ помѣшаннаго,
и всѣ изощряютъ надо мною свое остроуміе, болѣе или менѣе удач-
но!—весело заключилъ Овѣринъ.

— И тѣмъ не менѣе всѣ любятъ его!—вставилъ Родзянскій.

— Да, есть такіе счастливые характеры. Дмитрію Сергѣви-
чу готовы простить то, что другимъ не прощаютъ!—промолвила
Варвара Алексѣевна.

— Потому что въ дѣйствительности серьезныхъ винъ нѣтъ,
Варвара Алексѣевна.

— Будто?—проронила молодая женщина и бросила на него
восторженный взглядъ.— А что мы, господа, будемъ послѣ завтра-
ка дѣлать? Кажется, въ Севастополѣ нечего осматривать да и негдѣ
гулять. Онъ хорошъ въ небольшой порціи, этотъ Севастополь... И
знаете что, Дмитрій Сергѣевичъ... Вы какъ хотите, а я съ пер-
вымъ же пароходомъ уѣзжаю на южный берегъ... Когда отходить
пароходъ?

— Завтра въ часъ!—отвѣтилъ Родзянскій.

— И отлично. Сегодня послѣ завтрака поѣдемъ въ Балагаву
и Херсонесъ, а завтра я ѣду. А вы какъ, Дмитрій Сергѣевичъ? Оста-
етесь или ѣдете?

«Такъ вотъ въ чемъ музыка. Увозить меня отъ Сирены и не

знаетъ, что завтра на пароходѣ будетъ встрѣча. Вотъ такъ ловко промахнулась Вавочка!» — подумала Овѣринъ и отвѣтилъ:

— Да что здѣсь въ Севастополѣ дѣлать? Я съ удовольствіемъ уѣду.

— И отлично. По крайней мѣрѣ, мнѣ не будетъ скучно... Вы остаетесь здѣсь, Александръ Петровичъ? — спрашивала Варвара Алексѣевна.

— Не знаю еще.

— Во всякомъ случаѣ, не забудьте меня... Въ Ялтѣ, въ гостиницѣ «Россія» будетъ извѣстно, гдѣ я поселюсь окончательно. Надеюсь васъ видѣть, Александръ Петровичъ?

— Непремѣнно.

Посидѣли еще, поболтали, и Родзянскій простился, напоминая Овѣрину, чтобы въ двѣнадцать часовъ приходилъ въ редакцію.

— Отчего ты ранѣе ничего не говорилъ объ этомъ твоёмъ старомъ знакомомъ, Дима? — спросила Вавочка, когда ушелъ Родзянскій.

— Очень просто. Я только что отъ Родзянскаго узналъ, что нашъ общій пріятель здѣсь... Однако, извини, Вава, надо письмо написать... Пойду къ себѣ.

— И я буду письмо писать.

Они вышли вмѣстѣ, и Овѣринъ зашелъ въ номеръ Вавочки, сказавъ, что она авантюристка и, горячо поцѣловавъ ее, пошелъ къ себѣ, но, вмѣсто писанія письма, занялся расчесываніемъ своей подстриженной бородки и кудрявыхъ волосъ. Вспрыснувъ себя духами, онъ надѣлъ новенькое зеленовато-сѣрое пальто, новенькую модную шляпу, взялъ перчатки и тросточку и довольный, какъ школьникъ, надувшій учителя, вышелъ изъ номера за четверть часа до двѣнадцати.

Старикъ извозчикъ, ѣздившій съ нимъ вчера и получившій такую плату, что даже ошалѣлъ, подалъ фаэтонъ и, снимая шляпу, проговорилъ:

— Куда прикажете, ваше превосходительство?

— Пошелъ направо.

Отъѣхавши нѣсколько шаговъ, онъ приказалъ ѣхать въ гостиницу Венцеля.

Черезъ двѣ-три минуты онъ былъ у подъѣзда гостиницы.

— Дожидайся меня!

— Слушаю, ваше превосходительство!

Онъ вошелъ въ небольшую залу ресторана. Пожилой отставной морякъ, сидѣвшій за газетой и бутылкой пива, поднялъ на вошедшаго равнодушный взглядъ и опустилъ его. Лысенькій, добро-

ный, румяненекій капитанъ второго ранга, сидѣвшій съ двумя лейтенантами за столомъ, на которомъ стояло нѣсколько пунцовыхъ бутылокъ, тоже посматрѣлъ на Овѣрина веселыми, ласковыми и нѣсколько засоловѣвшими глазами и, базалось, припомнилъ: знакомъ или не знакомъ ему Овѣринъ?

И пока Овѣринъ, усѣвшись въ углу, противъ дверей, чтобы можно было видѣть входящихъ, заказывалъ себѣ полсотни устриць, молодой и толстый морякъ не спускалъ съ него глазъ и, наконецъ, рѣшительно поднялся и, широко улыбаясь обрюзгшимъ лицомъ съ сочными, полными губами, нѣсколько восторженной походкой, какъ часто бываетъ у моряковъ, приблизился къ Овѣрину и, протянувъ широкую мясистую руку, проговорилъ:

— Дмитрій Сергѣевичъ Овѣринъ... Не узнаете? Хе, хе, хе... А вы вмѣстѣ въ Аркадіи кутили, а потомъ на тоию ѣздили... Забыли... Хе, хе, хе!

— Вспомнилъ, вспомнилъ! Очень радъ... очень... Извините, забылъ имя и отчество.

— Петръ Петровичъ... Но только меня больше Петенькой всѣ зовутъ... Хе, хе, хе! Петенькой! И тогда Петенькой звали... Припоминаете?

Теперь Овѣринъ окончательно припомнилъ и Аркадію, и тоию, и этого моряка, милаго, веселаго и пьяненькаго, съ которымъ онъ познакомился случайно и познакомилъ его съ своею компаніей.

Они облобызались.

Пожилой толстенекій морякъ сталъ извиняться, что не можетъ выпить съ пріѣзжимъ, — надо на крейсеръ, — но, все-таки, есть надежда, чтобы выпить за здоровье известнаго писателя... хе, хе, хе.

— Человѣкъ! Бутылку Клико!

Онъ познакомилъ Овѣрина съ двумя лейтенантами, и Дмитрій Сергѣевичъ могъ убѣдиться, что и лейтенанты знаютъ его какъ писателя. Они горячо жали ему руки, сказали, что они поклонники его таланта, и всѣ пили за его здоровье. Овѣринъ въ свою очередь потребовалъ бутылку и пилъ за здоровье моряковъ.

Прощаясь, пожилой морякъ звалъ Овѣрина побывать на крейсерѣ.

— Очень будемъ всѣ рады.

Овѣринъ обѣщалъ непременно пріѣхать.

Когда компанія моряковъ ушла, онъ принялся за свои устрицы и то и дѣло поглядывалъ на часы. Былъ первый часъ въ началѣ. Сирена не показывалась.

«Наконецъ-то!» — подумалъ онъ, когда отворились двери. Онъ поднялъ глаза и положительно замеръ отъ восторга.

V.

Дѣйствительно, она была хороша эта ослѣпительная блондинка лѣтъ двадцати пяти, высокая, стройная и гибкая, съ собранными въ коронку на маленькой головкѣ рыжими, отливавшими золотомъ волосами, въ которые была воткнута алая роза, и черными гнѣзами, свѣтившимися какой-то чарующей и въ то же время насмѣливой улыбкой.

Свѣжая, какъ вешнее утро, въ изящно сшитомъ лѣтнемъ платьѣ, она шла граціозною, легкою походкой въ сопровожденіи нѣсколькихъ мужчинъ, въ числѣ которыхъ былъ, къ удивленію Овѣрина, и господинъ товарищъ министра. Подбѣжавшій лакей ушелъ за нимъ закрытый столикъ недалеко отъ Овѣрина. Родзянскій не было.

Молодая женщина скользнула по Овѣрину взглядомъ и смѣялась такъ, что Овѣринъ могъ ее видѣть.

И Овѣринъ, восхищенный и нѣсколько подавленный, разглядевалъ ее.

Что-то властное, увѣренное въ себѣ и въ то же время загадочное было въ выраженіи этого прелестнаго лица, ослѣпительной бѣлизны, съ нѣжнымъ румянцемъ на щекахъ, съ прямымъ, тонкимъ очертаніемъ носомъ, красивымъ лбомъ и алыми, совсѣмъ тонкими губами, уголки которыхъ временами подергивались. Эта загадочность особенно свѣтилась въ глазахъ... въ этихъ улыбающихся какъ будто вызывающихъ и въ то же время строгихъ и холодныхъ глазахъ. Глядя на нихъ, Овѣринъ понялъ, почему эту женщину прозвали Сиреной.

Онъ замѣтилъ грацію ея манеръ и cadaго жеста и обратилъ особенное вниманіе на руки. Руки были именно такія, какъ ему нравились: маленькія, узкія, съ длинными, тонкими породистыми пальцами, нѣжныя и бѣлыя съ розовыми маленькими ноготками. Обручальнаго кольца не было, и только одинъ брилліантъ сверкалъ на крошечномъ мизинцѣ. Замѣтилъ Овѣринъ и словно въ точеную шею, и родинку на щекѣ, и крошечныя уши и... отвернул свой взглядъ, какъ только увидалъ, что на него взглянули эти черныя улыбающіеся глаза.

«Господи! Какое прелестное созданіе!» — мысленно шепнулъ Овѣринъ.

«Но гдѣ же Родзянскій? Ужели онъ не придетъ?» — подумалъ онъ, нетерпѣливо теребя бородку.

Но Александръ Петровичъ уже входилъ, веселый и сіяющій, в

новомъ вестонѣ и въ свѣтломъ галстухѣ. Поздоровавшись съ молодой женщиной и съ остальной компаніей, онъ подошелъ опять къ Сиренѣ и что-то шепнулъ ей. Она весело кивнула головой; Родзянскій направился къ Овѣрину.

— Ну пойдите... Я васъ представлю. Она очень хочетъ познакомиться съ писателемъ... да еще такимъ красивымъ.

— Это она говоритъ или вы?—спросилъ, весь вспыхивая, Овѣринъ.

— Она.

— Какъ ее зовутъ?

— Марианна Николаевна.

Несмотря на большую привычку къ дамамъ, Овѣринъ былъ нѣсколько смущенъ, что очень шло къ нему, когда послѣ представленія его, Марианна Николаевна, крѣпко пожимая ему руку и взглядывая ему прямо въ глаза своими смѣющимися глазами, которые словно ласкали, — проговорила необычайно привѣтливо и даже ласково:

— Очень рада, что случай насъ свелъ. Я читала васъ и одною вашею статьею даже увлеклась... Тѣмъ любопытнѣе познакомиться съ авторомъ... Вы завтракаете здѣсь?

— Да.

— Такъ присаживайтесь къ намъ и непременно обоко меня... Господа, позвольте васъ познакомить... Дмитрій Сергѣевичъ Овѣринъ... Имя это конечно всѣмъ вамъ извѣстно.

Овѣринъ, сконфуженно улыбаясь, жаль руки красивому брютету, военному инженеру и юнцу мичману.

Бывшій его спутникъ, маленькій выбритый товарищъ министра, любезно замѣтилъ:

— Мы ужъ нѣсколько знакомы. Ъхали съ вами вмѣстѣ.

И сказалъ нѣсколько любезныхъ словъ по поводу его талантливыхъ статей, которыхъ онъ, разумѣется, никогда не читалъ.

— Вы сюда отдыхать, конечно?—спрашивала Марианна Николаевна, сосредоточивая на Овѣринѣ исключительное свое вниманіе и словно бы забывая всѣхъ остальныхъ.

— Не совсѣмъ... Думаю работать.

— Вы что теперь пишете?... Не секретъ?

— О любви въ литературныхъ произведеніяхъ.

— Интересный сюжетъ,—протянула она.

— Очень... Если его обработать, какъ слѣдуетъ.

— Да еще по собственнымъ наблюденіямъ! — насмѣшливо

усмѣхнулась Маріанна Николаевна. — Вѣрно у васъ большой ихъ запасъ, — прибавила она.

— Почему вы такъ думаете?

— Видно... Да и къ тому же писатель... имя... Ну, и безъ комплиментовъ, у васъ оригинальное лицо. Молодой и сѣдой!... Это красиво. Женщинамъ все это нравится... А вы что же не ѣдите устрицъ? — спрашивала Маріанна Николаевна, отдѣляя устрицу отъ раковины своею маленькою рукой.

— Только что ѣлъ.

— А еще?... Ихъ можно ѣсть, сколько угодно...

Овѣринъ взялъ устрицъ, хотя ему ихъ и не хотѣлось, и чувствовалъ, что нѣсколько робѣетъ передъ этою женщиной, говорившей съ извѣстнымъ писателемъ не то что съ робостью, а даже съ насмѣшкой. Отъ нея шло тонкое благоуханіе духовъ «Stab-Apple», и когда она поворачивалась къ нему, ея ослѣпительно красивое лицо было такъ близко, что Овѣринъ невольно отводилъ глаза.

Налили шампанское.

— Пью за вашъ талантъ! — просто и сердечно произнесла Маріанна Николаевна.

— Благодарю васъ! — горячо отвѣчалъ Овѣринъ. — А я пью за... Онъ запнулся.

— За что же?... Здоровья у меня много, красоты довольно, богатство есть.

— За большее количество счастливыхъ минутъ въ жизни!

— Счастье — понятіе относительное. Что однимъ кажется счастьемъ, то другимъ — пошлыми пустяками! — промолвила Маріанна Николаевна. — Все зависитъ отъ того, чѣмъ довольствуется человѣкъ...

— А вы малымъ не довольствуетесь?

— Мой девизъ: все или ничего! — властно проговорила молодая женщина. — Во всякомъ случаѣ, спасибо за пожеланіе!

Она чокнулась съ Овѣринымъ и отхлебнула изъ бокала.

Пили за здоровье Маріанны Николаевны остальные собесѣдники. Морякъ-юнецъ произнесъ восторженную рѣчь, которую Сирена выслушала, казалось Овѣрину, совсѣмъ равнодушно. Говорилъ и инженеръ.

— А вы, Василій Аркадьевичъ? — обратилась она къ Завистовскому, — такъ ничего и не скажете мнѣ?

Маленькій, бритый «его превосходительство», не спускавшій глазъ съ Сирены, поднялъ бокалъ и проговорилъ:

— Вы и безъ рѣчей знаете, Маріанна Николаевна, искренность

моихъ пожеланій... Они неизмѣнны съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ счастье познакомиться съ вами три года тому назадъ.

— Терпѣливый же вы, однако, человѣкъ... Пью за ваше долготерпѣніе!—воскликнула, смѣясь, Маріанна Николаевна.

— Терпѣніе—мать всѣхъ добродѣтелей! — шутливо проговорилъ его превосходительство, нѣсколько смущенный.

Маріанна Николаевна усмѣхнулась и, обращаясь къ Овѣрину, спросила:

— Вы надолго въ Крымъ?

— Какъ поживется.

— Надѣюсь, эта случайная наша встрѣча не послѣдняя?

— Хотѣлъ бы.

— И я хочу.

Овѣринъ наклонилъ голову въ знакъ благодарности.

— Миѣ кажется, что вы интересный человѣкъ... Кажется,—повторила она, подчеркивая это слово. — А я люблю сколько-нибудь интересныхъ людей. Ихъ такъ вообще мало. Всѣ по одному шаблону и говорить они одно и то же.

Понижая голосъ и слегка нагибаясь къ Овѣрину, она прибавила:

— Среди этихъ... одинъ Родзянскій интересенъ... Но и онъ...

Она на минуту остановилась и докончила громко:

— Кажется, изъ влюбчивыхъ.

— А вы такихъ боитесь?

— Я никакихъ не боюсь!—презрительно щури глаза, проговорила Маріанна Николаевна.

— Такъ что же?

— Надоѣдаютъ... А вы, Дмитрій Сергѣевичъ, влюбчивы?—неожиданно спросила она.—Я слышала, что писатели влюбчивы... Вѣрно, для изученія?...

— Грѣшны!—виновато отвѣчалъ Овѣринъ.

— Ну, вотъ! Значитъ, и съ вами будетъ скучно... А я думала, вы хоть будете исключеніемъ... Тогда я беру свое слово назадъ.

— Какое слово?

— О продолженіи нашего знакомства.

— Вы такъ увѣрены, что я въ васъ влюблюсь?

— Если въ васъ мало разсудка, почти увѣрена.

— Но я постараюсь не влюбиться! — смѣясь, проговорилъ

Овѣринъ.

— Даете слово?

— Даю!

— Тогда милости просимъ ко мнѣ въ Ялту... Поближе познакомимся и, быть можетъ, сдѣлаемся пріятелями... Вы не будете мнѣ говорить то, что говорятъ всѣ, и я не буду тѣшиться надъ вами... Какъ бы я этого хотѣла!—горячо и искренно прибавила она.

Завтракъ затянулся до двухъ часовъ. Послѣ шампанскаго явилось еще болѣе приподнятое настроеніе. Овѣринъ рассказывалъ о прошлогодней поѣздкѣ на Кавказъ и всѣхъ увлекъ своимъ талантливимъ рассказомъ. Онъ такъ художественно и красиво описывалъ природу, давалъ нѣсколькими штрихами такія мастерскія и мѣткія характеристики людей, что всѣ слушали съ восторгомъ, не замѣчая преувеличеній увлекающейся натуры Овѣрина. И лицо его въ эти минуты было такое выразительное, въ немъ было что-то такое наивно-дѣтское, что Маріанна Николаевна, взглядывая на него, видимо была заинтересована.

Овѣринъ совсѣмъ забылъ, что обѣщалъ Вавочкѣ быть къ часу и, чувствуя, что на него обращено общее вниманіе и что Маріанна Николаевна слушаетъ его съ интересомъ, продолжалъ говорить. Словно бы опьяненный присутствіемъ Сирены и инстинктивнымъ желаніемъ ей понравиться, увлеченный самъ своими рѣчами, онъ вдохновенно сыпалъ островами, мѣткими сравненіями, блестящими метафорами.

Онъ кончилъ, и когда заговорили инженеръ и морякъ, сразу почувствовалось то, что бываетъ, когда послѣ хорошаго артиста начинается играть бездарность. Маріанна Николаевна почти не слушала никого. Разговоръ скоро оборвался.

— Дмитрій Сергѣичъ! А, вѣдь, половина третьяго?—проговорилъ, улыбаясь, Родзянскій.

— Половина третьяго?—машинально повторилъ Овѣринъ.

— Насъ, вѣдь, ждутъ... Мы обѣщали быть въ часъ.

Овѣринъ вспомнилъ о Вавочкѣ и... покраснѣлъ.

— Кто васъ ждетъ, Дмитрій Сергѣичъ?

— Одна знакомая... Мы вмѣстѣ ѣхали изъ Петербурга...

Родственница.

— Такъ идите, господа... А я думала, мы поѣдемъ за городъ.

— Что-жь, я съ удовольствіемъ...

— Нѣтъ, нѣтъ... Не слѣдуетъ заставлять себя ждать... Идите... идите, Дмитрій Сергѣичъ.

И Овѣринъ сконфуженно всталъ и началъ прощаться.

— Когда же увидимся?—спросила Маріанна Николаевна, пожимая Овѣрину руку крѣпко, по-англійски.—Вечеромъ на бульварѣ?

— Непременно.

Онъ заплатилъ свою часть инженеру и вмѣстѣ съ пріятелемъ вышелъ изъ ресторана.

— Ну что, готовы?—спросилъ Родзянскій.

— Готовъ!—отвѣчалъ Овѣринъ и прибавилъ: — Какая прелесть эта Сирена!

— То-то, я вамъ говорилъ... Но только не думайте, что побѣдите ее.

— Я ничего не думаю... И какое мнѣ до этого дѣло. На нее молиться можно!

Родзянскій насмѣшливо улыбнулся и сказалъ:

— А теперь надо придумать, почему мы опоздали!

— Очень просто... заболтались съ старымъ пріятелемъ... А съ Сиреной встрѣтились на улицѣ, и вы меня ей представили... Всего пять минутъ говорили... Такъ, что ли? А то Варвара Алексѣвна будетъ въ недоумѣніи завтра на пароходѣ, когда увидитъ, что мы знакомы... Надо теперь ухо востро... Событія усложняются!—весело говорилъ Овѣринъ.

И когда пріятели вошли въ гостиницу, Овѣринъ шепнулъ:

— Голубчикъ... Не уходите скоро... Посидите вмѣстѣ у насъ и отвлеките Варвару Алексѣвну чѣмъ-нибудь... Ухаживайте за нею. Будьте добрымъ товарищемъ.

К. Станюковичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Новые материалы для біографіи Н. В. Гоголя.

Въ числѣ бумагъ извѣстнаго профессора Московскаго университета С. П. Шевырева, прибрѣтенныхъ въ 1892 г. Императорской Публичной бібліотекой у наслѣдниковъ покойнаго ученаго *), находится связка съ надписью: бумаги С. П. Шевырева, касающіяся Н. В. Гоголя и изданія его сочиненій. Въ этой связкѣ находятся слѣдующіе документы:

1. Itinerary Н. В. Гоголя (листъ безъ заглавія).
2. Письмо Гоголя къ В. Г. Бѣлинскому (копія рукою С. П. Шевырева).
3. Отрывки изъ писемъ Н. В. Гоголя къ матери, сестрамъ и Н. М. Языкову.
4. Отрывокъ изъ завѣщанія Н. В. Гоголя.
5. Заниска о печатаніи сочиненій Н. В. Гоголя и сумма денегъ, имъ на то оставленная.
6. Два черновыхъ прошенія С. П. Шевырева въ Московскій цензурный комитетъ, касающіяся печатанія собранія сочиненій Н. В. Гоголя.
7. Рисунокъ перомъ могилы Н. В. Гоголя.
8. Письма, показывающія покровительство, оказанное Государемъ Императоромъ покойному Н. В. Гоголю во время его странствія въ Іерусалимъ, и проекты его просьбъ (3 проекта).
9. Послужной списокъ Н. В. Гоголя.
10. Письмо Н. В. Гоголя къ Наслѣднику.
11. Письмо в. к. Константина Николаевича къ гр. Орлову по поводу печатанія сочиненій Н. В. Гоголя.
12. Отвѣтъ гр. Орлова в. к. Константину Николаевичу.
13. Переводъ предисловія къ французскому переводу *Мертвыхъ Душъ*.
14. Копія письма Н. В. Гоголя къ матери отъ конца марта 1843 года (изъ Рима).
15. Черновая предисловія къ изданію сочиненій Н. В. Гоголя, съ поправками С. П. Шевырева.
16. Копія печатнаго предисловія къ изданію сочиненій Н. В. Гоголя 1857 г.
17. Списокъ бумагъ, оставшихся послѣ покойнаго Н. В. Гоголя.

*) Описание ихъ см. въ „Отчетъ Имп. Пуб. библ. за 1892 г.“

Большинство этих бумаг напечатано до сих поръ не было, между тѣмъ многія изъ нихъ представляютъ значительный интересъ, такъ какъ дополняютъ извѣстные уже факты изъ биографіи одного изъ величайшихъ русскихъ писателей или описываютъ тѣ мытарства, черезъ которыя прошло первое посмертное изданіе его твореній.

При составленіи примѣчаній къ печатаемымъ документамъ мы пользовались дружественнымъ содѣйствіемъ извѣстнаго знатока Гоголя, В. И. Шенрока, которому выражаемъ нашу живѣйшую признательность. Ему же мы обязаны и копіями съ трехъ писемъ С. П. Шевырева къ матери и сестрѣ Н. В. Гоголя, печатаемыхъ въ концѣ этихъ матеріаловъ.

М. А. Линниченко.

Письмо Н. В. Гоголя къ матери.

Лучше намъ подумать обо всемъ серьезно и, отбросивъ всякую увѣренность въ себѣ и самонадѣянность, смиренно сознать себя, свои средства и умѣнье взглянуть сколько возможно ясными очами. Всѣ несчастія наши происходятъ отъ ложнаго познанія мірскихъ вещей и дѣлъ. Я не могу скрыть передъ вами, что въ письмахъ какъ собственно вашихъ, такъ и въ письмахъ сестеръ моихъ оказывается ежеминутно самое превратное понятіе не только о вещахъ и дѣлахъ отдаленныхъ отъ нихъ, но даже о тѣхъ, которыя вблизи и которыми онѣ окружены. Начнемъ съ вашихъ писемъ, тѣмъ болѣе, что въ нихъ находятся такіе пункты, на которые я долженъ вамъ дать самое удовлетворительное объясненіе и о которыхъ мнѣ уже давно хотѣлось поговорить съ вами основательно. Вотъ, между прочимъ, слова изъ вашего письма, —выписываю какъ они есть: *Умоляю тебя безц. сынъ беречь себя, не рискуй въ опасныхъ мѣстахъ* (т. е. въ путешествіи моемъ въ Іерусалимъ). *Вспомни, сколько на тебя лежитъ обязанностей.* На это замѣчаніе я опять отвѣчу вамъ, что уже не разъ вамъ говорилъ въ подобныхъ случаяхъ: пора вамъ хоть сколько-нибудь узнать мой характеръ, если же это вамъ трудно, то приучитесь хотя просто къ мысли, что сынъ вашъ не гусарскій 20-лѣтній поручикъ, и что въ головѣ его есть сколько-нибудь ума и здраваго смысла, а лучше всего имѣйте болѣе вѣры въ Бога, чѣмъ во всѣ пустыя смущенія, которыя приходятъ только въ праздныя минуты. Богу угодно—и я сей же часъ мертвъ въ своей комнатѣ, не пускаясь ни въ какую опасную дорогу; Богу угодно—и я невредимъ среди всѣхъ ужасовъ, передъ которыми ничто та дорога, которая кажется вамъ такъ опасною. Итакъ, оставимъ разъ навсегда объ этомъ толки. Теперь обращаюсь къ се-

странъ *): одна вообразила, что у ней не можетъ быть никакой обязанности, никакихъ дѣлъ, что она рождена именно для того, чтобы не входить ни во что, что она бесполезна и ни на что не способна (какъ будто что-нибудь бесполезно изъ того, что создано Богомъ) и, что весь долгъ ея состоитъ только въ томъ, чтобы не дѣлать ничего злого. Другая предалась мечтаніямъ и презрительно смотритъ на дѣйствительность и на то, что вокругъ нея, безразсудно думая, что только въ другомъ мѣстѣ она можетъ быть счастлива, не заботясь о приобрѣтеніи мягкой прелести поступковъ, безъ чего нельзя быть счастливу нигдѣ, а тѣмъ болѣе быть любимой другими. 3-ья вообразила, что она глупа и способна только на маловажныя дѣла, что она не знаетъ ничего, тогда какъ можетъ быть она произвела бы подвигъ угодный Богу и спасительный для семейства. Такъ онѣ всѣ заняты своими обязанностями и думаютъ, что тотъ, который живетъ за морями, тотъ долженъ заботиться о нихъ. А какъ придетъ бѣда, всѣ умѣютъ печалиться, всѣ мастерицы пенять на судьбу; предавались ли онѣ когда-либо умному размышленію о дѣлахъ близкихъ, о тѣхъ, которыми окружены? Взглянула ли хоть одна изъ нихъ на положеніе этихъ дѣлъ? Отчего въ теченіе какихъ-нибудь 15 лѣтъ хозяйство идетъ ничуть не лучше, а все хуже, что невозможно, чтобы неудачи и несчастія преслѣдовали въ продолженіе 15 лѣтъ сразу, что дается человѣку умъ для того, чтобы предвидѣть, убѣгать и уклоняться несчастій, что неудачи и несчастія суть учителя и посылаются на то, чтобы наводить на умъ и на настоящую дорогу? Просила ли хоть одна изъ нихъ, хотя разъ въ жизни, просила ли она Бога, чтобы Онъ разумилъ ее проразумѣть смыслъ и значеніе насылаемаго несчастія, увидѣть его хорошую и благодѣтельную сторону? Нѣтъ, объ этомъ никто не заботится, но въ ту же минуту, и даже какъ можно скорѣе, старается позабыть это несчастіе, не хотятъ даже вспоминать о немъ и никто не хочетъ взглянуть въ него пристально: отъ чего оно случилось, не сами ли были виною его, не можно ли было какъ-нибудь предвидѣть и отвратить его прежде, и для чего оно случилось, чего хочетъ отъ насъ Богъ этимъ несчастіемъ? Нѣтъ, думаютъ, что оно такъ случилось, безъ смысла, что Богъ не разумно дѣлаетъ. *Такъ Богу угодно, говорить обыкновенно. Для испы-*

*) Сестры Н. В. Гоголя — Анна Васильевна, умершая въ Полтавѣ въ январѣ 1893 г., Елисавета Васильевна, въ замужствѣ Быкова, умершая въ пятидесятыхъ годахъ, и Ольга Васильевна Головна, до нынѣ здравствующая и живущая въ родовомъ имѣніи Гоголей, Васильевкѣ (половина Васильевка принадлежитъ ей, половина шеманнику Гоголя, Н. Вл. Быкову).

намъ, прибавляютъ другіе, — и даже не хотятъ размыслить, для какого испытанія, въ чемъ состоитъ это испытаніе. Знайте же, что несчастій нѣтъ на свѣтѣ, что въ этихъ несчастіяхъ заключены глубокія наши счастья. Всякій разъ, послѣ всякаго приключенія, какое ни сбывалось со мною и какое называется у иныхъ людей несчастіемъ, очи разума моего становились яснѣе и въ умиленьи душевномъ я видѣлъ, что они суть крылья наши и приближаютъ насъ ближе къ цѣли, отъ которой, повидимому, кажется какъ будто отталкиваются. Они суть Божіе глаголы къ намъ и всѣ полны мудрости необъятной. Но не думаютъ, не хотятъ люди вникнуть въ значеніе ихъ, не хотятъ узнать, что Богъ требуетъ дѣятельности отъ ума нашего, что для пробужденія нашего, посылаются несчастія и затрудненія, что всякую минуту вызываетъ Онъ ими насъ пробудиться отъ лѣни объемлющей нашу душу, что всякую минуту говоритъ Онъ ими, что мы не бесполезно и не даромъ созданы на свѣтѣ, что строго должны мы обсудить и взвѣсить себя, и узнать, была ли у насъ истинно - полезная сторона, не обманываютъ ли насъ очи наши, будто бы уже точно нѣтъ никакой у насъ способности, которую бы могли употребить на благо. Нѣтъ бесполезнаго человѣка въ мірѣ, и горе тому, кто не откроетъ, на что онъ полезенъ, и не молитъ Бога о томъ, чтобъ уяснилъ и открылъ ему очи — увидѣть полезность свою. Ужасно былъ наказанъ тотъ, кто получилъ отъ Бога талантъ и зарылъ его въ землю, а нѣтъ человѣка, который бы не получилъ какого-нибудь таланта. Тому дано пять, тому два, тому одинъ, — тому мало, тому много, но всякому что-нибудь дано на долю, и равное взысканіе будетъ всѣмъ. Обращали ли онъ хоть разъ вниманіе на значеніе жизни человѣка? Человѣкъ призванъ въ мірѣ, стало быть, онъ нуженъ міру. Человѣкъ поставленъ на этомъ мѣстѣ, а не на другомъ, стало быть, онъ нуженъ на этомъ мѣстѣ, а не на другомъ. Если же бы онъ не былъ нуженъ ни на что, онъ бы не стоялъ уже на землѣ, а гдѣ-нибудь на воздухѣ, гдѣ бы ни одинъ предметъ вокругъ него не напомнилъ ему, что онъ долженъ заниматься имъ. Глянула ли хоть одна изъ нихъ на то, какъ вообще ведется жизнь на свѣтѣ? Крестьянинъ вырабатываетъ трудомъ и потомъ средства своей жизни, а мы кушаемъ да поджидаемъ гостей, да выдумываемъ куда бы поѣхать, гдѣ бы лучше поразвлечь себя, и чѣмъ бы именно поразвлечь себя, да почитаемъ приятную книгу, да зѣваемъ и жалуемся на скуку, тогда какъ нужно дивиться, какъ не задушить и не заѣсть насъ на смерть эта скука. Есть ли хоть тѣнь какого-нибудь исполненія долга во всемъ томъ, что мы дѣлаемъ? Если подвластный созданъ для того, чтобы

трудиться для насъ и исполнять наши повелѣнія, — развѣ мы не созданы для того, чтобъ обращать во благо трудъ его и умѣть давать ему повелѣнія, задавать непрерывные вопросы уму нашему, какъ улучшить работу рукъ его и удесятерить плоды отъ работы рукъ его. Развѣ не для того получили мы лучшее передъ нимъ обреченіе, чтобы быть ему вожатымъ и привести его къ лучшему? Или, думаютъ онѣ, одна только половина человѣчества создана для серьезнаго труда, а другая такъ, только для шутки, для пріятнаго препровожденія времени. Изумляли ихъ хоть разъ эти неистижимыя странности, что онѣ, напримѣръ, живя въ деревнѣ, имѣютъ такое же понятіе о томъ, что дѣлается у нихъ въ хозяйствѣ, какое я имѣю о томъ, что дѣлается въ Китайскомъ государствѣ, которое отстоитъ отъ меня на 15000 верстъ разстоянія? Оставалась ли мысль ихъ надъ странностью современнаго положенія всѣхъ насъ, какъ всѣ мы отошли и отдалились пустымъ нашимъ воспитаніемъ отъ жизни, среди которой живемъ, и какъ дошли, наконецъ, до того, что намъ теперь трудно и даже невозможно пріняться ни за какое дѣло и преодолѣть непостижимую лѣнь нашу. Подумали ли онѣ, что теперь уже до того дошло, что простая глупая женщина, которая, не вдаваясь ни въ какія мечты, только просто приглядѣлась къ дѣламъ, наживаетъ уже безбѣдное состояніе и слыветъ даже хозяйкой, тогда какъ умная до того отдалилась отъ познанія вещей и практической жизни, что очутилась какъ будто въ лѣсу въ деревнѣ, не знаетъ за что и какъ ей взяться, не видятъ ея глаза, недоумѣваетъ мысль и голова идетъ кругомъ, мѣждутѣмъ какъ, по естественному ходу вещей, умная въ двадцать разъ должна выиграть, чѣмъ глупая, и если она только половину употребить того терпѣнія и хладнокровнаго изученія и наблюденія, то уже тамъ возьметъ 10 рублей, гдѣ глупая — рубль. Подумали ли онѣ о томъ, что можетъ быть тѣ обязанности, которыя кажутся низкими и скучными, вовсе не низки и не скучны, и что, прежде чѣмъ назвать ихъ низкими или скучными, нужно можетъ быть слишкомъ глубоко узнать ихъ, изслѣдовать и рассмотреть, что онѣ въ самомъ дѣлѣ такое, и что можетъ быть послѣ долгаго всматриванья въ нихъ пристально откроется, что многое изъ того, что мы считали унижающимъ душу, возвышаетъ и наполняетъ невѣдомымъ дотоле благородствомъ? Думали ли онѣ о томъ, какъ глупа и праздна жизнь ихъ и никакого душевнаго удовлетворенія не чувствуютъ онѣ внутри себя, ничего похожаго на безмятежное довольство. Давали ли онѣ когда-либо себѣ трудъ передумать обо всемъ этомъ? Не какъ упрекъ я говорю все это, но для того, чтобъ онѣ глубоко размыс-

ли, думали ли онъ серьезно, въ чемъ состоятъ ихъ собственныя обязанности? Да если бы хотя одинъ только годъ вошли мы въ полное познаніе долга нашего и выполняли бы его весь, не помышляя ни о чемъ кромѣ его и Бога, Которому посвященъ онъ и отъ стараго назначенъ,—еслибъ хотя одинъ годъ такого исполненія, уже не было бы никакого желанія нашего, котораго бы не исполнилъ Богъ, не было бы молитвы, которая бы не была Имъ услышана. Но горе не умѣющему ничѣмъ пожертвовать для долга, для стараго онъ призванъ, горе возлюбящему что - нибудь на землѣ выше Бога! Страшно накажется онъ. И живя такою жизнью, невозможно ясными очами видѣть то, что происходитъ вѣкругъ, невозможно видѣть дѣйствительность въ настоящемъ видѣ? Закрыты для такого человѣка, и онъ пугается дѣйствительности, и бѣжитъ къ настоящей минутѣ, все въ непонятной путаницѣ представляется глазамъ его, и онъ старается только, какъ бы позабыть все и куда-нибудь убѣжать отъ такого страшнаго безтолковья и все не старается ни о чемъ болѣе, какъ только развлечь чѣмъ-нибудь тоску, наведенную симъ безтолковьемъ, бѣжать куда-нибудь отъ тоски, не думая о причинахъ этой тоски, не разбирая откуда произошла она, полагая, что она просто отъ недостатка удовольствій и развлеченій, что въ другомъ мѣстѣ ея нѣтъ, позабывъ, что тоска живетъ не въ какомъ-либо мѣстѣ, городѣ, деревнѣ или иномъ углу земли, а живетъ въ нашемъ собственномъ сердцѣ, что отъ нея не убѣжишь, что она постигнетъ среди столичныхъ развлеченій, бабъ и всего, что выдумали многолюдство и мода, и что можно не бѣжать ей, живя въ Камчаткѣ. Увы, кто гонится за весельемъ, тотъ прежде всѣхъ поймаетъ тоску. Веселье не дается намъ даромъ, оно дается намъ въ награду, оно входитъ къ намъ въ душу только тогда, когда довольна собою душа, когда слышитъ она сама, что дѣлала благое и полезное—веселье въ трудѣ. Не въ томъ трудѣ, который предпринимаешь для развлеченія, но въ томъ трудѣ, въ которомъ убѣжденъ, что онъ полезенъ и благодѣтеленъ, трудясь въ которомъ чувствуешь, что трудимся для благополучія другихъ, въ томъ трудѣ, когда вовсе не думаемъ: я бы трудился если бы тамъ-то, еслибъ для меня было сдѣлано прежде вотъ то-то, еслибъ я была въ такомъ-то положеніи. Нѣтъ, когда, напротивъ, всегда готовъ на дѣло среди какихъ бы обстоятельствъ ни поставилъ тебя Богъ, который не оставитъ насъ безъ цѣли нигдѣ и идетъ только, чтобъ мы догадались и осмотрѣли все ясными очами. Нѣтъ, когда принимаемъ за этотъ трудъ не иначе какъ за Богоугодное и высоко-христіанское дѣло, такой только трудъ святится

и можетъ дать веселье душѣ. Послѣ него всякая минута веселъ кажется намъ веселѣе вдвое, пляшетъ духъ отъ веселья, свѣтлѣютъ очи, свѣются веселыя мысли, хорошеетъ и молодеетъ и цвѣтъ человѣкъ. Это тотъ разумный и покойный трудъ, который происходитъ только послѣ глубокаго обдумыванія, когда принимаешься за дѣло не съ жаромъ и опрометчивостью, которые скоро простываютъ, но взглянувъ въ него пристально, обсмотрѣвъ его со всѣхъ сторонъ, узнавши совершенно весь ходъ дѣла, наблюдая сначала долго надъ другими, когда зная, какъ дѣлаетъ одинъ еще недоволенъ тѣмъ и стремишься узнать, какъ въ такихъ обстоятельствахъ дѣлаетъ другой, и отчего у одного лучше нежели у другого; и когда, узнавши все, сообразивши, какія могутъ быть и удачи и потери, еще не принимаемся за дѣло, еще обсмотримъ ее и хоть покажется, что ужъ совсѣмъ понялъ дѣло, хоть даже сильное почувствуешь желаніе приняться за работу, все еще умѣряешь себя, повѣряя, не отыщется ли еще чего-нибудь замѣтить. И когда потомъ, во время самаго совершенія труда, совершаешь его покойно и развѣренно, отдыхаешь не тогда, когда совершенно выбился изъ силъ, но тогда, когда чувствуешь, что еще бы хотѣлось заняться дабы потомъ съ нетерпѣніемъ ожидать часа и минуты принять за него вновь въ урочное время. Такой только трудъ можетъ быть вполне мудръ и выгоденъ и можетъ обогатить насъ духовно и нравственно, ибо все, что ни есть вокругъ насъ, все создано для нашего обогащенія, нѣтъ предмета, изъ котораго нельзя бы было извлечь выгоды, которыя не дали бы потомъ процентъ на процентъ нѣтъ малѣйшей статьи, которая бы не дала пользу, ибо ничто не создано Богомъ безъ пользы. Но оступѣла голова наша, лишени упражнения, омертвѣлъ умъ нашъ, объятый дремотами лѣни и бездѣйствія, лишился остроты и тонкости взглядъ нашъ, ослѣпились очи и потеряли яснovidнѣіе, и въ отдаленномъ, въ безразсудномъ стали мы искать теперь того, что должны были находить въ близкомъ и разумномъ. Только одинъ, позабытый нами полезный трудъ есть родникъ душевнаго веселья, твердаго стоянія въ мѣрѣ, неколебимаго покоя душевнаго, яснаго возрѣнія на мѣрѣ, свѣтлаго стремленія къ Богу. Много сокрыто въ немъ нынѣ намъ невѣдомыхъ наслажденій и высокихъ явленій, въ немъ ближе и доступнѣе къ намъ Богъ и, по мѣрѣ разумнаго стремленія нашего, содѣлываетъ намъ ежеминутно легче и легче сей трудъ и потомъ все его превращаетъ намъ въ радость. Не съ тѣмъ говорю я имъ все это, чтобы каждой изъ нихъ указать и назначить трудъ ея и опредѣлить, въ чемъ должны заключаться ея занятія и долгъ ея. Не в

ѣ также совѣта я говорю имъ все это. Я не имѣю на это права не мое дѣло совѣтовать. Для того, чтобы совѣтовать другому, слишкомъ хорошо узнать этого другого. Но это трудно, ибо того, чтобы узнать другого, нужно прежде узнать хорошо себя, а для того, чтобы узнать себя, потребно столько времени, что тогда узнавать другого, а тѣмъ болѣе судить его и предписывать законы. Нѣтъ, я говорю имъ это для того, чтобы каждую минуту въ состояніе дать самой себѣ совѣтъ, подумать самой о себѣ, осудить самоё себя. Поговоримте лучше теперь о хозяйственныхъ дѣлахъ, тѣмъ болѣе, что всѣ ваши затруднительныя обстоятельства происходятъ отсюда. Хозяйственные дѣла у насъ въ сѣнъ стали плоше прежняго, во-первыхъ, оттого что половина дворянъ не занимаются вовсе своимъ хозяйствомъ, а во-вторыхъ, оттого, что половина изъ занимающихся, не будучи рождены въ хозяинами, воображали себѣ, что они хорошіе хозяины и распускаются очень хорошо, а что неудачи и дурное состояніе дѣлъ происходятъ такъ, само собою, больше отъ судьбы и Божьяго пожеланія, точно какъ будто грѣхъ какой сознаться, что я не рожденъ быть хозяиномъ, какъ будто бы это моя вина, что у меня нѣтъ этой способности. Неспособность можетъ быть отъ разныхъ причинъ, отъ насъ вовсе не зависящихъ. Тому, напримѣръ, предшествуетъ самый характеръ его и темпераментъ, другому несчастье, потери, душевныя огорченія, приведшія въ вѣчное тревожное состояніе духъ его. А кто слишкомъ тревожится отъ всякихъ случаевъ, кто совершенно весь растеряется въ минуту неудачи и не знаетъ, что ему дѣлать, у кого кружится голова отъ всякихъ затруднительныхъ случаевъ, тому не быть хорошимъ хозяиномъ. Хозяйство, какъ и все прочее въ жизни, требуетъ яснаго спокойнаго взгляда, совершеннаго хладнокровія во всемъ. Тотъ только хозяинъ, кого не въ силахъ смутить ни удача, ни неудача, кто рожденъ всегда, вездѣ и во всемъ. А кто не имѣетъ этихъ качествъ и старается никогда приобрести ихъ, тому не быть хорошимъ хозяиномъ, ему не отыскать даже никогда хорошаго управителя, ибо хорошаго хозяина посредственный управитель дѣлается хорошимъ, а у нехозяина хорошій управитель дѣлается дурнымъ и негоднымъ. Такому хозяину прежде всего слѣдовало бы сознать свой характеръ и силы, а потомъ уже поступать сообразуясь съ своимъ характеромъ и силами, и тогда бы Богъ открылъ ему, какъ нужно поступать. Но невидящему самого себя и нехотящему сознать себя чѣмъ-либо свое невѣдѣніе и незнаніе не даетъ Богъ ясныхъ очей и средствъ извернуться. Сколько, напримѣръ, есть такихъ хозя-

евъ, которые всегда надѣются на чудо Божіе, у которыхъ за сяцъ до уплаты въ казну податей или въ ломбардъ процента нѣтъ еще ни одной копѣйки въ кассѣ. Такіе хозяева, если у сами они знаютъ, что у нихъ теряется голова въ принскіе средствъ, хотя бы прибѣгнули просто къ самому не головоломно средству, откладывали бы просто, со всякой получаемой гриве по грошу въ ящикъ, съ тѣмъ, чтобы не брать оттуда ни въ какомъ случаѣ, хотя бы въ долгъ на одинъ день только понадобилось взять. Тогда бы въ продолженіе года могла бы накопиться хотя половина хотя часть потребной суммы. Иные хозяева думаютъ также, что все дѣло въ томъ, чтобы ограничить себя во всемъ и не издерживать ни на что, какъ только развѣ на самое нужное, и дивятся въ томъ, когда видятъ, что и при этомъ состояніе ихъ ничуть поправляется. И не мудрено: конечно знать, что нужно и что нужно, можетъ отчасти всякой, но знать, во сколько кратъ оди нужнѣй другого, можетъ только одинъ глубоко-мудрый; умѣть при почести важнѣйшее не столь важному — это такая высокая мудрость какую рѣдкій на землѣ можетъ похвалиться. Такіе хозяева, какъ бы при всякомъ предпріятіи, издержкѣ, постройкѣ, покупкѣ дѣла такую посылку: это предпріятіе, издержка, постройка, покупка нужны въ хозяйствѣ, и польза отъ нихъ вотъ какая; а я не сдѣлаю ихъ; какъ велика будетъ утрата и упущеніе? Что будетъ отъ того пропадетъ ли рѣшительно чрезъ то хозяйство или имѣніе, пойдутъ ли я чрезъ то по міру? Нѣтъ? А если нѣтъ, то сдѣлаю я теперѣ другую посылку: ну, а если я не уплачу въ концѣ года податей и не заплачу процентовъ, что будетъ тогда? Тогда пропадетъ все мое зайство, отнимутъ у меня все имѣніе и я пойду по міру. А какъ такъ, лучше я не сдѣлаю этого предпріятія, издержки, постройки, покупки, а если и сдѣлаю, такъ не на всѣ деньги, а отложу отъ нихъ часть; нужды нѣтъ, что годъ еще только въ началѣ, Богъ вѣсть, что будетъ впереди, лучше же я тогда сдѣлаю прочее, котораго обезпечу себя прежде въ важнѣйшемъ. Но даже и этою просто посылкой не руководствуются такіе хозяева, и къ концу года въ времени платежа у нихъ вѣчно нѣтъ ни копѣйки въ кассѣ. А между тѣмъ твердо увѣрены, что они издерживаютъ только на то, что необходимо нужно, а ненужнаго ничего не дѣлаютъ, а что нѣтъ денегъ и случается бѣда, такъ это поущеніе Божіе, это ужъ судьба такая. Такъ гордъ всегда человѣкъ, и никогда ни въ чемъ и не хочетъ сознать вины своей и, въ смѣшной гордости своей, вѣчно увѣренъ, что онъ правъ и разуменъ и ни въ чемъ не можетъ ошибиться. Не думайте, чтобы я это мѣтилъ на вашъ счетъ, — нѣтъ, а

можно отнести на счетъ всѣхъ насъ, и горе тому, кто ничего не хочетъ принимать на свой счетъ. Всякій, кому бы ни случилось пать письмо это, долженъ все, что ни есть въ немъ, принять само на свой счетъ, взглянуть на себя, а не на другого, обвинять себя, а не другого. Когда я писалъ это письмо, я молился Богу, чтобъ оно было благодѣтельно всякому, кому бы ни попалось въ руки, ни бы вовсе постороннему человѣку. И не моему глупому разуму быть обязанъ получившій благодѣтельное впечатлѣніе, но милости Бога, направившаго на благо мое разумъ и давшаго ему силы разсудить то, чего бы я никогда не могъ проразумѣть безъ Его святой воли. О хозяйственныхъ дѣлахъ я заговорилъ еще потому, что становится теперь у насъ слишкомъ важнымъ и серьезнымъ предметомъ. Многіе владѣльцы начинаютъ уже смекать, что разстроенныя состоянія ихъ имѣній происходятъ не отъ какихъ-либо чужихъ и постороннихъ вліяній и обстоятельствъ, а отъ ихъ собственной вины. Много самыхъ блестящихъ свѣтскихъ дамъ оставяютъ нынѣ столицы и переѣзжаютъ въ деревни, смекнувъ, что есть обязанности въ нѣсколько разъ выше тѣхъ, какихъ требуютъ отъ нихъ гостинныя и частная жизнь, — обязанности, которыя онѣ не разумно пренебрегли, почти ихъ за низкія и ничтожныя.

Но въ одномъ пороѣкъ я долженъ сдѣлать вамъ упрекъ, и упрекъ само всѣмъ вамъ. Этотъ пороѣкъ есть малодушіе и уныніе, которому вы всѣ легко предаетесь. Что въ самомъ дѣлѣ вы вообразили себѣ? Развѣ жизнь наша рай и должна быть какъ ровная, гладкая дорога, безъ всякихъ приключеній, для однихъ только удовольствій и для наслажденій? Такъ зачѣмъ же тогда будущая жизнь намъ? Развѣ же вы живете, позвольте васъ спросить? Или вы позабыли, что вы живете на землѣ? Что всякую минуту не только можете, но и должны случиться то, что вы называете несчастіемъ. Мудрый и крайней мѣрѣ помнить это и ставить себѣ впереди, при всякомъ начинаніи всякаго дѣла, и потому не предается ни излишней радости при видѣ того, что человѣкъ часто легкомысленно называетъ счастіемъ, ни горести при видѣ того, что человѣкъ также легкомысленно называетъ несчастіемъ, но умными глазами осматриваетъ всякое приключеніе со всѣхъ сторонъ, прежде всего вопрошаетъ себя, не обманула ли его наружность и первое впечатлѣніе. У васъ ничего этого нѣтъ; вы всѣ предаетесь первому впечатлѣнію, обрадуетесь тому, чему не слѣдуетъ радоваться, опечалитесь тому, отъ чего не слѣдуетъ печалиться, не размысли торопитесь возмущаться за дѣло, не размысли бросаете его при первой неуда-

чѣ. Не говоря о прочемъ, сколько въ письмахъ вашихъ есть словъ выражений и мыслей, брошенныхъ безъ всякаго размышленія, которыми вы сами иногда противорѣчите на другой же страницѣ. Сколько можетъ случиться въ такомъ же родѣ распоряженій и недѣлахъ хозяйственныхъ. Не замѣчая о прочемъ, вы говорите, на примѣръ, тутъ же въ письмѣ вашемъ, что восхищаетесь прекраснымъ временемъ, и что у васъ нѣтъ вовсе зимы, и что вы слѣшите сѣять въ надеждѣ будущихъ урожаевъ. А я признаюсь ничуть тутъ не вижу хорошаго, зима была тепла—вѣрный знакъ, что послѣ начнутся холода и морозы и могутъ легко вымерзнуть посѣвы, а если не случится этого, то будетъ дождливое лѣто, которое не дастъ дозрѣть хлѣбу и убрать его, а не будетъ дождей, будетъ засуха, потому что земля не имѣвъ снѣга во время зимы, не напиталась и незапаслась достаточною влажностью. Конечно, дай Богъ, чтобы этого всего не случилось. Но мудрый однакоже долженъ въ это вообразить впередъ и, прежде чѣмъ торопиться бросать сѣмена въ землю, подумать заблаговременно о мѣрахъ противъ голода, который можетъ быть уже висить на носу. Вы пишете, что принеся слухъ, что я буду скоро въ Малороссіи, но что вы не хотите предаваться заблаговременно радости. Последнее благоразумно: радости тутъ нѣтъ никакой, тѣмъ болѣе, что я не имѣю такого на мѣренія. Я вамъ сказалъ при выѣздѣ изъ Москвы, что раньше пяти или по крайней мѣрѣ четырехъ лѣтъ я не думаю возвратиться, и что все зависитъ отъ воли Божіей: Богу угодно—время отсутствия моего сократится, Богу угодно—оно можетъ продлиться на цѣльмъ десять лѣтъ. И вамъ я совѣтую лучше всего молиться не о томъ, чтобы было все такъ, какъ хочется намъ, а о томъ, чтобы было все такъ какъ угодно Ему святой волѣ. Мы въ невѣдѣніи своемъ части сами не знаемъ, чего просимъ. Что же до меня, то мнѣ тогда только будетъ радостна встрѣча со всѣми близкими душѣ моей, когда они будутъ счастливы, а счастье наше отъ насъ самихъ, отъ исполненія нашихъ обязанностей и отъ умѣнья возлюбить Бога больше всякой свѣтской дряни, къ которой мы такъ охотно привязываемся. Симвъ однимъ только приводится душа наша въ непоколебимое ничѣмъ стояніе, и сего счастья желаю я вамъ всѣмъ, симъ завершаю письмо мое. Благодарю Бога, внушившаго мнѣ его, благодарите и вы также Бога за то, что Онъ дозволилъ излиться нѣкоторымъ словамъ письма вашего, которыя кажется, какъ будто необдуманно и безъ большой цѣли вы бросили на бумагу, но которыя, однакоже, заставили меня съ молитвой обратиться къ Нему для

душевные вопросы, которые у васъ возродятся, вы уже найдете отвѣтъ въ письмѣ этомъ. Не пренебрегайте имъ, я съ молитвой писалъ его! Въ минуту тоски или печали, пусть каждая обратится къ письму моему и прочтетъ его. Во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, хотя бы даже показалось кому, что въ письмѣ этомъ говорится о другомъ и что заключающееся въ немъ ничуть не относится къ тѣмъ случаямъ,—все равно пусть прочтетъ его, она получитъ въ немъ облегченіе себѣ, попроситъ Бога, чтобы Онъ уяснилъ ей очи и вразумилъ усмотрѣть то, что въ письмѣ этомъ прииѣнено прямо къ ея обстоятельствамъ. Пусть даже каждая спишетъ съ него копію, а подлинникъ пусть останется у васъ. Проставши одинъ разъ письмо это, пусть не думаетъ никто, что онъ уже понялъ смыслъ его совершенно. Нѣтъ пусть дождется болѣе душевной минуты, прочтетъ и перечтетъ его. Всего лучше пусть каждая прочтетъ его во время говѣнья, за нѣсколько часовъ передъ исповѣдью, когда уясняются лучше наши очи. И тогда уже, отбросивъ всякій призракъ человѣческой гордости, все, что ни содержится въ письмѣ этомъ устремить прямо къ себѣ и рассмотреть себя строго противу всякаго пункта и слова письма сего. Будутъ услышаны Богомъ тогда всѣ движенія души ея и ниспошлются ей разумъ и силы вести прекрасно жизнь свою, о чемъ молю всегда Бога. Прощайте! Да хранитъ Онъ васъ отъ всего злого. Христосъ съ вами!

Отрывки изъ писемъ Н. В. Гоголя.

Изъ письма къ матери отъ 1 ноября 1833 года.

Скажите Катеринѣ Ивановнѣ *), что мнѣ часто приходятъ на умъ ея пѣсни, но я ихъ не пою, потому что я мастеръ только подтигивать. А еслибъ запѣлъ соло, то морозъ подралъ бы по кожѣ слушателей. (NB. Письмо писано въ томъ году, когда приѣхалъ отдавать сестеръ въ институтъ).

*) Ходаревская, урожденная Косаровская, родная сестра матери Гоголя. Она очень любила пѣть малороссійскія пѣсни (см. *Сочин. и письма Гоголя*, т. V, стр. 174, къ Гоголю пишетъ Данилевскому: „Я думаю, Катерина Ивановна напѣла тебѣ уши пѣснями на божендомъ-духтеромъ (цыганскій припѣвъ). См. еще *Указатель къ письмамъ Гоголя*, р. 47—48.

Къ сестрѣ Ольгѣ Васильевнѣ *).

Письмо о хозяйствѣ, какъ къ нему готовиться и какъ имъ заниматься. Въ заключеніе о своей болѣзни.

«Я отправляюсь изъ Рима на дняхъ съ тѣмъ, чтобы, сдѣлавши большую дорогу по Италиі, Германіи, Голландіи, посидѣть въ-время въ Греффенбергъ на лѣченіе холодною водою, которое мнѣ все-таки немного помогло въ прошломъ году, несмотря на малый курсъ; теперь возьму побольше. Помолитесь Богу о моемъ благополучномъ путешествіи и благополучномъ лѣченіи. Средства простыя мнѣ всегда помогали, какъ-то: дорога, воздухъ и холодная вода; лѣкарства же только разстраивали, а потому я давно ихъ бросилъ, увѣрившись, что одинъ Богъ нашъ докторъ и что Его одного должно молить объ излѣченіи. А между тѣмъ самую болѣзнь нужно переносить, терпѣть и благодарить за нее ежеминутно. Донынѣ болѣзнь моя принесла много внутренней пользы, даже такъ много, что я бы жалѣлъ сильно, еслибъ ея у меня не было. Вѣрю, что и впредь всѣ недуги, какіе ни случатся со мною, будутъ мнѣ также въ пользу, а потому прошу васъ молиться не о томъ, чтобы совершенно излѣчиться, а о томъ, чтобы мнѣ поданы были свѣжія силы переносить легко недуги и чтобы не жѣшались они мнѣ выполнить долгъ свой. Тогда только я и счастливъ, тогда и веселъ духомъ среди самаго нездоровья, когда чувствую, что хотя сколько-нибудь выполняю свой долгъ».

Вслѣдъ за этимъ письмомъ въ бумагахъ Шевырева есть еще свѣдѣнія, что Гоголь посылаетъ роднымъ книги *Воскресное Евангеліе* съ толкованіями и небольшими бесѣдами въ концѣ и совѣтуетъ всякій разъ прочесть предъ тѣмъ какъ идти въ церковь. 15 руб. сер. на лѣкарства; заботится объ Эмилиі, бѣдной сиротѣ, и ея нравственномъ воспитаніи; посылаетъ 2,000 р., говоря объ ихъ назначеніи для родныхъ и бѣдныхъ; проситъ сообщать всѣ слухи о его книгѣ *Выбр. мѣста изъ переписки съ друзьями*; посылаетъ еще 50 р. для бѣдныхъ; *Макробіотику* Гуффеланда.

«Я просилъ также Шевырева, — пишетъ онъ сестрѣ, — прислать тебѣ двѣ - три книги духовнаго содержанія. А покуда рекомендую также и тебѣ прочесть книгу самого Шевырева *Чтенія о русской словесности*. Это очень важная и полезная книга, написанная чествовакомъ истинно вѣрующимъ и любящимъ Бога».

*) Письмо это писано передъ лѣченіемъ въ Греффенбергѣ, т.-е. въ 1845 г. Тѣ же мысли о пользѣ болѣзней были высказаны Гоголемъ въ письмѣ къ Языкову (т. VI, р. 47) и въ *Перепискѣ съ друзьями* въ статьѣ: *Значеніе болѣзней*.

Посылая 35 р. бѣднымъ на лѣкарство Гоголь пишетъ, что онъ обратилъ вниманіе на родильницъ и отложилъ нѣсколько денегъ, чтобы нанять работницу на то время, когда родившая должна пролежать въ постели. «Въ распредѣленіи денегъ, — говоритъ онъ, — я пропустилъ Наума Дзюбу, которому дай тоже цѣлковый. Онъ при мнѣ работалъ хорошо и я имъ доволенъ, что можешь ему и объявить».

Письмо къ сестрѣ Ольгѣ Васильевнѣ.

Неаполь. Генваря 20 *).

Какъ мнѣ пріятно писать къ тебѣ, добрая сестра моя Ольга, — пріятно, потому что ты уже возлюбила Бога больше всего на свѣтѣ, оттого и письмо твое, какъ оно ни просто само по себѣ, но оно было проникнуто тѣмъ спокойствіемъ и тою твердостью вѣры... Оттого и любовь къ тебѣ у меня поселилась теперь родственная и мнѣ кажется, какъ будто ты точно моя родная сестра. Прочитавши письмо мое, такъ смутившее прочихъ, ты только крѣпче и лучше помолилась обо мнѣ Богу и возвеселилась духомъ въ твердой надеждѣ, что Богъ спасетъ меня и проведетъ повсюду невредимо; и вѣрно твоя молитва достигнула Бога, и все будетъ по ней исполнено, потому что Богъ исполняетъ молитвы тѣхъ, которые уиѣють любить Его лучше всего на свѣтѣ и земныя привязанности считаютъ мечтой передъ привязанностью небесной. Люби же такъ и впередъ Его, или, что справедливѣй, люби Его съ каждымъ днемъ больше, и чтобы образъ Его стоялъ въ мысляхъ твоихъ неотлучно впереди всѣхъ, впереди матери, впереди брата, впереди сестеръ, впереди всего на свѣтѣ. Христось сказалъ: оставь и отца, и мать, и все на свѣтѣ и слѣдуй за мною. Что же значить слѣдовать за

*) Письмо это относится къ самому началу 1847 г. Въ письмѣ къ матери отъ 25 января 1847 г. Гоголь говоритъ, что вся его семья плохо поняла смыслъ его „Закѣпанія“, которое всѣхъ встревожило. „Только одна моя сестра Ольга, — говоритъ онъ, — показала высокое спокойствіе духа и твердую вѣру въ Бога. Она одна не смутилась и приняла дѣло въ настоящемъ видѣ, а не въ томъ, въ какомъ представляеть челоуку наугадное воображеніе“ (т. VI, стр. 330). Въ слѣдующемъ письмѣ къ матери (т. VI, стр. 331) онъ говоритъ: „Это распоряженіе сдѣлало такое впечатлѣніе на всѣхъ васъ, кромѣ одной сестры Ольги, какъ бы я уже умеръ, и меня нѣтъ на свѣтѣ“. Въ письмѣ къ матери отъ 16 февраля 1847 г. онъ говоритъ: „Назадъ тому недѣль двѣ я писалъ вамъ довольно длинное письмо со вложеніемъ другого, еще болѣе длиннаго, къ сестрѣ Ольгѣ“. Такъ какъ длинное письмо къ матери было отъ 25 января 1847 г. изъ Неаполя (т. VI, стр. 330—335), то, слѣдовательно, тогда же было написано и это письмо къ Ольгѣ Васильевнѣ. Въ письмѣ упоминается о лѣченіи больныахъ крестьянъ, — это было и до сихъ поръ остается любимымъ занятіемъ Ольги Васильевны. Гоголь всегда относился съ особенною любовью къ этой своей сестрѣ, считая ее болѣе религіозной (см. Соч., VI, стр. 351, 445, 532).

Христомъ? Слѣдовать за Христомъ значить во всемъ подражать Ему, Его самого взять въ образецъ себѣ и поступать какъ поступалъ Онъ бывши на землѣ. Какъ же поступалъ Христосъ? Какой родъ жизни избралъ Онъ въ образецъ людямъ: оставилъ ли Онъ всѣхъ и удалился въ пустыню? Нѣтъ, Онъ проходилъ города и села, всюду искалъ людей, вездѣ пронесилъ утѣшительное слово свое, вездѣ цѣлилъ болящія души и помогалъ имъ спастись, указывая всѣмъ путь и дорогу къ спасенію. Такъ и намъ слѣдуетъ поступать, не сидѣть въ удаленіи отъ людей, но повсюду отыскивать страждущихъ и помогать имъ, полюбить всѣхъ людей такъ, какъ полюбилъ Онъ самъ, положившій за нихъ жизнь свою. И симъ однимъ только мы можемъ угодить Ему и получить на небесахъ блаженство. Апостолъ Петръ увѣрялъ Господа чаще всѣхъ другихъ учениковъ, что онъ любитъ Его. Божественный Учитель на это молчалъ и потомъ, когда Петръ уже совсѣмъ убѣдилъ себя, что онъ любитъ Господа, сдѣлалъ въ свою очередь такой запросъ: «Симоне Іонинъ, любишь ли Мене?» — «Люблю, Господи», — отвѣчалъ на это Петръ. «Паси овцы моя!» — сказалъ Спаситель. Петръ ничего не сказалъ на это, потому что не могъ тогда еще даже изъяснить себѣ, что значить: паси овцы моя. А Спаситель вновь тотъ же вопросъ: Симоне Іонинъ, любишь ли Мене? И когда тотъ клятвенно сказалъ, что любитъ, вновь присовокупилъ: паси овцы моя! Петръ опять замолчалъ, не зная какъ понять эти слова. Спаситель тогда въ третій разъ повторилъ тотъ же вопросъ и когда Петръ даже оскорбился, опять присовокупилъ тѣ же слова: паси овцы моя! Послѣ уже, по смерти Господней и по воскресеніи Его, объяснилось всѣмъ ученикамъ полное значеніе словъ Его; послѣ уже почувствовали всѣ ученики, что угодить Господу можно только заботясь объ овцахъ Его и о спасеніи душъ ихъ. Всѣ они разошлись тогда во всѣ стороны, всюду разносили по примѣру самого Господа братски утѣшительное слово, вездѣ отыскивали людей и вездѣ помогали спастись имъ. И по примѣру ихъ всѣхъ новообращенный христіанинъ спѣшилъ подѣлиться всѣмъ, что ни получилъ отъ учителей, его просвѣтившихъ, съ бѣдными, въ грѣховной тѣмѣ еще находившимися людьми-братьями, и помогалъ имъ спастись, и всѣ учили другъ друга какъ итти по пути, оставленному Самимъ Христомъ, и путь этотъ былъ путь любви. Всѣ люди стали одна семья и загорѣлась небесная любовь на землѣ. Такъ должны и мы поступать, какъ поступали они: любя людей *любовью во Христа*, помогать имъ повсюду. Истинно христіанская помощь не въ одномъ денежномъ подаяніи, — это еще не большая помощь. Избавить отъ

нужды, холода, болѣзни и смерти человѣка, конечно, есть доброе дѣло, но избавить отъ болѣзни и смерти его душу есть въ нѣсколько разъ большее. Обратитъ преступнаго и грѣшника ко Господу — вотъ настоящая милостыня, за которую несомнѣнно можно надѣяться полученія небеснаго блаженства. Ибо ты сама уже вѣроятно узнала изъ Евангелія, что на небесахъ больше радуются обратившемуся грѣшнику, чѣмъ самому праведнику. А для этого подвиги тебѣ предстоятъ на всякомъ шагу, обратись только вокругъ себя. Много въ вашемъ сосѣдствѣ пребываетъ людей въ нѣпачествѣ, буйствѣ, развратѣ всякаго рода и порокахъ. Губятъ незвратно свою душу — и нѣтъ человѣка, который подвинулся бы жалостью къ нимъ, и нѣтъ человѣка, который бы такъ пожалѣлъ о душахъ ихъ, какъ бы о собственной душѣ своей, и возгорѣлся бы хотя частицею той любви, которою горитъ къ намъ Божественный Спаситель нашъ. Не думай, чтобы душа человѣка могла уже такъ грубо зачерствѣть, что никакія слова не въ силахъ поколебать его. Надобно сказать лучше, что нѣтъ прямой любви къ человѣку, оттого и слова безсильны: слово безъ любви только ожесточаетъ, а не миритъ или исцѣляетъ. Узнай только душу человѣка, войди только хорошенько въ его обстоятельства жизни, разсмотри только его, не торопясь — и ты увидишь, что можно помочь душѣ его, и облобызаетъ онъ потомъ руку, его спасшую. Ты уже начала дѣлать нѣкоторыя приуготовленія къ тому: ты не пренебрегла моими словами и просьбами спрашивать всякаго человѣка и узнавать его. Ты будешь отнынѣ еще больше это дѣлать и чрезъ то еще больше познакомишься съ душой человѣка вообще, стало-быть придешь въ силы помогать самой душѣ его. Нѣтъ изъ насъ никого такого, кто бы могъ сказать: я не могу или я не въ силахъ помочь. Сами по себѣ ничего не можемъ, но помогаетъ Богъ, подающій силу безсильному. Нужно только не быть самонадѣяннымъ и, вооружась смиреніемъ, разсматривать пристально всякое дѣло, не довѣряя себѣ даже и тогда, когда уже покажется, что знаешь. Нужно спросить обо всѣхъ обстоятельствахъ того, кому хочешь помочь, даже изъ его прежней жизни, нужно спросить о немъ также всѣхъ другихъ его знающихъ и потомъ, когда уже все узнаешь, вѣрнѣе помолитесь Богу, чтобы вразумилъ какъ поступить умно и разумно, потому что Богъ подаетъ разумъ просящему. Если будешь лѣчить кого-нибудь, лѣчи въ то время и душу его, и лѣченье твое будетъ сугубо-длительно. Говори больному своему, что если онъ захочетъ, чтобы лѣкарство твое ему точно по-

могло, то прежде всего долженъ освободить свою душу отъ всего тяжкаго, что на ней лежитъ, строго пересмотрѣть самого себя, не надѣлалъ ли онъ какихъ грѣховъ, за которые послалъ ему Богъ болѣзнь, покаяться въ нихъ и дать искреннее обѣщаніе не дѣлать ничего впредь подобнаго. Сама также молись о немъ, чтобы Богъ помогъ ему исцѣлиться не только тѣлесно, но и душевно. Читай всякій день Новый Заветъ и пусть это будетъ единственное твое чтеніе. Тамъ все найдешь, какъ быть съ людьми и какъ умѣть помогать имъ. Особенно для этого хороши посланія апостола Павла. Онъ всѣхъ наставляетъ и выводитъ на прямую дорогу, начиная отъ самыхъ священниковъ и пастырей Церкви до простыхъ людей, всякаго научаетъ, какъ ему быть на своемъ мѣстѣ и выполнять всѣ свои обязанности въ мірѣ, какъ въ отношеніи къ высшимъ, такъ и низшимъ. Читай не по-много: по одной главѣ въ день весьма достаточно, если даже не меньше. Но, прочитавши, предайся размышленію и хорошенько обдумай прочитанное, чтобы не принять тебѣ въ буквальный смыслъ того, что должно быть принято въ духовномъ смыслѣ. Обдумай какъ примѣнить къ дѣлу прочитанное въ теперешнее время при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, которыя во многомъ измѣнились противу тогдашнихъ, какія были во время ап. Павла, хотя сила дѣла осталась та же. Иначе и съ добрымъ намѣреніемъ можно надѣлать много неразумныхъ дѣлъ. Всякое слово изъ Святого Писанія требуетъ здраваго и долгаго размышленья и предварительной молитвы къ Богу о томъ, чтобы вразумилъ вникнуть въ истинный смыслъ его, и потомъ требуетъ также молитвы къ Богу о томъ, чтобы помогъ уже понятое разумно примѣнить къ дѣлу и привести къ исполненію. Кто же не поступаетъ такъ, тотъ никакой пользы не извлечетъ изъ Святого Писанія. Только глотаешь одни слова. Даже и въ простыя слова простого человѣка слѣдуетъ хорошенько вслушиваться, а тѣмъ болѣе въ слова возвышенныя и направленныя ко спасенію души нашей, какія находятся на всякомъ мѣстѣ Святого Писанія... Чтеніе Ефрема Сирина будетъ для тебя полезно только во время поста и особенно во время говѣнья, когда ты будешь имѣть дѣло съ самой собою; во всѣ же прочіе дни, когда ты будешь имѣть дѣло съ людьми, держись Евангелія и посланій апостольскихъ. Говѣть я тебѣ совѣтую четыре раза въ годъ, въ четыре главные поста, и въ это время, оставивъ всѣхъ, думать объ одной себѣ, переселиться какъ бы въ мысленный монастырь (міръ), перебирая всю себя во всѣхъ дѣлахъ содѣланныхъ, начиная отъ послѣдняго передъ тѣмъ бывшаго своего говѣнья, спраши-

вал у себя отчетъ во всемъ, повѣряя себя пристально, отъ какихъ недостатковъ своихъ успѣла уже освободиться и какіе еще остаются, чтобы тебѣ во всякой новой исповѣди приходило сколько-нибудь не той же самой, какой ты приступала въ прошломъ году, но хотя сколько-нибудь лучшей противу прежней, чтобы такимъ образомъ вѣчно тебѣ возрастать и совершенствоваться. Когда же гонѣнье твое кончилось, и монастырь твой долженъ кончиться. Ты вновь должна возвратиться въ міръ къ людямъ, и на столѣ твоёмъ на мѣсто Ефрема Сирянина пусть вновь лежитъ Евангеліе. Молись не много въ день и не стой долго на молитвѣ. Лучше произноси отъ всей души: «*Господи помилуй* или *Господи помози*», но при всякомъ дѣлѣ и начинаніи, какое ни случилось бы дѣлать въ продолженіе дня, — и дѣла твои помолятся за тебя сами собою, на мѣсто всякихъ словъ. Не поступай такъ, какъ тѣ, которые заставляютъ себя насильно простоять по часу и болѣе на молитвѣ всякое утро и вечеръ, а остальное время дня обходятся вовсе безъ Бога, позабывая призывать его во всякомъ поступкѣ и житейскомъ дѣлѣ. Отъ того и не получаютъ они никакой пользы отъ своей набожности, шатаются какъ слабый тростникъ отъ вѣтра и всякое не только несчастіе, но даже малѣйшая непріятность въ силахъ смутить ихъ и заставить потеряться, отъ того не бываетъ и разума во всѣхъ дѣлахъ ихъ и во всѣхъ ихъ начинаніяхъ. Ты же, напротивъ того, не только при всякомъ дѣлѣ трудномъ, но даже и маловажномъ, призывай Бога. Еслибъ даже и не случилось дѣла, представляй себя мысленно, какъ бы ты уже находилась въ такихъ и такихъ обстоятельствахъ и было бы у тебя такое-то дѣло, и воображай самоё себя, какъ должна бы ты поступить сообразно съ разумомъ начертаній Божіихъ. Словомъ, пробуй впередъ себя, поставляй себя заблаговременно во всѣ обстоятельства, какія могутъ представиться человѣку, и проси у Бога вразумленія, какъ поступить среди ихъ разумно. Представляй себѣ также впередъ всякія огорченія, непріятности и несчастія, могущія случиться на всякомъ шагѣ намъ въ жизни, и пробуй себя, какъ бы ты ихъ перенесла, чтобы видѣть, въ какой степени ты христіанка и чего еще недостаетъ тебѣ. И если почувствуешь, что душа твоя еще слаба и нѣтъ твердости въ духѣ, тогда читай страданія Іова. И душа твоя окрѣпнетъ, ты воспитаешься по немногу такъ, что никакое несчастіе: не въ силахъ будетъ сокрушить тебя. Впрочемъ, несчастіе не помѣетъ даже и приступить къ тебѣ, несчастіе нападаетъ только на юго, кто боится его, а кто идетъ твердо на встрѣчу его, отъ

того оно бѣжить. Все это письмо мое ты перечти внимательно, перечти его не одинъ разъ, но нѣсколько, въ различные часы и въ различныя состоянья душевныя. Можешь даже дать прочесть его и сестрамъ, если онѣ захотятъ того... Но, прощай. Письмо мое было длинно. Пиши откровенно все, что ни есть, и помни, что ты пишешь брату во Христвѣ.

Н.

Скоро ты получишь изъ Москвы нѣсколько денегъ для раздачи бѣднымъ, которыя я просилъ переслать къ тебѣ. Хоть ихъ немного, но если съ разумомъ распредѣлить ихъ, онѣ придется въ помощь. Ты это дѣло можешь сдѣлать лучше другого, потому что умѣешь уже спрашивать и освѣдомляться о человѣкѣ. Стало-быть имѣешь возможность лучше узнать человѣка.

Ваше сіятельство

Милостивый Государь! *).

Покуда прибѣгаю къ вамъ болѣе за совѣтомъ, чѣмъ съ просьбой. Скажите мнѣ откровенно, можно ли и прилично ли ввести Государя Наслѣдника въ мое положеніе. Признаюсь, никогда бы я не посмѣлъ просить о какомъ-либо вспомошествованіи, если бы не жило во мнѣ твердой увѣренности, что я заплачу долгъ мой. Обстоятельства мои таковы, что я долженъ буду просить позволенія и даже средствъ проводить три зимніе мѣсяца въ году въ Греціи или на островахъ Средиземнаго моря и три лѣтніе гдѣ-нибудь внутри Россіи. Это

*) Письмо это писано, вѣроятно, къ гр. А. Ѳ. Орлову (или къ министру внутреннихъ дѣлъ) и относится, безъ сомнѣнія, къ 1850 г. На это указываютъ какъ слова въ самомъ письмѣ: „суровость двухъ сѣверныхъ зимъ разстроила мое слабое здоровье“ (разумѣется, зимы 1848—1849 и 1849—1850 гг.), такъ и слѣдующее упоминаніе объ этомъ посланіи въ письмѣ къ А. О. Смирновой отъ 18 іюля 1850 г., напечатанномъ въ изданіи Кулиша (*Соч. и письма Гоголя*, VI, стр. 512) съ пропусками, восстановленными В. И. Шенрокомъ въ его *Указателѣ къ письмамъ Гоголя* (стр. 88—89). Тамъ читаемъ: „Я написалъ къ министру внутреннихъ дѣлъ. Если же Орлову, то пусть будетъ Орлову. Я выставилъ только сіятельству. Они всѣ трое (?) „сіятельство“. Въ этомъ письмѣ къ А. О. Смирновой Гоголь высказываетъ ту же основную мысль, что и въ письмѣ къ Орлову: „Дѣло въ томъ, что такъ какъ положеніе мое нѣсколько не обыкновенно и не похоже на положеніе другихъ людей, то и поступить я долженъ нѣсколько необыкновеннымъ образомъ“. Въ этомъ письмѣ Гоголь высказываетъ убѣжденіе, что ему необходимо, во-первыхъ, путешествіе на зиму въ Грецію или на острова Средиземнаго моря, а, во-вторыхъ, лѣтомъ—внутри Россіи. Мысль о поѣздкѣ въ Грецію здѣсь высказывается Гоголемъ въ первый разъ, по осени и зимой этого же года Гоголь ее часто повторяетъ въ письмахъ къ друзьямъ. Не получивъ желаемого, онъ долженъ былъ ограничиться зимовкой въ Одессѣ,

не прихоть, но существенная потребность моего слабого здоровья
и моих умственных работ. Я пробовал переломить свою
природу и, укрѣпившись пребываньемъ на Югѣ, пріѣхалъ было
въ Россію съ тѣмъ, чтобы здѣсь заняться и кончить свое дѣло,
но суровость двухъ сѣверныхъ зимъ разстроила снова здоровье.
Не столько жаль мнѣ здоровья, сколько того, что время про-
шло даромъ. А, между тѣмъ, предметъ труда моего не малова-
женъ. Въ остальныхъ частяхъ *Мертвыхъ Душъ*, надъ которыми
теперь сижу, выступаетъ Русской человѣкъ уже не мелочными
чертами своего характера, не пошлостями и странностями, но всей
глубиной своей природы и богатымъ разнообразіемъ внутреннѣхъ
силъ, въ немъ заключенныхъ. Если только поможетъ Богъ произве-
сти все такъ, какъ желаетъ душа моя, то можетъ - быть и я со-
служу службу землѣ своей не меньшую той, какую ей служить всѣ
магородные и честные люди на другихъ поприщахъ. Многое нами
забытое, пренебреженное, брошенное слѣдуетъ выставить ярко

куда его пригласилъ Стурдза и гдѣ онъ жилъ у Репниныхъ (о пребываніи Гоголя
въ Одессѣ см. въ составленномъ де-Рибасомъ сборникѣ: *Изъ прошлаго Одессы*. Од.,
1894 г. Здѣсь перепечатаны изъ *Музыкальнаго Сетта* 1876 г., № 29—32, и воспо-
минанія Толчкова и выдержка изъ брошюры *День памяти Пушкина*). Въ письмѣ къ
А. О. Смирновой отъ 20 августа 1850 г. Гоголь пишетъ: „Отъ Стурдзы получилъ
изъ Одессы весьма милое письмо съ дружескимъ званьемъ въ Одессу.
Еслибъ Одесса сдѣлалась хоть на этотъ годъ Коринфомъ или Байрутомъ, съ ка-
кимъ бы я радостью остался въ Россіи (*Соч. и письма Гоголя*, VI, стр. 513). Въ
слѣдующемъ письмѣ къ ней же (отъ 26 окт. 1850 г., *ibid.*, стр. 514) онъ говоритъ:
„Авось либо и Черное море хоть сколько-нибудь будетъ похоже на Средиземное“.
Въ письмѣ къ Плетневу отъ 2 дек. 1850 г. онъ снова замѣчаетъ: „Слабая натура
для такъ уже устроилась, что чувствуетъ живенность только тамъ, гдѣ тепло и
солнечное. Слѣдовало бы и теперь вѣхать хоть въ Грецію. За тѣмъ, признаюсь, и
пріѣхалъ въ Одессу“ (*Соч. и письма Гоголя*, VI, 517). О хѣтнемъ путешествіи по
Россіи онъ высказывалъ предположеніе еще въ 1849 г. (см. о его намѣреніи проѣз-
диться по сѣверовосточнымъ губерніямъ Россіи въ письмѣ къ А. М. Вѣльгорскому,
Вост. Евр. 1889 г., XI, стр. 147), а еще гораздо раньше онъ давалъ обѣщаніе
Лыкову пріѣхать пожать къ нему въ Симбирскъ (см. *Русск. Стар.* 1889, I, стр.
149). Особенно интересно выраженное Гоголемъ намѣреніе дать въ послѣднихъ томахъ
Мертвыхъ Душъ или въ другомъ сочиненіи такую книгу, которая дала бы яркую
картину Россіи, „такъ, чтобы вся земля отъ края до края со всей особенностью
своихъ мѣстностей, свойствами краешей и грунтовъ врѣзалась бы какъ живая въ
мозгъ даже несовершеннѣшняго отрока“. Гоголь всегда заботился о томъ, чтобы
любое описаніе мѣстности ярко врѣзывалось въ памяти; ср. мысли о преподаваніи
географіи и письма къ Жуковскому о Иерусалимѣ (IV, стр. 471—481). Гоголь обык-
новенно говорилъ, что онъ желалъ бы такъ описать мѣстность, чтобы каждый
„слыхавшій“, что онъ тамъ былъ. Ср. также письмо къ А. М. Вѣльгорскому отъ 8
июля 1849 г. (*Вост. Евр.* 1889 г., X, 146). Можно и въ отроческое время дать
человѣку идею, и т. д. (въ *Соч. и письмахъ Гоголя*, VI, стр. 436) въ письмѣ къ С.
П. Шевреву мысли о воспитаніи племянника, Н. И. Трушковаго.

въ живыхъ, говорящихъ примѣрахъ, способныхъ подѣйствовать сильно. О многомъ существенномъ и главномъ слѣдуетъ напомнить человѣку вообще и русскому въ особенности. Поэтому, мнѣ кажется, что я имѣю нѣкоторое право поберечь себя и позаботиться о своемъ самосохраненіи. Принужденный поневолю наблюдать за своимъ здоровьемъ, я уже замѣтилъ, что тотъ годъ для меня лучше, когда лѣто случалось провести на сѣверѣ, а зиму на югѣ. Лѣтнее путешествіе по Россіи мнѣ необходимо потому, что на многое слѣдуетъ взглянуть лично и собственными глазами. Зимнее пребываніе въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Россіи, на югѣ, тоже необходимо (не говоря уже о потребности для здоровья). Точно также какъ тому, кто бы хотѣлъ обозрѣть выстроенное въ равнинѣ войско, необходимо подняться на возвышеніе, откуда бы все видно было, какъ на ладони, точно также писателю, пріобывшему созерцать, бываеъ необходимо временное отдаленіе отъ предмета, который онъ видѣлъ вблизи, за тѣмъ, чтобы лучше объять его. У меня же это преимущественная особенность моего глаза. Присовѣтуйте, придумайте, какъ поступить мнѣ, чтобы получить безпошлинный паспортъ и нѣкоторыя средства для проѣзда. Состоянья у меня нѣтъ никакого; жалованья не получаю ни откуда; небольшой пансіонъ, пожалованный мнѣ великодушнымъ Государемъ на время пребыванія моего за границей для излѣченья, прекратился по моемъ возвращеніи въ Россію. Конечно, я бы могъ имѣть средства, еслибы рѣшился выдать въ свѣтъ мое сочиненіе въ не готовомъ и не оконченомъ видѣ. Но на это не рѣшусь никогда. Есть слава Богу совѣсть, которая не позволитъ мнѣ этого, даже и въ такомъ случаѣ, еслибы я очутился въ послѣдней крайности. Всякому человѣку слѣдуетъ выполнять на землѣ призванье свое добросовѣстно и честно. Чувствуя, по мѣрѣ прибавленья годовъ, что за всякое слово сказанное *здѣсь* дамъ отвѣтъ *тамъ*, я долженъ подвергать мои сочиненія несравненно большому соображенію и осмотрительности, чѣмъ сколько дѣлаетъ молодой, не испытанный жизнью, писатель. Прежде мнѣ было возможно скорѣе писать, обдумывать и выдавать въ свѣтъ, когда дѣло касалось только того, что достойно осмѣянья въ русскомъ человѣкѣ, только того, что въ немъ пошло, ничтожно и составляетъ временную болѣзнь и наросты на тѣлѣ, а не самое тѣло, но теперь, когда дѣло идетъ къ тому, чтобы выставить наружу все здоровое и крѣпкое въ нашей природѣ и выставить его такъ, чтобы увидали и сознались даже непризнающіе этого, а тѣ, которые пренебрегли развитіе великихъ силъ, данныхъ русскому,

стыдились бы, — съ такимъ дѣломъ нельзя торопиться. Такая работа не совершается скоро. Много нужно для этого созрѣть и уметь, душой и быть въ отдаленнѣи отъ всего возмущающаго высокое настроеніе духа, много нужно тайныхъ молитвъ, сокровенныхъ слезъ, — словомъ, много того, чего я не могу объяснить, то и объяснять мнѣ неприлично.

Мнѣ кажется, еслибы доставлена была мнѣ возможность въ продолженіе трехъ лѣтъ сдѣлать три лѣтнія поѣздки во внутренность Россіи и три зимнія пребыванія внѣ ея подъ благотвореннѣи елима томъ юга, всегда дѣйствовавшимъ освѣжительно на мою силу и творческую способность, — такое благодѣяніе не пропало бы даромъ: сверхъ мной упомянутаго большого сочиненія, я бы могъ написать тогда ту необходимую и нужную у насъ книгу, мысль о которой меня занимаетъ съ давнихъ временъ и за которую (дай только Богъ силу исполнить какъ хочется) многіе отцы семействъ скажутъ мнѣ спасибо. Намъ нужно живое, а не мертвое изображеніе Россіи, та существенная, говорящая ея географія, начертанная живымъ, живымъ слогомъ, которая поставила бы русскаго писателя къ Россіи еще въ то первоначальное время его жизни, когда онъ еще отдается во власть губернаторовъ-иностранцевъ, но когда еще его способности свѣжѣе чѣмъ когда-либо потомъ, а воображеніе чутко и удерживаетъ навѣки все, что ни поражаетъ его. Такую книгу (мнѣ всегда казалось) могъ составить только такой писатель, который умѣетъ схватывать вѣрно и выставлять сильно и вышукло черты и свойства *народа*, а всякую *мстность* со всѣми ея красками выставлять такъ живо, поставлять такъ ярко, чтобъ она навсегда осталась въ глазахъ, который, наконецъ, имѣлъ бы способность сосредоточивать сочиненіе въ одно слитное цѣлое такъ, чтобъ вся земля отъ края до края со всей особенностью своихъ особенностей, свойствами кряжей и грунтовъ вѣзалась бы какъ живая въ память даже несовершеннолѣтняго отрока и было бы ему очевидно даже и во младенчествѣ, какому углу Россіи что именно свойственно и прилично, и не пришло бы ему потомъ въ голову, придя въ зрѣлый возрастъ, заводить несвойственныя ей фабрики и мануфактуры, довѣрять иностраннымъ промышленникамъ, заботясь о временной собственной выгодѣ. И точно такимъ же образомъ, чтобъ ему еще во младенчествѣ видны были въ настоящемъ видѣ качества и свойства русскаго народа со всѣмъ разнообразіемъ особенностей, какими отличаются его вѣтви и племена. Чтобъ еще во младенчествѣ ему было видно, къ чему именно каждый изъ этихъ

племень способенъ вслѣдствіе орудій и силъ ему данныхъ, и обращалъ бы онъ вниманіе потомъ, когда приведетъ его Богъ въ зрѣлость возрастъ сдѣлаться государственнымъ человѣкомъ, на особенности каждаго изъ нихъ, уважалъ бы обычай, порожденные законами самой *мъстности*, и не требовалъ бы повсемѣстнаго выполнения того, что хорошо въ одномъ углѣ и дурно въ другомъ.

Книга эта составляла давно предметъ моихъ размышлений. Она зрѣеть вмѣстѣ съ нынѣшнимъ моимъ трудомъ и, можетъ быть, въ одно время съ нимъ будетъ готова. Въ успѣхъ ея я надѣюсь не столько на свои силы, сколько на любовь къ Россіи, слава Богу, безпрестанно во мнѣ увеличивающуюся, на споспѣшество всѣхъ истинно знающихъ ее людей, которымъ дорога ея будущая участь и воспитаніе собственныхъ дѣтей, а пуще всего на милость и помощь Божию, безъ которой ничто не совершится и начинаніе наискуснѣйшаго погибнетъ вначалѣ.

Если необыкновенность просьбы моей, уже зависящей отъ необыкновенности моихъ обстоятельствъ, затруднить васъ дать совѣтъ мнѣ, тогда поступите такъ, какъ можетъ быть и безъ меня научить васъ благородное сердце. Представьте это письмо, прямо какъ оно есть, на судъ Его Императорскаго Величества. Что угодно будетъ Богу внушить Его Монаршей волю, то вѣрно будетъ самое законное рѣшеніе. Во всякомъ случаѣ Великодушный Государь не прогнѣвается на своего вѣрнаго подданнаго, отъ всѣхъ силъ стремящагося принести пользу родной землѣ своей, столь драгоценной его монаршему отеческому многолюбящему сердцу.

Въ другомъ черновикѣ послѣ словъ: *скажутъ мнѣ спасибо* написано:

Всѣмъ намъ уже извѣстно, сколько бѣдствій и безпорядковъ въ Русской землѣ произошло отъ собственнаго нашего невѣдѣнія земли своей, ибо едва ли не главною причиною всѣхъ нестроений и внутреннихъ безпорядковъ есть невѣдѣніе русскими собственной земли своей, которое точно какъ бы именно съ умысломъ кладется въ основу нашего воспитанія въ тотъ именно возрастъ, который называется дѣтскимъ, но въ который живѣе воображеніе и все, что разъ взошло, остается навѣки.

Послужной списокъ Н. В. Гоголя.

КОПИЯ.	Званіе.	Какое получилъ содержаніе *).	Есть ли имяніе.	Когда въ службу вступилъ.
<p>Послужной списокъ о службѣ состоящаго по установленію въ 8 классѣ адъюнкта по кафедрѣ исторіи при Императорскомъ С. - Петербургскомъ университетѣ Николая Гоголя-Яновскаго. За 1834 годъ.</p> <p>Состоящій по установленію въ 8 классѣ Николай Васильевичъ Гоголь - Яновскій, адъюнктъ по кафедрѣ исторіи при Императорскомъ С. - Петербургскомъ университетѣ. 25 лѣтъ.</p>	<p>И в ъ д в о р н ы ъ .</p>		<p>80 душъ крестьянъ въ Полтавской губерніи, Миргородскаго уѣзда.</p>	<p>По окончаніи курса ученія въ лицей высшихъ наукъ князя Безбородко съ правомъ на чинъ 14 класса поступилъ на службу въ департаментъ удѣловъ въ 1830 апрѣля 10.</p> <p>Указомъ правительствующаго сената того же 3 іюля утвержденъ въ чинѣ коллежскаго регистратора со старшинствомъ со дня вступленія на службу.</p> <p>Помѣщенъ помощникомъ столоначальника въ томъ же департаментѣ удѣловъ 1830 іюля 10.</p> <p>По прошенію своему уволенъ изъ департамента удѣловъ 1831 марта 9.</p> <p>Съ Высочайшаго соизволенія Ея Императорскаго Величества опредѣленъ въ Патриотическій институтъ старшимъ учителемъ исторіи, состоя въ исполненіе указа 1 апрѣля 1831 года въ чинѣ титулярнаго совѣтника со дня вступленія въ нѣмѣшнюю должность 1831 марта 10.</p> <p>Въ награду отличныхъ трудовъ пожалованъ отъ Ея Императорскаго Величества брилліантовымъ перстнемъ 1834 марта 9.</p> <p>Опредѣленъ адъюнктомъ по кафедрѣ всеобщей исторіи при С. - Петербургскомъ университетѣ 1834 іюля 24.</p> <p>По случаю преобразованія С. - Петербургскаго университета отъ должности адъюнкта уволенъ 1835 дек. 31.</p> <p>Подлинный подписаль]</p> <p>Ректоръ университета</p> <p>Шульгинъ.</p>

*) На чертѣ жалованье не отмѣчено.

Черновая прошенія Н. В. Гоголя на Высочайшее имя.

Милостивый Государь *),

Съ полною довѣренностью къ ¹⁾ благородному сердцу ²⁾ къ Вамъ безъ всякихъ предисловіи. Ваше В. читали мои сочиненія, и нѣкоторыя изъ нихъ удостоились Вашего высокаго одобренія. ³⁾ Последняя книга ⁴⁾ ⁵⁾, на которую я употребилъ лучшія мои силы, это-
вышло въ свѣтъ... а)

Мертвая Душа. Но про нихъ написана только первая часть. Вторая же, гдѣ русскій человекъ ⁶⁾ выступаетъ не одними ⁷⁾ понятиями и ⁸⁾, но всей глубиной своей богатой природы, еще совсемъ силъ с)

не ⁹⁾ вполне окончена. Трудъ этотъ можетъ одинъ доставить мнѣ способъ существованія, ибо состоянія у меня нѣтъ никакого. Не большой пансіонъ, пожалованный мнѣ великодушнымъ Государемъ на изгнание мое за границей, прекратился по моему возвращенію въ Россію. Окончить вторую часть *Мертв. Душъ* я долженъ умудряться для того, чтобы было чѣмъ ¹⁰⁾ ¹¹⁾ жить ¹²⁾. Но здоровье мое такъ слабо, что я не (надъ строкою карандашомъ (Г): потому что у меня весь доходъ изъ трудовъ моихъ собств. Я ни откуда не получаю жалованья, ни дохода, какъ-нибудь мнѣ не хочется кончить, да и не въ моей власти дѣло свое лучше сдѣлать) могу выносить холоднаго климата ¹³⁾ и въ продолженіе зимы работать не могу вовсе. Чтобы поправить нѣсколько мое ¹⁴⁾ здоровье, мнѣ ¹⁵⁾ необходимо проводить ¹⁷⁾ ежегодно три мѣсяца ¹⁶⁾ въ Греціи, на островахъ Средиз. моря или гдѣ-нибудь на Востокѣ, вблизи Россіи (наверху карандашомъ: все равно (одно слово не разоб.) мнѣ необходимо.. (два слова не разоб.) ¹⁸⁾). Еслибы доставлена мнѣ была (зач. кар. наверху кар.: и в то же вр.) возможность въ продолженіи (сбоку кар.: этихъ) трехъ лѣтъ сдѣлать три лѣтнія поѣздки во внутренности Россіи и три зимнія на Югъ или на (наверху кар.: необходимы (зач. черкн.) для моего сочиненія прямо относящагося къ Россіи ¹⁹⁾ ... Востокъ. Такое благодѣяніе не прошло бы для меня даромъ.

*) Поправки карандашомъ, сдѣланныя рукою Гоголя, обозначаю ихъ—Г.

1) 2) 3) 4) 5) 6) зачеркнуто.

а) Г.—2 слова не разобрано. б) Г. с) Г.

7) 8) 9) 10) 11) зачеркнуто.

12) Сбоку другою рукою: на это надобно упирать.

13) 14) 15) 16) зачеркнуто.

17) Зачеркнута карандашомъ вся фраза. Наверху карандашомъ: Еслибы три (одно слово не разоб.) зимнихъ мѣсяца доставл...

18) Зачеркнуто.

19) Два слова не разобр., зачеркнуто Гоголемъ.

Милостивый Государь! Осмѣливаюсь просить В. И. В. исходатайствовать мнѣ у Государя Императора нѣкоторое денежное пособие, хотя заморозно (зач.), на три или четыре года до совершеннаго и добросовѣстнаго окончанія второй части *Мертвыхъ Душъ*, верху карандашомъ: сочиненіе, которое, если Богъ милостивъ, которое мнѣ говоритъ мое сердце, будетъ достойно вниманія (зач. одно слово), потому что желанье принести истинную пользу... (3 слова въ разоб.) въ груди... (2 слова не разоб.).

Вашего Импер. Высочества Милостиваго Государя моего
вѣрный и всепокорный слуга

Н. Г. *).

№ 19.

Копія (рукою Ш-ва).

Я долго колебался и размышлялъ, имѣю ли право осмѣлиться воззвать къ Государю Наслѣдника просьбою. Наконецъ подумалъ такъ. Я занимаюсь сочиненіемъ, которое касается близкой сердцу Россіи. Если сочиненіе мое пробудитъ въ русскихъ любовь ко всему тому, что составляетъ ея святыню и съ тѣмъ вмѣстѣ поселитъ въ немъ охоту къ занятіямъ и трудамъ болѣе прочихъ свойственныхъ нашей землѣ, то это съ моей стороны есть уже тоже нѣкоторый родъ службы полезной отечеству. Сочиненіе мое *Мертвыхъ Душъ* долженствуетъ обнять природу русскаго человѣка во всѣхъ ея силахъ. Изъ этого сочиненія вышла въ свѣтъ одна только часть, содержащая въ себѣ осмѣяніе всего того, что несвойственно нашей великой природѣ, что ее унизило; вторая же часть, гдѣ русскій человѣкъ является уже не пошлою своею стороною, но всей глубиной своей природы, со всѣмъ величіемъ своего характера, не могла быть такъ скоро оконченной. Много нужно было обдумать и созрѣть самому. Теперь часть дѣла уже сдѣлана. Но я усталъ, утомился, и здоровье мое, которымъ было запаса въ Италіи, вновь ослабло, и что всего хуже, суровость климата отнимаетъ у моей головы способность работать въ зимнее время; двѣ зимы пропали здѣсь даромъ. Чувствую, что для оживленія труда моего и окончанія нужно большее сближеніе съ Россіей и временное отдаленіе отъ нея.

Еслибы въ продолженіе трехъ лѣтъ была у меня возможность совершать въ лѣтніе мѣсяцы путешествіе по Россіи, а на три зимніе мѣсяца удалиться не вдали отъ нея или на острова Греціи, или гдѣ нибудь на Востоку затѣмъ, чтобы поработать въ тишинѣ, со-

Послѣднее написано тою же рукою, что и прошеніе.

чиненіе мое было бы кончено не къ безславыю Русской земли. Ибнѣтъ у меня другой мысли: этимъ живу, этимъ дышу, молюсь Богу только объ этомъ. Но какъ добыть на это средства? Доходовъ и жалованья я не получаю ни откуда. Пансіонъ, пожалованный мнѣ Великодушнымъ Государемъ во время пребыванія моего въ Италиі для излѣченія, прекратился съ возвратомъ моимъ въ Россію. Три года я здѣсь перебивался кое-какъ въ надеждѣ, что когда окончу сочиненіе, тогда сбытъ его вознаградитъ меня достаточно. Но жестокія двѣ зимы отняли у головы моей производительность, а у воображенія крылья. Если я не имѣю права просить о вспоможеніи денежномъ, то мнѣ кажется, я могу просить объ оказаніи покровительства, о безошлинномъ паспортѣ, давшемъ бы мнѣ право прожить три зимы въ теплыхъ мѣстахъ, и казенной подорожной, обезопасившей бы на три года мое путешествіе по Россіи.

Письмо В. Ө. Адлерберга Гоголю.

Милостивый Государь

Николай Ивановичъ (sic!)

Государь Императоръ изволилъ прочитатъ съ особеннымъ благоволеніемъ всеподданнѣйшее письмо ваше о выдачѣ вамъ паспорта для путешествія къ святымъ мѣстамъ. Его Величество Высочайше повелѣтъ мнѣ соизволилъ: увѣдомитъ васъ, милостивый государь, что таковыхъ чрезвычайныхъ паспортовъ, каковаго вы просите, у насъ никогда и никому не выдавалось, но что искренно желая содѣйствовать вамъ въ благомъ вашемъ намѣреніи, Государь Императоръ приказалъ министру иностранныхъ дѣлъ снабдить васъ безошлиннымъ паспортомъ на полтора года, для свободнаго путешествія къ святымъ мѣстамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщить посольству нашему въ Константинополь и всѣмъ консуламъ нашимъ въ турецкихъ владѣніяхъ, Египтѣ, Малой Азіи, что Государю Императору угодно, дабы вамъ было оказываемо съ ихъ стороны всевозможное покровительство и попеченіе и независимо отъ сихъ сообщеній означеннымъ лицамъ доставить вамъ рекомендательныя къ нимъ же письма отъ него, графа Нессельроде.

О таковой Высочайшей волѣ увѣдомляя васъ, милостивый государь, считаю долгомъ присовокупить, что вмѣстѣ съ симъ объ оной мною сообщено министру иностранныхъ дѣлъ, для надлежащаго съ его стороны исполненія.

Примите, милостивый государь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

9 генваря 1847 г. № 12.

В. Адлербергъ.

№ 229.

Письмо гр. Карла Васильевича Нессельроде къ М. М. Устинову.

С.-Петербургъ, 20 января 1847 г.

Милостивый Государь
Михаилъ Михайловичъ!

Въ отношеніи отъ сего числа № 228 (посылаемомъ къ вамъ прямо въ Константинополь) я сообщаю вамъ Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы со стороны миссіи и консульствъ нашихъ въ Турціи оказываемо было всевозможное покровительство и попеченіе извѣстному литератору Гоголю, предпринимающему путешествіе ко святымъ мѣстамъ.

Независимо отъ означеннаго отношенія и въ отношеніе Высочайшей же воли, я считаю долгомъ снабдить г. Гоголя настоящимъ рекомендательнымъ письмомъ къ вашему превосходительству и просить васъ оказать благосклонный пріемъ и особенное ваше покровительство сему литератору, на коего Государю Императору благоугодно было обратить всемилостивѣйшее вниманіе.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Nesselrode.

№ 231.

Письмо Льва Григорьевича Сенявина Александру Максимовичу Фону.

С.-Петербургъ, 20 января 1847 г.

Милостивый Государь
Александръ Максимовичъ!

Г. генералъ адъютантъ Адлербергъ увѣдомилъ господина государственнаго канцлера, что извѣстный литераторъ Николай Гоголь, уволенный отъ службы съ чиномъ 8 класса, прислалъ къ Государю Императору изъ Неаполя всеподданнѣйшее письмо, въ коемъ просить о выдачѣ ему паспорта для путешествія къ святымъ мѣстамъ, и что его Величество Высочайше соизволилъ: снабдить г. Гоголя безошпиннымъ заграничнымъ паспортомъ на полтора года и сообщить миссіи и консульствамъ нашимъ въ Турціи, что его Величеству благоугодно, чтобы со стороны ихъ было оказываемо г. Гоголю всевозможное покровительство и попеченіе.

Во исполненіе таковаго Высочайшаго повеленія господинъ канцлеръ поручилъ г. дѣйствительному статскому совѣтнику Устинову дать надлежащія предписанія консульствамъ нашимъ въ Турціи. Независимо отъ сего и вслѣдствіе Высочайшей же воли, я покор-

нѣйше прошу васъ, во время пребыванія въ Египтъ г. Гоголя (который лично вручить вамъ сіе письмо) оказать ему благосклонный приемъ и всякое съ вашей стороны содѣйствіе.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Левъ Селявинъ.

Духовное завѣщаніе Н. В. Гоголя.

Друзьямъ моимъ *).

Благодарю васъ много, друзья мои. Вами украсилась много жизнь моя. Считаю долгомъ сказать вамъ теперь напутственное слово. Не смущайтесь никакими событіями, какія ни случаются вокругъ васъ. Дѣлайте каждый свое дѣло, молясь въ тишинѣ. Общество тогда только поправится, когда всякій частный человѣкъ займется собою и будетъ жить какъ христіанинъ, служа Богу тѣми орудіями, какія ему даны, и стараясь имѣть доброе вліяніе на небольшой кругъ людей, его окружающихъ. Все придетъ тогда въ порядокъ, сами собою установятся тогда правильныя отношенія между людьми, опредѣлятся предѣлы законныя всему. И человѣчество двинется впередъ...

Будьте не мертвыя, а живыя души. Нѣтъ другой двери, кромѣ указанной Иисусомъ Христомъ, и всякъ прелезай иначе есть тать и разбойникъ.

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Отдаю все имущество, какое есть, матери и сестрамъ. Совѣтую имъ жить въ любви совокупно въ деревнѣ, и помня, что отдавъ себя крестьянамъ и всѣмъ людямъ, помнитъ изреченіе Спасителя: Паси овцы моя! Господь да внушитъ все, что должны онѣ сдѣлать. Служившихъ мнѣ людей награждать. Якими отпустить на волю. Семена также, если онъ прослужитъ лѣтъ десять Графу.

Мнѣ бы хотѣлось, чтобы деревня наша по смерти моей сдѣлалась пристанищемъ всѣхъ не вышедшихъ замужъ дѣвицъ, которыя бы отдали себя на воспитаніе сиротамъ, дочерей бѣдныхъ немущихъ родителей. Воспитаніе самое простое: Законъ Божій да непрерывное упражненіе въ трудѣ на воздухѣ около сада или окол.....

*) Въ изд. Кулиша пропущена VI гл. завѣщанія, — сказано — дѣла семейственныя.

Совѣтъ сестрамъ.

Во имя Отца и Сына... Я бы хотѣлъ, чтобы по смерти выстро-
енъ былъ храмъ, въ которомъ бы производились частыя поминки
по грѣшной душѣ. Для того кладу въ основаніе половину моихъ до-
ходовъ съ сочиненій. Если сестры не выйдутъ замужъ, домъ свой
да превратятъ сестры въ обитель, выстроивъ посреди двора и от-
крывши у себя пріютъ бѣднымъ, живущимъ безъ мѣста дѣвцамъ.
Жизнь должна быть самая простая: довольствоваться тѣмъ, что про-
изводитъ деревня, и ничего не покупать. Современемъ обитель мо-
жетъ превратиться въ монастырь, если потомъ на старости дней
сестры возымѣютъ желаніе принять иноческій чинъ. Одна изъ нихъ
можетъ быть игуменьей. Я бы хотѣлъ, чтобы тѣло мое было по-
гребено если не въ церкви, то оградѣ церковной, и чтобы панни-
хиды по мнѣ не прекращались.

Itinerarium Гоголя.

(Itinerarium составленъ С. П. Шевыревымъ на основаніи отмі-
токъ въ паспортахъ Гоголя).

Паспортъ изъ Москвы 1842 (выстав-	Зальцбургъ.
лено 22 безъ означенія мѣсяца).	Мюнхенъ 23 мая.
9 іюня 1842 въ (сбоку Таурагена).	Штутгардъ 6 іюня.
20 іюня Берлинъ.	Франція.
17 (29) іюня Дрезденъ.	Изъ Франціи 19 Nov. 1843.
30 іюня Прага.	Ницца 19 ноября—зима.
1 авг. Гастейнъ.	1844. 4 (16) марта изъ Ниццы во
3 авг. Зальцбургъ.	Франкфуртъ-на-Майнѣ черезъ Фран-
28 сент. Мюнхенъ.	цію.
2 окт. Венеція (зачерк. Флоренція),	Страсбургъ 25 марта.
Болонья.	Брюссель, Ахенъ.
30 окт. Флоренція.	Франкф.-на-М. — 1844 — 1845. 29
Зима 1842—1843 въ Римѣ.	дек. 10 янв.
19 апр. (1 мая) 1843 выѣхалъ во	1845. 15 янв. Парижъ.
Флоренцію.	3 марта во Франкф.-на-М.
5 мая во Флоренціи.	1845. 29 іюня (11 іюля) Берлинъ.
Болонья.	съ 11 въ Карльсбадъ.
Модена 8 мая 1843.	8 авг. изъ Карльсбада въ Грейфеа-
Мантуа.	бергъ черезъ Прагу.
Везюна 9 м. 1843.	Берлинъ 22 окт.
Гринтъ.	Гастейнъ.
Рочерето.	Прага.
Пираруа.	Зальцбургъ.

- Венеція октябрь.
 Черезъ Болонью, Флор. въ Римъ.
 1845—46. зима въ Римѣ.
 1846. 20 апр. (2 мая) во Флорен-
 ции и Генуѣ.
 9 мая во Флоренціи.
 14 мая въ Генуѣ.
 16 мая Ницца.
 Черезъ Францію во Франкф.-на-М.
 Дрезденъ, Франкф., Карльсбадъ.
 Генуа 4 ноября.
 Флоренц. 7 ноября въ Римъ.
 1846—47. въ Неаполѣ зима.
 1847. 18 (30) апр. изъ Неап. въ Римъ.
- 1 (13) мая въ Римъ черезъ Фло-
 ренцію, Генуя, Ниццу.
 22 мая Pont du Vai (?).
 2-й паспортъ января 15 1847:
 Находящійся въ Неаполѣ чиновникъ
 8 класса Николай Гоголь отпра-
 вляется въ путешествіе по святымъ
 мѣстамъ, срокомъ на полтора года.
 Марсель, Ницца—октябрь 1847.
 Генуа, Флор., Римъ, Неаполь.
 1848. Мессина, Мальта 14 (26) ян-
 варя.
 Константинополь 13 апрѣля.
 Одесса 30 апрѣля.

Списокъ бумагъ, оставшихся послѣ покойнаго Гоголя.

1. Объясненіе на литургію.
 2. Черновыя тетради 2-го тома *Мертвыхъ Душъ*: 1-я глава отъ 1-й до 35 страницы, 2-я глава отъ 37 до 48-й страницы, 3-я глава отъ 47 страницы по 75-ю, 4-я глава отъ 77 по 99-ю. Еще глава не обозначенная номеромъ. Еще эскизъ, долженъ быть, изъ 1-го тома *Мертвыхъ Душъ*.
 3. Выбранныя мѣста изъ *Переписки съ друзьями*, рукопись съ помарками цензора, и многія новыя прибавленія къ нимъ.
 4. Предувѣдомленіе къ *Ревизору* и *Развязка Ревизора* съ нѣкоторыми замѣчаниями автора.
 5. Учебная книга *Словесности для русскаго юношества*. Начертаніе Н. Гоголя (планъ для большого труда).
- Всѣ эти сочиненія могутъ и должны быть напечатаны.

Содержаніе прочихъ бумагъ.

6. Письма къ матери и роднымъ, завѣщанія покойнаго и помянники.
7. Отдѣльныя мысли, молитвы, отрывки и письма покойнаго.
8. Семь переплетенныхъ книжекъ съ карманными замѣтками и выписками.
9. Выписки изъ книгъ церковныхъ и изъ твореній отцовъ церкви, сдѣланныя рукою покойнаго.
10. Выписки его же изъ сочиненій Ломоносова и Державина.
11. Собранія русскихъ и малороссійскихъ пѣсенъ.
12. Выписки стиховъ и прозы.
13. Выписки изъ путешествія по Россіи.

14. Занятія языками: греческимъ, латинскимъ, итальянскимъ и англійскимъ.

15. Занятія сельскимъ хозяйствомъ и ботаникою.

16. Въ объясненію Божественной литургіи. Греческій и латинскій текстъ и Божественная литургія изъ чиноположеній апостольскихъ.

17. Словарь русскихъ простонародныхъ словъ.

18. Занятія русскою и польскою исторіей, географіей и русскими древностями.

19. Любопытные документы, относящіеся къ странствію покойнаго въ Іерусалимъ, изъ которыхъ видно личное покровительство, оказанное ему Государемъ Императоромъ.

20. Рисунки къ *Ревизору*, одобренные покойнымъ для изданія. Они могутъ быть приложены къ новому изданію его сочиненій.

21. Разные рисунки, сохранившіеся въ бумагахъ покойнаго.

22. Статьи нечтанныя и письменныя о перепискѣ и *Мертвыхъ Душахъ*.

23. Дипломъ на званіе почетнаго члена Императорскаго Московскаго университета, аттестатъ, паспортъ и подорожныя.

24. Занятія каллиграфіей.

25. Лоскутки чего-то разорваннаго, писаннаго рукою покойнаго.

Изъ всѣхъ этихъ бумагъ могутъ быть извлечены многіе отрывки для изданія.

Письма семейныя и отъ частныхъ лицъ къ Н. В.

Письма Жуковскаго и Погодина.

Записки руки А. С. Пушкина.

Письма живописца А. Иванова.

- » Плетнева и Ишимовой.
- » А. О. Смирновой.
- » Н. Н. Шереметьевой.
- » семейства Аксаковыхъ.
- » Самарина.
- » Прокоповича.
- » Чигрова.
- » Шевырева.
- » отъ лицъ духовныхъ.
- » отъ разныхъ лицъ.

Письма составляютъ необходимый матеріалъ для біографіи Н. В. Гоголя. Чтобы приступить къ изданію того, что оставилъ послѣ себя покойный, я долженъ также получить отъ его наследника въ довѣренность на полное распоряженіе оставшимися его бу-

магами. Та же сумма, которая будет выручена скоро по изданіи 4-хъ томовъ его сочиненій, можетъ послужить къ изданію того, что осталось *)).

На отдѣльномъ листочкѣ № 4.

Подъ этимъ заглавіемъ тутъ находится предувѣдомленіе къ *Ревизору* и развязка его.

Текстъ къ *Мертвымъ Душамъ*, заключающій эскизъ изъ 1-го тома, вложенъ въ черновыя тетради *Мертвыхъ Душъ*.

Въ Московскій цензурный комитетъ отъ статскаго совѣтника о. профессора и кавалера Степана Шевырева **)

прошеніе.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1854 года ***) угодно было Московскому цензурному комитету разрѣшить печатаніе четырехъ томовъ сочиненія Гоголя, еще при жизни автора. Вслѣдствіе сего разрѣшенія, печатаніе сочиненій началось въ типографіи Университетской, Готье и Семена, но, по смерти автора, въ 1852 г. было прервано, по предписанію начальства.

Между тѣмъ, получивъ отъ наслѣдниковъ покойнаго довѣренность на (зачерк.) окончаніе предпринятаго изданія, я имѣлъ честь представить оную въ Московскій цензурный комитетъ (зачерк.) листы уже напечатанные вмѣстѣ съ оригинальнымъ текстомъ и просилъ покорнѣйше дозволить окончаніе дѣла, отъ котораго зависитъ (зачерк.) много благосостояніе семейства. Теперь (зачерк.) приближается трехлѣтній срокъ, которымъ извѣстное комитету узаконеніе обезпечиваетъ издержки, понесенныя издателемъ четырехтомнаго сочиненія. Имѣя обязанностью наблюдать выгоды наслѣдниковъ, я, до истеченія срока, обращаюсь вновь въ Московскій цензурный комитетъ съ покорнѣйшею просьбой или разрѣшить теперь окончаніе изданія, или принять на себя, въ силу упомянутого узаконенія, всѣ издержки онаго за бумагу и печатаніе.

Не излишнимъ считаю къ моей покорнѣйшей просьбѣ присовокупить слѣдующее: Въ сочиненіяхъ Гоголя нуждаются и образованные читатели и преподаватели словесности. Цѣна ихъ, по свидѣтельству книгопродавцевъ, дошла до 50 руб. сер. Если комитету угодно будетъ дозволить изданіе съ выпусками, то это послужитъ только къ злоупотребленію въ присканіи по прежнимъ изданіямъ

*) Писано рукою Шевырева, ср. письмо Аксакова, *Русск. Арх.* 1878 года, т. II, стр. 53.

**) Черновая рукою Ш—ва.

***) Зачерк. 4 и перомъ переправлено на 1.

выпущеннаго мѣста, которое придасть имъ такое толкованіе, какого прежде они не имѣли. Нравственное направленіе сочиненій Гоголя не можетъ быть подвержено сомнѣнію, когда при нихъ будутъ изданы пятымъ томомъ выбранныя мѣста изъ его переписки съ друзьями, а потому прошу покорнѣйше у М. Ц. Ком. позволенія (наверху соединить) къ 4-мъ (зачеркн.) томамъ еще 5-й томъ переписки. Осмѣливаюсь въ заключеніе обратить вниманіе комитета на состояніе семейства покойнаго (зачеркн.). Наслѣдники его до сихъ поръ лишаются законнаго своего достоинства и семейству (зач.

) не пользуется никакимъ (sic) плодомъ (sic) (зачеркн.) трудовъ писателя, который принесъ столько пользы и славы нашему отечеству.

*) Въ 1851 году разрѣшено было московскою цензурою (напис. было цензурнымъ комитетомъ) печатаніе сочиненія Н. В. Гоголя въ 4-хъ томахъ, и начато оное печатаніе еще при жизни покойнаго въ трехъ московскихъ типографіяхъ; по смерти же автора по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ приказано было печатаніе (зачеркн. оное) остановить.

Получивъ отъ наслѣдниковъ покойнаго Н. В. Гоголя прилагаемую при семъ довѣренность на изданіе его сочиненій, я прошу покорнѣйше Моск. ценз. комитетъ разрѣшить окончаніе печатанія (наверху: и **)... въ свѣтъ) четырехъ томовъ, на что уже былъ истраченъ и еще имѣетъ быть истраченъ значительный для наслѣдниковъ капиталъ, и равно рассмотреть и разрѣшить изданіе прилагаемой рукописи, найденной въ бумагахъ покойнаго: *Авторская исповѣдь*.

Статскій совѣтникъ и о. проф. (зачеркн.). *Степ. Шев.*

Два черновыя прошенія матери Гоголя къ Государю ***).

(Рукою Шевырева).

Ваше Императорское Величество,
Всемилоостивѣйшій Государь.

Мать Гоголя, имѣвшая счастье при жизни трудами своими заслужить благодѣянія Вашего Императорскаго Величества, повергается передъ Вами съ своею всеподданнѣйшею просьбой. Изъ личныхъ признаній сына моего мнѣ извѣстно, что безъ соизволенія Вашего, Всемилоостивѣйшій Государь, никогда не была бы сыграна и

*) Другая черновомъ рукою Ш—ва.

**) Неразобр.

***) Наверху другою рукою, но несомнѣнно какою-то властною, судя по росчерку, карандашомъ написано: прекрасно, и ничего ни прибавлять, ни убавлять не нужно, приказать переписать.

напечатана его комедія: *Ревизоръ*, что, страдая болѣзнію за границей, сынъ мой жилъ пенсіей отъ Вашей щедроты Монаршей, что подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Вашихъ онъ совершилъ странствіе на Гробъ Господень. Благодаренія Ваши сыну моему при жизни его внушаютъ мнѣ надежду, что голосъ матери того, кто былъ облагодѣтельствованъ Вашею Царскою милостію, дойдетъ до великодушнаго вниманія Вашего Императорскаго Величества.

По смерти сына моего, въ бумагахъ его найдены неизданныя сочиненія, изъ которыхъ особенно замѣчательны: *Авторская исповѣдь*, *Размышленія о божественной литургіи* и пять главъ второго тома *Мертвыхъ Душъ*. По мнѣнію, не моему, которое могло бы быть пристрастно, но людей, заслуживающихъ довѣріе, въ этихъ сочиненіяхъ обнаружены такіа нравственныя истины, которыя бросаютъ новый свѣтъ на всѣ прежнія сочиненія моего сына, выставляютъ образъ его мыслей, подвергавшійся разнымъ толкованіямъ, въ настоящемъ видѣ. Изданіе ихъ вмѣстѣ съ прежними трудами сына моего, какъ увѣряютъ меня, могло бы принести нѣкоторую пользу русской словесности, въ отношеніи къ нравственному направленію его произведеній. Память сына моего мнѣ дорога, — сильно во мнѣ желаніе, чтобы онъ Божьимъ даромъ ему даннымъ, тѣмъ словомъ своимъ, которымъ онъ имѣлъ счастье при жизни заслужить милостивое вниманіе Вашего Императорскаго Величества, и по смерти своей могъ быть полезенъ своему отечеству. А мнѣ извѣстно, что по мѣрѣ того, какъ созрѣвалъ онъ душою и лѣтами, эта польза становилась единственнымъ предметомъ его молитвъ и непрерывныхъ занятій всей его жизни *). Какъ мать семейства, не могу также скрыть отъ Вашего Императорскаго Величества, что труды сына моего составляютъ почти единственный значительный капиталъ дѣтей моихъ и внуковъ.

Безъ воли Вашей, Всемилостивѣйшій Государь, изданіе всѣхъ сочиненій сына моего совершенно быть не можетъ. Съ чувствомъ благоговѣйной благодарности за благодаренія Ваши къ сыну моему при жизни его, съ чувствомъ надежды, что Вы, Великодушный Монархъ, не откажете въ благоволеніи Вашемъ и памяти его, повергаю сію всенижайшую просьбу мою къ стопамъ Вашихъ.

Вашего Императорскаго Величества
Всемилостивѣйшаго Государя моего
вѣрноподданная

Марія Гоголь.

Мая—дня
1853 г.
Полтава.

*) Это все—до внуковъ зачерк. карандашомъ.—2-я черновая—копія первой.

Вписка о печатаніи сочиненій покойнаго Н. В. Гоголя о суммѣ денегъ, имъ на то оставленной.

При жизни покойнаго Н. В. Гоголя имъ самимъ, съ дозволенія Московской цензуры, начато печатаніе 4-хъ томовъ его сочиненій, въ трехъ типографіяхъ, первыхъ двухъ томовъ въ Университетской, 3-го въ типографіи Готье, 4-го въ типографіи Семена.

Въ Университетской напечатано 19 листовъ, остается еще примерно $16\frac{1}{2}$ листовъ.

У Готье отпечатано 16, остается 2 листа.

У Семена отпечатано 6, остается 17.

Смѣта издержки.

Въ Университетской отпечатаніе $35\frac{1}{2}$ листовъ по 10 р. 20 к. идетъ стоитъ 362 р. 10 к.

У Семена и Готье отпечатаніе 41 листа по 11 р. с.—451 р.

Итого за напечатаніе—предположительно 813 р. 10 к. сер.

Бумаги нужно до 400 стопъ, по 128 р. асс.—4,800 р. асс.

За переплеть 9,600 экз., полагая по 3 к. сер.—288 р.

За бумагу для обертки 20 стопъ, по 10 р.—200 р.

2,772 р. 53

За напечатаніе обертки и проч. изд. 28

Итого до 2,800 р. сер.

Предполагаемый доходъ.

Печатается 2,400 экз.

Изъ нихъ въ казну и разнымъ лицамъ 20 экз.

2,380

Первые продавались по 25 р. асс. Эти напечатаны съ большею если пустить по 7 р. сер.

2,380

7

16,660 р. сер.

по 20 проц. книгопродавцамъ скинуть, остается

13,328

2,800 издержки

10,528 чистый доходъ.

Сумма на издержку.

Послѣ покойнаго Н. В. Гоголя осталось въ моихъ рукахъ отъ него благотворительной суммы, которую онъ употреблялъ на вспоможеніе бѣднымъ молодымъ людямъ, занимающимся наукою и искусствомъ, 2,533 р. 87 к. сер.

Его карманныхъ денегъ—остатокъ отъ вырученныхъ за второе изданіе *Мертвыхъ Душъ* 170 р.

Итого. 2,703 р.

Деньги отъ его благотворительной суммы назначилъ онъ употребить теперь на напечатаніе его сочиненій, съ тѣмъ, чтобы выручекъ издержекъ она слѣдовала опять своему назначенію.

Изъ нихъ истрачено: въ Университетскую типографію отъ задатку—50 р.

Лазунову *) за 275 стопъ бумаги по	128 р. асс
(3 р. 42 ⁶ / ₇ коп. сер.) за удержаніемъ.	400 р. асс
въ залогъ—отдано	828 р. 57
За корректуру 3-го тома коррект. Лихонину	10 р. 30
	888 р. 87

въ билетъ сохранной казны у меня хранится	1,645 р.
серіями и ассигнаціями	170 р. 10
	Итого. 2,703 р. 97

Итого. 2,703 р. 97

Въ какомъ состояніи находится дѣло? По смерти Николая Васильевича я получилъ приказаніе остановить изданіе его сочиненій впредь до разрѣшенія начальства. Лица, принимающія живое участіе въ судьбѣ семейства покойнаго, заботятся о томъ, чтобы улучшить на то Высочайшее разрѣшеніе. Необходимо также для исполненія дѣла, чтобы родные Николая Васильевича, имѣющіе право на наслѣдство его имѣніемъ и слѣдовательно по закону пользующіеся 25 лѣтнимъ правомъ печатанія его сочиненій въ свою пользу, прислали мнѣ полномочную довѣренность на то, чтобы распоряжаться изданіемъ его сочиненій по моему благоусмотрѣнію и доброй волѣ и отсылать имъ только отчетъ и доходъ. Какъ трудился я въ этомъ отношеніи для покойнаго при жизни его, такъ и откажусь потрудиться и для семейства его. Въ теченіе 25 лѣтъ печатаніе его сочиненій уже изданныхъ и еще неизданныхъ можетъ составить весьма значительный капиталъ. Теперь ни сочиненій его, ни *Мертвыхъ Душъ* уже нѣтъ въ продажѣ; уцѣлѣвшіе въ книжныхъ лавкахъ экземпляры продаются по цѣнѣ немалой. Родные покойника могутъ быть увѣрены, что ихъ интересъ также для меня дороги, какъ интересы покойнаго, котораго дружба и память всегда останутся священной моему сердцу.

NB. Довѣренность должна быть написана на имя статскаго совѣтника и кавалера Степана Петровича Шевырева.

*) Звѣреть зачер. и нѣсколько неразобранныхъ словъ на верху.

Отпускъ.

Письмо в. ин. Константина Николаевича гр. А. Ѳ. Орлову.

№ 749

28 мая 1853 года. Стрѣльна.

Графъ Алексѣй Ѳеодоровичъ.

Въ продолженіе прошлой зимы я имѣлъ случай прочесть нѣкоторыя не напечатанныя сочиненія покойнаго Гоголя, найденныя послѣ его смерти, какъ-то: *Размышленія о Литургіи, Исповѣдь Мора* и пр. Сочиненія эти отличаются прекраснымъ религіознымъ направлениемъ и въ нихъ выражается теплая любовь автора къ Россіи и преданность къ престолу.

Нынѣ мать его доставила мнѣ просьбу на Высочайшее имя о разрѣшеніи напечатать новое изданіе всѣхъ прежнихъ сочиненій его съ присовокупленіемъ найденныхъ послѣ него рукописей. Приглашая подобное изданіе весьма полезнымъ, я имѣлъ въ виду, что сочиненія Гоголя, не всегда правильно понимаемыя, возбуждали разные споры въ литературѣ и что посему едва ли удобно переносить оныя на разсмотрѣніе обыкновенной цензуры и что на изданіе нѣкоторыхъ изъ нихъ состоялось и въ прежнее время особыя Высочайшія повелѣнія, я рѣшаюсь препроводить помянутую просьбу къ вашему сіятельству и ходатайствовать повергнуть оную воззрѣнію Государя Императора на случай, не соизволитъ ли Его Императорское Величество поручить статсъ-секретарю барону Корфу пересмотрѣть всѣ сочиненія Гоголя для разрѣшенія напечатать оныя. Я увѣренъ, что баронъ Модестъ Андреевичъ съ удовольствіемъ и вполне отчетливо исполнитъ подобное порученіе. Сочиненія Гоголя уже почти нѣтъ въ продажѣ и потому новое изданіе весьма желательно, тѣмъ болѣе, что оно послужило бы средствомъ къ поддержанію семейства его, находящагося въ крайней бѣдности.

Пребываю къ вамъ навсегда искренно-доброжелательнымъ.

Подписаль: *Константинъ.*Вѣрно: *Д. С. С.*

Письмо гр. А. Ѳ. Орлова и Г. Л. Дубельта В. Ин. Константину Николаевичу.

Копія.

Представляя на Высочайшее воззрѣніе, во исполненіе отношенія Вашего Императорскаго Высочества отъ 28-го минувшаго мая, препровожденную ко мнѣ при ономъ, просьбу матери покойнаго *Гоголя*

о разрѣшеніи новаго изданія всѣхъ прежнихъ его сочиненій, со включеніемъ тѣхъ, которыя найдены были въ рукописяхъ по его смерти, я всеподданнѣйше испрашивалъ соизволенія Его Императорскаго Величества рассмотреть всѣ сіи сочиненія въ комитетѣ Высочайше учрежденномъ подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря барона Борфа; но Государь Императоръ, признавая, что рассмотреніе оныхъ въ означенномъ комитетѣ было бы отступленіемъ отъ общаго порядка, и полагая, что сочиненія эти, на основаніи установленныхъ правилъ, должны быть рассмотрѣны въ обыкновенной цензурѣ, не изволилъ изъявить Высочайшаго согласія на изъясненное мое представленіе. О чемъ считаю долгомъ донести Вашему Императорскому Высочеству.

Подписали: Генераль-адъютантъ графъ *Орловъ*
и генераль-лейтенантъ *Дубельтъ*.

Вѣрно: *Д. С. С.*

2 іюня 1853.

Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Константину Николаевичу.

Письма Головина къ неизвѣстному лицу *).

Возвращаю письмо Шевырева, которое оказалось ненужнымъ, ибо просьбу Гоголь Вел. Кн. послалъ гр. Орлову при письмѣ отъ себя, прося доложить Г-рю и ходатайствовать о порученіи барону Борфу рассмотреть всѣ сочиненія. Искренно желаю успѣха.

Если пріѣдете въ Стрѣльну, что было бы нужно для дѣла, прошу ночевать у меня, а я берусь отвезти на пароходѣ въ Петергофъ.

Искр. пред. В.

29 мая.

*Головинъ **).*

Гр. Орловъ повидимому весьма неясно объяснилъ Вел. Князю на словахъ рѣшеніе Государя о Гоголѣ, ибо изъ присланной бумаги видно совсѣмъ другое.

Его Высочество приказалъ мнѣ просить васъ сообщить объ этомъ рѣшеніи частнымъ образомъ Шевыреву, чтобъ онъ представилъ все въ обыкновенную цензуру.

Просите его только увѣдомить насъ для своевременныхъ ус

*) Всѣ 3 письма относятся къ 1853 г., какъ видно изъ другихъ писемъ Константина Николаевича къ Орлову.

**) Записка карандашомъ.

ий. Я вовсе не считаю дѣло потеряннымъ, но вижу случай показать на дѣлѣ настойчивость и продолжать идти къ цѣли, несмотря на препятствія.

Пред. В.
Головнинъ *)

3 июня.

11 июня.

Сегодня узналъ отъ С. П., что здоровье ваше поправляется, я искренно порадовался. Вел. Князь опять говорилъ съ гр. Орл. Гоголѣ, чтобы показать свое искреннее участіе, и гр. сказалъ мнѣ, что онъ предписалъ не задерживать въ Москвѣ, но скорѣе перематъ все сюда въ комитетъ, гдѣ Дубельтъ и гдѣ онъ можетъ имѣть наблюденіе. Вообще онъ, кажется, хорошо расположенъ.

Пред. В.
Головнинъ.

Письмо С. П. Шевырева къ гр. А. Ѳ. Орлову.

Милостивый государь,
графъ Алексѣй Ѳеодоровичъ!

Позвольте мнѣ, ваше сіятельство, беспокоить васъ моею迫切ѣйшею просьбой во имя добраго дѣла. Послѣ покойнаго Гоголя, который при жизни имѣлъ счастье пользоваться благодѣтельными милостями Государя Императора, осталось семейство: мать, три сестры и племянникъ, имѣющіе по закону право на изданіе его сочиненій въ теченіе 25-ти лѣтъ и поручившіе мнѣ этотъ трудъ. Семейство живетъ не безъ нужды—и для него сочиненія покойника составляютъ единственный и значительный капиталъ. Кромѣ того, Гоголь завѣщалъ матери и сестрамъ, чтобъ онѣ доходами съ его сочиненій дѣлились съ бѣдными. Хотя семейство само не богато, но свято чтеть добродѣтели христіанскія и, конечно, исполнить волю покойнаго.

Въ бумагахъ Гоголя, разобранныхъ мною, отыскалось нѣсколько ненапечатанныхъ сочиненій, изъ которыхъ три главныя: *Авторская исповѣдь*, *Размышленія о божественной литургіи* и пять главъ второго тома *Мертвыхъ Душъ*. Въ этихъ сочиненіяхъ выражены многія высокія нравственныя истины: изданіе ихъ вмѣстѣ съ прежними трудами покойнаго могло бы принести пользу, особенно молодому поколѣнію писателей, и содѣйствовать нравственному направленію русской словесности.

*) Письмо безъ знаковъ препинанія.

Но полное изданіе сочиненій Гоголя безъ Высочайшей воли не печатано быть не можетъ. Мать, озабоченная пользою семействъ рѣшилась повергнуть просьбу свою къ стопамъ великодушнаго Государя. Прилагая сію просьбу, я осмѣливаюсь покорнѣйше просить ваше сіятельство, чтобы вы благоволили принять на себя передъ лицомъ Его Императорскаго Величества ваше сильное ходатайство и тѣмъ самымъ содѣйствовали бы къ обращенію Монаршихъ милостей, какими пользовался умершій писатель, на его семейство, и возвращеніемъ ему того законнаго и значительнаго наслѣдства котораго теперь оно лишается.

Примите, милостивый государь графъ, чувства моего глубочайшаго почтенія и нелицемерной преданности, съ которыми я имѣю честь быть

вашего сіятельства

покорнѣйшимъ слугою

Степанъ Шевыревъ,

ординарный профессоръ Императорскаго
Московскаго университета.

Мая 22
1853. Москва.

Письмо С. П. Шевырева къ Маріи Ивановнѣ Гоголь.

Февраля 21 1854, Москва.

Милостивая государыня Марія Ивановна.

Я много виноватъ передъ вами, что такъ давно не писалъ къ вамъ. Бѣстакъ, мнѣ попросить у васъ прощенія въ томъ въ прошедшій день, который пришелся въ день второй годовщины по вашему незабвенномъ сынѣ. Въ Даниловѣ монастырѣ отслужена была панихида самимъ архимандритомъ съ братіею и пропѣта на могилѣ: вѣчная память!... Памятникъ скоро будетъ готовъ. На Крестополонную будетъ водруженъ бронзовый золоченый крестъ на дикомъ камнѣ, который уже поставленъ; я надѣюсь, что это совершится въ день его рожденія, 19 марта, на Крестополонной въ пятницу. А самый памятникъ—большой зеленого гранита камень съ надписями—поспѣетъ, какъ надѣюсь, ко дню его ангела. Тогда надѣюсь обсадить могилу плакучими березками—и вся она будетъ уже устроена. Промедленіе произошло отъ того, что главные владѣльцы не согласились на первый рисунокъ, но долго не давали другого и дали потомъ одинъ только очеркъ, по которому исполнить надобно было художнику, знающему дѣло.

Не писалъ я къ вамъ и по той еще причинѣ, что до сихъ поръ

могу вамъ сказать ничего утѣшительнаго касательно изданія тѣхъ книгъ вашего сына. Попечитель возилъ ихъ въ Петербургъ и вывезъ оттуда рѣшеніе пересмотрѣть ихъ снова въ Московскомъ, потому въ Петербургскомъ комитетѣ, гдѣ находятся сильные лю-ди, противящіеся изданію. *Размысленія о литургіи* до сихъ поръ лежатъ у митрополита, который обѣщался пропустить ихъ и не захочетъ исправить. Но до сей минуты длится и конца ему я не предвижу.

Портретъ давно уже свободенъ; письма также переписаны. Но Аксаковъ ко мнѣ не являлся за ними передъ отъѣздомъ своимъ. Это лучше будетъ, если Николай Павловичъ лѣтомъ возьметъ все съ собою и доставитъ вамъ. Будьте увѣрены, что всѣ эти со-дѣланы у меня берегутся въ совершенной цѣлости. Съ портрета писано копій безчисленное множество.

По приказанію вашему, я съ нынѣшнею же почтой отправляю Николаю Павловичу *) сто рублей серебромъ. Я попрошу его дать со мною искреннимъ и сказать о своихъ нуждахъ.

Университетскія занятія поглощаютъ теперь все мое время. Въ будущемъ году наступаетъ нашъ столичный юбилей и готовится въ это время много изданій, которыхъ бремя лежитъ на моихъ плечахъ.

Простите, душевно уважаемая Марія Ивановна. Камилла Ми-ловна, конечно, вамъ рассказала о нашемъ житьѣ-бытьѣ. Про-шу васъ засвидѣтельствовать мое почтеніе Аннѣ Васильевнѣ и Ольгѣ Васильевнѣ. Мы еще, кажется, не благодарили васъ за су-венную вишню, которою по постамъ наслаждаемся. Жена моя и дѣти приносятъ вамъ почтеніе. Съ чувствомъ глубочайшаго уваже-нія и душевной преданности имѣю честь быть

вашимъ

милостивая государыня

покорнѣйшимъ слугою

Степанъ Шевыревъ.

Февраля 22

1864. Москва.

Письмо С. П. Шевырева къ Аннѣ Васильевнѣ Гоголь.

Милостивая государыня Анна Васильевна.

Примите мою душевную благодарность за письмо ваше и за всѣ подробности, которыя вы сообщаете о біографіи Николая Василье-

* Трушковскій, племянникъ Гоголя.

вича, въ опроверженіе напечатаннымъ. Лучшимъ опроверженіе всѣмъ клеветамъ, постигшимъ его память, чистую и свѣтлую, всѣмъ невѣрностямъ, можетъ быть его полная и вѣрная біографія, извлеченная изъ его писемъ. Жду съ нетерпѣніемъ той минуты, когда кони изъ Полтавы помчатъ меня въ вашу Василевку. пошлетъ Всевышній вашей маменькѣ и всѣмъ вамъ силъ на перенесеніе вашего горя и сладостныхъ утѣшеній въ мысли о его и гробномъ блаженствѣ. Когда я въ первый разъ читалъ его Размысленія о литургіи, мнѣ казалось, душа его носилась около меня свѣтлая, небесная, та, которая на землѣ много страдала, любила глубоко, хотя и не высказывала этой любви, молилась пламенно, и пламени самой чистой молитвы погинула брѣнное, изнемогшее тело. Простите или, лучше, позвольте сказать мнѣ вамъ: до свиданія Со мною поѣдетъ старшій сынъ мой. Хотѣлось бы мнѣ ѣхать и позднѣе 1 іюля. Прошу васъ принять выраженіе моего истиннаго почтенія и совершенной преданности.

С. Шевыревъ.

Даты нѣтъ.

Письмо С. П. Шевырева къ М. И. Гоголю.

Милостивая государыня
Марія Ивановна.

На-дняхъ вы получите отъ г. министра народнаго просвѣщенія, Авраама Сергѣевича Норова, письмо, въ которомъ онъ намѣренъ просить васъ о доставленіи ему на время Моллеровскаго портрета съ Николая Васильевича. Г. министръ хочетъ снять съ него копію для того, чтобы поставить этотъ портретъ вмѣстѣ съ другими портретами русскихъ писателей въ бібліотекѣ министерства народнаго просвѣщенія. Хотя многія попытки наши объ исходатайствованіи позволенія напечатать сочиненія покойнаго Н. В. кончались неудачами, но, мнѣ кажется, здѣсь представляется удобный (случай) возобновить прерванное дѣло. А потому я желалъ бы чтобы вы не отказали просьбѣ министра и съ тѣмъ вмѣстѣ въ отвѣтномъ письмѣ возобновили просьбу. Если онъ хочетъ портретомъ Н. В. украсить бібліотеку своего министерства, то, конечно употребить и власть свою, чтобы возвратить сочиненія покойнаго публикѣ и семейству. На всякій случай прилагаю вамъ черновой образчикъ письма; но, можетъ быть, материнское ваше сердце внушитъ вамъ письмо сильнѣе и краснорѣчивѣе. (Затѣмъ въ письмѣ слѣдуетъ проектъ прошенія къ министру народнаго просвѣщенія.)

Малужское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе при В. А. Арцимовичѣ (1861—1863 г.)^{*)}.

II.

Крестьянское общественное управленіе.

1.

Предложеніе В. А. Арцимовича о значеніи самоуправленія и законности. — Охрана независимости схода отъ административныхъ вторженій въ полномочія его по закону.

Въ началѣ настоящаго очерка мы уже имѣли случай упомянуть, что въ первую по времени заботу губернскаго присутствія была организація новаго крестьянскаго общественнаго самоуправленія, долженствовавшаго заботиться собою для освобождаемыхъ отъ крѣпостной зависимости общую политику, избираемую въ то время дворянствомъ. Вместе съ тѣмъ, въ то же первое время губернское присутствіе распорядилось составить «для руководства и надзора, имѣющимъ служить по новому общественному управленію временно-обязанныхъ крестьянъ, особыя выписки изъ Положенія Свода Законовъ».

Открывая засѣданіе, посвященное этой заботѣ, В. А. Арцимовичъ обратилъ вниманіе присутствія на важное значеніе акта открытія волостей для временно-обязанныхъ крестьянъ. Онъ указалъ на то, что съ открытіемъ волостей обязанность суда и расправы слагается съ владѣльцевъ и передается крестьянскимъ судамъ и управленіямъ и что, слѣдовательно, въ это время крестьяне должны вступить въ пользованіе совершенно новыми правами, отправлять обязанности, строго опредѣленныя законами, и отвѣтствовать по закону же за неисполненіе ихъ. Было бы, поэтому, весьма полезно, даже необходимо, объяснять крестьянамъ значеніе ихъ общественнаго управленія и суда, по возможности стараясь внушать имъ понятія о законности—главномъ основаніи дѣйствій какъ частныхъ лицъ, такъ и учреждений. Надлежало бы этотъ важный актъ соединить съ религиознымъ обрядомъ для приданія ему большаго значенія въ глазахъ народа».

Принявъ соотвѣтственныя мѣры къ исполненію всѣхъ означенныхъ предположеній председателя, губернское присутствіе постановило «просить миро-

^{*)} Русская Мысль, кн. IV.

выхъ посредниковъ не отказать въ своемъ содѣйствіи къ присканію и мѣщеній для волостныхъ правленій». Это послѣднее распоряженіе вызвало представленіе одного изъ мировыхъ посредниковъ о разрѣшеніи устроить особенныя помѣщенія въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ не окажется удобныхъ для того частныхъ домовъ, находя нужнымъ для правильнаго исчисленія расходовъ на этотъ предметъ составить нормальные проектъ и смету. Губернское присутствіе, указавъ посреднику 78 и 178 ст. Общ. Пол., сообщило ему, что «устройство общественныхъ домовъ для помѣщенія волостныхъ правленій *зависитъ совершенно отъ постановленія волостныхъ сходовъ* и такъ какъ обществамъ дозволено дѣлать расходы на подобные предметы, *смотря по надобности и по средствамъ крестьянъ*, то установленіе нормальныхъ проектовъ и сметъ было бы бесполезно».

Это разъясненіе, преподанное усердствующему администратору въ охрану независимости компетенцій схода и экономіи мірскихъ сборовъ, очень пригодилось бы въ наше время, когда существующій произволъ земскихъ начальниковъ такъ часто посягаетъ на эти прерогативы крестьянскаго самоуправления.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что дѣло новаго крестьянскаго самоуправления съ первыхъ же шаговъ своихъ, и въ принципѣ и въ подробностяхъ, было поставлено на безупречныхъ, дотогѣ у насъ невѣдомыхъ началахъ законности, «главномъ основаніи дѣйствій какъ частныхъ лицъ такъ и учреждений», правоваго самосознанія въ его органахъ и автономіи крестьянскихъ сходовъ. Тѣмъ же общимъ направленіемъ отмѣчена и вслѣдовавшая дѣятельность губернскаго присутствія въ данной задачѣ почему будетъ достаточно остановиться лишь на ея существенныхъ моментахъ, вызывавшихся уклоненіями отъ этихъ общихъ началъ въ практикѣ новообразованныхъ властей и волостного суда.

По дѣйствовавшимъ въ то время законоположеніямъ, дѣла по крестьянскому самоуправленію рѣдко восходили въ губернское присутствіе; съ другой стороны, и само это присутствіе, сознавая, что вмѣшательство въ эту своеобразную сферу представляетъ далеко не надежное орудіе ея регулярованія, ограничивалось наблюденіемъ за охраною дарованной новымъ учрежденіямъ свободы, что отнюдь не мѣшало ему съ надлежащею строгостью относиться къ тѣмъ случаямъ, когда сельскіе сходы выходили за предѣлы своихъ полномочій или когда выборныя лица злоупотребляли своею властью. По всему этому рѣшеній данной категоріи въ сборникахъ сравнительно не много.

2.

Авторитетъ выборнаго начала и престижъ коронной власти.—Рѣшеніе присутствія ставящее первое выше второго.—Предѣлы подчиненности и оцѣнка почтительности.

Для безошибочной оцѣнки дѣятельности вадужскаго губернскаго присутствія отнюдь не слѣдуетъ упускать изъ виду той эпохи, въ которую она совершалась, тѣхъ бюрократическихъ взглядовъ на служебную иерархію, на отношеніе выборной власти къ коронному начальству, на тради-

нную «субординацію», которыя продолжали еще практиковаться, несмотря на «новыя вѣянія» и, распатанные печатью и общественнымъ мнѣніемъ, крѣпко держались еще въ официальной средѣ. Калужское губернское присутствіе сразу порвало съ этимъ дореформеннымъ наслѣдіемъ и въ извѣстномъ рѣшеніи своемъ указало значеніе выборнаго начала въ конфликтѣ съ требованіемъ коронной власти.

«Одинъ изъ волостныхъ старшинъ дозволилъ себѣ во время разбора на мировымъ посредникомъ сѣсть на стулъ и вести посторонній разговоръ въ присутствовавшихъ крестьянами; затѣмъ дерзко и непочтительно отвѣчалъ на замѣчаніе посредника и на приказаніе его удалиться». Мировой посредникъ постановилъ предать старшину суду на основаніи 122 ст. Общ. Пол., временно удалить его отъ должности и объ окончательномъ увольненіи представить мировому съѣзду.

Разсмотрѣвъ это дѣло по представленію мирового съѣзда объ удаленіи отъ должности волостнаго старшины, губернское присутствіе нашло: «что такъ, съ одной стороны, нельзя оставлять безнаказанными выраженія явнаго неуваженія къ лицу и званію мирового посредника при исполненіи имъ своихъ обязанностей, но, съ другой стороны, нельзя не признать, что для поддержанія значенія *выборнаго права*, дарованнаго крестьянамъ, вышедшаго изъ крѣпостной зависимости, въ дѣлахъ объ увольненіи отъ должности лицъ, избранныхъ по общественному ихъ управленію, должна быть соблюдаема особая осмотрительность и осторожность. Слишкомъ поспѣшная рѣшенія такихъ лицъ уронитъ значеніе общественныхъ крестьянскихъ должностей въ глазахъ крестьянъ и избираемыхъ ими лицъ, а для успѣшнаго управленія общественнаго управленія, предоставленнаго крестьянамъ, необходимо, чтобы должности эти пользовались извѣстнымъ уваженіемъ». Имѣя въ виду, что, согласно 122 и 125 ст. Общ. Пол., волостные старшины только за важныя проступки и преступленія предаются суду и не иначе, какъ по рѣшенію мирового съѣзда (127 и 129 ст. Общ. Пол.) и что въ представленіи съѣзда не видно, *чтобы онъ входилъ въ подробный разборъ и оцѣнку всѣхъ обстоятельствъ дѣла* и требовалъ отъ старшины объясненія по обвиненію его мировымъ посредникомъ, губернское присутствіе не нашло достаточныхъ основаній для утвержденія представленія мирового съѣзда объ отрѣшеніи волостнаго старшины отъ должности.

Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ рѣдкой тогда (а теперь и подавно) и въ высшей степени симпатичной чертой въ дѣятельности калужскаго губернскаго присутствія, которую мы уже разъ отмѣтили, комментируя его рѣшеніе, изложенное въ гл. I, § 12. И тамъ и здѣсь предстоялъ выборъ одного изъ двухъ столкнувшихся интересовъ, на первый взглядъ одинаково значительныхъ. Что лучше: признать ли добровольнымъ соглашеніе, основанное на невѣдѣніи одной изъ сторонъ, и, обойдя эту *незамѣтную* неправду, безопасно и съ собственною выгодною санкціонировать сдѣлку, или помѣшавъ этому соглашенію, растолковавъ сторонѣ ея ошибку и тѣмъ поддержавъ обвиненію въ «подстрекательствѣ»? Что лучше: поддержать ли

престижъ власти мирового посредника въ ущербъ значенію выборнаго начальника и достоинству выборной должности, или охранять это значеніе цѣною неуваженія къ лицу и званію начальника? Съ точки зрѣнія такъ называемой «практической философіи» предпочтеніе всегда отдается первому исходу смѣло и безъ всякихъ колебаній: подчиненный, не проявившій достаточно почтительности къ начальству, не можетъ быть терпимъ на службѣ (какъ въ данномъ случаѣ и рѣшилъ мировой съѣздъ); добровольное соглашеніе есть наименее желательнѣйшій способъ развязки крѣпостныхъ отношеній, — и, наконецъ, къ которому долженъ во что бы ни стало стремиться каждый мудрый администраторъ, — вотъ какъ разсуждаетъ и дѣйствуетъ въ подобныхъ случаяхъ бюрократствующее большинство, и лишь очень рѣдко приходится наблюдателю преклоняться передъ инымъ, глубокимъ и чистымъ, какъ и самъ сталъ, рѣшеніемъ конфликта, передъ рыцарскимъ самоотверженіемъ, которое различаетъ правду высшую отъ правды условной, которому нравственная безупречность поступка дороже всякихъ практическихъ удобствъ и къ которому нѣтъ разницы между словомъ и дѣломъ, между этикою и правомъ, между принципомъ и его воплощеніемъ.

Въ приведенномъ рѣшеніи присутствія мы встрѣчаемся, кромѣ того, и со столь уже рѣдкимъ и глубокимъ пониманіемъ жизненныхъ, бытовыхъ условій вопроса. Наружная почтительность зачастую прикрываетъ собою самое порочное содержаніе, и всего чаще наблюдается эта маскировка въ крестьянской сферѣ, до сихъ поръ еще не повончившей съ традиціями вѣковой рабства, а въ то время всецѣло ими проникнутой. Въ этой средѣ почти тѣлесность — очень плохой знаменатель и подкупаетъ собою лишь простое, но горделивое мелкое начальство. «Ахъ, отцы наши, милостивцы и наши!» — то и дѣло умиленно восклицаетъ Тургеневскій «Бурмистръ» плутъ и тиранъ, принимая у себя своего барина. Часто вспоминался намъ этотъ художественно воспроизведенный типъ раба — начальника при служебныхъ разъѣздахъ по волостямъ мирового участка, и тѣмъ почтительнѣе держалъ себя старшина, тѣмъ подозрительнѣе казался онъ намъ. Наоборотъ, угрюмый и неповоротливый съ виду, «неполитичный» старшина обыкновенно зывался человѣкомъ, сознающимъ свое достоинство и не имѣющимъ надобности ни особенно угождать начальству, ни, тѣмъ менѣе, бояться его.

Такимъ образомъ, и съ этой стороны дѣла, губернское присутствіе имѣло полное основаніе не придавать особеннаго значенія внѣшней формѣ отношеній, а для охраны уваженія къ лицу и званію посредника ограничить его указаніемъ мировому съѣзду неполноты его представленія и болѣе соотвѣтствующаго инциденту возмездія.

3.

Отрѣшеніе отъ должности волостнаго старшины, пытавшагося подкупить совѣтниками для повѣрки суммъ сходъ.

Въ полной внутренней гармоніи съ рѣшеніемъ этого щекотливаго и скользкаго вопроса стоитъ и нижеслѣдующее, хотя обратное по своему бо-

ичному исходу, рѣшеніе присутствія, въ которомъ виновный волостной старшина является эксплуататоромъ и соблазнителемъ схода.

Въ назначенный посредникомъ день волостного схода для повѣрки суммъ волостной старшина послалъ къ сидѣльцу питейнаго заведенія записку, въ которой просилъ отпустить вина для волостного правленія; къ запискѣ была приложена должностная печать волостного старшины. По дознанію мирового посредника оказалось, что по окончаніи волостного схода старшина вмѣстѣ съ писаремъ угощалъ виномъ выборныхъ, и хотя старшина и призналъ, что угощалъ виномъ писарь по уговору съ крестьянами при наймѣ къ писаря, но обстоятельство это дознаніемъ не подтвердилось. Мировой съездъ, представляя начальнику губерніи объ окончательномъ отрѣшеніи волостного старшины отъ занимаемой имъ должности, между прочимъ, изложилъ, что «возбуждается сильное подозрѣніе въ томъ, что вино, потребованное старшиной въ день схода, назначеннаго для учета израсходованныхъ имъ мірскихъ денегъ, было употреблено для угощенія выборныхъ». Для сохраненія самостоятельности и надлежащаго значенія новаго крестьянскаго общественнаго управленія,—такъ заключалъ съездъ свое представленіе,—необходимо захватить зло въ началѣ и строго преслѣдовать первыя признаки безнравственнаго порядка веденія дѣлъ.

Губернаторъ и губернское присутствіе согласились съ постановленіемъ мирового съезда, и волостной старшина, въ этомъ случаѣ уже, навѣрное, окончательный къ началству, былъ окончательно отрѣшенъ отъ должности. Сопоставляя оба эти рѣшенія, нельзя не прійти къ заключенію, что нравственные и экономическіе интересы волости стояли въ глазахъ губернскаго присутствія неизмѣримо выше интересовъ служебнаго чиновочитанія.

И въ этомъ случаѣ мы опять видимъ ту глубокую пропасть, которая стала между прошлымъ и настоящимъ. Современные «довершители крестьянскаго дѣла» эти послѣдніе интересы ставятъ на первый планъ: печатать «циркуляры», предписывающіе подчиненнымъ обывателямъ при встрѣчѣ съ начальствомъ или съ дворяниномъ «сворачивать съ дороги и пропускать встрѣченную особу глазами», учиняются собственноручныя мордобитія за несниманіе шапокъ, а на мірскія деньги создаются дѣтскіе пріюты изъ призрѣваемыхъ, «сторожевыя каланчи», «пѣвческіе кафтаны» и т. п. Мелоды изобрѣтательной фантазіи мѣстнаго довершителя.

4.

Преслѣдованіе за лобомъ при служебныхъ обязанностяхъ.

Понятно, что при вышеизложенномъ взглядѣ своемъ на значеніе и значеніе крестьянскаго общественнаго управленія губернское присутствіе не могло благосклонно, по-теперешнему, относиться къ рукопашнымъ начальственнымъ внушеніямъ и внимательно, съ особою строгостью ихъ преслѣдовало.

Разсмотрѣвъ дѣло по рапорту земскаго суда о противозаконныхъ поступкахъ сельскаго старосты, губернское присутствіе нашло, что «жалоба

на сельскаго старосту принесена была крестьянкой того же общества, не чему мировой посредникъ, по силѣ 128 ст. Общ. Пол., долженъ былъ войти въ разсмотрѣніе оной и, какъ заключающую искъ о личной обидѣ, помѣстить въ судебное мѣсто по 125 и 129 ст. того же Пол. и 30 ст. Полож. объ учр.; отъ судебного же мѣста зависѣло подвергнуть дѣло формальному обследованію на законномъ основаніи. При этомъ, въ виду допущеннаго сельскимъ старостой злоупотребленія власти, мировому посреднику надлежало рѣшить, можно ли его оставить впредь до рѣшенія дѣла при исполненіи своей должности. Вслѣдствіе чего и принимая во вниманіе, что сельскій староста *дозволилъ себѣ нанести побой крестьянкѣ и вязать ея и мужа ея вопреки 25 ст. Общ. Полож., по которой крестьяне не могутъ быть подвергаемы никакому наказанію иначе, какъ по судебному приговору или по законному распоряженію поставленныхъ надъ ними правительственныхъ и общественныхъ властей,* — губернское присутствіе опредѣлило просить калужское губернское правленіе дать сему дѣлу направленіе согласно изложеннымъ выше соображеніямъ; мирового же посредника просить войти въ разсмотрѣніе, можетъ ли означенный староста оставаться при исполненіи своей должности впредь до рѣшенія дѣла, или не слѣдуетъ ли, *въ важности возводимого на него обвиненія, немедленно удалить его отъ должности, и о послѣдовавшемъ увѣдомить губернское присутствіе.* Заключеніе это препроводить въ копіи въ земскій судъ для объявленія крестьянкѣ.

Въ другомъ рѣшеніи губернское присутствіе съ тою же строгостью отнеслось и къ волостному старшинѣ, обвинявшемуся въ аналогичныхъ дѣланіяхъ.

Мировой съѣздъ, разобравъ дѣло, нашелъ, что этотъ старшина оказывается виновнымъ: 1) въ самовольномъ созваніи вопреки 76 ст. Общ. Пол. волостного схода и въ неблаговидномъ вынужденіи крестьянъ къ прибавкѣ ему жалованья; 2) *въ побояхъ, наносимыхъ имъ крестьянкамъ, въ чемъ онъ самъ сознался,* и 3) въ наученіи крестьянъ не отдавать самовольно удержаннаго ими оброка. Мировой съѣздъ, находя, что такіа злоупотребленія по должности, допущенныя старшиной, не дѣлаютъ его терпимымъ на службѣ, представилъ начальнику губерніи объ окончательномъ отрѣшеніи его отъ должности». Постановленіе это было утверждено присутствіемъ.

5.

Охрана самостоятельности волостныхъ судовъ отъ вліянія волостного старшины и мирового посредника. — Принципиальная независимость волостного суда отъ административной власти.

Волостные старшины теперь, какъ это извѣстно, свободно вмѣшиваются въ дѣлопроизводство волостныхъ судовъ, а сами эти суды превращены въ безгласное, автоматически послушное орудіе въ «властныхъ рукахъ» не только своего непосредственнаго новоявленнаго начальника, но и общей уѣздной полиціи, содѣйствуя ей розгами во взысканіи податей. Совершенно иначе обстояло это дѣло въ былое, давно минувшее время. Судъ, хотя бы

«сермяжный», признавался *органомъ правосудія* и, какъ таковой, долженъ былъ пользоваться самостоятельностью и независимостью отъ всякаго посторонняго вліянія.

«104-ю ст. Общ. Полож., — читаемъ мы въ одномъ изъ посвященныхъ тому предмету постановленій присутствія, — опредѣлено, что волостной старшина и староста не должны вмѣшиваться въ производство волостного суда и не присутствуютъ при обсужденіи дѣлъ. Между тѣмъ, изъ произведеннаго въ губернскомъ присутствіи переписки оказывается, что означенное правило не соблюдается въ точности. Желая охранить независимость волостныхъ судовъ отъ вмѣшательства въ нихъ крестьянскихъ административныхъ властей, губернское присутствіе постановило: просить гг. мировыхъ посредниковъ обратить вниманіе на вышеприведенный законъ, подтвердивъ старшинамъ и сельскимъ старостамъ, чтобъ они не вмѣшивались въ производство волостного суда и не присутствовали при обсужденіи въ немъ дѣлъ.

Въ той же категоріи относится и нижеслѣдующее рѣшеніе присутствія, воспрещающее подобное вмѣшательство и *мировому посреднику*.

Одинъ изъ мировыхъ посредниковъ, разсматривая дѣла волостныхъ судовъ вслѣдствіе приносимыхъ ему крестьянами жалобъ, нашелъ въ нихъ слѣдующія упущенія: 1) въ рѣшеніяхъ своихъ волостные суды не прописываютъ обстоятельствъ дѣла; 2) рѣшаютъ не всегда согласно съ обычаемъ; 3) не обозначаютъ цѣны иска, и 4) иногда отказываютъ принимать исковые по этой цѣнѣ иски, а иногда принимаютъ иски, ее превышающіе (закими невинными представляются эти упущенія сравнительно съ тѣми, что наблюдаются теперь!...) Представляя о томъ присутствію, мировой посредникъ просилъ уведомить его: можно ли по жалобамъ крестьянъ распространять подобныя рѣшенія?

На этотъ запросъ губернское присутствіе отвѣтило вопрошавшему, что *мировой посредникъ не есть начальникъ надъ судомъ, который долженъ быть независимъ отъ административной власти, что всякія дознанія и вмѣшательство могутъ поколебать довѣренность крестьянъ къ обществу и управленію, предоставленному имъ высочайше утвержденными Положеніями 19 февраля, и что заснѣмъ по сообщенію его губернское присутствіе не признаетъ нужнымъ дѣлать какихъ-либо распоряженій».*

Такимъ порядкомъ ограждена была независимость суда отъ кассационныхъ поповозновеній административной власти, — ограждена *въ то время*, когда о раздѣленіи властей судебной и административной еще не было и речи, когда въ общихъ судебныхъ установленіяхъ начальственно распоряжался губернаторъ, и когда, по свѣжей еще традиціи, отъ сельскаго обывателя требовалось не «довѣріе», а повинненіе!

Ставъ вскорѣ за тѣмъ достояніемъ основныхъ началъ судебного преобразованія, эти соображенія присутствія снова являются, какъ *via desinens*: въ наши дни, когда судъ и администрація по-прежнему очутились

въ «незаконномъ сожителствѣ», когда административная коллегія касе- руетъ судебные приговоры, а земскій начальникъ дискреціонно вла- дуетъ надъ волостными судами своего участка. Но «истина не умираетъ и «забытыя слова» приведеннаго нами постановленія калужскаго прису- ствія снова вспоминаются и оживаютъ теперь въ трудахъ судебной ком- миссіи по пересмотру законоположеній 20 ноября 1864 года.

6.

Защита крестьянина, вернушагося изъ бѣговъ и удаляемаго по приговору обще- ства.—Общее значеніе этого рѣшенія для крѣпостныхъ, бѣжавшихъ отъ злоупотреб- леній помѣщичьей власти и возвращавшихся домой послѣ объявленія воли.—Разгр- ниченіе бродяжничества отъ порочности, дающей сходу право на удаленіе.

Оберегая въ предѣлахъ закона самодѣятельность и независимость учре- деній крестьянскаго общественнаго управленія, губернское присутствіе и увлекалось на этомъ пути, слѣдуя имъ лишь до тѣхъ границъ, *идь съ мо- номочіями схода сталкивался и страдалъ интересъ отдельной личности* хотя бы представителемъ этого интереса являлся бездомный, вернувшійся въ общество и имъ отвергаемый бродяга.

Такимъ бродягой, въ данномъ случаѣ, оказался крестьянинъ, верну- шійся въ общество послѣ 25-лѣтней отлучки. И общество и помѣщикъ отказались принять его, и составленный приговоръ объ удаленіи бѣглен- поступилъ на разсмотрѣніе губернскаго присутствія. Въ приговорѣ обще- ства значилось, что оно «присуждаетъ его къ удаленію изъ своей среды какъ явившагося изъ бѣговъ, что, возвратясь только почти не нагой крестьянинъ этотъ не можетъ принести обществу никакой пользы, а, пре- вышши къ бродяжничеству и лѣни, принесетъ только одинъ вредъ». Имъ въ виду, «что по ст. 51 Общ. Пол. вѣдѣнію сельскаго схода подлежатъ приговоры объ удаленіи изъ общества вредныхъ и порочныхъ членовъ его, и что одно бродяжничество, не сопровождавшееся другими проступками и преступленіями, недостаточно для признанія удаляемаго *среднымъ и пороч- нымъ* членомъ общества,—губернское присутствіе нашло, что явившійся изъ бѣговъ крестьянинъ за прежнюю его бродяжническую жизнь, на основаніи вышеприведенной ст. Полож., не подлежитъ удаленію изъ общества, и по- тому постановило: приговоръ сельскаго общества считать недействитель- нымъ и вмѣстѣ съ надписью помѣщика возвратитъ мировому посреднику».

Чтобы оцѣнить по достоинству трогательно-гуманную суть этого рѣше- нія, слѣдуетъ вспомнить, сколько *безпорочныхъ и полезныхъ людей* должно было въ крѣпостныя времена искать спасенія въ бѣгствѣ отъ жестокихъ наказаній, отъ изнурительной барщины, отъ преслѣдованій бурмистра, отъ рекрутской «очереди» за откупившагося богача, отъ насильственныхъ бра- ковъ,—отъ всѣхъ этихъ «ужасовъ крѣпостнаго права». Но вотъ это право уничтожено, и вѣсть о волѣ дошла до заходустныхъ и далекихъ уголковъ, гдѣ укрывались эти невольные скитальцы. И бредутъ они, старые и «только что не нагіе», къ своему родному, теперь уже безопасному крову, чтобы

повидать своихъ, пожить не бродягой, отдохнуть и сложить свои кости на родной землѣ... Но нѣтъ уже тамъ ни этого крова, ни этихъ своихъ, ни даже близкихъ и помнящихъ ихъ людей. Нѣтъ и денегъ на угощеніе сюда, нѣтъ и помѣщичьяго согласія на принятіе убѣжавшаго и, быть-можетъ, не примиреннаго, но уже свободнаго раба! Въ итогъ всего этого, разумѣется, приговоръ объ удаленіи. Трагизмъ положенія возрастаетъ, когда у вернушагося еще живы были родственники, оставшіеся въ меньшинствѣ на роковомъ сходѣ, когда имѣлась еще надежда выкупить проданную «обществомъ» избушку, взять надѣлъ и въ своемъ исконномъ, излюбленномъ земледѣльческомъ трудѣ позабыть навсегда минувшую, горькую судьбу...

«Бродяжничество», и «безписьменность», «проживаніе по чужому виду» и т. п. дѣянія, предусмотрѣнныя Уложеніемъ и оправдываемыя только присяжными и судьями «по убѣжденію совѣсти», въ то время преслѣдовались еще по буквѣ закона, и, опираясь на эту букву, можно было ими квалифицировать «порочность» удаляемаго и утверждать приговоры, формально «дѣйствительные». Но не таково было калужское губернское присутствіе, что бы этою буквою и этою формой принципиально загородить дорогу возвращавшимся къ «осѣненному крестнымъ знаменіемъ, свободно-му труду» бѣглецамъ или разбитымъ инвалидамъ разбитаго навсегда строя.

III.

Дворянскія домогательства.

1.

Дѣло по жалобамъ помѣщика фонъ-Ренне на мирового посредника Щепкина. — Докладъ П. Н. Свистунова.

Лихвинскій помѣщикъ надворный совѣтникъ фонъ-Ренне подалъ въ Гутевское волостное правленіе заявленіе слѣдующаго содержанія:

«Отъ 22 сентября сего года за № 85 мировой посредникъ Щепкинъ увѣдомляетъ меня письмомъ, что онъ по жалобѣ моей не имѣетъ никакихъ правъ дѣлать разбирательства объ дворовыхъ людяхъ: сего же октября мѣсяца 3 дня, за № 110, онъ, посредникъ, заблагоразсудилъ тѣхъ же дворовыхъ людей и меня вызвать въ мою деревню Кленовку для разбора ихъ со мной. Первое письмо противорѣчитъ другому и доказываетъ, что посредникъ дѣйствуетъ самовластно лишь только по своимъ социальскимъ (sic) убѣжденіямъ и той желтой книгѣ, по которой онъ возмущалъ новихъ дворовыхъ людей, но никакъ не по законамъ, ни по Положенію. Вслѣдствіе этого и того, что онъ самъ своимъ протоколомъ отказался быть у меня посредникомъ, я не считаю себя обязаннымъ давать ему отвѣты и являться туда, куда онъ осмѣливается меня требовать, объявляя мнѣ прежде свою вражду. Таковой посредникъ не можетъ быть у меня посредникомъ, который не захотѣлъ быть примирителемъ двухъ сословій, а, на-

противъ, дѣйствовалъ къ раздраженію обою сословія. А потому объясняю я чрезъ оное правленіе посреднику Щепкину, что впредь до разсмотрѣнія высшимъ начальствомъ всѣхъ моихъ жалобъ на него и распоряженій онаго, можетъ ли онъ, посредникъ Щепкинъ, оставаться у меня, я его предложеніе не считаю себя обязаннымъ выполнить».

Мировой посредникъ Щепкинъ, по поводу этой жалобы, объяснилъ, что по родству съ господиномъ фонъ-Ренне онъ устранилъ себя отъ разбирательства его дѣлъ, но мировой съѣздъ, имѣя въ виду, что онъ состоитъ съ господиномъ фонъ-Ренне въ свойствѣ третьей степени, призналъ отводъ не заслуживающимъ уваженія. Въ объясненіи своемъ г. Щепкинъ просилъ начальника губерніи «избавить гутневское волостное правленіе отъ получения такихъ бумагъ, въ которыхъ его непосредственный начальникъ представляется возмутителемъ общественнаго порядка и превратнымъ истолкователемъ Положенія о крестьянахъ, такъ какъ подобныя выраженія особенно въ нынѣшнее переходное время могутъ имѣть вредныя послѣдствія».

По выслушаніи вышеизложеннаго губернское присутствіе нашло: 1) «что письма г. фонъ-Ренне, относясь къ мировому посреднику, какъ къ должностному лицу, и содержа въ себѣ бездоказательное обвиненіе въ возмущеніи дворовыхъ людей, въ самовластныхъ дѣйствіяхъ, вносящихся къ раздраженію сословія, и проч., въ высшей степени оскорбительны; 2) что г. фонъ-Ренне отдаетъ мирового посредника на судъ волостного правленія тогда какъ посредникъ есть его непосредственный начальникъ; 3) что г. фонъ-Ренне выбралъ волостное правленіе мѣстомъ изъясненія своихъ неудовольствій на мирового посредника съ явномъ цѣлью оскорбить его, и 4) говоря, что найдетъ начальство, которое удовлетворитъ его требованія, и внушая волостному правленію дѣйствовать вопреки распоряженіямъ посредника, г. фонъ-Ренне тѣмъ самымъ хочетъ подорвать значеніе мирового посредника и показать волостному правленію, что онъ, помѣщикъ, вовсе не считаетъ себя обязаннымъ подчиняться вновь учрежденной мировой власти.

Находя, что поступки землевладѣльца фонъ-Ренне прямо предусмотрены 322 ст. Ул. о нак., губернское присутствіе постановило передать всю переписку въ губернское правленіе на дальнѣйшее его распоряженіе.

Въ поданной вслѣдъ за симъ жалобѣ губернскому присутствію г. фонъ-Ренне объяснялъ, что «увидѣвъ себя совершенно въ беззащитномъ положеніи, онъ нашелся вынужденнымъ жаловаться чрезъ волостное правленіе, дабы этимъ подвинуть къ изслѣдованію его дѣло, такъ какъ знаетъ, что г. Щепкинъ принесетъ на него жалобу, но и въ этомъ ошибся, ибо присутствіе предало его безъ изслѣдованія суду и распустило его, какъ преступника, по Россіи».

Въ слѣдующей жалобѣ, поданной предсѣдателю лихвинскаго мирового съѣзда, онъ же фонъ-Ренне писалъ дословно слѣдующее:

«Всѣ мои жалобы въ мировомъ съѣздѣ оставлены безъ обсужденія и были мнѣ возвращены вслѣдствіе засѣданія въ одномъ присутствіи двухъ

близкихъ родственниковъ. А потому и прошу васъ, ваше высочордіе, всѣ мои письменныя жалобы, къ вамъ и въ мировую сѣздъ предъявленныя, представить теперъ же вмѣстѣ съ сею жалобою какъ губернскому присутствію, такъ и губернскому предводителю дворянства господину Щукину, дабы губернской предводитель, какъ защитникъ нашъ, имѣлъ бы свое особое ходатайство за насъ, дворянъ, совершенно стѣсненныхъ незаконно избранными посредниками! Всѣ дѣйствія посредника Щепкина по всѣмъ моимъ жалобамъ, взятыя вмѣстѣ, совершены вопреки всѣхъ Высочайше утвержденныхъ Положеній, что имѣеть видъ неблагонамѣренный. Всѣ его дѣйствія самовольны, основаны лишь только на своихъ демократическихъ, социалическихъ убѣжденіяхъ, которыя до того сильны, что онъ осмѣливается развозить по нашимъ дворянскимъ имѣніямъ печатную какую-то желтую книжку, не вошедшую въ законную силу Высочайшихъ Положеній *). Присвоенная самимъ имъ эта власть вооружила противу насъ, помѣщиковъ, нашихъ дворовыхъ людей и крестьянъ до того, что они ни въ чемъ не вѣрятъ и говорятъ прямо мнѣ въ глаза, что я ихъ обманывалъ, скрываю отъ нихъ то, чего нѣтъ въ Высочайшемъ Положеніи и что имъ посредникъ изъяснялъ изъ желтой книги. Такая злоба моихъ дворовыхъ людей дошла чрезъ фальшивое толкованіе законовъ до нестерпимаго оскорбленія мнѣ, помѣщику, которыя дошли до такой преступной дерзости, что въ отсутствіе мое отзывалось на дѣтяхъ моихъ, толкая ихъ съ лѣстницы; за что дворовая моя дѣвка Соломонида и была мною представлена въ лихвинскій земскій судъ 13 числа іюля мѣсяца и которая созналась въ земскомъ судѣ въ своей винѣ, а въ бытность г. начальника губерніи въ г. Лихвинѣ на ревизіи безъ всякаго слѣдствія по моей жалобѣ отпущена земскимъ судомъ по билету на жительство въ г. Бѣлевъ. Срочно обязаннымъ крестьянамъ г. посредникъ разрѣшаетъ меня неслушаться и невыходить на трехдневную саршину, внушаетъ крестьянамъ, что условіе со мною объ отдачѣ земли подъ поствѣ исполу они сдѣлали безъ выгоды для себя, а потому онъ до сего времени не утверждаетъ онаго условія, воровство защищаетъ, и тѣхъ воровъ, которыхъ сами отцы оговариваютъ ради своего стыда, что сынъ его воръ, все это посредникъ оставляетъ безъ изслѣдованія. Всѣ мои жалобы на подобные беспорядки, отъ которыхъ я страдаю, представлены мною въ волостное правленіе и посреднику до 30 номеровъ (которыя прошу васъ потребовать для вашего разсмотрѣнія); всѣ они остаются безъ разсмотрѣнія, изслѣдованія и безъ всякаго вниманія со стороны посредника до того, что г. посредникъ запретилъ гутневскому волостному правленію принимать отъ меня конверты съ жалобою на имя волостного правленія. Стало быть г. посредникъ направляетъ и волостное правленіе поступать противузаконно, къ ущербу и разоренію насъ, помѣщиковъ. Послѣ всего этого есть ли какая-нибудь возможность писать подлюбовныя

*) То была VI часть *Трудовъ редакціонныхъ комиссій* съ выпискою изъ проектовъ губ. комитетовъ относительно содержанія дворовыхъ людей.

уставныя грамоты? Подписаль: помѣщикъ титулярный совѣтникъ Александръ фонъ-Ренне».

Подписанная такъ жалоба составлялась, очевидно, не однимъ г. фонъ-Ренне, а коллективно всѣми «страдающими», «стѣсненными» и «беззащитными» лихвинскими дворянами. На это прямо указываютъ выраженія, то и дѣло повторяемая въ текстѣ—«насъ, помѣщиковъ», «намъ, дворянамъ», «нашъ защитникъ», «наши дворовые» и т. п.

При чтеніи этой петиціи невольно рисуетъ передъ глазами знакомая по Рѣвнскимъ *Запорожцамъ* картина: осанистые и усатые полковники и атаманы столпились вокругъ походнаго стола, за которымъ пишется отвѣтъ турецкому султану; присутствующіе, кто стоя, кто сидя, непрерывно слѣшатъ каждый вставить свое словечко, одно занозистѣе другого; физиономіи и позы разнообразны,—кто хохочетъ, завалившись назадъ всѣмъ своимъ грузнымъ корпусомъ, кто нахмурился и молчаливо сосетъ свою люльку, кто силится перекричать другихъ, въ экстазѣ размахивая своею шапкой, но на всѣхъ лицахъ такъ и играетъ одно и то же выраженіе—предвкушеніе эффекта, какой должна произвести сочиняемая бумага.

Эффекта, однако, на этотъ разъ, не послѣдовало,—послѣдовалъ отказъ по всѣмъ пунктамъ, по всѣмъ «30 нумерамъ».

«Провѣривъ весь ходъ этого дѣла,—заклучилъ П. Н. Свистуновъ свой обширный докладъ,—нельзя не признать, что дѣйствія посредника и съѣзда были основаны на Положеніи и клонились къ установленію новаго порядка въ мѣншіи ф.-Ренне и къ правильному исходу всѣхъ возникшихъ въ немъ дѣлъ. Въ этомъ я не встрѣчаю никакого сомнѣнія и полагаю, что просьбы ф.-Ренне не заслуживаютъ никакого уваженія, а взведенное имъ обвиненіе на Щепкина, подходящее подъ разрядъ клеветы и ябеды, даетъ послѣднему право потребовать ф.-Ренне къ суду по 2095 и прии. къ 2102 ст. Улож. о нак.».

На основаніи выслушаннаго доклада присутствіе постановило: просьбы ф.-Ренне, согласно мнѣнію П. Н. Свистунова, оставить безъ послѣдствій, предоставивъ г. Щепкину потребовать г. ф.-Ренне къ суду за бездоказательныя обвиненія, и утвердить предположеніе П. Н. Свистунова о необходимости поспѣшить составленіемъ по мнѣнію ф.-Ренне уставной грамоты.

Въ особомъ мнѣніи члена отъ дворянства Зыбина «полагается необходимымъ по такому важному обвиненію мирового посредника Щепкина, не ограничиваясь преданіемъ суду г. ф.-Ренне, произвести по жалобамъ сего послѣдняго чрезъ члена губернскаго присутствія формальное изслѣдованіе для поступленія съ виновнымъ по всей строгости законовъ; мѣра эта, по мнѣнію г. Зыбина, необходима для поддержанія полнаго довѣрія всѣхъ и каждаго къ непристрасцію мировыхъ учреждений, а въ особенности губернскаго присутствія, что, при совершающейся въ нашемъ отечествѣ реформѣ, весьма важно».

2.

Петиція предводителей дворянства о представствѣ ихъ за отдѣльныхъ дворянъ въ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ.—Доклады П. Н. Свистунова и кн. А. В. Оболенскаго.

Не болѣе удачною оказалась и другая кампанія, предпринятая оппозиционнымъ дворянствомъ противъ правительственныхъ «соціалъ-демократовъ».

Между обѣими попытками нельзя не усмотрѣть извѣстной связи. Пораженіе «беззащитнаго дворянина» произвело сенсацію въ губерніи, и возникла мысль придать дворянскимъ домогательствамъ возможно большій авторитетъ, болѣе прочное основаніе и тѣмъ оградить интересы «страдающихъ» и «утѣсняемыхъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ желательно было дать отпоръ, создать противовѣсъ стремленіямъ губернскаго присутствія и мировыхъ посредниковъ къ охранѣ уже взаправду «беззащитныхъ» крестьянскихъ законныхъ правъ, ими невѣдомыхъ или не ясно понимаемыхъ, о чемъ говорилось въ гл. I-й настоящаго очерка: за крестьянина хлопочетъ мировой посредникъ, толкуетъ и разъясняетъ ему права,—пусть и за помѣщика хлопочетъ его «защитникъ»,—предводитель дворянства, способный импонировать не только своею сравнительною интеллигентностію, но и своимъ официальнымъ положеніемъ «перваго лица въ уѣздѣ». Было задумано такимъ образомъ нѣчто въ родѣ сословной адвокатуры, внушительной, бесплатной и официальной, долженствовавшей импонировать защитою дворянскихъ интересовъ во всѣхъ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ. Составленный въ этихъ цѣляхъ «проектъ» былъ внесенъ на разсмотрѣніе губернскаго присутствія, причемъ председателю было вручено лично губернскимъ предводителемъ дворянства Щукинымъ письмо къ нему отъ всѣхъ уѣздныхъ предводителей слѣдующаго содержания: «Вполнѣ раздѣляя мнѣніе, заявленное тарусскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства отъ 14 ноября сего года за № 521, мы имѣемъ честь просить ваше превосходительство обратить особое вниманіе на содержаніе сего заявленія и предъявить оное губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, какъ вообще принятое всѣми наличными предводителями дворянства».

Столь сочувственно принятое сословіемъ заявленіе тарусскаго предводителя слишкомъ объемисто,—оно занимаетъ собою слишкомъ шесть печатныхъ страницъ большаго формата, и потому мы ограничимся выдержками лишь изъ наиболѣе существенныхъ мѣстъ.

Изъ гл. I-й читателю уже извѣстно, по какимъ соображеніямъ было отклонено губернскимъ присутствіемъ представленіе одного изъ предводителей о предоставленіи уѣзднымъ предводителямъ дворянства предъявлять губернскому присутствію свои возраженія на постановленія мировыхъ съѣздовъ, состоявшіяся по большинству голосовъ. Ссылаясь на это рѣшеніе, авторъ петиціи замѣчаетъ, что съ тѣхъ поръ въ губернскомъ присутствіи установилось обыкновеніе оставлять безъ послѣдствій подобныя представленія предводителей дворянства, не входя въ обсужденіе излагаемыхъ въ нихъ обстоятельствъ въ виду того, что непосредственному офици-

ціальному участию предводителей подлежат лишь дѣла всего сословія и то вслѣдствіе законно даннаго имъ уполномочія, а не тѣ совершенно частныя дѣла, которыя касаются отдѣльнаго лица, имѣющаго право и возможность ходатайствовать и защищаться по своимъ дѣламъ лично или чрезъ повѣренныхъ. По его мнѣнію, «законъ, возлагая на предводителей обязанность имѣть попеченіе о пользахъ дворянства, не указываетъ еще, чтобы попеченіе это непремѣнно должно было ограничиваться только дѣлами пѣлаго дворянскаго сословія. Будучи облечены довѣріемъ и уваженіемъ избравшаго ихъ дворянства и не состоя въ подчиненіи у губернскихъ учреждений, предводители поставлены въ самостоятельное положеніе, при которомъ не соотвѣтственно ихъ значенію было бы отрицать у нихъ право по ближайшему ихъ усмотрѣнію принимать отъ предводимыхъ ими дворянъ прошенія и заявленія съ тѣмъ, чтобы, если излагаемыя въ нихъ обстоятельства имѣютъ соотношеніе съ нуждами и пользами общественными, представлять таковыя при своихъ соображеніяхъ на зависящее распоряженіе подлежащихъ властей. Такое дѣйствіе со стороны предводителей ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принято, какъ объясняется въ журналі присутствія, за ходатайство по частнымъ дѣламъ. Общественное значеніе, которое съ 19 февраля 1861 года получило внутреннее устройство дворянскихъ населенныхъ мѣстъ, возлагаетъ на всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, а тѣмъ болѣе на предводителей, преимущественно призванныхъ къ участию, непремѣнную обязанность обращать одинаковое вниманіе на справедливыя заявленія обоихъ сословія, правильныя отношенія коихъ другъ къ другу обезпечиваютъ общее спокойствіе и порядокъ, въ то же время близкое знакомство предводителей съ дѣлами, нынѣ подлежащими вѣдѣнію мировыхъ учреждений, приобрѣтенная ими опытность въ согласованіи противоположныхъ интересовъ, наконецъ, уваженіе и довѣріе, коимъ они пользуются,—всѣ эти обстоятельства даютъ право ожидать отъ предводителей самаго полезнаго содѣйствія при всѣхъ, безъ различія, случаяхъ, проявляющихся во вновь образуемомъ сельско-хозяйственномъ быту; а принимая во вниманіе почетность самаго ихъ званія, нельзя даже допустить, чтобы предводители, стоящіе во главѣ уѣздныхъ мировыхъ учреждений, въ сношеніяхъ своихъ съ губернскимъ присутствіемъ ограничились одними сословными владѣльческими интересами и уклонили бы себя при случаѣ отъ участія по дѣламъ, относящимся собственно до нуждъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости людей. По всему этому поступающія отъ уѣздныхъ предводителей представленія должны непосредственно содѣйствовать сохраненію общественнаго спокойствія при удовлетвореніи подлежащими властями справедливыхъ жалобъ и уважительныхъ ходатайствъ, заявляемыхъ предводителями».

Но ни «нужды вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости людей», ни интересы «общественнаго спокойствія» не подкупили бдительнаго вниманія того учрежденія, отъ рѣшенія котораго должна была зависѣть судьба изложенной дворянской петиціи.

Соображенія губернскаго присутствія, ею вызванныя, начинаются воспоминаніемъ вышеизложеннаго инцидента ф.-Ренне. «При разсмотрѣніи внесенныхъ въ присутствіе губернскимъ предводителемъ частныхъ къ нему писемъ ляхвинскихъ помѣщиковъ ф.-Ренне и Озеровой, исполненныхъ укоризненныхъ и оскорбительныхъ выраженій для губернскаго присутствія, начальника губерніи и двухъ мировыхъ посредниковъ, возникъ вопросъ: слѣдуетъ ли принимать черезъ посредство губернскаго предводителя и членовъ присутствія частныя письма и давать имъ формальный ходъ? Сообразивъ этотъ вопросъ съ существующими узаконеніями, губернское присутствіе нашло: 1) Частное письмо, въ какой бы раздражительной и неприличной формѣ оно ни было написано, не подлежитъ обсужденію и не несетъ за собою отвѣтственности, пока оно служитъ обіймомъ мыслей между отдѣльными лицами и, напротивъ того, будучи представлено въ присутственное мѣсто, какъ документъ, требующій обсужденія и принятія правительственныхъ мѣръ, оно утрачиваетъ свой частный характеръ и получаетъ, можетъ быть вопреки желанія пишущихъ, значеніе клеветы, безындикаторнаго доноса или жалобы, исполненной укоризненныхъ выраженій,—слѣдовательно такой, которая по закону не можетъ быть принята никакимъ присутственнымъ мѣстомъ (322 ст. XV т. Улож. и 267 ст. X т. ч. 1); 2) на основаніи 166, 167 и 172 ст. IX т. Св. Зак. о сост. непосредственному официальному участію предводителей подлежатъ дѣла дворянскаго сословія, и то вслѣдствіе законно данныхъ имъ уполномочій, а не тѣ совершенно частныя дѣла, которыя касаются отдѣльнаго лица, имѣющаго право и возможность лично ходатайствовать и защищаться по своимъ собственнымъ дѣламъ; 3) въ управленіи издавна принято за правило слѣдовать 644 ст. Св. Зак. угол., по силѣ которой «губернское начальство, принимая жалобы на лица, ему подчиненныя, должно наблюдать, во-1-хъ, за тѣмъ, чтобы не давать движенія жалобамъ, безъ всякихъ доказательствъ приносимымъ, а паче не допускать доносовъ на одной сторонѣ основанныхъ, и, во-2-хъ, чтобы вообще не ослаблять силы и дѣйствія лицъ, ему подчиненныхъ, излишнимъ благопріятствомъ къ жалобамъ и доносамъ и требованіемъ отвѣтовъ и объясненій по навѣтамъ, вниманія не заслуживающимъ». Примѣненіе этого общаго закона представляется настоятельно необходимымъ къ новой власти мировыхъ посредниковъ, которые по самому смыслу ихъ учрежденія поставлены внѣ личной зависимости отъ административныхъ установленій (цирк. мн. внут. дѣлъ отъ 22 марта 1861 года, № 102). 4) Независимо отъ этихъ общихъ законоположеній, во новому закону мировые посредники въ правахъ служебныхъ состоятъ въ равной степени съ предводителями дворянства, соотвѣтствующими статьями опредѣленъ порядокъ, которому какъ помѣщики, такъ и крестьяне должны слѣдовать при обжалованіи рѣшеній и дѣйствій мировыхъ посредниковъ, опредѣлены и обязанности губернскаго присутствія, способъ его дѣйствій и степень власти, ему ввѣренной. Засимъ губернское присутствіе нахо, что такимъ разрѣшеніемъ означенныхъ вопросовъ, съ одной сторо-

ны, полная свобода просить и жаловаться нисколько не стѣсняется ни для кого, а съ другой—губернскій предводитель, какъ членъ присутствія, сохраняетъ вліяніе своего званія и имѣетъ полную возможность ограждать дворянскіе интересы, тѣмъ болѣе, что въ губернскомъ присутствіи по самому его учрежденію засѣдаютъ, кромѣ предводителя, еще четверо мѣстныхъ дворянъ. А потому губернское присутствіе постановило: просить губернскаго предводителя дворянства объ объясненіи всѣмъ обращающимся къ нему лицамъ, что они могутъ подавать въ губернское присутствіе и, кромѣ того, ежедневно и во всякое время дня предсѣдателю онаго или замѣщающему его мѣсто свои просьбы и жалобы съ принятіемъ на себя ответственности за ихъ содержаніе на общемъ законномъ основаніи.

Постановленіе это состоялось по большинству голосовъ, и его подписали: В. Арцимовичъ, кн. А. Оболенскій и П. Свистуновъ.

Какъ мутная волна о каменную скалу, разбились этимъ постановленіемъ всѣ иллюзіи, всѣ надежды дворянскихъ ратоборцевъ. Въ то время, какъ петиція стремилась дать въ борьбѣ перевѣсъ дворянскимъ интересамъ, маскируя свои стремленія громкими фразами о *«доверіи, уваженіи и непристрастіи»*, объ *«общественномъ спокойствіи и порядкѣ»*, о *«самомъ полезномъ содѣйствіи»* и т. д., аргументируя свои доводы произвольнымъ толкованіемъ закона и мечтаніями о будущемъ благополучіи,—губернское присутствіе отвѣчало фактами о внесенныхъ губернскимъ предводителемъ документахъ, исполненныхъ оскорбительныхъ для правительственной власти выраженій, и выведеннымъ на справку закономъ о *«двоносахъ, на одной ябедѣ основанныхъ»*, и *«навѣтахъ, вниманія не заслуживающихъ»*, а дифирамбамъ о предводителяхъ, яко бы *«столицы во главѣ»*, противопоставило ихъ служебную, въ законѣ опредѣленную *«равноправность»* съ мировыми посредниками.

Но этимъ дѣло не ограничилось, и финалъ его еще интереснѣе началъ.

Одновременно съ отправкою петиціи тарусскій предводитель дворянства препроводилъ копія съ нея и всѣмъ членамъ губернскаго присутствія при письмахъ. П. Н. Свистуновъ и кн. А. В. Оболенскій дали свои отвѣтные отзывы и, какъ выражающіе ихъ мнѣнія, просили записать эти отвѣты въ журналъ.

Несокрушимою логикой и заразительнымъ юморомъ отличается отзывъ П. Н. Свистунова:

«Законъ предоставляетъ дворянскимъ предводителямъ, — пишетъ онъ между прочимъ, — представительство по уполномочію дворянства о нуждахъ и пользахъ общественныхъ (т. IX, ст. 166, п. 1). Текстъ закона такъ ясенъ, что не можетъ служить поводомъ къ разногласію или спорному толкованію. Сказано: «о нуждахъ и пользахъ общественныхъ», а никакъ не объ интересахъ частнаго лица. Перебравъ тщательно всѣ статьи, касающіяся правъ и обязанностей предводителей дворянства, я не отыскалъ ни одной, изъ которой можно было бы вывести юридическое право заступничества или представительства за частныхъ лицъ, какое авторъ заявленія присво-

званію уѣзднаго предводителя; изъ чего слѣдуетъ заключить, что онъ освобождается отъ присутствія или новаго закона, или, вслѣдствіе превратнаго толкованія закона, болѣе обширнаго примѣненія его. Въ такомъ случаѣ можно сознаться, что его представленіе не подлежитъ разсмотрѣнію присутствія, не облеченнаго законодательною властью. Но оставимъ юридическую сторону вопроса и приступимъ къ разбору его практическаго значенія. Для большей ясности предположимъ, что допускается закономъ представительство со стороны предводителя за частное лицо. Изслѣдуемъ, къ какому заключенію приведетъ насъ примѣненіе на практикѣ такого представительства. Само собою разумѣется, что представительство о нуждахъ и пользахъ общественныхъ имѣетъ мѣсто лишь передъ высшею властью (ст. 112), но передъ какою властью и въ какихъ случаяхъ можетъ принести пользу представительство о нуждахъ и пользахъ частнаго лица изъ дворянъ? Интересъ его можетъ терпѣть отъ нарушенія правъ или личныхъ, или имущественныхъ. Если нарушеніе послѣдуетъ отъ его срочнообязанныхъ крестьянъ, то онъ съ жалобой обращается къ мировому посреднику, рѣшеніе котораго ему предоставлено обжаловать въ мировой сѣздъ. Въ этомъ случаѣ, еслибъ уѣздный предводитель выступилъ въ качествѣ его заступника, то уже тѣмъ самымъ лишилъ бы себя права засѣдать въ мировомъ сѣздѣ въ качествѣ судьи. Такая юридическая аксіома не требуетъ, кажется, и доказательства. Полезно ли, съ другой стороны, будетъ для правительственнаго рѣшенія дѣла подчинить судью влиянію посторонняго лица, облеченнаго властью и официально заступающагося за одного изъ тяжущихся? Затѣмъ, при разсмотрѣніи предполагаемаго закона, возникаетъ вопросъ: въ какомъ случаѣ допускаемому представительствѣ заключается ли для предводителя *обязанность* или *право*? Въ первомъ предположеніи потребуется довѣренность, и тогда нельзя же лишить довѣрителя права избрать себѣ довѣреннаго или искуснѣе или надежнѣе, по его мнѣнію, того заступника, которымъ забываетъ его законъ, иначе—возлагаемая на предводителя обязанность была бы посягательствомъ на право частнаго лица. Предположимъ теперь, что представительство—*право*, закономъ предводителю предоставленное. Право частнаго лица не можетъ быть подчиняемо согласію другого, и потому все дворянство цѣлкомъ поступаетъ въ опеку къ уѣзднымъ предводителямъ. Противъ такого нарушенія правъ дворянства и оскорбленія челоувческаго достоинства заранѣе протестую отъ всей души, тѣмъ болѣе, что такое безусловное подчиненіе можно почесть восстановленіемъ крѣпостнаго права, переводимаго подъ личную попечительства съ крестьянъ на самихъ помещиковъ въ пользу уѣздныхъ предводителей дворянства. Наконецъ, я того мнѣнія, что не совмѣщается понятіе о предводительствѣ съ отношеніемъ, существующимъ между двумя частными лицами. Можно быть предводителемъ или дворянства, или войска, или общества, — воображеніе легко себѣ представляетъ предводителя, выступающаго во главѣ слѣдующей за нимъ массы людей; но предводитель въ отношеніи къ одному лицу не имѣетъ значенія: какъ и могутъ быть сношенія между двумя лицами, изъ коихъ одно будетъ

всегда шагать вперед, а другое — у него по пятамъ. Тутъ какая-то несообразность. При подчиненіи одного лица другому, старшій изъ нихъ будетъ или начальникъ или предводитель, или пестунъ или опекунъ, но никакъ не предводитель. Все это служить подтвержденіемъ того, что кругъ дѣйствія и власти, права и обязанности, присвоенныя предводителямъ дворянства, имѣютъ значеніе лишь въ отношеніи къ собирательному, а не къ частному лицу.

«Если я оспариваю притязанія дворянскихъ предводителей, — заключаетъ свой отзывъ П. Н., — я это дѣлаю въ огражденіе правъ всего дворянства, которыхъ остаюсь ревностнымъ поборникомъ, говорю — поборникомъ ревностнымъ, но съ своей точки зрѣнія на назначеніе и будущность этого учрежденія, дѣя высоко сословіе, призванное, по-моему, къ живому и сильному участию въ дѣлѣ преуспѣянія общественнаго благоденствія».

Столь же убѣдительно и для дворянскихъ притязаній сокрушительнъ отзывъ кн. Оболенскаго.

Обращаясь къ автору петиціи, онъ, между прочимъ, пишетъ слѣдующее:

«Вы желаете, чтобы вамъ, какъ предводителю, было предоставлено право быть ходатаемъ за отдѣльныхъ дворянъ, между тѣмъ, по новому закону, предводитель предсѣдательствуетъ въ мировомъ съѣздѣ, а потому въ дѣлахъ, возникающихъ изъ поземельныхъ отношеній, онъ есть судья высшаго апелляціоннаго суда по этому роду дѣлъ. Спрашиваю васъ: совмѣстны ли эти двѣ обязанности? Можно ли быть ходатаемъ по дѣламъ одной изъ тяжущихся сторонъ и въ то же время быть судьей въ этихъ дѣлахъ? Вы желаете распространенія правъ предводителя и упускаете изъ виду, что оно повлекло бы за собою ослабленіе мировыхъ учреждений, которыя только начинаютъ свою жизнь и составляютъ свѣтлую сторону совершающейся нынѣ реформы. Это тѣ новые мѣхи, которыя только и пригодны для новаго вина. Мировыя учрежденія, какъ институтъ, должны имѣть огромное вліяніе на будущее значеніе дворянства. Кому не извѣстно, какое вліяніе на народъ имѣютъ мировые посредники? Вспомните, что съ введеніемъ этой власти прекратилось требованіе оружія и войскъ. Вѣдь, это своего рода сила, передъ которою должно благоговѣть. Народъ, благодаря вліянію мировыхъ учреждений, получаетъ вѣру въ пользу правительственныхъ распоряженій, начинаетъ сознавать, что правительство заботится объ его устройствѣ и даже на то, что представляется ему невыгоднымъ, сталъ смотрѣть разсудительнѣе. Однимъ словомъ, въ короткое время мировыя учрежденія уже привились къ жизни народа. Въ доказательство силы этихъ учреждений я вамъ укажу еще на замѣчательный фактъ. Вамъ извѣстно, что Медыньскій уѣздъ для мѣстной администраціи былъ всегда пунктомъ самымъ затруднительнымъ для управленія. Въ этомъ уѣздѣ болѣе, чѣмъ въ прочихъ, возникало дѣлъ по злоупотребленію помѣщичьей власти. Однако, несмотря на это, изъ Медыньскаго уѣзда поступило въ присутствіе большее, чѣмъ изъ прочихъ уѣздовъ, количество уставныхъ грамотъ, и почти всѣ онѣ составлены по добровольному соглашенію. Подобный успѣхъ нельзя не при-

писать тому, что мировые посредники въ этомъ уѣздѣ дѣйствовали совершенно самостоятельно. А я полагаю, и вы, вѣроятно, сами согласитесь со мною, что въ настоящее время ничѣмъ нельзя болѣе доказать своей заботы къ интересамъ дворянъ, какъ доставленіемъ возможности этому сословію по-ложительно опредѣлить свои отношенія къ крестьянамъ. Губернское присутствіе всегда это сознавало и способствовало по мѣрѣ силъ своихъ этому желанному исходу дѣла, предоставляя полную самостоятельность дѣйствіямъ мировыхъ учреждений».

В. А. Арцимовичъ, соглашаясь съ доводами членовъ Свистунова и князя Оболенскаго счесть полезнымъ, для большаго уясненія возбужденнаго вопроса, обратиться еще къ слѣдующимъ находящимся въ нашемъ законодательствѣ постановленіямъ:

1. Въ грамотѣ на права, вольности и преимущества благороднаго россійскаго дворянства, въ § 25 сказано: «правосудіе и возмездіе за преступленія ввѣрены въ каждомъ намѣстничествѣ *единственно судебнымъ*, на то установленнымъ мѣстамъ; они выслушиваютъ жалобы истца и оправданія отвѣтника и чинятъ рѣшенія по законамъ, которымъ всякъ, какого бы рода и поколѣнія ни былъ, повиноваться обязанъ: и для того, буде благородный имѣетъ законное требованіе, или кто—на благороднаго, то оное разбирать надлежитъ въ установленныхъ, на то власть имѣющихъ, судебныхъ мѣстахъ, предписаннымъ порядкомъ: *ибо несправедливо, и съ общимъ порядкомъ несходственно бы было, когда бы всякъ въ собственномъ своемъ домѣ вздумалъ сдѣлаться судьей*».

На эти послѣднія слова предсѣдатель обратилъ вниманіе членовъ, какъ на юридическое непрѣмное правило, сила котораго распространена на привилегированное сословіе дворянъ въ самой грамотѣ, опредѣляющей ихъ права, вольности и преимущества.

2. Положеніе 19 февраля предоставило учрежденію мировыхъ посредниковъ особенную самостоятельность. Впослѣдствіи правительство подтвердило свой взглядъ на необходимость удержанія за мировыми посредниками характера самостоятельнаго и независимаго въ выраженіяхъ, не допускающихъ ни малѣйшаго въ этомъ отношеніи недоумѣнія, а именно: главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія, разсматривая представленіе министра внутреннихъ дѣлъ о порядкѣ удаленія мировыхъ посредниковъ отъ должности, въ высочайше утвержденномъ 30 іюля 1861 года Положеніи, между прочимъ, выразился, что должность мировыхъ посредниковъ есть должность почетная, что въ мировые посредники поступило весьма много достойныхъ людей изъ мѣстныхъ дворянъ, которые посвящали себя этой должности не изъ личныхъ выгодъ, не изъ расчета на служебныя преимущества, а единственно изъ безкорыстнаго сочувствія къ совершившемуся преобразованію, и что если при такихъ обстоятельствахъ, въ измѣненіе высочайше утвержденныхъ 19 февраля Положеній, допустить удаленіе мировыхъ посредниковъ отъ должности безъ суда, то это уронитъ ихъ значеніе и будетъ имѣть неминуемымъ послѣдствіемъ то, что многіе и, притомъ

достоинѣйшіе люди устранять себя отъ должности посредниковъ, *трудная обязанность коихъ и могутъ быть исполняемы только добросовѣстно только при независимости ихъ отъ посторонняго вліянія*.

Указавъ присутствію на мнѣніе главнаго комитета о значеніи и достоинствѣ мировыхъ посредниковъ, предсѣдатель присовокупилъ, что если правительство находитъ полезнымъ ограничить въ отношеніи къ нимъ вліяніе собственныхъ своихъ органовъ, обязанныхъ по своему положенію дѣйствовать не иначе, какъ въ видахъ упроченія всѣхъ новыхъ по крестьянской дѣлу законоположеній, то тѣмъ болѣе мировые посредники должны быть ограждены въ своей независимости отъ контроля и вліянія предводителя дворянства,—вліянія, которое весьма естественно не можетъ не имѣть словнаго характера.

3. Изъ журнала тульского по крестьянскимъ дѣламъ присутствія отъ 4 октября сего года видно, что г. министръ внутреннихъ дѣлъ, вслѣдствіи отношенія начальника губерніи о ходатайствѣ мировыхъ посредниковъ по дѣламъ крестьянъ, сообщилъ слѣдующее свое мнѣніе по этому предмету: «главное назначеніе должности мирового посредника—быть примирителемъ и судьей между помѣщиками и крестьянами по разбору недоразумѣній и споровъ, возникающихъ изъ обязательныхъ отношеній. Для сего особенно важно, чтобъ обѣ стороны имѣли полное довѣріе къ его безпристрастію, и если бы мировые посредники приняли на себя ходатайство по дѣламъ крестьянъ, то они могли бы сдѣлаться или, по крайней мѣрѣ, показались бы защитниками исключительно крестьянскаго интереса и, такимъ образомъ, утратили бы свой посредническій характеръ». «Если истина этого воззрѣнія,—замѣтилъ предсѣдатель,—представляется неопровержимою въ отношеніи ходатайства посредниковъ по дѣламъ крестьянъ, которые, по причинѣ своей безграмотности, незнанія законовъ и отчасти даже непониманія своихъ правъ, могли внушить посредникамъ желаніе быть въ этомъ случаѣ ихъ руководителями, то она представляется еще болѣе очевидною въ отношеніи къ ходатайству, или «предстательству» предводителей дворянства по частнымъ дѣламъ отдѣльныхъ дворянъ, обладающихъ всѣми доступными этому образованному сословію средствами защищать свои права. Предсѣдатель мирового съѣзда, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ и представителемъ дворянъ по ихъ частнымъ дѣламъ, *могъ бы сдѣлаться или, по крайней мѣрѣ, казаться заступникомъ исключительно дворянскаго интереса*».

Послѣ вышеприведенныхъ соображеній, относящихся къ существу дѣла, предсѣдатель обратился къ способу разрѣшенія представленія губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства и предложилъ присутствію слѣдующіе вопросы:

1. *Можетъ ли губернское присутствіе удовлетворить вышеозначенное представленіе?* и 2. *Находитъ ли присутствіе основанія принять на себя ходатайство предъ высшимъ правительствомъ по вышеизложенному представленію?*

По первому вопросу члены полагали, что представленіе это противорѣ-

ить существующему закону (ст. 166, IX т. Св. Зак.) и предметъ его уже разрѣшенъ преждесостоявшимися постановленіями присутствія, а потому дозволительнѣе со стороны присутствія не подлежитъ. На второй вопросъ члены отвѣтили также отрицательно на томъ основаніи, что губернское присутствіе составляетъ учрежденіе, обязанное заботиться о сохраненіи въ полной силѣ новыхъ по крестьянскому дѣлу законоположеній, и потому не можетъ ходатайствовать о принятіи такихъ законодательныхъ мѣръ, которыя влѣзли бы къ ослабленію значенія мировыхъ властей и къ покровенію ихъ самостоятельности, столь необходимой при отпращиваніи ими такихъ сложныхъ и многотрудныхъ обязанностей.

Въ особомъ мнѣніи губернскаго предводителя Щукина,—на этотъ разъ мнѣю уже не отличающемся тою самоувѣренностью, какою проникнуто было сочувственно принятое имъ и всѣми наличными сослуживцами его замѣненіе ихъ тарусскаго собрата,—между прочимъ, мы читаемъ слѣдующее: прочитанное въ губернскомъ присутствіи 12 сего декабря заявленіе тарусскаго уѣзднаго предводителя, съ коимъ согласились и прочіе гг. предводители Калужской губерніи, не можетъ не найти и во мнѣ сочувствія, имъ боже, что я самъ дѣйствовалъ согласно съ этимъ убѣжденіемъ (?) въ настоящее время раздѣляю мнѣніе, что хотя и нѣтъ положительнаго закона, допускающаго ходатайство предводителя за отдѣльное лицо дворянина, но тѣмъ не менѣе законъ ставить въ обязанность предводителямъ ходатайство по дѣламъ дворянства вообще; а отъ общаго, по моему мнѣнію, необходимъ переходъ и къ частности. Не входя затѣмъ въ подробный юридическій разборъ заявленія г. тарусскаго предводителя, я по званію моему считаю моею обязанностью представить въ копіяхъ заявленіе г. Чертова и письмо ко мнѣ гг. предводителей на благоусмотрѣніе его высокопрезидентства г. министра внутреннихъ дѣлъ».

Подобное же мнѣніе подавъ и членъ присутствія г. Баскаковъ.

Большинствомъ голосовъ—В. Арцимовичъ, П. Черняевъ (упр. каз. пал.), Г. Башкиръ (губ. прокуроръ), П. Свистуновъ и кн. Оболенскій—было постановлено: оставить представленіе тарусскаго предводителя безъ послѣдствій, о чемъ увѣдомить его и губернскаго предводителя дворянства.

Ишь въ незначительной, наиболѣе характерной части мы ознакомили читателя съ доводами присутствія, сокрушившими дворянскія притязанія. Можетъ возникнуть вопросъ: заслуживала ли вздорная предводительская петиція такого серьезнаго вниманія, такой обстоятельной, всесторонней и блестящей критики, такой полной и мотивированной экспозиціи взглядовъ мнѣній присутствія и отдѣльныхъ членовъ его на значеніе и роль дворянства въ совершающейся реформѣ, на призваніе и судьбу мировыхъ учрежденій? Съ поверхностной, бюрократической точки зрѣнія—петиція этого не заслуживала: можно было ограничиться «оставленіемъ ея безъ послѣдствій», какъ несогласной съ такими-то статьями и пунктами подлежащихъ узаконеній, можно было признать ее не подлежащей разсмотрѣнію учрежденія, въ которое она направлялась. Но калужское присутствіе не могло поступить по общепринятому шаблону—и вотъ почему:

Какою бы вздорною петиція ни представлялась по своему содержанию, она была важна по весьма возможным послѣдствіямъ и по коллективному замышленной цѣли,—въ ущербъ новымъ учрежденіямъ укрѣпить и расчистить дорогу старымъ дворянскимъ вождѣліямъ. Исходила она отъ руководителей дворянства, т.-е. отъ *предсѣдателей мировыхъ съездовъ*—«высшаго апелляціоннаго суда по дѣламъ, возникающимъ изъ поземельныхъ отношеній», а во взглядахъ и служебной политикѣ подобныхъ должностныхъ лицъ нельзя было относиться равнодушно *такому* учрежденію, каковымъ по составу своему было калужское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. Принявъ за правило *человѣческое*, а не служебное только, отношеніе къ каждому, хотя бы таковымъ оказался завѣдомый врагъ, губернское присутствіе опровергая доводы и соображенія обращенной къ нему петиціи, старалось *убѣдить составителей ея* въ неразумности этихъ доводовъ и соображеній, старалось *измѣнить въ ихъ поборникахъ* опасныя для равноправности сторонъ воззрѣнія, убѣжденія и тенденціи и *не могло*, поэтому, довольствоваться формальнымъ отказомъ «на общемъ основаніи». На сколько успѣшными оказались эти старанія въ данномъ случаѣ—это вопросъ иной; для насъ важно совершенно невѣдомое въ ту эпоху, да едва ли наблюдаемое и теперь, стремленіе обремененнаго срочными дѣлами правительственнаго установленія, глубокое и благородное стремленіе—обезоружить антагонизмы не заурядными, *отъинными* способами того или иного отказа, а пересозданіемъ, такъ сказать, *внутренняго* міра идей, воззрѣній и заблужденій, обнаруженнаго у тѣхъ, къ кому отказъ этотъ адресовался, перевоспитаніемъ ума, вразумленіемъ и просвѣтленіемъ его.

Съ другой стороны, губернское присутствіе не могло не предвидѣть (какъ это впоследствии и случилось) возможности того, что дѣло Калужское не ограничится, а переѣдетъ «на благоусмотрѣніе» дальше, въ центръ, куда провинція такъ любитъ отсылать свои «проекты», потерпѣвшіе неудачу на родинѣ. По этому путника требовалось снарядить въ дорогу такъ, чтобы онъ не могъ уже возвратиться непрошеннымъ гостемъ домой въ образѣ полноправнаго хозяина. Мало ли разныхъ мертворожденных недоносковъ, «стихіямъ вопреки, наперекоръ разсудку», можетъ безпрепятственно проникать въ жизнь, мутить и бороздить ее въ теченіе долгихъ лѣтъ, пока не однѣ умныя рѣчи, а и скорбный рядъ повсемѣстно вопиющихъ фактовъ не раскроютъ ослѣпленныхъ очей ревнителямъ *опаснаго ездора*. За примѣрами ходить не далеко...

А потому, великая общественная заслуга—похоронить бѣдоносный «проектъ» въ зародышѣ, пока еще не поздно, пока онъ не добился своей санкціи, пока не совершились эти вопіющіе факты.

Будемъ же благодарны вздорной дворянской петиціи: 35 лѣтъ тому назадъ она вызвала классическую отповѣдь, исполненную и для нашихъ дней таковой живою притягательной силой, такого глубокаго и разносторонняго поученія!

П. Обинскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Введеніе въ изученіе квартирнаго вопроса *).

II.

Пути къ разрѣшенію квартирнаго вопроса.

А. Самопомощь.

Практическая жизнь показала, что всё до сихъ поръ существовавшія въ низшихъ классахъ организаціи самопомощи ровно ничего не сдѣлали въ отношеніи къ квартирному вопросу.

На средневѣковыя товарищества подмастерьевъ и учениковъ, ни знаменитые англійскіе трэдъ-юніоны съ ихъ почти исчерпывающею жизнью рабочаго программой, ни ихъ неудачныя подражанія въ Германіи пресловутыя геверкферейны Гирша и Дункера, ни ихъ болѣе успѣшныя копія въ Бельгіи, Америкѣ или Австраліи, ни русскія артели,—словомъ, ни одна изъ существующихъ организацій низшихъ преимущественно рабочихъ классовъ населенія—не ставили въ пункты своихъ программъ эту одну изъ наиболее важныхъ социальныхъ проблемъ.

Между тѣмъ извѣстны отдѣльные случаи, когда рабочее населеніе тамъ и здѣсь какъ бы активно выступало въ борьбу съ квартирными неурядицами и само строило себѣ жилище **). Но, при ближайшемъ знакомствѣ съ дѣломъ, оказывается, что это участіе хотя оффиціально и существовало, но было настолько до сихъ поръ пассивно, что не можетъ представлять изъ себя ничего серьезнаго. Фактическіе инициаторы дѣла всегда были другіе. Дѣйствительно, отдѣльный филантропъ, то или другое правительственное вѣдомство, въ родѣ прусскаго горнаго, извѣстныя благотворительныя общества, въ духѣ пресловутаго мюльгаузенскаго, съ той или иной степенью успѣха привлекали къ участію въ дѣлѣ населеніе, которое послѣ ряда лѣтъ должно было становиться фактическимъ хозяиномъ всего созданнаго при совмѣстной работѣ. Но попытки этого рода никогда не увѣнчивались успѣхомъ безъ постояннаго содѣйствія и контроля другихъ, помимо рабочихъ силъ.

*) *Русская Мысль*, кн. IV.

**) Англійскіе buildings societies Л. Рейнольдъ стр. 8, и *Aschrott*, стр. 127 и слѣд. „Штудия въ Германіи“ *Otto Trüdinger*, стр. 186 и проч.

В. Филантропія и спекуляція.

Вторая группа, гдѣ мѣропріятія исходятъ уже не отъ самихъ заинтересо-
ванныхъ въ дѣлѣ лицъ, болѣе обширна, чѣмъ первая. Да это и само со-
бою понятно: предприниматели владѣютъ несомнѣнно большими матеріаль-
ными средствами, а благотворители и спекулянты большимъ запасомъ сво-
боднаго времени и энергіи. Кромѣ того во всѣхъ производимыхъ экспери-
ментахъ они не подвергаются никакому серьезному риску, кромѣ неболь-
шихъ матеріальныхъ потерь, съ избыткомъ, впрочемъ, вознаграждаемыхъ
славою благотворительности.

Въ этой группѣ мѣропріятій можно различить нѣсколько различныхъ
путей, стремящихся къ разрѣшенію квартирнаго вопроса. Это, во-первыхъ,
дѣятельность отдѣльныхъ частныхъ лицъ, затѣмъ дѣятельность филантро-
пическихъ корпорацій и, наконецъ, приобретающая въ послѣднее время уси-
ленную популярность постановка вопроса у такъ называемыхъ спекулятив-
ныхъ строительныхъ обществъ дешевыхъ квартиръ.

Дѣятельность отдѣльныхъ частныхъ лицъ—явленіе почти исключитель-
ное. Это или крупные капиталисты, желающіе завѣщать часть своихъ пред-
назначенныхъ на добрыя дѣла суммъ также и на устройство жилищъ для
бѣдныхъ, или рѣдкія самоотверженныя личности, стремленіе которыхъ къ
жизни въ пользу ближнихъ нашло себѣ исходъ въ устройствѣ подобнаго
предпріятія.

Нѣсколько, впрочемъ довольно извѣстныхъ, примѣровъ наглядно иллю-
стрируютъ эту категорію.

Американецъ Пибоди (Peabody), прожившій многіе годы въ Лондонѣ,
передалъ въ 1862 году кружку довѣренныхъ лицъ 150,000 фунтовъ
стерлинговъ съ тѣмъ, чтобъ они улучшили положеніе бѣдныхъ и нуж-
дающихся въ Лондонѣ и подняли ихъ счастье и благосостояніе. Пи-
боди не указалъ, на что именно обратить вниманіе, а предоставилъ это
довѣреннымъ. Послѣдніе (во главѣ ихъ стоялъ лордъ Куртисъ Миранда
Лампсонъ) рѣшились употребить деньги Пибоди на постройку домовъ съ
мелкими квартирами, могущими давать ренту въ 3 или 4%. Пибоди не
оставилъ этого дѣла. Въ 1866 и 1868 году онъ далъ еще по 100,000 ф.
стерл., а послѣ своей смерти завѣщалъ 150,000 ф. ст. Такимъ образомъ
весь данный имъ капиталъ равнялся почти 5 милл. руб. Дѣло пошло
очень успѣшно и къ декабрю 1884 года капиталъ имени Пибоди равнялся
уже 857 т. ф. ст. Но на этомъ дѣло не остановилось. Путемъ значитель-
наго займа удалось еще болѣе расширить дѣло и въ 1886 году было по-
строено 17 громадныхъ зданій со всѣми къ нимъ принадлежностями. Въ
нихъ жили 4,551 семья и 22,755 душъ обоого пола. Зданія эти, казар-
меннаго типа, шли въ разрѣзъ съ извѣстнымъ стремленіемъ англійскаго
поселенія всѣхъ классовъ жить каждой семьѣ въ отдѣльномъ зданіи, тѣмъ
не менѣе нужда оказалась сильнѣе обычая и квартиры въ домахъ Пибоди
брались на-расхватъ. Рядъ постановленій, касавшихся жизни и нравствен-

ости (наприм., возвратившіеся поздно домой въ нетрезвомъ видѣ или вообще замѣченные въ пьянствѣ, немедленно удалялись) повліялъ на составъ населенія. Въ домахъ Пибоди живутъ *только лучшіе и зажиточные* рабочіе и ученые ремесленники, которымъ жить здѣсь служить лучшею для нихъ рекомендаціей.

Вообще же, начиная со второй половины сороковыхъ годовъ и до 1886 года, частными предпринимателями было выстроено 53 зданія на сумму 1,192,700 фунтовъ стерлинговъ. Во всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ помѣщеніяхъ въ 1886 году (Ашроттъ) нашли себѣ приютъ 7,177 семействъ, состоявшихъ изъ 36,224 человекъ.

Для примѣра, среди другихъ націй могу указать на предпріятіе, основанное въ 1858 году Кёхлиномъ, Баумгартеномъ и компанію въ Lötgach'ѣ, или подобное же Круппомъ въ Эссенѣ. Въ послѣднемъ къ концу 1891 года насчитывалось свыше 3,700 квартиръ, вмѣщавшихъ около 26 тыс. человекъ рабочихъ и обоедшихся въ 1 миллионъ семьсотъ тысячъ марокъ. Наемная плата эссенскихъ жилищъ колеблется между 60 и 200 марками, что для Германіи составляетъ ничтожную плату. Процентъ уплачиваемый рабочими Круппу равняется 2,6 марокъ (для постройки дома Круппъ выдалъ рабочимъ ссуду въ 3%.)

Классическій примѣръ самоотверженной дѣятельности отдѣльнаго лица представляетъ изъ себя извѣстная англичанка миссъ Октавія Гилль (Octavia Hill). Заслуга ея въ слѣдующемъ.

Какъ извѣстно, въ крупныхъ городскихъ центрахъ домовладѣлецъ, особенно владѣлецъ домовъ съ мелкими квартирами, рѣдко непосредственно сталкивается со своими жильцами. Между нимъ и мелкою жильцовъ стоитъ его контора или управляющій, болѣе крупный съемщикъ, отдающій уже отъ себя квартиры, комнаты, углы или койки нуждающемуся въ жильѣ бѣдному люду. Всѣ эти посредники и, главнымъ образомъ, съемщикъ, крайне тяжело ложатся на бюджетъ бѣднаго населенія, не говоря уже о томъ самоуправствѣ, которое они у себя заводятъ.

Замѣнить этихъ пересъемщиковъ собою и стремилась миссъ Октавія Гилль. Эта дѣятельная и прекрасно умѣвшая ладить съ простымъ людомъ девушка скоро вытѣснила во многихъ домахъ Лондона прежнихъ квартиро-хозяевъ, бывшихъ ростовщиками въ самомъ худшемъ смыслѣ этого слова, и, отдѣляя изъ квартирной платы значительныя суммы на ремонтъ, сумѣла привлечь и само населеніе своихъ квартиръ къ заботамъ объ улучшеніи ихъ помѣщеній. Конечно, нельзя было ограничиться двумя-тремя зданіями или небольшимъ райономъ. И вотъ Гилль создаетъ себѣ цѣлый штабъ изъ заинтересованныхъ и привлеченныхъ къ дѣлу интеллигентныхъ лицъ и, кромѣ того, путемъ пера и рѣчей на собраніяхъ пытается провести свою идею и въ общество и низшіе слои населенія.

При этомъ необходимо замѣтить, что Гилль никогда не была не только богатою, но даже и зажиточною женщиной. Дѣятельность ея, тѣмъ не мѣньше, никогда не останавливалась за неизмѣнимъ матеріальныхъ средствъ,

на довѣренныя ей деньги она всегда выдавала отъ 4 до 5%. Излишки, — а ихъ всегда было много, — она удерживала на упомянутыя улучшения. Съ временемъ въ Лондонѣ организовалось особое общество, East End Dwelling Company, съ успѣхомъ преслѣдовавшее цѣли Октавіи Гилль.

Миссъ Гилль не осталась вполнѣ одинока на этомъ поприщѣ. Баронесса Бурдеттъ Куттсъ и графиня Дуци въ Лондонѣ, рядъ женщинъ въ Германи, особенно въ Лейпцигѣ, также занялись квартирнымъ дѣломъ немощныхъ, входя съ ними лично въ сношенія, вліяя на нихъ и замѣняя имъ эксплуатировавшихъ ихъ переселенщиковъ.

Въ одномъ Лондонѣ энергіею такихъ частныхъ лицъ было выстроено до 57 зданій, на сумму 311,767 фунт. ст. Благотворительность ихъ разпростиралась на 2,566 семействъ, въ составъ которыхъ входило 11,581 человекъ *).

Къ этой же категоріи отдѣльныхъ благотворителей необходимо отнести и дѣятельность нѣкоторыхъ филантроповъ — заводчиковъ, фабрикантовъ и вообще всякаго рода предпринимателей, такъ или иначе заботящихся о квартирахъ нанимаемыхъ ими рабочихъ и служащихъ. Иногда заботы предпринимателей въ этомъ направленіи достигаютъ почтенныхъ размѣровъ; заводы устриваютъ дешевые дома и даже цѣлые городки для рабочихъ (Раменское подь Москвою, у Круппа въ Эссенѣ, у Пульмана подь Чикаго и пр.). Но, въ большинствѣ случаевъ, постановка дѣла — не одна чисто-филантропическая, но съ примѣсью значительной доли коммерческаго разсчета.

Отъ инициативы отдѣльныхъ лицъ до инициативы, исходящей отъ отдѣльной группы лицъ, организованныхъ въ благотворительное общество, остается, конечно, всего одинъ шагъ. Въ настоящее время нѣтъ ни одного европейскаго государства, не исключая Россіи, гдѣ не имѣлось бы подобнаго рода учрежденій. Появленію и благополучному существованію послѣднихъ въ теченіе многихъ лѣтъ сильно способствуетъ ихъ доходность, т. е. квартирныя предпріятія отнюдь не ложатся на плечи благотворителей, а окупаютъ сами себя и даже даютъ извѣстный, иногда сравнительно высокій, дивидендъ. Ходъ дѣла очень не сложенъ.

Разъ только какое-либо общество, задавшееся цѣлью помощи населенію квартирою, не доставляетъ исключительно «даровыхъ» квартиръ, а взимаетъ извѣстную плату, оно, при рациональной постановкѣ дѣла, уже окупаетъ часть своихъ расходовъ. Плата при этомъ можетъ быть настолько велика, что она будетъ слегка превышать всю сумму расходовъ, изъ которой необходимо выбросить расходы по управленію, такъ какъ въ даровой «администраціи» дѣла и состоитъ благотворительность организаторовъ дѣла.

Напримѣръ, какой-либо, скажемъ, берлинскій семейный рабочій уплачи-

*) По свѣдѣніямъ Aschrott'a за 1886 г., loc. cit., стр. 139.

ваетъ своей квартирной хозяйкѣ за двѣ небольшихъ комнаты въ сѣверной части города примѣрно 30 марокъ въ мѣсяцъ. Эти же тридцать марокъ вносятъ квартирная хозяйка домовладѣльцу, что составляетъ мѣсячную плату за ея квартиру въ три комнаты. Квартирная хозяйка, такимъ образомъ, пользуется за свое предпринимательство одною даровою комнатою и удобствами квартиры въ три комнаты. Домохозяинъ же, собирая въ этомъ домѣ съ каждой жилой комнаты по 10 марокъ, получаетъ, по вычисленію берлинскаго статистическаго бюро, около 10% чистой прибыли, т.-е. съ данной квартиры онъ пользуется въ годъ 26-ю марками *).

Если тотъ же самый домъ брать въ свои руки общество, то оно, *во-первыхъ*, изгоняетъ весь классъ посредниковъ и арендаторовъ, входя въ непосредственное сношеніе съ рабочимъ населеніемъ; во-вторыхъ, оно ограничивается всего половиною прежней прибыли, а слѣдовательно создаетъ возможность сдавать и самыя квартиры значительно дешевле. Довольствуясь при взятой нами для примѣра квартирѣ въ три комнаты всего 5% чистой прибыли, общество сдаетъ рабочему эту квартиру и, притомъ, уже всѣ ея *три* комнаты, за 27 марокъ въ мѣсяцъ.

При прежнемъ порядкѣ одна комната обходилась рабочему въ 15 марокъ, при новомъ онъ платитъ всего 9 марокъ, т.-е. почти вдвое меньше.

Понятно, что общество, убавивъ лишній % изъ своей чистой прибыли или накинувъ всего одну лишнюю марку въ мѣсяцъ на трехкомнатную квартиру, сразу получаетъ возможность производить ремонтъ и улучшенія того же самаго жилища, что, конечно, почти совершенно не производится при прежнемъ порядкѣ.

При извѣстной доходности мелкихъ квартиръ и малой доходности при способахъ помѣщенія капитала (процентъ, которымъ вполне удовлетворяются нѣкоторые западные капиталисты, доходитъ въ настоящее время до 2%, и даже 2 $\frac{1}{2}$ %) «разрѣшеніе квартирнаго вопроса» путемъ обществъ является довольно прибыльнымъ предпріятіемъ. Примѣру благотворительныхъ обществъ стали слѣдовать общества, задавшіяся исключительно коммерческими цѣлями. Дѣятельность этихъ *спекулятивныхъ* обществъ довольно успѣшна. Спекулятивныя общества существуютъ въ настоящее время въ весьма многихъ мѣстностяхъ Европы и Америки, при этомъ они отнюдь не являются дѣломъ аферы и спекуляціи въ тѣсномъ смыслѣ слова. Дѣйствія ихъ согласуются и съ нуждами населенія, и съ требованіями гигиены. Нельзя установить строгаго разграниченія между филантропическими и спекулятивными обществами. Въ весьма многихъ случаяхъ очень трудно различить характеръ общества, такъ какъ дѣятельность его руководится то тѣмъ, то другимъ мотивомъ. Конечно, съ общихъ социаль-политическихъ и экономическихъ точекъ зрѣнія и эти мѣропріятія не являются панацеею всѣхъ золъ социальной жилищной неурядицы.

*) Paul Lechler (*Nationale Wohnungsreform*, 1895) говоритъ о случаяхъ съ 12 и болѣе % дохода съ домовъ нѣмецкихъ городовъ.

При этомъ нужно быть очень осторожнымъ, нужно вникать въ истинную организацію всякаго рода «знаменитыхъ» обществъ. Доказательствомъ можетъ служить исторія извѣстнаго мильгаузенскаго общества (Cité d'ouvrière).

Общество это, весьма симпатичное по своимъ цѣлямъ, возникло въ 1853 г. подъ управленіемъ Дольфуса, человѣка крайне энергичнаго и просвѣщеннаго. Первоначально общество состояло изъ 12 членовъ—мѣстныхъ фабрикантовъ, давшихъ вмѣстѣ капиталъ въ 300.000 франковъ; капиталъ этотъ въ томъ же году удвоилъ императоръ Наполеонъ III.

Затѣмъ дѣятельность общества расширилась, и мы имѣемъ за 30 лѣтъ слѣдующую картину.

Годы.	Число домовъ.	Ихъ стоимость.	Изъ нихъ продано рабочимъ.	
			Число домовъ.	На сумму.
1854	100	256,000	40	118,725
1857	304	776,075	127	332,475
1870	892	2.610,675	859	2.549,125
1881	992	2.957,875	996	2.932,475
1884	1,040	—	1,040	—

При этомъ было выплачено рабочими въ 1854 г. 26,044 марокъ, въ 1857 г. 121,493 м., въ 1870 г. 2.152,770 м., въ 1881 г. 3.845,743 м.

Успѣхъ дѣла такимъ образомъ необычайный. Но, увы, это только на первый взглядъ. При ближайшемъ изученіи, несмотря на такую блестящую внѣшность, закулисная сторона дѣла оказалась болѣе чѣмъ плачевной. Дѣло въ томъ, что, спустя 30 лѣтъ послѣ основанія общества, ни одинъ изъ купленныхъ на средства рабочаго домъ не остался въ рукахъ своего перваго владѣльца. Кромѣ того, во всемъ городкѣ развилось необыкновенно сильное квартирное ростовщичество, почти всѣ квартиры перенанивались по болѣе дорогимъ цѣнамъ, а нѣкоторые стѣснительные §§ устава повели къ ряду другихъ неблагоприятныхъ послѣдствій.

Такимъ образомъ, многіе (между прочимъ, изслѣдователи Post и Albrecht) съ полною справедливостью говорятъ, что совершенно не стѣдуетъ поддерживать Мильгаузенскую систему.

Итакъ, дѣятельность строительныхъ обществъ и ихъ рекламные отчеты должны быть по возможности подвергнуты критикѣ.

Роль этой критики до нѣкоторой степени исполняютъ городскія самоуправленія, снабжающія въ нѣкоторыхъ случаяхъ денежною и иною поддержкой подобнаго рода общества, на условіяхъ контроля и надзора за ихъ дѣятельностью.

Иногда же города выступаютъ сами въ качествѣ дѣятелей по квартирному вопросу и притомъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, часто со значительнымъ успѣхомъ.

С. Городскія самоуправленія.

Задачи и размѣры дѣятельности городскихъ самоуправленій съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе увеличиваются, конечно, лишь въ тѣхъ случаяхъ,

когда параллельно наблюдается и ростъ общественнаго самосознанія и ростъ самаго принципа самоуправленія. Какъ извѣстно, въ самыхъ различныхъ сферахъ городской жизни мѣропріятія, исходяція отъ общинныхъ самоуправленій и городскихъ магистратовъ, приносятъ громадную пользу немущему городскому населенію.

Городъ въ квартирномъ дѣлѣ также можетъ взять на себя нѣсколько функцій. Или онъ выступаетъ въ качествѣ предпринимателя, строя на городскихъ средства соотвѣтствующія зданія, т.-е. заботясь не только о жилищѣ, нанимаемомъ имъ для городскихъ работъ рабочихъ и вообще для всего наиболѣе нуждающагося населенія, или городъ выступаетъ въ качествѣ законодательнаго, административнаго, а иногда и финансоваго органа, издающаго необходимыя постановленія, организующаго специальный надзоръ надъ жилищн. помѣщеніями и выдающаго субсидіи отдѣльнымъ обществамъ, дѣятельность которыхъ полезна въ дѣлѣ улучшенія городскихъ жилищъ.

Способъ разрѣшенія квартирнаго вопроса для городского населенія путемъ дѣятельности городского управленія многими рекомендуется, какъ простой и рациональный, такъ какъ только такимъ путемъ всѣ реформаціонныя стремленія различныхъ функционирующихъ въ городѣ обществъ и лицъ, трудящихся по этому предмету, получаютъ достаточное объединеніе. Выѣтъ съ тѣмъ можетъ быть достигнутъ и несравненно большій успѣхъ въ борьбѣ, такъ какъ, само собою понятно, что городское самоуправленіе обладаетъ и болѣе широкими правами, и средствами, и авторитетомъ, а слѣдовательно и шансами на успѣхъ, чѣмъ отдѣльное, хотя бы и самое энергичное общество, возникшее по частной инициативѣ.

Что касается средствъ, то, кромѣ израсходованія свободныхъ суммъ, городскія самоуправленія могутъ съ полнымъ успѣхомъ произвести специальный на этотъ предметъ заемъ.

Высокій доходъ отъ мелкихъ квартиръ, извѣстный каждому мало-мальски знакомому съ хозяйственною жизнью городовъ, съ успѣхомъ гарантируетъ такое подобнаго рода городское предпріятіе, тѣмъ болѣе, что городъ, держа въ своихъ рукахъ все дѣло городскихъ путей сообщенія, всегда можетъ, улучшая послѣднее, не стѣсняться выборомъ мѣстностей.

Вообще, въ виду недостатка въ жилищахъ въ большихъ городахъ, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ проф. Э. Э. Эрисмана, думающаго, что «то городское управленіе, которое найдетъ средство помочь въ этомъ отношеніи народу, заслужитъ великую благодарность человѣчества».

Это желаніе въ наши дни отнюдь не платоническое мечтаніе. Въ Западной Европѣ мы видимъ, что городское самоуправленіе можетъ не ограничиваться одними только дѣлами по общественнымъ и благотворительнымъ дѣланіямъ и уличному дѣлу. Оно, во-первыхъ, можетъ расширить свои права во вліянію на утвержденіе плановъ частныхъ владѣльцевъ, гдѣ можетъ добиваться постепеннаго проведенія въ жизнь требованій гигиены, во-вторыхъ, оказывать поддержку всякимъ начинаніямъ частныхъ лицъ, преслѣдующихъ дѣль улучшенія квартирнаго дѣла.

«Городъ Флоренція гарантировалъ одному обществу постройки домовъ рабочихъ проценты и амортизацію, т.-е. погашеніе ихъ капитала. Миланъ съ тою же цѣлью отвелъ безвозмездно не только большой участокъ во вновь устраиваемыхъ строительными обществами поселеніяхъ, но и устроилъ канализацію, водопроводы и освѣщеніе. Гавръ пожертвовалъ 25 тыс. франковъ деньгами, и т. д., и т. д.» *).

Эти примѣры отнюдь не исчерпываютъ всѣхъ путей, съ помощью которыхъ городскія самоуправленія могутъ приходить на помощь своему бѣдному населенію.

Городъ можетъ снабдить постепенно всѣхъ служащихъ въ городскомъ управленіи необходимыми имъ квартирами, а также и вообще строить зданія изъ общественныхъ суммъ. Вводя болѣе рациональныя строительныя постановленія и постепенно улучшая распланировку города, организуя улучшенную систему обложения и устраивая новыя, дешевыя и удобныя пути сообщенія, городское самоуправленіе также можетъ принести нѣкоторую пользу населенію. Улучшенныя жилища какого-либо городскаго центра, безъ сомнѣнія, повліяютъ на увеличеніе болѣе энергичнаго прроста въ немъ бѣднаго населенія. Въ 1872 г. общественное мнѣніе германской столицы было усиленно занято квартирнымъ вопросомъ. Берлинскому магистрату предстояло высказаться по этому поводу. Послѣ долгаго обсуждения, управленіе пришло къ заключенію, что оно не можетъ прямо путемъ содѣйствовать разрѣшенію вопроса, и что при всемъ желаніи, въ виду ряда практическихъ затрудненій, оно не имѣетъ никакой возможности приступить само къ постройкѣ жилищъ для бѣдныхъ. Магистратъ предлагалъ взамѣнъ помощь строительнымъ обществамъ, которыя пожелали бы заняться квартирнымъ дѣломъ на окраинѣ города.

Конечно, весьма многія мѣропріятія, къ которымъ могли бы прибѣгнуть городскія хозяйства, разбиваются объ отсутствіе самыхъ необходимыхъ какъ общественно-публичныхъ, такъ и гражданско-правовыхъ законоположеній. Это уже сфера дѣятельности правительственной власти, которая является вынужденною прійти и въ этой области на помощь населенію.

Д. Государство.

Государственное вмѣшательство можетъ происходить, главнымъ образомъ, тремя путями. Во-первыхъ, путемъ изданія законодательныхъ актовъ, положеній, инструкцій и проч.,—словомъ, путемъ созданія особаго *квартирнаго законодательства*. Сюда же, конечно, могло бы быть отнесено и особое вѣдомство *правительственной квартирной инспекціи*, которая бы реализировала всѣ постановленія закона, не давая послѣднимъ возможности становиться мертвою буквой.

Во-вторыхъ, государство можетъ вліять своимъ вмѣшательствомъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, своимъ, такъ сказать, *непосредственнымъ* вмѣша-

*) *Friets Kalle*, стр. 155. Протоколъ 16-го собр. Verein'a f. ff. Gesundheitspflege.

льствомъ въ ту дѣятельность частныхъ лицъ, обществъ и городскихъ управленій, о которой говорилось выше. Здѣсь государству открывается широкій просторъ для различныхъ реформъ, мѣропріятій и организацій, которыя расширили бы *финансовую* сторону путемъ кредита и субсидій и привилегированнаго помѣщенія капиталовъ строительныхъ обществъ, *учучную* — путемъ учрежденія особыхъ музеевъ, комиссій, изслѣдованій, особыхъ изданій плановъ улучшенныхъ жилищъ и проч.

Наконецъ, государство, какъ *предприниматель*, можетъ создавать дешевыя и удобныя жилища для занятыхъ по его найму служащихъ и всякаго рода рабочихъ на государственныхъ заводахъ, рудникахъ, лѣсахъ и проч.

Во всѣхъ этихъ направленіяхъ уже кое-что сдѣлано въ различныхъ государствахъ Европы. Особенно благопріятно относится къ квартирному вопросу верховная власть Франціи, Бельгіи и Англии. Кое-какія начинанія имѣются въ Пруссіи и Австро-Венгріи.

Квартирное законодательство получило особенно сильное развитіе въ Англіи, хотя оно здѣсь преимущественно санитарно-строительное. Какъ слѣднее ни необходимо, но, конечно, жилищное законодательство не можетъ покониться на однихъ только санитарныхъ предписаніяхъ, составляющихъ только опредѣленную часть его. Поэтому, помимо всевозможныхъ постановленій изъ области публичнаго права, разумная квартирная реформа должна быть связана съ измѣненіемъ гражданско-правового пользованія жилищами. Соответствующая передѣлка дѣйствующихъ законоположеній гражданского права должна, главнымъ образомъ, коснуться вопросовъ о наемномъ договорѣ, о квартирномъ ростовщичествѣ и квартирномъ налогѣ.

Движеніе въ пользу изданія особыхъ законодательныхъ актовъ въ сферѣ квартирнаго дѣла, какъ мы уже раньше видѣли, отнюдь не ново. Эти акты, вмѣстѣ съ тѣмъ, и являются главными памятниками исторіи квартирнаго дѣла, съ неурядицами котораго они такъ или иначе боролись въ различныхъ историческихъ эпохи. Но, строго говоря, вплоть до конца 19-хъ годовъ текущаго столѣтія законодательство не занималось квартирными вопросамъ съ подобающимъ дѣлу вниманіемъ.

Только съ этого времени начинаютъ первыя рациональныя попытки изданія особаго квартирнаго законодательства. Раньше другихъ занялись этимъ дѣломъ на крайнемъ Западѣ, именно въ Великобританіи.

Положеніе жилищъ рабочихъ многократно занимало англійскій парламентъ. Результатомъ дѣятельности послѣдняго и явилось изданіе цѣлой группы особыхъ актовъ, положившихъ начало англійскому квартирному законодательству. Первые шаги этого законодательства принадлежатъ къ вѣдительно отдаленному времени, къ началу 50-хъ годовъ. Съ тѣхъ поръ законодательная дѣятельность парламента не прекращалась, но спустя тридцать съ лишнимъ лѣтъ правительственная коммиссія по квартирному вопросу

обнаружила такія явленія въ квартирномъ дѣлѣ, которыя сводили на нѣ влияние квартирнаго законодательства на условія прагтической жизни.

Знатокъ квартирнаго дѣла въ Англіи Ашроттъ *), говоритъ, что «и описанія всѣхъ до сихъ поръ существовавшихъ порядковъ въ рабочихъ жилищахъ видно, что всѣ эти законы или ни въ чему не привели, или повлияли на улучшеніе жилищъ въ самой незначительной степени».

Англійское законодательство о квартирахъ рабочихъ преслѣдуетъ двѣ бую цѣль. Во-первыхъ, оно стремится улучшить исправленіемъ или закрыть негодныя жилища; во-вторыхъ, оно способствуетъ постройкѣ новыхъ помѣщеній для трудящагося люда.

Инициаторомъ дѣла былъ извѣстный лондонскій филантропъ, лордъ Шафтесбюри. Ему удалось провести вначалѣ (въ 1851 году) въ ней, а затѣмъ и въ верхней палатѣ первый законъ о квартирахъ рабочихъ, такъ называемый *Labouring classes Lodging Houses Act.* **). Согласно главнѣйшимъ положеніямъ этого акта все городское населеніе, платящее подати, можетъ устраивать при помощи мѣстной власти рабочія жилища, — впрочемъ, преимущественно для одинокихъ рабочихъ. Типъ построекъ былъ избранъ такъ называемый «казарменный».

Этотъ первый законъ страдалъ рядомъ крупныхъ промаховъ. Онъ давалъ ни права экспроприаціи, ни необходимаго контроля надъ мѣстными властями. И въ то же время въ виду постановленія, дозволявшаго $\frac{1}{10}$ всѣхъ присутствовавшихъ на собраніи по квартирному дѣлу плательщиковъ, вложить свое veto на рѣшеніе этого собранія, законъ получилъ ничтожно практическое примѣненіе.

«Что касается учрежденія домовъ съ мелкими квартирами, — а это и была прямою цѣлью закона Шафтесбюри, — то законъ этотъ, — говоритъ Ашроттъ ***)», — остался мертвою буквой». «Вообще, — добавляетъ онъ, — только двѣ мѣстности — *City of London* и *Huddersfield* — сдѣлали примѣненіе и дозволенія строить жилища зданія (*Logirhäuser*), но и здѣсь это произошло въ минимальныхъ размѣрахъ».

Спустя 17 лѣтъ другой членъ парламента, Торренсъ, поднялъ новую агитацію въ пользу квартирнаго законодательства. Продуктомъ этой агитаціи остался законъ 1868 года: *Artizan's and Labourer's Dwellings Act* дополнявшійся затѣмъ въ 1879 и 1882 году. Актъ Торренса былъ очень распространяющимся на всѣ города Великобританіи (метрополиі вмѣещающіе свыше 10 тысячъ жителей).

Если санитарный чиновникъ (*Medical Officer of Health*) или нѣсколько домовладѣльцевъ опредѣленнаго района найдутъ въ своемъ участкѣ жи-

*) *P. F. Aschrott: „Die Arbeiterwohnungsfrage in England Z.“ 1886. XXX. Schr. d. V. fur S., стр. 109.*

**) Этотъ законъ дважды былъ дополняемъ, въ 1851 и 1858 гг., помощью новыми: *Common Lodging Houses Act.* и въ 1886 году — изданіемъ *Labouring Classes Dwelling Houses Act.*

***) *Aschrott: loc. cit., стр. 111.*

на, могущія вредно вліять на здоровье, то, согласно новому закону, они вѣдомляютъ объ этомъ мѣстную власть. Последняя разсматриваетъ дѣло съ его технической стороны и ставитъ домовладѣльцу на видъ недостатки связанныхъ имъ квартиръ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда домовладѣлецъ послѣ сдѣланнаго ему указація бездѣйствуетъ, мѣстная власть уполномочена произвести за счетъ этого домовладѣльца необходимыя по ея усмотрѣнію поправки, а въ случаѣ крайней антигигиеничности и совсѣмъ уничтожить зданіе. Впрочемъ добавленіе 1879 года нѣсколько смягчило законъ Торренса, надѣливъ кое-какими преимуществами такого домовладѣльца. Именно при уничтоженіи вреднаго въ санитарномъ смыслѣ жилья мѣстная власть обязывалась уплатить домовладѣльцу извѣстную премію.

Но и законъ Торренса, какъ и законъ Шафтесбюри, не получили надлежащаго примѣненія. Добрыя намѣренія законодателя еще разъ разбились о бездѣйствіе мѣстной власти и безучастіе санитарныхъ чиновниковъ.

Наконецъ 3 акта консервативнаго министра Richard'a Cross'a — 1875, 79, 82 года стремятся нѣсколько дополнить законъ Торренса. Согласно имъ въ городахъ съ населеніемъ, превышающимъ 25 тысячъ человекъ, мѣстная власть въ извѣстныхъ случаяхъ уполномочиваются къ уничтоженію не только отдѣльныхъ зданій, но и цѣлыхъ кварталовъ. Власть при этомъ уже не сносится съ домовладѣльцами, а, согласно новому закону, приобретаетъ право экспроприаціи. Гроссовскій законъ, однако, не получилъ никакого практическаго примѣненія и остался на бумагѣ, какъ и предшествующія законодательныя попытки.

Въ началѣ 80-хъ годовъ, послѣ ряда газетныхъ разоблаченій, общественное мнѣніе вынудило парламентъ назначить особую комиссію для всесторонняго изслѣдованія положенія квартирнаго дѣла на островѣ.

Результаты трудовъ комиссіи вызвали появленіе (въ 1885 году) новаго закона о домахъ рабочаго населенія (Housing of the Working classes Act). Законъ усиливаетъ, расширяетъ и видоизмѣняетъ всѣ существовавшія до сихъ поръ постановленія квартирнаго законодательства Великобританіи. Парламентъ не ограничился этимъ шагомъ и вплоть до самаго послѣдняго времени удѣлялъ вниманіе этому важному предмету. Особенно интересенъ законъ 1890 года, написанный въ духѣ предписаній общественной гигиены.

Съ середины 80-хъ годовъ въ Англіи организуются особыя комиссіи и комитеты (Central Sanitary Aid Committee) съ различными подотдѣлами, занимающимися тою или иною стороною квартирнаго дѣла. Комитеты выработываютъ инструкціи для постройки рабочихъ домовъ и въ своемъ районѣ слѣдятъ буквально за всѣми деталями жилищъ, начиная отъ его вентилляціи и кончая дырами въ крышѣ. Эти учрежденія добились, между прочимъ, постановленія о ссудахъ строительнымъ компаніямъ изъ общественныхъ фондовъ. Ссуды выдаются также мѣстнымъ властямъ и тѣмъ отдѣльнымъ частнымъ лицамъ, дѣятельность которыхъ не направлена на спекуляцію. За послѣднія 20 лѣтъ, по вычисленію Otto Trübinger'a, въ Англіи было выдано до 20 милл. такихъ ссудъ.

Однимъ изъ замѣчательныхъ учрежденій въ сферѣ квартирнаго вопроса является, наконецъ, организація болѣе дешеваго и удобнаго городского сообщенія.

Такъ-называемыя *рабочіе поѣзда* (Workmen's trains) существовали въ Англіи отчасти и раньше изданія спеціальнаго о нихъ закона (Cheap Trains Act) и въ 1883 году, въ годъ обнародованія послѣдняго, уже было въ движеніи 107 ежедневныхъ рабочихъ поѣздовъ, съ общимъ пробѣгомъ въ 704 англ. мили. Цифры эти довольно значительны по сравненію съ обязательнымъ постановленіемъ закона, предписывающаго частнымъ желѣзнодорожнымъ обществамъ выпускать въ день по 11 поѣздовъ съ пробѣгомъ въ 50 англ. миль.

Кромѣ того законъ 1883 года впервые ввелъ вмѣшательство государственной власти въ порядки пассажирскаго движенія англійскихъ желѣзныхъ дорогъ, почти цѣликомъ находящихся въ частныхъ рукахъ. Министерство, получивъ право по-своему регулировать беззастѣнчивые порядки англійскихъ желѣзнодорожныхъ компаній, обратило свое усиленное вниманіе на расписаніе поѣздовъ и на тарифъ проѣздной платы. Въ настоящее время англійскимъ милліонерамъ пришлось нѣсколько сузить размѣры своихъ неслыханныхъ дивидендовъ, и англійскій рабочій имѣетъ возможность пользоваться рабочими поѣздами за самую ничтожную цѣну. Она колеблется отъ 50 коп. до 1 рубля въ недѣлю, что при высокомъ Standardѣ of live таможнаго рабочаго и высокой заработной платѣ составляетъ незначительную сумму.

Роль англійскихъ рабочихъ поѣздовъ съ успѣхомъ выполняютъ III-ты классы городскихъ желѣзныхъ дорогъ въ другихъ крупныхъ центрахъ Запада: Нью-Йоркъ и Чикаго, Берлинъ и Лондонъ, Парижъ и Вѣна влѣдѣютъ хорошо организованнымъ городскимъ желѣзнодорожнымъ сообщеніемъ. Только наши столицы не идутъ дальше невозможныхъ конюкъ и ванекъ, удобныхъ болѣе для каррикатуръ юмористическихъ журналовъ, чѣмъ для удобства жителей культурныхъ центровъ. Каждому изъ насъ хорошо знакомо неудобство передвиженія на болѣе значительное разстояніе, хотя бы, на примѣръ, въ Москвѣ. Понятно, что для недостаточнаго населенія это неудобство разрастается до размѣровъ непреодолимой преграды. Босности нашихъ капиталистовъ въ этомъ дѣлѣ тѣмъ болѣе странна, что здѣсь, какъ извѣстно, больше чѣмъ гдѣ-либо можно получить львинныя доли незаслуженно-высокаго дивиденда.

Примѣру Англіи послѣдовали и другія европейскія страны, распространивши принципъ государственнаго вмѣшательства и въ эту сферу человѣческаго быта.

Во Франціи квартирнымъ вопросомъ начали заниматься послѣ холеры 31 года. Впрочемъ, первое серьезное постановленіе—декретъ 1848 и законъ 1850 года. Оба они касаются технико-санитарной стороны дѣла и ведутъ свое начало отъ реформаторской дѣятельности особыхъ комиссій

національнаго конвента 1848 года. Въ §§ закона 1850 года, вообще весьма обстоятельнаго, интересно постановленіе, опредѣляющее строгія дисциплинарныя взысканія за нарушеніе новыхъ постановленій. Квартирное законодательство съ тѣхъ поръ обогатилось кое-какими спеціальными актами. Въ недавнее время, именно въ 1893 году, былъ изданъ обширный законодательный актъ, стремящійся помочь бѣднотѣ пріобрѣсти и владѣть недвижимою собственностью. Законъ даетъ преимущества только тѣмъ, чьи жилища отвѣчаютъ основнымъ правиламъ санитаріи и доступны самому небогатому населенію.

Въ Австро-Венгріи, въ 1892 году, также былъ изданъ первый общеперскаго имперскій законъ о квартирахъ городского населенія. На первомъ планѣ опять-таки стоятъ постановленія изъ области общественной гигиены. Напримеръ, согласно этому закону, зданія, предназначенныя для рабочаго населенія, освобождаются отъ налоговъ подоходнаго и поземельнаго въ тѣхъ случаяхъ, когда они содержатся согласно главнѣйшимъ требованіямъ гигиены жилища.

Кое-какія законодательныя постановленія имѣются и въ Бельгіи, вообще много потрудившейся надъ разрѣшеніемъ квартирнаго вопроса, въ остальныхъ же государствахъ, какъ, напримеръ, въ Германіи, Испаніи, Италіи, Швеции и проч., пока еще не существуетъ особыхъ обще-государственныхъ постановленій, направленныхъ на урегулированіе и реформированіе квартирнаго дѣла.

Е. Національная квартирная реформа.

За послѣдніе два-три года въ Германіи возникло совершенно новое теченіе въ области квартирнаго вопроса. Оно носитъ своеобразное названіе «національной квартирной реформы» и коренится въ разочарованіи всѣми выше изложенными путями разрѣшенія квартирнаго вопроса. Агитація въ пользу этого движенія еще только начинается, и идея его еще не успѣла повсемѣстно проникнуть и подвергнуться достаточной критикѣ со стороны спеціалистовъ.

Недавно въ Берлинѣ вышла новая книжка журналиста Paul'a Lechler'a подъ заглавіемъ *Nationale Wohnungsreform*. Книжка очень дешевая по цѣнѣ, написана хлесткимъ языкомъ и со всѣми приемами агитаціоннаго застрѣльщика и прикрывается именемъ извѣстнаго нѣмецкаго экономиста Шеффле, статья котораго по тому же вопросу и съ тѣмъ же заглавіемъ, что и книжка Лехлера, служитъ приложеніемъ.

«Квартирный вопросъ, съ его нравственною и воспитательною подкладкой, сосредоточиваетъ на себѣ вниманіе всѣхъ друзей народа. Какъ много было уже писано и говорено о квартирныхъ неурядицахъ, этой печальной страницѣ цивилизаціи, и какъ сравнительно мало было до сихъ поръ достигнуто! Уничтоженіе этихъ неурядицъ дѣйствительно составляетъ то средство, помощью котораго могъ бы быть задержанъ духовный и социальный регрессъ нашего народа» (стр. 9).

Но все, что до сихъ поръ было сдѣлано, думаетъ авторъ, было крайне неудачно, — ни частныя лица, ни акціонерныя общества, ни государство представляютъ изъ себя тѣхъ факторовъ, отъ которыхъ можно ожидать разрѣшенія квартирнаго вопроса. Но государство имѣетъ возможность разрѣшить вопросъ, хотя и не тѣми путями, которыми оно до сихъ поръ шло. «Дѣятельность государства должна ограничиваться участіемъ въ организаціи и гарантіей при созданіи необходимыхъ средствъ путемъ кредита» (стр. 20). «Национальная же квартирная реформа должна произойти при помощи народа и для народа, и сотрудничество правительства должно ограничиваться инициативой дѣла, его дальнѣйшимъ обсужденіемъ и надзоромъ за всею организаціей».

Взвалить на плечи правительства это дѣло возможно по тѣмъ же мотивамъ, по которымъ руководствовались при созданіи грандіознаго здания государственнаго страхованія рабочихъ. Авторъ приводитъ слова Шёнберга думающаго, что государство не представляетъ изъ себя только юридическую общину, но также и жизненную общину народа (*Lebensgemeinschaft des Volkes*) и его задачу составляетъ всюду охранять организованнаго народа, гдѣ національныя цѣли народной жизни не достигаются свободно дѣятельностью отдѣльныхъ лицъ и общества.

Исполнить все это должна одна сложная, на подобіе рабочаго страхованія, государственная организація. Организуя особый заемъ, какъ помощь выпуска особыхъ бумажныхъ цѣнностей, такъ и путемъ позаймствованія изъ фондовъ инвалиднаго и старческаго страхованія, эта организація сможетъ подарить почти каждой нуждающейся семьѣ по домику и учредить особыя колоніи въ провинціи, жителямъ которыхъ, въ виду проектируемаго также удешевленнаго тарифа, уже легко будетъ сообщаться съ городами. Всѣмъ дѣломъ должна завѣдывать сложная организація, съ центральною властью и отдѣльными провинціальными органами, впрочемъ, довольно самостоятельными. Лехлеръ довольно обстоятельно и детально разработалъ свой проектъ и привелъ рядъ интересныхъ и остроумныхъ соображеній про и contra. Но что заслуживаетъ особаго вниманія — это тотъ фактъ, что новый проектъ, долженствующій подарить Германіи національную квартирную организацію и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшить по-новому квартирный вопросъ, нашелъ себѣ уже рядъ сторонниковъ среди весьма компетентныхъ и серьезныхъ лицъ нѣмецкаго общества.

Таковы въ общихъ чертахъ мѣтропріятія и пути, по которымъ стремятся измѣнить на Западѣ постановку квартирнаго дѣла и разрѣшить сложныя задачи квартирнаго вопроса.

Но, разумѣется, и тамъ это реформаторское стремленіе имѣетъ своихъ скептиковъ, и притомъ вовсе не въ средѣ невѣждъ или рутинеровъ. Наоборотъ, это люди преимущественно нѣкоторыхъ крайнихъ экономическихъ мнровоззрѣній, ставящіе разрѣшеніе всего квартирнаго вопроса только

исключительно въ полной зависимости отъ дальнѣйшихъ судебъ всей социальной проблемы. Такъ, напримѣръ, извѣстный германскій экономистъ Адольфъ Вагнеръ, считая въ принципѣ всякую реформу невозможною, предлагаетъ предварительно уничтожить частную собственность на городскія имущества. Другой извѣстный экономистъ Ад. Браунъ говоритъ, что, въ виду того, что расходы на квартиру составляютъ отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ всего бюджета бѣдняка, — разрѣшить квартирный вопросъ, оставаясь лишь на его почвѣ, немыслимо.

В. Святловскій 2-й.

Макбетъ *).

Георга Брандеса. Переводъ съ датскаго.

I.

Еслибы Шекспиръ умеръ сорока лѣтъ, говорить гдѣ-то Дауденъ, то потомство связало бы, что это, конечно, великая потеря, но оно нашло бы себѣ утѣшеніе въ мысли, что съ *Гамлетомъ* онъ достигъ вершины своего творчества, такъ какъ едва ли могъ бы создать что-нибудь равное ему по значенію.

А между тѣмъ одинъ за другимъ появляются теперь *Макбетъ*, *Отелло*, *Король Лиръ*, *Антоній и Клеопатра* и т. д. *Гамлетъ* былъ не заключеніемъ поприща поэта; *Гамлетъ* былъ летучимъ мостомъ, съ котораго онъ ринулся въ совершенно новый міръ мрачныхъ тайнъ. Дауденъ мѣткою сравнилъ рядъ трагическихъ образовъ, мелькающихъ передъ глазами Шекспира между 1604 и 1610 г., съ кровавыми и грозными видѣніями, проносящимися передъ взорами Макбета въ зеркалѣ вѣдьмъ.

Въ юности Шекспиръ имѣлъ свойственную молодежи склонность всюду видѣть добро и даже въ самомъ злѣ усматривать нѣчто доброе. Вмѣстѣ съ своимъ героемъ, королемъ Генрихомъ V, онъ думалъ, что во всѣхъ злыхъ вещахъ есть крупинка добра (There is some soul of goodness in things evil). Теперь, когда всѣ бѣдствія земной жизни, когда несчастіе, какъ проблема, встало предъ его внутренними очами, теперь злоба, какъ сила, выступила прежде всего другого передъ нимъ во всей своей характерной мощи. Мы слѣдили за размышленіями о ней въ *Гамлетъ* и въ *Мертъ за Мертю*. Правда, Шекспиръ и раньше занимался этой темой и изобразилъ ее тогда въ крупнѣйшемъ стилѣ, но въ *Ричардъ III* центръ тяжести еще покоился на внѣшней исторіи; Ричардъ былъ все тотъ же съ перваго своего выхода и до послѣдняго. Теперь же Шекспиромъ овладѣваетъ желаніе прослѣдить, какимъ образомъ личность, въ жилы которой злоба вприсунула нѣсколько капель своего яда, вздувается, разлагается, доходить до само-

*) *Georg Brandes: „William Shakespeare“.* Andet Bind. Kjöbenhavn. 1895.

разрушенія или уничтоженія, какъ Макбетъ, Отелло, Лиръ. Честолюбіе леди Макбетъ, зависть Яго, неблагодарность дочерей Лира влекутъ за собой рядъ поступковъ, представляющихъ въ своемъ итогѣ непреодолимо растущее несчастье.

Макбетъ, по моему убѣжденію, это тотъ сюжетъ, за который Шекспиръ беретъ теперь прежде всѣхъ другихъ темъ. Правда, единственное, что мы достоверно знаемъ объ этой пьесѣ, это, что она игралась въ 1610 г. на театрѣ Глобусъ. Д-ръ Симонъ Форманъ въ своихъ мемуарахъ *Booke of Plaies and Notes thereon* пространно описалъ представленіе *Макбета*, на которомъ онъ присутствовалъ 20 апрѣля означеннаго года. Но уже въ комедіи *The Puritan* отъ 1607 г. есть несомнѣнное указаніе на тѣхъ Банко и намекъ, встрѣчающійся въ *Макбетъ* (IV, 1) въ строкахъ

Онъ съ зеркаломъ, и въ немъ я вижу цѣпь
Коронъ и лицъ со скипетромъ двойнымъ,
Съ тройной державою... *),—

намекъ на соединеніе двухъ королевствъ, Англіи и Шотландіи, и ихъ сліяніе съ Ирландіей при королѣ Іаковѣ могъ произвести сильное впечатлѣніе лишь въ томъ случаѣ, еслибъ онъ прозвучалъ со сцены вскорѣ послѣ этого событія. Такъ какъ Іаковъ былъ провозглашенъ королемъ Великобританіи и Ирландіи 20 октября 1604 г., то *Макбетъ* едва ли возникъ позднѣе 1604 или 1605 г.

Съ восшествіемъ на англійскій престолъ Іакова въ англійскую жизнь проникаетъ вѣяніе изъ Шотландіи, и въ *Макбетъ* мы дышемъ шотландскимъ воздухомъ. Трагедія происходитъ въ странѣ, откуда явился новый король, и въ высшей степени правдоподобно переданы въ этой мрачной драмѣ степи, лѣса и замки Шотландіи, ея страсти и ея поэзія.

Многое указываетъ на то, что одинъ и тотъ же полетъ мысли перенесъ Шекспира отъ *Гамлета* къ *Макбету*. Макбетъ, какъ личность, есть своего рода контрастъ Гамлету. Датскій принцъ—страстная, но тонкая и вдумчивая натура; до убійства, которое носится передъ его внутренними очами, онъ полонъ тревоги, онъ осыпаетъ себя упреками, онъ бичуетъ себя, но, со всѣмъ тѣмъ, онъ ни на мигъ не испытываетъ ни малѣйшаго раскаянія въ какомъ-либо изъ совершенныхъ имъ убійствъ, а между тѣмъ, прежде чѣмъ убить короля, онъ убиваетъ четырехъ людей. Шотландскій тагъ—грубый, простой воинъ, челоуѣкъ дѣйствія, разящій послѣ короткаго раздумья, но тотчасъ же послѣ убійства подпадающій подъ власть зрительныхъ и слуховыхъ галлюцинацій и затѣмъ—неудержимо и нерѣшительно, какъ въ бреду—переходящій отъ злодѣйства къ злодѣйству. Онъ заглушаетъ въ себѣ голосъ самообвиненія и подъ конецъ изнемогаетъ, зашатавшись съ отчаяннымъ бѣшенствомъ, какъ прикованный къ столбу медвѣдъ. Гамлетъ говоритъ:

*) Цитаты приводятся въ переводѣ Кронеберга.

«Так блевнеть въ насъ румянецъ сильной воли,
Когда начнемъ мы разсуждать...»

Макбетъ совсѣмъ наоборотъ (IV, 1):

Отнынѣ сердца первенецъ да будетъ
И первенцемъ моей руки. Сейчасъ же
Въначю мысль короной исполненья.

Это два противоположныхъ полюса: Гамлетъ—мыслитель, Макбетъ—полководецъ, «любимецъ Беллоны». Гамлетъ высоко образованъ, онъ въ избыткѣ обладаетъ умственной мощью; его сила—та сила, которая носитъ маску; онъ виртуозъ въ искусствѣ притворства. Макбетъ отличается естественностью, присущей неуклюжести,—естественностью, выдающею себя, когда она хочетъ обмануть. Его жена должна просить его, чтобъ онъ не смотрѣлъ такъ озабоченно, а принялъ бы наружный видъ, способный ввести другихъ въ обманъ.

Гамлетъ—аристократъ, весьма гордый, весьма увѣренный въ своемъ достоинствѣ, весьма строго относящійся къ самому себѣ, слишкомъ строго, чтобъ быть честолюбивымъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово понимается толпой. Для Макбета, наоборотъ, слава—это громкій титулъ, величье—вѣнокъ на головѣ, корона на челѣ. Когда вѣдьмы въ степи и другая вѣдьма, его жена въ замкѣ, обратили его взоры на блескъ короны и могущество скипетра, тогда онъ нашелъ свою великую цѣль, вѣрный выгрышь для этой жизни, ради котораго онъ охотно ставитъ на карту свое благополучіе въ жизни будущей. Между тѣмъ какъ Гамлетъ, при своемъ наследственномъ правѣ на престолъ, не удостаиваетъ и подуматъ о самомъ престолѣ, который у него похищенъ, Макбетъ убиваетъ своего короля, своего благодѣтеля, своего гостя, чтобы отнять у него и его сыновей стулъ подъ пурпурнымъ балдахиномъ.

И, тѣмъ не менѣе, между Макбетомъ и Гамлетомъ есть сходство. Мы чувствуемъ, что эти трагедіи написаны непосредственно одна за другой. Въ своемъ первомъ монологѣ (I, 7) Макбетъ стоитъ въ нерѣшимости, преслѣдуемый сомнѣніями Гамлета:

Ударъ... одинъ ударъ... будь въ немъ все дѣло,
Я не замедлилъ бы. Умчи съ собою
Онъ всѣ слѣды, подай залогъ успѣха,
Будь онъ одинъ начало и конецъ,—
Хоть только здѣсь, на отмели временъ,—
За вѣчность мнѣ перелетѣть не трудно.
Но судъ свершается надъ нами здѣсь.

Гамлетъ говорить: Еслибъ мы были увѣрены въ томъ, что нѣтъ загробной жизни, то стали бы искать смерти. Макбетъ думаетъ: Еслибъ мы не знали, что судъ свершается уже здѣсь, то не стали бы заботиться о будущей жизни. Это—противорѣчіе при всемъ сродствѣ размышленія. Но

Макбета это размышленіе не останавливаетъ. Онъ воззаетъ, какъ самъ говоритъ, шпоры честолюбія въ бока своей воли, прекрасно зная, что она сбѣлаетъ слишкомъ большой скачокъ и упадетъ. Онъ не можетъ протянуться, когда его подстрекаетъ болѣе сильное существо, чѣмъ онъ,—когда его подстрекаетъ женщина.

У него есть фантазія, какъ и у Гамлета, но несравненно болѣе пуглива и ясновидящая. Гамлетъ, увидѣвъ тѣнь своего отца, сначала не находитъ въ этомъ ничего изумительнаго; другіе видѣли ее раньше его и видятъ ее одновременно съ нимъ. Макбету часто являются призраки, которыхъ не видитъ никто другой, и часто чудятся голоса, которые никому другому не слышны.

Когда онъ принялъ рѣшеніе умертвить короля, онъ видитъ въ воздухѣ кинжалъ:

Га! это что?—кинжалъ?

И рукояткою ко мнѣ?—Возьму.

Ты не даешься, и не исчезаешь;

Такъ ты неуловимъ? такъ ты доступенъ

Однимъ глазамъ,—видѣнье роковое?

Кинжалъ—мечта, дитя воображенія,

Горячки жгущей угнетенный мозгъ?

Послѣ убійства тотчасъ же слѣдуетъ галлюцинація слуха:

Я слышалъ,

Раздался страшный вопль: Не спите больше!

Макбетъ зарѣзалъ сонъ...

И весьма знаменательно, что Макбетъ слышитъ, какъ этотъ самый голосъ называетъ его различными титулами, составляющими предметъ его гордости:

По сводамъ замка

Неумолкаемый носился вопль:

Гламисъ зарѣзалъ сонъ; за то отнынѣ

Не будетъ спать его убійца *Кавдоръ*,

Не будетъ спать его убійца Макбетъ!

Еще одна параллель выдаетъ родство между датскою трагедіей и шотландскою. Только въ этихъ драмахъ мертвецы встанутъ изъ могилъ и появятся на сценѣ жизни; только въ нихъ въ атмосферу живыхъ проникаетъ дуновение изъ міра тѣней. Ни въ *Отелло*, ни въ *Лиръ* нѣтъ ни слѣда чего-либо подобнаго.

Здѣсь, какъ и въ *Гамлетѣ*, поэтъ, вводя въ пьесу сверхъестественные элементы, вовсе не подразумеваетъ подъ этимъ, что сверхчеловѣческая сила вмешивается самостоятельнымъ дѣйствіемъ въ человѣческую жизнь; эти элементы—прозрачные символы. Но все же сверхъестественныя суще-

ства, выступающія здѣсь, не могутъ быть приняты за простыя привидѣнія; поэтъ рѣшительно отводитъ имъ существованіе за предѣлами галлюцинаціи. Какъ въ *Гамлетѣ* тѣнь короля видитъ не одинъ только принцъ, такъ и въ *Макбетѣ* вѣдьмы являются взору не одного только героя пьесы, и онѣ находятся на сценѣ вмѣстѣ со своей царицей Гебатой, когда никто ихъ не видитъ, кромѣ театральной публики.

Не надо забывать, что весь этотъ міръ духовъ и міръ вѣдьмъ имѣлъ для современниковъ Шекспира иное значеніе, чѣмъ для насъ, и даже во исполнѣ опровергнуто предположеніе, что самъ Шекспиръ представлялъ себѣ возможнымъ въ дѣйствительной жизни существованіе подобныхъ образовъ. Великіе поэты рѣдко бывали послѣдовательны въ невѣрїи; вѣдь, и Гольбергъ еще вѣрилъ въ явившееся ему привидѣніе. Но не столь важно это обстоятельство, сколько умственный уровень тѣхъ, для которыхъ писалъ Шекспиръ.

Англійскій народъ въ началѣ XVII вѣка все еще вѣрилъ во множество разнообразныхъ злыхъ духовъ, нарушавшихъ порядки природы, вызывавшихъ грозу и бурю, предрекавшихъ несчастія и смерть, распространявшихъ голодъ и повѣтрія. Обыкновенно ихъ представляли себѣ въ видѣ морщинистыхъ старухъ, варившихъ въ котлахъ адскія снадобья для совершенія гнусныхъ злодѣяній, и какъ только воображали, что напали на этихъ вѣдьмъ, имъ мстили сожженіемъ на кострѣ. Въ 1558 г. епископъ Джуэль въ одной изъ своихъ проповѣдей призывалъ Елизавету къ преслѣдованію колдуновъ и вѣдьмъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, нѣкая миссия Дайеръ была обвинена въ колдовствѣ на томъ единственномъ основаніи, что королева нѣсколько ночей сряду не могла спать отъ зубной боли. Въ одномъ только городѣ St. Osees, въ Эссексѣ, было сожжено отъ 70 до 80 вѣдьмъ. Правда, что въ 1584 г. Реджинальдъ Скоттъ въ своей книгѣ *The discoverie of witchcraft* съ изумительною ясностью и свободомысліемъ постарался опровергнуть вѣру въ колдовство и волшебство, но его голосъ затерялся въ хорѣ суевѣрныхъ. Въ особенности король Іаковъ былъ однимъ изъ самыхъ ярыхъ поборниковъ суевѣрія. Онъ самолично присутствовалъ при мучительныхъ пыткахъ, которымъ были подвергнуты 200 вѣдьмъ, сожженныхъ по случаю бури, помѣшавшей переѣзду его невѣсты въ Шотландію. Многія изъ нихъ сознались въ томъ, что летали по воздуху на метловищахъ или въ незримыхъ колесницахъ, запряженныхъ улитками, и въ томъ, что могутъ дѣлаться невидимыми, — замѣчательно, однако, что передъ лицомъ суда онѣ не воспользовались этимъ искусствомъ. Въ 1597 г. Іаковъ далъ въ своей *Демонологіи* какъ бы руководство или учебникъ всѣхъ видовъ волшебства, а въ 1598 г. онъ обрекъ на сожженіе не менѣе 600 старухъ. Въ 1604 г. правительство внесло въ парламентъ законопроектъ противъ колдовства, который былъ принятъ.

Подобно тому, какъ изъ вѣры въ духовъ Шекспиръ извлекъ дивныя воздѣйствія для своего *Гамлета*, — видѣніе на террасѣ великолѣпно въ своемъ родѣ, хотя духъ говорить слишкомъ ужъ долго, — такъ и здѣсь, съ

перваго же шага; при встрѣчѣ вѣдьмъ, онъ такъ вѣрно, какъ будто при помощи камертона, взялъ ноту, опредѣляющую настроеніе его драмы, и всюду, гдѣ вѣдьмы возвращаются, онѣ приносятъ съ собою все то же основное настроеніе. Но въ гораздо большей еще мѣрѣ достойно удивленія—какъ психологически обоснованная галлюцинація и какъ сценическій эффектъ, то мѣсто въ драмѣ, когда Макбетъ видитъ тѣнь Банко сидящемъ за столомъ на стулѣ, оставленномъ для него самого.

Вспомните эти реплики (III, 4).

Россе. ...Угодно-ль

Вамъ сдѣлать честь, присѣсть къ намъ, государь?

Макбетъ. Столъ полонъ!

Леноксъ. ...Вотъ еще есть мѣсто.

Макбетъ. Гдѣ?

Леноксъ. ...Здѣсь, государь. Что съ вами?

Макбетъ. Кто это сдѣлалъ, лорды?

Лорды. Что такое?

Макбетъ. Меня ты въ этомъ учесть не можешь:

Къ чему кивать мнѣ головой кровавой?

Это такъ велико, такъ глубоко и въ такой необычайной степени драматично и сценично, какъ лишь немногіе штрихи въ исторіи всей драмы.

И такова вообще почти вся основная композиція въ этой трагедіи: въ драматическомъ и сценическомъ отношеніи выше всякихъ похвалъ. Вѣдьмы и сны, Макбетъ передъ убійствомъ короля Дункана, леди Макбетъ какъ соннабула—это столь сильныя и эффектныя сцены, что онѣ неизгладимо запечатлѣваются въ памяти зрителей.

Не удивительно, что въ позднѣйшія времена *Макбетъ* сдѣлался самой популярной изъ трагедій Шекспира, типомъ его трагедій, высоко ставившимися даже тѣми, кто въ другихъ случаяхъ не умѣлъ цѣнить его, какъ онъ того заслуживаетъ. Никакая другая изъ драмъ Шекспира не скомпанована такъ несложно, никакая другая не лежитъ такъ, какъ эта, въ одной плоскости. Здѣсь нѣтъ разбросанности и нѣтъ паузъ въ дѣйствіи, какъ въ *Гамлетѣ*, нѣтъ параллельнаго дѣйствія, какъ въ *Лирѣ*. Все здѣсь совершенно просто, все построено по слѣдующей системѣ: комъ снѣга, который катясь становится лавиной. И хотя (вслѣдствіе неудовлетворительности текста) здѣсь встрѣчаются пробѣлы, и хотя то и другое (наприм., въ характерѣ леди Макбетъ) можетъ вызвать различныя толкованія, все же здѣсь нѣтъ таинственности, нѣтъ загадокъ, надъ которыми приходилось бы раздумывать. Здѣсь ничего не скрыто между строкъ, все велико и ясно,—какъ того, все здѣсь сама величіе и сама ясность.

И все же, все же я долженъ признаться, что эта трагедія представляется мнѣ наименѣе интересной изъ Шекспировскихъ пьесъ, не съ художественной, но съ чисто-человѣческой точки зрѣнія. Это богатая, чрезвычайно моральная мелодрама, но лишь въ отдѣльныхъ ея пунктахъ чувствую я, что въ ней бьется сердце Шекспира.

Въ значительной мѣрѣ такое сравнительно холодное отношеніе мое къ *Макбету* зависить, быть можетъ, отъ того, что эта трагедія дошла до насъ въ столь позорно искаженномъ видѣ. Кто знаетъ, какова она была, когда вышла изъ собственныхъ рукъ Шекспира! Игнѣющийся въ наличности текстъ, впервые напечатанный спустя долгое время послѣ смерти поэта, сокращенъ и урѣзанъ, вымаранъ для представленій на сценѣ. Мы можемъ ясно чувствовать, гдѣ находятся выпущенныя мѣста, но пользы намъ отъ этого нѣтъ никакой.

Одинъ уже неестественно маленькій объемъ пьесы служить указаніемъ въ этомъ смыслѣ. Несмотря на обиліе въ ней событій, это безусловно самая короткая изъ драмъ Шекспира. Между тѣмъ какъ въ *Гамлетѣ* 3,924 стиха, въ *Ричардѣ III*—3,599 и т. д., въ *Макбетѣ* всего лишь 1,993.

Затѣмъ, архитектура пьесы, очевидно, изуродована. Разговоръ между Малькольмомъ и Макдуфомъ (IV, 3), который, съ драматической точки зрѣнія, долженъ быть названъ, строго говоря, лишнимъ,—такъ длиненъ, что занимаетъ приблизительно восьмую часть всего объема трагедіи. Можно предположить, что прочія сцены были сколько-нибудь соразмѣрны съ этимъ діалогомъ, ибо Шекспиръ въ другихъ своихъ пьесахъ никогда не бываетъ такъ непропорціоналенъ.

Въ нѣкоторыхъ пунктахъ ясно чувствуются пропуски. Леди Макбетъ предлагаетъ своему мужу (I, 5) убить Дункана. Онъ не даетъ на это отвѣта. Въ слѣдующей сценѣ призжаетъ король. Въ слѣдующей за этою сценѣ Макбетъ уже оставилъ позади себя всѣ соображенія относительно того, совершить ли ему убійство, онъ только обдумываетъ, какъ бы ему исполнить его безнаказанно. Когда онъ колеблется и говоритъ женѣ, что онъ готовъ на все, что можетъ человекъ, но тотъ, кто смѣетъ—больше не человекъ, а звѣрь, то ея отвѣтъ обнаруживаетъ, какъ много отпало въ пьесѣ:

Какой же звѣрь мнѣ умыселъ довѣрилъ?
Задумалъ ты, какъ человекъ; исполни,
И будешь выше ты: не звѣрь, а мужъ.
Удобный часъ и ловкое мѣстечко—
Ихъ не было,—ты ихъ создать хотѣлъ.

Изъ всего этого мы, зрители или читатели, не знаемъ ничего. Супругамъ не было времени даже для самаго незначительнаго разговора.

Сюжетъ для своей трагедіи Шекспиръ заимствовалъ изъ книги, послужившей источникомъ для всѣхъ его англійскихъ «исторій», а именно изъ хроникъ Голиншеда. Голиншедь, передавшій здѣсь, впрочемъ, лишь одинъ изъ отдѣловъ *Scotorum Historiae* Гектора Бойса (Боеція), отнюдь не далъ намъ достовѣрной исторіи. Возстаніе Макдонвальда и морской походъ—легенда; Банко и Флиансъ, какъ родоначальники Стюартовъ,—это вымыселъ хронистовъ. Фамиліи Дункана и Макбета разъединила пролитая кровь. Леди Макбетъ, настоящее имя которой было Грочъ (Gruoch), приходилась внучкой по матери королю, умерщвленному Малькольмомъ II, дѣдомъ Дункана.

Первый муж ея былъ заживо сожженъ съ 50-ю приближенными въ своемъ замкѣ. Ея единственный братъ былъ убитъ по повелѣнію Малькольма. Отецъ Макбета, Финлегъ или Финлей, — тоже палъ въ поединкѣ съ Малькольмомъ. И Макбетъ и жена его имѣли, такимъ образомъ, право отмстить Дункану вровью. Притомъ, своимъ покушеніемъ на жизнь Дункана Макбетъ не погрѣшилъ противъ закона гостепримства. Онъ напалъ на него и убилъ его въ открытомъ полѣ. По порядку же шотландскаго престолонаслѣдія онъ, слѣдуетъ замѣтить, имѣлъ больше правъ на престолъ, чѣмъ Дунканъ. Хотите власть и сдѣлавшись королемъ, Макбетъ правилъ твердо и справедливо. Въ дѣйствительныхъ фактахъ 1040 г., лежащихъ въ основѣ хроники, пожалуй, столь же вѣрная, хотя и гораздо менѣ сложная психологія, какъ и въ пересозданныхъ по Голиншеду событіяхъ, о которыхъ трактуетъ трагедія.

Въ цѣломъ Шекспиръ съ большою точностью придерживается Голиншеда. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ онъ отступаетъ отъ него. По хроникѣ Банко былъ соучастникомъ въ умерщвленіи Дункана; Шекспиръ измѣняетъ это, чтобы дать новому королю незапятнаннаго родоначальника. Затѣмъ, мѣсто изображенія убійства, какъ оно описано въ хроникѣ, Шекспиръ переноситъ на Дункана всѣ подробности, рассказываемыя Голиншедомъ относительно убійства короля Дуффа, дѣда леди Макбетъ, — убійства, совершеннаго начальникомъ крѣпости Фарресъ, «котораго подстрекала къ злодѣянію своими рѣчами жена». Едва ли нужно упоминать о томъ, что самыя превосходныя мѣста въ драмѣ, какъ появленіе тѣни Банко или сцена лунатизма леди Макбетъ, обязаны своимъ возникновеніемъ одному Шекспиру.

Въ свое время (въ 1778 г.), когда была найдена рукопись *Вѣдьмы*, произведенія современнаго Шекспиру поэта Мидльтона, нѣкоторую сенсацию произвело то обстоятельство, что здѣсь встрѣчались въ нихъ цѣломъ двѣ пѣсни, лишь намѣченные въ *Макбетъ* приведеніемъ первой строки, пѣсни «Some amay, some amay» (III, 5) и «Black spirits и т. д. (IV, 1). Поднялись весьма праздные дебаты о томъ, насколько Шекспиръ воспользовался здѣсь Мидльтономъ или Мидльтономъ — Шекспиромъ. Последнее, конечно, наиболѣе правдоподобно, если только какое-нибудь заимствованіе имѣло здѣсь мѣсто. Впрочемъ, всѣ вѣроятія говорятъ за то, что кое-гдѣ въ сценахъ вѣдьмъ въ шекспировскомъ текстѣ, какъ онъ напечатанъ въ изданіи *in folio*, вставлены отдѣльныя строки менѣ выдающагося поэта.

Кромѣ того, здѣсь, какъ и въ *Гамлетъ*, есть возможность предположить, что современныя событія придали болшую свѣжесть и болшой интересъ въ глазахъ Шекспира литературнымъ впечатлѣніямъ, сообщеннымъ хроникой. Тотъ же самый эпизодъ изъ жизни короля Іакова, котораго мы коснулись, говоря о *Гамлетъ*, представлялъ извѣстныя параллели и съ этимъ сюжетомъ. Какъ Макбетъ ѣдетъ впередъ въ свой замокъ, когда долженъ принять у себя Дункана, какъ гостя, такъ и Александръ Рутвенъ, какъ скоро король обѣщалъ ему посѣтить его, поспѣшилъ въ Пертъ, что-

бы тамъ быть ранѣе Іакова. Онъ былъ задумчивъ и разсѣянъ на банкетѣ, устроенномъ въ честь короля, какъ, вѣроятно, былъ и Макбетъ на торжественномъ пиршествѣ, приготовленномъ имъ для Дункана. И Александръ Рутвенъ отводитъ Іакова въ ту комнату, гдѣ сдѣлалъ попытку убить его, подобно тому, какъ Макбетъ отводитъ своего короля въ спальню, которую Дункану не суждено покинуть живымъ.

Шекспиръ изложилъ этотъ сюжетъ подходящимъ къ нему стилемъ, порывистымъ до стремительности, краткимъ до сжатости, гдѣ картины слѣдуютъ непосредственно одна за другой, но гдѣ общія философскія мысли встрѣчаются лишь въ весьма скудномъ объемѣ,—стилемъ, служащимъ выраженіемъ для ужаса и вполне подходящимъ для возбужденія ужаса,—стилемъ, основной тонъ котораго почти не измѣняется, только смягчается въ трогательномъ и потрясающемъ разговорѣ леди Макдуффъ съ ея маленькимъ сыномъ, и лишь на время прерывается тамъ, гдѣ въ пьесу влетаетъ неподобный шуточный монологъ привратника.

Вся драма съ начала до конца занимается двумя главными лицами, Макбетомъ и его женой, въ ихъ внутреннемъ мірѣ происходитъ существенное дѣйствіе. Прочія лица лишь слегка очерчены.

Пѣсня вѣдьмъ, открывающая трагедію, заканчивается чудеснымъ стихомъ, въ которомъ прекрасное и безобразное ставятся одно на мѣсто другого. «Fair is foul and foul is fair».

И глубокаго смысла исполнена та черта, что Макбетъ, не слыхавшій этого припѣва, напоминаетъ его въ самой первой своей репликѣ:

So foul and fair a day
Shane not seen.

Эти слова какъ будто раздаются у него въ ухахъ; это знаменуетъ, что между нимъ и вѣдьмами существуетъ таинственная связь. Да и вообще такого рода тонкихъ совпадений и контрастовъ найдется не мало среди репликъ этой трагедіи.

Послѣ того, какъ леди Макбетъ, которую поэтъ выводитъ передъ зрителями совершенно законченную въ ея злобѣ (I, 5), произнесла сама въ себѣ:

И воронъ

Охрипъ, закаркавъ на пріѣздъ Дункана.

Сюда-жъ, сюда, о демоны убійства!—

слѣдующая сцена открывается счастливымъ настроеніемъ и прелестными картинами, заключающимися въ приводимомъ ниже обмѣнѣ репликъ:

Дунканъ. Прекрасный видъ! Какъ чистъ и легокъ воздухъ!

Какъ нѣжно онъ ласкаетъ наши чувства!

Банко. А вотъ и ласточка, весенній гость:

Ея присутствіе намъ говорить,

Что мирно здѣсь дыханье неба вѣетъ.

Взгляните: нѣтъ ни уголка, ни фриза,

Гдѣ-бъ не висѣлъ птенцовъ воздушный домикъ.

А гдѣ онѣ, замѣтилъ я, гнѣздятся
Съ такой охотою, тамъ воздухъ чистъ.

Тотчасъ послѣ того поэтъ снова углубляется въ изученіе этой худой, групкой и жестокой женщины, снѣдаемой властолюбіемъ и жаждой блеска, этой женщины, которая, отнюдь не будучи той невозмутимой отравительницей, какою она тщится сдѣлаться, въ силу своей несравненно болѣе твердой воли, подстрекаетъ своего мужа совершить преступленіе, обѣщавшее имъ ей по ея словамъ:

Кормила я и знаю,
Какъ дорого для матери дитя;
Но я безъ жалости отторгла-бъ грудь
Отъ нѣжныхъ, улыбающихся губокъ,
И черепъ бы малютѣ раздробила,
Когда-бъ влялась, какъ влялся ты!

Такъ велика ея жестокость. И все же леди Макбетъ менѣе сильна, чѣмъ хочетъ казаться. Ибо, приготовивъ книжалы для мужа, она тотчасъ же послѣ того говоритъ:

Не будь онъ
Во снѣ такъ рѣзко на отца похожъ,
Я поразмла бы его сама.

За прямо мастерской и захватывающей сценой между супругами послѣ убійства идетъ, какъ ужасающе-юмористическій контрастъ, веселая фантазія, на тему ада, привратника, воображающаго, что онъ стоитъ на часахъ у вратъ преисподней (и, между прочимъ, отказывающаго въ пропускѣ изупамъ съ ихъ вазуистивой и *reservatio mentalis*) и слѣдующій затѣмъ обитѣ репликѣ съ Макдуффомъ о вліяніи воды на эротическія влеченія и способности. Какъ извѣстно, въ свое время Шиллеръ изъ классическихъ предразсудковъ вычеркнулъ въ своемъ переводѣ этотъ монологъ и замѣнилъ его благочестивымъ утреннимъ гимномъ; болѣе удивительно то, что одинъ изъ англійскихъ поэтовъ, Кольриджъ, нашелъ, что онъ нарушаетъ ходъ дѣйствія, и счелъ его поддѣльнымъ. Не принадлежа собственно къ лучшимъ образчикамъ низкаго комизма у Шекспира, онъ представляетъ въ дѣйствительности, какъ усиливающій воздѣйствіе контрастъ къ предыдущему и послѣдующему, неодолимую и необходимую приправу къ трагедіи. Въ этомъ мѣстѣ дѣйствіе неизбежно должно было прерваться на четверть часа, чтобы дать Макбету и его женѣ время переодѣться въ ночное платье, и какой же перерывъ могъ быть эффектнѣе этого стука въ ворота замка, заставляющаго ихъ обонхъ содрогнуться отъ страха и дающаго поводъ къ сценѣ привратника.

Въ жемчужинамъ пьесы принадлежитъ затѣмъ сцена между леди Макдуффъ и ея маленькимъ, умненькимъ сыномъ непосредственно передъ тѣмъ, какъ являются убійцы и умерщвляютъ ихъ. Всѣ реплики умнаго ребенка

полны интереса, а горько-пессимистическая реплика матери замѣчательно характерна не только для нея самой, но и для настроенія, въ которомъ находится въ этотъ моментъ поэтъ:

... Что сдѣлала я злого?
 Однакожь, да! Я здѣсь, на этомъ свѣтѣ,
 Гдѣ часто злой бываетъ прославляемъ,
 А тотъ, кто добръ, слыветъ за дурака,
 Безумца вреднаго. Что-жь пользы въ томъ,
 Что женщины щитомъ я укрываюсь
 И говорю: я зла не сотворила?

Такое же отчаяніе слышно и въ восклицаніи Макдуффа, когда онъ получаетъ извѣстіе объ убійствахъ, совершенныхъ въ его домѣ: «Небо видѣло это — и не вступилось за нихъ!» Начало этой большой сцены (IV, 3), — длинный разговоръ между Малькольмомъ и Макдуффомъ, дословно выписанный Шекспиромъ изъ Голиншеда, — слабо и безцвѣтно. Оно едва ли представляетъ какое-нибудь интересное мѣсто, кромѣ развѣ насильно притянутого разсказа о дарѣ короля Эдуарда Исповѣдника испѣлять золотуху, — разсказа, очевидно вставленнаго для того, чтобъ имѣть случай сказать королю Якову любезность, которую ему пріятно было бы слышать. А именно, тамъ значится:

Въ народѣ говорятъ,
 Что царственнымъ потомкамъ передать онъ
 Свой дивный даръ.

Но конецъ сцены, гдѣ Росссе приноситъ Макдуффу вѣсть о нападеніи на его замокъ и произведенной въ немъ рѣзнѣ, достоинъ восторженнаго удивленія:

Макдуффъ. Такъ и дѣтей?
Россе. Жену, дѣтей, вассаловъ,
 Все, что могли найти.
Макдуффъ. А я былъ здѣсь!
 Такъ и жену?
Россе. Да, и жену.
Малькольмъ. Мужайся!
 Пойдемъ, и эту рану сердца
 Пусть безопадная излечитъ месть.
Макдуффъ. Макбетъ бездѣтенъ!... Всѣхъ моихъ малютокъ!
 Всѣхъ, говоришь ты?... Адскій воршунъ!... Всѣхъ?
 Птенцовъ и мать однимъ налетомъ?... Дьяволъ!
Малькольмъ. Снеси несчастье, какъ мужъ.
Макдуффъ. Снесу.
 Но я и чувствую его какъ мужъ.
 Я не могу не вспоминать о томъ,

Что было для меня дороже жизни,
И небо не вступилось?!

Въ этихъ словахъ звучитъ какъ бы голосъ возмущенія, тотъ самый голосъ, который позднѣе раздастся въ *Лиръ*, въ исполненной отчаянія философіи короля: «Что мухи для шалуновъ-мальчиговъ, то и мы для боговъ. Они убиваютъ насъ для своей забавы». Но тотчасъ послѣ того Макдуфъ возвращается къ традиционному возвращенію:

Грѣшный Макдуфъ,
Они погибли за тебя! Презрѣнный,
Не за свои грѣхи они убиты,
А за твои!

Въ этихъ негодующихъ репликахъ есть въ особенности одинъ возгласъ, надъ которымъ приходится призадуматься. Это слова Макдуффа о тиранѣ: Онъ бездѣтенъ. Въ концѣ третьей части *Генриха VI* есть сходное съ этимъ восклицаніе, имѣющее совершенно иной смыслъ. Тамъ король Эдуардъ, Глостеръ и Кларенсъ закалываютъ каждый своимъ мечомъ на глазахъ у Маргариты Анжуйской ея сына. Тогда она восклицаетъ:

Нѣтъ, мясники, дѣтей у васъ, не то бы
И мысль о нихъ была для васъ укоромъ.

(Переводъ кн. Цертелева).

Не было недостатка въ комментаторахъ, хотѣвшихъ навязать то же самое значеніе скорбному воплю Макдуффа, но совершенно ошибочно, такъ какъ связь дѣйствія доказываетъ неоспоримо, что бездѣтный отнынѣ отецъ думаетъ здѣсь единственно о возможности мести, которая удовлетворила бы его вполне.

Между тѣмъ, въ этой репликѣ «Онъ бездѣтенъ» есть другая особенность, на основаніи которой читатели должны предполагать, что у Макбета были дѣти. Леди Макбетъ вѣдь говорила: «Кормила я и знаю, какъ дорого для матери дѣтя», и мы такъ и не узнали, умерли ли эти дѣти, или же она ихъ имѣла отъ перваго мужа (Шекспиръ обошелъ молчаніемъ бракъ, въ которомъ она состояла по историческимъ даннымъ). И что еще важнѣе, не только она говоритъ о своихъ дѣтяхъ, но и Макбетъ какъ будто намекаетъ на то, что у него есть сыновья. Онъ говоритъ (III, 1): «Моя голова увѣнчана бесплодной короной; мнѣ въ руки дали увядшій скипетръ, который чужая рука вскорѣ у меня вывереть, а не мои сыновья унаследуютъ». Въ такомъ случаѣ для дѣтей Банко запятналъ я свою душу».

Правда, по-англійски это выраженіе мѣтѣ опредѣленно (*no son of mine succeeding*). Но еслибъ у него самого не было дѣтей, то послѣдняя изъ приведенныхъ строкъ была бы лишена смысла. Или Шекспиръ забылъ эти прежнія реплики, когда рука его записывала восклицаніе Макдуффа? Это вѣроятно; во всякомъ случаѣ репетиции и представленія пьесы должны вѣдь были постоянно вызывать эти слова въ его памяти. Итакъ, мы сто-

имъ здѣсь лицомъ къ лицу съ однимъ изъ тѣхъ запутанныхъ вопросовъ, которые мы могли бы себѣ уяснить, еслибъ имѣли полный и достовѣрный текстъ.

Корона, которую вѣщія сестры сулятъ Макбету, вскорѣ становится его неотвязною идеей. Онъ зарѣзываетъ короля — и вмѣстѣ съ нимъ зарѣзываетъ сонъ. Онъ убиваетъ, и постоянно видитъ передъ собой убитаго. Все, что становится между нимъ и его жаждой власти, все это уничтожается и вслѣдъ затѣмъ встаетъ съ кровавою головою, какъ призракъ на его пути. Шотландію онъ превращаетъ въ громадное кладбище. Душа его «полна скорпионовъ», ему дурно отъ запаха всей пролитой имъ крови. Подъ конецъ жизнь и смерть дѣлаются для него безразличны. Когда въ день битвы ему сообщаютъ вѣсть о смерти его жены, онъ произноситъ (V, 5) глубокія слова, въ которыя Шекспиръ вложилъ цѣлое меланхолическое міросозерцаніе:

Она могла бы умереть и позже.
 Всегда бы во-время поспѣла эта вѣсть...
 Да! завтра, завтра и все то же завтра
 Скралзить невидимо со дня на день,
 И по складамъ отсчитываетъ время;
 А всѣ вчера глупцамъ лишь озарили
 Дорогу въ гробъ. Такъ догарай, огарокъ!
 Что жизнь? Тѣнь мимолетная, фигляръ,
 Нестово шумящій на помостъ
 И черезъ часъ забытый всѣми, сказка
 Въ устахъ глупца, богатая словами
 И звономъ фразъ, но нищая значеньемъ!

Вотъ конечный взглядъ, къ которому приходитъ Макбетъ, онъ, все ставившій на карту, чтобы приобрѣсть могущество и блескъ. Такая реплика, безъ всякаго подчеркиванья со стороны поэта, даетъ ученіе истинно-моральнаго свойства. Мы тѣмъ сильнѣе чувствуемъ его цѣну, что въ другихъ пунктахъ этой пьесы Шекспиръ не былъ, повидимому, совершенно свободенъ въ своемъ изученіи человѣческой природы, а руководствовался предназначавшимся для зрителей морализирующимъ воздѣйствіемъ. Драму немного портитъ частое указаніе на *fabula docet* и «Такъ бываетъ съ тѣмъ, кто добивается власти преступленіемъ». Честный сначала Макбетъ могъ бы и въ драмѣ, какъ въ дѣйствительности, попытаться примирить народъ съ своимъ, во всякомъ случаѣ неохотно совершеннымъ, злодѣяніемъ, воспользовавшись своею властью, какъ мудрый правитель. Моральная тенденція пьесы исключаетъ эту возможность. Холодная, какъ ледъ, безжалостная, какъ камень, леди Макбетъ могла бы взять на себя послѣдствія своихъ совѣтовъ и поступковъ и такъ же спокойно нести ихъ, какъ ихъ несли отравительницы при княжескихъ дворахъ въ эпоху Возрожденія,—по преданію Лукреція Борджіа и по свидѣтельству исторіи Екатерина Медичи. Но

въ такомъ случаѣ мы лишились бы моральнаго урока, который преподаеть намъ ея гибель, и, что было бы гораздо хуже, лишились бы несравненной сцены дунатизма, которая, — если оставить въ сторонѣ ея болѣе или менѣе совершенную мотивировку, — самымъ дивнымъ образомъ показываетъ намъ, какъ жале нечистой совѣсти, хотя бы оно и притуплялось днемъ, обостряется въ ночную пору и отнимаетъ у виновнаго и сонъ и здоровье.

Мы уже видѣли въ непосредственно предшествовавшихъ пьесахъ (*Конецъ всему отцу отнецъ* и *Мира за мѣру*), что въ этотъ періодъ времени Шекспиръ весьма часто давалъ формальное объясненіе морали, которую можно было извлечь изъ его сценъ. Быть можетъ, это стремленіе находилось въ связи съ неуклонно возрастающей неприязнью общественнаго мнѣнія къ театру. Въ 1606 г. было обнародовано запрещеніе упоминать имя Божіе на нечестивыхъ подмосткахъ сцены. Даже самая невинная клятва воспрещалась въ театральнй пьесѣ. Липомъ къ лицу съ движеніемъ въ умъ, вызвавшимъ подобный парламентскій актъ, у трагическаго поэта естественно должно было возникнуть желаніе насколько возможно рѣшительнѣе доказать строго нравственный характеръ его произведеній.

В. С.

Голосъ провинціи въ вопросѣ о народныхъ чтеніяхъ *).

Живое слово всегда и вездѣ имѣетъ громадное воспитательное значеніе и обладаетъ способностью проявляться въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Чѣмъ культурнѣе общество, тѣмъ разнообразнѣе эти формы, тѣмъ менѣе подвержены онѣ прихотливой регламентаціи, сводящейся къ нулю въ обществахъ высокой культуры; отсюда легко умозаключить, что чѣмъ прихотливѣе эта регламентація, тѣмъ насущнѣе потребность въ живомъ словѣ для успѣховъ культуры, тѣмъ больше силъ приходится затрачивать интеллигенціи на ея удовлетвореніе. Едва ли есть необходимость особенно подчеркивать общезвѣстный фактъ, что въ Россіи вопросъ о живомъ словѣ необыкновенно сложенъ и за послѣднее время все настойчивѣе обращаетъ на себя вниманіе общественныхъ и правительственныхъ сферъ. Вѣдь у насъ не очень давно да и то въ черзуръ малой мѣрѣ признали живое слово могучимъ рычагомъ развитія.

Публичные курсы и лекціи **), *публичныя народныя чтенія* и объясненія коллекцій музеевъ—вотъ тѣ формы живого слова, которыя теперь составляютъ предметъ особенныхъ заботъ со стороны лучшей и благороднѣйшей части русской интеллигенціи и нуждаются въ широкой свободѣ отъ узъ административнаго формализма, бездушнаго и расплывчатаго.

Одна изъ этихъ формъ, на которой мнѣ слѣдуетъ остановиться исключительно вниманіе, — *публичныя народныя чтенія*, — сумѣла пустить прочныя корни въ нашей провинціи, которая, опираясь первоначально на столицы, перешеголяла послѣднія силой интереса и вдумчивостью въ дѣло организаціи народныхъ чтеній съ одной стороны и принесеніемъ крупныхъ нравственныхъ жертвъ—съ другой. Особенно удивляться этому нечего, такъ какъ провинціальныи дѣятель стоитъ ближе къ народу, глубже вникаетъ въ его

*) Читано на „Второмъ съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію“ 1896 года.

**) Провинція усиленно проситъ и тѣхъ и другихъ. См. наприм., весьма любопытный *Отчетъ общества взаимнаго вспоможенія учителямъ и учительницамъ Нижегородской губерніи.*—Съ 1 октября 1894 г. по 1 августа 1895 г. Пижнѣй-Новгородъ 1895 г., стр. 4, 5, 9—11, 31 и слѣд.

міровозрѣніе, лучше понимаетъ его горе, да и самъ чаще испытываетъ вѣднія капризной русской судьбы. Провинція, поскольку она представлена живущимся въ моемъ распоряженіи матеріаломъ, ставитъ всѣ основные вопросы реформы организаціи *публичныхъ народныхъ чтеній* въ Россіи, заторможенныхъ въ значительной степени отсталостью спеціального по этой части русскаго законодательства: намъ остается только прислушаться къ громкимъ голосамъ, по счастью до насъ дошедшимъ, внести свои поправки, свести въ одно цѣлое разнообразныя запросы и по возможности двинуть впередъ практическое разрѣшеніе сильно назрѣвшаго вопроса. Правда, громкіе голоса, о которыхъ я сейчасъ упомянулъ, раздалися благодаря призыву комиссіи по устройству публичныхъ народныхъ чтеній *) въ Москвѣ, состоящей *при* обществѣ распространенія полезныхъ книгъ, и это, внѣ всякаго сомнѣнія, большая заслуга съ ея стороны, вызванная въ свою очередь приглашеніемъ комитета по устройству въ Москвѣ II-го съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію принять участіе въ его секціонныхъ работахъ и въ выставкѣ. Упомянутый призывъ еще лишній разъ доказалъ ту избитую, но не всѣмъ одинаково любезную истину, что только при самомъ живомъ и непосредственномъ общеніи съ провинціей наши столичные центры въ состояніи разумно придти къ ней на помощь.

Рѣшивъ въ принципѣ принять участіе въ съѣздѣ согласно приглашенію его комитета, московская комиссія народныхъ чтеній выдѣлила изъ себя особую подкомиссію, на которую и возложила всѣ работы по участію въ выставкѣ и девятой секціи съѣзда. Подкомиссія открыла свои занятія выработкой программы вопросовъ о современномъ положеніи народныхъ чтеній въ Россіи, которую и разослала по всѣмъ извѣстнымъ ей пунктамъ, гдѣ ведутся такія чтенія. Получились отвѣты изъ 27 губерній съ 54 пунктовъ; въ числѣ отвѣчавшихъ учреждений не значится Постоянной комиссіи по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ. Собранный матеріалъ **) поразительно однообразенъ въ основныхъ вопросахъ и производитъ очень опредѣленное и очень внушительное впечатлѣніе, сущность котораго ничуть бы не измѣнилась, еслибъ удалось получить отвѣты изъ всѣхъ безъ исключенія мѣстностей, гдѣ только устраи-

*) У московской комиссіи до сихъ поръ нѣтъ самостоятельнаго устава; образованная при ней *редакціонная подкомиссія* (для просмотра допущенныхъ къ прозвѣщенію въ народныхъ аудиторіяхъ брошюръ, составленія и изданія новыхъ) занята въ настоящее время пересмотромъ такъ называемыхъ *Временныхъ правилъ* 13 ноября 1893 г., смѣнившихъ собою правила 1876 г. Нельзя не пожелать, чтобы этотъ пересмотръ привелъ къ выработкѣ самостоятельнаго устава и тѣмъ устранилъ ненормальное положеніе московской комиссіи.

**) Не имѣется въ немъ, къ сожалѣнію, подробныхъ свѣдѣній о томъ, какъ внезапно прекращены были нѣсколько лѣтъ существовавшія народныя чтенія въ Астрахани, что крайне любопытно. Въ распоряженіи докладчика находились, кромѣ того, литература печатныхъ отчетовъ и нѣсколько сообщений, полученныхъ какъ отъ частныхъ лицъ, такъ и чрезъ комитетъ съѣзда.

ваются *публичныя народныя чтенія* съ свѣтовыми картинами; усилилась бы, несомнѣнно, лишь тяжесть этого впечатлѣнія. Такое упорное единогласіе дѣятелей по устройству народныхъ чтеній, *не списывавшихся и не совѣщавшихся другъ съ другомъ* для отвѣтовъ, заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія со стороны наблюдателей современной русской действительности.

Вопросы, на которые въ 1895 году провинція отвѣчала московской комиссіи по устройству народныхъ чтеній, можно свести къ пяти основнымъ группамъ:

- I—по исторіи публичныхъ народныхъ чтеній въ Россіи;
- II—по статистическимъ даннымъ, къ нимъ относящимся;
- III—по организаціонной техникѣ;
- IV—по составу читаемыхъ брошюръ и, наконецъ,
- V—группа, касающаяся условій открытія и существованія народныхъ чтеній въ Россіи.

На первомъ планѣ по своему интересу и непосредственному практическому значенію стоятъ четвертая и пятая группы, отличающіяся безусловно *общимъ* характеромъ и формирующія степень успѣховъ въширь и вглубь народныхъ чтеній въ Россіи. Третья группа носитъ на себѣ болѣе *узкій* характеръ и связывается съ двумя первыми. Этою классификаціей я хочу подчеркнуть то обстоятельство, что, трактуя содержаніе вопросовъ четвертой и пятой группъ, мы имѣемъ дѣло съ общегосударственными узаконеніями и циркулярами, отъ которыхъ у насъ стоятъ въ полной зависимости самый характеръ существованія публичныхъ народныхъ чтеній; что же касается третьей группы, подъ которую у меня подведено все содержаніе вопросовъ организаціонной техники чтеній, то въ ней мы прикасаемся по преимуществу къ элементамъ мѣстнаго, временнаго и условнаго значенія, хотя это вовсе не исключаетъ существованія нѣкоторыхъ общихъ принциповъ техники чтеній. При этомъ само собой разумѣется, что при разрѣшеніи всякаго рода вопросовъ организаціонной техники историческія и статистическія данныя играютъ очень замѣтную роль, равно какъ сохраняютъ извѣстный интересъ и для содержанія вопросовъ четвертой и пятой группъ.

Если имѣть въ виду исключительно программу *) вопросовъ, составленную въ упомянутой выше подкомиссіи, то въ составъ пятой группы придется включить нижеслѣдующіе вопросы:

- 1) какія встрѣчаются затрудненія на практикѣ при организаціи народныхъ чтеній и какія желательны нововведенія и улучшенія;
- 2) оказываетъ ли учрежденіе содѣйствіе, и какое именно, ближайшимъ къ нему городамъ и селеніямъ по устройству въ нихъ народныхъ чтеній;

*) Она заключаетъ въ себѣ всего 16 вопросовъ и особо крѣпко о доставленіи въ московскую комиссію народныхъ чтеній печатныхъ отчетовъ, уставовъ и правилъ, гдѣ таковыя имѣются, а равно и адресовъ лицъ, которыя заведываютъ учрежденіями по устройству народныхъ чтеній.

- 3) кѣмъ открыты чтенія и на какія средства содержатся;
- 4) если чтенія существовали, а затѣмъ прекратились, то по какиѣмъ причинамъ *).

Въ четвертой группѣ отнести слѣдуетъ два вопроса:

- 1) сколько и какиѣ брошюры было прочитано и какія изъ прочитанныхъ брошюръ выслушивались съ болѣе большимъ интересомъ;
- 2) достаточенъ ли составъ чтеній для поддержанія постояннаго интереса въ посѣтителяхъ.

Мимоходомъ можно замѣтить, что при настоящемъ положеніи дѣла отъ состава читаемыхъ брошюръ стоитъ въ нѣкоторой зависимости самое число чтеній въ году, о которомъ есть особый вопросъ въ программѣ подкомиссіи.

Одинъ изъ столичныхъ наблюдателей дѣла публичныхъ народныхъ чтеній въ Россіи и самъ принимающій въ немъ непосредственное участіе старается обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство, любопытное и въ общемъ, и въ подробностяхъ:

«Гдѣ ни устраиваются,—пишетъ онъ **),—народныя чтенія, всюду они имѣютъ безусловный успѣхъ и вызываютъ громадный интересъ,—настолько интенсивный, что десятками лѣтъ нарождающаяся въ народѣ приверженность къ посѣщенію кабаковъ и другихъ притоновъ, развращающихъ и озвѣряющихъ его, замѣтно падаетъ, и, бросая кабаки, народъ идетъ на чтенія, въ особенности, если они сопровождаются волшебнымъ фонаремъ, пѣніемъ и музыкой».

Я очень хорошо знаю, что въ современной русской дѣйствительности могутъ отыскаться элементы, которые съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ относятся къ этому наблюденію. Какъ бы ни были крохотны эти элементы и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніяхъ, но для лучшей характеристики ихъ недоумѣнія стоить пересмотрѣть печатные отчеты о народныхъ чтеніяхъ въ провинціи: они единогласно свидѣтельствуютъ о все растущихъ успѣхахъ чтеній среди населенія (и это несмотря на невозможныя условія, въ которыя поставлено у насъ дѣло народныхъ чтеній) и громадномъ интересѣ, ими возбуждаемомъ, подчеркиваютъ образованіе постояннаго контингента слушающихъ и необходимость приложить къ нему особенныя заботы, указываютъ порой на вынужденную необходимость спастись отъ усиленнаго притока массъ введеніемъ небольшой входной платы за слушаніе; встрѣчаются отиѣтки о значительномъ наплывѣ слушающихъ даже на чтенія безъ свѣтовыхъ картинокъ. «Подобный фактъ,—читается въ

*) Сравни случай, указанный выше, въ одномъ изъ примѣчаній.

***) По наблюденіямъ того же лица, «самымъ большимъ вниманіемъ и любовью всегда и вездѣ пользуются чтенія съ историческимъ содержаніемъ или чисто-литературныя, въ особенности стихи», причемъ умѣнье и подготовка чтеца играютъ здѣсь громадную роль; имъ же замѣчено, что «чѣмъ лучше въ литературномъ отношеніи составлено чтеніе, тѣмъ чаще и охотнѣе оно посѣщается».

нижегородскомъ *) отчетъ, — ясно доказываетъ, что народъ интересуется не столько картинами волшебнаго фонаря, сколько самымъ чтеніемъ. Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ говоритъ отчетъ владимирскаго братства св. Александра Невскаго: «Народъ полюбилъ чтенія ради ихъ самихъ, не требуя особой приманки къ собранію для слушанія ихъ». Едва ли нужно оговариваться, что замѣчанія отчетовъ о громадной роли пѣнія, музыки и особенно свѣтовыхъ картинъ на чтеніяхъ не идутъ въ разрѣзъ съ только-что приведенными отмѣтками. Народныя чтенія не только источникъ для *самообразованія*, но и для разумнаго эстетическаго развлеченія, котораго совершенно лишены нашъ народъ, за самыми ничтожными исключеніями. Достаточно сказать, что даже въ Москвѣ, гдѣ такъ любятъ зря швырять деньгами, до сихъ поръ нѣтъ народнаго театра, сооруженнаго на средства города, равно какъ нѣтъ и городской аудиторіи **) для народныхъ чтеній.

Чтенія, — читаемъ затѣмъ въ одномъ изъ харьковскихъ ***) отчетовъ, — привлекаютъ къ себѣ все большее и большее расположеніе простаго народа; нерѣдко можно замѣтить, что на чтенія приходятъ цѣлыя семьи; образовался постоянный контингентъ посѣтителей, не пропускавшихъ почти ни одного чтенія». Последній кievскій отчетъ (стр. 5 въ прим.) замѣчаетъ: «Что въ кievскомъ населеніи есть живая потребность въ народныхъ чтеніяхъ, что оно въ нихъ нуждается и жадно на нихъ набрасывается, лучшимъ доказательствомъ служить чтеніе о Крыловѣ, устроенное въ залѣ городской думы 13 ноября 1894 г., когда эта обширная зала была биткомъ набита, а стоявшая у дверей городской думы полиція выбилась изъ силъ, не допуская еще множества желавшихъ войти, когда зала была уже

*) Для всероссійской выставки 1896 г. въ „Обществѣ распространенія начального образованія въ Нижегородской губерніи“ предпринята систематическая разработка данныхъ о народныхъ чтеніяхъ въ означенной губерніи. Такая разработка необходима теперь по отношенію ко всѣмъ губерніямъ, знающимъ въ предѣлахъ своихъ территорій народныя чтенія.

**) На выставкѣ, устроенной при II съѣздѣ, живымъ укоромъ Москвѣ красовалась великолѣпная модель аудиторіи народныхъ чтеній въ Одессѣ и раздавалась бесплатно изданная ею брошюра *Н. В. Карвацкаго* „Городская аудиторія для народныхъ чтеній въ Одессѣ“. Одесса, 1895 г., in 8, стр. 46 + 2 нел. + листъ чертежей. См. карту народныхъ чтеній въ Россіи, составленную г. *Н. В. Тулуновимъ*; его работа *Народныя чтенія въ Россіи по даннымъ 1894—95 г.*, напечатанная въ *Трудахъ IX сессіи... 2-ю сѣзда*, вмѣстѣ съ картой даетъ очень наглядную картину степени распространенности у насъ народныхъ чтеній, не лишнюю, однако, замѣтныхъ пропусковъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ настоящее время упомянутая въ текстѣ временная подкомиссія превращена въ постоянную (по устройству чтеній по особымъ программамъ) и въ нее передана разработка вопроса по постройкѣ въ Москвѣ зданія народной аудиторіи имени императора Александра Второго; въ свое время на отведеніе мѣста подъ постройку выражено было согласіе московской городской думы.

***) Срв. брошюру *В. Александрова*: „Докладная записка о состояніи народныхъ чтеній при харьковскомъ обществѣ грамотности“. Харьковъ, 1895 г., in 8, стр. 8 (на выставкѣ при II-мъ съѣздѣ раздавалась бесплатно).

не исполнена. О Крыловѣ *) народное чтеніе повторяется ежегодно, и не развѣзна этого чтенія привлекала эту массу. И обставлено это юбилейное чтеніе было совершенно такъ же, какъ и всякое другое, т.-е. ни музыки, ни пѣнія не было. Привлекало, стало быть, эту массу народа чтеніе само по себѣ. Даже самыя публикаціи о чтеніяхъ уже умѣютъ обращать на себя вниманіе народа. «Скромныя маленькія афиши комиссіи народныхъ чтеній,—говорится въ *Отчетъ о дѣятельности воронежской комиссіи народныхъ чтеній за мартъ и апрѣль мѣсяца 1894 г.* (стр. 2),—произвели впечатлѣніе: по словамъ наблюдателей, около нихъ мѣстами замѣчались оживленныя группы народа, о чемъ-то толковавшія и со вниманіемъ къ читавшія». «Чтеніе о Волгѣ,—продолжаетъ отчетъ (стр. 3),—было, видимо, однимъ изъ самыхъ удавшихся чтеній: явившись послѣ него получить нѣсколько бесплатныхъ билетовъ въ одну изъ воронежскихъ мастерскихъ, составитель настоящаго отчета былъ свидѣтелемъ крайне оживленныхъ разговоровъ о немъ среди мальчиковъ и подмастерій, восторженныхъ отзывовъ о картинахъ; одинъ изъ подмастерій даже отказался отъ своего билета на слѣдующее чтеніе, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что за такое удовольствіе онъ и гривенникъ заплатить готовъ, не то что пачка». Насколько высоко поднялся интересъ къ чтеніямъ, можете судить по тому, что въ разгаръ чтеній членами воронежской комиссіи получались даже письма отъ слушающихъ. Эти письма **, какъ драгоценныя голоса народа, имѣютъ весьма важное значеніе для лицъ стоящихъ у дѣла организаціи публичныхъ народныхъ чтеній. На четвертушкахъ простой сѣрой бумаги члены воронежской комиссіи читали просьбы о систематическихъ разсказахъ изъ русской исторіи: «покорнѣйше васъ просимъ, не являйтесь, а многіе: отчего, когда читаютъ по исторіи нашей русской, не пропѣваются всѣ событія, тѣмъ уменьшается интересъ каждаго слушателя. Пріирибрь, читали о Михаилѣ Ярославскомъ, а что было съ Юріемъ Давыдовичемъ, его племянникомъ, другіе интересовались, а не знаютъ, и въ слѣдующее воскресенье не читалось... попросите, чтобы доводили все до обстоятельнаго конца». Бѣдный корреспондентъ изъ народа, конечно, не могъ знать, что комиссія, при всемъ своемъ горячемъ желаніи, ничего не въ состояніи довести «до обстоятельнаго конца», что она не можетъ по своему выбору знакомить слушателей ни съ фактами отечественной исторіи, ни съ образцами отечественной литературы... Другіе слушатели просятъ чаще пускать излюбленныхъ и лучшихъ чтецовъ, читать больше русскія повѣсти въ родѣ Тараса Бульбы, разныя сказки, особенно въ стихахъ, басни Крылова, про животныхъ и т. д. Какой-то еще корреспондентъ изъ народа «наслышался, что китайца куда какъ больше, чѣмъ япон-

*) Слѣдуетъ замѣтить, что чтеніе о Крыловѣ—одно изъ достаточно плохихъ.

***) Нельзя не оставить на видѣ всѣмъ составителямъ отчетовъ о народныхъ чтеніяхъ важности опубликованія подобнаго рода писемъ и не выразить особенной благодарности по адресу воронежской комиссіи за хорошій приирибрь. Въ своемъ отчетѣ за 1894—95 гг. она же опубликовала всѣ три указа 1876 и 1894 гг. о чтеніяхъ.

ца, а, тѣмъ не менѣе, японецъ китайца бьетъ», и просить комиссію, что прочитали о Японіи. И тутъ комиссія ничего не могла сдѣлать для удовольствія законнаго любопытства своего слушателя, ибо въ обиходѣ «официальнаго» чтенія о Японіи нѣтъ, а составить на-скоро свое и прочесть нельзя. И при такихъ-то условіяхъ еще въ силахъ дѣйствовать комиссія народныхъ чтеній!

Тверской отчетъ, замѣчая (стр. 17), что «народныя чтенія завоева прочныя симпатіи населенія», считаетъ необходимымъ подкрѣпить это замѣчаніе примѣрами *устныхъ* благодарностей слушателей послѣ чтенія чинамъ комиссіи за доставленное удовольствіе. Случается, что иные послѣ чтенія тутъ же просятъ дать имъ на домъ прочитать брошюру, дабы лучше выкинуть въ прослушанное *).

Во второмъ черноморскомъ отчетѣ (руч.) комитетъ народныхъ чтеній замѣчаетъ: «практика какъ перваго, такъ и втораго года чтеній убѣждаетъ совершенно въ томъ взглядѣ, что посѣщеніе ихъ носить на себѣ не случайный характеръ и для многихъ оно вошло въ простую потребность. Народъ серьезно къ нимъ относится, указываетъ на это между прочимъ то явленіе, что въ перерывы во время большихъ чтеній онъ не расходится и возвращается въ аудиторію самъ, безъ призыва со стороны учителей ихъ, что поведеніе его по своей скромности и дисциплинированности не оставляетъ желать лучшаго... Несмотря на спеціальность и кажущуюся сухость докторскихъ чтеній, они слушаются съ неменьшимъ вниманіемъ и удовольствіемъ, чѣмъ и всѣ остальные чтенія, и приносятъ безъ сомнѣнія большую пользу, какъ направленные на усвоеніе необходимыхъ въ жизни знаній. Доказательствомъ этому служитъ чтеніе «объ островахъ *Саміи*, произнесенное 22 января 1895 г. и вызванное небрежнымъ отношеніемъ со стороны рабочаго населенія Чернаго городка къ этому вопросу. Близжайшимъ результатомъ этой лекціи было то, что въ первую же за недѣлю было принесено въ приемный покой товарищества для прививки оспы 120 дѣтей».

Съ поразительной наглядностью вырисовываютъ отчеты эту насущную потребность народныхъ массъ въ чтеніяхъ, какъ средствъ для вѣнковаго образованія или полученія здороваго эстетическаго развлеченія. Къ не вездѣ входъ на публичныя чтенія въ народныя аудиторіи допускаетъ бесплатно (что, конечно, нельзя признать нормальнымъ), — и народъ, жалѣя, несетъ свои добытые неустаннымъ трудомъ гроши, лишь бы имъ была возможность прослушать чтеніе и «забыться, — какъ выражается ярославскій

*) Было бы очень полезно ввести всюду практику записей слушателями чтеній (какъ, наприм., это вообще дѣлается въ С.-Петербургѣ на Солянскомъ городкѣ и въ Харьковѣ пока относительно солдатъ); такія записи могутъ быть цѣнными въ отношеніи, что дадутъ надежный матеріалъ для сужденія о степени усвоения и родомъ прослушаннаго и для реформы согласно съ нимъ текстовъ брошюръ, ириважныхъ для народнои аудиторіи. См. образецъ записей въ одномъ изъ харьковскихъ отчетовъ.

отчетъ, — хотя на время отъ гнетущей бѣдности, отъ пошлой мелочи и отъ окружающей».

Но умножая выдержекъ изъ печатныхъ отчетовъ, болѣе или менѣе доступныхъ для интересующихся вопросомъ о народныхъ чтеніяхъ въ Россіи, прибавлю, что крестьянство *) мѣстами досрочно до денежной помощи организаціи публичныхъ народныхъ чтеній, а это очень много значитъ, если припомнить, что сельское населеніе, какъ основной элементъ въ составѣ Русскаго государства, которымъ живеть у насъ все, и безъ того не имѣетъ на себѣ густую массу платежей. Доклады московской уѣздной земской управы за 1887 и 1890 годы заявляютъ, что «чтенія и преимущественно съ туманными картинами производятъ на крестьянъ глубокое впечатлѣніе и неотразимо влекутъ ихъ къ себѣ», встрѣчаютъ среди нихъ «полное сочувствіе» и что число слушателей съ каждымъ годомъ увеличивается; такъ же за № 23 отъ 1892 г. прямо начинается слѣдующимъ заявленіемъ: «При земскихъ училищахъ Московскаго уѣзда ведутся народныя чтенія съ туманными картинами пять лѣтъ, съ 1887 г. Съ какими нѣтъ отношеніями населеніе къ этимъ чтеніямъ, можно судить по ежегодно растающему числу чтеній и слушателей и, кромѣ того, по тѣмъ пожеланіямъ, которыя дѣлаются слушателями на приобрѣтеніе волшебнаго фонаря для своего селенія или для своей школы». Въ Харьковской губерніи три волости въ Змиевскомъ уѣздѣ положили ежегодно тратить 600 руб. на народныя чтенія, и земскій начальникъ 6 участка, пользуясь ассигновкой, открылъ чтенія въ *юродѣ* Чугуевѣ и даже самъ усвоилъ управленіе волшебнымъ фонаремъ; по представленію того же лица разданы чтенія во всѣхъ селахъ 6 земскаго участка. На средства мѣстныхъ крестьянскихъ обществъ открыты чтенія при народныхъ училищахъ карачаровскомъ **) и александровскомъ въ Муромскомъ уѣздѣ, Владимирской губерніи, и въ Корочанскомъ уѣздѣ, Курской губерніи (въ последнемъ случаѣ на одновременную ассигновку въ 300 рублей и, кромѣ того, установлена единая плата: «первый годъ безъ платы допускались слушать чтеніе всѣ семейства, подписавшія не менѣе трехъ рублей предъ открытіемъ чтеній на будущіе годы, а также слушающіе чтеніе стоя»).

Какъ въ общемъ ни сухи и ни скудны подробностями печатные отчеты

*) За послѣднее время многія сельскія общества Симбирской губерніи обращались съ ходатайствами о разрѣшеніи публичныхъ народныхъ чтеній въ принадлежащихъ имъ селеніяхъ; въ 1894 г. такія чтенія состоялись, кажется, при одной сельской школѣ въ Тетюшскомъ уѣздѣ, куда брались картины изъ симбирской комиссіи и городской управы.

**) Въ январѣ 1896 г. чтенія при карачаровскомъ народномъ училищѣ были впервые открыты. Совершилось здѣсь будто бы вѣчто похожее на запрещеніе г-нѣ Штендеру открывать школы грамоты (см. книжку ея *Изъ записокъ сельской учительницы*, 1895 г.). Было бы весьма желательно, чтобы и карачаровская исторія (а равно и астраханская) подверглась такому же всестороннему обсужденію и оцѣнкѣ, какъ и опредѣленіе нижегородскаго епархіальнаго училищнаго совѣта отъ 1895 г.

ты *), въ нихъ все-таки встрѣчаются указанія, что народъ отвлекается чтеніями отъ бутылки, дракъ и вообще всѣхъ скверныхъ проявленій дѣлаго праздничнаго времяпрепровожденія, когда люди, одурѣлые сплошнаго физическаго труда, рѣшительно не знаютъ, что дѣлать и за себя дѣвать, а потому какъ бы самою судьбой обречены кончить день шашанною выпивкой за неизмѣнимъ ничего другого. Объ этомъ отвлеченіи говорятъ даже отчеты епархіальныхъ братствъ (наприм., курскаго пр. Феодосія за 1894 г., стр. 23, 24, 37). «Народныя чтенія,—читаемъ въ логодскомъ отчетѣ (стр. 1—2),—весьма могущественное средство, которое съ большимъ успѣхомъ можетъ служить распространенію просвѣщенія народѣ..., они возбуждаютъ даже въ слушателяхъ стремленіе къ самообразованію**), являюся большимъ подспорьемъ задачамъ школы и представляютъ возможность провести свободные часы полезно и пріятно..., вездѣ привлекаютъ массу слушателей и отвлекаютъ простой народъ отъ удовольствій предосудительныхъ, дѣйствующихъ пагубно на нравственное и матеріальное состояніе». «Отвлекая простой народъ отъ низменнаго развлеченія,—говоритъ тамбовскій отчетъ (стр. 7), чтенія развиваютъ въ немъ вкусъ и охоту къ чтенію полезному и занимательному». Въ докладной запискѣ уѣздной земской управы (№ 9 за 1895 г.) встрѣчаются такіе строки: «народныя чтенія служатъ большимъ оплотомъ противъ пьянства, такъ какъ въ праздничное время вмѣсто того, чтобъ идти вечеромъ въ трактиръ, крестьяне идутъ въ школу послушать чтеніе и посмотреть картинки и такимъ образомъ отвлекаются отъ обычной праздничной выпивки». То же въ иныхъ выраженіяхъ говорятъ ярославскій, екатеринославскій

*) Въ общемъ нельзя не пожелать отчетамъ большей содержательности и, сколько возможно, большей откровенности. Особенный упрекъ за несвоевременную и поверхностную отчетность слѣдуетъ сдѣлать с.-петербургской и московской земскимъ народнымъ чтеніямъ: первая не выпускаетъ отчетовъ съ 1892 г., а вторая лишь въ декабрѣ 1895 г. выпустила отчетъ за время съ 1 сентября 1899 г. по 1 октября 1895 г.

**) Нельзя не замѣтить, что вопросъ о самообразованіи въ настоящее время нашь одинъ изъ самыхъ очередныхъ; въ ореднихъ классахъ русскаго общества стремленіе къ самообразованію особенно рѣзко проявляется; навстрѣчу ему идутъ С.-Петербургскій ежемѣсячный журналъ для самообразованія *Миръ Божій*, издаваемый съ 1892 г. А. А. Давыдовой и В. П. Острогорскимъ и учрежденный въ ноябрѣ 1894 г. „особый отдѣлъ для содѣйствія самообразованію въ комитетѣ педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній“, издавшій *Сборникъ для содѣйствія самообразованію. — Программы чтеній для самообразованія*. Сиб., 1895 г. Цѣна: 1 руб. коп. (первоначально былъ отпечатанъ въ VIII томѣ *Историческаго Обзорія*, издаваемого Историческимъ обществомъ при С.-Петербургскомъ университетѣ);—въ Москвѣ навстрѣчу тому же стремленію идетъ „комиссія по организаціи домашнего чтенія, состоящая при учебномъ отдѣлѣ общества распространенія техническихъ знаній“, открытая весной 1893 г. и издавшая *Программы домашняго чтенія на первомъ семестрѣ стенографическаго курса*. М., 1895 г. Изд. 3-е. Ц. 25 к. (вышли въ свѣтъ программы на второй годъ курса). Первое изданіе программъ названной комиссіи было напечатано мною въ журналѣ *Книголюбивы* за 1894 г. Всѣ эти три предпріятія, какъ видно, имѣли весьма большой успѣхъ.

которые другіе отчеты. Я не удовольствуюсь однако этими примѣрами и веду еще болѣе любопытныя. Комитетъ народныхъ чтеній въ Черномъздкѣ пишетъ въ первомъ своемъ отчетѣ: «Посѣщаютъ аудиторію болѣе частью одни и тѣ же лица. Они являются охотно, слушаютъ съ интересомъ и послѣ чтеній ведутъ оживленныя бесѣды по поводу прочитаннаго. Мѣстный полицейскій приставъ сдѣлалъ такое наблюденіе. Онъ говоритъ, что въ тѣ праздничные дни, когда обыкновенно не производится работъ, замѣчается гораздо большее скопленіе людей въ черногородскихъ школахъ, наблюдается болѣе скандаловъ и значительное увеличеніе продажъ пивныхъ въ сравненіи съ воскресными днями, когда устраиваются чтенія. Такое наблюденіе комитетъ считаетъ весьма цѣннымъ». Вотъ что мы читаемъ еще въ «Отчетѣ о дѣятельности новочеркасской комиссіи народныхъ чтеній за 1893—1895 гг.» (стр. 15—16): «Въ декабрѣ 1893 г., въ январѣ—февралѣ 1894 г. комиссія разсылала билеты на чтенія по артелямъ рабочихъ—каменщиковъ, плотниковъ, слесарей; въ послѣдствіи хозяева этихъ артелей неоднократно сообщали, что рабочіе, бывшіе на чтеніи въ воскресенье, въ день были трезвы и въ понедѣльникъ исправно являлись на работы. Такимъ образомъ хозяева артелей на себѣ лично до нѣкоторой степени испытали пользу чтеній, и когда строительная комиссія *) сдѣлала имъ предложеніе о постройкѣ зданія подряднымъ способомъ, то они не только согласились выполнить работы по умеренной цѣнѣ, но и сдѣлали значительныя скидки; помимо этого комиссія при окончательномъ расчетѣ не могла заплатить имъ всѣхъ заработанныхъ денегъ сразу, и они охотно ждали, и ни разу не напомнивъ о долгѣ, пока она сама окончательно не разсчиталась съ ними уже въ началѣ слѣдующаго года; ихъ добросовѣстной, энергичной и энергичной работѣ комиссія обязана тѣмъ, что постройка, начатая въ апрѣлѣ, исполнѣ была окончена въ теченіе шести мѣсяцевъ, 30 октября состоялось освященіе зданія и первое чтеніе въ немъ». Факты, поименно только что приведенному, высоко поучительны; ихъ наличностью и объясняется, почему на нѣкоторыхъ фабрикахъ и заводахъ энергично взялись за устройство чтеній для рабочихъ. Оказывается, что даже односторонній матеріальный расчетъ долженъ заставить нашихъ фабрично-заводскихъ предпринимателей усиленно принятыя какъ за поднятіе культурнаго уровня рабочаго класса, такъ и за уменьшеніе числа часовъ работы дня; глубокое умственное ничтожество и страшное физическое переутомленіе рабочихъ, которыя приходится теперь наблюдать,—опасныя враги предпринимательскаго дивиденда, да и едва ли для него одного; чѣмъ болѣе культурнѣе и нестощеннѣе рабочій, тѣмъ интенсивнѣе и совершеннѣе его трудъ. Можно было бы съ этою цѣлью подобрать цѣлую серію подобныхъ фактовъ, но это уже выходитъ изъ предѣловъ поставленной мною задачи: надо только подчеркнуть это любопытное совпаденіе интересовъ рабочаго и предпринимателя именно тамъ, гдѣ долго видѣли у насъ только антагонизмъ.

*) По постройкѣ specialнаго зданія для народныхъ чтеній, книжнаго склада и библиотеки-читальни.

Итакъ, не представляется никакой надобности доказывать, что въ народныхъ массахъ ощущается непреодолимое влеченіе къ живому слову: самая неотложная потребность въ публичныхъ чтеніяхъ, что въ обществѣ стѣсненнѣйшій матеріально народъ мѣстами не затрудняется пожертвованіями на эту цѣль, то дѣлая ассигновки цѣлыми обществами, то уплачивая входную плату. Стало быть польза и поднимать рѣчь о томъ, что интеллигенція напрашивается къ народу съ устройствомъ чтеній,—какъ разъ напротивъ: она должна, оказывается, лишь идти навстрѣчу назрѣвшей потребности, рѣзко и въ разнообразныхъ формахъ выражаемой и, къ сожалѣнію, не вездѣ и недостаточно интенсивно спѣшить удовлетворять ей.

Еще медленнѣе спѣшить удовлетворить ей наше законодательство. Конечно, съ отвлеченной юридической точки зрѣнія довольно странно говорить о какомъ-то спеціальномъ законодательствѣ о *народныхъ* чтеніяхъ, рѣчь, казалось бы, можетъ идти лишь объ общихъ нормахъ, опредѣляющихъ въ странѣ положеніе живого слова и стоящихъ въ тѣсной связи съ основами даннаго порядка. Но отвлеченному мышленію юриста становятся на пути два чрезуцуръ реальныхъ явленія — бѣдность и невѣжество, — вопросъ перевертывается, и вотъ мы обязаны сказать, что гражданская правоспособность публичныхъ народныхъ чтеній впервые признана у насъ такъ называемыми Правилами 24 декабря 1876 г., предназначенными, замѣтите, исключительно для губернскихъ городовъ; восемнадцать лѣтъ спустя, 11 октября 1894 г., въ принципѣ разрѣшены чтенія въ уѣздахъ или, какъ говорятъ, распространены Правила 1876 г., что не совсѣмъ такъ, наконецъ 15 іюня 1894 г. дана особая привилегія издательскому обществу при постоянной комиссіи по устройству публичныхъ народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ, брошюры которой допущены къ чтенію «во всѣхъ народныхъ аудиторіяхъ имперіи». Вотъ и всѣ общія постановленія, изданныя до сихъ поръ относительно народныхъ чтеній.

Я не буду входить въ подробный разборъ этихъ постановленій, а скажу лишь въ связи съ ними нѣсколько частичныхъ замѣчаній касательно практики публичныхъ народныхъ чтеній. Не трудно, конечно, подглядѣть, что указанная постановленія очень несложны, не вполне другъ съ другомъ согласованы, допускаютъ вмѣшательство разнообразныхъ властей въ одно и то же дѣло и нѣкоторыя изъятія, которыя на практикѣ приводятъ къ совершенно неожиданнымъ и нежелательнымъ съ точки зрѣнія самихъ постановленій результатамъ. Если вчитаться въ отвѣты, полученные подкомиссіей на ея программу вопросовъ, то мы увидимъ въ нихъ настойчивое указаніе на необходимость отмены Правилъ 24 декабря 1876 года и на страшную трудность широко пользоваться дополненіемъ къ нимъ отъ 11 октября 1894 г. Если обратитесь къ фактамъ и станете тщательно изучать практику народныхъ чтеній, то получите яркое подтвержденіе тому, что Правила 24 декабря 1876 г. совершенно устарѣли *) и чуть ли не съ

*) Кажется, что самая наличность народныхъ чтеній въ жизни подала, между прочимъ, поводъ къ изданію этихъ правилъ. Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ чтенія существовали еще въ 1871—1874 гг.

момента своего изданія не имѣли въ жизни того ограничительнаго характера, который заключается въ ихъ текстѣ (по этому вопросу въ 1894 г. мы читавъ специальный докладъ въ с.-петербургскомъ комитетѣ грамотности); дополненіе къ нимъ (отъ 11 октября 1894 г.) страшно запоздало и само въ дѣлѣ подтвердило съ тяжелыми формальными ограниченіями то, что уже существовало на практикѣ: оно, какъ можно видѣть изъ текста, напечатаннаго въ № 269 *Правительственнаго Вѣстника* за 1894 г., было издано только благодаря ходатайству тверскаго губернскаго земства о разрѣшеніи чтеній вообще во всѣхъ уѣздныхъ городахъ Тверской губерніи (этому земству никакъ не удавалось устроить чтеній въ уѣздномъ городѣ Кашинѣ *). Во многихъ другихъ мѣстностяхъ, какъ извѣстно, было совершенно иначе.

Почти то же приходится сказать и о допущеніи для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ всѣхъ брошюръ с.-петербургской комиссіи народныхъ чтеній: вѣдь и до половины 1894 г. для чтенія разрѣшались преимущественно брошюры этой комиссіи и забравывались почти всѣ прочія. Въ этомъ легко убѣдиться, просмотрѣвъ IV отдѣлъ *Каталога книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія*, изданнаго еще въ 1891 году.

Такъ, всѣ три указанныхъ постановленія **) нуждаются въ коренной переработкѣ, говоря точнѣе, подлежатъ замѣнѣ совершенно новыми, совершенно выяснившимися потребностямъ текущей дѣйствительности.

Отвѣты, полученные изъ провинцій и характеризующіе эту дѣйствительность, въ общемъ жалуются на трудность получить разрѣшеніе на устройство публичныхъ народныхъ чтеній въ уѣздныхъ городахъ и селахъ, на крайнюю и бесполезную сложность процедуры ходатайства, на внимательство въ это дѣло многихъ вѣдомствъ. Насколько сложна и неопредѣленна процедура ходатайства, можно судить изъ того, что одинъ отвѣтъ выставилъ слѣдующее пожеланіе: «должно разъяснить циркулярно всѣмъ школамъ ближайшій путь организаціи публичныхъ народныхъ чтеній». Другіе отвѣты по той же причинѣ выражаютъ пожеланіе, чтобы въ селахъ, какъ и въ губернскихъ городахъ, чтенія разрѣшались попечителями учебныхъ округовъ, т.-е. указываютъ на все удобство *однообразнаго порядка* разрѣшенія чтеній по всей Россіи; такому указанію, конечно, нельзя отказать въ теоретической правильности. Есть отвѣты, которые ведутъ дѣло еще дальше и настаиваютъ на неотложной необходимости учредить при министерствѣ народнаго просвѣщенія особую дирекцію народныхъ чтеній въ Россіи съ правительственной ассигновкой на помощь чтеніямъ, особливо въ селахъ ***). Я думаю, что эта постановка вопроса о государственномъ

*) О разрѣшеніи чтеній въ г. Кашинѣ, судя по одному отвѣту, есть переписка въ архивѣ московской комиссіи народныхъ чтеній.

**) Ср. § 48 инструкціи по народнымъ училищамъ Виленскаго учебнаго округа.

***) Одинъ изъ отвѣтовъ предлагаетъ «открыть особый (правительственный) кредитъ въ распоряженіе директора народныхъ чтеній, какъ благодѣтеля надъ чтеніями,

вмѣшательствѣ въ дѣло публичныхъ народныхъ чтеній чрезвычайно значительна и оставить ее безъ вниманія не слѣдуетъ; ей необходимо придать лишь нѣсколько иной характеръ. Если современное культурное государство не можетъ оставить безъ прирѣнія въ той или иной формѣ ни одного изъ впавшихъ въ крайнюю матеріальную нужду своихъ гражданъ, то тѣмъ менѣе позволительно допустить, чтобъ оно оставляло безъ энергичной помощи рвущуюся къ свѣту и знанію мысль темнаго люда, — словомъ, оно не должно имѣть въ своей средѣ ни голодныхъ, ни безграмотныхъ. Отсюда вся жгучесть вопросовъ объ обязательности прирѣнія, всеобщаго обученія и народныхъ чтеній. Вѣдь, въ этомъ случаѣ интересы государства и народа совершенно обоюдны. Традиціонная боязнь дать народу знаніе и удивительная способность въ иномъ безкорыстномъ труженникѣ на поприщѣ народнаго просвѣщенія видѣть чуть ли не врага грозятъ въ свою очередь обоюдной опасностью, размѣры которой едва ли поддаются точному опредѣленію. Одно только систематическое пьянство, выражающее дѣлныя поколѣнія, чего-нибудь да стоитъ, если ужъ совсѣмъ оставить въ сторонѣ образованіе сельскаго пролетаріата.

Не останавливаясь на отвѣтахъ, которые домогаются широкой общественной и частной инициативы въ организаціи народныхъ чтеній и рѣзко жалуются на тяжесть административныхъ тормазовъ, я позволю себѣ привести одно картинное изображеніе устройства чтеній въ селѣ и одинъ фактъ, характерный для усвоенія порядковъ открытія разрѣшенныхъ согласно постановленію отъ 11 октября 1894 г. народныхъ чтеній въ селахъ.

Одинъ сельскій педагогъ пишетъ подкомиссіи въ отвѣтъ на ея программу вопросовъ слѣдующее:

«При организаціи народныхъ чтеній въ деревнѣ приходится преодолѣвать учредителямъ много затрудненій. Деревенскіе организаторы чтеній зависятъ въ большинствѣ отъ двухъ вѣдомствъ: отъ гг. директора или инспектора народныхъ училищъ и отъ епархіальной власти *). Помѣщеніе для

съ тѣмъ, чтобъ имъ выдавалось по 100 рублей въ распоряженіе учителя-инспектора городского училища или смотрителя уѣзднаго училища (гдѣ городского еще нѣтъ) на первоначальное обзаведеніе по устройству чтеній въ городахъ и селеніяхъ».

*) Эта зависимость отъ епархіальной власти самымъ настоятельнымъ образомъ требуетъ оправданія. Вотъ что говоритъ по этому же поводу, хотя и по другому случаю, одинъ изъ инспекторовъ народныхъ училищъ въ Юго-западномъ краѣ: «При настоящемъ законодательствѣ нельзя рассчитывать на увеличеніе числа народныхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. По существующимъ узаконеніямъ министерскія училища разрѣшаются къ открытію по соглашенію съ епархіальнымъ начальствомъ, которое съ отенъ на ходатайство учебнаго вѣдомства всегда отечаетъ отказомъ. Такой же законъ существуетъ и для епархіальнаго вѣдомства, по оно всегда открываетъ церковно-приходскія школы безъ всякаго сношенія съ попечителемъ учебнаго округа, о чемъ официально заявлено въ отчетѣ попечителя Кіевскаго учебнаго округа за 1894 г. Необходимо изъять изъ употребленія вышеприведенное узаконеніе». Далѣе говорится о предоставленіи населенію свободы выбора того или другого типа школы и объ освобожденіи его отъ ввязанныхъ ему церковно-приходскихъ школъ. Приведенная цитата и курсивъ заимствованы изъ статьи *О подотос-*

простота чтеній въ деревнѣ можетъ дать школа, а потому вы обращаете къ г. директору или инспектору народныхъ училищъ. Здѣсь разрѣшить пользоваться зданіемъ подъ условіемъ, если получится согласіе священнаго прееосвященнаго и если у школы достаточно средствъ на чистоту (въ училище придется мыть чаще) или общество согласно взять на себя этотъ расходъ, или старшина (когда училище при правленіи) готовъ содействовать и т. д., и т. п... все въ этомъ родѣ.

Но такъ или иначе, а помѣщеніе нашлось, и съ этой стороны всё заведенія устранены,—остается получить разрѣшеніе епархіальной власти. Если священникъ затѣмъ вашимъ сочувствуетъ, или инициатива исходитъ отъ него, тогда онъ и къ архіерею съѣздитъ, и разрѣшеніе получить, и читающимъ чтеніями будетъ; въ противномъ случаѣ чтеніямъ въ деревнѣ не бывать. А случается и такъ, что священникъ и чтеніямъ симпатизируетъ, и самъ не прочь почитать, были бы картины, да къ прееосвященному никакъ не можетъ собраться,—и откладываются чтенія въ долгій ящикъ. Не имѣя ничего противъ того, чтобъ учитель читалъ въ свободное время для школьничковъ и показывалъ имъ картины, г. инспекторъ не можетъ допустить на эти чтенія взрослыхъ. Почему на самомъ дѣлѣ безъ разрѣшенія нельзя допускать родителей, ближайшихъ родственниковъ учащихся и бывшихъ учениковъ этой школы—теперь юношей и даже отцовъ? Развѣ всѣ они имѣютъ право интересоваться, чему учатъ ребятъ,—ихъ дѣтей и братьевъ,—и что тамъ имъ читаютъ. Почему учитель можетъ учить детей, ему это довѣряютъ, а ихъ отцовъ и вообще взрослыхъ не имѣть права... почему такое недовѣріе? А толкуютъ о тѣсной связи школы съ деревней, съ бывшими ея учениками, и средства указываютъ—библіотеки, картины, особенно съ туманными картинами.

Желательно,—прибавляетъ нашъ педагогъ *),—чтобы разрѣшеніе на чтенія съ туманными картинами исходило отъ одной дирекціи народныхъ училищъ.

Только что приведенная картина, будучи нарисована опытною рукою талантливаго педагога, не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ, она и безъ того слишкомъ ярка, — ярка настолько, что на устахъ невольно застынетъ роковой вопросъ: да неужели это правда, что русскій крестьянинъ не смѣетъ интересоваться, чему учатъ его сына въ школѣ, на которую онъ же, отецъ, тратитъ свои собственные трудовыя копейки?

Вопросы населенія некоторыхъ мѣстностей Россіи къ приобритенію профессиональнаго образованія (стр. 11—12) въ Труды IX секціи... II съѣзда русскихъ дѣятелей по народному и профессиональному образованію.

*) Еще одинъ сельскій учитель пишетъ: „Несмотря на то, что на чтеніяхъ не было полицейскаго надзора, слушатели вели себя прихвѣрно... Послѣ чтеній находились лица, которыя несмотря на усталость и поздній часъ, просили зачѣмъ угодно кое-что прочесть имъ, что и исполнялось... Польза отъ чтеній есть и очень великая. Поэтому напрасно некоторые утверждаютъ, что чтенія никакой пользы не приносятъ. Но еще болѣе прискорбно слушать тѣхъ, которые находятъ чтенія вредными. А такія лица есть, и даже изъ духовнаго сана“.

Приведу теперь поучительный фактъ, въ наличность котораго рѣшитель нельзя было бы повѣрять, еслибы свѣдѣніе о немъ не шло изъ компетентнаго источника и, притомъ, изъ первыхъ рукъ. Въ двухъ селахъ одесской губерніи съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей и лицомъ вполне благодѣльнымъ подано было прошеніе о разрѣшеніи народныхъ чтеній; отказа не было никакихъ основаній, разрѣшеніе представлялось вполне обезпеченнымъ, — и, все-таки, послѣдовалъ совершенно неожиданный отказъ.

Попробуйте придумать его причину, и я увѣрю, что представите тысячу вѣроятныхъ догадокъ, кромѣ истинной. А все дѣло вотъ въ чемъ: положенію за чтеніями наблюдаетъ директоръ или инспекторъ народныхъ училищъ, или мѣстный священникъ. Въ селахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, мѣстный священникъ *не взялся* наблюдать за чтеніями, а инспекторъ народныхъ училищъ *отказался* за неизмѣнимъ времени. Вотъ вамъ и причина: въ открытіи народныхъ чтеній отказать, потому что за ними некому наблюдать. Чѣмъ же, спрашивается, виноваты лицо, желающее устроить чтенія, и мѣстное крестьянство, жадно протягивающее руку за скуднымъ кускомъ знанія, если въ государствѣ, которое не можетъ пожаловаться на недостатокъ чиновничества, за ними некому глядѣть? Вотъ къ какимъ неожиданностямъ порой приводятъ у насъ вишнательство нѣсколькихъ лицъ въ одно и то же дѣло! Такъ священникъ не хочетъ наблюдать, инспекторъ не можетъ, и остается при неоткрытыхъ чтеніяхъ открытымъ вопросомъ: гдѣ и какъ найти надзоръ...

Итакъ, сводя наши наблюденія въ одно цѣлое, мы видимъ, съ одной стороны, могучій запросъ народныхъ массъ на чтенія и горячее желаніе интеллигенціи пойти ему на-встрѣчу, а съ другой — всеокрушающій туманъ формальностей, проволочекъ, придирокъ, подозрѣній и пр., чѣмъ такъ богата русская дѣйствительность. А потребность въ чтеніяхъ такъ сильна и безкорыстная работа интеллигенціи такъ настойчива, что публичные народные чтенія существуютъ въ Архангельскѣ и въ Тифлисѣ, въ Ташкентѣ и въ Ригѣ, въ Вологдѣ и въ Одессѣ, въ Вильно и въ Казани, въ Ярославлѣ и въ Баку, въ Гродно и въ Иркутскѣ *) и т. д., но за то всюду слышатся однѣ и тѣ же жалобы, одни и тѣ же запросы, одни и тѣ же глубокіе, выразительные вздохи.

Просить опредѣленнаго нормальнаго устава публичныхъ народныхъ чтеній, самостоятельныхъ обществъ для нихъ, прочнаго обезпеченія чтеній

*) Здѣсь народные чтенія существуютъ съ 3 января 1893 г. по инициативѣ учителей и учительницъ Воскресной школы, собравшихъ по подпискѣ 34 руб., къ которымъ вскорѣ присоединилось пожертвованіе въ 500 руб. Юлія Ив. Базанова. 1-го апрѣля 1894 г. открылась вторая аудиторія, а въ 1896 г. оттуда же несетя горячій запросъ на публичныя лекціи для мѣстной интеллигенціи и просьба дать программу популярныхъ систематическихъ чтеній по естествознанію. Фактъ глубоко знаменательный для настоящаго момента. Вотъ почему *организация публичныхъ лекцій* въ провинціи является одною изъ существенныхъ задачъ дѣятельности московской миссіи по организаціи домашнего чтенія.

стороны государства, матеріально и юридически, просить ограниченія формальностей и нивелировки всѣхъ организацій чтеній предъ лицомъ закона, настаиваютъ на открытіи комиссій народныхъ чтеній по всѣмъ губернскимъ и уѣзднымъ городамъ, съ центральными въ нихъ складами *) волшебныхъ фонарей, картинъ, брошюръ, которые могли бы разсылаться по деревнямъ и селамъ. Есть въ сущности для комиссій и готовые учреждения, къ которымъ онѣ могли бы примкнуть: это—губернскія и уѣздныя земства; есть и готовые аудиторіи для чтеній: это — земскія школы, гдѣ чтеніемъ естественно выступать учителямъ. Опытъ въ этомъ отношеніи уже сдѣланъ и далъ плодотворные результаты.

Есть еще одна громкая, настойчивая просьба отъ лица всѣхъ дѣятелей по устройству публичныхъ народныхъ чтеній,—просьба, требующая немедленнаго удовлетворенія, но о которой я до сихъ поръ умышленно молчалъ и къ которой теперь подошелъ, какъ къ конечной цѣли моего изложенія.

Весьма понятно, что недостаточно разрѣшить чтенія, допустить въ ихъ устройствѣ широкую частную и общественную инициативу, сочинить уставы, учредить общества, настроятъ зданія и набрать прекрасныхъ чтенцевъ. Помимо всего указаннаго, необходимо создать литературу, подходящую для народной аудиторіи, литературу для нея понятную и увлекательную, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, цѣлесообразную и развивающую. Какъ сейчасъ увидимъ, вопросъ объ этой литературѣ—столь большое мѣсто въ организаціи публичныхъ народныхъ чтеній въ Россіи, что дотронуться до него—значитъ вызвать пронзительный крикъ недовольства. Если открытіе и существованіе чтеній обставлено у насъ самыми тяжелыми условіями, то не трудно догадаться, что судьба будетъ не менѣ жестокой и по отношенію къ читаемому матеріалу.

По дѣйствующимъ постановленіямъ для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ разрѣшены: 1) всѣ изданія «постоянной комиссіи по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ» и 2) всѣ изданія, специально одобренныя для чтенія ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія. На практикѣ второй контингентъ книгъ почти пересталъ играть всякую роль, ибо установился обычай по возможности ничего не разрѣшать и держаться покровительственной политики въ интересахъ изданій с.-петербургской комиссіи. На этихъ основаніяхъ репертуаръ брошюръ для публичнаго произнесенія въ народныхъ аудиторіяхъ едва-едва достигаетъ ничтожной цифры 230 съ небольшимъ. Еслибъ даже всѣ брошюры, входяція въ составъ этого репертуара, были болѣе или менѣе приличными и хорошо подобранными, то и тогда ихъ хватило бы на очень ничтожный прожектъ времени и требовался бы постоянный притокъ все новыхъ и новыхъ чтеній. На самомъ же дѣлѣ, въ большей своей части, плохъ дозволенный репертуаръ и поразительно ничтоженъ притокъ новыхъ брошюръ.

*) Въ столицахъ и крупнѣйшихъ областныхъ центрахъ слызывается у насъ сильнѣйшій запросъ на учрежденіе, подобное лондонскому People's Palace. Будемъ надѣяться, что идея „народнаго дворца“ въ скоромъ времени осуществится въ Москвѣ.

Съ языка хочеть сорваться упрекъ по адресу ипущей интеллигенціи, чего-жь она не пишетъ, не представляетъ новыхъ чтеній на разсмотрѣніе въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, но такой упрекъ былъ бы чрезчуръ непростительною ошибкой.

Вотъ что говорится, наприм., по этому поводу въ отчетъ одной изъ очень дѣятельныхъ комиссій народныхъ чтеній:

«Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что число чтеній, одобренныхъ для произнесенія въ народной аудиторіи, весьма незначительно, почему комиссіи приходилось иногда повторять одно и тоже чтеніе по нѣскольку разъ, и вообще въ теченіе отчетнаго времени произнесены только 8 новыхъ чтеній. Это обстоятельство является также немаловажнымъ препятствіемъ въ развитіи дѣла народныхъ чтеній, и неблагоприятно отражается на числѣ слушателей.

Комиссія съ своей стороны усердно работаетъ по составленію новыхъ народныхъ чтеній: много намѣчено уже новыхъ темъ по различнымъ отраслямъ знаній, необходимыхъ для народа, много уже есть и готовыхъ чтеній и въ рукописи, и въ печати, но достиженіе узаконеннаго одобренія чтеній для произнесенія въ народной аудиторіи крайне трудно достижимо, что приходилось не разъ испытывать комиссіи. При такомъ положеніи дѣла народныхъ чтеній, бессильно опускаются руки при мысли о новой работѣ, а уже готовые работы лежатъ и лежатъ, и ждутъ поры—времени, когда, наконецъ, исчезнутъ непреодолимые до сихъ поръ препятствія къ появленію ихъ на свѣтъ Божій».

«Комиссія пробовала еще расширить кругъ народныхъ чтеній и другимъ способомъ: представленіемъ избранныхъ произведеній давно извѣстныхъ писателей, причемъ, казалось, уже невозможно было получить отказъ въ узаконенномъ одобреніи ихъ для произнесенія въ народной аудиторіи, но сверхъ ожиданія и тутъ отказъ да отказъ. Представлена была русская сказка В. А. Жуковскаго *Три поlsa*. Отказано, принимая во вниманіе, что въ каталогъ книгъ, разрѣшенныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для народныхъ чтеній, не значится русская сказка *Три поlsa* Жуковскаго. Да если бы эта сказка значилась въ каталогъ, такъ зачѣмъ бы комиссіи и представлять ее къ одобренію. Сказку, конечно, не читали тѣ, кому слѣдуетъ, а о существованіи Жуковскаго даже и совсѣмъ позабыли, вспомнить же о немъ слѣдовало бы уже по крайней мѣрѣ по тому обстоятельству, что трудно и найти другого такого же вполне «благонамѣреннаго и благонадежнаго писателя». Такихъ примѣровъ можно было бы набрать не мало.

Скученъ репертуаръ также медицинскихъ чтеній «и не по винѣ комиссіи народныхъ медицинскихъ чтеній, которая работаетъ усердно на пользу нашего народа и составила уже много книгъ для чтеній, но на каждое представленіе къ одобренію и разрѣшенію для публичнаго прочтенія той или другой, короче всякой книги, министерство народнаго просвѣщенія отвѣчаетъ отказомъ, и отказомъ, и только какимъ-то чудомъ одна единственная статья:

О *глазкахъ болѣзняхъ* д-ра Б. М. Сагѣжко, представленная въ рукописи, одна единственная за всѣ три года удостоилась одобренія».

Всѣ печатные отчеты и письменные отвѣты въ московскую комиссію народныхъ чтеній единогласно заявляютъ, что допущенный до сихъ поръ составъ брошюръ для публичныхъ народныхъ чтеній недостаточенъ по количеству, несистематиченъ по подбору и за ничтожными исключеніями неудовлетворителенъ по качеству (последнее касается и содержанія и формы); указанный количественный недостатокъ становится особенно ощутительнымъ въ виду того, что очень многія изъ дозволенныхъ для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ брошюръ не могутъ быть читаемы по своей непригодности; тѣ же отвѣты говорятъ, что добиться разрѣшенія читать въ народной аудиторіи какую-либо новую брошюру стѣтъ невѣроятныхъ усилій; послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ *) теряется всякая охота тратить время и силы на безплодныя сношенія по этому поводу. Вотъ почему всѣ дѣятели по организаціи народныхъ чтеній единогласно и настойчиво требуютъ хотя бы только количественнаго на первый разъ увеличенія состава брошюръ, дозволенныхъ для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ.

Тотъ же столичный наблюдатель дѣла народныхъ чтеній въ Россіи, на котораго мнѣ приходилось ссылаться въ началѣ моего изложенія, по затронутому сейчасъ пункту пишетъ: «Какъ ни великъ интересъ народа къ чтеніямъ, однако необходимо развивать и поддерживать его постоянно, а для этого надо чтеніямъ имѣть какъ можно больше такихъ чтеній наготовѣ. Между тѣмъ выборъ чтеній, разрѣшенныхъ къ исполненію, необыкновенно малъ, и подавляющее большинство ихъ составляютъ житія святыхъ и описаніе различныхъ монастырей, что давно уже перестало исключительно интересовать народъ; при этомъ даже географическія чтенія или описанія городовъ, наприм. Пскова, составлены такъ тенденціозно, что часто не говорятъ о городѣ ничего, кромѣ какъ о его церквахъ. Это узко и не соответствуетъ цѣли чтеній — развивать въ народѣ жажду знанія міра и жизни. На эту недостаточность разрѣшенныхъ чтеній слѣдуетъ обратить особое вниманіе». «И необходимо, — прибавляетъ нашъ корреспондентъ, — принять за принципъ составлять чтенія свободно, безъ предвзятой тенденціи, но литературно и безпристрастно-объективно. У народа гораздо больше здраваго смысла, чѣмъ обыкновенно думаютъ его просвѣтители, и онъ скорѣе разберется въ фактахъ, чѣмъ въ навязываемой ему точкѣ зрѣнія на нихъ».

Приведенная цитата особенно цѣнна въ томъ отношеніи, что по справедливости обращаетъ вниманіе на грубую тенденціозность и узость, которыя съ большимъ успѣхомъ можно наблюдать въ составѣ брошюръ для

*) Недавно ученымъ комитетомъ забракованы, какъ извѣстно, двѣ брошюры, представленныя московскою комиссіей: С. П. Меча „Побѣда въ Палестинѣ“, и проф. Н. Ю. Зографа „Іерихонъ, Іорданъ и Мертвое море“. Любопытно, что вторая брошюра одобрена палестинскимъ обществомъ для чтенія на поминкамъ въ Палестинѣ и аттестована имъ, какъ „цѣнный вкладъ въ народную литературу“.

народных чтений. Одного этого было бы достаточно для их осуждения, но, пересмотрѣвъ отвѣты, полученные московскою комиссіей народных чтений, найдемъ въ нихъ краснорѣчивыя указанія на цѣлую групу другихъ недочетовъ дозволенныхъ для чтенія брошюръ.

«Существующія брошюры,—читаемъ въ одномъ изъ очень умныхъ и обстоятельныхъ отвѣтовъ,—за немногими исключеніями, малопригодны для городскихъ аудиторій и совсѣмъ не годны для деревенскихъ,—скучны, растянуты, безсодержательны, часто велики, непонятны, сухи, номенклатурны, написаны сплошь и рядомъ возмутительнымъ языкомъ»; историческія брошюры, по отзыву того же отвѣта, большей частью—рядъ хронологическихъ знаковъ и беспорядочныхъ перечисленій вѣстныхъ событій, а беллетристическія—слащавыя и неудачныя поддѣлки подъ народное. Одинъ изъ священниковъ, завѣдующихъ народными чтеніями, пишетъ, что наличнаго состава брошюръ совершенно недостаточно, что желательно увеличеніе числа брошюръ, «въ особенности» литературнаго содержанія; характеризуя брошюры духовно-нравственнаго содержанія, онъ справедливо замѣчаетъ *), что онѣ «написаны не талантливо, безъ одушевленія», а слѣдовательно не пригодны для чтенія, отвращая слушателей отъ посѣщенія аудиторій. Этотъ отзывъ священника о духовно-нравственныхъ брошюрахъ, разрѣшенныхъ для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ и изданныхъ большею частью с.-петербургскою комиссіей народных чтений, нельзя не признать авторитетнымъ или подвергнуть хоть малѣйшему сомнѣнію. Попутно лишь интересно было бы выяснить вопросъ, для чего с.-петербургская комиссія трудится издавать подобныя брошюры.

«Безъ увеличенія репертуара брошюръ чтеніямъ угрожаетъ полный упадокъ»,—пишетъ одинъ изъ завѣдующихъ чтеніями при фабрикѣ, какъ бы съ укоромъ подчеркивая то обстоятельство, что у насъ совсѣмъ не разрѣшаютъ новыхъ брошюръ для публичнаго произношенія, чѣмъ и создается своего рода монополія для изданій с.-петербургской комиссіи народных чтений, неудобная теоретически и вредная на практикѣ. Въ отвѣтѣ одной изъ очень видныхъ комиссій народных чтений говорится, что «брошюры въ изданіи с.-петербургской комиссіи отличаются отсутствіемъ живого, образнаго изложенія, написаны не обработаннымъ языкомъ, да и писаны онѣ были не для народныхъ чтений; нѣкоторыя брошюры совсѣмъ невозможно читать». Требуя, чтобы для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ разрѣшены были всѣ брошюры, допущенныя въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, а также въ народныя бібліотеки и читальни, отвѣтъ въ то же время настаиваетъ не безъ вѣскаго основанія на томъ, чтобы содержаніе народныхъ чтений, какъ и всякихъ вообще публичныхъ лекцій, составляло предметъ вѣдомства исключительно попечителей учебныхъ округовъ. Не менѣе цѣнно указаніе

*) «Книжки по исторіи—сухи и пестрятъ только именами да цифрами; брошюры литературнаго содержанія интересны развѣ для дѣтей; книжекъ по географіи и естествознанію мало и не всѣ хороши».

ваннаго сейчасъ отвѣта на слишкомъ высокую продажную цѣну брошюры с.-петербургской комиссіи, не соответствующую ни цѣлѣ изданія, его внутреннимъ и вѣшнимъ качествамъ и превращающую ее въ простое широческое предпріятіе. Впрочемъ, мнѣ не разъ приходилось слышать на счетъ самыхъ энергичныхъ жалобы. «Чтенія для народа, — читаемъ отвѣтъ еще одной комиссіи, — представляютъ изъ себя жалкій сбродъ сказовъ, часто не интересныхъ, сухихъ, непонятныхъ по языку; вообще, чтенія эти неудовлетворительны и надо еще удивляться, что народъ слушаетъ ихъ. Въ стыду нашему ни одинъ *русскій* писатель не вошелъ въ IV-й отдѣлъ *Каталога* (изд. 1891 г.), и народу приходится давать изведенія нивому неизвѣстныхъ, ничего изъ себя не представляющихъ авторовъ. Есть рассказы прямо вредные, наприм., изъ послѣдней войны. Тамъ явная ненависть, не понятная и во время войны, является желательной въ мирное время! Каталогъ малъ, скученъ и неумѣло составленъ. Конечно, при такомъ положеніи дѣла интересъ къ чтеніямъ ослабѣваетъ, что замѣчалось у насъ, гдѣ публика прямо говорила: «это мы слышали, прочте другое». Какъ ни утомительно пестрить изложеніе цитатами, я позволю себѣ привести еще отвѣтъ одного сельскаго учителя. «Сухость составленія брошюры, — говоритъ онъ *), — отсутствие разговорной рѣчи, употребленіе множества именъ и названій, иностранныхъ словъ, непонятныхъ для большей части слушателей, растянутость, точность до мелочности, какъ въ чтеніяхъ о Святой землѣ Пѣвцова, не только не поддерживаютъ интереса въ слушателяхъ, но, напротивъ, только подрываютъ его. Вообще же можно сказать, что большая часть брошюръ составлена очень плохо». И этотъ отзывъ сельскаго учителя, отъ котораго никакъ нельзя ожидать, чтобы онъ пустился на преувеличенныя требованія къ качеству чтеній! Вѣдь самъ же, этотъ чуткій судья, гораздо болѣе чуткій, чѣмъ мы привыкли считать (***) о немъ думать, подсказалъ ему этотъ отзывъ. При чтеніи особенно плохой брошюры, рассказываетъ этотъ невидный труженикъ на поприщѣ народнаго просвѣщенія, слушатели дремали или шептались, оживая лишь на время появленія новой картины.

Отвѣты рѣшительно не скупаются на отрицательную характеристику большинства дозволенныхъ для чтенія брошюръ, и мнѣ, право, тяжело вслѣдъ за ними повторять однообразную, унылую пѣсню: многія чтенія грубо-тензионны, написаны тяжелымъ, устарѣлымъ, непонятнымъ языкомъ, — скучны, скудны, длинны, односторонни, сухи, номенклатурны, — непригодны

*) Любопытно, что другой сельскій учитель даже глубоко изумился вопросу московской комиссіи о достаточности состава брошюры: такъ очевидна и слишкомъ существенна для него эта недостаточность состава брошюры: «Вы спрашиваете, — пишетъ онъ, — достаточенъ ли составъ чтеній для поддержанія постоянного интереса въ посѣтителяхъ. Полагаю, что вопросъ этотъ и ставить не слѣдовало. Выборъ составленъ малъ. Иной разъ положительно не знаешь, что читать».

**) Ср. Н. А. Рубакина: *Этюды о русской читающей публикѣ*. Спб. 1895 г.

для чтенія совсѣмъ или же для деревенской аудиторіи и т. д. Нечего читать, не изъ чего выбирать, вопятъ отвѣты и требуютъ хоть одного личнаго уведиченія числа брошюръ на первое время; они стыдятся, что каталогъ забылъ русскихъ классиковъ и рекомендовалъ разныхъ никому невѣдомыхъ писакъ, которыхъ народъ *) не хочетъ слушать.

Мы наблюдаемъ изумительную картину, каковой не сыщешь ни въ какомъ кабинетѣ западно-европейскихъ раритетовъ: чтенія такъ или иначе разрѣшаются, народъ ихъ жаждетъ, толпами направляется въ аудиторію даже за входную плату, а между тѣмъ пишутъ, что чтеніямъ грозитъ неминуемая опасность, — читать нечего! Многіе (да, признаюсь, и я самъ) не знаютъ даже настоящаго количества разрѣшенныхъ для чтенія брошюръ и въ отвѣтахъ число ихъ колеблется между 120 и 250: обѣ цифры не вѣрны. Послѣдній каталогъ изданъ въ 1891 г.; въ теченіе цѣлыхъ пяти лѣтъ не появлялось новаго дополненнаго изданія. Да и для чего было бы издавать его, когда въ услугахъ аудиторій предлагался каталогъ **) изданій с.-петербургской комиссіи народныхъ чтеній!

И вотъ тянется вереница пожеланій, чтобы брошюры для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ разрѣшались или мѣстной дирекціей народныхъ училищъ, или попечителями учебныхъ округовъ въ виду того, что нѣтъ силъ выхлопывать разрѣшеній изъ С.-Петербурга, откуда либо совсѣмъ не отвѣчаютъ, либо получаютъ отказы.

Замѣчу кстати, что не всегда разрѣшается читать и разрѣшенныя брошюры. Такъ среди отвѣтовъ въ московскую комиссію я встрѣтилъ уведомленіе, что въ одномъ изъ селъ запрещено было чтеніе разсказа Льва Толстого *Кавказскій плытникъ*, ибо наблюдатель за чтеніями смѣшалъ его съ *Кавказскимъ плытникомъ* А. С. Пушкина, произведеніемъ, о которомъ онъ слышалъ, какъ о неприличномъ. Еще характернѣе другой случай, когда одинъ изъ ревностныхъ не по разуму членовъ одной комиссіи заявлялъ съ негодованіемъ о чтеніи въ народной аудиторіи повѣсти Н. В. Гоголя *Майская ночь*. Можно ли идти дальше таковаго инцидента! Въ Иркутскѣ же раз-

*) Московская комиссія народныхъ чтеній въ своей практикѣ вынуждена частію совсѣмъ не допускать нѣкоторыхъ брошюръ для чтенія, частію сокращать послѣдній приѣмъ, какъ хорошо извѣстно чтецамъ, сопряженъ съ очень многими неудобствами внутренняго и внѣшняго характера. Браковать брошюры приходится съ крайнею оскуднѣтельностью, ибо совершенно нѣтъ матеріала для чтеній.

**) *Каталогъ* 1896 г. — Изданія учрежденной по Высочайшему повелѣнію министерства народнаго просвѣщенія постоянной комиссіи по устройству народныхъ чтеній и состоящаго при ней издательскаго общества. Спб., 1896 г., in 16, стр. 16. Затѣмъ необходимы для справокъ: „Каталогъ книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія“ (по 1 января 1891 г.). Издавъ по распоряженію министерства народнаго просвѣщенія. Спб., 1891 г., in 8, стр. 116. Ц. 20 в. и *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за всѣ послѣдующіе годы. IV отдѣлъ *Каталога* перепечатанъ въ брошюрѣ *Книги для народныхъ чтеній*. Изданіе казанской комиссіи народныхъ чтеній. Казань, 1892 г., in 8, стр. 14. Ц. 20 коп. См. также указатели Д. С. Пономарева и Ганца.

рѣшили читать многихъ брошюръ с.-петербургской комиссіи только потому, что распубликованіе указа въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* (№ 128 за 1894 г.) мѣстная власть не нашла для себя достаточнымъ. Чтобы не было фальшивыхъ истолкованій, приведу подлинникъ сообщенія, которымъ я пользовался въ данномъ случаѣ: «несмотря на короткій срокъ, многія чтенія пришлось повторить въ виду недостаточнаго количества одобренныхъ; чтенія же петербургской комиссіи мѣстнымъ начальствомъ не разрѣшены, такъ какъ нѣтъ циркулярнаго предписанія изъ министерства, а сообщеніе въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* за № 128, 1894 г. найдено недостаточнымъ». Одесскіе отчеты рассказываютъ довольно длинную и не совсемъ понятную исторію неразрѣшенія читать разрѣшенныя брошюры,— исторію, закончившуюся болѣе или менѣе удачно лишь благодаря заступничеству генерала Роопа. Въ 1888 году вдругъ было не дозволено читать 37 брошюръ, которыя читались раньше и продолжались читаться въ С.-Петербургѣ и другихъ городахъ; въ томъ же году ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія запрошенъ былъ генераломъ Роопомъ, и въ результатѣ получило разрѣшеніе для Одессы читать 95 брошюръ сверхъ IV отдѣла министерскаго каталога: это тѣ самыя брошюры, которыя напечатаны на 10—11 стр. каталога *Книги для народныхъ чтеній*, издавнаго казанской комиссіей народныхъ чтеній; три изъ нихъ (*Хребтовъ* «Хивинскій походъ и *Ивановъ*—«Въ обходъ Шипки» и «Послѣдній бой подъ Шипкой») значатся и въ министерскомъ каталогѣ. Во всей этой загадочной исторіи такъ много неяснаго, что я не берусь за ея истолкованіе; одно только ясно, что, съ точки зрѣнія ученаго комитета, народу нельзя читать *Записокъ охотника* И. С. Тургенева, разсказа Льва Толстого—*Чѣмъ люди живутъ*, Н. В. Гоголя *Сорочинской ярмарки*, поэмы И. С. Никитина—*Кулакъ*, нельзя читать и о безсмертныхъ реформахъ императора Александра II.

Послѣ всего сказаннаго не остается никакихъ сомнѣній въ необходимости кореннаго обновленія состава брошюръ для публичныхъ народныхъ чтеній, а слѣдовательно въ томъ, что 1) надо *немедленно* увеличить хотя бы только количественно составъ брошюръ для чтенія въ народныхъ аудиторияхъ, что 2) надо такъ или иначе облегчить процедуру разрѣшенія новыхъ брошюръ и 3) обратить самое серьезное вниманіе на тѣ пожеланія относительно состава брошюръ для публичныхъ народныхъ чтеній, о которыхъ мы сейчасъ услышимъ. Я признаю за этими пожеланіями очень большое значеніе, ибо они представляютъ собой не празднаыя измышленія кабинетныхъ дѣльцовъ, знающихъ народъ по книжкамъ и тетрадкамъ или даже никакъ его не знающихъ, а результатъ глубокаго и непосредственнаго изученія дѣла народныхъ чтеній на мѣстахъ: вѣдь эти пожеланія идутъ отъ областныхъ комиссій народныхъ чтеній, отъ завѣдывающихъ чтеніями въ городахъ и селахъ, отъ чтецовъ,—словомъ, отъ учреждений и лицъ, не тронутыхъ ни тенденціями, ни преслѣдованіемъ какихъ-либо постороннихъ интересовъ, а лишь честно, безкорыстно, самоотверженно от-

дающихъ свои свободные часы величайшему дѣлу служенія интересамъ просвѣщенія русскаго народа.

Въ чемъ же состоятъ эти пожеланія? Насколько я былъ въ состояніи ихъ уловить, они подраздѣляются на двѣ группы: одна устанавливаетъ рядъ общихъ положеній, другая даетъ спеціальныя указанія относительно предмета чтеній.

Въ первой группѣ на этомъ основаніи относятся требованія ясности, живости, простоты и повѣствовательности изложенія, цѣлесообразности и систематичности содержанія вмѣстѣ съ отсутствіемъ узкой и грубой тенденціозности; систематическій подборъ темъ особенно важенъ для того постоянного контингента слушателей, который мало-по-малу, но вездѣ создается въ народныхъ аудиторіяхъ и представляетъ изъ себя наиболѣе благодарную почву для усвоенія полезныхъ и необходимыхъ знаній, привычекъ къ разумному развлеченію и, наконецъ, воспитанію ненависти къ кабаку, бутылкѣ, дракѣ и т. п. Но и на одномъ систематическомъ подборѣ темъ для народа не останавливаются люди, стоящіе у самаго русла народныхъ чтеній, не останавливаются, конечно, потому, что не представляютъ себѣ народа въ видѣ бездушныхъ сѣрыхъ массъ, а довольно отчетливо различаютъ въ немъ три основныхъ слоя: городской, деревенскій и фабрично-заводскій. Это обстоятельство заставило высказаться въ пользу нѣкотораго приурочиванія темъ къ потребностямъ и уровню трехъ различныхъ аудиторій; темы равно интересны для трехъ названныхъ аудиторій, сохраняютъ всю свою силу и въ иныхъ случаяхъ могутъ быть различно обрабатываемы развѣ по формѣ. Спеціальныя указанія по предметамъ чтеній я свожу къ тремъ рубрикамъ.

1. Высказываются пожеланія возможно широкой эксплуатаціи для народныхъ чтеній русской художественной литературы, имѣющей, какъ извѣстно, громадное воспитательное значеніе и высокій эстетическій интересъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне понятныя негодованія на грубыя поддѣлки, которыя порой преподносятся народу *). Высказываясь за чтеніе русскихъ классиковъ по возможности въ оригиналахъ, отвѣты назвали желательными для народныхъ аудиторій писателями: А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, И. С. Никитина, А. В. Кольцова, И. А. Крылова, А. Б. и Л. Н. Толстыхъ, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевскаго, И. С. Тургенева, В. М. Гаршина, Д. В. Григоровича. Я прибавлю къ приведеннымъ сейчасъ именамъ С. Т. Аксакова, Глѣба Ив. Успенскаго, Ант. Че-

*) Я лично думаю, что многое можно было бы приспособить для народной аудиторіи также изъ западно-европейской литературы (Диккенса, Сервантеса, Лесажа, Де-Фоэ, Купера, Вальтеръ - Скотта и проч.); извѣстно, впрямь, что многія переводныя повѣсти даже въ нехитрыхъ искаженіяхъ дубочныхъ изданій имѣли издавна большой успѣхъ среди читателей изъ народа. Срв. мои замѣчанія на стр. 115 сборника, изданнаго въ Спб. 1895 г. *М. М. Ледерле*: „Мнѣнія русскихъ людей о лучшихъ книгахъ для чтенія“.

ва и В. Г. Короленка *) и замѣчу, что одинъ изъ отвѣтовъ приходитъ въ такой ужасъ отъ невѣроятнаго пропуска въ IV отдѣлѣ «Каталога» подгруппы собранія басенъ народнѣйшаго изъ русскихъ писателей, Ив. А. Крылова. Среди предъявляющихся запросы на литературныя чтенія встрѣчаемъ и лица духовнаго званія, что особенно свидѣтельствуетъ о силѣ народнаго интереса на беллетристику и поддерживаетъ справедливость замѣчанія одного изъ столичныхъ наблюдателей, что описанія церквей и монастырей давно перестали исключительно интересоваться нашъ народъ.

2. Подъ второю рубрику я подвожу всѣ требованія систематическаго выбора чтеній по исторіи, географіи и этнографіи Россіи и соответствующему уровню современной народнои массы выбора чтеній по всеобщимъ исторіи, географіи и этнографіи. Воронежская коммиссія справедливо указала для примѣра на двѣ превосходныхъ темы по всеобщей исторіи: крестные походы и Карлъ Великій, — темы, которыя отлично могутъ быть работаны для народной аудиторіи и выслушаются съ большимъ интересомъ. Иные указываютъ на необходимость знакомить въ народной аудиторіи съ величайшими благодѣтелями человечества и обстановкой, среди которой имъ приходилось жить и дѣйствовать. Надо думать, что по поводу признанія охарактеризованныхъ сейчасъ первой и второй рубрикъ не можетъ быть никакихъ споровъ: здѣсь голоса руководителей чтеній и чтецовъ неразрывно переплелись съ требованіями устныхъ и письменныхъ самого народа, и намъ приходится фигурировать въ незамысловатой роли свидѣтелей рѣдкаго и полнаго единодушія.

3. Что касается третьей рубрики чтеній, то ее надо признать довольно сложной и нуждающейся въ особой предварительной обработкѣ и согласованіи многихъ специалистовъ. Я ограничусь простою классификаціей требованій, въ общемъ, по моему мнѣнію, цѣлесообразныхъ и законныхъ. Изъ того, что у насъ писалось за послѣднее время о народной жизни, можно было бы набрать длинный рядъ **) превосходныхъ примѣровъ, подтверждающихъ и обосновывающихъ требованія корреспондентовъ московской коммиссіи народныхъ чтеній, если только вообще они нуждаются въ обоснованіи.

*) Въ видѣ опыта мною былъ читанъ рассказъ *Старый зоопаркъ* изъ перваго тома «Очерковъ и рассказовъ» въ народной аудиторіи Политехническаго музея въ Москвѣ 29 марта текущаго года.

**) Для подбора этихъ примѣровъ съ большимъ успѣхомъ можно обратиться, напримѣръ, къ извѣстной книгѣ Н. М. Астирева: *Въ волостныхъ писаряхъ. Очерки истиннаго самоуправленія* (М., 1896 г.), къ цитованной выше работѣ Н. А. Рунцова и къ др. Уже позднѣе чтенія настоящаго доклада и при изученіи другого вопроса мнѣ пришлось натолкнуться на упорныя требованія, идущія если не всегда прямо изъ народа, то изъ среды ему родной и близкой, — требованія на помощь въ работѣ опредѣленнаго, устойчиваго міросозерцанія и сознательнаго отношенія къ окружающей дѣятельности. Срв. о томъ же въ статьѣ проф. П. Н. Милова *Распространеніе университетскаго образованія въ Англии, Америкѣ и Россіи* въ мартовской книжкѣ (стр. 79—121) *Русскаго Богатства* за 1896 г.

Народъ,—диктуетъ намъ русская провинція,—долженъ имѣть здравыя элементарныя понятія о государствѣ, обществѣ и реальномъ мірѣ, спрашивать законовъ которыхъ онъ живетъ, а слѣдовательно играетъ известную роль въ ихъ эволюціонной исторіи; значить, выражаясь терминами моихъ историковъ, вообще нужны брошюры по:

- 1) *обществовѣдѣнію*,
- 2) *законовѣдѣнію* и
- 3) *естествовѣдѣнію*.

Отвѣты, поставивъ въ основу своихъ требованій три названныя отрасли «вѣдѣнія», не дали, къ сожалѣнію, столь же стройнаго подраздѣленія ни на частныя отдѣлы, а только примѣрно набросали нѣкоторые изъ нихъ. Вотъ почему я и оговорился, что здѣсь понадобится еще работа и сотрудничество специалистовъ. Указаны отдѣлы, повидимому, наиболѣе бывшіе на глаза специалистамъ—практикамъ, достигнутымъ врасплохъ программой и просовъ московской комиссіи народныхъ чтеній и не имѣвшимъ дославно точно много времени для отдѣлки своихъ отвѣтовъ. Вотъ эти частныя отдѣлы: 1) сельское хозяйство, 2) садоводство, 3) огородничество, 4) ремесла, 5—7) народное здравіе, гигиена, медицина *) (холера, сифилисъ, чума, рогагого скота), 8—10) узаконенія о воинской повинности, судостроительствѣ, судопроизводствѣ, крестьянскомъ самоуправленіи и, наконецъ, 12) популяризація техническихъ знаній специально для фабрично-заводскихъ аудиторовъ.

Переглядывая еще разъ эти частныя отдѣлы, мы видимъ, что отдѣлъ *обществовѣдѣнія* остался въ нихъ почти совершенно незатронутымъ. Такой пробѣлъ стоить отмѣтить: общественныя знанія въ наше время играютъ первостепенную роль, они составляютъ предметъ усилѣнныхъ занятій и свѣжихъ кабинетныхъ мыслителей, и научныхъ популяризаторовъ, требуютъ особенной осторожности въ обращеніи съ собой, особенной дисциплины ума и нравственнаго чувства. Пробѣлъ, который я и считаю нужнымъ скрывать, свидѣтельствуетъ лишь о серьезности, осторожности и сдержанности корреспондентовъ московской комиссіи, впервые призванныхъ къ коллективному отвѣту,—и, думается, всѣ мы болѣе или менѣе согласны, что вопросъ о томъ, какъ и съ какой стороны подойти къ популяризаціи обществовѣдѣнія въ народной аудиторіи, важенъ, сложенъ и, по условіямъ русской дѣйствительности, чрезвычайно капризенъ. Решать его здѣсь и сейчасъ, конечно, не приходится, а лишь поставить, подчеркнуть, намѣтить для дальнѣйшихъ занятій въ нашей области.

Сильно возросъ у насъ за последнее время интересъ къ просвѣщенію

*) „Общество русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова“, рѣшивъ образовать особый капиталъ для распространенія гигиеническихъ знаній въ народъ, постановило на V съѣздѣ въ Сиб. ходатайствовать а) о разрѣшеніи земскимъ, сельскимъ и другимъ врачамъ производить народныя чтенія и собесѣдованія по вопросамъ народнаго здоровья и в) о допущеніи для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ тѣхъ медицинскихъ изданій, которыя правленіе общества найдетъ доступными для народа. Въ томъ же направленіи работаетъ и общество кievскихъ врачей.

развлеченію народныхъ массъ; народныя увеселенія, народный театръ, народныя чтенія со свѣтовыми картинами занимають не мало интеллигентныхъ силъ. Думается, что ихъ работа даромъ не пропадетъ, что успѣхъ общинныхъ народныхъ чтеній упрочится, разъ есть надежда провести въ жизнь хоть только слѣдующее:

- 1) немедленное и коренное обновленіе состава брошюръ для произнесенія въ народныхъ аудиторіяхъ;
- 2) превращеніе комиссій народныхъ чтеній въ самостоятельныя общества съ опредѣленнымъ нормальнымъ уставомъ и контролемъ только одного министерства (министерства народнаго просвѣщенія);
- 3) открытіе обществъ народныхъ чтеній во всѣхъ губернскаихъ и уѣздныхъ городахъ;
- 4) установленіе самаго тѣснаго, непосредственнаго общенія всѣхъ комиссій народныхъ чтеній между собой (о необходимости такого общенія особенно сильно говорится въ одесскихъ отчетахъ, чего нельзя не оговорить *) съ благодарностью).

Живое слово есть могучая сила въ умѣльныхъ рукахъ, и въ культурныхъ обществахъ это слово у всѣхъ на глазахъ, не прячется по темнымъ закоулкамъ и доступно постоянному и всестороннему наблюденію; слѣдовательно, оно можетъ и должно быть въ достаточной мѣрѣ свободнымъ. Одинъ изъ отвѣтовъ, присланныхъ въ московскую комиссію, съ поразительной ровностью доказываетъ намъ эту несомнѣнную истину, а другой, не вникая въ теоретическія соображенія, настаиваетъ на отмѣнѣ того нежелательнаго и часто невозможнаго порядка, чтобы брошюры читались въ народныхъ аудиторіяхъ сплошь по тексту, и указываетъ на всѣ преимущества устнаго изложенія въ рамкахъ, намѣченныхъ брошюрой. Если позволено читать и толковать картины, импровизируя, или самостоятельно объяснять научныя коллекціи и приборы, то почему же нельзя рассказывать теми же словами текстъ брошюры?

Я началъ съ общихъ соображеній о роли живого слова и его разнообразныхъ формахъ, продолжилъ обзоромъ состоянія одной изъ формъ живого слова у насъ и надѣюсь, что мнѣ позволятъ закончить самымъ горячимъ пожеланіемъ его свободнаго развитія, ибо кто не знаетъ, что свобода живого слова есть одна изъ величайшихъ гарантій культурнаго роста современныхъ обществъ.

Василій Сторожевъ.

*) Въ *Русскихъ Видомостяхъ* (1896 г., № 67) напечатано письмо председателя московскаго комитета народныхъ чтеній князя К. В. Кекуатова съ просьбой „во всѣхъ обществахъ и учрежденіяхъ, выдающимъ дѣло народнаго образованія, прислать отчеты о своей дѣятельности, какъ за прошлые года, такъ и за текущій годъ въ орловскій комитетъ народныхъ чтеній въ объѣвъ на отчеты о его дѣятельности“.

Изъ исторіи современной грузинской литературы.

Кн. Вахтангъ Вахтанговичъ Орбелиани *).

Посвящается моимъ ученицамъ.

Кн. Вахтангъ Вахтанговичъ Орбелиани является въ грузинской литературѣ лучшимъ представителемъ той фракціи романтической школы, «пѣсъ отчаянія и гимнъ свободы» которой носятъ исключительный колоритъ патриотическаго направленія. Если главою нѣмецкихъ патриотическихъ романтиковъ считается Генрихъ фонъ-Клейстъ, извлекающій изъ исторіи прошлаго предостереженія и ободренія, идущія прямо къ сердцу народа, то среди грузинъ поэтомъ патриотической романтики наиболее полное право имѣетъ назваться Вахтангъ Орбелиани, — то восторженный, то мечтательный пѣвецъ прошлаго величія Грузин. Его поэзія была той чуткой лирой, золотыя струны которой дрожатъ и звучатъ отъ дуновенія небесной страсти, все, что она испытываетъ, всякая вѣра и надежда, всякое чувство и мышленіе облекается въ вѣчную мелодію любви къ старинѣ дорогой отчизны. Этотъ основной мотивъ его вдохновенной музы — воскрешать предъ нами прошлые вѣка и окружать ихъ розовымъ блескомъ — обусловливается роковымъ происхожденіемъ самого поэта, мрачнымъ моментомъ ослабленія національнаго самосознанія и господствовавшимъ литературнымъ вкусомъ той эпохи, къ которой относится начало его поэтической дѣятельности. Таковы были факторы, по нашему мнѣнію, опредѣлившіе тонъ и содержаніе всѣхъ произведеній кн. Вахтанга Орбелиани.

Внукъ по матери предпоследняго царя грузинскаго Ираклія II, съ именемъ котораго связывается одна изъ свѣтлыхъ эпохъ возрожденія моего грузинскаго народа, кн. Вахтангъ Орбелиани росъ и воспитывался среди живыхъ воспоминаній о непрерывныхъ столкновеніяхъ грузинъ съ мусульманскими полчищами, проникался благоговѣйнымъ чувствомъ къ виновни-

*) Полное собраніе его стихотвореній вышло въ 1894 г., съ биографіей, написанной кн. Ильей Чавчавадзе. Кн. Вахтангъ Орбелиани род. 5 апрѣля 1812 г. Отецъ его былъ женатъ на Феклѣ, послѣдней дочери царя Ираклія II. Умеръ поэтъ, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, въ Тифлисѣ, въ 1890 г., 29 сентября.

какъ геройской обороны маленькой по пространству, но гордой духомъ Иверіи, и сердце ребенка еще съ дѣтства переполнилось безысходною скорбью и жгучею тоской. Получивъ первоначальное образованіе подъ руководствомъ своей начитанной матери, царевны Феклы, въ 1825 году онъ былъ отправленъ въ Петербургскій пажескій корпусъ, гдѣ пристратился къ чтенію Гёте, Шекспира и Шиллера, этихъ незыблемыхъ гениальныхъ руководителей мысли челоѣка во всякомъ его возрастѣ. Это было время расцвѣта мечтательной музы В. А. Жуковского. Вліяніе Шиллера и Виктора Гюго, свѣтлыхъ представителей романтическаго направленія, отражается въ нѣсколькихъ его чудныхъ стихотвореніяхъ и, между прочимъ, въ *Подражаніи В. Гюго* и въ *Прощаніи*. Но въ особенности складу его романтическихъ воззрѣній способствовало переходное состояніе грузинскаго общества, въ которомъ, съ одной стороны, яркою полосой проходили величавыя традиции о геройскихъ подвигахъ Ираклія II, съ другой же стороны созрѣвало въ молодомъ поколѣніи презрѣніе къ національному языку и завѣтамъ предковъ. Подобное настроеніе окружающей среды усиливало мрачность взгляда поэта на настоящее, доставившее ему горькое разочарованіе въ 1832 г., когда замыселъ пылкой молодежи о политическомъ возстановленіи Грузіи потерпѣлъ крушеніе, и двадцатидвѣтній горячій патріотъ, Вахтангъ Орбеліани, былъ водворенъ на четыре года въ Калугу... Грозовыя тучи скрылись съ небосклона, угрожающая Грузіи опасность миновала, прежнее отчаяніе смѣнила тихая надежда, что «народъ, истерзанный за вѣру Христа, снова возродится, и страна, обращенная въ руины вражеской рукой, снова процвѣтетъ и засіяетъ». Съ этою надеждою сошелъ въ могилу въ 1890 г. одинъ изъ столповъ литературной плеяды тридцатыхъ годовъ.

Кочевая жизнь, выпавшая на долю кн. Вахтанга Орбеліани, быть-можетъ, является причиной отсутствія у насъ стихотвореній, написанныхъ имъ ранѣе 1857 г., когда поэту исполнилось уже 35 лѣтъ. Къ этому времени относится стихотвореніе *Соловей*, появившееся въ I кн. журнала *Заря*. Въ 1858 г. написано одно *Подражаніе В. Гюго*, въ 1859 г. начало стих. *Надежда*, и ею прекращается творчество поэта до 1866 г., отмѣченнаго появленіемъ одного изъ звучныхъ его произведеній *Старый Дманисъ*. Всѣ остальные стихотворенія его относятся къ періоду 1879—90 гг., т.-е. когда поэту было 67—78 лѣтъ. Такимъ образомъ, поэтическое вдохновеніе посѣщаетъ нашего автора въ томъ возрастѣ, въ которомъ оно у другихъ обыкновенно прекращается. Въ пробныхъ начальныхъ опытахъ кн. Орбеліани трудно угадать будущаго пѣвца сѣдой старины. Личныя ощущенія и личная любовь составляютъ содержаніе *Соловья* и *Подражанія*. Последнее стихотвореніе для образца приводимъ въ переводѣ княгини С. В. Амираджиби:

О, еслибъ былъ я царь могучій,
Ее бы славою озарилъ;
И скипетръ, корону и порфиру
У прекрасной бы сложилъ!

А еслибъ былъ Творцомъ вселенной,
Владѣлъ бы небомъ и землею,
То солнце-бъ свѣтлое и звѣзды
За взглядъ бы отдавъ дорогой!

Была-бъ она царицею рая,
Хоръ ангеловъ ее-бъ воспѣлъ;
А я, величье забывая,
Лишь въ очи свѣтлыя-бъ глядѣлъ.

Исканіе личнаго счастья, кругъ исключительно индивидуальных восторговъ и негодованій въ эпоху развитія литературнаго творчества В. Орбелиани замѣтно растворяется въ «гражданской скорби» и грустной поэзіи общественнаго направленія. Поэтическія произведенія кн. И. Чавчавадзе и А. Церетели въ патріотическомъ духѣ оборвали струны антологической музы предшествовавшихъ поэтовъ и пробудили чутко дремавшее въ неопредѣленныхъ мечтаніяхъ сердце шестидесятилѣтняго старца В. Орбелиани настроить свою лиру въ унисонъ съ новымъ, вѣяніемъ въ грузинской литературѣ. Въ дружномъ хорѣ пылкихъ молодыхъ грузинскихъ писателей онъ сумѣлъ отмежевать себѣ самостоятельную небольшую область, въ которой остался до конца своихъ дней оригинальнымъ пѣвцомъ и безраздѣльнымъ хозяиномъ. Патріотическая идея, общая со всеми поэтами его времени, стала облекаться въ такую художественную форму, которая, по блеску и яркости красокъ, выдѣляетъ его изъ группы современниковъ, посвященныхъ въ тайны «языка боговъ». Волшебный Югъ принесъ въ даръ этому царю грузинскихъ лириковъ всю свою звучную игру рѣемъ, а глубокая, искренняя любовь къ Грузіи дала ему возможность воскрешать моменты величія своей родины и окружать ее розовымъ блескомъ идеальнаго освѣщенія. Свѣтлыя воспоминанія о прошломъ не только укрѣпляютъ поэта при наплывѣ горестныхъ думъ, но даютъ ему прочный залогъ въ возможности возрожденія Грузіи изъ пепла и развалинъ, «подобно легендарному фениксу». Вѣдь, главѣ русской романтической школы, Жуковскому, также «зрится отжившее какъ прежде оживленнымъ» и вѣрится, что «погибшее намъ возвратится». И грузинскаго романтика не оставляетъ «упованіе на лучшій неизмѣнный свѣтъ!» Таинственная дѣва въ стихотвореніи *Надежда* укрѣпляетъ въ отчаявшемся пѣвцѣ старины увѣренность, что «дѣла отцовъ съ лица земли не истребятся и нынѣ жалкія руины вновь полною жизнью загорятся». Въ стихотвореніи *Два зданія* мы находимъ объясненіе, насколько крѣпокъ фундаментъ «старинныхъ руинъ, воздвигнутыхъ могучей рукой»:

Два зданія каждый день я вижу предъ собою:
Одно изъ нихъ теперь едва возведено;
Пѣнная путника своею красотою,
Среди садовъ и нивъ красуется оно.
Снаружи и внутри изяществомъ блистая,
Нарядны стѣны въ немъ, какъ дѣва подъ вѣнцомъ,
Но такъ же, какъ она, невѣста молодая,
Непрочень, пѣжевь, слабъ красивый этотъ домъ.

Другое зданіе — старинныя руины
 Жилищъ, воздвигнутыя могучею рукою;
 Въ нихъ крѣпость, храмъ святой и башни-исполины —
 Все путнику твердить о роскоши былой.
 А нынѣ, гдѣ былъ блескъ, — тамъ пыль и залустьѣнье,
 И дикая трава подъ сводами растетъ!
 Развалины этихъ видѣ вселяетъ сожалѣнье
 И сердце путника болѣзненно гнететъ.

—
 Но зданье первое колѣвка жить не можетъ.
 Подъ бурей и грозой ему не устоять!
 И время безъ труда тѣ стѣны уничтожить,
 Которымъ суждено теперь насъ восхищать.
 Разрушатся онѣ; ихъ даже основанье
 Сравняется съ землей; тѣхъ стѣнъ исчезнетъ слѣдъ,
 И вмѣстѣ съ нимъ умретъ о нихъ воспоминанье...
 Нѣтъ прошлаго у нихъ и будущаго нѣтъ!

—
 Другому не страшны ни время, ни невзгоды,
 Подъ бурями оно стоитъ сямьсоотъ ужъ лѣтъ,
 И вражеской рукою разрушенныя своды
 Исторіи вѣковъ хранятъ кровавый слѣдъ.
 Пусть рухнетъ, наконецъ, послѣдній изъ обломковъ,
 Пусть изотрется въ прахъ тотъ исполинъ-старикъ, —
 Все-жъ будетъ вѣчно жить онъ въ памяти потомковъ,
 Великъ онъ въ прошломъ былъ и будетъ вновь великъ!

Этотъ отрывокъ, приведенный нами въ удачномъ переводѣ г. Тхоржевскаго, можетъ служить образцомъ творчества Вахтанга Орбеліани, неизмѣнно вдохновляющагося патриотическими идеями. По замѣчанію академика Брюнетьера, патриотическая тенденція въ лирическихъ произведеніяхъ обуславливаетъ скудость и однообразіе ихъ содержанія. Три мотива, — думаетъ французскій критикъ, — являются наиболѣе благодарными сюжетами въ лирической поэзіи, характеризующейся двумя основными признаками — индивидуализмомъ и субъективизмомъ. Этими достойными вдохновенія мотивами считаетъ онъ любовь, смерть и природу, вызывающія въ каждомъ отдѣльномъ поэтѣ своеобразное чувство и волненіе. Принципъ Брюнетьера по отношенію къ грузинскому поэту находитъ оправданіе: кн. В. Орбеліани не богатъ талантомъ изобрѣтательности не только новаго содержанія для своихъ произведеній, но даже ихъ внѣшней обработки. Безграничная любовь къ родинѣ и былой старинѣ ограничиваетъ предѣлы его фантазіи, сдерживаетъ свободный просторъ мысли и налагаетъ печать отсутствія новыхъ оттѣнковъ на творчество отзывчиваго поэта, внутренній міръ котораго колеблется подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ явленій природы и общественнаго настроенія.

Всю силу своего поэтическаго дарованія и весь пылъ патриотической любви онъ вложилъ въ два произведенія, составляющія перлы его художественнаго творчества: это — *Надежда*, историческая поэма, и *Сирота* — опыты лирическаго воссозданія главныхъ моментовъ изъ жизни грузинскаго

поэта XII в. Шота Руставели. Въ этихъ произведеніяхъ собраны всѣ отличительныя черты его лиры, повторяющіяся въ рѣзко очерченныхъ обломкахъ въ обработкѣ всѣхъ остальныхъ его стихотвореній. Ни одно стихотвореніе не можетъ сравниться съ *Надеждою* и *Сиротою* по силѣ и глубинѣ чувства, по торжественности тона, переходящаго въ мягкіе аккорды, по умѣнью связывать суровость и величіе съ идиллическою прелестью и элегическою нѣжностью. Обратимся прежде всего къ *Надеждѣ*.

Пылкое воображеніе поэта создаетъ образъ небесной дѣвы, предъ которой онъ излагаетъ кровавыя страницы прошлой судьбы Грузинъ, и проситъ ее принять «подъ свой кровъ священный Иверіи край благословенный». «Посланица-ль небесъ, о, свѣтлый ангелъ рая, иль демонъ лишь коварный, тебя адъ прислалъ? Или дѣва красоты, земное лишь созданье, доступно и тебѣ любви очарованье? Скажи, такой красой тебя кто одарилъ, кто прелести земли въ тебѣ соединилъ? Въ роскошныхъ ли садахъ Востока ты цвѣла, иль съ сѣвера тебя къ намъ буря занесла? Привѣтствуемъ тебя, какъ гостью дорогую, отвѣтъ Иверіи улыбкой родной! Ея природа дивная красой вся засіяетъ, вокругъ все дышетъ жизнью, все благоухаетъ: и моря слышенъ ропотъ, шепчетъ тихо лѣсъ, надъ нами свѣтлый сводъ лазуревыхъ небесъ; и тонуть въ синевѣ высокихъ горъ вершины, и рѣки орошаютъ пышныя долины, сада обилемъ дышать, тучныя поля, надъ розою душистой—трели соловья; все солнце золотитъ, лучами озаряетъ, блаженствомъ, нѣгой сладкой все насъ здѣсь ласкаетъ. На всемъ лежитъ печать величья прошлыхъ дней, намъ память дорога героевъ и царей: Давидъ святой, Тамара, свѣтлая царица, о, имена святыхъ, ими край гордится. Великій Руставели, Бесикъ,—нашъ пѣвецъ,—въ безсмертныхъ пѣсняхъ ихъ негнѣющій вѣнецъ.

«Руины видишь ты величія былого, свидѣтелей страданья края дорогого; и храмы свѣтлые съ высотъ своихъ глядятъ, останки прошлыхъ дней они въ себѣ хранятъ. Не служатъ тамъ обѣднѣ, слышенъ лѣса стонъ, шумъ вѣтра замѣняетъ поминальный звонъ. А если хочешь знать причины разрушенья, паденья Грузіи, отчизны разоренья,—иди къ кресту святому въ нашъ старинный храмъ, исторію Грузіи узнаешь ты тамъ. На томъ крестѣ прочтешь кровавыя слова, какъ Грузія терла всѣ свои права! И въ тѣхъ словахъ ужасныхъ наше назначенье: то крестъ Иверіи и Божье велѣнье! И Нина святая тотъ крестъ намъ принесла и свѣточъ христіанства въ Грузію зажгла. За вѣру и Христа народъ нашъ погибалъ и Грузію отъ Азіи онъ храбро защищалъ... Но милосердна ты, жалѣешь, вижу, насъ, и слезъ жемчужины скатились съ чудныхъ глазъ. Какъ вспомнишь о страданьяхъ Грузіи святой, въ груди заноситъ сердце и скорбишь душой! Печальную ту повѣсть мать мнѣ рассказала, какъ Грузія отважно, гордо умирала. Ираклій, мощный царь, въ борьбѣ изнемогалъ, но Грузію свою врагамъ не уступалъ... Десятки тысячъ воиновъ Персія къ намъ шлетъ и грозный врагъ безстрашно на Грузію идетъ. Три тысячи грузинъ стоятъ передъ ордою, и борются съ врагомъ съ отвагой удалою, но смерть ихъ

не щадить,—всѣ они погибли, а Грузію любить они намъ завѣщали... Уста мои нѣмѣютъ, слезы льются съ глазъ, что было въ Соганглугахъ въ страшный день сраженія, то трудно передать,—нѣтъ словъ для выраженія,—о томъ знаютъ лишь нѣмые берега Арагвы и Буры...

«Въ душѣ моей возникло горькое сомнѣнье, что гибель Грузіи—не Божье велѣнье! Нѣтъ Бога въ небесахъ или солнца лучъ угасъ? или царству темныхъ силъ настала желанный часъ? Кто сотворилъ сей міръ, Кто создалъ свѣтъ отрадный, Кто звѣздами усѣялъ сводъ нашъ необъятный? Мірами движеть Кто, править Кто землей и Кто къ намъ посылаетъ солнца лучъ златой? Украсилъ Кто поля прекрасными цвѣтами, склоны горъ одѣлъ дремучими лѣсами? Кто волны моря движеть, бурныхъ рѣкъ потокъ, съ зарей въ пурпуръ златой красить Кто востокъ? Кто создалъ человѣка, какъ вѣнецъ творенья, Кто далъ ему весь міръ въ широкое владѣнье? Кто землю обогрѣлъ своей невинной кровью? Кто насъ училъ добру, любить и всѣхъ прощать, то какъ же Самъ Онъ могъ жестоко поступать, чтобъ край загубить, крестомъ благословенный, предать мечу, огню нашъ кровь и храмъ священный?—А если создалъ все одинъ великій Богъ, то какъ же Грузію онъ такъ обидѣть могъ?... Когда стоялъ Ираклій на высотахъ Авлабара и видѣлъ, городъ милый пламя какъ обьяло, ужель и тогда нашъ царь не возронталъ, когда въ огнѣ и пламени городъ погибалъ?... Но, дѣва красоты, ты недовольна мной,—прости, небесная, невольный ропотъ мой, то вопль страданья о потерѣ дорогой! Несчастное страданье! какъ смѣлъ я посягнуть на Божіе велѣнье? Прости, Творецъ всеильный, ты мои соннѣнья, пошли съ небесъ святыхъ желанное прощенье!...—Тогда приблизилось небесное видѣнье, и въ душу въ мигъ проникъ лучъ свѣта обновленія! Промолвила: «Надѣйся, твой воскреснетъ край, и Грузія найдетъ потерянный свой рай! и духъ отцовъ великій возродится вновь, въ Иверіи не угаснетъ вѣра и любовь! Отнынѣ буду съ вами, не покину васъ, зажгу огонь святой, что временно угасъ!»—О, рѣчи сладкія, я слышу звуки райа: о, счастье, о, радость, возрожденіе края! И палъ я ницъ: предъ ней землю я цѣловалъ и свѣтлое видѣнье я благословлялъ».

Таковъ патріотическій пафосъ, проникающій *Надежду*, полная передача которой превосходитъ мои силы. Заколдованный кругъ сомнѣнія и отчаянія, глухой ропотъ и глубокое негодованіе на судьбу смѣнились горячею хвалою Провидѣнію и свѣточемъ надежды, озарившимъ непроглядный, томительный мракъ. Грузинскій поэтъ всю свою пессимистическую философію точно резюмируетъ финальнымъ восклицаніемъ идеалиста Ламартина въ стихотвореніи *Безсмертіе*:

Горячо я люблю Богомъ созданный міръ,
А любовь неразлучна съ надеждой!

Впечатлѣніе, производимое творчествомъ кн. В. Орбелиани, отличается такою силой чистоты воскресшей вѣры и непосредственнаго изліянія безотрадныхъ мыслей противъ роковыхъ законовъ исторіи или холоднаго без-

участія природы къ человѣческимъ скорбямъ, что внушается полная увѣренность въ способности поэта писать не чернилами, а слезами извлекать прозрачныя слова изъ тайника сердца, какъ падаютъ съ листьевъ капли утренней росы,—слагать пѣсни изъ боли сердечной или мрачной, гнетущей душевной тоски. Словомъ, его поэзія проникнута по преимуществу индивидуальнымъ чувствомъ и неизлѣчимымъ субъективизмомъ.

Художественное дарованіе грузинскаго романтика, которое могло бы удовлетворить самыхъ строгихъ цѣнителей поэтическихъ произведеній, нашло яркое проявленіе въ талантливомъ умѣннѣ воспроизведенія величественной кавказской природы. «Онъ не остается чуждымъ обаянію синяго неба, зеленѣющихъ деревьевъ, таинственнаго ночного мрака или согревающей ласки первыхъ солнечныхъ лучей». Страсть къ красотамъ окружающей среды составляетъ врожденную неотъемлемую его черту, которая склоняетъ поэта сопровождать каждое свое стихотвореніе то мирными чарующими пейзажами, то бурными, грозными явленіями, неожиданно смѣняющими «спокойный волшебный сонъ».

Стихотвореніе «Сирота», посвященное памяти знаменитаго грузинскаго поэта XII в. III. Руставели, заключаетъ въ себѣ прекрасную параллель угрюмой картины подъ свинцовымъ небомъ, при бушеваніи моря, озаряемаго грознымъ сверканьемъ молній, а съ другой стороны, тихой сцены въ поэтическомъ сумракѣ лѣтняго вечера, при послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца. Мы видимъ на сценѣ и необъятныя волны, и величавыя горы, и цвѣтущія долины, порой слышимъ пѣніе птицъ. «Дремало тихо море въ волшебномъ сладкомъ снѣ, а солнце отражалось въ зеркальной синевѣ, лучами озаряя лазурный небосклонъ, алмазами сверкало въ струяхъ прозрачныхъ водъ. Надъ Моремъ Чернымъ шаръ солнца золотой въ величьи опускался надъ бездной морской. Спустился тихій вечеръ, и неба свѣтлый сводъ усыялся звѣздами—луна глядитъ съ высоты. Свѣтила отражались въ зеркальной синевѣ, а море все дремало въ волшебномъ, сладкомъ снѣ... Нарушенъ сонъ волшебный, вдали разнесся гулъ, то бури приближеніе, яснѣе, ближе шумъ. И море встрепенулось и съ страшной быстротой несутся волнъ отряды въ отважный, дружный бой. А черныхъ тучъ громады покрыли небосклонъ,—исчезли звѣздъ мірады, затмилось все кругомъ.

И бурная стихія разгнѣванныхъ небесъ

Шумитъ и рветъ, и мечетъ,—

Вокругъ лишь стоишь и трескъ:

То ломаются мачты на мощныхъ корабляхъ,

То рвутся парусы, снасти на маленькихъ судахъ.

Природа богатною своею силой врачевала кн. В. Орбелиани въ минуты скорби и тревогъ. Онъ невольнo отдается обаятельной красотѣ мірозданія, его гармонія умиротворяетъ душу поэта и вызываетъ изъ нея отвѣтныя гармоничныя пѣсни. Конечно, въ природѣ есть своего рода печаль, свой глубокий трауръ, но человѣкъ, удрученный горемъ, находитъ отраду въ этомъ соответствіи его душевному настроенію, запасается бодрящими чув-

ствами, какія она сообщаетъ. Природа воспитала не только самого автора, но и того великаго писателя, котораго онъ воспѣваетъ въ своемъ стихотвореніи. Сирота-поэтъ, Ш. Руставели, не вѣдавшій съ дѣтства ласки семьи своей родной, былъ благословенъ всеильнымъ, дивнымъ Богомъ: «тебя прославлю Я межъ всѣхъ сыновъ родныхъ, храни святое пламя небеснаго огня, будь милосерднымъ, добрымъ, живи, весь міръ любя. И словомъ вдохновенья, и свѣлоу ума лучъ свѣта, обновленья заронишь ты въ сердца. За равенство, за братство, за общую любовь польются рѣчи жгучи твоихъ могучихъ словъ. Сынамъ родной отчизны ты вѣчно будешь милъ, что лирой сладкозвучной ты чувства ихъ будилъ. Лучами свѣтлыми тебя я озарю, и будешь свѣточемъ въ родномъ своемъ краю»...

И выросъ въ одиночествѣ
 Великій сирота,
 Похъ тихій шепотъ лѣса
 Съ журчаньемъ ручейка.
 Его друзьями были
 Лѣсъ, горы и луга,
 И лучъ горячій солнца
 И тихая луна.
 А звѣзда яркія,
 Красуясь въ небесахъ,
 Ему шептали тайны
 О сказочныхъ мірахъ.

«Онъ часто любовался весеннею порой природы пробужденьемъ и свѣтлою зарей. Иль буря разразится разгнѣванныхъ небесъ: раскаты грома, вѣтеръ, иль молній свѣтлый блескъ разсѣивали въ немъ сразу міръ сладкихъ, чудныхъ грѣзъ и уносили въ міръ иной—страданія и слезъ. Высоты-великаны, вершины снѣжныхъ горъ глядѣли гордо, стройно сивозъ дымку облаковъ. Мечтою уносился онъ за предѣлы горъ, гдѣ чудныя равнины и гдѣ душѣ просторъ. Раскинула природа тамъ пестрые ковры, тамъ бурныхъ рѣкъ потоки несутся съ высоты».

Биографія Ш. Руставели, котораго такъ восторженно воспѣваетъ въ этомъ стихотвореніи В. Орбеліани, известна намъ только въ отрывочныхъ указаніяхъ позднихъ источниковъ грузинской литературы. Недостатокъ точныхъ фактовъ изъ жизни великаго поэта XII в. восполняется фантазіей писателя нашего времени, пытающагося, въ предѣлахъ естественнаго вымысла, намѣтить могучее вліяніе той чудной природы, на лонѣ которой росъ и воспитывался безсмертный «сирота». Не только красоты окружающей среды пробуждали въ Руставели къ творчеству его геній, но гѣ незабвенныя воспоминанія о подвигахъ отцовъ, которыя съ благоговѣніемъ передавались изъ устъ въ уста свидѣтелями дѣлъ великихъ: «Волхидъ-жъ гордой, мощной не страшень бури вой; она стоитъ у берега, че склонится главою. А Эльбрусъ величавый, могучій исполнѣнъ, свидѣтель тѣлъ великихъ и подвиговъ былыхъ, красуется подъ нею, храня героевъ лонъ, — сонъ вѣчный, непробудный великихъ тѣхъ отцовъ, что гбли за

отчизну, за родину, за тронъ... О нихъ хранится память въ сердцахъ родныхъ сыновъ». Съ глубокой древности Кавказъ былъ окруженъ фантастическими ореоломъ. Сюда былъ совершенъ походъ Аргонавтовъ, на вершинѣ Арарата, по преданію, остановился ковчегъ Ноя, на Казбекѣ указываютъ слѣды шатра Авраама и яслей Спасителя. Вотъ почему В. Орбелиани говоритъ: «Страна златого руна, библейскій міръ чудесъ, предстала предъ очами красною чудныхъ мѣстъ».

Глядѣть не наглядится *)
 Великій сирота, —
 И шлеть привѣтъ отчизнѣ —
 Восторгомъ грудь полна.

Образованіе поэтъ эпохи цар. Тамары получаетъ въ свѣтлой Элладѣ **), странѣ Гомера и Фемистокла и, по его довершеніи, юноша мчится съ восторгомъ къ роднымъ долинамъ Ріона, гдѣ «скалы вѣковыя стремятся къ небесамъ и башни сторожевыя красуются въ горахъ, а храмы ужъ свѣтлыя видѣются вдали, свидѣтели нѣмые глубокой старины... И всюду жизнь, движеніе, буда-то всё спѣшать, то время возрожденія, народъ отъ сна возстаетъ. Растутъ дворцы, палаты царицы молодой, зовутъ ее Тамарой, Иверии красой, а вѣкъ ея зовется вѣкъ гордый, золотой. И юноша стремится къ ногамъ царицы пасть, увидѣть свѣтлый образъ и голосъ услышать. — Предстало предъ очами видѣнье, божество... о радостный мигъ счастья, о сердца торжество! Онъ зрѣть свою царицу въ сіяніи лучей, глядѣть, не наглядится, не сводить онъ очей».

О, муза вдохновенья,
 Царица ты царей,
 Прими меня, я, смиль твой,
 Пришелъ изъ-за морей!
 Хочу воспѣть тебя я,
 Дѣянья всѣ твои,
 Хочу служить отчизнѣ
 Всей силой моею!

Молодой воспитанникъ греческой школы исполняетъ свое обѣщаніе: онъ посвящаетъ себя литературной дѣятельности и создаетъ знаменитую поэмю «Барсова кожа», составляющую красу грузинскаго творчества. «Раздалися звуки лиры; онъ пѣсни сталъ слагать: то были перлы слова — алмазъ и брилліантъ. Межъ камней самоцвѣтныхъ въ оправѣ золотой былъ жемчугъ бѣлоснѣжный и яхонтъ дорогой». Подобными сравненіями въ восточномъ вкусѣ характеризуется В. Орбелиани высокое содержаніе поэмы Ш. Руставели. Сама царица Тамара увлекается созданіемъ своего придворнаго поэта, и

*) Эти отрывки приводятся въ переводѣ книг. С. В. Амираджиби, которой приношу искреннюю признательность за любезно-предоставленное право воспользоваться ею приготовленными образцами изъ грузинскихъ поэтовъ.

**) В. Орбелиани допустилъ въ данномъ случаѣ обычное смѣшеніе Аениъ съ Аеономъ, гдѣ молодые грузины довершали свое образованіе въ теченіе среднихъ вѣковъ.

уста ея безпрестанно шепчуть волшебныя слова любви и дружбы. Пышный дворъ окружаетъ гордый тронъ свѣтлой Тамары и въ нѣмомъ очарованіи ждетъ онъ приказа своей вѣнценосной, боготворимой царицы.

Скажите мнѣ, гдѣ онъ?
Гдѣ мужъ великій, мудрый,
Что пѣсни мнѣ прислалъ?
Его желаю видѣть,
Хочу, чтобъ онъ предсталъ.

«Исполнено желанье царицы молодой, и юноша предъ нею сіяетъ красотою. И пламя вдохновенья горитъ въ его очахъ, и свѣтится умъ свѣтлый въ восторженныхъ чертахъ. Проникнуть онъ любовью къ царицѣ дорогой, онъ любитъ своихъ братьевъ, онъ любитъ край родной.—И свѣтлая царица, плѣненная пѣвцомъ, спросила внятно, нѣжно избранника боговъ: «Скажи, какою властью чаруешь ты насъ всѣхъ и гдѣ ты научился стихами такъ владѣть».—«О дивная царица, тебѣ обязанъ я, тебя лишь я завидѣлъ и льется пѣснь моя!» Царица, улыбаясь, отвѣтила ему: «Нѣтъ, сынъ мой, ты обязанъ лишь Богу одному,—Его могучей властью ты пѣсни сталъ слагать, что силой, мощью, страстью должны всѣхъ чаровать. И будешь ты великимъ въ отчизнѣ дорогой, короны украшеньемъ и гордостью родной!»

Кто-жъ юноша прекрасный,
Чьи струны такъ сладко пѣли?
—То былъ поэтъ отчизны
Великій Руставели.

Мы намѣренно остановились на подробномъ воспроизведеніи одного изъ лучшихъ стихотвореній В. Орбелани, чтобы дать представленіе о патріотическомъ пафосѣ поэта и объ умѣннн его облечь народное сказаніе о Руставели въ изящную художественную форму, съ гармоничнымъ сочетаніемъ пейзажей и жанровыхъ картинъ.

Нужно отдать справедливость грузинскому поэту, что онъ не стремился художественное творчество превратить въ исключительное орудіе публицистическихъ идей. Съ другой стороны, не считая «чистое искусство» безусловно удѣломъ поэтического вдохновенія, онъ охотно жертвовалъ для жизни искусствомъ, внося въ свои стихотворенія отголоски «политики» и злобы дня. Шествуя «свободною дорогой», куда влечетъ творческой полетъ «свободный умъ», онъ пѣлъ и красу небесъ, и ласку милой, а когда его волновали общественныя идеи, то онъ смѣло посвящалъ имъ свое вдохновенье, бралъ стройныя и мощныя аккорды гражданской лиры, доходя до созданія такихъ торжественныхъ кантатъ, какъ «Царица», «Надежда», «Зачѣмъ мы рождены», «Посвященіе Кахетин», «Назначеніе женщины». Стихотвореніе «Зачѣмъ мы рождены?» проникнуто такимъ энергичнымъ протестомъ противъ растительной жизни и эгонистическихъ помысловъ земного существованія, что оно переходитъ въ нравственное поученіе, исполненное чистыхъ и великодушныхъ стремленій,—поэтъ становится благимъ съяте-

лемь, пастыремъ душъ, указывающимъ народу истинный путь общественнаго служенія.

Зачѣмъ мы рождены?
 Ужели лишь затѣмъ,
 Чтобъ вѣчно у Творца все большаго просить!
 —И въ этотъ чудный мѣръ
 Ужель затѣмъ пришли,
 Чтобъ жалкими слѣпцами по свѣту бродить?

Стихотвореніе это ясно свидѣтельствуетъ, что поэтическое творчество для кн. В. В. Орбелиани не внезапное изліяніе чувствъ, а плодъ глубоко-обдуманнаго труда. «Ужель свой образъ Богъ затѣмъ намъ даровалъ, чтобъ позабыть всѣ свѣтлыя велѣнья и, какъ ничтожество, рабы своихъ страстей, не исполнять святого назначенія? Ужели лишь затѣмъ, чтобъ Бога позабыть—не жить братьями всеобщю любовью, и помнить лишь себя, въ довольствѣ жить, почитать, а къ ближнимъ относиться съ злобою, враждой? Ужели лишь затѣмъ мы Богомъ созданы, чтобъ прелесть всю бытія и красоту вселенной, и солнца свѣтлый лучъ, и синеву небосъ не видѣть, не цѣнить и въ пошлости надменной лишь съ алчностью глядѣть на золото, серебро? Желать добра чужаго; жаждать крови, мести, святое все забыть—и вѣру, и любовь; и братьевъ не щадить, забыть законы чести, предать мечу, огню ихъ села, мирный кровъ? Страну опустошить погибельной войною и видѣть голодъ, смерть, и слышать тяжкій стонъ, и на скорбь не отвѣтить ни одной слезой?!»

Создаваемаго стихотвореніе «Зачѣмъ мы рождены?» никакъ уже нельзя признавать сторонникомъ «искусства для искусства», — онъ «не рожденъ для звуковъ сладкихъ и молитвъ», для него конечная цѣль поэзіи—смягченіе сердецъ и широкая цивилизація. Кн. В. Орбелиани властвуетъ, при самомъ возвышенномъ полетѣ фантазіи, надъ поэтическимъ содержаніемъ своихъ твореній. Особенную прелесть и цѣнность его поэзіи составляетъ отсутствіе раздвоенія между умомъ и поэтическимъ чувствомъ, въ глубокомъ и сознательномъ убѣжденіи, что призваніе человѣка—творить добро, одухотворять жизнь, давая ей смыслъ и красоту. Стихотвореніе «Царица» прекрасно характеризуетъ его общественные идеалы, въ которыхъ свазываются тенденціи молодой грузинской литературы. Онъ здѣсь могъ вмѣстѣ съ своимъ любимымъ поэтомъ В. Гюго сказать, что «каждый писатель, въ какой бы сферѣ ни вращалась его мысль, обязанъ прежде всего имѣть въ виду общественную мысль». Это-то убѣжденіе проникаетъ и согрѣваетъ одно изъ нѣжныхъ по глубинѣ чувствъ и свѣтлыхъ по блестящей идеѣ мелодичное его твореніе «Царица».

Предъ юною дѣвой стоятъ безумно влюбленный царь, готовый пожертвовать для завоеванія сердца гордой красавицы всѣмъ, что дорого ему: и славою своею, и достояніемъ, обѣщая воздвигнуть пышные чертоги и лелѣять ее несмолкаемыми звуками сладкихъ струнъ. Но обѣщанія роскошной и поэтической обстановки не трогаютъ сердца молодой царицы, — сѣ-

рота-царь безъ друга и родныхъ, робко умоляющій о любви, не возбуждаетъ въ ней ни жалости, ни симпатіи. Если для снисканія ея расположенія нужно увѣчать себя лаврами побѣдителя, то онъ готовъ надѣть кольчугу и въ смертный бой вступить съ врагомъ. Но прелестная дѣва со слезами на глазахъ и съ печатью неподдѣльной грусти стоитъ безответна, разжигая страсть въ своемъ горячемъ поклонникѣ. Царь не останавливается предъ самыми крупными жертвами, вручая и скипетръ, и тронъ, и порфиру божественной красавицѣ, образъ которой ему являлся и въ хижинѣ бѣдыка, гдѣ она ублаживала ребенка, и на улицѣ въ присутствіи нищихъ, которымъ она подавала хлѣбъ и утирала слезы... Достаточно ея улыбки, и она будетъ самымъ яркимъ алмазомъ въ его царственномъ вѣнцѣ. Видя пламенную любовь царя, она рѣшается произнести свое слово: «Жнѣ не нужно, — говоритъ красавица, — ни твоихъ сокровищъ, ни твоего вельчія; если ты желаешь сдѣлать меня царицей, то не вѣрь льстецамъ придворнымъ, даруй народу счастье и свободу, обезпечь его отъ произвола и раздѣли съ нимъ свою власть. Трудомъ и достоинствомъ подданныхъ не пользуйся въ своихъ интересахъ, приюти вдовъ и сиротъ, подыми падшихъ и помоги бѣднымъ, — слѣши обновить жизнь народа, и тогда я твоя супруга!» Юный царь только теперь понялъ свое истинное назначеніе, и любовь принесла ему личное счастье, а странѣ миръ и благоденствіе. «Царь къ народу выходитъ, чувствъ высокихъ полнъ: «Тебѣ я буду преданъ!» — лишь промолвилъ онъ... и кликами восторга воздухъ огласился, и царь съ своимъ народомъ воедино слился».

Производить розыски національныхъ источниковъ идейнаго содержанія вышеизложеннаго стихотворенія представляется дѣломъ бесплоднымъ. Съ самыхъ древнихъ временъ грузинская литература, какъ и всякая, была подвержена внѣшнему вліянію, широко пользуясь, подобно писателямъ всѣхъ странъ, сюжетами иностранныхъ произведеній. Между народами существуетъ постоянный обменъ идей и найти дѣйствительное ихъ происхожденіе невозможно. Ни одна нація, по мнѣнію французскаго критика Галле, не можетъ считать ихъ своимъ достояніемъ, никто не можетъ сказать, гдѣ онъ родился и кому первому припалъ въ голову. Въ умѣ человѣчества такъ же, какъ въ умѣ отдѣльнаго индивидуума, мысли цѣпляются и тянутся одна за другою; ихъ цѣпь не имѣетъ перерыва. Въ настоящее время ассимиляція чужеземныхъ идей развилась въ большей степени, чѣмъ когда-нибудь. Нравы, привычки, костюмы, моды и законы дѣлаются все менѣе различными въ отдѣльныхъ странахъ; каждый изучаетъ языкъ и духъ своихъ сосѣдей; какъ въ верхнихъ, такъ и въ нижнихъ слояхъ общества космополитизмъ дѣлаетъ большіе успѣхи.

Въ виду этихъ условій распространенія интеллектуальной солидарности въ хижинахъ и философахъ, приходится ограничить предѣлы непосредственнаго вліянія иностранной литературы на творчество кн. В. Орбелиани. Какъ одна характерность поэтическаго вымысла въ первоначальныхъ проблескахъ у различныхъ народовъ обуславливается общими психическими условіями,

точно такъ же личное творчество писателей, отдаленныхъ другъ отъ друга по національному происхожденію и культурнымъ воздѣйствіямъ, нерѣдко должно быть объяснено однородными особенностями, свойственными вообще человѣку всѣхъ странъ и народовъ. Поэтому, въ нашихъ глазахъ, кн. В. Орбелиани могъ бы считаться самобытнымъ, внѣ общаго европейскаго теченія, поэтомъ-романтикомъ, вдохновляющимся, въ виду особыхъ историческихъ условій, исключительно любовью къ виновникамъ прошлаго расцвѣта Грузіи и надеждою полного возрожденія своей страны въ будущемъ въ воздаяніе за испытываемыя муки и страданія въ настоящемъ. Этимъ объясняется, что смѣняющіяся краски мимолетныхъ явленій жизни не развлекали и не занимали поэта, для его много пережившей души не существовало неизвѣданныхъ впечатлѣній, а внутренний взоръ его таинственно обращался за предѣлы современной жизни, туда... «на тотъ берегъ» былого величія Грузіи. И подъ кровомъ неуядаемой вѣры, что родинѣ вернется «потерянный рай», тихо догорѣли всѣ судьбой ему отсчитанные дни.

А. Хахановъ.

Шведская война 1788—90 гг.

(По новымъ даннымъ изъ французскихъ архивовъ).

ВВЕДЕНІЕ.

I. Письма принца Нассау.—Записки Ланжерона.

Событія войны Россіи со Швеціей при императрицѣ Екатеринѣ II изъяснены въ подробностяхъ, главнымъ образомъ, по русскимъ и шведскимъ источникамъ. На эти источники было указано мною въ моей монографіи, изданной въ 1869 году въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* и изданной также особою книгой. Что касается до французскихъ источниковъ, то тогда можно было, главнымъ образомъ, указать лишь на статью Жюффруа, явившейся въ *Revue des Deux Mondes* подъ заглавіемъ *Le roi de Suède III et la cour de France*; эти статьи составлены большею частью въ помощь дипломатическихъ корреспонденцій французскихъ посланниковъ въ Стокгольмѣ.

Нельзя сказать, чтобы со времени появленія моего сочиненія были изданы труды, въ которыхъ заключались бы важныя новыя данныя для исторіи столкновенія между Швеціей и Россіей въ 1788—90 гг. Здѣсь и тамъ, правда, въ журналахъ появились эпизодическіе рассказы о томъ или другомъ событіи, относящемся къ этой войнѣ; между бумагами Екатерины, напечатанными въ XXVII и XLII томахъ *Сборника Императорскаго Историческаго Общества*, встрѣчаются намеки на различныя фазисы этой войны; но въ особенности часто упоминается въ письмахъ императрицы къ князю Потемкину. Однако нельзя сказать, чтобы эти данныя служили значительнымъ дополненіемъ къ запасу свѣдѣній, находившемуся и прежде въ распоряженіи.

За то въ последнее время были открыты два источника, проливающие новый свѣтъ на исторію шведской войны и дающіе намъ понятіе о ходѣ военныхъ событій и о критическомъ положеніи, въ которомъ находилась это время столица, въ окрестностяхъ которой происходили военныя событія. Мы намѣрены въ слѣдующемъ очеркѣ указать на значеніе раз-

сказовъ двухъ очевидцевъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ этихъ бытіяхъ. То были принцъ Нассау-Зигенъ и графъ Ланжеронъ.

Очень недавно въ Парижѣ появилась замѣчательная монографія *prince Charles de Nassau-Siegen d'après sa correspondance originale inédite de 1784 à 1789* (Paris, 1893). Авторъ этой книги, маркизъ д'Аугонъ, при ея составленіи воспользовался, главнымъ образомъ, письмами принца Нассау къ его женѣ, находившейся въ это время въ Польшѣ, затѣмъ въ С.-Петербургѣ. Нассау въ концѣ 1786 года прибылъ въ южную Россію, гдѣ онъ сблизился съ Потемкинымъ. Князь полюбилъ талантливаго авантюриста, стяжавшаго громкую славу въ кругосвѣтномъ путешествіи Бугенвиля и въ осадѣ Гибралтарской крѣпости. Нассау сопровождалъ Потемкина въ разныхъ поѣздкахъ въ Херсонъ и Крымъ, участвовалъ въ приготовленияхъ къ знаменитому путешествію императрицы въ 1787 г., ходилъ въ свитѣ Екатерины во время ея пребыванія на югѣ и, наконецъ по случаю разрыва между Россіей и Оттоманскою Портою вступилъ въ русскую службу. Въ качествѣ начальника галернаго флота въ Очаковскомъ лиманѣ принцъ Нассау оказалъ самыя важныя услуги Россіи, неоднократно разбивая турецкій флотъ. Тѣсная дружба между принцемъ Нассау и княземъ Потемкинымъ оказалась непрочною; разногласіе между обоими военачальниками по поводу осады Очакова заставило принца покинуть лагерь подъ Очаковымъ и отправиться въ С.-Петербургъ, откуда онъ поѣхалъ въ Францію и въ Испанію съ цѣлью хлопотать, въ качествѣ тайнаго русскаго дипломатическаго агента, о заключеніи четвернаго союза между Россіей, Австріей, Франціей и Испаніей. Рѣшеніе этой задачи не состоялось, принцъ вскорѣ вернулся въ Россію, гдѣ онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ походахъ противъ шведовъ въ 1789 и 1790 годахъ. Участіе принца Нассау тѣсно связано съ важнѣйшими событіями этой войны. Неоднократно удавалось разбивать шведовъ на морѣ. Пользуясь довѣріемъ императрицы, онъ оказывалъ сильное вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій вообще и при этомъ случаѣ обнаруживалъ необычныя способности. Въ концѣ іюня 1790 г., однако, онъ потерпѣлъ страшное пораженіе при Свенскундѣ и этимъ окончилась его военная карьера. Послѣ заключенія Верельскаго мира онъ могъ оказать императрицѣ нѣкоторыя услуги въ качествѣ дѣятеля въ сношеніяхъ съ эмигрантами.

Участвуя въ турецкой войнѣ въ 1788 году, а затѣмъ въ походахъ въ Финляндію, принцъ Нассау постоянно сообщалъ самыя любопытныя подробности объ этихъ событіяхъ своей женѣ. При выдающейся роли, которую разыгрывалъ принцъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, при его близкихъ сношеніяхъ съ важнѣйшими лицами въ Россіи, можно представить себѣ, что письма его могутъ служить чрезвычайно замѣчательнымъ источникомъ изученія этихъ событій.

Другой источникъ, на который мы указываемъ въ слѣдующемъ очеркѣ находится въ Парижскомъ архивѣ. Хранящіеся тамъ шесть фоліантовъ писемъ, или вѣрнѣе—сочиненій, графа Ланжерона заключаютъ въ себѣ

между прочимъ, самое подробное изложеніе событій похода 1790 года въ Финляндіи. Знаменитый эмигрантъ, находившійся болѣе сорока лѣтъ въ русской службѣ, такъ сказать, дебютировалъ въ этой шведской войнѣ, въ которой онъ былъ товарищемъ принца Нассау-Зигена. Его перу принадлежатъ обширный трудъ о походѣ въ Финляндію въ 1790 году. Эта монографія была составлена имъ въ 1796 году, а затѣмъ, въ 1824 году, къ ней прибавлены нѣкоторыя примѣчанія. Монографія Ланжерона, имѣя оставшаяся совсѣмъ неизвѣстною, достойна вниманія во многихъ отношеніяхъ. Графъ долженъ считаться чрезвычайно талантливымъ писателемъ. Его интересуютъ не только событія военной исторіи, но и политическіе вопросы. Составляя свои труды не въ видѣ писемъ или журналовъ, а въ самомъ разгарѣ фактовъ, а нѣсколько позже въ видѣ мемуаровъ, Ланжеронъ не довольствуется разсказами фактовъ,—онъ къ нимъ прибавляетъ цѣну значенія событій, очевидцемъ которыхъ онъ бывалъ: онъ характеризуетъ болѣе или менѣе подробно тѣхъ людей, съ которыми имѣлъ дѣло; онъ подвергаетъ строгой критикѣ образъ дѣйствій и государственныхъ людей и военачальниковъ, говоритъ подробно объ ошибкахъ, сдѣланныхъ и неприятелемъ, и русскими полководцами, разсказываетъ разные анекдоты, иллюстрирующіе свѣтъ на нравственный бытъ того времени, и пр. Умѣя цѣнить необычайныя способности и доблесть своего друга, принца Нассау, Ланжеронъ все-таки обращаетъ вниманіе и на его слабыя стороны и, въ качествѣ эксперта въ области стратегіи и тактики, указываетъ на сдѣланные имъ промахи. Нельзя не удивляться тому, что маркизь д'Арагонъ, который, какъ видно, переписывалъ въ Парижскомъ архивѣ рукописи сочиненій Ланжерона, не воспользовался монографіей сего послѣдняго для болѣе подробнаго изложенія событій 1790 года, тогда какъ этотъ трудъ Ланжерона въ шести рукописныхъ фоліантахъ сочиненій знаменитаго эмигранта занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Между тѣмъ какъ письма принца Нассау-Зигена къ его женѣ особенно важны для исторіи похода 1789 г., разсказы Ланжерона, заимствованные нами изъ Парижскаго архива, могутъ считаться первокласснымъ источникомъ исторіи похода 1790 г.

Нѣтъ сомнѣнія, что событія 1788 года болѣе подробно извѣстны, нежели ходъ военныхъ дѣйствій слѣдующихъ кампаній до Верельскаго мира. Важнѣйшая монографія Головачева о событіяхъ на морѣ въ 1788 году даетъ намъ точное понятіе о битвѣ при Гохландѣ, о дѣйствіяхъ обоихъ флотовъ на берегахъ Финляндіи, тогда какъ битвы 1789 и 1790 годовъ не были разработаны столь подробно въ специально-исторической литературѣ. Тѣмъ важнѣе оказываются данныя, заключающіяся въ письмахъ принца Нассау и въ запискахъ Ланжерона.

II. Начало войны.—Событія 1788 г.

Ланжеронъ прибылъ въ Россію не раньше какъ весной 1790 г., однако онъ послѣ участія въ послѣднемъ походѣ шведско-русской войны старался составить себѣ точное понятіе объ обще-историческомъ значеніи столкно-

венія, происходившаго между Россіей и Швеціей за два года тому назадъ. Онъ указываетъ, во введеніи къ своей монографіи о походѣ 1790 г., событія 1788 года.

Въ 1787 году Турція объявила войну Россіи. Почти всѣ русскія войска были отправлены на югъ для военныхъ дѣйствій около Очакова. Императрица Екатерина, обращающая главное вниманіе на восточный вопросъ, не ожидала разрыва съ Швеціей, между тѣмъ какъ Густавъ III хотѣлъ именно воспользоваться турецкою войною для нанесенія страшнаго удара Россіи на сѣверѣ.

Ланжеронъ въ послѣдствіи находился въ близкой дружбѣ съ графомъ Андреемъ Кирилловичемъ Разумовскимъ, который въ 1788 году, въ моментъ разрыва между Швеціей и Россіей былъ русскимъ дипломатомъ въ Стокгольмѣ. Отъ Разумовскаго Ланжеронъ узналъ нѣкоторыя частности о поведеніи дѣла въ то время. Онъ пишетъ: «Императрица долго не хотѣла думать, что ей можетъ грозить серьезная опасность со стороны Швеціи. Ея другъ и пріятель, графъ Андрей Разумовскій, мнѣ съ полною откровенностью сообщалъ о его безуспѣшныхъ стараніяхъ обратить вниманіе своего двора на опасность, которой Россія легко могла подвергнуться съ этой стороны. Такъ какъ государи никогда не ошибаются, графъ Разумовскій тогда считался въ немилости, или по крайней мѣрѣ показывали видъ нерасположенія къ нему хотя лишь временно; въ концѣ-концовъ, однако, императрица, умѣвшая цѣнить его образъ дѣйствій, отдавала ему полную справедливость и воспользовалась имъ для другихъ дипломатическихъ сношеній».

Воспроизведеніе Ланжерономъ разсказа Разумовскаго достойно вниманія. Дѣло въ томъ, что графъ Андрей Кирилловичъ находился нѣкоторое время въ опалѣ уже съ 1776 года, благодаря его дружескимъ сношеніямъ съ первою супругою цесаревича Павла Петровича, и не имѣлъ права явиться ко двору во все это время, хотя онъ, въ качествѣ государственнаго дѣятеля, пользовался довѣріемъ Екатерины и занималъ дипломатическія посты въ Неаполѣ, затѣмъ въ Копенгагенѣ и, наконецъ, въ Стокгольмѣ. Тутъ онъ, возбуждая шведское дворянство противъ короля Густава III, дѣйствовалъ какъ разъ въ духѣ с.-петербургскаго кабинета. Однако рѣзкость образа дѣйствій Разумовскаго не могла не усиливать раздраженія шведскаго короля противъ Россіи; можно прямо сказать, что агитация русскаго дипломата въ Стокгольмѣ, его интриги въ союзѣ съ противниками Густава III, значительною долей содѣйствовали разрыву между Россіей и Швеціей. Поэтому министры Екатерины, озабоченные турецкою войною, во всѣхъ отношеніяхъ одобряли гордую ѳсанку Разумовскаго, оскорбляющую короля.

Густавъ III готовился къ походу. Екатерина, узнавъ объ этомъ, была весьма недовольна. Графъ Разумовскій 7 (18) іюня передалъ министру иностранныхъ дѣлъ, графу Оксеншерну, записку, въ которой говорилось о желаніи Россіи сохранить миръ на сѣверѣ; съ этимъ увѣреніемъ миролюбиваго русскаго дипломата обратился, однако, не только къ шведскому министер-

ству, но и «ко встѣтъ тѣмъ, кои въ сей нации нѣкоторое участіе въ правленіи имѣютъ». Этимъ выраженіемъ графъ Разумовскій указывалъ на ограниченіе власти шведскаго короля, который, желая сдѣлаться самодержавнымъ и видя въ русскомъ посланникѣ сильнѣйшее препятствіе, привалъ вышеозначенное выраженіе графа Разумовскаго за оскорбленіе. Густавъ III требовалъ отъ русскаго правительства наказанія графа, велѣлъ ему немедленно выѣхать изъ Швеціи и принялъ мѣры къ открытію военныхъ дѣйствій.

О томъ, какъ въ С.-Петербургѣ смотрѣли на быть-можетъ чрезмѣрно энергичный постонокъ Разумовскаго, пока было извѣстно лишь очень немного. Графъ Сегюръ замѣчаетъ въ своихъ запискахъ, что въ столицѣ нѣкоторые лица считали образъ дѣйствій посланника неосторожнымъ и слишкомъ сильно вызывающимъ короля на рѣшительныя мѣры ¹⁾. Въ средѣ иностранныхъ дипломатовъ шелъ слухъ о рѣзкихъ выраженіяхъ князя Потемкина, порицавшаго чрезмѣрную смѣлость Разумовскаго ²⁾. Что касается до императрицы, то она, какъ кажется, была совершенно довольна графомъ Андреемъ Кирилловичемъ; въ ея многочисленныхъ письмахъ къ Потемкину, въ которыхъ подробно говорится о разрывѣ съ Густавомъ, нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ неудовольствія по поводу образа дѣйствій Разумовскаго. За то изъ недавно изданныхъ мною писемъ графа А. Н. Маркова къ Разумовскому видно, что нѣкоторые изъ важнѣйшихъ сановниковъ, какъ кажется, Безбородко, а быть-можетъ и Остерманъ, находили, что Разумовскій, вмѣсто того, чтобы, по крайней мѣрѣ, отсрочить разрывъ, возбудилъ своею тою чрезмѣрное раздраженіе шведскаго правительства ³⁾. Марковъ же, близкій другъ Разумовскаго, защищалъ его, доказывалъ несостоятельность сдѣланныхъ ему упрековъ и сообщилъ графу Андрею Кирилловичу, что императрица имъ вполне довольна.

Въ С.-Петербургѣ, правда, не ожидали столь скорого разрыва со Швеціей, и на этотъ счетъ рассказъ Ланжерона подтверждается другими данными. Донесенія Разумовскаго къ русскому двору пока извѣстны лишь изъ нѣкоторыхъ выписокъ, сдѣланныхъ Васильчиковымъ при редакціи біографіи этого дипломата. Однако мы знаемъ изъ другого источника, что графъ Андрей Кирилловичъ уже въ январѣ 1788 года писалъ о намѣреніи Густава III воспользоваться турецкою войной для нападенія на Россію и что въ С.-Петербургѣ не вѣрили этому и не думали о приготовленіяхъ къ оборонѣ. Графъ С. Р. Воронцовъ прямо говоритъ въ началѣ 1797 года, что Екатерина, ослабѣвъ обратила должное вниманіе на предостереженія Разумовскаго, могла бы, принявъ надлежащія мѣры, строго наказать Густава III и отнять у него еще въ 1788 году всю Финляндію ⁴⁾.

¹⁾ *Séjour*: „Mémoires et souvenirs“, III, 367.

²⁾ Рассказъ саксонскаго дипломата Гельбича въ составленной имъ біографіи Потемкина въ журналѣ *Minerva* 1798, IV, 479.

³⁾ См. мое изданіе пятого тома *Семейства Разумовскихъ*, стр. 181—182.

⁴⁾ См. письмо Воронцова къ Разумовскому въ пятомъ томѣ *Семейства Разу-*

Лучшим доказательством безопасности императрицы при этомъ служить слѣдующее обстоятельство. Не только почти всѣ сухопутныя войска находились на югѣ, такъ что не было солдатъ на сѣверѣ для войны и тивъ Швеци, русское правительство въ ту самую минуту, когда со дня на день можно было ожидать разрыва съ Густавомъ III, мечтало объ отправленіи флота изъ Броннштадта въ Средиземное море для употребленія противъ турокъ, того самаго флота, въ которомъ именно тогда нуждался для борьбы въ Финскомъ заливѣ. О твердомъ намѣреніи отправить флотъ Архипелагъ Екатерина писала къ Потемкину неоднократно весной 1788 въ то самое время, когда она сообщала подробно объ опасности грозившей Россіи со стороны Швеци¹⁾. Въ началѣ іюня была составлена для адмирала Грейга, назначеннаго въ Архипелагъ, инструкция. Однако, тогда оказалось необходимымъ употребить флотъ не противъ турокъ, а противъ шведовъ. Скоро послѣ того происходила битва при Голландѣ. Такимъ образомъ Россія оказалась приготовленной къ войнѣ хотя бы на морѣ. Это сухопутное войско было далеко не достаточнымъ. Ланжеронъ пишетъ, что ничего не было приготовлено для военныхъ дѣйствій на сѣверѣ, что въ крѣпостяхъ въ русской части Финляндіи не было ни съѣстныхъ припасовъ ни пушекъ, ни амуниціи. Далѣе онъ замѣчаетъ, что графъ В. П. Мускинъ Пушкинъ, назначенный главнокомандующимъ въ Финляндію, оказался совершенно неспособнымъ военачальникомъ и что лица, его окружавшіе также не могли считаться воинами²⁾.

Ланжеронъ въ своихъ сочиненіяхъ вообще весьма часто говоритъ о недостаткахъ военной администраціи, о громадной разницѣ между официальными данными о войскѣ и фактическимъ состояніемъ арміи. Неоднократно онъ указываетъ на то, что Екатерину обманывали, представляя ея состояніе дѣлъ въ розовомъ цвѣтѣ, между тѣмъ какъ въ сущности положеніе государства во многихъ отношеніяхъ было крайне неудовлетворительнымъ. Эти замѣчанія французскаго эмигранта не были лишены основанія. Въ то самое время, когда въ началѣ русско-шведской войны все недоставало въ Финляндіи для поддержанія достоинства Россіи, Екатерина считала возможнымъ создать мигомъ, путемъ чрезвычайныхъ мѣръ, войско способное сражаться успѣшно со шведами. Въ ея письмахъ къ князю Потемкину на каждомъ шагѣ встрѣчаются признаки такого оптимизма, такого самообольщенія императрицы. Ей казалось легко возможнымъ «привести въ полное состояніе гарнизоны и артиллерію», собрать вдругъ 18,000 рекрутовъ, она писала Потемкину, что архіереи ей предлагаютъ 24,000 челоувѣкъ «церковниковъ», и что изъ нихъ «годные къ военной службѣ быть могутъ»; пересчитывая, сколько съ разныхъ сторонъ можно будетъ имѣти

московитъ, стр. 285, гдѣ сказано: „si on ne s'était pas entêté chez vous à ne pas croire à vos avis“, и пр.

1) *Сб. Ист. Общ.*, XXVII, стр. 482, 492, 493, 496.

2) „L'impératrice lui donna pour adjoints tous les habits brodés qu'elle put rencontrer à Pétersbourg, retirés, disgraciés, goutteux, malades“ etc.

самое короткое время солдатъ, императрица, какъ кажется, не сознавая, съ какими затрудненіями приходилось бороться въ такихъ случаяхъ и какъ мало приготовленными къ настоящей военной службѣ оказывались добранцы изъ церковниковъ или башкиры и калмыки, о которыхъ она уже писала къ Потемкину и которыхъ она хотѣла употребить для войны противъ шведовъ.

Какъ бы то ни было, приготовленіе къ походу происходило очень поздно. Когда начались военныя дѣйствія, а въ концѣ марта Екатерина писала къ Потемкину: «Дай совѣтъ, какъ комплектовать; магазейны мы соберемъ всѣ приготовленія прочія сдѣлаемъ безъ огласки» ¹⁾. Въ письмѣ Екатерины отъ 20 апрѣля сказано: «Вчерашній день я подписала наборъ изъ церковниковъ, и такъ наша поатура (позитур) теперь весьма почтительна» ²⁾. Едва ли въ народѣ шведская война вызвала воодушевленіе, а, между тѣмъ, императрица писала 3 іюля къ князю Потемкину: «Солдаты идутъ жаждою, говорятъ: вѣроломца (короля шведскаго) за усы приведемъ; рускіе говорятъ, что войну окончатъ въ три недѣли; просятъ идти безъ шума, чтобы скорѣе дойти до шведовъ,—однимъ словомъ, диспозиція у насъ и въ его войскѣ въ мою пользу» ³⁾. Въ другомъ письмѣ: «Люди всѣ идутъ съ радостью, и король шведскій и шведы столь ненавидимы, какъ вѣсовѣстное его коварство и вѣроломство того достойны».

Бъ счастью для Россіи, и шведскія приготовленія къ войнѣ оказались вѣско недостаточными, такъ что въ сущности военныя дѣйствія похода 1788 г. ограничивались битвой при Гохландѣ, тогда какъ на сухомъ пути происходило важныхъ столкновеній между шведскими и русскими войсками. Самою большою выгодой, можно почти сказать—спасеніемъ, для Россіи было образованіе въ Финляндіи конфедераціи въ Аньяла, заставившей короля прекратить на время военныя дѣйствія въ этомъ краѣ и удалиться въ Швецію.

Государственное право Швеціи не допускало наступательной войны безъ формальнаго согласія на то сейма. Густавъ III поэтому показывалъ видъ, будто вынужденъ къ войнѣ нападеніемъ со стороны Россіи ⁴⁾. Махинаціи короля, однако, не имѣли успѣха. Въ Швеціи и въ Финляндіи хорошо знали, что инициатива къ войнѣ принадлежала не Россіи, и поэтому оппозиціонные элементы между офицерами шведскаго войска протестовали противъ незаконной войны и даже прямо объявляли императрицѣ Екатеринѣ о своемъ намѣреніи сохранить миръ съ Россіей ⁵⁾.

¹⁾ Сб. Ист. Общ., XXVII, стр. 482—483.

²⁾ Сб. Ист. Общ., XXVII, стр. 485.

³⁾ Сб. Ист. Общ., XXVII, стр. 505. См. также письмо отъ 17 іюля, стр. 511, въ успѣшномъ вооруженіи.

⁴⁾ См. рассказъ объ эпизодѣ въ Пумала-Зундѣ въ моемъ сочиненіи *Война Россіи со Швеціей*, стр. 76 и слѣд.

⁵⁾ См. мою монографію *Конфедерація въ Аньяла въ Журн. Мин. Нар. Просв.*, ч. СХХХVII, стр. 679—771.

Вопросъ объ участіи русскаго правительства въ агитаціи противъ Густава III не достаточно разработанъ въ исторической литературѣ. Понятно, что со стороны Россіи въ случаѣ такого участія было сдѣлано все возможное для сохраненія въ тайнѣ интригъ, имѣвшихъ цѣлью вооружить подданныхъ короля противъ правительства. Въ продолженіе всего времени до 1788 года русскія деньги въ Швеціи употреблялись съ цѣлью образованія и поддержанія оппозиціи противъ монархической власти¹⁾. Поэтому нельзя было бы удивляться поддержанію деньгами и членовъ конфедераціи въ Аньяла. Ланжеронъ прямо говоритъ, что русскія деньги при этомъ случаѣ играли очень важную роль. Однако въ доступныхъ намъ источникахъ не найдено данныхъ, которыя подтверждали бы этотъ рассказъ Ланжерона. Мы даже не знаемъ, насколько Екатеринѣ было извѣстно настроеніе умовъ противъ Густава въ шведскомъ лагерѣ. Можно думать, что шведскій эмигрантъ Спренгтпортенъ, проживавшій въ Россіи, сообщалъ правительству о фактахъ, относившихся къ этой агитаціи. Однако изъ доступныхъ намъ источниковъ видно, что бунтъ, составленный противъ Густава III, считался императрицей «пособіемъ Божиимъ»²⁾ и что извѣстіе о прекращеніи военныхъ дѣйствій въ Финляндіи неожиданно прибыло въ С.-Петербургъ. Депутатъ отъ конфедератовъ, майоръ Егергорнъ, прибылъ сюда съ заявленіемъ отъ противниковъ короля 31 іюля (11 августа), и въ тотъ же день императрица сообщила объ этомъ важномъ событіи князю Потемкину. Двумя недѣлями раньше Екатерина, сообщая (17 іюля) своему другу о приготовленіяхъ къ шведской войнѣ, замѣчаетъ: «Есть еще маленькая штучка, которую изготовляю на сѣверѣ королю шведскому, о которой еще говорить не смѣю, но быть можетъ, что она дѣйствительнѣе будетъ многого иного»³⁾. Очень вѣроятно, что эта замѣтка относится къ агитаціи противъ Густава, и въ такомъ случаѣ, понятно, русское правительство не щадило бы денегъ для поддержанія партіи оппонентовъ короля. Однако, повторяемъ, мы о такой финансовой поддержкѣ ничего не знаемъ. То обстоятельство, что майоръ Егергорнъ, уѣзжая изъ С.-Петербурга съ отвѣтомъ императрицы, получилъ въ подарокъ перстень и 500 червонцевъ⁴⁾, не можетъ считаться подтвержденіемъ вышеупомянутаго рассказа о русскихъ деньгахъ.

Какъ бы то ни было, въ минуту образованія конфедераціи въ Аньяла положеніе дѣлъ измѣнилось въ пользу Россіи. Продолженіе осады Фридрихсгама шведами оказалось невозможнымъ, шведское войско отступило, король удалился въ Швецію; опасность, грозившая С.-Петербургу, миновала. Раздоръ между королемъ, желавшимъ войны, и офицерами, желавшими мира, былъ, вѣроятно, тою «маленькою штучкой», которую императрица готовила

1) См., наприм., отчеты объ истраченныхъ деньгахъ въ приложенияхъ къ отчету Давидьсона — *Die Nordische Frage in den Sauren 1846—51*. Helsingfors, 1898, стр. 1—22.

2) *Дневникъ Храповицкаго*.

3) *Сб. Ист. Общ.*, XXVII, стр. 512.

4) См. монографію о конфедераціи въ Аньяла, 1. с., стр. 715.

Густава и которая оказалась лучшимъ средствомъ борьбы противъ зреля.

Россия даѣе надѣялась на союзъ съ Даніей, обязавшеюся атаковать Швецію съ запада. Положеніе Густава тѣмъ самымъ могло сдѣлаться чрезвычайно труднымъ. Однако онъ сумѣлъ поправить свои дѣла, дѣйствуя весьма удачно около Гатенбурга, стараясь внушить императору Іосифу II мысль о сепаратномъ мирѣ съ турками, пользуясь покровительствомъ Англіи и Пруссіи.

Объ отчаянномъ положеніи Густава тогда ходили довольно странные слухи, какъ видно изъ слѣдующаго письма прица Нассау-Зигена къ жевѣ отъ 24 сентября 1788 года. Нассау въ это время находился подъ Очаковымъ; въ лагерь князя Потемкина, разумѣется, съ большимъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ шведско-русскихъ дѣлъ, о которыхъ Нассау узнавалъ чрезъ князя. Онъ писалъ: «Изъ Швеціи получены благопріятныя извѣстія. Король, говорятъ, намѣренъ отречься отъ престола, переимѣнить исповѣданіе и удалиться въ Римъ. Объявленіе Даніи ¹⁾ озадачило его. Эта держава вооружаетъ противъ него 60,000 человекъ и 12 кораблей. Король, не предвидѣвши этого и употребивши все войско противъ Россіи, лишень вслѣдствіи средствъ для борьбы противъ Даніи. Я видѣлъ копію съ письма императора (Іосифа II) къ императрицѣ, въ которомъ говорится о предложеніи Густава доставить Австріи сепаратный миръ съ Оттоманскою Портою. Императоръ оскорбленъ этою попыткой короля заставить его играть недостойную роль. Король же, покинувъ свое войско въ Финляндіи, перешелъ начальство надъ нимъ своему брату; сей послѣдній выразилъ желаніе имѣть свиданіе съ великимъ княземъ (Павломъ), однако ему въ этомъ было отказано. Говорятъ, что этому брату очень хотѣлось бы царствовать и что объ этомъ предметѣ онъ хотѣлъ было заговорить въ этомъ свиданіи» ²⁾.

И изъ другихъ источниковъ извѣстно, что король порою мечталъ объ отреченіи отъ короны и объ удаленіи за границу. Въ перепискѣ г-жи Сталь съ королемъ Густавомъ французскій историкъ Жефруа нашелъ данныя о намѣреніи Густава (въ іюль 1788 года) купить домъ въ Парижѣ ³⁾. Г-жа Сталь послала къ нему планы этого дома. Въ Швеціи рассказывали, что Густавъ часть субсидій, полученныхъ отъ иностранныхъ державъ, отправлялъ въ заграничныя кредитныя учрежденія, намѣреваясь вести пышную жизнь частнаго человека въ Монпелье ⁴⁾. У Храповицкаго въ запискахъ замѣчено подъ 28 іюня 1788 года: «Король намѣренъ взять Финляндію, Эстляндію, Лифляндію и Курляндію, идучи прямо на Петербургъ; но ежели не удастся, то сложить корону по примѣру королевы Христіаны и, при-

¹⁾ Т.-е. готовность Даніи отвоевать Швецію.

²⁾ „Le prince Charles de-Nassau-Siegen“, стр. 252.

³⁾ *Revue des Deux Mondes* 1865, LIX, стр. 380.

⁴⁾ G. Reiss: „Ridrag till Kännedom of Fjlandes Natur och Foch“. Helsingfors. 1860, стр. 100.

нявъ вѣру католическую, жить уединенно въ Италии». Это было извѣстно изъ писемъ Густава, захваченныхъ графомъ Штапельбергомъ въ Польшѣ. Екатерина писала къ Потемкину 3 июля 1788 года: «Буде намъ Богъ поможетъ, то его намѣреніе есть уѣхать въ Римъ, принять римскій законъ и жить, какъ жила королева Христина» 1).

Вышло иначе. Густавъ не только не отказался отъ престола, но дѣйствовалъ чрезвычайно удачно, отстаивая монархическое начало въ Швеціи, защищая Швецію противъ нападенія со стороны Даніи и пользуясь антагонизмомъ между Англіей и Пруссіей съ одной стороны и Россіей съ другой. Благодаря всему этому, шведско-русская война продолжалась при довольно неблагоприятныхъ для Россіи условіяхъ. Данныя, встрѣчаемыя въ письмахъ Нассау и въ запискахъ Ланжерона о событіяхъ 1789 и 1790 годовъ, заслуживаютъ на этотъ счетъ особеннаго вниманія.

III. Приготовленія къ походу 1789 года.

Зимой 1788 и 1789 года въ театрѣ Эрмитажа, при дворѣ давали сочиненную императрицей оперу «Горе-Богатырь». Тутъ былъ осмѣянъ, какъ извѣстно, шведскій король. Сильная выходка не всѣмъ нравилась; между прочимъ, князь Потемкинъ былъ ею недоволенъ. Между приглашенными Екатериною зрителями были французскій дипломатъ Сегюръ и австрійскій посолъ графъ Кобенцель. Мечтали даже о представленіи этой оперы въ Большомъ театрѣ, однако, какъ кажется, Потемкинъ, тѣмъ временемъ прибывшій въ столицу, совѣтовалъ этого не дѣлать. Въ продолженіе 1789 г. пьесу давали нѣсколько разъ въ Эрмитажѣ, между прочимъ въ сентябрѣ въ честь принца Нассау-Зигена, прибывшаго въ Петербургъ послѣ побѣды, одержанной имъ въ августѣ надъ шведами.

Нельзя отрицать, что мелочное тщеславіе Густава III возбуждало шутки въ родѣ комедіи «Горе-Богатырь». Во время пребыванія въ С.-Петербургѣ зимою 1782 года принцъ Нассау-Зигенъ за столомъ у императрицы рассказывалъ ей частности о смѣшномъ костюмѣ, въ которомъ шведскій король шеголялъ во время похода въ Финляндію въ 1788 году, и о турнирѣ, который онъ намѣревался устроить. Екатерина съ особеннымъ удовольствіемъ слушала эти рассказы 2).

Ланжеронъ пріѣхалъ въ Петербургъ не раньше какъ весною 1790 г. Тогда опера «Горе-Богатырь» уже исчезла съ эрмитажнаго театра. Однако

1) *Сб. Ист. общ.* XXVII, стр. 505.

2) Въ письмѣ принца къ женѣ отъ 23 января (3 февраля) 1782 г. сказано: „Aujourd' hui à dîner chez l'impératrice on parla du roi de suède, je contai ce que vous m'aviez dit de la manière dont il s'était costumé pour sa dernière campagne, et que vous m'aviez rappelé le tournoi qu'il vous avait promis, et la lance qu'il m'avait dit qu'il me ferait l'honneur de rompre avec moi. Cela fit beaucoup rire l'impératrice et la mit de très bonne humeur“. См. соч. д'Арагона, стр. 288. Значитъ принцъ и принцесса Нассау-Зигенъ были лично знакомы съ королемъ.

онъ узналъ нѣкоторыя подробности этого эпизода и въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ осуждалъ образъ дѣйствій императрицы при этомъ случаѣ ¹⁾.

Принцъ Нассау-Зигенъ, не ладившій съ княземъ Потемкинымъ и крайне недовольный образомъ дѣйствій его по поводу осады Очакова, выѣхалъ оттуда до штурма этой крѣпости и прибылъ въ С.-Петербургъ. Императрица его приняла чрезвычайно благосклонно. Она благодарила его за услуги, оказанныя имъ Россіи въ Очаковскомъ лиманѣ. Побѣды, одержанныя имъ надъ турецкимъ флотомъ, доставили ему чрезвычайно выгодное положеніе при дворѣ. Настоящаго разлада между Потемкинымъ и принцемъ не было, такъ что непріятности, происходившія между ними, не мѣшали принцу пользоваться довѣріемъ Екатерины. Однажды въ это время она поручила ему руководить въ качествѣ предсѣдателя засѣданіемъ кавалеровъ св. Георгія. Онъ даже тогда вмѣстѣ съ графомъ Сегюромъ и графомъ Кобенцелемъ старался дѣйствовать въ Польшѣ, противъ которой Екатерина хотѣла было принять строгія мѣры ²⁾.

Затѣмъ онъ предпринялъ путешествіе во Францію и Испанію съ цѣлью содѣйствовать заключенію четверного союза. Подробности этой поѣздки мало извѣстны, а къ тому же онѣ выходятъ изъ рамки нашего очерка. Цѣль путешествія принца Нассау не была достигнута; особенно французскій кабинетъ на сдѣланныя ему предложенія отвѣчалъ уклончиво. Благодаря этому Пруссія и Англія, враждебно относившіяся къ Россіи въ это время, имѣли просторъ для своихъ дѣйствій въ пользу Густава III, и Россія должна была думать о средствахъ продолжать войну противъ Швеціи.

Еще до отъѣзда принца въ Западную Европу была рѣчь о порученіи ему главнаго начальства надъ галернымъ флотомъ въ Финскомъ заливѣ. Сдѣланное ему на этотъ счетъ предложеніе льстило его самолюбію. Ланжеронъ находилъ, что принцъ Нассау, вмѣсто того, чтобы предпринять поѣздки въ Парижъ и Мадридъ, долженъ былъ оставаться въ Россіи и завѣяться приготовленіемъ къ походу галернаго флота. Благодаря отсутствію принца до весны, по мнѣнію Ланжерона, флотъ оказался недостаточно приготовленнымъ къ военнымъ дѣйствіямъ, такъ что военныя операціи начались сравнительно поздно и происходили менѣе удачно.

Намъ неизвѣстно, насколько Нассау, отправляясь въ Парижъ и Мадридъ, исполнялъ порученія русскаго двора или дѣйствовалъ по собственной инициативѣ. Во всякомъ случаѣ, отзывъ Ланжерона, видѣвшаго тутъ крупный промахъ принца, достоинъ вниманія ³⁾.

¹⁾ Въ запискахъ Ланжерона сказано: „Elle répéta avec complaisance tous les airs dont les paroles étaient les plus piquantes contre son rival. Cette affectation me prouve combien la haine peut porter à des petitesse les plus grands caractères“.

²⁾ См. депешу Сегюра въ соч. д'Арагона, стр. 283—284.

³⁾ Ланжеронъ говоритъ: „C'est toujours à de pareilles futilités que m-r de Nassau par la légèreté de son caractère et son amour du merveilleux a souvent sacrifié son existence. Ce voyage à Madrid était une véritable folie et fut très préjudiciable à la gloire du courrier qui l'entreprit et aux intérêts de la Russie. L'éloignement de m-r“.

Нѣтъ сомнѣнiя, что Нассау въ 1788 году въ Очаковскомъ лиманѣ обнаруживалъ необычайную ловкость при приведенiи въ надлежащее состоянiе галернаго флота. И тамъ, какъ въ слѣдующемъ году въ Финскомъ заливѣ, ему приходилось бороться съ разными затрудненiями. Суда были построены изъ плохого матеріала, экипажи состояли болѣею частью изъ людей, которые не могли считаться моряками. Въ тому же русскіе, недозвольные назначенiемъ принца Нассау на столь важный постъ, старались препятствовать его дѣятельности, и лишь покровительство Потемкина давало ему возможность преодолевать эти затрудненiя, и онъ успѣлъ создать порядочный флотъ и сразиться успѣшно съ турками ¹⁾.

Теперь же, весною 1789 года, послѣ возвращенiя принца въ Россiю, ему предстояла такая же дѣятельность въ Финскомъ заливѣ. И тутъ многого недоставало; и тутъ онъ не находилъ поддержки въ русскихъ сослуживцахъ, такъ что онъ очень часто горько жаловался, наприм., на Чернышева и на Мусина-Пушкина и неоднократно прибѣгалъ къ авторитету самой императрицы для приведенiя въ исполненiе ея предначертанiй.

И при этомъ случаѣ, какъ вообще довольно часто, бросается въ глаза контрастъ между официальнымъ оптимизмомъ императрицы Екатерины и фактически-жалкимъ состоянiемъ войска. Въ началѣ февраля 1789 года императрица писала къ Потемкину: «Нынѣшнимъ лѣтомъ, когда король шведскій напалъ на насъ неожиданно, я оновѣстила по деревнямъ государственныхъ крестьянъ, чтобъ они выслали рекрутъ и чтобъ они сами опредѣляли число, которое каждая деревня можетъ выставить. И что же вышло? Одна деревня въ тысячу душъ прислала мнѣ семьдесятъ пять хорошихъ рекрутъ; другая, изъ четырехъ тысячъ, выслала двѣсти пятьдесятъ человекъ; третья, изъ Царскаго Села, гдѣ три тысячи душъ, доставила четыреста лошадей съ людьми и телѣгами для перевозки запасовъ арміи. Оныто и совершили весь походъ въ Финляндію; но это еще не все: окрестныя губерніи, а затѣмъ дальше и дальше другія, услышавъ, что дѣлается здѣсь, предложили мнѣ по батальону и по эскадрону съ каждой губерніи. Одинъ городъ Москва доставилъ бы десять тысячъ человекъ, еслибъ я это только допустила. Нашъ народъ воинственный, и рекруты наши недурно обучаются; дворяне, старые и молодые, всѣ были на службѣ, и когда приходитъ дѣйствительная надобность, то никогда и ни на что не возражали: *звать*, а всякій спѣшилъ на защиту государства или отечества, и не нужно никакого усилія, чтобы заставить ихъ идти» ²⁾.

Судя по этимъ замѣчанiямъ Екатерины, войско въ Финляндіи могло

de Nassau nuisit aux armemens de la flotille qui devait lui être confiée. S'il les eût dirigés et surveillés lui-même, il eût pu hâter les opérations maritimes, qui en 1789 eommencèrent fort tard, et sa flotille plus nombreuse et mieux armée aurait pu avoir plus de succès^a.

¹⁾ Обо всемъ этомъ подробно говорится въ запискахъ Ланжерона и въ письмахъ принца Нассау.

²⁾ Сб. Ист. Общ., т. XLII, стр. 4—5.

считаться достаточнымъ и во всёхъ отношеніяхъ образцовымъ. Однако изъ записокъ Ланжерона, очевидно узнававшего разныя подробности отъ принца Нассау-Зигена, мы узнаемъ о вполне иномъ. Тутъ рассказано слѣдующее. Екатерина, назначая принца командующимъ галернымъ флотомъ, будто сказала ему: «Вы будете имѣть въ вашемъ распоряженіи 50,000 человекъ». Графъ Мусинъ-Пушкинъ, къ которому по этому предмету обратился принцъ Нассау-Зигенъ, возразилъ ему: «Да, 50,000 на бумагѣ; на фактъ же не болѣе 17,000». Игельстремъ, рассказываетъ Ланжеронъ далѣе, старался доказать императрицѣ, что изъ рекрутъ, отправленныхъ въ Финляндію, не менѣе 5,000 застрѣли въ Петербургѣ въ кухняхъ, переднихъ и конюшняхъ генераловъ, чиновниковъ и царедворцевъ. Было приказано отыскать недостающихъ на-лицо солдатъ, но было найдено не болѣе 84 человекъ ¹⁾.

Что касается до мѣръ, принятыхъ принцемъ Нассау для приведенія въ надлежащее состояніе галернаго флота и экипажей на немъ, то, по рассказу Ланжерона, князь Потемкинъ, неблагосклонно относившійся къ принцу, мѣшалъ, будто, исполненію его желаній и вообще не обращалъ вниманія на необходимость защитить Россію на сѣверѣ отъ нападенія шведовъ ²⁾. Зная о нерасположеніи Потемкина къ принцу, другіе сановники не считали нужнымъ поддерживать сего послѣдняго въ его административной дѣятельности, въ которой, впрочемъ, по словамъ Ланжерона, и самъ принцъ поступалъ нѣсколько легкомысленно, не препятствуя казнокрадству и подписывая всѣ счета, не подвергая ихъ строгому разбору.

Принцъ въ своихъ письмахъ къ женѣ особенно жаловался на предѣтеля адмиралтейской коллегіи, Чернышева, который не только ни въ чемъ не помогалъ ему, но по-возможности скрывалъ отъ него частности, относящіяся къ состоянію морскихъ силъ въ Финскомъ заливѣ ³⁾. Обо всемъ этомъ Нассау, впрочемъ, переписывался откровенно съ самой императрицей, письма которой къ принцу были изданы въ *Сборникъ Историческаго Общества*; она умѣла цѣнить дѣятельность и энергію принца, хвалила его за принятые имъ мѣры и поручила генералъ-маіору Турчанинову всячески поддерживать старанія Нассау-Зигена.

«Ты не можешь себѣ представить, — сказано въ письмѣ принца къ его женѣ въ началѣ іюня, — сколько нужно усилій для приведенія въ надлежащее состояніе здѣшній флотъ послѣ страшнаго хаоса, оставленнаго Чер-

¹⁾ Ланжеронъ посвящаетъ изложенію недостатковъ военной администраціи въ Россіи замѣчательную монографію, рукопись которой находится въ Парижскомъ архивѣ. Она можетъ считаться экспертомъ.

²⁾ „Potemkin plus occupé de ses propres intérêts que du bien général de l'empire regardait la guerre de Suède comme un épisode très peu intéressant pour le roman de sa vie“.

³⁾ „Comme m-r de Chernitcheff m'a empêché d'être au fait de tout ce qui est sous mes ordres, cela me donne un travail diabolique“; далѣе: „M-r de Chernitcheff est bien coupable“ и пр. *Д'Арагонъ*, стр. 301.

нышевымъ ¹⁾. Я обо всемъ этомъ писалъ императрицѣ». Французскій дипломатъ Сегюръ доносилъ своему правительству въ шифрованной депешѣ: «Матросы—новобранцы; ощущается недостатокъ въ лоцманахъ; пушечныя пули находятся еще въ Олонцѣ. Принцъ Нассау, видя, что всего недостаётъ, долженъ создать все и заботиться обо всемъ» ²⁾. «Зная, въ какое жалкое состояніе Чернышевъ привелъ флотъ,— сказано въ письмѣ принца Нассау къ женѣ отъ 11 іюня,— императрица не будетъ удивляться задержкѣ военныхъ операций». Разладъ между принцемъ и Чернышевымъ дошелъ до того, что Нассау запретилъ женѣ, находившейся въ Петербургѣ, бывать въ домѣ графа. «Этотъ человекъ,—писалъ принцъ,—сдѣлалъ Россіи болѣе вреда, нежели можетъ сдѣлать когда-либо шведскій король, котораго мы, впрочемъ, все-таки разобьемъ» ³⁾.

Затѣмъ принцъ жаловался въ письмахъ къ женѣ и на главнокомандующаго войсками въ Финляндіи, графа В. П. Мусина-Пушкина, инструкціи котораго иногда противорѣчили другъ другу; въ своихъ донесеніяхъ къ императрицѣ принцъ указывалъ на эти ошибки, сдѣланныя графомъ и обнаруживающія недостатокъ въ военныхъ талантахъ и познаніяхъ ⁴⁾.

Не иначе какъ благодаря этимъ непосредственнымъ сношеніямъ между принцемъ и Екатериной оказалось возможнымъ приступить, наконецъ, къ военнымъ дѣйствіямъ, которыхъ императрица ожидала съ нетерпѣніемъ. Она заботилась обо всемъ и приказывала доставлять все нужное вице-адмиралу Нассау. «Я очень доволенъ императрицей,—писалъ онъ къ женѣ,— все требуемое мною доставляется мнѣ немедленно. Она входитъ во всѣ подробности дѣла и отвѣчаетъ на мои запросы, не теряя минуты. Къ тому же она мнѣ поручила въ случаѣ высадки войска командовать имъ, оставивъ инструкціи для эскадры» и пр. Однако, раздраженіе принца противъ президента адмиралтейской коллегии продолжалось. «Боже мой, — писалъ онъ 15 іюля,—сколько мнѣ хлопотъ изъ-за дѣлъ, которыя давно должны были бы быть сдѣланы, еслибъ этотъ проклятый Чернышевъ не привалъ все въ хаотическое состояніе, вмѣсто того, чтобъ исполнять приказы императрицы». Подчиненными своими принцъ былъ очень доволенъ, но не переставалъ жаловаться на Чернышева и на Мусина-Пушкина. Онъ не могъ добиться того, чтобы главнокомандующій сухопутными войсками, съ одной

¹⁾ „Pour réparer l'embrouillamissé que Chernitcheff a mis partout“. *Д'Аразонъ* стр. 303.

²⁾ „Le prince de Nassau manquant de tout aura tout à créer et à dresser“.

³⁾ Сегюръ въ шифрованной депешѣ отъ 10 іюля доносилъ своему правительству: „Императрица, раздраженная противъ графа Ивана Чернышева, морского министра, на этотъ разъ, противъ своего обыкновенія, выразилась рѣзко, сказавъ ему, что при Петрѣ Первомъ ему бы голову отрубили“. *Д'Аразонъ*, стр. 307.

⁴⁾ Въ письмѣ принца отъ 27-го іюля сказано: „Comme je ne laisse rien ignorer à l'Impératrice, elle voit ceux qui font des fautes, et, pour qu'elle n'en ignore pas je lui viens d'envoyer copie de toutes mes correspondances. Cela est nécessaire, lorsque l'on a affaire à des gens qui agissent aussi peu militairement. Il me faudra quatre ou cinq jours pour réparer les sottises des autres“. *Д'Аразонъ*, стр. 310.

стороны, и адмиралъ Брузе—съ другой дѣйствовали за-одно съ галернымъ флотомъ.

Изъ писемъ Екатерины къ Турчанинову, напечатанныхъ въ *Сборникъ Историческаго Общества*, видно, съ какимъ вниманіемъ она слѣдила за образомъ дѣйствій принца и какъ она умѣла цѣнить его выдающіяся способности. Она требовала, чтобы между Мусинымъ-Пушкинымъ и принцемъ Нассау существовали оживленныя сношенія, и хвалила принца за отсрочку начала военныхъ дѣйствій до приведенія всего «въ исправность» ¹⁾.

За то изъ писемъ Екатерины къ Потемкину видно, въ какой мѣрѣ она, очевидно, находясь подъ влияніемъ донесеній принца Нассау-Зигена, порицала образъ дѣйствій главнокомандующаго, графа В. П. Мусина-Пушкина. Такъ, наприм., она пишетъ о немъ: «Сей мѣшокъ нерѣшимый мнѣ весьма надоелъ, и воистину онъ командовать не умѣетъ». «Графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ я весьма недовольна по причинѣ нерѣшительности и слабости; онъ никакимъ авантажомъ не умѣетъ воспользоваться; en un mot, c'est une bête; между генералами его завелись кабалы такія, по слабости его, коимъ общему дѣлу вредны; однимъ словомъ, ему и всему его генералитету смѣна неминуемо предлежитъ»; «я могу жаловаться глупымъ, унылымъ и слабымъ поведеніемъ графа Пушкина; ему впредь не командовать, понеже не умѣетъ»; «Пушкинъ, бывъ въ двухъ кампаніяхъ, оказалъ свое безмысліе; на него даже гвардія и всѣ прочія войска за недѣйствіе ропщутъ; генераловъ же онъ не умѣетъ содержать въ субординаціи»; «отъ него ничего добиться не можно, моихъ ордеровъ не слушался, сколько ни было писано», и проч., и проч. ²⁾.

А. Бригнеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ *Сборн. Истор. Общ.* XLII, стр. 14—16.

²⁾ *Сборн. Истор. Общ.* XLII, стр. 33, 35, 36, 38, 43—45, 47.

Столичные комитеты грамотности *).

I.

Исторія народной школы въ Россіи едва ли знаетъ другой примѣръ, когда частная инициатива по народному образованію проявила бы себя съ такимъ успѣхомъ, какъ она проявила себя въ дѣятельности московскаго и петербургскаго комитетовъ грамотности. Оба эти учрежденія, по своему широкому общественному значенію, представляютъ у насъ дѣйствительно нѣчто исключительное. Въ ихъ существованіи были одинаково заинтересованы какъ образованное общество, такъ и малограмотная народная масса.

Народное невѣжество, какъ извѣстно, представляетъ у насъ такую скалу, о которую разбиваются всѣ благія начинанія, будь они экономическаго, соціальнаго или другого какого порядка. Поэтому борьба съ нимъ является первою и необходимою обязанностью всѣхъ и cadaго. Комитеты грамотности въ этомъ случаѣ имѣли огромную важность. Съ одной стороны, они неустанно взывали къ обществу, призывая всѣ живыя силы его на совмѣстную работу въ области народнаго просвѣщенія, съ другой стороны—они объединяли эти силы, давали имъ возможность приложить себя съ большею производительностью и направляли ихъ на тотъ путь, который для даннаго момента представлялся особенно необходимымъ. Это были учрежденія, въ работѣ которыхъ лучшія стремленія нашего общества находили себѣ практическое осуществленіе. Въ комитетахъ принимали участіе около двухъ тысячъ человѣкъ. Здѣсь были профессора, адвокаты, статистики, учителя, литераторы, землевладѣльцы, художники, агрономы, книготорговцы, священники, фабричные инспектора, врачи,—словомъ, люди самыхъ различныхъ

При составленіи настоящаго очерка по исторіи московскаго комитета грамотности мы пользовались слѣдующими источниками: Протоколы засѣданій комитета грамотности, отчеты о его дѣятельности, *Обзоръ дѣятельности комитета грамотности, состоящаго при Императорскомъ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства*. Москва, 1894 г., *Историческая записка о 30-лѣтней дѣятельности И. м. о. с. з. и ея президента Г. Н. Шатилова*. Москва, 1890 г. *Материалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1828—1856 ч.)*. Е. Лихачевой. Спб., 1895 г.

профессій, и всѣ они объединялись одною работою и съ успѣхомъ работали во имя одной общей цѣли.

При этомъ смѣло можно сказать, что многіе изъ московскаго и петербургскаго общества если съ своей стороны сдѣлали что для народнаго образованія, то благодаря, главнымъ образомъ, тому, что комитеты грамотности привлекли ихъ къ общей съ собою работѣ. Такимъ образомъ, значеніе комитетовъ грамотности нельзя измѣрять только тѣми успѣхами, которые имѣли они въ области прямой своей задачи — распространеніе грамотности въ народѣ. Необходимо имѣть въ виду также то значеніе ихъ, которое опредѣляется только что указанною ролью комитетовъ въ средѣ образованной части нашего общества. Хотя оба комитета работали на общихъ основаніяхъ, однако каждый изъ нихъ представляетъ свои особыя, такъ сказать, индивидуальныя черты. Въ виду этого дѣятельность каждаго изъ нихъ мы рассмотримъ особо, начавъ со старѣйшаго комитета, т.-е. съ Московскаго.

II.

Московскій комитетъ грамотности своимъ возникновеніемъ обязанъ Императорскому московскому Обществу сельскаго хозяйства, при которомъ онъ состоялъ въ теченіе цѣлаго полустолѣтія. Въ 1844 году въ годичномъ собраніи общества было заслушано сообщеніе д. ч. общества, Н. С. Стремоухова, объ учрежденной имъ въ 1823 году школы для обученія крестьянскихъ дѣвушекъ. Общество признало «такой подвигъ въ дѣлѣ народнаго образованія единственнымъ въ своемъ родѣ и заслуживающимъ поощренія по важности пользы, уже принесенной школою». Одному изъ своихъ членовъ (Омельяненко) Общество поручило собрать болѣе подробныя свѣдѣнія о школѣ Стремоухова и сдѣлать докладъ. Въ слѣдующемъ году въ засѣданіи общества этотъ докладъ былъ заслушанъ. Идея объ обученіи крестьянокъ «по новости своей» вызвала оживленныя пренія, и возникъ вопросъ — награждать ли Н. С. Стремоухова медалью. Въ защиту идеи Стремоухова выступилъ непримѣнный членъ общества, С. А. Масловъ, который доказывалъ Обществу, что еслибы Стремоуховъ не открылъ школы, а только высказалъ мысль о необходимости ея открытія, и тогда онъ совершилъ бы «подвигъ», достойный высокой награды. Собраніе присудило Стремоухову золотую медаль. Масловъ въ своей рѣчи исходилъ изъ той мысли, что «нравственность русскаго народа видимо ослабѣваетъ съ приливомъ новыхъ понятій, съ постепеннымъ удаленіемъ народа отъ простой сельской и земледѣльческой жизни въ жизнь фабричную и заводскую», а потому онъ предлагалъ ввести и у насъ мѣру лорда Росселя, «внесшаго въ англійскую палату билль о необходимости распространять начала религіозно-нравственнаго образованія среди народа». Это образованіе Масловъ считалъ необходимымъ начать съ женщинъ, такъ какъ женщины, обучившись грамотѣ, не оставятъ деревни, какъ это перѣдко бываетъ съ грамотными мужчинами. Въ заключеніе своей

рѣчи, Масловъ предложилъ Обществу образованіе при немъ особый комитетъ, который заботился бы о насажденіи грамотности между крестьянками въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Предложеніе было принято.

Вскорѣ послѣ этого былъ составленъ проектъ комитета. Въ виду важности предмета, Общество постановило испросить чрезъ министра государственныхъ имуществъ Высочайшее соизволеніе на открытіе дѣйствій комитета. На это ходатайство министръ отвѣтилъ, что Общество можетъ развить свои дѣйствія по сему предмету, не испрашивая особаго высочайшаго повелѣнія на учрежденіе комитета.

Въ первые годы своего существованія комитетъ въ своей дѣятельности сливался съ Обществомъ сельскаго хозяйства. Дѣятельность его въ это время сводилась почти исключительно къ распространенію идеи о необходимости всеобщаго образованія. Эта идея пропагандировалась тѣмъ же Масловымъ, который подъ общимъ заголовкомъ *О всенародномъ распространеніи грамотности въ Россіи* выпустилъ четыре книги и распространилъ ихъ въ числѣ 30 тысячъ экземпляровъ. Первая книжка была издана еще въ 1845 году и посвящена защитѣ мысли, возбужденной Н. С. Стремоуховымъ, — мысли, что «для основательнаго образованія народа надо начать его съ матерей, — мать есть душа семейства». Слѣдующія книжки говорили о пользѣ введенія грамотности между помѣщичьими крестьянами, о способахъ ученія грамотѣ, о народныхъ сельскихъ библиотекахъ и т. д. Книжки имѣли большой успѣхъ. Онѣ проникли всюду, начиная съ придворныхъ сферъ и кончая крестьянами. Подъ ихъ вліяніемъ въ имѣніяхъ многихъ передовыхъ помѣщиковъ появился цѣлый рядъ училищъ и «грамотныхъ избъ» для обученія крестьянокъ. Общаго же движенія въ этомъ направленіи онѣ не вызвали, и самая дѣятельность комитета вскорѣ заглохла. Причиной тому было прежде всего крѣпостное право. Были и другія причины, на которыя указываетъ, между прочимъ, одинъ изъ корреспондентовъ Маслова. Въ одномъ изъ писемъ къ Маслову читаемъ:

«На счетъ распространенія грамотности между крестьянами Общество наше (Вольно-экономическое), внявъ призыву вашему, дѣйствуетъ и имѣетъ надежду на успѣхъ, но я боюсь, чтобы на этомъ общепольномъ и истинно-христіанскомъ поприщѣ не встрѣтить пренятствій со стороны министерства народнаго просвѣщенія. Недавно оно закрыло одну грамотную избу или крестьянскую школу и подвергло большимъ неприяностямъ помѣщика за учрежденіе это, на томъ основаніи, что всякое обученіе должно происходить чрезъ экзаменованнаго учителя и помѣщика, кромѣ еще сельскаго священника, и чтобы отведено было приличное строеніе и ассигновано определенное содержаніе. Эти мѣры могутъ оставовить и парализовать ваши полезныя начинанія».

Въ заключеніе авторъ письма проситъ Маслова «придумать средство, чтобы убѣдить министерство народнаго просвѣщенія къ исходатайствованію отмены или измѣненія, или добавленія нынѣ существующихъ постановленій о сельскихъ школахъ». «Я убѣдился, — говоритъ онъ, — что не-

де помощники удерживаются отъ учрежденія грамотныхъ изъбъ для дѣтей своего пола страхомъ отвѣтственности и явленіемъ становаго пристава на закрытія школъ и преданія суду виновныхъ».

Дѣятельность комитета, какъ особаго учрежденія, сложилась къ концу 60-хъ годовъ. Въ 1858 году, по предложенію С. П. Шипова, члены Общества рѣшили соединить свои дѣйствія по народному образованію въ комитетъ грамотности, и избрали комиссію для пересмотра и дополненія правилъ комитета. 12 марта 1859 года состоялось первое засѣданіе комитета. Предсѣдателемъ былъ избранъ С. П. Шиповъ, директоромъ С. П. Шенуревъ и правителемъ дѣлъ П. И. Андреевъ.

Позднѣе, въ 1863 году, программа комитета была утверждена министерствомъ государственныхъ имуществъ. Ею комитетъ руководствовался во все послѣдующее свое существованіе.

Става задачей комитета всенародное распространеніе грамотности на религіозно (христіански) нравственномъ основаніи, опредѣляя составъ лицъ, могущихъ быть членами-сотрудниками и благотворителями комитета, и указывая, что предметами избраній комитета могутъ быть сообщенія гг. членовъ и другихъ лицъ: а) о распространеніи грамотности въ ихъ имѣніяхъ или мѣстахъ ихъ круга дѣятельности, б) объ удобствахъ и затрудненіяхъ, при томъ встрѣчаемыхъ, и с) совѣщанія о средствахъ къ лучшему достиженію цѣлей комитета, предоставляя затѣмъ комитету право печатать свои труды въ журналѣ общества и открывать отдѣленія по губерніямъ, указанная программа предписываетъ комитету руководиться уставомъ Общества въ способѣ избранія въ члены комитета, въ порядкѣ засѣданій и сношеній.

Такимъ образомъ, основною задачей комитета ставилось всенародное распространеніе грамотности.

Надъ осуществленіемъ этой задачи комитетъ и работалъ въ теченіе полулѣтняго своего существованія. Мы уже говорили, что Масловъ, которому принадлежит самая мысль объ образованіи комитета грамотности, своими книгами много содѣйствовалъ распространенію идеи о необходимости всеобщаго обученія.

Въ 1866 году комитетъ обсуждалъ вопросъ объ обязательномъ обученіи. Въ 1870 году, на II съѣздѣ сельскихъ хозяевъ при Императорскомъ московскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства, вопросъ о всеобщемъ обученіи былъ предметомъ занятій особой (IX) секціи. Въ этой секціи, работавшей подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго земскаго дѣятеля, покойнаго Д. А. Наумова, принимали участіе наши выдающіеся научные и общественные дѣятели: І. Н. Шатиловъ, И. А. Стебутъ, Ю. Е. Яксонъ, Д. И. Менделѣевъ, П. А. Васильчиковъ, Н. А. Соколовъ, Д. Ѳ. Самаринъ и друг.

Въ результатѣ преній была признана необходимость всеобщаго (и притомъ обязательнаго) обученія, причемъ установлено, что средства на это должны быть общегосударственныя, а не собираться съ родителей учащихся дѣтей или съ тѣхъ классовъ народонаселенія, которые непосред-

ственно пользуются начальнымъ образованіемъ; сверхъ общихъ соображеній, приводились въ пользу справедливости и необходимости такой постановки дѣла тѣ, сравнительно съ затратами на начальное образованіе, значительные расходы, которые государство наше производитъ на высшее и среднее образованіе. Необходимая для содержанія достаточнаго числа низшихъ училищъ сумма ежегоднаго расхода исчислялась въ 20—25 милліоновъ рублей; указывался цѣлый рядъ финансовыхъ мѣръ для полученія недостающихъ средствъ: большинство мнѣній склонилось въ пользу освобожденія школьнаго налога, въ видѣ подоходнаго, и касающагося прежде всего тѣхъ классовъ населенія, въ которомъ сознаніе необходимости элементарнаго образованія можно считать особенно ясно установленнымъ. Въ виду необходимости разрѣшить рядъ частныхъ вопросовъ, установить извѣстную постепенность проведенія въ жизнь высказанныхъ положеній и опредѣлить значеніе въ этомъ дѣлѣ различныхъ элементовъ общества, рѣшено было (единогласно всѣмъ съѣздомъ) ходатайствовать предъ правительствомъ, чтобы для достиженія благоприятныхъ результатовъ и упроченія дѣла элементарнаго образованія дѣло это, по примѣру всѣхъ великихъ реформъ тогдашняго царствованія: крестьянской, военной и т. д., было поручено специальному комитету, съ допущеніемъ въ него представителей отъ тѣхъ вѣдомствъ и учреждений, въ рукахъ которыхъ находится дѣло народнаго образованія.

Въ началѣ 70-хъ годовъ В. А. Владимірскій сдѣлалъ въ комитетѣ докладъ «О проложеніи прямого пути къ народному образованію». Сущность доклада, оригинальнаго по идеѣ, сводится къ слѣдующему. Докладчикъ полагалъ, что отпускаемые въ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія 10.000.000 руб. должны распределяться въ порядкѣ, противоположномъ принятому. Обычно огромнѣйшую долю своего бюджета министерство расходуетъ на высшее и среднее образованіе. На сельскія же школы остается только очень незначительная часть. Между тѣмъ главнѣйшую массу населенія составляютъ сельскіе жители, т.-е. крестьяне. По исчисленію докладчика, на 155,000 лицъ, получающихъ образованіе въ высшихъ, среднихъ и низшихъ (въ городахъ) учебныхъ заведеніяхъ, истрачивается, вмѣстѣ съ издержками на содѣйствіе имъ, $\frac{19}{100}$ всей суммы, собираемой на общее народное образованіе; а на 12 милліоновъ малолѣтковъ сельскаго населенія, ежегодно нуждающихся въ обученіи грамотѣ, полагается только осталная $\frac{1}{100}$ часть, уменьшенная еще возвратомъ въ государственное казначейство нѣсколькихъ сотенъ тысячъ рублей. Докладчикъ же полагаетъ, что сумму, взимаемую на общее народное образованіе (смѣтные десять милліоновъ рублей) слѣдуетъ распределить поровну между всѣми желающими учиться, подобно тому, какъ предоставляется всѣмъ одинаковое пользованіе законами, судами и дорогами.

«Если мы съ восторгомъ приняли уже уравненіе правъ людей въ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, если мы очень сочувственно отнеслись къ уравненію сословій въ земствѣ; то, конечно, — гово-

г. Владимірскаго, — мы не затруднимся и въ уравненіи всѣхъ по употребленію сбора на народное образованіе. Это будетъ совершенно послѣдовательно». Уменьшеніе же числа казенныхъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, которое должно въ этомъ случаѣ послѣдовать, можетъ быть равновѣшно допущеніемъ частныхъ университетовъ (доцентуры), подобно тому, какъ это сдѣлано уже съ гимназіями и увеличеніемъ числа частныхъ гимназій. Въ этихъ «своекоштныхъ» учебныхъ заведеніяхъ будутъ воспитываться лица со средствами, которыя теперь обучаются на счетъ общественныхъ. Казенные же университеты и гимназіи, по мысли докладчика, слѣдуетъ предоставить исключительно малолѣтнимъ людямъ.

Наконецъ, въ 1894 году товарищемъ предсѣдателя комитета В. П. Вахтеровымъ былъ прочитанъ докладъ «Всеобщее начальное обученіе». Значеніе этого доклада очень велико. Начиная со второй половины 70-хъ годовъ, когда вопросъ о всеобщемъ (и объ обязательномъ) обученіи былъ признанъ министерствомъ народнаго просвѣщенія непосильнымъ для нашего бюджета, этотъ вопросъ почти всѣми считался похороненнымъ. В. П. Вахтеровъ вывелъ его изъ «мертвой точки» и далъ его движенію сильный толчокъ. Докладъ, въ цѣломъ или въ извлеченіяхъ, комитетъ распространить въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ, разославъ его во земствамъ, училищнымъ совѣтамъ и т. п. Докладъ вызвалъ горячую полемику въ печати. О немъ заговорила и столичная и провинціальная пресса. И вопросъ о всеобщемъ обученіи сдѣлался злобой дня. Въ настоящее время надъ его разрѣшеніемъ работаютъ уже 19 губернскихъ и 129 уѣздныхъ земствъ, а московское губернское земство, въ послѣднемъ экстренномъ засѣданіи, разрѣшило его окончательно, постановивъ немедленно же приступить къ открытію необходимаго числа школъ для всего сельскаго населенія. Мы не станемъ излагать здѣсь этого доклада, такъ какъ онъ былъ напечатанъ на страницахъ *Русской Мысли*. Скажемъ только, что онъ сильно поколебалъ господствовавшую въ обществѣ мысль, будто всеобщее обученіе неосуществимо у насъ въ настоящее время. Онъ возбудилъ вѣру въ это дѣло, и за него вновь взялись всѣ лучшія силы нашего общества. Въ послѣдніе два года комитетъ грамотности, въ особой комиссіи, работавшей подъ руководствомъ проф. А. И. Чупрова, выполнилъ рядъ подготовительныхъ работъ по этому вопросу. Многія изъ нихъ были выставлены на сельско-хозяйственной выставкѣ, бывшей въ Москвѣ въ концѣ прошлаго года.

Здѣсь въ диаграммахъ, картограммахъ и таблицахъ были представлены свѣдѣнія: о расходахъ на начальное образованіе министерства народнаго просвѣщенія, о расходахъ городовъ, земствъ и сельскихъ обществъ, — общихъ и по народному образованію — за время съ 1871 по 1892 г.; о числѣ церковно-приходскихъ школъ и учащихся въ нихъ; о педагогическихъ расходахъ учителей; карта распространенія народныхъ библиотекъ и публичныхъ народныхъ чтеній въ Европейской Россіи и т. п.

III.

Съ самаго начала своей дѣятельности комитетъ грамотности принималъ различныя мѣры къ тому, чтобы поддержать и развить дальше ту грамотность, которой въ данный моментъ обладало населеніе. Забота о томъ, чтобы не заглохли тѣ «вешніе всходы», которые появились въ результатѣ работы земской школы, занимали одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ программѣ его дѣятельности. Комитетъ издавалъ картины и книги для народнаго чтенія, распространялъ ихъ путемъ бесплатной разсылки, оказывалъ всѣческое содѣйствіе устройству библиотекъ, читаленъ, повторительныхъ и воскресныхъ школъ, сельскихъ книжныхъ складовъ и т. д., и т. д. Особенно широкіе размѣры эта дѣятельность комитета приняла въ послѣдніе четыре-пять лѣтъ, когда въ немъ образовались особыя спеціальныя комиссіи: библиотечная и по воскреснымъ школамъ. Первая изъ этихъ комиссій образована въ 1890 году. Въ одно изъ первыхъ засѣданій этого года нѣсколько членовъ комитета внесли заявленіе о необходимости расширить дѣятельность комитета распространеніемъ между сельскимъ населеніемъ книгъ для чтенія, чтобы тѣмъ поддерживать грамотность въ народѣ и по возможности содѣйствовать уничтоженію рецидивизма безграмотности. Въ поддержку этого предложенія членомъ комитета И. Н. Сахаровымъ былъ прочитанъ докладъ, въ которомъ указывалось на настоятельную необходимость устройства сельскихъ библиотекъ для борьбы съ рецидивизмомъ безграмотности и крайне вреднымъ вліяніемъ такъ называемой дубочной литературы. Референтъ указывалъ далѣе на пробуждающуюся въ народѣ сознательную потребность въ разумномъ чтеніи, на полное отсутствіе въ деревнѣ книгъ, которыя познакомили бы народъ съ исторіей страны, лучшими произведеніями своихъ великихъ писателей и необходимыми, хотя бы элементарными сельско-хозяйственными, медицинскими и техническими свѣдѣніями. Въ заключеніе референтъ указалъ на то, что разсылка сельскихъ библиотекъ давно уже практикуется петербургскимъ комитетомъ грамотности, и познакомилъ собраніе съ организаціей этой отрасли дѣятельности комитета.

Во время послѣдовавшихъ преній профессоромъ А. И. Чупровымъ было указано, что, по изслѣдованію московской губернской управы, произведенному извѣстнымъ земскимъ статистикомъ В. И. Орловымъ о состояніи народнаго образованія въ Московской губ., гдѣ дѣло народнаго образованія поставлено безспорно выше, чѣмъ почти во всей Россіи, оказалось, что при 377 школахъ не было библиотекъ, при 187 были кое-какія (не болѣе 30 томовъ), а заключающихъ болѣе 100 книгъ—лишь 60 библиотекъ на всю губернію.

Комитетомъ единогласно было принято предложеніе объ образованіи при комитетѣ комиссій, имѣющей цѣлью: 1) снабжать по возможности книгами тѣхъ, кто ихъ не имѣетъ, 2) указывать хорошія книги тѣмъ, кто имѣетъ возможность ихъ пріобрѣсти. Чтобы выполнить это, предложено комитету заняться составленіемъ каталога книгъ, пригодныхъ для народнаго чтенія,

принять на себя посредничество между сельскими школами и вообще сельскими читателями и книжными торговцами, а также по возможности снабжать бесплатно книгами народные школы, сельские библиотеки и другие учреждения и отдельных лиц. Обсудив это заявление, комитет грамотности решил учредить особую комиссию для составления каталога книг, пригодных для народного чтения; а также поручить этой комиссии бесплатную рассылку книг в библиотеки народных школ, в сельские библиотеки и другим учреждениям и лицам. В состав комиссии вошли 18 членов комитета грамотности; председателем был избран Н. П. Горбуновъ.

Новая деятельность комитета немедленно же привлекла къ нему большое количество просьбъ. Не говоря о центральныхъ губерніяхъ, просьбы о высылкѣ книгъ приходили даже изъ такихъ отдаленныхъ мѣстъ, какъ о-въ Сахалинъ, глухія деревни Тобольской и Томской губерній, Кавказъ и Бессарабія. Учителя сельскихъ школъ, врачи, священники, помѣщики, инспектора и директора народныхъ училищъ, предсѣдатели и члены земскихъ управъ, епархіальныя братства, церковно-приходскія попечительства, общества трезвости, волостныя правленія, частныя лица—всѣ обращались въ комитетъ съ просьбами о помощи книгами. Всѣ эти просьбы удовлетворялись комитетомъ, насколько только позволяли его средства. Въ теченіе послѣднихъ 6 лѣтъ имъ было разослано 572 библиотеки, стоимостью въ 10,634 р.

Еще большая, можетъ быть, заслуга комитета въ томъ, что въ данномъ отношеніи онъ не ограничивался одной отправкой своихъ книгъ, но и привлекалъ мѣстныя силы къ устройству разныхъ образовательныхъ учреждений. Въ этомъ отношеніи особенно много было сдѣлано комиссіей по воскреснымъ, вечернимъ и т. п. школамъ. Воскресныя школы для взрослыхъ особенно сильное развитіе получили у насъ, какъ извѣстно, въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ. Къ этому именно времени относится возникновеніе большинства школъ этого типа. Открываемыя въ разныхъ мѣстностяхъ лицами самыхъ разнообразныхъ профессій и социальныхъ положеній, воскресныя школы прежде всего нуждались въ объединеніи, необходимомъ для выработки наиболѣе цѣлесообразныхъ, соответствующихъ задачамъ этихъ учебныхъ заведеній, приемовъ и методовъ преподаванія и выясненія условій успѣшнаго развитія дѣла воскресныхъ школъ вообще.

Въ этихъ цѣляхъ комитетъ въ 1890 году образовалъ особую комиссію по воскреснымъ школамъ. Предсѣдателемъ ея состоялъ В. П. Вахтеровъ. Комиссія прежде всего озаботилась установленіемъ сношеній съ воскресными школами—московскими и иногородними. Въ тѣсное общеніе съ комиссіей вступили почти всѣ существующія въ Россіи воскресныя школы, сообщая подробныя свѣдѣнія о своей дѣятельности, обращаясь къ комиссіи за указаніями по вопросамъ преподаванія и организаціи школъ. Посвятивъ затѣмъ свои занятія разработкѣ вопроса объ обученіи грамотѣ взрослыхъ, комиссія выработывала планъ и собирала матеріалъ для книги, предназначаемой для класснаго чтенія въ воскресныхъ школахъ. При всѣхъ

московских воскресных школах комиссіей устроены бібліотеки для домашняго чтенія учащихся. Такія же бібліотеки отправлялись комиссіей, кромѣ того, въ иногороднія школы. За послѣдніе три года, о которыхъ у насъ имѣются свѣдѣнія, ею было разослано книгъ на сумму свыше 4 тысячъ рублей.

Въ 1894 году комиссія издала составленную ея членами книгу подъ заглавіемъ: *Частный починъ въ дѣлѣ народнаго образованія*. Въ сборникѣ вошли слѣдующіе труды членовъ комиссіи: 1) *Воскресныя школы и вторичныя классы*—В. П. Вахтерова, 2) *Организация воскресной школы*—В. С. Костроминной, 3) *Обученіе грамотѣ въ воскресной школѣ*—ея же, 4) *О преподаваніи ариметики въ воскресной школѣ*—С. И. Лапшина, 5) *Книжные склады въ провинціи*—В. П. Вахтерова, 6) *Какія книги читаются въ воскресной школѣ*—Е. А. Андреевой, 7) *Статистическія свѣдѣнія о существующихъ въ Россіи воскресныхъ школахъ*. Это изданіе имѣло значительный успѣхъ, и въ первый же мѣсяцъ по его выходѣ разошлось около половины всѣхъ экземпляровъ (600 изъ 1,400).

Въ томъ же году комиссіей устроенъ подвижной музей наглядныхъ пособій для воскресныхъ школъ, основаніе которому положено богатой коллекціей минераловъ, присланной въ распоряженіе комиссіи горнымъ институтомъ. Въ настоящее время въ музей комиссіи имѣются пособія по анатоміи и физиологіи человѣческаго тѣла, зоологіи, ботаникѣ, минералогіи, исторіи, географіи и т. д.

Какъ ни цѣлесообразны всѣ эти виды дѣятельности, однако не въ нихъ лежитъ главная заслуга воскресной комиссіи. Эта заслуга заключается въ томъ, что комиссія съ самаго начала своего возникновенія неустанно стремилась къ тому, чтобы, помогая, съ своей стороны, народно-учебному дѣлу вызвать на то же мѣстныя силы. И въ этомъ отношеніи она достигла несомнѣнныхъ результатовъ. Въ 1892 году она составила циркуляръ, заключающій въ себѣ цѣлый планъ народно-просвѣтительной дѣятельности. Циркуляръ въ тысячахъ экземпляровъ разошелся по земствамъ, училищнымъ совѣтамъ, частнымъ воскреснымъ школамъ и вызвалъ сильное движеніе въ пользу бібліотекъ, воскресныхъ школъ, сельскихъ книжныхъ складовъ и другихъ аналогичныхъ учрежденій. Подобный же циркуляръ той же комиссіей былъ составленъ въ прошломъ году специально для волостныхъ правленій. Въ отвѣтъ на этотъ циркуляръ поступило свыше 3¹/₂ тысячъ отвѣтовъ. Убѣдившись чрезъ нихъ въ необходимости вступать въ сношенія со многими учрежденіями и лицами по вопросамъ объ открытіи образовательныхъ учрежденій въ той или другой мѣстности, гдѣ требовалось или указаніе со стороны комитета или его матеріальная помощь, комитетъ вступилъ въ обширную переписку по этому поводу съ волостными правленіями, земскими начальниками, земскими управами, училищными совѣтами и въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ губернаторами.

Вызывая движеніе на мѣстахъ, комитетъ приходилъ на помощь и съ матеріальной стороны. Лицамъ, пожелавшимъ открыть въ селахъ книж-

ную торговлю, оказывался кредитъ, воскресныя школы, бібліотеки снабжались книгами. Такая помощь была оказана почти въ 500 случаяхъ и обошлась комитету свыше 3 $\frac{1}{2}$ тысячъ рублей. Кроме того, въ 600 слишкомъ мѣстъ отправлены справочныя изданія (брошюра *Какъ открыть народную читальню*, сборникъ *Частный починъ въ дѣлѣ народного образованія*, *Сельскіе склады* и т. п.), или посланы разъяснительныя письма по различнымъ вопросамъ, возникшимъ на практикѣ при осуществленіи той или другой образовательной мѣры. Чтобы оцѣнить все огромное значеніе этого вида помощи, достаточно припомнить, съ одной стороны, тотъ формализмъ, которымъ обставлено у насъ дѣло народного образованія, а съ другой — полную беспомощность въ этомъ отношеніи большинства сельскаго населенія. Нерѣдко, по несоблюденію просителями какой-либо самой незначительной формальности, дѣло затягивается или же совсѣмъ не имѣетъ успѣха. Указанія и совѣты комитета, несомнѣнно, оказали тутъ большую помощь.

Такимъ образомъ, комитетъ съ своею просвѣтительною пропагандой проникъ въ самую глубь народной жизни, пробрался къ корнямъ ея, вызвалъ тамъ интересъ къ своему дѣлу и указалъ способы, какъ осуществлять это дѣло.

Движеніе, которое теперь возникло тамъ, уже не остановить. Задержанное въ одномъ мѣстѣ, оно найдетъ себѣ ходъ въ десяти другихъ мѣстахъ... То, что сдѣлано въ этомъ отношеніи комитетомъ, на нашъ взглядъ, есть самое большое изъ всѣхъ его дѣлъ.

IV.

Существенную помощь оказалъ комитетъ школьному дѣлу также тѣмъ, что содѣйствовалъ подготовленію преподавательскаго персонала, а въ послѣднее время изыскивалъ пути къ улучшенію его быта. Въ 70-хъ годахъ комитетъ командировалъ своихъ членовъ для руководительства педагогическими курсами, которые устраивались земствами. Въ числѣ этихъ руководителей былъ, между прочимъ, извѣстный педагогъ Д. И. Тихомировъ. Кроме того, въ видахъ постоянно повторявшихся жалобъ земствъ на недостатокъ учителей для начальныхъ школъ, комитетъ учредилъ въ 1873 году *посредническую комиссію*, которой поручилъ принимать заявленія, съ одной стороны, отъ лицъ, имѣющихъ право на преподаваніе въ начальныхъ училищахъ и желающихъ получить учительскія мѣста, а съ другой — отъ земствъ и попечителей школъ, нуждающихся въ преподавателяхъ и преподавательницахъ. Комиссія работала на нижеслѣдующихъ, утвержденныхъ комитетомъ грамотности, основаніяхъ:

1) Комиссія рекомендуетъ только тѣхъ учителей или учительницъ, преподавательскія способности которыхъ ей болѣе или менѣе извѣстны; а (а же комитету не извѣстныя командировуются въ одну изъ наиболѣе хорошихъ поставленныхъ школъ — для испытанія.

2) Учитель или учительница, желающіе получить мѣсто по рекомендаціи комиссіи, заявляютъ ей о томъ письменно, прилагая при этомъ копіи документовъ своихъ на право преподаванія въ начальныхъ школахъ.

3) По полученіи таковыхъ заявленій комиссія увѣдомляетъ учителя, буде онъ не представитъ рекомендаціи отъ лицъ извѣстныхъ комитету грамотности или учрежденій, какъ-то: учительскихъ семинарій и проч., какой изъ ближайшихъ отъ него школъ поручено испытать его преподавательскія способности на самой практикѣ преподаванія.

4) По полученіи удовлетворительнаго отзыва отъ лица, завѣдующаго школой, избраннаго комитетомъ для испытанія, комиссія сообщаетъ ищущему мѣсто учителю списокъ школъ, заявившихъ желаніе имѣть преподавателей чрезъ посредство московскаго комитета грамотности, вмѣстѣ съ условіями, предлагаемыми каждою школой, предоставляя учителю выборъ, о которомъ онъ сообщаетъ комиссіи для ея дальнѣйшихъ распоряженій.

Лица или школы, обращающіяся въ комиссію за рекомендаціей учителей, должны были сообщать подробныя свѣдѣнія о школѣ, въ которую они прискивали преподавателя.

Наконецъ, въ прошломъ 1894 году комитетъ образовалъ новую комиссію по содѣйствію улучшенію быта народныхъ учителей. Комиссія, работавшая подъ предсѣдательствомъ сначала И. М. Чупрова, затѣмъ В. А. Гольцева, начала свою работу съ спеціальнаго изслѣдованія современнаго положенія преподавательскаго персонала въ начальныхъ школахъ Европейской Россіи. Программа изслѣдованія была разослана въ количествѣ 11,500 экземпляровъ во всѣ уѣздныя земскія управы съ просьбой распространить ее среди мѣстнаго учительскаго персонала. Изъ всего количества разосланныхъ программъ въ комитетъ уже поступило до 5,000 отвѣтовъ отъ учителей и учительницъ земскихъ (подавляющее большинство), министерскихъ и церковно-приходскихъ училищъ.

Къ бывшей прошлой зимой сельско-хозяйственной выставкѣ комитетъ обработалъ часть полученнаго матеріала и представилъ поучительную таблицу и діаграмму жалованья, получаемаго учительскимъ персоналомъ въ земскихъ губерніяхъ. Общая же сводка матеріала дастъ яркую картину современнаго положенія вопроса о народныхъ учителяхъ и несомнѣнно будетъ имѣть важное практическое значеніе.

У.

Большой интересъ какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніи представляютъ работы комитета по изученію современной народной литературы. За послѣднее время почти ежегодно на народно-книжномъ рынкѣ появляются новыя издательскія и торговыя фирмы. Каждый годъ онѣ выпускаютъ милліоны книгъ; но какovy эти книги по своему содержанію, языку, цѣлѣ и т. п. — все это оставалось въ полной неизвѣстности, пока за изученіе ихъ не взялся московскій комитетъ грамотности. На-

чивая съ 1891 года комитетъ давалъ ежегодные обзоры всѣхъ книгъ, предназначенныхъ для народнаго чтенія. Эти обзоры издавались отдѣльными книгами подъ названіемъ *Ежегодниковъ*. Кромѣ общей картины состоянія народной литературы въ данный годъ, *Ежегодники* даютъ критическіе отзывы о каждой отдѣльной книгѣ, рассматривая ее со стороны содержанія, языка, вѣщности и т. п. Чтобы избѣжать возможной въ такомъ случаѣ субъективности въ оцѣнкѣ, отзывы о книгѣ давался не отдѣльнымъ лицомъ, а специальными группами, состоящими изъ нѣсколькихъ лицъ. Трудъ, сопряженный съ этою работой, былъ весьма значительный. Лицамъ, работавшимъ по этому предмету, ежегодно приходилось перечитывать болѣе тысячи различныхъ книгъ и писать о нихъ отзывы. Затѣмъ каждый изъ этихъ отзывовъ обсуждался нѣсколькими лицами сообща, далѣе онъ переходилъ на заключеніе комиссіи (библіотечной) и только потомъ уже заносился въ *Ежегодникъ*. Работа осложнялась еще тѣмъ, что нѣкоторыя изданія (выпущенныя, наприм., въ провинціи) приходилось доставать съ большимъ трудомъ. Только энергія и любовь къ дѣлу всѣ четыре года безвозмездно руководившаго этою работой С. Г. Смирнова могла противустоять тѣмъ трудностямъ, съ которыми сопряжена эта кропотливая работа. За то въ результатъ ея мы имѣемъ теперь подробныя свѣдѣнія о всѣхъ народныхъ изданіяхъ, вышедшихъ за послѣдніе четыре года. *Ежегодники*, въ которые вошли эти свѣдѣнія, представляютъ собою единственные и въ высшей степени полезныя руководства для всякаго, кто хотѣлъ бы ознакомиться съ современною народною литературой.

Въ 1893 году, кромѣ изученія народныхъ книгъ, комитетомъ было предпринято изученіе лубочныхъ картинъ. У комиссіи не было никакихъ предварительныхъ свѣдѣній, и ей пришлось начать свою работу съ *разысканія* картинъ, обходя лубочныя лавки, что ею и было сдѣлано. Нѣсколько человекъ его членовъ посѣтили всѣ извѣстныя въ Москвѣ лавки, торгующія картинами, и отобрали по одному экземпляру всѣхъ имѣвшихся тамъ картинъ. Ихъ оказалось около 900 экз. Тѣ изъ картинъ, которыя продавались въ лавкахъ лубочныхъ торговцевъ, комитетъ отнесъ въ *народныя* картинамъ и рассмотрѣлъ ихъ со стороны содержанія, исполненія, разиоровъ и цѣны. Результаты этой работы помѣщены въ *Ежегодникъ*, изданномъ въ 1894 году.

Кромѣ теоретическаго значенія, изслѣдованіе лубочныхъ картинъ имѣло важное значеніе и въ практическомъ отношеніи. Изслѣдованіе не только ознакомило съ такимъ крупнымъ факторомъ воспитанія народа, какъ картины, расходящіяся ежегодно въ нѣсколькихъ милліонахъ экземпляровъ и воздѣйствующія на умъ и чувства всей грамотной и неграмотной деревенской Россіи, но и побудило комитетъ возобновить свою прежнюю дѣятельность по изданію картинъ для народа.

Еще при самомъ началѣ своего существованія комитетъ обратилъ вниманіе на важное значеніе картинъ, какъ элемента воспитанія. Имъ издано

было 20 картинъ различного содержанія, и онѣ имѣли большой успѣхъ. Въ 1895 году онъ вновь принялся за это дѣло, остановившись на мысли воспользоваться богатствами городской художественной галлерей бр. П. и С. Третьяковыхъ. Нѣкоторыя изъ подготовительныхъ работъ имъ были уже исполнены.

Что же касается работъ комитета по изданію книгъ для народнаго чтенія, то надо сказать, что эта отрасль не получила должнаго развитія. Впрочемъ, въ послѣдній годъ комитетъ подалъ надежду, что издательской работѣ его будетъ дано должное развитіе и направленіе. Желая привлечь лучшія силы къ составленію книгъ для народа, комитетъ объявилъ конкурсъ съ выдачею премии за лучшія сочиненія. На первый разъ онъ назначилъ 3 темы: 1) «Гоненіе на христіанъ въ Римской имперіи до Константина Великаго», 2) «Занятіе и заселеніе русскими Сибири» и 3) «Вода и ея значеніе на землѣ».

Составъ комиссіи по изданію книгъ (редакціонной) пополненъ значительнымъ числомъ новыхъ членовъ, избранъ новый предсѣдатель, проф. М. С. Корелинъ. Комиссія приготовила къ печати около 20 новыхъ книгъ.

VI.

Огромную услугу оказалъ комитетъ народному образованію въ голодные 1891—1892 годы, когда успѣхамъ школы угрожала большая опасность. Голоднымъ и раздѣтымъ дѣтямъ, на которыхъ нужда надѣвала нищенскую суму, было не до ученія. Комитетъ быстро нашелся, въ какой формѣ надлежитъ ему придти въ этомъ случаѣ на помощь.

3 декабря 1891 года онъ образовалъ изъ своихъ членовъ особую комиссію для оказанія помощи школамъ и учащимся въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая. Комиссіа собрала 15,538 руб. пожертвованій, на которыя она прокормила свыше 3 $\frac{1}{2}$ тысячъ дѣтей, устраивая для нихъ школьныя столовыя. Такимъ образомъ, тысячи дѣтей, вмѣсто того, чтобы идти въ нищенство со всѣми его пагубными послѣдствіями, продолжали посѣщать школы.

VII.

Имѣя постоянно живую и непосредственную связь со всѣми слоями общества, комитетъ всегда былъ отзывчивъ на тѣ педагогическіе вопросы, которыми общество волновалось въ данный моментъ. Въ этомъ отношеніи особенный интересъ представляетъ эпизодъ, относящійся къ срединѣ 70-хъ годовъ, когда гр. Л. Н. Толстой выступилъ противъ «нѣмецкой» педагогики вообще и противъ звукового метода обученія грамотѣ въ частности. Въ печати происходила горячая полемика. Кромѣ присяжныхъ педагоговъ, каковы, наприм., Н. Ф. Бунаковъ, В. В. Евтушевскій, въ ней при-

нялъ участіе Н. К. Михайловскій, посвятившій ей въ *Отечественныхъ Запискахъ* обширную и очень интересную статью, вошедшую въ серію его другихъ статей, носившихъ общій заголовокъ *Записки профана*. Въ 1872 и 1874 гг. на этотъ споръ отозвался и московскій комитетъ грамотности.

Въ октябрѣ 1873 г. предсѣдатель комитета І. Н. Шатиловъ предложилъ общему собранію комитета высказаться по поводу предложенія гр. Л. Н. Толстого проверить на опытѣ его способъ обученія грамотѣ, причемъ гр. Л. Н. Толстой заявилъ І. Н. Шатилову, что этотъ способъ обученія онъ желалъ бы демонстрировать въ присутствіи членовъ комитета.

Многіе члены комитета, въ томъ числѣ Д. И. Тихомировъ, высказались противъ предложенія ясно-полянскаго педагога, находя, что опытъ нѣсколькихъ дней никого не можетъ убѣдить въ пригодности способа. На голосованіе было поставлено два вопроса: 1) Угодно ли комитету принять предложеніе гр. Л. Н. Толстого произвести опытъ обученія неграмотныхъ по его способу и просить при этомъ гр. Л. Н. Толстого дать объясненіе его способа въ одномъ изъ засѣданій комитета? 2) Просить гр. Л. Н. Толстого представить объясненія по поводу его способа обученія и потомъ, если комитетъ признаетъ нужнымъ, произвести опытъ обученія? За первое предложеніе высказалось семь членовъ (изъ 12 членовъ, бывшихъ на засѣданіи) комитета, за второе—четыре. Такимъ образомъ первое предложеніе было принято, и предсѣдатель взялъ на себя трудъ передать гр. Л. Н. Толстому постановленіе комитета и, въ случаѣ его согласія, условиться съ гр. Л. Н. Толстымъ относительно приведенія въ исполненіе вышесказаннаго рѣшенія комитета.

Въ январѣ слѣдующаго года графъ Л. Н. Толстой избранъ былъ въ члены комитета и 17 числа въ томъ же засѣданіи далъ объясненіе по поводу рекомендуемаго имъ букво-слагательнаго метода. Собраніе состояло изъ 32 членовъ и 65 человекъ постороннихъ.

Критика гр. Толстымъ звукового метода и защита букво-слагательнаго, какъ и слѣдовало ожидать, вызвали продолжительный и оживленный обмѣнъ мнѣній. Въ немъ приняло участіе значительное число членовъ. Горячимъ защитникомъ звукового метода выступилъ Д. И. Тихомировъ. Затѣмъ говорили: Н. А. Вертоградскій, Ф. И. Егоровъ, К. К. Мазингъ и другіе члены, высказывавшіеся за звуковой методъ. І. Н. Шатиловъ, Ф. И. Королевъ стояли на сторонѣ букво-слагательнаго метода. Н. П. Горбуновъ занималъ особую позицію. Не высказавшись ни за, ни противъ звукового метода, онъ для рѣшенія вопроса предложилъ испытать оба способа на опытѣ. Выслушавъ всѣ мнѣнія, графъ Толстой заявилъ, что во всемъ томъ, что было высказано, онъ не находитъ доказательствъ, говорящихъ въ пользу звукового метода. При этомъ онъ замѣтилъ, что его способъ есть способъ народа русскаго, ему онъ выучился у народа, и что онъ охотно перешелъ бы на сторону звукового метода, еслибы опытъ показалъ ему искусство соединенія согласнаго звука съ гласнымъ безъ присоединенія *з* и *е*.

Рѣшено было показать на опытѣ достоинство букво-слагательнаго метода. 17 января, въ присутствіи членовъ комитета, графъ Толстой давалъ образцовый урокъ. Затѣмъ было назначено экстренное засѣданіе комитета. Собраніе рѣшило устроить правильный и продолжительный опытъ для сравненія обоихъ способовъ по ихъ практическимъ результатамъ. Тѣмъ же путемъ рѣшено было сдѣлать оцѣнку и метода обученія ариметикѣ, въ которомъ гр. Толстой также былъ противникомъ «нѣмецкой» педагогикѣ. Постановленія собранія были редактированы въ слѣдующихъ положеніяхъ.

1. Для болѣе яснаго опредѣленія хорошихъ и дурныхъ сторонъ способа обученія грамотѣ и счисленію гр. Л. Н. Толстого рѣшено: въ школѣ члена комитета С. В. Ганешина или въ помѣщеніи земледѣльческой школы произвести параллельный опытъ обученія неграмотныхъ какъ по способу гр. Л. Н. Толстого, такъ и по способу звуковому, а ариметикѣ—по способу Евтушевскаго.

2. Срокъ на производство этого опыта опредѣленъ 2-мѣсячный.

3. Для приведенія въ исполненіе сего рѣшенія комитетомъ должны быть приглашены 2 учителя, которые должны заниматься по три часа въ день съ одинаковымъ числомъ учащихся.

И. Н. Шатиловъ доложилъ, что учителя для производства опыта обученія по способу гр. Л. Н. Толстого рекомендовалъ самъ гр. Л. Н. Толстой. Вторымъ учителемъ, который занимался бы съ учениками по звуковому методу, комитетъ избралъ своего сочлена, М. А. Протопопова. Занятія въ обоихъ отдѣленіяхъ происходили одновременно и посѣщались многими изъ членовъ комитета. Весною того же года были произведены экзамены. Графъ Л. Н. Толстой прислалъ въ комитетъ письмо, въ которомъ предложилъ принять слѣдующія условія производства экзаменовъ:

1. Сужденіе объ успѣхахъ учениковъ и о преимуществахъ одной методы передъ другою нужно основывать на старшихъ ученикахъ.

2. Комиссія для испытанія должна быть выбрана какъ бы изъ пріязньныхъ всѣхъ сословій.

3. На основаніи требованій народа отъ школы, предметы испытанія должны быть таковы:

а) народъ желаетъ выучиться такъ, чтобы прочесть книгу и понять ее,—а потому чтеніе и разсказъ чего бы то ни было, но для обѣихъ сторонъ одного и того же;

б) прочесть письмо,—а потому чтеніе скорописнаго;

в) желаетъ написать письмо подъ диктовку,—а потому диктантъ;

г) желаетъ умѣть написать письмо,—и потому сочиненіе или описаніе того, что прочитано;

д) прочесть церковную книгу,—и потому славянское чтеніе и пониманіе славянскаго насколько возможно;

е) счесть приходъ и расходъ и записать,—а потому 4 дѣйствія ариметики.

Предложеніе графа было принято съ ограниченіями. Было рѣшено при производствѣ экзаменовъ обращать одинаковое вниманіе на всѣхъ учениковъ школы. Второй пунктъ собраніе нашло невозможнымъ выполнить потому, что экзаменаціонная коммиссія должна быть выбрана изъ среды комитета, приглашать же лицъ постороннихъ,—какъ представителей каждаго сословія,—комитетъ совершенно не можетъ.

Относительно третьяго пункта большинство высказалось такъ, что слѣдуетъ предоставить установленіе самой формы и способа производства экзамена любящей быть выбранною коммиссіи, причемъ она должна стараться узнать, что ученики знаютъ и какъ знаютъ.

По предложенію М. А. Протопопова, комитетъ постановилъ пригласить на экзамены стенографа, чтобы какъ вопросы, такъ и отвѣты учениковъ были подробно и точно записаны.

Послѣ производства экзаменовъ созвано было общее собраніе комитета. На собраніи Д. И. Тихомировъ замѣтилъ, что на основаніи произведеннаго испытанія трудно было заключить о развитіи учениковъ, такъ какъ по обстоятельству, не зависящимъ отъ учителей, не было прочтано цѣльной статьи, на основаніи которой можно было бы судить, насколько ученики могутъ усвоить связь между отдѣльными мыслями и цѣлыми частями статьи и передать въ разсказѣ.

І. Н. Шатиловъ, проводя сравненіе между группою г. Морозова (учившаго по методу гр. Толстого) и г. Протопопова, нашелъ, что двое изъ учениковъ г. Морозова стоятъ выше столькожъ же учениковъ г. Протопопова. Остальныхъ же учениковъ обоихъ отдѣленій г. Шатиловъ нашелъ одинаково плохими. Противъ замѣчанія І. Н. Шатилова возражали гг. Тихомировъ, Ганешинъ, Егоровъ и Капинъ. По ихъ мнѣнію, одинъ изъ учениковъ Морозова безспорно стоитъ выше учениковъ обоихъ отдѣленій, а затѣмъ всѣ остальные ученики г. Протопопова по чтенію, а въ особенности разсказу, стоятъ выше учениковъ г. Морозова.

Въ звуковомъ и каллиграфическомъ отношеніи диктовка въ группѣ г. Протопопова была вполне удовлетворительна: четыре написали совершенно вѣрно, и только у одного былъ пропущенъ слогъ; всѣ писали письменнымъ шрифтомъ. Ученики же г. Морозова, исключая двоихъ, дѣлали большое количество ошибокъ: у двухъ двѣ ошибки въ буквахъ,— вмѣсто *и* написали *б* и вмѣсто *э* написано *е*; у остальныхъ пропущены слоги и ошибки въ буквахъ. Въ каллиграфическомъ отношеніи писали крайне дурно; писали же двумя шрифтами: письменнымъ и печатнымъ.

Такъ закончился этотъ педагогическій «турниръ». Спора о преимуществѣ того или другаго метода онъ не рѣшилъ, но, несомнѣнно, онъ много содѣйствовалъ болѣе детальному выясненію предмета и болѣе критическому отношенію къ нему.

VIII.

Такова въ главнѣйшихъ своихъ чертахъ дѣятельность московскаго комитета грамотности. Въ ея исторіи были моменты оживленной работы, были моменты и полной остановки. Объ этомъ болѣе опредѣленное представлениіе можетъ дать слѣдующая таблица:

Годъ.	Общее число членовъ.	Число засѣданій.	Среднее число членовъ, бывшихъ въ засѣданіи.	Среднее число постороннихъ, бывшихъ въ засѣданіи.	Денежныя средства комитета (въ рубляхъ).	Количество разо-сланныхъ книгъ (число экземпляровъ).	Стоимость разо-сланныхъ книгъ *) (въ рубляхъ).
1859	5	2	5	Не было.	?	?	?
1860—1865	?	?	?	?	?	?	?
1866	12	4	9	?	?	?	?
1867	18	7	12	?	?	?	?
1868	14	5	12	?	?	?	?
1869	24	5	16	?	?	?	?
1870	34	4	24	17	?	?	?
1871	41	8	22	8	?	?	?
1872	22	8	14	5	?	?	?
1873	20	9	13	6	?	?	?
1874	31	6	20	27	?	?	?
1875	24	4	17	18	?	?	?
1876—1889	?	3	?	?	?	?	?
1890	316	5	15	—	?	1,829	373
1891	285	6	38	2	6,578	2,615	594
1892	334	6	49	7	13,945	2,467	509
1893	418	9	60	32	9,987	10,506	2,808
1894	604	10	76	68	11,774	14,788	3,983
1895	866	7	115	95	18,674	11,888	2,367
Итого					60,958	44,093	10,634

Таблица показываетъ, что наибольшую энергію комитетъ проявилъ во вторую половину 60-хъ и въ первую половину 70-хъ годовъ. 90-е же годы представляютъ время, когда дѣятельность комитета достигла наибольшаго своего развитія. Общее число лѣтъ, въ которые комитетъ работалъ, равняется 19. Работа комитета сосредоточивалась въ его общихъ собраніяхъ, главнымъ же образомъ въ комиссіяхъ. Въ общихъ собраніяхъ обыкновенно дебатировались различные вопросы, которые подвигали

*) Сюда не входитъ стоимость книгъ, разосланныхъ комиссіей по воскреснымъ школамъ.

сь членами, читавшими рефераты. Назовемъ здѣсь нѣкоторые изъ рефератовъ, чтобы показать, какіе именно вопросы привлекали къ себѣ вниманіе комитета. Кромѣ тѣхъ докладовъ, которые уже упоминались выше, въ послѣдніе годы были сдѣланы слѣдующія сообщенія: *Уловія распространенія грамотности* (В. П. Вахтеровъ), *Школа грамоты и учителя-крестьяне* (Н. В. Чеховъ), *Новиковъ и его издательская дѣятельность* (В. Е. Якушевнъ), *Наши народныя учителя и учительницы* (П. М. Шестаковъ), *Всесоюзное земство и всеобщее обученіе* (кн. Д. И. Шаховской), *Комоводные, какъ предметъ обученія въ народной школѣ* (В. А. Гольцъ), *Общедоступныя литературно-музыкальныя вечера въ Одессѣ* (проф. П. Кирпичниковъ), *О школахъ грамотности* (А. А. Штевенъ) и мн. др. Общія собранія привлекали обыкновенно многочисленную публику. Были случаи, когда собиралось до 500 челов. слишкомъ. Собранія знакомы присутствующихъ съ различными сторонами народно-учебнаго дѣла, вызвали интересъ къ нимъ, возбуждали желаніе быть полезнымъ общему дѣлу... Общее же собраніе утверждало рѣшенія комиссій. Исполнительнымъ органомъ комитета былъ совѣтъ, состоявшій изъ 5 человѣкъ, изъбранныхъ общимъ собраніемъ. Новые члены комитета избирались по рекомендаціи двухъ старыхъ членовъ. Избраніе производилось путемъ закрытой баллотировки. Доступъ въ комитетъ для всякаго желающаго работать въ немъ былъ самый широкій. За все время полулѣтняго существованія комитета былъ только одинъ случай, когда кандидатъ въ его члены былъ забаллотированъ. Это было съ однимъ изъ столповъ реакціонной печати, неустанно инсинуировавшей по адресу комитета. Главная работа комитета, какъ мы уже сказали, сосредоточивалась въ его комиссіяхъ. Съ огромною долей труда лежала на членахъ-женщинахъ, которымъ комитетъ въ значительной мѣрѣ обязанъ своими успѣхами. По отчету за 1904 годъ членами въ комитетѣ состояло 247 женщинъ.

Работа комитета, почтенная по своей цѣли и происходившая при полной публичности и гласности, вызывала къ себѣ большое общественное уваженіе и содѣйствіе. Имъ только и жила комитетъ, черпая отсюда какъ нравственныя, такъ и матеріальныя средства для своей работы. Общество высоко цѣнило комитетъ, видя въ его дѣятельности лучшее выраженіе своихъ лучшихъ стремленій. Профессора университета и литераторы читали публичныя лекціи для увеличенія его средствъ, частныя лица жертвовали деньгами. Жертвовались какъ рубли, такъ и десятки тысячъ рублей. Напоминаніе о недавнемъ пожертвованіи лица, пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ, 63 тысячъ руб.

О томъ же сочувствіи и довѣрїи общества свидѣлствуетъ тотъ фактъ, что комитетъ всегда находилъ содѣйствіе своему дѣлу со стороны земствъ. Обращаетъ ли комитетъ какія-либо свѣдѣнія по народному образованію, предлагаетъ ли ту или иную мѣру въ интересахъ учебнаго дѣла,—и въ томъ и въ другомъ случаѣ земство всегда являлось главнымъ помощникомъ комитета. Не было случая, чтобы когда-нибудь земство оставило безъ

вниманія предложеніе, съ которымъ обращался къ нему комитетъ. Между тѣмъ и другимъ была постоянная и полная солидарность.

Если теперь подытожить все то, что сдѣлано комитетомъ, и сопоставить съ числомъ лѣтъ его работы, то едва ли кто станетъ отрицать, что комитетъ работалъ съ такимъ успѣхомъ, съ какимъ у насъ рѣдко работаютъ какъ отдѣльныя лица, такъ и цѣлыя учрежденія. И мы были очень рады, еслибъ оправдались слова президента И. М. О. С. Х., князя А. Г. Щербатова, выразившаго надежду, что комитетъ, и отдѣлившись отъ Общества, «будетъ продолжать столь же неукоснительно свою плодотворную дѣятельность, которая основывалась на высокихъ началахъ, положенныя въ основаніе И. М. О. С. Х.».

П. Шестановъ.

Очерки провинціальной жизни.

Въ послѣднее время земство проявляетъ безпримѣрныя въ исторіи нашего отечества усилія къ распространенію образованія въ народѣ. Иначе бытъ дѣло въ губерніяхъ не-земскихъ. Здѣсь открытіе новыхъ школъ идетъ съ такою медленностью, что не успѣваетъ даже за естественнымъ ростомъ населенія. Въ то время какъ земство малонаселенной, бѣдной, расположенной въ суровомъ климатѣ Олонецкой губерніи изыскиваетъ пути къ введенію всеобщаго обученія, богатая Киевская губернія отказывается отъ обученія *тремъ четвертямъ* дѣтей школьнаго возраста. Если взять за Юго-Западный край, то получимъ, что на 7.718,394 человека школъ Министерства народнаго просвѣщенія имѣется лишь 676, т.-е. одна школа на 11,417 человекъ. Въ пространственномъ отношеніи одно сельское училище приходится на 214 кв. верстъ. Чтобы удовлетворить потребность населенія въ грамотѣ, необходимо для одной лишь Киевской губерніи открыть 3,500 новыхъ школъ, между тѣмъ въ ней министерствомъ открывается въ годъ по три новыя школы. Таковъ контрастъ между потребностью и ея удовлетвореніемъ.

Кромѣ школъ министерства народнаго просвѣщенія имѣются въ Юго-Западномъ краѣ еще церковно-приходскія школы. Но эти школы поставлены крайне неудовлетворительно. Недавно защитникомъ этихъ школъ выступилъ въ *Новомъ Времени* г. Миропольскій, который привелъ «точные данныя» относительно развитія ихъ въ краѣ и закончилъ свою замѣтку словами: «За точность данныхъ фактовъ мы ручаемся». Но въ той же газетѣ напечатаны возраженія г. Рачковскаго на эту замѣтку, — возраженія, заслуживающія полнаго вниманія. Очевидно, — говоритъ г. Рачковскій, — авторъ замѣтки смѣшалъ представляемые по начальству отчетныя цифры съ фактами, а это, къ несчастію, далеко не одно и то же. Въ приходскихъ школахъ учится не только гораздо менѣ той цифры дѣтей, каковая указана въ замѣткѣ, но и вообще учится очень мало дѣтей. Родители не склонны отсылать туда дѣтей, что объясняется установленными въ церковно-приходской школѣ порядками. А какіе это порядки, — продолжаетъ г. Рачковскій, — я, прожившій въ Киевской губерніи около 10 лѣтъ, бывшій нѣ-

сколько лѣтъ мировымъ судьей и, какъ поповичъ, пользовавшійся благоклонностью мѣстныхъ священниковъ, могъ присмотрѣться къ нимъ — и этимъ порядкамъ, и, къ сожалѣнію, вынесъ далеко не такое отрадное впечатлѣніе, какое получилось у г. Мирнопольскаго отъ чтенія официальныхъ отчетовъ. Прежде всего надо сказать, что завѣдующій школою батюшка смотритъ на школу какъ на лишнюю обузу, и если не у каждаго изъ нихъ хватить смѣлости прямо это высказать, то этотъ его взглядъ чувствуется въ каждомъ его дѣйствіи. И вотъ, вслѣдствіе безучастнаго отношенія къ школѣ батюшки, мѣста учителей выпрашиваютъ себѣ разныя полуграмотныя лица и окончившіе курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ съ цѣлью протянуть до 26-лѣтняго возраста и тѣмъ избавиться отъ воинской повинности. Вотъ и судите, насколько добросовѣстно можетъ относиться къ своимъ занятіямъ учитель, смотрящій на это занятіе какъ на средство избавиться отъ воинской повинности. Оно такъ и ведется: изъ числящихся въ школѣ 40—45 учениковъ выбираются 2 и самое большее 3 (знаю примѣры, что былъ 1 въ два года), для приготовленія ихъ къ экзамену на льготу по 3 п. 56 ст. Уст. о воинск. пов.; на нихъ сосредоточивается все вниманіе учителя, и съ ноября до Пасхи ими только онъ и занимается, чтобы было видно на бумагѣ, что онъ занимается, а слѣдовательно чтобы кое-какъ дотянуть до 26-ти лѣтъ, остальные же затѣмъ ученики по окончаніи курса школы навѣрно неспособны прочесть письмо отъ брата изъ полка и послать ему отъ себя вѣсточку». Г. Рачковскій живо изображаетъ, какъ производится въ церковно-приходской школѣ экзаменъ на льготу по воинской повинности. Изъ 7 школъ собираются завѣдующіе, учителя и 14 экзаменуемыхъ въ центральное село; ученики отправляются въ школу, а остальные къ мѣстному батюшкѣ, куда еще съ вечера вынужденъ былъ захватить депутатъ министерской школы, къ которому все относится съ полнѣйшимъ радушіемъ. Экзаменъ. Депутатъ диктуетъ: «Сегодня»... Одинъ изъ завѣдующихъ, искоса заглядывая въ тетрадку своего ученика, скороговоркой и полушепотомъ произноситъ: «слово—есть, слово—есть, слово—есть; да зачеркни же ты ять». «Ну, дѣти, мы теперь займемся ариѳметикой»,—говоритъ депутатъ,—на что получаетъ замѣчаніе одного изъ учителей, что «арифметика у насъ не проходитъ, а проходитъ счисленіе». Уладивъ этотъ споръ, депутатъ предлагаетъ устную задачу. Получаются невѣроятные отвѣты. «Видно, дѣти, вы къ устнымъ задачамъ не привыкли; выйди ты, мальчикъ, къ доскѣ, раздѣли 17,000 на 200». Ученикъ пишетъ эти числа и тотчасъ же стираетъ все нули, объясняя, что для упрощенія слѣдуетъ нули стирать—«Почему же?» спрашиваетъ депутатъ.—«Для упрощенія». Тутъ вмешивается учитель и объясняетъ депутату, что у нихъ всегда, для упрощенія, принято стирать нули. «Почему же?»—«Для упрощенія»...

Въ той же газетѣ напечатана обширная и очень интересная статья г. Житомирца по тому же вопросу о церковно-приходскихъ школахъ, въ частности о школахъ Волынской губерніи. Въ статьѣ этой г. Житомирецъ

устанавливается на общихъ причинахъ, которыя обусловливаютъ неправильную постановку церковно-приходской школы. Въ педагогической и общей литературѣ,—говоритъ авторъ,—не разъ указывались причины плохой постановки школьнаго дѣла и малой успѣшности въ школахъ духовнаго вѣдомства. Эти причины нисколько не ослабѣли до послѣдняго времени. Указывалось, что приходскій священникъ далеко не всегда является хорошимъ педагогомъ по призванію; для того, чтобы дѣло у него, главнаго руководителя школы, шло удовлетворительно, необходима хоть какая-нибудь педагогическая подготовка. Далѣе, легко ли дѣло настоятельства въ приходѣ съ населеніемъ болѣе 700 чел.? А такихъ приходоѡвъ въ Волынской губерніи половина. Деревни, приписанныя къ приходу, отстоятъ отъ него на 2—3 версты. Можно ли, въ виду этого, винить священника за неаккуратное посѣщеніе школы? Лучшей иллюстраціей дѣла для лицъ, незнакомыхъ съ дѣятельностью приходскаго священника къ школѣ можетъ служить отношеніе къ народнымъ школамъ законоучителей въ Петербургской губерніи, которые сплошь и рядомъ пропускаютъ свои уроки, по причинамъ, частью отъ нихъ не зависящимъ, несмотря на строгую отчетность, лучшие пути сообщенія и лучшую обеспеченность. Неудивительно, поэтому, заявленія, идущія отовсюду, о томъ, что большинство приходскихъ школъ существуетъ только на бумагѣ. Самое послѣднее заявленіе такого рода, касающееся Волынской губерніи, находимъ съ статьѣ члена географическаго общества Н. И. Коробки, командированнаго въ прошломъ году въ Волынскую губернію.

И при такихъ-то условіяхъ церковно-приходская школа претендуетъ на такое значеніе въ Юго-Западномъ краѣ, хотя вполне ясно, куда направлено сочувствіе населенія. Изъ официальныхъ отчетовъ двухъ вѣдомствъ ясно видно, какой школѣ населеніе отдаетъ предпочтеніе. Въ то время какъ отчетъ духовнаго вѣдомства въ слабомъ распространеніи церковно-приходской школы винитъ неразвитость населенія, его разноплеменность, и даже малое содѣйствіе крестьянской администраціи,—отчетъ попечителя Кіевского округа указываетъ на сочувствіе министерской школѣ со стороны населенія. Довѣріе мѣстнаго населенія къ министерской школѣ, говорится въ отчетѣ, настолько укрѣпилось, что весьма часто незначительною поддержкой со стороны казны можно вызвать со стороны крестьянскаго населенія значительныя матеріальныя средства въ пользу школы. Но дѣло терзается постоянно несогласіемъ на открытіе училищъ со стороны мѣстнаго сархіальнаго начальства. Между тѣмъ, казалось бы, недостатокъ въ школахъ такъ великъ, что даже при совмѣстныхъ дѣйствіяхъ двухъ вѣдомствъ трудно было бы удовлетворить существующей потребности. Въ результатъ получается, что населеніе или не получаетъ никакой школы, или получаетъ самую плохую школу грамотности. По справедливому заявленію г. попечителя Кіевского учебнаго округа, «задача развитія русскаго народа въ краѣ можетъ быть успѣшно разрѣшена исключительно только путемъ министерской школы, на учрежденіе и развитіе которой, въ виду

важности дѣла, не слѣдовало бы останавливаться передъ необходимыми и этого денежными затратами изъ средствъ государственнаго казначейства и тѣмъ болѣе ставить разрѣшеніе къ открытію школъ въ зависимость отъ епархіальнаго начальства».

Задерживается ходъ народнаго образованія въ нашемъ отечествѣ такъ излишнею регламентаціей этого дѣла. Смѣло можно утверждать, что за послѣдніе годы одной лишь печатью (было заявлено до тысячи случаевъ) появления на свѣтъ Божій школы, библиотеки, народной читальни, народныхъ чтеній, книжнаго склада по причинамъ административныхъ затрудненій, отказовъ, молчаній. Вотъ, къ примѣру, одно изъ типическихъ случаевъ общеній этого рода. Ровно годъ тому назадъ, — пишутъ въ *Волжскій Вѣстникъ* изъ с. Новодѣвичье, Сенгилеев. у., Симбирской губ., — наше общество рѣшило учредить у себя бесплатную народную библиотеку-читальню. Для библиотеки предназначено было хорошее помѣщеніе въ обширномъ землевладельческомъ правленіи; намѣчено было отвѣтственное лицо. На первое обзаведеніе библиотеки ассигновано 500 руб. Такая значительная сумма объясняется тѣмъ, что с. Новодѣвичье является одною изъ самыхъ крупныхъ на Волгѣ пристаней по хлѣбнымъ заготовкамъ. Зимой идетъ дѣятельная скупка зерна и переработка его въ муку на мѣстныхъ же вѣтряныхъ мельницахъ; кромѣ того, всю весну и лѣто закупаются яйца для заграничнаго экспорта. Словомъ, черезъ руки мѣстнаго крестьянина проходитъ много денегъ, и населеніе пользуется значительнымъ достаткомъ. Богатое село надумало устроить библиотеку, пожертвовало на нее 500 руб. и общаго постепенно расширять дѣло. Приговоръ общества съ надлежащимъ ходатайствомъ представленъ былъ въ январѣ 1895 г. ближайшему начальству, т.-е. «земскому». Но до сихъ поръ разрѣшенія еще не получено.

Между тѣмъ спросъ народа на библиотеки, на читальни, на публичные чтенія — огромный. Всюду, гдѣ открываются эти учрежденія, они переполнены. Въ послѣдней почтѣ мы имѣемъ отчетъ о дѣятельности коммиссіи народныхъ чтеній въ Екатеринбургѣ, дѣйствующей уже тринадцать лѣтъ. За это время было устроено 350 чтеній, на которыхъ перебивало до 90,000 слушателей. Среднимъ числомъ на каждое чтеніе приходится 257 человекъ. Но и эта значительная цифра слушателей далеко не выражаетъ собой всей потребности населенія въ чтеніяхъ. Устраивались ли они въ залѣ бесплатной школы, или въ помѣщеніи городского училища, или на Острожной площади, гдѣ собиралось 6—8 тысячъ народу, слушатели вслѣдъ переполняли аудиторію. Даже устраиваемыя въ послѣднее время по воскресеньямъ въ трехъ различныхъ мѣстахъ (одновременно въ городскомъ и желѣзнодорожномъ училищахъ и на Брянскомъ заводѣ) чтенія привлекаютъ такую массу народа, что многимъ желающимъ послушать чтеніе приходится отказываться за недостаткомъ мѣста. Это особенно часто бываетъ на Брянскомъ заводѣ, около котораго ютится масса рабочаго люда. Среднимъ числомъ здѣсь приходится 274 слушателя на одно чтеніе. Въ теченіе 13 лѣтъ фондъ, предназначенный для удовлетворенія насущной потребности въ на-

ныхъ чтеніяхъ, поддерживался почти исключительно частною благотворительностью. Несмотря поэтому на всѣ усилія комиссіи, ей не удалось смѣхъ поръ сдѣлать чтенія бесплатными; въ городскомъ училищѣ, гдѣ чтенія устраиваются съ туманными картинами, вѣзается плата въ размѣрѣ коп. Всѣ попытки комиссіи нѣсколько расширить свою дѣятельность кончались неудачей. Въ 1884 году комиссія открываетъ цѣлый рядъ литературныхъ чтеній для публики, стоящей по своему развитію выше городской массы. Это съ одной стороны расширяло дѣятельность комиссіи и давало болѣе прочный источникъ для пополненія фонда. Но послѣ шести мѣсяцевъ они прекращаются за неутвержденіемъ программъ. Въ 1894 г. они опять возобновились, но въ томъ же году прекратились. Въ 1887 г. комиссія начинаетъ устраивать чтенія на площадяхъ. Четыре устроенныхъ чтенія привлекли свыше 24,000 слушателей. Но скорѣ мѣстная администрація почему-то запретила эти чтенія. Тѣмъ болѣе почтенна энергія нелюбимой горсти интеллигентныхъ людей, не опустившихъ рукъ въ борьбѣ съ неблагоприятными внѣшними условіями и не бросившихъ начатаго дѣла.

Нарѣдка случается, что въ самихъ *Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* откровенно рисуется неприглядное состояніе церковно-приходской школы. Вотъ что пишетъ, напримѣръ, въ *Самарскихъ Епарх. Вѣд.* г. Серебряковъ, одинъ изъ экзаменаторовъ по церковно-приходскимъ школамъ Бугуруславскаго уѣзда: «Всякая школа, въ томъ числѣ и церковно-приходская, прежде всего нуждается въ учебномъ помѣщеніи, отопленіи, классной мебели и учебныхъ пособіяхъ. Вотъ этого-то въ церковно-приходскихъ школахъ нѣтъ. Онѣ или помѣщены при церковныхъ сторожкахъ, или въ убогихъ наемныхъ квартирахъ. Во всѣхъ школахъ дырявые полуогнившіе полы, плохо вставленные окна, заплѣсневѣлыя и сырыя стѣны,—вотъ характеръ помѣщеній въ обозрѣваемыхъ мною школахъ. Недостатокъ классной мебели, постоянная нужда въ учебныхъ пособіяхъ—вотъ отличительныя черты тѣхъ же школъ». Далѣе, говоря о личномъ составѣ учителей въ церковно-приходскихъ школахъ, г. Серебряковъ замѣчаетъ, что «для привлеченія въ школы опытныхъ учителей необходимо хотя бы сносное вознагражденіе; между тѣмъ, въ церковно-приходскихъ школахъ вознагражденіе это нищенское, а то и совсѣмъ нѣтъ никакого. Поэтому въ обозрѣваемыхъ школахъ преподаваніе ведется діаконами, а въ большинствѣ случаевъ псаломщиками,—людьми, къ педагогической дѣятельности совершенно не подготовленными, а призывы этихъ лицъ для исполненія приходскихъ гробъ весьма часто отвлекаютъ ихъ отъ школьнаго дѣла».

Не лишнее также будетъ привести слѣдующую небольшую корреспонденцію въ *Нижегородскій Листокъ* изъ с. Дѣдково, Горбатовскаго уѣзда: «Въ нашей церковно-приходской школѣ—единственной школѣ села—учебныя занятія въ посту идутъ «по мѣрѣ возможности». Недавно дѣти были распущены въ 11 часовъ утра. Ихъ спросили, почему это? «Да батюшка уѣхалъ на базаръ, такъ насъ и отпустилъ пораньше». На первой недѣлѣ поста ученья вовсе не было, по случаю большого числа говѣвшихъ, от-

нимавшихъ время у священника. По пятницамъ не бываетъ ученя потому, что занятіямъ мѣшаютъ исповѣдники, а по субботамъ причастники, и ученя также не происходитъ. Явленія эти весьма обычные и не въ одной нашей школѣ, и, притомъ, вполне естественныя».

Стѣсненность, несамостоятельность дѣла народнаго образованія у насъ выражается также въ крайне шаткомъ, крайне зависимомъ положеніи учителей народныхъ школъ. Такое положеніе народныхъ учителей не могло пройти не отмѣченнымъ на съѣздѣ въ Москвѣ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію. Докладчикъ по этому предмету, В. А. Гольцевъ, справедливо указывалъ, что для того, чтобы учителя безпрепятственно исполняли высокія обязанности, къ которымъ они призваны, они должны имѣть, кромѣ достаточнаго матеріальнаго обезпеченія, и прочное служебное положеніе. Вотъ почему вопросы объ отставкѣ и о перемѣщеніи учителей имѣютъ большую важность. Необходимо въ этомъ дѣлѣ дать учителямъ твердыя гарантіи и тѣмъ поставить ихъ въ независимое положеніе. Ни продолжительность службы, ни любовь населенія не спасаютъ у насъ учителя отъ того, чтобы по самому пустому поводу, часто просто по капризу начальствующаго, онъ не былъ перемѣщенъ, а то и совсѣмъ уволенъ. Этимъ словамъ г. Гольцева дѣйствительность представляетъ много иллюстрацій. Вотъ, наприимѣръ, сообщеніе изъ с. Мытъ (Владим. губ.), прочтенное нами въ *Самарскомъ Вѣстникѣ*. Въ началѣ нынѣшняго года не только жители нашего села, но и всей волости, провожали на новое мѣсто служенія одного изъ учителей мытскаго 2-хъ класснаго училища Егора Ивановича Побѣдинскаго. Причина перевода послѣ 24-лѣтней службы этого скромнаго общественнаго дѣятеля изъ нашей министерской школы, самое возникновеніе которой связывается съ его именемъ, неизвѣстно, но гласъ народа, гласъ Божій, называется и, кажется, не безъ основанія, главнымъ виновникомъ всего этого товарища Побѣдинскаго по школѣ, М. Н. Романова, желавшаго заступитъ его мѣсто. Несмотря на пассивность населенія ко всему, что выходитъ изъ круга его будничныхъ личныхъ дѣлъ, удаленіе г. Побѣдинскаго изъ села Мытъ, въ которомъ онъ прослужилъ 24 года, не прошло незамѣченнымъ и вызвало со стороны жителей всей волости вполне понятное сожалѣніе, нашедшее себѣ выраженіе въ сочувственномъ адресѣ, поднесенномъ Е. И. Побѣдинскому представителями волости при его отъѣздѣ. Вотъ этотъ адресъ въ буквальной его передачѣ. «Глубокоуважаемый Егоръ Ивановичъ! Печальная вѣсть о переходѣ вашемъ въ учителя села Озябликова побуждаетъ насъ высказать глубокое о васъ сожалѣніе, такъ какъ вы, состоя у насъ въ Мыту на весьма трудномъ поприщѣ учителя въ теченіе 24-хъ лѣтъ, кроткимъ своимъ поведеніемъ и прекрасными душевными качествами заслужили нашу общую любовь и глубокое къ себѣ уваженіе, не говоря уже о нашихъ дѣтяхъ, ученикахъ вашихъ, изъ которой каждый любилъ и любитъ васъ всею силой своей дѣтской души. Эта любовь увеличила настолько число учениковъ, что существовавшее до вашего поступленія къ намъ въ Мытъ училище вмѣститъ всѣхъ же-

лающих учиться не могло, почему его пришлось увеличить, а потом под влиянием и при содействии вашем мы не пожалели своих трудовых копеек, пожертвовали до 4,000 рублей и в 1875 году исходатайствовали открытие 2-х класснаго училища, которое за время вашего завѣдыванія дало такое количество кончивших курсъ, что можете гордиться этимъ передъ другими училищами. Все это побуждаетъ насъ, представителей волости, родителей, а частью и бывшихъ учениковъ вашихъ, случайно собравшихся по случаю волостного схода, выразить вамъ, глубокоуважаемый Егоръ Ивановичъ, какъ доброму учителю, глубокую нашу благодарность и сердечную признательность за всѣ ваши 24-лѣтніе труды, понесенные въ званіи учителя, за ваше доброе, отеческое обращеніе съ учениками и примѣрное, прекрасное отношеніе съ нами; дай Богъ здоровья и силъ вамъ на благо и пользу юности въ новомъ мѣстѣ служенія. При этомъ смѣемъ увѣрить васъ, Егоръ Ивановичъ, что тѣ же пожеланія высказало бы все населеніе, еслибъ было возможно собраться одновременно, и повѣрите, что вы всегда были и будете нашимъ желаннымъ учителемъ. На память о насъ и наградой пусть будетъ подносимая вамъ святая икона Божіей Матери Казанской, имя которой носятъ св. Мытскій храмъ. Да будетъ она покровительницей вамъ на тернистомъ пути какъ челоуѣка вообще и народнаго учителя въ частности. Не находя возможнымъ всѣмъ намъ, подписавшимся, выразить свои чувства и поднести святую икону, мы уполномочили для этого нашего достоуважаемаго законоучителя мытскаго 2-хъ класснаго училища священника Василія Доброхотова, волостного старшину П. Н. Гоголева и крестьянъ И. П. Суслова, А. П. Суслова, В. В. Горожанина, М. А. Болотилова и И. И. Лаптева».

Дальше слѣдуютъ подписи волостного старшины, волостныхъ судей и старостъ 9-ти сельскихъ обществъ.

Само по себѣ перемѣщеніе или даже совершенное удаленіе народнаго учителя отъ занимаемой имъ должности,—говоритъ газета,—представляетъ обиденное явленіе, къ которому мы невольно какъ-то привыкли, но данный случай таковъ, что невольно обращаетъ на себя вниманіе. Перемѣненъ учитель наканунѣ своего 25-лѣтняго юбилея,—учитель, пользовавшійся общимъ уваженіемъ и рѣдкою любовью со стороны населенія,—учитель, которому въ теченіе долгаго служенія сама училищная администрація неоднократно выказывала знаки вниманія и ободренія. И перемѣненъ такой учитель только потому, что такъ кому-то захотѣлось.

Однородный же случай, имѣвшій мѣсто въ Евпаторійскомъ уѣздѣ, Таврической губерніи, сообщаетъ *Крымскій Вѣстникъ*. Въ мѣстномъ совѣтѣ разсматривалась жалоба г-жи Панфиловой, бывшей учительницей тешиской народной школы, принадлежащей землевладѣльцу Т—ву. Обстоятельства дѣла газета передаетъ въ такомъ видѣ. Въ сентябрѣ 1894 г. г-жа Панфилова была назначена учительницею въ тешискую школу, устроенную на частныя средства г. Т—ва, но г. Т—въ, являясь ревнителемъ просвѣщенія, слишкомъ широко понималъ свое право «хозяина» и... положеніе учи-

тельницы сдѣлалось крайне тяжелымъ. «Моя школа,—говорилъ г. Т—въ,—и учительница должна мнѣ подчиняться, иначе я могу ее смѣнить». Затѣмъ, г. Т—въ пишетъ просьбу инспектору училищъ объ увольненіи г-жи Панфиловой, а г. инспекторъ, не провѣривъ обстоятельствъ дѣла, въ сентябрѣ 1895 г. присылаетъ г-жѣ Панфиловой извѣщеніе, въ которомъ сказано, что она «увольняется по неспособности къ занятіямъ».

Въ такомъ фактѣ,—замѣчаютъ по этому поводу *Русскія Видомости*,—поражаетъ не только возмутительный поступокъ г. Т—ва, но также, если не болѣе, и дѣйствія инспектора народныхъ училищъ, который съ такимъ легкимъ сердцемъ выбрасываетъ за бортъ учительницу, не только ни въ чемъ неповинную, но глубоко и незаслуженно оскорбленную. Спрашивается, какія основанія были у инспектора, чтобы не только уволить отъ должности г-жу Панфилову, но и аттестовать ее какъ «неспособную къ занятіямъ»?.. Газета передаетъ, что губернский училищный совѣтъ, куда съ жалобой обратилась г-жа Панфилова, «внимательно отнесся къ судьбѣ оскорбленной труженицы и возстановилъ ее во всѣхъ правахъ «правоспособности», а г. Т—ву предложено отнюдь не виѣшиваться въ учебную часть школы». Виѣсть съ тѣмъ, совѣтъ сдѣлалъ постановленіе, чтобы на будущее время въ тешискую школу былъ назначенъ учитель, а не учительница. Къ сожалѣнію, газета ничего не сообщаетъ о томъ, какъ посмотрѣлъ губернский училищный совѣтъ на дѣйствіе инспектора народныхъ училищъ, который въ данномъ случаѣ не исполнилъ прямого предписанія закона, по которому увольненію отъ должности должно предшествовать производство дознанія на мѣстѣ.

Когда представишь себѣ ту обстановку, въ какую поставлено у насъ дѣло начальной школы и прочихъ учреждений для просвѣщенія народа, то изумишься даже предъ тѣмъ немногимъ, что сдѣлано въ этой области. Чтобы достигъ даже того чрезвычайно скуднаго состоянія дѣла народнаго просвѣщенія, въ какомъ оно пребываетъ въ настоящее время, требовалась большая настойчивость со стороны земства, частныхъ обществъ и отдельныхъ лицъ, посвятившихъ себя просвѣщенію народа. Можно рѣшительно утверждать, что начальная школа у насъ есть почти исключительно созданіе земства.

Гораздо менѣе сдѣлано для народнаго просвѣщенія городскими управленіями. Число народныхъ школъ въ деревняхъ значительно превосходить число ихъ въ городахъ не только абсолютно, но и относительно численности населенія и дѣтей школьнаго возраста. Если взять во вниманіе только школы, содержимыя на счетъ города, то окажется не мало городовъ, въ которыхъ учащіяся составляютъ одну шестую, а иногда и одну десятую часть общаго числа дѣтей. Главными причинами жалкаго, а въ лучшихъ случаяхъ лишь посредственнаго городского хозяйства являются недостатки выборной системы Городового Управленія, отдающей кормило общественной власти въ невѣжественныя и эгоистичныя руки. Система эта, какъ извѣстно, предоставляетъ участіе въ городскомъ самоуправленіи исключи-

тельно владѣльцамъ городской недвижности и устраняетъ все образованное населеніе города, разъ оно не имѣетъ здѣсь недвижности.

Явая дѣятельность большого числа нашихъ городовъ въ дѣлѣ просвѣщенія народа есть только одно изъ проявленій безучастнаго вообще отношенія городскихъ думъ и управъ къ судьбѣ бѣднѣйшей части городского населенія. Это безучастіе весьма ярко скрывается въ ужасныхъ, поистинѣ, жилищныхъ условіяхъ городской бѣдноты. Не мало приводили мы образчиковъ подобныхъ жилищъ. Провинциальная пресса неустанно останавливается на этомъ предметѣ въ надеждѣ подѣйствовать на совѣсть городскихъ управленій. Вотъ, на примѣръ, изображеніе ночлежныхъ домовъ въ Орлѣ, помѣщенное въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ *Орловскаго Вѣстника*. Запахъ, царившій въ этихъ логовищахъ, захватывалъ дыханіе осматривавшихъ ночлежные дома. Въ такой атмосферѣ свѣча горѣла едва замѣтнымъ пламенемъ. Въ комнаткѣ, имѣвшей какихъ-нибудь 15 кубическихъ сажоней, помѣщается среднимъ числомъ 50 человекъ, такъ что на каждого приходится ночью менѣе $\frac{1}{2}$ куб. сажени воздуха, слѣдовательно количество воздуха, приходящагося на каждого ночлежника, относится къ минимуму необходимаго для здороваго дыханія какъ 1 къ 5. Къ этому нужно еще прибавить страшную грязь, отсутствіе вентиляціи, ужасное количество насѣкомыхъ, и вы получите полную картину условій, въ какихъ живетъ населеніе ночлежныхъ домовъ. При наступленіи весны, всѣ эти логовища начинаютъ замѣтно пустѣть. Люди предпочитаютъ имъ открытое небо. Все лѣто и до глубокой осени значительная часть населенія ночлежныхъ домовъ проживаетъ въ пустыхъ, неотстроенныхъ и полуразрушенныхъ хатахъ, на кладбищахъ, въ городскомъ саду, подъ мостами, наѣсами мясныхъ рядовъ и на базарныхъ столахъ. Но наступаетъ зима, и логовища ночлежныхъ домовъ снова переполняются.

Описавъ ночлежные дома, *Орловскій Вѣстникъ*, взываетъ къ городской администраціи. Неужели городѣ, — говоритъ газета, — не можетъ занять устройство менѣе ужасныхъ ночлежныхъ домовъ, въ которыхъ бы не задыхался несчастный, лишенный крова, голодный людъ. Тутъ уже не нужно особенной христіанской любви, такъ какъ простой экономической расчетъ прямо указываетъ на необходимость обратить серьезное вниманіе на указываемое зло и приняться за постройку порядочныхъ помѣщеній для ночлежниковъ. Начиная съ того, что подобныя норы составляютъ, обыкновенно, гнѣзда всякихъ болѣзней, въ нихъ таятся часто искра угасшей на время эпидеміи, которая разносится потомъ по всему городу, поражая обывателей, какъ бы въ наказаніе за то, что они не заботились объ участи своихъ несчастныхъ согражданъ. Доходность такихъ домовъ такъ велика, что будущимъ предпринимателямъ нечего опасаться убытковъ. Такъ, наприм., за комнату въ какихъ-нибудь 15 куб. саж. съемщики платятъ по 20 руб. въ мѣсяцъ, а сами выручаютъ около пятидесяти. Чтобы искоренить это ужасное зло, можно, наконецъ, вызвать и поощрить на то

частныхъ предпринимателей, обязавъ ихъ содержать ночлежные дома въ чистотѣ и надлежащемъ порядкѣ.

Мы сказали, что земское самоуправленіе, взятое въ цѣломъ, функционируетъ много успѣшнѣе городского. То же самое надо сказать при сравненіи земскихъ и не-земскихъ губерній. Въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, въ организациіи медицинской помощи населенію, въ распространеніи сельскохозяйственныхъ знаній, въ организациіи общественнаго призрѣнія, въ выясненіи передъ правительствомъ основныхъ нуждъ мѣстнаго населенія—во всемъ этомъ земскія губерніи оставили далеко позади себя губерніи неземскія, гдѣ названныя сферы общественной жизни орудуется при посредствѣ однихъ лишь чиновниковъ. И каждый разъ, когда въ земскихъ губерніяхъ нарушался принципъ самоуправления тѣмъ, что члены земской управы не выбирались, а назначались, происходило немедленно ухудшеніе въ ходѣ общественныхъ дѣлъ. За послѣднее время такое ограниченіе земскаго самоуправления примѣнено къ Тверской губерніи, гдѣ члены губернской земской управы не выбраны, а назначены. Дѣятельность новой управы не только ничѣмъ не напоминаетъ энергичной работы прежней управы, но, кромѣ того, полна еще неурядиць. Послѣдняя сессія тверскаго губернскаго земскаго собранія сильно затянулась, работа собранія подвигалась медленно и причиной этому было крайне небрежное отношеніе назначенной изъ земскихъ начальниковъ управы къ общественнымъ дѣламъ. До настоящаго времени,—пишетъ корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей*,—всѣ бывшія тверскія управы представляли собранію доклады съ тщательно подобраннымъ матеріаломъ и обстоятельно мотивированные. Настоящая же управа не представила ни одного доклада, который свидѣтельствовалъ бы о знакомствѣ ея съ предметомъ. До какой степени управа довела свою невнимательность къ интересамъ земства, можетъ служить хорошимъ образцомъ ея докладъ по содержанію почтовыхъ станцій. Получая отъ почтоваго вѣдомства приплату за почтовыхъ лошадей и перевозку почты, земство имѣло ежегодно доходъ отъ содержанія почтовыхъ станцій около 20 тыс. руб. Въ нынѣшнемъ году, за окончаніемъ срока контракта, почтовое вѣдомство предложило земству крайне невыгодныя условія, которыя сама управа въ своемъ докладѣ признала необходимымъ отвергнуть, но не подумала, что, прежде чѣмъ лишитъ земство двадцатитысячнаго годового дохода, слѣдуетъ принять всѣ мѣры, указываемыя существомъ дѣла. Земская коммиссія, разсматривавшая этотъ вопросъ, немедленно же замѣтила управѣ, что она вела переговоры не съ главнымъ почтовымъ управленіемъ, а съ мѣстнымъ, взгляды котораго могутъ иногда расходиться съ интересами не только земства, но и казны. И дѣйствительно, достаточно было снестись непосредственно съ центральнымъ управленіемъ почтоваго вѣдомства, чтобъ условія были замѣнены гораздо болѣе выгодными для земства. Такимъ образомъ, невнимательность управы могла стоить тверскому земству, только по одной приведенной въ примѣръ отрасли хозяйства, 20 тыс. руб. въ годъ. Далѣе, сплошь и рядомъ редакціонная коммиссія, на предвари-

тельное заключение которой поступают болѣе важные вопросы, подлежащіе рѣшенію собранія, не могла получить отъ управы никакихъ разъясненій и вынуждена была обращаться къ помощи управскихъ служащихъ. Если иногда управа и выходила изъ своего пассивнаго состоянія, то результатъ получался совсѣмъ неожиданный: члены редакціонной комиссіи при обсужденіи одного вопроса заявили собранію, что въ теченіе двухъ дней управа дала комиссіи три раза совершенно неточныя свѣдѣнія, такъ что основывать рѣшеніе собранія на показаніяхъ управы весьма рискованно. Благодаря всему этому, ни одинъ сколько-нибудь значительный докладъ управы не былъ принятъ собраніемъ. Однако, такое обстоятельство нисколько не смущало управу, такъ какъ, будучи назначенной администраціей, она чувствовала свою полную безответственность передъ собраніемъ. Тѣмъ не менѣе трудно допустить, чтобы единственною своею задачею она считала занятіе пустого мѣста и полученіе 20 числа присвоеннаго оклада. О программѣ управы можно судить не по ея докладамъ, къ которымъ она проявила совершенное равнодушіе, а по результатамъ ея дѣятельности, хотя непродолжительной, но внесшей полную дезорганизацию во всѣ части земскаго хозяйства. Повидимому, программа управы состоятъ въ перемѣнѣ личнаго состава земскихъ служащихъ и въ измѣненіи духа тѣхъ учреждений, которыя тверское земство создавало много лѣтъ и надъ которыми потрудились не мало людей, посвятившихъ имъ всѣ свои силы. Эта программа новою управой выполнена если еще не вполне, то въ очень большой мѣрѣ. Между прочимъ этою управой произведены были, какъ извѣстно уже нашимъ читателямъ, перемѣны въ бурашевской колоніи душевнобольныхъ. По бурашевскому дѣлу редакціонная комиссія высказала слѣдующее: «Наряду съ другими перемѣнами слѣдуетъ отмѣтить, какъ одну изъ наиболѣе нежелательныхъ и вредныхъ, стремленіе назначенныхъ управой бурашевскихъ врачей обставить свои дѣйствія тайной, что видно, наприм., изъ недопущенія послѣ случая съ Тарасовымъ фельдшеромъ присутствовать при вскрытіяхъ. Не говоря уже о томъ, что такая таинственность всегда пораждастъ всякіе невѣрные толки, но она вноситъ въ земское дѣло принципъ, противоположный той широкой гласности, которая составляетъ нравственную силу и жизненность земскихъ учреждений. Наконецъ, эта, таинственность создаетъ между земствомъ и его учреждениями стѣну, за которой могутъ скрываться всякія злоупотребленія». Послѣ всѣхъ инцидентовъ, имѣвшихъ мѣсто въ бурашевской лѣчебницѣ, и шума, возбужденнаго ими въ печати и обществѣ, естественно, что докладъ о Бурашевѣ привлекалъ особенное вниманіе и интересъ не однихъ гласныхъ. Въ день обсужденія бурашевскаго дѣла, какъ сообщаетъ корреспондентъ, обширная зала собранія была переполнена публикой. Докладъ земской комиссіи констатировалъ: 1) что управа желала удалить директора колоніи доктора М. П. Литвинова и *вынудила* его подать въ отставку, причѣмъ комиссія выразила сожалѣніе, что управа, сдѣлавъ это, не хочетъ взять на свою ответственность своего поступка и продолжаетъ обвинять доктора

Литвинова; 2) что отставка врачей-ординаторовъ была логическимъ послѣдствіемъ поведенія управы, на которую всецѣло падаетъ вина за то, что колонія осталась безъ врачей; 3) что составъ новыхъ врачей въ Бурашевѣ неудовлетворителенъ, такъ какъ случай съ крестьяниномъ Тарасовымъ, умершимъ послѣ 7—10-дневной болѣзни съ явными признаками насильственныхъ поврежденій, о существованіи которыхъ не вѣдали ни врачъ, завѣдующій отдѣленіемъ, ни старшій врачъ,—свидѣтельствуетъ о крайней невнимательности и небрежности врачей; 4) что въ систему ухода за больными введены наказанія, которыя должны быть немедленно отиѣнены; 5) что прежнее мягкое отношеніе къ больнымъ замѣнено режимомъ крайне суровымъ и незаботливымъ; 6) что, вопреки довлѣду управы, стоимость содержанія больного въ Бурашевѣ не уменьшена, такъ какъ смѣта управы составлена съ явными ошибками какъ въ счетѣ числа больныхъ, такъ и въ удовлетвореніи самыхъ необходимыхъ потребностей колоніи. Въ заключеніе коммиссія предложила собранію выразить бывшему директору колоніи доктору М. П. Литвинову глубочайшее сожалѣніе по случаю его отставки и благодарность за его тринадцатилѣтнюю въ высшей степени полезную, просвѣщенную дѣятельность на пользу земства и населенія Тверской губерніи. Собраніе приняло это предложеніе коммиссіи и тѣмъ самымъ осудило дѣйствія управы.

Минуло болѣе года со времени введенія казенной продажи вина въ четырехъ восточныхъ губерніяхъ, прошелъ, слѣдовательно, періодъ времени, въ теченіе котораго должны бы съ достаточной ясностью опредѣлиться наиболѣе видныя стороны новаго порядка вещей,—и однако до сихъ поръ въ печати не было сдѣлано ни одной крупной попытки подвести итоги винной монополіи и сказать о ея результатахъ рѣшительное слово. Провинціальная печать въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ введена винная монополія, не сдѣлала этого, по мнѣнію *Нижегородскаго Листка*, въ силу того, что она, на основаніи получаемыхъ ею свѣдѣній, не видитъ никакого существеннаго улучшенія въ дѣлѣ торговли виномъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не можетъ разсчитывать, что ея обобщенныя сужденія пройдутъ свободно чрезъ ограду мѣстныхъ условій. Отсюда и толстые журналы, и ежедневная столничная печать, имѣютъ слишкомъ мало данныхъ, для рѣшительнаго сужденія о результатахъ винной монополіи, о томъ, насколько удачно осуществлена дѣль монополіи—уменьшеніе пьянства. Въ прошломъ году въ *Нижегородскомъ Листкѣ* была напечатана статья о казенной продажѣ вина, въ которой авторъ приходилъ къ далеко неутѣшительнымъ выводамъ и доказывалъ, что пьянство съ введеніемъ монополіи нисколько не уменьшилось. Последнія свѣдѣнія поволжской печати, по словамъ той же газеты, только подтвердили это печальное заключеніе, и потому едва ли не будетъ правильнымъ тотъ выводъ, что доброе пожеланіе уменьшить пьянство въ народѣ осталось и остается до сихъ поръ однимъ добрымъ, но бесплоднымъ пожеланіемъ.

Одну изъ главныхъ причинъ неудачи винной монополіи въ дѣлѣ уменьшенія пьянства въ народѣ *Нижегородскій Листокъ* справедливо усматриваетъ въ неудовлетворительной организаціи, а потому и въ вялой, часто фестоликовой дѣятельности попечительства о народной трезвости. При введеніи монополіи предполагалось, что эти учрежденія будутъ живыми, общественными органами, благодаря которымъ интеллигентныя силы провинціи будутъ имѣть возможность приложить свои знанія и опытъ къ хорошему дѣлу уменьшенія пьянства въ народѣ. На дѣлѣ вышло иначе. Составъ попечительства замкнулся съ первыхъ же моментовъ въ тѣсно-бюрократическія рамки, и вся ихъ дѣятельность въ большинствѣ случаевъ проникнута чисто-формальнымъ отношеніемъ къ своимъ задачамъ. Последнее обстоятельство всецѣло объясняется отсутствіемъ въ составѣ попечительства общественного элемента, который всегда приноситъ съ собою струю чистаго воздуха и запасъ энергіи, чуждой бумажныхъ приемовъ. Никакое общественное зло, — заключаетъ газета, — не можетъ быть побѣждено бумагой: это — старая, давно признанная истина; въ борьбѣ съ невѣжествомъ, съ пьянствомъ, съ бѣдностью, съ преступностью главныя позиціи должны принадлежать общественнымъ силамъ; если послѣднія отсутствуютъ, — поле битвы остается за зломъ. Попечительства о трезвости еще разъ подтвердили эту аксіому, и до тѣхъ поръ, пока они не измѣнятъ своей теперешней жертвой формы, винная монополія будетъ дѣлать успѣхи въ увеличеніи доходовъ, въ увеличеніи потребленія вина, — словомъ, во всемъ, но только не въ уменьшеніи пьянства. Многія попечительства открывали въ теченіе прошлаго года чайныя, но эта дѣятельность, при формальномъ отношеніи попечительства къ своимъ задачамъ, не даетъ никакихъ ощутительныхъ результатовъ; въ Уфимской же губерніи большая часть чайныхъ была даже закрыта, такъ какъ завѣдывавшіе ими земскіе начальники не могли удѣлить имъ достаточно времени, а уѣздныя попечительства не располагали средствами, которыя позволили бы имъ обойтись безъ услугъ этихъ лицъ. Въ Ставрополѣ (Самарской губ.) интеллигенція не дождалась поддержки со стороны попечительства о трезвости и принуждена была собственными силами организовать спектакль для народа. Самарскій губернский комитетъ наложилъ свое veto на рѣшеніе самарскаго уѣзднаго попечительства устраивать библіотеки и читальни для народа. Фактовъ подобнаго рода очень много, и они есть результатъ устраненія изъ попечительства живого общественного элемента.

Съ широкими обѣщаніями явился недавно на свѣтъ и другой законъ — и также не видно выполненія имъ своей задачи. Мы говоримъ здѣсь объ утвержденномъ 1 іюня 1895 года Положеніи объ учрежденіяхъ мелкаго кредита при помощи государственнаго банка. Законъ этотъ имѣетъ въ виду нововозникшій страшно-разорительный для народа пробѣлъ въ нашей экономической жизни, заключающійся въ отсутствіи организаціи мелкаго кредита; въ виду этого упомянутый законъ возложилъ на государственный банкъ обязанность организовать выдачу ссудъ сельскимъ обществамъ, товарище-

ствамъ, ремесленникамъ, кустарямъ и мелкимъ торговцамъ. Задача на банкъ возложена обширная и трудная, а пути для осуществленія ея указаны самыя неподходящія. У банка есть деньги для выдачи ссудъ, но одного этого еще недостаточно. Надо организовать дѣло мелкаго кредита такъ, чтобы деньги эти попали въ руки той части населенія, для которой кредитъ всего болѣе необходимъ. Кто же является, по упомянутому закону, организаторомъ кредита, посредникомъ между банкомъ и населеніемъ, просящимъ кредита? Посредниками являются набранные банкомъ изъ мѣстныхъ жителей агенты. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы опереться въ своей новой и трудной дѣятельности на мѣстныя учрежденія, вѣдающія интересы сельскаго населенія и мелкихъ производителей, вмѣсто того, чтобы опереться на земство, банку пришлось создать собственную агентуру. Когда еще законъ этотъ былъ въ проектѣ, мы говорили *)), что кредитъ агентовъ банка не будетъ доступенъ огромной массѣ потому, что агентура учреждается въ городахъ, мѣстечкахъ и такихъ селеніяхъ, которыя отличаются или торговымъ значеніемъ, или значительною величиною производства. Этимъ самымъ устанавливается ограниченность распространенія агентовъ. Очевидно, въ района агентуры останется огромная масса сельскаго люда. Далѣе мы говорили, что по самому характеру агентуры ссуды въ большинствѣ случаевъ будутъ получаться не населеніемъ всего болѣе нуждающимся въ кредитѣ, а состоятельному и оборотливому частую крестьянства, которая уже и теперь является въ роли эксплуататоровъ бѣдности. Наши предвидѣнія оправдались, къ сожалѣнію, въ обоихъ этихъ отношеніяхъ. Провинціальная печать констатируетъ, что хотя новый уставъ государственнаго банка ставитъ основнымъ принципомъ доступность кредита не только крупнымъ торговцамъ и промышленникамъ, но и сельскому населенію, ремесленникамъ, кустарямъ, однако по сіе время статьи Устава государственнаго банка, трагующія о мелкомъ кредитѣ, получили слишкомъ ничтожное примѣненіе. Большинство крестьянскихъ обществъ, обращающихся въ отдѣленія государственнаго банка съ просьбой о ссудѣ, получаютъ отказъ. Ссуды чаще выдаются отдѣльнымъ лицамъ. Но и здѣсь получаютъ ихъ большею частью тѣ лица, которыя поднялись надъ общимъ экономическимъ уровнемъ народа и ведутъ свое хозяйство уже при помощи наемныхъ рабочихъ. Сообщаются факты, какъ получившіе ссуду раздадутъ ее подъ лѣтнія работы бѣднотѣ, съ которой получаютъ не 5%, платимыхъ конторѣ банка, а много больше. Другіе употребляютъ полученную ссуду на аренду у обѣдѣвшихъ крестьянъ пахатной земли, покосовъ и проч. Далѣе сообщается, что волостныя правленія свидѣтельствуютъ обязательства передъ банкомъ только тѣхъ крестьянъ, матеріальная обстановка которыхъ или богатая, или вполне достаточная; обязательства же дѣйствительной нужды, въ которую впади просители вслѣдствіе разныхъ случайностей и выйти изъ которой имъ могла бы помочь правительственная ссуды, такія обязательства волостныя прав-

*) „Очерки провинц. жизни“. *Русская Мысль* 1895 г., кн. II.

женія «*во вниманіе свое не берутъ*». Мы, живущіе въ деревнѣ, — пишутъ одинъ изъ корреспондентовъ *Екатеринбургской Недѣли*, — и поставленные въ довольно близкія отношенія къ экономической сторонѣ крестьянъ, не можемъ не высказать, что лучше пусть будетъ выдано меньше по количеству ссудъ, но пусть эти, на первый разъ немногія, ссуды попадутъ въ руки дѣйствительной нужды, а не въ среду крестьянъ съ «оборотливымъ» характеромъ, которымъ эти ссуды могутъ, пожалуй, помочь изъ просто оборотливыхъ мужиковъ превратиться въ мужиковъ Разуваевыхъ и Колупаевыхъ. Во избѣжаніе такого рода фактовъ, которые служили бы нарушеніемъ принципа кредита, намъ кажется цѣлесообразнымъ, чтобы конторамъ государственнаго банка было разрѣшено устроить волостные комитеты изъ мѣстныхъ интеллигентныхъ силъ при участіи мѣстныхъ властей. Эти комитеты «на мѣстѣ» провѣряли бы нужду и платежную правоспособность просителей и свое заключеніе давали бы банку. При подобной постановкѣ дѣла еслибы и были ошибки, которыхъ вообще въ каждомъ новомъ дѣлѣ избѣжать довольно трудно, то сравнительно ихъ было бы меньше, почему и народъ смотрѣлъ бы на эти ссуды какъ на дѣйствительную помощь, а не какъ на *простую раздачу денегъ*; и принципъ кредита, этотъ въ высшей степени гуманный принципъ, не былъ бы нарушаемъ и благіе результаты его были бы вполне обезпечены.

Но еще болѣе подходящимъ посредникомъ между банкомъ и населеніемъ для распределенія кредита было бы земство. Тридцатилѣтняя практика земства показала уже съ достаточною ясностью, что оно можетъ взять на себя не только посредничество въ дѣлѣ организаціи мелкаго кредита, но и болѣе самостоятельную роль. Солидность же гарантій, представляемыхъ земствомъ въ качествѣ поручителя и агента государственнаго банка, во всякомъ случаѣ возбуждаетъ менѣ сомнѣній, чѣмъ любая личная агентура, и, что самое важное, только привлеченіе земства къ этому дѣлу открываетъ широкую возможность придти на помощь именно той части населенія, которая наиболѣе нуждается въ кредитѣ.

Какъ велика нужда въ кредитѣ нашего сельскаго населенія, это краснорѣчиво свидѣтельствуютъ цифры его задолженности, а также количество бездомныхъ дворовъ. Облѣдованіемъ, произведеннымъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ чрезъ два года послѣ неурожая, установлено, что у насъ имѣются цѣлыя губерніи, гдѣ сельскія общества, не опутанныя недолжками, составляютъ рѣдкое, исключительное явленіе. Въ Казанской губерніи, напримѣръ, такого безнедомочнаго селенія не оказалось ни одного изъ 3 тысячъ с лишкомъ; въ Оренбургской губерніи насчитывается всего 5 такихъ счастливыхъ обществъ изъ 871, въ Пензенской — 8 изъ 2,337, въ Самарской — 22 изъ 2,121, въ Воронежской — 13 изъ 2,099. На пространствахъ многихъ губерній въ недомшцахъ оказывается почти сплошь все крестьянское населеніе: въ Воронежской, Казанской, Оренбургской, Орловской, Рязанской, Самарской, Симбирской, Саратовской, Тамбовской, Тульской и др. губ. процентъ исправныхъ плательщиковъ исчисляется 5—2%.

и даже меньше. Такова задолженность народа одной только лишь казны. Но, рядомъ съ этимъ долгомъ, на народѣ лежатъ еще громадныя долги частнымъ лицамъ, по которымъ въ большинствѣ случаевъ онъ платитъ ростовщическіе проценты. По приблизительнымъ исчислениямъ, сумма частныхъ долговъ крестьянства достигаетъ миллиарда рублей. Чрезмѣрная, непосильная задолженность сельскаго населенія, вмѣстѣ съ другими условіями ея экономической обстановки, повела къ тому, что количество скота въ земледѣльческой промышленности значительно сократилось и число безлошадныхъ дворовъ сильно возросло. Въ громадномъ большинствѣ мѣстностей у насъ непремѣннымъ условіемъ «тщательнаго воздѣлыванія земли» крестьяниномъ должно быть обладаніе, по крайней мѣрѣ, одною лошадию. А между тѣмъ данныя, добытыя военно-конскою переписью 1888 и 1891 гг., удостоверяютъ, что изъ 10¹/₂ миллионѣвъ крестьянскихъ хозяйствъ Европейской Россіи болѣе чѣмъ у 2¹/₂ миллионѣвъ нѣтъ ни одной лошади, т.-е. четвертая часть всѣхъ крестьянскихъ дворовъ не имѣетъ главнѣйшаго элемента для веденія самостоятельнаго земледѣльческаго хозяйства. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (Кіевская, Полтавская, Подольская) число безлошадныхъ дворовъ превышаетъ половину ихъ общаго числа. Но даже если отбросить губерніи малороссійскія и Новороссію, гдѣ въ большинствѣ случаевъ вспашка производится волами, то и тогда число безлошадныхъ крестьянскихъ хозяйствъ остальныхъ мѣстностей Россіи превзойдетъ шестую часть общаго числа домохозяевъ, а въ нѣкоторыхъ изъ этихъ губерній безлошадные дворы составляютъ болѣе четвертой доли всѣхъ хозяйствъ. Въ числу такихъ губерній относятся Нижегородская (34% безлошадныхъ), Ярославская (31%), Московская и Рязанская (по 29%), Владимірская (28%) и Архангельская (25,1%).

Живую картину съ натуры по трактуемому сюжету нашли мы въ *Приазовскомъ Краѣ*. Картина названа «Сезонный вопросъ». Наступленіе весны и начало весеннихъ полевыхъ работъ у нашего крестьянина, — говоритъ газета, — неизмѣнно сопровождаются жгучимъ вопросомъ: гдѣ взять денегъ для своего скромнаго хозяйственнаго оборота? Деньги нужны на все. Нужно купить необходимую въ хозяйствѣ лошаденку, которая проѣдена за зиму или пошла на уплату податей; нужно обзавестись новымъ земледѣльскимъ орудіемъ, вмѣсто изломавшагося въ прошедшемъ году; нужны сѣмена для посѣва; нужно, до зарѣзу нужно, еще очень многое. Нужды такъ и ползутъ изъ всѣхъ дыръ незамысловатаго крестьянскаго хозяйства, нужды самыя насущныя и требующія значительныхъ, по сравненію съ бюджетомъ, денегъ. Между тѣмъ доставаніе этихъ денегъ для крестьянина связано съ тяжелыми, прямо-таки разорительными условіями, благодаря отсутствію у насъ дешеваго, спеціальнаго кредита. Крестьянину въ большинствѣ случаевъ нѣтъ другого выхода, какъ поклониться «благодѣтелю» изъ своихъ же мѣрѣдовъ или искать денегъ въ городѣ у хлѣботорговцевъ, промышленниковъ выдачей крестьянамъ ссудъ. И вотъ крестьянину отрывается кредитъ. Но какой кредитъ! Это — не кредитъ въ экономическомъ смыслѣ слова,

временная помощь для хозяйственных оборотовъ, а страшная кабала на всю жизнь, мертвая петля, плотно захлестывающая крестьянское горло, давящая его до послѣдней степени матеріальнаго изнеможенія. И этотъ «благодѣтельскій» кредитъ мало того, что обходится очень дорого—отъ 10 до 15 и болѣе проц. за три-четыре мѣсяца (обычный срокъ ссуды), но вдобавокъ еще обставленъ невыгодными, тяжелыми условіями для должника и цѣлымъ рядомъ обманныхъ продѣлокъ.

Прежде всего проценты взимаются впередъ и срокъ уплаты назначается въ августѣ мѣсяцѣ, т.-е. когда цѣны на хлѣбъ стоятъ низкія, вслѣдствіе большаго его появленія на рынкахъ. Очевидно, что для должника такое время расплаты крайне невыгодно, но за то оно представляетъ большія выгоды кредитору, давая ему возможность забирать хлѣбъ у мужика по дешевой цѣнѣ, тѣмъ болѣе, что весь этотъ хлѣбъ неизменно долженъ попасть въ его руки, такъ какъ при займѣ главнымъ условіемъ ставится, что должникъ обязанъ продать кредитору весь свой урожай. Выполненіе такого условія со стороны должника кредитору гарантируютъ имѣющіеся въ его рукахъ долговые документы. И должникъ по неволѣ везетъ свой урожай «благодѣтелю», который и на цѣнѣ его прижметъ, и обвѣситъ, да еще возьметъ и «маклерскія», такъ какъ онъ не покупаетъ у должника хлѣбъ, а какъ бы беретъ его на комиссію, за что и взимаетъ куртажъ, о высокихъ размѣрахъ котораго мы не разъ уже говорили.

Но это еще далеко не конецъ обиранія. Главное—впередѣ, при окончательномъ разчетѣ.

Должникъ исправно доставляетъ хлѣбъ кредитору, причѣмъ никакихъ расписокъ въ полученіи ему не выдаютъ. На всякое подобное требованіе получается стереотипный отвѣтъ: «Сочтемся послѣ. У насъ въ книгахъ записано,—не надумѣй». Крестьянинъ хотя и плохо вѣритъ такимъ увѣреніямъ и предвидитъ, что его надуютъ безсовѣстнымъ образомъ, но не протестуетъ. Да и можетъ ли онъ протестовать противъ того, кто опуталъ его съ ногъ до головы вексельными обязательствами и крѣпко держитъ въ рукахъ?

Но вотъ крестьянинъ свезъ «благодѣтелю» весь урожай. По его разчету онъ не только погасилъ свой долгъ, но еще ему слѣдуетъ получить. Приступаютъ къ разчету, и тутъ вдругъ оказывается, что крестьянину не только нечего дополучать, а слѣдуетъ доплачивать. Онъ недоумѣваетъ, по пальцамъ доказываетъ вѣрность своего разчета, но тщетно: ему отвѣчаютъ: «не толкуй, у насъ такъ въ книгахъ записано». Должникъ протестуетъ всячески, проситъ слезно, но все напрасно,—у него нѣтъ никакихъ доказательствъ, а у кредитора сильное оружіе въ формѣ векселей. Въ концѣ концовъ должникъ смиряется, векселя переписываются вновь, а на слѣдующій годъ опять идетъ за ссудой, опять пишутся новые векселя и слѣдуетъ опять такой же разчетъ, и такъ безъ конца. Въ результатѣ, крестьянинъ-труженикъ оказывается неоплатнымъ должникомъ, вѣчнымъ рабомъ своего «благодѣтеля», который тянетъ съ него всѣ соки.

Такимъ путемъ,—говоритъ *Приазовскій Край*,—у насъ закабальютъ цѣлыя села. Хищная братія ловко раскинула свои сѣти, опутала крестьянъ съ ногъ до головы и сосеть несчастную жертву, доводя ее до разоренія, крестьяннѣ покорно лѣзеть въ петлю, куда гонять его неизбежная хозяйственная нужда и отсутствіе способовъ удовлетворенія ея иными путями. Отсюда-то и вытекаетъ бѣдность нашей деревни и разстройство земледѣльческаго промысла; отсюда—и начинающій развиваться деревенскій пролетаріатъ.

Въ послѣднее время, — заключаетъ газета, — вопросъ о специальномъ кредитѣ для крестьянъ часто фигурируетъ на страницахъ печати, пока онъ такъ вопросомъ и остается. А, между тѣмъ, благоприятное и скорое разрѣшеніе его является однимъ изъ главныхъ условій благоустройства крестьянскаго хозяйства, составляющаго главный устой и всего нашего государственнаго экономическаго строя.

Неблагопріятныя условія, въ какія поставлено крестьянское хозяйство въ нашемъ отечествѣ, держать его всегда на рубежѣ полнаго кризиса, когда изсякаютъ всякіе источники продовольствія и населеніе приходится кормить земству и государству. Такіе кризисы бывають общіе и частныя, послѣдніе имѣютъ мѣсто непрерывно. Если говорить о кризисахъ не отдельныхъ уѣздовъ, а цѣлыхъ губерній, то за послѣднее время въ критическое положеніе попало населеніе Псковской губерніи. Населенію этой губерніи нечѣмъ питаться, и потому губернское земское собраніе опредѣлило выдавать населенію, въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ, продовольственныя ссуды въ размѣрѣ 30 фунтовъ на ѣдока. «Каждый изъ насъ достаточно чувствуетъ,—говорится въ одномъ изъ докладовъ губернской управы,—что послѣдніе два года для нашей губерніи являются годами кризиса. Если два послѣдніе неурожайные года являются въ значительной мѣрѣ результатомъ неблагоприятныхъ метеорологическихъ условій, то во всякомъ случаѣ еще нельзя сказать, что только однѣ эти причины создали необходимость чрезвычайнаго кредита въ помощь нуждающемуся населенію почти въ три милліона рублей. Въ числѣ факторовъ, создавшихъ недородъ и упадокъ экономической обезпеченности населенія, необходимо также отмѣтить и упадокъ производительности почвы, а также и пониженіе цѣнъ на продукты льноводства. Послѣднее обстоятельство, по мнѣнію губернской управы, заслуживаетъ весьма серьезнаго вниманія. Паденіе цѣнъ на продукты льноводства—явленіе далеко не случайное: уменьшеніе заграничнаго спроса на ленъ произошло, какъ оказывается, вслѣдствіе значительнаго увеличенія льняныхъ посѣвовъ за границей. Сказанное еще осложняется и тѣмъ фактомъ, что за послѣдніе два года населеніе утратило значительное количество скота, и слѣдовательно условія возстановленія производительности почвы также ослаблены. «Но если кризисъ въ Псковской губерніи явился,—какъ на это основательно указываетъ губернская управа,—результатомъ причинъ постоянныхъ, а не преходящихъ, то какимъ образомъ выйдетъ изъ него населеніе безъ кореннаго измѣненія экономическихъ условій крестьянскаго быта?»

Мы приводили въ нашихъ очеркахъ земскіе отвѣты на запросъ министерства земледѣлія о мѣрахъ къ улучшенію сельско-хозяйственнаго промысла. Читатель видѣлъ, что отвѣты эти представляютъ собою обширную систематическую программу экономической политики, которая, будь осуществлена, устранила бы многіе важные недуги современнаго хозяйственнаго быта народа. Въ отвѣтахъ своихъ земства обращаютъ, между прочимъ, вниманіе министерства на необходимость возможно широкой помощи со стороны государства кустарной промышленности. Какъ извѣстно, мѣръ кустарныхъ промысловъ удостоивался до сихъ поръ со стороны государства гораздо меньшаго вниманія, чѣмъ крупная промышленность. Въ виду ничтожной поддержки государствомъ кустарной промышленности, земства не перестаютъ являться ходатаями предъ правительствомъ за ея интересы и, въ тоже время, дѣлаютъ изъ своихъ скудныхъ бюджетовъ то могутъ для ея упроченія и развитія. По широтѣ дѣятельности въ этомъ дѣлѣ на первомъ планѣ стоятъ земства вятское, пермское, московское, тверское и нижегородское, которыя уже много дѣтъ разными средствами помогаютъ кустарямъ выбиться на путь знанія и экономической независимости. Въ послѣднее время на этотъ же путь выступило казанское губернскае земство. Имъ рѣшено устроить во всѣхъ уѣздныхъ городахъ губерніи мѣстные склады кустарныхъ издѣлій, а въ Казани центральный складъ. Черезъ эти склады будутъ выдаваться нуждающимся кустарямъ сырые матеріалы и тутъ же приниматься изготовленные ими издѣлія для продажи. На оборотныя средства складовъ на первое время отпущено 27,000 рублей.

Возможность помогать развитію кустарнаго дѣла путемъ устройства посредническихъ складовъ значительно облегчается тѣмъ, что такіе склады не только могутъ окупить себя, но и дать небольшую прибыль. Доказательствомъ этому можетъ служить дѣятельность земскаго склада кустарныхъ издѣлій въ Вяткѣ. Истекшій 1895 годъ въ жизни вятскаго кустарнаго склада, — читаемъ въ *Волжскомъ Вѣстникѣ*, — является всего лишь еще третьимъ годомъ, но обороты этого учрежденія достигли весьма почтенной суммы, а именно: по покупкѣ издѣлій и матеріаловъ до 70,076 р., а по продажѣ ихъ до 59,663 руб. Въ результатѣ торговыхъ операций музей далъ 7,023 руб. валовой прибыли и 1,498 руб. чистой прибыли, что составитъ 3,1 проц. на оборотный капиталъ. Какъ въ настоящемъ отчетномъ году, такъ и въ предшествующіе два года содержаніе склада губернскаму земству не только ничего не стоило, но дало прибыли 3,240 руб. Главныя операціи по-прежнему были сосредоточены въ центральномъ складѣ, отдѣленія же въ уѣздахъ работаютъ тихо. Такъ, за время съ 1 ноября 1894 года по 1 ноября 1895 года въ 9 отдѣленіяхъ находилось товаровъ на сумму 26,594 р., а изъ нихъ было продано всего на 9,048 р., или приблизительно до $\frac{1}{3}$ части товара, причемъ эта сумма по отношенію въ общей суммѣ продажи въ вятскомъ складѣ составляетъ менѣе $\frac{1}{6}$ части. Персональ музея-склада состоитъ теперь изъ завѣдующаго, двухъ его

помощниковъ, бухгалтера, кассира и шести приказчиковъ. Дѣятельность музея съ каждымъ годомъ расширяется все болѣе и болѣе. Въ общемъ, влияние этого учрежденія на мѣстный рынокъ, какъ по сбыту многихъ издѣлій, такъ и по снабженію кустарей матеріалами и образцами, сказывается благотворно на заработкѣ кустарей и на оживленіи кустарнаго рынка. Недавно закончившееся губернское земское собраніе, по предложенію управы, постановило увеличить на 1896 г. оборотный капиталъ музея еще на 25 т. руб. изъ суммъ запаснаго капитала, такъ что всего онъ будетъ располагать кредитомъ изъ этого источника до 75 т. руб. Въ отчетномъ году, какъ и въ предыдущемъ, по улучшенію техники кустарныхъ производствъ на средства губернскаго земства содержались слѣдующія учебныя мастерскія: въ г. Вяткѣ—ткацкая, ковровая, берестяная, соломенная и корзиночная; въ Вятскомъ уѣздѣ—гончарная, ложкарная и по окраскѣ деревянныхъ и желѣзныхъ издѣлій по Семеновскому способу; въ г. Нолинскѣ—роговая и въ сл. Букарѣ—кружевная. О большинствѣ учебныхъ мастерскихъ нужно сказать, что они еще воспитываютъ и обучаютъ юное поколѣніе мастеровъ и мастерицъ, которые черезъ 2—3 года выступятъ самостоятельными работниками, но и въ настоящее время по полученнымъ результатамъ можно смѣло утверждать, что этотъ путь улучшенія техники кустарныхъ производствъ является весьма производительнымъ и самымъ доступнымъ для кустарей.

Развитіе кустарнаго производства значительно тормозится также дѣствующимъ чрезмѣрно высокимъ тарифомъ. Особенно страдаютъ отъ тарифа тѣ роды кустарнаго дѣла, для которыхъ сырымъ матеріаломъ служитъ желѣзо. Земства единодушно ходатайствуютъ объ отиѣнѣ пошлинъ на желѣзо и земледѣльческія орудія. Теперь къ этимъ ходатайствамъ присоединилось кievское общество сельскаго хозяйства. Общество считаетъ необходимымъ снятіе таможенныхъ пошлинъ со всѣхъ сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ и соответственное пониженіе пошлинъ на чугунъ, желѣзо и сталь. Предложенія эти, по словамъ *Киевлянина*, мотивированы въ обширной запискѣ. Между прочимъ общество указываетъ, что нѣкоторые орудія и машины въ Россіи вовсе не изготовляются, другія не выдерживаютъ конкуренціи съ иностранными. По мнѣнію доклада, несмотря на высокія пошлины, цѣль ихъ не достигнута: сельскіе хозяева вынуждены приобретать преимущественно иностранныя машины и дорого оплачивать русскія машины, причемъ не замѣчается сколько-нибудь серьезныхъ успѣховъ отечественнаго машиностроенія. Трудно ожидать ихъ и въ будущемъ, по крайней мѣрѣ, относительно машинъ сложныхъ, требующихъ высоко-развитой заводской техники, затраты значительныхъ капиталовъ и дешевизны сырыхъ матеріаловъ. Для отечественной промышленности несравненно выгоднѣе имѣть сотни хорошихъ мелкихъ ремонтныхъ мастерскихъ, имѣющихъ удовлетворительный заработокъ и приносящихъ серьезную пользу сельскому хозяйству, нежели нѣсколько плохихъ заводовъ, изготовляющихъ всякія машины, не находящія сбыта по своей дороговизнѣ и неудовлетворитель-

ными качествами. Снятие таможенной пошлины въ 50 коп. золотомъ съ пуда вѣса машины произвело бы немедленное пониженіе сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій даже больше, чѣмъ на 75 коп. кредитными съ пуда, такъ какъ съ уменьшеніемъ цѣны орудій и машинъ уменьшилась бы и прибыль посредниковъ, которая исчисляется не по вѣсу или отъ штуки продаваемыхъ машинъ, а по стоимости ихъ. Кіевское общество напоминаетъ дагѣ въ своемъ докладѣ, что при установленіи таможенныхъ пошлинъ на сельско-хозяйственные машины имѣлись въ виду, главнымъ образомъ, два мотива: во-первыхъ, предполагалось, что развитіе внутренняго производства удешевитъ русскія орудія настолько, что пошлина не будетъ имѣть значенія; во-вторыхъ, являлось опасеніе, что поднятіе пошлинъ на чугунъ и желѣзо при отсутствіи пошлинъ на сельско-хозяйственные машины и орудія сдѣлаетъ отечественное производство совершенно убыточнымъ и убьетъ его. Что касается перваго предположенія, то опытъ его не оправдалъ. По вложеннымъ выше причинамъ развитіе отечественнаго сельско-хозяйственнаго машиностроенія не послѣдовало и въ ближайшемъ будущемъ ожидать его нельзя въ такомъ направленіи и въ такихъ размѣрахъ, чтобы можно было рассчитывать на удешевленіе русскихъ машинъ. Второе соображеніе о невозможности успѣшной работы русскихъ заводовъ и мастерскихъ при высокой пошлинѣ на чугунъ, желѣзо и сталь—вполнѣ основательно, а потому снятіе пошлинъ на сельско-хозяйственные машины требуетъ, одновременно, значительнаго уменьшенія пошлинъ на чугунъ, желѣзо и сталь. Кромя этой мѣры, отечественное сельско-хозяйственное машиностроеніе можетъ быть поддержано другими способами, въ особенности хорошо организованнымъ профессиональнымъ образованіемъ для подготовки мастеровъ и высшихъ техниковъ и проч. При этихъ условіяхъ конкуренція съ иностраннымъ производствомъ не представилась бы страшной, потому что наши сельско-хозяйственные машиностроительные заводы и мастерскія избирали бы для себя тѣ отрасли производства, въ которыхъ они могутъ успѣшно работать, пользуясь близостью сбыта и знаніемъ мѣстныхъ условій. Этой работы окажется очень много, какъ только улучшенныя орудія распространятся въ массѣ нашихъ хозяйствъ.

Насколько плодотворно для потребителя развитіе отечественной промышленности подъ прикрытіемъ высокихъ таможенныхъ пошлинъ, свидѣтельствуемъ слѣдующій характерный случай, напечатанный въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*. Козловская уѣздная земская управа выписала для земскаго склада земледѣльческія орудія и машины отъ фирмы Эккерта въ Берлинѣ. При условіи выписки не менѣе половины вагона, т.-е. 300 пуд., фирма назначаетъ за товаръ оптовыя цѣны съ тѣмъ, чтобы четвертая часть цѣны была уплачена наложеннымъ платежомъ; на остальные деньги, уплачиваемыя по полученіи, фирмой дѣлается скидка въ размѣрѣ 5%; уплату пошлинъ и издержки провоза фирма принимаетъ на себя. На этихъ условіяхъ козловской управой и было выписано земледѣльческихъ орудій и машинъ на сумму 1,497 р. 20 к. При выпискѣ выяснилось, что на пошлины изъ этой

суммы ушло 375 р. 65 к. золотомъ или 564 р. 37 к. по курсу кредитнымъ, т.-е. почти 38% всей суммы. Но и при всемъ томъ «стоимость полученныхъ орудій оказалась гораздо дешевле стоимости русскихъ машинъ, не говоря уже о несравненно лучшемъ качествѣ иностраннаго товара». Напримѣръ, конныя грабли «Тигръ» работы Эккерта обошлись съ доставкой въ Козловъ въ 45 р. 79 к., а тѣ же грабли работы Рязанскаго товарищества, работы гораздо худшаго качества, стоятъ 64 р. 39 к. При условіи отсутствія пошлины грабли Эккерта, по вычислениямъ козловской управы, стоили бы всего 28 р. 53 к., т.-е. были бы $2\frac{1}{4}$ въ раза дешевле русскихъ. Цифры говорятъ сами за себя.

На запросъ министерства земледѣлія о мѣрахъ въ ослабленію недуговъ сельско-хозяйственнаго промысла большинство земствъ уже дало свои отвѣты и съ содержаніемъ ихъ мы познакомили нашихъ читателей. Изъ поступившихъ позднѣе отвѣтовъ напечатаны теперь въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* отвѣтъ кременчугскаго земства. Въ докладѣ по этому предмету земскому собранію управа обратила особенное вниманіе на то, насколько существующее землевладѣніе обезпечиваетъ крестьянское населеніе. По исчисленію управы, средняя крестьянская семья состоитъ изъ 5,7 души обоюго пола, на продовольствіе которой необходимо 11,4 четверти хлѣба, полагая въ среднемъ на каждаго человѣка по 2 четв. въ годъ. Эти 11,4 четв. и есть общепризнанная продовольственная норма для крестьянъ Кременчугскаго уѣзда. Распредѣляя крестьянское землевладѣніе согласно указанной нормѣ, необходимой только для поддержанія существованія семьи, каждому хозяйству необходимо имѣть не менѣе $4\frac{1}{2}$ дес. пахатной земли, при среднемъ крестьянскомъ урожаѣ въ 36 мѣръ на десятинѣ. Между тѣмъ хозяйства, имѣющія менѣе 3 дес., а слѣдовательно ниже нормы, составляютъ въ уѣздѣ 51,3%; около четверти всѣхъ хозяйствъ—24,4% находятся въ положеніи возможности прокормить свою семью (отъ 3 до 6 дес.), и лишь четверть—24,3% хозяйствъ—могутъ не только прокормить свою семью, но и производить какія-нибудь усовершенствованія въ своемъ хозяйствѣ. Не лучшія данныя приводитъ управа и относительно крестьянскаго скотоводства. Хозяйства, не имѣющія вовсе рабочаго скота, составляютъ третью часть, 33,1%. Эта третья часть хозяйствъ суть кандидаты въ безземельные. На основаніи такихъ данныхъ управа приходитъ къ тому заключенію, что увеличеніе помощи крестьянскаго землевладѣнія и снабженіе его хозяйствъ необходимыми рабочими инвентаремъ есть главнѣйшая въ настоящее время нужда большинства населенія уѣзда, ибо «никакія агрикультурныя улучшенія не могутъ имѣть мѣста тамъ, гдѣ населеніе не можетъ прокормить не только лошадь, но и себя». Ошибочно было бы полагать, говоритъ управа, что растущій съ каждымъ годомъ деревенскій пролетаріатъ можетъ быть полезенъ владѣльческому хозяйству, принужденному, благодаря конкуренціи съ Америкой и другими странами, гдѣ стоитъ высоко земледѣіе, заводить различныя техническія улучшенія и вводить болѣе совершенныя машины и орудія. Нашему хозяйству, какъ и всякому дру-

тому, необходимъ рабочій сытый, здоровый, грамотный и умѣлый. Американецъ, платя своему рабочему чуть ли не въ десять разъ больше нашего, давно это созналъ, а потому и далеко ушелъ отъ насъ на почвѣ агрикультурныхъ улучшеній. Въ концѣ своего доклада управа высказываетъ ту мысль, что въ настоящее время накопилось такъ много насущныхъ потребностей мѣстнаго хозяйства, что всѣ мѣропріятія, клонящіяся къ поднятію современнаго положенія всего русскаго хозяйства, тогда лишь окажутъ дѣйствительную пользу, когда они будутъ проводиться въ строгой системѣ и взаимной послѣдовательности; удовлетвореніе только одной, хотя бы и существенной, нужды врядъ ли поможетъ нашему хозяйству выйти изъ переживаемаго имъ въ настоящее время кризиса.

Съ пѣлюю поработать ради предупрежденія тѣхъ неблагоприятныхъ условий, въ какія поставлено крестьянское хозяйство въ Европейской Россіи, стремясь исполнить обязанности честной печати и сдѣлать все съ ея стороны возможное, сибирская пресса много удѣляетъ вниманія разработывающемуся теперь въ правительственныхъ сферахъ проекту поземельнаго устройства въ Сибири. То или иное рѣшеніе этого вопроса имѣетъ глубокое жизненное значеніе и окажетъ громадное вліяніе на всю послѣдующую экономическую жизнь края. Государство является главнымъ собственникомъ сибирской земли; если откинуть неудобныя для хлѣбопашества пространства, все-таки, въ рукахъ государства остается земельная площадь, превышающая размѣрами Европейскую Россію. Земля эта служила до сихъ поръ эмиграционнымъ фондомъ; она заселялась переселенцами изъ Европейской Россіи. Въ виду этого понятно, что тою или другою организаціей землевладѣнія опредѣлится, по преимуществу, будущій социальный строй Сибири. Поидемъ ли мы въ этомъ важномъ дѣлѣ по старому пути насажденія и крупныхъ, и среднихъ, и мелкихъ формъ землевладѣнія, или предоставимъ владѣть землею дѣйствительному хлѣбопашцу? Вотъ вопросъ, чреватый нечисленными послѣдствіями.

Насажденіе на казенныхъ сибирскихъ земляхъ помѣщичьяго землевладѣнія было бы равносильно отказу отъ тѣхъ прекрасныхъ основаній колониальной политики, которыя выражены въ законѣ отъ 15 іюня 1882 года по поводу колонизаціи свободныхъ башкирскихъ земель. Какъ извѣстно, основное положеніе этого закона заключается въ томъ, что государственныя земли должны служить неприкосновеннымъ фондомъ для обезпеченія крестьянъ-переселенцевъ. Законъ этотъ явился результатомъ той въ высокой степени правильной политической мысли, что раздача земли въ частную собственность сокращаетъ государственный земельный фондъ, ослабляетъ тотъ ресурсъ, который представляетъ собою могучее средство для устранения социальныхъ недуговъ страны не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ. Результатомъ обращенія государственныхъ земель Сибири подъ крупное и среднее землевладѣніе явилось бы крайне вредная спекуляція землею. Спекуляція выразилась бы въ двухъ видахъ: одни собственники занялись бы перепродажей земли нуждающемуся въ ней сельскому населе-

нию; другіе, смотря по обстоятельствамъ, нашли бы болѣе выгоднымъ спекулировать землею въ формѣ сдаванія ея крестьянамъ въ аренду. Въ результатѣ же, во всякомъ случаѣ, оказалось бы, что людьми, ведущими сельско-хозяйственный промыселъ, явились бы лишь крестьяне, а собственники крупныхъ и среднихъ участковъ получали бы за это ренты. Ошибочно было бы думать, что крупныя помѣстья могутъ явиться сельско-хозяйственными школами для народа. Если этого мы не видимъ въ Европейской Россіи, то тѣмъ болѣе это не явится въ Сибири, гдѣ экономическія условія и не позволяютъ вести сколько-нибудь усовершенствованное земледѣльческое хозяйство. А, между тѣмъ, продажа казенныхъ земель въ частныя руки отняла бы у государства или, по крайней мѣрѣ, значительно ослабила бы для него возможность надѣлать землями переселенцевъ, т.-е. элементъ, который стоитъ ближе къ землѣ и для котораго земля — насущная потребность. Такого именно взгляда держался бывший генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Д. Г. Анучинъ. Близко знающій условія сибирской жизни, г. Анучинъ рѣшительно утверждалъ, что образованіе въ Сибири крупнаго землевладѣнія путемъ раздачи или льготной продажи земель не соответствуетъ выгодамъ правительства и мѣстнымъ условіямъ. Характеризуя свое отношеніе къ дѣлу, Д. Г. Анучинъ пишетъ: «Во время моего управленія Восточною Сибирью (съ 1879 по 1885 г.) ни одного вершка земли не поступило въ пользу крупнаго землевладѣнія, такъ какъ раздаваемые въ частныя руки земельные участки непроизводительно ускользали бы изъ рукъ правительства и уменьшали бы его средства для обезпеченія переселенцевъ земельными надѣлами».

Явленія сибирской жизни, — говорить *Восточное Обозрѣніе*, — могутъ дать вѣскія указанія, гдѣ нужно искать путей для правильнаго развитія края. Не надо забывать, что въ земледѣльской части Сибири не существуетъ торговли землею, здѣсь не имѣютъ понятія о земельной спекуляціи, кулачество развито сравнительно слабо, отхожихъ земледѣльческихъ промысловъ совсѣмъ нѣтъ, а населеніе занимается обработкой продуктовъ мѣстной природы. Совсѣмъ другую картину представляетъ промышленная Сибирь. Въ этой послѣдней сосредоточены пріиски, и копошатся кулаки и разные спекуляторы; здѣсь селенія рѣдки, вмѣсто промышленныхъ производствъ процвѣтаютъ винныя склады и кабаки, населеніе находится постоянно въ разбродѣ и въ кабалѣ у промышленника. Хозяйство въ подобныхъ деревняхъ пало, нравы до послѣдней степени распатаны, пьянство, развратъ и болѣзни, особенно сифилисъ, свирѣпствуютъ въ подобныхъ деревняхъ, посѣщаемыхъ пріисковыми рабочими и служащими. Здѣсь все основано на спекуляціи и обманѣ, а не на земледѣльческомъ трудѣ. Не лучше обстоятъ дѣло и тамъ, гдѣ существуютъ торговля и вывозъ пушныны и сырья: то же спайваніе народа, та же кабала и хищничество, что и въ пріисковомъ районѣ. Земледѣльская Сибирь и крестьянская колонизація, — продолжаетъ газета, — создали оскѣдность и культурную жизнь въ край, усѣяли Сибирь деревнями, селами и городами, положили начала граж-

данственности, при помощи мирной культурной работы въ теченіе трехъ столѣтій завоевали обширный край. Всѣмъ этимъ Сибирь обязана земледѣльской трудящейся массѣ, а не золотому дѣлу, не чайной торговлѣ, не американской или амурской компаніямъ. Только земледѣльская Сибирь представляетъ всѣ данныя для правильного и культурнаго развитія; промышленная же и присковая части ея несутъ какъ разъ обратное. Само собой явствуется, какой формѣ народнаго труда надо отдать предпочтеніе и въ какомъ направленіи должно разрѣшиться поземельное устройство Сибири. Предназначеніе свободныхъ земель Сибири для крестьянской колонизаціи, устраненіе захвата земель посторонними лицами, предупрежденіе всякой торговли землею, развитіе кустарныхъ промысловъ, культурное развитіе народа, его самостоятельность—вотъ что указываютъ смыслъ русской исторіи и здравыя экономическія понятія. Сибирь въ отношеніи правильнаго разрѣшенія поземельнаго вопроса находится въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ Европейская Россія, гдѣ существуетъ частное землевладѣніе. Въ Сибири не измѣнять и ломать нужно земельные устои, а сохранить *statu quo*, т.-е. разъ навсегда признать право собственности на землю за государствомъ.

И. Иванюковъ.

Объ открытыхъ Рентгеномъ X-лучахъ *).

Еще никогда ни одно открытіе въ области физики не встрѣчало такого всеобщаго интереса и не было такъ обстоятельно обсуждаемо въ периодической печати, какъ открытіе Рентгеномъ новаго, до той поры неизвѣстнаго рода лучей: черезъ двѣ-три недѣли послѣ того, какъ проф. Рентгенъ (Röntgen) сдѣлалъ «предварительное сообщеніе» о своемъ открытіи въ физико-медицинскомъ обществѣ въ Вюрцбургѣ (въ декабрѣ 1895 года), вся европейская печать заговорила объ x-лучахъ.

Причину такого интереса надо искать какъ въ примѣненіяхъ лучей Рентгена для медицинскихъ цѣлей и тѣхъ смѣлыхъ надеждахъ, которыя возлагали на новый діагностическій методъ, такъ и въ возможности дѣлать снимки съ невидимыхъ глазу предметовъ весьма простымъ и легко доступнымъ способомъ. Все вниманіе было обращено на одну частную особенность явленія: на различную степень прозрачности тѣлъ для новыхъ лучей; другія свойства x-лучей, о которыхъ сообщилъ Рентгенъ, какъ мало демонстративныя, не могли возбудить общій интересъ, несмотря на то, что именно въ ихъ изслѣдованіи и кроется сущность открытія нѣмецкаго ученаго, его огромная заслуга.

Оцѣнить значеніе новаго открытія, ясно представить себѣ то обособленное положеніе, которое занимаютъ x-лучи среди всѣхъ другихъ извѣстныхъ намъ видовъ распространенія энергіи, и ту роль, которую они могутъ играть въ рѣшеніи цѣлаго ряда вопросовъ,—все это доступно, конечно, только физик-спеціалисту, хорошо знакомому съ современнымъ состояніемъ науки. Для лицъ, мало знакомыхъ съ физикой, открытіе Рентгена представляетъ собою иной—и можетъ быть не меньшій—интересъ, позволяя хотя на нѣкоторое время перенестись въ лабораторію ученаго и прослѣдить, какъ шагъ за шагомъ развивается изслѣдованіе, въ какой послѣдовательности идутъ другъ за другомъ отдѣльные опыты. Отсылая читателей желающихъ ознакомиться болѣе подробно съ изслѣдованіемъ проф. Рентгена

*) Изъ публичной лекціи, читанной 29 января и 8 февраля 1896 г. въ физической аудиторіи Московскаго университета.

въ его оригинальной статьѣ *), мы остановимся лишь на главныхъ пунктахъ работы, которые позволяютъ намъ выяснитъ самый приёмъ изслѣдованія.

Прежде чѣмъ говорить о томъ наблюдени, которое послужило Рентгену точкой отправленія его изслѣдованій, скажемъ нѣсколько словъ о явленіи самосвѣченія подъ вліяніемъ электрическихъ разрядовъ.

Флуоресценціей мы называемъ то самосвѣченіе многихъ твердыхъ и жидкихъ тѣлъ, которое возбуждается въ нихъ лучами свѣта и прекращается вмѣстѣ съ освѣщеніемъ; такъ въ солнечныхъ лучахъ урановое стекло свѣтится зеленымъ, керосинъ—голубымъ, спиртовой зеленый растворъ хлорофилла—краснымъ свѣтомъ, и всегда это свѣченіе пропадаетъ, какъ только мы на пути освѣщающихъ лучей поставимъ непрозрачное для свѣта тѣло (наприм., листъ картона или металла).

Тѣ же явленія флуоресценціи твердыхъ тѣлъ можно возбуждать не только посредствомъ свѣта, но также и съ помощью электрическихъ разрядовъ: заставляя разрядъ большой катушки Румкорфа проходить между проводниками, впаянными въ стеклянную трубку любой формы, мы заметимъ, что въ томъ случаѣ, когда давленіе газа внутри трубки очень мало и не превышаетъ одной милліонной доли нашей атмосферы, каждый разрядъ бобины сопровождается свѣченіемъ, флуоресценціей нѣкоторой части стеклянной оболочки или какого-нибудь тѣла, помѣщеннаго внутри **).

Рентгенъ, изслѣдуя дѣйствіе флуоресцирующаго стекла такой «круксонной» трубки, нашелъ, что оно въ свою очередь возбуждаетъ свѣченіе въ тѣлахъ, способныхъ флуоресцировать, даже если они находятся на значительномъ разстояніи отъ трубки; особенно ярко свѣтится при этомъ двойная циановая соль платины и барія, почему ею и покрываютъ бумагу для полученія флуоресцирующихъ экрановъ.

Но, помѣщая между флуоресцирующею трубкой и экраномъ листъ совершенно непрозрачнаго картона, мы не остановимъ флуоресценціи экрана, какъ въ опытѣ со свѣтомъ; чтобы убѣдиться, что не свѣтомъ обуславливается флуоресценція экрана, Рентгенъ помѣстилъ такую трубку въ непрозрачный картонный ящикъ и увидалъ, что въ совершенно темной комнатѣ экранъ продолжалъ все время ярко свѣтиться, пока флуоресцировала трубка. Описанный опытъ не могъ быть объясненъ ни однимъ до сихъ поръ извѣстнымъ физическимъ явленіемъ, и Рентгенъ приступилъ къ систематическому изученію его; попробуемъ и мы прослѣдить тотъ прямой путь, который шелъ изслѣдователь.

Итакъ, это таинственное «дѣйствіе» флуоресцирующей трубки на экранъ не задерживается картономъ и воздухомъ; но пропускаютъ ли его другія тѣла?

*) *Новый родъ лучей Рентгена.* (Переводъ М. Псалти. Москва, 1896 г.).

**) Флуоресценція при электрическихъ разрядахъ была всесторонне изучена въ 1873 г. англійскимъ физикомъ Круксомъ (Crookes), который показалъ, что электрическое дѣйствіе, возбуждающее флуоресценцію, исходить отъ отрицательнаго полюса (катода) и распространяется внутри трубки прямолинейно («катодные лучи»).

Оставаясь въ темной комнатѣ своей лабораторіи, Рентгенъ легко могъ изслѣдовать этотъ вопросъ: онъ помѣщалъ между ящиками съ трубкой и экраномъ различныя тѣла и убѣдился, что всѣ тѣла, хотя и въ очень разной степени, пропускаютъ это дѣйствіе: такъ книга въ тысячу страницъ, толстая деревянная доска, пластинка алюминія пропускаютъ значительную долю этого дѣйствія, тогда какъ, наприм., свинцовый листъ въ два миллиметра толщины задерживаетъ его совершенно. Изслѣдуя такимъ образомъ длинный рядъ тѣлъ, Рентгенъ нашелъ, что величина поглощенія колеблется въ очень широкихъ предѣлахъ и зависитъ какъ отъ химической природы испытуемаго вещества, такъ и отъ толщины слоя, — въ достаточно тонкихъ слояхъ всѣ тѣла оказались прозрачными.

Сказывается ли это таинственное дѣйствіе флуоресцирующей трубки въ какихъ-нибудь другихъ явленіяхъ, помимо свѣченія описаннаго экрана?

Замѣняя экранъ другими тѣлами, Рентгенъ нашелъ, что не только рядъ тѣлъ, способныхъ флуоресцировать (стекло, каменная соль и т. д.) начинаютъ свѣтиться болѣе или менѣе сильно, но что также и чувствительный слой фотографической пластинки испытываетъ тѣ же измѣненія, какъ и подъ вліяніемъ свѣта: Рентгенъ безъ труда могъ закрѣплять на пластинкѣ всѣ тѣ явленія, которыя онъ наблюдалъ, пользуясь экраномъ, и тѣмъ создалъ новый, замѣчательно удобный методъ изслѣдованія самаго явленія; пользуясь имъ, можно дѣлать изслѣдованія въ освѣщенной комнатѣ, не пряча трубку въ ящикъ, и экспонировать пластинки завернутыя въ черную бумагу или помѣщенные въ кассетахъ: обложки, непроницаемыя для свѣта, позволяютъ этому дѣйствію трубки безпрепятственно достигать пластинки, какъ показали изслѣдованія «прозрачности» тѣлъ.

Послѣ того, какъ былъ установленъ фактъ, что дѣйствіе флуоресцирующей трубки передается на разстояніе, естественно явился вопросъ: какимъ образомъ, по какимъ законамъ распространяется это дѣйствіе? Распространяется ли оно подобно текущей жидкости или звуку, огибая встрѣчающіяся препятствія, или распространяется оно прямолинейно, лучами, подобно свѣту, обрисовывая тѣни непрозрачныхъ предметовъ?

Очень простой опытъ позволилъ Рентгену разрѣшить этотъ вопросъ: помѣщая на нѣкоторомъ разстояніи отъ флуоресцирующей трубки болѣе или менѣе непрозрачныя тѣла, онъ наблюдалъ вполне отчетливыя силуэты ихъ на флуоресцирующемъ экранѣ (или на фотографической пластинкѣ), тождественныя съ тѣми, которые мы наблюдаемъ при освѣщеніи тѣлъ; нѣтъ сомнѣнія, слѣдовательно, что это новое дѣйствіе распространяется прямолинейно, подобно лучамъ свѣта, почему Рентгенъ и присвоилъ ему названіе «иксъ--х--лучей», подчеркивая такимъ названіемъ то обстоятельство, что природа этихъ новыхъ лучей является для насъ исомымъ неизвѣстнымъ.

Но обладаютъ ли эти новые лучи тѣми же свойствами, какими обладаютъ лучи свѣта? Отражаются ли они отъ полированной поверхности, находящейся на ихъ пути, какъ отъ зеркала? Отклоняются ли они отъ

своего первоначального направленія, проходя черезъ призму, преломляясь въ ней?

Опыты, предпріятыя Рентгеномъ въ этомъ направленіи, показали, что X-лучи только въ слабой степени отражаются какъ отъ полированныхъ, такъ и отъ матовыхъ поверхностей, причѣмъ это отраженіе по характеру своему ближе подходитъ къ разсѣянному отраженію свѣта отъ шероховатыхъ поверхностей, чѣмъ къ правильному зеркальному его отраженію.

Чтобъ изслѣдовать и другой вопросъ, Рентгенъ ставилъ на пути X-лучей призмы изъ различныхъ, для нихъ прозрачныхъ веществъ, совершенно такъ, какъ мы это дѣлаемъ въ опытахъ со свѣтомъ, но увидаль, что присутствіе призмы не вліяетъ замѣтнымъ образомъ на направленіе X-лучей: они проходятъ черезъ всѣ изслѣдованныя тѣла не преломляясь. Рентгенъ указываетъ на то, что малыя отклоненія не могли быть замѣчены въ этихъ опытахъ, но добавляетъ, что отклоненія въ десять разъ меньшія, чѣмъ отклоненіе свѣта въ стеклянной призмѣ, внѣ сомнѣнія, были бы обнаружены; во всякомъ случаѣ это преломленіе, если оно существуетъ, такъ мало, что мы не можемъ собирать X-лучи линзами такъ, какъ мы собираемъ лучи свѣта.

Ставя себѣ съ тою же послѣдовательностью рядъ другихъ вопросовъ, разсмотрѣніемъ которыхъ мы не можемъ тутъ заняться, въ виду ихъ спеціальнаго характера, Рентгенъ также осторожно, шагъ за шагомъ, двигался впередъ, изучая свойства открытаго имъ явленія.

Его маленькое «предварительное сообщеніе», которое занимаетъ едва десять печатныхъ страничекъ въ отчетахъ Вюрцбургскаго физико-математическаго общества, произвело въ средѣ ученыхъ до сихъ поръ никогда не имѣвшую сенсацию и было встрѣчено съ замѣчательнымъ воодушевленіемъ: всѣ сѣшили повторить основные опыты Рентгена, чтобы самимъ увидать это таинственное явленіе, пытаясь, насколько возможно, отдать себѣ въ немъ отчетъ, и скоро во всѣ академіи наукъ стали поступать сообщенія о томъ или другомъ изслѣдованіи X-лучей.

Здѣсь, конечно, невозможно дать перечень всѣхъ тѣхъ спеціальныхъ вопросовъ, которые разрабатывались въ этихъ сообщеніяхъ, и придется отнѣсти только самый крупный шагъ, который былъ сдѣланъ за послѣднее время французскими учеными (Ch. Henry, Nievenglowski, H. Becquerel); они занялись вопросомъ о возбужденіи X-лучей, объ ихъ источникѣ. Въ своей работѣ Рентгенъ доказываетъ, что только флуоресцирующая часть Круксовою трубки испускаетъ X-лучи, но что именно является непосредственною причиною ихъ возбужденія: флуоресценція стекла или возбуждающіе ее электрическіе разряды,—оставалось открытымъ. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, названные ученые такъ поставили изслѣдованіе: можетъ ли флуоресцирующее тѣло, возбужденное помимо электрическихъ разрядовъ, напримѣръ, дѣйствіемъ солнечнаго свѣта, сдѣлаться источникомъ X-лучей? Опыты предпріятыя ими показали, что рядъ флуоресцирующихъ тѣлъ обладаютъ этимъ

свойством и флуоресцируя *) испускают еще лучи, которые проходят через металлы и дѣйствуют на фотографическую пластинку. Эти опыты блистательно доказываютъ намъ, что х-лучи не связаны съ электрическими разрядами (катодными лучами) и исключаютъ возможность объяснить ихъ какими-нибудь особыми электрическими процессами.

Но что же представляютъ изъ себя х-лучи? Могутъ ли они быть причислены къ какому-нибудь уже известному классу явленій, или представляютъ совершенно новую, особенную группу?

При первомъ же появленіи извѣстія объ открытіи Рентгена были высказаны самыя разнообразныя и противорѣчивыя догадки о физической природѣ новаго явленія. Изъ всѣхъ этихъ догадокъ предположеніе, что х-лучи суть не что иное, какъ колебанія, сходныя со свѣтовыми и различающіяся отъ нихъ лишь быстротою, видимо начинаетъ находить все болѣе и болѣе подтвержденій въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Такое предположеніе является по существу легко допустимымъ: такъ мы знаемъ, что всѣ цвѣта, различаемые нашими глазами въ спектрѣ бѣлаго свѣта, ничѣмъ другъ отъ друга не отличаются, какъ только періодомъ колебаній, и что колебанія краснаго свѣта въ два раза медленнѣе колебаній фіолетоваго. Особыми приборами мы могли изслѣдовать спектръ въ невидимой для глаза части, по ту сторону краснаго цвѣта—въ ультракрасномъ—и нашли тамъ всевозможныя колебанія и въ десять, и въ двадцать разъ болѣе медленныя; наконецъ, гений Гертца указалъ намъ способы возбуждать и изслѣдовать колебанія въ тысячи, даже въ миллионы разъ болѣе медленныя, чѣмъ колебанія краснаго свѣта. Съ другой стороны, фотографическая пластинка позволила намъ изслѣдовать невидимый спектръ по ту сторону фіолетоваго—его ультрафіолетовую часть, гдѣ колебанія быстрѣе, чѣмъ въ видимомъ спектрѣ, но до сихъ поръ самыя быстрыя колебанія, которыя намъ известны, лишь въ четыре раза быстрѣе колебаній фіолетоваго свѣта. Предположеніе, что х-лучи суть лучи ультра-ультра-фіолетовые, существованіе которыхъ мы не только не отрицаемъ, но и стараемся констатировать,—является поэтому вполне возможной гипотезой.

Теперь посмотримъ, какъ эта гипотеза объясняетъ наблюдаемыя явленія. Прямолинейное распространеніе ихъ, а также способность возбуждать флуоресценцію экрана и дѣйствовать на фотографическую пластинку—свойства общія съ лучами свѣта. Большая или меньшая прозрачность тѣлъ—свойство хорошо известное и для свѣта; значительную прозрачность металловъ для ультра-ультра-фіолетовыхъ лучей не трудно предвидѣть, имѣя въ виду, что въ известномъ намъ спектрѣ металлы для быстрыхъ колебаній болѣе прозрачны, чѣмъ для медленныхъ. Особенности при отраженіи—

*) Интересно, что соли урана обладаютъ способностью и очень долго послѣ освѣщенія солнцемъ, когда всѣ видимыя слѣды флуоресценціи давно исчезли, непрерывно, хотя и слабо испускать х-лучи, подобно тому какъ соли стронція (такъ называемая „свѣтающаяся краска“) долгое время свѣтятся (флуоресцируютъ) въ темнотѣ.

расъясненіе x - лучей—объясняются тѣмъ, что политура зеркальныхъ поверхностей, вполне достаточная для нашихъ, сравнительно большихъ, волнъ свѣта слишкомъ груба для очень малыхъ волнъ,—для нихъ эти поверхности являются шероховатыми. Самое серьезное возраженіе, какъ казалось бы, заключается въ томъ, что съ увеличеніемъ быстроты колебаній, съ приближеніемъ къ фіолетовому концу спектра увеличивается преломляемость свѣтовыхъ лучей въ прозрачныхъ тѣлахъ; но теорія свѣта учитъ насъ, что при дальнѣйшемъ возрастаніи числа колебаній въ лучѣ его преломляемость, достигнувъ предѣльной величины, падаетъ, и для очень быстрыхъ колебаній надо ожидать отсутствіе преломленія; та же теорія учитъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ такое отсутствіе преломленія можетъ имѣть мѣсто и для лучей видимаго спектра, что мы дѣйствительно и наблюдаемъ: такъ призмы изъ золота и фуксина не отклоняютъ свѣта опредѣленныхъ окрасокъ—отсутствіе преломленія не является намъ чѣмъ-либо необъяснимымъ. Цѣлый рядъ другихъ особенностей x-лучей также безъ труда объясняется на основаніи предположенія, что они суть ультра-ультра-фіолетовые лучи свѣта.

Во всякомъ случаѣ это лишь одно изъ возможныхъ предположеній, и только всестороннее внимательное изслѣдованіе самого явленія, какъ оно совершается въ природѣ, независимо отъ какихъ-либо теорій, можетъ раскрыть намъ сущность его. Такимъ изученіемъ явленія занимаются теперь изслѣдователи во всѣхъ концахъ міра; всѣ эти силы направлены на то, чтобы найти тѣ невидимыя нити, которыя связываютъ новое явленіе съ другими, намъ хорошо извѣстными явленіями природы, выяснить намъ то явленіе, которое оно занимаетъ среди нихъ и тѣмъ расширить и обогатить ту стройную картину природы, которую даетъ намъ физика.

Значительная доля общаго интереса, вызваннаго опытами Рентгена, обуславливается и тою легкостью, съ которою каждый, располагавшій необходимыми аппаратами и знакомый съ несложною техникой фотографалюбителя, могъ дѣлать рядъ съ перваго взгляда удивительныхъ, почти невероятныхъ фотографій, снимая содержимое кошелекѣ или запертаго деревяннаго ящика.

Нитя подъ рукой трубку Брукса, достаточно сильную катушку Румворфа и нѣсколько гальваническихъ элементовъ, не трудно скоро освоить съ техникой фотографированія: укрѣпивъ Бруксову трубку такъ, чтобы флуоресцирующее пятно находилось на три пальца отъ эмульсионнаго слоя возможно-чувствительной фотографической пластинки, которая находится въ закрытой кассетѣ, можно положить на послѣднюю кошелекъ съ нѣсколькими монетами и затѣмъ пустить катушку въ ходъ минутъ на десять, проявляя и закрѣпляя затѣмъ пластинку обыкновеннымъ способомъ; этотъ первый опытъ сразу покажетъ, какъ надо измѣнить время экспозиціи, чтобы получить хорошо выдержанный негативъ *).

*) Надо замѣтить, что Бруксовы трубки при употребленіи быстро портятся: ар-
манъ желва флуоресценція стекла ослабѣваетъ и внутри до той поры темной трубки

Полученный такимъ путемъ снимокъ по существу отличается отъ тѣхъ, которые мы получаемъ въ камерѣ при помощи объективовъ: въ Рентгеновой фотографіи мы получаемъ только болѣе или менѣе прозрачныя *силуэты* снимаемыхъ предметовъ, наложенные другъ на друга, — мы видимъ «китайскія тѣни» полупрозрачныхъ предметовъ; приемъ обыкновенной фотографіи здѣсь не примѣнимъ, такъ какъ мы не можемъ построить объектива для x -лучей: до сихъ поръ, какъ мы уже сказали, не найдено тѣла, въ которомъ бы они преломлялись. Изъ самаго способа сниманія видно, что для получения рѣзкихъ очертаній необходимо, чтобъ излучающая поверхность, т.-е. флуоресцирующее пятно на стѣнкѣ трубки, было бы по возможности мало, чего фабриканты трубокъ достигаютъ тѣмъ, что придаютъ катоду особую форму, а также чтобъ оно было достаточно удалено отъ фотографической пластинки: чѣмъ болѣе объемъ имѣетъ снимаемое тѣло, тѣмъ дальше приходится отставлять трубку, что влечетъ за собою соответственное увеличеніе времени экспозиціи.

При разсматриваніи такихъ фотографій-силуэтовъ невольно вспоминаются тѣ первыя попытки свѣтописи, которыя дѣлалъ Дэви въ началѣ нашего столѣтія: изслѣдуя разложеніе солей серебра подъ вліяніемъ свѣта, онъ выставлялъ на солнце пропитанную солями бумагу и получалъ на чернѣвшемъ фонѣ силуэты положенныхъ на бумагу предметовъ. Отъ зоркаго взгляда великаго ученаго не ускользнуло то примѣненіе, которое могло бы получить его изслѣдованіе, и онъ пробовалъ даже снимать такимъ образомъ профиль лица, но предвидѣть результаты дальнѣйшихъ изслѣдованій фотохимическихъ процессовъ, все то, что даетъ и можетъ дать намъ современная фотографія, Дэви, конечно, не могъ, также какъ не могли это и всѣ его современники: самая пылкая фантазія, рисуя самыя заманчивыя картины будущаго, никогда не могла охватить и ничтожной доли того, что такъ естественно, такъ просто давало человѣку изученіе окружающей его природы, въ видѣ элементарныхъ слѣдствій изъ тѣхъ основныхъ законовъ, которые онъ находилъ въ сложной гармоніи явленій.

Не то ли самое свидѣтельствуетъ намъ и тотъ снимокъ съ кисти руки, который сдѣлалъ Рентгенъ?

Изслѣдуя прозрачность тѣлъ, Рентгенъ помѣстилъ между трубкой и экраномъ свою руку и увидалъ, что ткани легко пропускаютъ x -лучи и что только кости задерживаютъ ихъ, — на экранѣ ясно вырисовался скелетъ кисти; замѣняя экранъ фотографическою пластинкой, онъ могъ фиксировать это изображеніе.

Огромное значеніе подобныхъ снимковъ для практической медицины было причиною того, что методъ Рентгена, даже въ первоначальной формѣ, нашелъ себѣ многостороннее примѣненіе какъ для діагноза страданій костей, такъ и для опредѣленія мѣстонахожденія инородныхъ тѣлъ (пуль, облом-

начинаетъ свѣтиться фіолетовымъ свѣтомъ выдѣлившійся со стѣнокъ воздухъ; такая трубка не даетъ x -лучей, и только выкачиваніемъ ее можно исправить.

въ иглы и стекла), мало прозрачныхъ для x-лучей. Разсматривая такую фотографію, мы съ перваго же взгляда можемъ увидать, гдѣ и какого рода тѣненія (изъясвленія или переломъ) имѣются въ кости, и тотчасъ же сказать, гдѣ, какихъ размѣровъ и въ какомъ положеніи находится въ тѣлѣ инородное тѣло *). Особенно важны такіа указанія хирургу, который рѣдко не имѣетъ возможности опредѣлить заранее районъ костнаго страданія, чѣмъ въ значительной степени усложняется весь ходъ операціи; снятъ костей, полученный по способу Рентгена безъ всякаго болѣзненнаго влеченія для пациента, даетъ хирургу возможность вполне точно намѣтить ходъ операціи, а при извлеченіи инороднаго тѣла ограничиться однимъ взрѣзомъ, избавляя пациента отъ мучительнаго зондированія.

На первыхъ порахъ примѣненіе новаго метода ограничивалось главнымъ образомъ изслѣдованіемъ кисти рукъ и ногъ, въ видахъ того, что время экспозиціи (отъ 10 до 30 минутъ) пациенты могутъ выдержать безъ особеннаго утомленія; такъ какъ x-лучи безпрепятственно проходятъ черезъ ткань, то оказалось возможнымъ снимать кости забинтованной руки, не удаливъ повязки, или ногу въ сапогѣ, что отзывается лишь немного на рѣзкости силуэта костей. Цѣлый рядъ усовершенствованій въ деталяхъ аппарата съ цѣлью увеличить яркость x-лучей источника позволилъ значительно сократить время экспозиціи; такъ, скелетъ руки можно получить въ несколько секундъ и уже удалось при позѣ въ полчаса снять позвоночникъ рослаго человѣка; возможность современемъ изслѣдовать всѣ части человеческого скелета указаннымъ способомъ не подлежитъ сомнѣнію.

Пользуясь небольшими средствами, мы теперь можемъ снять полный скелетъ лишь небольшихъ животныхъ, птицъ, рыбъ, пресмыкающихся и увидать въ общихъ чертахъ тѣ результаты, на которые мы можемъ рассчитывать въ ближайшемъ будущемъ при сниманіи человѣка. Особенный интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ собою фотографія мыши, какъ теплокровнаго животного, подходящаго по своей организаціи на человѣка: прежде всего наше вниманіе, конечно, останавливается на ясно очерченномъ скелетѣ: мы видимъ не только очертаніе всѣхъ костей, но и различаемъ измѣненіе плотности вдоль кости (что хорошо видно и на снимкахъ руки человѣка), и даже больше того: мы ясно видимъ очертаніе легкихъ и сердца, всматриваясь внимательнѣе, начинаемъ отличать и другія детали, — лучи Рентгена позволяютъ намъ увидать внутренніе органы. Все это только первыя попытки примѣненія новаго метода, — попытки, сдѣланныя безъ опредѣленнаго плана, пользуясь явленіемъ только что открытымъ и еще неизученнымъ. Само собою разумѣется, что дальнѣйшаго прогресса въ этомъ дѣлѣ надо ожидать не отъ безчисленнаго повторенія снимковъ имѣющихся подъ руками приборами, а отъ систематическаго изслѣдованія этого явленія, слѣдуя по тому пути, который указалъ Рентгенъ.

* Вѣ физической лабораторіи Московскаго университета пишущему эти строки пришлось сдѣлать рядъ снимковъ, которые послужили проф. Л. Л. Левшину для руководства при операціяхъ въ университетской хирургической клиникѣ.

Въ виду той блестящей будущности, которую, очевидно, ожидаетъ приложение фотографіи х-лучами къ диагностическимъ цѣлямъ, естественно является вопросъ: слѣдуетъ ли больницы немедленно снабжать всѣми приборами, необходимыми для сниманія по способу Рентгена? Категорическій отвѣтъ на такой вопросъ дать, конечно, невозможно въ виду того, что каждый день получаютъ извѣстія о новыхъ и новыхъ изслѣдованіяхъ и открытіяхъ въ этой области, и только что высказанная смѣлая догадка можетъ имѣть уже полное опроверженіе или блистательное подтвержденіе въ неполученномъ еще номерѣ журнала; то, что кажется невозможнымъ сегодня, будетъ завтра примѣнено, а послѣзавтра окажется устарѣлымъ. То, что дають небольшія катушки и обыкновенныя трубки Брукса, т. е. возможность изслѣдовать висты рукъ и ногъ, врядъ ли можетъ получить широкое примѣненіе въ ежедневномъ обиходѣ больницы, такъ какъ требуетъ приготовленія (заряженія элементовъ, проявленія пластинокъ) и отнимаетъ очень много времени на изслѣдованіе тѣхъ именно случаевъ, которые встрѣчаются рѣдко и съ точки зрѣнія врача принадлежать къ болѣе легкимъ, по сравненію съ тѣми, съ которыми онъ постоянно имѣетъ дѣло. Въ большихъ городахъ, гдѣ ежедневно представляются случаи съ пользой примѣнить методъ Рентгена, гдѣ необходимый больничныи комфортъ налицо и врачъ имѣетъ помощниковъ, тамъ установка подобныхъ приборовъ безспорно можетъ оказать уже и теперь существенную пользу.

Примѣненіе х-лучей въ медицинѣ, возможность увидать то, что, казалось, останется навѣки сокрыто отъ глазъ человѣческихъ—скелетъ живого чловека, само появленіе этого почти сказочнаго диагностическаго приѣма, все это съ замѣчательною рельефностью выдѣляетъ ту часто забываемую истину, что всякій прогрессъ въ прикладной наукѣ или техникѣ обуславливается исключительно успѣхами въ области основныхъ наукъ, въ области чистаго знанія.

Петръ Лебедевъ.

Вопросы общей биологіи.

(*Vees Delage*: «La structure du protoplasma et les théories sur l'hérédité et les grands problèmes de la biologie générale.»)

Въ настоящее время въ биологіи происходитъ борьба двухъ теченій: одно изъ нихъ выражается всего ярче въ теоріи Вейсмана, съ ея строгимъ предопредѣленіемъ въ зародышевой клеткѣ всѣхъ частей будущаго организма, другое проявляется въ теоріяхъ, гдѣ, наоборотъ, преобладающее значеніе въ эмбриональномъ развитіи приписывается окружающимъ организму условіямъ. Эти два направленія борются не только на почвѣ вопроса о наследственности, но и ихъ пониманіе развитія видовъ совершенно различно: неодарвинисты выставляютъ на видъ естественный подборъ какъ единственный факторъ этого развитія, въ то время какъ неоламаркисты настаиваютъ на важномъ значеніи внѣшнихъ условій и на наследственной передачѣ приобрѣтенныхъ благодаря этимъ условіямъ признаковъ.

Для выясненія взаимнаго положенія борющихся направленій приходится прежде всего поставить себѣ вопросъ: гдѣ лежитъ причина того, что послѣ столькихъ научныхъ трудовъ изслѣдователей, изъ которыхъ нѣкоторыхъ можно назвать гениальными, послѣ столькихъ фактическихъ данныхъ, нагроможденныхъ въ послѣднія десятилѣтія множествомъ частныхъ работъ, вопросы этого рода все еще остаются открытыми? Въ чемъ заключается тотъ основной вопросъ, за разрѣшеніемъ котораго должно необходимо послѣдовать выясненіе и всѣхъ остальныхъ спорныхъ пунктовъ общей биологіи? Не трудно видѣть, что такимъ существеннымъ пунктомъ является вопросъ о внутреннемъ строеніи протоплазмы, которое одно могло бы дать ключъ къ объясненію жизненныхъ процессовъ организма. Но ни тѣ органы, которые микроскопъ открываетъ намъ въ клеткѣ, ни чисто-химическія свойства протоплазмы (въ томъ видѣ, по крайней мѣрѣ, въ какомъ они изслѣдованы до сихъ поръ) не даютъ такого объясненія, за которымъ поэтому приходится обращаться къ гипотезамъ, болѣе или менѣе вѣроятнымъ или удачнымъ, но все-таки гипотезамъ. Съ чего, въ самомъ дѣлѣ, начинать обыкновенно изложеніе своей теоріи каждый авторъ, трактующій о наследственности? Съ той или иной гипотезы, касающейся строенія про-

топлазмы, гипотезы, которая затѣмъ руководить авторомъ въ его дальнѣйшихъ построенияхъ. Одинъ предполагаетъ, что протоплазма состоитъ изъ частицъ, представляющихъ каждая маленькій электрическій аппаратъ (Альтманъ), другой приписываетъ имъ тотъ или иной родъ движенія (Геккель, Дольбиръ и др.), третій—извѣстную геометрическую форму (Гаакъ), четвертый—различныя элементарныя свойства (Вейсманъ) и т. д. Иныя изъ этихъ системъ привлекаютъ своею стройностью и цѣльностью и заставляютъ забывать ихъ чисто-гипотетическое основаніе, но онѣ не могутъ считаться истинными до тѣхъ поръ, пока новыя изслѣдованія строенія и дѣятельности клѣтки не дадутъ имъ фактическаго подтвержденія. Это тѣмъ не менѣе не умаляетъ для насъ интереса этого рода теорій: ихъ главная цѣль заключается не столько въ доставляемыхъ ими фактическихъ свѣдѣніяхъ, сколько въ разработкѣ извѣстныхъ естественно-научныхъ принциповъ и въ освѣщеніи съ той или иной точки зрѣнія тѣхъ частныхъ вопросовъ, которые сами по себѣ имѣютъ лишь очень относительный интересъ.

Наиболѣе значительнымъ влияніемъ пользуется теперь въ біологіи теорія Вейсмана. Эта теорія объясняетъ такое большое число фактовъ, что въ успѣхѣ, который она имѣла за послѣдніе годы, нѣтъ ничего удивительнаго. Мы замѣтимъ только, что вниманіе, удѣленное этому направленію, отодвинуло на задній планъ тѣ теоріи, въ которыхъ отразилась противоположная тенденція, а между тѣмъ онѣ имѣютъ значительный интересъ уже по одному тому, что, выставляя на видъ всю силу влиянія внѣшней среды, онѣ служатъ въ біологіи отраженіемъ болѣе общаго теченія въ наукѣ вообще.

Сторонники этого направленія не создали до сихъ поръ такой стройной и цѣльной системы, какъ Вейсманъ. Мало того: большинство ихъ, работая надъ изученіемъ влиянія внѣшнихъ условій и признавая ихъ преобладающее значеніе, пытаются, тѣмъ не менѣе, примирить свои взгляды съ теоріей Вейсмана или другими аналогичными. *Гертовъ*, напримѣръ, соединяетъ представленіе о частицахъ протоплазмы, надѣленныхъ извѣстными свойствами (точка зрѣнія Вейсмана), съ принципомъ, что будущій характеръ данной клѣтки опредѣляется не ея внутреннимъ строеніемъ, а мѣстомъ, гдѣ она находится. Другой авторъ, *Дришъ*, направилъ свои изслѣдованія на вопросъ о томъ, предопредѣлена ли для каждой части яйца ея будущая судьба, напримѣръ—даетъ ли одна часть всегда эктодерму, а другая—всегда энтодерму. Цѣлый рядъ опытовъ надъ яйцами иглокожихъ показалъ ему, что, убивая одну, двѣ или даже три изъ четырехъ клѣтокъ, получающихся послѣ второго дѣленія яйца, можно, тѣмъ не менѣе, имѣть нормальныя личинки. Но Дришъ, выводя изъ этихъ опытовъ заключеніе, что всѣ части яйца вначалѣ одинаковы и что лишь во внѣшнихъ условіяхъ ихъ развитія, а именно въ ихъ *мѣстонахожденіи*, нужно искать причины ихъ дальнѣйшей дифференціаціи, совершенно не объясняетъ, отъ чего же зависитъ то или другое мѣсто, занимаемое клѣткой, а слѣдовательно и не создаетъ цѣльной теоріи эмбриональнаго развитія. Нѣсколько дальше въ

этомъ направленіи идетъ *Гербертъ*, указывающій на химическія притяженія клѣтокъ между собою и по отношенію къ внѣшней средѣ, какъ на существенный факторъ развитія организма. Но и онъ не дѣлаетъ логическаго вывода изъ своихъ взглядовъ и даже признаетъ ихъ нѣсколько не противорѣчащими точкѣ зрѣнія Вейсмана. Гораздо полнѣе и удовлетворительнѣе теорія *Ру*. Она построена на томъ принципѣ, что форма, принимаемая данною клѣткою, зависитъ отъ характера ея дѣятельности, что, напримеръ, клѣтки соединительной ткани могутъ безразлично образовывать хрящи, связки или сухожилья, смотря по тому, въ какомъ направленіи онѣ будутъ упражняться, каковаго рода дѣятельность отъ нихъ потребуется. Функція клѣтокъ, такимъ образомъ, даетъ толчокъ ихъ развитію въ томъ или другомъ направленіи, возбуждаетъ ихъ дѣятельность тѣмъ или инымъ образомъ. Но важное значеніе, придаваемое этому «функциональному возбужденію», не мѣшаетъ *Ру* признавать существованіе въ ядрѣ яйца отдѣльныхъ представителей будущихъ свойствъ, расположенныхъ рядомъ, въ видѣ мозаики (этой части теоріи *Ру* даютъ поэтому названіе «теоріи мозаики»).

Какъ видно изъ этихъ немногихъ примѣровъ, натуралисты интересующаго насъ направленія высказывали свои взгляды довольно разбросанно и большею частью не доводили свои положенія до ихъ логическихъ послѣдствій. Это значительно затрудняетъ того, кто хотѣлъ бы, исходя изъ принятой ими точки зрѣнія, составить себѣ болѣе или менѣе цѣльный взглядъ на всю совокупность вопросовъ эмбриональнаго развитія и объяснить себѣ наиболѣе рациональнымъ и наименѣе гипотетическимъ образомъ тѣ сложныя и разнообразныя явленія, которыя мы понимаемъ подъ общимъ именемъ наследственности.

Въ этомъ именно отношеніи значительный интересъ представляетъ недавно вышедшій въ Парижѣ трудъ профессора зоологіи парижскаго естественнаго факультета *Делажэ*, подъ заглавіемъ: *La structure du protoplasma et les théories sur l'hérédité et les grands problèmes de la biologie générale*. Принимая за руководящій принципъ преобладаніе роли внѣшнихъ условій надъ предопредѣленіемъ, авторъ обобщаетъ и сводитъ въ болѣе или менѣе послѣдовательную систему какъ то, что было сдѣлано предыдущими изслѣдователями, такъ и собственные наблюденія и теоретическіе взгляды. Имя *Делажэ* врядъ ли извѣстно русской публикѣ, а потому приходится сказать предварительно нѣсколько словъ о немъ и о его ученой дѣятельности. До сихъ поръ *Делажэ* не заявилъ себя въ наукѣ особенно значительными трудами. Какъ большинство французскихъ ученыхъ, онъ занимался до послѣднихъ лѣтъ чисто-фактическими изслѣдованіями отдѣльныхъ вопросовъ, воздерживаясь совершенно отъ общетеоретическихъ споровъ. Только два года тому назадъ онъ выступилъ впервые съ трудомъ, имѣющимъ серьезное теоретическое значеніе—работой по эмбриологіи губокъ, гдѣ онъ высказывался противъ абсолютнаго предопредѣленія въ клѣткахъ ихъ будущей функціи. Дальнѣйшая разработка вопросовъ эмбри-

онального развитія и наследственности привела его къ тому, что передъ этими и другими существенными задачами общей биологiи всѣ частныя работы потеряли въ его глазахъ значительную долю своей важности и въ предисловіи къ занимающей насъ книгѣ онъ выступаетъ съ прямымъ протестомъ противъ общей тенденціи французскихъ ученыхъ ограничиваться одними фактическими изслѣдованіями, игнорируя ту общую цѣль, которая одна можетъ придать этимъ изслѣдованіямъ научную цѣну. «Нельзя болѣе довольствоваться,—говоритъ онъ,—какъ дѣлаютъ теперь почти всѣ, диссекціей, микроскопическими разрѣзами и срисовываніемъ того, что до сихъ поръ еще не было разрѣзано или нарисовано. Все это нужно продѣлывать уже не для того, чтобы пополнить крошечный пробѣлъ въ нашихъ анатомическихъ или гистологическихъ знаніяхъ, а для того, чтобы разрѣшить какую-нибудь биологическую задачу, какъ бы мала она ни была. Обзоръ его предыдущихъ работъ приводитъ автора къ заключенію, что онъ до сихъ поръ ограничивался или изученіемъ анатомическихъ подробностей, или прилагая къ изслѣдованію готовый, уже извѣстный принципъ, открывалъ то, что естественно вытекало изъ предыдущихъ работъ и все равно было бы открыто вѣдь-нибудь другимъ. «Размышляя о цѣляхъ изученія биологiи,—пишетъ онъ дальше,—я понялъ мало-по-малу, какъ мало интереса представляютъ научныя изслѣдованія въ томъ видѣ, въ какомъ они производятся у насъ, и окончательно рѣшилъ отказаться отъ всякой работы, которая не будетъ имѣть цѣлью разрѣшеніе какаго-нибудь важнаго теоретическаго вопроса».

Въ своей новой книгѣ Делажъ проводитъ эту программу. Онъ намѣчаетъ важнѣйшіе вопросы общей биологiи и, давъ сначала обзоръ всего, сдѣланнаго до сихъ поръ въ этой области, излагаетъ затѣмъ свои взгляды, которые онъ обозначаетъ подъ общимъ именемъ «теорiи непосредственныхъ причинъ» (*Théorie des causes actuelles*).

Высказываясь противъ большинства существующихъ системъ, авторъ опирается и на совершенно иной методъ. «Всѣ эти гипотезы, въ которыхъ измышляется цѣликомъ точное и сложное строеніе протоплазмы,—говоритъ онъ,—осуждены заранѣе на гибель, потому что онѣ изобрѣтаютъ то, что не можетъ быть изобрѣтено». Вполнѣ соглашаясь, что строеніе протоплазмы очень опредѣленно, Делажъ отрицаетъ существованіе въ ней частицъ, служащихъ представительницами извѣстныхъ свойствъ или расположенныхъ въ томъ или иномъ геометрическомъ порядкѣ, отрицаетъ потому, что самая остроумная гипотеза въ этой области не можетъ быть вѣрной, если случайно не совпадаетъ съ дѣйствительнымъ строеніемъ протоплазмы, пока неизвѣстнымъ и угадать которое заранѣе невозможно.

Онъ не видитъ никакой необходимости въ построеніи этихъ болѣе или менѣе сложныхъ гипотезъ, такъ какъ и разнообразіе внутренняго состава кѣтки, и различіе ея отдѣльныхъ частей, какъ ядро, оболочка и друг., должны объясняться физико-химическимъ притяженіемъ и отталкиваніемъ отдѣльныхъ частицъ протоплазмы,—объясненіе, которое впервые было въ

ставлено *Бертольдом*, давшимъ явленіямъ этого рода названіе «химіотактизма». Строеніе яйца, какъ и всякой кѣтки, представляется автору занижающей насъ книги также гораздо болѣе простымъ, чѣмъ это думаютъ вообще. Отличительнымъ признакомъ этого строенія онъ считаетъ не столько сложность, сколько *чувствительность*, вслѣдствіе которой для развитія яйца необходимы совершенно опредѣленные условія, малѣйшее отклоненіе отъ которыхъ ведетъ за собою для организма очень существенныя измѣненія, уродства или даже гибель. Извѣстно, какое множество яицъ погибаетъ, не успѣвъ развиться, и ихъ погибло бы еще больше, еслибы цѣлый рядъ приспособленій, встрѣчающихся въ органическомъ мірѣ, не обезпечивалъ хоть нѣкоторой долѣ ихъ болѣе или менѣе благоприятныхъ условій развитія. Эта крайняя чувствительность даетъ намъ возможность объяснить, почему изъ яицъ, повидимому, такъ похожихъ одно на другое, выходятъ организмы совершенно различныя. Легкаго несходства въ физико-химическомъ строеніи яицъ достаточно для того, чтобы на будущихъ организмахъ это несходство отразилось уже гораздо болѣе существеннымъ различіемъ.

Понятно, поэтому, что физико-химическія свойства яйца имѣютъ очень сильное вліяніе на организацію развивающагося изъ него существа. Делажъ признаетъ, что сходство новаго организма съ родительскимъ зависитъ въ значительной мѣрѣ отъ сходства даннаго яйца съ тѣмъ, которое дало жизнь родительскому организму. Но тутъ является вопросъ: въ чемъ же собственно выражается это сходство, и существуютъ ли въ яйцѣ отдѣльныя частицы-представительницы будущихъ свойствъ,—частицы, одинаковыя у отца и у потомка,—или и здѣсь можно обойтись безъ этой гипотезы? «Какъ всякая кѣтка,—говоритъ Делажъ,—яйцо имѣетъ свойства многихъ изъ тѣхъ тканей, которыя разовьются изъ него впоследствии; оно способно немного сокращаться, какъ мускульная ткань, оно немного чувствительно, какъ нервныя кѣтки, оно заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя изъ веществъ, которыя мы находимъ впоследствии во взросломъ организмѣ; по мѣрѣ дѣленія яйца эти свойства развиваются неравномѣрно въ различныхъ кѣткахъ, и это одностороннее развитіе производитъ гистологическую дифференціацию тканей». Изъ этихъ словъ видно, что авторъ далеко не приписываетъ яйцу всѣхъ тѣхъ сложныхъ свойствъ, которыя впоследствии явятся въ развившемся организмѣ, а слѣдовательно они и не могутъ быть локализованы въ яйцѣ въ видѣ отдѣльныхъ частицъ. Всякій признакъ, унаследованный организмомъ, зависитъ отъ извѣстной особенности физико-химическаго строенія зародышевой кѣтки *ex se ipso*, а не въ одной ея части. Если, наприм., въ данной семьѣ передается по наследству родимое пятно на опредѣленномъ мѣстѣ, то пигментъ образующихъ его кѣтокъ не имѣетъ въ яйцѣ спеціального представителя, а явился результатомъ какой-то особенности въ строеніи всего яйца. Подтверженіе этой мысли, съ перваго взгляда кажущейся произвольною, Делажъ находитъ въ нѣкоторыхъ существенно встрѣчающихся фактахъ. Если всѣ признаки передаются по наследству отдѣльно и независимо одинъ отъ другого, какъ это думаетъ

Вейсманъ, то какъ объяснить, наприм., то явленіе, что человекъ, отецъ котораго маленькаго роста, а мать—большого, не наследуетъ никогда одновременно длинныя руки матери и короткія ноги отца, а бываетъ сложень пропорціонально? Какъ объяснить всё тѣ явленія, которыя обозначаются подъ общимъ именемъ «соотносительныхъ признаковъ» и часто поражаютъ своею странностью? Давно извѣстны примѣры этихъ особенностей, повидимому, совершенно независимыхъ другъ отъ друга, а между тѣмъ тѣсно связанныхъ. Почему—возьмемъ классическій примѣръ—голубоглазыя кошки глухи? Почему у лысыхъ собакъ несовершенныя зубы? Всѣ подобные факты представляютъ, по мнѣнію Делажя, лишь особенно рѣзкія и поразительныя примѣненія того общаго принципа, что разъ всякая особенность зависитъ отъ строенія яйца въ его цѣломъ, она не можетъ быть независимой отъ другихъ тканей, изъ того же яйца развивающихся, и должна такъ или иначе на нихъ отзываться. Самое названіе «соотносительныхъ признаковъ» съ этой точки зрѣнія теряетъ смыслъ, потому что собственно всѣ признаки всегда соотносительны, но только мы этого не замѣчаемъ, если они не проявляются въ особенно рѣзкой формѣ. Делажь, впрочемъ, не пытается дать обстоятельнаго объясненія этого рода явленіямъ; онъ ограничивается указаніемъ направленія, по которому этого объясненія слѣдуетъ искать.

Изъ своего основнаго положенія, что всякій признакъ зависитъ отъ строенія яйца въ его цѣломъ, онъ дѣлаетъ и еще одинъ выводъ: невозможность для какихъ-нибудь признаковъ находиться въ скрытомъ состояніи. Какое-либо свойство клетки можетъ не проявиться только въ томъ случаѣ, когда физико-химическій составъ ея этого не допускаетъ. Если же затѣмъ оно обнаруживается, то только при извѣстномъ измѣненіи этого состава, и тогда уже ничто не можетъ задержать его проявленія, какъ ничто не можетъ удержать отъ паденія брошенный камень. Нельзя сказать, что этотъ признакъ раньше находился въ скрытомъ состояніи: его просто не существовало. «Тотъ, кто выдумалъ терминъ «скрытые признаки», — говоритъ Делажь,—оказалъ плохую услугу наукѣ», именно потому, что вмѣсто простаго обозначенія извѣстнаго рода фактовъ въ немъ увидели дѣйствительное объясненіе ихъ.

Разсмотрѣвъ взгляды автора на строеніе яйца и роль, которую оно играетъ въ наследственности, перейдемъ теперь къ тѣмъ влияніямъ окружающей среды, которыя, вызывая извѣстную реакцію со стороны организма, являются, съ точки зрѣнія интересующаго насъ направленія, главными опредѣлителями его эмбриональнаго развитія. Слѣдующій примѣръ, заимствованный изъ неорганическаго міра, даетъ Делажу возможность сразу выяснитъ свою точку зрѣнія. Представимъ себѣ рѣку, спускающуюся съ горы, гдѣ она беретъ начало въ ледникахъ; въ верховьяхъ она падаетъ каскадомъ, дальше, на равнинахъ, вертитъ колесо водяной мельницы, еще дальше, гдѣ русло ущемляется между горами камней, производитъ постоянный водоворотъ, и, наконецъ, впадаетъ въ океанъ. Представимъ себѣ на минуту, что та же масса воды, испаряясь съ поверхности, превращается

въ облако, которое, охлаждаясь, падаетъ въ видѣ снѣга на вершину горы и образуетъ ледникъ, дающій начало рѣкѣ; мы получимъ тогда циклъ явлений, аналогичныхъ тѣмъ, которыя происходятъ въ органическомъ мірѣ, повторяясь съ каждымъ новымъ поколѣніемъ даннаго вида. Что бы мы сказали, еслибы физикъ, изучающій движеніе этой массы воды, заключилъ изъ одинаковости проходимаго ею пути, что въ самой водѣ, а не во внѣшней формѣ рѣчного русла, находятся какія-нибудь элементарныя частицы, заставляющія воду въ одномъ мѣстѣ образовывать водопадъ, въ другомъ — вертѣть колесо? «То же самое,—говоритъ Делажъ,—дѣлаетъ натуралистъ, который, думая, что всѣ явленія эмбриональнаго развитія и всѣ наследственные признаки вполне опредѣлены въ яйцѣ, ищетъ, въ какой формѣ они тамъ находятся, въ то время какъ въ яйцѣ существуетъ только одинъ изъ существенныхъ факторовъ. Этотъ факторъ — его химическое строеніе и взаимное расположеніе составныхъ частей».

Внѣшняя среда имѣетъ для яйца тѣмъ большее значеніе, что, вслѣдствіе своей крайней чувствительности, оно требуетъ на каждой стадіи своего развитія совершенно опредѣленныхъ условій, иначе это развитіе приостанавливается, и яйцо погибаетъ. Что же касается того, каковы именно эти требуемыя условія, то они должны непременно быть сходными съ тѣми, которыя окружали родительскій организмъ, потому что они обуславливаются тѣмъ, что необходимо для извѣстнаго физико-химическаго строенія яйца, сходнаго у родителей и у дѣтей. Наслѣдственное сходство, такимъ образомъ, не предопредѣлено заранѣе, а выясняется шагъ за шагомъ по мѣрѣ развитія эмбриона, вслѣдствіе одинаковости этихъ окружающихъ условій. «Яйцо,—говоритъ Делажъ,—движется, какъ слѣпой или, вѣрнѣе, какъ близорукій, который ничего не видитъ издали, но съ каждымъ шагомъ намѣчаетъ, въ какомъ направленіи онъ долженъ двигаться дальше».

Вліяніе окружающихъ условій авторъ противопоставляетъ, какъ уже было сказано, предопредѣленію признаковъ въ яйцѣ. Поэтому, говоря объ этомъ вліяніи, онъ имѣетъ въ виду не только свойства чисто-внѣшней среды, но и всѣ тѣ измѣненія, которыя она вызываетъ въ организмѣ, разъ эти измѣненія не ведутъ начала отъ яйца, а совершаются *позднѣе*, по мѣрѣ эмбриональнаго развитія. Простой примѣръ покажетъ, какъ рано начинается дѣйствіе этихъ причинъ. Яйцо дѣлится на двѣ части, которыя уже по одному тому не тождественны съ яйцомъ, что ихъ двѣ и что онѣ испытываютъ на себѣ неравномѣрное давленіе; этотъ новый факторъ — измѣненіе давленія — ведетъ къ измѣненію формы: каждая изъ частей обазывается сплюснутою съ извѣстной стороны, а въ зависимости отъ этого находится и направленіе слѣдующей плоскости дѣленія. Опыты Пфлюгера, а затѣмъ и другихъ, показываютъ, что, измѣняя давленіе различнымъ образомъ, можно измѣнять по произволу и это направленіе. На дальнѣйшихъ стадіяхъ эмбриональнаго развитія мы видимъ то же самое: новыя вліянія создаютъ на каждомъ шагѣ новое анатомическое расположеніе, которое въ свою очередь ведетъ за собою рядъ послѣдствій. Этотъ принципъ, по мнѣ-

нію Делажа, можетъ лучше всего дать ключъ къ разрѣшенію одного изъ существеннѣйшихъ вопросовъ эмбриологіи: чему приписать дифференціацію клѣтокъ и созданіе тканей и органовъ въ процессѣ развитія? Постепенному распредѣленію детерминантовъ по различнымъ клѣткамъ тѣла (составляющему существенную часть гипотезы Вейсмана) онъ противопоставляетъ причины гораздо болѣе осязательныя и реальныя: химическія реакціи внутри организма и совершающіеся въ немъ, въ связи съ этими реакціями, физиологическіе процессы.

Важную роль химическаго взаимодействія клѣтокъ въ ихъ дифференціаціи первый показалъ Гербетъ (въ 1894 г.), изучившій «химіотактизмъ» клѣтокъ, положительный или отрицательный, смотря по тому, притягиваются ли клѣтки другъ къ другу или къ какому-нибудь виѣшнему фактору, или же, наоборотъ, отталкиваются. Подъ этимъ влияніемъ кожныя клѣтки приближаются къ наружной поверхности, тѣ, которыя выстилаютъ кишечный каналъ, направляются внутрь организма и т. п. Извѣстно, что при образованіи нерва сначала появляется осевой цилиндръ, который растетъ, пробираясь между тканями, а затѣмъ уже окружающія безразличныя мезодермическія клѣтки дифференцируются вокругъ него и образуютъ Шванново влагалище. Очевидно, — говоритъ Делажъ, — эти клѣтки измѣняются подъ влияніемъ какой-то притягательной силы, исходящей изъ осевого цилиндра, силы, которой можно дать названіе «невротактизма». Аналогичнымъ путемъ притягиваются и укрѣпляются на своихъ мѣстахъ тѣ элементы, которые составляютъ стѣнки сосудовъ, *regimusium* мускуловъ и многія другія ткани. Всѣ явленія этого рода онъ обозначаетъ подъ общимъ именемъ «биотактизма».

Не меньшее влияніе на образованіе тканей имѣютъ вещества, поглощаемыя или выдѣляемыя организмомъ. Жизненные процессы ассимиляціи и дезассимиляціи клѣтокъ содѣйствуютъ появленію въ эмбрионѣ такихъ химическихъ соединеній, которыхъ въ яйцѣ не было. Питаніе клѣтки имѣетъ на нее не только временное дѣйствіе, но и измѣняетъ ее внутреннее химическое строеніе. Мы знаемъ, наприм., какъ положительный фактъ, что спиртъ входитъ въ составъ мозговой клѣтки алкоголика настолько прочно, что существуетъ тамъ даже послѣ продолжительнаго воздержанія. Въстѣ съ тѣмъ, вводимыя въ организмъ вещества содѣйствуютъ и дифференціаціи тканей, такъ какъ, дѣйствуя на нихъ различно, усиливаютъ ихъ первоначальное разнообразіе.

Что касается выдѣляемыхъ веществъ, то влияніе ихъ всего замѣтнѣе на патологическихъ процессахъ: наприм., удлиненіе послѣдняго сустава у чахоточныхъ можетъ объясняться влияніемъ ядовъ, выдѣляемыхъ чахоточными микробами. Многія другія болѣзни (золотуха, сифилисъ и др.) вносятся, по той же причинѣ, значительныя измѣненія въ состояніе всего организма больного. Но, независимо отъ патологическихъ образованій, нормальные продукты многихъ железъ, наприм., щитовидной железы, связаны съ цѣлымъ рядомъ свойствъ организма, и уничтоженіе этой железы ведетъ за

собой рядъ характерныхъ явленій. Можно поэтому считать несомнѣннымъ фактомъ, что продукты, вводимые въ кровь железами, имѣютъ значительное вліяніе на анатомическое строеніе организма и что эмбрионъ, въ которомъ эти вещества отсутствовали бы, существенно отличался бы отъ нормальнаго.

Въ тѣсной связи съ химическими процессами организма стоятъ процессы физиологическіе. Ихъ роль въ дифференціаціи кѣлокъ и тканей выдвинулъ, главнымъ образомъ, Ру, который положилъ въ основаніе своей теоріи тотъ принципъ, что именно функционированіе данной кѣлки ведетъ къ ея дифференціаціи, такъ что кѣлка сама своею дѣятельностью опредѣляетъ свою роль въ организмѣ. Эту теорію «функциональнаго возбужденія» Делажъ принимаетъ почти цѣликомъ, а потому нужно сказать о ней нѣсколько словъ.

Протоплазма не однородна по всей кѣлкѣ, а состоитъ изъ веществъ болѣе или менѣе различныхъ, которыя поэтому ассимилируютъ тѣ или иные питательные соки въ различной степени и реагируютъ каждое по-своему на то или иное возбужденіе. Поэтому, когда кѣлка подвергается извѣстнаго рода возбужденіямъ и находится въ опредѣленной питательной средѣ, эта среда будетъ облегчать ассимиляцію для однихъ веществъ протоплазмы и затруднять ее для другихъ, такъ что первыя естественно разовьются въ ущербъ вторымъ. Кромѣ того, опредѣленныя возбужденія будутъ вызывать наибольшую дѣятельность того или иного вещества или способствовать его ассимиляціи, а, слѣдовательно, и большей жизненности; повторяясь, они будутъ вызывать преимущественное развитіе этого вещества; оно поэтому будетъ все сильнѣе проявлять свои свойства и въ концѣ-концовъ, получивъ преобладающее значеніе въ кѣлкѣ, придастъ ей опредѣленный характеръ. Это—начало дифференціаціи кѣлокъ, въ зависимости отъ того, способствуютъ ли окружающія условія развитію въ нихъ тѣхъ или другихъ веществъ. Эта борьба органическихъ веществъ, — аналогичная борьбѣ за существованіе, — происходитъ не только внутри каждой кѣлки, но и между кѣлками, изъ которыхъ наиболѣе энергично функционирующія развиваются въ ущербъ другимъ. То же «функциональное возбужденіе» можетъ вести за собой созданіе цѣлыхъ органовъ, однимъ изъ примѣровъ чего являются ложныя сочлененія (pseudoarthroses), т. е. новыя сочлененія съ хрящами и связками, образующіяся послѣ перелома кости въ зависимости отъ новаго направленія движенія.

Теорія «функциональнаго возбужденія» наложила сильный отпечатокъ на взгляды Делажа. Признавая, что она не даетъ отвѣта на многіе вопросы и не объясняетъ многихъ явленій наслѣдственности, онъ, тѣмъ не менѣе, находитъ, что своимъ общимъ направленіемъ она подвинула вопросъ дальше, чѣмъ стройныя, но искусственныя системы. Функционированію органовъ и тканей онъ придаетъ огромное значеніе въ процессѣ эмбриональнаго развитія. «Въ яйцѣ predeterminedъ только то, — говоритъ онъ, — что не опредѣляется впоследствии функциональнымъ возбужденіемъ, а то, что опредѣляется имъ — громадно. Допустимъ возможность развитія эмбриона, у

котораго всё органы, съ самаго ихъ появленія, были бы вполне парализованы, гдѣ бы сердце не билось, гдѣ бы кровь двигалась, не оказывая давленія на стѣнки сосудовъ, гдѣ бы ни въ какой моментъ развитія не было ни давленія, ни растягиванія, ни сокращенія, ни тренія, ни сжатія, никакого дѣйствія пустоты или напряженности тканей. Трудно себѣ представить, какой выродокъ, какой уродъ явился бы на свѣтъ! А, между тѣмъ, только онъ предопредѣленъ въ яйцѣ. Все остальное—результатъ функциональнаго возбужденія».

Отъ чего же зависитъ то или иное направленіе этого фактора, значеніе котораго такъ велико? Не трудно видѣть, что внѣшнія условія и образъ жизни, вызывая упражненіе или неупражненіе органовъ или способствуя введенію въ организмъ тѣхъ или иныхъ веществъ, имѣютъ самое рѣшительное вліяніе на функциональное возбужденіе, связь котораго съ чисто-внѣшнею средой устанавливается такимъ образомъ сама собою. Но не всегда мы можемъ видѣть, какова именно рода функциональное возбужденіе вызывается тѣмъ или другимъ внѣшнимъ факторомъ, и передъ нами обазывается только, съ одной стороны, дѣйствіе внѣшней среды, съ другой—вызванный имъ анатомическій признакъ, а всё промежуточные физиологическіе процессы остаются отъ насъ скрытыми.

Сюда относятся всё тѣ случаи, когда организмъ можетъ принять двѣ различныя формы, одинаково нормальныя, смотря по условіямъ его развитія. Подземный стебель картофеля, напримѣръ, вообще остающійся бѣлымъ и образующій клубни, зеленѣетъ и даетъ вѣтви съ листьями, если срѣзать воздушную часть растенія. Листья тѣхъ, очень различныя съ верхней и съ нижней стороны, подвергаются значительнымъ измѣненіямъ, если перевернуть еще не раскрывшіяся почки: верхняя сторона пріобрѣтаетъ свойства нижней и наоборотъ, вѣроятно, въ зависимости отъ освѣщенія. Опыты надъ искусственнымъ полученіемъ ненормальныхъ формъ даютъ намъ другой рядъ подобныхъ же фактовъ. Возьмемъ, наприм., опыты Герберта надъ личинками морскихъ ежей. Онъ изучалъ видоизмѣненія этихъ личинокъ въ зависимости отъ химическихъ свойствъ воды, въ которой онѣ развиваются, и получилъ нѣкоторые очень интересные результаты. Такъ, прибавленіе къ водѣ солей литія мѣшаетъ образованію углубленія, которое должно дать начало пищеварительному каналу, а, слѣдовательно, и образованію этого послѣдняго. Затѣмъ Гербертъ повторилъ тотъ же опытъ съ другими солями и каждый разъ констатировалъ различныя ненормальности и уродства, характеръ которыхъ зависитъ отъ основанія соли, а интенсивность возрастаетъ вѣсть съ молекулярнымъ вѣсомъ кислоты. Онъ даже составилъ классификацію своихъ уродовъ, раздѣливъ ихъ на калиевыхъ, натріевыхъ, литіевыхъ и т. д.

Опыты этого рода, какъ и вообще всё явленія, доказывающія важность вліяній внѣшнихъ условій, такъ многочисленны, что дальнѣйшій перечень ихъ былъ бы невозможенъ, да и совершенно излишенъ. Сказанное даетъ достаточное представленіе о томъ, насколько широка въ природѣ сфера этихъ

влияній и насколько имѣютъ реальное основаніе тѣ теоріи, которыя вводятъ этотъ факторъ, какъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ, въ свое пониманіе явленій наследственности.

Съ вопросомъ о влияніи вѣшной среды на эмбриональное развитіе организмовъ тѣсно связанъ другой, о которомъ до сихъ поръ приходилось говорить только вскользь,—вопросъ о наследственности приобрѣтенныхъ свойствъ. Въ настоящее время онъ служитъ главнымъ пунктомъ разногласія между такъ называемыми неодарвинистами, во главѣ съ Вейсманомъ, и неодамаркистами, представителемъ которыхъ можно считать Спенсера. Неодарвинисты не только прямые послѣдователи Дарвина; они доводятъ его взгляды до крайности и, если Дарвинъ придавалъ естественному подбору преимущественное значеніе въ эволюціи организмовъ, то они приписываютъ ему *исключительную* роль, являясь такимъ образомъ болѣе дарвинистами, чѣмъ самъ Дарвинъ, и повторяя ту ошибку, въ которую впадаютъ вообще большинство учениковъ создателей новыхъ теорій. Наиболѣе сильное влияніе на направленіе натуралистовъ въ этомъ отношеніи имѣлъ Вейсманъ, для котораго идея абсолютнаго разграниченія «зародышевой плазмы» отъ «соматической» вела за собою, какъ естественное послѣдствіе, полное отрицаніе возможности передачи по наследству приобрѣтенныхъ свойствъ. Съ другой стороны, и построенная имъ теорія наследственности приводила естественно къ тому же результату. Въ самомъ дѣлѣ, если при развитіи яйца только часть его, распредѣляя свои детерминанты, образуетъ дифференцированныя ткани тѣла, тогда какъ другая остается неприкосновенной и передается, не подвергаясь никакой дифференціаціи, половымъ органамъ, то что можетъ быть общаго между этими двумя категориями тканей и какимъ образомъ измѣненія, происшедшія въ одной, могутъ отражаться на другой? Приходится неизбѣжно отвергнуть передачу по наследству приобрѣтенныхъ признаковъ; но тогда естественный подборъ остается единственнымъ факторомъ эволюціи, и понятно, почему Вейсманъ въ этомъ вопросѣ долженъ былъ сдѣлаться горячимъ сторонникомъ неодарвинистовъ.

Какое же мѣсто въ этомъ спорѣ принадлежитъ занимающему насъ труду? По общимъ тенденціямъ автора можно заранѣе предвидѣть, что онъ станетъ скорѣе на ту сторону, которая придаетъ большее значеніе влиянію вѣшной среды. Тѣмъ не менѣе его нельзя причислять вполнѣ къ ламаркистамъ, потому что на его взгляды наложила сильный отпечатокъ теорія Ру, и «функциональное возбужденіе» сдѣлалось въ его глазахъ, не только въ эмбриональномъ развитіи, но и въ эволюціи видовъ, однимъ изъ самыхъ существенныхъ факторовъ. Взгляды его на этотъ предметъ такъ же послѣдовательно вытекаютъ изъ пониманія строенія яйца, какъ и взгляды Вейсмана, и коренное разногласіе въ точкѣ исхода естественно приводитъ ихъ и къ противоположнымъ выводамъ.

Вотъ что говоритъ Делажъ по поводу отдѣленія «зародышевой плаз-

мы» отъ «соматической»: «Ни разу самыя тщательныя наблюденія не показали, чтобы при дѣленіи клѣтокъ часть ихъ вещества оставалась въ резервѣ и передавалась въ непривосновенности половымъ органамъ будущаго организма, въ то время какъ все остальное подвергается дифференціаціи». Несомнѣннымъ онъ считаетъ только тотъ фактъ, что вполне дифференцированныя клѣтки никогда не могутъ дать начала клѣткамъ воспроизводительнымъ, т.-е. наименѣе дифференцированнымъ, и что эти послѣднія всегда образуются на счетъ тканей мало дифференцированныхъ, какъ, напримѣръ, камбій у растений или клѣтки, выстилающія общую полость тѣла у животныхъ. Но и эти ткани, все-таки, сравнительно съ зародкомъ, подверглись въ некотораго рода измѣненіямъ и до извѣстной степени дифференцировались. Это не мѣшаетъ имъ, однако, возвращаться при образovanіи воспроизводительныхъ клѣтокъ къ первоначальному состоянію и терять свои отличительныя признаки. «Зародышевая плазма», не будучи такимъ образомъ, вполне отдѣлена отъ остальныхъ тканей, должна подвергаться вмѣстѣ съ ними различнымъ вліяніямъ, дѣйствіе которыхъ будетъ поэтому отзываться и на слѣдующемъ поколѣніи.

Не всё, впрочемъ, свойства, приобретенныя подъ вліяніемъ окружающихъ условій, могутъ отражаться на половыхъ органахъ и на будущемъ поколѣніи. Делаясь раздѣляетъ ихъ на группы и рассматриваетъ каждую въ отдѣльности. Различныя *искусственныя поврежденія*, напримѣръ, могутъ вліять на слѣдующее поколѣніе только въ тѣхъ случаяхъ, когда организмъ лишается цѣлой категоріи тканей, напримѣръ, какой-нибудь железы, потому что тогда отсутствіе веществъ, которыя эта железа вводитъ въ кровь, сильно измѣняетъ составъ послѣдней и дѣйствуетъ на всѣ части организма, въ томъ числѣ и на половыя клѣтки. Отнятіе же какой-нибудь части тѣла, ткани которой встрѣчаются и въ другихъ частяхъ организма, напримѣръ, руки или ноги, не внося измѣненій въ химическіе процессы, не будетъ отражаться на потомствѣ. Эти же соображенія можно примѣнить и къ тѣмъ случаямъ, когда рѣчь идетъ о *развитіи* или *atrophi* органовъ въ зависимости отъ большаго или меньшаго ихъ упражненія. Измѣненіе состава крови отъ какихъ бы то ни было причинъ всегда имѣетъ самое существенное вліяніе на физиологическіе процессы организма, а затѣмъ и на его анатомическое строеніе; отсюда понятно, что изъ всѣхъ перемѣнъ, которымъ подвергается организмъ, наиболѣе важными и для него самого и для его потомства будутъ всѣ тѣ, которыя связаны съ его *питаніемъ*. Этому фактору авторъ поэтому отводитъ наибольшую роль, какъ самому постоянному и самому важному для измѣнчивости видовъ. Остается наследственное вліяніе *болъзней*. Онѣ могутъ дѣйствовать на организмъ двоякимъ путемъ: или косвенно, ослабляя его вообще, или непосредственно—путемъ выделяемыхъ различными микробами веществъ, не говоря уже о прямой передачѣ микробовъ по наследству самими воспроизводительными клѣтками.

Но если легко можно себя представить, какимъ образомъ свойства,

приобрѣтенныя организмомъ подѣ влияніемъ вѣшной среды, могутъ отзваться на его потомствѣ, то затѣмъ возникаетъ другой вопросъ, уже болѣе трудный: почему эти приобрѣтенныя свойства вызываютъ въ извѣстныхъ случаяхъ въ потомкахъ измѣненіе именно аналогичное тому, которое произошло въ родительскомъ организмѣ? Разъ яйцо имѣетъ совершенно другое строеніе, чѣмъ дифференцированныя кѣтки, то какимъ образомъ вѣшнія вліянія, напримѣръ, введеніе въ организмъ того или другого вещества, могутъ производить на нихъ одинаковое дѣйствіе? Почему, другими словами, приобрѣтенные организмомъ признаки не просто измѣняютъ такъ или иначе организмъ его потомка, а именно вызываютъ въ немъ тѣ же самыя свойства, т. е. оказываются *наслѣдственными*? Делажь ищетъ отвѣта и на эти вопросы въ понятіи о строеніи яйца. «Мы видѣли, — говоритъ онъ, — что яйцо не заключаетъ въ себѣ всѣхъ веществъ будущаго организма, но нѣкоторыя изъ нихъ въ немъ находятся. Если мускульная и нервная кѣтки обязаны своей сократимостью и чувствительностью какаму-нибудь особымъ веществамъ и особой группировкѣ веществъ, то тѣ же вещества или та же группировка должны быть и въ яйцѣ, потому что оно обладаетъ въ извѣстной мѣрѣ сократимостью и чувствительностью». Представимъ себѣ теперь, что въ составъ крови вводится какое-нибудь вещество, вліяющее извѣстнымъ образомъ на опредѣленную ткань, благоприятствующее или мѣшающее развитію тѣхъ веществъ, которыя эту ткань характеризуютъ. Аналогичныя измѣненія произойдутъ и въ яйцѣ, если въ немъ находятся тѣ же вещества, а преобладаніе, полученное тѣми или другими изъ нихъ, отразится такимъ же преобладаніемъ и въ организмѣ, который изъ этого яйца разовьется, такъ что потомокъ окажется унаслѣдовавшимъ прямо отъ предка большее или меньшее развитіе извѣстныхъ тканей и органовъ. Но для этого необходимо опредѣленное условіе — присутствіе извѣстныхъ химическихъ веществъ въ яйцѣ, а такъ какъ число этихъ веществъ ограничено, то по большей части измѣненія, вызванныя во взросломъ организмѣ, отзываются на его потомствѣ измѣненіями, не аналогичными съ первыми. Такъ, дѣти алкоголика не становятся непременно алкоголиками, но наслѣдственность можетъ проявляться въ рядѣ нервныхъ болѣзней: эпилепсіи, сумасшествія и проч.

Помимо вопроса о томъ, какимъ образомъ являются въ организмѣ извѣстныя особенности, интересна еще и та роль, которую онѣ играютъ въ общей эволюціи видовъ. Не можетъ быть спора о томъ, что онѣ составляютъ самое необходимое ея условіе, потому что обусловливаютъ тѣ различія между организмами, которыя, упрочиваясь, даютъ начало этой эволюціи. Но всѣ ли особенности одинаково поддаются этому процессу? По мнѣнію Делаяжа только одна ихъ категорія, именно измѣненія *общаго характера*, обнимающія собою цѣлую расу, или, по крайней мѣрѣ, значительное число особей, могутъ способствовать эволюціи; что же касается *индивидуальныхъ* особенностей, слабыхъ или сильныхъ, то онъ отрицаетъ

за ними всякую роль въ этомъ отношеніи, рѣшительно становясь въ данномъ вопросѣ на сторону ламаркистовъ.

Вотъ въ чемъ заключаются его главные аргументы: Дарвинъ придавалъ преимущественное значеніе мелкимъ индивидуальнымъ особенностямъ, упрощеннымъ естественнымъ подборомъ, который, такимъ образомъ, являлся главной причиной измѣненія и развитія видовъ. Но естественный подборъ можетъ дѣйствовать только на такіе признаки, которые даютъ одной особи очень рѣзкій перевѣсъ надъ другой, а мелкія индивидуальныя преимущества, вдобавокъ еще часто уравновѣивающіяся слабостью въ какомъ-нибудь другомъ отношеніи, не могутъ дать для естественнаго подбора надлежащей почвы. Къ чему, напримѣръ, послужить животному, находящемуся въ холодномъ климатѣ, имѣть нѣкоторое количество бѣлыхъ волосъ или всю шерсть цвѣтомъ немного свѣтлѣе, когда для того, чтобы извлечь изъ своей окраски выгоду, ему нужно быть именно совсѣмъ бѣлымъ? Какое преимущество будетъ имѣть бабочка-капустница отъ легкаго измѣненія въ ея окраскѣ, когда это измѣненіе можетъ быть ей полезно только тогда, когда оно доведено до одинаковости цвѣта ея крыльевъ съ цвѣтомъ окружающей среды?

Что же касается рѣзко выраженныхъ индивидуальныхъ особенностей, то къ нимъ предыдущее разсужденіе, конечно, не примѣнимо; но такія крупныя измѣненія близко соприкасаются съ уродствами, а уродства очень рѣдко бываютъ благоприятными. Еслибъ даже такой счастливый случай и явился, то индивидуальное отличіе очень быстро исчезло бы при смѣшеніи съ другими, не измѣнившимися особями, и для поддержанія его понадобились бы особыя исключительныя условія, какъ эмиграція измѣнившихся формъ или невозможность, вслѣдствіе какихъ-нибудь перемѣнъ въ анатомическомъ строеніи, смѣшенія между ними и другими. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ предыдущемъ, Делажъ не признаетъ индивидуальнаго отличія, если даже оно и подпадетъ подъ дѣйствіе естественнаго подбора, достаточною причиной эволюціи видовъ. Значеніе естественнаго подбора вообще кажется ему сильно преувеличеннымъ, и онъ считаетъ неоламаркистовъ совершенно правыми, когда они доказываютъ недостаточность этого фактора для объясненія многихъ явленій. За естественнымъ подборомъ онъ признаетъ скорѣе отрицательное значеніе. Онъ не столько охраняетъ, по его мнѣнію, выгодныя особенности, сколько устраняетъ безусловно вредныя, не столько способствуетъ размноженію болѣе совершенныхъ формъ, сколько убиваетъ организмы, наименѣе приспособленные. Естественный подборъ «не защищаетъ голову,—говоритъ онъ,—а уничтожаетъ хвостъ». Въ борьбѣ за существованіе и въ уничтоженіи безчисленнаго множества организмовъ не онъ играетъ главную роль, потому что это уничтоженіе происходитъ не столько между организмами, въ которыхъ уже могутъ проявляться индивидуальныя различія, сколько еще до ихъ рожденія, между яйцами; здѣсь подборъ отличительныхъ признаковъ тогъ или другого яйца имѣетъ несравненно меньшее значеніе, чѣмъ простой случай, который истребляетъ

ихъ цѣлыми массами, «уничтожая, такимъ образомъ, еще до рожденія большую часть соперниковъ въ борьбѣ за существованіе». Даже въ борьбѣ взрослыхъ организмовъ случай играетъ видную роль, и тѣ, которымъ удается уцѣлѣть, далеко не могутъ считаться вполне приспособленными къ своей средѣ. Полную гармонію и безусловную полезность всѣхъ существующихъ формъ и органовъ Делажъ вполне отрицаетъ. «Большинство видовъ,—говоритъ онъ,—живутъ кое-какъ, далеко не представляя, какъ думаютъ вообще, искусно построенной машины, приспособленной къ опредѣленному мѣсту въ великомъ механизмѣ природы».

Какими же причинами вызываются тѣ особенности, которыя однѣ обуславливаютъ общую эволюцію видовъ, т.-е. особенности, распространяющіяся на цѣлую расу? Эти причины могутъ лежать только въ условіяхъ жизни, т.-е. въ питаніи, въ климатѣ, въ упражненіи или неупражненіи органовъ. Питаніе, вліяя на составъ крови, производитъ перемѣны въ веществѣ кѣлѣтокъ, вначалѣ незамѣтныя, но затѣмъ все болѣе и болѣе накапливающаяся, по мѣрѣ того, какъ одно поколѣніе за другимъ подвергается дѣйствию внѣшнихъ условій. Климатъ можетъ служить причиной значительныхъ измѣненій, отчасти непосредственно дѣйствуя на температуру кѣлѣтокъ и на ихъ химическія реакціи, отчасти косвеннымъ вліяніемъ на весь образъ жизни данной расы. Что касается упражненія и неупражненія органовъ, то ихъ дѣйствіе могло бы быть объяснено, по мнѣнію Делажъ, даже совершенно независимо отъ наслѣдственности, однимъ вліяніемъ «функциональнаго возбужденія», которое усиливается или ослабѣваетъ въ зависимости отъ степени упражненія органовъ и тѣмъ вліяетъ на ихъ анатомическое строеніе. Это даетъ возможность понять нѣкоторыя изъ тѣхъ явленій, которыя не могутъ быть объяснены ни естественнымъ подборомъ, ни прямою наслѣдственностью приобретенныхъ свойствъ, какъ, наприм., атрофія бедренной кости у кита—фактъ, который Спенсеръ выставляетъ какъ камень преткновенія для неодарвинистовъ. Что эта кость атрофировалась отъ неупражненія—это очевидно, но какимъ именно путемъ? Естественный подборъ,—говоритъ Делажъ,—не могъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ: чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, выгоднѣе для кита имѣть бедренную кость именно такой длины, а не на нѣсколько сантиметровъ больше? Съ другой стороны, трудно себѣ представить, какимъ образомъ уменьшеніе этой кости могло вліять на «зародышевую плазму» и сдѣлаться наслѣдственнымъ. Вопросъ можно разъяснить, по его мнѣнію, только съ точки зрѣнія «функциональнаго возбужденія»: когда предки современнаго кита еще употребляли въ дѣло свои конечности, величина этихъ послѣднихъ зависѣла въ значительной мѣрѣ отъ «функциональнаго возбужденія»; при ослабленіи и совершенномъ устраненіи этого фактора кости ихъ уже не могли развиться до прежнихъ размѣровъ и результатомъ явилась постепенная атрофія.

Роль, которую Делажъ приписываетъ «функциональному возбужденію», помогаетъ ему въ объясненіи и того параллелизма, который существуетъ между эмбриональнымъ развитіемъ отдѣльнаго индивидуума и эволюціей

цѣлаго вида. Такъ какъ «функциональное возбужденіе» дѣйствуетъ тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ дальше подвинулось эмбриональное развитіе, то на каждой данной стадіи всѣ органы менѣе дифференцированы, менѣе развиты или, наоборотъ, менѣе атрофированы (смотря по относительной энергіи ихъ дѣятельности), чѣмъ на послѣдующихъ, и весь организмъ, такимъ образомъ, болѣе приближается къ своимъ предкамъ.

Но если по мѣрѣ своего развитія взрослый индивидуумъ все лучше приспособляется къ своей средѣ, благодаря толчку, который «функциональное возбужденіе» дало его развивающимся органамъ, то влияніемъ этого фактора нельзя объяснить постепеннаго приспособленія видовъ въ теченіе ихъ общей эволюціи. Авторъ разсматриваемой книги и не пытается дать такое объясненіе, не пытается потому, что это общее постепенное приспособленіе онъ совершенно отрицаетъ. Наслѣдственность приобретенныхъ свойствъ онъ понимаетъ какъ то или иное отраженіе внѣшнихъ влияній на будущихъ поколѣніяхъ, и только въ немногихъ случаяхъ (какъ мы видѣли) онъ допускаетъ прямую передачу именно тѣхъ измѣненій, которыя были вызваны въ родительскомъ организмѣ. Если же оставить въ сторонѣ эти рѣдкіе случаи, то нѣтъ никакой причины, чтобы вызванныя наслѣдственнымъ путемъ измѣненія способствовали непремѣнно лучшему приспособленію организма къ новымъ условіямъ. «Если перемена пищи, — говоритъ онъ, — вызвала въ организмѣ извѣстныя химическія измѣненія, отразившіяся на его потомствѣ, то почему эти измѣненія должны непремѣнно облегчать у потомковъ процессъ пережевыванія или перевариванія этого новаго рода пищи? Если они благопріятны — хорошо, если нѣтъ — тѣмъ хуже; въ первомъ случаѣ видъ будетъ благоденствовать, но и во второмъ онъ далеко не обязательно долженъ погибнуть». Измѣненіе направленія и силы «функциональнаго возбужденія», вмѣстѣ съ индивидуальнымъ приспособленіемъ могутъ помочь ему уцѣлѣть, и только наиболѣе слабыя, совершенно негодныя особи будутъ устранены естественнымъ подборомъ. Такимъ образомъ, какъ уже было сказано выше, виды не слѣдуютъ въ своей эволюціи никакому опредѣленному направленію; но въ эмбриональномъ развитіи каждой отдѣльной особи «функциональное возбужденіе» пользуется унаслѣдованными измѣненіями и приспособляетъ будущій организмъ къ условіямъ, среди которыхъ онъ долженъ жить. «Развитіе вида, — говоритъ Делажъ, резюмируя свои взгляды по этому вопросу, — создаетъ органы, не имѣя въ виду функцій; эмбриональное развитіе пользуется, насколько возможно, этими органами и приспособляетъ ихъ къ необходимымъ функціямъ».

Но если развитіе видовъ не совершается подъ влияніемъ постепеннаго приспособленія, то является вопросъ: какъ объяснить прогрессивную эволюцію организмовъ, ихъ постепенное усложненіе? Авторъ ищетъ отвѣта на этотъ вопросъ въ томъ важномъ значеніи, которое имѣютъ для организма вводимыя въ него вещества, которыя сначала находятся въ клеткѣ, какъ придаточныя, но затѣмъ мало-по-малу входятъ въ химическую молекулу протоплазмы и дѣлаются неотъемлемою ея частью (работы Данилевскаго).

кое новое вещество, вошедшее такимъ образомъ въ организмъ, ведетъ къ усложненію его химическаго состава, къ возможности въ немъ новой дифференціи тканей (основанной, по теоріи Ру, на разнообразіи химическихъ веществъ и преобладаніи однихъ надъ другими) и къ усложненію всего анатомическаго строенія. Если, съ другой стороны, принять во вниманіе, что живыя существа подвергались въ теченіе ихъ эволюціи безчисленнымъ перемѣнамъ въ условіяхъ жизни и что эти перемѣны вели за собою именно это химическое усложненіе, то возрастающая сложность строенія организмовъ станетъ понятной и безъ помощи естественнаго подбора и прямой наследственности индивидуальныхъ приспособленій.

Все то, что говоритъ Делажъ по поводу вопросовъ, относящихся къ развитію видовъ, можетъ показаться мало обоснованнымъ, не опирающимся на достаточное число примѣровъ и доказательствъ. Дѣйствительно, въ своей книгѣ авторъ уделяетъ сравнительно мало мѣста этому роду вопросовъ, и это объясняется тѣмъ, что центръ тяжести всѣхъ теорій лежитъ для него въ известномъ взглядѣ на строеніе протоплазмы и на наследственность, правильное объясненіе которыхъ одно можетъ помочь ориентироваться съ большимъ увѣренностью и въ другихъ общихъ вопросахъ.

Что касается труда Делажа въ его цѣломъ, то авторъ самъ вполне сознаетъ, что нѣкоторыя изъ его объясненій носятъ слишкомъ общій характеръ, что они не даютъ отвѣта на многіе сложные вопросы, что въ книгѣ много пробѣловъ. Но его книга не представляетъ спеціальнаго труда, посвященнаго обстоятельному изложенію и защитѣ какой-нибудь научной теоріи; она предназначается не только для спеціалистовъ, но и для людей интересующихся вообще вопросами биологии. Цѣлью автора было, главнымъ образомъ, указать известный путь для будущихъ натуралистовъ, известное общее направленіе, которое онъ желалъ бы видѣть въ ихъ изслѣдованіяхъ. И нигдѣ въ виду, — говоритъ онъ, — не столько предложить мое собственное рѣшеніе задачъ общей биологии, сколько заинтересовать изученіемъ этихъ задачъ, — познакомить тѣхъ, кто захочетъ ими заняться, съ тѣмъ, что было известно до нихъ; предостеречь ихъ отъ модныхъ теорій, болѣе блестящихъ, чѣмъ основательныхъ; наконецъ, показать, въ какомъ направленіи они должны прилагать свои силы».

М. Г.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

(XXIV Передвижная выставка картинъ.— Выставка типовъ Христа — Работы А. Д. Кившенко).

На нынѣшней передвижной выставкѣ,—какъ и на всѣхъ таковыхъ зъ послѣдніа нѣсколько лѣтъ,—огромное большинство рамъ занято пейзажами. Между ними, какъ всегда, на первыя мѣста должны быть поставлены «лѣса и рощи» И. И. Шишкина, «лѣсныя рѣчки и туманы» Е. Е. Волкова, осеннимъ золотомъ подчеркнутые «лѣса» И. И. Левитана, далѣе идутъ «моря и каналы» А. П. Боголюбова, «вечера и утра» Н. Н. Дубовскаго, кавказскія горы А. А. Киселева, то же А. М. Васнецова, почти то же И. И. Ендогурова, и другихъ. Лѣса дубовые, лѣса еловые, лѣса пожелтѣвшіе, лѣса зеленые, лѣса подъ туманомъ, лѣса подъ снѣгомъ и безъ снѣга,—превосходные, великолѣпные лѣса, мастерски написанные,—только изъ году въ годъ мы видимъ ихъ такое множество, что, въ концѣ-концовъ, начинаемъ въ нихъ путаться. Мастерству художниковъ мы отдаемъ должное, а къ произведеніямъ ихъ начинаемъ становиться равнодушными: всѣ «настроенія» мы уже видали, всѣ впечатлѣнія испытывали, являются повторенія ощущеній... Слишкомъ много лѣсовъ и горъ многоюно. Выставка «художественныхъ» произведеній получаетъ видъ и характеръ выставки картинъ «на продажу»,—на разные вкусы и на всякія цѣны. Сдается даже, что и у самихъ художниковъ начинаютъ притупляться «настроенія» и остается въ наличности, главнымъ образомъ, техника. Въ изображеніи пейзажей, собственно говоря, творчество принимаетъ весьма малое участіе и отражается, почти единственно, въ томъ, что мы называемъ «настроеніемъ». Только это «свое» и вкладываетъ художникъ, списывая лѣса, воды и скалы съ натуры. Безъ этого писанный пейзажъ имѣетъ немного больше цѣны, чѣмъ фотографія,—особливо, когда добьются цвѣтной фотографіи, что, вѣроятно, не заставитъ себя долго ждать. Находить же или создавать новыя «настроенія» въ неограниченномъ числѣ едва ли по силамъ даже такимъ большимъ мастерамъ, какъ гг. Шишкинъ, Волковъ и Левитанъ. И, тѣмъ не менѣе, пейзажъ на нынѣшней выставкѣ передвижниковъ первенствуетъ не только въ количественномъ отношеніи, но и въ художественномъ. Исключеніе представляетъ

любой картина В. Д. Полѣнова, *Среди учителей*. Въ *Евангелии* отъ Луки писано: «Каждый годъ родители Его (Исуса Христа) ходили въ Иерусалимъ на праздникъ Пасхи. И когда Онъ былъ двѣнадцати лѣтъ, пришли они даже по обычаю въ Иерусалимъ на праздникъ. Когда же, по окончаніи сей праздника, возвращались, остался отрокъ Исусъ въ Иерусалимѣ... Черезъ три дня нашли Его въ храмѣ, сидящаго посреди учителей, слушающаго ихъ и спрашивающаго ихъ. Всѣ, слушавшіе Его, дивились разуму и отвѣтамъ Его». Сказаніе это превосходно изображено художникомъ на картинѣ, прибрѣтенной Третьяковскою галлереей и ставшей, такимъ образомъ,— къ великому удовольствію нашему,— собственностью города Москвы. Всѣ знаютъ, конечно, знаменитую картину того же художника *Христосъ и ученики*, вызвавшую нѣсколько лѣтъ назадъ столько толковъ и споровъ въ нашей литературѣ, сколько не бывало за послѣднія 10—15 лѣтъ ни изъ-за одного произведенія живописи. Въ ней уважаемый профессоръ далъ такое изображеніе Христа въ зрѣломъ возрастѣ, подобнаго которому мы не видали ни въ одной картинной галлерей Европы. Но идеѣ и по слѣдъ, съ какою она выражена, эта фигура Христа есть не только единственная въ своемъ родѣ, но можетъ смѣло быть названа классическою. Теперь В. Д. Полѣновъ далъ изображеніе—не менѣе типическое—Исуса, двадцатью годами моложе того Учителя, который далъ заповѣди любви и всепрощенія. «Среди учителей» мы видимъ отрока, «слушающаго и спрашивающаго» мужей и старцевъ, искусныхъ въ толкованіи закона. Онъ ищетъ знанія и наученія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, «дивитъ» учителей разумомъ и отвѣтами. Мы не слышимъ Его вопросовъ и отвѣтовъ, но, взглядываясь въ изображеніе дивнаго отрока, мы чувствуемъ, понимаемъ, что десять сидящихъ вокругъ Него законниковъ поражены тѣмъ, что они слышали, и ясно намъ, почему они поражены. Милое дѣтское лицо просто, необыкновенно, но просто оно чудно. Полудѣтскія уста сомкнуты, ими заданъ вопросъ, и какъ будто еще звучитъ онъ въ воздухѣ,—такъ напряжено вниманіе слышавшихъ не-дѣтскую рѣчь и не находящихъ на нее возраженія. Совершенно дѣтскіе, дивно чистые глаза смотрятъ на мудрецовъ съ ожиданіемъ и съ жаждою знанія. Но въ ихъ взглядѣ мы чувствуемъ то, что недоступно ученымъ книжникамъ,—и намъ невольно вспоминается стихъ гр. А. Толстого:

„Такихъ очей, благихъ и ясныхъ,
Никто не видѣлъ никогда“.

Въ этомъ взорѣ дрожить и льется изъ него «сила», невѣдомая слушателямъ,—та самая сила, что скрыта въ сомкнутыхъ устахъ до предудавленнаго времени явленія міру Слова. Фигуры и лица «учителей» представляютъ собою замѣчательные типы, превосходно характеризующіе изображенную художникомъ эпоху. Подъ такой картиной не нужна подпись, въ ней не требуется никакого комментарія. Это высоко-образцовое произведеніе «исторической» живописи.

Совершенно иное впечатлѣніе произвела на насъ картина С. Д. Милорадовича *Патріархъ Гермогенъ въ заключеніи въ Чудовомъ монастырѣ*. Тутъ уже безъ поясненій ничего нельзя понять, а послѣ поясненій должны возникнуть сомнѣнія относительно исторической вѣрности картины. Гонимый и засѣвшій съ нимъ въ Кремль бояре, сторонники Владислава и Сигизмунда, два раза приходили къ Гермогену требовать, чтобъ онъ подписалъ составленныя ими грамоты, которыми они убѣждали русскій народъ подчиниться польскому королю. Патріархъ отказалъ въ своей подписи и укорялъ бояръ; тѣ грозили ему, онъ отвѣчалъ отлученіемъ ихъ отъ церкви. Въ первый разъ Михаилъ Салтыковъ замахнулся на него ножомъ, Гермогенъ проклялъ его. Эта первая сцена передана исторіей съ большими подробностями, и она болѣе драматична, чѣмъ вторая. Ею и слѣдовало воспользоваться художнику: на картинѣ она могла бы выйти очень эффектною и понятною безъ поясненій. Но эта сцена происходила до заключенія патріарха въ Чудовомъ монастырѣ. Г. Милорадовичъ предпочелъ сцену вторичнаго отказа,—это его дѣло. Только на его картинѣ Гермогенъ нисколько не похожъ на дряхлаго старца, изнеможеннаго заключеніемъ, каковымъ описываетъ его Карамзинъ (цитируемъ на память), а пришедшіе къ нему—совсѣмъ не бояре, а какая-то татарва: одинъ изъ нихъ, самый азартный, напялилъ даже ермолку на голову. Остальные въ шапкахъ, несмотря на то, что дѣйствіе происходитъ въ монастырской кельѣ, гдѣ, несомнѣнно, висятъ на стѣнахъ иконы. Ножами замахиваться они могли, а въ шапкахъ ходить по кельямъ не могли. И всѣ они—какіе-то нетипичные, однотонные, приземистые и уродливые. Не больше смысла и въ третьей исторической картинѣ—Г. Г. Мясоѣдова *Семья Годунова*. Тутъ уже нѣтъ и подобія исторической правды, а изображеннаго на картинѣ не разъяснить никакими историческими справками. Царь Борисъ умеръ 13 апрѣля. 1 іюня народъ ворвался во дворецъ, и семью Годунова «отвели на водовозныхъ клячахъ въ прежній Борисовъ домъ и приставили къ нимъ стражу». 10 іюня Молчановъ и Шеферединовъ съ тремя дюжими стрѣльцами развели Годуновыхъ по разнымъ комнатамъ и удавили вдову Бориса и его сына, царевна Ксенія «лишилась чувствъ и оставлена была живою на безотрадную жизнь». На картинѣ г. Мясоѣдова въ богатоубранной комнатѣ сидятъ за столомъ царица Марья въ черномъ платьѣ и царевна Ксенія, разряженная, какъ на большомъ пиру. Царица Марья склонила голову къ плечу дочери, царевна подняла голову, вскинула глаза къ потолку и не то читаетъ, не то поетъ по книжкѣ. Сверженный царь Федоръ привалился на скамьѣ, опершись на локоть. Въ отворенную дверь видны какіе-то крадущіеся люди. Ни богатая обстановка, ни роскошный и блестящій костюмъ Ксенія, — въ слову сказать, совсѣмъ маскарадный, — ничуть не соотвѣтствуетъ отчаянному положенію заключенной, только-что осиротѣвшей семьи, позорно выгнанной изъ дворца, ради посрамленія увезенной на «водовозныхъ клячахъ», обреченной на неминуемую гибель. И Молчановъ съ Шеферединовымъ не такіе были люди, чтобы пок-

крадываться къ безпомощнымъ жертвамъ, съ которыми имъ поручено «раздѣлаться». Примите подпись и никому въ голову не придетъ, что эти «ряженые» должны изображать убитую горемъ, гибнущую царскую семью. Къ произведеніямъ живописи исторической можетъ быть причислена картина В. Я. Суреньянца *Юный Хафизъ молодымъ ширазкамъ воспеваеъ розы Мусаллы*. Мухамедъ Хафизъ, знаменитый лирическій поэтъ Персіи, родился въ Ширазѣ въ 1320 году. Художникомъ отлично воспроизведены детали старинной архитектуры и всей обстановки изображенной сцены; очень хорошо исполнены и сгруппированы фигуры женщинъ, заслушавшихся пѣвца, достаточно выразительна и фигура молодого поэта, — во всякомъ случаѣ, комментарія не требуется, все достаточно ясно и красиво. Мы находимъ лишь немного тусклымъ общій тонъ картины, недостаточно яркимъ для такой страны солнца, какъ Персія.

Изъ бытовыхъ сценъ лучшая *Устный счетъ*, Н. П. Богданова-Бѣльскаго, изображающая классъ сельской школы. Замѣчательно живы и правды лица и фигуры крестьянскихъ ребятъ, сисящихся скорѣе разрѣшить заданную учителемъ задачу. Необыкновенно симпатична фигура сельскаго учителя, въ ней виденъ хорошій человекъ, по-настоящему преданный своему дѣлу, ясно сказывается душевная связь, соединяющая юную деревню съ этимъ скромнымъ труженикомъ, вносящимъ не только свѣтъ знанія, но добрыя, гуманныя чувства въ темное заолустье, еще не разставшееся съ лаптями. Картина производитъ серьезное и радостное впечатлѣніе, будитъ въ насъ любовь къ этимъ славнымъ, милымъ дѣткамъ, полузабытымъ нами въ душной атмосферѣ огромнаго города. Такъ же хороша картина Н. В. Орлова *Проводы переселенцевъ*, изображающая глубоко-драматическую сцену изъ жизни русскихъ крестьянъ. Точно живые стоятъ на первомъ планѣ два мужика: одинъ крѣпко задумался надъ сборами односельчанъ, идущихъ искать «новыхъ мѣстъ» и лучшей доли, другой солидно доказываетъ ему, что жить тутъ «не у-чего», что «хуже не будетъ». Всѣ лица, всѣ движенія вполне типичны и ясно говорятъ зрителю, какая жестокая нужда гонитъ пахаря съ родной полосы на чужую, далекую сторону, какъ тяжело разставанье и какая мучительная задача одинаково томить уходящихъ и остающихся. Н. А. Касаткинъ изобразилъ на большомъ полотнѣ *Смѣну углекоповъ* въ такихъ потемкахъ, что на картинѣ почти ничего нельзя разобрать. Мы думаемъ, что художникъ сдѣлалъ бы лучше и достигъ бы большаго, желательнаго ему впечатлѣнія, еслибъ вывелъ своихъ углекоповъ на свѣтъ Божій. Къ лучшимъ бытовымъ картинамъ принадлежитъ *Страда* Н. К. Пимоненка, превосходно передающая всю тяжесть уборки хлѣба для крестьянокъ и ихъ ребятшекъ. Вообще, крестьянамъ посчастливилось на нынѣшней выставкѣ, и по этому поводу можно только привѣтствовать нашихъ художниковъ, обратившихся за сюжетами къ простой, повидимому, деревенской жизни, на самомъ же дѣлѣ — очень смѣлой и наводящей на серьезные думы, какъ, напримѣръ, въ небольшой

Картинкѣ К. А. Савицкаго *Вѣсти изъ дому*,—невеселыя вѣсти, принесенныя сосѣдкой извозчику-ломовику въ городъ,—или въ картинкѣ В. М. Максимова *Пережилъ старуху*. Изъ того же рода произведеній *Поденщицы* А. Е. Архипова и его же *Обратный*, отлично написанный, ничего собою не представляютъ такого, чего не дала бы фотографія, гдѣ угодно и когда угодно. Но въ нихъ все-таки неизмѣримо больше смысла, чѣмъ въ таковыхъ большихъ и уродливыхъ произведеніяхъ, какъ *Подъ благовѣстѣ* М. В. Нестерова и *Грезы* А. Н. Выѣзжева.

Менѣе удачны жанры изъ жизни городскихъ обывателей. Прекрасная картинка М. П. Влодта, *Передъ аукціономъ*, очень много теряетъ потому, что слишкомъ напоминаетъ хорошо извѣстную картину Степанова, *Вдова*. Мило задумана и отлично исполнена картина талантливой художницы М. Я. Шанксъ, *Искушеніе*—двухъ дѣтокъ, сидящихъ за столомъ, на которомъ мать завертываетъ карамельки въ бумажки. Въ иллюстрированный каталогъ выставки попала фототипія съ картины сестры г-жи Шанксъ, Э. Я. Шанксъ; произведеніе носитъ заглавіе: *Гостя въ институтѣ*. Судя по снимку, картина должна быть замѣчательно хороша. Къ сожалѣнію, она почему-то не попала на выставку. А затѣмъ все остальные покушенія на жанръ рѣшительно неудачны, нѣкоторыя—совсѣмъ плохи, какъ: *Въ чужихъ краяхъ*, Н. Н. Дубовскаго, *На свиданіи*, Н. К. Бодаревскаго, *Льтомъ*, Н. А. Ярошенко и т. под. Портретовъ немного, изъ нихъ лучшіе: г-жи М., работы г. Бодаревскаго, и Э. Ф. Направника, сдѣланный Н. Д. Кузнецовымъ.

На Малой Дмитровкѣ, въ домѣ гр. Васильева-Шиловскаго, мы видѣли «Выставку типовъ Христа». Названіе выставки очень заинтересовало насъ и многихъ москвичей,—въ высшей степени любопытно и поучительно было бы прослѣдить изъ вѣка въ вѣкъ развитіе иконописнаго и художественнаго типовъ Христа. Никто не думалъ, конечно, найти на выставкѣ коллекцію подлинныхъ изображеній, но мы ожидали увидать, по крайней мѣрѣ, достаточно полное и систематически составленное собраніе снимковъ, дающее возможность зрителю составить опредѣленное представленіе объ эволюціи въ искусствѣ типа, созданнаго фантазіей вѣрующихъ и развивавшагося въ различныя эпохи, подъ вліяніемъ міросозерцанія и настроенія христіанскихъ мастеровъ. Выставка не оправдала нашихъ ожиданій.

Изъ преданій мы знаемъ, что во времена земной жизни Спасителя были уже люди, желавшіе имѣть портреты Божественнаго Учителя; до насъ дошли сказанія о царѣ Авгарѣ, о Вероникѣ, о нерукотворенныхъ иконахъ, о портретахъ, писанныхъ Никодимомъ и Лукой, о мраморномъ медальонѣ, сдѣланномъ будто бы по заказу Пилата, о распятіи, якобы изваянномъ Никодимомъ и сохраняемомъ понынѣ въ г. Луккѣ, и т. д. Никакихъ «нерукотворенныхъ иконъ», ни снимковъ съ нихъ не сохрани-

лось; относительно остальных изображений доказано, что они много позднейшего происхождения и совершенно апокрифичны. Мы не имеем даже никаких описаний личности Иисуса Христа, не знаем, какого цвета были Его волосы, Его глаза, какого Онъ былъ роста и сложения. Относительно одежды, которую носилъ Христосъ, не сохранилось тоже никаких определенных указаний. Иудеи и иудействующие, послѣдователи закона Моисеева, были ненавистниками всякихъ изображений, «кумировъ и подобій», и къ портретамъ относились съ крайнею враждебностью. Изъ этого ясно, что въ Палестинѣ не могла возникнуть мысль о сохраненіи для потомства ~~лица~~ Христа въ какомъ бы то ни было воспроизведеніи. Даже въ IV в. отцы церкви, какъ, напримѣръ, Евсевій, епископъ Кесаріи, говорятъ съ опасеніемъ о всякихъ изображеніяхъ и высказываютъ отвращеніе къ нимъ. Первые изображенія Христа, *символическія* (въ видѣ Пастыря Добраго, Орфея и др.), появляются на языческой почвѣ, въ катакомбахъ Рима. Нѣкоторыя изъ такихъ изображеній, хорошо воспроизведенныхъ калъвой, нѣются на выставкѣ. Но въ ряду ихъ мы не нашли очень извѣстныхъ превосходныхъ снимковъ русскаго художника Ѳ. І. Реймана, сдѣланныхъ въ катакомбахъ Прискиллы, принадлежащихъ Е. Т. Солдатенкову и бывшихъ на прошлогодней выставкѣ историческихъ картинъ. Изображенія эти принадлежать къ числу древнѣйшихъ. Такого рода *символическія* изображенія послужили основаніемъ для возникшаго позднѣе, подъ мистическимъ настроеніемъ Востока, *идеальнаго* типа, смѣнивагося потомъ, около VIII вѣка, *историческимъ* типомъ, развившимся впоследствии въ типъ *икономистическій*, съ тѣми измѣненіями, — какъ значитъ въ каталогѣ выставкѣ, — «которыя присущи взглядамъ не только каждаго народа, но даже пониманію и настроенію каждой отдѣльной эпохи». Первое письменное указаніе, какъ надлежитъ изображать Христа, дано Іоанномъ Дамаскинскимъ въ VIII вѣкѣ, въ разгаръ иконоборства. Въ каталогѣ выставки, составленномъ графиней Уваровой, описаніе это приведено такъ: «Тотъ, кто пречистыми дланями образовалъ человѣка, Самъ, безъ преложенія или примѣненія, сдѣлался человѣкомъ изъ Святой Дѣвы и Богородицы Маріи, сталъ причастнымъ плоти и крови, былъ узрѣнъ, какъ живое существо, одаренное разумнѣемъ и вѣдѣнѣемъ, ростомъ можетъ быть локтя въ три, облекенное плотнымъ тѣломъ, въ образѣ подобномъ нашему, представляя точно свойства, подобныя свойствамъ Матери, и являя образъ Адама. Посму (Константинь) позаботился о живописномъ изображеніи Его въ томъ образѣ, какъ описали древніе историки: высокаго роста, съ густыми бровями, пріятными очами, прямымъ носомъ, вьющимися волосами, слегка согбеннаго, съ изящнымъ цвѣтомъ лица, съ черною бородой, съ ликомъ пшеничнаго цвѣта, по сходству съ Матерью, съ длинными перстами, звонкимъ голосомъ, сладостнымъ произношеніемъ, весьма кроткаго, спокойнаго и доготерпѣливаго...» Сложившійся на этихъ основаніяхъ иконописный типъ Христа оставался почти безъ измѣненія до эпохи Возрожденія. Мнѣнія

Цельзия, Оригена, Климента и Кирилла Александрийских, доказывавших, «что Спаситель долженъ сохранить въ своемъ изображеніи тотъ видъ униженія, въ которомъ Онъ явился въ міръ», было окончательно отвергнуто церковью. На ряду съ изображеніями Христа въ сценахъ, написанныхъ по Евангелію, появились и до нашихъ дней удержались на иконахъ и на стѣнописи изображенія Спасителя «во славъ», въ царскихъ облаченіяхъ и др. На выставкѣ собрано довольно много снимковъ съ такого рода произведеній въ видѣ фотографій, фототипій и хромолитографій. Но снимки эти преимущественно взяты съ произведеній Запада. Исключения представляютъ собой снимки: съ шитой далматикѣ византійскаго происхожденія и съ мозаики надъ главною дверью нартекса св. Софіи въ Константинополѣ. На Востокѣ магометанское завоеваніе уничтожило множество памятниковъ древняго христіанскаго искусства. Тѣмъ интереснѣе и драгоцѣннѣе должно быть то, что уцѣлѣло отъ разгрома, — въ особенности, если уцѣлѣвшему грозитъ гибель отъ небреженія, какъ, напримѣръ, двумъ любопытнѣйшимъ изображеніямъ Христа въ мечети Кахріе-Джоми въ Константинополѣ. Снимковъ съ нихъ нѣтъ на выставкѣ, равно какъ нѣтъ ничего изъ монастырей аеонскихъ, старыхъ армянскихъ и грузинскихъ, изъ церквей сирійскихъ и коптскихъ (въ Египтѣ) и др.; нѣтъ ничего изъ нашей собственной старины, представляющей переходъ отъ древне-византійской иконописи къ русскому иконописному дѣлу. Наконецъ, изображенія Христа, взятая съ Запада отъ времени Перуджино, представлены на выставкѣ такъ слабо и отрывочно, что не даютъ почти никакого понятія о дальнѣйшемъ развитіи типа Христа въ живописи и вааяніи, о поискахъ западныхъ мастеровъ за «новымъ типомъ», немконописнымъ, а чисто-художественнымъ. Общее впечатлѣніе отъ выставки и общее заключеніе о ней сводится для насъ къ тому, что замыселъ былъ прекрасный, осуществленіе же оказалось весьма неудовлетворительнымъ. На выставку попали лишь то, что имѣлось подъ руками у небольшого кружка любителей. Но въ данномъ случаѣ дорогъ починъ, за чтѣ мы и должны быть благодарны устроителямъ, выражая, притомъ, пожеланія и надежды, что неполная удача не охладитъ ихъ стараній, а напротивъ — уважаетъ путь къ лучшему осуществленію взятой ими на себя трудной задачи.

Въ октябрѣ прошедшаго года скончался въ Гейдельбергѣ извѣстный русскій художникъ, Алексѣй Даниловичъ Бившенко, профессоръ живописи С.-Петербургской академіи художествъ. Онъ родился въ мартѣ 1851 года; въ шестидесятыхъ годахъ, поддаваясь разнымъ увлеченіямъ, онъ переходилъ изъ классовъ Академіи въ Технологическій институтъ, потомъ въ Медико-хирургическую академію и въ 1870 году окончательно посвятилъ себя живописи, вернулся въ Академію художествъ, но уже академикомъ. Послѣ нѣсколькихъ програмныхъ картинъ, бывшихъ, — какъ почти всегда, —

не по душѣ молодому высокодаровитому художнику, Кившенко бросилъ свою послѣднюю «программу» неоконченною и по собственному выбору написалъ знаменитую картину *Военный советъ въ Филадель*, давшую ему сразу извѣстность. За эту картину (въ ноябрѣ 1879 г.) Кившенко получилъ право на пенсіонерство и въ слѣдующемъ году отправился въ Мюнхенъ заканчивать свое художественное образованіе. Званіе академика онъ получилъ въ 1884 году за превосходнѣйшія картины изъ охотничьей жизни, въ изображеніи которыхъ Кившенко достигъ высшаго мастерства. Черезъ два года онъ взялся за батальныя картины на сюжеты изъ послѣдней войны Россіи съ Турціей, увеличившія славу художника, давшія ему положеніе профессора живописи. Всѣ его акварели и картины на эти темы мы видѣли, вполне признаемъ ихъ высокія достоинства и все-таки отдаемъ предпочтеніе его охотничьимъ сценамъ. Передъ нами лежитъ альбомъ, озаглавленный: *Работы Алексѣя Даниловича Кившенка. Сборникъ снимковъ съ картинъ, рисунковъ и акварелей. Посмертное изданіе* (С.-Петербургъ, 1896 г.). Снимки эти, очень хорошо исполненные, напомнили намъ съ большою отчетливостью всѣ видѣнныя нами подлинныя картины слишкомъ рано умершаго художника, и мы съ наслажденіемъ останавливаемся опять на охотничьихъ сценахъ, полныхъ жизни, писанныхъ большимъ мастеромъ и отличнѣйшимъ знатокомъ охоты, страстнымъ любителемъ «отъѣзжаго поля», отходящаго съ каждымъ годомъ все больше и дальше въ область преданій. Въ этихъ сценахъ—*На царномъ дворѣ*, *Принимаетъ волка живьемъ*, *Затравили* и др.,—свободное, ничѣмъ не стѣсненное творчество, блестящее и вѣрное отраженіе лично пережитыхъ впечатлѣній, тѣхъ моментовъ «восторга», которые понятны лишь тому, кто ихъ самъ испытывалъ. Такіе рисунки, какъ: гончія, несущіяся по слѣду, гончія, потерявшія и разыскивающія слѣдъ, охотникъ, стоящій на мѣстѣ съ сворой борзыхъ,—истинные «перлы», драгоценныя для настоящаго охотника. Ничего нельзя возражать, конечно, противъ «батальныхъ» картинъ, разъ существуютъ такіе ужасы и несчастія, какъ «баталія»,—въ особенности, противъ такихъ, какъ *Нижнегородскіе драгуны, преслѣдующіе турокъ*, или *Зивинскій бой*,—но намъ сдается, что въ изображеніи битвъ нѣтъ настоящей правды и что быть ея не должно, ибо весь реализмъ такихъ сценъ не уживается съ тѣмъ, что мы называемъ «художественнымъ». Въ изображеніи битвъ художнику приходится обязательно умалчивать объ очень многомъ, «скрывать» очень многое, существующее въ дѣйствительности, необходимое и неизбежное, когда люди себя не понимаютъ и перестаютъ быть «людьми», но недопустимое и невыносимое на картинѣ, на которую мы смотримъ въ состояніи полнаго спокойствія, умственнаго и душевнаго равновѣсія. Какъ бы ни были живо изображены «бои», это будутъ все-таки бои, сочиненные, полныя условностей, какъ сраженія на театральной сценѣ, въ противномъ случаѣ получится нѣчто отвратительное и анти-художественное. «Сраженія» Кившенка очень хоро-

ши, художественны, полны движенія, только они—не настоящіе, это—маневры на заданныя темы. И мы говоримъ это отнюдь не въ укоръ художнику,—наоборотъ, если нужно писать подобныя картины, то ихъ такъ и слѣдуетъ писать: высоко развитое пониманіе задачъ искусства и тонкое чувство «красоты» предохранили умнаго и симпатичнаго мастера отъ увлеченія реализмомъ, отъ желанія дѣйствовать на зрителей поражающими эффектами, иногда совсѣмъ нехорошими. Альбомъ «работъ» Бившенна изданъ прекрасно и даетъ полное представленіе о талантѣ художника и о выдающихся достоинствахъ его произведеній.

Ан.

Изъ литературныхъ наблюдений.

Въ послѣднее время едва ли не наиболѣе яркимъ признакомъ нашей подлинной самобытности оказались вооруженныя и невооруженныя нападенія на редакторовъ временныхъ изданій. Лица, прямо или косвенно считавшія себя оскорбленными, плевались, пускали въ ходъ палку и нагайку, стрѣляли... Въ свою очередь одинъ изъ редакторовъ, защищаясь отъ нападенія, смертельно ранилъ нападавшаго на него.

Разнообразны были поводы къ дикимъ дракамъ и преступной пальбѣ въ представителей печатнаго слова. На сцену выступало то возмездіе за честь оскорбленныхъ родителей, какъ будто честь эта восстанавливается, — если она была дѣйствительно затронута, — ударомъ руки или плети, то дворянская непереносная обида за нападенія на общественную дѣятельность, за то, что должно быть въ мало-мальски просвѣщенномъ обществѣ предметомъ свободнаго гласнаго обсуждения, а въ случаѣ нужды — такого же опроверженія со стороны заинтересованныхъ лицъ. Вотъ въ Англіи и семья покрѣпче нашей, и человѣческаго достоинства много побольше, а не дерутся люди: или противъ гласнаго обвиненія дадутъ прямой отвѣтъ, или сажаютъ обидчика на скамью подсудимыхъ.

Провинціальныя газеты сообщаютъ, что *воинственное настроеніе интеллигентова*, какъ выражается г. Инкогнито въ *Волжскомъ Вѣстникѣ*, захватило обширный районъ, чуть-чуть не отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды, отъ потрясеннаго Бремена до стѣны недвижнаго Китая. Елизаветградскій корреспондентъ *Одесскихъ Вѣдомостей*, наприкуръ, заявилъ мѣстному полицеймейстеру, что вынужденъ носить оружіе для защиты: одинъ изъ обывателей, некрасивые подвиги котораго изобличались корреспондентомъ, рѣшилъ *отровернуть сообщеніе* путемъ кулачной расправы. Въ Самаркандѣ, въ общественномъ собраніи, — драки и покушеніе на пальбу; въ Евпаторіи домовладѣлецъ, приговоренный въ денежному штрафу за нарушеніе санитарныхъ постановленій, кассируетъ приговоръ, ударяя на улицѣ судью палкой... Итакъ, кулакъ или револьверъ противъ суда и печати. Естественно, что газетные защитники Жеденовыхъ и К^о въ то же время являются и ожесточенными противниками гласнаго и не-

зависимаго суда, въ особенности суда присяжныхъ. Судъ присяжныхъ—это улица, а земскій начальникъ Жеденовъ, стрѣлявшій и тяжело ранившій редактора *Недѣли*, г. Меньшикова,—это организованное дворянское сословіе.

Мы не боимся указывать на печальныя и возмутительныя явленія нашей жизни, потому что у насъ нестоища вѣра въ добрыя силы русскаго народа, потому что на нашихъ глазахъ растетъ и крѣпнетъ самосознаніе русскаго общества. Не жалуемся мы и на упадокъ литературы, потому что повсюду видимъ движеніе мысли. Мало крупныхъ художественныхъ дарованій,— это вѣрно, но вовсе ужъ не оскудѣла и ими Русская земля. Образовались на нашемъ художественномъ древѣ болѣзненные наросты, какъ символизмъ, декадентство, но имъ не заглушить свѣжести здоровыхъ побѣговъ. Жаль, конечно, что на это уходитъ частица силъ, которой слѣдовало бы пожелать лучшаго употребленія, но въ семь лучшемъ изъ міровъ не все же совершается безукоризненно и безошибочно. Приглядѣться къ нашимъ символистамъ съ братіей даже любопытно. Недавно вышла, напримѣръ, книга съ очень громкимъ названіемъ: *Философскія теченія русской поэзіи*. Это сборникъ стихотвореній Баратынскаго, Кольцова, Лермонтова, Огарева, Тютчева, А. Толстого, Фета, Полонскаго, Майкова, Апухтина и Голенищева-Кутузова, со статьями о Пушкинѣ и названныхъ поэтахъ гг. Андреевскаго, Мережковскаго, Никольскаго, В. С. Соловьева, г. Перцова (онъ же и составитель сборника). Статьи отчасти перепечатаются, отчасти появляются вновь. Остановимся на обширномъ критическомъ этюдѣ о Пушкинѣ г. Мережковскаго (эта характеристика написана для сборника).

Г. Мережковскій начинаетъ съ заявленія, что «современное русское общество не оцѣнило книги, которая во всякой другой литературѣ составила бы эпоху». Какая же это книга? *Записки А. О. Смирновой*. Не много же нужно, чтобы составить эпоху въ любой литературѣ! Въ *Запискахъ*, дѣйствительно, не мало интересныхъ подробностей о Пушкинѣ, приведены его мѣткія выраженія, сообщается о любопытныхъ спорахъ, которые велись у Смирновой, и все это, конечно, было оцѣнено читателями. Только пришлось оцѣнивать и другое: явныя нелѣпости, навязываніе Пушкину опредѣленныхъ мнѣній о событіяхъ, которыя произошли черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти и т. д.

Но допустимъ, что никто не замѣтилъ, кромѣ г. Мережковскаго, пришествія къ намъ новой эпохи съ появленія *Записокъ А. О. Смирновой*. Кто же въ этомъ виноватъ? Неужели вы не догадываетесь? Да, разумѣется, Добролюбовъ, Чернышевскій, Писаревъ. «Одичаніе вкуса и мысли, продолжающееся полвѣка, не могло пройти даромъ для русской литературы. Слѣдъ грубой и мутной волны черни, нахлынувшей съ такою силой, чувствуется и нынѣ». Хорошо еще, что отъ этого потопа спаслись въ декадентскомъ ковчегѣ г. Мережковскій и его соратники. Изящная и чистая аристократическая волна, источникомъ которой они являются, очевидно, направитъ наши литературныя теченія въ надлежащую сторону.

Бѣдной русской культурѣ приписывается даже... пуля Дантеса: она «довершила то, къ чему постепенно и неминуемо вела Пушкина русская дѣйствительность. Онъ погибъ, потому что ему некуда было дальше идти, некуда расти. Съ каждымъ шагомъ впередъ къ просвѣтлѣнію, возвращаясь въ сердце народа, все болѣе отрывался онъ отъ такъ называемаго *интеллектуального* общества, становился все болѣе одинокимъ и враждебнымъ ближайшему среднему русскому человѣку». Эти *не интеллектуальныя* мысли, высказанныя *d'une façon véritablement enfantine*, утверждаютъ чудовищныя вещи. Пуля Дантеса—довершила то, къ чему неминуемо вела Пушкина русская дѣйствительность... А самъ Пушкинъ явился вопреки этой дѣйствительности? При чемъ въ его трагической судьбѣ средній русскій человѣкъ, когда малый поэтъ запутался и погибъ, въ такъ называемыхъ, *высшихъ сферахъ*? Пушкину-то, написавшему *Евгенія Отгина*, *Бориса Годунова*, *Скуного рыцаря*, *Каменную юбку*,—некуда было идти дальше! Передъ нимъ было открыто не только *сердце народа*, но весь міръ, со всѣми думами и вѣяніями величайшихъ гениевъ человѣчества. Можно горько пожалѣть, что Пушкину не пришлось повидать Италіи, не пришлось познакомиться съ тудесами западно-европейской культуры, но и въ этомъ не виноватъ средній русскій человѣкъ.

Г. Мережковскій, въ чаяніи новаго Возрожденія, полагаетъ, что «человѣческій духъ отъ старой, плачущей, перейдетъ къ новой, веселой мудрости, къ новой олимпійской ясности и простотѣ, завѣщанной искусству Гёте и Пушкинымъ». До наступленія торжества этой веселой мудрости, критикъ съ мудростью и веселостью заявляетъ, то «Пушкинъ первый изъ мировыхъ поэтовъ съ такой силой и сдержанностью выразилъ вѣчную противоположность культурнаго и первобытнаго человѣка» *). *Цыганъ* г. Мережковскій, «по сдержанной страсти», сравниваетъ съ лучшими произведеніями Байрона, «по спокойному чувству мѣры»—съ лучшими произведеніями Гёте. Жаль, что у г. Мережковскаго такъ много не сдержанной страсти и такъ мало спокойнаго чувства мѣры, а то и онъ могъ бы походить на критика.

Пушкинъ,—читаемъ мы у г. Мережковскаго,—«не идеализируетъ кавказскихъ горцевъ, какъ *Жанъ - Жакъ Руссо своихъ американскихъ дикарей* (стр. 26). Но память у нашего аристократическаго критика короткая. На стр. 31 онъ пишетъ уже противоположное: «Пушкинъ вѣрнѣе себя: *подобно Жанъ-Жаку Руссо* и Льву Толстому, онъ не хватаетъ черезъ край, не преувеличиваетъ счастья и добродѣтелей первобытныхъ людей». Это *подобно* по-истинѣ неподобно!

Для поясненія *веселой мудрости* г. Мережковскаго прибавимъ, что, по его мнѣнію, «природа—дерево жизни; культура—дерево смерти, Анчаръ.

* Въ другомъ мѣстѣ г. Мережковскій повторяетъ: „Пушкинъ первый изъ европейскихъ поэтовъ осмѣлился сопоставить культурнаго человѣка съ неподдѣльными, неприкрашенными плодами природы“.

Но человека человекъ
 Послалъ къ Анчару властнымъ взглядомъ.

«На этомъ первобытномъ наслѣии воздвигается вся Вавилонская Башня. И умеръ бѣдный рабъ у ногъ непобѣдимаго владыки.

А царь тѣмъ ядомъ напичкалъ
 Свои послушливыя стрѣлы
 И съ ними гибель разослалъ
 Къ сосѣдямъ въ чуждые предѣлы.

«Ужасающую силу, сосредоточенную въ этихъ строкахъ, Левъ Толстой разсѣялъ и употребилъ для приготовления громаднаго арсенала циклопическихъ рычаговъ разрушенія, но первоисточникъ этой силы въ Пушкинѣ. Какія страсти разсказываетъ намъ г. Мережковский о поэтѣ, завѣщавшемъ искусству веселую мудрость и олимпийскую ясность!

Разберемся, однако, въ этихъ ужасахъ. Ядовитое дерево Анчаръ—культура; пришедшій къ нему послушливый рабъ—природа; пославшій раба царь—тоже природа. Чѣмъ же Анчаръ виноватъ? Но почему культура только анчаръ? Не клевета ли это на Пушкина, который жить хотѣлъ, чтобъ мыслить и страдать?

Не анчаръ—культура, г. Мережковский, онъ суцная природа, а отравленные стрѣлы—злонамеренное пользованіе и природою, и культурою. Если анчаръ—культура, то какъ же г. Мережковский характеризуетъ послѣ-пушкинскую исторію нашей литературы, какъ борьбу (довольно робкую и малодушную, прибавляетъ критикъ) *за пушкинскую культуру?*

Глубокія историческія идеи такъ и сыплются изъ г. Мережковского, точно ослабительный дождь падающихъ звѣздъ. «Для преобразования Россіи хватило силъ одного Петра Великаго». «Наполеонъ безъ всякой помощи обуздалъ остатки революціи» и т. д.

Обратимся, однако, къ другимъ статьямъ сборника г. Перцова. Сама составитель стоитъ за взглядъ А. Григорьева на основныя черты русскаго *типоваго*. Онъ знаетъ такія вещи, о которыхъ обыкновенный смертный не имѣетъ даже чаяній: хоры ангеловъ въ *Донъ-Жуанъ* Алексѣя Толстого, по утверженію г. Перцова, *почти подлинныя звуки небесъ*, и остается только пожалѣть, что критикъ не далъ намъ образчика совсѣмъ подлинныхъ небесныхъ звуковъ.

Въ статьѣ объ А. Толстомъ г. Перцовъ полемизируетъ съ взглядами на этого поэта и на Тютчева В. С. Соловьева (его статья о Тютчевѣ перепечатана изъ *Вѣстника Европы* въ сборникѣ). На этихъ междусоборіяхъ мы, конечно, останавливаться не будемъ. Насъ до нѣкоторой степени интересуетъ г. Перцовъ, какъ новый дѣятель въ литературной критикѣ. Онъ выступалъ (если это не его однофамилецъ) года два или три тому назадъ въ *Русскомъ Богатствѣ*. Статья была не важная, но ея появленіе въ названномъ журналѣ должно было бы характеризовать направленіе, міропониманіе автора; теперь же оказывается, что г. Перцовъ ближе всего съ

Мережковскимъ и всего дальше именно отъ тѣхъ идей, носителями ко-
рыхъ являются руководители *Русскаго Богатства*.

Но «собственные» критическія мысли г. Перцова не представляются
ни достаточно оригинальными, ни въ надлежащей степени ясны-
ми. Въ сборникѣ, горделиво названномъ *Философскія теченія рус-
ской поэзіи*, не мѣшало бы присутствовать и тому и другому. Въ кни-
жѣ не помѣщены характеристики Жуковского, Некрасова, Мея и друг.,
которыя, по словамъ самого г. Перцова, «съ полнымъ правомъ могли бы
полнить это изданіе». Вину этого пропуска «составитель не рѣшается
легко принять на себя: своеобразное отношеніе прежней русской кри-
тики къ вопросамъ поэзіи и философіи оставило интересующую насъ область
еще неразработанной». Это, конечно, пустая отговорка: если говорить о
философскихъ теченіяхъ русской поэзіи, то необходимо брать представите-
лей всѣхъ теченій и не слѣдовало перескакивать черезъ Жуковского, Не-
красова, Мея къ новѣйшимъ поэтамъ, къ графу Голеннищеву-Кутузову.

Любопытно, что, по мнѣнію г. Перцова, «поэзія Полонскаго отнюдь не
оживлена внутреннимъ огнемъ теоретической мысли». Зачѣмъ же тогда по-
шла она въ философскія теченія русской поэзіи? Впрочемъ, характеристика
И. П. Полонскаго вообще отличается странностью. «Вкусъ Полонскаго, —
говоритъ, напримѣръ, г. Перцовъ, — зависитъ, кажется, всецѣло отъ его
философіи». А можетъ быть вдохновеніе отъ вкуса?

«Говоря объ Апухтинѣ какъ философѣ, — пишетъ критикъ въ характе-
ристикѣ этого поэта, — легко отдѣлаться условно-вѣрнымъ замѣчаніемъ, что
у него не было никакой философіи». «Но, «какъ бы то ни было, безцвѣтная,
радостная поэзія Апухтина существуетъ въ русской литературѣ наряду
съ наиболее яркими проявленіями иныхъ настроеній и требуетъ нашего
вниманія не менѣе всякой другой». Меньше ли, больше ли, — это вопросъ;
но, разумѣется, вниманія требуетъ. Только при чемъ тутъ опять философія
теченія русской поэзіи? Г. Перцовъ полагаетъ, что индифферентизмъ
поэзіи Апухтина, «ея отсутствіе (?) положительнаго символа вѣры есть,
конечно, лишь своя форма миропониманія, догматика самостоятельной секты».
Конечно, такого рода явленіе возможно разсматривать съ философской
точки зрѣнія, но видѣть въ отсутствіи философіи присутствіе философіи
идеальнымъ смысломъ воспрещается.

«Неотразимое вліяніе коренного русскаго міросозерцанія» отразилось,
по словамъ г. Перцова, въ томъ, что «буддійское настроеніе *русскаго* поэта
(г. Голеннищева-Кутузова), въ концѣ-концовъ, достигло какъ бы неволь-
наго корректива въ ретроспективномъ примиреніи съ *прекраснаго жизни*
фредомъ». Der langen Rede kurzer Sinn...

Въ статьяхъ г. Мережковскаго и отчасти г. Перцова мы находимъ
иногда тонкія художественныя замѣчанія и сближенія; но желаніе «пора-
ботать» духъ шестидесятыхъ годовъ ставитъ ихъ или въ смѣшное положеніе,
когда они хотятъ ломать открытую дверь, или приводитъ къ противорѣ-
чіямъ. И Чернышевскій и Добролюбовъ цѣнили искусство не такъ, какъ

цѣнить его г. Мережковскій, напримѣръ, ихъ философскіе взгляды не совпадаютъ со взглядами этого критика. Но сказать, что отъ Чернышевскаго и Добролюбова (о Писаревѣ особая рѣчь, хотя и по отношенію къ нему г. Мережковскій неправъ) пошла грубая и мутная волна—это непростительное легкомысліе. Вотъ что писалъ, напримѣръ, Чернышевскій о Пушкинѣ горячо привѣтствуя Анненковское изданіе (1855 г.) его произведеній: «Продуть годы прежде, нежели другія литературныя явленія измѣнятъ настоящія понятія публики о поэтѣ, который навсегда останется великимъ». «Во возможность дальнѣйшаго развитія русской литературы, — писалъ Чернышевскій далѣе, — была приготовлена и отчасти еще готовится Пушкинымъ».

Не мѣшаетъ поклонникамъ веселой мудрости и олимпійскаго спокойствія быть посправедливѣе къ своимъ противникамъ и лучше познакомиться съ тѣми писателями, въ которыхъ бросаются теперь легкомысленныя и грязныя обвиненія. Кстати, объ олимпійскомъ спокойствіи. Въ другой статьѣ напечатанной въ разбираемомъ сборникѣ, объ А. Н. Майковѣ, г. Мережковскій высказываетъ слѣдующія мысли: «Вкусъ различенъ. Что касается меня я предпочелъ бы, даже съ чисто-художественной точки зрѣнія, влажные разорванныя волнами ризы Аріона самымъ торжественнымъ ризамъ жрецовъ чистаго искусства. Есть такая красота въ страданіи, въ грозѣ, даже въ гибели, которой не могутъ дать никакое счастье, никакое упоеніе олимпійскимъ созерцаемъ».

Хотѣлось бы намъ по этому поводу упрекнуть г. Мережковскаго-критика въ противорѣчіи, но лучше мы скажемъ г. Мережковскому-поэту:

„Прошу покорно: вѣрь поэтамъ!
Мечты и вѣрованія ихъ
Подвигивѣй тучекъ золотыхъ“.

И, какъ поэтъ, г. Мережковскій высказываетъ гораздо болѣе серьезныя мысли, чѣмъ тогда, когда онъ выступаетъ критикомъ. Сдѣлавши неожиданное сближеніе Майкова съ Некрасовымъ, которыхъ «на одно мгновеніе всѣхъ объединяющая поэзія сблизила въ участіи къ простому горю бѣдныхъ людей», г. Мережковскій продолжаетъ: «Какъ долго и ожесточенно критики спорили о чистомъ и тенденціозномъ искусствѣ, — какимъ ничтожнымъ кажется схоластическій споръ при первомъ вѣяніи живой любви, живой прелести! Критики—всегда враги; поэты—всегда друзья и стремятся разными путями къ одной цѣли».

Не совѣтъ это вѣрно, но какъ было бы хорошо, еслибъ г. Мережковскій-критикъ почаще слушался г. Мережковскаго-поэта! Теперь же внутренія получаетъ вторая ипостась отъ первой *).

*) Къ статьѣ г. Мережковскаго о Майковѣ г. Перцовъ прихлѣбляя примѣчаніе, въ которомъ утверждаетъ, что г. Мережковскій ошибается, считая Майкова азычникомъ. Примѣчаніе это свидѣтельствуетъ о томъ, что составитель сборника несравненно менѣе способенъ проникать въ духъ художественныхъ произведеній, чѣмъ его сотрудникъ.

Недавно Ф. Ф. Павленковымъ выпущено дешовое (четыре тома, 5 руб.) издание сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Много хорошихъ книгъ издано г. Павленковымъ, много и энергично служить онъ дѣлу нашего просвѣщенія. Новом и большою заслугою въ этомъ отношеніи является и дешовое издание Бѣлинскаго. Къ нему приложены: портретъ и факсимиле автора, гравюра съ извѣстной картины Наумова *Бѣлинскій передъ смертію* и статья К. К. Михайловскаго (*Прудонъ и Бѣлинскій*). Эта статья была напечатана болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ и, конечно, была бы желательнѣе общая характеристика нашего знаменитаго критика. Честность мысли Бѣлинскаго, его удивительное художественное чутье и теперь обаятельно и плодотворно дѣйствуютъ на читателей. Съ его сочиненій необходимо начинать самостоятельное знакомство съ исторіей нашей литературы. Отъ души желаемъ изданію г. Павленкова скорѣйшаго распространенія не въ тысячахъ, а въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. «Конечно, — писалъ Бѣлинскій о Пушкинѣ, — прійдетъ время, когда потомство воздвигнетъ ему вѣковѣчный памятникъ». Сбылось предсказаніе великаго критика. Но когда же мы будемъ имѣть памятникъ Гоголю? Вѣдь общество любителей россійской словесности собрало нужные для этого деньги, отчего же оно не приступаетъ къ дѣлу, затѣмъ медлить праздникомъ, дорогимъ для каждаго образованнаго русскаго?

О. Т. В.

P. S. Не можемъ не подѣлиться съ читателями крайнимъ изумленіемъ: мы встрѣтили замѣтку, полную здраваго политическаго смысла и гуманнаго чувства... въ *Гражданинн!*

Виленскій генералъ-губернаторъ издалъ распоряженіе о томъ, что кресты и священныя изображенія внѣ домовъ, церквей и оградъ ихъ могутъ быть поставлены только съ особаго разрѣшенія мѣстнаго начальства. *Гражданинн* по этому поводу говоритъ: «Эти кресты въ Западномъ краѣ существуютъ вѣка; изстари никто никогда не слыхалъ намековъ на политическую неблагонадежность этихъ *крестовъ* и *распятій*. Поневоля мирный зритель настоящаго долженъ задать себѣ вопросъ: къ чему же *теперь*, когда въ *Сѣверозападномъ краѣ* все спокойно, вдругъ ставится вопросъ о необходимости подчинить *распятія* или *кресты* на *перекресткахъ* дорогъ той же участи, какой подвергается открытіе такого учрежденія или начатіе такого дѣла, по которымъ можно допустить два мнѣнія: одно — объ ихъ полезности, а другое — объ ихъ вредѣ, вслѣдствіе чего устанавливается законъ объ испрашиваніи дозволенія начальства...

«Еслибы Сѣверозападный край былъ не спокоенъ, онъ могъ бы легче найти доказательства безпокойства въ людяхъ, чѣмъ въ *своеволіи* безмолвствующихъ изваяній.

„Вотъ та маленькая спичка, которая можетъ зажечь и охватить край пожаромъ, послѣ 30 лѣтъ спокойствія, и въ такое время, когда въ интересахъ правительства желательнѣе устраненіе всякаго малѣй-

шая даже повода къ возбужденію національныхъ или религіозныхъ вопросовъ...

„Вѣдь, какъ ни говори, а тѣ, которые эту мѣру подсказывали съ вероисповѣданіемъ генералъ-губернатору, вѣроятно, очень были недалеки отъ мысли подсказать и другую ей подобную: потребовать, чтобы въ домахъ и церквей никто не могъ креститься публично безъ разрѣшенія мѣстнаго начальства...

„Во всякомъ случаѣ, живого человека, крестящагося на улицѣ, можно скорѣе заподозрить въ неблагонадежности, чѣмъ безмолвный въковой крестъ на перекресткѣ двухъ дорогъ.

„Ошибаюсь я или нѣтъ, покажетъ время, но по совѣсти скажу: боюсь этихъ маленькихъ мѣръ: онѣ всегда приносятъ несчастье. А молодому нашему Государю нужно только желать того, что сумитъ Ему счастье и любовь“.

Нельзя не отмѣтить и того, что *Петербургскія Вѣдомости* называютъ приведенныя соображенія кн. Мещерскаго весьма справедливыми.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Бумажный рубль, золото и серебро.—(По поводу проекта денежной реформы).—Отъ комитета по присужденію премій при Харьковскомъ университетѣ и отъ комитета общества вспомошествованія студентамъ С.-Петербургскаго университета.

За послѣдніе мѣсяцы русское общество относилось съ живымъ интересомъ къ предполагаемой реформѣ денежнаго обращенія. Этотъ вопросъ не сходилъ со столбцовъ газетъ; ему было посвящено много засѣданій въ ученыхъ обществахъ, особенно въ вольно-экономическомъ. Большая часть того, что было сказано и написано, направлено противъ реформы; но слышалось не мало голосовъ и въ ея пользу. Какъ всегда бываетъ въ остренной полемикѣ, спорящія стороны наговорили много такого, что находится въ самой отдаленной связи съ обсуждаемымъ вопросомъ или даже не стоятъ ни въ какомъ къ нему отношеніи. Было довольно и нелѣпостей. Такъ, противники законопроекта ядовито замѣчали, что съ проведеніемъ закона въ оборотѣ будутъ золотыя монеты двухъ родовъ, носящія одно и тоже названіе и что (horribile dictum!) нашъ народъ будетъ видѣть на новыхъ золотыхъ монетахъ печать антихриста, такъ какъ онѣ равны 6,66 нынѣшняго полумперіала. Нужно считаться съ психологіей народа, а потому и слѣдуетъ воздержаться отъ реформы. Эти господа должны были бы попутно упрекнуть первыхъ строителей желѣзныхъ дорогъ, такъ какъ передъ умственнымъ взоромъ многихъ русскихъ людей, особенно изъ раскольниковъ, паровозы, тянущіе поѣзда, были огненными зміями. Даже люди, которые нѣсколько привыкли обдумывать свои слова, сплошь и рядомъ говорили по поводу предполагаемаго мѣропріятія то, что совершенно не идетъ къ дѣлу. Доказывалась неподготовленность Россіи къ этой реформѣ потому, что наше отечество почти безграмотно, что въ немъ мало школъ, что финансы неудовлетворительны; а слѣдовало бы подумать, что установленіе денежной валюты на прочномъ основаніи сослужить службу финансамъ и дать имъ новыя средства на народную школу. Говорилось съ большимъ апломбомъ, что золотое обращеніе невозможно въ Россіи, вслѣдствіе нашей бѣдности. При этомъ забывалось, что уровень благосостоянія страны и валюты не стоятъ между собою въ прямой связи: государства латинскаго монетнаго союза имѣли до послѣдняго времени преобладающую серебряную

валюту, и ее же имѣютъ Остъ-Индіа и Китай. А какъ велика разница относительно благосостоянія между Китаемъ и Франціей или между Индіей и Бельгіей! Было бы странно сравнивать народное богатство Англій и Египта, а между тѣмъ не только оба государства имѣютъ золотую валюту, но Англія въ общемъ запасъ монетъ имѣетъ, относительно, гораздо больше серебра, чѣмъ Египетъ: къ 1893 году въ первой было на 120½ миллионновъ фунтовъ стерлинговъ золота и 27 миллионновъ фунтовъ серебра, т.-е. 18,2%, тогда какъ въ Египтѣ на 25 миллионновъ фунтовъ золотомъ было только 3.150,000 фунтовъ серебромъ, т.-е. 12,4%. Сторонники проекта также не оставались въ долгу. Они говорили, напримѣръ, что Россія достанетъ золота, такъ какъ оно въ изобиліи устремляется туда, гдѣ въ немъ нуждаются. А между тѣмъ цѣлыя десятилѣтія золото не направлялось въ Россію, Австрію, Италію, хотя нельзя доказать, что эти страны, обремененныя обезцѣвившимися бумажными деньгами, не нуждались въ золотой монетѣ. Словомъ, если бы изъ сказаннаго въ засѣданіяхъ нашихъ ученыхъ обществъ выбрать все несообразное и неидущее къ дѣлу, то получился бы огромный томъ.

I.

Сущность денежной реформы сводится къ слѣдующимъ пунктамъ. Выпускается золотая монета новаго чекана, пробой одинаковая съ нынѣшней, а вѣсомъ равная $\frac{2}{3}$ настоящей (полуимперіаль нынѣшняго чекана будетъ стоить $7\frac{1}{2}$ рублей новой монеты). Эта монета, составляя основную монету имперіи, имѣетъ платежную силу въ неограниченномъ количествѣ, а серебряная монета полноцѣнная обязательна къ приему въ платежѣ не болѣе 50 рублей за одинъ платежъ. Кредитные билеты обязательно размѣниваются государственнымъ банкомъ на золотую монету по расчету рубль за рубль новаго чекана. Въ этихъ видахъ государственный банкъ получаетъ размѣнный фондъ на 750 рублей въ золотой монетѣ новаго чекана. Банкъ можетъ выпустить билеты: въ предѣлахъ до 1 миллиарда—съ условіемъ, чтобы билетное обращеніе не превышало золотой наличности банка больше, чѣмъ въ два раза, а свыше 1 миллиарда—подъ условіемъ покрытія излишка билетовъ золотой наличностью рубль за рубль. Впредь государственные кредитные билеты будутъ выпускаться только для коммерческихъ операцій банка; за счетъ государственнаго казначейства билеты на будущее время не выпускаются.

Денежная реформа выдвигаетъ нѣсколько основныхъ недоразумѣній. Устранить ихъ—значитъ высказаться за ея своевременность; признать ихъ неустраиваемыми—значитъ произнести надъ проектомъ закона приговоръ, какъ надъ мѣрой нецѣлесообразной вообще или, по крайней мѣрѣ, несвоевременной.

Проектъ хочетъ дать русскому народному хозяйству, вмѣсто неразмѣнныхъ, размѣнныя бумажныя деньги. Возникаетъ, поѣтому, прежде всего, вопросъ о томъ, есть ли данныя для безостановочнаго размѣна?

Если бы кто-нибудь утверждалъ, что запаса золота, который накопленъ русскимъ правительствомъ, даже при состояніи мира не достанетъ для размѣна кредитныхъ билетовъ въ теченіе 2—3 лѣтъ, то я сталъ бы возражать противъ этого. На такой короткій періодъ этотъ запасъ будетъ вполне достаточенъ; можно допустить даже, что, при отсутствіи всякихъ осложненій во внѣшней политикѣ и сильныхъ потрясеній (вродѣ повального неурожая) внутри страны, этотъ запасъ можетъ нѣсколько возрасти. Но такая мѣра принимается не для того, чтобы оправдать себя въ теченіе немногихъ ближайшихъ лѣтъ. Русское общество ожидаетъ, что средство противъ неустойчивыхъ въ цѣнности бумажныхъ денегъ будетъ радикальнымъ средствомъ; и само правительство, какъ доказываетъ послѣднее 35-лѣтіе, готовилось къ тому, чтобы, принявъ рѣшительныя мѣры противъ обезцѣнившихся бумажныхъ денегъ, покончить съ ними на долгое время (не говоримъ «навсегда», такъ какъ въ вопросѣ, столь сложномъ, нельзя дѣлать предсказанія относительно далекаго будущаго). Крымская война обезцѣнила кредитные билеты, и съ 1860 года принимаются отдѣльныя мѣры, чтобы поднять ихъ цѣнность. Отношеніе финансовой политики къ этому предмету было не одно и то же. Въ началѣ этого періода господствовало убѣжденіе, что, уменьшая количество бумажныхъ денегъ, можно будетъ понизить ихъ запасъ до потребностей оборота и что, увеличивъ запасъ звонкой монеты, можно будетъ начать размѣнъ. Нѣсколько разъ жгли бумажки, а въ 1862—1863 гг. открыли ихъ размѣнъ. Но эти мѣры не привели къ полезнымъ результатамъ. Съ начала 80-хъ годовъ въ правительственныхъ кругахъ стало преобладать убѣжденіе, что слѣдуетъ воздерживаться ото всѣхъ подобныхъ мѣръ воздѣйствія на кредитный рубль и стремиться къ такой хозяйственной политикѣ, которая расширяетъ обороты и увеличиваетъ запросъ на деньги. Мы далеки отъ мысли, что отдѣльныя мѣры, изъ которыхъ слагается русская экономическая политика послѣдняго десятилѣтія, могли привести къ этой цѣли. Но именно это имѣлось въ виду. Опытъ показалъ, что возстановленіе цѣнности кредитнаго рубля совершается гораздо болѣе медленно, нежели то можно было предположить, и когда серебро обезцѣнилось въ такой степени, что замѣна имъ бумажныхъ денегъ стала невыгодна, рѣшено было перейти къ золотому обращенію. За это время въ распоряженіи правительства накопился настолько большой запасъ золота, что явилось намѣреніе пустить его въ хозяйственный оборотъ страны и вытѣснить изъ него значительную часть бумажныхъ денегъ. По сравненію съ запасомъ монеты, который въ 40-хъ годахъ служилъ для размѣна кредитныхъ билетовъ, нынѣшній запасъ такъ великъ, что есть увѣренность поддерживать обмѣнъ неопредѣленно долгое время. И если мы посмотримъ на предыдущее 35-лѣтіе какъ на періодъ отдѣльныхъ попытокъ въ этомъ направленіи, какъ на подготовительную ступень, то скажемъ, что правительство, начертывая этотъ проектъ, имѣетъ въ виду свободный размѣнъ не только въ ближайшіе годы, но и неограниченно долгое время, скажемъ даже, навсегда.

Может ли, однако, быть хотя слабое ручательство за то, что накопленный золотой фонд и суммы, которые будут приливать къ нему, обеспечить непрерывный обменъ на долгое время?

Въ полемикѣ, которую вызвало предложеніе министерства финансовъ, была выражена мысль, что къ размѣну будетъ предъявляться немного бумажныхъ денегъ. Доказываютъ эту мысль ссылкою на то, что населеніе привыкло къ бумажнымъ деньгамъ и что отверженіе въ 1895 году курса бумажнаго рубля на отношеніи: 1 кредитный рубль = $\frac{2}{3}$ рубля золота—не вызвало большого отлива монеты изъ государственнаго банка. Эти оба положенія вовсе не убѣдительно за предълами полемического задора. Привычка къ бумажнымъ деньгамъ очень скоро, — и не только въ городахъ, но и деревняхъ, — уступить мѣсто привычкѣ къ золоту. Пока мѣра министерства финансовъ ограничивалась фиксаціей цѣны бумажнаго рубля, пока только предлагали желающимъ обмѣнивать по установленному курсу, до тѣхъ поръ русское общество было склонно видѣть въ этомъ временную мѣру, удовлетвореніе текущихъ потребностей финансоваго управленія и народнаго хозяйства, и вовсе не спѣшило разстаться съ бумажными деньгами. И какой былъ расчетъ для той или другой общественной группы получать золото по курсу $1\frac{1}{2}$ бумажныхъ рубля за 1 рубль золотомъ, когда этотъ курсъ былъ установленъ всего на 1 годъ, а за послѣднее 20-лѣтіе цѣна полуимперіала испытывала сильныя колебанія — въ предѣлахъ отъ 6 до 10 рублей кредитныхъ? Но разъ новый проектъ станетъ закономъ, отношеніе русскаго общества къ золоту рѣзко измѣнится. Будутъ имѣть въ виду не временно установленный курсъ, а совершенную девальвацію, твердое намѣреніе правительства обмѣнивать на золото значительную массу бумажныхъ денегъ. Золото явится повсюду; всѣ будутъ видѣть его и привыкать къ нему. Я не вѣрю, чтобъ очень большіе его запасы перешли въ кубышки, но вполне допускаю, что за короткое время изъ запаса въ 730 милліоновъ, которымъ располагаетъ государственный банкъ, уйдетъ 300—400 милліоновъ. И это явится прямымъ слѣдствіемъ какъ того, что будетъ обмѣнена на монету часть кредитныхъ билетовъ ради текущихъ потребностей хозяйственнаго оборота, такъ и спекуляціи: небольшія политическія осложненія, прямо не затрагивающія Россію, будутъ повышать цѣну золота на 2—3%, и это сдѣлаетъ выгоднымъ продажу его за границей на значительныя суммы съ спекулятивною цѣлью. Представимъ себѣ, что за 200 милліоновъ золотомъ, перешедшихъ отъ насъ спекулятивно за границу, мы получили на 200 милліоновъ государственныхъ процентныхъ бумагъ: это даетъ намъ ежегодное уменьшеніе платежей за границу въ размѣрѣ 9 милліоновъ, т.-е. только на $\frac{1}{20}$ заглядитъ въ теченіе года пробѣлъ, который будетъ причиненъ золотому фонду отливомъ въ 200 милліоновъ. Словомъ, какъ бы ни уменьшался металлическій запасъ вслѣдствіе размѣна бумажныхъ денегъ, онъ будетъ уменьшаться. И сами представители министерства финансовъ рассчитываютъ (докладъ г. Касперова въ вольномъ экономическомъ обществѣ 30 марта

1896 года), что къ обмѣну на золото не будетъ предъявлено около 500 милліоновъ рублей кредитныхъ, т.-е. не менѣе 47,1% всего бумажно-денежнаго обращенія. Значитъ, само министерство финансовъ полагаетъ, что будетъ обмѣнено больше 500 милліоновъ рублей.

Правительство не можетъ быть равнодушно къ тому, что большая часть золотого фонда уйдетъ изъ его рукъ. Оно выпуститъ спокойно 2—3 сотни милліоновъ, и если этотъ пробѣлъ не будетъ пополняться, если, вмѣсто 730 милліоновъ, останется только 400 милліоновъ, оно прекратитъ размыѣнъ. Я не вижу никакихъ гарантій того, что запасъ золота будетъ возрастать, и пробѣлъ, оставленный размыѣномъ, будетъ пополняться если не вообще, то въ значительной своей части.

По окончательному расчетному балансу за послѣднія 8 лѣтъ (1888—95 г.) Россія переплатила за границу до 118 милліоновъ рублей золотомъ, а добыла за это время 240 милліоновъ; это составляетъ въ среднемъ увеличеніе золотого фонда слишкомъ на 15 милліоновъ рублей въ годъ. Изъ этой суммы большая часть приходится на послѣдніе 4 года. Вопросъ сводится къ тому, можемъ ли мы поддерживать расчетный балансъ въ нынѣшнемъ его состояніи, или можемъ улучшить его, или же онъ имѣетъ наклонность ухудшаться?

Первою статьёй нашего дебета являются платежи по займамъ, которые получаетъ отъ насъ за граница. Если не встрѣтится какое-нибудь особое, чрезвычайное обстоятельство, то наша задолженность можетъ не возрасти, а потому этотъ каналъ не будетъ отвлекать отъ насъ больше золота, чѣмъ въ настоящее время.

Вторая крупная статья нашего дебета — суммы, расходуемыя русскими людьми за границей — не поддается даже приблизительно точному учету. Можно съ увѣренностью предсказать, что эти суммы, понижаясь въ годы, особенно неблагоприятныя для русскаго народнаго хозяйства, имѣютъ наклонность постоянно возрастать. Удобства жизни на Западѣ и дешевизна передвиженія, вслѣдствіе повсемѣстнаго сооруженія желѣзныхъ дорогъ, ведутъ къ тому, что путешествіе за границу предпринимаютъ люди даже малосостоятельныхъ общественныхъ группъ. Технологъ, скопивъ нѣсколько сотъ рублей, ѣдетъ за границу, чтобы поучиться, чиновникъ съ небольшимъ овладомъ экономитъ два года и затѣмъ отправляется за границу въ 2-х-мѣсячный отпускъ, чтобы отдохнуть. Теперь такія явленія перѣдки; прежде они были единичными исключеніями. Напомню, что Пушкинъ нѣсколько лѣтъ собирался за границу, да такъ и не попалъ; теперь же не легко встрѣтить русскаго писателя даже средней репутаціи, который не побывалъ бы въ 3—4 странахъ Западной Европы.

Можно было бы предположить, что приливъ иностранцевъ въ Россію будетъ также возрастать и что излишекъ денегъ, вывозимый русскими за границу, будетъ уравниваться суммами, которые будутъ привозить къ намъ иностранцы. Однако, нельзя ничѣмъ подкрѣпить такое положеніе. Удобствомъ и разнообразіемъ жизни Западъ настолько превосходитъ Рос-

сію, что множество русских отправляется туда на долгое время для леченія и удовольствія, а иностранные туристы являются у насъ только для прогулки по Волгѣ, бѣлаго осмотра Брыма, Кавказа и т. д. Тѣ же, которые поселяются въ Россіи, ставятъ себѣ цѣлью наживать деньги; эти люди или навсегда остаются въ нашей странѣ и выходятъ изъ рядовъ путешественниковъ, или же, пробывъ извѣстное число лѣтъ, возвращаются на родину и вывозятъ съ собой приобретенное имущество, т.-е. увеличиваютъ вывозъ золота изъ Россіи. Увѣренный, что дебетъ Россіи по этой статьѣ будетъ возрастать, я готовъ допустить, что этотъ излишекъ будетъ уравновѣшенъ приростомъ добычи золота въ Россіи.

Добыча золота есть также тотъ пунктъ, на который охотно указываютъ сторонники предположенной реформы съ присовокупленіемъ, что Россія — третья страна въ мірѣ по количеству добываемаго золота. Все это вѣрно и все это не мѣшало до сихъ поръ Россіи быть страной неразыбныхъ бумажныхъ денегъ. Добываніе золота достигло наибольшихъ размѣровъ во второй половинѣ 70-хъ годовъ, когда добывалось ежегодно около 2½ тысячъ пудовъ; затѣмъ производство колебалось между 1,900 и 2,300 пудовъ и за послѣдніе годы снова поднялось до 2½ тысячъ. Отмѣчаютъ крайнее несовершенство техники въ русской золотопромышленности, предсказываютъ большее возрастаніе добычи... Но все это можетъ быть, а можетъ и не быть. И мы должны отправляться отъ предположенія, что Россія добываетъ ежегодно на 30 милліоновъ рублей золота и что эта сумма сама по себѣ еще слишкомъ незначительна для покрытія нашихъ платежей за границу.

Переходимъ къ самой крупной статьѣ, — статьѣ съ рѣшающимъ значеніемъ, — нашей вѣншей торговли. Со второй половины 70-хъ годовъ цѣнность отпуска превышаетъ цѣнность привоза. За 5-лѣтіе 1876—80 годовъ ежегодное превышеніе составляло только 30,5 милліона кредитныхъ рублей, за слѣдующее 5-лѣтіе (1881—85 гг.) — 66,1 милліона, во второй половинѣ 80-хъ годовъ (1886—90 гг.) — 249,4 мил., въ 1891 году — 3,01 миліонъ. Въ послѣдніе годы превышеніе цѣнности отпуска надъ привозомъ далеко не достигало такой цифры: оно дало 53,1 мил. въ 1892 году, 125,3 въ 1893 г. и около 125 миліоновъ въ 1894 г. Можетъ быть, цѣнность привоза показана ниже своей дѣйствительной величины, но фактъ значительнаго превышенія цѣнности отпуска надъ привозомъ не подлежитъ спору. Однако, въ этихъ цифрахъ есть особенность, на которую слѣдуетъ обратить вниманіе. Наша таможенная политика, направленная къ сокращенію ввоза, достигла въ 1891 году полнаго выраженія. Торговые договоры съ Германіей и другими странами нѣсколько смягчили покровительство, однако, не понизили таможеннаго тарифа до уровня, предшествовавшаго тарифу 1 іюля 1891 г. И, тѣмъ не менѣе, привозъ относительно увеличился. Наибольшее превышеніе цѣнности отпуска надъ ввозомъ падаетъ на 1886—91 годы, а за послѣдніе годы оно далеко не достигаетъ этого уровня. Слѣдовательно, таможенное покровительство сдѣлало все,

что можно сдѣлать для достиженія выгоднаго торговаго баланса. Откуда же ожидать укрѣпленія тенденціи, которая обнаруживается до сихъ поръ въ нашей внѣшней торговлѣ?

Идетъ ли рѣчь о продуктахъ добывающей или обрабатывающей промышленности, условіями, способными помогать народу въ этомъ торговомъ состязаніи, являются развитіе техники съ одной стороны и изобиліе даровъ внѣшней природы съ другой. Мы не считаемъ возможнымъ сдѣлать относительно перваго условія благоприятное предсказаніе. Американцы, англичане, французы, нѣмцы превосходятъ насъ и обширнѣе, и техничскимъ образованіемъ, высотой промышленнаго искусства, приспособленіями для производства товаровъ и ихъ перевозки; мы не видимъ, что дастъ рѣзкій толчокъ русской жизни къ движенію впередъ и затормазитъ развитіе другихъ народовъ настолько, чтобы мы опередили ихъ и стали господами въ какой-либо обширной области всемірнаго рынка. Параллельно съ улучшеніями, которыя будутъ дѣлать въ Россіи относительно производства товаровъ, кредита, желѣзныхъ и водныхъ путей, наши главные соперники за границей будутъ дѣлать еще болѣе крупныя усовершенствованія въ хозяйственной жизни.

Но принято ссылаться на естественныя богатства Россіи, когда обсуждаютъ вопросъ о возможности для нея упрочиться на міровомъ рынкѣ съ нѣкоторыми или даже многими продуктами нашего производства. Не будемъ преувеличеннаго мнѣнія о нашихъ естественныхъ богатствахъ. Если дѣлать абсолютную оцѣнку, то найдемъ, что страна столь обширная и такъ рѣдко населенная, какъ Россія, имѣетъ много естественныхъ богатствъ, до которыхъ еще не коснулась человѣческая рука: есть милліоны десятинъ плодородной земли, не взятой подъ культуру, есть воды, обильныя рыбой, гдѣ еще мало развитъ рыболовный промыселъ, есть нетронутыя мѣсторожденія металловъ и минераловъ. Запасъ нашихъ естественныхъ богатствъ производитъ особенно сильное впечатлѣніе, когда сопоставляемъ его съ низкимъ уровнемъ техники и мало развитою промышленностью нашего отечества. Разнообразные дары природы, которыми владѣетъ Россія, представляются громадными и тогда, когда сравниваемъ наше отечество съ Западной Европой, которая густо населена и пространствомъ далеко уступаетъ Россійской имперіи. Если же взять всю ту часть земнаго шара, которая входитъ въ составъ мірового рынка, то окажется, что Россія уступаетъ и Америкѣ (особенно Сѣверной и Южной, вмѣстѣ взятымъ), и обширнымъ пространствамъ южной Азіи, Африки и Австраліи, что она уступаетъ имъ прежде всего въ отношеніи климата. Прибѣгнемъ къ сравненіямъ. Когда говорятъ объ естественныхъ богатствахъ Россіи, то обыкновенно имѣютъ въ виду ея азіатскія владѣнія. Европейская Россія или довольно густо населена, или (сѣверныя губерніи) принадлежитъ къ тому климатическому поясу, гдѣ нельзя ожидать ни большаго роста населенія, ни развитія разнообразной промышленной жизни. Азіатская Россія представляетъ площадь около 16½ милліонновъ километровъ съ населеніемъ ме-

нѣе 20 милл. душъ. Какъ ни великъ земельный просторъ въ Сибири и средне-азиатскихъ владѣнiяхъ, не слѣдуетъ забывать, что большая часть этой площади лежитъ въ климатѣ очень суровомъ, мало общающемъ для развитiя хозяйственной жизни. Если изъ среды азиатскихъ владѣнiй откинуть степи, которыя поддадутся культурѣ только по затратѣ очень большихъ капиталовъ, когда уже будутъ заняты болѣе удобныя мѣста земного шара, то окажется, что, быть-можетъ, только $\frac{1}{3}$ этого пространства, 5—6 миллюновъ километровъ, должна быть отнесена къ мѣстностямъ, допускающимъ въ недалекомъ будущемъ развитiе хозяйственной жизни. Ограничивая такую цифрой площадь, которая имѣетъ разнообразныя естественныя богатства, мы не только не умаляемъ ихъ, но идемъ отчасти даже дальше официальныхъ исчисленiй. Эти исчисленiя опредѣляютъ для лучшихъ мѣстъ Сибири и Средней Азiи очень скромною цифрой площадь земель, которыя могутъ послужить мѣстомъ водворенiя переселенцевъ изъ Европейской Россiи: въ лучшихъ округахъ Тобольской губернiи—Ишимскомъ, Курганскомъ, Ялуторовскомъ почти не находятъ такихъ земель; подобныя же отзвывы даются о Минусинскомъ округѣ, о нѣкоторыхъ округахъ Аемлинской области и другихъ. Площадь въ 5—6 миллюновъ километровъ, если признать таковою удобную часть владѣнiй Азиатской Россiи, огромна; при благоприятныхъ условiяхъ она могла бы прокормить не одну сотню миллюновъ. Но она становится очень скромною, если припомнить богатства, которыми природа надѣлила другiя страны земного шара. Четыре южно-американскiя государства: Бразилiя, Аргентина, Перу и Чили—имѣютъ площадь въ 23 миллюна километровъ, а австрайлiйскiя колонiи Великобританiи—до $8\frac{1}{4}$ миллюновъ. Общее число жителей на этой площади только не многими превышаетъ 30 миллюновъ. И среди этихъ пространствъ найдутся мѣста, не легко поддающiяся культурѣ; но, во всякомъ случаѣ, удобныя мѣста далеко превосходятъ Азиатскую Россiю, а климатомъ эти мѣста превосходятъ даже лучшiя части всей имперiи. Сюда нужно приобщить и многiя малонаселенныя части Соединенныхъ Штатовъ, Канады, долину Конго и проч. Разъ всѣ лучшiя мѣста земного шара будутъ захвачены въ вѣдѣнiе европейско-американской культуры, то многiе иностранцы выступятъ на всемирномъ рынкѣ представителями болѣе обильныхъ естественныхъ богатствъ, нежели Россiя, и могутъ одержать надъ нами побѣду при сбытѣ однородныхъ издѣлiй. Такимъ образомъ мы не видимъ основанiя ссылаться на естественныя богатства, какъ на условiе, которое поможетъ намъ завладѣть значительною частью всемирнаго рынка.

Общая оцѣнка условiй, въ которыхъ находится русское народное хозяйство, заставляетъ придти къ выводу, что мы не имѣемъ благоприятныхъ данныхъ для борьбы съ другими народами на мировомъ рынкѣ. А, между тѣмъ, сторонники проекта министерства финансовъ ссылаются на ростъ нашей производительности и утверждаютъ, что можно ожидать отъ нея дальнѣйшаго измѣненiя расчетнаго баланса въ нашу пользу. А одинъ изъ сторонниковъ говорить такъ: «Еслибъ послѣ введенiя металлическаго

брашенія платежный балансъ почему-либо ухудшился, то мы въ состояніи удемъ защитить нашъ металлическій фондъ съ меньшими трудностями, чѣмъ другія государства, такъ какъ, прежде чѣмъ отдать благородные металлы, у насъ имѣется для продажи большій выборъ очень ходкихъ, для стѣхъ необходимыхъ, товаровъ, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ» *Экономистъ*. Къ вопросу о нашемъ металлическомъ денежномъ обращеніи. *Моск. Вѣдомости* 1896 г., 90). Какіе же «ходкіе» товары можемъ мы вывозить въ большемъ количествѣ?

Остановимся прежде всего на вывозѣ издѣлій. Эта статья нашего вывоза увеличивается, однако, въ небольшихъ размѣрахъ. За послѣдніе 3 года (1892—94) издѣлій было вывезено на сумму отъ 29% милліоновъ рублей, въ 1894 году до 32% милл. руб. въ 1892 г.; а за средній годъ пятилѣтія 1886—90 годовъ онъ составлялъ 27,2 милл. рублей, т.-е. возросъ въ теченіе 8 лѣтъ только на 4 милліона. Цифра вывоза издѣлій представляется особенно скромной, если припомнимъ, что за вторую половину 60-хъ годовъ (1866—70), когда наша крупная промышленность только зарождалась въ нѣкоторыхъ отрасляхъ, издѣлій вывозилось на 16,3 милл. рублей въ годъ. Но было бы ошибочно думать, что 30—32 милл. рублей представляютъ вывозъ русскихъ издѣлій за границу: въ этой же суммѣ находятся издѣлія, отправляемыя въ порты Восточной Сибири за 1893 г., изъ общей цѣнности издѣлій цѣна издѣлій, отправляемыхъ въ порты Восточной Сибири, составляла почти 11% милл. рублей. Можно ожидать увеличенія вывоза издѣлій, повидимому, отъ того, что съ каждымъ годомъ у насъ возникаютъ новыя предпріятія съ иностранными капиталами и, частію, подъ руководствомъ иностранцевъ. Возникающія предпріятія, какъ показываютъ наблюденія, хотя и ввозятъ новѣйшія машины и приемы производства, однако, опираясь на русскую рабочую силу и имѣя болѣе дорогое сырье, чѣмъ на Западѣ, не могутъ производить такъ дешево, какъ за границей. Эти предпріятія могутъ дѣйствовать съ полнымъ успѣхомъ вслѣдствіе поддержки, которую оказываетъ таможенное покровительство, могутъ способствовать небольшому усиленію вывоза изъ Россіи фабрикатовъ, но не въ состояніи быстро увеличивать вывозъ крупными цифрами. Еслибъ мы допустили, что вывозъ издѣлій будетъ возрастать и впредь въ такой пропорціи, какъ онъ увеличился съ конца 60-хъ годовъ до настоящаго времени (съ 16 по 31 милліонъ въ годъ), то получимъ черезъ 25 лѣтъ очень небольшое увеличеніе всего на 15 милліоновъ рублей. Данныя относительно прівоза въ Россію иностранныхъ издѣлій прямо доказываютъ, насколько мы нуждаемся въ произведеніяхъ иноземныхъ фабрикъ и заводовъ, а косвенно—насколько слаба наша обрабатывающая промышленность, чтобы снабжать внѣшній рынокъ. Оживленіе внѣшней торговли въ 70-хъ годахъ поднимаетъ цѣнность ввозимыхъ къ намъ заграничныхъ издѣлій до 134,7 милліона рублей въ первое пятилѣтіе и до 141,4 милліона во второе. Усиленіе таможеннаго покровительства съ конца 70-хъ годовъ уменьшаетъ прівозъ издѣлій: отъ 1886 по 1892 годъ онъ составляетъ въ среднемъ

меньше 80 миллионъ рублей въ годъ. Но смягченіе таможенной охраны посредствомъ торговыхъ договоровъ усилило ввозъ издѣлій: въ 1893 году ихъ ввезено слишкомъ на 92½ миллиона, а въ 1894—слишкомъ на 137 миллионъ. Это даетъ прямое доказательство того, насколько наша промышленность можетъ слабо соперничать съ иностранною, а косвеннымъ доказательствомъ служитъ то, что паденіе цѣнности ввозимыхъ изъ-за границы издѣлій почти на 66 миллионъ рублей въ годъ (съ 141,4 миллионъ во второй половинѣ 70-хъ годовъ) до 74,9 (въ 1886—1890 гг.) и 78 миллионъ (въ 1891 и 1892 годахъ) сопровождалось усиленіемъ отпуска нашихъ издѣлій на 6—7 миллионъ рублей (за 1876—1880 годы на 11,6 миллионъ рублей ежегодно, а за 1891 и 1892 гг. по 32,2 миллионъ, изъ которыхъ 13—14 миллионъ падаетъ на цѣнность издѣлій, которыя вывозились въ Владивостокъ и другія мѣста Восточной Сибири).

Перейдемъ къ сырымъ и полуобработаннымъ матеріаламъ. Уже общія цифры вывоза по этому классу товаровъ не позволяютъ сдѣлать особенно благоприятныя предсказанія. Цѣнность вывоза за 1894 годъ (на суммѣ около 204 миллионъ) была значительно ниже цѣнности за 1892 и 1893 годы; и въ каждый изъ этихъ годовъ она была ниже, чѣмъ въ среднемъ за вторую половину 80-хъ годовъ: въ 1886—1890 гг. средняя ежегодная цѣнность вывезенныхъ сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ составляла 240,3 миллионъ. Оставляя же въ сторонѣ цѣнность, мы видимъ, что уменьшился количественно вывозъ нѣкоторыхъ важныхъ товаровъ этого класса. Сопоставляя количества вывезенныхъ льна, масляничныхъ сѣмянъ и пеньки за 1881 и 1894 годы, мы видимъ замѣчательное уменьшеніе: для льна съ 14.842,000 пудовъ на 8.804,000, для сѣмянъ—съ 27.203.000 пудовъ на 22.329,000 (въ 1856 году—18.278,000 пудовъ), для пеньки—съ 5.052,000 пудовъ на 2.937,000 (въ 1856 году—3.673,000). За указанное 12-лѣтіе уменьшился также вывозъ шерсти (съ 1.281,000 до 733,000 пудовъ), мягкой рухляди (съ 7.608,000 рублей на 3.502,000). Отмѣченными товарамъ принадлежатъ первыя или, по крайней мѣрѣ, выдающіяся мѣста среди сырья и полуфабрикатовъ, вывозимыхъ за границу. Есть еще крупная статья нашего вывоза по этому классу: лѣсной товаръ. Его отпускъ, поднимаясь отъ 1881 года, достигъ высшей точки въ 1889 году (на 55½ миллионъ рублей) и опустился въ 1892 году на 49 миллионъ, а въ 1894 г.—на 39 миллионъ съ небольшимъ. Нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы ждать увеличенія вывоза по одной изъ названныхъ статей этого класса. Хлопчатая бумага вытѣсняетъ ленъ и пеньку, австраійская и южно-американская шерсть одержала побѣду надъ русскою шерстью. Такое же предсказаніе слѣдуетъ сдѣлать и относительно лѣсного товара. Улучшеніе путей въ Архангельской губерніи и болѣе правильная тамъ эксплуатація казенныхъ лѣсныхъ дачъ можетъ увеличить отпускъ лѣса съ крайняго сѣвера. Вывозъ же изъ среднихъ и западныхъ губерній будетъ сокращаться и вслѣдствіе истощенія лѣсовъ и вслѣдствіе того, что лѣсоохранительные комитеты постепенно привыкнутъ относиться болѣе строго къ нарушеніямъ

ншнаго закона владѣльцами и промышленниками. Если по всемъ этимъ статьямъ вывозъ будетъ сокращаться въ той же пропорціи, какъ за послѣднія 10 лѣтъ, то черезъ 10 лѣтъ онъ дастъ въ итогъ уменьшеніе на 50—60 милліоновъ рублей.

Совсѣмъ иную картину представляетъ русская нефтяная промышленность. Сравнивая отпускъ нефти и ея продуктовъ за 1856 годъ и послѣдніе годы, мы находимъ увеличеніе въ десятки и сотни разъ. Хотя въ послѣдніе годы замѣчается нѣкоторое ослабленіе вывоза нефти, какъ количественно, такъ и относительно цѣнности (1891 г. — 53.347,000 пудовъ, 1892 г. — 56.460,000, 1893 г. — 59.345,000 — на 22.361,000 руб., 1894 г. — 52.916,000 пудовъ — на 19.441,000 руб.), однако, не будемъ дѣлать пессимистическихъ выводовъ. Напротивъ, допустимъ, что Россія станетъ современемъ единственной поставщицей нефти и ея продуктовъ для мірового рынка. Дѣлая такое предсказаніе, мы записываемся въ ряды тѣхъ, которые на войнѣ и въ мирѣ «забрасываютъ враговъ шапками». Эти патріоты разсуждаютъ такъ. Пенсильванскіе источники достигли высшей производительности въ 1891—1892 годахъ и уже обнаруживаютъ признаки истощенія. Нефтяныя колодцы въ Огайо еще даютъ много, но запасъ нефти въ нихъ ограниченъ. Въ другихъ мѣстахъ Соединенныхъ Штатовъ (Западная Виргинія, Колорадо, Калифорнія) добыча нефти незначительна. А наши нефтяныя богатства неисчерпаемы: а потому, недалеко время, когда одна Россія будетъ доставлять нефть всемъ странамъ. Если посылаи вѣрны, если, сверхъ того, на обширномъ пространствѣ американскаго материка, значительная часть котораго мало заселена и мало изслѣдовапа, не окажется обильныхъ источниковъ нефти, то Россія будетъ одна вывозить этотъ матеріалъ. Вывозъ американской нефти, по цѣнности, составляетъ 52—55 милліоновъ рублей золотомъ (за 1892 г. 44.806,000 долларовъ, за 1893 г. — около 41½ милл. дол.), а потому, занявъ мѣсто Америки, Россія увеличитъ свой отпускъ на эту сумму. Однако, мы показали выше, что за немного лѣтъ вывозъ другихъ товаровъ этого же класса легко можетъ сократиться на такую же сумму.

Но центромъ тяжести нашего отпуска служатъ жизненные припасы. Такъ было прежде, такъ остается и теперь. За пятилѣтіе 1889 — 1893 годовъ средняя ежегодная цѣнность вывезенныхъ жизненныхъ припасовъ достигала почти 305 милліоновъ рублей, при средней ежегодной цѣнности всего отпуска нѣсколько болѣе 641 милліона. Въ отпускѣ 1894 года жизненные припасы занимаютъ еще гораздо болѣе преобладающее положеніе: ихъ цѣнность равнялась почти 380½ милліоновъ рублей, при цѣнности всего отпуска около 664¼ милліоновъ. То же скажемъ мы и относительно количества вывезенныхъ припасовъ. Пшеницы было вывезено въ 1894 году болѣе 204½ милліоновъ пудовъ, ячменя до 153 милліоновъ, овса до 94½ милліоновъ, кукурузы больше 58¼ милліоновъ, хлѣбныхъ отрубей больше 21½ милліоновъ, тогда какъ высшій предѣлъ вывоза этихъ товаровъ за предыдущіе годы составлялъ около 190½ милліоновъ для пшеницы (1889),

нѣсколько болѣе 111 милліоновъ для ячменя (1893), немного болѣе 70 милліоновъ пудовъ для овса (1889), до 28¹/₂ милліоновъ для кукурузы (1891), 13¹/₂ милліоновъ для хлѣбныхъ отрубей (1893). Количество вывезенной ржи (81.587,000 пудовъ) только немногимъ уступало вывозу 1889 г. (84.288,000), но далеко не превышало средній вывозъ за предыдущее пятилѣтіе (до 54,7 мил. пудовъ). Это даетъ, повидимому, основаніе ожидать, что и впредь отпускъ жизненныхъ припасовъ можетъ увеличиваться.

Такое предположеніе имѣло бы за себя кое-что, еслибъ русскіе сельскіе хозяева продавали хлѣбъ съ прибылью или, по крайней мѣрѣ, съ небольшимъ убыткомъ. Но цѣны послѣднихъ лѣтъ такъ низки, что убытокъ по 5—6 рублей съ десятины пахатной земли не удивляетъ никого, и даже убытокъ въ 10 рублей составляетъ обычное явленіе. Дальше дѣло не можетъ такъ идти безъ окончательнаго разоренія массы хозяевъ. Нужно или 1) вывозить тѣ же жизненные припасы, которые вывозятся теперь, но получать за нихъ болѣе высокую цѣну, или 2) замѣнить часть вывоза какими-нибудь другими продуктами, производство которыхъ для русскихъ сельскихъ хозяевъ было бы болѣе выгодно, чѣмъ производство хлѣба, или же 3) сократить на вывозѣ.

Послѣ недорода на значительной части территоріи, входящей въ составъ міроваго рынка, цѣна хлѣба можетъ быть выше, нежели теперь, и еслибъ, при такомъ недородѣ, Россія собрала среднюю жатву, то сельскіе хозяева могли бы нѣсколько отдохнуть отъ убытковъ, которые за послѣдніе годы выпали имъ на долю. Но въ средній годъ для главныхъ странъ, вывозящихъ хлѣбъ,—а такой только годъ и можетъ быть полагаемъ въ основаніе нашего расчета,—цѣна хлѣба не поднимается или очень немного поднимается надъ нынѣшней. Не забудемъ, что, и при этихъ цѣнахъ, сельскіе хозяева Южной Америки находятъ выгоднымъ производить хлѣбъ и расширять запашку. И насъ не удивитъ это, если припомнимъ, что въ любой изъ нашихъ среднихъ и южныхъ черноземныхъ губерній десятина пашни стѣитъ не меньше 100 рублей, а десятина подгородной земли лучшаго качества подъ Буэнос-Айресомъ стѣитъ не больше 50 рублей. И эта земля превосходитъ нашу въ отношеніи климата и плодородія. Разъ невозможно первый благопріятный для русскихъ сельскихъ хозяевъ исходъ, то и второй представляется крайне затруднительнымъ. Замѣна на большой площади хлѣбныхъ растений чѣмъ-нибудь другимъ не ослабитъ соперничества, которое на міровомъ рынкѣ испытываютъ русскіе хозяева, а только измѣнитъ его направленіе. Предположимъ, напримѣръ, что значительное число хозяевъ, какъ давно совѣтуютъ, сокративъ хлѣбопашество, будутъ усиленно развивать мясное скотоводство, птицеводство, садоводство. Все это возможно въ отдѣльныхъ хозяйствахъ. Но нельзя допустить, чтобы въ короткое время эти отрасли развились до возможности замѣнить своими продуктами уменьшеніе вывоза хлѣба на десятки милліоновъ. Цѣнность вывезенныхъ яицъ, мяса и коровьяго масла составляла въ 1894 году около 20 милліоновъ рублей, а въ 1881 г.—нѣсколько болѣе 3 милліоновъ, но

въ 1889 г.—около 17 милліоновъ; понадобилось такимъ образомъ 13 лѣтъ, чтобы увеличить отпускъ этихъ продуктовъ на 17 милліоновъ, а за послѣднія 5 лѣтъ онъ возросъ только на 3 милліона. Сколько же нужно времени, напримѣръ, для того, чтобы довести ихъ вывозъ до 60—70 милліоновъ и возмѣстятъ уменьшеніе отпуска хлѣба? Такое увеличеніе отпуска (не говоря о томъ, въ какой степени можетъ возрасти по этимъ статьямъ соперничество другихъ народовъ) потребовало бы $1\frac{1}{2}$ — 2 десятилѣтія. А наши сельскіе хозяева не могутъ ожидать такъ долго, и для многихъ изъ нихъ наступаетъ естественно третій исходъ: сокращеніе производства хлѣба. Наиболѣе сильные изъ сельскихъ хозяевъ будутъ вынуждены въ ближайшіе годы уменьшить свою запашку и запустить часть пахотной земли подъ лѣсъ или оставить впускъ. Не нужно думать, что необходимо обращеніе множества полей въ пустыри, дабы произошло рѣзкое уменьшеніе вывоза изъ Россіи жизненныхъ припасовъ. Возьмемъ за точку отправленія 1894 годъ и предположимъ, что сократился на половину вывозъ нашихъ главныхъ хлѣбовъ—пшеницы, ржи, ячменя и овса. Приблизительно, это уменьшитъ цѣнность отпуска на 157 милліоновъ, а между тѣмъ сократитъ только въ очень небольшой пропорціи площадь пахотной земли. Такъ какъ за 1894 годъ было вывезено изъ Россіи 25,1% валоваго сбора пшеницы, 5,6 сбора ржи, 35,3 сбора ячменя и 14,9% сбора овса, то сокращеніе вывоза этихъ хлѣбовъ на половину равносильно уменьшенію запашки подъ пшеницей на 12,5%, подъ рожью—на 2,8%, ячменемъ—на 17,6 и овсомъ—7,4%. Если же принять въ расчетъ приростъ населенія и возрастающую потребность въ хлѣбѣ, то сокращеніе выразится еще меньшими цифрами. Средніе урожаи въ Россіи составляютъ: озимой пшеницы самъ 5,3, яровой—самъ 5,6, ржи—самъ 4,6, ячменя—самъ 4,5, овса—самъ 4. А потому сокращеніе отпуска всѣхъ этихъ хлѣбовъ на половину было бы равно сокращенію площади пахотной земли на $3\frac{3}{4}$ милл. десят. ($\frac{3}{4}$ милл. дес. подъ пшеницей, 650,000 десятинъ подъ рожью, 700,000 дес. подъ ячменемъ и 600,000 подъ овсомъ).

Мы беремъ крайній случай,—что вывозъ хлѣба сократится на половину и цѣнность русскаго отпуска уменьшится на 157 милл. рублей. Будь это такъ, намъ пришлось бы выплачивать за границу по нашему торговому балансу больше 100 милл. руб. золотомъ. Но еслибъ отпускъ хлѣбовъ сократился только на 25%, то цѣнность понизилась бы на 78 милл. руб., и мы, даже усиливъ отпускъ нефти и продуктовъ изъ нея, имѣли бы, при благоприятномъ торговомъ балансѣ, невыгодный платежный балансъ: золото, *selegis rabibus* отливало бы изъ Россіи на нѣсколько десятковъ милл. руб. въ годъ. А именно такіе результаты и представляются намъ въ высшей степени вѣроятными для ближайшаго будущаго. Такимъ образомъ, сокращеніе, а тѣмъ болѣе увеличеніе въ Россіи запаса золота вовсе не обезпечено; напротивъ, есть данныя предсказывать уменьшеніе этого запаса и воцареніе... неразвѣтнаго кредитнаго рубля. Нѣтъ основанія рисовать будущее въ очень розовомъ свѣтѣ, тѣмъ болѣе, что огромный золотой

фондъ накопленъ, главнымъ образомъ, искусственно, на счетъ займовъ, которые, если не считать суммъ, затраченныхъ на выкупъ и сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, увеличили за 8 лѣтъ нашъ государственный долгъ слишкомъ на 400,000 милліоновъ рублей. Г. Касперовъ, горячій защитникъ проекта, говоритъ: «За время съ 1888 по 1895 годъ наличность наша возросла на 387 милл. рублей золотомъ; изъ нихъ 264½ милліона рублей получены за счетъ заключенныхъ за границею займовъ, правительственныхъ и желѣзнодорожныхъ, а равно за счетъ продажи процентныхъ бумагъ на иностранныхъ рынкахъ» (*Экономич. значеніе предстоящей денежной реформы*. Оттискъ изъ газеты *Новости* 1896 г.).

Проектъ министерства финансовъ объявляетъ, что впредь бумажныя деньги будутъ выпускаться только для коммерческихъ операцій государственнаго банка; по нѣтъ ручательства, что такъ именно и будетъ. Новый уставъ государственнаго банка посвятилъ 8 статей (139—146) тѣмъ оборотамъ, которые онъ разовьетъ среди кустарей, ремесленниковъ и земледѣльцевъ. Однако, состояніе счетовъ государственнаго банка къ 16 апрѣля 1896 г. убѣждаетъ, что ремесленникамъ и кустарямъ было роздано въ ссуду только 811,000 рублей, тогда какъ учтенные векселя, спеціальныя текущіе счета, ссуды подъ процентныя бумаги, товары и промышленнымъ предпріятіямъ превышали 347 милліоновъ рублей, т.-е. мелкій людъ не получилъ отъ нашего главнаго кредитнаго учрежденія и 1/4% того, что сдѣлано для богатаго и средне-достаточнаго классовъ. И если въ этомъ отношеніи часть устава государственнаго банка остается мертвою буквою, то, при малѣйшихъ затрудненіяхъ государственнаго казначейства, кредитныя билеты будутъ выпускаться для его нуждъ, а не только для коммерческихъ операцій банка.

II.

Въ проектѣ министерства финансовъ обращаетъ на себя вниманіе и другой пунктъ,—намѣреніе перейти къ золотой валютѣ. Оцѣнка проекта съ этой стороны не можетъ быть сдѣлана правильно, если не выходитъ за предѣлы русской денежной политики. Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ одна Россія склонилась въ сторону серебряной валюты или даже стала проводить начала биметаллизма, установивъ, на примѣръ, отношеніе золотого рубля къ серебряному, какъ 1 къ 30, то не было бы ручательства, что дальнѣйшее пониженіе серебра не отвлечетъ изъ Россіи золота и не оставитъ нашего отечества при однихъ серебряныхъ деньгахъ. Дѣйствуя одна, на свой рискъ и страхъ, Россія вынуждена ограничить употребленіе серебра въ своемъ хозяйственномъ оборотѣ и отдать предпочтеніе золоту. Но международное соглашеніе относительно многихъ вопросовъ внутренней и внешней политики все болѣе пролагаетъ себѣ дорогу. Если оно имѣетъ своимъ предметомъ почтовую часть, телеграфную, желѣзнодорожную, ветеринарную, то нѣтъ основанія считать вопросъ о валютѣ стоящимъ непременно

за предѣлами этого круга. Такое предположеніе тѣмъ болѣе осуществимо, что въ этой области есть цѣлый рядъ прецедентовъ, изъ которыхъ наиболѣе важно образованіе латинскаго монетнаго союза еще въ 1865 году. Но въ данномъ случаѣ мы говоримъ о движеніи, направленномъ на возстановленіе биметаллизма; оно сильно не только въ странахъ, которыя сохранили за серебромъ право служить матеріаломъ для государственныхъ денегъ, но и у народовъ, перешедшихъ къ золотому денежному обращенію. Въ виду рѣзкаго поворота, который обнаруживается на Западѣ относительно биметаллизма, увлеченіе Россіи золотомъ является рѣшительно несвоевременнымъ. Около 30 лѣтъ тому назадъ (въ 1867 году) въ Парижѣ собрались представители многихъ государствъ и высказались на сѣздѣ въ пользу принятія всѣми странами золотой валюты. Тогда думали, что калифорнскія и австраійскія мѣсторожденія золота неизсякаемы и что его достанетъ для всего міра. А между тѣмъ это предположеніе было ошибочно, и постепенно даже въ странахъ, которыя стояли во главѣ монометаллическаго движенія, обозначались тенденціи, очень благоприятныя биметаллизму. Еще въ 1878 году на парижской международной монетной конференціи, гдѣ представители Англіи упорно держались за единую золотую валюту, нѣкоторые изъ нихъ были поколеблены и вернулись на родину расположенными въ пользу биметаллизма. Въ особенности интересна перемѣна, происшедшая съ Генри Джиббсомъ, директоромъ англійскаго банка. Онъ поѣхалъ на парижскую конференцію усерднымъ монометаллистомъ, а возвратился въ Лондонъ весь проникнутый сознаніемъ опасностей, которыми угрожаетъ мировому хозяйству переходъ и другихъ странъ къ золотой валютѣ; теперь онъ стоитъ во главѣ англійскаго движенія въ пользу биметаллизма.

За послѣдніе годы движеніе въ пользу возстановленія серебра сдѣлало дальнѣйшіе успѣхи. На 3-мъ международномъ конгрессѣ сельскаго хозяйства (лѣтомъ 1895 г. въ Брюсселѣ) вопросъ о биметаллизмѣ былъ предметомъ многихъ докладовъ. Среди докладчиковъ были люди съ такими крупными именами, какъ Алларъ. Конгрессъ высказался за то, чтобы сельскіе хозяева всѣхъ странъ убѣждали правительства придти къ международному монетному соглашенію на почвѣ биметаллизма или, по крайней мѣрѣ, чтобы серебро было возстановлено въ своихъ правахъ, какъ матеріалъ для денегъ. Постановляя такое рѣшеніе, конгрессъ руководствовался, главнѣйше, слѣдующими мотивами: 1) въ теченіе 22 лѣтъ кризисъ, выражающійся въ паденіи цѣнъ на всемъ мировомъ рынкѣ, особенно поразилъ продукты сельскаго хозяйства; 2) этотъ кризисъ не можетъ быть приписанъ чрезвычайному производству, такъ какъ между 1849 и 1872 годами, когда цѣны повышались, избытокъ производства былъ еще болѣе великъ; 3) за послѣдніе 22 года всѣ товары упали въ цѣнѣ на 44%, тогда какъ продукты сельскаго хозяйства и особенно пшеница подешевѣли на 66%; 4) никакія мѣры, принятыя правительствами, не могли ослабить кризиса, и 5) трансваальское золото не дастъ мировому рынку такого количества этого металла, какое было бы нужно, а существующіе запасы золота, въ виду роста

населенія и увеличивающихся оборотовъ, не могутъ быть достаточны. Конгрессъ былъ поддержанъ въ такомъ рѣшеніи сознаниемъ, что можетъ быть установлено опредѣленное отношеніе между серебромъ и золотомъ. По мнѣнію конгресса, это возможно: во многихъ странахъ золотыя и серебряныя монеты обмѣниваются другъ на друга въ пропорціи, которая далеко отклоняется отъ ихъ рыночныхъ цѣнъ. А потому международное соглашеніе относительно пользованія обоими металлами могло бы сообщить ихъ цѣнности желанную устойчивость.

Въ декабрѣ 1895 г. биметаллическія лиги Англій, Германіи и Франціи собрались на конгрессы въ Парижѣ, при участіи представителей Англій, Даниі, Голландіи, Бельгіи и Соединенныхъ Штатовъ. Члены высшаго французскаго правительства, принимая представителей этихъ лигъ, единодушно высказались за биметаллизмъ и выражали пожеланіе, чтобы международное соглашеніе было достигнуто именно на этой почвѣ.

Въ началѣ истекшаго апрѣля происходилъ въ Брюсселѣ съѣздъ представителей биметаллизма. Движеніе приняло большіе размѣры, и еслибы Россія приняла въ немъ участіе, то могли бы быть выработаны начала для международнаго соглашенія относительно валюты.

Посмотримъ же на выгоды, которыя могутъ быть доставлены человечеству возстановленіемъ серебра въ правахъ, принадлежавшихъ ему цѣны тысячелѣтія.

Сторонники единой золотой валюты основываются на томъ, что добыча золота увеличивается и что одинъ этотъ металлъ можетъ удовлетворить потребность всего цивилизованнаго міра въ деньгахъ; это представляется тѣмъ болѣе обезпеченнымъ, что развитіе кредита въ его разнообразныхъ формахъ уменьшаетъ потребность въ монетѣ. Такъ какъ эти условія ругаются, что человечеству будетъ довольно одного золота, то серебро должно служить матеріаломъ только для разнѣнной монеты. Непригодность серебра занимать мѣсто на-ряду съ золотомъ тѣмъ болѣе несомнѣнна, что добыча серебра увеличивается, оно дешевѣетъ и, какъ утверждаютъ многіе его противники, въ недалекомъ будущемъ его цѣнность опустится до цѣнности чугуна. Поэтому, какая бы ни была установлена закономъ пропорція между золотомъ и серебромъ, первое будетъ дорожать относительно послѣдняго и уходить изъ оборота.

Разъ вѣрны послышки, то необходимо согласиться и съ выводомъ. Въ самомъ дѣлѣ, если добыча золота можетъ и впредь увеличиваться такъ, какъ она возростала послѣдніе годы, если развитіе кредита можетъ за короткое время уменьшить потребность въ деньгахъ на половину, на три четверти, если добыча серебра можетъ увеличиться многократно и оно будетъ стоить немногимъ дороже чугуна, то нужно безоговорочно отказаться отъ серебра, какъ матеріала для денегъ. Но всѣ эти послышки не доказаны.

Геологъ Зюссъ еще въ концѣ 70-хъ годовъ предсказалъ окончательное истощеніе золота въ недалекомъ будущемъ; его послѣдователи и теперь безусловно вѣрятъ его предсказанію. Другой геологъ Гундгаузенъ утверж-

дастъ, что Зюссъ ошибся и что человѣчеству нѣтъ надобности беспокоиться объ истощеніи этого металла. Обѣ партіи приводятъ доводы въ пользу своихъ положеній, и вопросъ остается спорнымъ. Факты же говорятъ намъ слѣдующее. Открытіе мѣсторожденій золота въ Трансваалѣ подняло его добычу до 268,000 килограммовъ въ 1894 г. и до 300,000—въ 1895 г. Никогда прежде добыча не достигала такой цифры. Количество, полученное въ прошломъ году, въ $1\frac{1}{2}$ раза превышаетъ среднюю добычу за пятилѣтіе 1856 — 1860 годовъ, когда она равнялась 201,750 килограммамъ. Рѣзкое же увеличеніе добычи по сравненію съ 80-ми годами (между 1881 и 1890 годами добыча колебалась отъ 148,000 до 179,000 килограммовъ) побуждаетъ многихъ предсказывать, что въ будущемъ можно ожидать еще болѣе обильныхъ плодовъ. Однако, припомнимъ недавнее прошлое. До 1850 года средняя ежегодная добыча золота, по десятилѣтіямъ, не достигала даже 55,000 килограммовъ (54,759 за 1841 — 50); открытіе же золота въ Калифорніи и Австраліи подняло ежегодную добычу до 200,000 килограммовъ (1851—60). Тогда громко кричали о несомнѣнномъ дальнѣйшемъ увеличеніи добычи, о вѣроятности обезцѣненія золота. И среди кричавшихъ былъ писатель съ такимъ именемъ, какъ Мишель Шевалье *). Однако, въ теченіе 31 года (1861—91) ежегодная добыча ни разу не достигала 200,000 килограммовъ и только 4 раза превышала 180,000 килограммовъ. Теперь смѣло дѣлаютъ однородныя предсказанія; а между тѣмъ увеличеніе добычи далеко не такъ велико, какъ въ 50-хъ годахъ: тогда она поднялась въ $3\frac{3}{4}$ раза, теперь же—только съ небольшимъ въ $1\frac{1}{2}$ раза. И какъ въ то время немногіе трезвые голоса предостерегали отъ поспѣшныхъ предсказаній, такъ есть полное основаніе утверждать и теперь, что черезъ 3—4—5 лѣтъ добыча можетъ уменьшиться до уровня послѣднихъ десятилѣтій.

Нельзя доказать и то положеніе, что добыча серебра можетъ достигнуть такихъ размѣровъ, при которыхъ его цѣнность будетъ еще гораздо ниже настоящей. Почти за цѣлое столѣтіе (отъ 1801 до 1892 года) его ежегодная добыча поднялась съ 894,150 на 4.727,119 килограммовъ, т. е. увеличилась нѣсколько болѣе, чѣмъ въ 5 разъ, а добыча золота увеличилась въ 12 разъ. Если припомнить, насколько потребность въ серебрѣ для поделокъ выше, чѣмъ потребность въ золотѣ, насколько въ частныхъ хозяйствахъ вѣсь серебряныхъ вещей превосходитъ вѣсь золотыхъ, то скажемъ, что увеличеніе добычи еще не могло обезцѣнить серебро такъ, какъ оно обезцѣнилось. Пониженіе его цѣнности было вызвано искусственно,—тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ оно перестаетъ служить матеріаломъ для денегъ. Профессоръ Лексисъ, усердный сторонникъ золотой валюты, пытается (въ запискѣ, которую онъ представилъ берлинской комиссіи по вопросу о восстановленіи цѣнности серебра) провести мысль, что еще очень много серебра служить матеріаломъ для денегъ. Отъ 1873 до 1892 года въ Европѣ

*) *Michel Chevalier: „La baisse probable de l'or“. 1850.*

и Америкѣ чеканили серебра ежегодно не менѣе, чѣмъ на 200 милліоновъ марокъ. И за то же время въ Азіи ежегодно для денегъ употреблялось такое же количество серебра. Все это вѣрно, но съ этимъ количествомъ серебра Лексисъ не сопоставляетъ усиленнаго пользованія золотомъ для чеканки монеты: за тотъ же періодъ запасъ золота въ одной Германіи дошелъ до 2½ милліардовъ марокъ, тогда какъ въ 1873 году онъ не составлялъ и одного милліарда. За тѣ же 20 лѣтъ ввозъ во Францію золота превысилъ вывозъ его на 2 милліарда франковъ, и запасъ золота во французскомъ банкѣ поднялся отъ 1,012 милліоновъ франковъ въ 1874 году до 1,812 милліоновъ въ іюль 1894 г. За то же время запасъ золотой монеты въ Соединенныхъ Штатахъ увеличился на 520 милліоновъ долларовъ. Итакъ, если мы оставимъ въ сторонѣ Азію, то найдемъ, что за 20 лѣтъ чеканкѣ въ предѣлахъ всего европейско-американскаго міра серебра на 4 милліарда марокъ соответствуетъ только въ трехъ названныхъ государствахъ увеличеніе запаса золота слишкомъ на 5 милліардовъ марокъ (1½ милліарда въ Германіи, 2 милліарда франковъ во Франціи, 520 милліоновъ долларовъ въ Соединенныхъ Штатахъ). А потому и нельзя отвергнуть положеніе, что главною причиною обезцѣненія серебра служатъ уменьшенное пользованіе имъ, какъ матеріаломъ для денегъ. И это убѣдительно доказывается тѣмъ паденіемъ цѣнности, которое серебро испытало въ 1893 году, когда отмѣнили свободную чеканку его въ Индіи и прекратили покумку его въ казначейство Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ съ 1870 года обязательно покупали серебра не менѣе, чѣмъ на 2 милліона долларовъ въ мѣсяцъ, а съ 1890 года не менѣе 4 милліоновъ унцій ежемѣсячно. Эти мѣры, въ теченіе 8—10 дней, понизили цѣну серебра на 20%. А устойчивость его цѣнности обнаружилась и въ томъ, что къ концу 1895 года его цѣна поднялась и составляла, по сравненію съ товарами, пониженіе только на 9—10%.

Если нельзя ожидать непремѣнно такого увеличенія добычи золота, чтобъ оно могло сполна удовлетворить потребность въ матеріалѣ для монеты, то не слѣдуетъ ли присоединиться къ мысли, что развитію кредитныхъ сдѣлокъ нѣтъ границъ, что кредитъ, даже при быстромъ расширеніи хозяйственнаго оборота въ отдѣльныхъ странахъ, позволить повсюду обходиться съ гораздо меньшимъ относительнымъ запасомъ монеты, чѣмъ нынѣ?

Можно вычитать изъ любого учебника, насколько кредитъ уменьшаетъ потребность въ деньгахъ и насколько, при помощи расчетныхъ папакъ понижается ихъ употребленіе. Наступитъ время, когда монета вовсе не будетъ нужна. Но это—дѣло далекаго будущаго. Наблюдая же дѣйствительность, мы можемъ сдѣлать два такихъ вывода: 1) отдѣльныя страны, стоящія почти на одномъ уровнѣ культуры, имѣютъ потребность не въ одномъ и томъ же относительномъ количествѣ монеты; 2) развитіе кредита уменьшаетъ потребность въ деньгахъ, но этотъ процессъ совершается очень медленно даже у тѣхъ народовъ, гдѣ кредитныя сдѣлки особенно разнообразны и вошли въ обычный обиходъ всего населенія. По таблицѣ, кото-

рую приводить Юрашенъ въ своихъ *Uebersichten der Weltwirthschaft*, въ 1893 году имѣли запасъ монеты: Великобританія 2,951 миллионъ марокъ, Бельгія—456, Германія—3,384, Соединенные Штаты—5,096 и Франція—6,364 миллионъ марокъ. Эти страны стоятъ, примѣрно, на одномъ и томъ же уровнѣ культуры, а между тѣмъ въ среднемъ на жителя приходится: въ Англии—75 марокъ, Бельгии—76, Германіи—68, Соединенныхъ Штатахъ—82, Франціи—160. Возьмемъ развитіе кредита, и мы признаемъ возможнымъ доказать наше второе положеніе. Разсчетныя палаты развились въ Соединенныхъ Штатахъ очень успѣшно. Казалось бы, что при окончательномъ сведеніи счетовъ между банками монета должна играть все меньшую роль, а между тѣмъ, мы этого не видимъ. По даннымъ, которыя были собраны относительно большинства банковъ этой страны, оказывается, что въ іюнѣ 1881 года ими было употреблено для окончательныхъ разчетовъ 8,23% монетой и 91,77% различными кредитными знаками; въ іюнѣ 1890 года въ общей массѣ орудій расчета первые составляли 8,54%, а вторые—91,46, а въ сентябрѣ 1892 г.—10,20% и 89,80. Въ странѣ, гдѣ успѣхи народнаго хозяйства совершаются такъ быстро, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, за 11 лѣтъ должно было бы обнаружиться уменьшеніе въ пользованіи монетой для платежей, если бы этотъ процессъ могъ развиваться такъ успѣшно, какъ нерѣдко предполагаютъ; но мы не видимъ этого; мы даже замѣчаемъ тенденцію къ усиленному употребленію металлическихъ денегъ. Все это побуждаетъ насъ признать невѣрную посылку, что развитіе кредита можетъ быстро уменьшить потребность въ деньгахъ. Даже очень бѣглое знакомство съ прошлымъ убѣждаетъ, что, вслѣдствіе огромнаго роста промышленности и торговли, *развитіе кредита и возрастаніе потребности въ деньгахъ или рука объ руку*. Въ 1875 году Соединенные Штаты имѣли въ монетѣ только 140½ миллионъ долларовъ, т.-е. въ 8½ разъ меньше, чѣмъ теперь. Въ Германіи въ 1871 году въ золотой и серебряной монетѣ было 1.752.000,000 марокъ, немного больше половины ея нынѣшняго запаса. И за то же время количество кредитныхъ знаковъ въ оборотѣ отдѣльныхъ странъ не уменьшилось или даже увеличилось. Въ Соединенныхъ Штатахъ сумма кредитныхъ знаковъ осталась почти неизмѣнною—около 2.700 миллионъ марокъ въ 1893 г. какъ и въ 1870 году; но она должна была бы уменьшиться, такъ какъ запасъ монеты увеличился въ чрезвычайной пропорціи. Въ 1878 году билетовъ французскаго банка было въ оборотѣ на 1.855,7 миллионъ марокъ, а въ 1893—на 2.637,2 милліона. Германскіе банки имѣли въ оборотѣ билетовъ въ 1870 году на 854,1 миллионъ марокъ, а въ 1893—на 1.326 миллионъ. Если, такимъ образомъ, потребность въ деньгахъ возрастаетъ, а увеличеніе добычи золота не обезпечено, то получается еще одно основаніе въ пользу биметаллизма.

Но я нахожу, что если даже добыча золота будетъ увеличиваться безостановочно, и тогда есть основаніе высказаться за двойную валюту, Выгодность бумажныхъ денегъ доказывается тѣмъ; что онѣ освобождаютъ

известное количество металла и позволяют предмету, почти не имѣющему цѣнности (бумажные листки), исполнять функціи, которыя лежатъ на благородныхъ металлахъ, предметахъ цѣнныхъ. Если страна держится золотой валюты, то ея бумажныя деньги или банковые билеты доставляютъ ей меньшія выгоды, нежели при двойной денежной системѣ. Въ первомъ случаѣ, кромѣ бумажекъ, она удерживаетъ (я оставляю въ сторонѣ разнѣнную монету) въ оборотѣ и въ металлическихъ запасахъ *исключительно золото и освобождаетъ серебро, только болѣе дешевой металлъ*; а во второмъ, удерживая оба металла въ оборотѣ и въ запасахъ, обезнечивающихъ бумажное обращеніе, она освобождаетъ часть серебра и часть золота, т. е. удовлетворяетъ свою потребность въ деньгахъ менѣе цѣнными предметами. Такъ, напримѣръ, въ Бельгіи, гдѣ цѣнность серебряной монеты почти равна цѣнности золотой (287½ и 282½ милліоновъ франковъ) цѣли денежнаго обращенія достигаются посредствомъ меньшей суммы цѣнностей, чѣмъ въ Германіи, гдѣ въ общемъ запасѣ металлическихъ денегъ, серебряныя монеты составляютъ по цѣнности только 27%.

Остается послѣдній вопросъ—о возможности поддержать устойчивое отношеніе взаимныхъ цѣнъ золота и серебра. До конца 70-хъ годовъ, пока въ странахъ латинскаго монетнаго союза свободно чеканилось серебро, между золотомъ и серебромъ десятии лѣтъ поддерживалось отношеніе, какъ 1:15½. Обезцѣненіе серебра сдѣлало съ тѣхъ поръ такіе успѣхи, что было бы трудно достигнуть этой пропорціи; но при международномъ соглашеніи можно было бы поднять цѣнность серебра до 20 за 1 золота (теперь 33 за 1). Что это возможно, доказывается всего лучше проектомъ профессора Лексиса. Защищая единую золотую валюту и приводя разные аргументы противъ сторонниковъ серебра, Лексисъ подалъ берлинской комиссіи проектъ возстановленія цѣнности этого металла. Если бы, —говоритъ онъ,—согласились между собой Германія, Англія, Франція, Італія, Австро-Венгрія, Соединенные Штаты чеканить опредѣленное количество серебра (всего больше Соединенные Штаты—600,000 килограммовъ въ годъ), то ежегодно могло бы быть потреблено для этой цѣли 1.145,000 килограммовъ; съ присоединеніемъ же другихъ государствъ могло бы пойти 1.350,000 килограммовъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ нужно склонить англійское правительство открыть въ Индіи монетные дворы для чеканки серебра частными лицами. При этомъ во взаимныхъ цѣнахъ золота и серебра легко установилось бы отношеніе, какъ 1 къ 21. Такое международное соглашеніе должно быть заключено на 10 лѣтъ. «На замѣчаніе, что, по истеченіи 10-лѣтняго договорнаго срока, слѣдуетъ опасаться новаго пониженія цѣны серебра, нужно возразить, что заинтересованныя государства должны принять мѣры противъ этого. Пока въ оборотѣ находится на многіе милліарды истертыхъ серебряныхъ денегъ и разнѣннаго серебра, до тѣхъ поръ перечеканка изъ въ полноцѣнную монету открываетъ широкій просторъ для употребленія серебра, какъ денежнаго матеріала.

Въ будущемъ же вѣдѣ дѣло зависить отъ условій производства обонъ

благородныхъ металловъ и не представляетъ практической важности для нынѣ живущаго поколѣнія». Таковъ отзывъ усерднаго защитника золотой валюты. Скажу, не входя въ частности, что это мнѣніе удовлетворяетъ и меня, биметаллиста. Но я иду дальше: считая возможнымъ большее употребленіе серебра, чѣмъ предлагаетъ Лексисъ, я надѣюсь на возможность большаго повышенія его цѣны, напримѣръ, до $\frac{1}{18}$ или $\frac{1}{17}$ золота. На первыя же 10 лѣтъ, можно было бы путемъ международнаго соглашенія установить цѣну серебра относительно золота какъ 20 къ 1.

III.

Дѣлая окончательные выводы изъ всего сказаннаго, мы считаемъ наиболее цѣлесообразнымъ, чтобы министерство финансовъ отказалось отъ своего проекта и поставило себѣ задачей, въ интересахъ русскаго народнаго хозяйства, слѣдующее:

1. Не признавая за золотомъ обязательной платежной силы, пустить въ обращеніе золотую монету нынѣшняго чекана на 300—400 милліоновъ рублей по курсу 1 полумперіаль=7 р. 50 копѣекъ кредитныхъ *).

2. Сокращать находящіяся въ оборотѣ бумажныя деньги лишь настолько, насколько онны будутъ свободно предъявляемы къ размѣну и обмѣнваемы по курсу $1\frac{1}{2}$ рубля кредитныхъ за 1 рубль золотомъ.

3. Пригласить иностранныя державы совмѣстно выработать мѣры, для возстановленія цѣнности серебра на почвѣ биметаллизма.

4. Осуществлять широкую программу экономическихъ и финансовыхъ мѣропріятій, которыя способны обезпечить Россіи благопріятный расчетный балансъ и тѣмъ сохранять въ ней запасъ благородныхъ металловъ **), достаточный для обращенія неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ въ размѣнныя.

А. Исаевъ.

Насъ просятъ напечатать слѣдующія заявленія:

Комитетъ по присужденію премій, учрежденныхъ Харьковскимъ земельнымъ банкомъ при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II, объявляетъ, что, на основаніи Высочайше утвержденнаго 1 мая 1894 года положенія, назначеніе названныхъ премій имѣетъ цѣлію содѣйствовать изученію экономическаго состоянія части Россіи въ составѣ губерній: Харьковской, Во-

*) Мы находимъ, что сумма денегъ, обращающихся въ Россіи, недостаточна, — только 7 рублей золотомъ на жителя (1.200 милліоновъ кредитныхъ рублей на 120 милліоновъ жителей). Отмѣчаемъ курсъ выпуска золота, такъ какъ рассчитываемъ на его устойчивость въ ближайшемъ будущемъ.

**) Эти мѣропріятія указаны въ нашей книгѣ *Начала политической экономіи*, при обсужденіи вопроса о способахъ возстановить цѣнность бумажныхъ денегъ (3 изд. 419—422 стр.).

ронешской, Курской, Черниговской, Полтавской, Еваторинославской, Херсонской, Таврической и Области Войска Донского, а также и других сторонъ народной жизни въ связи съ экономическимъ положеніемъ данной мѣстности. Преміи — одна въ 1,000 р. и двѣ по 500 р. — присуждаются одинъ разъ въ три года. Первое присужденіе этихъ премій состоится въ началѣ февраля 1898 г., въ виду этого сочиненія для соисканія премій должны быть представлены въ комитетъ не позже 19 февраля 1897 года.

Сочиненія, представляемыя на конкурсъ, могутъ быть печатныя и писанныя. Первые должны присылаться въ пяти экземплярахъ, а вторыя въ двухъ экземплярахъ. Кромѣ того, на конкурсъ допускаются только сочиненія, прежде нигдѣ не премированныя и вышедшія въ свѣтъ не раньше 1894 года (§ 11 Положенія о преміяхъ).

Авторы, желающіе представить свои сочиненія для соисканія премій, благоволятъ присылать ихъ по адресу: г. Харьковъ, университетъ, въ комитетъ по присужденію премій въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II.

Подробныя условія, которымъ должны отвѣчать премируемыя сочиненія, см. въ подлинномъ положеніи о преміяхъ въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II, экземпляры котораго по требованію заинтересованныхъ лицъ высылаются немедленно предсѣдателемъ комитета.

Отъ комитета общества вспомошествованія студентамъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета.

Съ первыхъ лѣтъ своей дѣятельности общество вспомошествованія студентамъ С.-Петербургскаго университета считало одною изъ главныхъ своихъ задачъ «принятіе мѣръ къ удешевленію жизни студентовъ» (§ 2, п. 2 устава общества). Къ числу такихъ мѣръ, конечно, прежде всего должно бы принадлежать снабженіе студентовъ здоровою пищею.

Среди студентовъ С.-Петербургскаго университета большинство составляютъ провинціалы, часто не имѣющіе родныхъ въ Петербургѣ. Такимъ молодымъ людямъ приходится нерѣдко довольствоваться самою скудною и плохую пищею и даже жить впроголодь. Неудивительно поэтому, что въ своемъ официальномъ отчетѣ (годовой актъ 8 февраля 1895 г., стр. 78) г. университетскій врачъ, констатируя многочисленныя желудочныя заблѣванія у своихъ пациентовъ, объясняетъ ихъ «неудовлетворительностью по качеству, а еще чаще и однообразіемъ и недостаточностью студенческаго питанія».

Единственнымъ исходомъ изъ этого печальнаго положенія являлось бы устройство *студенческой столовой*.

До сихъ поръ, при отсутствіи средствъ, желаніе комитета открыть столовую не могло увѣнчаться успѣхомъ. Но нужда обостряется и принимается

даже угрожающій характеръ, въ виду почти ежегодно посѣщающихъ Петербургъ холерныхъ и тифозныхъ эпидемій, и комитетъ рѣшилъ не останавливаться передъ трудностями предпринимаемаго дѣла. Примеръ Москвы, гдѣ, благодаря щедрымъ пожертвованіямъ частныхъ лицъ, существуютъ двѣ столовыя, въ которыхъ ежедневно бесплатно обѣдаютъ 500 студентовъ, свидѣтельствуеетъ какъ о степени этой нужды, такъ и о выполнимости поставленной комитетомъ задачи, при сочувствіи общества.

Комитетъ, постановивъ устроить столовую въ Петербургѣ, сознаетъ, однако, что такъ какъ большая часть отпускаемыхъ имъ пособій (въ видѣ долгосрочныхъ, безпроцентныхъ ссудъ) идутъ на взносъ платы за лекціи и другія нужды студентовъ, то помощью на уплату за обѣды въ столовой могутъ воспользоваться не болѣе 40 студентовъ; между тѣмъ число нуждающихся гораздо значительнѣе, а потому на расширеніе этой стороны дѣятельности комитета предназначенъ особый капиталъ, собираемый въ память бывшаго товарища предсѣдателя общества, профессора О. Ѳ. Миллера, извѣстнаго своимъ сердечнымъ отношеніемъ къ молодежи и отдававшего на нужды ея всё свои средства. Пока собрано около 1,500 руб.; требуется, конечно, несравненно болѣе.

Въ виду этого комитетъ, рассчитывая на отзывчивость русскаго общества, обращается *ко всѣмъ, кому дорого просвѣщеніе родного края, кто возлагаетъ надежды на молодое поколѣніе и желаетъ видѣть его окрѣпшимъ для будущей полезной работы.*

Комитетъ надѣется найти откликъ на свой призывъ не только въ Петербургѣ, но и въ провинціи, на мѣстахъ родины нуждающихся студентовъ.

Всякую помощь, въ какой бы формѣ она ни выразилась, въ денежныхъ ли пожертвованіяхъ, хотя бы въ самомъ маломъ размѣрѣ, или въ устройствѣ публичныхъ лекцій, концертовъ, спектаклей, — комитетъ приметъ съ глубокою благодарностью, будучи твердо увѣренъ, что дружныя усилія всѣхъ сочувствующихъ людей дадутъ возможность осуществить взятую комитетомъ на себя задачу.

Посылки по почтѣ просятъ адресовать: въ С.-Петербургъ, университетъ, комитетъ общества вспомошествованія студентамъ, съ означеніемъ, что деньги жертвуются «на столовую».

Въ Петербургѣ пожертвованія принимаютъ слѣдующія лица: предсѣдатель общества, сенаторъ *П. П. Семеновъ* (Вас. 0—въ, 8 л., 39), *Н. А. Артемьевъ* (Рузовская, 13), *А. И. Бевадь* (Почтамтская, 20), *И. И. Борманъ* (Вас. 0—въ, Средн. просп., 17), *Н. С. Грабаръ* (Свѣчной пер., 3), *В. В. Ефимовъ* (Разстанная, 14), *Н. И. Картевъ* (Вас. 0—въ, 10 лн., 9), *В. А. Лебедевъ* (Вас. 0—въ, 5 лн., 10), *Н. А. Менишуткинъ* (университетъ, зданіе химич. лабораторіи), *И. С. Ремезовъ* (Больш. Москов., 3), *А. Д. Соколовъ* (Чернышевъ переу., 20), *К. К. фонъ-Фогтъ* (Пантелеймоновская, 11), *Г. В. Бартольдъ* (Вас. 0—въ, Больш. просп., 4), *К. К. Бауеръ* (Невскій, 108), *И. П. Дюковъ* (Полтавская, 3), *А. И. Каминка*

(Больш. Московская, 8), *В. А. Мясотинъ* (Коломенская, 15), *С. Ф. Омдербургъ* (Вас. О—въ, 2 лин., 11) и *М. И. Сетиниковъ* (Гагаринская наб. 20); далѣ, книжный магазинъ «Новаго Времени» (Невскій, 38) и дѣлопроизводитель общества *А. Ф. Адамовичъ* въ канцелярїи университета.

Настоящее обращеніе и прилагаемыя при семъ препроводительныя бланки просятъ распространять среди сочувствующихъ лицъ, причемъ комитетъ въ этомъ отношеніи особенно рассчитываетъ на услуги многочисленныхъ учениковъ и почитателей покойнаго *О. Ф. Миллера*, достойнымъ памятникомъ которому будетъ служить собираемый капиталъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБЗОРАНІЕ.

Мадыяры торжественно отпраздновали открытіе выставки въ Пештѣ въ знаменованіе тысячелѣтія ихъ водворенія въ Панноніи. Празднество не было безъ протестовъ со стороны славянъ и румынъ. Въ Бѣлградѣ было публично сожжено венгерское знамя, и этотъ случай, вызвавшій въ Венгріи сильное раздраженіе, повелъ къ дипломатической перепискѣ, кончившейся извиненіями со стороны сербскаго правительства. За блескомъ торжествъ, несмотря на замѣчательные культурные успѣхи венгровъ, нельзя не видѣть все возрастающей трудности положенія этого сравнительно многочисленнаго народа, играющаго теперь первенствующую роль въ абсбургской монархіи. Примиреніе Россіи съ Болгаріей и сближеніе поглядней съ Сербіей наносятъ сильный ударъ австрійскому вліянію на Балканскомъ полуостровѣ и косвенно, въ случаѣ прочности этого примиренія и сближенія, поведутъ къ усиленію славянской и румынской оппозиціи въ Трансильтаніи.

«Соглашеніе» между двумя половинами государства еще не достигнуто и сопротивленіе противъ предоставленія Венгріи львиной доли выгодъ все возрастаетъ въ Цислейтаніи. Признакомъ времени является и вторичное избраніе Люгера вѣнскимъ городскимъ головой. Правда, графъ Бадени сдѣлалъ ловкій ходъ, устроивъ вождю антисемитовъ аудіенцію у императора, причемъ Францъ-Іосифъ, обращаясь къ патриотизму Люгера, выразилъ желаніе, чтобъ онъ отказался отъ избранія. Люгеръ исполнилъ желаніе государя, — первымъ бургомистромъ Вѣны избранъ второстепенный дѣятель, который будетъ, конечно, подчиняться второму бургомистру, т.-е. Люгеру, такъ что правительство, при прямомъ вѣншательствѣ императора, имѣетъ основаніе считать себя побѣдителемъ только въ формальномъ отношеніи.

За то въ вопросѣ объ избирательной реформѣ графъ Бадени имѣлъ удачу: его законопроектъ прошелъ въ парламентѣ. Читатели знаютъ, что новый законъ создаетъ особую группу депутатовъ, которая будетъ избираться всеобщей и притомъ закрытою подачей голосовъ. Противъ послѣдняго возставали польскіе депутаты рейхсрата, опасаясь усиленія въ Галиціи демократической партіи и русинъ, по отношенію къ которымъ до сихъ

поръ пускаются въ ходъ административное давленіе и другія средства стѣсняющія свободу выборовъ.

Рабочіе недовольны частичнымъ введеніемъ всеобщей подачи голосовъ. Конечно, до пропорціональнаго населенію народнаго представительства отъ новаго закона еще далеко, но мы указывали уже на важность принципиальнаго признанія прямой и всеобщей подачи голосовъ при выборѣ депутатовъ въ рейхсратъ. Кроме того, въ парламентъ войдутъ непосредственные вожди рабочихъ, что не можетъ, разумѣется, не отразиться благоприятно на законодательствѣ и политическомъ развитіи Цислейтани.

Большинство младочеховъ, высказывая разныя оговорки и пожеланія, не пошло на рѣшительную оппозицію кабинету графа Бадени *). Вѣроятно, вожди партій заручились какими-либо обѣщаніями со стороны министра-президента или признаютъ настоящій моментъ неудобнымъ для полнаго разрыва съ министерствомъ, которое, повидимому, поставило своей цѣлью, подобно покойному графу Таафе, лавировать между австрійскими національностями. Естественно, что такая политика не удовлетворяетъ федералистовъ и нѣсколько беспокоитъ централистовъ-нѣмцевъ. Въ последнее время съ обстоятельными статьями въ защиту федерализма выступилъ въ чешскихъ органахъ печати и въ *Die Zeit* профессоръ Херкнеръ. Эти статьи вызвали оживленную полемику. Одинъ изъ оппонентовъ Херкнера восклицаетъ австрійскій централизмъ за то, что подъ его господствомъ пышно развились чехи, поляки и всѣ мелкія національности Австро-Венгрии. Не если это такъ, если австрійскія національности развились не вопреки, а благодаря австрійскому бюрократическому централизму, то этому послѣднему слѣдуетъ довершить свою историческую миссію и удовлетворить требованія развившихся такимъ образомъ національностей.

Кабинетъ Рудини обнародовалъ интересные документы объ африканской экспедиціи, изъ которыхъ становится очевиднымъ для всѣхъ, кто въ этомъ сомнѣвался, что Крипи игралъ вѣроломную роль, что онъ обманывалъ довѣріе парламента и что правы были вожди оппозиціи, такъ настойчиво и страстно боротившіеся съ его великодержавною политикой, съ его диктаторскими замашками. Вовсе не раздѣляя, конечно, злорадства, съ которыми нѣкоторыя наши газеты привѣтствовали тяжелыя неудачи итальянцевъ въ войнѣ съ абиссинцами, мы выражали надежду, что національное тщеславіе не ослѣпитъ парламентское большинство и новое правительство, что оно обнаружитъ и благоразуміе, и справедливость въ своей иностранной и внутренней политикѣ. Образъ дѣйствій кабинета Рудини до

*) Отмѣтимъ, что *Петербургскія Вѣдомости* въ статьѣ д-ра Живнаго рекомендуютъ русскимъ обратить особенное вниманіе на радикально-прогрессивную группу младочеховъ. „Радикальные прогрессисты,—пишетъ г. Живной,—въ Чехіи — люди сильные духомъ; они не боятся австрійскаго суда и любятъ истину. Этого достаточно для того, чтобы всѣ славяне сочувствовали имъ“ (*Петерб. Вѣд.*, № 109).

настоящаго времени оправдываетъ эту надежду, но кризисъ еще далеко не пережитъ Италіей.

Любопытную статью объ этомъ кризисѣ напечатавъ въ *Revue Politique et Parlementaire* извѣстный депутатъ итальянскаго парламента Наполеонъ Колаянни *).

Колаянни констатируетъ, что парламентаризмъ дѣйствуетъ въ Италіи ненормально: два кабинета, одинъ за другимъ, имѣвшіе огромное большинство въ палатѣ депутатовъ, вынуждены были уйти въ отставку, причѣмъ отставка кабинета Криспи походила на позорное бѣгство (раньше подобная, но далеко не столь позорная участь постигла, въ ноябрѣ 1893 года, министерство Джюлиитти). Пораженіе при Адуѣ было лишь фитилемъ къ иниѣ, давно подготовленной подъ собственными ногами Франческо Криспи и его товарищами. Колаянни напоминаетъ, въ какомъ жестокомъ и несправедливомъ мѣрамъ прибѣгалъ Криспи для усмиренія возстанія по-истинѣ голодныхъ въ Сициліи и въ Люнджиянѣ, какъ онъ выдумывалъ документы и отрицалъ существованіе подлинныхъ, какъ онъ получилъ согласіе короля Гумберта на распущеніе парламента, когда тотъ осудилъ его безнравственный образъ дѣйствій. Шестъ мѣсяцевъ Италія управлялась безъ парламента, диктаторски. Напрасно Феличе Кавалотти и его единомышленники напрягли всѣ усилія честной политической мысли, чтобы противодѣйствовать обману и насилию: новая палата огромнымъ большинствомъ отказала Кавалотти обсуждать его тяжкія обвиненія противъ Криспи. Колаянни объясняетъ этотъ отказъ составомъ палаты при выборахъ, когда были пущены въ ходъ административное давленіе, подкупы и подлоги, и боязнь короля передъ революціонерами, противъ которыхъ считалась дѣйствительною только *железная рука* Криспи. Бывшій министр-президентъ, чтобы сбить съ толку общественное мнѣніе, прибѣгнулъ, въ обширныхъ размѣрахъ, къ подкупу газетъ и журналовъ. Къ счастью для народа, повременная печать сѣверной Италіи оказалась недоступною ни страху, ни соблазну, и продолжала неустанно изобличать беззастѣнливаго и всевластнаго честолюбца и корыстолюбца.

Колаянни напоминаетъ, что даже палата, избранная при указанныхъ условіяхъ, воспротивилась колониальнымъ приключеніямъ, за которыя стояли король и Криспи, и приняла, въ іюль прошлаго года, почти единогласно резолюцію Ди-Рудини, приглашавшую министерство не предпринимать въ Африкѣ никакихъ наступательныхъ движеній. Криспи нарушилъ совершенно волю парламента, и печальныя для Италіи послѣдствія такой возмутительной политики общезвѣстны.

Возстаніе на островѣ Кубѣ не прекращается, несмотря на энергическія усилія испанскаго правительства подавить его. Общественное мнѣніе Съѣзда Американскихъ Штатовъ и законодательныя собранія этой республики просятъ выразить сочувствіе инсургентамъ, что вызываетъ горячія

*) N. Colajanni: „La Crise Italienne“ (*Revue Politique et Parlementaire*, 10 avrès).

вспышки негодованія въ Испаніи. Послѣдній разъ американское правительство вышло по слѣдующему поводу. На корабль *Competidor* кубанскія власти захватили нѣсколькихъ американскихъ гражданъ, бѣжавшихъ съ оружіемъ, на помощь инсургентамъ. Военный судъ въ Гаваннѣ приговорилъ ихъ къ смертной казни. Вашингтонское правительство потребовало отмены этого приговора, а главнокомандующій испанскими войсками на Кубѣ, генералъ Вейлеръ, настаиваетъ на его исполненіи, угрожая въ противномъ случаѣ отставкою. Министерство Кановаса дѣлаетъ всяческія усилія, чтобы выйти съ честью изъ затруднительнаго положенія, и пока не предписало Вейлеру отсрочить казнь. Если казнь не будетъ совершена, то кабинету придется выдержать бурю, потому что тщеславный и страстный испанскій народъ не проститъ правительству уступки, въ его глазахъ неизлечимой. Нѣтъ сомнѣній и въ томъ, что такой исходъ вышательства Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ оживитъ надежды кубанскихъ инсургентовъ и явится поощреніемъ для американскихъ искателей приключеній. И внутренніе враги Кановаса не замедлятъ, разумѣется, извлечь для себя пользу изъ его затруднительнаго положенія, идти же на открытый разрывъ съ Соединенными Штатами для Испаніи было бы дѣломъ безумія: она рискуетъ потерять при этомъ не только Кубу, но и многое другое.

Казалось бы, что недавніе выборы въ кортесы, доставившіе сильное правительственное большинство, укрѣпили положеніе консервативнаго правительства, но выборы эти возбуждаютъ сильныя и справедливыя протесты. Прежде всего, въ виду административнаго давленія, на нихъ совсѣмъ отказались принимать участіе республиканцы, число которыхъ значительно возрастаетъ въ Испаніи. На Кубѣ выборы не производились и депутаты фактически назначались военно-гражданскою властью. Во многихъ мѣстахъ консервативныхъ кандидатовъ всяческими мѣрами поддерживали нарочно для того отправленные полицейскіе агенты; не обходилось дѣло безъ прямыхъ насилій, причемъ были и раненые и убитые. Въ Мадридѣ всѣ состоящіе на государственной службѣ получали предписаніе подавать голоса за назначенныхъ правительствомъ кандидатовъ. Ожесточенная административная агитація велась противъ избранія депутатомъ маркиза Кабриньяна, извѣстнаго своими разоблаченіями злоупотребленій бывшаго мадридскаго алькада и нѣсколькихъ министровъ. Маркизь Кабриньяна при такихъ условіяхъ потерпѣлъ, конечно, пораженіе, но вся независимая печать рѣзко нападаетъ на правительство за его образъ дѣйствія и называетъ результаты выборовъ смѣшными и позорными. Не только либералы, но, какъ сообщаетъ *National-Zeitung*, и многіе консерваторы, напримѣръ, Ромеро Робledo, бывший министръ юстиціи въ прежнемъ кабинетѣ Кановаса дель-Кастильо, протестуютъ противъ мадридскихъ и кубанскихъ выборовъ.

Изъ событій, связанныхъ съ европейскими, надо отмѣтить убійство шаха персидскаго однимъ изъ послѣдователей ученія бабитовъ и непрекращаю-

щіяся преслѣдованія армянъ въ Турціи. Смерть шаха, повидимому, не вызоветъ ни серьезныхъ безпорядковъ въ странѣ, ни измѣненій въ международномъ положеніи Персіи. Русское вліяніе попрежнему велико въ Тегеранѣ.

По сообщеніямъ французскихъ газетъ, на собраніяхъ константинопольскихъ пословъ у представителя Французской республики, Канбона, выяснилось, по консульскимъ донесеніямъ, что въ тѣхъ только городахъ, гдѣ находятся консулы, жертвами турецкихъ звѣрствъ пало болѣе сорока тысячъ армянъ. Общее число погибшихъ, по меньшей мѣрѣ, приближается къ ста тысячамъ. *Сто тысячъ человеческихъ жизней!* Сколько же понадобится еще этихъ жизней, чтобы подвинуть европейскую дипломатію на общее и серьезное вмѣшательство?

Консулы сообщаютъ, что въ нѣкоторыхъ городахъ, напримѣръ въ Тривизондѣ, убійства начинались и кончались по трубнымъ сигналамъ. Во многихъ мѣстахъ солдаты помогали убійцамъ и грабителямъ, офицеры отправляли къ себѣ награбленные вещи... Въ Алеппскомъ вилайетѣ, въ Индже-Кале, отрядъ войска, съ офицерами во главѣ, съ музыкой, бросился на христіанъ, перебилъ ихъ, разграбилъ и сжегъ ихъ дома. Нигдѣ не было случая, чтобъ армяне держали себя вызывающимъ образомъ по отношенію къ магометанамъ *).

Слѣдуетъ припомнить, что ужасными звѣрствами сопровождалась и въ Персіи преслѣдованія упомянутыхъ выше бабитовъ. Объ этомъ ученіи *Биржевегия Вѣдомости* сообщаютъ такія свѣдѣнія. Основателемъ секты былъ мирза Али-Магометъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Бабы **). «Между собой бабиты не знали другого способа управленія, какъ милость, взаимное уваженіе, вѣжливость и только въ важныхъ случаяхъ допускали обращеніе къ третейскому суду. Они запрещали бить дѣтей и наблюдали за тѣмъ, чтобы во все время ученія ни смѣхъ, ни игры и «ничто, что могло ихъ сдѣлать счастливыми», не отнималось у нихъ. Баба осуждаетъ многоженство, разводъ, обычай водить женщинъ подъ покрываломъ; онъ совѣтуетъ нравовѣрнымъ заботиться о счастьи ихъ женъ, о доставленіи удовольствій и никогда не отказывать въ нарядахъ, которые идутъ къ ихъ красотѣ. Женщины приняли большое участіе въ пропагандѣ бабизма». Нѣкоторые европейскіе писатели причисляли Бабу къ коммунистамъ, но это неправильно: онъ никогда не совѣтовалъ дѣлать собственность общимъ достояніемъ, увѣщевая богатыхъ отдавать свой избытокъ нуждающимся.

Персидское духовенство стало преслѣдовать сектантовъ и довело ихъ до матажа. «Въ 1848 году онъ разгорѣлся со всею возможною только на Востокъ силой. Всѣ бабиты провинціи Мазендеранъ были переколоты, городъ Зенджанъ былъ преданъ огню, надъ жителями его произведена самая

*) *Justice*, 12 avril.

***) Баба — отецъ. Въ Персіи и Турціи прибавляется къ имени какъ почетный титулъ.

жестокая расправа, самъ Баба былъ убитъ. Нѣсколько сектантовъ, избѣгнущихъ участи своихъ товарищей, попробовали было отомстить шаху покушеніемъ на его особу (3 августа 1852 г.). Вслѣдствіе этого явился приказъ истребить всѣхъ оставшихся въ живыхъ бабитовъ, и вотъ въ это-то время какому-то изъ придворныхъ пришла ужасная мысль — раздѣлить плѣнныхъ между высшими сановниками государства, чтобы шахъ могъ наглядно судить о преданности своихъ подданныхъ, объ ихъ искренней вѣрности по тѣмъ наказаніямъ, которымъ они будутъ подвергаты свои жертвы. Каждый изъ сановниковъ принималъ это, конечно, къ свѣдѣнію, и начались пытки, отъ которыхъ волосы становятся дыбомъ. Одинъ изъ придворныхъ приказывалъ рѣзать перочиннымъ ножомъ своихъ плѣнныхъ; другой ихъ медленно душилъ или разрубалъ на части; третій заковывалъ руки и ноги въ кандалы, а тѣло приказывалъ рвать на части... Дѣти и женщины проходили между фалангой палачей, которые жгли имъ тѣло зажженными фитилями» *)...

Эти жестокія мѣры не истребили секты. Она теперь, какъ утверждаютъ, многочисленнѣе, чѣмъ когда-либо. Преемникъ Бабы находится въ Азіатской Турціи, въ Европѣ у бабитовъ есть вліятельные руководители изъ персидскихъ эмигрантовъ.

Нужно замѣтить, къ сожалѣнію, что азіатскія варварства, допускаемая европейскою дипломатіей, находятъ еще отголоски и въ старой Европѣ, — конечно, въ смягченной, въ культурной формѣ. Мы имѣемъ въ данномъ случаѣ въ виду дуэль, изгнанную изъ Англіи, принявшую довольно смѣхотворный характеръ во Франціи и далеко не исчезнувшую въ другихъ европейскихъ странахъ. Последній поединокъ, глубоко взволновавшій общественное мнѣніе Германіи, происходилъ между двумя церемоніймейстерами двора германскаго императора и кончился убійствомъ одного изъ противниковъ. Печать забила тревогу. *National-Zeitung* въ статьѣ, озаглавленной: *Придворный скандалъ и дуэль*, — рѣшительно осуждаетъ этотъ варварскій способъ разрѣшенія вопросовъ чести путемъ нанесенія ранъ, увѣчій или смерти, причѣмъ и то, и другое, и третье можетъ съ одинаковою вѣроятностью постигнуть и обиженного, и обидчика. Умѣренная газета на этотъ разъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ нападаетъ на легкомысліе и опасные предразсудки придворнаго міра, въ которомъ только забавляются (... *in der man sich nur amüsirt*) и который пустымъ блескомъ отдѣленъ отъ міра, гдѣ думаютъ и трудятся. *National-Zeitung* горько порицаетъ придворныя интриги, жертвою которыхъ палъ церемоніймейстеръ Шрадеръ. *Kölnische Zeitung*, также осуждающая дуэль, замѣчаетъ, что она была и совершенно бесполезна для выясненія дѣла, которое такъ и осталось темнымъ **). Въ него-

*) *Биржевыя Вѣдомости*, № 109. Въ *Словарь* Брокгауза - Ефрона (четвертый полутомъ) есть библиографическія указанія о сектѣ бабитовъ.

***) Дуэль вызвана была разсылкой анонимныхъ писемъ съ различными придворными разоблаченіями.

нущей статьѣ (*Wie lange doch?*) органъ Рихтера, *Freisinnige Zeitung*, спрашиваетъ, до какихъ же поръ будетъ происходить подобное нарушение закона, такіе акты, которые нарушаютъ основныя предписанія христіанской нравственности. *Freisinnige Zeitung* указываетъ на рядъ случаевъ, лишь возмутительнѣе другого. Ограничимся однимъ. Передъ дуэлью Вотце-Шрадера въ Потсдамѣ только что зарыли въ могилу прокурора Ценкера. Его жену увлекъ морской лейтенантъ, скоро долженъ былъ состояться разводъ, но Ценкеръ, какъ офицеръ резерва, обязанъ былъ драться на дуэли и былъ убитъ. Надгробныя рѣчи прославляли честность, правдивость и служебныя дарованія убитаго, его привлекательныя достоинства, какъ человѣка...

Консервативная газета, *Reichsbote*, находитъ, что такому порядку вещей необходимо положить конецъ, что нельзя допускать дальшаго глубокаго разлада между просвѣщеннымъ общественнымъ мнѣніемъ Германіи и жестокими и нечѣстыми предразсудками нѣкоторыхъ исключительныхъ слоевъ этого общества.

Вопросъ заволновалъ и рейхстагъ. Послѣ горячихъ рѣчей нѣсколькихъ депутатовъ, парламентъ *единогласно* принялъ слѣдующую резолюцію: Пресить союзныя правительства выступить со всеми находящимися въ ихъ распоряженіи средствами противъ дуэли, находящейся въ противорѣчій съ общими уголовными законами.

Шведское правительство внесло въ парламентъ проектъ измѣненія и расширенія избирательной системы.

Какъ извѣстно, одна палата этого парламента выбирается учрежденіями мѣстнаго самоуправленія, другая непосредственно избирателями. Для того, чтобы быть избирателемъ, по дѣйствующей конституціи, необходимо платить или налогъ съ дохода по крайней мѣрѣ въ 800 кронъ (1,120 франковъ), или владѣть недвижимою собственностью не меньше, какъ въ 1000 кронъ, или держать въ теченіе пяти лѣтъ въ арендѣ собственность, оцененную не ниже 6,000 кронъ. Деревенскіе округа выбираютъ по одному депутату, города, по списку, одного представителя на десять тысячъ жителей.

Давно уже въ Швеціи указывались недостатки такой системы и такого высокаго избирательнаго ценза. Нѣсколько разъ заходила объ этомъ рѣчь и въ парламентѣ, который приглашалъ правительство разработать и представить на обсужденіе законодательнаго собранія соотвѣтствующій законопроектъ.

Представленный теперь избирательный проектъ понижаетъ два изъ упомянутыхъ цензовъ: онъ устанавливаетъ 600 кронъ дохода вмѣсто 800 и чѣтностъ арендованнаго имущества въ 3,000 кронъ вмѣсто шести тысячъ. Въ деревенскіе округа предполагается вмѣстѣ съ тѣмъ ввести принципъ пропорціональнаго представительства.

По вычисленію стокегольмскаго корреспондента въ *Journal des Débats*,

новый законопроектъ увеличить число сельскихъ избирателей съ 39,000 человекъ только до 66,000, большая же часть деревенскаго населенія имъ удерживается въ сторонѣ отъ участія въ политической жизни государства.

Законопроектъ былъ встрѣченъ общественнымъ мнѣніемъ весьма неблагоприятно. Почти вся печать нападаетъ на него. Парламентская коммиссія, на предварительное разсмотрѣніе которой поступилъ правительственный законопроектъ, постановила, большинствомъ двѣнадцати голосовъ противъ семи, отвергнуть его.

Сторонники введенія всеобщей подачи голосовъ, число которыхъ медленно, но постоянно возрастаетъ въ Швеціи, созываютъ второй разъ *народный парламентъ* (*Folkstinget*). Мы говорили своевременно объ этой оригинальной попыткѣ. По частному почину людей, агитирующихъ за всеобщую подачу голосовъ, въ странѣ происходили уже разъ выборы представителей для сѣзда въ Стокгольмѣ. Теперь, въ январѣ нынѣшняго года, они произведены были вторично, и въ маѣ назначенъ сѣздъ. Конечно, этотъ сѣздъ не будетъ пропорціональнымъ выраженіемъ партійныхъ интересовъ, но онъ является сильнымъ орудіемъ пропаганды *).

В. Г.

*) *Journal des Débats*, 28 avril.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

М а й

1896 года.

Содержаніе. I. Книжки: Беллетристика.— Публицистика.— Психологія, педагогика.— Исторія литературы, исторія, біографіи.— Политическая экономика.— Юридическія книги.— Технические книги.— Медицина.— Учебники. II. Периодическія изданія: «Русское Богатство», *мартъ*.— «Русскій Вѣстникъ», *апрѣль*.— «Вѣстникъ Европы», *апрѣль*.— «Русское Обзорніе», *мартъ*. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 апрѣля по 1 мая 1896 года.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Говорящая голова“. А. Е. Зарина.

Говорящая голова. Сборникъ разсказовъ изъ жизни странствующихъ артистовъ. А. Е. Зарина. Изданіе М. М. Ледерле. Спб., 1896 г. Цѣна 1 р. 50 к. Въ наше время всѣ артисты сдѣлались болѣе или менѣе странствующими: музыканты, композиторы, пѣвцы, актеры, состоящіе даже на службѣ казенныхъ театровъ, разъѣзжаютъ по разнымъ городамъ и государствамъ „плѣнять“ своимъ искусствомъ свѣтъ“ то въ одиночку, то компаніями и товариществами, то на свой личный рискъ, то съ поводильщиками—антрепренерами. Затѣмъ есть дѣлая категория артистовъ,— говорятъ, будто до шестидесяти тысячъ душъ,— постоянно и вѣчно странствующихъ актеровъ, переѣзжающихъ изъ города въ городъ, переходящихъ изъ одной провинціальной труппы въ другую. Но самыя малые и безталанные изъ нихъ— все-таки „аристократы“ искусства въ сравненіи съ тѣми артистами, про житье-бытье которыхъ разсказываетъ г. Заринъ. Авторъ раскрываетъ передъ нами совершенно своеобразный міръ „артистовъ“, подвизавшихся въ балаганахъ, показывающихъ фокусы и разныя диковинныя штуки, начиная съ панорамъ и египетскихъ мумій и кончая бѣлыми мышами и собственными персонами, изголодавшимися, иззябшими, истомленными своею „работой“, униженными и искалѣченными нравственно. Г. Заринъ, видимо, хорошо знакомъ съ бытомъ и нравами описываемыхъ имъ „артистовъ“, потѣшающихъ праздничную публику, рискуя иногда жизнью за мѣдные гроши. И не только авторъ хорошо знаетъ то, что описываетъ, но умѣетъ изъ достаточно извѣстнаго ему выбрать все наиболѣе существенное и характерное, чтобы дать намъ, читателямъ, ясное представленіе о несчастныхъ, къ которымъ публика привыкла относиться съ презрѣніемъ, довольно близкимъ къ чувству гадливости. Прочитавшіе книжку г. Зарина не перемѣнятъ своего взгляда на значеніе того искусства, которому служатъ этого рода странствующіе артисты, но сами „артисты“ явятся передъ читателями въ ихъ на-

стоящемъ видѣ, въ повседневной обстановкѣ, а не въ шутовскихъ костюмахъ и не съ вымазанными лицами,—явятся они заурядными людьми, такъ или иначе выбитыми изъ трудовой жизни рабочаго народа и перебивающимися дрянными занятіями, которыя превращаютъ ихъ въ тунеядцевъ и жалкихъ паразитовъ. И тутъ-то, именно, умѣстно наименованіе ихъ „жалкими“, ибо рассказы г. Зарина поднимаютъ чувство жалости къ этимъ бѣднякамъ до такой высоты, что за жалостью скрывается и исчезаетъ презрѣніе къ отверженнымъ и наверхъ выдвигается гуманное желаніе нравственно и матеріально помочь нашимъ ближнимъ, „униженнымъ и оскорбленнымъ“ за то, что они не умѣютъ дѣлать ничего другого, какъ „ломаться“ передъ толпами празднаго люда. Въ рассказѣ *Канатный плясунъ* просто и внушительно передано, что переживаютъ „плясунъ“ и любящая его жена передъ каждымъ представленіемъ и во время представлений. Это лучший рассказъ въ книжкѣ, вызывающій у читателя только чистыя и добрыя чувства. „Когда ты это бросишь?“—тоскливо шепчетъ жена.—„Никогда, вѣрно!—со вздохомъ отвѣчаетъ мужъ.—Другой работы не знаю... учиться уже поздно.“ — „Купи сѣтку.“ — „Сѣтка рублей шестьдесятъ стоитъ. Откуда у насъ такія деньги? Да безъ сѣтки и публика больше любить!“ И, чтобы прокормить любимую женщину и ребенка, онъ за нѣсколько рублей рискуетъ убитъ на-смерть, а публика любитъ „больше“ такія представленія, въ которыхъ „артистъ“ для ея потѣхи рискуетъ каждую секунду переломать себѣ кости... Въ другихъ рассказахъ (*Случай*, *Маруля*) преобладаетъ мрачный элементъ, вполне жизненный, повидимому, и взятый изъ дѣйствительности, показывающій до какого озвѣрѣнія доводитъ иногда такихъ „артистовъ“ ихъ совершенно ненормальное существованіе. Во всѣхъ названныхъ рассказахъ, какъ и въ остальныхъ: *Говорящая голова*, *Поэзія*, *Коломбина*, *Бѣлая мышь*,— неизмѣнно выясняются всѣ ужасы положенія женщины въ средѣ этихъ странствующихъ артистовъ-нищихъ, въ которыхъ страсти и деспотизмъ мужчинъ не сдерживаются ничѣмъ рѣшительно, ни умственнымъ развитіемъ, ни правами ихъ среды, поражающими необычайною низменностью. Мрачный колоритъ повѣствованій мѣстами расцвѣтается нѣсколько рѣзкимъ,—какъ и все въ подобной жизни,—но не поддѣльнымъ юморомъ и забавными сценками (*Бѣлая мышь*). Всѣ рассказы написаны очень хорошимъ литературнымъ языкомъ, производятъ впечатлѣніе „подлинной“ правдивости и проникнуты глубокимъ чувствомъ гуманности даже тамъ, гдѣ идетъ дѣло о настоящихъ злодѣяхъ (*Случай*) или о случайныхъ звѣрствахъ (*Маруля*). Происходитъ это не отъ безучастія автора, а единственно оттого, что онъ умѣетъ дать читателю почувствовать и въ „озвѣрѣлыхъ“, и въ „одичалыхъ“—живого человѣка.

ПУБЛИЦИСТИКА.

„Сборникъ въ пользу начальныхъ еврейскихъ школъ“.

Сборникъ въ пользу начальныхъ еврейскихъ школъ. Изданіе общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи. Спб., 1896 г. Цѣна съ перес. 3 р. Сборъ денегъ съ этой книги предназначенъ на доброе дѣло поддержки просвѣщенія между евреями. Приглашенные къ участию въ этомъ сборникѣ литературные дѣятели охотно дали свои работы, и, благодаря этому, сборникъ заслуживаетъ

вниманія не только по своей благой цѣли, но и по содержанію помѣщенныхъ въ немъ статей. Всѣ онѣ посвящены еврейскому вопросу съ самыхъ разнообразныхъ его сторонъ. Извѣстный философъ, г. Соловьевъ, помѣстилъ статью по специальному историческому вопросу о томъ, когда жили еврейскіе пророки. Авторъ возстаетъ противъ крайностей отрицательной критики этого вопроса и возстановляетъ положеніе, вполне согласное съ древнимъ преданіемъ, что главные пророки жили частью раньше вавилонскаго плѣненія, частью въ началѣ его. Это мнѣніе принято и серьезнѣйшими изъ современныхъ ученыхъ, занимавшихся этимъ вопросомъ. Профессоръ Хвольсонъ говоритъ о старопечатныхъ еврейскихъ книгахъ и рассматриваетъ причины ихъ порчи; виновниками пагубнаго искаженія древнихъ памятниковъ, какъ оказывается, были: 1) сами евреи—изъ страха передъ доносами; 2) корректоры—по недостатку критическихъ способностей и 3) итальянскіе цензоры—по фанатизму и глупости. Фанатизмъ и глупость враговъ и гонителей еврейской націи дали не мало явныхъ и вопіющихъ результатовъ и въ наши дни. Этому вопросу касается приватъ-доцентъ Миноръ. Онъ несогласенъ съ общераспространеннымъ мнѣніемъ о крайне болѣзненной нервозности у евреевъ. Неврастениковъ, по его статистическимъ наблюденіямъ, гораздо больше между христіанами, чѣмъ между евреями. У евреевъ особый видъ патологическаго состоянія нервной системы—истеричность, очень распространенная даже среди мужчинъ. Но она объясняется по преимуществу ненормальными условіями ихъ современнаго положенія и, въ большинствѣ случаевъ, приобрѣтается не наслѣдственнымъ предрасположеніемъ субъекта, а наличными фактами какого-нибудь сильнаго душевнаго потрясенія. А такихъ фактовъ не мало даетъ жизнь, особенно въ послѣднее время. Для поясненія дѣла укажемъ нѣсколько примѣровъ, встрѣтившихся въ практикѣ доктору Минору. Вотъ остроразвившійся психозъ у прѣхавшей впервые изъ Шялова въ Москву 19-лѣтней еврейки, которой показалось, что за ней гонится городской (вѣроятно, и паспортъ былъ не въ порядкѣ); вотъ тяжелая истеро-неврастенія у 14-лѣтней дѣвушки послѣ крайняго волненія, испытаннаго ею отъ одного только факта прѣзда въ корчму ея отца урядника. У 42-лѣтнаго мужчины послѣ погромовъ развился паническій, доходившій до дурноты и обмороковъ страхъ предъ видомъ поломанныхъ предметовъ, наприм. разбитаго стакана, поломаннаго стула и т. п. У массы лицъ оказалась тяжелая тоска по родинѣ (nostalgia), обусловленная выселеніемъ изъ Москвы. У 20-лѣтней женщины явился тяжелый психозъ въ первомъ послѣродовомъ періодѣ, вызванный крайне сильными волненіями, подъ вліяніемъ трагической исторіи крещенія ея первенца. У еврея-купца, — злоупотреблявшаго, правда, виномъ, — первый припадокъ delirium tremens случился по поводу прискорбнаго типичнаго инцидента: на него въ банѣ накинудись нѣсколько русскихъ съ шайками кипятку, съ цѣлью „опшарить жида“, и т. д., и т. д.

Какъ извѣстно, главными основными причинами тягчайшихъ и распространеннѣйшихъ нервныхъ болѣзней служатъ сифилисъ и алкоголизмъ. Евреи гораздо менѣе христіанъ страдаютъ этими пороками: сифилисъ, по наблюденіямъ автора, въ пять разъ, а алкоголизмъ въ шесть разъ рѣже у евреевъ, чѣмъ у христіанъ. Это дѣлаетъ еврейскую націю гораздо менѣе болѣзненной, чѣмъ другія, — за исключеніемъ особенныхъ случаевъ вышеуказаннаго характера.

Интересна статья г. Станиславскаго *Изъ исторіи воспитанія евреевъ*

въ древнемъ мірѣ. Тутъ сообщаются поучительныя свѣдѣнія о приемахъ воспитанія и обученія, которые было бы очень полезно имѣть въ виду и нашимъ современнымъ педагогамъ. Особенно достойно вниманія гуманное, терпѣливое отношеніе учителей къ слабостямъ и недоразумѣніямъ учащихся и живой характеръ дружелюбной бесѣды и споровъ учениковъ другъ съ другомъ въ классѣ подъ руководствомъ учителя, который съ охотой отвѣчалъ на всякіе ихъ вопросы и разъяснялъ недоразумѣнія. Многіе ли изъ новѣйшихъ нашихъ педагоговъ могутъ искренно повторить слова одного древне-еврейскаго учителя: „Я многому научился у моихъ учителей, еще больше у моихъ товарищей по школѣ, но больше всего у моихъ учениковъ“?

Чрезвычайно симпатичное впечатлѣніе производитъ біографія М. А. Окса, умершаго въ 1891 году. Это было свѣтло одесской адвокатуры, честный до крайней щепетильности, никогда не бравшій на себя ни одного дѣла, напередъ не справившійся о его нравственной чистотѣ, не шедшій на компромиссы, всѣми любимый и уважаемый въ краѣ. „Глубокій и разносторонній умъ, обогащенный громадною эрудиціей, подымалъ его до высоты, на которой его не могло коснуться тлетворное дыханіе зависти, злобы, мелкихъ страстей и страсташекъ: Чистая, кроткая душа Окса болѣла отъ малѣйшаго проявленія неуваженія къ высокому въ его глазахъ призванію суда и адвокатуры“. Изъ сохранившейся послѣ него переписки видно, какое высокое облагораживающее вліяніе имѣлъ онъ на своихъ единовѣрцевъ. Онъ мучился ихъ страданіями, онъ возмущался падавшими на ихъ голову гоненіями и гнетомъ, онъ негодовалъ, когда встрѣчалъ со стороны кого-нибудь изъ своихъ соплеменниковъ малодушіе, компромиссы, забвеніе нравственнаго долга и достоинства своей человѣческой личности. Онъ не мало писалъ и говорилъ публично по юридическимъ и общественнымъ вопросамъ, и потому было бы желательно, чтобы сочиненія его были собраны и изданы,—особенно въ виду тѣхъ гуманныхъ началъ, которыми проникнуты всѣ его труды.

Кромѣ поименованныхъ статей, въ сборникѣ не мало и другихъ дѣльныхъ работъ, а также беллетристическихъ произведеній, рисующихъ еврейскій бытъ и нравы и знакомящихъ насъ съ идеями и міросозерцаніемъ современныхъ интеллигентныхъ евреевъ. Есть и стихотворенія гг. Величко, Фруга и др.

Еще разъ повторяемъ: сборникъ заслуживаетъ серьезной поддержки.

ПСИХОЛОГІЯ, ПЕДАГОГИКА.

„Основаніе элементарной психологіи“. Г. Компейра.—„Исслѣдованіе аффективной памяти“. Т. Ribot.—„Педагогическая бібліотека, издаваемая К. Тихомировымъ. Избранныя педагогическія статьи“. К. Ельницкаго.

Основанія элементарной психологіи. Г. Компейра. Переводъ съ французскаго подъ ред. прив.-доц. Г. Челпанова. Изд. редакціи журнала „Міръ Божій“. Спб., 1896 г. Цѣна 80 к. „Нужно ли говорить о томъ,—пишетъ въ предисловіи редакторъ перевода,—какое важное значеніе имѣетъ знакомство съ психологіей для выработки философскаго міровоззрѣнія, для изученія общественныхъ наукъ, для теоріи воспитанія и т. п.? Все это слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстно... Для того, чтобы прійти на помощь назрѣвшей потребности русскаго читателя къ ознакомленію съ философскими вопросами, мы рѣшили дать

нашимъ читателямъ такое сочиненіе, которое могло бы служить *первоначальнымъ введеніемъ въ психологию*. Мы остановились на книгѣ Компейра, какъ на такой, которая наилучшимъ образомъ отвѣчаетъ этой цѣли. Достоинство этой книги, по нашему мнѣнію, заключается въ томъ, что она затрогиваетъ *все существенныя вопросы психологии*. Съ такимъ отзывомъ въ общемъ нельзя не согласиться: книга Компейра представляетъ собою, хотя и не безупречное, но едва ли не лучшее пособие для первоначального, элементарнаго знакомства съ психологіей. Написанная какъ руководство для французскихъ „нормальныхъ школъ“ (соотвѣствующихъ нашимъ учительскимъ семинаріямъ), она отличается простотой, ясностью и живостью изложенія, удачной въ общемъ группировкой матеріала, толковымъ подборомъ фактовъ и любопытныхъ примѣровъ, иллюстрирующихъ общія положенія психологіи. Вниманіе читателя прежде всего останавливаетъ очень интересное *Введеніе*, посвященное, главнымъ образомъ, вопросу о методѣ преподаванія психологіи примѣнительно къ задачамъ учащихся,—будущихъ педагоговъ. Затѣмъ, послѣ вступительной главы (*Предметъ психологии. Опредѣленіе и классификація психологическихъ явленій*) Компейръ переходитъ къ „движеніямъ, инстинктамъ, привычкамъ“, къ „физическому чувству“ (такъ онъ называетъ эмоціональную сторону, эмоціональный тонъ ощущеній). Далѣе изложеніе слѣдуетъ общепринятому въ сочиненіяхъ по опытной психологіи порядку; только глава о „сознаніи и вниманіи“ поставлена непосредственно послѣ главы объ „умѣ вообще“, передъ главой о „внѣшнемъ воспріятіи“ (о пяти внѣшнихъ чувствахъ съ ихъ умственной стороны). Послѣ каждой главы помѣщено „резюме“ въ ясной и краткой формѣ суммирующее ея содержаніе. Считаемо долгомъ, однако, прибавить, что общее выгодное впечатлѣніе отъ книги Компейра не означаетъ еще, чтобы она удовлетворяла безусловно всѣмъ требованіямъ, которыя можно предъявить къ ней, какъ популярно-научному сочиненію. Болѣе или менѣе важные промахи и недомолвки автора намъ кажется необходимымъ указать именно потому, что это—руководство, рассчитанное на широкую публику, передъ которой наукѣ особенно необходимо и важно являться во всеоружіи. Такъ, на стр. 31 инстинктъ опредѣляется какъ „врожденная склонность, побужденіе къ дѣйствію, представляющее всякому воспитанію“ и т. д., а на стр. 36 въ „резюме“ сказано, что инстинкты „представляютъ собою системы рефлексивныхъ дѣйствій“; является нѣкоторое (кажущееся, конечно) противорѣчіе, которое слѣдовало бы сгладить. Различіе между рефлексивными и самопроизвольными движеніями проведено недостаточно ясно; притомъ, авторъ употребляетъ терминъ „рефлексивное движеніе“ въ нѣсколько необычномъ смыслѣ: это у него движеніе „безсознательное“,— все равно, будетъ ли оно вызваннымъ или же самопроизвольнымъ. „Сознаніе“ у автора иногда (наприм., на стр. 53) является какъ бы чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ самыхъ духовныхъ явленій, хотя въ главѣ о „сознаніи и вниманіи“ прямо сказано, что „сознаніе есть не отдѣльная способность; оно есть послѣдовательность духовныхъ явленій, познающихъ сами себя по мѣрѣ того, какъ они совершаются“. Относительно мускульнаго чувства (стр. 65) авторъ впадаетъ въ нѣкоторое недоразумѣніе: по его мнѣнію, мускульныя ощущенія „ничего не даютъ намъ знать о матеріи, кромѣ того, что она намъ сопротивляется, что она мѣшаетъ свободѣ нашихъ движеній: они состоятъ, главнымъ образомъ, въ испытываніи пріятной дѣятельности или тяжелаго усилія“. Но авторъ забываетъ, что именно мускульное чувство даетъ намъ идеи пространства,

движенія, разстоянія, вѣса, внѣшней силы, вліяющей на насъ, не говоря уже о томъ, что оно входитъ существеннѣйшимъ элементомъ въ воспріятія другихъ внѣшнихъ чувствъ. Въ двухъ основныхъ философскихъ вопросахъ — о разумѣ и о волѣ — авторъ старается выработать компромиссъ между взглядами противоположныхъ другъ другу школъ. Французскіе философы и психологи вообще любятъ соглашати и улаживать споры: соглашалъ Тэнъ, соглашаютъ Фулье, Лаландъ и другіе, къ числу которыхъ относится и Компейрѣ. Такъ, наприм., въ одномъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ психологіи, — въ вопросѣ объ организаціи содержанія нашего сознанія, Компейрѣ, не высказываясь опредѣленно самъ относительно возможности сведенія ассоціаціи духовныхъ явленій къ возможно меньшему числу, кромѣ „принциповъ случайныхъ“ (смежность въ пространствѣ и во времени, сходство и контрастъ), указываетъ еще „принципы раціональные“: отношеніе причины къ слѣдствію и слѣдствія къ причинѣ, отношенія принципа къ выводу, средства къ цѣли, знакъ къ обозначаемой вещи. Компейрѣ, повидимому, не согласенъ съ теоріей, которая всѣ эти принципы сводитъ къ смежности. Эти „раціональные принципы“ составляютъ, по Компейрѣ, очевидно (хотя по изложенію это не совсѣмъ ясно), основу „разума“, т.-е. „совокупности представленій и утвержденій, идей и сужденій, понятій и принциповъ, которые управляютъ умственнымъ развитіемъ человѣка“. Что именно надо разумѣть подъ такимъ „управленіемъ“ разума, остается невыясненнымъ и фразѣ не хватаетъ очень важнаго — содержанія. Глава о „разумѣ“ содержитъ въ себѣ рядъ недоразумѣній, и намъ совершенно непонятно, почему редакторъ перевода „обращаетъ на нее особенное вниманіе читателя“; правда, что въ этой главѣ излагаются „теоріи, которыя идутъ въ разрѣзъ съ обыкновенно принятыми“, но трудно согласиться, чтобы „теорія врожденности, какъ ее понимаетъ Компейрѣ, была той теоріей, которую признаютъ лучшіе (?) представители современной философской мысли“. Въ главѣ о волѣ Компейрѣ становится въ общемъ на сторону свободы воли, дѣлая, впрочемъ, дѣльный рядъ уступокъ противникамъ и занимая, въ концѣ-концовъ, довольно прочную позицію. Но тутъ же (стр. 181) онъ высказываетъ слѣдующее невозможное и вредное для свободы научнаго изслѣдованія утвержденіе: „нравственныя понятія обязанности, долга, отвѣтственности, заслуги и вины необходимо связаны съ гипотезой свободы. Допустите, что свобода не существуетъ, — и вся нравственность падетъ“. Такого рода промахи вредятъ книгѣ лишь отчасти: все же она представляетъ собою наиболѣе живое, доступное и интересное изложеніе самыхъ первыхъ и основныхъ понятій психологіи и заслуживаетъ широкой популярности. Стилъ перевода не вездѣ ровень и отдѣланъ (наприм., стр. 107: „только обдуманное отвлеченіе можетъ быть смѣшано съ вниманіемъ. Въ этомъ случаѣ, дѣйствительно, вниманіе, которое избираетъ свой предметъ, которое между всѣми свойствами, смѣшанными въ одномъ и томъ же воспріятіи, исключительно разсматриваетъ одно какое-нибудь, такое вниманіе есть уже отвлеченіе“ и т. п.). Интересно было бы также знать мотивы и сущность тѣхъ „значительныхъ отступленій отъ текста, въ интересахъ удобопонятности“, какія позволялъ себѣ переводчикъ, какъ это заявлено въ примѣчаніи на стр. 3. Редакторъ перевода приложилъ въ концѣ книги *Обзоръ психологической литературы на русскомъ языкѣ*, который можетъ быть очень полезенъ всѣмъ, кто интересуется психологіей. Число такихъ лицъ въ Россіи за послѣднее время сильно увеличилось, и крайне желательно, чтобы въ средѣ этой широкой пуб-

лики распространялись и укрѣплялись здравыя психологическія понятія и приемы строгаго, научнаго анализа духовныхъ явленій. Такой анализъ—могучее средство для самостоятельнаго и критическаго отношенія къ окружающему.

Исслѣдованіе аффективной памяти. Т. Рибо. Переводъ съ французскаго Е. Максимовой (изъ журнала „Образованіе“). Спб., 1895 г. Цѣна 25 к. Помѣщенная въ *Revue Philosophique* (октябрь 1894 г.) статья Т. Рибо: *Recherches sur la mémoire affective* вышла по-русски сразу въ двухъ переводахъ. Отзывъ о другомъ переводѣ (Н. Вырубова и Е. Николаевой, подъ ред. проф. В. М. Бехтерева, Казань, 1895) былъ уже данъ въ № 10 *Русской Мысли* 1895 г. Вотъ существенные выводы автора: чувствованія запоминаются двумя способами — или *отвлеченно*, или *конкретно*; ложная или отвлеченная „аффективная память“ состоитъ въ представленіи событія, съ присоединеніемъ аффективнаго *отпечатка*: это явленіе—тоже чисто-умственного характера; настоящая или конкретная аффективная память состоитъ въ *дѣйствительномъ* воспроизведеніи прежняго аффективнаго состоянія со всѣми присущими ему чертами. Существуетъ особый *аффективный* или *эмоциональный* типъ памяти и воображенія, столь же ясно и рѣзко очерченный, какъ типы зрительный, слуховой и моторный; притомъ, существуетъ не только одинъ общій аффективный типъ, но онъ допускаетъ и видоизмѣненія, и даже вѣроятно, что типы *частные* (склонные къ воспроизведенію отдѣльныхъ эмоцій, наприм., страха) встрѣчаются чаще. Воспроизведеніе болѣе зависитъ отъ условій мозговыхъ и внутреннихъ, чѣмъ отъ самаго первоначальнаго впечатлѣнія. Живо ощущать чувствованія и живо ихъ воспроизводить — два различные процесса; у многихъ, повидимому, они находятся даже въ обратномъ отношеніи. Статья Рибо любопытна какъ образецъ чрезвычайно тщательнаго и точнаго исслѣдованія и описанія одной группы состояній сознания, и проф. Бехтеревъ справедливо говоритъ (въ предисловіи къ редактированному имъ переводу), что „авторъ затрогиваетъ мало исслѣдованныя области памяти и, освѣщая ихъ новыми фактами, высказываетъ рядъ оригинальныхъ взглядовъ, которые могутъ служить точками отправленія для всѣхъ тѣхъ, которые желали бы подвергнуть эти вопросы новому обследованію. Исслѣдованіе Рибо будетъ прочтено съ большимъ интересомъ всѣми лицами, интересующимися психологіей и ея успѣхами“. Въ переводѣ г-жи Максимовой (стр. 19) „нѣмецкіе психіатры“ фигурируютъ въ качествѣ „сумасшедшихъ нѣмцевъ“.

Педагогическая бібліотека, издаваемая К. Тихомировымъ. Избранныя педагогическія статьи. К. Ельницкаго. Москва, 1896 г. Цѣна 2 руб. 50 к. Нельзя сказать, чтобъ у насъ имѣли успѣхъ педагогическія сочиненія образцовыхъ авторовъ. Плохо читаются и медленно расходятся сочиненія Амоса Коменскаго, Локка, Руссо, Песталлоцци, Спенсера, Бэна, Ушинскаго, Стоюнина, Пирогова, бар. Корфа и др. При такихъ условіяхъ выпускать сочиненія совсѣмъ второстепенныхъ и даже третьестепенныхъ педагоговъ—дѣло для издателя очень рискованное. И мы удивляемся, какъ можно было выпускать за дорогую цѣну статьи г. Ельницкаго, въ которыхъ такъ мало интереснаго, которыя представляютъ собою зачастую наскоро написанныя коротенькія разсужденія въ 2—4 странички, а то и меньше, по очень крупнымъ вопросамъ воспитанія: *Развитіе языка у дѣтей* занимаетъ меньше 3 страницъ. *Потребности челоука*—3 страницы. *Значеніе образованія и воспитанія*—меньше одной странички. Тѣ же статьи, которыя съ виду полнѣе,

на самомъ дѣлѣ представляютъ собою нѣчто вродѣ ученическихъ сочиненій на заданныя темы, т.-е. упражненія въ самыхъ элементарныхъ, шаблонныхъ разсужденіяхъ о томъ, что всякому извѣстно и уже успѣвъ надобѣсть. Судите сами. Возьмемъ первую статью *Факторы воспитанія*. Какія мысли проводить здѣсь авторъ? О, все самыя вѣрныя, безспорныя, азбучныя истины! Ребенокъ—не воскъ, изъ котораго можно вылѣпить все, что угодно. На развитіе ребенка вліяютъ, во-первыхъ, его природенныя особенности физическаго и психическаго характера, а во-вторыхъ—природа, семья, школа, общество, книги, случайныя обстоятельства и религія. И по объему это сочиненіе напоминаетъ школьныя упражненія, за которыя, при отсутствіи орфографическихъ и стилистическихъ ошибокъ, обыкновенно ставится пятерка. А вотъ статья о привычкахъ и навыкахъ. Нужно развивать привычки: къ умственному труду, къ правильной рѣчи и т. п. Человѣкъ, привыкшій съ дѣтства къ честности, будетъ всегда честенъ. Характеръ привычекъ долженъ соответствовать возрасту человѣка. Для выработки въ воспитанникѣ желательныхъ привычекъ слѣдуетъ почаще привлекать его къ совершенію дѣйствій, которыя должны сдѣлаться привычными. Выработкѣ хорошихъ привычекъ мѣшаетъ непостоянство или непослѣдовательность воспитателя. Дѣйствія окружающихъ лицъ тоже вліяютъ на развитіе въ насъ привычекъ. Въ юномъ возрастѣ привычки легче вырабатываются, чѣмъ въ зрѣломъ. Ребенка, въ которомъ заложены хорошія привычки, легче воспитать, чѣмъ такого ребенка, въ которомъ онѣ не заложены. Для предупрежденія образованія въ воспитанникѣ дурной привычки слѣдуетъ не допускать его до совершенія дѣйствій, могущихъ обратиться въ такую привычку. Слѣдуетъ также устранять дурныя примѣры. Чѣмъ моложе привычка, тѣмъ она легче искореняется. Главнымъ средствомъ къ искорененію дурной привычки служитъ неповторяемость привычнаго дѣйствія. Такія же ходячія истины высказываются и въ статьѣ о воображеніи. Образы дѣтскаго воображенія хотя не многочисленны, но за то очень живы, ярки. Дѣти мало отличаютъ продукты своей фантазіи отъ дѣйствительности. Поэтому они любятъ слушать доступныя имъ сказки. Однако не всякую сказку слѣдуетъ имъ разсказывать. Вредныхъ сказокъ слѣдуетъ избѣгать. Страшными фантастическими разсказами не слѣдуетъ дѣтей пугать. Главнымъ средствомъ къ воспитанію воображенія служитъ ознакомленіе дѣтей съ дѣйствительностью и съ учебными предметами (1). Статейка о трудѣ возвращаетъ намъ замѣчательныя истины: трудъ полезенъ въ умственномъ, религіозно-нравственномъ и эстетическомъ отношеніяхъ.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИЯ, БІОГРАФІИ.

„Западное вліяніе въ новой русской литературѣ“. *Алексѣя Веселовскаго*. — „Мелкія сочиненія, статьи и письма“. *Д. И. Иловайскаго*. Вып. II. — „Тверскіе акты“. *С. А. Шумакова*. — „Русская исторія до реформы Петра Великаго“. *Е. А. Бллова*. — „Джонъ Рескинъ“. Биографическій очеркъ. *Л. П. Никифорова*.

Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. Историко-сравнительные очерки. *Алексѣя Веселовскаго*. Второе переработанное изданіе. М., 1896 г. „Желая напомнить о великихъ результатахъ западнаго вліянія, неизбѣжнаго въ періодъ ученничества литературы, живительнаго по нравственной поддержкѣ и творческому возбуж-

дѣяніемъ въ періодъ ея зрѣлости,—показать, что оно не отдалило отъ своего народнаго дѣла, а научило выполнять общественное призваніе литературы, наконецъ, ввести развитіе русской мысли и творчества въ кругъ европейскаго умственнаго движенія, обусловленнаго единствомъ цѣлей, и разъяснить, что при самомъ широкомъ развитіи племенныхъ элементовъ намъ никогда уже не отрѣшиться отъ участія въ доступательномъ движеніи человѣчества—вотъ намѣренія, побудившія автора ваяться за перо*. Нельзя не привѣтствовать такую точку зрѣнія, единственно возможную въ серьезномъ научномъ трудѣ, способную примирить своимъ безпристрастіемъ поклонниковъ европейской культуры и ревнивыхъ защитниковъ національной самостоятельности. Обширная эрудиція автора даетъ ему возможность прослѣдить не только въ главныхъ чертахъ, но даже нерѣдко въ отдѣльныхъ мелкихъ подробностяхъ исторію волиовавшихъ Западную Европу идей, отражавшихся въ Россіи то въ видѣ дѣятельности цѣлыхъ литературныхъ школъ, то въ появленіи одинокихъ, часто мало извѣстныхъ сочиненій, то, наконецъ, въ видѣ отдѣльныхъ фразъ и мыслей, высказанныхъ тѣмъ или другимъ историческимъ дѣятелемъ. Несмотря на то, что характеръ книги, посвященной изслѣдованію такого широкаго вопроса, требовалъ по возможности краткаго изложенія, авторъ сумѣлъ отыскать и указать значеніе этихъ отдѣльныхъ мыслей, затерявшихся въ морѣ русской литературы, въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ могли освѣтить тотъ или другой уголокъ исторіи нашихъ духовныхъ столкновеній съ Западомъ. Эта полнота обзора составляетъ одно изъ главныхъ достоинствъ разсматриваемаго труда. Книга г. Веселовскаго выходитъ вторымъ изданіемъ и объемомъ ея значительно расширился сравнительно съ первымъ, появившимся 13 лѣтъ тому назадъ.

Авторъ начинаетъ свой обзоръ задолго до Петровской эпохи, эпохи официальнаго признанія западничества. Въ этотъ отдѣлъ внесено много новыхъ подробностей и малоизвѣстныхъ фактовъ. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно спорить съ г. Веселовскимъ относительно степени важности сообщаемыхъ имъ фактовъ. Едва ли, наприм., „вольнодумство“ дьяка Грознаго Висковатова, или симпатіи Мисюря Мунехина можно считать характерными признаками западнаго вліянія въ эпоху Домостроя. Хотя эти факты и указываютъ на пробужденіе, которое почувяли отдѣльные умы, но они не убѣдятъ насъ въ томъ, что Домострой остался „тоскливымъ призывомъ“. Вся масса русскаго народа и даже высшаго общества продолжала долго еще жить по Домострою. Его вліяніе пережило даже Петровскую эпоху; онъ—синтезъ всей древне-русской жизни, какъ поэма Данте воплотила въ себѣ эпоху среднихъ вѣковъ на Западѣ.

Намъ кажется также, что въ лицѣ Максима Грека авторъ несправедливо видитъ пропагандиста итальянскаго возрожденія въ Россіи. Хотя Максимъ Грекъ и былъ человѣкомъ гуманистически образованнымъ, но ученикъ Саванароллы, сторонникъ строгой монастырской жизни, человѣкъ глубоко религіозный и ожесточенный противникъ язычества, Максимъ Грекъ не могъ пропагандировать въ Россіи идеи итальянскихъ гуманистовъ съ ихъ нетвердыми политическими и религіозными убѣжденіями, страстною любовью къ языческому, античному міру, съ ихъ эпикурейскими идеалами и легкомысленнымъ отношеніемъ къ вопросамъ нравственности.

Сдѣлавъ обзоръ западнаго вліянія до Петра, авторъ переходитъ къ Петровской эпохѣ, онъ указываетъ на бодрое сознаніе всеобщаго про-

бужденія силъ, на научную требовательность, которыми вѣсть отъ сочиненій лучшихъ представителей эпохи: Посошкова, Татищева, Мясина Суворова и другихъ. Рѣшимость всѣ силы затратить, чтобъ овладѣть знаніемъ, развитіе личной энергіи, не отступающей передъ липеніями, странствіями, бѣдностью, своего рода фанатизмъ въ наукѣ и образованности, ненасытная любознательность—вотъ въ чемъ, по мнѣнію автора, состояли традиціи Петровскаго западничества,—наслѣдіе, усвоенное и развитое преемниками. Авторъ не скрываетъ, что эти преемники, дѣятели переходной эпохи, обращаютъ вниманіе на Западъ не изъ простой переимчивости, а со скрытыми помыслами о будущей самостоятельности, подсказанными народною гордостью. Они не были рабами чужой науки. Кантемиръ и Ломоносовъ, даже Тредьяковскій какъ бы хотѣли показать міру, что Русская земля можетъ „рождать своихъ Ньютоновъ“. Эпоха классицизма и просвѣтительный періодъ оказали огромное вліяніе на развитіе русской литературы: классическая школа была ея воспріимницею, она водворила извѣстное количество новыхъ для насъ формъ, а движеніе, связанное съ просвѣтительнымъ періодомъ, дало въ-время противодіе противъ искаженій и ошибокъ, которыя могли возникнуть отъ преобладанія ложно-классической искусственности.

Причинами безуспѣшности въ Россіи западныхъ идей въ эпоху Екатерины II авторъ считаетъ, во-первыхъ, недостатокъ образованности, вызвавшій дилетантическое отношеніе къ дѣлу, и, во-вторыхъ, неясное отношеніе правительственныхъ сферъ къ движенію вполнѣдствіи, когда „дилетанты-начетчики“ смѣнялись уже людьми образованными. Несмотря на эти неблагоприятныя условія, несмотря на то, что при первыхъ раскатахъ французской революціи старые боги были покинуты, и Екатерина II, покровительница французскихъ идей, охваченная чувствомъ самосохраненія, стала заботиться о прегражденіи доступа въ Россію „французскимъ принципамъ“, г. Веселовскій однако высоко цѣнитъ результаты, которые дало вліяніе просвѣтительной эпохи въ Россіи. Выспія права личности и народа, человѣческія отношенія къ низшей братіи, преступнику, рабу, дѣтямъ, смѣлая сатира, направленная противъ высшаго дворянства и двора, свобода печати и проч.—все это поставило себѣ идеаломъ съ этого времени литература. Одна русская дѣйствительность съ своимъ еще слабымъ культурнымъ строемъ не могла, по мнѣнію автора, выдвинуть этихъ вопросовъ. Авторъ отмѣчаетъ появленіе въ эту эпоху первыхъ предшественниковъ позднѣйшаго славянофильства, которыхъ онъ видитъ въ лицѣ Болтина и Щербатова. Указавъ на уваженіе Болтина къ западно-европейскимъ мыслителямъ, г. Веселовскій признаетъ его однако первымъ убѣжденнымъ „русофиломъ“.

Излагая вліяніе западнаго сантиментализма и романтизма на русскую литературу, указывая далѣе на цѣлый рядъ европейскихъ писателей, которымъ обязаны своимъ развитіемъ Пушкинъ, Лермонтовъ и даже такой „коренной“ русской писатель, какъ Гоголь, авторъ старается показать, что усвоеніе западныхъ идей не влекло русскихъ поэтовъ къ рабскому подражанію; оно нерѣдко будило мысль и вело ихъ къ дальнѣйшему самостоятельному развитію усвоенныхъ идей. Обращаясь къ характеристикѣ славянофильской школы, г. Веселовскій дѣлаетъ любопытный обзоръ сходныхъ ученій на Западѣ. Идеализація родного прошлаго и мысль объ исторической миссіи народа проходить черезъ литературы всѣхъ странъ въ извѣстные періоды, и послѣднимъ отголоскомъ этого ученія являются претензіи старой норвежской шко-

ны. Намъ кажется несправедливымъ полное отрицаніе заслугъ славянофильства въ дѣлѣ изученія родного прошлаго, особенно въ дѣлѣ собиранія и разработки памятниковъ народнаго творчества. Западническія тенденціи, проявляющіяся иногда и въ другихъ мѣстахъ книги, нарушаютъ по временамъ объективность изслѣдованія, которую авторъ поставилъ своимъ девизомъ въ предисловіи.

Обзоръ заканчивается указаніемъ на наступившую самостоятельность русской литературы, когда сталъ, наконецъ, возможнымъ литературный обмѣнъ въ полномъ смыслѣ этого слова, когда обѣ участвующія въ немъ стороны равноправно дѣлаютъ свои вклады въ общую работу. Партийные счеты, самонадѣянные грѣзы о роли избранника исчезаютъ, по мнѣнію автора, такъ какъ „встаетъ заря общечеловѣческаго единства, примиреннаго съ племенной самостоятельностью“.

Живое, мѣстами картинное изложеніе и широкія обобщенія дѣлаютъ книгу г. Веселовскаго необходимой для каждаго читателя, который пожелаетъ ознакомиться съ такимъ важнымъ фактомъ въ исторіи русской литературы, какъ влияние ея западныхъ сосѣдокъ.

Мелкія сочиненія, статьи и письма. Д. И. Иловайскаго. Выпускъ второй. М., 1896 г. Цѣна 2 рубля. Въ предисловіи къ книгѣ г. Иловайскій дѣлаетъ нѣчто вродѣ оцѣнки значенія послѣдней въ нашей литературѣ и уясненія роли своего „я“ въ повременной печати послѣднихъ 7—8 лѣтъ. По усвоенной имъ привычкѣ говорить о себѣ, какъ о видномъ публицистѣ и ученомъ, не оцѣненномъ современниками, авторъ пересаливаетъ такъ, что читатель сразу чувствуетъ предъ собою типъ дѣльца, случайно попавшаго въ печать и всѣ свои усилія употребившаго на то, чтобы въ печати такъ или иначе о немъ шумѣли. Для этого пускаются въ ходъ самыя разнообразныя приемы, не исключая и крайне неопытныхъ; эти приемы хорошо знакомы той части нашей публики, которая проглядываетъ *Новое Время*, *Московскія Вѣдомости*, *Русскій Архивъ*. Напомнимъ только нѣкоторыя изъ приемовъ г. Иловайскаго: нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ корреспонденціяхъ *Новаго Времени* имъ писалось на тему, что едва ли въ Московскомъ университетѣ можетъ быть порядокъ въ преподаваніи, развѣ всеобщую исторію читаетъ профессоръ-протестантъ, а профессора политической экономіи и финансоваго права печатаютъ статьи о народныхъ дворцахъ или противъ грубыхъ формъ протекціонизма и что подобное преподаваніе воспитываетъ, какъ онъ курьезно выражается, антинаціоналовъ; въ другомъ случаѣ почтенный авторъ прямо называетъ фамилію одного изъ преподавателей Московскаго университета и говоритъ, что подобныя личности не дѣлаютъ чести университету и „бросаютъ тѣнь на нравственную сторону современнаго университетскаго преподаванія“; въ третьемъ случаѣ г. Иловайскій, не зная автора статьи по поводу его *Исторіи Россіи*, наводитъ, такъ сказать полицейскую справку и потомъ печатно заявляетъ, что авторъ этотъ вотъ кто, и приводитъ выдержки изъ его литературнаго и служебнаго формуляра; постоянно полемизируя, г. Иловайскій не споритъ съ своими противниками, а употребляетъ болѣе легкія средства для ихъ пораженія: онъ сперва заявить, что „я“ де крупный писатель, а такой-то еще ничего не написалъ, затѣмъ слѣдуетъ рядъ не употребительныхъ въ печати бранныхъ словъ, затѣмъ рядъ обвиненій по адресу противника, что онъ потрясаетъ основы, что онъ не благонадеженъ въ политическомъ смыслѣ, что онъ лжехристіанинъ, что онъ антинаціоналъ и т. п.; при этомъ обвиненія направляются и противъ органа, въ которомъ тотъ

осмѣлился выступить со статьей противъ г. Иловайскаго. Сдѣлавъ такую интересную вылазку, г. Иловайскій начинаетъ вопить, что отечество въ опасности, что вотъ онъ одиноко и безпомощно выступаетъ на защиту всѣми поправнаго принципа національности, что нѣтъ ораторовъ и профессоровъ ему сочувствующихъ и онъ, одинъ онъ несетъ великую миссію защитника національныхъ интересовъ, а кругомъ лишь антинаціоналы да юдофилы заняты усиленною возней надъ погубленіемъ отечества. Подъ шумокъ (г. Иловайскій отлично знаетъ выгоды своей позиціи въ настоящее время), между тѣмъ, выходятъ quasi научные труды г. Иловайскаго подъ флажокъ *Истории Россіи*, въ которыхъ матеріалъ берется у Соловьева, стиль, эпитеты, сравненія у Карамзина, а мыслей или никакихъ нѣтъ, или усердно эксплуатируется Костомаровъ; для устрашенія читателей неспециалистовъ пишутся обширныя примѣчанія, въ которыхъ авторъ создаетъ свою мнимую ученость и самостоятельность нагроможденіемъ заглавій книгъ, натаптанными поправками ошибокъ у Соловьева, полемикой съ Костомаровымъ, приведеніемъ чужихъ архивныхъ цитатъ (а, между тѣмъ, авторъ не занимается въ архивахъ и сомнительно, чтобъ умѣлъ разбирать архивные документы). Когда его не такъ давно серьезно прижали къ стѣнѣ по этимъ пунктамъ, то онъ сталъ печатать статьи въ клеветахъ, про него распускаемыхъ неблагонадежными писателями, и въ одной замѣткѣ зывалъ къ прокурорскому надзору. Все это вполнѣ доказано и на каждый пунктъ здѣсь упомянутый можно привести множество цитатъ. Теперь, собирая свои статьи и замѣтки, о которыхъ казалось бы по-просту стыдно вспоминать, г. Иловайскій знаменуетъ себя въ роли проповѣдника *fin de siècle*. Тутъ все полемика,—говоритъ онъ про свою книгу,—все имѣетъ мало смысла, тутъ лишь „проповѣдь строго національнаго направленія во всѣхъ общественныхъ сферахъ“. Пышные заголовки гласятъ, что здѣсь статьи по вопросамъ національной политики и экономіи, еврейско-нѣмецкаго *Drang'a nach Osten*, тутъ о поборникахъ нашей отсталости въ дѣлѣ культуры и т. д., и т. п. Эта книга г. Иловайскаго—превосходный обвинительный актъ противъ его литературной дѣятельности.

Тверскіе акты. С. А. Шумакова. Вып. I. Акты 1506—1647 гг. Тверь, 1896 г. Цѣна 1 руб. 50 коп. Книга г. Шумакова посвящена памяти недавно скончавшагося с.-петербургскаго профессора С. А. Бершадскаго, издана тверскою губернскою ученою архивною комиссіей и продается при условіи, что весь доходъ съ авторскихъ экземпляровъ поступаетъ полностью въ пользу недостаточныхъ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ въ С.-Петербургѣ. Г. Шумаковъ принадлежитъ къ числу очень немногихъ у насъ въ настоящее время ученыхъ архивистовъ и спеціально занятъ разработкой одного изъ цѣннѣйшихъ отдѣловъ московскаго архива министерства юстиціи, именно собранія грамотъ 1356—1795 гг., составившагося изъ документовъ, отобранныхъ отъ монастырей и другихъ духовныхъ учрежденій комиссіей, образованной Екатериной II въ 1762 г. для отчужденія въ казну недвижимыхъ церковныхъ имуществъ и уставовленія монастырскихъ штатовъ. Кромѣ грамотъ здѣсь, какъ говоритъ г. Шумаковъ, встрѣчаются указы, судебные, межевые и юридическіе акты и выписи изъ писцовыхъ книгъ, такъ какъ въ древней Россіи (особливо на Сѣверѣ) поступки земельныхъ правъ обыкновенно передавали преемникамъ и старые акты, по которымъ сами они владѣли отчуждаемымъ имуществомъ. Всего въ указанномъ отдѣлѣ до 15,000 свитковъ и свыше 600 книгъ; его зна-

ченіе для исторіи русскаго права въ частности и русской исторіи вообще громадно. Вотъ почему въ книгѣ г. Шумакова нельзя не привѣтствовать перваго опыта систематическаго изданія актовъ, которыми такъ долго пренебрегали въ московскомъ архивѣ, несмотря въ особенности на цѣнные работы по этимъ актамъ проф. М. А. Дьяконова и П. Н. Милюкова, подчеркивавшихъ всю необходимость строго научнаго изданія ихъ. Въ первомъ только что вышедшемъ въ свѣтъ выпускѣ труда г. Шумакова (имъ же изданы *Губныя и земскія грамоты Московскаго юсударства*. М., 1895 г., и *Изъ актовъ Тверскою Отроча монастыря*. М., 1896 г.) въ извѣстной классификаціи и съ нѣкоторымъ комментариемъ издано 80 грамотъ разнаго рода, касающихся Тверскаго уѣзда за время 1506--1647 г., и, кромѣ того, дана опись оставшихся неизданными. Жаль только, что г. Шумаковъ взялъ на себя невужную смѣлость исправлять „ошибки, явно происшедшія отъ безграмотности писцовъ и описки ихъ“. Все изданіе рассчитано пока на три выпуска; нельзя не пожелать, чтобы два послѣдующихъ выпуска вышли въ возможно скоромъ времени и нашли должную оцѣнку.

Русская исторія до реформы Петра Великаго. Е. А. Бѣлова. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб., 1895 г. Цѣна 3 руб. Авторъ начинаетъ свое предисловіе словами такого содержанія: „Прежде чѣмъ буду говорить о *цѣли* этой книги, издаваемой для образованныхъ читателей, скажу нѣсколько словъ о своемъ взглядѣ на древнюю русскую исторію до Петра Великаго“; дочитываемъ предисловіе до конца, и въ немъ ли слова о цѣли книги; дочитываемъ послѣднюю до конца, и также не добираемся до цѣли, за то приходимъ въ полное недоумѣніе относительно того, какихъ „образованныхъ читателей“ имѣлъ въ виду нашъ авторъ. Въ 24 главахъ скучнаго, сухого, безцвѣтнаго разсказа авторъ даетъ изложеніе внѣшней исторіи Россіи съ норманскаго завоеванія до конца XVII столѣтія; въ этомъ разсказѣ оригинальнаго ничего нѣтъ, исключая нѣкоторыхъ домысловъ автора относительно эпохи царя Ивана Грознаго. Изложеніе древнѣйшей русской исторіи поразительно по своей *ненаучности*; съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть на книгу Е. Бѣлова, она равно не выдерживаетъ никакой критики и не годилась бы теперь даже для школьнаго историческаго учебника. Излагая исторію древнѣйшей Руси, авторъ ни однимъ словомъ, ни однимъ намекомъ не даетъ понять читателю, что за послѣднее время сдѣлано для изученія названнаго періода вспомогательными отраслями исторической науки, каковы археологія и этнографія. Этнографическій составъ населенія восточно-европейской равнины, процессъ колонизаціи, славянская миеологія, взаимодѣйствіе различныхъ народностей, основные элементы ихъ культуры исчезли въ книгѣ Е. Бѣлова, для всего этого ему достаточно нѣсколькихъ строкъ начальнаго лѣтописнаго свода, да сильно устарѣвшаго для этой поры нашей исторіи изложенія Соловьева. Понятно, что съ первыхъ же страницъ книги „образованный читатель“ отскакиваетъ отъ нея; читая до конца по обязанности, выносишь тяжелое чувство зря потраченнаго труда: это—какой-то лѣтописный сводъ, который успѣлъ устарѣть прежде, чѣмъ его довели до конца. Новѣйшіе приемы и задачи исторической науки, равно какъ новѣйшая литература предмета остались совершенно неизвѣстными автору. Книга г. Бѣлова въ настоящее время не пригодна ни для какого читателя; ея появленіе въ свѣтъ—простое недоумѣніе. Надо, впрочемъ, замѣтить, что для русской исторіографіи книга Е. Бѣлова представляетъ интересъ поразительной неподвижности,

устойчивости разъ проникшихъ въ литературу понятій, способности русскаго человѣка рѣшительно не замѣчать быстрого хода окружающій его жизни, понятій и пр. Книга Е. Бѣлова — *gesamte* его очень древней педагогической дѣятельности; перечитайте предисловіе къ ней, и оно пахнетъ на васъ забытой стариной споровъ между славянофилами и западниками, борьбой за и противъ петровской реформы. Если хотите, можно подсказать вамъ скрытую цѣль, съ которой, несомнѣнно, писалась разбираемая книга; цѣль эта весьма почтенная для добраго стараго времени — апологія петровской реформы. Но кто не знаетъ, что мы уже добрались до момента совѣсьмъ другой апологіи, — апологіи безсмертныхъ реформъ 60-хъ годовъ.

Джонъ Рескинъ. Его жизнь, идеи и дѣятельность. Биографическій очеркъ. Л. П. Никифорова. Съ портретомъ Рескина. Изд. „Посредника“ для интеллигентныхъ читателей. Ц. 15 к. Нельзя не признать въ высшей степени удачною мыслью познакомить русскую публику съ дѣятельностью одного изъ выдающихся англійскихъ ученыхъ. Имя Рескина мало знакомо въ Россіи, а, между тѣмъ, его взгляды на искусство, на социальныя и политико-экономическія вопросы заключаютъ въ себѣ много оригинальныхъ и замѣчательныхъ идей; его профессорская и общественная дѣятельность была проникнута высокими, гуманными стремленіями и глубокою любовью къ низшимъ братьямъ. Слушатели всегда восторженно встрѣчали его, онъ умѣлъ пробуждать лучшія стороны ихъ духа и направлять ихъ въ смыслъ любви къ несчастнымъ и обездоленнымъ. Рескинъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ ученыхъ, которые ничѣмъ не интересуются кромѣ своей библиотеки: всѣ стороны жизни возбуждали его вниманіе. Искусство въ его глазахъ является выраженіемъ великихъ духовныхъ истинъ природы; оно должно имѣть огромное воспитательное значеніе. Свои социальныя и политико-экономическія теоріи Рескинъ старался осуществить на практикѣ; онъ не щадилъ денегъ, помогая бѣднымъ, поддерживая справедливость, и вызвалъ не мало нареканій со стороны „тупицъ англійскаго художественнаго и литературнаго міра“, которые испортили много минутъ этому замѣчательному человѣку. Вѣдшая часть книжки г. Никифорова посвящена социальнымъ и политико-экономическимъ теоріямъ Рескина; къ сожалѣнію, размѣры ея не позволили автору такъ же подробно остановиться на взглядахъ Рескина относительно искусства.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

„Землевладѣніе и сельское хозяйство. Статьи изъ *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*“.—„Die Wirtschaftskrisen“. *Eugen v. Bergmann*.

Землевладѣніе и сельское хозяйство. Статьи изъ *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе М. и Н. Водозовыхъ. Москва, 1896 г. *Handwörterbuch der Staatswissenschaften* есть самая полная энциклопедія экономической науки настоящаго времени. Поэтому онъ является настольною книгой для всякаго экономиста. Но множество свѣдѣній, заключающихся въ *Словарь*, представляютъ огромный интересъ не только для экономиста, но и вообще для всей читающей публики. Между тѣмъ пользованіе *Словаремъ* для большинства этой публики или совѣсьмъ невозможно, или значительно затруднено: во-первыхъ, благодаря незнакомству съ нѣмецкимъ языкомъ; во-вторыхъ, благодаря непомерно высокой цѣнѣ

Словаря; въ-третьихъ, благодаря его громоздкости въ силу огромныхъ разгровъ (шесть большихъ томовъ *). Сказанное заставляетъ насъ отвести отъ полнѣйшимъ сочувствіемъ къ издательскому плану гг. М. и Н. Водовозовыхъ—дать рядъ переводовъ статей *Словаря* по различнымъ вопросамъ политической экономіи. Не всѣ статьи *Словаря* имѣютъ однако одинаковое научное достоинство, и въ этомъ отношеніи представляютъ рѣзкую противоположность статьи, посвященныя вопросамъ теоретической и прикладной экономіи. Значительное большинство теоретическихъ статей *Словаря* написаны въ духѣ господствующей теперь въ нѣмецкой официальной наукѣ историко-этической школы и характеризуются эклектизмомъ и нерѣшительностью въ выводахъ, составляющихъ отличительныя черты этой школы. По вопросамъ теоріи цѣнности, денегъ, прибыли, капитала въ *Словарѣ* представлена только такъ называемая австрійская школа, основывающая, какъ извѣстно, цѣнность на предѣльной полезности блага, и осталась совсѣмъ не представленной теорія Рикардо, Родбертуса и Маркса. На основаніи сказаннаго, выражая полное сочувствіе издательскому плану гг. М. и Н. Водовозовыхъ вообще, еще большее сочувствіе мы выражаемъ именно за то, что въ своемъ выборѣ они остановились на вопросахъ *прикладной* экономіи; главный интересъ здѣсь сосредоточивается на фактахъ, достаточно краснорѣчивыхъ сами по себѣ.

Въ настоящемъ выпускѣ собраны статьи, относящіяся къ землевладѣнію и земледѣлію въ различныхъ государствахъ. Обращаясь къ выбору статей, не можемъ не отмѣтить здѣсь нѣкотораго пробѣла по вопросу о поземельныхъ законодательствахъ: такъ, опущены статьи объ *Anerbenrecht*, *Heimstättengesetz* (Homestead law); оба института представляютъ нѣкоторый интересъ и для русскаго читателя. Нельзя не пожалѣть также объ отсутствіи превосходной статьи Кейслера *Mir*, тѣмъ болѣе, что большой трудъ Кейслера объ общинномъ землевладѣніи въ Россіи написанный на нѣмецкомъ языкѣ и довольно объемистый, недоступенъ для большинства русскихъ читателей. Съ другой стороны, изданіе мало потеряло бы безъ вступительной статьи А. Вагнера, которая хотя и содержитъ много вѣрнаго, но въ общемъ носитъ слишкомъ яркія черты историко-этической школы. Статьи объ исторіи землевладѣнія, освобожденіи крестьянъ и нѣкоторыя другія не вошли сюда, ибо они составляютъ предметъ одного изъ слѣдующихъ выпусковъ. Такъ какъ большинство сотрудниковъ *Словаря*—нѣмцы, это отразилось на преобладаніи въ статистическомъ матеріалѣ данныхъ о германской жизни. Для русскаго перевода было бы желательно пополненіе текста данными русской статистики. Однако такая работа была внѣ плана издателей, и мы конечно, не можемъ поставить въ упрекъ или даже недостатокъ изданія отсутствіе того, на что оно и не рассчитано.

Переводъ сдѣланъ безупречно. Даже статья А. Вагнера, пишущаго и по-нѣмецки ужаснымъ языкомъ, переведена г. Санинымъ вполне литературно. Для переводчика это настоящій *tour de force*.

Пожелаемъ симпатичному предпріятію гг. Водовозовыхъ полного успѣха.

Die Wirtschaftskrisen. Geschichte der nationalökonomischen Krisentheorien. Eugen v. Bergmann. Stuttgart, 1895. Настоящее сочиненіе посвящено изложенію ученій о перепроизводствѣ и кризисахъ,

* На дняхъ вышелъ 7-й дополнительный, томъ (1-er Supplementband), содержащій въ себѣ новыя факты, имѣвшіе мѣсто со времени выхода словаря. Значительная часть этихъ свѣдѣній въ настоящемъ томѣ относится къ Германіи.

начиная съ Лодердаля, Шторха и др. и кончая современными писателями: Лексисомъ, Вагнеромъ, Brentano, Геркнеромъ. Авторъ излагаетъ самымъ подробнымъ образомъ всѣ эти теоріи, сознательно воздерживаясь отъ критики ихъ и ограничиваясь только ихъ вѣднѣе группировкой. Такимъ образомъ, по самому своему плану, сочиненіе не представляетъ самостоятельнаго теоретическаго интереса, а лишь интересъ историческій. Въ послѣднемъ смыслѣ работа фонъ-Бергмана заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ весьма добросовѣстное, основанное на внимательномъ изученіи изложеніе теорій кризисовъ, и является незаменимымъ справочнымъ пособіемъ для изучающаго эти теоріи. Въ этомъ отношеніи работа нѣмецкаго ученаго значительно превосходитъ соответствующую часть русскаго сочиненія о кризисахъ, принадлежащаго перу г. Туганъ-Барановскаго. Не малое удобство при пользованіи книгой составляетъ приложенный къ ней указатель авторовъ.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Еще о судѣ присяжныхъ“. *Изв. Закревскаго.* — Систематическій указатель русской литературы по судоустройству и судопроизводству гражданскому и уголовному“. *А. Покривскаго.* — „Наказаніе и его дѣла“. *Ф. Листа.*

Еще о судѣ присяжныхъ. Игн. Закревскаго. Спб., 1896 г. Въ виду начавшагося пересмотра Судебныхъ Уставовъ, въ нашей литературѣ за послѣднее время возгорѣлась полемика относительно суда присяжныхъ. Г. Закревскій, помѣстившій въ декабрѣ прошлаго года въ *Журналъ Министерства Юстиціи* статью, направленную противъ суда присяжныхъ, выпустилъ недавно брошюру, посвященную тому же предмету. Авторъ начинаетъ съ указанія, что онъ вовсе не противникъ суда присяжныхъ и никакого враждебнаго отношенія къ нему не питаетъ; но подобное заявленіе оказывается по меньшей мѣрѣ страннымъ, такъ какъ въ той же брошюрѣ (стр. 21) авторъ говоритъ, что не требуетъ полнаго уничтоженія суда присяжныхъ лишь потому, что это нѣсколько преждевременно и что Западъ долженъ показать намъ въ этомъ примѣръ.

Главный недостатокъ суда присяжныхъ, по мнѣнію г. Закревскаго, состоитъ въ „случайности исхода дѣлъ, и, притомъ, дѣлъ наиболѣе спорныхъ“, въ томъ, что „производство съ присяжными слишкомъ напоминаетъ лотерею-аллегри“ (стр. 8), „что присяжные сами не вѣдаютъ отчетливо, что творять, и поневолѣ подчиняются голосу крикуна или нахала, попавшаго въ ихъ среду, что они, теряясь въ лѣсу вопросовъ, не въ состояніи разобрать, чего отъ нихъ такъ настойчиво требуютъ суды“ (стр. 9). Однако, эти обвиненія опровергаются всею 30-лѣтнею практикой суда присяжныхъ, которая показала, что присяжные всегда сознательно и самостоятельно постановляли свои рѣшенія, что если иногда мотивы, по которымъ они приходили къ тому или другому выводу, казались короннымъ судьямъ непонятными, а самый исходъ дѣла случайнымъ, то болѣею частью лишь потому, что присяжные лучше сознавали бытовья условія и жизненную обстановку преступленія и рѣшали сообразно своей житейской опытности, а въ этомъ именно и заключается одно изъ достоинствъ суда присяжныхъ.

Г. Закревскій считаетъ, что единственный способъ достигнуть полной сознательности при постановленіи приговоровъ состоитъ въ слияніи коронныхъ судей и присяжныхъ засѣдателей въ одну коллегію (стр. 11,

16); при подобномъ требованіи участіе народнаго элемента сводится къ нулю; драгоцѣнное преимущество суда присяжныхъ—его самостоятельность—должно исчезнуть, и присяжные большею частью будутъ дѣлать лишь то, на что ихъ незамѣтно направить авторитетное вліяніе остальныхъ судей-юристовъ. У насъ есть подобіе суда, предлагаемаго г. Закревскимъ,—судъ съ сословными представителями; на происходившемъ въ минувшемъ году совѣщаніи старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ члены совѣщанія рѣшительно высказались противъ этой формы суда, указавъ, что „временные члены почти никогда не вносятъ въ дѣло самостоятельныхъ взглядовъ и сужденій“ и что „въ сущности дѣло рѣшаютъ коронные судьи“. И тѣ же члены совѣщанія—безспорно, опытнѣйшіе наши практики—признали судъ присяжныхъ за „лучшую форму суда“.

Напрасно г. Закревскій говоритъ, что защитники суда присяжныхъ видятъ въ современной его формѣ „последнее слово человѣческаго творчества по части отправленія правосудія“ (стр. 15),—напротивъ, и они находятъ въ современномъ присяжномъ судѣ извѣстные недостатки, но считаютъ, что ихъ легко устранить отдѣльными исправленіями, а не полнымъ уничтоженіемъ всего института, какъ того желаетъ г. Закревскій, предлагая слить присяжныхъ съ короннымъ судомъ.

Систематическій указатель русской литературы по судоустройству и судопроизводству гражданскому и уголовному. А. Поворинскій. Спб., 1896 г. Г. Поворинскій уже извѣстенъ въ нашей юридической литературѣ образцовымъ систематическимъ указателемъ русской литературы по гражданскому праву; книга эта, вышедшая въ 1886 году, сдѣлалась необходимымъ пособіемъ для всѣхъ, кому приходится разрабатывать вопросы гражданского права. Столь же цѣннымъ приобрѣтеніемъ для нашей скудной справочной литературы является новый трудъ г. Поворинскаго, отличающійся, помимо крайне тщательнаго составленія, большимъ богатствомъ собраннаго въ немъ матеріала. Кромѣ книгъ и брошюръ съ рецензіями и отзывами на нихъ въ *Указателѣ* вошли всѣ журнальныя и газетныя статьи по судоустройству и судопроизводству за время съ начала прошлаго столѣтія по 1 октября 1895 года. Общее число всѣхъ отдѣльныхъ указаній достигаетъ 11,550. Система, по которой расположенъ матеріалъ, простая и ясная: указатель состоитъ изъ трехъ книгъ; изъ нихъ первая, посвященная судоустройству, раздѣляется на три части: судъ вообще, судебная власть и ея органы и судебныя установленія въ отдѣльности; вторая и третья книги, касающіяся гражданского и уголовного судопроизводства, заключаютъ каждая по три раздѣла—общую часть, производство въ мировыхъ и общихъ судебныхъ установленіяхъ и производство въ особенныхъ судебныхъ установленіяхъ. Для облегченія пользованія *Указателемъ* въ концѣ книги помѣщены алфавитные указатели авторовъ и предметный.

Наказаніе и его дѣли. Ф. Листъ. Спб., 1895 г. За послѣднее время все большее и большее число послѣдователей приобрѣтаетъ новая школа уголовного права, стремящаяся воспользоваться социологическими и антропологическими данными въ области преступленій для построенія теоріи уголовного права, но сохраняющая, между тѣмъ, за нѣмъ первенствующее значеніе юридической науки. Во Франціи во главѣ этой школы стоитъ Гаро, въ Германіи—Францъ Листъ.

Въ разсматриваемомъ сочиненіи Листъ указываетъ на то громадное значеніе, которое имѣютъ криминальная антропология, криминальная

соціологія и криминальная статистика при выясненіи сущности наказанія и цѣлей его. „Только во взаимодействіи названныхъ дисциплинъ съ наукой уголовного права,—говоритъ Листъ на стр. 63,—открывается возможность успѣшной борьбы съ преступностью“. Но авторъ не умаляетъ уголовного права, не дѣлаетъ его отраслью соціологіи: „нашей наукѣ,—говоритъ онъ,—принадлежитъ предводительство въ этой борьбѣ“ (стр. 63).

Въ опредѣленіи цѣлей, которыя должно преслѣдовать наказаніе, Листъ вполне сходится съ представителями классической школы. Но примѣненіе наказанія къ отдѣльному преступнику онъ ставитъ въ зависимость отъ личныхъ свойствъ наказуемаго, отъ тѣхъ его особенностей, которыя привели его къ преступленію. Листъ различаетъ три главныя группы преступниковъ: нуждающихся въ исправленіи, не нуждающихся въ исправленіи (случайныхъ) и неспособныхъ къ исправленію, и сообразно съ этимъ дѣлитъ наказанія на исправляющія, устрашающія и обезвреживающія.

Соглашаясь съ основными взглядами Листа, мы не можемъ согласиться съ тѣми практическими выводами, которые онъ дѣлаетъ. „Обезвреживаніе неисправимыхъ преступниковъ,—пишетъ онъ (стр. 53),—я представляю себѣ въ слѣдующемъ видѣ. Законъ долженъ гласить: за третье осужденіе слѣдуетъ заключеніе на неопредѣленное время. Не требуется закрывать всякую надежду на возвращеніе въ общество. Но эта надежда должна быть очень отдаленной, а освобожденіе—исключительнымъ явленіемъ“. Не будетъ ли такого рода вѣчное заключеніе чрезмѣрно сурово? И не рисковано ли утверждать, что какая-нибудь третья кража или порча чужихъ вещей доказываетъ неисправимость преступника?

Переводъ сдѣланъ не вполне удовлетворительно: языкъ очень тяжелъ и изобилуетъ вѣмецкими оборотами.

ТЕХНИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Практическое руководство къ примѣненію электричества въ промышленности“. Сост. *Е. Кадіа* и *Л. Дюбостъ*. — „Сельско-хозяйственная архитектура“. Сост. *Флоріанъ Федоровичъ*.

Практическое руководство къ примѣненію электричества въ промышленности. Составили *Е. Кадіа* и *Л. Дюбостъ*. Перевелъ съ 4-го изданія *К. де-Шарьеръ*. Русское 3-е изданіе. Спб., 1894 г. Цѣна 5 руб. Въ новомъ изданіи сдѣланы нѣкоторыя дополненія и сокращенія по сравненію съ предыдущими, что еще болѣе возвысило достоинства этого труда, имѣющаго рѣдкій для техническихъ сочиненій успѣхъ. Можно только пожалѣть, что, при столь большомъ спросѣ на книгу, она и въ новыхъ изданіяхъ сохраняетъ свою прежнюю цѣну. Было бы желательно дешевое изданіе, доступное для болѣе обширнаго круга читателей. Для книги, которая въ короткое время выходитъ 3-мъ изданіемъ, прежняя ея цѣна является чрезмѣрно высокою, тѣмъ болѣе, что въ эту цѣну, кажется, не входитъ авторскій гонораръ.

Сельско-хозяйственная архитектура. Руководство къ построенію всѣхъ сельско-хозяйственныхъ зданій, какъ-то: жилищъ зданій для рабочихъ, помѣшеній для домашнихъ животныхъ, продуктовъ земледѣлія и сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ. Съ атласомъ (206 рисунковъ). Составилъ *Флоріанъ Федоровичъ*,

бывшій директоръ Маринскаго земледѣльческаго училища. 2-е исправленное и дополненное изданіе. С.-Петербургъ. Изданіе А. Ф. Девриена. Цѣна 5 руб. Настоящимъ своимъ трудомъ авторъ имѣлъ въ виду пополнить весьма существенный пробѣлъ въ русской сельско-хозяйственной литературѣ — недостатокъ подходящихъ руководствъ къ возведенію разнаго рода сельско-хозяйственныхъ построекъ. На русскомъ языкѣ вообще очень мало подобныхъ сочиненій, да и тѣ или уже очень устарѣли, или трактуютъ только о томъ или другомъ видѣ построекъ въ отдѣльности.

Въ особенности сильно ощущается потребность въ хорошемъ руководствѣ по сельско-хозяйственной архитектурѣ среди землевладѣльцевъ. Даже преподаватели земледѣльческихъ школъ и агрономическихъ институтовъ затрудняются недостаткомъ дѣльныхъ сочиненій по этой отрасли водчества. Сравнительно богатая иностранная литература даетъ типы построекъ, мало примѣнимые въ Россіи.

Въ основаніе своего руководства г. Федоровичъ положилъ обширное сочиненіе Bouchard Huzard (*Traité des constructions rurales*), сдѣлавъ въ немъ измѣненія сообразно нашимъ климатическимъ и хозяйственнымъ условіямъ. Въ предисловіи авторъ указываетъ иностранную и русскую литературу, которою онъ пользовался при составленіи руководства. Этотъ литературный матеріалъ пополненъ видными авторомъ лучшими постройками въ русскихъ хозяйствахъ и составленными имъ самимъ проектами зданій.

Въ главѣ I описаны жилия помѣщенія, въ главѣ II — помѣщенія для разныхъ домашнихъ животныхъ и птицъ, въ главѣ III — помѣщенія для земледѣльческихъ машинъ и орудій и въ главѣ IV — помѣщенія для храненія продуктовъ земледѣлія и скотоводства. Въ прибавленіи описаны парники, теплички, чигири.

Книга написана толково и съ знаніемъ дѣла, а потому, удовлетворяя своему назначенію, можетъ быть весьма полезнымъ руководствомъ и справочною книгой для сельскихъ хозяевъ. Авторъ вполне серьезно отнесся къ своей задачѣ и старательно обработалъ собранный имъ матеріалъ. Во 2-мъ изданіи сдѣланы нѣкоторыя дополненія (омшаники и проч.).

Объемистый атласъ снабженъ хорошими чертежами. Книга издана хорошо и стоитъ недорого.

МЕДИЦИНА.

„Сравнительное значеніе санитарной и медицинской наукъ въ вопросѣ о боевой силѣ арміи“. П. А. Покровскаго. — „Братскій очеркъ 30-лѣтней судебно-медицинской и профессорской дѣятельности въ Казани И. М. Гвоздева“. — „Значеніе велосипеда съ точки зрѣнія врача-невропатолога“. И. Дюеля. — „Руководство къ фармакологіи“. — *Нотмангелъ и Росбахъ*. — „Уходъ въ семьѣ за глазами дѣтей“. Р. А. Каца.

Сравнительное значеніе санитарной и медицинской наукъ въ вопросѣ о боевой силѣ арміи. П. А. Покровскаго. Ковно, 1895 г. Фактами изъ исторіи различныхъ войнъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ, авторъ (старшій врачъ ковенской крѣпостной артиллеріи) доказываетъ, что санитарная часть арміи по предупрежденію заболѣваній и напрасныхъ или преждевременныхъ смертей должна доставлять „отдѣльный родъ оружія“. Наоборотъ, медицинская или лѣчебная часть представляетъ лишь „вспомогательный элементъ военно-санитарнаго учрежденія“. По словамъ автора, нельзя не удивляться уму и тонкой

наблюдательности древнихъ, которые высказывали сужденія о военно-санитарномъ дѣлѣ, свойственныя теперь *только* образованнымъ людямъ. Не сообщая ничего особенно новаго, брошюра все же заслуживаетъ вниманія со стороны специалистовъ военного дѣла.

Краткій очеркъ 30-лѣтней судебной-медицинской и профессорской дѣятельности въ Казани И. М. Гвоздева. Казань, 1895 г. Брошюра заслуженнаго профессора судебной медицины въ Казанскомъ университетѣ представляетъ докладъ, читанный въ медицинскомъ обществѣ 20 января прошлаго года. Замячания автора по отношенію къ университету, къ слушателямъ и къ юриспруденціи въ свое время обратили на себя общее вниманіе въ ежедневной прессѣ, и дѣйствительно, весьма интересны и поучительны. Крайне желательно, чтобы названная брошюра, написанная живымъ, образнымъ языкомъ, оставила глубокий слѣдъ въ читателяхъ, интересующихся вопросами судебной медицины и уголовной экспертизы. Факты, сообщаемые почтеннымъ авторомъ, могли бы считаться забавными курьезами изъ исторіи минувшихъ временъ, но, къ сожалѣнію, они кое-гдѣ встрѣчаются и понынѣ. Къ брошюрѣ приложенъ въ видѣ отдѣльнаго оттиска изъ *Дневника общества казанскихъ врачей* докладъ того же автора „О наказаніи розгами съ медицинской точки зрѣнія“.

Значеніе велосипеда съ точки зрѣнія врача - невропатолога. И. Догеля. Казань, 1895 г. Авторъ избралъ данный вопросъ темой для рѣчи въ публичномъ годичномъ засѣданіи общества невропатологовъ и психіатровъ 28 января 1895 г., въ виду значительнаго распространенія велосипеда. Онъ сурово относится къ такому способу передвиженія даже при условіи не быстрой, но часто повторяющейся ѣзды, отрицая его значеніе, какъ полезнаго гимнастическаго упражненія. Впрочемъ, доводы автора страдаютъ односторонностью и натянутостью, мало доказательны, рѣзко расходясь съ наблюденіями другихъ исследователей.

Руководство къ фармакологіи. Нотнагеля и Росбаха. Перев. съ 7-го нѣмецкаго изданія подъ редакціей д-ра мед. Н. П. Иванова. Второе русское изданіе. Спб., 1895 г. (въ двухъ частяхъ). Изд. К. Л. Риккера. Названное руководство хорошо извѣстно русскимъ читателямъ по первому изданію и заключаетъ подробное изложеніе современнаго развитія ученія о лѣкарственныхъ веществахъ, со включеніемъ множества новыхъ средствъ, введенныхъ въ практику съ 1887 года (время послѣдняго нѣмецкаго изданія). Первая часть (489 стр.) содержитъ введеніе, характеристику фармакологическихъ и терапевтическихъ методовъ (условія дѣйствія лѣкарствъ, всасыванія ихъ, способы введенія, качество и сила дѣйствія лѣкарствъ), а затѣмъ описаніе свойствъ щелочей, металловъ, металлоидовъ, кислотъ и алкогелей. Во второй части (523 стр. съ алфавитнымъ указателемъ русскихъ и иностранныхъ именъ и названій) описываются свойства ароматическихъ соединеній (фенолъ, нафтолы и проч.), благовонныхъ средствъ, правостей, горькихъ веществъ, синеродистыхъ соединеній, разнаго рода алкалоидовъ и т. д. По каждому лѣкарственному веществу сообщаются свѣдѣнія о его физиологическомъ дѣйствіи и терапевтическомъ примѣненіи съ критическими замѣчаніями и съ указаніемъ существующихъ лабораторныхъ и клиническихъ наблюденій. Въ концѣ второй части указаны высшія дозы лѣкарственныхъ веществъ для внутренняго употребленія (по германской, австрійской и російской фармакопеямъ). Въ химико-физиологическомъ и въ терапевтическомъ отношеніи научный

матеріалъ обработанъ нѣсколько субъективно, такъ какъ составители учебника придерживаются въ изложеніи, главнымъ образомъ, своихъ личныхъ наблюденій, хотя и безъ ущерба для практическаго пользанія. Русское изданіе (въ два четкихъ шрифта) по внѣшнему виду безупречно, внутреннее же содержаніе его имѣетъ спеціальнѣйшій интересъ и потому на немъ подробно останавливаться не приходится.

Уходъ въ семьѣ за глазами дѣтей. Р. А. Каца (д-ра мед.). Спб., 1895 г. Хорошо составленная брошюра по уходу за глазами дѣтей для предупрежденія заболѣванія и для своевременнаго распознаванія его. Содержаніе ея распадается на три отдѣла: 1) наблюденіе за внѣшними частями глаза; 2) наблюденіе за состояніемъ глубокихъ частей глаза (ислѣдованіе зрѣнія); 3) надзоръ за обстановкой занятій. Авторъ знакомитъ съ различными воспалительными страданіями, съ побоями для изслѣдованія и упражненія зрѣнія, съ гигиеническими условіями освѣщенія, устройства стола и т. д. Кромѣ соблюденія этихъ предписаній, въ брошюрѣ рекомендуются возможно частые *перерывы въ занятіяхъ*—для предохраненія дѣтей отъ утомленія, въ связи съ наблюденіемъ за посадкою ихъ.

УЧЕБНИКИ.

„Начальная географія“. Н. Меньшикова. — „Справочникъ по русскому правописанію“. Сост. В. Златоскій. — „Элементарный учебникъ церковно-славянскаго языка для начальныхъ народныхъ училищъ“. Сост. А. Гусевъ. — „Русскій языкъ. Этимологія въ образцахъ“. Сост. Петровъ.

Начальная географія. Отчизновѣдніе (для Орловской губерніи). Курсъ начальныхъ школъ. Н. Меньшикова. Орель, 1895 г. Книжка г. Меньшикова, какъ это видно изъ заглавія, предназначается составителемъ для учениковъ начальныхъ школъ; но именно ученикамъ-то ее и не слѣдуетъ давать въ руки. Положимъ, что, пройдя по ней курсъ отчизновѣднія, ученикъ получитъ свѣдѣнія о многихъ самыхъ разнообразныхъ вѣщахъ; но, къ сожалѣнію, свѣдѣнія эти подчасъ будутъ довольно превратнаго свойства. Если онъ узнаетъ только, что Петербургъ имѣетъ еще другое названіе Петрограда, что въ былыя времена престолъ назывался столомъ, а бояринъ—боляриномъ, и что въ Орлѣ самый холодный мѣсяць—февраль (стр. 7 и 13), то въ этомъ еще бѣды не видно; но когда тому же ученику придется прочесть на стр. 3, что „масштабъ—это линія, величиною въ англійскій дюймъ, въ которой содержится нѣсколько вершковъ, саженой или верговъ“, или на стр. 23, что „таяніе снѣга бываетъ *ни* (?) въ холодную и *ни* (?) въ теплую погоду, а, такъ сказать, въ безразличную“,—то картина мѣняется: хорошо, если ученикъ только станетъ въ тупикъ передъ такими интересными подробностями, но если онъ заучитъ ихъ, то толку большаго не получится. Мы взяли первыя попавшіяся странности изъ книги г. Меньшикова, а такихъ странностей въ ней можно найти безчисленное количество. Прибавимъ, кромѣ того, помимо всѣхъ этихъ странностей, книжка крайне скучна, а языкъ совершенно неудобопонятенъ, такъ что временами буквально невозможно понять, что хочетъ сказать авторъ. Цѣна книжки нигдѣ не обозначена; въ этомъ, впрочемъ, мы не видимъ никакого недоразумѣнія, потому что она дѣйствительно ничего не стоитъ.

Справочникъ по русскому правописанію. Выпускъ I (изданіе восьмое) и выпускъ II (изданіе второе). Составилъ В. Зелинскій, преподаватель методики русскаго языка. М., 1895 г. Ц. 50 к. + 50 к. Распространенность и успѣхъ пособій по изученію русскаго языка, составленныхъ г. Зелинскимъ, могутъ служить лучшимъ доказательствомъ того, что это—книги столько же цѣлесообразныя, сколько и полезныя. *Справочникъ по русскому правописанію* не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія, хотя I-й выпускъ много лучше II-го. Заключая въ себѣ руководство по русской орфографіи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, выпускъ I-й распадается на три крупныя части: 1) орфографическія правила, 2) орфографическій словарь и 3) слова съ буквою ѣ, а къ нимъ присоединенъ „алфавитный указатель приставокъ, корней, суффиксовъ, окончаній и другихъ частицъ“. Нельзя не признать, что подобное распредѣленіе матеріала должно считаться вполне удачнымъ, и пользованіе I-мъ выпускомъ не только не затруднительно, но и весьма удобно. При всемъ томъ намъ кажется, что лучшими частями разсматриваемаго выпуска являются части, подъ названіемъ „орфографическій словарь“ и „слова съ буквою ѣ“. Эти части чрезвычайно практичны и, разумѣется, онѣ-то и оказываютъ услуги лицамъ, которыя пользуются „справочникомъ“. По нашему мнѣнію, вполне справедлива мысль, что не орфографическими правилами, а возможностью „наглядѣться“ на правильную фізіономію словъ люди научаются орфографіи, послѣднему же условію удовлетворяютъ у г. Зелинскаго именно „орфографическій словарь“ и „слова съ буквою ѣ“. Сверхъ того, орфографическія правила, помѣщенные въ *Справочникъ*, страдаютъ изобиліемъ, и безъ многихъ изъ нихъ, повидимому, можно бы было вполне обойтись. Какъ на образецъ, укажемъ на § 20, на стр. 35, здѣсь мы читаемъ: „если къ корню слова, оканчивающемуся на с, прибавляется суффиксъ ск, то въ словѣ пишется два с“. Неужели въ такомъ правилѣ ощущается необходимость? Другимъ примѣромъ изобилія орфографическихъ правилъ можетъ послужить § 18 на стр. 64, гдѣ сообщается, что „имена отчества мужскаго рода оканчиваются на ѣ“. Зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ такое правило, если на стр. 62 въ § 1 сказано, что ѣ пишется послѣ шипящихъ „въ существительныхъ и прилагательныхъ (съ краткимъ окончаніемъ) мужскаго рода въ именительномъ падежѣ единственнаго числа“?

Отъ выпуска I-го *Справочника* переходимъ ко II-му. Объ этомъ выпускѣ намъ уже приходилось говорить („Библиогр. отдѣлъ“ *Русской Мысли* 1893 г., кн. III). Онъ посвященъ знакамъ препинанія, и второе его изданіе мало отличается отъ перваго. По-прежнему здѣсь встрѣчаются неудачные примѣры, по-прежнему къ знакамъ препинанія г. Зелинскій относитъ точку надъ буквою і, и все остальное здѣсь остается по-прежнему. Если не ошибаемся, во второмъ изданіи выражено нѣсколько лучше только правило о замѣнѣ запятой, двоеточія и другихъ знаковъ препинанія посредствомъ тире.

Элементарный учебникъ церковно-славянскаго языка для начальныхъ народныхъ училищъ. Составилъ А. Гусевъ. Изд. третье. М., 1895 г. Цѣна 25 к., въ корешков. переп. 40 к. Третье изданіе *Элементарнаго учебника церковно-славянскаго языка*, составленнаго г. Гусевымъ, исправлено во многихъ отношеніяхъ къ лучшему сравнительно съ первымъ изданіемъ, о которомъ въ свое время въ *Русской Мысли* („Библиогр. отд.“ 1893 г., кн. VIII) давался отзывъ. Изъ 7 измѣненій и дополненій, отмѣченныхъ авторомъ въ предисловіи къ по-

вому изданію, улучшеніями мы считаемъ слѣдующія четыре: 1) Церковно-славянскія формы, имѣющія не одно, а нѣсколько значеній, соединены въ одну группу, 2) при формахъ двойственного числа сдѣланы надлежащія объясненія, 3) наиболѣ трудные и непонятные тексты замѣнены болѣе легкими и доступными для дѣтскаго пониманія и 4) словарь малопонятныхъ словъ пополненъ. Такъ какъ всѣ 4 указанныя измѣненія стремятся удовлетворить основной задачѣ обученія церковно-славянскому языку въ начальныхъ народныхъ училищахъ, т.-е. даютъ возможность быстрѣе и лучше научиться читать и понимать написанное на церковно-славянскомъ языкѣ, то, по нашему мнѣнію, разбираемый учебникъ сталъ гораздо пригоднѣе для названныхъ школъ. Въ своемъ отзывѣ о первомъ изданіи книжки г. Гусева мы именно и говорили о томъ, что едва ли возможенъ сознательный и толковый переводъ славянскаго текста при тѣхъ средствахъ, которыя предлагалъ авторъ въ то время; теперь эти средства измѣнены и дополнены, и мы готовы назвать *Элементарный учебникъ* довольно удовлетворительнымъ.

Русскій языкъ. Опытъ практическаго учебника русской грамматики. Этимологія въ образцахъ. Составилъ Конст. Ѳеод. Петровъ. Четвертое исправленное и дополненное изданіе. Спб. Цѣна 50 коп. Свою *Этимологию въ образцахъ* г. Петровъ вполне основательно называетъ „практическимъ учебникомъ русской грамматики“, а такъ какъ для школы и нужны именно такіе учебники, то разбираемая книга является въ полномъ смыслѣ слова цѣлесообразной. Существуетъ очень мало учебниковъ по русской грамматикѣ, въ которыхъ бы, подобно *Этимологии въ образцахъ*, находились самыя разнобразныя задачи для учащихся, и это-то и составляетъ, на нашъ взглядъ, главное достоинство книги г. Петрова. Означенныя задачи помѣщены тотчасъ послѣ выученныхъ правилъ и всегда рассчитаны столько же на навыкъ глаза, сколько на навыкъ руки, что, въ концѣ-концовъ, можетъ выработать въ учащихся навыкъ къ внимательному письму. Но, помимо этого, *Этимология въ образцахъ* отличается и другими достоинствами: такъ, всѣ правила въ ней постоянно выводятся изъ примѣровъ, учебный матеріалъ расположенъ весьма систематично, и недостатками слѣдуетъ считать только нѣкоторыя лишнія подробности да тотъ нѣсколько отвлеченный языкъ, которымъ выражены опредѣленія частей рѣчи.

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Русское Богатство“, мартъ. — „Русскій Вѣстникъ“, апрѣль. — „Вѣстникъ Европы“, апрѣль. — „Русское Обозрѣніе“, мартъ.

Въ то время, какъ въ литературѣ и въ кружкахъ не особенно значительной по своей численности интеллигенціи ведутся страстные споры о возможномъ будущемъ, экономическомъ развитіи нашей родины, жизнь скромно и тихо подаетъ свой голосъ по этому жгучему вопросу. Тихій это голосъ, но отказать ему во внушительности нельзя, тѣмъ болѣе, что это не такъ называемый голосъ фактовъ, — факты-то, вѣдь, тоже всякіе бываютъ, — а голосъ живого человѣка, простого мужа, излагающаго свои скромныя желанія, упованія и идеалы. Мы го юримъ о письмѣ крестьянина Рязанской губерніи, приводимомъ г. Каршевскимъ въ его „Народно-хозяйственныхъ наброскахъ“. Авторъ русскіи писи — человѣкъ средняго достатка, не кулакъ, не промышленникъ,

но и не бѣднякъ, имѣеть взрослыхъ сыновей, почитываетъ, служить старшиной. На своемъ вѣку онъ успѣлъ многое видѣть, испытать и лично понаблюдать. Рукопись свидѣтельствуетъ о его способности вдумываться въ жизнь, обобщать наблюденія и дѣлать выводы. Его можно считать типичнымъ представителемъ средняго, *родового* крестьянства, *коренникомъ*, вдумчивымъ, мыслящимъ, крѣпко привязаннымъ къ хозяйству, къ землѣ, къ міру, къ *крестьянству*. Прежде всего авторъ письма констатируетъ фактъ общаго упадка хозяйства и разоренія крестьянства. „Насчетъ этого,—говоритъ онъ,—какъ слышно, ведется много разговоровъ между учеными людьми, какъ печатно, такъ и устно. Одни говорятъ: крестьяне обѣднѣли отъ такой причины, а другіе—отъ иной; одни говорятъ: имъ надо помощь оказать, а есть и такіе господа, которые совѣтуютъ никакъ не помогать. Я же, какъ крестьянинъ, заключаю и нахожу, что главныя причины настоящаго худого состоянія насъ, крестьянъ, это—недостаточность надѣловъ и отсутствія какихъ бы то ни было домашнихъ заработковъ, которые дѣлаютъ изъ насъ какихъ-то кочующихъ, скитающихся по всей Россіи работниковъ“. Исходною точкой разсужденій автора, какъ вы видите, служитъ представленіе о недостаткѣ земли и о невозможности приложенія на мѣстѣ всего труда семьи, и онъ съ значительною силой логики доказываетъ связь этихъ двухъ факторовъ съ ихъ послѣдствіями для всего быта крестьянства. Отхожіе промыслы, по его мнѣнію, разрушаютъ большія семьи, эти натуральныя хозяйственныя артели. Но онъ не скрываетъ и того факта, что раздѣлы имѣютъ и другую сторону и до известной степени гарантируютъ человѣческую личность отъ насилія и деспотизма. Онъ совсѣмъ не стоитъ за насильственнымъ средства удержанія отъ раздѣловъ. „Поневогѣ задерживаемое житье,—говоритъ онъ,—нельзя было назвать сладкимъ, потому что боимъ, да страхомъ бояться-то заставляли, а согласья-то имѣть въ семьѣ никто не могъ заставить; а безъ согласія плохое житье семейству. Въ особенности бабамъ, да которыя послабѣе на работу или которыя имѣютъ больше другихъ дѣтей, тѣмъ доставалось, не приведи Богъ, сколько терпѣть. Большое число семействъ жило вмѣстѣ благодаря только тогдашней палкѣ, а какъ стала палка выходить изъ моды, такъ и такія семьи стали разпадаться. Впрочемъ, *все равно такія семьи теперь разорились бы, потому только при одномъ земледѣльческомъ занятіи можно прожить большой семьѣ*“.

Малоземелье накладываетъ свою печать и на весь строй деревенскихъ отношеній. Авторъ сѣтуетъ на равнодушіе къ общиннымъ интересамъ и объясняетъ его такъ: „Если бы земледѣліе было поставлено такъ, чтобы можно было имъ однимъ кормиться и не было нужды въ отхожихъ промыслахъ, тогда мы въ состояніи были бы дѣлать на своихъ земляхъ и нужное удобреніе, и разработку неудобныхъ мѣстъ, и веѣ работы, которыя одному справить не подъ силу, *всѣмъ сообща исполнять и помогать* въ нуждѣ своимъ слабымъ членамъ. Въ настоящее же время у насъ съ упадкомъ земледѣлія ничего такого нѣтъ, а все дѣлается *врозь*, часто съ явнымъ другъ къ другу недоброжелательствомъ, какъ будто каждый хочетъ выместить за свою нужду на другомъ. При такой обстановкѣ отъ общества нельзя ожидать никакого почину къ улучшенію своего общиннаго хозяйничанья, а напротивъ нужно ожидать, что оно годъ отъ году все больше будетъ разстраиваться, а между обществомъ будетъ расти несогласіе и раздоръ. Для устрaненія всего этого намъ нужны *средства и умственная сила*. Безъ этого

е какіе бы благопріятныя ни издавали для насъ законы и какое бы приставляли къ намъ хорошее начальство, они нисколько не исправятъ и не улучшатъ нашего положенія, пока мы сами не будемъ въ состояніи устранивать и направлять свою жизнь къ лучшему“.

Умственная сила нужна, но обвинявшее населеніе,—полагаетъ авръ,—плохое поле для распространенія даже простой грамотности. Главною причиною плохого отношенія крестьянъ къ грамотѣ служатъ итъ-таки недостаточность надѣловъ и отсутствіе домашнихъ заработковъ. Бѣдность больше всего заставляеть крестьянъ равнодушно и иже враждебно относиться къ грамотѣ, потому что для того чтобы итаться нужны хлѣбъ и время, а голодному только хлѣбъ на умъ, а и ученье... Какая польза бѣдному отцу жертвовать трудомъ, работамъ и истощенія, когда его сынъ, научившись грамотѣ, долженъ наравнѣ съ другими идти на сторону? Волей-неволей оставить онъ грамоту иезъ всякаго употребленія, оттого что, живя цѣлое лѣто въ баракѣ и иботая каждый день до упаду, ему грамота не пойдетъ на умъ. Да и какой ему интересъ отъ грамоты, если онъ видитъ, что все равно, то онъ такой же бѣднякъ, какъ и другіе неграмотные?“ Для пониманія значенія этой тирады читатель не долженъ упускать изъ виду, что авторъ и его сынъ хорошо грамотны и почитываютъ.

Попутно г. Карышевъ приводитъ нѣкоторыя данныя по вопросу объ отношеніи между малоземельемъ и распространеніемъ грамотности, иивмствованныя имъ изъ брошюры г. Борисова: *Вопросы школьной статистики*. Вотъ эти данныя: въ дворахъ съ засѣвомъ менѣе 5 десятинъ только 19% грамотныхъ, съ засѣвомъ въ 15 десятинъ 46%, а въ дворахъ съ 20 десятинами засѣва уже 57%. „Вліяніе школы,—загѣчаетъ г. Борисовъ,—коснулось весьма замѣтнымъ образомъ только иервнихъ, богатыхъ слоевъ крестьянской массы, бѣднякамъ же достались только крохи отъ скромной трапезы, предлагаемой народу нашей иельскою школою. Плодами сельскаго просвѣщенія пользуются преимущественно *богатыри*, а въ темную жизнь *золоты* проникаетъ мало ивѣтлыхъ лучей, разливаемыхъ школою. Нищета матеріальная всегда ила и будетъ служить источникомъ для нищеты духовной“.

Возвратимся, однако, къ нашему автору-крестьянину.

Однимъ изъ орудій распространенія грамотности онъ считаетъ „жизниа бесѣды“, при которыхъ бы, между прочимъ, давались „практические совѣты по хозяйству“. Но дѣло-то въ томъ только, замѣчаетъ онъ, что, пожалуй, и некому будетъ слушать этихъ совѣтовъ. „Сколько ни совѣтуй навозить и лучше ухаивать землю такому хозяину, у котораго нѣтъся одна лошаденка, ему все равно невозможно сдѣлать этого, какъ говорится, земля сама себя обрабатываетъ, а если нѣтъ ея, сколько ни работай, ея не выработаешь“. Потому и понятно, что грамотные крестьяне стараются выйти изъ своей среды. Крестьянское земледѣльческое занятіе такъ неблагоприятно вознаграждаетъ за всѣ труды, что послѣ тяжелаго труда часто бываетъ нечѣмъ удовлетворить свои жизненные потребности. Соображая всю эту незавидную обстановку, научившіяся грамотѣ молодой крестьянинъ старается всѣми силами изъ оной выбраться и никогда не возвращается въ прежнее состояніе. А *дайте намъ средства* къ тому, чтобы можно было существовать мало-мальски сносно, и тогда вы увидите, что грамотность между нами будетъ распространяться съ большимъ успѣхомъ, и не замедлятъ оказаться среди насъ благіе ея результаты. *Дайте намъ жить по-человѣчески*, и тогда только появятся развитые земледѣльцы, умѣю-

шіе воспользоваться разными усовершенствованіями, появятся и развитые представители отъ насъ въ земствѣ и судѣ“.

Разсуждая объ устройствѣ и порядкахъ волостного суда, авторъ протестуетъ противъ тѣлеснаго наказанія. „При настоящемъ состояніи волостного суда право наказывать розгами служить во вредъ всему крестьянству, а также вредитъ правильному ходу крестьянскаго самоуправления, ибо этимъ средствомъ пользуются низкіе люди, чтобы заставить молчать честныхъ людей о ихъ неправильныхъ дѣйствіяхъ“.

„Я нахожу,—говоритъ авторъ,—очень желательнымъ, чтобы это наказаніе было совсѣмъ уничтожено, а если ужъ по какимъ-либо соображеніямъ начальства, не время оное совсѣмъ уничтожить, то пусть оно существуетъ для преступниковъ всѣхъ сословій, а не исключительно для однихъ крестьянъ. Розги насъ не исправятъ нравственно, а, пожалуй, еще больше будутъ портить. *Исправлятъ насъ слѣдуетъ начать съ нашего кореннаго крестьянскаго занятія, земледѣлія.* Съ поставленіемъ этого занятія на эту точку, при которой намъ можно будетъ мало-мальски сносно существовать, только и можно надѣяться на наше исправленіе; а безъ онаго все равно не будетъ никакой пользы. Настоящаго развитія въ насъ нѣтъ, да и быть не можетъ при *настоящихъ нашихъ хозяйственныхъ условіяхъ*; поэтому и выходитъ опять-таки, что впередъ нужны хлѣбъ и время, а потомъ уже и ученье. Въ особенности же отъ образованія крестьянъ, замѣчаетъ крестьянинъ-авторъ, можно ожидать поддержки общиннаго владѣнія, которое и полезно тѣмъ, что не допускаетъ окончательнаго обезземеленія слабыхъ членовъ общества“.

Разсуждая о пресловутомъ пьянствѣ русскаго крестьянства, авторъ съ горечью замѣчаетъ: „Многіе люди изъ не крестьянскаго сословія говорятъ, что мужикъ отъ того бѣденъ, что пьяница, глупъ и лѣнивъ; отъ такихъ словъ, право, грустно становится. Что это господа не хотятъ понять, что оттого онъ глупъ и бѣденъ и оттого пьяница, что дома не за что хватиться“.

Въ заключеніе авторъ съ нѣкоторымъ, по-истинѣ трогательнымъ пафосомъ говоритъ о своемъ простодушномъ и простомъ идеалѣ настоящей крестьянской жизни. „Развѣ можно сравнить бродячую жизнь съ мирной земледѣльческой,—воскликаетъ онъ,—при которой въ кругу семьи, дома, на родномъ полѣ работать будни, а праздникъ покой и отдохнуть дома? Прежде пахивали при свѣтѣ мѣсяца, а молочивали съ огнемъ, а нынче и днемъ дѣлать нечего; прежде саломъ колеса помазывали, а нынче и въ кашу нечего положить... Для крестьянъ *ничего кѣтъ милѣе, какъ земля кормилица* и вся земледѣльческая жизнь. Только *крайняя нужда и недостатокъ въ землѣ* заставляютъ мужика бросить земледѣліе и идти въ заработки и та же нужда и надежда на то, чтобы найти свое любимое занятіе, заставляютъ его продавать имущество и переселяться въ дальнюю сторону“.

„Развѣ картина, набросанная такъ рѣзко авторомъ,—замѣчаетъ г. Карышевъ,—на основаніи только одного своего житейскаго опыта и наблюденія не тождественна съ тѣмъ, что говорятъ намъ мѣстные изслѣдованія? Вѣдь, рукопись писана крестьяниномъ, а не *тенденціознымъ* статистикомъ; картина снята съ природы, а не по земско-статистическимъ сборникамъ, о существованіи которыхъ авторъ, вѣроятно, и не подозреваетъ“.

Это послѣднее замѣчаніе г. Карышева представляетъ, такъ сказать, отвѣтъ въ одну сторону. Для насъ интересно то обстоятельство,

по тихій голосъ крестьянина представляетъ отвѣтъ и въ другую сторону. Въ послѣднее время выступила и съ поразительною быстротою встать среди насъ группа мыслящихъ людей, по своимъ нравственнымъ и умственнымъ качествамъ заслуживающихъ всяческаго уваженія, которая относится отрицательно чуть ли не ко всему прошлому нашей интеллигенціи, къ ея литературной и общественной дѣятельности, принавая нашу интеллигенцію состоящей въ не далекомъ прошломъ изъ безпочвенныхъ идеаловъ, а ея дѣятельность, какъ не опирающуюся на какое-либо классовое сознание, бесполезной, безцѣльной и безпочвенной. Къ сожалѣнію, этой группѣ не удалось вполне опредѣленно высказать свои положенія. Это до значительной степени затрудняетъ безпристрастное и серьезное обсужденіе самыхъ коренныхъ вопросовъ нашей общественности. Но и того, что группѣ удалось высказать, достаточно для опредѣленія ея отношенія какъ ко всей прошлой дѣятельности нашей интеллигенціи, такъ и къ вышеупомянутымъ кореннымъ вопросамъ нашей общественности.

Голосъ крестьянина—скромный, тихій и даже простодушный голосъ. Куда ему, простому землеробу, тягаться въ знаніяхъ съ учеными представителями группы! Но не доказываетъ ли онъ, во-первыхъ, что дѣятельность интеллигенціи не была такъ безпочвенна, какъ это склонна утверждать сказанная группа? Перефразируя слова г. Карышева, не представляютъ ли желанія, упованія и сознательные идеалы крестьянина почти полнаго тождества съ тѣмъ, что защищала, проповѣдывала и пыталась, поскольку это было въ ея силахъ, осуществить наша интеллигенція въ теченіе своего тридцатилѣтняго существованія? Какая почва можетъ быть болѣе прочной и плодотворной, какъ не почва сознательнаго народнаго идеала? Не представляютъ ли идеалы нашей прогрессивной литературы, которые по какому-то странному недоразумѣнію обыкновенно именуютъ *народническими*, просто *народныхъ* идеаловъ?

А во-вторыхъ, если ужъ говорить о классовыхъ интересахъ и классовой борьбѣ, какъ средствѣ достиженія возвышенныхъ идеаловъ будничнаго, то спрашивается, какой классъ можетъ быть болѣе могучимъ, какъ не классъ свободнаго и сознательнаго крестьянства, составляющаго притомъ девять десятыхъ населенія страны? Какіе интересы могутъ быть болѣе настоятельными и неухватимые требовать развитія востроенной на нихъ общественной партіи, какъ не интересы этой самой сознательной крестьянской массы?

Именно объ этихъ вопросахъ слѣдовало бы подумать группѣ, прежде чѣмъ переносить въ нашу дѣйствительность категоріи, выработавшіяся при совершенно иныхъ экономическихъ и общественныхъ условіяхъ.

Намъ возразятъ, конечно, какъ возражали и другимъ, что идеалы автора-крестьянина мелко-буржуазные и что потому наша литература и являлась до сихъ поръ представительницей и защитницей интересовъ мелко буржуазии. Но, вѣдь, это же просто жуесть, и кого, кромѣ лицъ, обладающихъ мировоззрѣніемъ и умственными навыками замосковрѣдской купчихи, этимъ жуецомъ испугать можно? Основной критерій какъ условій человѣческаго общежитія, такъ и сознательныхъ общественныхъ мѣропріятій состоитъ, вѣдь, не въ экономическихъ категоріяхъ, да притомъ еще заимствованныхъ изъ чуждыхъ странъ, при иныхъ обстоятельствахъ сложившихся, условій, а въ счастья и благо-состояніи, какъ матеріальномъ, такъ и духовномъ, большинства насе-

ленія. И если извѣстный укладъ жизни и извѣстныя мѣропріятія для поддержанія и развитія такого уклада ведутъ къ этому счастью, то называйте ихъ мелко-буржуазными или какъ-нибудь иначе, — дѣло отъ этого не измѣнится: они—этотъ укладъ жизни и эти мѣропріятія—будутъ, все-таки, существенно прогрессивными и потому самому и будутъ представлять *высшій идеалъ, доступный для общества при данныхъ условіяхъ и въ данномъ его состояніи.*

Какое вообще значеніе имѣютъ при обсужденіи почти всякаго общественнаго важнаго вопроса *данное условіе* и *данное состояніе*, читатель уяснитъ себѣ, прочитавъ письмо извѣстнаго нѣмецкаго романиста Шпильгагена къ нашему великому художнику Л. Н. Толстому. Письмо это было напечатано въ одной вѣнской газетѣ еще въ декабрѣ прошлаго года и теперь переведено въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. „И вы, и я, и всѣ,— пишетъ Шпильгагенъ, — съ болью въ сердцѣ надѣемся и ждемъ, чтобъ исполнились, наконецъ, молитва и пожеланія благочестивыхъ пастуховъ („и на землѣ миръ“). Но, сходясь въ цѣли, въ средствахъ для достиженія мы совершенно расходимся... Послушать васъ, то дѣло такъ же просто, какъ ѣда и питье“... „Достаточно, если каждый отдѣльно не будетъ идти за всѣми, если онъ будетъ слѣдовать своей внутренней природѣ, т. е. если онъ будетъ добръ и справедливъ предъ своею совѣстью“... Далѣе Шпильгагенъ сообщаетъ, что въ той же книгѣ, въ предисловіи которой Толстой написалъ вышеприведенныя слова, разсказывается печальная, раздирающая душу исторія нѣкоего крестьянскаго сына Дрожина. Этотъ Дрожинъ сдѣлался послѣдователемъ ученія Толстого, доводя его до крайнихъ практическихъ слѣдствій—до безусловнаго отрицанія признавать какого-либо властителя, кромѣ Христа. Призванный отбывать воинскую повинность, онъ отказывается учиться искусству „убивать людей“. Его отправляютъ въ дисциплинарный батальонъ, гдѣ онъ и умеръ четыре года спустя.

„Вы, графъ,— продолжаетъ нѣмецкій романистъ,— возмущены подобною жестокостью. Высочайшимъ тономъ нравственнаго негодованія клеймите вы всѣхъ тѣхъ, которые принимали участіе въ этой убійственной „работѣ палача“... Вы, вѣдь, совершенно правы, графъ! Но не пропустили ли вы одного, который хотя прямо и не принималъ участія въ этой работѣ, однако нравственно помогалъ ей, скажу болѣе: на голову котораго падаетъ вся нравственная вина? Къ рукамъ его такъ страшно прилипли кровь и слезы несчастнаго, что вся вода Волги омыть ихъ не можетъ.

„Это вы, вы сами—этотъ человекъ... Недостатокъ уваженія къ логикѣ фактовъ, частое невѣдѣніе и невдумчивость въ то, какъ легко мысли уживаются въ головѣ и какъ тяжело бываетъ столкновеніе ихъ съ дѣйствительностью, разъ эти мысли обращаются въ факты,—это составляетъ вашу Ахиллесову пятю... Мнѣ не остается ничего, какъ обвинить васъ въ ужаснѣйшемъ неразуміи и неосторожности, разъ вы съ вашей недоступной высоты возвѣстили міру слова, которыя стали для бѣднаго Дрожина источникомъ жесточайшихъ страданій... Вы не берете назадъ ни одного изъ своихъ словъ, вы продолжаете подстрекать, несмотря на то, что для васъ должно быть ясно, что этимъ вы увеличиваете число жертвъ, ради васъ замученныхъ до смерти! Да, ради васъ! Я не отказываюсь и не ослабляю этого тяжкаго обвиненія.

„Наши социаль-демократы,— продолжаетъ свою филиппику Шпильгагенъ,—въ этомъ случаѣ гораздо благоразумнѣе и мудрѣе васъ. Они жатаютъ не меньшее отвращеніе къ принудительной военной службѣ и

съ немалымъ убѣжденіемъ проповѣдуютъ всеобщій миръ. Но они знаютъ, что играть роль побѣжденной жертвы можетъ нравиться только упрямымъ Катонамъ. Потому, хотя сердце ихъ и обливаема кровью, они позволяютъ своей молодежи обучаться „искусству убивать людей“, въ твердой увѣренности, что постепенное просвѣтлѣніе человѣческаго духа устроитъ всѣ ихъ дѣла.

„Ради Бога, графъ, предоставьте Дрожинамъ расти, пока изъ сотенъ тысячъ образуются милліоны. Тогда настанетъ время обратиться къ логикѣ фактовъ.“

„Въ настоящее время, къ счастью, идея для своего распространенія обладаетъ иными и болѣе дѣйствительными средствами. У насъ есть пресса съ своими газетами, журналами, брошюрами, книгами; у насъ есть народныя собранія, парламенты, театры. Наконецъ, у насъ есть всякая рода союзы, общества.“

„Нужна ли была для дѣла мира смерть Дрожина?“ — спрашиваетъ въ заключеніе Шпильгагенъ. И по мѣрѣ знанія и совѣсти отвѣчаетъ: — „Нѣтъ! и еще разъ: нѣтъ!“

Не знаемъ, какое впечатлѣніе произведетъ на читателя это страстное воззваніе, этотъ горячій и искренній обвинительный актъ. На насъ оно произвело не одно только впечатлѣніе трепета, на которое рассчитывалъ, вѣроятно, самъ авторъ и, навѣрное, рассчитывалъ перепечатавшій его письмо консервативный журналъ, а и впечатлѣніе тяжелого и горькаго недоумѣнія, даже кошмара... Не въ самомъ Дрожинѣ тутъ дѣло. Мы можемъ согласиться съ авторомъ, что смерть его не нужна для дѣла мира. И не въ ученіи Толстого дѣло, — его мы отрицаемъ и неоднократно и достаточно недвусмысленно высказывали это. Но дѣло въ чемъ-то большемъ, чѣмъ Шпильгагенъ ни усмотрѣть, ни даже понять не можетъ, ибо онъ переноситъ разсужденіе, безусловно вѣрное при однихъ условіяхъ, въ другія, прямо противоположныя.

Мудрѣ ли „наши“, т.-е. нѣмецкіе социаль-демократы? Да, несомнѣнно мудрѣ. Но почему? Да просто потому, что *идея обладаетъ* и т. д. А если она *не обладаетъ*?

Для достиженія какой-либо общественной цѣли наиболѣе прямымъ и наиболѣе цѣлесообразнымъ путемъ является не прямой, а косвенный образъ дѣйствія, не прямое волевое стремленіе къ желаемому объекту, а обходное. И именно въ силу его осуждается все ученіе Толстого и его поученіе о мирѣ въ частности. Другой иллюстраціей того же принципа можетъ служить выше приведенное мнѣніе автора-крестьянина объ образованіи. Лучшимъ средствомъ для его распространенія будетъ не самое его распространеніе, а улучшенія экономическаго положенія крестьянъ и, между прочимъ, устраненіе малоземелья, хотя бы, повидному, эти два явленія и принадлежали къ вполне различнымъ порядкамъ общественныхъ явленій.

Но социологическіе принципы — сами по себѣ, а въ исторіи бывають такіе моменты, когда быть побѣжденными не только „нравится упрямымъ Катонамъ“, а и причлещуется всѣмъ порядочнымъ людямъ.

„Прежде всего нужны хлѣбъ и время, а потомъ и ученье“ — такова формула, выставленная авторомъ-крестьяниномъ. Такъ же былъ поставленъ вопросъ и въ лучшую пору нашей литературной и общественной дѣятельности, въ шестидесятыхъ годахъ. Намъ незачѣмъ теперь останавливаться на обсужденіи этой формулы. Какъ бы мы ни смотрѣли на первенство того или другаго изъ этихъ двухъ общественныхъ факторовъ, несомнѣнно одно, что образованіе есть существенно необхо-

дамый факторъ общественнаго преуспѣянія и благосостоянія. И именно *образование*, распространение реальныхъ и гуманитарныхъ знаній въ массѣ, а не простая грамотность, которая есть только необходимое орудіе образованія. Грамотность нужна народной массѣ, тѣмъ, которые „бредутъ по житейской дорогѣ въ безпросвѣтно глубокой ночи, безъ понятія о правѣ, о Богѣ, какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи“; а знаніе нужно не только этой массѣ, а и культурнымъ слоямъ націи. И эта потребность съ необычайной доселѣ силой и настоятельностью сказывается среди насъ. Въ нашихъ глухихъ палестинахъ, въ селахъ и весяхъ, масса недоучившихся или и совсѣмъ неучившихся культурныхъ людей, преимущественно, разночинцевъ, тоже бредетъ, какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи и неужеримо тянется къ свѣту знанія, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. „Жизнь съ неужеримой силой влечетъ насъ къ демократизаціи просвѣщенія, къ распространенію накопленныхъ знаній всюду, среди самыхъ низшихъ, самыхъ косныхъ, самыхъ темныхъ слоевъ населенія“, справедливо замѣчаетъ г. Вахтеровъ. Вопросу о распространеніи университетскаго образованія въ Россіи посвящена интересная статья П. Н. Милюкова въ *Русскомъ Бюлетенѣ*. Рассказывая объ исторіи этого движенія въ Англіи и Америкѣ, г. Милюковъ замѣчаетъ: инициаторы движенія имѣли въ виду распространяемое ими образованіе удержать на уровнѣ высшей школы. Но по мѣрѣ расширенія движенія становилось яснымъ, что придется или сохранить серьезность образованія и въ такомъ случаѣ отказаться отъ широкаго распространенія университетскаго образованія въ массѣ, или захватить большой кругъ публики, но пожертвовать серьезностью чтеній. Въ Америкѣ, гдѣ движеніе началось независимо отъ университетовъ, преподаваніе приняло общедоступный характеръ. Главнымъ побужденіемъ къ занятіямъ,—говоритъ проф. Ботлеръ,—служитъ тотъ фактъ, что въ каждомъ мѣстечкѣ найдется нѣсколько интеллигентныхъ людей, желающихъ расширить свои свѣдѣнія. Помимо стремленія къ самообразованію, подобныя лица дорожатъ возможностью внести свою интеллектуальную жизнь въ опредѣленные формы. „Апостолъ“ американскаго движенія Мультонъ подчеркиваетъ, что University Extension не имѣетъ ничего общаго съ университетомъ и что существенныя черты его заключаются въ полной свободѣ отъ школьной дисциплины, въ отсутствіи всякихъ ограниченій. Однимъ словомъ, это—самообразованіе, продолженное на всю жизнь. Лондонскій конгрессъ рѣшилъ, что популярная и строго образовательная сторона движенія не противорѣчатъ одна другой, а взаимно дополняютъ другъ друга; руководители движенія должны признать, что движеніе одновременно удовлетворяетъ двухъ цѣлямъ и сообразно съ этимъ нужно направлять свою дѣятельность. Принятіе этого средняго мнѣнія повело къ выработкѣ очень практической и замѣчательно успѣшно дѣйствующей программы. Даже тѣ сторонники движенія, которые стоятъ за допущеніе въ программу простыхъ популярныхъ лекцій, смотрятъ на нихъ только какъ на подготовительныя, миссіонерскія. Таково, наприм., назначеніе такъ называемыхъ „народныхъ лекцій“ въ Лондонѣ, предшествующихъ обыкновенно образованію новаго центра University Extension. Настоящій же смыслъ движенія въ томъ, чтобы лекторъ былъ руководителемъ постоянныхъ занятій. Сама лекція является какъ бы предлогомъ для того, чтобы завязать непосредственныя отношенія между лекторомъ и слушателями. Правильное University Extension должно кромѣ лекцій совмѣщать въ себѣ слѣдующіе приемы: 1) конспектъ, 2) классъ, 3) письменныя работы и 4) экзамены.

Переходя къ вопросу о примѣнимости къ нашимъ условіямъ движенія распространенія университетскаго образованія, уважаемый авторъ пытается „поставить обсужденіе этого вопроса въ такія рамки, въ которыхъ можно бы было ожидать какихъ-либо практическихъ результатовъ“. Прежде всего, по его мнѣнію, преждевременно было бы говорить о содѣйствіи правительства этому движенію. Даже въ Англіи и Америкѣ правительство пришло на помощь, когда движеніе выросло. Столь же неумѣстно и по тѣмъ же причинамъ обсуждать вопросъ о содѣйствіи университетовъ. Университетская санкція даже на родинѣ движенія не считается наилучшимъ средствомъ для достиженія сущности движенія. Наша публика, несомнѣнно, не пожалѣетъ о возможности специализироваться, объ экзаменахъ и о дипломахъ. Такъ что, устрояя вопросъ о какихъ-либо санкціяхъ движенія, остается только вопросъ о примѣнимости у насъ педагогическихъ приемовъ, составляющихъ на родинѣ движенія его сущность. Эти приемы сводятся къ руководству личному и письменному. Въ развитіи движенія въ Англіи и Америкѣ письменное руководство играло второстепенную роль. У насъ же этотъ приемъ является, можетъ быть, наиболее подходящимъ и кое-что уже сдѣлано въ этомъ направленіи московской „комиссіей по организаціи домашняго чтенія“, по странной, чисто - русской ироніи судьбы образовавшейся при „учебномъ отдѣлѣ“ общества распространенія техническихъ знаній. Комиссія имѣла въ прошломъ году 269 подписчиковъ, къ концу года число ихъ увеличилось до 382. Скромная это цифра, конечно, но слѣдуетъ принять во вниманіе, что кромѣ подписчиковъ указаніями и программами комиссіи пользовались и другія лица. Разсмотрѣніе состава подписчиковъ по возрасту, профессіи, общественному положенію и т. п. ясно показываетъ, что главнѣйшей преслѣдуемой ими задачей служить безкорыстное стремленіе къ самообразованію, какъ дѣлу всей жизни. Интересно то, что въ числѣ подписчиковъ мало лицъ, принадлежащихъ къ учащейся молодежи. И это понятно и отнюдь не объясняется малымъ интересомъ учащейся молодежи къ самообразованію. Совсѣмъ напротивъ. Это доказываетъ совершенно сознательное отношеніе ея къ дѣлу *образованія массы общества*. Сама она, эта молодежь, живя въ центрахъ, имѣетъ множество способовъ удовлетворить своимъ запросамъ и помимо комиссіи. А съ другой стороны, такой достовѣрный и компетентный свидѣтель, какъ г. Миловъ, утверждаетъ съ значительной долей основанія, что интересъ молодежи къ предпріятію комиссіи былъ главною причиною того, что это предпріятіе получило широкую извѣстность во всей Россіи. Однимъ словомъ, молодежь тутъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, совершенно безкорыстно и горячо послужила хорошему и важному дѣлу, меньше касающемуся ея лично, чѣмъ провинціаловъ. Настоящій чтецъ комиссіи—это человѣкъ прикованный къ занятію, но не находящій въ немъ удовлетворенія своимъ духовнымъ запросамъ. Три пятыхъ читателей почти поровну дѣлятся между двумя отдѣлами общественно-юридическихъ и философскихъ наукъ. Это значитъ, что путемъ самообразованія стремятся достигнуть одной изъ двухъ цѣлей: или подготовки къ практической дѣятельности, или составленія цѣльнаго теоретическаго міросозерцанія. Каждой изъ этихъ цѣлей, по мнѣнію автора, должна соответствовать особая *энциклопедическая программа*. Содержаніе такой программы должно состоять не изъ ряда программъ по отдѣльнымъ наукамъ, а изъ ряда *вопросовъ*, логически вытекающихъ изъ самой цѣли. Стремиться сохранить полноту и рав-

помѣрность всѣхъ отдѣловъ знанія было бы ошибкой; это повело бы къ сокращенію всей программы и къ ея непригодности ни для какаго цѣли.

При энциклопедической программѣ представляется серьезное затрудненіе, состоящее въ выборѣ матеріала для чтенія; и единственный правильный путь для устраненія такого затрудненія состоитъ въ изданіи и составленіи книгъ, приспособленныхъ къ программамъ. Но энциклопедическая программа не единственная разновидность программъ. Она нужна, главнымъ образомъ, для болѣе зрѣлой части молодежи и общества, которая желаетъ создать себѣ цѣльное мировоззрѣніе и занятія великими задачами современности. Есть и другая группа молодежи, которая или не прошла даже среднюю школу, или получила, какъ это и бываетъ обыкновенно, отъ средней школы камень вмѣсто хлѣба. Эти люди, — а ихъ большинство и всякое демократическое движеніе потомъ должно имѣть въ виду главнымъ образомъ такое большинство, — предоставлены самимъ себѣ и лишены всякой помощи. Для лицъ этой группы слѣдуетъ предложить курсъ чтеній, который г. Милуковъ называетъ *эпизодическимъ*. Цѣль такого курса — научить читать серьезную книгу, и содержаніе его — жизненные вопросы нашей дѣйствительности. Наиболѣе плодотворное назначеніе такого подготовительнаго курса состоитъ въ томъ, чтобы разрушить стѣну между книгой и жизнью. Далѣе авторъ указываетъ на публичныя лекціи въ провинціяхъ, какъ на подготовительное средство для распространенія университетскаго образованія, причемъ самой подходящей формой были бы короткіе курсы въ нѣсколько лекцій. Потребность въ такихъ курсахъ замѣчается даже въ самыхъ глухихъ городахъ. Вотъ тутъ-то университетъ и можетъ и долженъ явиться на помощь движенію. Онъ могъ бы составить штабъ лекторовъ, для которыхъ провинціальныя лекціи были бы специальнымъ и постояннымъ занятіемъ. Это дѣло вполне возможное, и если его не сдѣлаетъ университетъ, оно, несомнѣнно, сдѣлается само собой. Контингентъ лекторовъ у насъ умѣется и постоянно растетъ, а центральныя организаціи являлись бы только посредниками между учеными, нуждающимися въ профессиональномъ заработкѣ, и провинціальной публикой, нуждающейся въ лекторахъ.

„Въ какой степени осуществится этотъ проектъ, — заключаетъ свою статью г. Милуковъ, — это зависитъ въ настоящее время исключительно (?) отъ энергіи общественной инициативы. Предсѣдатель създа дѣтелей по профессиональному и техническому образованію справедливо подчеркнулъ важное значеніе той взаимной помощи, которую могутъ оказать другъ другу общество и государство. Въ распространеніи университетскаго образованія эта помощь можетъ ограничиться сочувственнымъ отношеніемъ къ проявленіямъ общественной инициативы“.

Хроникеръ *Вѣстника Европы* отмѣчаетъ тотъ любопытный взглядъ, который высказываетъ наша такъ называемая охранительная пресса по поводу извѣстнаго совѣщанія предводителей дворянства. Привѣтствуя самый фактъ созыва совѣщанія, какъ выраженіе взгляда государственной власти на „дворянскій вопросъ“, *Московскія Вѣдомости* прямо рекомендуютъ членамъ совѣщанія отстаивать свои узкіе сословные интересы. Представителямъ дворянства, — утверждаетъ газета, — нечего бояться упрека въ преслѣдованіи узкихъ эгоистическихъ цѣлей, *противныхъ интересамъ другихъ сословій*. Этимъ они исполняютъ свои обязанности относительно государства... Вообще въ сознаніи консерваторовъ идея партійности и представительства какъ классовыхъ, такъ и

узко-сословныхъ интересовъ и цѣлей дѣлаетъ необыкновенно быстрые успѣхи. Къ добру это или къ худу? Мы думаемъ, что къ добру, просто потому, что разъ преслѣдуются узкіе сословные интересы, причемъ это считается *обязанностью* по отношенію ко всему государству, то невозможно логически отказывать въ этомъ и другимъ классовымъ интересамъ. Такимъ образомъ сложные и залутанные вопросы общественной ответственности до значительной степени уясняются и устраняются всякія недоразумѣнія, вносимыя, главнымъ образомъ, той же самой охранительной печатью, постоянно прикрывающей свои узко-сословныя стремленія государственнымъ національнымъ флагомъ. Въ московскомъ дворянскомъ собраніи кн. Щербатовъ выразилъ ту мысль, которая всегда была достояніемъ лучшей части нашего общества,—не исключая и лучшей части дворянства,—что „дворянство не имѣетъ особыхъ интересовъ, которые могли бы его рознить съ другими сословіями“, что „нѣтъ ни одной нужды народной, ни одной государственной потребности, которая бы не были его нуждой и его потребностью“... Очевидно, что эта идея, весьма плодотворная въ исторіи развитія русской общественности, по мнѣнію нашихъ охранителей является идеей устарѣлой, отжившей свое время. Наши самозванные националисты, съ своей стороны, желаютъ передѣлать нашу исторію по европейскому образцу, понимаемому ими, конечно, по-своему, и желаютъ замѣнить идею всесословнаго служенія цѣлямъ общественнымъ и государственнымъ европейской идеей борьбы классовъ и сословій, стремленіемъ одного излюбленнаго ими сословія къ общественной, если не государственной, власти.

„Исторія дворянскихъ собраній за послѣднія пятнадцать лѣтъ, т.-е. за все продолженіе эпохи, особенно благоприятной для всего дворянскаго, несомнѣнно показываетъ, что дворянство, какъ корпорація, выдвигало на первый планъ исключительно свои собственные сословные интересы,—замѣчаетъ хроникеръ. Представителями этихъ только интересовъ являются и предводители дворянства. Они могутъ указать съ большей или меньшей авторитетностью, чего желаетъ, въ чемъ нуждается дворянство, какъ корпорація; но можно ли отъ нихъ ожидать раскрытія истинныхъ желаній и потребностей народа?“

Наиболѣе яркимъ выраженіемъ духа той партійности, о которой мы говорили выше, является статья г. Spectator'a въ *Русскомъ Обозрѣніи*. Эта статья представляетъ даже нѣчто большее, чѣмъ простое выраженіе духа партійности. Это—манифестъ политическаго дѣятеля, даже главы партіи, обращающагося къ своимъ единомышленникамъ съ требованіемъ отъ нихъ, чтобъ они организовали настоящую, и притомъ оппозиціонную, партію. Авторъ совершенно опредѣленно, чернымъ по бѣлому, изобразилъ слѣдующее, трагическое для него и его единомышленниковъ, признаніе: „теперь не совсѣмъ ясно, кто же въ сущности находится въ оппозиціи—мы или либералы“. „Въ виду надвигающейся опасности,—продолжаетъ онъ,—намъ необходимо сомкнуть свои ряды, строже провѣрить какъ количественный, такъ и качественный составъ нашей партіи“.

Ну, что же,--дѣло доброе. Смыкайтесь. Мы съ своей стороны можемъ отнестись только съ одобреніемъ къ вашимъ попыткамъ и не откажемъ г. Spectator'у въ признаніи той откровенности и смѣлости, съ которой онъ берется за организацію политической, да еще оппозиціонной партіи. „Въ Россіи не должно бы быть партій, потому что мы, слава Богу, еще не живемъ въ конституціонномъ государствѣ“,—за-

являетъ смѣлый организаторъ политической партіи. И тѣмъ не менѣе, несмотря на то, что „слава Богу“, самъ первый уклоняется отъ того, что „должно бы было быть“.

Повторяемъ, что къ такой попыткѣ съ нашей точки зрѣнія можно отнестись только одобрительно. Но вотъ чего мы никакъ не можемъ одобрить: это наименованія, присвоиваемаго г. Spectator'омъ его партіи, „находящейся въ оппозиціи“. Онъ довольно основательно отвергаетъ установившіяся для нея названія: партіи консервативной или охранительной. Основательно потому, что какіе же это въ самомъ дѣлѣ консерваторы, которые только и дѣлаютъ, что занимаются разрушеніемъ самыхъ необходимыхъ и существенныхъ основаній не только государственности, но и сколько-нибудь благоустроенной общественности? Итакъ, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что г. Spectator'у не придетъ названіе его партіи консервативной и что онъ ищетъ для нея другого.

Но онъ несомнѣнно рискнулъ, и черезчуръ сильно, назвавъ свою партію партіей Александра III. Дѣло вотъ въ чемъ; если можетъ существовать партія Александра III, то, вѣдь, нѣтъ ни малѣйшаго резона, чтобы не существовали и партія Александра II и партія Екатерины или даже Петра. А, вѣдь, дѣятельность партій вообще—дѣло такое, дѣло суровое. Онѣ, вѣдь, эти партіи-то, обыкновенно и полемику ведутъ между собой и пыли и грязи всегда достаточное количество поднимаютъ. Ну, такъ вотъ, тѣ самыя имена, которыя на основаніи самыхъ существенныхъ положеній партіи г. Spectator'a должны оставаться священными могутъ такими самозванными политическими партіями, какова партія новоявленнаго политическаго организатора, должны быть протащены по всей этой партійной пыли и грязи.

Очевидно, что г. Spectator, все-таки, очень неопытный политическій организаторъ. Онъ могъ назвать свою партію партіей *Гражданна*, партіей *Московскихъ Вѣдомостей*, даже партіей безнадежныхъ дворянъ, находящихся въ оппозиціи. Все это имѣло бы резонныя основанія. Ну, а такъ-то, пожалуй, и не ладно будетъ.

Въ чемъ же, однако, должна состоять задача новой партіи, партіи г. Spectator'a?

А вотъ въ чемъ: „въ пропагандѣ здравыхъ идей“. Немного неясная задача, потому что задача всякой литературной дѣятельности, даже всей литературы есть пропаганда идей—здравыхъ или вздорныхъ—и непонятно, зачѣмъ для такой простой цѣли г. Spectator'у понадобилось образованіе политической, да еще оппозиціонной партіи! Вѣдь, ему никто, кажется, не препятствуетъ пропагандировать его вздорныя идеи. Или простая литературная дѣятельность, предоставленная г. Spectator'у на-ряду съ прочими, не выгораетъ, какъ говорится, и надо что-нибудь другое?

А что именно гг. Spectator'амъ надо, это можно заключить изъ слѣдующихъ словъ признаннаго главы и философа партіи, „христіанина-философа“ Леонтьева. Кстати эти слова достаточно ясно укажутъ, съ какимъ именно сортомъ христіанства мы имѣемъ дѣло въ рядахъ этой разрушительной и жестоко челоѣконенавистнической партіи.

Вотъ эти знаменательныя слова: „если бы я имѣлъ столько власти, сколько имѣетъ министръ, такъ я бы показалъ себя. Это будетъ не пустая фраза, если я вамъ скажу, что у меня всѣ эти Стасюлевичи, Спасовичи и Бильбасовы даже бы и не доѣхали до Камчатки“. (Письмо къ Губастову, *Русское Обозрѣніе*). Такъ вотъ оно что. Положимъ, бол-

ливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ; ну, а, все-таки. Вѣдь, партія Леонтьева и г. Spectator'a стремится къ власти. И если у нея, не дай Богъ, рога вырастутъ, то всѣ инако-мыслящіе должны заранѣе знать, что ихъ ожидаетъ. Даже до Камчатки не дойдутъ.

Вернемся, однако, къ г. Spectator'у,—онъ хочетъ не только пропаганды, но и организаціи. „Одними журнальными статьями,—говоритъ онъ,—невозможно организовать систематическое противодѣйствіе“. Нужны практическія дѣйствія. Для сего онъ рекомендуетъ своей партіи обратиться къ дѣятельности среди учащейся молодежи и дать ей въ руки книги. Какія именно?

Далѣе авторъ рекомендуетъ учрежденіе народныхъ и школьныхъ библиотекъ, публичныя чтенія и „всякое содѣйствіе лицамъ, трудящимся на поприщѣ истиннаго просвѣщенія народа“... „Онъ не прочь даже и отъ публичныхъ диспутовъ, хотя и побаивается немного „многочисленной публики“.

Какъ хотите, а, вѣдь, это нѣкоторый признакъ времени, коли г. Spectator'ы о библиотекахъ и публичныхъ чтеніяхъ заговорили. Видно и въ самомъ дѣлѣ на Камчаткахъ-то даже и имъ далеко не увѣхать.

Вотъ и всѣ мѣры, рекомендуемыя г. Spectator'омъ своимъ единомышленникамъ съ цѣлью организаціи ихъ въ отдѣльную партію.

**Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію жур-
нала „Русская Мысль“ съ 1 апрѣля по 1 мая
1896 г.**

- Богдаевскій, П.** Мултанское „моленіе“
вотачковъ. М., 1896 г. Ц. 40 к.
- Борисовъ, Н. И.** Волшебный фонарь
въ народной школѣ. Херсонъ, 1896 г.
- Бротъе.** Исторія земли. М., 1895 г.
Ц. 50 к.
- Вычихинъ, А. А.** Профессоръ Па-
велъ Андреевичъ Костычевъ. Одесса,
1896 г.
- Вруцевичъ, М. С.** Теорія и практика
переписей населенія. Вильно, 1896 г.
Ц. 25 к.
- Вундтъ, В.** Индивидуумъ и общество.
Слб., 1896 г. Ц. 20 к.
- Григорова, Э.** Виліамъ Шекспиръ.
М., 1896 г. Ц. 75 к.
- Гротъ, П.** Физическая кристаллогра-
фія. Ч. I. Слб., 1896 г.
- Грунвальдъ, М.** Принудительный
курсъ и возвращеніе водости въ Ита-
лію. Слб., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Дружининъ, Андрей.** Очеркъ раз-
витія податныхъ реформъ въ Привис-
лянскомъ краѣ. Плоцкъ, 1896 г. Ц. 1 р.
50 к.
- Друммондъ, Генри.** Прогрессъ и
эволюція челоука. М., 1896 г. Ц. 2 р.
25 к.
- Демолень, Эдмондъ.** Какъ воспи-
тывать нашихъ дѣтей. Слб., 1896 г.
- Жеденовъ, Н.** Сельскія пожарныя
команды. Слб., 1896 г. Ц. 30 к.
- Желтовъ, Э., и Козыревъ.** 1) На
сходѣхъ. 2) Школа. М., 1896 г.
- Закревскій, Игн.** Еще о судѣ при-
сяжныхъ. Слб., 1896 г. Ц. 25 к.
- Захарьинъ, И. Н.** Грѣзы и пѣсни.
Слб., 1896 г. Ц. 50 к.
- Зеленскій, В.** Основныя начала общей
зоологіи. Одесса, 1896 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Зелинскій, В.** Прибавленіе къ 2-му
изд. двухъ выпускновъ книгъ: Собр. критич.
матер. для изученія промыв. Н. С. Тур-
генева. М., 1896 г. Ц. 80 к.
- Критич. комментаріи къ соч. Остров-
скаго. Ч. 4-я. Ц. 1 р.
- Золотаревъ, Л. А.** Глгіена брама.
М., 1896 г. Ц. 30 к.
- Ибсенъ, Генрикъ.** Собраніе сочи-
неній. Т. I. Слб., 1896 г. Ц. за 6 то-
мовъ по подпискѣ 3 р. 50 к.
- Кистяковскій, А. Ф.** Исслѣдованіе
о смертной казни. Слб., 1896 г. Ц. 1 р.
50 к.
- Клоссовскій, А.** Лѣтописи метеоро-
логической обсерваторіи Импер. уни-
верситета въ Одессѣ. 1896 г.
- Компейрѣ, Г.** Основаніе элементар-
ной психологіи. Слб., 1896 г. Ц. 80 к.
- Sullegge, A.** Лѣченіе внузменіемъ. Слб.,
1896 г. Ц. 1 р.
- Lahman, Heinrich.** Діететическое
лѣченіе нормальнаго состава крови.
Слб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Лейкинъ.** Хлѣбный вопросъ. Слб.,
1896 г. Ц. 1 р.
- Лѣтнія колоніи московскихъ городскихъ
училищъ. М., 1896 г.
- Лацарусъ.** Взаимодѣйствіе души и
тѣла. Слб., Ц. 20 к.
- Манасевичъ.** Философскіе этюды.
Слб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Миклашевскій, Александръ.**
Рабочій вопросъ. Слб., 1896 г. Ц.
30 к.
- Москвичъ, Григорій.** Путево-
датель по Крыму. 5-е изд. 1896 г. Ц. 1 р.
- Наша Старина № 15.** М. Базилевскій.
Эксмархъ Бостиван. Одесса, 1896 г.
Ц. 15 к.
- Оглоблинъ, В. Н.** Колористическій
сборникъ. М., 1896 г. Ц. 5 р.
- Отчетъ по мнвскому мѣстному музею**
1896 г.

- Отчетъ за 1894—1895 гг. Общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ. Сиб., 1896 г.
- Отчетъ Петровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края за 1894 г. 1896 г.
- Отчетъ московскаго городского попечительства о бѣдныхъ Пречистенской части за 1895 г. М., 1896 г.
- Оствальдъ, Вильг. Несостоятельность научнаго матеріалама. Сиб., 1896 г. Ц. 80 к.
- Потерсонъ, О. и Валабанова, Е. Западно-европейскій энось. Т. I. Сиб., 1896 г. Ц. 2 р.
- Петресовъ, С. В. Стихотворенія. Сиб., 1896 г. Ц. 1 р.
- Раевская-Иванова, М. Д. Къ происхожденію элементовъ орнамента. М., 1896 г. Ц. 10 к.
- Происхожденію элементовъ орнамента. Ц. 1 руб.
- Сазоновъ, Г. П. Обзоръ дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству. Сиб., 1896 г. Т. I. Ц. за 3 т. 6 р.
- Сборникъ. Средняя Азія. Подъ редакц. Смирнова. Ташкентъ, 1896 г.
- Сборникъ свѣдѣній по виноградарству и винодѣлію на Кавказѣ. Вып. III. Тифлисъ, 1896 г.
- Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русскихъ и иностранннхъ городовъ. М., 1896 г.
- СВѢТЛОВЪ. Призраки минувшаго. Сиб., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Соколовъ, В. П. Новая мама. М., 1896 г. Ц. 75 к.
- Сологубъ, Федоръ. Тяжелые дни. Сиб., 1896 г. Ц. 2 р.
- Справочный указатель земскихъ сельскохозяйственныхъ учреждений. Сиб., 1896 г.
- Тульское общество земледѣльческихъ колоній. Тула, 1896 г.
- Успенскій, Д. М. Органотерапія. Сиб., 1896 г. Ц. 3 р.
- Ученныя записки Юрьевскаго университета. Юрьевъ, 1896 г.
- Х. III. Сказки. М., 1896 г. Ц. 50 к.
- Шевелевъ, А. Александръ III въ русской литературѣ. М., 1896 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

I. Книги.

	Стр.
Веллетристика: „Говорящая голова“. <i>А. Е. Зарина</i>	20
Публицистика: „Сборникъ въ пользу начальныхъ еврейскихъ школъ“	20
Психологія, педагогика: „Основаніе элементарной психологіи“. <i>Г. Компейра</i> .— „Исслѣдованіе аффективной памяти“. <i>Т. Видот</i> .— „Педагогическая бібліотека, издаваемая К. Тихомировымъ. Избранныя педагогическія статьи“. <i>К. Ельницкаго</i>	20
Исторія литературы, исторія, біографія: „Западное вліяніе въ новой русской литературѣ“. <i>Алексія Веселовскаго</i> .— „Мелкія сочиненія, статьи и письма“. <i>Д. И. Иловайскаго</i> . Вып. II.— „Тверскіе акты“. <i>С. А. Шумакова</i> .— „Русская исторія до реформы Петра Великаго“. <i>Е. А. Бьлова</i> .— „Джонъ Рескнайъ“. Біографич. очеркъ <i>Л. П. Никифорова</i>	21
Политическая экономія: „Землевладѣніе и сельское хозяйство. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften“.— „Die Wirtschaftskrisen“. <i>Виген в. Вергманн</i>	21
Юридическія книги: „Еще о судѣ присяжныхъ“. <i>Или. Закревскаго</i> .— „Систематическій указатель русской литературы по судоустройству и судопроизводству гражданскому и уголовному“. <i>А. Поваринскаго</i> .— „Наказаніе и его цѣли“. <i>Ф. Листа</i>	21
Техническія книги: „Практическое руководство къ примѣненію электричества въ промышленности“. Сост. <i>Е. Кадія</i> и <i>Л. Дюбость</i> .— „Сельско-хозяйственная архитектура“. Сост. <i>Флоріанъ Федоровичъ</i>	22
Медицина: „Сравнительное значеніе санитарной и медицинскій наукъ въ вопросѣ о боевой силѣ арміи“. <i>И. А. Покровскаго</i> .— „Краткій очеркъ 30-лѣтней судебно-медицинской и профессорской дѣятельности въ Казани <i>И. М. Гвоздева</i> “.— „Значеніе велосипеда съ точки зрѣнія врача-невропатолога“. <i>И. Догаля</i> .— „Руководство къ фармакологіи“. <i>Нотманеля</i> и <i>Росбага</i> .— „Уходъ въ семьѣ за глазами дѣтей“. <i>Р. А. Каца</i>	221
Учебники: „Начальная географія“. <i>Н. Меньшикова</i> .— „Справочникъ по русскому правописанію“. Сост. <i>В. Зелинскій</i> .— „Элементарный учебникъ первоначально-славянскаго языка для начальныхъ народныхъ училищъ“. Сост. <i>А. Гусевъ</i> .— „Русскій языкъ. Этимологія въ образцахъ“. Сост. <i>Петровъ</i>	223

II. Периодическія изданія.

„Русское Богатство“, *мартъ*.— „Русскій Вѣстникъ“, *апрѣль*.— „Вѣстникъ Европы“, *апрѣль*.— „Русское Обозрѣніе“, *мартъ* 225

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 апрѣля по 1 мая 1896 г.

ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ

нижнего магазина журнала „Русская Мысль“ В. М. Лаврова, комиссіонера общества любителей россійской словесности

(Москва, уголъ Леонтьевского пер. и Большой Никитской, д. № 2—24).

Книжный магазинъ принимаетъ на комиссію постороннія изданія, подписку на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги. За пересылку книгъ берется по ея дѣйствительной стоимости. Книги могутъ быть высылаемы и наложеннымъ платежомъ.

Книжный магазинъ принимаетъ на себя составленіе народныхъ библиотекъ на какія угодно суммы и даетъ требуемыя справки по составленію народныхъ и школьныхъ библиотекъ и складовъ для продажи книгъ. Книги по желанію могутъ быть высланы въ простыхъ дешевыхъ переплетахъ (для народныхъ книгъ переплеты отъ 4 коп.). Лица, выписывающія книги въ большомъ количествѣ, благоволятъ сообщать самый точный адресъ для высылки книгъ самымъ дешевымъ способомъ.

Главный складъ изданій Московскаго комитета грамотности.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Сенкевичъ, Генрикъ. Повѣсти и рассказы. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольдмана. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 руб. 80 коп.

— Безъ догмата. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. (Третье изданіе). Цѣна 1 р. 50 к.

— Путевые очерки. Перев. В. М. Лаврова. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

— Потопъ. Переводъ В. М. Лаврова. Цѣна 3 руб.

— Семья Полавецкихъ. Перев. В. М. Лаврова. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 50 к.

— Камо Грядеши? Романъ изъ временъ Нерона. Переводъ В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Ожешкова, Элиза. Повѣсти и рассказы. Пер. В. М. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Надъ Нѣманомъ. Ром. въ 8 ч. Ц. 1 р. 50 к

Доде, Альфонсъ. Портъ-Тарасковъ. (Послѣднія примыченія знаменитаго Тартарена). Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 руб.

— Маленькій приходъ. Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Юноша, Клеменсъ. Слизифъ. Картинка деревенской жизни. Перев. съ польскаго В. М. Лаврова. Цѣна 50 к., съ пересылкою 65 к.

Де-Мопассанъ, Гюи. Наше сердце. романъ. Пер. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 р.

Бртель, А. И. Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ. Ц. 2 р.

Владимиръ „Русской Мысли“ на всѣ ИЗДАНИЯ РЕДАКЦИИ, кромѣ народныхъ, пользуются уступкою 10%.

Книги, вновь поступившія въ магазинъ въ теченіе послѣд-наго мѣсяца, обозначены *.

Въ пользу воскресныхъ школъ. Сборникъ. Цѣна 75 к.

Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный и изданный редакціею журнала „Русская Мысль“. Цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 руб. 50 коп.

Михайловскій, Н. К. Щедринъ. (Критическій оиитъ) Цѣна 1 руб.

Короленко, Владиславъ. Очерки и рассказы. (Шестое изд.). Ц. 1 р. 50 к.

— Очерки и рассказы. Книжка втораа. (Второе изданіе). Цѣна 1 руб. 50 коп.

— Слѣпой музыкантъ. Эюдъ. (Третье изданіе). Цѣна 75 коп.

Д-ръ Алексѣевъ, П. С. О пьянствѣ. Съ предисловіемъ графа Л. Н. Толстого: „Для чего люди одурманиваются?“ Цѣна 1 руб.

Анютинъ, М. (М. Н. Ремезовъ). Нашихъ полей ягоды. Романъ. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.

Корелинъ, М. С., проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Выпускъ I: Египетскіе боги. Выпускъ II: Средневѣковая церковная готика. Одоб. учен. комит. минист. народ. проsv. для ученическихъ старшаго возраста библиотекъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ. Цѣна I-го вып. 50 к., II-го вып. 30 коп., вып. III. Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура. Рекоменд. уч. ком. мин. нар. проsv. для ученич. старш. возр. библ. среднихъ учеб. завед. М., 1896 г., Ц. 30 к.

Мачетъ, Григорій. Силуэты. Томъ II. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Вогословскій, В. С., проф. Патригорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.
Гольцевъ, В. А. Вопросы дня и жизни. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.
 — Объ искусствѣхъ. Критическія замѣтки. Цѣна 1 руб.
 — Литературныя очерки. Цѣна 1 руб. Пересылка за 1 фунтъ по расстоянію.

Чеховъ, Мих. Закрытъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Цѣна 1 руб.
Чеховъ, Ан. Островъ Сахалинъ. (Изъ путевыхъ записокъ). Ц. 2 р.
Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Хлебъ. Романъ. М., 1896 г. Ц. 2 р.
Астыревъ, Н. М. Въ волостныхъ писаряхъ. Ц. 1 р. 50 к. Пересылка въсу и расстоянію.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Что такое подати и для чего ихъ собирають? (3-е изданіе). Цѣна 1 коп.
Сенкевичъ, Генрикъ. Янко музыкантъ. Цѣна 1 коп.

— Пойдемъ за ними! Переводъ В. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 4 коп.
 Рассказъ про смутное время на Руси. Цѣна 1¹/₂ коп.
Короленко, В. Г. Убивецъ. Ц. 1¹/₂ коп.

Библиотека „Русской Мысли“.

Сенкевичъ, Г. Черезъ степи. Ц. 40 к.
Ремезовъ, М. Клеопатра. Ц. 40 к.
 *— Иуда и Римъ. М., 1896 г. Ц. 50 к.
Альбовъ, М. Юбилей. Цѣна 1 р.

Баранцевичъ, К. Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Цѣна 1 р.
 ***Ожешкова, Э.** Милордъ. Бабунья. Ц. 50 к.

Абламскій, Д. Всенощное бдѣніе, вечерня и утренняя, и Божественная литургія св. Іоанна Златоустаго, св. Василия Великаго и Предсвященныя Даровъ св. Григорія Двоеслова. Первый выпускъ круга общаго православнаго церковнаго пѣнія, положеннаго на ноты на 8 голоса партитурой для хора, фисгармоніи и фортепіано. Киевъ, 1888 Ц. 1 руб. 75 коп.

Абровъ, Н. Отъ Марсея до Одессы черезъ Аены и Константинополь. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Августинъ, Архимандритъ. Руководство къ основному богословію. М., 1894 г. Ц. 1 р. 30 к.

Аверкіева, Е. Яблоня и груша. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Агаповъ, Д. В. Новая тригонометрія. Оренбургъ, 1894 г. Ц. 85 к.

— Подробное рѣшеніе и объясненіе типическихъ задачъ по арифметикѣ. Ц. 50 к.

— Искусственные способы рѣшенія уравненій второй степени со многими неизвестными. Ц. 60 к.

— Рѣшеніе нѣкоторыхъ геометрическихъ задачъ помощью теоремы Агапова. Ц. 35к.

Аданъ, Юлія. Дурнушка. Романъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Азбелевъ, И. П. Японія и Корея. Замѣтки изъ кругосвѣтнаго плаванія. Съ 15-ю рис. М., 1895 г. Ц. 75 к.

Айволи, Э., д-ръ. Гигіена возмужалости. Одесса., 1893 г. Ц. 40 к.

Акатовъ, Н. Какъ учить писать. М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.

Александровъ, Д. А. Звонокъ. Юмористическій альманахъ и календарь на 1896 г. М., 1895 г. Ц. 60 к.

— Что читать и что пѣть? М., 95 г., 9выпусковъ. Цѣна каждому вып. 60 к.

Алексакисъ. Искра любомудрія. М., 1892 г. Цѣна 40 к.

Алексѣевъ, А. А. Воспоминанія актёра. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Алексій Васильевичъ Кольцовъ, его жизнь и сочиненія. Читеніе для юношества. М., 1877 г. Ц. 75 к.

Альбомъ. Русскіе типы, М. ф. л. 50 к.; сред. ф. л. 60 к.; больш. ф. л. 75 к.

Альбомъ. Русскіе народы, съ текстомъ. 8 в. М. Ц. по 60 к.

Альбомъ копій съ картинъ русскихъ художниковъ. 2 вып. М., 1889 г. Цѣна по 2 р.

Альгрень. Деньги. Романъ. Пер. съ шведскаго. Москва, 1893 г. Ц. 60 к.

Альмедингенъ. Химія. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

— Домашній опредѣлитель подѣлокъ и тѣлительныхъ и др. веществъ. Спб., 1891 г. Ц. 60 к.

— На всякій случай. Научно-популярныя совѣты. 2 ч. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Алябьевъ, В. Связка писемъ и писемъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Аммонъ, д-ръ. Обязанности матери. Гигіена беременности. Уходъ за маленькимъ ребенкомъ. Золотая книжка. Переводъ съ 32 нѣмецкаго изданія. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Амниторъ, Г., фонъ. За правду и за честь женщины. Противъ Крейперовой совѣты Л. Н. Толстого. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

Амфитеатровъ. Психопатъ. Правда и вымыселъ. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Анго, А. Физика. М. 1894 г. Ц. 2 р. 50 коп.

Андрѣ, М. Ф. Упраженія въ тригонометріи. Сборникъ задачъ съ подробными рѣшеніями. М., 1895 г. Ц. 35 к.

- Андерсенъ, Гансъ.** Повѣсти и сказки. Новый полный пер. съ датскаго подлинника. 7 в. М., 1894 г. Ц. по 25 к.
- Андерсенъ, И.** Иллюстрированныя сказки въ 6 томахъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к. за томъ.
- Анне, Ж. П.** Практическое руководство къ устройству электрич. освѣщенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Анурьевъ, Иоаннъ.** Столяръ-самоучка, опытъ, наставленія грамотныхъ поселенъ въ столярномъ ремеслѣ. Ц. 15 к.
- Какъ дѣлать простую мебель. Ц. 45 к.
- Домашній переплетчикъ. Ц. 10 к.
- Всюмогательная книга при возведеніи каменныхъ и деревянныхъ зданій. Вологда, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Ардовъ, Е. И.** Эскизы. М., 1893 г. Ц. 1 р.
- Арендтс и Брандтъ.** Атласъ естественной исторіи. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Аригеймъ.** Математическая географія. Изд. 5-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
- Арсеньевъ.** Изъ жизни и исторіи. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к. въ переплетъ.
- *Асбьернсена, П.** Норвержскія сказки. К., 96 г. Ц. 85 к.
- Важина.** Блуждающіе огоньки. Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ, съ 44 картинками. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.
- Варанцевичъ, К. С.** Родныя картины. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Картины жизни. 39 разсказовъ Сарматы. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Варатынский, Е. А.** Полное собр. соч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
- Полное собраніе сочиненій. Съ портретомъ автора, биографіей и его письмами. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
- Вахтгарова, А.** По роднымъ краямъ. Валаамская обитель, съ 3 отдѣльными рисунками. Спб., 1893 г. Ц. 10 к.
- Возобразовъ, П. В.** Историческія статьи (вып. I). М., 1893 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Женяхъ двухъ невѣстъ. Историческій романъ. М. 1894 г. Ц. 40 к.
- О правахъ женщины. М. 1895 г. Ц. 50 к.
- Публичныя лекціи о современномъ положеніи женщины (3-е изд.). М. 1893 г. Ц. 20 к.
- О назначеніи женщины (2-е изд.). Ц. 20 к.
- Сборникъ государственныхъ знаій, 8 томовъ. Спб., 1880 г. Ц. 24 р.
- Везз, д-ръ.** Построеніе деревянныхъ глестницъ. 1890 г. Ц. 1 р.
- Вендцулъ, Альбертъ.** Къ вопросу о школьныхъ скамьяхъ. Пер. А. Федорова. Москва, 1893 г. Ц. 25 к.
- Веръ, Альфредъ.** Гигіена сифилиса. Общедоступное изложеніе, какъ предохранить и лечить себя отъ сифилиса. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.
- Бергергофъ, Г.** Руководство для драпировщиковъ, обойщиковъ и декораторовъ. М., 1891 г. Ц. 2 р.
- Бернетъ, Френсисъ.** Исторія маленькаго хорда. Спб., 1892 г. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.
- Бергеръ, Поль.** Спутникъ малолетнихъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
- Бернценъ, А.** Краткій учебникъ химіи (органической). Спб., 1892 г. Ц. 3 р.
- Бессонъ, А. Г.** О нефтяномъ отопленіи паровыхъ котловъ. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Библиотека ремесленниковъ и кустарей.** Окрашиваніе металловъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.
- Золоченіе и серебреніе деревян. издѣлій. М., 1890 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Библиотека экономистовъ:** 1) Адамъ Смитъ. 2) Рикардо. 3) Мальтусъ. 4) Милль. 5) Юмъ и Бентамъ. 6) Кенъ. 7) Ж. Б. Ся и Бастія. Цѣна каждаго вып. 1 р.
- Библиотека-грошка.** Миниатюрное изданіе, роскошно-отпечатанное, содержащее въ себѣ отдѣльныя произведенія лучшихъ русскихъ писателей: Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, фонъ-Визина, Кольцова, Карамзина, Богдановича и мн. др. Кіевъ. Ц. 5, 10, 15 и 20 к. за книжку.
- Вильдерлингъ, А.** Просвѣтители Россіи. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.
- Вичеръ-Стоу.** Жизнь дяди Тома. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Благовѣщенскій.** Винкельманъ и позанія эпохи греческой скульптуры. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Влекслей, Т. Т.** Переѣмные электрическіе токи (Руководство для студентовъ и техниковъ). Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Влекки, Д.** Самовоспитаніе умств., физ. и нрав. П., 1896 г. Ц. 50 к.
- Самовоспитаніе. Изд. 3-е. Спб., 1891 г. Ц. 75 к.
- Влекловъ.** За фактами и цифрами. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Влиновъ, Н.** Сельская общественная служба. М., 1894 г. Ц. 50 к.
- Земская служба. М., 1887 г. Ц. 50 к.
- Влокъ, Морисъ.** Матери великихъ людей. Пер. съ франц. Н. М. Деметевой, М., 1893 г. Ц. 60 к.
- Влокъ, Ю.** Велосипедъ, его значеніе для здоровья, практическое приженіе, уходъ за машиною и пр. Изд. 2-ое. М., 1893 г. Ц. въ перепл. 2 р.
- Воборыкинъ, П. Д.** Трупуъ. Разсказъ. Москва, 1893 г. Ц. 20 коп.
- *Богавскій, П.** Мултанское „моленіе“ вотяковъ. М., 96 г. Ц. 40 к.
- Богдановъ, М.** Разсказы о птицахъ. М., 1895 г. Ц. 75 к.
- Богдановъ, профессоръ.** Сельско-хозяйственный словарь. Кіевъ, 1895 г. Ц. 8 р.

- Богдановъ, И.** Счетоводство и денежная отчетность земскихъ начальниковъ, городскихъ и мировыхъ судей. М., 1895 г. Ц. 70 к.
- Боголюбовъ.** Новая врачебныя средства. Москва, 1895 г. Ц. 75 к.
- Бокль, Г.** Вліяніе женщины на успѣхъ в аніи. П., 1896 г. Ц. 25 к.
— Исторія цивилизаціи въ Англіи. Переводъ Буйницкаго (въ 2-хъ томахъ). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Исторія цивилизаціи въ Англіи въ популярномъ изложеніи Нотовича. Седьмое изданіе. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
- Бородинъ, И.** Весна, русская жизнь и природа. Сборникъ для дѣтскаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Краткій учебникъ ботаники. (изд. 3-е). Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Воровичъ, Л. А.** Практическое руководство къ построенію динамо-машинъ съ постояннымъ токомъ (Изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 3 р.
- Фабричныя паровыя котлы, устройство ихъ и уходъ за ними. М., 1893 г. Ц. 2 р. 75 коп.
- Воттонъ.** Электрическіе звонки. Практическое руководство для любителей. Спб., 1890 г. Ц. 1 р.
- Брайсъ, Джемсъ.** Американская республика. Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 3 р. 50 к. М. 89; часть II. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.; часть III. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.
- Брассъ, Леонъ.** Гуттаперча, ея происхожденіе, добыча и обработка. Перев. съ франц. Бессонъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Браунъ, М., проф.** Какъ заражается человѣкъ паразитами. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
- Брикнеръ.** Потемкинъ. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Бриксъ.** Гидразилка. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
- Брусилловскій, Е.** Одесскіе лиманы и ихъ лечебныя средства 1895 г. Одесса, Ц. 50 к., на веленой бум. 60 к.
- Брюкке, Эрнестъ.** Красота и недостатки человѣческихъ формъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Брэмъ, А.** Жизнь животныхъ. 75 выпусковъ. Одесса, 1893 г. Ц. 25 к. за вып.
— Жизнь на сѣверѣ и югѣ (Дополненіе къ соч. „Жизнь животн.“). Спб., 1891 года. Ц. 2 р.
- Брэмъ.** Комнатныя пѣвчія птицы. М., 1876 г. Ц. 75 к.
— Жизнь животныхъ. Популярн. издан. Вып. 19, 20. Ц. вып. 20 к.
- Буанъ, Эмиль.** Гальванопластика, никелированіе, золоченіе, серебреніе и электрометаллургія. Съ 26 рис. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.
- Буасье, Гастонъ.** Римская религія отъ Августа до Антонинновъ. Перев. М. Корсака. Ц. 5 р. М., 1878 г.
- Цицеронъ и его друзья. Пер. М. Корсака. Ц. 2 р. М., 1880 г.
- Паденіе августовъ. Пер. подъ редакціи съ предисл. М. С. Корсака. Ц. 4 р. М., 1892 г.
- Бугаевъ, Н.** Задачникъ къ арифметикѣ дѣльныхъ чиселъ. М., 1876 г. Ц. 25 к.
— Задачникъ къ арифметикѣ дробныхъ чиселъ. М., 1877 г. Ц. 30 к.
— Руководство къ арифметикѣ. Цѣлыя числа. М., 1895 г. Ц. 40 к.
— Арифметика дробныхъ чиселъ. Ц. 50 к.
- Вузольтъ, Георгъ.** Очеркъ государственныя и правовыя греческія древности. Харьк., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Бутовскій, В. И.** Русское искусство и мѣтлы о немъ Е. Вилле-де-Дюла и Э. И. Буслаева. М., 1879 г. Ц. 1 р.
- Бутсъ, Вильямъ.** Въ трудностяхъ Англіи. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.
- Вьернстерне-Вьернсонъ.** Навыки вліянія. Въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. каждой части 35 к.
- Леонарда (драма). Новая система (драма). Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
— Новобрачные (комедія). 1865 г. Сигуръ крестоносецъ (драма). 1872 г. Банкротство (драма). 1874 г. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
— Повѣсти и рассказы. Кіевъ, 1893 г. Ц. 35 к.
— По Большому пути. Романъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
- Вѣлецкій, И.** Почвовѣдніе. Образование почвы, ея составъ и свойства. М., 1895 г. Ц. 3 р.
- Вѣръ, Адольфъ.** Исторія всемірной торговли. Пер. Э. Пилмермана. М., 1876 г., 8 части, цѣна 7 руб. 50 к.
- Вѣръ, Поль.** Первые понятія о зоологіи. (3-е изданіе). Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Вюрстенбиндеръ.** Раздѣлка и улучшение земель. Руководство для практическихъ хозяевъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 60 к.
- В. В. Артель** въ кустарномъ промислѣ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Очерки теоретической экологіи. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
— Наши направленія. Спб., 1893 года. Ц. 1 р. 50 к.
— Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Спб., 1892 г. Цѣна 1 р. 35 к.
— Артельные начинанія русскаго общества. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Вагнеръ.** Химическая технологія. Спб., 1892 г. Ц. 8 р.
— Какъ приобретаются болѣзни желудка. Спб., 1893 г. Ц. 40 к.
- Вальтеръ-Скоттъ.** Иллюстр. романы: 1) Замокъ Кенильвортъ; 2) Легенда о Монтровъ; 3) Аббатъ; 4) Антикваріи; 5) Астрологъ; 6) Пресвитеріане; 7) Монастырь; 8) Ламермурская невіста; 9) Черный карликъ; 10) Певерьи Пикъ;

- 11) Пиратъ; 12) Обрученные; 13) Ветерлей; 14) Карлъ Стилльн; 15) Квентинъ Дорвардъ; 16) Перская красавица; 17. Робъ-Рой; 18) Ричардъ Личное Сердце; 19) Вудстокъ. Сиб. 1892 г. Ц. лаж. ин. 40 к.
- Квентинъ Дорвардъ. Романъ. М. 1885 г. Ц. 2 р.
- Вальтеръ, проф.** Море и его жизнь. Переводъ съ нѣм. подъ ред. проф. А. Н. Краснова. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Ванковъ.** Полюнй карманный техникъ. Сиб., 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Турбины. Практическое руководство для техниковъ, сельскихъ хозяевъ (съ 46 рис.). Сиб., 1896 г. Ц. 2 р.
- Ванъ-Тигемъ.** Общая ботаника (морфология, анатомія и физиология растений). Подъ редакціею, съ примѣчаниями и дополненіями Ростовцева, съ предис. Тимирязева. М., 1895 г. Ц. 3 р. 75 к.
- Ванклинь, Альфредъ.** Химія каменноугольно-газоваго производства. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Варио, Ж.** Дѣтскій докторъ. Сиб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Вармингъ, д-ръ.** Систематика растений. М., 1893 г. Ц. 5 р.
- Вахтеровъ, В. П.** Всеобщее начальное обученіе. М., 1894 г. Ц. 15 к.
- Введенскій, Алексій.** О характерѣ, составѣ (сжатое изложеніе) и значеніи философіи В. Д. Кудрявцева-Платова. Серг. Пасады, 1893 г. Ц. 60 к.
- П. Е. Астафьевъ, его философскіе и публицистическіе взгляды. Серг. Пасады, 1893 г. Ц. 25 к.
- О религіозной философіи Виктора Дмитриевича Кудрявцева. Харьковъ, 1893 г. Ц. 40 к.
- Очеркъ современной французской философіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.
- Рѣчь передъ защитой диссертациа: Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія. М., 1891 г. Ц. 30 к.
- Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія. М., 1891 г. Цѣна 3 р.
- Демоніонъ Сократа. Этюдъ по исторіи древней философіи. Серг. Пасады, 1893 г. Ц. 40 к.
- Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи. Сергіева Посада. 1894 г. Ц. 3 р.
- Западная дѣйствительность и русскіе идеалы. (Писма изъ-за границы). Съ приложеніемъ характеристика: „Пала Левъ XIII по отзывамъ современниковъ“. Серг. Пасады, 1894 г. Ц. 1 р.
- Веберъ, Георгъ.** Всеобщая исторія. Т. 1. Переводъ Андреева. Ц. 4 р. М. 90 г. Т. 2. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 3. Перев. Андреева. Г. 5 р. 50 к. М. 92 г. Т. 4. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 92. Т. 5. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 6. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93.
- Т. 7. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 94. Т. 9. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 коп. М. 1888. Т. 10. Пер. Андреева. Ц. 4 руб. М. 1888 г. Т. 11. Пер. Андреева. Ц. 5 руб. 50 коп. М. 1889 г. Т. 12. Пер. Андреева и Невѣдомскаго. Ц. 4 р. 50 к. М. 90. Т. 13. Пер. Циммермана. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 14. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 6 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 1-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 2-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 93 г., съ портретомъ автора.
- Веберъ, К. К.** Практическое руководство по производству кирпича, черепицы и проч. лицевого товара съ атласомъ. Сиб., 1893 г. Ц. 5 р.
- Двигатели и приводы. Практ. руководство къ постройкѣ вѣтрени. и водян. двигателей съ атласомъ. Сиб., 1894 г. Ц. 5 р.
- Канатное и веревочное производство (съ 58 рис. въ текстѣ). Сиб., 1895 г. Ц. 75 к.
- Вегеле, Францъ.** Даятъ Ангери, его жизнь и сочиненія. Пер. А. Веселовскаго. Ц. 8 р. М., 1881 г.
- Вегетарианская кухня.** Наставленіе къ приготовленію болѣе 800 блюдъ, хлѣбовъ и напитков для безубойнаго питанія, Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 70 к.
- Вейнбергъ, Павелъ.** Новые рассказы и сказы. Второе изданіе. Сиб., 1895 г. Ц. 80 к.
- ***Везенковъ.** Военная гимнастика. М., 1890 г. Ц. 60 к.
- Вейсъ, Германъ.** Вѣдншій бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ (съ 1945-ю рис. въ текстѣ). Пер. В. Чаева и И. Васильева. Т. I, часть 1-я. Москва, 1873 г.; часть 2-я, Москва, 1874 г. Т. II, ч. 2-я. Москва, 1876 г. Т. III, ч. 1-я и ч. 2-я. Москва, 1879 г. По 4 руб. за каждую часть.
- Верепагинъ, В. В.** Литераторъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Дѣтство и отрочество. Т. I. М. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- На Сѣверной Движѣ. Изд. 2-е. Москва, 1896 г. Ц. 1 р.
- Автобиографія вѣсколькихъ незамѣч. русскихъ людей. Изд. 2-е. М., 1896 г. Ц. 1 р.
- Наполеонъ I въ Россіи. Москва, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Веселовскій, Ал.** Этюды и характеристики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 75 коп.
- Мизантропъ. Этюдъ о Мольерѣ. М., 1881 г. Ц. 2 р.
- Старинный театръ въ Европѣ. Историческіе очерки. М., 1870 г. Ц. 2 р.
- Викторовъ, П.** Ученіе о личности, какъ нервно-психическомъ организмѣ. Вып. I. Ц. 1 р. М. 1887 г.
- Винкельманъ, I. I.** Исторія искусства древности. Ревель, 1890 г. Ц. 3 р.
- Виноградовъ.** Extemporalia съ рус. яз. на латинскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.

- Виноградовъ, Н. Федотъ.** Диалогъ объ идеѣ "безсмертія" философа классической древности Платона. М., 1892 г. Ц. 60 к.
- Виноградовъ, Павелъ.** Учебникъ всеобщей исторіи. Часть II. Средніе вѣка. Изд. 2-ое. М., 1894 г. Ц. 90 к.
- Виргилій, Маронъ.** Энеида, книги 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Киевъ, 1887 г. Ц. 40 к.
- Книга 3-я. Киевъ, 1892 г. Ц. 85 к.
- Книги 10, 11 и 12. Киевъ, 1888 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Вирховъ.** О питательныхъ веществахъ. Сиб., 1891 Ц. 50 к.
- Владимирова, А. К. (А. Европеусъ).** Сказки, преданія и легенды всѣхъ временъ и народовъ. Сиб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- ***Владиславлевъ, В.** Изъ быта крестьянъ. М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Владиславлевъ, М.** Учебникъ логики. Одоб. учен. комит. мин. нар. просв. какъ руководство для гимназій. Изд. 2-е. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Водовозовъ, В. И.** Книга для первоначальнаго чтенія. Ч. I Ц. 45 к. Ч. II. Ц. 80 к.
- Книга для учителей. Ц. 60 к.
- Русская азбука для дѣтей. Ц. 30 к.
- Руководство къ русск. азбукѣ. Ц. 20 к.
- Дѣтскіе рассказы и стихотворенія съ картинками. Ц. 75 коп.
- Рассказы изъ русской исторіи Вып. I. Ц. 40 к. Вып. II. Ц. 60 к.
- Предметы обученія въ народной школѣ (для учителей). Ц. 70 к.
- Словесность въ образцахъ и разборахъ. Ц. 1 р. 25 к.
- Новая русская литература. Ц. 1 р. 25 к.
- Очерки изъ рус. исторіи XVIII в. Ц. 1 р. 50 к.
- Русскія сказки въ стихахъ съ картинками въ переплетѣ. Ц. 1 р. 50 к.
- Переводы въ стихахъ и оригинальными стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.
- Водовозова, Е. Н.** Жизнь европейскіхъ народовъ. Ч. I. Жители юга (съ 26 рисунк.). Изд. 4-е. Ц. 3 р. 75 к., въ переплетѣ 4 р. 55 к. Ч. II. Жители сѣвера. (съ 24 рис.). Изд. 3-е. Ц. та же. Ч. III. Жители средней Европы. Сиб.
- На отдыхъ. Иллюстрирован. рассказы для мал. дѣтей. (40 рис.). Ц. 1 р.; въ папкѣ 1 р. 85 к. Сиб.
- Изъ русской жизни и природы. Рассказы для дѣтей (изд. 6-е). Ц. 1 р. 50 к., въ переп. етѣ 2 р. Сиб.
- Умственное и нравственное развитіе дѣтей (Изд. 4-е Сиб. Ц. 2 р.
- Одноголосная дѣтскія пѣсни. (Музыка Рубца). Изд. 5-е. Сиб., Ц. 1 р.
- Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Англичане. Ц. 40 к.
- Турки. Сиб., Ц. 40 к.
- Войнаровский, П.** Устройство въ домахъ электрическаго освѣщенія, телефоновъ, электрическихъ звонковъ и другихъ примѣненія электричества въ быту. М., 1892 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Войславъ, С.** Развѣдки полезныя ископаемыхъ посредствомъ шурфованія. Сиб., 1886 г. Ц. 2 р. 40 к.
- Расчетъ и построеніе частей машин и передаточныхъ механизмовъ. Текстъ съ атласомъ въ 76 таблицъ. Сиб., 1886 г. Ц. 4 р.
- Уголь за паровыми котлами. Сиб. 1893 г. Ц. 1 р.
- Водкенштейнъ, П. Е.** Словарь. Сиб., 1889 г. Ц. 4 р.
- Ворисгоферъ, С.** Словачная грамматика. Пер. съ нѣмецк. Ц. 2 р. 75 к. въ рѣш. комм. переплетѣ.
- Образовательное путешествіе (изд. 2-е). Сиб., 1892 г., съ рисунками и текстъ. Ц. 2 р. 25 к.
- Черезъ дѣбри и пустыни. Скитаніе молодого бѣглеца. Сиб., 1894 г. (2-е изд.). Ц. 1 р. 50 к.
- Приключеніе контрабандиста. Сиб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Вундтъ, Вильгельмъ.** Лекціи души человека и животныхъ (Пер. 2-го нѣмец. изд.). Сиб., 1894 г. Ц. 50 к.
- Душа и мозгъ. Одесса. 1895 г. Ц. 20 к.
- Гипнотизмъ и внушеніе. Переводъ съ нѣмец. Колубовскій. М., 1893 г. Ц. 75 к.
- Въ память Лавуазье.** Рѣчь проф. Н. Д. Зелинского, Н. А. Каблукова проф. И. М. Стѣнова. М., 1894 г. Ц. 50 к., для студ. 30 к.
- Гаварре, Ж. Георгі Гауса,** примѣненія къ сферическимъ зеркаламъ и стеаламъ. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гавкинъ, Н. Я.** Карманный словарь иностранныхъ словъ. Изд. 4-е. Киевъ 1894 г. Ц. 50 к.
- Гаймъ, Р. Герднеръ,** его жизнь и сочиненія. Перев. В. Н. Невѣдомскаго. Т. I. ц. 5 р. и Т. II ц. 5 р. М., 1888 г.
- Романтическая школа въ Германіи. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М., 1891 г.
- Гайсбергъ, С. Ф.** Карманная книга для установщиковъ электрическаго освѣщенія. Сиб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Гамбургеръ, В.** Архитектурская команда. Очеркъ московскіхъ учреждений по строительному дѣлу. Москва, 1894 г. Ц. 40 коп.
- Гано, А.** Полный курсъ физики (въ 2 ч.). Сиб., 1892 г. Ц. 4 р.
- Магнетизмъ и электричество. Сиб. 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гарейсъ, Карлъ.** Германское торговое право. Краткій учебникъ для студента въ Германіи торговаго, вѣсельнаго и морского права. Съ четвертаго, нѣмецкаго изданія 1892 г., перев. Н. И. Ржондковскій, подъ редакціей проф. Московскаго университета Н. О.

- Нерсесова. Вып. 1. М., 1893 г. Ц. 2 р. Вып. 2. Торговая сдѣлки. Ред. прив.-доц. Моск. унверситета Гусакова. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Гаринъ, Н. Дѣтство Тѣми. Москва, 1894 г. Ц. 60 к.
- Гартманъ, Эдуардъ. Сущность мирового процесса или философія безсознательнаго. Пер. А. А. Козлова. Вып. 2-й. Ц. 2 р. 50 к. М., 1875 г.
- Гартвигъ. Воздухъ и его жизнь. М., 1875 г. 2 р. 50 к.
- Гаспари, Альфредъ. Исторія итальянской литературы. Т. I. Итальянская литература средних вѣковъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.
- Гегаръ-Альфредъ. Половое влеченіе. Одесса, 1895 г. Ц. 75 к.
- Гейнце, Н. Э. Коронованный рыцарь. Ист. ром. Въ 3 том. 1895 г. Ц. 2 р. — Князь тавриды. Историческій романъ. Въ 3 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р. — Аракчеевъ. Историческій романъ XIX столѣтія. Въ 2 том. и 6 част. Изд. Спб., 1895 г. Ц. за оба тома 2 р.
- Гервинусъ. Автобіографія (съ 4 портретами) М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Герценштейнъ, М. Кредитъ для земствъ и городовъ. М., 1892 г. Ц. 75 к.
- Герценъ, А. Общая физиологія души (3 изд.). 1894 г. Ц. 75 к.
- Гердеръ. Нѣмецко-русскій словарь важнѣйшихъ техническихъ терминовъ употребленіяхъ при описаніи и опредѣленіи растений. Спб., 1881 г. Ц. 50 к.
- Германъ, Ф. Л., д-ръ. Какъ глѣнлись московскіе цари. Медико-историческій очеркъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 45 к. — Суевѣріе въ медицинѣ. Харьковъ, 1895 г. Ц. 50 к.
- Гертвигъ, Оскаръ. Квѣтка и тканя. Основы общей анатоміи и физиологіи. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.
- Геттнеръ, Г. Исторія всеобщей литературы XVIII в. Т. III, кн. 1. Пер. А. Пылина и А. Плещеева. Ц. 2 р. М., 1872 г.
- Гесель, д-ръ. Противъ разврата. Одесса, 1896 г. Ц. 10 к.
- Гиббонсъ, Г. Промышленная исторія Англіи. Культурно-историческая бібліотека № 1. Спб., 1895 г. Ц. 80 к. — Англійскіе реформаторы. М., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Гиббонъ, Эдуардъ. Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи (съ портретомъ автора). Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть II. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть III. Ц. 4 р. М. 84 г.; часть IV. Ц. 3 р. 50 к. М. 84 г.; часть V. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VI. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VII. Ц. 3 р. 50 к. М. 86 г.
- Гизо. Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. III и IV. Пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1881 г.
- Гильти, К. Счастье. Популярныя очерки по нравственной философіи. Изд. 2-е Спб., 1894 г. Ц. 50 к.
- Гилъровъ, А. Н. Источники о софистахъ. Платонъ какъ историческій свидѣтель. Кіевъ, 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Гилъровский. Забытая тетрадь. Цѣна 1 руб.
- Гинтервальднеръ. Руководство къ составленію естественно-научныхъ коллекцій. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.
- Гиршъ Вильямъ, д-ръ. Геніальность и вырожденіе. Пер. со 2 нѣм. изд. Одесса, 1895 г. Ц. 1 р.
- Глинскій, А. Г. Руководство къ частной анатоміи и терапіи внутреннихъ болѣзней. Т. I. Вып. I. Инфекціонныя болѣзни. Съ двумя таблицами рис. Харьковъ, 1895 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Глинскій, Б. Біографическій очеркъ о Николай Мих. Ядрицевѣ. М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Гнейстъ, Рудольфъ. Исторія государства. учрежд. въ Англіи. Переводъ редак. С. А. Венгерова. Ц. 4 р. 50 к. М., 1885 г.
- Говсѣева, А. А. Симуляція душевныхъ болѣзней и патологическое притворство. {Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Гоголь, Н. В. Сочиненія въ 5-ти том. Изд. двѣнадцатое. Спб., 1894 г. Ц. 6 руб. Въ переплетѣ. Ц. 8 р. 50 к.
- Головачевъ. Десять лѣтъ реформъ. Спб., 1872 г. Ц. 1 р. 50 к. — Исторія желѣзно-дорожнаго дѣла. Спб., 1881 г. Ц. 1 р. — Вопросы государственнаго хозяйства. Спб., 1873 г. Ц. 1 р.
- Головачева-Панаева. Русскіе писатели и артисты 1824—1870 гг. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Гольдсмитъ, Оливеръ. Векфильдскій священникъ. М., 1890 г. Ц. 1 р.
- *Гольцевъ, В. Законодательство и нравы. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Гольцендорфъ, Ф., проф. Общественное мнѣніе. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Головъ, Д. Двигатели малой силы для промышленности и сельскаго хозяйства (съ 95 рис. въ текстѣ). Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
- *Гомера. Илиада. Перев. Н. М. Манскаго. М., 1896 г. Ц. 75 к.
- Гоніондскій, Э. А. Краткій очеркъ добычяни и обработкы каучука и гуттаперчи. М., 1895 г. Ц. 40 к. — Машины и станки для обработкы картона. М., 1894 г. Ц. 15 к.,
- Гораций Сатиры. Переводъ съ подстрочн. словаремъ. 2-е изд. Кіевъ, 1891 г. Ц. 60 к. — Оды. Переводъ I-й и II-й книги. Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к. — III и IV книги. Изд. 2-е, сост. Сахаровъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 60 к.
- Горбуновъ. Программы мужскихъ гим-

- назій и прогимназій. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 55 к.
- Программы городских училищ. Изд. 4-е. М., 1893 г. Ц. 35 к.
- Программы реальных училищ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 35 к.
- Горкевичъ, Л.** Руководство къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій Гай Саллюстій Криспъ. Югуртинская война. Борисоглебскъ, 1893 г. Ц. 45 к.
- Горть, Винкель.** Исторія скандинавской литературы. Пер. К. Вальмонта. Ц. 2 р. 50 к. М., 1894 г.
- Горстманъ, А.** О теоріи растворовъ. Спб., 1893 г. Ц. 40 к.
- Гортовъ, А.** Методическое руководство. Обучение письму. Е., 1885 г. Ц. 1 р. 30 к.
- Госпиталье, Э.** Электричество въ домашнемъ быту (со многими рисунками). Спб., 1886 г. Ц. 2 р.
- Главнѣйшія приложения электричества (2 изд.). Спб., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Гошштеттеръ, И.** Доктринеры капитализма (по поводу книги г. Струве: „Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи). Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
- Грабинъ, А. Т.** Воздушные замки. Комическій вступъ. 2-е изд. М., 1895 г. Ц. 40 к.
- Гравинкель.** Справочная книга для электротехниковъ. Спб., 1893 г. Ц. 4 р. 80 к.
- Гранатъ, А., и К^о.** Настольный энциклопедическій словарь, 8 т. или 108—115 вым. М., 1894 г. Ц. вым. на обыкновенной бумагѣ ц. 80 к., на лучшей бумагѣ ц. 40 к. Тому въ двадц. колон. пер., ц. 5 рублей, безъ переплета и 4 р. 50 к., на лучшей бумагѣ безъ переплета ц. 5 р. 60 к., въ двадц. колон. пер. 6 р.
- Грегуаръ, Л.** Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Пер. подъ редакціей Лучицкаго. Т. I. Ц. 4 р. М., 1893 г. Т. II. Ц. 4 р. М., 1894 г. Т. III. М., 1896 г. Ц. 4 р.
- ***Григорова, Е.** Виліамъ Шекспиръ. М., 1896 г. Ц. 75 к.
- Григоровичъ, И. И.** Очерки новѣйшей исторіи (6-е изданіе). Спб., 1892 года. Ц. 2 р.
- Гримо, Э.** Элементарный курсъ органической химіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.
- Гриммъ, братья.** Книжки I и II въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Книжки III и IV въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Книжка I млад. возр., безъ пер. М., 1893 г. Ц. 20 к.
- Книжка II млад. в., б. пер. М., 1893 г. Ц. 20 к.
- Книжки III, IV и V-я сред. воз. М., 1893 г. Ц. по 20 к.
- Гриммъ, братья.** Сказки. 13 вым. М., 1894 г. Ц. по 20 к. вым.
- Гриммъ, Д.** Очерки по ученію объ обогащеніи. Спб., 1893 г.
- ***Гримъ.** Сказки (въ переплетѣ). Б., 96 г. Ц. 1 р.
- Гринъ, Джонъ.** Исторія англійскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I. Ц. 3 р. М., 91 г. Т. II. Ц. 2 р. 50 к. М., 92 г. Т. III. Ц. 2 р. 50 к. М., 92 г. IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 1892 г.
- Громека М. С.** О А. Н. Толстомъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Гроссъ, Г.** Экономическая система Карла Маркса. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
- Гротъ, Н. Я.** Основные моменты въ развитіи новой философіи. Москва, 1894 г. Ц. 60 коп.
- Критика понятія свободы воли въ связи съ понятіемъ причинности. М., 1889 г. Ц. 50 к.
- О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ. Одесса, 1886 г. Ц. 70 к.
- Устои нравственной жизни и дѣятельности. М., 1895 г. Ц. 30 коп., съ перес. 40 к.
- Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка. М., 1889 г. Ц. 40 к.
- Нравственные идеалы нашего времени. Фридрихъ Ницше и Левъ Толстой. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Гротъ, Я. К.** Переписка его съ Шлегельми. Ц. 3 р.
- Грузинцевъ, А. П.** Электромагнитная теорія свѣта. Харьковъ, 1893 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Грэхемъ, Ж. Ж.** Русо. Его жизнь, произведенія и окружающая среда. М., 1890 г. Ц. 1 р.
- Губеръ.** Механика. Изд. 2-е. Спб., Гулишамбаровъ. Нефтяное отопленіе пароходовъ, паровозовъ, котловъ и проч. (8-е исправлен. и дополнен. изд. Спб., 1894 г. Ц. 3 р. 1891 г. Ц. 3 р.
- ***Гумпловичъ, Л.** Соціологія и политика. Ц. 50 к.
- Гурляндъ.** Римскій юристъ Гай и его сочиненія. Ярославль, 1894 г.
- Гурьевъ, Н. А., и В. А. Долгоруковъ.** Путеводитель по всей Сибири и средне-азиатскимъ владѣніямъ Россіи. Томскъ, 1896 г. Ц. 1 р.
- Гурфинкель, М.** Дѣта и уходъ за ними. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Густавсонъ, Р.** Сказки. Переводъ съ нѣмецк. изданія. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 25 к., въ роск. перепл.—1 р. 75 к.
- Густавсонъ.** Двадцать лекцій агрономической химіи. Курсъ читанный въ Петровской земледѣльческой академіи. Второе изд. М., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гюббаръ, Гюставъ.** Исторія современной литературы въ Испаніи. Переводъ Ю. В. Дюпельмайеръ. М., 1893 г. Ц. 2 р.
- Гюго, Викторъ.** Сочиненія въ двухъ томахъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к. за оба тома.

- Отважный предводитель негровъ Виль-Жаргаль. Спб., 1893 г. Ц. 60 к.
- Собрание стихотвореній въ переводахъ русскихъ писателей. Вып. II. Центральная книжная торговля въ Тифлисѣ, 1895 г. Ц. 20 к. за каждый выпускъ.
- Собрание стихотвореній, въ переводахъ русскихъ писателей. Вып. III. Тифлисъ, 1895 г. Ц. каждого выпуска 20 к.
- Стихотворенія. Вып. IV. Тифлисъ, 1895 г. Ц. 20 к. за вып.
- Стихотворенія. Вып. V. Тифлисъ, 1895 г. Ц. 20 к. за вып.
- Собрание стихотвореній, вып. XII. Т., 1896 г. Ц. 20 к.
- Собрание стихотвореній 13 выпусковъ. Цѣна кажд. вып. по 20 к. Т., 1896.
- Данилевскій, Г. П.** Сочиненія въ 9-ти томахъ. (Изд. 7-е). Спб., 1892 г. Ц. 15 руб.
- Данилевскій, Александръ.** Основное вещество протоплазмы и его видоизмѣненія жизнью. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
- Данилевскій, В. Я., проф.** Чувство и жизнь. Харьковъ, 1895 г. Ц. 50 к.
- Данилевскій, Н. Я.** Дарвинизмъ. Критическое наследованіе. Т. II. Спб., 1899 г. Ц. 2 р.
- Данте, Алигьери.** Божественная комедія. Адъ. Съ 68 рис. французскихъ художниковъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Божественная комедія. Чистилище. Съ 72 рис. франц. худож. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Божественная комедія. Рай. Съ 74 рис. франц. худож. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Дебо, Эмиль.** Чудесное въ наукѣ. (Популярная физика). М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Декадолль, Альфонсъ.** Мѣсто-происхожденіе воздѣлываемыхъ растений. Спб., 1885 г. Ц. 3 р. 60 к.
- Деминовъ, В. М.** Краткія курсы электрической телеграфіи по программѣ техническихъ железнодорожныхъ училищъ, съ отдѣльнымъ атласомъ чертежей. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
- Деппъ, Г. Ф.** Бездымное сжиганіе топлива въ топкахъ паровыхъ котловъ. Съ прилож. 254 чертежей въ отдѣльномъ альбомѣ изъ 39 таблицъ. Спб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Дерюжинскій, В. Ф.** Навеас Согрус Агъ и его престановка по англійскому праву. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Демосеентъ.** Олнскія рѣчи. Первая рѣчь противъ Филиппа. Изд. 8-е. Киевъ, 1893 г. Ц. 65 к.
- Рѣчи противъ Филиппа. (2, 3 и 4). Киевъ, 1889 г. Цѣна 60 к.
- Десоэ.** Робинзонъ Крузо, 1 и 2 ч. М., 1888 г. Ц. за обѣ ч. 4 р.
- Джабадари, И. С.** Смертная казнь въ связи съ правомъ наказанія. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Джеромъ, К.** Праздники мысли гѣнтля. Киевъ, 1893 г. Ц. 50 к.
- Диккенсъ, Чарльзъ.** Пол. соб. соч. 6 т. Спб., 1894 г. Ц. кажд. т. 1 р. 50 к.
- Святочные рассказы. II., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Длусскій.** Стенографія. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Пѣтлокъ олеандра. Ц. 1 р. 25 к.
- Добкевичъ, В.** Конспектъ по уголовному процессу. Киевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Доброе дѣло.** Сборникъ повѣстей и рассказовъ К. Бараневича, А. Бариковой, Н. Гарина, П. Засодимскаго, В. Короленка, Н. Лѣскова, Д. Мамина-Сибиряка и др. М., 1894 г. Ц. 90 к.
- Добротворскій, П.** Рассказы, очерки и наброски. Спб., 1888 г. Ц. 1 р.
- Додоновъ, А. М.** Руководство къ правильной постановкѣ голоса и изученію искусства пѣнія. М., 1891 г. Ч. I. Ц. 50 к. Ч. II, практическая, М., 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Додэ, Альфонсъ.** Сцена и кулисы. М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Дорнблитъ, О., д-ръ.** Гигіена умственного труда. Одесса, 1891 г. Ц. 50 коп.
- Дриль, Дм.** Преступность и преступники (уголовно-психологическіе этюды). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Дройзень, И. Г.** Исторія эллинизма. Пер. М. Шелгунова. Т. I, ч. 3 р. 50 коп. М., 1891 г.; т. II, ч. 3 руб. М., 1893 г.; т. III, перев. Э. Циммермана. Ц. 4 р. 50 к. М., 1893 г.
- Дрейфусъ, Ф.** Мировая и социальная эволюція. М., 96 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Дрәперъ, Дж. В.** Исторія умственного развитія Европы, въ 2-хъ томахъ. Киевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Дѣтское Чтеніе. XXV.** Юбилейный номеръ. 1869—1894. Редакторъ П. В. Голыховскій. Спб., 1894 г.
- Дювернуа, А.** Словарь болгарскаго языка въ 9 т. М., 1889 г. Ц. 18 р.
- Объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи. М., 1867 г. Ц. 2 р.
- Станиславъ Зноемскій и Янъ Гусъ. М., 1871 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Блаженный Меодій, первоучитель славянскій. Рѣчь, произнесенная въ университетѣ на празднествѣ тысячелѣтія для кончины бл. Меодія. М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Матеріалы для словаря древне-русскаго языка. М., 1894 г. Ц. 3 р.
- Дюмуленъ.** Цвѣтная фотографія. Воспроизведеніе красокъ фотографіей. М., 1895 г. Ц. 70 к.
- Дюрсенъ, А., д-ръ.** Спутникъ гинеколога. Руководство для студентовъ и врачей. Пер. съ 8-го доп. и испр. изд. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
- Дю-Прель, Карль.** Философія мистицизма или двойственность человѣческа-

- го существа. Перев. съ нѣм. М. С. Аксенова. Спб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Виневичъ**, Гидравлика. Изд. 2-е. Спб., за два тома 6 р.
- Европейская библиотека**. Гейрихъ Ибсенъ. Стасливецъ. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.
- Избранныя мысли Сафира. Спб., 1894 г. Ц. 30 к.
- Коппе, Франсуа: „Генриетта“. Спб., 1894 г. Ц. 25 к.
- Тень, Ипполитъ: „Вальзакъ“. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
- Золя, Эмиль: „Завѣтъ матери“. Спб., 1894 г. Ц. 40 к.
- ***Егоровъ**, О. Методика-археетика. М., 1893 г. Ц. 1 р.
- Ежегодникъ**. Обзоръ книгъ для народнаго чтенія и народныхъ картинъ 1893 г. М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Ежегодникъ** тобольскаго губернскаго музея за 1895 г. Ц. 1 р.
- Ежегодникъ**. Обзоръ книгъ для народнаго чтенія 1894 г. Изд. Моск. Ком. Грам. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Елпатьяевскій**, С. Я. Очерки Сибири. М., 1893 г. Ц. 1 р.
- ***Ельницкій**, К. Характеристики дѣвочекъ. М., 1895 г. Ц. 75 к.
- Ечинацъ**, А. Методика новыхъ языковъ и американскій разговорный методъ. Для учителей, родителей и учениковъ. Спб., 1892 г. Ц. 45 к.
- Жакъ**, Э. Сборникъ физическихъ задачъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.
- Желанскій**, А. Скамья и каседрa. Рассказы изъ гимназической жизни семидесятихъ годовъ. М., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Желиховская**, В. Кавказскіе рассказы. Спб., 95 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Изъ тьмы къ свѣту. Спб., 95 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Въ татарскомъ захолустьѣ. Спб., 95 года. Ц. 1 р. 75 к.
- Женэ, Рудольфъ**. Шекспиръ, его жизнь, сочиненія. Переводъ А. Н. Веселовскаго, съ примѣчан. Н. Стороженка. М. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Жиро**, П., проф. Общество у животныхъ. Перев. В. Склифосовскаго. Москва, 1896 г. Ц. 1 р.
- Жоржъ-Зандъ**. Замокъ Вильпра. М., 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Жукъ**, В. Женщины-матери. Спб., 1896 г. Ц. 60 к.
- Какъ мать должна кормить ребенка. М., 1896 г. Ц. 50 к.
- Жуковъ**, Николай. Электрометаллургія и обработка металловъ электрическимъ токомъ. Москва, 1896 г. Ц. 3 р.
- Жюль Вернъ**. Гекторъ Сервалакъ, путешествіе въ солнечномъ мірѣ. Пер. Самойловичъ. Москва, 1887 г. Цѣна 2 р. 50 коп.
- Жэ**. Задачи по физикѣ. М., 1892 г. Ц. 2 р.
- Заблудовскій и Таненбаумъ**. Другъ кочегара. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Забѣлинъ**, И. Кунцово и дреснѣй Стугунскій ставъ. М., 1873 г. Ц. 2 р.
- ***Замбранскій**, Ю. Выжитаніе по дереву, кожѣ и тканямъ. М., 1896 г. Ц. 75 коп.
- Записки желудка**. Переводъ съ 10-го англійскаго изданія. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.
- Записная книга** на 1896 г. Съ дѣловъ стр. въ коленкорѣ. пер. 1 р. 20 к., съ 1/2 стр. вхоль въ коленкорѣ. пер. 1 р., съ 1/2 стр. поперекъ 75 к., съ 1/2 стр. 80 к. и сокращен. изд. 60 к. Кожаные переплеты 30 к.
- Засодимскій**, П. В. Задумешные рассказы въ 2-хъ томахъ (изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. I т. 1 р. 50 к., II т. 2 р. въ роскошномъ перепл.
- Бывальщины и сказки. Спб., 95 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Законы** о векселяхъ и упрощенный порядокъ судопроизводства. (Изданіе неф. фил.). М., 1894 г. Ц. 80 коп.
- Зеландъ**, Н. Здоровье и очастье. М., 1895 г. Ц. 2 р.
- Зелинскій**, В. Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Изд. 2-е. М., 1895 г. Ц. 2 р.
- Справочникъ по русскому правописанію. Вып. I, изд. 7-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Справочникъ по русскому правописанію. Вып. II. М., 1892 г. Ц. 50 к.
- Грамматическій задачникъ для именныхъ и устныхъ упражненій. Изд. 3-е. М., Ц. 25 к.
- Зрительный диктантъ. Ч. I, изд. 5-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Зрительный диктантъ. Ч. II, изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Справочный словарь буквъ Ѣ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 25 к.
- Корнесловъ русскаго языка. М., 1891 г. Ц. 50 к.
- Хрестоматія для объяснительнаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 25 к.
- Методическія указанія и образцовые уроки по преподаванію русской элементарной грамматики. М., 1891 г. Ц. 1 р.
- Методическія указанія и призерные уроки по объяснительному чтенію. М., 1891 г. Ц. 1 р.
- Обученіе грамотѣ по звуковому способу. М., 1893 г. Ц. 1 р.
- Критическій комментарий къ сочиненію О. М. Достоевскаго, три части. М., 1894 г. Цѣна по 1 руб.
- Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ, три части. М., 1887 г. Цѣна по 1 руб.
- Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина, три части. М., 1888 г. по 1 руб.
- Русская критическая литература о про-

- извѣденіяхъ Л. Н. Толстого, три части. М., 1888 г. по 1 руб.
- Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя, двѣ части. М., 1889 г. Ц. по 1 руб.
- Критическіе разборы романа Тургенева „Отцы и дѣти“. М., 1894 г. Ц. 35 к.
- Критическіе разборы романа Достоевскаго „Братья Карамазовы“. М., 1894 г. Ц. 50 к.
- Критическіе комментаріи къ соч. А. Н. Островскаго. Ч. I, М., 1894 г., ч. II 1895 г., ч. III 1896 г. Ц. каждой ч. 1 р.
- Комментаріи къ соч. Островскаго. Ч. 3-я. М., 1896 г. Ц. 1 р.
- * — Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. М., 1896 г. Ц. 80 к.
- Землевлѣдѣніе и сельское хозяйство.** Статьи изъ Handwörterbuch der Saatswissenschaften. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Землеръ, Генрихъ.** Чай, разведеніе его въ Китаѣ, Индіи, Японіи и на Кавказѣ. М., 1890 г. Ц. 75 к.
- Земмерфельдъ, Т., д-ръ.** Какъ предохранять себя и своихъ дѣтей отъ скарлатины, дифтерита, чалотки, тифа и др. заразныхъ болѣзней. Одес., 1895 г. Ц. 30 коп.
- Зиберъ, Н. И.** Очерки первобытно-экономической культуры. Ц. 4 р. 50 к. М., 1888 г.
- Зимницкій, В.** Условія и приемы обязательнаго чтенія. М., 1895 г. Ц. 55 к.
- Златовратскій.** Новые рассказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- * **Золотаревъ, Л.** Родительскія заботы о борьбѣ съ онанизмомъ у дѣтей. М., 1896 г. Ц. 30 к.
- Золя, Эмиль.** Серия романовъ Руго-ни-Макаръ. Киевъ, 1894 г. Ц. 21 р.
- Зонтагъ.** Болѣзни желудка и кишекъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
- Зудерманъ, Г.** Честь. Комедія въ 4-хъ д. М., 1891 г. Ц. 50 к.
- Родина. Драма въ 4-хъ д. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Свадьба Юланты и др. рассказы. М., 1895 г. Ц. 40 коп.
- Зутнеръ, Верта.** Долой оружіе. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.
- Ибсенъ, Генрихъ.** Привѣдѣнія (Драма въ 3 актахъ), переводъ Вальмонта. М., 1894 г. Ц. 50 к.
- Маленькій Эюльфъ. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. М., 1896 г. Ц. 50 к.
- Ивановъ, Ив.** Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII-го вѣка. М. 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Спб., 1896 г. Цѣна 2 р.
- Иванюковъ, И.** Паденіе крѣпостного права въ Россіи. Спб., 1882 г. Ц. 3 руб.
- Политическая экономія. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 3 р.
- Основныя положенія теоріи экономической политики съ Адама Смита до настоящаго времени. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Игерингъ, Рудольфъ.** Борьба за право. Пер. Волкова. М., 1874 г. Ц. 75 к.
- Игра футболъ съ политиками въ тебѣ.** М., 1895 г. Ц. 70 к.
- Изъ дневника Амiels.** Пер. съ фр. М. I. Толстой. Спб., 1894 г. Ц. 35 к.
- Изготовленіе рисунковъ для волшебнаго фонаря.** М., 1895 г. Ц. 75 к.
- Иллюстрированная сказочная библіотека.** 80 сказокъ Андерсена, въ переводѣ Порозовской, со множествомъ рисунковъ. Цѣна каждой книжки отъ 5 до 20 коп. 6 сказокъ Гауфа. Ц. та же. Спб., 1894 1/2 г.
- Иллюстрированная пушкинская библіотека** (Изд. Павленкова), состоящая изъ 40 книжекъ со многими иллюстрац., цѣною отъ 2 к. и дороже (изд. 2). Спб., 1891 г.
- Иллюстрированная Дармонтовская библіотека** (изд. Павленкова), состоящая изъ 30 книжекъ, цѣною отъ 2 коп. и дороже. Спб., 1891 г.
- Ирусъ, П., д-ръ.** Гигіена современнаго общества. Одесса, 1891 г. Ц. 60 к.
- Фонъ - Герингъ, Рудольфъ.** Гражданско-правовые казусы безъ рѣшеній. М., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Объ основаніи защиты владѣнія. М., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Герингъ.** Борьба за право. Спб., 1895 г. Цѣна 25 к.
- Юдль, Фр.** Этика и политическая экономія. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
- Кадиа.** Электричество. Изд. 3-е. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.
- Какъ живутъ люди въ Швейцаріи.** Изд. Моск. Ком. Грам. М., 1895 г. Ц. 6 к.
- Казанскій, А.** Ученіе Аристотеля о значеніи опыта при познаніи. Одесса, 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Казотъ.** Влюбленный дьяволъ. М. 1894 г. Ц. 80 к.
- Камаровскій, Л., проф.** Война или миръ? Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.
- Канониковъ.** Руководство къ химическимъ изслѣдованіямъ питательныхъ и вкусовыхъ веществъ. Спб., 1891 г. Ц. 3 р.
- Канторовичъ, Я.** Литературная собственность. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Кантъ, Иммануилъ.** Проложены ко всякой будущей метафизикѣ. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Кандезъ, Э.** Приключеніе сверчка. Спб., 1889 г. Цѣна въ роскоши. переплетъ 2 р. 50 к.
- Карасевъ, А.** Музыкальная хрестоматія. Ч. I. Дѣтскій возрастъ. М. Ц. 40 к. Тоже часть II. Ц. 60 к.
- Каринскій, М.** Критическій обзоръ послѣдняго періода германской философій. Спб., 1873 г. Ц. 2 р.
- Каронинъ** (Петропавловскій). Рассказъ

- ви. 3 т. М., 1890 г. Ц. каждого тома 1 р. 50 к.
- Каро, Э.** Пессимизмъ въ XIX в. Изд. 2-ое. М. 1893 г. Ц. 1 р.,
- Современная критика и причины ея упадка. М. 1893 г. Ц. 30 к.
- Карышевъ, Ив. А.** Православно-христіанскій взглядъ на основанія, принятые гр. Л. Н. Толстымъ для своего ижеученія, изложеннаго въ его сочин. „Въ чемъ моя вѣра“. М., 1891 г. Ц. 60 к.
- Духовно-нравственный міръ въ чело-вѣкъ по учению св. православной вѣры. М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Богъ неопровержимъ наукой. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Составъ чело-вѣческаго существа. Жизнь и смерть. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Каррьеръ, Морицъ.** Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеаловъ чело-вѣка. Пер. Е. Корша. Т. I, к. 8 р. Москва, 1870 г. Т. II, к. 8 р. 50 к. Москва, 1871 г. Т. III, к. 5 р. 50 к. Москва, 1874 г. Т. IV, к. 4 р. Москва, 1874 г.
- Каръевъ, Н.** Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ. П., 1896 г. Ц. 75 к.
- Каръевъ, Н., проф.** Роль идей, учрежденій и личности въ исторіи. Одеса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Историко-философскіе и социологическіе этюды. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- *Каценеленбогенъ, Г.** Краткій курсъ патологической анатоміи. К., 96 г. Ц. 1 р.
- Каццолино, Пр.** Гигіена уха. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
- Квикъ.** Реформаторы воспитанія. Перев. и передѣлка З. Перцовой. Москва, 1893 г. Ц. 2 р.
- Квитка-Основьяненко.** Панъ Халаскій. Маниаторное изданіе Кіевъ, 1893 г. Ч. 1-я и 2-я. Ц. 50 к.
- Драм. соч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 35 к.
- Малороссійскія повѣсти, разсказанныя Грыцкомъ Основьяненко. Кіевъ, 1894 г. Ц. 75 к.
- Кельнеръ, Л.** Мысли о школьномъ домашнемъ воспитаніи. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Кенигсбергъ, М. М., д-ръ меди.** Главныя основы анатоміи, физиологіи и гигиены въ научно-популярныхъ бесѣдахъ. Съ предисловіемъ профессора Эрисмана и 38 рисунками въ текстѣ. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 2 р.
- Кенигъ, Ф., д-ръ.** Руководство къ частной хирургіи для врачей и учащихся. Въ 2 томахъ изд. 8-е. Спб., 1894 г. Ц. 10 р.
- Кернъ, Э. Ива,** ея значеніе, разведеніе и употребленіе. (Второе изданіе). Тула, 1896 г.
- Кесслеръ.** Синтаксисъ латинскаго язы-ка для гимназій. Изд. 6-е. 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Кейръ, Ф.** Воображеніе и память. Спб., 1896 г. Ц. 40 к.
- Киландъ, Александръ.** Ядъ. Фортуна (два романа). М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Кингсфордъ, Анна, докт. мед.** Научныя основанія вегетаріанства. Пер. съ англ. М., 1893 г. Ц. 80 коп.
- Кирстенъ, Г.** Пчеловодство. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.
- Кирхнеръ, Г.** Исторія философіи. П., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Киржманъ, Ф.** Философія. П., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Кистяковский, А. Э.** Элементарный учебникъ общаго уголовного права. 3-е изданіе. Кіевъ, 1891 г. Ц. 4 р.
- Клау, Э. Э.** Краткій очеркъ хитрости-хъ явленій. Составилъ по программѣ реальн. училищъ. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 70 к.
- Клемпереръ, д-ръ.** Основы клинической діагностики. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Кнейшпъ, Севастьянъ.** Мое излеченіе. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Кобеко.** Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Изд. 3-е. Спб., 1887 г. Ц. 3 р.
- Кобелль.** Таблицы. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Ковалевская, Софія, и Леф-Флеръ, А.** Борьба за счастье. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
- Ковалевскій, М.** Очеркъ происхожденія семьи и собственности. Лекція, читанная въ Стокгольмскомъ университетѣ. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.
- Происхожденіе современной демократіи. Въ 2-хъ томахъ. М., 1895 г. Цѣна каждого тома 2 р. 50 коп.
- Ковалевскій, Е.** Народное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Козловъ, А. А.** Очерки изъ исторіи философіи. Понятія философіи в исторіи философіи. Философія восточная. Кіевъ, 1897 г. Ц. 1 р.
- Тардъ (G. Tarde) и его теорія общества. Кіевъ, 1887 г. Ц. 1 р.
- Гипнотизмъ и его значеніе для психологіи и метафизики. Кіевъ, 1887 г. Ц. 75 к.
- Письма о книгѣ гр. Л. Н. Толстого: „О жизни“. М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.
- Свое слово. Философско-литературный сборникъ, издаваемый вмѣстѣ „Философскаго тремісячника“. Кіевъ, 1888 г. № 1. Ц. 2 р. съ пер.; 1889 г. № 2. Ц. 2 р. съ пер.; 1890 г. № 3. Ц. 2 р. съ пер.
- Козловскій, С. А.** Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ ариметическыхъ задачъ И. П. Верещагина. Ч. III (съ № 2466—3288 включительно). Минскъ, 1895 г. Ц. 75 к.

- Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ арифметическихъ задачъ А. Малинина и К. Буренина. Вып. II. Правило процентовъ (простыхъ и сложныхъ). Съ № 2891—3100 включительно. Борисовъ, 1894 г. Ц. 25 к.
- Козлинина, Е. И.** Обездоленные дѣти. Очеркъ изъ судебной практики. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Колеръ, Г., проф.** Шекспиръ съ точки зрѣнiя права. (Шейлокъ и Гамлетъ). Пер. съ нѣмецкаго. Слб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Коломбо, маркиза.** Красавица. Рассказъ. Перев. съ итальян. М., 1894 г. Ц. 35 коп.
- Коломбъ, Ж.** Дѣдушкина внучка. Съ французскаго. Слб., 1894 г. Ц. 2 руб. въ роскош. переплетѣ.
- Колубовскій, Я.** Философскій ежегодникъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Кольбе.** Введеніе въ ученіе объ электричествѣ. Слб., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.
- *Кольберинъ, Н.** Русское гражданское право. К., 96 г. Ц. 1 р.
- Колѣ, Л.** Дѣтство и юность великихъ людей. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Комаровъ, А.** Народная школа. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Коменскій, Я. А.** Педагогич. соч. Т. I. Великая дидактика. М. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Т. II. Мелкія соч. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Корелинъ, М. С.** Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. Вып. 1 и 2. М., 1892 г. Ц. за оба выпуска 6 р.
- Паденіе античнаго мирозозерпанія. (Культурный кризисъ въ Римской имперіи). Лекціи, читанныя въ Московскомъ политехническомъ музеѣ въ 1891—1892 год. Слб., 1895 г. Ц. 75 к.
- Коренблитъ, А. И.** Нѣмецко-русскій техническій словарь. 25 выпусковъ. Ц. каждаго вып. 40 к. М. 1892—1895 гг. (всего будетъ 35—40 выпусковъ).
- Корнетъ, Г.** Какъ уберечь себя отъ чалотки. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
- Корнигъ, И. Г., д-ръ.** Нервный вѣкъ и нервное поколѣніе. Одесса, 1894 г. Ц. 40 к.
- Коропчевскій, Д. А.** Люди. Этнографическіе очерки. Съ картой Африки. М., 1886 г. Ц. 65 к.
- Рассказы дикаго человѣка. М., 1895 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Короленко.** Голодный годъ. Изд. 2-е. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Въ дурномъ обществѣ. Москва, 1894 г. Ц. 35 к.
- Корсакъ, Марія.** Первоначальные уроки русской грамматики. Ц. 60 коп. М., 1878 г.
- Коршъ.** Всеобщая исторія литературы. Томъ III. Слб., 1888 г. Ц. 5 р.
- Томъ IV. Слб., 1888 г. Ц. 6 р. 50 к.
- Корнигъ.** Нервный вѣкъ и нервное поколѣніе. Одесса, 1894 г. Ц. 40 к.
- Гигіена члѣмудрія. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.
- Корфъ, Н. А.** Нашъ другъ, книга для чтенія въ школѣ и дома (16 изд.). Слб., 1894 г. Ц. 75 к.
- Костычевъ, П.** Общедоступное руководство къ земледѣлію (Изд. 2). Слб., 1894 г. Ц. 75 к.
- Обработка и удобреніе чернозема. Сби., 1892 г. Ц. 2 р.
- Ученіе объ удобреніи почвъ. (Изд. 2). Слб., 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Котельниковъ, М. Г.** Справочная книжка по виноуренію для лицъ акцизнаго надзора. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Котельниковъ.** Начальныя свѣдѣнія по скотоводству (Изд. 3). Слб., 1893 г. Ц. 40 к.
- Вѣдѣя по земледѣлію. Вып. I. О мочвѣ. 1893 г. Вып. II. Объ удобреніи почвъ. 1894 г. Вып. III. Травосѣяніе 1894 г. Вып. IV. О сѣменахъ и посѣвѣ, 1895 г. Вып. V. О воздѣлываніи хлѣбовъ. 1894 г. Вып. VI. Широколиствен. мучнистыя растенія. 1892 г. Вып. VII. О воздѣл. картофеля и корнеплодовъ. 1894 г. Слб. Цѣна кажд. вып. 30 к.
- Коченовскій.** Краткое руководство къ простому изслѣдованію сельско-хозяйственныхъ матеріаловъ и продуктовъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 80 к.
- Краткій курсъ кожныхъ и венерическихъ болѣзней. Составленный примѣнительно къ программѣ испытательной медицинской комиссіи. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р.
- Крафотъ-Эбингъ.** О здоровыхъ и больныхъ нервахъ. М., 1885 г. Ц. 75 к.
- Судебная психопатология (Перевелъ Ал. Черемшанскій). Слб., 1895 г. Ц. 5 р.
- Прогрессивный общій параличъ. Пер. д-ра Вольтера. Харьковъ, 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Крестовскій, В.** (псевдонимъ). Альбомъ, группы и портреты. Слб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Крестный календарь на 1896 г. Гаттука. Ц. 15 к.
- Кривенко, Н.** Вѣдѣя о рогатомъ скотѣ. М. 1892 г. Ц. 70 к.
- Кривенко, С. Н.** На распутыи. (Культурные свѣты и культурныя одиночки). Слб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Кривошеинъ, Г. Г., и Саткевичъ, А. А.** Военныя инженеры. Высшій мостъ со среднимъ шарниромъ статически-опредѣлимая система. Чертежи. Слб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Криста, М.** Конецъ крейперовой сонаты Льва Толстого. Слб., Ц. 30 к.
- Криницкій, Маркъ.** Въ туманѣ. Москва, 1895 г. Ц. 40 к.
- Крихлеръ, Францъ.** Породы собакъ. Описаніе всѣхъ породъ собакъ

- Дрессировка собакъ. Лябеникъ собакъ. Слб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Кругловъ, А. В.** Свои-чужие. Романъ. Киевъ, 1893 г. Цѣна 1 р.
- Подъ колесомъ жизни. Повѣсти и рассказы. Киевъ, 1894 г. Цѣна 1 р.
- Незабудки. Рассказы и стихотворенія для дѣтей. Слб. 1885 г. Ц. 1 р. 50 к., въ роскошн. перепл.—2 р.
- Вечерніе досуги. Сборникъ дѣтокъ. рассказы и стихотвореній, съ 45 рисунк. въ текстѣ. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Добрымъ дѣтямъ иллюстрированныя рассказы въ прозѣ и стихахъ. Слб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Не герои. Очерки и рассказы (Живыя души, т. I). Изд. 2-е, доп. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- На чужомъ полѣ. Очерки и рассказы. (Живыя души, т. II). Изд. 2-е, дополн. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.
- Котфей Котофеевичъ. Ц. 1 р. 25 к.
- Все пріятели. М., 1896 г. Ц. 30 к.
- Изъ золотого дѣтства. М., 1889 г. Ц. 1 р.
- Крыловъ, И. А.** Избранныя басни для школъ и народа. М., 1895 г. Ц. 8 к.
- Ксенофонтъ.** Анабазисъ. Подстрочн. пер. Кремера. Книга I-я, изд. 3-е. Киевъ, 1892 г. Ц. 40 к.
- Книга II-я, изд. 3-е. Киевъ, 1892 г. Ц. 40 к.
- Книжки III-я, и IV-я, изд. 2-е. Киевъ, 1892 г. Ц. 60 к.
- Книжки V, VI и VII. Киевъ, 1892 г. Ц. 1 р.
- Куглеръ, Францъ.** Руководство къ исторіи искусства, обработан. Любке. Пер. Е. Корша. Ч. I, съ 320 рисунк. въ текстѣ, ч. 5 р. М. 1869 г.; т. II, ч. 5 р. съ 167 рис. М. 1870 г.
- Руководство къ исторіи живописи со времени Константина Великаго. Перев. И. Е. Васильева, съ портрет. автора. Ц. 7 р. М., 1872 г.
- Кудрявцевъ, В.** Введеніе въ философію. Изд. 2-е. М., 1890 г. Ц. 40 к.
- Кудрявцевъ-Платоновъ,** сочин. Вып. I, II и III. Ц. каждая 1 р. 50 к.
- Кузьминскій, К. Н.** Устройство сценъ для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Кулагинъ Н.** Насѣкомыя, вредныя для сада и огорода въ средней и сѣверной Россіи (Изд. 2-е). Слб., 1894 г. Ц. 50 к.
- Кулешовъ, П.** Свиноводство. М. 1893 г. Ц. 1 р.
- Коневодство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 30 к.
- Научныя и практическія основанія подбора племенныхъ животныхъ въ овцеводствѣ. М. 1890 г. Ц. 2 р.
- Куно - Фишеръ.** Лессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы. Пер. И. П. Рассадина. Ц. 1 руб. 25 к. М., 1882 г.
- Артуръ Шопенгауэръ. Пер. Гримальдо. М., 1894 г. Цѣна за два выпуска 2 р. 50 к., по выходѣ второго выпуска 3 р.
- Курбскій, А. С.** Русскій рабочий у сѣверо-американскаго плантатора. Слб., 1876 г. Ц. 2 р.
- Курсъе, Э.** Русско-французско-нѣмецкіе общества. разг. Слб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Курдюсъ, Эрнстъ.** Т. II, пер. А. Веселовскаго. Ц. 5 р. М., 1883 г. Т. III, пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1880 г.
- Лабройеръ, Жанъ.** Характеры или нравы этого вѣка (съ предисловіемъ Превос-Парадола и Сентъ-Бѣва). Слб., 1890 г. Ц. 2 р.
- Лабуле, Эдуардъ.** Голубия сказка. Въ роскошномъ переплѣтъ съ 150 рисунк. Слб., 1894 г. Ц. 8 р.
- Лавелъ, Эмиль.** Балканскій полуостровъ. Пер. Н. Е. Васильева. Ц. 6 р. М., 1889 г.
- Основанія политической экономіи. Переводъ съ 4-го французскаго изданія. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Лависъ, Э.** Общій очеркъ политической исторіи Европы. М., 1891 г. Ц. 50 к.
- Ладвезъ.** Фото-сенія и фото-сапъинъ. Руководство для фотографовъ-любителей. М., 1895 г. Ц. 35 к.
- Лаландъ, А.** Этюдъ по философіи наукъ. Слб., 1896 г. Ц. 75 к.
- Лампрехтъ, Карлъ.** Исторія германскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I (части I и 2). Ц. 4 р. М., 1894 г.
- Ланге, Н. Н.** Психологическія изслѣдованія. Законъ перцепціи. Теорія волевого вниманія. Одесса, 1893 г. Ц. 2 р.
- Ланге, К.** проф. Художественное воспитаніе въ дѣтской. М., 95 г. Ц. 50 к.
- Ландцвертъ, В. П.** Спутникъ по Россіи. Дѣтнее движеніе. М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Ляоси.** „Тао те кингъ“. Переводъ съ китайскаго со введеніемъ Д. П. Косицынъ. М., 1894 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.
- Леббокъ, С.** Идеалы жизни. Ц., 1895 г. Ц. 75 к.
- Леббокъ, Дж.** Красота природы и чудеса міра. Пер. подъ ред. А. М. Павлова, съ 36 полит. Ц. 1 р. 50 к. М., 1893 г.
- Радости жизни. 2-е испр. и доп. изд. Слб., 1895 г. Ц. 90 к.
- Какъ надо жить. Перев. съ англійскаго. Слб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Лѣбе, В.** Молочное хозяйство, молочный скотъ, маслослѣдѣ и сыровареніе. Слб., 1895 г. Ц. 90 к.
- Лебо, Эжень.** Трактатъ о человѣческой физиономіи. М., 1895 г. Ц. 3 р.
- Лѣвенфельдъ, Л.** Половая нейрастенія. Одесса, 1892 г. Ц. 1 р.
- Левицкій, В. Н.** Временныя правила о волостномъ судѣ, преобразованномъ по закону 12 іюля 1889 г. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Левитовъ.** Собраніе сочиненій, съ портретомъ автора и статей о его жизни Ф. Д. Нефедова. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. Т. II. Ц. 1 р. 50 к. М., 84.

- Ле-Бонъ, Густавъ.** Эволюція цивилизацій. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.
- * **Легуве, Э.** История духовной жизни женщин. М., 96 г. Ц. 75 к.
- * **Ленотръ, Ж.** Революціонный Паризъ. М., 96 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Лейбницъ, Г. В.** Избранныя философскія сочиненія. Съ портретомъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Избранныя философскія сочиненія. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Избранныя философскія сочиненія. Подъ редакціей В. П. Преображенскаго. Москва, 1890 г. Ц. 2 р.
- Лейненбергъ, Н.** Берегате дѣтей отъ вина, пива и водки! Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Леонтьевъ, Н. И.** Указатель пьесъ для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Лермонтовъ, М. Ю.** Пол. собр. сочиненій. Слб. 1893 г. Ц. 1 р.
- Лессингъ, Г.** Мина фонъ-Баргельмъ. Перев. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
- Эмилія Галотти. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
- Натанъ Мудрый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
- Молодой ученый. Кіевъ, 1898 г. Ц. 25 к.
- Гамбургская драматургія. Пер. И. П. Разсвина. Ц. 3 р. М., 1883 г.
- Драматич. соч.: Мина фонъ Баргельмъ, Эмилія Галотти, Натанъ Мудрый. Слб. 1886 г. Ц. 2 р.
- Летурно, Ш.** Соціологія основанная на этнографіи. Пер. съ послѣдняго французскаго изданія. Вып. I. Слб., 1895 г. Ц. 60 к.
- Лесгафтъ, Ф.** Хлѣбопекарное производство (по Виррибууму) и описаніе производства сухарей и проч. на русскихъ заводахъ. Слб., 1890 г. Ч. I. Ц. 3 р.
- Ливій, Титъ.** Подстрочный переводъ 30-й книги сдѣл. Румянцевъ и Подгурскій. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
- История Рима отъ основанія города. Книги I и II. Кіевъ, 1892 г. Ц. по 75 к.
- Римская история. Кни. XXI, XXII. Изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Цѣна 60 к.
- Лидовъ, А. П., проф.** Руководство къ химическому исследованію жировъ и восковъ. Харьковъ, 1894 г. Ц. 3 р.
- Линпертъ, Ю.** История культурм. Слб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Листъ, Ф.** Наказаніе и его цѣли. Слб., 1895 г. Ц. 25 к.
- Ли, Ионасъ.** Осужденный на вѣкъ. Рассказъ, съ норвежск. М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Лодыгинъ, П.** Дѣдушкины рассказы о лошади—корнишнѣ и объ уходѣ за нею въ сельскомъ быту. Слб., 1895 г. Ц. 20 к.
- Лопатинъ, Л. М.** Понятіе объ индукціи. М., 1893 г. Ц. 25 к.
- Положительныя задачи философіи. М., 1886 г. Ц. 2 р.
- Лоранъ, Э.** Медицина души. П., 1896 г. Ц. 15 к.
- Нейрастенія. П., 1896 г. Ц. 15 к.
- Лотце, Германъ.** Микрокосмъ (мысли о естественной и бытовой исторіи человѣка, опытъ антропологіи). Пер. Е. Борша. Часть I. Ц. 2 р. М., 64 г. Часть II. Ц. 2 р. М. 66 г. Часть III. Ц. 2 р. 50 к. М., 67 г.
- Луговой, А.** Добей его! (Police verge). Параллели. Москва, 1893 г. Ц. 50 к.
- Сочиненія. 3 тома Слб., 1894 г. Ц. по 2 р.
- Лункевичъ, В.** Наука о жизни. Общедоступная физиологія человѣка. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Лучицкій, И., проф.** Проповѣданіе религіозной терпимости въ XVI вѣкѣ. М., 1895 г. Ц. 30 к.
- Льюисъ, Георгъ Генри.** На берегу моря (зоологическіе этюды). М., 1876 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Лѣтневъ, П.** Невидимый бичъ. Ром. Вѣсто хлѣба, камень. Ром. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р. 50 к.
- Бархатные когти. Ром. въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
- На волосѣ. Романъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
- Современный недугъ. Ром. въ 3-хъ ч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Поперекъ дороги. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- На скѣлу прошлаго. Ром. Везъ волн. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р.
- Въшная лошина. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Волчья яма. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р.
- Сочиненія. 10 томовъ. Кіевъ, 189 г. Ц. 8 р.
- Льбомовъ, Н. А.** История физики. Ч. I. Періодъ греческой науки. Слб., 1892 г. Ц. 2 р.
- Философ. Декарта. Слб., 1886 г. Ц. 2 р.
- Льюке, Вильгельмъ.** История мистики съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. Перев. В. Чаева. М., 1870 г. Ц. 6 руб.
- Лялина, М.** Путешествія М. Н. Пржевальскаго. Слб., 91 г. Ц. 2 р.
- Магаймъ,** Профессиональные рабочіе союзы. Ц. 1 р. 25 к.
- Магаффи, Дж.** История классическаго періода греческой литературы. Пер. А. Веселовской. Т. I (повѣя). Ц. 3 р. М., 1882 г. Т. II (проза). Ц. 3 р. М., 1883 г.
- Магнусъ Блаубергъ.** Русское виноградное вино и хересъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Маевскій, П.** Флора средней Россіи. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растенія. М., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к. Изд. 2-е исправлен. и дополнен.
- Майеръ, Викторъ.** Задачи химіи нашего времени. Слб., 1890 г. Ц. 50 к.
- Мазуринъ, К., и Высоцкій, В.**

- Формулы по арифметикѣ, алгебрѣ, геометріи, тригонометріи, высшей алгебрѣ, дифференціальному и интегральному исчисленіямъ для рѣшенія задачъ по чистой математикѣ. М., 1887 г. Ц. 50 к.
- Макарова, С.** Отголоски старинн. Историческіе рассказы для дѣтей. М., 1894 г. Ц. въ полѣга 1 р., въ перекл. 1 р. 30 к.
- Македонскій.** Права и обязанности подсудимаго предъ военнымъ судомъ. М., 1886 г. Ц. 1 р.
- Маклеодъ, Д. Г.** Основанія политическаго экономіи. Слб., 1865 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Максимовъ, С. В.** Годъ на сѣверѣ. М. 1890 г. Изд. 4-е. Ц. 3 р.
- Куль хлѣба и его похождения. Четвертое иллюстрированное изданіе. Слб., 1894 г. Ц. р. 50 к.
- Малицкій, П.** Руководство по исторіи русской церкви. Вып. I. М., 1891 г. Ц. 90 к., вып. II. М., 1894 г. Ц. 75 к.
- Маминъ-Сибирякъ, Д.** Дѣтскія глѣн. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Рассказы и сказки для дѣтей младшаго возраста. М., 1895 г. Ц. 60 к., въ полѣга 75 к.
- Азъ-Богаты. Рассказъ. М., 1895 г. Ц. 30 к.
- Уральскіе рассказы. Т. II. М., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Горное глѣздо. Романъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Три конца. (Уральская глѣтонисъ). Слб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Весенній громъ. Ром. въ 3-хъ част. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Мангузи, И.** Практическое винодѣліе. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Мантегацца, П.** Физиологія любви. 2-е испр. изд. Слб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Физиологія женщины. Слб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Физиономія и выраженіе чувствъ. Пер. съ француз. подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. Я. Грота и Е. В. Вербицкаго. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Физиологія ненависти. Одесса, 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Искусство быть счастливымъ. Одесса, 1890 г. Ц. 50 к.
- Глѣна красоты. Одесса, 1890 г. Ц. 50 коп.
- Лицеѣрный вѣкъ. Одесса, 1889 г. Ц. 50 к.
- Нервный вѣкъ. Одесса, 1889 г. Ц. 50 к.
- *Марконетъ, А.** Дворецъ юстиціи въ Парижѣ. М., 96 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Мартыновъ.** Anciens monuments des environs de Moscou. М., 1889 г. Ц. 10 р.
- Мартъ, Констанъ.** Философіи и повѣта-моралисты во времена Римской имперіи. Переводъ М. Корсака. Ц. 2 р. М., 1879 г.
- Материалы для біографіи Добролюбова,** собран. въ 1861—1862 гг. Т. I. Ц. 2 р. М., 1890 г.
- Маракуевъ, Н. Н.** Элементарная алгебра въ 2-хъ ч. М., 1887 г. Ц. 4 р.
- Галлей, его жизнь и ученые труды. М., 1888 г. Ц. 35 к.
- *Маркозъ, К.** Критика нѣкоторыхъ положеній политическаго экономіи. М., 1896 г., Ц. 1 р. 35 к.
- Масперо, Ж.** Древняя исторія народовъ Востока. Москва, 1895 г. Ц. 3 р.
- Массе.** Исторія кусочка хлѣба. Слб., 1877 г. Ц. 75 к.
- Масловичъ, Н.** Татьянинъ день 12 января. Харьковъ, 1895 г. Ц. 20 к.
- Житейскіе напѣвы. Слб., 92 г. Цѣна 1 р. 25 к.
- Маудсли, Генри.** Сонъ и оновдѣлія. Слб., 1895 г. Ц. 30 к.
- Мауреръ, Людвигъ.** Введеніе въ исторію общинаго, подворнаго, сельскаго и городскаго устройства и общественной власти. Пер. В. Корна. Ц. 2 руб. 75 к. М., 1880 г.
- Мачтетъ, Григорій.** Баба и другіе рассказы. (Силуэты. Т. I.). Изд. 2-ое. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Блудный сынъ Повесть. (Силуэты. Т. I.). Изданіе 2-ое. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.
- На досугѣ. Новый сборникъ повѣстей и рассказовъ. М., 1896 г. Ц. 1 р.
- Живыя картины. Новый сборникъ повѣстей и рассказовъ. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Мейеръ, Аксель, д-ръ.** Глѣлена бездѣтнаго брата. Одесса, 1891 г. Ц. 50 к.
- Между прочимъ.** Сбор. рассказовъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Международная бібліотека.** № 1. Ферх-Бригеттеръ. Источники пессимизма, 2-е изд. Ц. 15 к. № 2. Кеттлеръ. Что такое женская эмансипація. 2-е изд. Ц. 15 к. № 3. Вундтъ. Связь философіи съ жизнью за послѣднія 100 л. 2-е изданіе. Ц. 15 к. № 4. Леметръ. Этюды о русскихъ писателяхъ: Достоевскій, Островскій. 2-е изд. Ц. 15 к. № 5. Шенбахъ. Государственный строй С.-Амер. Союда. Штатовъ. 2-е изд. Ц. 15 к. № 6. Бригеттеръ. Отличительный характеръ французской литературы. Ц. 15 к. № 7. Шарль Рише. Геніальность и пошлость. Ц. 15 к. № 8. Фоль-Шелл. Самоубійство и современная цивилизація. Ц. 15 к. № 9. И. Тэвъ. Шекспиръ. Ц. 15 к. № 10. Рене Думинъ. Литература и вырожденіе. Ц. 15 к. № 11. Лью Брентано. Причины экономическаго разстройства въ Европѣ. Ц. 15 коп. № 12. Брандесъ. Взрвъ въ чело-вѣкѣ. Ц. 15 к. № 13. Лесли Стефенъ. Этика и борьба за существованіе. Ц. 15 к. № 14. Отто-Генне-амъ-Ринъ. Законы культуры. Ц. 15 к. № 15. Ф. Штрайслеръ. Происхождение семьи. Ц. 15 к. № 16—17. А. Фулье. Психологія мужчинъ и женщинъ и ея физиологическія основанія. Ц. 25 к. № 18. А. Шовенгауръ о возрастахъ чело-вѣка. Ц. 15 к.

- № 19. По Лабанду. Государственный строй германской империи. Ц. 15 к. № 20. Густавъ Шенбергъ. Новая политическая экономія. Ц. 15 к. № 21. Альфредъ Биннъ. Механизмъ мышления. Ц. 15 к.
- № 22. Ф. Паульсенъ. Гамлетъ, какъ трагедія пессимизма. Ц. 15 к. Рюмелятъ. Что такое социальный законъ.
- № 23. Ц. 15 к. Фердинандъ Лагранжъ. Реформа физическаго воспитанія № 24. Цѣна 20 к. Шарля Ферре. Наслѣдственность болѣзненнаго предрасположенія № 25. Ц. 15 к. Миттермайеръ. Судъ присяжныхъ и его значеніе № 26. Ц. 15 к. № 27. Сила и право. Меркада. № 28. Основы государственной критики. А. Гацфельта. № 29. Государственный строй Франціи, во Лебону. № 30. Исторія народнаго образованія въ Англіи, Л. Флейшнера. Ц. 15 к. № 31. Первая система человѣка. Д-ра П. Мѣбіуса. Ц. 15 к. № 32. Эмилъ Золя. Георгъ Брандеса. Ц. 15 к. № 33. Спенсеръ, Г. О нравственномъ воспитаніи. Ц. 20 к. № 34. Фульде, А. Характеръ расъ и будущность свѣлой расы. Ц. 15 к. № 35. Латурно, Ш. Прошедшее и будущее литературы. Ц. 20 к. Гижикій Г. Основы морали. Одесса, 1895 г. Ц. 60 к.
- Мѣбіусъ, д-ръ.** Гигіена, діета и леченіе нервныхъ людей. Спб., 1894 г. Ц. 75 к.
- Мейеръ.** Основанія теоретической химіи. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
- Мекензи, Уоллѣсъ.** Россія. Т. I и II. Спб., 1890. Ц. 5 р.
- Мензбиръ, М.** Дарвинизмъ въ биологіи и близкихъ къ ней наукахъ. М., 1886 г. Ц. 75 к.
- Мессеръ.** Звѣздный атласъ. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 5 р.
- Металлодавленное дѣло** (выдавливаніе полныхъ металлическихъ издѣлій) съ 8 табл. М., 1893 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Микуличъ, В.** Зарницы. М., 1905 г. Ц. 65 к.
- Миллеръ, В. П.** Акваріумъ. Краткое руководство въ уходу за акваріумомъ и его населеніемъ. Спб., 1894 г. Ц. 75 к.
- Милль, Джонъ-Стюартъ.** Основанія политической экономіи. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- * — О подчиненіи женщины. Ц., 1896 г. Ц. 60 к.
- Мильтонъ.** Потерянный и возвращенный рай. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Миллюковъ, П. Н.** Государственное хозяйство въ Россіи и реформа Петра Великаго. Спб., 1892 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Михайловъ-Викторовъ.** Собраніе анекдотовъ изъ жизни замѣчательныхъ людей. Т. 2. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Михайловскій, Н. К.** Литература и языкъ. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.
- Критическіе опыты. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Михеевъ, В. М.** Живопись. Очерки и разсказы. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- * **Михневичъ, В.** Русская женщина XVIII стол. К., 96 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Молло, М.** Правила адвокатской профессіи во Франціи. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Момсенъ, Ф.** Римская исторія. Перев. Невѣдомскаго. Т. I, ц. 6 р. М., 1887 г. Т. II и III, ц. 7 р. М., 1887 г. Т. V, ц. 3 р. 50 к. М., 1885 г.
- Мопассанъ, Гюи.** Монгъ - Орлюэ. Москва, 1894 г. Ц. 70 коп.
- Сочиненія, избранія Л. Н. Толстима. 1 т. М. 1893 г. Ц. 1 р. 25 к. Т. 2-й. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- На водѣ, сборникъ разсказовъ. Пер. съ фр. Никифорова, съ предисловіемъ Л. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Морлей, Джонъ.** Волтеръ. Переводъ съ 4-го англ. изд. М., 1889 г. Ц. 2 р.
- Руссо. Перев. съ англ. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1881 г.
- Дидро и энциклопедисты. Пер. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1882 г.
- Моръ.** Краткая этимологія греческаго языка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Книга упражненій по греческому языку. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Мороховецъ, Левъ, проф.** Имп. Моск. ун-в. Физико-химическія основы биологическихъ и врачебныхъ методовъ изслѣдованія съ физиологической техникой для естествоиспытателей, врачей и студентовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 30 к.
- Моссо, А.** Физическое воспитаніе юношества. Спб., 1896 г. Ц. 60 к.
- Мостовскій М.** Этнографическіе очерки Россіи. М., 1874 г. Ц. 1 р.
- Мотлей, Д. Л.** Исторія Нидерландской революціи. 3 т. Спб., 1865 г. Ц. 7 р. 50 к.
- Мункъ, І., д-ръ мед.** Руководство къ кормленію больныхъ, для врачей, студентовъ и завѣдующихъ больницами, приютами и пр. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Мусселіусъ, В.** Русско-латинскій словарь. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Мюссе, А.** Ночи. Перев. А. Облеухова. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Мятлевъ, И. П.** Полное собр. сочиненій. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
- Полное собраніе сочиненій. Изданіе иллюстрированное. М., 1894 г. Три тома. Ц. 1 р. 20 к.
- Мясницкій, Ив.** Замоскворѣцкія свазы. Юмористич. разсказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- „На добрую память“ изъ русскихъ пи-

- сателей. Книга для семейнаго чтенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к., составл. Никифоровымъ.
- МДС.** Врачебное искусство и медицинская наука. Одесса, 1894 г. Ц. 25 к.
- Н. Н.** Снабженіе горячей водой небольшихъ жилищъ домовъ. Переводъ съ англійскаго инж. техн. Л. Л. Боровича. М., 1895 г. Ц. 40 к.
- ***Навилъ, Э.** Что такое философія. М., 96 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Надсонъ, С. Я.** Литературные очерки (1883—1888 гг.). Спб., 1887 г. Изд. 2-е Ц. 1 р.
- Наединъ.** Сборникъ переводныхъ повѣстей, рассказовъ и стихотвореній Матильды Серасо, Альфонса Доде, Бьри-сонъ - Бьристерна, Генри Лонгфелло, Гюи де-Мопассана и др. Ц. 70 к.
- Народныя русскія сказки и загадки.** Собрани сельскими учителями Тульск. губ. въ 1862 и 1863 годахъ. Редакція А. А. Эрленвейна. Изд. 2-е. М., 1892 г. Ц. въ павкъ 1 р.
- ***Народныя русскія сказки.** М., 1882 г. Ц. 1 р.
- Неверъ, Эмилія.** Искусство быть красивой. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Немировичъ-Данченко, В. И.** Гроза. Ром. въ 2-хъ ч. Изд. седьмое. Киевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 50 к
- Вѣдоморье и Соловки. Изд. 4-е. Киевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Оцѣлка-рудоконъ. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Киевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
- Контрабандисты. Романъ. Киевъ, 1892 г. Ц. 2 р.
- На краю свѣта. Другъ за друга. Изъ жизни на крайнемъ свѣрѣ. Повѣсть для дѣтей. Въ трехъ частяхъ. Москва, 1898 г. Ц. 1 р., въ перешетъ 1 р. 30 к.
- Большое сердце. Повѣсть. Москва, 1894 г. Ц. 20 коп.
- Немировичъ-Данченко, Влад. Ив.** Старый домъ (Мертвая тѣнь). М., 1895 г. Ц. 1 р.
- ***Нелидова, Л.** Дѣвочка Лидя. Разск. для дѣтей. Изд. II. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Нетыкса, М. А.** Краткое руководство акушерскаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Крат. рук.ов. слесарнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Техника черченія (о томъ, какъ и чѣмъ чертить). Съ 433 подлѣтками въ текстѣ и 4 детопр. табл. М., 1893 г. Ц. 2 р. 75 к.
- Способы воздухонасыщенія комнатныхъ акваріумовъ. М., 1895 г. Ц. 75 к.
- Руководство столярнаго ремесла. М., 1895 г. Ц. 75 к.
- Нефедовъ, Ф. Д.** Сочиненія. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. М., 1894 г.
- Томъ II. М., 1805 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Нивеллирный планъ города Москвы, съ указаніемъ раздѣленія города на судебныя мировыя участки и съ описаніемъ ихъ.** М., 1894 г. Ц. 75 к.
- Никитинъ, В. Н.** Обломки разбитаго корабля. Слѣны у мировыхъ судей шестидесятихъ годовъ. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.
- Никитскій, С.** Вѣра православнаго восточнаго греко-россійскаго церкви. Книга 1-я: Вѣроученія. Ц. 50 к. Книга 2-я: О нравственности. Ц. 70 к.
- Николаевъ, П.** Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ. Соціологическій этюдъ. Ц. 1 р. 50 коп. М., 1892 г.
- Николаевъ, Н.** Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Нимейеръ, Павелъ, д-ръ.** Плевморрой. Причины болѣзни, способы леченія и предупрежденія ея. Пер. П. Боровича. Казань, 1895 г. Ц. 50 к.
- Нордау, Максъ.** Врожденіе. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Въ поискахъ за истиной (парадоксы изд. 3-е. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Нотнагель, Г. д-ръ.** Руководство къ фармакологіи, въ 2 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 4 р.
- Новѣйшая исторія Англіи 1865—1895 гг.** Краткій очеркъ событій. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Новѣйшая исторія Германіи 1866—1895 гг.** Краткій очеркъ событій. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Нурокъ.** Ключъ къ русскимъ управл. грам. англійскаго языка. Киевъ, 1892 г. Ц. 50
- Ньюкомбъ, С., и Энгельманъ, Р.** Астрономія въ общепонятномъ изложеніи. Спб., 1894—1895 гг. Ц. I и II вып. по 1 р. 40 к., подлѣсная цѣна за все соч. (4 вып.) 5 р. 60 к.
- Нюрнбергъ, А. М.** Городовое положеніе (изд. 2-е). Москва, 1893 г. Ц. 80 к.
- Правила о раздробительной торговлѣ крѣпкими напитками (изд. 2). М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Обзоръ дѣятельности комитета грамотности, состоящаго при Импер. моск. общ. сельск. хов. М., 1895 г. Ц. 15 к.**
- ***Общая патологія инфекціонныхъ болѣзней.** К., 96 г. Ц. 30 к.
- Общедоступный лечебникъ домашнихъ животныхъ при участіи Э. К. Брандта составленъ Я. Н. Шмулевичемъ (Изд. 2-е).** Спб., 1891 г. Ц. 3 р.
- Объ устройствѣ водяныхъ клапановъ (16 рис. въ текстѣ).** М., 1894 г. Ц. 20 к.
- Овидій, Назонъ.** Избранія басни изъ „Метаморфозъ“. Изд. 2-е. Киевъ, 1894 г. Ц. 60 к. Пер. 8-й, 11-й, 12-й и 15-й книги „Метоморфозъ“.
- Переводъ 1-й и 2-й книгъ съ прилож. біографіи автора. Киевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
- Пер. 6-й, 7-й и 13-й книги. Киевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

- Переводъ 3-й, 10-й, 14-й книги. Киевъ, 1894 г. Ц. 40 к.
- Языко - Куликовскій.** Языкъ искусство. Слб., 1895 г. Ц. 20 к.
- Левскій, В.** Борьба съ вредными насекомыми въ Баваріи. Слб., 5 г. Ц. 20 к.
- Лордниковъ, П.** Въ странѣ своихъ. Въ 2-хъ т. Слб., 1882 г. Ц. 2 р. 0 к.
- Лукъсенъ.** Семь чудесъ свѣта. Путешествіе къ семи чудесамъ свѣта съ научною дѣлью. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Миденбергъ, Германъ.** Будда, его жизнь, ученіе и община. Перев. П. Николаева. Ц. 2 р. М., 1891 г.
- Можешко, Элиза.** Диварка. Повѣсть. Пер. съ польскаго. М., 1894 г. Ц. 75 к.
- Надъ Нѣманомъ.** М., 1896 г. Ц. 1 р. 0 к.
- Нольвъ, К. В., д-ръ мед.** Основы діагностики искусственныхъ и притворныхъ болѣзней у прививаемыхъ къ военной службѣ солдатъ. Изд. 2 исправл. и доп. Слб., 1894 г. Ц. 2 руб.
- Ровичъ, Я.** Женщина въ правѣ. Слб., 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Свободы воли.** Рефераты и статьи членомъ нехол. общ. М., 1889 г. Ц. 2 р.
- Свальдъ, Фридрихъ.** Лягавая собака. Руководство къ уходу за лягавою собакой. Ея воспитаніе, и дрессировка. Лечебникъ собакъ. Слб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Строгорскій, Викторъ.** Письма объ эстетическомъ воспитаніи. 1894 г. Ц. 40 к.
- Выразительное чтеніе. Пособіе для учащихся и учащихся. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 50 к.
- Изъ міра великихъ преданій. Рассказы для общества. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Этюды о русскихъ писателяхъ. IV. Художникъ русской піесни А. В. Кольцовъ. Москва, 1893 г. Ц. 50 к.
- Родные поэты. Для чтенія въ классѣ и дома. Изд. 2-е. Москва, 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Хорошіе люди. Сборникъ рассказ. съ 45 рисунк. (изд. 2-е). Слб., 1891 г. Ц. 1 р., въ роскошн. перепл.— 1 р. 60 к.
- Изъ исторіи моего учительства. Какъ я сдѣлался учителемъ. Слб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Вспѣды о препод. словесн. М., 1896 г. Ц. 80 к.
- Этюды русскихъ писателей. М., 1888 г. Ц. 75 к.
- Этюды о русскихъ писателяхъ. М., 1891 г. Ц. 50 к.
- Русскіе писатели. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Острогорскій и Семеновъ.** Русскіе педагогическіе дѣятели. М., 1887 г. Ц. 75 к.
- О дѣлахъ житейскихъ** М., 1886 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Очеркъ исторіи греческой философіи** Целлера. Перев. съ нѣмецкаго М. Некрасова, подъ редакц. М. Каринскаго. Слб., 1886 г. Ц. 2 р.
- П., Г.** Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 35 к.
- Павленковъ, Ф.** „Жизнь замѣчательныхъ людей“ (Биографическая бібліотека). Ц. кажд. вып. 25 к.
- Павоне, К., д-ръ.** Гигіена нервныхъ страданій у дѣтей. Одесса, 1893 г. Ц. 50 коп.
- Пальчикова.** Двѣ сказки для дѣтей. Слб., 1893 г. Ц. 50 коп.
- Паркоу, Генрихъ.** 50 лѣтъ общественной дѣятельности въ Австраліи, въ 2 ч., съ 2 портр. автора, пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 3 р. М., 1894 г.
- Паульсонъ, Фр.** Введеніе въ философію. Пер. Н. Титовскаго, подъ ред. В. Преображенскаго. М., 1894 годъ. Ц. 3 р.
- Паульсонъ.** Стенографія. Слб., 1892 г. Ц. за 2 части 1 р.
- Руководство для лицъ, ухаживающихъ за больными. Слб., 1893 г. Ц. 60 к.
- Пель.** Фальсификація и міры борьбы съ ними. Слб., 1899 г. Ц. 60 к.
- Пашкевичъ, В.** Культура гварствен. растеній. Слб., 1894 г. Ц. 80 к.
- Педаевъ, Д.** Атмосферное электричество. Харьк., 1895 г. Ц. 60 к.
- Пекаторскъ, Г. М.** Человѣческія расы. Народы Африки № 1. Серія П. Одесса, 1895 г. Ц. 25 к.
- Пелисье, Ж.** Французская литература XIX вѣка. М., 1896 г. Ц. 1 р.
- Литературное движеніе въ XIX столѣтіи. Сочиненіе, увѣнчанное французской академіей. М., 1895 г. Ц. 2 р.
- Пеллико, Сильвіо.** Мои темницы. Перев. Гариной. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Пергаментъ, О.** Краткій историческій очеркъ развитія ученія объ электричествѣ. Киевъ, 1890 г. Ц. 60 к.
- Перковскій, П.** Описание судовыхъ машинъ и котловъ, а также вспомога- тельныхъ механизмовъ. Слб., 1896 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Перси.** Краткое изложеніе рѣзбы по дереву. М., 1895 г. Ц. 70 к.
- Персональный.** Учебникъ зоологіи. М., 1893 г. Ц. 85 к.
- Песоцкій, Н. А.** Древесная шерсть, ея употребленіе и производство (съ чер- тежами на отдѣльныхъ листахъ). М., 1895 г. Ц. 1 р.
- *Песталотти, Г.** Педагогическія со- чиненія въ 2-хъ т. Ц. кажд. т. 2 р. 50 к.
- Петерсонъ, О.** Семейство Бронте (Керреръ, Элисъ и Актонъ Белль). Слб., 1895 г. Ц. 1 р. Въ пользу общ. вспомо- ж. кончив. высшіе женск. курсы.
- Петровъ, А. Н.** Русская военная си-

- ла. Т. I и II. Изд. 2-е. М. 1892 г. Ц. за оба тома 6 р.
- Петрова, проф., съ продолженіемъ проф. Надлеръ.** Лекціи по всемірной исторіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.
- Петунниковъ, А.** Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растеній. М., 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Пешель, Оскаръ.** Исторія эпохи открытій. Пер. Э. Циммермана. Ц. 3 р. М., 1885 г.
- Писаревъ, Д. И.** Пол. собр. соч., въ 6 т. Слб., 1894 г. Ц. 6 р.
- Платонъ.** Апологія Сократа. Подстрочи. перев. Изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
- Критонъ. Изд. 2-е. Кіевъ, 1890 г. Ц. 35 коп.
- ***Пло, О.** Жизнь римскихъ императрицъ. Ц., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Плутархъ.** Александръ Великій. М., 1893 г. Ц. 30 к.
- Юлій Цезарь. М., 1890 г. Ц. 25 к.
- Жизнь и дѣла знаменитыхъ людей древности. Въ 4-хъ т. М., 1898 г. Ц. за всѣ тома 3 р. 50 коп.
- По, Эдгаръ.** Баллады и фантазіи. Москва, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Полное собраніе сочиненій. Вып. I. Кнш., 1895 г. Ц. 65 к.
- Покровский, К.** Путеводитель по небу. М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Покровский, Е. А.** Дѣтскія игры и гимнастика въ отношеніи воспитанія и здоровья. Ц. 20 к.
- Площадки для дѣтскихъ игръ и физическихъ упражненій. М., 1894 г. Ц. 20 к.
- Русскія дѣтскія подвижныя игры. М., 1892 г. Ц. 75 к.
- Первоначальное физическое воспитаніе дѣтей (Популярное руководство для матерей). М., 1895 г. Ц. 1 руб. 50 коп. (изд. 2-е).
- Покорни, Д-ръ.** Общее земледѣніе. Ч. 3-я (последняя). М., 1891 г. Ц. 2 р.
- Политикосъ.** Европейскіе монархи. Слб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Полонскій, Я. П.** На закатѣ. Стхотворенія. Москва, 1881 г. Ц. 1 руб. 25 коп.
- Поповъ.** Курсъ общаго скотоводства. Казань, 1894 г. Ц. 2 р.
- Порошинъ, Ив.** Разсказы. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Посновъ, А.** Руководство къ правильной постановкѣ торговли, контроля и счетоводства обществъ потребителей. М., 1896 г. Ц. 1 р.
- Потапенко, И. Н.** Повѣсти. 8 т. Слб., 1893 г. Ц. каждого т. 1 р.
- Не герой. Романъ въ 2-хъ частяхъ. М., 1896 г. Ц. 1 р.
- Олень. Ром. М., 1896 г. Ц. 2 р.
- Голодь. М., 95 г. Ц. 40 к.
- Починъ.** Сборникъ общества любителей русской словесности на 1895 годъ. М., 1895 г. Ц. 2 р.
- Прейеръ, В.** О сохраненіи здоровья и продленіи жизни. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.
- Прессъ.** Руководство въ борьбѣ съ огнемъ. Слб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Защита жизни и здоровья рабочихъ. Вып. I и II. Слб., 1891 г. Ц. по 2 р.
- Искусственное высушиваніе дерева, съ 26 рис. 2 исправл. и дополн. изд. Слб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Прѣльсъ, Р.** Эстетика. Подъ редакціей и съ дополнительной статьей В. В. Чуйко. Слб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Приготовление програвъ для дерева и лѣдки простыхъ породъ дерева.** 2-е изд. М., 1892 г. Ц. 40 к.
- Программа чтенія для самообразованія.** Ц., 1895 г. Ц. 40 к.
- Проблески.** Сборникъ произведеній русскихъ авторовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Пругавинъ, А. С.** Запретъ народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія. Слб., 1896 г. Ц. 2 р.
- Прудонъ, П.** Искусство, его основанія и общественное назначеніе. Слб., 1866 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Птицынъ, Владиміръ.** Древніе адвокаты и наши присяжные поверенныя. Слб., 1894 г. Ц. 50 к.
- Адвокатъ за адвокатуру. Слб., 1895 г. Ц. 30 к.
- Пересмотръ нашихъ судебныхъ законовъ. Слб., 1895 г. Ц. 50 к.
- Путешествія В. В. Юнкера по Африкѣ.** Изложен. Петри, съ 114 рисунками. Слб., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Путеводитель по желѣзнымъ дорогамъ и пароходнымъ путямъ Россіи.** Москва, 1895 г. Ц. 80 к.
- Пушкинъ, А. С.** Пол. собр. сочиненій. Слб., 2 изд. Ц. 1 р. 50 к.
- Поллюгеръ, Э. Ф. В.** Объ искусствѣ продлить человѣческую жизнь. Одесса, 1890 г. Ц. 30 к.
- Рабовъ, С., проф.** Способы прописыванія извѣстныхъ веществъ для врачей и студентовъ. Харьковъ, 1894 г. 1 р. 40 к.
- Рада-Вай (Е. П. Блаватская).** Изъ пещеръ и дѣбрей Индіи. Загадочныя племена на „Голубыхъ горахъ“. Слб., 18-3 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Радловъ, Э. Л.** „Объ истолкованіи“ Аристотеля. Слб., 1891 г. Ц. 50 к.
- Раевскій, М. Н.** Плодовая школа и плодовой садъ (изд. 4-е). Слб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Райтъ, Л.** Практическое птицеводство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Жизнь первобытныхъ народовъ. Эскимосы и алеуты. М., 1888 г. Ц. 15 к.
- Раменскій, Н.** Братья-изгои. Ром. въ 3-хъ част. М., 1895 г. Ц. 2 р.
- Докторъ Сафоновъ. М., 1889 г. Ц. 1 р.

- Рашевский, И.,** д-ръ. Замѣтки по фармакологіи для фельдшероѡ. 2-ое изд. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Регель.** Содержание и воспитаніе рабѡтнѡй въ компаніяхъ. Изд. 2-е. Спб., 1890 г. Ц. 5 р. 50 к.
- Однолѣтнія и двулѣтнія цвѣтущія растенія. Изд. 3-е. Спб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Рейтцъ, В.** Лекціи по патологіи и терапіи дѣтскаго возраста. Спб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Рейхъ.** Оптическое гігіена глазъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.
- Рекламъ, Карлъ.** Ключъ къ здоровью. Популярная гігіена. Кіевъ, 1893 г. Ц. 60 к.
- Реклю, Э.** Современные политическіе дѣтели. Спб., 1876 г. Ц. 2 р.
- Земля. Въ VI выпускахъ. Вып. I—к. 90 к. Вып. II—ц. 1 р. 30 к. Вып. III—к. 1 р. 10 к. Вып. IV—ц. 1 р. 10 к. Вып. V—ц. 1 р. Вып. VI—ц. 1 р. 30 к.
- Рембольтъ, Д-ръ.** Школьная гігіена. Пер. съ нѣм. д-ра И. М. Рахманникова. М., 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Ренанъ, Эрнестъ.** Разореніе Іерусалима. М., 1886 г. Ц. 50 к.
- Историческіе и религіозныя этюды. Изд. 3. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- *Рентгенъ, В.** Новый родъ лучей. К., 99 г. Ц. 15 к.
- Рено, А.** Геронимъ. П., 1896 г. Ц. 1 р.
- Репентура.** Составлена для студентоѡ-медиковъ. Кіевъ. Ц. 50 к.
- Рибо, Т.** Современная англійская психологія. Подъ ред. П. Д. Боборыкина. М., 1881 г. Ц. 2 р.
- Память въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
- Воля въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Перев. съ 8 доп. франц. изд. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
- Исслѣдованіе аффективной памяти. Пер. съ французск. Максимовой. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
- Риль, А.** Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Пер. Е. Корша. Ц. 2 р. М., 1888 г.
- Риктеръ, Е.** Элементарная геометрія въ объемѣ курса среднихъ учебныѡхъ заведеній. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 40 к.
- Ричардсонъ, Чарльзъ.** О выборѣ книгъ. М., 1889 г. Ц. 50 к.
- Рише, Шарль.** Черезъ сто лѣтъ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
- Робертъ, Карлъ.** Краткое руководство живописи на тканяхъ. Москва, 1895 г. Ц. 70 к.
- Краткое руководство миниатюры. М., 1895 г. Ц. 70 коп.
- Рогова, О. И.** Рѣшсчетъ. Спб., 95 года. Ц. 2 р.
- Ласточкино гнѣздо. Спб., 94 г. Цѣна 2 руб.
- Ландышъ. Спб., 95 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Снѣгъ гетмана. Спб., 91 г. Цѣна 2 руб. 25 к.
- Розенбахъ.** Современный мистицизмъ. Спб., 1891 г. Ц. 60 к.
- Розенбергъ-Липинскій.** Практическое земледѣіе (изд. 5). Спб., 1898 г. Ц. 3 р.
- Романовъ, С. И.** Словарь ружейной охоты. М., 1877 г. Ц. 8 р. 50 к.
- Ромашневичъ, П. А.** Полный русскій орографическій словарь. Составленъ по „русскому правописанію“ академіи Як. Грста. Изд. третье исправл., Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Рони, Ж.** До потона. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.
- Ростовская, М. Э.** Звѣздочки. Повѣсти и рассказы для дѣтей. Съ красочными рисун. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Жучка. Рассказъ для дѣтей. Съ литографированными рисун. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Четыре времени года. Рассказы изъ деревенскаго быта. Съ рисун. Изданіе третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Сельцо Лебяжье. Повѣсть для дѣтей. Изд. третье, испр. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Пони. Приключенія амазскаго ослы. Повѣсть для дѣтей Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Крестьянская школа. П., 1895 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Рожау, А. Л.** Исторія Франціи. Ч. I и II. Спб., 1866 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Рубакинъ, Н. А.** Этюды о русской читающей публикѣ. Факты, цифри и наблюденія. Спб., 1895 г. Цѣна 1 руб. 50 к.
- Рудакій, Ал.** Лѣсная таксація. Посobie для дѣлнщнхъ и дѣсопромшсленнхъ. (Изд. 2-е). Спб., 1890 г. Ц. 8 р.
- Руководство для метеорологическихъ наблюденій.** Харьк., 1894 г. Ц. 30 к.
- Руссо, Жанъ-Жакъ.** Юлія или Новая Элоиза. М., 1892 г. Ц. 2 р.
- Русскій сельскій календарь.** Годъ II. М., 1895 г. Ц. 20 к.
- Русская бібліотека.** № 6. Южаконъ, С. Любовь и счастье въ произведеніяхъ А. С. Пушкина. Ц. 20 к. № 7. Карѣвнъ, Н., проф. Что такое общее образованіе? Ц. 20 к.
- Рѣшетниковъ, Э. М.** Собраніе сочиненій, въ 2-хъ т. Спб., 1890 г. Ц. за 2 т. 2 р. 50 к.
- Рябининъ.** Элеваторы и наше увлеченіе ими. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
- Саади-Ширази.** Гюльстанъ, „Цвѣтнхъ розъ“. Пер. съ персидск. подлин. И. Холмогорова. Ц. 1 р. М., 1882 г.
- Сабатье, П.** Жизнь Франциска Ассизскаго. Перев. съ франц. М., 1895 г. Ц. 90 к.
- Салтыковъ (Щедринъ).** Полное соб.

- соч. 12 т. (Изд. 8-е). Ц. 18 р., а за каждый т. отдѣльно по 1 р. 75 к. Спб., 1894 г.
- Саловъ, И.** Уютный уголокъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Суета мірская. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Съ натурн. Очерки и рассказы. М., Ц. 1 р.
- Саллюстій Криспъ.** Пособіе къ изученію и чтенію „Заговора Катилины“. Сост. Логвиновъ. Кіевъ, 1886 г. Ц. 60 к.
- Сахаровъ, А.** По русской землѣ. Второе изданіе. М., 1896 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Сборникъ рисунковъ товарныхъ выдѣлій.** М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Сборникъ рисунковъ мебели и столярныхъ выдѣлій.** М. Ц. 2 р.
- Сборникъ общества любителей російской словеси.** на 1891 г. М., 1891 г. Ц. 4 р.
- Свиѣтъ, Джонатанъ.** Путешествія Лемьела Гулливера. Ч. I и II. М., 1889 г. Ц. за оба части 4 р. 40 к.
- Свѣтухинъ, М. И.** Къ діагностикѣ болѣзней сердца. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р.
- Святловскій, В. В.** Фабричная гигиена (163 рис.). Спб., 1891 г. Ц. 4 р.
- Вракъ. Совѣты и предостереженія врача. Одесса, 1894 г. Ц. 30 к.
- Сѣдли, Джемсъ.** Гениальность и помѣшательство. Спб., 1895 г. Ц. 15 к.
- Селивановскій, И.** Ночь на Рождество. М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Семеновъ, Д.** Рождественская сказка. М., 1887 г. Ц. 1 р.
- Семеновъ, С. Т.** Крестьянскіе рассказы, съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Серао, Матильда.** Прошай, любовь! Романъ. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Сервантесъ.** Славный рыцарь Донъ-Кихотъ Лманчкій. Т. I. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Донъ-Кихотъ, томы I и II. Ц., 1895 г. Ц. за два т. 5 р.
- Серебренниковъ, В.** Ученіе Локка о прирожденныхъ началахъ знанія и дѣятельности. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Сигеле.** Преступная толпа (опытъ коллективной психологіи). Спб., 1893 года. Ц. 80 к.
- Сикорскій.** Занзаніе. Спб., 1889 г. Ц. 3 р.
- Симсонъ, Э.** О невѣдѣчъ собственихъ подданныхъ. Спб., 1892 г. Ц. 4 р.
- Сиповскій, В. Д.** Сократъ и его время. Историческіе очерки. П. Короленко, В. Г. Тѣни. (Фантазія). М., 1894 г. Ц. 85 коп.
- Скабичевскій, А. М.** Исторія новейшей русской литературы. 1848—1892 гг. 2-е изд. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.
- Очерки исторіи русской цензуры (1700—1863 г.). Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
- Сочиненія: критическіе этюды, публицистическіе очерки, литературныя ха-
- рактеристики (въ 2-хъ томахъ). Спб., 1895 г. Ц. 8 р. Изданіе 2-ое.
- Скворцовъ.** Гигиена. Спб., 1881 г.
- Скворцовъ, Ир. П., проф.** Основные вопросы лечебной гигиены. Оудѣль первый. Лечение климатическое. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Сковорода, Г. С.** Сочиненія собраныя и редактированныя проф. Д. И. Багалъевымъ. Харьк., 1894 г. Ц. 4 р.
- Сковронская, Марія.** Изъ жизни фантазіи. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Скоровъ, А.** Сборникъ уваженій и распоряженій правительства о крестьянахъ. Т. I (изд. 3-е). Уфа, 1891 г. Ц. 5 р. Т. II. М., 1898 г. (изд. 2-е). Ц. 4 р.
- Уставъ горный. Т. I (изд. 3-е). М., 1895 г. Ц. 4 р. Т. II. Уставъ о частной золотопромышленности. М., 1893 г. Ц. 8 р. 50 к.
- Уставъ лечебныхъ заведеній вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ. М., 1894 г. Ц. 70 к.
- Скоровъ.** Русскіе судебные ораторы и извѣстныхъ уголовныхъ процессовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Формы приговоровъ сельскихъ и волостныхъ судовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Скоровъ и Полянскій.** Сводъ уставовъ о службѣ гражданской. Т. I. Уставъ о службѣ по опредѣленію отъ правительства. М., 1895 г. 2 тома. Цена за оба тома 4 руб.
- Сказки русскихъ писателей для дѣтей.** Изд. 8-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
- Сказки русскаго народа.** 7 в. М., 1894 г. Ц. каж. выпуска 25 к.
- Сказка про лису да про волка.** М., 1892 г. Ц. 25 к.
- Слезкинскій, А.** Бунтъ военныхъ поселеній въ холеру 1831 г. Новг., 1894 г. Ц. 1 р.
- Словарь юридической терминологіи въ источникахъ русскаго права.** Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
- Словцовъ, И.** Обзоръвіе Россійской имперіи. М., 1896 г. Ц. 45 к.
- Смайльсъ, Самуэль.** Путешествіе мальчана вокругъ свѣта. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Характеръ. Воспитаніе и образованіе. Изд. шестое. Спб., 1889 г. Ц. 90 к.
- Саморазвитіе, умственное, нравственное и практическое. Съ дополнительною статьей „Русскіе дѣтели“. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Умъ и энергія. Характеристика изъ жизни великихъ людей. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Долгъ (Нравственныя обязанности человека). Изд. второе, исправлен. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Смирновъ, А.** Живыя картинки сборникъ рассказовъ. Спб., 1885 года. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.

- Москва—Самаркандъ. (Путевыя впечатлѣнія). М., 1895 г. Ц. 40 к.
- Смирновъ, В. О** внутренности земли. М., 1895 г. Ц. 80 к.
- Смирнова, А. П.** Изъ жизни нашихъ предковъ. Спб., 95 г. Ц. 1 руб. 50 к.
- Снегиревъ.** Судебныя драмы. А. Бартевевъ. Убийство Висновской. Г. Шамблякъ. Убийствъ Гривъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Жизнь и смерть Сократа. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Соболевскій, А. И.** Фонетика церковно-славянскаго языка. М., 1891 г. Ц. 1 р.
- Лекція по исторіи русскаго языка. Спб., 1891 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р.
- Соболевскій, Н. И.** Собрание алгебраическихъ задачъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.
- Соважко, Давидъ.** Реализмъ и натурализмъ въ литературѣ и искусствѣ. Пер. А. Серебряковой. М., 1891 г. Ц. 2 р.
- Совѣтовъ.** Итальянско-русскій словарь. М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Соколовъ, В. Д.** Прошлое и настоящее земли. М., 1890 г. Ц. 50 к.
- Москва-Самаркандъ. (Путевыя впечатлѣнія). М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Соколовъ, Н.** Науки развиваютъ ли умъ или даютъ только знанія. Москва, 1895 г. Ц. 20 к.
- Соколовинъ, А.** Быть и казаться. Спб., 95 г. Ц. 2 р.
- Сологубъ, Ѳ.** Стихи. Книга 1-я. Спб., 1896 г. Цѣна 50 к.
- Соннъ.** Геометрія теоретическая и практическая. М., 1878 г. Ц. 4 р.
- *Сорокинъ, В.** О водостномъ и сельскомъ управленіи. М., 1887 г. Ц. 50 к.
- Софонклъ.** Эдипъ въ Колодѣ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
- Эдипъ-царь. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
- Филоклетъ. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.
- Электра. Кіевъ, 1888 г. Ц. 40 к.
- Спенсеръ, Гербертъ.** Начала социологіи (образованія учрежденія). Кіевъ, 1880 г. Ц. (1 р. 50 к.
- Основныя начала. Пер. Алексѣева. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Спиноза, Бенедиктъ.** Этника, съ приложеніемъ портрета. М., 1892 г. Ц. 2 р.
- Трактатъ объ усовершенствованіи разума. Одесса, 1893 г. Ц. 75 к.
- Справочная книга для ремесленниковъ.** М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Среди цвѣтовъ.** Рассказы стараго садовника. 2-е изд. Спб., 95 г. Ц. 2 р.
- Средна и постоянство.** (Свящ. книга послѣдователей Конфуція). М., 96 г. Ц. 25 к.
- Старовскій, Л.** Жизнь и солнце. Х., 1892 г. Ц. 1 р.
- Станюковичъ.** Безшабашный. (Изъ современныхъ нравовъ). Рассказъ. М., 1894 г. Ц. 20 к.
- Станюковичъ, К. М.** Откровенныя. Ром. въ двухъ част. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Степовичъ, А.** Очерки изъ исторіи славянскихъ литературъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.
- Стенинъ, П. А.** Востокъ. Историко-географическое и этнографическое обзорѣніе левастскаго міра. Спб., 1893 г. Ц. въ перекл. 6 р.
- Стенли, Г.** Какъ я отыскалъ Ливингстона. Спб., 1874 г. Ц. 3 р.
- Стернъ, А. В.** Бракъ по любви. Повѣсть. Москва, 1893 г. Ц. 50 коп.
- Очнулась. (Изъ дневника Натальи Сергѣевны). Пов. М., 1893 г. Ц. 30 к.
- Стокгэмъ, Алиса В., д-ръ медицины.** Токология или наука о дѣторожденіи. Изд. 2-е, съ предисл. гр. Л. Н. Толстого. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 25 коп.
- Столповская, Анна.** Очеркъ исторіи культуры китайскаго народа. Ц. 3 р. М., 1891 г.
- Стороженко, Н. И., проф.** Повесть мировой скорби. Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.
- Страбонъ.** Географія (въ 17 кн. въ 1 томѣ). Пер. съ греч. Ѳ. Г. Мищенко. Ц. 10 р. М., 1874 г.
- Страховъ, Н.** Міръ какъ дѣло, черты изъ науки о природѣ. Изданіе 2-е. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
- Краткая методика закона Божія. М., 1891 г. Ц. 50 коп.
- Строковскій, В.** Токарное и слесарное ремесла. М., 1893 г. Ц. 1 р. 30 к.
- Струве, Генрихъ.** Введеніе въ философію. Варшава, 1890 г. Ц. 3 р.
- Струнниковъ, А.** Вѣра какъ увѣренность по ученію православія. Самара, 1887 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Начатки философіи. М., 1888 г. Ц. 1 р. 60 коп.
- Судебныя драмы.** Жанъ Делаклозъ. Ц. 30 к.
- Грекъ Кастоло. Поэтическое сумашествіе. Ц. 30 к.
- Убийство Маріи Анны и ея дѣтей. Ц. 20 коп.
- Убийство Бефани. Ц. 40 к.
- Шайка Лемера. Ц. 30 к.
- Сборникъ процессовъ всѣхъ странъ. Ц. 30 к.
- Дуэль Пушкина. Ц. 40 к.
- Ольга Палемъ (Убийство студента Довнара). М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Сундквистъ, Оскаръ, и Марія Лазарева.** Учебникъ новой практической и первой научной методы кройки дамскаго, дѣтскаго и верхняго платья всѣхъ фасоновъ. М., 1892 г. Ц. съ атласомъ 8 р.
- Суриковъ, И. З.** Стихотворенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.
- Сѣровъ, А. Н.** Критическія статьи. Т. I, II, III, IV. Спб., 1892—1895 гг. Ц. за всѣ 4 т. 6 р.
- Сюзевъ, А.** Луженіе, цинкованіе и оцинкованіе. М., 1894 г. Ц. 60 к.

- Тайный порокъ. Выпускъ I и II. М., 1895 г. Ц. 20 к. и 15 коп.
- Талдыкинъ, М. Объяснительный текстъ къ атласу чертежей слесарно-токарьныхъ работъ, составленному примѣнительно къ программамъ ремесленныхъ училищъ. М., 1892 г. Ц. атласа съ текстомъ 6 р.
- Тардъ, Ж. Законы подражанія. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Тардъ, Г. Сущность искусства. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
- Таренецкій, А., проф. Каедра и музей нормальной анатоміи при императ. военно-медицинской (бывшей медико-хирургич. академіи) въ Петербургѣ, за сто лѣтъ. Истор. оч. Спб., 1895 г. Ц. 3 р.
- Терешкевичъ. Для Чернышъ. М. 1891 г. Ц. 60 к.
- Тжаска, А. Русская азбука съ приращеніемъ церк.-слав. азбуки. М., 96 года. Ц. въ ланкѣ 30 к.
- Тикноръ. Исторія испанской литературы. Пер. Н. И. Стороженко. Т. I. Ц. 3 р. М. 88 г. Т. II. Ц. 3 р. М. 1886 г. Т. III. Ц. 3 р. 50 к. М., 1891 г.
- Тимирязевъ, К. Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. Москва, 1894 г. Ц. 1 руб. 50 к.
- Земледѣіе и физиология растений. Ч. I. Вѣрба растений съ засухою. М., 1893 г. Ц. 60 к. Ч. II. Происхожденіе азота растений. М., 1893 г. Ц. 60 к.
- Тиндаль, Джонъ. Теплога, разсматриваемая какъ родъ движенія. Изд. 2-е. М., 1888 г. Ц. 3 р. 75 к.
- Тихомировъ, Д. И. Опытъ плана и конспекта элементарныхъ занятій. Методическое пособие для преподавателя элементарной школы. Изд. 8-е. М., 1889 г. Ц. 55 к.
- Азбука правописанія. Ч. I. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія буквъ, съ приложеніемъ краткаго орфографическаго указателя. 17 изд. Ц. 40 к. Ч. II. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія знаковь препинанія. 9 изд. Ц. 40 к. М., 1892 г.
- Книга для церковно-славянскаго чтенія. Руководство для преподавателей начальныхъ училищъ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 1 р.
- Азбука церковно-славянская для первоначальныхъ упражненій въ церковно-славянскомъ чтеніи. Изд. 6-е. М., 1892 г. Ц. 6 к.
- Какъ жить по слову Божію? Русскій сборникъ статей и изреченій, содержащихъ въ себѣ нравственное ученіе изъ книгъ Ветхаго и Новаго Заветъ. М., 1892 г. Ц. 5 к.
- Школа грамотности. Книга для первоначальнаго обученія русскому и церковно-славянскому чтенію, письму и арифметикѣ. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 30 к.
- Какъ учить читать, писать и считать на первой ступени обученія. Объяснительное руководство для учащихся и учителей. Изд. 12-е. М., 1893 г. Ц. 40 к.
- Изъ исторіи родной земли. Черти и рассказы для школъ и народа. Ч. I. Древняя Россія. Ц. 50 к. Ч. II. Новая Россія. Ц. 40 к. М., 1893 г.
- Методика обученія грамотѣ, объяснительному чтенію, толковому изложенію мыслей, грамматикѣ, правописанію и церковно-славянскому чтенію. Руководство для учителей. Изд. 3-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Книга для церковно-славянскаго чтенія. Ч. I. Руководство для учениковъ начальныхъ училищъ. Изд. 8-е. Ц. 30 к. Ч. II. Руководство для учениковъ двухклассныхъ и городскихъ училищъ. Изд. 3-е. Ц. 20 к. М., 1894 г.
- Элементарный курсъ грамматики для городскихъ и двухклассныхъ училищъ. Изд. 45-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.
- Начатки грамматики. Руководство для начальныхъ сельскихъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 8-е. М., 1894 г. Ц. 15 к.
- Вѣшніе входы. Первая послѣ азбуки книга для класснаго чтенія и бесѣды. М., 1896 г. Ц. 30 к.
- Вѣшніе входы. Книга 2-я. М., 1896 г. Ц. 35 коп.
- Вѣшніе входы. Руководство для учителя къ 1-й и 2-й книгѣ. М., 1896 г. Цѣна 30 коп.
- Тихомировъ, Д., и Зенгбушъ, И. Начатки географіи. Руководство для народныхъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 30 к.
- Тихомировъ, Д., и Тихомирова, Е. Букварь для совмѣстнаго обученія письму, русскому и церковно-славянскому чтенію и счету. Для народныхъ школъ. Изд. 60-е. Москва, 1894 г. Ц. 20 коп.
- Тодгентеръ, И. Алгебра (съ обширнѣмъ собраніемъ примѣровъ). Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Токарскій, А. А., приватъ-доцентъ моск. ун-в. Психическія эндемія. М., 1893 г. Ц. 25 к.
- Происхожденіе и развитіе нравственныхъ чувствъ. М., 1895 г. Ц. 25 к.
- Гипногизмъ въ педагогіи. Ц. 20 к.
- Международный конгрессъ по экспериментальному и терапевтическому гипногизму. М., 1889 г. Ц. 10 к.
- Къ вопросу о вредномъ вліяніи гипногизированія. Спб., 1889 г. Ц. 50 к.
- Мерцаніе и болѣзнь судорожныхъ водергиваній. М., 1893 г. Ц. 1 р.
- Терапевтическое примѣненіе гипногизма. М., 1890 г. Ц. 60 к.

Соквиль, Алексисъ. Воспоминанія. Пер. В. Невѣдоскаго. Ц. 2 руб. М., 1898 г.

Солстой, Л. Н. Плоды просвѣщенія. Комедія въ 4-хъ д. Киевъ, 1892 г. Ц. 15 к.

— „Ходяте въ свѣтъ“ и другія произведенія, вошедшія въ XIV томъ полнаго собранія сочиненій. М., 1895 г. Ц. 60 к.

— Смерть Ивана Ильича. Киевъ, 1891 г. Ц. 10 к.

— Хозяинъ и работникъ. М., 1895 г. Ц. 20 к.

Сорминъ. Опытный маляръ и живописецъ. Руководство къ исполненію всякаго рода малярныхъ работъ. Составленіе различныхъ рола лаковъ и красокъ. Бронзирровка. Писаніе вывѣсокъ. Сиб., 1895 г. Ц. 1 р.

Торговая и дѣловая корреспонденція. П., 1896 г. Ц. 1 р.

Траутшольдъ, Г. Основы геологіи. Ч. II. Палеонтологія. М., 1875 г. Ц. 2 р. 75 к.

— Часть III. Стратиграфія. М., 1877 г.

Трачевскій. Древняя исторія. Изд. 2-е. Сиб., 1889 г. Ц. 2 р.

— Новая исторія. Сиб., 1889 г. Ц. 2 р. 50 к.

Русская исторія, 2-е испр. изд., съ 96 рисунками, 6 картами, 6 планами и 8 раскрашенными картинками. Въ 2 частяхъ. Сиб., 1895 г. Ц. 8 р. въ переплетѣ 9 р. 60 к.

Тренделенбургъ, Адольфъ. Логическія изслѣдованія. Пер. Е. Корша. Ч. I, д. 2 р.; ч. II, д. 2 р. М., 1868 г.

Тресоловъ, Л. Н. Стихотворенія (64—93 г.). М., 1894 г. Ц. 2 р.

Троицкій, М. Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи. Т. I и II. М., 1883 г. Цѣна за оба тома 6 р.

Трояновскій. Первая помощь у себя дома и на полѣ битвы въ отсутствіи врача. Изд. 2-е. Сиб., 1893 г. Ц. 1 р. 30 к.

Трубецкой, Евг., кн. Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V-мъ вѣкѣ. Ч. I. Міросовершаніе блаж. Августина. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Трубецкой, С., кн. Мнимое язычество или ложное христіанство? Отвѣтъ о. Буткевичу. М., 1891 г. Ц. 20 к.

Тумскій, К. И. Алюминій и сплавы съ нимъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.

— Противузаразные средства и дезинфекція. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Тургеневъ. Стихотворенія. Изд. 2-е. Сиб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Турскій, М. Лѣсоводство. М., 1892 г. Ц. 2 р. 80 к.

— Лѣсоводственные орудія и инструменты. М., 1893 г. Ц. 60 к.

— Сборникъ статей по лѣсоразведенію. М., 1894 г. Ц. 70 к.

Турскій, М., и Яшновъ, Л. Опре-

дѣленіе древесныя, вѣтвей и сѣмязъ главнѣйшихъ древесныхъ и кустарныхъ породъ по таблцамъ. 2-е изд. М., 1893 г. Ц. 75 к.

Тьюкъ, Хэкъ. Духъ и тѣло, дѣйствіе мысли и воображенія на физическую природу человѣка. Пер. П. Викторова. М., 1888 г. Ц. 2 р. 50 к.

Тѣнь, Г. Титъ Ливій, критическое изслѣдованіе. Пер. А. Иванова и Е. Щепкина. Ц. 1 р. 50 к. М., 1886 г.

Тѣнь, И. Чтеніе объ искусствахъ. Пять курсовъ лекцій. Изд. третье, исправлен. Сиб., 1884 г. Ц. 1 р. 75 к.

Тѣнь. Критическіе опыты. Сиб., 1869 г. Ц. 1 р. 75 к.

Уайтъ, Г. Виссофанія. М., 96 г. Ц. 75 к.

Уильямсъ, Х. Этика пищи или нравственные основы безубойнаго питанія. Перев. съ англійск. Со статьей Л. Н. Толстого „Первая ступень“. М. 1893 г. Ц. 2 руб.

Указатель книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 1 р.

Указатель русскихъ книгъ и брошюръ по богословскимъ наукамъ. М., 1891 г. Вып. I. Ц. 25 коп. Вып. II. Ц. 40 к.

Ульцманъ, Робертъ, проф. Лекція по болѣзнямъ мочевыхъ органовъ. Вып. IV и V послѣдній. Пер. подъ ред. док. мед. Н. П. Федченко. Хар., 1893 г. Ц. 1 р.

Урусовъ. Полицейскій урядникъ. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Усовъ, С. А. Сочиненія. Томъ I. Статьи зоологическія. М. 1888 г. Ц. 3 р. 50 к.

Успѣнскій, П. П. содержаніе растений въ комнатахъ. Сиб., 1895 г. Ц. 1 р. (изд. 3-е).

Уставъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ съ разъясненіемъ вопросовъ, возникшихъ на практикѣ при его примѣненіи. Изд. 4-е. Сиб. 1894 г. Ц. 2 р.

Ученыя записки Императорскаго Московскаго университета. Отдѣлъ историко-филологическій. Вып. XII. М., 1891 г. Ц. 2 р.

Файнштейнъ, С., Мнемоника. 5-е изд. Одесса, 95 г. Ц. 35 к.

Файфъ, Ч. А. Исторія Европы 19 в. Т. III, пер. подъ ред. Лучицкаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1890 г.

Фалькенбергъ. Исторія новой философіи отъ Николая Кузанскаго (XV в.) до настоящаго времени. Сиб., 1894 г. Ц. 3 р.

Фарраръ, Ф. В. Жизнь Іисуса Христа. Пер. съ англійскаго Ф. М. Матѣева. Изд. 2-е, испр и доп. Въ 2-хъ ч. М., 1892 г. Ц. 1 р 50 к.

Фарраръ, В. Женщины у домашнаго очага. П., 1896 г. Ц. 25 к.

Фаусеттъ. Популярная политическая экономія. Сиб., 1895 г. Ц. 1 р.

- Федоровъ, П. А.**, техн. иллюстрированный, домашній ремесленникъ. Школа работъ. Столярныхъ. Окрашиваніе дерева. Выпивоичныхъ и мозаикъ. Токарныхъ. Ръвныхъ. Кузнечныхъ. Слесарныхъ. Шеточныхъ. Гипсовыхъ и папье-маше. Картонажно-фулярныхъ и перелетныхъ. Съ 406 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Федоровъ, Зубы и ихъ сохраненіе.** Спб., 1889 г. Ц. 60 к.
- Изъ прошлаго и настоящего. Ц. 1 руб. 25 к.
- Федоровичъ, Флоріанъ.** Сельскохозяйственный архитектура. Спб., 1898 г. Ц. съ атласомъ 5 р.
- Федосеевъ, П. А.** Выборъ, установка и уходъ за фабричными паровыми котлами, машинами и приводами. Съ приложеніемъ новаго закона 30 іюля 1890 г. объ устройствѣ, установкѣ и содержаніи паровыхъ котловъ и о порядкѣ ихъ освидѣтельствванія. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Фейгинъ, Ф.** д-ръ мед. Привычные запоры и геморрой, причины ихъ развитія и средства къ исцѣленію. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
- Фельдбергъ, Матильда.** Химическая чистка платья и стирка бѣлья. М., 1894 г. Ц. 50 к.
- Ферьеръ, Э.** Дарвинизмъ (общедоступное изложеніе теоріи Дарвина), изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
- Ферре.** Фотографированіе безъ фотографіи. М., 1896 г. Ц. 75 к.
- Легкое и дешевое фотографированіе. М., 1895 г. Ц. 75 к.
- Ферри, Энрико.** Преступленія и преступники въ наукѣ и жизни. Одесса, 1890 г. Ц. 40 к.
- Филипповъ, Сергѣй.** Подъ лѣтнимъ небомъ. М., Ц. 1 р.
- Финлей, Георгъ.** Греція подъ римскими владѣтельствомъ. Пер. Софьи Никитенко. Ц. 4 р. М., 1877 г.
- Филипповъ, Ал.** Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Фиске, Джонъ.** Открытіе Америки, съ краткимъ очеркомъ древней Америки и испанскаго завоеванія. Пер. Николаева. Т. I. Ц. 2 р. М., 1892 г. Т. II. Ц. 2 р. М., 1893 г.
- Фишеръ, Г.** Практическій мыловаръ. Практическое руководство къ фабрикаціи всѣхъ сортовъ мыла по новѣйшимъ усовершенствованнымъ приемамъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Фламмаріонъ, К.** По волнамъ безочности. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.
- Въ небесахъ. 2 изд. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.
- Рассказы о небѣ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
- Конецъ міра. 1895 г. Ц. 60 к.
- Общедоступная астрономія. Спб., 1894 года. Ц. 80 к.
- Флеровъ, А.** Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ. Одесса, 1894 г. Ц. 60 к.
- Грамматика древняго церковнаго языка Одесса 1894 г. Ц. 50 к.
- Фойгтъ, Георгъ.** Возрожденіе классической древности или первый шагъ гуманизма. Переводъ И. П. Расадина. Т. I. Ц. 3 р. 50 к. М., 1884 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1885 г.
- Фонзинъ, С.** Конецъ дивана. Рассказъ. 1894 г. Ц. 30 к.
- Фортуатовъ, А.** Сельско-хозяйственная статистика Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Урожай ржи въ Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Фонъ-Хейденфельдъ.** Изъ жизни моей по поводу Крейперовой сноты. Пер. съ нѣм. Москва, 1895 г. Ц. 40 коп.
- Французъ и русскіе въ Крыму.** Письма франц. офицера къ своей семьѣ во время восточной войны. Пер. съ фр. Калютина. Минскъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Фредерикъ, Л., проф.** Практическія упражненія по физиологіи. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Фрапонъ, Г.** Акварель. Морскіе виды. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- * — Акварель. Пейзажъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- * — Цвѣты и плоды. М., 95 г. Ц. 1 руб.
- * — Акварель. Насткомья, животныя, птицы, рыбы. М., 95 г. Ц. 1 р.
- Фрикенъ.** Римскіе катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства. Часть I. Ц. 1 р. М. 72 г. Часть II. Ц. 1 р. 50 к. М. 77 г. Часть III. Ц. 1 р. 50 к. М. 80 г. Часть IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 85 г.
- Фрикенъ, А.** Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. I. Ц. 2 руб. М., 1891 г. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. 2-я. М., 1895 г. Ц. 2 р.
- Фриманъ, Эдуардъ.** Историческая географія Европы. Пер. подъ редакц. профес. И. К. Лучинскаго. Т. I. (текстъ). Т. II (карты). Цѣна 6 р. за оба тома. М., 1892 г.
- Методы изученія исторіи. Пер. П. Николаева. Ц. 2 р. М., 1893 г.
- Фулье, Альфонсъ.** Исторія философіи. Пер. П. Николаева. М., 1894 г. Ц. 3 р.
- Орывки изъ сочиненій великихъ философовъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.
- Фулье Альфредъ.** Декартъ. Пер. подъ редакціей профес. Грота. М., 1894 г. Ц. 80 коп.
- Страданіе и удовольствіе и о выраженіи душевныхъ волненій. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
- Фурнье, А.** Лечение сифилиса. Пер. Говсѣева. Изд. 2-е. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Фейе. Происхождение мира. Критика гипотезы Ламбаса и собственная теория автора. Съ добавленіемъ космогоническія гипотезы К. Вольфа. Пер. со 2 доп. изд. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 36 к.

Фюстель-де-Куланжъ. Древняя гражданская община. Исследование о култѣ, правѣ, учрежденіяхъ Греція и Рима. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Хвольсонъ, О. Докторъ физики. Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнетизмѣ (2-е изд.). Спб., 1886 г.

Хитгинсонъ, Т. Здравый смыслъ и женскій вопросъ. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.

***Хитровъ, М.** Евстафій Плакида. М., 1888 г. Ц. 50 к.

Ходжетъ, И. Экрижъ мореплавателя. Спб., 90 г. Ц. 1 р. 20 к.

Христіановичъ, П. Опытъ устройства общеобразовательной школы съ цѣлью большой подготовки учащихся къ жизни. М., 1894 г. Ц. 40 к.

Хрущовъ, П. Введение къ изученію теорій химическихъ равновѣсій. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Цвѣтковъ, А. А. Новѣйшіе русскіе писатели (для старшихъ классовъ гимназій и домашнего чтенія), съ 27 портретами. Спб., 1888 г. Ц. 3 р.

— Электрическое освѣщеніе въ примѣненіяхъ къ жизни и военному искусству, (151 рис.). Спб., 1885 г. Ц. 2 р. 50 к.

Цвѣтковъ, Н. Практическій курсъ русскаго правописанія (согласованъ съ „Руководствомъ Я. Грота“). Ч. I и II. Ц. по 50 коп. Тула, 1895 г.

Цигенъ, Т. Физиологическая психологія. Спб., 1893 г. Ц. 75 к.

Цицеронъ. Рѣчь за кара Дейотара. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.

— Рѣчь противъ Верреса (о казняхъ). Ц. 60 к.

— Рѣчь за Архія. нота 1891 г. Ц. 30 к.

— Рѣчь къ судьямъ за Т. Аннія Милона. 1892 г. Ц. 60 к.

— Первая филиппика противъ Марка Антонія. Ц. 30 к.

— Вторая филиппика противъ Марка Антонія. Ц. 50 к.

— Рѣчь въ защиту Секста Росція Амерійскаго. Ц. 60 к.

— Рѣчи противъ Калпурія. Ц. 50 к.

— Рѣчь за Луція Мурену. Ц. 40 к.

— Рѣчь за Квинта Лелія. Ц. 30 к.

— Рѣчь о назначеніи Гнея Помпея полководцемъ. Ц. 50 к.

— Тускуланскія бесѣды. Книга I. О превращеніи къ смерти. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.

— Книга 2 и 3-я. О перенесеніи боли и о вѣдѣніи печали. 1889 г. Ц. 75 к.

— Книга 4-я. Объ остальныхъ душевныхъ болѣзняхъ. Книга 5-я. О добродѣтели. 1889 г. Ц. за обѣ книги 75 к.

Цриковъ, Н. Темы и планы ученическихъ сочиненій. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Частный починъ въ дѣлѣ народнаго образованія. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Чеховъ, Ант. П. Жена. Рассказъ. М., 1894 г. Ц. 25 к.

— Именины. Рассказъ. М., 1893 г. Ц. 20 к.

— Палата № 6. Рассказъ. М., 1893 г. Ц. 35 коп.

— Въ сумеркахъ. Изд. 7-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Рассказы. Изд. 8-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Палата № 6. Изд. 3-е. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.

— Кампанья. Изд. 3-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

— Дуэль. Изд. 4-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Челпановъ, Г. Проблема воспріятія пространства въ связи съ ученіемъ объ априорности и врожденности. Ч. I. К., 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

Чешинъ, Евграфъ Вас. Краткая исторія прибалтійскаго края. Изд. 2-е. Рига, 1894 г. Ц. 35 к.

Чешинъ, Всев. Жуковский, какъ переводч. Шиллера. Ц. 60 к.

— Стихи. Ц. 1 р.

Чижъ, В., проф. Криминальная антропология. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Чиколевъ, Д. Руководство къ приготовленію и сжиганію фейерверковъ съ описаніемъ устройства электрическаго освѣщенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.

Чичеринъ, В. Н. Поможительная философія и единство науки. М., 1892 г. Ц. 3 р.

— Основанія логики и метафизики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Опытъ по исторіи русскаго права. М., 1858 г. Ц. 1 р.

— Нѣсколько современныхъ вопросовъ. М., 1862 г. Ц. 1 р.

— Курсъ государственной науки. Ч. I. Общее государственное право. Москва, 1894 г. Ц. 3 р.

— Ч. II. Соціология. Москва, 1896 г. Ц. 3 р.

— Собственность и государство. Т. I. М., 1882 г. Ц. 4 р. Т. II. М., 1883 г. Ц. 4 р.

— Очерки Англіи и Франціи. Москва, 1858 г. Ц. 1 р.

— Исторія политическихъ ученій. Ч. 2, 3 и 4. Ц. каждой части 3 р.

Чмыревъ, Н. Кобзарь Т. Г. Шевченка. М., 1874 г. Ц. 1 р.

Чудиновъ, А. Н. Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Спб., 1894 г. Ц. 3 р. 50 к.

Чуевскій, И. А., д-ръ. Конспектъ физиологіи человѣка. Харьковъ, 1896 г. Ц. 1 р. 80 к.

Чукмасовъ, К. А. Практическое руководство по мыловаренію. М. 1893 г. Ц. 40 к.

Шалуны. Юмористическія сцены съ рисунками Буша. М., 1895 г. Ц. 1 р.

- Шамуринъ - Макарьевскій, Н. В.** Сельское хозяйство. Съ 110 рис. Четвертое дополнен. изд. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Шараповъ.** По русскимъ хозяйствамъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.
- Швейеръ-Дерхенфельдъ, А. Ф.** Женщина. Ея жизнь, нравы и обществен. положеніе у всѣхъ народовъ земного шара. Переводъ съ нѣмец. Спб., 1892 г. Ц. въ роском. перен. съ 200 рисунк. 3 р. 75 к.
- Швингаммеръ и Кикъ, Вильгельмъ.** Простѣйшая школа кройки для драпировщиковъ и декораторовъ. Съ рисунками на 10-ти отдѣльныхъ листахъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Шекспиръ.** Драматическія сочиненія, въ пер. Кетчера, въ 9 част. Ц. первыхъ 8 част. по 1 руб.; цѣна. 9 ч. 2 руб. М., 1862 г.
- Шелли.** Сочиненія. Вып. I и II. Спб., 1894 г. (изд. 3-е). Ц. каж. вып. 50 к. — Вып. III. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
- Шелгунова, Л. П.** „Звѣздочка“. Разказы для маленькихъ дѣтей. Съ рисун. Спб., Ц. 1 р. 25 к.
- Шелгуновъ, Н. В.** Сочиненія въ 2-хъ томахъ. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Цѣна за оба тома 3 р.
- * — Очерки русской жизни. Спб., 1896 г. Ц. 2 р.
- Шенланкъ, Бруно.** Промысловые свидѣанія. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Шенрокъ, В. И.** Материалы для биографіи Гоголя. М., 1895 г. т. I ц. 2 р., т. II ц. 2 р., т. III ц. 3.
- Шербюлье, Викторъ.** Искусство и природа. Новая теорія изящныхъ искусствъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шерръ, Югантъ.** Шиллеръ и его время. М., 1876 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Всеобщая исторія литературы. Вып. VI. Пер. подъ ред. П. И. Вейнберга. Изд. Байкова. Принимается подписка. Ц. 6 р. безъ дост., съ пер. и дост. 8 р. Вышли 1, 2, 3, 4 и 5 вып.
- Шервинскій, М.** Образцы архитектурныхъ деталей (15 листовъ образцовъ). Спб., 1891 г. Цѣна 1 р. и атласъ 6 рублей.
- Шиллеръ, Ф. Вильгельмъ Телль.** Пер. Гомберга. Киевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
- Заговоръ Фіеско въ Генуѣ. Киевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
- Письмо о колоколѣ. Ц. 30 к. М., 1896 г.
- Шилтовъ, А., проф.** Среди безбожниковъ. (Посмертныя записки врача-философа). Харьковъ, 1895 г. Ц. 40 к.
- Шильдбахъ.** Дѣтская гимнастика. Изд. 2-е. Спб., 1887 г. Ц. 75 к.
- Шимко, Патриаршій казенный приказъ.** М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Шихинъ, А. Н.** Сельско-хозяйственная экономія. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Шлоссеръ, Ф. К.** Исторія XVIII столѣтія и XIX-го до паденія Французской имперіи. 8 томовъ. Спб., 1868 г. Ц. 10 р.
- Шмейдлеръ.** Железно-дорожное дѣло. Спб., 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шмидтъ, Карлъ.** Исторія педагогики, положенная во всемирно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Пер. Э. Циммермана. Т. I, ц. 5 руб. М. 1890 г.; т. II, ц. 5 р. 50 к. М., 1890 г., т. IV, двѣ час., цѣна вчт 7 р. М., 1881 г.
- Шмидтъ, О.** Русалочка. М., 1892 г. Ц. 50 к.
- Шмитцъ, Л., д-ръ.** Половая жизнь человѣка. Одесса, 1892 г. Ц. 50 к.
- Шольцъ, Фридрихъ.** Непорочности дѣтскихъ характеровъ. Пер. съ нѣмецкаго Л. Л. Стеяс новича. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шопенгауэръ, Артуръ.** Лучи свѣта его философіи. Извлечено изъ его соч. Юліусомъ Фраунштедтомъ. М., 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Лучи свѣта. П., 1896 г. Ц. 1 р.
- Шперкъ, Э.** Система Сигизмунда. Спб., 1893 г.
- Шредеръ, В., д-ръ.** Половая болѣзнь. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
- Шредеръ, Р. И.** Жилье и его разведеніе въ Россіи и заграничѣй (изд. 4-е). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шредеръ, Р. И.** Русскій огородъ, питомникъ и плодовой садъ. Спб., 1893 г. Ц. 2 руб. 50 к. (Изданіе 5-е).
- Шредеръ.** Учебникъ акушерства. Изд. 5-е. Спб., 1896 г. Ц. 5 р.
- Шрейдеръ, Д.** Японія и японцы. Спб., 95 г. Ц. 4 р.
- Штаркенбургъ.** Горе отъ любви. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.
- Штейнгъ, Вл.** Артуръ Шопенгауэръ, какъ человѣкъ и мыслитель. Спб., 1887 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Графъ Джиакомо Леонарди и его теорія infelicità. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Штолль, Г. В.** Великіе греческіе писатели. Спб. 1880 г. Ц. 2 р.
- Мномъ классической древности. М. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Герои Греціи въ войнѣ и мирѣ. Спб., 1879 г. Ц. 2 р.
- Великіе римскіе писатели. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
- Герои Рима въ войнѣ и мирѣ. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Шулинъ, Фридрихъ.** Учебникъ исторіи римскаго права. Въ 2-хъ вып. М., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Шумковъ, И. В.** Верблюды и въ сельско-хозяйственное животное въ Россіи. Оренбургъ, 1895 г. Ц. 1 р.
- Шутце, Фр.** Училищевѣданіе. Практическое ученіе о воспитаніи и обученіи для семинарій и учителей народныхъ школъ. Киевъ, 1893 г. Ц. 1 р. 50

Ш., П. Незабывное зло. Рассказъ. М., 1894 г. Ц. 20 к.

Щепкина, А. В. Родныя мѣста. Чте- ние для дѣтей. Изд. 2-е. М., 1892 г. Ц. 1 р.

Эдвинсонъ, Г. Руководство спайки и луженія. Съ 66 политипажами въ тек- стѣ. М., 1894 г. Ц. 85 к.

Эдвинсонъ, Д. Какъ дѣлается ма- ленькій электродвигатель. М., 1895 г. 2 изд. Ц. 40 к.

— Какъ сдѣлать маленькую динамо-элек- трическую машину. М., 1895 г. Второе исправлен. изд. Ц. 50 к.

Эйдамъ, Сохраненіе здоровья. (Общая гигиѣна въ примѣніи къ обмѣнной жиѣнѣ). Сбл., 1891 г. Ц. 40 к.

Экштейнъ, І., проф. Честь въ фило- софіи и въ правѣ. Сбл., 1895 г. Ц. 80 к.

Экштейнъ, Ф. А. Преподаніе ла- тинскаго и греческаго языковъ. Ревель, 1889 г. Ц. 3 р.

Экштейнъ. Въ карцерѣ. Сбл., 1895 г. Ц. 15 к.

Элерсъ, Отто. Популярная политиче- ская экономія. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.

***Э—на, М.** Ея Крейцера соната. К., 96 г.

Энгельгардтъ, А. Н. Фосфориты и слюда. Сбл., 1891 г. Ц. 2 р.

Энцидербъ, К. Уходъ за больными въ семьѣ. Сбл., 1893 г. Ц. 50 к.

Эртель, А. И. Двѣ вары. Повѣсть. М., 1894 г. Ц. 60 к.

— Зайския степи. Очерки и рас- сказы. I и II. Сбл., 1883 г. Ц. 3 руб.

Эмаркъ. Первая помощь. Сбл., 1890 г. Ц. 80 к.

Эпинасъ, А. Соціальная жизнь жи- вотныхъ. Сбл. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.

Южаковъ, С. Н. Афганистанъ несо- предѣльна страна. Политико-историче- скій очеркъ. Сбл., 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.

Юровъ, А. Систематическій курсъ логи- ки для среднихъ учебныхъ заведеній. Сбл., 1895 г. Ц. 60 к.

***Юрьевъ и Владимірскій.** Хо- зяйка дома. II., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Юрьевъ, Мих. Мои письма (4 дек. 1893 г. — 15 мая 1894 г.). М., 1895 г. Ц. 50 к.

— Карлъ Пятый и его время. Этюдъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.

— Спорные вопросы западно-европейской исторической науки. М., 1894 г. Ц. 1 р 50 к.

Юлій Цезарь. Записки о междоусоб- ной войнѣ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 75 к.

Г СИМОВЪ, Н. М. Бѣдный Туугатай. Рассказъ изъ жизни киргизскихъ дѣтей, изъ дѣтей младшаго возраста. Тифлисъ, 1894 г. Ц. 15 к.

Говлевъ, Е. Француско-русскій кар- антинный словарь. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Гажульдъ, И. И., проф. Изъ психоло- гии народовъ. Одесса, 1893 г. Цѣна 20 коп.

— Вопросъ о государственномъ вѣзна- тельствѣ въ область промышленности. Сбл. 1895 г. Ц. 15 к.

Янгъ. Термохимія. Сбл., 1893 г. Ц. 2 р.

Федоровъ. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 1 р.

— Орлеанская дѣва. Пер. Шереметевскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.

— Коварство и любовь. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.

— Разбойники. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Племеникъ-дядя. Пер. Гомберга. Кі- евъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Album des chefs d'oeuvre de l'art. 16 вып. Ц. 4 р. 80 к. Отдѣльно каждый вы- пускъ по 35 коп.

Album universel. Съ видами Италіи, Швейцаріи, Франціи, Германіи, Турціи, Греціи и другихъ странъ. 30 выпусковъ, въ каждомъ по 16 видовъ. Цѣна 39 вып. 9 р. 75 к. Каждому отдѣльно 30 коп.

Bow, R. H. Графическія данныя ра- циональнаго расчета рѣшетчатыхъ фермъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Cornelli Nepotis. Vitae excellentium imperatorum cum vita Catonis et Attici. Переводъ. Кіевъ, 1899 г. Ц. 75 к.

C. Julli. Caesaris commentarium de be- lo Gallico. Liber quintus. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Записки о Гальской войнѣ. Книга 1-я Кіевъ, 1890 г. Ц. 85 к.

— Книги 2, 3, 4, 5, 6 и 7 по 50 к.

***Crocke A. Wheeber.** Уходъ за динамо-машинами. М., 96 г. Ц. 1 р. 85 к.

Donjean, A. Офортъ. Руководство трав- ленія крѣпкой водкой на мѣди, цинкѣ и стали. М., 1893 г. Ц. 75 к.

Hager'a, H., д-ръ. Руководство къ фармацевтической и медико-химической практикѣ, съ 7 по 25 вып., съ алфавит- нымъ указателемъ. Сбл., 1895 г. Ц. 25 р.

Häusser. Исторія реформаци. М., 1882 г. Ц. 5 р.

Herodoti historiarum. Книга первая. Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.

— Книги 4, и 9. Ц. по 50 к.

— Книги 5, 6, 7 и 8. Ц. по 60 к.

Heitzmann, C., D-г. Анатомическій атласъ съ 625 рѣзанками на деревѣ ри- сунками. Переводъ съ 7-го нѣмецкаго изданія. За всѣ пять выпусковъ 3 р. Кіевъ, 1895 г.

Jordan, Dr. W. Руководство высшей геодезіи. М., 1881 г. Ц. 8 р.

Joward, Alfred. Домашніе фильтры для очищенія воды, ихъ приготовленіе и уходъ за ними. М., 1894 г. Ц. 75 к.

Jul Parreidt. Зубы и уходъ за ними. Популярная гигиѣна зубовъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Kercoff A. G. Cours gradué de langue française. Parties I, II. М., 1880 г. Ц. 1 р. 25 к. III и IV parties. М. 1892 г. Ц. 1 р. 25 коп.

- Lehner, S. Клей и замазки. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Lenhartz, H., проф. Микроскопическія и химическія изслѣдованія у постели больного. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Marissiaux, L., et. Nomdrah, C. Р. Простое устройство электрическихъ часовъ и будильниковъ. Руководство для электротехниковъ любителей. Съ 15 рисунками на отдельной табличкѣ. М., 1895 г. Ц. 35 к.
- Moscou et ses environs, vues et monuments. Nouveau guide du voyageur. М., 1891 г. Ц. 40 к.
- Mörus, Paul, Dr. Гимена первыихъ людей. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
- Paul Julius Moscius. Общая діагностика первыихъ болезней. Пер. съ нѣм. подъ ред. Минора. М., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Ribot, Th. О чувственной памяти. Казань, 1895 г. Ц. 40 к.
- Roux, D-г и его сотрудниковъ. Матеріалы для изученія дифтеріи. Бактеріологическія и клиническія изслѣдованія. М., 1895 г. Ц. 8 р. 25 к.
- Salomonsen, С., проф., и Черевковъ, Д-ръ. Руководство къ практической (технической) бактериологіи. Общая и специальная часть для

- врачей, ветеринаровъ и студентовъ. Съ 81 рис. въ текстѣ. Харьк., 1894 г. Ц. 3 р.
- Schrader, W. Гимназіи и реальныи училища воспитаніе и обученіе. Реваль, 1892 г. Ц. 8 р.
- Sell, д-ръ. Спиртъ и его добываніе, свойства и примѣси. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
- Schamaus, Hans. Основы патологической анатоміи. М., 1895 г. Ц. 6 р. (199 рис. въ текстѣ).
- Tedeschi, V. Пизца маленькихъ дѣтей. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
- Tillaux, P. Руководство къ топографической анатоміи въ примѣненіи къ хирургіи. Пер. съ 7 франц. изданій, под. ред. и съ примѣчаніями д-ра С. Таубера, проф. варшавскаго университета. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к. Подписная цѣна за все сочиненіе (6 выпусковъ) 9 р.
- Unwin. Основы построенія частей машинъ или изложеніе законовъ и условій, отъ которыхъ зависятъ размѣры и форма частей машинъ. Руководство для инженеровъ, механиковъ, строителей, фабрикантовъ для техническихъ и реальныи училищъ. М., 1887 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Weil-Mantou, d-г. Руководство для врачей по страхованію жизни. М., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Иностранныя книги, доставленныя книжнымъ магазиномъ Гросманъ и Кнебель въ Москвѣ.

Французскія дѣтскія книжки.

Французскія азбуки:

- L'Abecdes tout petits. Couverture en couleurs. Av. 6 grav. color., petit in 8°. Цѣна 8 коп.
- L'Abe du premier âge. Couverture en couleurs. Av. 24 grav. color., petit in 8°. Цѣна 30 коп.
- L'Alphabet usuel. Av. 24 grandes gravures en couleurs par Adrien-Marie; in 4°. Цѣна 65 коп.
- L'Album Alphabet. Av. 27 belles illustrations en couleurs par. E. de Liphart et de nombreuses gravures en noir; grand in 4°. Цѣна 1 р. 25 к.

Альбомы для дѣтей.

Первая серія.

in 4°. Цѣна по 65 коп.

- 16 стр. напечат. крупнымъ шрифтомъ, на хорошей бумагѣ, 7 картинокъ въ краск. Цвѣтная обложка на картонѣ.
- Le dormeur éveillé, illustré par Chovin.
- Les animaux domestiques, illustr. par Gambard.
- All-Baba ou les 40 voleurs, ill. par Myrbach.
- Au Pays des leurs, illustré par Gambard.

Вторая серія.

in 4°. Цѣна по 40 коп.

- 16 стр. напечат. крупнымъ шрифтомъ, на хорошей бумагѣ, 8 картинокъ въ краск. Цвѣтная обложка на картонѣ.
- Frère et sœur, ill. par Vogel.
- Gargantua, ill. par Myrbach.
- Petite Poucette, ill. par Job.
- Don Quichotte, ill. par Myrbach.
- Robinson Crusoe, ill. par Myrbach.

Третья серія.

in 4°. Цѣна по 30 коп.

- 6 картинокъ въ краскахъ и 8 стр. текста. Цвѣтная обложка.
- Jean le Chapeux, ill. par Chovin.
- La Semaine de Julie, ill. par Martin.
- Guignol, ill. par Job.
- Jean L'ours, ill. par Massé.
- Paul dans la lune, ill. par Job.
- L'oiseau bleu, d'après M-me d'Aulnoy, ill. par Cléricé.
- Sept d'un coup! D'après Grimm, ill. par Poirson.
- Le Baron de Krack, ill. par Chovin.

Четвертая серія.

in 8°. Цѣна по 13-ти коп.

- 6 картинокъ въ краскахъ и 8 стр. текста. Цвѣтная обложка.

Cendrillon, ill. par Grivas.
 Tome Pouce, ill. par Vogel.
 Felle journée, ill. par Steinlen.
 Barbe bleue, ill. par Vogel.
 Pierrot, ill. par Jazet.
 L'assaut du moulin, ill. par Tofani.
 Le Chat botté, ill. par Myrbach.
 Le prince Saphir, ill. par Gumery.
 Riquet à la houppe, ill. par Vogel.

Цвѣт. серія.

in 4°. Цена по 8-ми коп.

6 картинъ въ краскахъ и 8 стр. текста.
 Цвѣтная обложка.
 Monsieur Dumolet, ill. par Vogel.
 Mon père m'a donné un mari, ill.
 par Bouisset.
 Saint-Nicolas et Guilleri, ill. par Vogel.
 Gribouille, ill. par Steinlen.
 Il était une bergère, ill. par Bouisset.
 Le Chevalier du Roi, ill. par Vogel.
 M. de la Palsse, ill. par Chovin.
 Malbrough, ill. par Clérice.
 Cadet Rousselle, ill. par Faria.
 La Mère Michel, ill. par Faria.
 Le Roi Dagobert, ill. par Chovin.
 Abe des tous petits, ill. par Bouisset.
 Le Renard et le Corbeau, ill. par
 Gélibest.
 Sur le pont du nord, ill. par Bouisset

Шестая серія.

in 16°. Цена по 5-ти коп.

6 гравюръ въ краскахъ и 8 стр. текста.
 Цвѣтная обложка.
 La Fête de Jeanne, ill. par Bouisset.
 Le Mariage de Toto, ill. par Bouisset.
 La Première Poupée, ill. par Bouisset.
 Le Voyage de Lucie, ill. par Godefroy.
 Le Jardin de Juliette, ill. par Godefroy.
 Le Bain de Minet, ill. par Bouisset.
 La Semaine de Noël, ill. par Bouisset.
 La petite fermière, ill. par Bouisset.
 La petite Ménagère ill. par Bouisset.

Седьмая серія.

in 4°. Цена по 1 руб.

Содержитъ около 30 иллюстрацій въ крас-
 кахъ. Цвѣтная картонная обложка.
 Le Voyage de mademoiselle Rosalie,
 illustré par A. Marie.
 Bambins et bambines, ill. par E. Harding.

Восьмая серія.

in 4°. Цена по 1 руб. 75 коп.

a jou née de Bébé, illustrat. par Bou-
 isset. Texte par Arnaud.
 Heureux âge, ill. par Harding.
 L'Album des enfants sages, illust.
 par Harding.

Книжки для дѣтей отъ 6—8 лѣтъ.

Дѣтская библиотека, форматъ in 6.
 Цена каждою тома безъ перепл., цвѣтн.
 обложка 40 коп., съ перепл. 65 коп.

Les histoires de tante Rose, par M-me
 de Bosguérard.

Mémoires de Cigarette, par Théo-Sritt.

Contes aux tout petits, par. P. Andri-
 veau.

Bébés en vacances, par M-me Gameau.

La chatte de M-lle Pida, par M-me de
 Paloff.

Petits amis, par M-me de Bosguérard.

Les Bons points de Bébé, par M-me de
 Sobol.

Mignonnettes, par M-me Noémi Balley-
 quier.

Scènes enfantines, par M-me Marie de
 Bosguérard.

Le petit monde, par M-me A. de Wailly.

Moi et mes poupées, par M-me de Bos-
 guérard.

L'histoire d'une troupe de marion-
 nettes, par M. A. de Brévillé.

Aimé pour son bon coeur, par M-lle
 Galouil.

La plage de Wimerux, par M-me
 Balleyguier.

*Les enfants de cigarette, par Théo-
 Critt.

*Les bonheurs de bonheurs de Pa-
 uline, par M-me de Bosguérard.

Le théâtre de Polichinelle, par le papa
 de Nénette.

*Une partie de plaisir, par Roger Dombre.

*Les mémoires d'un chèvre, par M-me
 la comtesse de T.

Les vacances de Paul, par M-me J. de
 Sobol.

Обозначенныя * имѣются только въ пере-
 плетѣ.

Книжки для дѣтей отъ 7—10 лѣтъ.

D'Hervilly, L'âge d'or de l'enfance.
 Histoires morales et amusantes, illustré.

Цена 4 руб.

Marel, Le petit monde. Enfentillage et
 poésies, illustré. Цена 3 руб.

Книжки для юношества отъ 10—12 лѣтъ.

Bibliothèque blanche.

Каждый томъ малоч. иллюстр. съ текстъ
 съ переплетъ по 1 руб.

Dickens Ch. L'Embranchement de Mugby.

Dumas (A.). La Bouillie de la comtesse
 Berthe.

Feuillet (Octave). La vie de Polichinelle.

Mayne-Reid. Les Exploits des jeunes
 Boërs.

Muller (Eugène). Récits enfantins.

Musset, (P. de). M. le Vent et M-me la
 Pluie.

Ourlinac (E). Le Prince Coqueluche.

Perrault. Les Lunettes, de Grand'Maman.

Sand (George). Gribouille.
Stahl (P.-J). Les Aventures de Tom Pouce.
— Contes de la tante Judith.
Verne (Jules). Un Hivernage dans les glaces.

Отъ 10—13 рубль.

Bibliothèque de l'éducation maternelle illustrée.

Каждый томъ безъ перепл. 1 р. 15 к., съ перепл. съ зол. обр. 1 р. 75 к.

Anfossi. Le secret de sir William.

„ Jacques l'abandonné.

Balleysier. Les Rodimbot.

„ M-lle Trimbalmouche.

Bellaigue. La vengeance d'un hautcoeur.

Bonhomme. Récis de l'oncle Paul.

Bovet. Histoire d'un garçon.

Garnoy. La nuit de Noël.

Dumont. Fables pour les petits.

Jane. Les 28 jours de Suzanne.

Monceau. Mon petit frère.

Paloff. Echos des vacances.

Quantin. Histoire de Germaine.

Sobol. Bouton d'or.

Witt. Les héros modestes.

Отъ 12—14 рубль.

Bibliothèque de la famille in 8°, вкл.

Каждый томъ съ переплетомъ съ зол. обр. по 3 р.

Rochemont. Au pays des fées, ill. par. Mès Carnoy. Les légendes de France, ill. par E. Zier.

Graffigny. Contes d'un vieux savant. Ill. par P. Nac.

Cooper. Bas de cuir, art. par Dubois, ill. en couleurs.

Mille et une nuits de la jeunesse Art. par Dubois, ill. en couleurs.

Нѣмецкія дѣтскія книги.

Крупная печать, хорошая бумага, изящныя иллюстраціи.

Новая изящная коллекція съ раскрашенными картинками по англійскому способу

отъ 25 коп. до 90 коп.

Первая серия, по 25 коп.

Glückliche Reise. — Tromm, Tromm, Dremm. — Puck. — Mein Miezi. — Eichhörchen auf Reisen. — Fürs Herzblättchen. — Im Freien. — Der Kinderomnibus. — Huckle-Puck. — Ein treuer Hausfreund. — Eisenbahn ABC.

Вторая серия, по 30 коп.

Bekanntes und Unbekanntes. — Was Vöglein singt. — Wasich weiss! — Zoologischer Garten.

Третья серия, по 45 коп.

Ein Besuch bei Grossmama. — Der Schneemann. — Unsere Kameraden. — Arche

Noahs. — Ringel, Ringel, Rosenkranz. — Puppen-Gesellschaft. — Die wunderliche Kutsche. — Robinson Crusoe. — In der Maienzeit. — Prinzessin Tausendschön. — Guckkasten. — Wer nicht „liebes Kindchen“ sein will. — Spielzeug Alphabet. — Garten Freuden.

Четвертая серия, по 60 коп.

Feierstündchen. — Von Nah und Fern. — Kleine und grosse Freunde. — Allerlei Gesellschaft.

Пятая серия, по 90 коп.

In Pelz und Flaum I (Der Thiere König). In Pelz und Flaum II (Eine Kleine Wohlthäterin. — Lustige Reigen. — Lieblings Kurzweil. — Komische Clowns. — Unsere Lieblingsthiere. — Familie Fagemaus. — Musjo Clown. — Ein Ausflug auf's Land. — Rothköpfehen.

Нѣмецкія дѣтскія книги по удешевленнымъ цѣнамъ.

Aus der Märchenwelt. Eine Auswahl d. schönsten deutschen Märchen gesammelt von Gebr Grimm, Bechstein und Anderen. Mit 10 bunten Bildern und vielen Textillustrationen вѣсто 1 р. 25 к. 1 р.

Biller, E. Lieschens kluge Einfälle Häschens Reise durch die Stube. Mariele und diesieben Puppen. Wie es Fritschen auf seiner Schwester Hochzeit ging, Mi vielen farbigen Illustrationen v. Kleinmichel. 4 kurze Geschichten in einem Bande gebunden вѣсто 2 р. 85 к.

Buch der Jugend, das., Bd. VII geb. вѣсто 4 р. 2 п. 50 к.

Hey, Fabeln für Kinder. In Bildern gezeichnet von Otto Speckter (Original-Ausgabe des weltbekanntesten, klassischen Kinderbuches) 2 Bände („50 Fabeln“ und „Noch 50 Fabeln“) cartonirt zusammen вѣсто 3 р. 60 к. 1 р. 50 к.

Deutsche Jugend. Gediegenste Auswahl, von Bildern, Erzählungen, Märchen, Reisegeschichten, Gedichten, Fabeln. вѣсто 3 р. 60 к. 2 руб.

Jugend deutsche. Illustrierte Jugend Familienbibliothek f. Knaben und Mädchen hrsg. v. Lohmeyer, вѣсто 2 р. 70 к. 1 п. 50 к.

Kletke, Hermann. Die Kinderwelt, in Märchen und Liedern. Mit zahlreichen Holzschnitten nach Original zeichnungen deutscher Künstler Eleg. gebunden, вѣсто 1 р. 80 к. 1 п.

Kröger. Märchen aus Heimat und Fremde. Mit 50 Original-Illustrationen, darunter 4 Buntdruckbilder, 248 Seiten in eleganten Einband, вѣсто 1 р. 50 к. 85 коп.

тка. Kindertäume Mit zahlreichen prächtigen Illustrationen von Claudius, eleg. geb. **кѣсто 3 p. 1 p. 50 к.**
hanz, 101 neue Fabeln. Mit Beiträgen von Bodenstedt, Lohmeyer., Sturm etc. Zahlreiche Illustrationen v. Flinzer. eleg. gebunden, **кѣсто 2 p. 50 к. 1 p. 50 к.**
Frösle, Franz. Kleine illustrierte Naturgeschichte für die Jugend. sechste vermehrte und vielfach verbesserte Auflage Mit 179 Holzschnitten und 15 Tafeln Abbildungen in Farbendruck. Elegant gebunden, **кѣсто 3 p. 1 p. 50 к.**
Sturm, J. Neues Fabelbuch. Mit. Ill. nach Originalzeichnungen von F. Flinzer cartonnirt, **кѣсто 1 p. 20 к. 75 к.**

Нѣмецкія азбуки.

Dietlein, R. Des Kindes erstes Lesebuch. Illustrierte Fibel mit farbigen Bildern. Auf Grundlage des mit dem Auschauungsunterrichte verbundenen ersten Sprech-, Schreib, u. Lese-Unterrichtes bearb. für Schule und Haus. **въ наукѣ 60 к.**
Eisenbahn A. B. C. mit vielen bunten Bildern. 25 к.
Gureke, J. Schreib—und Lese Fibel. Mit Holzschnitten von O. Speckter, **въ наукѣ 45 к.**
Haestors, A. Fibel oder der Schreib-Lese-Unterricht. **въ наукѣ 35 к.**
Schlimbach. Fibel, **въ наукѣ 35 к.**

Вышли изъ печати и разсланы подписчикамъ

I, II, III, IV, V, VI VII, VIII, IX и X-й выпуски

„ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ“ Юганна Шерра.

Переводъ сдѣланъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія подъ редакціей и съ приложеніями П. И. Вейнберга.

Все изданіе будетъ заключаться въ 20 выпускахъ, что составитъ два большіе тома въ 1.000 страницъ, со множествомъ гравюръ, картинъ, портретовъ, автографовъ, факсимиле и отдѣльныхъ приложений. Всѣ клише для этого изданія заказаны издателями для художественнаго выполненія въ Штутгартѣ (Германія). Отдѣлы русской и славянской литературы будутъ обработаны богѣе подробно и самостоятельно. Изданіе закончится весной 1896 года.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ВСЕ ИЗДАНИЕ:

Безъ доставки 6 р. Съ доставкой и пересылкой 8 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и затѣмъ ежемѣсячно по 1 руб. до уплаты всей суммы. По окончаніи изданія цѣна будетъ повышена. Первый выпускъ можетъ быть высланъ отдѣльно за 50 коп.

Вышли изъ печати и поступили въ продажу новыя изданія:

ДРЕЙФУСЪ. Мировая и социальная эволюція. Цѣна 1 р. 50 к.

ТОМА. Внушеніе и его роль въ воспитаніи. Цѣна 40 коп.

ДАНТЬ. Адъ. Переводъ въ стихахъ Н. Голованова, подъ редакц. проф. Ф. Буслова. Цѣна 1 р. 50 к.

ФЮСТЕЛЬ де-КУЛАНЖЪ. Древняя гражданская община. Цѣна 2 руб.

Подписка принимается и книги продаются въ книжномъ магазинѣ журнала „Русская Мысль“ В. М. Лаврова, уголъ Большой Никитской и Леонтьевскаго пер., д. 2—24. Издатели Д. В. Байковъ и К^о.

ЛѢКАРСТВЕННАЯ ТРАВА КУЗЬМИЧА „ЭФЕДРА.“

Отзвывы см. «Самар. Губ. Вѣд.» №№ 71 и 72-й—1889 г., «Новое Время» № 4993-й—1890 г., «Свѣтъ» № 164-й—1892 г. и № 74-й—1894 г., «Русь» № 17-й—1894 г., «Больничная Газета Боткина» № 19-й—1891 г. и много другихъ, какъ средство излѣчивающее: ревматизмъ всѣхъ видовъ, катарръ желудка и кишекъ, одышку, кашель, запоръ, малокровіе, дизентерію, вообще болѣзни живота, и возстановляетъ правильное пищевареніе (лѣченіе ею во всякое время года). Высылаю за деньги наложеннымъ платежомъ «Степная» 1 руб. фун., особо высокой сортъ смолисто-бальзамическаго свойства «Боровая» 3 руб. фун.; при требованіи боровой за пересылку не платятъ (кромя Сибири). Подробное наставленіе прилагаю при травѣ при 3 фун. степной или 2 фун. боровой и еще бесплатно брошюру о «Эфедрѣ».

Адресъ: Г. Бузулукъ, Самарской губерніи, въ складъ хвойника *Сертію Зиновьеву Орлову*.

ВЫШЕЛЪ И РАЗОСЛАНЪ ПОДПИСЧИКАМЪ № 4 (апрѣльскій) ПЕДАГОГИЧЕСКАГО И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАГО ЖУРНАЛА

„ОБРАЗОВАНИЕ“.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) „Основатель дѣтскихъ садовъ, его послѣдователи и противники“ (окончаніе). *П. Кантарева*.—2) „О женскомъ профессиональномъ образованіи“ (окончаніе). *А. Страннолюбскаго*.—3) „Какъ воспитывать женщину?“ *М. Б. Николасовой*.—4) „Дѣтская школа - впріуть“. *С. Шиль*.—5) „Новыя педагогическія движенія на Западѣ“ (Возвръненіа американцевъ на народную школу). *Е. Страннолюбской*.—6) „Критика и біографія“.—7) „Чарльвъ Дарвинъ, его жизнь и ученіе“. *Проф. Геффермина* (окончаніе), пер. съ нѣм. *М. Э.*—8) „Культурное значеніе нашего времени“. *Проф. Рилла*, пер. съ нѣм. *М. Чепинской*.—9) „Силы природы и естественные законы“ *А. Лампа*, пер. съ нѣм. *Н. Березина*.—10) „Декартъ и его значеніе“ (По поводу трехсотлѣтней годовщины), съ портретомъ. *Г. Панерна*.—11) „Прогрессъ въ органическомъ мірѣ“. *А. Эвола*.—12) „Мольеръ на деревенской сценѣ“. *Н. Арбатова*.—13) „Изъ жизни и литературы“ (По поводу двухъ литературныхъ поминокъ). *В. Амарскаго*.—14) „Изъ области знаній“ (Научныя бѣды). *Н. Кастійскаго*.—15) Хроника.—16) Статистика образованія.—17) Разныя извѣстія и сообщенія.—18) Объявленія.

При первомъ № всѣмъ подписчикамъ разослано 1-е приложеніе «Исторія аверобитнаго человечества». *М. Гернеса*, съ 45 рисунками, перев. съ нѣмец., съ предисловіемъ и примѣчаніями *Н. Березина*.

Цѣна за годъ съ приложеніями 5 рублей съ пересылкой.

За редактора-издателя *В. Сиповскій*.

Адресъ редакціи и конторы: Басковъ пер., 22.

ПОДЪ НОВОЮ РЕДАКЦІЕЙ
 ВЫШЛА СЕДЬМАЯ, АПРѢЛЬСКАЯ, КНИЖКА НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНАГО
 И ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„НОВОЕ СЛОВО“

СОДЕРЖАНИЕ: 1) „Волчья смѣть“. Романъ-хроника въ трехъ частяхъ. Часть третья. Вас. Немировича - Дамченко. 2) „Тарантелла“. Рассказъ. Мв. Бунина. 3) „Прощаніе“. Стихотвореніе. П. Я. 4) „Всемирная реформа въ дѣлѣ образованія“. И. Песенского. 5) „Александръ Ивановичъ Герценъ и Наталья Александровна Захарьина“ (Изъ переписки). 6) „Политическія партіи въ Америкѣ“. И. Максимова. 7) „Tussilage fœtida“. Повесть (Окончаніе). Д. Мамина - Сибиряка. 8) „Римъ“. Романъ Эммы Эммы Перев. Н. Шульгиной. 9) „Свѣтъ во мракѣ“. Романъ Вильяма Тауберка. Пер. съ англ. В. Т. 10) „Статистическіе и финансовыя вопросы общественнаго призрѣнія“ (Озвучаніе). Евг. Максимова. 11) „О страхованіи и перестрахованіи“. Д. Калугина. 12) „Милостивый критикъ“. В. В. 13) „Литература въ жизни и жизнь въ литературѣ“ (Письма третья). А. Снабичевского. 14) „Условія распространенія естественно-научныхъ знаній въ Россіи“. И. Рубакина. 15) „Представляетъ ли собою интеллигенція общественный классъ“. 16) Новая книга. 17) „Замѣтки о педагогической и дѣтской литературѣ“. В. П. 18) Обзоръ заграничной жизни: I. Интересы дна. II. Между журналами и газетами. В. Т. 19) Обзоръ внутренней жизни. Земство и города. Я. Абрамовъ. „Дѣло г-жи Штевень съ юридической точки зрѣнія“. И. Б.— „Переселенческое движеніе въ Тульской губерніи“ (1884—1890 гг.). Д. Успенскаго. Письма изъ провинціи. Изъ Новосильскаго уѣзда, Тульской губ. (О сельско-хозяйственныхъ рабочихъ). И. Николая Чудова.— Лутавскъ (Какъ живутъ рабочіе въ каменно-угольныхъ коняхъ). И. Эмченко.— Г. Валки, Харьковской губ. (Межевая неурядица). Ан. И.— Изъ Рязнскаго уѣзда, Рязанской губ. (Деревенская книжная торговля). И. И. Семенова. 20) „Толки о дѣшевнот реформѣ“. А. И.—ва. 21) Обо всемъ. О. Барановой. 22) Объявленія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Я. В. Абрамовъ, И. А. Бунинъ, В. В., И. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, Н. А. Каблуковъ, С. Н. Кривенко, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Г. А. Мачетъ, Николай —онъ, Л. Е. Оболенскій, И. Н. Потапенко, В. А. Поссе, А. С. Пругавинъ, Н. А. Рубакинъ, А. М. Снабичевскій, Б. М. Станюковичъ, В. А. Тимирязевъ, проф. Б. Тимирязевъ, А. П. Чеховъ, Щепотьевы (Е. С. и С. А.), В. Г. Яроцкій, А. М. Эртель и другіе.

Годовая подписка на ежемѣсячный научно-литературный и политическій журналъ (отъ 25—30 печ. лст.) Новое Слово принимается съ 1-го октября 1895 г. по 1-го октября 1896 г. Подписная цѣна съ пересылкой на годъ 10 р., на полгода 5 р., на три мѣсяца 2 р. 50 к., за границу на годъ 12 р., безъ пересылки 9 р.

Вторая ноябрьская и третья декабрьская книжки журнала „НОВОЕ СЛОВО“, печатавшіяся вторымъ изданіемъ, разосланы подписчикамъ.

Адресъ конторы редакціи: Спб., Спасская ул. (уг. Надеждинской), д. 15, кв. 1.
 Отдѣленіе конторы: Спб., Невскій пр., д. 54, Библиотека Черкесова.

Городская подписка принимается, кромѣ конторы редакціи и ея отдѣленія, въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, Н. П. Карбасникова, К. Риккера, Цинзерлинга (Мелье) и въ библиотекѣ Л. Т. Рубакиной (Бол. Польяцкая, д. 24).

Лица, выписывающія изданія О. Н. Поповой черезъ контору редакціи или ея отдѣленіе, за пересылку не платятъ, исключая изданій, выходящихъ по подпискѣ: Н. А. Добролюбова и Ч. Дарвина.

Редакторъ А. Н. Поповъ.

Издательница О. Н. Попова.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ

Н. ФЕНУ и К^о

поступили въ продажу, между прочимъ, слѣдующія новыя книги:

- Абиссинки въ борьбѣ за свободу.** Съ картой. Спб., 1896 г. Ц. 75 к.
- Абонгъ, И.** Доходное птицеводство въ мелкихъ хозяйствахъ. Съ 34 рис. Спб., 1896 г. Ц. 75 к.
- Зарукова, Н.** Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 10-я. Спб., 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Изма, Людвигъ.** Сочиненія въ перев. П. Вейнберга. Изд. 2-е. Спб., 1896 г. Ц. 3 р.
- Захаровъ, П.** На досугѣ. Сборникъ стиховъ. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.
- Лувье, Г.** Картины древне-римской жизни. Очерки общественного настроенія времени цезарей. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Восемиде или чудеса нашего времени.** М., 1896 г. Ц. 20 к.
- Гельгольцъ, Г.** О взаимодѣйствіи силъ природы. Спб., 1896 г. Ц. 15 к.
- Григоровой, Е.** Вилліамъ Шекспиръ. М., 1896 г. Ц. 75 к.
- Дидозъ, М.** Священное коронованіе русскихъ государей. Новгородъ, 1896 г. Ц. 25 к.
- Диндзекъ, Э.** Какъ воспитывать нашихъ дѣтей. Спб., 1896 г. Ц. 20 к.
- Волотаревъ, Л.** Устонъ семьи. М., 1896 г. Ц. 30 к.
- Волотаревъ, Л.** Гигіена брака. М., 1896 г. Ц. 50 к.
- Вахарукичъ, Д.** Грѣмъ и пѣсни. Стихотворенія. Изд. 4-е. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.
- Кавъ, Э.** Практическое руководство къ устройству электрическаго освѣщенія въ частныхъ домахъ, публичныхъ зданіяхъ, на фабрикахъ и т. п. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Коронованіе русскихъ государей.** Съ 9 карт. Спб., 1896 г. Ц. 20 к.
- Кузнецовъ, П.** Овцеводство. Изд. 2-е. Съ 100 рис. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 15 к.
- Левинсонъ, В.** Вѣроятныя операционныя линіи въ случаѣ войны франко-русскаго слова съ германско-австро-итальянскимъ. Спб., 1896 г. Ц. 60 к.
- Меліузоу, П.** Болѣзни нервной системы. Спб., 1896 г. Ц. 15 к.
- Московский кремль.** Воспоминаніе о его прошломъ. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.
- Марксонетъ, А.** Судебныя учрежденія во Франціи. Дворецъ юстиціи, его обитатели и нравы. М., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Незворозъ, Н.** Изъ путевыхъ педагогическихъ замѣтокъ о школахъ въ Германіи, Франціи, Италиі и Австріи. Спб., 1896 г. Ц. 75 к.
- Новиковъ, Н.** Живописецъ. Спб., 1896 г. Ц. 35 к.
- Новѣйшіе легкіе способы сознательно закрывать въ памяти все слышанное и читанное.** Спб., 1896 г. Ц. 60 к. Эта книга издава для дѣтскихъ канікулъ для всѣхъ.
- Отлобинъ, В.** Колористическій сборникъ. Обзорніе литературы за 1894 г. М., 1896 г. Ц. 5 р.
- Ожешкова, Э.** Надъ Нѣманомъ. Романъ. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Ожешкова, Э.** Милордъ. — Бабушка. М., 1896 г. Ц. 50 к.
- Поссе, В.** На холерѣ. М., 1896 г. Ц. 40 к.
- Рафаэловичъ, Л.** Что говорятъ противъ биметаллизма. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.
- Режесовъ, М.** Библиотека „Русской Мысли“. VI. Иудея и Римъ. М., 1896 г. Ц. 50 к.
- Сидоровъ, П.** Краткое руководство для любителей. Золоченіе и серебрѣніе металлическихъ предметовъ. Съ рис. Спб., 1896 г. Ц. 40 к.
- Сенкевичъ, Г.** Камо грядеши? Романъ. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Тарабукичъ, А.** Новая практическая грамматика. Этимология и синтаксисъ. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.
- Храповицкій, Свѣдѣнія** изъ топографіи. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.
- Чеховъ, А.** Бабье царство. Разсказъ. М., 1896 г. Ц. 20 к.
- Шикевичъ, В.** Наслѣдственность и попытки ея объясненія. Спб., 1896 г. Ц. 1 руб.

Целъ ссылка—по вѣсу и разстоянію. Частнымъ лицамъ—съ наложеннымъ платежомъ.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ ВТОРАЯ КНИЖКА ЖУРНАЛА

„Вопросы Философіи и Психологіи“

(Изданіе МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА).

Содержаніе: *В. И. Герье.* «Философія исторіи Гердера». — *Л. Е. Оболенскаго.* «Автономія челоѣвка въ прогрессѣ и ея стадіи». — *Кн. С. Н. Трубецкаго.* «Основанія идеализма». — *Л. М. Лопатина.* «Понятіе о душѣ по даннымъ внутренняго опыта». — *Н. Я. Грота.* «Памяти Н. Н. Стрехова. Къ характеристикѣ его философскаго міросозерцанія». — *Н. Н. Нелюева.* «Христіанская гармонія духа». — *А. Н. Берштейна.* «Мірѣ звуковъ, какъ объектѣ воспріятія и мысли». — *Критика и библиографія.* — *Письмо въ редакцію* (Письмо гр. Л. Н. Толстого, сообщенное г-жеи Невицкой). — *Н. Я. Грота.* «Нѣсколько словъ въ отвѣтъ В. А. Гольцеву». — *Психологическое Общество.* — *Извѣстія и замѣтки.* — Приложение: *А. А. Токарскаго.* «Записки психологической лабораторіи психіатрической клиники Императорскаго Московскаго университета.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ (съ 1-го января 1896 г. по 1-е января 1897 г.): безъ доставки—6 р., съ дост. въ Москвѣ—6 р. 50 к., съ перес. въ другіе города—7 р., за границу—8 руб.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 руб. Подписка на льготныхъ условіяхъ принимается только въ конторѣ журнала:

МОСКВА, Б. Никитская, уг. Леонтьевского пер., д. 2—24.

ТАМЪ ЖЕ ПРОДАЕТСЯ

новое изданіе Московскаго Психологическаго Общества:

КУНО ФИШЕРЪ.

АРТУРЪ ШОПЕНГАУЭРЪ.

Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей В. П. Преображенскаго.

Цѣна 3 руб.

Предсѣдатель Общества Н. Я. Гротъ. Редакторы: Л. М. Лопатинъ.
В. П. Преображенскій.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ журнала РУССКАЯ МЫСЛЬ В. М. Лаврова

доводить до всеобщаго свѣдѣнія, что при немъ съ 15 декабря 1895 года

открылась НОТНАЯ торговля,
сначала только для иногороднихъ.

Ноты могутъ быть высылаемы какъ за наличныя деньги, такъ и съ наложеннымъ платежомъ.

Выписывающихъ покорнѣе просятъ обозначать имя автора и opus сочиненія.

По соглашенію редакціи
НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ
и редакціи журнала „**РУССКАЯ МЫСЛЬ**“,
въ книжномъ магазинѣ журнала «**РУССКАЯ МЫСЛЬ**» В. М. Лаврова
принимается подписка въ разсрочку на
„Настольный Энциклопедическій Словарь“
изд. Т-ва Гранатъ и К^о.

8 томовъ (около 11,000 столбцовъ убористой печати). Изданіе окончено въ октябрь 1895 г. Первые шесть томовъ вышли вторымъ стереотипнымъ изданіемъ. „Настольный Энциклопедическій Словарь“ задается на бумагѣ двухъ разборовъ: обыкновенной (тонкой зеленовой) и лучшей (плотной зеленовой).

ЦѢНА: полному изданію на обыкн. бумагѣ: безъ перепл. 37 руб., въ издѣн. коленкоров. перепл. (новаго образца съ кожаными корешкомъ) 40 руб.; на лучшей бумагѣ: безъ переплета 44 руб. 80 коп., въ издѣнномъ коленкор. переплетѣ 48 руб.

За пересылку прилагается 10 коп. съ рубля стоимости. По желанію, изданіе можетъ быть выслано съ наложеннымъ платежомъ, причемъ при заказѣ должно быть приложено не менѣе 5 руб.

Съ 1-го мая 1896 г. цѣна полному изданію будетъ 38 рублей безъ переплета и 42 рубля въ переплетѣ. Подписка на экземпляры на лучшей бумагѣ съ того же времени прекращается.

Допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ:

Гр. служащіе въ казенныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ вносятъ при подпискѣ 5 руб. и, представивъ удостовѣреніе о нахожденіи на службѣ, получаютъ немедленно шесть томовъ изданія въ переплетѣ, затѣмъ уплачиваютъ ежемѣсячно по 2 рубля, вперѣд до оплаты остающейся суммы за восемь томовъ (т.-е. 36 руб. за экз. на обыкн. бум. и 43 руб. за экз. на лучшей бум.) и стоимость пересылки (для обыкн. бум. 4 руб., для лучш. бум. 4 руб. 80 коп.); 7-й томъ высылается по выплатѣ всего 28 руб., 8-й—по выплатѣ всей стоимости изданія.

Частныя лица вносятъ при подпискѣ 5 руб. и получаютъ шесть томовъ съ наложеннымъ платежомъ въ 5 руб., затѣмъ уплачиваютъ каждый мѣсяцъ по 2 р. или какъ же три мѣсяца по 6 р., вперѣд до полной оплаты остающейся суммы за восемь томъ въ (30 руб. за экз. на обыкн. бум., 38 руб. за экз. на лучш. бум.) и стоимости пересылки (для обыкн. бум. 4 руб., для лучш. 4 руб. 80 коп.). 7-й томъ высылается по выплатѣ всего 28 руб., а 8-й—по выплатѣ всей стоимости изданія.

Въ виду того, что „Снимковъ съ картинъ классическихъ художниковъ“ (4 серіи по 1 снимковъ) остается лишь сравнительно небольшое количество, таковыя будутъ выданы только лицамъ, подписавшимся на изданіе до 1 февраля 1895 г.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
журнала **Русская Мысль**,

уголъ Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской, д. 2—24,

продаются по пониженной цѣнѣ оставшіеся экземпляры слѣдующихъ сочиненій:

Головачевъ, А. А. «Десять лѣтъ реформъ». Въсто 3 р. за 1 руб. 50 коп.

— «Исторія желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи». Въсто 2 р. 40 к. за 1 р.

Массе. «Исторія кусочка хлѣба». Въсто 1 р. 50 к. за 75 к.

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“

ИЗДАВАЕМОЕ

Н. В. Михайловской и Вл. Г. Короленкомъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1896 годъ.

Подписная цѣна: На годъ съ доставкой и пересылкой 9 р., безъ доставки въ Петербургъ и Москвѣ 8 р., за границу 12 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ журнала—Вассейная ул., 10. Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы—Никитскія ворота, д. Гагарина.

При непосредственномъ обращеніи въ контору или въ отдѣленіе допускается разсрочка: для городскихъ и иногороднихъ подписчиковъ съ доставкой: при подпискѣ 5 р. и къ 1-му іюля 4 р., или при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣля 3 р. и къ 1-му іюля 3 р.

Другихъ условій разсрочки не допускается.

Не уплатившимъ подписныхъ денегъ въ означенные сроки высылка журнала прекращается.

Для городскихъ подписчиковъ безъ доставки допускается разсрочка по 1 руб. въ мѣсяць—до 1-го сентября.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ только 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Подписка въ разсрочку отъ книжныхъ магазиновъ не принимается.

Подписчики „Русскаго Богатства“, уплатившіе подписную сумму сложна, пользуются уступкой при выпискѣ книгъ въ петербургской конторѣ журнала или въ московскаго отдѣленія конторы.

Редакторы: П. В. Биковъ, С. М. Певель.

	Стр.
XVI. ОБЪ ОТКРЫТЫХЪ РЕНТГЕНОМЪ X-ЛУЧАХЪ.—П. Н. Лебедева.	150
XVII. ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ БИОЛОГИИ. (<i>Yves Delage</i> : «La structure du protoplasma et les théories sur l'hérédité et les grands problèmes de la biologie générale».)—М. Г.	159
XVIII. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: XXIV передвижная выставка картинъ.—Выставка типовъ Христа.—Работы А. Д. Кившенко. Ам.	176
XIX. ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ НАБЛЮДЕНІЙ.—О. Т. В.	185
XX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Бумажный рубль, золото и серебро.—(По поводу проекта денежной реформы). А. А. Исаева.—Отъ комитета по присужденію премій при Харьковскомъ университетѣ. Отъ комитета Общества вспомошествованія студентамъ С.-Петербургскаго университета	193
XXI. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г.	217
XXII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Публицистика.—Психологія, педагогика.—Исторія литературы, исторія, біографія. — Политическая экономія. — Юридическія книги.—Техническія книги.—Медицина.—Учебники. II. Периодическія изданія: «Русское Богатство», <i>мартъ</i> . — «Русскій Вѣстникъ», <i>апрѣль</i> . — «Вѣстникъ Европы», <i>апрѣль</i> . — «Русское Обозрѣніе», <i>мартъ</i> . III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 апрѣля по 1 мая 1896 г.	203 241
XXIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ	274

„Русская Мысль“

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Условія подписки на 1896 годъ:

(СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ)

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста					
Россіи	1 ^р	9 р. — „	6 р. 3 р. —	1 р.	
За границу.	1 ^р	10 р. 50 к.	7 „ 3 „ 50 к.	—	

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 юля и 1 октября по 3 руб.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ полнаго годоваго экземпляра. Съ подписокъ въ разсрочку уступокъ имъ не дѣлается.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе уплачивается 50 коп. За перемѣну иногородняго адреса на иногородній и иногородняго на городской уплачивается по 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ при разсрочкѣ подписной платы необходимо прилагать печатный адресъ бандероли или сообщить его №.

Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позднѣе 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ почтоваго департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—уголъ Леонтьевского пер. и Большой Никитской ул., д. № 2--24.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К^о, Невскій просп., домъ Армянской церкви.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Л. Идзиковскаго.

Книжный магазинъ журнала «Русская Мысль» В. М. Лаврова принимаетъ подписку на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги и ноты.

Редакторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

І Ю Н Ъ.

МОСКВА.

Типо-лит. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,

Пименовская ул., собств. домъ.

1896.

Окончаніе повѣсти „Черноморская Сирена“ по болѣзни
автора будетъ напечатано въ іюльской книгѣ Р. М.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.	
I. ДРАМА ЗА СЦЕНОЙ. Повѣсть. <i>Окончаніе.</i> — Вл. И. Немировича-Данченко	1
II. ХИЩНИКЪ. Фрэнкса Дана. Переводъ съ англійскаго Н. Б.	57
III. СТИХОТВОРЕНІЯ.—К. Д. Бальмонта.	70
IV. МЕЛОЧИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Переводъ съ французскаго Н. К.	72
V. СЕРГѢЙ ШУМОВЪ. Повѣсть.—Н. И. Тимковскаго.	105
VI. ПАСТЕЛИ. Яна Лады. Переводъ съ польскаго В. М. Л.	138
VII. ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА КЪ ЕГО ФРАНЦУЗСКИМЪ ДРУЗЬЯМЪ. (Съ предисловіемъ и призываніями И. Д. Гальперина-Каминскаго).	174
VIII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—В. Полтавцева	190
IX. ШВЕДСКАЯ ВОЙНА 1788—90 гг. (По новымъ даннымъ изъ французскихъ архивовъ). <i>Окончаніе.</i> —А. Брионера	1
X. КАЛУЖСКОЕ ГУБЕРНСКОЕ ПО КРЕСТЬЯНСКИМЪ ДѢЛАМЪ ПРИСУТСТВІЕ ПРИ В. А. АРЦИМОВИЧЪ (1861—1863 гг.). <i>Окончаніе.</i> —П. Н. Обинскаго.	21
XI. КЪ ВОПРОСУ О ВЕРХОВНОМЪ ТАЙНОМЪ СОВѢТѢ. (По поводу <i>Легенды объ олигархическихъ тенденціяхъ верховнаго тайнаго совѣта въ царствованіе Екатерины I</i> , проф. А. С. Алексѣева).—А. Н. Филиппова	54
XII. ГОРОДСКІЯ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА О БѢДНЫХЪ ВЪ МОСКВѢ.—В. Волларярскаго	80

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Поступили въ продажу новыя изданія редакціи журнала „Русская Мысль“:

БЕЗЪ ДОГМАТА.

РОМАНЪ.

Генрика Сенкевича.

3-е изданіе. Переводъ В. М. Лаврова.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

КАМО ГРЯДЕШИ?

(QUO VADIS).

Романъ изъ временъ Нерона.

Генрика Сенкевича.

Переводъ В. М. Лаврова.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ В. М. Лаврова, уголъ Большой Никитской и Леонтьевского пер., д. 2—24.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ.

РОМАНЪ.

Переводъ В. М. Лаврова.

Цѣна 3 руб.

Покупающіе „Камо грядеши“ и „Семью Поланецкихъ“ платятъ за обѣ эти книги вмѣстѣ 3 р. 50 к. Подписчики „Русской Мысли“ пользуются уступкой 10%.

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИЖИ:

„НАДЪ НѢМАНОМЪ“.

Романъ въ 3 частяхъ Элизы Омешковой. Переводъ съ польскаго В. М. Лаврова.

Издание редакціи журнала „Русская Мысль“.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

„ВЪ ВОЛОСТНЫХЪ ПИСАРЯХЪ“

Н. М. Астырева.

Второе, дополненное издание редакціи журнала „РУССКОЙ МЫСЛИ“, съ портретомъ автора.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Пересылка по разстоянію. Подписчики «РУССКОЙ МЫСЛИ» пользуются 10% уступки.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ журнала «РУССКАЯ МЫСЛЬ» В. М. Лаврова.

(Москва, Большая Никитская, домъ № 2—24).

Поступили въ продажу новыя изданія редакціи
журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“:

Короленко.

„Стерки и Разказы“.

Кн. 1-я, издание 7-е. Цѣна 1 руб. 50 коп. Кн. 2-я, издание 3-е.
Цѣна 1 руб. 50 коп.

Короленко.

„Слѣпой музыкантъ“.

Издание 5-е. Цѣна 75 коп.

Складъ изданій въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ журнала *Русская Мысль* В. М. Лаврова (Москва, уг. Б. Никитской ул. и Леонтьевскаго пер., домъ 2—24). Подписчики *Русской Мысли*, выписывающіе изъ означеннаго склада, пользуются уступкой 10%. Складъ въ С.-Петербурѣ: въ редакціи журнала *Русское Богатство*.

Энциклопедическій словарь „Брокгауза и Ефрона“

(начатый проф. И. Е. Андреевским);

П О Д Ъ Р Е Д А К Ц І Е Й

Н. Н. АРСЕНЬЕВА и заслуженнаго профессора В. В. ПЕТРУШЕВСКАГО,

при участіи редакторовъ отдѣловъ:

Проф. А. Н. Бенетовъ (биологич. науки).

С. А. Венгеровъ (исторія литературы).

Проф. А. И. Воейковъ (географія).

Проф. Н. И. Каръевъ (исторія).

А. И. Сомовъ (изящн. искусства).

Проф. А. И. Менделѣевъ (химико-технич. и фабрично-завод.).

Проф. В. Т. Соболевскій (сельско-хозяйственный и лесоводство).

Владиміръ Соловьевъ (философія).

Проф. Н. Ф. Соловьевъ (музыка).

Энциклопедическій словарь выходитъ каждые два мѣсяца по полумомамъ, въ 30 лист. убористой печати. Въ настоящее время вышла 34 полумома. Всего полумомамъ предположено 46 пятдесяти. Цѣна за каждый полутомъ (въ переплетѣ) 3 руб., за доставку 40 коп. Въ Москвѣ и другихъ университетскихъ городахъ за доставку не платятъ.

Словарь обнимаетъ собою свѣдѣнія по всемъ отраслямъ наукъ, искусствъ, литературы, исторіи, промышленности и прикладныхъ знаній.

Текстъ помѣщаемыхъ въ словарь статей составляетъ самостоятельно русскими учеными и специалистами, причемъ все касающееся Россіи обрабатывается наиболее полно и тщательно. Значительная часть русской географіи обрабатывается членами географическихъ экспедицій, посѣдившими съ научными цѣлями описываемыя или мѣстности. Для каждой губерніи и области дается специальная карта. Кроме географ. картъ приложены разнообразныя иллюстраціи, служащія наглядной составной частью энциклопедическаго цѣла.

По соглашенію редакціи Энциклопедическаго Словара и нижняго магазина журнала „Русская Мысль“ В. М. Лаврова, подлѣсна принимается въ означенномъ магазинѣ. Угелъ Большой Никитской и Леонтьевскаго пер., А. № 2—24.

Допускается разсрочка на слѣд. услов.: при подпискѣ вносится задатокъ 10 руб., послѣ чего выданыя имѣющіеся на-лицо полумома; остальная сумма долга выплачивается ежемѣсячными взносами отъ трехъ рублей. Правительственные и частныя учрежденія задатка не вносятъ.

Объявления.

РЕДАКЦІЯ „РУССКОЙ МЫСЛИ“

предприняла новое изданіе, которое будетъ выходитьъ подъ названіемъ:

„Библиотечка Русской Мысли“.

Въ составъ этого изданія войдутъ беллетристическія произведенія, какъ оригинальныя, такъ и переводныя, и популярныя сочиненія по всѣмъ отраслямъ науки. Въ теченіе года выйдутъ отъ 15 до 20 книжекъ. Первые книжки:

И.

ЧЕРЕЗЪ СТЕПИ.

Повѣсть Генрика Сенневича, переводъ В. М. Лаврова.

Цѣна 40 коп.

II.

К Л Е О П А Т Р А

Картинки античной жизни М. Н. Ремезова.

Цѣна 40 коп.

III.

ЮБИЛЕЙ.

(Не совсемъ обыкновенная исторія).

М. Н. Альвова.

Цѣна 1 руб.

IV.

ПОВѢДА. НА СВЕРХЪ ДИКОМЪ.

Н. С. Баранцевича.

Цѣна 1 руб.

V.

МИЛОРДЪ. — БАБУШКА.

Элизы Ожешковой.

Цѣна 50 коп.

VI.

ИУДЕЯ И РИМЪ.

Картинки античнаго міра М. Н. Ремезова.

Цѣна 50 коп.

Вышли и продаются въ книжномъ магазинѣ В. М. Лаврова, уголъ Большой Никитской и Леонтьевского пер., д. 2—24.

Въ слѣдующія книжки войдутъ произведенія В. А. Гольцева, М. Конопницкой, М. С. Коренна, В. Кослякевича, Вас. Из. Немировича-Данченко, Э. Ожешковой, М. Н. Ремезова, К. М. Станюковича, А. Шиманьскаго, А. П. Чехова и другихъ.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

КНИГА VI.

МОСКВА.

1896.

Москва, типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и др.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.	
I. ДРАМА ЗА СЦЕНОЙ. Повѣсть. <i>Окончаніе.</i> —Вл. И. Немировича-Данченна	1
II. ХИЩНИКЪ. Фрэнсиса Дана. Переводъ съ англійскаго Н. Б.	57
III. СТИХОТВОРЕНІЯ.—Н. Д. Бальмонта	70
IV. МЕЛОЧИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Переводъ съ французскаго Н. К.	72
V. СЕРГѢЙ ШУМОВЪ. Повѣсть.—Н. И. Тимковскаго	105
VI. ПАСТЕЛИ. Яна Ладх. Переводъ съ польскаго В. М. Л.	138
VII. ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА КЪ ЕГО ФРАНЦУЗСКИМЪ ДРУЗЬЯМЪ. (Съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. Д. Гальперина-Ваминскаго).	174
VIII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—В. Полтавцева	190
IX. ШВЕДСКАЯ ВОЙНА 1788—90 гг. (По новымъ даннымъ изъ французскихъ архивовъ). <i>Окончаніе.</i> —А. Бриннера.	1
X. БАЛУЖСКОЕ ГУБЕРНСКОЕ ПО БРЕСТЬЯНСКИМЪ ДѢЛАМЪ ПРИСУТСТВІЕ ПРИ В. А. АРЦИМОВИЧЪ (1861—1863 гг.). <i>Окончаніе.</i> —П. Н. Обнинскаго.	21
XI. КЪ ВОПРОСУ О ВЕРХОВНОМЪ ТАЙНОМЪ СОВѢТѢ. (По поводу <i>Легенды объ олтѣрхическихъ тенденціяхъ верховнаго тайнаго совѣта въ царствованіе Екатерины I</i> , проф. А. С. Алексѣева).—А. Н. Филиппова	54
XII. ГОРОДСКІЯ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА О БѢДНЫХЪ ВЪ МОСКВѢ.—В. Воллярларскаго	80

	Стр.
XIII. О ВВЕДЕНИИ ОБЩЕДОСТУПНАГО НАЧАЛЬНАГО ОБУЧЕНИЯ ВЪ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.—В. А. Крандіевскаго	92
XIV. СОВРЕМЕННЫЙ МАДАГАСКАРЪ.—М. Венюкова	104
XV. СЕКРЕТНОСТЬ НАШЕГО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛѢДСТВІЯ.— В. С. Малченка	123
XVI. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—И. И. Иванюкова	149
XVII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Коронаваніе Ихъ Императорскихъ Величествъ.—Правила о примѣненіи Судебныхъ Уставовъ въ Сибири.—Школьное дѣло въ Московской губерніи.—Необхо- димыя дополненія въ законахъ, касающихся охраны малолѣт- нихъ.—Отхожіе промыслы сельскихъ рабочихъ.—Съѣздъ вра- чей въ память Н. И. Пирогова.—† Н. В. Водозовъ	173
XVIII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г.	185
XIX. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книжки: Беллетристика.— Философія и психологія.—Исторія, мемуары, біографія.—Этно- графія.—Юридическія книги.—Естествознаніе.—Сельское хо- зяйство.—Учебники, книги для дѣтей.—Народныя книги. II. Периодическія изданія: «Русское Богатство», <i>апрѣль</i> .— «Вѣстникъ Европы», <i>май</i> .—«Сѣверный Вѣстникъ», <i>май</i> .— «Русскій Вѣстникъ», <i>май</i> .—«Дѣтскій Отдыхъ», <i>апрѣль</i> .— «Всходы», <i>май</i> . III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редак- цію журнала «Русская Мысль» съ 1 мая по 1 іюня 1896 г.	241
XX. ОБЪЯВЛЕНІЯ	265

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯДСКІЙ

и проч., и проч., и проч.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Изволеніемъ и милостію Господа Вседержителя, совершивъ въ сей торжественный день обрядъ Священнаго Коронованія и воспріявъ Святое Мупомазаніе, повергаемъ къ Престолу Царя Царствующихъ съ усерднымъ моленіемъ, да благословитъ Онъ Царствованіе Наше на благо возлюбленнаго Отечества и да утвердитъ Насъ въ исполненіи священнаго обѣта Нашего—вѣрно и неуклонно продолжать унаслѣдованное отъ Вѣнценосныхъ Предковъ дѣло строенія Земли Русской и укрѣпленія въ ней вѣры, добрыхъ нравовъ и истиннаго просвѣщенія.

Вникая въ нужды всѣхъ нашихъ вѣроподданныхъ и обращая взоры Наши въ особенности на страждущихъ и обремененныхъ, хотя бы и по собственной винѣ или нерадѣнію, слѣдуемъ влеченію сердца даровать и имъ возможныя облегченія, дабы, въ сей достопамятный день Священнаго Вѣнчанія Нашего на Царство, они, вступивъ на стезю обновленной жизни, могли радостно участвовать во всенародномъ ликованіи.

Въ сихъ видахъ Всемилостивѣйше повелѣваемъ:

1. Даровать нижеслѣдующія облегченія по разнаго рода сборамъ:

1. Сложить со счетовъ всѣ числящіяся къ 1 января 1896 г. недоимки:

а) въ губерніяхъ Европейской Россіи—государственнаго поземельнаго налога, и

б) въ губерніяхъ Царства Польскаго—поземельнаго налога, поземельнаго на содержаніе гминныхъ судовъ сбора и подымной подати крестьянской посадской и дворской.

2. Въ теченіе десяти лѣтъ, начиная съ 1896 г., взимать исчисляемыя со всѣхъ сословій государственный поземельный налогъ въ Европейской Россіи въ размѣрѣ половины нынѣ установленныхъ среднихъ по губерніямъ окладовъ, а въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ средній подесятинный окладъ превышаетъ десять копѣекъ на десятину,—пять копѣекъ съ десятины.

3. Въ теченіе указаннаго въ предыдущемъ п. 2 срока, взимать въ половинномъ размѣрѣ въ губерніяхъ Царства Польскаго—крестьянскій, посадскій и дворскій добавочный поземельный налогъ и поземельный на содержаніе гминныхъ судовъ сборъ.

4. Если въ теченіе указаннаго въ п. п. 2 и 3 десятилѣтнаго срока послѣдуетъ уменьшеніе поименованныхъ въ сихъ пунктахъ сборовъ,—взимать до истеченія означеннаго срока половину вновь установленнаго уменьшеннаго оклада.

5. Сложить со счетовъ всѣ числящіяся ко дню Коронаванія Нашего недоимки по отгѣненнымъ въ Европейской Россіи подушной и оброчной податямъ и лѣсному налогу.

6. Сложить со счетовъ по подушной и оброчной податямъ въ Сибирити часть недоимокъ, которая къ 1 января 1896 г. числится на личной отвѣтственности плательщиковъ; остальную недоимку, числящуюся къ тому же сроку, по сямъ податямъ, а равно по поземельному налогу въ Туркестанскомъ краѣ, по подымной подати съ сельскаго населенія Кавказа и по подати кибиточной—разсчитать, съ такимъ разсчетомъ, чтобы въ уплату на каждый годъ причиталось не болѣе одной десятой части годового оклада.

7. Сложить съ евреевъ-земледѣльцевъ Екатеринославской губерніи недоимку оброчной подати, образовавшуюся до 1 января 1887 г.

8. Сложить со счетовъ числящіяся къ 1 января 1896 г. недоимки на прямымъ податямъ и окладнымъ сборамъ, взимаемымъ въ возсоединенной съ Россіею, по Берлинскому трактату 1878 г., части Бессарабіи (Свод. Зак. т. V, Уст. о прям. налог., изд. 1893 г., ст. 3).

9. Сложить со счетовъ числящіяся къ 1 января 1896 г. недоимки:

а) по взимаемому съ туземнаго населенія Кавказа налогу, взамѣнъ исполненія воинской повинности натурой, и

б) по подымной подати съ городского населенія Кавказа.

10. Сложить и исключить изъ счетовъ ту часть накопившихся къ 1 января 1896 г. недоимокъ по лѣсному налогу, платимому крестьянами въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ не выданы владѣнные записи, и населеніемъ горнозаводскихъ округовъ, которая превышаетъ годовой окладъ этого налога, исчисленный въ размѣрѣ оклада 1895 г., съ тѣмъ: а) чтобы неподлежащая сложению часть означенныхъ недоимокъ взыскивалась затѣмъ ежег (не въ размѣрѣ не менѣе одной пятой части годового оклада, и б) чтобы лица, коимъ предоставлена была уже разсрочка недоимки на срокъ свѣше пяти лѣтъ, пользовались этою льготою и впредь за уменьшеніемъ общей суммы недоимки въ указанномъ выше размѣрѣ.

11. Сложить всю числящуюся по 1 января 1896 г. на калмыкахъ, живущихъ въ Астраханской губерніи, а также на калмыкахъ Большедеревскаго улуса Ставропольской губерніи недоимку вѣбиточнаго сбора, взимаемаго на основаніи Высочайше утвержденнаго, 16 марта 1892 г., мнѣнія Государственнаго Совѣта.
12. Простить всё причитающіяся по 1 января 1896 г. недоимки по яному сбору и оброчной подати, платимымъ кочевыми, бродячими и другими инородцами Кабинету Нашему.
13. Изъ недоимокъ по полупроцентному сбору, взимаему на содержаніе Петербургской пригородной полиціи, простить съ каждаго плательщика триста рублей.
14. Оставить безъ взысканія тѣ недоимки по окладнымъ сборамъ, понованнымъ въ предшествующихъ п. п. 1—13 настоящей статьи I, которыя слѣдовали къ поступленію за время по 1 января 1896 г., но по какому-либо причинамъ не зачислены по день Коронованія Нашего по департаменту Казначействъ.
15. Оставить безъ взысканія и сложить со счетовъ всё безъ исключенія недоимки, накопившіяся по 1 января 1895 г. и почему бы то ни было не взысканныя по день Коронованія Нашего, въ платежахъ за земельныя угодья, предоставленныя въ пользованіе по уставнымъ грамотамъ казеннымъ горнымъ заводамъ, хотя бы угодья эти и не были окончательно отведены въ надѣль тому населенію.
16. Сложить недоимки по поземельному оброку, образовавшіяся по день Коронованія Нашего за крестьянами изъ бывшихъ горнозаводскихъ дѣлъ и ихъ семействъ Алтайскаго и Нерчинскаго округовъ вѣдомства Минета Нашего по уставнымъ грамотамъ и за пользованіе землями вообще сверхъ уставныхъ грамотъ.
17. Сложить въ полной суммѣ недоимки съ пеней, числящіяся по день Коронованія Нашего за переселенцами, водворенными на казенныхъ земляхъ на основаніи Высочайше утвержденныхъ, 10 іюля 1881 г. и 17 марта 1884 г., положеній Комитета Министровъ, по арендной платѣ за земли за время пользованія таковыми, до уменьшенія, на основаніи Высочайше утвержденнаго, 28 ноября 1894 г., мнѣнія Государственнаго Совѣта, первоначально назначенныхъ за нихъ платежей.
18. Сложить съ переселенцевъ, на которыхъ распространяется дѣйствіе статей 19—24 прилож. въ ст. 33 (прим. 2) Общ. пол. о крест. (Свод. Зак. т. IX, Особ. прил. I, по прод. 1891 г.), всё по день Коронованія Нашего недоимки въ казенныхъ сборахъ, числившіяся по прежнимъ обещаніямъ и переведенныя по мѣсту новой приписки недоимщиковъ.
19. Сложить изъ причитающихся къ поступленію въ казну за время по 1 января 1896 г. сборовъ съ торговли и промышленности (Свод. Зак. т. V, Уст. о прим. налог., изд. 1893 г., ст. 213—454),—за исключеніемъ тѣхъ и тѣхъ значительнаго процентнаго сбора,—тѣхъ, которые не превышаютъ

пятидесяти рублей; суммы же сборовъ, превышающія означенный развѣтъ, уменьшить на пятьдесятъ рублей каждую.

20. Сложить всѣ образовавшіяся къ 1 января 1896 г. недоимки и горныхъ податяхъ, въ отдѣльности не превышающія пятидесяти рублей по недоимкамъ же въ сихъ податяхъ на большую сумму исключить по пятидесяти рублей изъ каждой статьи.

21. Простить не взысканныя по день Коронованія Нашего суммы доходнаго и шоссейнаго казенныхъ сборовъ не свыше трехсотъ рублей каждое отдѣльное лице.

22. Оставить безъ взысканія недоимки въ пошлинахъ съ земельныхъ плановъ и книгъ, опредѣленныхъ ко взысканію за пять и болѣе лѣтъ до дня Коронованія Нашего.

23. Сложить числящіяся по день Коронованія Нашего на служащихъ въ Алтайскомъ и Нерчинскомъ округахъ вѣдомства Кабинета Нашего недоимки по случаю увеличенія окладовъ содержанія и пенсій изъ заводскихъ суммъ; не начисленные же по сей день недоимки въ сихъ сборахъ не числять.

24. Простить всѣ недоимки съ начатами и пенями, опредѣленные взысканію въ пользу казны, на основаніи дѣйствовавшихъ въ губерніи Царства Польскаго, до введенія въ оныхъ Устава о питейномъ сборѣ, и воноположеній по питейной части.

II. Простить причитающіеся, но еще не взысканные по день Коронованія Нашего:

1. Всякаго рода штрафы и пени по взимаемымъ въ казну прямымъ налогамъ (Свод. Зак. т. V, Уст. о прям. налог., изд. 1893 г., ст. 1), кромѣ упомянутыхъ въ п. 2 сей статьи II, а также по пошлинамъ вѣрностнымъ и съ безмезднаго перехода имущества.

2. Штрафы, не превышающіе трехсотъ рублей, за совершенныя по день Коронованія Нашего нарушенія правилъ о налогахъ съ торговли и промышленности (Свод. Зак. т. V, Уст. о прям. налог., изд. 1893 г., ст. 213—454), правилъ о сборѣ съ паровыхъ котловъ (Высочайше утвержденное, 14 марта 1894 г., мнѣніе Государственнаго Совѣта, отд. VII, ст. 5 и статей 153—155 Устава о промышленности (Свод. Зак. т. XI, ч. I, изд. 1893 г.); штрафы же, превышающіе означенную сумму, уменьшить на триста рублей каждый.

3. Взысканія за совершенныя по день Коронованія Нашего нарушенія Устава о гербовомъ сборѣ—въ размѣрѣ не свыше трехсотъ рублей на каждомъ нарушеніи; по взысканіямъ, превышающимъ означенную сумму сложить триста рублей по каждому нарушеніи; взысканія же по таковымъ нарушеніямъ, совершеннымъ за пять и болѣе лѣтъ до дня Коронованія Нашего и обнаруженнымъ до сего дня, простить на всякую сумму.

4. Пени, начисленные за несвоевременный взносъ пособій Государственному Казначейству.

5. Начтенные на частныхъ горнопромышленниковъ: а) пени за свое-

временный взносъ подесятиной платы за площади, отведенныя подъ разработку ископаемыхъ, и за несвоевременный взносъ подати за добытую руду, и б) штрафы за нарушение Горнаго Устава.

6. Пени за несвоевременный взносъ подесятинной платы съ расположенныхъ на казенныхъ земляхъ присковъ.

7. Тѣ части взысканій, не свыше трехсотъ рублей съ каждаго лица, дозволенныхъ, но еще не взысканныхъ по 1896 г., съ нарушителей уставовъ о рыбныхъ и тюленьихъ промыслахъ въ водахъ Каспійскаго моря и восточной части Закавказскаго края, кои, на основаніи примѣч. 2 къ ст. 16 и ст. 769 Уст. сел. хоз. (Свод. Заб. т. XII, ч. 2, изд. 1893 г.), вступаютъ къ поступленію въ доходъ казны.

8. Штрафы за неправильное вчинаніе тяжбъ и исковъ и слѣдующую пользу казны половину штрафовъ за неправую апелляцію, которые назначены до дня Коронованія Нашего.

9. Наложенныя въ порядкѣ административномъ взысканія за самовольныя отлучки за границу, за исключеніемъ части сихъ взысканій, подлежащихъ обращенію въ доходъ городовъ и въ инвалидный капиталъ.

III. Сложить изъ недоимокъ по овладнымъ сборамъ, пошлинамъ и взысканіямъ, не подходящимъ подъ дѣйствіе предыдущихъ статей I и II, а также по издержкамъ на содержаніе и пересылку арестантовъ и выдачамъ въ казны, на счетъ виновныхъ, кормовыхъ и суточныхъ денегъ и прощювъ, образовавшихся по день Коронованія Нашего, какъ числящихся въ счетахъ, такъ и не начисленныхъ или разсроченныхъ,—тѣ, которыя въ отдѣльности не превышаютъ пятидесяти рублей; по недоимкамъ же на большую сумму исключить по пятидесяти рублей изъ каждой статьи.

IV. Дѣйствіе предыдущихъ статей I, II и III не распространяется:

а) на суммы, казны не принадлежащія и хотя находящіяся въ распоряженіи Правительства, но имѣющія специальное назначеніе;

б) на взысканія по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ;

в) на недоимки по патентнымъ и акцизнымъ сборамъ и таможеннымъ пошлинамъ;

г) на капиталныя суммы пособій Государственному Казначейству — и

д) на недоимки третнаго жалованья состоящихъ на службѣ лицъ, получающихъ оное.

V. Сложить образовавшіяся за десять и болѣе лѣтъ до дня Коронованія Нашего недоимки по арендѣ отъ казны дохода отъ пропинаціи на крестьянскихъ земляхъ въ губерніяхъ Царства Польскаго; изъ недоимокъ же этого рода, образовавшихся за время отъ пяти до десяти лѣтъ до сего дня, исключить по триста рублей по каждой статьѣ; штрафы, пени и проценты за несвоевременный взносъ платежей по арендѣ означеннаго дохода, причитающіеся, по еще не взысканнымъ по день Коронованія Нашего, прощать сполна.

VI. Простить всѣ образовавшіяся по 1 января 1896 г. недоимки на пенсияхъ, перебравшихъ пенсію изъ казны, а равно содержаніе и пенсію изъ

заводских сумм Алтайскаго и Нерчинскаго округовъ вѣдомства Кабинета Нашего, и на лицахъ, виновныхъ въ неправильной выдачѣ таковыхъ суммъ и содержанія, если противъ означенныхъ лицъ не возбуждено обвиненія въ причиненіи ими ущерба завѣдомо съ корыстною или иною противозаконною цѣлью.

VII. Сложить со счетовъ убытки, причиненные казнѣ по день Коронованія Нашего неправильными назначеніями и выдачами отставнымъ и инымъ чинамъ, ихъ женамъ и вдовамъ установленныхъ единовременныхъ пожизненныхъ пособій.

VIII. Сложить образовавшіяся на разныхъ лицахъ, обществахъ и учрежденіяхъ и не взысканныя по день Коронованія Нашего недоимки за леченіе, призрѣніе и содержаніе больныхъ во всѣхъ госпиталяхъ, лазаретахъ, лечебницахъ и приемныхъ покояхъ казенныхъ, дворцоваго вѣдомства Алтайскаго и Нерчинскаго округовъ вѣдомства Кабинета Нашего, а равно въ Учрежденіяхъ Вѣдомства Императрицы Маріи, представляющихъ на разсмотрѣніе Опекунскаго Совѣта свои смѣтныя росписанія.

IX. Оставить безъ взысканія и сложить со счетовъ:

1) числящіяся къ 1 января 1896 г. въ недоимкѣ за дворянствомъ разныхъ губерній суммы, слѣдующія за содержаніе пансіонеровъ дворянства въ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія;

2) причитающіяся за вторую половину учебнаго 1895/96 года къ поступленію въ казну или въ спеціальныя средства казенныхъ учебныхъ заведеній деньги за ученіе, за слушаніе лекцій и за содержаніе въ пансіонахъ какъ въ мужскихъ, такъ и въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, не внесенныя въ назначенный правилами сихъ заведеній срокъ и до дня Коронованія Нашего не пополненныя; въ тѣхъ же случаяхъ, когда до сего дня не слѣдовала уже уплата просроченнаго взноса, — предоставить начальству учебнаго заведенія уплату сію засчитывать въ слѣдующій срочный платежъ, если имъ признано будетъ, что воспитанникъ, по недостаточности у него имущественныхъ средствъ и по своимъ нравственнымъ качествамъ, достоинъ этой льготы;

3) накопившіяся за время до 1 января 1896 г. и не взысканныя по день Коронованія Нашего недоимки въ платѣ за обученіе и воспитаніе въ Учрежденіяхъ Вѣдомства Императрицы Маріи, представляющихъ на разсмотрѣніе Опекунскаго Совѣта свои смѣтныя росписанія, и

4) недоимки, образовавшіяся по день Коронованія Нашего на служащихъ Алтайскаго и Нерчинскаго округовъ, по взносу платы за ученіе и содержаніе дѣтей ихъ въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ, находящихся въ вѣдѣніи Кабинета Нашего.

Сверхъ сего лицъ, окончившихъ курсъ въ университетахъ и подвергающихся экзаменамъ въ испытательныхъ комиссіяхъ въ теченіе 1895/96 учебнаго года, отъ взноса платы (двадцати рублей) за испытаніе, въ случаѣ представленія ими отъ подлежащаго университета удостовѣренія о благополучности, — освободить.

Х. Освободить содержателей казенныхъ, удѣльныхъ, Государевыхъ, дворовыхъ и принадлежащихъ Кабинету Нашему имѣннй всѣхъ наименованнй оброчныхъ статей отъ разнаго рода взысканнй въ нижеслѣдующихъ разбрахъ:

1. Сложить въ полной суммѣ съ арендаторовъ имѣннй и земельныхъ оброчныхъ статей недомки арендныхъ платежей, числившнся къ 1 января 1893 г. и не взысканныя по день Коронованнй Нашего; а изъ образовавшихся послѣ указаннаго срока и не взысканныхъ по 1 января 1896 г., какъ съ этихъ лицъ, такъ и съ арендаторовъ казенныхъ рыбныхъ промысловъ, а въ прибрежной полосѣ Каспійскаго моря и съ арендаторовъ земельныхъ участковъ для устройства на оныхъ промысловыхъ заведеннй— недомки арендныхъ платежей, въ размѣрѣ не свыше шестисотъ рублей на каждое лицо; если же означенные имѣннй, оброчныя статьи, промыслы или участки находятся въ содержаннй крестьянскаго или мѣщанскаго общества, а также товариществъ въ составѣ не менѣе трехъ лицъ,— то по рублѣ рублей съ каждаго домохозянна или члена товарищества; съ товариществъ же изъ двухъ лицъ— по триста рублей съ каждаго лица.

2. Простить не взысканныя по день Коронованнй Нашего убытки, наслы и штрафы за неисполненнй или нарушеннй контрактныхъ условнй пользования имѣннйми или оброчными статьями, а именно: за неправильную или излишнюю распашку земли, за посѣвъ неподлежащихъ хлѣбовъ и растений, неудобреннй земли, непосадку деревьевъ, порубку произрастающихъ на земляхъ лѣсныхъ насажденнй, за разстройство строеннй и всякаго рода сооруженнй, за неправильное веденнй хозяйственныхъ счетовъ, неслдачу принадлежащаго къ имѣннймъ и оброчнымъ статьямъ движимаго имущества и т. п.,— въ размѣрѣ не свыше трехсотъ рублей на каждое лицо; если же имѣннй или статьи находились въ содержаннй крестьянскаго или мѣщанскаго общества, а также товариществъ въ составѣ не менѣе шести лицъ,— то по пятидесяти рублѣ рублей съ каждаго домохозянна или члена товарищества; при составѣ же товарищества изъ пяти или менѣе лицъ— триста рублей со всего товарищества. Равнымъ образомъ не налагать взысканнй по перечисленнымъ въ настоящемъ пунктѣ нарушеннймъ, произведеннымъ до дня Коронованнй Нашего.

3. Не взыскивать убытковъ, происшедшихъ по день Коронованнй Нашего отъ недодержаннй имѣннй и оброчныхъ статей до окончаннй контрактныхъ сроковъ и послѣдовавшаго затѣмъ уменьшеннй арендной платы за эти имѣннй и статьи при новой ихъ переоброцкѣ, а равно не взыскивать убытковъ, понесенныхъ по таковымъ же имѣннймъ или оброчнымъ статьямъ, по причинѣ отказа съемщиковъ отъ заключеннй контрактовъ, за исключениемъ той части убытковъ, которую возможно покрыть удержаннймъ залоговъ содержателей.

4. Сложить съ бывшихъ и настоящихъ арендаторовъ имѣннй и оброчныхъ статей не взысканныя съ нихъ по день Коронованнй Нашего пени за своевременный взносъ какъ арендныхъ платежей, такъ и платы по соде танню соляныхъ источниковъ, смолокуренныхъ и дегтярныхъ заведеннй.

XI. Предоставить по возврату ссудъ, произведенныхъ въ разное время лицамъ, обществамъ и сословіямъ, нижеслѣдующія облегченія:

1. Сложить съ заемщиковъ бывшаго Закавказскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія, получившихъ ссуды подъ залогъ какъ городскихъ недвижимыхъ имуществъ, такъ и сельскихъ земельныхъ имѣній, одну пятую часть общей совокупности числящихся за каждымъ изъ нихъ на 1 января 1896 г. капитальнаго долга, процентовъ и другихъ недоимокъ по ссудамъ на слѣдующихъ основаніяхъ:

- а) слагаются сперва недоимки, а затѣмъ уже капитальный долгъ;
- б) остающаяся затѣмъ сумма капитальнаго долга погашается въ прежній срокъ, по банковымъ правиламъ, по расчету изъ пяти процентовъ годовыхъ, могущіе же остаться на счету проценты и недоимки взыскиваются на существующемъ основаніи;
- в) для тѣхъ изъ заемщиковъ, кои въ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, 20 февраля 1888 г., часть долга отсрочена на пятнадцать лѣтъ, уменьшеніе капитальнаго долга относится на сумму, погашаемую въ первое пятнадцатилѣтіе, планъ же погашенія на второе пятнадцатилѣтіе остается безъ измѣненія, и
- г) исчисленныя на сихъ основаніяхъ суммы остающагося за каждымъ заемщикомъ долга на 1 января 1896 г. и размѣръ годового платежа утверждаются Министромъ Финансовъ.

2. Простить и со счетовъ сложить числящіяся по день Коронаванія Нашего долги по ссудамъ, выданнымъ изъ Государственнаго Казначейства, бывшаго Заемнаго Банка и капиталовъ разныхъ Министерствъ: на постройку церквей, на возобновленіе зданій, разрушенныхъ землетрясеніемъ помѣщикамъ Могилевской губерніи, по займу 1847 г.,—на покупку хлѣба вслѣдствіе неурожая; Павловскимъ, Нижегородской губерніи, Горбатовскаго уѣзда, ссудосберегательнымъ товариществамъ и складочной артели, по Высочайшимъ повелѣніямъ 23 іюля и 29 декабря 1872 г. и 30 ноября 1873 г.,—на поддержаніе ихъ; тунгусамъ и якутамъ, Якутской области, по Высочайшимъ повелѣніямъ 8 сентября 1887 г. и 20 декабря 1889 г.,—на покупку скота и рыболовныхъ снастей; жителямъ Закавказскаго края изъ Высочайше разрѣшеннаго, 4 марта и 24 іюня 1880 г., въ распоряженіе бывшаго Намѣстника Кавказскаго, кредита въ 1.500,000 р.—на продовольствіе; лицамъ, служившимъ на упраздненныхъ нынѣ казенныхъ фабрикахъ,—на разные предметы.

3. Сложить сполна долги по ссудамъ, выданнымъ изъ казны лицамъ и обществамъ по случаю пожаровъ до 1890 г.

4. По ссудамъ, выданнымъ изъ казны, по день Коронаванія Нашего:

- а) лицамъ и обществамъ, по случаю пожаровъ, наводненій и другихъ несчастныхъ случаевъ, кромѣ поименованныхъ въ п. 3 сей статьи XI;
- б) жителямъ Мочидловской низменности, Варшавской губерніи, коимъ была выдана ссуда на устройство дамбы, разрушенной разливомъ рѣки Вислы, и

в) лицамъ, служившимъ въ Туркестанскомъ генераль-губернаторствѣ, за постройку домовъ,—

сложить со счетовъ и простить всё недоимки и проценты за просрочку, исчисляющіяся на такихъ заемщикахъ, съ которыхъ поступившіе по день Коронованія Нашего платежи, вмѣстѣ съ процентами и пенею, покрываютъ первоначальный капитальный долгъ, а съ прочихъ заемщиковъ сложить по таковымъ ссудамъ проценты за просрочку платежей, равно числящіяся по день Коронованія Нашего недоимки, не превышающія по каждой отдѣльной ссудѣ трехсотъ рублей; съ тѣхъ же заемщиковъ, на коихъ недоимки по сказаннымъ ссудамъ превышаютъ этотъ размѣръ, исключить изъ недоимки триста рублей съ cadaго заемщика. По ссудамъ, вполнѣдствіи пересроченнымъ, сложению подлежатъ только недоимки новыхъ срочныхъ платежей, хотя бы въ разсроченномъ вновь капиталѣ и заключались причисленныя къ оному при такой пересрочкѣ недоимки срочныхъ платежей по первоначальной разсрочкѣ.

5. По ссудамъ, выданнымъ изъ казны переселенцамъ разныхъ наименованій на домообзаведеніе, сложить со счетовъ числящіяся по день Коронованія Нашего проценты за просрочку, равно и недоимки, не превышающія по каждой отдѣльной ссудѣ пятидесяти рублей; съ заемщиковъ же, недоимки коихъ превышаютъ указанный размѣръ, исключить изъ недоимки по пятидесяти рублей съ cadaго заемщика.

6. Переселенцамъ изъ внутреннихъ губерній Европейской Россіи, поселеннымъ до дня Коронованія Нашего въ Алтайскомъ и Нерчинскомъ округахъ на земляхъ Кабинета Нашего и получившимъ на обзаведеніе изъ суммъ округовъ ссуды деньгами, а также хлѣбомъ и другими припасами и матеріалами, уплату отсрочить на два года со дня выдачи ссуды съ тѣмъ, чтобы выданная имъ ссуда была погашена въ послѣдующія шесть лѣтъ по равной части въ каждый годъ.

7. Сложить окончательно со счетовъ недоимки, образовавшіяся по день Коронованія Нашего по ссудамъ, изъ казны выданнымъ, мурманскимъ переселенцамъ и поморамъ, на основаніи Высочайше утвержденныхъ, 22 ноября 1868 г. и 14 мая 1876 г., положеній Комитета Министровъ и Высочайше утвержденного, 18 марта 1886 г., мнѣнія Государственнаго Совѣта.

8. Не подвергать взысканію не отработанные и не возвращенные во дни Коронованія Нашего задатки и припасы натурой, выданные впередъ рабочимъ и мастеровымъ казенныхъ горныхъ заводовъ и рудниковъ, равно рабочимъ и мастеровымъ Алтайскаго и Нерчинскаго округовъ вѣдомства Кабинета Нашего по разнымъ случаямъ и въ счетъ заработка; а также сложить образовавшіяся по день Коронованія Нашего на мастеровыхъ и рабочихъ разныхъ сословій и нижнихъ служителяхъ казенныхъ горныхъ заводовъ, казенныхъ заводовъ и техническихъ заведеній военнаго вѣдомства и заводовъ, рудниковъ, присковъ и учреждений Алтайскаго и Нерчинскаго округовъ вѣдомства Кабинета Нашего,—долги какъ по личному найму, такъ и по поставкамъ и перевозкамъ разнаго рода матеріаловъ и

припасовъ, на сумму не свыше ста пятидесяти рублей съ каждаго въ отдѣльности или съ каждой артели; по недомкамъ же въ сихъ долгахъ на большую сумму исключить по ста пятидесяти рублей по каждой статьѣ.

9. Сложить по Алтайскому и Нерчинскому округамъ вѣдомства Кабинета Нашего долги съ подрядчиковъ, образовавшіеся по день Коронованія Нашего при неисполненіи ими: подрядовъ поставки матеріаловъ и припасовъ, земляныхъ работъ, перевозки рудъ, угля и проч., на сумму не свыше пятидесяти рублей съ каждаго въ отдѣльности.

10. Сложить числящіеся по день Коронованія Нашего на умершихъ членахъ ликвидируемыхъ горнозаводскихъ товариществъ бывшего казеннаго Богословскаго округа долги, подлежащіе взысканію въ возмѣщеніе сдѣланныхъ казною во вспомогательныя кассы упомянутыхъ товариществъ взносовъ, согласно ст. 67 положенія, Высочайше утвержденного 8 марта 1861 г., о горнозаводскомъ населеніи, а равно подлежащіе взысканію въ пользу казны же начеты и взысканія съ должностныхъ, по кассамъ товариществъ, лицъ за упущенія по должностямъ.

11. Простить и со счетовъ сложить числящіеся по день Коронованія Нашего долги Государственному Казначейству за населеніемъ состоящихъ въ залогъ казны частныхъ горныхъ заводовъ, образовавшіеся вслѣдствіе перевода на это населеніе части долга владѣльцевъ заводовъ взаимнъ слѣдовавшихъ въ пользу сихъ владѣльцевъ оброчныхъ платежей.

12. Проценты, накопившіеся по день Коронованія Нашего на стоимость выданнаго въ долгъ лѣса по княжеству Ловичскому и Алтайскому и Нерчинскому округамъ вѣдомства Кабинета Нашего, простить и исключить изъ счетовъ.

13. Сложить со счетовъ суммы, израсходованныя консулами за границею на содержаніе, лѣченіе и возвращеніе въ Россію русскихъ мореходцевъ, числящіеся по день Коронованія Нашего въ недомкѣ какъ за сими мореходцами, такъ и за судохозяевами.

14. По ссудамъ, выданнымъ изъ Государственнаго Казначейства въ разное время по особымъ высочайшимъ повелѣніямъ, земствамъ и городамъ на выполненіе смѣтныхъ расходовъ, на борьбу съ эпидеміями, эпизоотіями и вредными насекомыми, на устройство и улучшеніе путей сообщенія, на оросительныя работы, на укрѣпленіе береговъ рѣкъ и устройство дамбъ, а равно на поддержаніе страховыхъ средствъ,—простить и со счетовъ сложить числящіеся по день Коронованія Нашего проценты за просрочку срочныхъ взносовъ по сими ссудамъ.

15. Изъ числа остающихся не взысканными по день Коронованія Нашего процентовъ за просрочку платежей по ссудамъ, выданнымъ изъ Государственнаго Казначейства и изъ фондушеваго капитала частнымъ лицамъ и обществамъ, по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ и на основа ии закона о ссудахъ изъ фондушеваго капитала,—простить и изъ счетовъ исключить сумму таковыхъ процентовъ, накопившуюся за время не дѣ

десяти лѣтъ, а съ тѣхъ заемщиковъ, на которыхъ упомянутые проценты числятся за большее время, сложить эти проценты лишь за десять лѣтъ.

16. Простить пеню, причитающуюся, но еще не взысканную по день Коронованія Нашего, по долгамъ помѣщиковъ по выкупной операціи.

17. Простить и изъ счетовъ исключить сумму пени, накопившуюся до дня Коронованія Нашего на владѣльцахъ подуховныхъ имѣній въ губерніяхъ Царства Польскаго за несвоевременный взносъ срочныхъ платежей по купче-продажнымъ долгамъ за означенныя имѣнія.

18. Силу предъидущихъ пп. 2—5, 11, 14 и 15 настоящей статьи XI распространить лишь на непосредственныхъ заемщиковъ и ихъ наследниковъ.

XII. Простить и сложить на нижеслѣдующихъ основаніяхъ не взысканные еще по службѣ какъ казенные, такъ и Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи начеты, (зачисленные въ недоимку и не зачисленные), ущербы и утраты, а равно переборы, образовавшіеся отъ неправильной выдачи служащимъ въ государственныхъ учрежденіяхъ лицамъ разныхъ видовъ личнаго денежнаго довольствія (жалованья, столовыхъ, квартирныхъ, суточныхъ, порціонныхъ, прогоновъ и т. п.), когда сіи начеты, ущербы, утраты и переборы причинены такими дѣйствіями или упущеніями, которыя послѣдовали до дня Коронованія Нашего:

1. Тѣ начеты, ущербы, утраты и переборы, по которымъ дѣла во дни Коронованія Нашего еще окончательно не рассмотрѣны или не начаты, оставить безъ преслѣдованія, когда сумма оныхъ составляетъ не болѣе трехсотъ рублей на каждое подлежащее отвѣтственности лицо по каждой отдѣльной отчетности за годовой періодъ времени.

2. Изъ начетовъ, ущербовъ, утратъ и переборовъ, кои ранѣе дня Коронованія Нашего уже предписаны во взысканію или дѣла по коимъ окончательно рассмотрѣны, сложить тѣ, которые въ первоначальномъ составѣ или въ остаткахъ за произведеннымъ пополненіемъ, обращеніемъ взысканныхъ суммъ въ доходъ казны или сложеніемъ не превышаютъ какъ общою суммой, такъ и по раскладѣ ихъ на отвѣтственные лица—трехсотъ рублей съ cadaго лица.

3. Изъ начетовъ, ущербовъ, утратъ и переборовъ, превышающихъ означенную въ предъидущихъ пп. 1 и 2 настоящей ст. XII сумму, сложить съ cadaго лица, взысканію подлежащаго, триста рублей.

4. Начеты за выдачи безъ разрѣшенія надлежащаго начальства и внѣ установленнаго порядка наградъ и пособій всякаго рода какъ изъ остатковъ отъ канцелярскихъ и штатныхъ суммъ, такъ и изъ другихъ источниковъ, назначенныхъ на этотъ предметъ, произведенные до дня Коронованія Нашего, оставить безъ преслѣдованія на всякую сумму. Дѣйствіе сего п. 4 распространяется также и на случаи выдачи наградъ и пособій изъ суммъ и не назначенныхъ на этотъ предметъ или имѣвшихъ иное специальное назначеніе, съ тѣмъ, чтобы сумма слагаемаго взысканія ограничивалась тремястами рублями по каждой отдѣльной отчетности за годовой періодъ времени.

5. По ущербамъ и утратамъ, причиненнымъ по день Коронованія Нашего упущеніями по службѣ, равно по перетребованію по сей день денегъ или иного имущества, когда признанный недостатокъ подлежитъ взысканію въ пользу казны или Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи съ виновныхъ, или съ поручителей ихъ, или же съ другихъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ вдвое,—взыскать только одну капитальную сумму.

6. Процентовъ, гдѣ таковыя за нарушеніе интересовъ казны или Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи полагаются и кои еще не поступили куда слѣдовало, не взыскивать за время до дня Коронованія Нашего, независимо отъ суммы ихъ, и ограничить взысканіе въ сихъ случаяхъ одною лишь капитальною суммою причиненнаго казнѣ или Вѣдомству Учрежденій Императрицы Маріи ущерба.

7. Всѣ денежные начеты по службѣ, падающіе на наслѣдниковъ лицъ, подлежащихъ взысканію и умершихъ прежде настоящаго дня, а равно и на пенсіи вдовъ и сиротъ ихъ, простить, не подвергая взысканіямъ и тѣмъ лицъ, которыя въ случаѣ недостатка имѣнія означенныхъ наслѣдниковъ должны были за нихъ отвѣтствовать.

8. Всѣ начеты, подлежащіе пополненію съ лицъ, привлекаемыхъ къ денежной отвѣтственности, вслѣдствіе несостоятельности или неразысканія прямыхъ отвѣтственныхъ лицъ, а также и наслѣдниковъ ихъ, по ущербамъ, убыткамъ, утратамъ и переборамъ, причиненнымъ до дня Коронованія Нашего, сложить безъ ограниченія суммы.

9. Всѣ по службѣ начеты, убытки, ущербы и переборы, причиненные дѣйствіями или упущеніями, со времени которыхъ до дня Коронованія Нашего протекло не менѣе десяти лѣтъ, оставить безъ преслѣдованія.

10. Простить и не взыскивать начтенные на должностныхъ лицъ или съ нихъ причитающіеся, но еще не поступившіе до дня Коронованія Нашего, штрафы, независимо отъ суммы ихъ, за нарушеніе правилъ Устава о гербовомъ сборѣ, взыскавъ въ сихъ случаяхъ лишь ординарную сумму гербоваго сбора въ той части ея, которая не подходитъ подъ дѣйствіе пп. 1--3 настоящей статьи XII.

11. Сложить со счетовъ всѣ числящіяся по день Коронованія Нашего за служащими на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ, безъ ограниченія размѣра, начеты по контрольнымъ выправкамъ, возникшимъ изъ дѣлъ по недоборамъ и вообще вслѣдствіе неправильнаго примѣненія тарифа и правилъ перевозки.

12. Всякіе штрафы и пени по дѣламъ, не связаннымъ съ ущербомъ казны или Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи, наложенные, но еще до дня Коронованія Нашего не взысканные, а равно и тѣ, кои будутъ слѣдовать ко взысканію за неисправности и упущенія по службѣ, совершенныя до дня Коронованія Нашего, въ томъ числѣ штрафы и пени за неуставленіе въ установленный срокъ отчетности, документовъ и проч., а равно слѣдующіе на основаніи ст. 30 положенія о Контролѣ Вѣдомствъ Учрежденій Императрицы Маріи—простить и не взыскивать.

13. Силу предыдущихъ пунктовъ настоящей статьи XII не распространять: а) на суммы, казнь не принадлежащая и хотя находящаяся въ распоряженіи Правительства, но имѣющія специальное назначеніе, за исключеніемъ, однако, суммъ поступающаго въ спеціальныя средства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ процентнаго сбора съ гуртовъ рогатаго скота и сбора со скотовладѣльцевъ въ губерніяхъ Царства Польскаго, а равно и составляющихъ спеціальныя средства Министерства Финансовъ суммъ квартирнаго сбора въ тѣхъ же губерніяхъ; по сборамъ этимъ оставить безъ преслѣдованія и взысканія начеты, ущербы и утраты, которые въ первоначальномъ ихъ составѣ или въ остаткахъ за произведеннымъ уже взысканіемъ или по раскладѣ ихъ на разныя лица не превышаютъ съ каждаго трехсотъ рублей и возникли по дѣламъ, начавшимся до дня Коронованія Нашею; б) на благотворительныя и спеціальныя капиталы, на суммы, находящіяся въ распоряженіи Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи, но ему не принадлежащія, составляющія частную собственность (залогъ и пенсіи воспитываемыхъ, залогъ подрядчиковъ и проч.); в) на похитившихъ или растратившихъ казенную или принадлежащую учрежденнымъ отъ Правительства установленіямъ какого-либо рода собственность, когда храненіе оной было имъ вѣрено постоянно или временно; г) на причинившихъ ущербъ казнь или учрежденнымъ отъ Правительства установленіямъ съ завѣдомо корыстною или иною противузаконною цѣлью, и д) на дѣйствія, по которымъ отчеты еще не представлены ко дню Коронованія Нашею.

14. Прекратить всѣ возбужденныя Государственнымъ Контролемъ дѣла объ убыткахъ казны, происшедшихъ вслѣдствіе отнесенія по существу правильныхъ расходовъ на неподлежащія смѣтнымъ подраздѣленія государственной росписи, если по симъ дѣламъ не возникаетъ обвиненій въ растратахъ или злоумышленія съ причиненіемъ ущерба казнь съ завѣдомо корыстною или иною противузаконною цѣлью, и оставить означенные убытки безъ преслѣдованія.

15. Дарованныя ш. 7 и 8 настоящей статьи XII милости распространяются на поименованныхъ въ оныхъ лицъ, хотя бы и привлекаемыхъ къ ответственности за похитившихъ или растратившихъ казенную или принадлежащую учрежденнымъ отъ Правительства установленіямъ какого-либо рода собственность или причинившихъ казнь или симъ установленіямъ ущербъ съ завѣдомо корыстною или преступною цѣлью, но относительно наследниковъ прямыхъ ответственныхъ лицъ прощаются тѣ лишь начеты, которые, за неимѣніемъ у нихъ иного имущества, падаютъ на пенсію вдовъ и сиротъ ихъ; въ остальномъ такіе наследники пользуются льготою, опредѣляемою ст. XV сего Манифеста.

16. Дѣйствіе предыдущихъ пунктовъ настоящей статьи XII распространять на лицъ, состоящихъ на службѣ въ государственныхъ учрежденіяхъ и вольному найму, а также на частныхъ врачей, ветеринаровъ и студентовъ, командированныхъ временно для прекращенія эпидемій и эпизоотій и по другимъ случаямъ.

ХІІІ. Лицамъ, учинившимъ по день Коронованія Нашего преступленія и проступки, даровать милости и льготы на нижеслѣдующихъ основаніяхъ:

1. Всѣхъ, совершившихъ преступныя дѣянія, за которыя опредѣлены въ законѣ, какъ высшее наказаніе: внушеніе, замѣчаніе, выговоръ, денежное взыскапіе не свыше трехсотъ рублей, арестъ, заключеніе въ тюрьмѣ или крѣпости, не соединенное съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, или служебныя взыскапія, въ пп. 2 — 9 ст. 65 Улож. наказ. исключенныя, всѣхъ виновныхъ въ учиненіи лѣсомстреленій и другихъ нарушеній правилъ о лѣсахъ государственныхъ, лѣсного и горнаго вѣдомствъ, Государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ, постановленій о лѣсахъ Бняжества Ловичскаго и Алтайскаго и Нерчинскаго округовъ вѣдомства Кабинета Нашего и правилъ о сбереженіи лѣсовъ (Свод. Зак. т. XV, Уст. наказ., ст. ст. 57^а, 57^б, 57^в, 57^г, 57^д, по прод. 1895 г.), хотя бы таковыя лица подлежали за сіи дѣянія денежнымъ взысканіямъ свыше трехсотъ рублей, — противу коихъ по день Коронованія Нашего не было возбуждено уголовнаго преслѣдованія, или не послѣдовало судебного приговора, или постановленный о коихъ обвинительный приговоръ не приведенъ въ исполненіе, или кои еще отбываютъ опредѣленныя за сіи дѣянія судомъ взыскапія, — отъ суда и наказанія, равно и отъ предусмотрѣннаго статью 158¹ Уст. наказ. (по прод. 1895 г.) взыскапія двойной стоимости похищеннаго, самовольно срубленнаго или поврежденнаго лѣса или противузаконно заготовленныхъ лѣсныхъ издѣлій, освободить.

2. Простить всѣхъ, совершившихъ присвоеніе и растрату ввѣреннаго по службѣ имущества на сумму не свыше тысячи рублей, осужденныхъ за сіе преступленіе или отбывающихъ за оное наказаніе, если присвоенное и растроченное полностью возвращено ими до дня Коронованія Нашего.

3. Освободить отъ суда и наказанія лицъ, виновныхъ въ совершеніи преступленій, предусмотрѣнныхъ ст. ст. 193, 194, 194¹ и 1575 Улож. наказ. (Свод. Зак. т. XV, изд. 1885 г. и по прод. 1895 г.).

4. Всѣмъ, совершившимъ по день Коронованія Нашего болѣе тяжкія, чѣмъ указанныя въ п. 1 сей статьи ХІІІ, преступныя дѣянія, за которыя они будутъ приговорены судомъ къ аресту, заключенію въ тюрьмѣ или крѣпости, безъ лишенія нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, а равно всѣмъ, присужденнымъ въ симъ наказаніямъ и отбывающимъ оныя, уменьшить назначенные судомъ сроки заключенія на двѣ трети.

5. Лицамъ должностнымъ, подвергнутымъ по день Коронованія Нашего на основаніи судебного приговора или по распоряженіямъ ихъ начальствъ взысканіямъ, въ п.п. 2—9 ст. 65 Улож. наказ. исключеннымъ, не считая таковыя взыскапія препятствіемъ къ дальнѣйшему прохожденію службы и къ полученію пенсій и наградъ, за исключеніемъ знаковь отличія безпечной службы и ордена Св. Владиміра за выслугу лѣтъ.

6. Всѣхъ, кои до изданія закона 12 іюня 1886 г. были оставлены судомъ въ подозрѣніи, равно и въ сильномъ подозрѣніи, освободить отъ послѣдствій сей судимости.

7. Освободить отъ суда и наказанія всѣхъ совершившихъ преступленіе или проступокъ, подсудные волостному суду, противъ коихъ по день Коронованія Нашего не было возбуждено преслѣдованія или не послѣдовало рѣшенія суда, или рѣшеніе не приведено въ исполненіе, или кои нынѣ отбываютъ наложенное волостнымъ судомъ взысканіе.

8. Со всѣхъ, приговоренныхъ по день Коронованія Нашего къ денежному взысканію, не превышающему трехсотъ рублей и поступающему въ пользу казны, удѣла, дворцоваго вѣдомства и Кабинета Нашего, или въ капиталы: а) на устройство мѣстъ заключенія, б) мірскіе и в) образуемый на основаніи ст. 736 Уст. горн. (Свод. Зак. т. VII, по прод. 1895 г.), о коихъ приговоръ вошелъ въ законную силу, но не приведенъ въ исполненіе, сіе взысканіе сложить. Всѣмъ же, совершившимъ по сей день дѣянія, за которыя опредѣлено, какъ наказаніе, денежное взысканіе свыше трехсотъ рублей, подлежащее обращенію въ тѣ же источники, назначать оное съ уменьшеніемъ на триста рублей.

9. За совершенныя по день Коронованія Нашего дѣянія, подлежащія такимъ денежнымъ взысканіямъ, кои поступаютъ въ пользу казны, удѣла, дворцоваго вѣдомства и Кабинета Нашего, а равно въ капиталы: а) на устройство мѣстъ заключенія, б) мірскіе и в) образуемые на основаніи ст. 736 Уст. горн. (Свод. Зак. т. VII, по прод. 1895 г.) и ст. 861 Уст. лѣсн. (Свод. Зак. т. VIII, ч. I, изд. 1893 г.), въ случаѣ несостоятельности виновныхъ къ уплатѣ оныхъ, личному задержанію и отдачѣ въ общественныя работы или заработки не подвергать; тѣхъ же, къ коимъ нынѣ примѣняются сіи мѣры взаимѣ означенныхъ выше денежныхъ взысканій, отъ личнаго задержанія и работъ освободить.

10. Милости, даруемыя п. п. 1, 4, 5, 7, 8 и 9 настоящей статьи XIII, не распространяются на лицъ, совершившихъ кражу, мошенничество, присвоеніе и растрату ввѣреннаго имущества, ростовщичество, издомство и лхонство; на впавшихъ по неосторожности въ торговую несостоятельность; на учинившихъ преступленія противъ чести и преслѣдуемыя въ порядкѣ частнаго обвиненія посягательства на тѣлесную неприкосновенность и здравіе, на подлежащихъ тюремному заключенію взаимѣ исключенія изъ службъ или наказаній, соединенныхъ съ лишеніемъ и ограниченіемъ правъ состоянія, а равно на совершившихъ дѣянія (кромя нарушеній правилъ о сбереженіи лѣсовъ), по коимъ денежные взысканія поступаютъ не въ пользу казны, удѣла, дворцоваго вѣдомства и Кабинета Нашего и не въ капиталы: а) на устройство мѣстъ заключенія, б) мірскіе и в) образуемый на основаніи ст. 736 Уст. горн. (Свод. Зак. т. VII, по прод. 1895 г.). Совершившимъ же по день Коронованія Нашего упомянутыя въ семъ п. 10 дѣянія, а равно осужденнымъ и отбывающимъ наказанія за таковыя—уменьшить назначаемые или опредѣленные судомъ размѣры наказанія на одну треть.

1. Учинившимъ преступныя дѣянія, за кои они по приговору суда будутъ подлежать заключенію въ арестантскомъ отдѣленіи, крѣпости или

тюрьмъ, съ лишеніемъ всёхъ особенныхъ или нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, а равно всёмъ, приговореннымъ по день Коронованія Нашего къ таковымъ наказаніямъ или уже отбывающимъ оныя, уменьшить размѣръ наказанія на одну треть.

12. Лицъ должностныхъ, исключенныхъ по день Коронованія Нашего изъ службы (ст. 65, п. 1, Улож. наказ.) за преступленія, не изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ содѣянныхъ, считать отрѣшенными отъ должности, а подлежащихъ исключенію изъ службы за такія же преступленія, совершенныя по сей день, отрѣшить отъ должности. Милость сія распространяется и на лицъ должностныхъ, осужденныхъ по сей день на временное заключеніе въ крѣпости съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ (ст. 50 Улож. наказ.), независимо отъ сокращенія на одну треть срока заключенія, согласно п. 11 настоящей статьи XIII.

13. Освобожденіе за силою сего Манифеста отъ наказанія не избавляетъ виновнаго отъ обязанности вознагражденія за вредъ и убытки, отъ уплаты стоимости патента, торговаго или промысловаго свидѣтельства, причитающагося акциза или иного сбора, отъ уплаты присужденныхъ въ возмѣщеніе расходовъ казны судебныхъ издержекъ, если таковыя не подлежатъ сложенію вполнѣ или частью по предыдущимъ статьямъ сего Манифеста, и не освобождаетъ отъ отобранія въ установленныхъ закономъ случаяхъ вещей и предметовъ или взысканія ихъ стоимости, отъ обязанности сломки и исправленія неправильно построеннаго и отъ исполненія упущеннаго. Дѣла о нарушеніяхъ Лѣсного Устава въ общихъ казенныхъ и частныхъ владѣльцевъ дачахъ, а равно спорныхъ между казною и частными лицами и вѣзжихъ должны быть приводимы къ окончанію по установленнымъ для того правиламъ, для опредѣленія мѣры вознагражденія, которое можетъ при томъ слѣдовать частнымъ лицамъ или сословіямъ.

14. Освобожденнымъ по день Коронованія Нашего отъ заключенія, съ отдачею подъ особый надзоръ мѣстной полиціи или ихъ обществъ, сократить опредѣленный ст. ст. 48 и 49 Улож. наказ. срокъ такового надзора на одну треть.

15. Всѣмъ совершившимъ по день Коронованія Нашего преступныя дѣянія, за кои они будутъ подлежать ссылкѣ на житье въ Сибирь или въ отдаленныя губерніи, кромѣ Сибирскихъ, а равно осужденнымъ или отбывающимъ нынѣ сіи наказанія, даровать, для сосланныхъ въ отдаленныя губерніи, кромѣ Сибирскихъ, по истеченіи десяти лѣтъ, а для сосланныхъ на житье въ Сибирь—по истеченіи двѣнадцати лѣтъ со времени прибытія ихъ въ мѣсто ссылки, право свободнаго избранія мѣста жительства въ предѣлахъ Европейской и Азіатской Россіи, за исключеніемъ столицъ и столичныхъ губерній, и безъ возстановленія въ правахъ. Сосланныя же на житье въ Сибирь или отдаленныя, кромѣ Сибирскихъ, губерніи съ заключеніемъ или, вмѣсто онаго, съ назначеніемъ безотлучнаго пребыванія въ опредѣленномъ для жительства мѣстѣ, сверхъ того, сократить время заключенія или безотлучнаго пребыванія на одну треть.

16. Лицамъ, учинившимъ по день Коронованія Нашего преступленія, за кои они будутъ подлежать ссылкѣ на поселеніе, а равно приговореннымъ къ сему наказанію или отбывающимъ оное; лицамъ, перешедшимъ по нынѣ изъ каторжныхъ работъ въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ, а равно имѣющимъ быть переведенными изъ каторги въ названный разрядъ, если они совершили преступленіе до дня Коронованія Нашего, сокращать до четырехъ лѣтъ назначенный закономъ для перечисленія ссыльно-поселенцевъ въ крестьяне десятилѣтній срокъ; а ссыльно-поселенцамъ, пробывшимъ въ ссылкѣ не менѣ четырнадцати лѣтъ, разрѣшать избраніе мѣста жительства, за исключеніемъ столицъ и столичныхъ губерній, съ отдачею ихъ на пять лѣтъ подъ надзоръ мѣстной полиціи и съ признаваніемъ ихъ, взаимнѣ лишенія всѣхъ правъ состоянія, лишенными по ст. 43 Улож. наказ. всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ, однако безъ возстановленія правъ по имуществу.

17. Осужденнымъ къ каторжнымъ работамъ уменьшать назначенные судомъ сроки каторги на одну треть, безсрочную же каторгу замѣнить срочною на двадцать лѣтъ. Милость эта распространяется также на лицъ, которыя будутъ приговорены къ ссылкѣ въ каторгу за преступленія, учиненныя до дня Коронованія Нашего.

18. Милости, дарованныя п. п. 15 и 16 настоящей статьи XIII, распространить и на лицъ, понесшихъ по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, до дня Коронованія Нашего послѣдовавшимъ, исключенныя въ сихъ статьяхъ наказанія взаимнѣ опредѣленныхъ имъ по суду болѣе строгихъ взысканій.

19. Лицамъ, коимъ дарованы уже предшествовавшими Всемилоствѣйшими Манифестами облегченія участи, означенныя въ пп. 10, 11, 15, 16 и 17 настоящей статьи XIII, предоставить слѣдующія льготы:

а) присуждаемымъ къ временному заключенію или безотлучному пребыванію въ назначенномъ мѣстѣ жительства, а также приговореннымъ къ сему наказанію и отбывающимъ оныя, сокращать на третью часть срокъ заключенія и безотлучнаго пребыванія изъ той части наказанія, которая слѣдуетъ виновному по примѣненію къ нему соответствующихъ льготъ Всемилоствѣйшаго Манифеста 14 ноября 1894 г.;

б) сосланнымъ на житье въ Сибирь или въ отдаленныя губерніи, кромѣ Сибирскихъ, по освобожденіи ихъ отъ ссылки въ силу Всемилоствѣйшаго Манифеста 14 ноября 1894 г., разрѣшать выдачу паспортовъ безъ наименованія «изъ ссыльныхъ»; лицамъ, приобрѣвшимъ уже право на льготы, перечисленныя въ п. 13 в ст. IV Всемилоствѣйшаго Манифеста 14 ноября 1894 г., сокращать срокъ обязательнаго пребыванія въ ссылкѣ на одинъ годъ;

в) поселенцамъ, приобрѣвшимъ право на перечисленіе въ крестьяне, до званія приписываться къ городскимъ мѣщанскимъ обществамъ Сибири, въ случаѣ согласія сихъ послѣднихъ, безъ права, однако, въѣзда въ предѣлы Европейской Россіи до разрѣшенія имъ сего въ порядкѣ, опредѣлен-

номъ Всемилостивѣйшимъ Манифестомъ 14 ноября 1894 г., а приобрѣвшимъ уже право на льготы, исчисленные въ п. 13 б ст. IV Всемилостивѣйшаго Манифеста 14 ноября 1894 г., сокращать срокъ обязательнаго пребыванія въ Сибири на одинъ годъ, и

г) каторжнымъ сократить срокъ работъ на одинъ годъ.

20. Льготы, даруемыя настоящимъ Манифестомъ каторжнымъ, арестантамъ разряда исправительныхъ отдѣленій, ссыльно-поселенцамъ, сосланнымъ на житье и отбывающимъ тюремное заключеніе, не ограничиваютъ правъ названныхъ лицъ на сокращеніе сроковъ и на преимущества, предоставленныя имъ Высочайше утвержденными, въ 7-й день мая 1894 г. и 9-й день мая 1895 г., правилами о привлеченіи арестантовъ и ссыльныхъ на работы по постройкѣ Сибирской желѣзной дороги.

21. Осужденныхъ или подлежащихъ осужденію за преступленія, содѣянные по день Коронаванія Нашего въ несовершеннолѣтнемъ возрастѣ, въ каторгу на срокъ менѣе четырехъ лѣтъ,—отъ каторжныхъ работъ освободить, съ перечисленіемъ въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ.

22. По всѣмъ преступленіямъ и проступкамъ, по коимъ уголовное преслѣдованіе на основаніи сего Манифеста не подлежитъ прекращенію и кончилось до дня Коронаванія Нашего, уменьшить сроки давности, законами уголовными установленные, на одну треть.

23. Примѣненіе льготъ, изъясненныхъ выше въ пп. 16, 17, 18 и 19 (лит. б, в и г) настоящей статьи XIII, предоставить по принадлежности Министру Юстиціи (по Главному Тюремному Управленію) и генералъ-губернаторамъ Иркутскому и Прямурскому, по удостовѣреніи въ добромъ поведеніи осужденныхъ.

XIV. Лицъ, учинившихъ такія противузаконныя дѣянія или такія нарушенія установленныхъ правилъ, за которыя они подлежатъ или подвергнуты денежному взысканію, налагаемому въ порядкѣ административномъ,—освободить отъ такового взысканія въ тѣхъ же размѣрахъ и съ тѣми изъятіями, которыя опредѣлены въ пп. 1 и 8 предыдущей статьи XIII сего Манифеста, если только взысканія эти не подлежатъ сложенію въ большемъ размѣрѣ по другимъ статьямъ сего Манифеста.

XV. Наслѣдниковъ виновныхъ лицъ, а также подлежащихъ ответственности вслѣдствіе несостоятельности самихъ виновныхъ отъ денежной передъ казною ответственности освободить, если со времени преступнаго дѣянія до дня Коронаванія Нашего истекло десять лѣтъ.

XVI. Лѣсныхъ чиновъ и стражей лѣсовъ государственныхъ, лѣснаго и горнаго вѣдомствъ, Государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ, а равно лѣсовъ Вняжества Ловичскаго и Алтайскаго и Нерчинскаго округовъ вѣдѣнія Кабинета Нашего, или,—при несостоятельности сихъ чиновъ и стражей,—крестьянъ всѣхъ наименованій, подвергнутыхъ или подлежащихъ денежнымъ взысканіямъ за недосмотръ неизвѣстно кѣмъ совершенныхъ о дня Коронаванія Нашего лѣсовстребленій или другихъ нарушеній дѣйствующихъ по отношенію къ тѣмъ лѣсамъ законоположеній и правилъ,—съ

означенныхъ взысканій освободить. Сія милость не распространяется на лѣсныхъ чиновъ и стражей, завѣдомо дозволившихъ кому-либо нарушить существующія по лѣсной части постановленія.

XVII. Освободить отъ суда и наказанія учинившихъ, до дня Коронованія Нашего, самовольную добычу на земляхъ Алтайскаго и Нерчинскаго округовъ вѣдомства Кабинета Нашего каменнаго угля, камней, песку, глины и проч.

XVIII. Освободить какъ отъ взысканій, такъ и отъ слѣдствія и суда лицъ, уклонившихся отъ отбыванія воинской повинности, если они явились до дня Коронованія Нашего или явятся не позднѣе, какъ въ теченіе одного года отъ сего дня.

XIX. Осужденнымъ по день Коронованія Нашего за бродяжество, въ случаѣ обнаруженія ими званія своего и состоянія, по удостовѣреніи таковыхъ судомъ, въ округѣ коего лица эти имѣютъ пребываніе,—дозволить возвратиться въ ихъ общества, или дозволить приписаться къ другимъ обществамъ, буде тѣ или другія общества изъявятъ на то согласіе; лицамъ же, не обязаннымъ приписаться къ обществамъ, дозволить возвратиться въ предѣлы Европейской Россіи, за исключеніемъ столицъ и столичныхъ губерній.

XX. Возстановить право на полученіе легитимационныхъ билетовъ лицамъ, лишеннымъ сего права, на основаніи п. 2 ст. 1510 Уст. там. (Свод. Зак. т. VI, изд. 1892 г.), буде они въ теченіе десяти лѣтъ до дня Коронованія Нашего не подверглись никакимъ взысканіямъ за нарушеніе постановленій Устава таможеннаго.

XXI. Лицамъ, сосланнымъ или подлежащимъ ссылкѣ въ Сибирь въ административномъ порядкѣ по приговорамъ обществъ, состоявшимся до дня Коронованія Нашего, а равно не принятымъ въ общество послѣ отбытія наказанія за преступленія, совершенныя до сего дня, если они одобряются въ поведеніи, разрѣшить, по истеченіи трехъ лѣтъ со времени ихъ водворенія въ мѣстахъ поселенія, дозволенный имъ закономъ (Свод. Зак. т. XIV, Уст. о ссылкѣ, изд. 1890 г., ст. 520), переходъ въ другія губерніи и общества, за исключеніемъ только тѣхъ, изъ которыхъ они удалены.

XXII. Туземцамъ Кавказа, Туркестана, Степного края и Закаспійской области, высланнымъ по день Коронованія Нашего по распоряженію начальства за совершеніе общеуголовныхъ преступленій и порочное поведеніе и водвореннымъ въ губерніяхъ Европейской и Азіатской Россіи, при одобрительномъ поведеніи въ ссылкѣ, даровать: для высланныхъ безсрочно—по истеченіи двѣнадцати лѣтъ, для высланныхъ на срокъ, превышающій пят. лѣтъ,—по истеченіи пяти, а для высланныхъ на пять и менѣе лѣтъ,—по истеченіи половины опредѣленнаго срока ссылки,—освобожденіе отъ надзора полиціи и право избранія мѣста жительства, за исключеніемъ столицъ, столичныхъ губерній, Кавказскаго, Туркестанскаго и Степного края и Закаспійской области, для разрѣшенія жительства въ которыхъ должно

быть получено въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предварительное согласіе вышшаго подлежащей мѣстности начальства.

XXIII. Не изъема и государственныхъ преступниковъ отъ облегченій, даруемыхъ пп. 1, 4, 6, 11, 15, 16, 17, 18, 19 и 21 ст. XIII лицамъ, учинившимъ общеуголовныя преступленія и проступки:

1. Разрѣшаемъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, по соглашенію съ Министромъ Юстиціи, о тѣхъ, учинившихъ по день Коронованія Нашего преступленія государственныя, кои, по свойству ихъ вины или раскаяніемъ въ совершенныхъ ими преступленіяхъ и добрымъ поведеніемъ, заслуживая бы смягченія, превышающаго размѣры, въ вышеприведенныхъ пп. 1, 4, 6, 11, 15—19 и 21 ст. XIII указанные, входятъ съ особыми всеподданнѣйшими докладами, а равно представлять на благовозрѣніе Наше ходатайства о восстановленіи въ прежнихъ правахъ происхожденія тѣхъ бывшихъ ссыльныхъ, кои, по окончаніи срока обязательнаго пребыванія въ Сибири, отличались безупречнымъ поведеніемъ и трудовымъ образомъ жизни.

2. Предоставляемъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ повергать на усмотрѣніе Наше участь лицъ, кои за преступленія государственныя отбываютъ наказанія, нынѣ наложенныя на нихъ въ административномъ порядкѣ, и кои по одобрителъному поведенію и свойству ихъ вины или по проявленному ими раскаянію заслуживаютъ снисхожденія, а равно освобождать отъ воспрещенія жительства въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ тѣхъ изъ повергшихся сему ограниченію, возвращеніе коихъ въ эти мѣстности совмѣстимо съ требованіями общественнаго порядка и спокойствія.

3. Тѣ дѣла о преступленіяхъ государственныхъ, по закону давности не подлежащія (ст. 161 Улож. наказ.), кои по день Коронованія Нашего въ теченіе пятнадцати лѣтъ оставались безгласными, повелѣваемъ предать забвенію и противъ виновныхъ въ сихъ преступленіяхъ уголовнаго преслѣдованія не возбуждать.

4. Повелѣваемъ также предать забвенію дѣла о преступленіяхъ, прелусмотрѣнныхъ въ стт. 246—248 Улож. наказ., кои по день Коронованія Нашего оставались безгласными. Лицъ, обвиняемыхъ въ сихъ преступленіяхъ или отбывающихъ за вину свою наказанія, отъ отвѣтственности и наказанія со всѣми онаго послѣдствіями освободить, даровать осужденнымъ къ лишенію правъ состоянія, вмѣстѣ съ законными дѣтьми, рожденными послѣ произнесенія надъ родителями ихъ приговоровъ, всѣ права, имъ лично и по состоянію до осужденія принадлежавшія, токмо безъ правъ на имущество.

5. Разрѣшаемъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ представлять на благовозрѣніе Наше ходатайства тѣхъ самовольно по день Коронованія Нашего оставившихъ Отечество, кои, удалившись за предѣлы государства вслѣдствіе совершенныхъ ими государственныхъ преступленій, не изобличагъ ся въ злодѣянствъ, наказуемыхъ по ст. 241 Улож. наказ., а между тѣмъ ожидаютъ возвратиться на родину и вѣрностью Престолу и Отечеству и гнать свою прежнюю вину.

6. Примѣненіе милостей, указанныхъ въ пп. 16, 17, 18 и 19 (лит. б, в и г) ст. XIII, къ лицамъ, отбывающимъ наказанія за государственныя преступленія, предоставляемъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ (по Департаменту Пеналіи), по удостовѣреніи въ добромъ поведеніи осужденныхъ. При примѣненіи п. 16 ст. XIII къ ссыльно-поселенцамъ этой категоріи, которые, по неодобрительному поведенію въ ссылкѣ или по другимъ причинамъ, изъяты были отъ дѣйствія милостей, установленныхъ предшествующими Манифестами для сего разряда ссыльныхъ, срокъ обязательнаго для нихъ пребыванія въ Сибири повелѣваемъ исчислять не со дня прибытія въ ссылку, а опредѣлять таковой, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, по соглашенію Министра Внутреннихъ Дѣлъ съ Министромъ Юстиціи.

7. Выходцевъ изъ губерній Царства Польскаго и Западнаго края, не совершившихъ для содѣйствія польскому мятежу убійствъ, истязаній, грабежей и поджоговъ, повелѣваемъ по возвращеніи въ Отечество и принятіи вѣрноподданнической присяги, надзору полиціи, установленному п. 11 ст. XIV Манифеста 15 мая 1883 г., не подвергать, съ разрѣшеніемъ имъ свободного избранія мѣста жительства; тѣхъ же изъ нихъ, кои, для содѣйствія мятежу, совершили одно изъ вышеуказанныхъ уголовныхъ преступленій, — по возвращеніи въ отечество и принятіи вѣрноподданнической присяги, преслѣдованію за участіе въ мятежѣ не подвергать, водворивъ лишь подъ надзоръ полиціи на три года въ мѣстности по усмотрѣнію Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

XXIV. Состоящіе подъ слѣдствіемъ и судомъ, которые за силою сего Манифеста подлежатъ освобожденію отъ суда и наказанія, но по убѣжденію въ своей невинности пожелаютъ оправдаться предъ судомъ, могутъ въ теченіе одного мѣсяца со дня объявленія въ установленномъ порядкѣ опредѣленія судебного мѣста о прекращеніи производства о нихъ, просить о возобновленіи надъ ними слѣдствія и суда. Равнымъ образомъ, кто за дѣянія, совершенныя ко дню Коронованія Нашего, впоследствии будетъ подлежать, по силѣ сего Манифеста, освобожденію отъ слѣдствія и суда и не пожелаетъ тѣмъ воспользоваться, можетъ въ тотъ же срокъ просить объ окончаніи дѣла его въ установленномъ закономъ порядкѣ. Тѣ и другія лица, въ случаѣ обвиненія ихъ, уже не могутъ подлежать прощенію по силѣ сего Манифеста.

XXV. Платежи, уже поступившіе ко дню Коронованія Нашего на пополненіе упомянутыхъ въ настоящемъ Манифестѣ денежныхъ взысканій и недоимокъ по всѣмъ сборамъ и платежамъ, за исключеніемъ упомянутыхъ въ пп. 1—13 ст. I сего Манифеста, а равно суммы въ наличныхъ деньгахъ или процентныхъ бумагахъ, имѣющіяся на пополненіе оныхъ въ распоряженіи разныхъ правительственныхъ учрежденій, возврату или зачету за другіе платежи не подлежатъ; но арестованіе денежныхъ суммъ въ обезпеченіе начетовъ, упадающихъ на должностныхъ лицъ, не считается препятствіемъ къ возвращенію этихъ суммъ по принадлежности, въ случаѣ сдѣланія самаго начета, въ силу сего Манифеста.

XXVI. О могущих возникнуть, относительно примѣненія правилъ сего Манифеста, сомнѣнiяхъ всѣ правительственныя мѣста обязаны входить съ представленiями въ I-й Департаментъ Правительствующаго Сената, а по начетамъ и взысканiямъ суммъ, слѣдовавшихъ къ поступленiю въ пользу Вѣдомства Учрежденiй Императрицы Марiи, — черезъ Главноуправляющаго Собственною Нашею Канцелярiей по Учрежденiямъ Императрицы Марiи — въ Опекунскiй Совѣтъ. Правительствующiй Сенатъ и Опекунскiй Совѣтъ въ случаяхъ, превышающихъ ихъ власть, испрашиваютъ Наше разрѣшенiе установленнымъ порядкомъ.

XXVII. О льготахъ и другихъ облегченiяхъ для подданныхъ Нашихъ Великаго Княжества Финляндскаго издается особое постановленiе.

Данъ въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ, въ 14 день мая, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ девяносто шестое, царствованiя же Нашего во второе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

НИКОЛАЙ.

ДРАМА ЗА СЦЕНОЙ).

XX.

Въ театрѣ попрежнему играли три раза въ недѣлю. Въ день отъѣзда Раменскаго вышла афиша «съ участіемъ въ главной роли талантливаго артиста, жителя здѣшняго города, г. Луцкого». Однако это уже не произвело никакого эффекта.

Соттитз да не зрѣтз дало сбору 18 рублей.

Горсть публики скучала. За всю пьесу только разъ вызвали Раменскую, да разъ Луцкого. Сцена бѣшенаго кокетства Переваловой возбудила хохоть. Самъ Переваловъ игралъ Залѣшина, и такъ какъ, по обыкновенію, не зналъ роли, то прерывалъ свои длинные монологи самъ, заканчивая ихъ словами: «и такъ далѣе». Суфлировала всю пьесу Лиманова.

Луцкой едва успѣлъ выучить роль, такъ какъ пьеса шла съ одной репетиціи въ день спектакля. Наканунѣ,—это было въ поедѣльничекъ, какъ разъ въ день отъѣзда Раменскаго и Красавцева,—Луцкой до поздней ночи проходилъ роль съ Марьей Николаевной. Оба они чувствовали себя свободными, точно ихъ выпустили изъ кѣтки.

Плохой сборъ сконфузилъ Луцкого, а Марья Николаевна сдѣлала сцену Перевалову.

— Я, право, не понимаю,—сказала она,—какъ вы допускаете, чтобы пьеса шла такъ убійственно скверно!

— Удивительная охота играть при пустомъ театрѣ и такъ далѣе!

— Вотъ это-то и стыдно. Еще два такихъ спектакля,—и въ театрѣ уже никого не будетъ. Тѣ, кто пришли сегодня, въ другой разъ и не заглянуть къ намъ. Вѣдь, вы и Ключиковъ ни одного

) *Русская Мысль*, кн. V.

слова не сказали изъ роли. Это, право, возмутительно даже! Стоить стараться съ вами!

Переваловъ ничего не отвѣтилъ. Ссориться онъ не хотѣлъ, такъ какъ на другое утро собирался просить у нея денегъ для устройства «гулянья съ шествіемъ и маскарада».

Перевалова, смущенная смѣхомъ публики въ сценѣ четвертаго дѣйствія, говорила въ уборной:

— Раменскій былъ правъ, что здѣсь не публика, а стадо барановъ. Гогочеть въ самую драматическую минуту.

Марья Николаевнѣ стало жаль ея.

— Лизавета Ивановна, — сказала она, стирая кольдъ-кремъ полотенцемъ, — вѣдь, эта сцена всегда и вездѣ вызываетъ смѣхъ. Она какъ-то неловко сдѣлана. Съ кѣмъ я ни играла *Святитяз да не грѣтъз*, всегда это повторялось. Помните, мама?

Поднявъ голову къ матери и вытирая подбородокъ, она назвала нѣсколькихъ актрисъ, игравшихъ съ нею Реневу.

Она была не занята въ пятомъ дѣйствиіи и спѣшила переодѣться, чтобы посмотрѣть изъ-за кулисъ, какъ будетъ играть послѣднюю сцену Луцкой. Онъ ждалъ ея. Она сразу замѣтила, что онъ чѣмъ-то сильно взволнованъ.

— Что онъ со мной дѣлаетъ, этотъ Переваловъ! — сказала она, увидя ее.

— Что? Что такое?

— Смотрите.

Луцкой подаль ей афишу, которую Никита раздавалъ въ антрактѣ публикѣ.

«Ванька-ключникъ», драма въ 4 дѣйствіяхъ, соч. безвременно погибшаго драматурга Л. Антропова, автора знаменитой драмы *Блуждающіе оти*, игранной недавно

съ участіемъ Г. В. Раменскаго.

Главную роль исполнить талантливый житель здѣшняго города А. М. Луцкой».

Въ первый мигъ Марья Николаевнѣ бросилась въ глаза строка «съ участіемъ Г. В. Раменскаго», напечатанная очень крупными буквами. Быстро пронеслось у нея соображеніе, что какимъ-то образомъ Раменскій возвратился, можетъ быть вмѣстѣ съ Красавицею, чтобы выяснитъ дѣло о разводѣ, и Переваловъ уже видѣлъ гастролера и уговорилъ его снова играть...

Въ глазахъ у нея помутилось и забѣгали искорки, ноги задрожали.

Разглядѣвъ, что это простая уловка Перевалова съ расчетомъ именно на такое чтеніе афиши, она сначала облегченно вздохнула, потомъ вспыхнула отъ прилива негодованія.

— Ну, что это такое? — говорилъ тѣмъ временемъ Луцкой. — Почему онъ сваливаетъ на меня отвѣтственность за сборы? Я ему еще вчера говорилъ, чтобъ онъ не ставилъ меня въ красную строку!

Въ былое время Марья Николаевна или расклакалась бы, или, по крайней мѣрѣ, сейчасъ же позвала бы Перевалова. Но теперь у нея было такое чувство, точно у нея есть ребенокъ и прежде всего надо позаботиться о немъ.

— Успокойтесь, Антонъ Матвѣвичъ, — тихо сказала она, взявъ его за локоть. — Сейчасъ вамъ надо играть. А потомъ мы съ нимъ поговоримъ. Теперь забудьте объ этой глупости.

Онъ покорно началъ читать роль, а она ждала его выхода на сцену съ такимъ волненіемъ, какого никогда не испытывала ни за кого.

Объясненіе съ Переваловымъ не удалось. Когда Марья Николаевна и Луцкой подошли къ нему съ афишей и заговорили о его продѣлкѣ, онъ выслушалъ ихъ, какъ бы долго не понимая, въ чемъ дѣло, потомъ вдругъ крикнулъ:

— Ахъ, отстаньте, пожалуйста! Жрать надо, господа, и такъ дайте!

И ушелъ.

Послѣ спектакля Марья Николаевна съ Луцкимъ готовили роли изъ *Ваньки-ключника*.

Ей такъ хотѣлось хорошаго сбора! Просыпаясь, она уже не лежала цѣлый часъ, а тотчасъ же вскакивала, открывала окно и смотрѣла на небо. Предсказаніе Луцкого начинало сбываться. Второй день уже къ утру небо было обложено тучами и вѣтеръ не разгонялъ ихъ. Когда она проходила по улицамъ, то всякому встрѣчному старалась внушить взглядомъ, чтобъ онъ сейчасъ же бѣжалъ въ театръ и покупалъ билетъ. Заходя въ лавку, она непременно подходила къ висѣвшей тамъ афишѣ и думала привлечь къ ней вниманіе лавочниковъ. На репетиціяхъ входила во всѣ мелочи, дѣлала замѣчанія, стыдила тѣхъ, кто не учитъ ролей, такъ что Ключиковъ назвалъ ее «Офелія-режиссеръ».

Передъ началомъ спектакля она послала Никиту въ кассу узнать, сколько сбора, и чуть не заплакала, когда Никита сказалъ:

— Бассиръ говоритъ, больше пятнадцати рублей не будетъ.

— Сейчасъ уже есть пятнадцать? — спросила она.

— Нѣтъ, сейчасъ только шесть...

— Вот тебѣ и талантливый житель! — сказалъ Блючиковъ, хлопнувъ Луцкого по плечу. — Шестъ цѣлковыхъ въ кассѣ.

Луцкой сидѣлъ полуодѣтый передъ зеркаломъ и наводилъ карандашомъ брови.

— Ты бы, братецъ, побѣгалъ тамъ по своимъ лавкамъ, — прибавилъ Бѣлесовъ, стоя въ глубинѣ и одѣваясь, — нагналъ бы друзей-приказчиковъ. Что-жъ это они не интересуются тобой!

— Надо посовѣтовать Перевалову отыскать талантливую козу здѣшняго города. Авось она больше сбора сдѣластъ! — говорилъ Блючиковъ, отодвигая табуретку передъ зеркаломъ и усаживаясь.

Луцкой молчалъ, хотя чувствовалъ, что въ горлѣ у него перехватываетъ.

Въ эту минуту влетѣлъ Переваловъ и, быстро сбрасывая съ себя скюртку и разстегивая жилетъ, остановился передъ нимъ и сказалъ:

— Ну, батюшка, сыграемъ въ воскресенье *Вшненья деньги* и чортъ тебя возьми совсѣмъ. Ни одной пьесы не поставлю больше для тебя!

Луцкому кровь прилила къ головѣ.

— Да развѣ я васъ просилъ? — закричалъ онъ, вскочивъ, не своимъ голосомъ. — Говорилъ ли я вамъ хоть одно слово? Не я ли умолялъ васъ не ставить меня въ красную строку? Что-жъ вы измываетеся надо мной, дьяволы? Я у васъ получаю половину марки, въ гастролеры не лѣзу, играю все, что даете. Не обязывался векселями дѣлать вамъ сборы!

Это было такъ неожиданно, что въ первую минуту всѣ молчали. Первымъ заговорилъ Бѣлесовъ.

— Да ты не ори, милый другъ! — заносчиво крикнулъ онъ. — Что больно разгорячился?

Но Луцкой сказалъ еще сильнѣе:

— А вотъ съ того и разгорячился, что если еще кто-нибудь подшутить надо мной, такъ я ему челюсть вышибу. Тебѣ первому, сунься только!

Онъ стоялъ среди уборной, полуодѣтый, съ сжатыми кулаками и наполовину заgrimированнымъ лицомъ. Оно налилось кровью, губы тряслись.

Дамы въ юбкахъ и кофтахъ, или въ корсетахъ съ голыми плечами, грудью и руками, выбѣжали изъ своей уборной. Перевалова побѣжала къ мужчинамъ.

— Что тутъ у васъ? Что тамъ такое?... — спрашивали онѣ.

Занавѣсъ былъ поднять, Никита зажигалъ рампу. Въ освѣщен-

ной уже залъ былъ одинъ владѣлецъ театра, Мякинъ. Онъ вошелъ посмотрѣть, не коптитъ ли гдѣ лампа, и остановился, услыхавъ на открытой сценѣ крики и увидѣвъ полуодѣтыхъ актрисъ.

Марья Николаевна остановилась въ дверяхъ уборной и, вся дрожа, смотрѣла черезъ весь пролетъ сцены туда, гдѣ одѣвались мужчины.

— Ну, полно тебѣ, полно! — сказалъ Переваловъ, глядя Луцкого по спинѣ. — Что это, шутокъ не понимаешь и такъ далѣе. Вы чего? — крикнулъ онъ дамамъ. — Ступайте домой! Ыши! Ничего тутъ нѣтъ для васъ любопытнаго и такъ далѣе. Никита! Спусти-ка занавѣсъ.

Луцкой уже сидѣлъ попрежнему передъ зеркаломъ.

Мякинъ покачалъ головой и вышелъ изъ театра. У выхода онъ взялъ сына Ручкиной и повелъ его въ буфетъ.

— Пойдемъ-ка, милый. Я тебѣ миндальнаго пирожнаго дамъ. Короче! Прямо для тебя припасъ. А ты мнѣ какую-нибудь ролю скажи.

— «Ролю!» Кто-жъ говорить — ролю?... Роли!

— Ишь, какой шустрый мальчишка!

И въ этотъ вечеръ, послѣ спектакля, Марья Николаевна съ Луцкимъ рѣшили учить *Въшennyя деньги*.

— Ты это что-жъ, сударыня, — спросила ее мать, — заладила каждую ночь проходить роли съ Антошкой?

— Мамочка, вотъ что я вамъ скажу: я васъ крѣпко люблю и все готова для васъ сдѣлать. Только вы уже не мѣшайте мнѣ заниматься дѣломъ. Мнѣ и гнетъ Василія Сергѣевича надоѣлъ. Я при немъ и не знала, что значить настоящая работа.

— Да что онъ тебѣ, кумъ или братъ?

— Онъ талантливый, и мнѣ хочется, чтобъ онъ развился. Что могу, то сдѣлаю. Я опытиѣ его.

— Смотри, Маруська!...

— Ну, будетъ, будетъ.

Дома ихъ ждала телеграмма.

Марья Николаевна быстро вскрыла ее.

«Раменскій требуетъ нѣкоторыхъ условій, которыхъ вамъ не зачѣмъ знать. Они касаются только меня. Кромѣ того, необходимо, чтобъ вы ему написали. Пришлите письмо мнѣ. Я перешлю. Крѣпко цѣлую. Василій».

— Отъ Василія Сергѣевича? — спросила Надежда Алексѣевна.

— Да, отъ него. На-те прочтите, положите мнѣ на столъ и молчите.

Ей не хотѣлось говорить при Луцкомъ по поводу телеграммы. Она уже замѣтила, что по его лицу побѣжали тѣни.

Надежда Алексѣевна прочла.

— Ну, вотъ! Вѣдь, говорили, надо письмо написать.

— Ну, хорошо, мама. Послѣ.

— Да что послѣ! Антоша свой человѣкъ. Жениха подъ столъ не прячуть.

— Мама! Вѣдь, я же прошу васъ!...

Подавивъ волненіе, она обратилась къ Луцкому.

— Ну, не будемъ терять времени. Только что сыграли одну роль, давайте приниматься за другую. Но какъ вы сегодня маму напугали! Вы просили у нея извиненія? Нѣтъ? Цѣлуйте у нея сейчасъ же руку.

— Бъ чему это? — надувшись, проговорила Надежда Алексѣевна.

Она уже возилась около самовара.

— Нѣтъ, нѣтъ, пусть пріучается извиняться. Небось, передъ какой-нибудь Переваловой извинился. Вы знайте, Антонъ Матвѣвичъ, что если хотите нравиться мнѣ, то должны прежде всего понравиться мамѣ. Она распоряжается всѣми моими симпатіями. Скажетъ въ одно печальное для васъ утро, «до чего мнѣ не нравится этотъ Антоша», она васъ называетъ Антошей, вы замѣтили? — ну, и конецъ. Можете тогда учить ваши роли съ госпожей Переваловой. Мама, а замѣтили вы, какъ Лизавета Ивановна ухаживаетъ за нимъ?

— Бросила, кажется, — вставилъ Луцкой.

— Да, да, да! Пойте другимъ! Знаемъ мы это! Ну, Богъ съ ней! Давайте пьесу. Ахъ, еслибъ вы знали, до чего мнѣ нравится роль Лидіи! Влюблена въ нее. Давно мечтаю сыграть ее. Слава Богу, до воскресенья можно сдѣлать три репетиціи. А вамъ нравится ваша роль?

— Ужасно нравится.

Надежда Алексѣевна подала имъ чаю. Марья Николаевна, глядя въ книгу и какъ бы совсѣмъ неумышленно, поцѣловала у матери руку.

«Юлить, юлить, — думала Надежда Алексѣевна: — да еще какъ юлить-то! И сама-то руку цѣлуетъ, и другихъ-то заставляетъ, и весь-то ея законъ — какъ скажетъ мать!... Зачѣмъ? Не хочетъ она замужъ за Красавцева, это уже давно понятно. Хорошо, если только это. А если къ тому еще врѣзалась въ этого лавочника? Ну, и тѣ, матушка! На такой скандалъ я тебя ни за что не пушу. Да я же:

рѣ тебѣ косы обрѣжу. Промѣнять почтеннаго и состоятельнаго человека на этого мужика! Надо вовсе обезумѣть! Ужъ лучше бы съ мужемъ сошлась, это тебѣ всякій мальчишка скажетъ. Да нѣтъ! Не можеть этого быть. Не дура же она, въ самомъ дѣлѣ! А отчего же она стала такая бойкая, да веселая? И съ самаго ихнаго отъѣзда, съ самаго того дня! Чего она возится съ этимъ Антошкой? Просто, дѣлу радуется. Забыться хочетъ. Очень ужъ много передрыгъ испытала. Такъ-то такъ, ну, а все-таки послѣдить не мѣшаетъ. Держи, мать, ухо остро! Можеть, понадобится и къ родительской власти прибѣгнуть. Его папаша выдралъ, а тебя мамаша... выдрать не выдереть—гдѣ ужъ, не тѣ времена,—а этого не позволить!

Чай, хлѣбъ, масло и сыръ—больше ничего не было. Пока Марья Николаевна съ Луцкимъ читали и бесѣдовали, едва успѣвая утолять аппетитъ, Надежда Алексѣевна выпивала нѣсколько чашекъ чаю, съѣдала нѣсколько кусковъ хлѣба съ масломъ и сыромъ, потомъ тихо прибирала посуду и тихо же, не простившись, уходила къ себѣ, притворивъ за собой дверь.

• Такъ было всѣ вечера.

Скоро она засыпала, но, проснувшись, прислушивалась: ничего, все учать роли, даже не заговариваютъ о постороннихъ предметахъ!

XXI.

Марья Николаевна проснулась, услыхавъ въ гостиной шепотъ и слезы. На столигѣ около кровати лежали дамскіе золотые часы на короткой цѣпочкѣ. Было десять.

Въ ту же минуту дверь тихо скрипнула, и въ спальню заглянула Надежда Алексѣевна.

— Кто тамъ у насъ мама?

Надежда Алексѣевна не сразу отвѣтила, сначала вошла и притворила за собой дверь.

— Ручкина, — сказала она шепотомъ. — Что-жь я съ нею буду дѣлать?

— Да что такое?

— Говорить, вчера цѣлый день ни сама, ни отецъ ничего не ѣлъ. Просто, говорить, куска во рту не было. Только воду и пили. Была одна булка да стаканъ молока, такъ цѣлый день кормила этимъ сына. По счастью, еще вечеромъ Мякинъ ему пирожного далъ. А главное, что хозяинъ сказалъ, если они сегодня не уберутся, онъ позоветъ полицію. Плачетъ-заливается.

Марья Николаевна быстро набросила на себя капоть, надѣла туфли и вышла къ Ручкиной, захвативъ со стола часы.

Та быстро отирала рукавомъ слезы.

— Вотъ Парася,—прошптала Марья Николаевна, цѣлуя ее и суя въ ея руку часы.—Заложите гдѣ-нибудь, возьмите сколько вамъ надо, а остальное отдадите мнѣ въ театрѣ.

Ручкина посмотрѣла на золотую вещь и, повидимому, собиравась отказываться.

— Голубушка!—проговорила она, какъ всегда, на о и съ малороссійскимъ ѣ.

— Ну, не разговаривай,—вдругъ перешла Марья Николаевна на ты.—Иди скорѣе и справляйся.

Онѣ опять поцѣловались.

Все это произошло такъ быстро, что когда Надежда Алексѣевна входила, Ручкина шла уже въ переднюю.

— Бвитанцію не забудьте принести,—крикнула ей вслѣдъ Надежда Алексѣевна.

— Нѣтъ, не забуду,—сказала та возвращаясь.

Надежда Алексѣевна не успѣла сообразить, какъ она уже поцѣловала у нея руку.

Марья Николаевна долго стояла среди комнаты, сложивъ передъ собой руки такъ, какъ дѣти, когда молятся. Большіе глаза ея, еще заспаные, смотрѣли на кофейникъ.

— Ну, что стала? Иди, умывайся. Ужъ часиковъ-то не вернешь!

— Что-жъ это такое?—проговорила Марья Николаевна задумчиво.—Цѣлыя сутки ничего не ѣли!

— Подожди, попробуешь и сама этого удовольствія.

Марья Николаевна сѣла.

— У насъ мало денегъ?

— То-то! Догадалась спросить. Все думаешь, Богъ посылаетъ.

По тону матери она догадалась, что ихъ денежные дѣла не такъ еще страшны.

— Хорошо, что хозяйкѣ впередъ отдано, спасибо Василию Сергѣевичу. Да вонъ въ комодѣ рублей десять найдется. Раздай и э- коли есть охота! Мнѣ все равно.

— Только десять рублей?

— Я не прятала и на себя не тратила.

— Вѣтра нѣтъ, мама?

— Чего?

— Если вѣтра не будетъ, дожди пойдутъ. Тогда ужъ никакихъ сборовъ не будетъ.

— Иди-ка, да одѣвайся. Нечего впередъ загадывать. Вчера Певаловъ съ Мякинымъ совѣтовались какое-то гулянье устроить. А воеь хоть этимъ привлечь публику.

«Господи! — думала Марья Николаевна, одѣваясь. — Да что-жъ это, какъ разъ когда я такая хорошая и честная, все устраивается какъ дурно? Точно на зло мнѣ!...»

Но она рѣшила не падать духомъ. Если она будетъ работать и сумѣетъ заставить другихъ, то не можетъ быть, чтобъ не было сборовъ.

Когда она собиралась уходить, то по привычкѣ хотѣла надѣть часы. Она вспомнила, что у нея есть еще другіе, болѣе дорогіе, съ вензелемъ и брилліантами.

— Мама, дайте-ка мнѣ мои новые часы.

— А откуда я ихъ возьму? Они вмѣстѣ со всѣми вещами.

— Ну, такъ что-жъ?

— А вещи Василій Сергѣевичъ увезъ.

— Какъ увезъ?

— Не самъ. Не вздумай на него сваливать. Я его попросила припрятать до нашего приѣзда.

— Зачѣмъ?

— А вотъ хотѣла, чтобъ и онѣ всѣ не пропали, какъ часы.

— Мама! Вы нарочно говорите?

— Клянусь Богомъ! Хоть осмотри весь комодъ.

— И правда, что вы сами придумали это?

— Нѣтъ. Мнѣ твой мужъ посовѣтоваль, — спасибо ему.

— Значитъ, всѣмъ спасибо. И Василю Сергѣевичу за квартиру, и мужу за совѣтъ.

— Да ужъ понятно! Не этимъ нищимъ чета.

— А я вотъ этихъ нищихъ люблю больше, чѣмъ и того, и другого! — сказала Марья Николаевна, надѣвая шляпу.

— Это какъ же падо понимать?

— А вотъ такъ и понимайте.

— А вотъ Богъ тебя накажетъ, если ты будешь скрытничать съ матерью.

— Когда вы меня любите, я съ вами никогда не скрытничаю. А когда вы ко мнѣ все бокомъ, да бокомъ, такъ мнѣ больше ничего не остается.

— Да ты постой! — крикнула мать.

— Некогда, мама. И то опаздываю.

На сценѣ Марья Николаевна застала горячій споръ.

— Не соглашусь, ни за что не соглашусь! — говорила, плача, Лиманова. — Я не для того поступала на сцену! Довольно и того, что я вамъ суфлирую.

— Это дворянство надо бросить! — горячился Переваловъ. — Намъ барышенъ не нужно и такъ далѣе! Намъ нужны работники. Ваши профессора сдѣлали бы лучше, еслибъ учили васъ не драматическому искусству, а духу товарищества и такъ далѣе!

— Моихъ профессоровъ оставьте въ покоѣ! Вы слишкомъ ничтожны, чтобъ судить ихъ! Они учили меня трудиться, а не кривляться, какъ въ циркѣ.

— Такъ знайте, что я васъ оштрафую.

— Сдѣлайте одолженіе!

Увидѣвъ Марью Николаевну, она подошла къ ней.

— Вообразите, заставляеть меня одѣться какой-то вакханкой и ѣздить по саду съ Бахусомъ на бочкѣ. Всему есть предѣлъ. А это ужъ Богъ знаетъ что! Развѣ я для того пошла на сцену, чтобы на потѣху толпы изображать въ саду пьяную бабу?

Марья Николаевна поцѣловала ее. Та заплакала у нея на плечѣ.

— Что такое? — спросила она подошедшаго Блючикова.

— Шествіе изображать надо. Нашелъ Переваловъ у водовоза бочку, хочеть дѣлать колесницу, три влячи убрать цвѣтами, мени съ вѣнкомъ на головѣ и въ костюмѣ посадить на бочку. Стало-быть я — Бахусъ. А около меня двухъ дамъ поставить, Ручкину и вотъ ее. Ну, барышня и обидѣлась.

— Ни за что, ни за что не соглашусь! — повторяла Лиманова. — Я никогда не отказывалась отъ ролей, переиграла всѣхъ горничныхъ и старухъ, суфлирую имъ, наконецъ. Но это что же такое!

— А кто же другая дама? — спросила Марья Николаевна, не дослышавъ.

— А другая — Ручкина. Ея еще нѣтъ.

— И Ручкина ни за что не согласится, — сказала Лиманова.

— Ручкина вчера говорила Перевалову: выдумывайте, что хотите, только бы заработать что-нибудь. А вы — Церера, — прибавилъ Блючиковъ, обращаясь къ Марьѣ Николаевнѣ, — тоже не колесницѣ со снопами ржи, ячменя, овса... А Лизавета Ивановна — Аврора, съ какимъ-то сіяніемъ, электрическимъ солнцемъ, цвѣтами. Мы съ нимъ разъ уже продѣлывали такое шествіе.

Подошла Перевалова.

— Уговорите ее не глушить, — сказала она Раменской, въ зы-

вая на Лиманову.—Вѣдь, намъ всѣмъ вѣсть нечего. Тутъ уже самолюбіе надо спрятать. Вотъ Блючиковъ подтвердить, что мужъ развѣдывалъ огромный сборъ такимъ шествіемъ. Наконецъ, если вы не хотите изображать гетеру или гитану,— не знаю, какъ онѣ у него тамъ называются,— возьмите Аврору. Только для этого нужно большой ростъ.

— Ни Аврору, ни гетеру, ничего я не хочу. И ванъ мужъ не смѣетъ штрафовать меня. Я не обязывалась участвовать въ уличныхъ представленіяхъ.

— Извините, Лиманова. По контракту, вы обязаны исполнять все, что понадобится для успѣха дѣла. Впрочемъ, это меня не касается. Я здѣсь такая же слушающая, какъ и вы.

Черезъ минуту Марья Николаевна очутилась между Переваловыми—мужемъ и женой. Оба наперерывъ говорили ей, что она, какъ первая актриса, должна оказать товариществу маленькую поддержку. Дѣла становятся отчаянными. Скоро всѣ останутся не только безъ крова, но и безъ куска хлѣба и такъ далѣе. Если *Большенныя деньги* не дадутъ сбора, то на спектакли рассчитывать уже нечего. Тогда останется собрать рублей 200—300 «торжественнымъ гуляньемъ и шествіемъ» и развѣхаться. Но требуются предварительные расходы. Переваловъ уговаривалъ Мякина вложить сто рублей, которые пойдутъ на устройство колесницъ, освѣщенія, покупку цвѣтовъ и такъ далѣе. Мякинъ отказался на-отрѣзъ, хотя деньги будутъ возвращены немедленно изъ сбора. Переваловъ даже предложилъ ему, что потомъ все прибрѣтенное поступить въ его владѣніе, но тотъ и на это не согласился. Теперь единственная надежда всего товарищества на нее, Раменскую. Если у нея нѣтъ денегъ, пусть она одолжитъ цѣнныя вещи. Всего на нѣскольکو дней!

Разумѣется, Переваловы не повѣрили, когда она сказала, что всѣ ея цѣнныя вещи отправлены съ Красавцевымъ въ губернской городъ.

Самъ Переваловъ хрустѣлъ пальцами, глаза его наполнились слезами.

— Я передъ вами на колѣни стану,— говорилъ онъ.

— Ради всего святого, не отказывайте! — сказала Лизавета Ивановна, тоже со слезами.

— Поймите, что вромъ этого ничего нельзя придумать. На *Большенныя деньги* не будетъ сбора и такъ далѣе. Я уже не за себя говорю, а за товарищей. Ихъ пожалѣйте.

— Душечка, Маруся! Вы не знаете, въ какомъ мы положеніи!

Еще одна такая недѣля, и мы останемся даже безъ чаю-сахару! Отъ васъ все зависитъ!

Перевалова уже заливалась слезами.

Марья Николаевна тоже готова была заплакать.

— Но клянусь вамъ чѣмъ хотите, что не лгу. Я только сейчасъ узнала отъ мамы, что вещи мои отправлены. Спросите ее. Возьмите все, что у меня есть, обшлите квартиру. Но вы немного наберете. И потомъ, ради Христа, нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, устраивать это шествіе. По крайней мѣрѣ, я ни за что не пойду никакой Церерой.

Переваловы помолчали.

— Ну, теперь я умываю руки и такъ далѣе! — сказалъ онъ.

Марья Николаевна отошла отъ нихъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Переваловъ ушелъ. Жена посоветовала ему немедленно отправить багажъ съ костюмами въ Москву. Какъ-нибудь они тутъ перебытуютъ, но, по крайней мѣрѣ, въ Москвѣ у нихъ будетъ возможность заложить костюмы, чтобы ждать ангажемента на зиму. Если же ихъ не отправить сейчасъ, то, чего добраго, арестуетъ тотъ же Мякинъ или хозяинъ квартиры.

Въ костюмахъ да въ библиотекѣ было все состояніе Перевалова. Только благодаря этому онъ и могъ набирать труппу и снимать театры, получая потомъ лишнюю марку, какъ распорядитель, и нѣсколько рублей наличными изъ сборовъ. То и другое давным-давно уже было куплено за гроши у разорившагося антрепренера, костюмы потрепались и были ветхи, но для Перевалова они были единственнымъ источникомъ дохода и выручали его въ самые трудные моменты жизни. Теперь онъ рассчитывалъ воспользоваться ими для «шествія», разъ же устроить его оказывалось невозможнымъ, надо было спѣшить спасти единственное достояніе.

— Что же, господа, давайте репетировать, — сказала Рамеская. — Гдѣ Григорій Александровичъ?

— Онъ ушелъ, — отвѣтила Перевалова. — Будемъ безъ него.

— Какъ! Безъ Телятева?

— Что дѣлать! Ему некогда.

На мѣсто уѣхавшаго Аполлоши сѣла заплаканная Лимано. Она же громко читала реплики Телятева.

Репетиція не клеилась.

— Лучше назначимъ репетицію вечеромъ, — сказала Рамеская. — А это, вѣдь, ни къ чему.

— Если у васъ есть заплатить за вечернюю репетицію, т

дайте лучше маленькимъ актерамъ. Они, по крайней мѣрѣ, пообѣдаютъ,— отвѣтила ей Перевалова.

«Только десять рублей въ комодѣ!» — вспомнила Марья Николаевна и сконфузилась.

Ручкиной дали за часы двадцать пять рублей. Она не знала, только изъ нихъ взять. Одному хозяину квартиры надо было дать хотя пятнадцать.

Бувивъ дешеваго чая, сахара и хлѣба и накормивъ сына и отца, она со всѣми остальными деньгами пошла въ театръ.

— Сколько тебѣ дали? — спросила Раменская.

Та сказала.

— Только-то! А я сейчасъ пообщала Блючикову съ Бѣлесомъ. Милая, тебѣ двадцати довольно?

— Довольно, Маруся, совсѣмъ довольно.

— Ну, такъ пять я имъ отдамъ.

Ручкина, счастливая, что нѣсколько дней будетъ сыта, побѣжала домой, а Марья Николаевна, проходя мимо Блючикова, незаметно для другихъ, сунула ему въ руку пятирублеву.

Тогда репетиція окончательно расклеилась. Блючикову и Бѣлесову хотѣлось поскорѣе издержать деньги.

Пришлось расходиться.

— Не забудьте Холодкова! — шепнула Марья Николаевна Блючикову.

— Офелія! Дайте ручку! — сказалъ онъ съ комическимъ паросомъ.

Ей казалось теперь, что всѣмъ уже нечего ѣсть. «Неужели и ему тоже?» — подумала она о Луцкомъ.

Они выходили изъ сада.

— Послѣ обѣда сейчасъ же ко мнѣ, — сказала она, прощаясь съ нимъ, — опять будемъ учить роли виѣстѣ.

Она съ усиленіемъ произнесла слова «послѣ обѣда». Можетъ быть, онъ уже давно и не обѣдалъ. Хотѣла позвать его къ себѣ, но побоялась обидѣть.

— Хорошо, — отвѣтилъ онъ и сейчасъ же грустно прибавилъ: — выйдите?...

Марья Николаевна подняла голову и прислушалась. Гдѣ-то гремѣлъ громъ. Небо было загромождено густыми облаками.

— И никакого вѣтра! — произнесла она, качая головой.

— Ни малѣйшаго! — сказалъ онъ, вздохнувъ.

XXII.

На другой день, около двухъ часовъ дня, когда Раменская, Луцкой и Переваловъ репетировали одну изъ сценъ четвертаго дѣйствія, надъ театромъ одинъ за другимъ пронеслось нѣсколько раскатовъ грома.

Марья Николаевна вздрогнула и перекрестилась. Кто-то изъ актеровъ, стоявшихъ въ глубинѣ произнесъ:— «Ого-го!»

Репетицію приостановили.

Раменская подошла къ выходу со сцены и выглянула на верхъ. Надъ садомъ повисла тяжелая и мрачная туча. Кругомъ было такъ тихо, какъ будто все живое пригнуло къ землѣ голову и, замирая, ждало новаго удара.

Прошло нѣсколько минутъ.

— Ну, будемъ продолжать,— сказала Раменская тихо, точно боясь разбудить кого-нибудь.

И Луцкой началъ репетировать тоже тихо и осторожно.

Вдругъ на одинъ мигъ ярко освѣтило сцену, истрепанныя кулисы, театральныя залы со стульями и скамейками. Марья Николаевна какъ-то сразу увидѣла и бѣлые билеты на стульяхъ, и фортепiano въ оркестрѣ, и суфлерскую будку, и декорацию, висѣвшую надъ головой, и деревья въ саду, точно ворвавшіяся въ театр. А затѣмъ все это, блеснувъ, исчезло, и кругомъ стало страшно темно.

Не прошло трехъ секундъ, какъ надъ самой крышей раздались оглушительный ударъ и трескъ, точно весь театръ рассыпался въ щепки, доски его, стулья, декорацию, фортепiano— все повалилось, громящая и стуча, и гдѣ-то далеко съ новымъ ударомъ рухнула въ пропасть. Ударъ грома точно былъ пронизанъ отчаяннымъ воплемъ Переваловой. Многие кинулись къ ней, думая, что ее убило молніей. Она прижалась на колѣняхъ къ досчатой стѣнѣ мужской уборной и закрыла руками голову.

— Господи помилуй, Господи помилуй!— громко повторяла она.

— Ужасно боится грозы, нервная и такъ далѣе,— объяснилъ взволнованный мужъ.— Успокойся, голубушка, прошло уже.

— Не отходи отъ меня, не отходи, ради Создателя!— стояла она.

— Не отхожу. Успокойся. Присядь тутъ.

Онъ посадилъ ее на стулъ въ самомъ углу кулисы. Марья Николаевна вспомнила, что на этомъ мѣстѣ Раменскій, послѣ третьяго дѣйствія «Безприданницы», держалъ ее за обѣ руки и угваривалъ ѣхать съ нимъ.

«По рисункамъ художника Чертопханова», — вспомнила она почему-то эту фразу.

— Блючиковы! Не въ службу, а въ дружбу принеси изъ буфета стаканчикъ воды, — попросилъ Переваловъ.

Бругленькая фигура комика быстро пронеслась по сценѣ и скачилась по лѣстницѣ въ садъ.

По крышѣ забарабанили крупныя капли и сейчасъ же прекратились, словно пробуя его прочность. Потомъ вдругъ, точно увѣсившись, что она выдержитъ всякій напоръ, онѣ застучали быстро и сильно. Разразился ливень. По всему театру поднялся такой гулъ, что актерамъ, разговаривая, приходилось кричать во весь голосъ. Черезъ громадную дверь, въ видѣ воротъ, отдѣлявшую сцену отъ сада, несся шумъ дождя, бившаго по листьямъ деревьевъ, и этого ливень казался еще сильнѣе. Потoki, бѣжавшіе съ крыши по трубамъ и минуя ихъ, хлестали и дѣлали такое впечатлѣніе, какъ будто все кругомъ уже было залито водой. Окна мужской уборной, около которой столпились всѣ актеры, дрожали и звенѣли отъ барабанившаго по нимъ дождя. Гдѣ-то очень близко зашлепали желныя капли, словно безцеремонно врываются въ самый театръ. Въ двухъ мѣстахъ въ залѣ и надъ самой серединой сцены образовалась течь. Черезъ минуту здѣсь уже были лужи. Удушливый воздухъ, пропитанный копотью, запахомъ масла и краски, наполнился теплой влагой.

Блючиковъ прибѣжалъ, осторожно держа стаканъ съ водой. Платье на немъ было совершенно мокрое.

— Ну, и влетѣло же мнѣ! — сказалъ онъ, передавая стаканъ, тряхиваясь и разсыпая кругомъ брызги.

— Ты точно собака, когда она выкупается! — сострилъ Бѣсесовъ.

Ливень продолжался минутъ двадцать и постепенно перешелъ въ мелкій дождь. Шумъ прекратился, только въ мѣстахъ, гдѣ была течь, еще грузно шлепались капли, да изъ водосточныхъ трубъ за стѣнами театра лилась вода.

Марья Николаевна стояла около выхода со сцены и смотрѣла на большое дерево, подъ которымъ было почти сухо, и на бѣжавшій неподалеку отъ него широкій потокъ мутной воды. Онъ огибалъ дерево и съ шумомъ скатывался гдѣ-то подъ сѣрымъ досчатымъ заборомъ.

Лиманова стояла около нея и рассказывала, какъ два года назадъ «у нихъ въ деревнѣ» гроза зажгла хату и какъ мужики не позволили спасать ее, говоря, что съ Богомъ спорить нельзя.

— Вотъ вамъ и «Бѣшенныя деньги!» — сказалъ, подходя Луцкой.

— Можеть быть, этимъ ливнемъ и кончится? — отвѣтила Марья Николаевна.

Онъ отрицательно кивнулъ нѣсколько разъ головой.

— Небо очищается, — прибавила она.

— Такъ-то такъ. Вотъ завтра утромъ... только вы еще спать будете... надо посмотрѣть, какъ солнце всходитъ. Еслибъ въ этомъ небо было облачное, то дождя не будетъ. А если солнце взойдетъ ясное на совершенно чистомъ небѣ, то часа въ два или не много раньше опять будетъ ливень.

— А мы - то съ вами старались! Для чего учили и ночей не спали?

— Да. Мнѣ будетъ очень досадно, если спектакль придется отложить. Я совсѣмъ влюбился въ этого Василькова. И вы мнѣ такъ много показали.

— Слушайте, Антонъ Матвѣевич!

Она взяла его руку и отошла съ нимъ.

— Вы еще не знаете, гдѣ будете служить зимой?

— Нѣтъ, не рѣшилъ еще.

— А имѣете предложеніе?

— Меня зоветъ Переваловъ. Онъ говоритъ, что, вѣроятно, сниметъ театръ гдѣ - то въ западныхъ губерніяхъ. Проситъ, чтобы я никуда не общалъ. А кромѣ того, вотъ... съ Лимановой. — Онъ оглянулся и кивнулъ въ ея сторону. — Ее зовутъ товарищи не школь... куда-то въ Сибирь. Она рекомендовала и меня. Ждетъ отвѣта.

— Вы хотите съ нею?

Онъ помолчалъ, точно собираясь съ духомъ. Потомъ прижалъ локтемъ ея руку и сказалъ:

— Мнѣ бы такъ хотѣлось служить въ одной труппѣ съ вами. Но я объ этомъ и мечтать не смѣю, — тихо прибавилъ онъ.

— Хотите, я напишу нашему представителю товарищества?

— Да, вѣдь, у васъ и безъ меня огромная труппа!

Они медленно двигались по сценѣ, обходя лужу посрединѣ.

— Вамъ не дадутъ тамъ столько играть, — сказала она, подумавъ. — Въ маленькомъ городѣ вы сразу будете на первыхъ роляхъ. Кто бы тамъ ни былъ, вы всякаго забудете.

Луцкой слушалъ ее съ радостнымъ волненіемъ.

— Это не только мое мнѣніе. Вѣдь, вотъ тотъ же Григорій Александровичъ говорилъ, что не дастъ вамъ больше хорошихъ ро-

И, а сейчас былъ разговоръ. Лизавета Ивановна хочетъ стать въ свой бенефисъ «Горькую судьбину» и вамъ дать Ананія.

— Батюшки! Даже страшно... А сама она—Лизавету?

— Да. Я думаю, она искала пьесу, чтобъ обойтись безъ меня. Но, это все равно! А у насъ вамъ, все-таки, не дадутъ всего этого. Я знаю, право, что для васъ лучше: сразу приготовить всѣ большія роли или, наоборотъ, сначала приобрѣсти опытъ на маленькихъ.

— Я бы предпочелъ играть сначала маленькія въ хорошей группѣ, съ хорошимъ режиссеромъ. Мнѣ кажется, это выравняетъ актера.

— Конечно,—подхватила Раменская.

— Я, вѣдь, играю пока, такъ сказать, запаломъ.

— Въ томъ-то и дѣло! А у насъ вы бы развились постепенно. Это несравненно лучше. Ну, мы еще поговоримъ объ этомъ!

Она отпустила его руку и пошла къ Переваловой, которая уже успокоилась и только изрѣдка вздрагивала всѣмъ тѣломъ.

— Будемъ репетировать?—спросила Раменская.

— Давайте. Надо же хоть разъ пройти пятый актъ и такъ вѣдь! Лизанька, ты можешь?

— Могу,—отвѣтила Перевалова.

Но черезъ нѣсколько минутъ опять пошелъ дождь и хотя безъ грома и не такой сильный, однако, репетировать не было никакой возможности.

Въ саду и на улицѣ были такія лужи, что дамы останавливались, не зная, какъ ихъ перейти. Лудкой первый подхватилъ Марью Николаевну и перенесъ ее на рукахъ. Тогда Ключиковъ съ Бѣлесовымъ скрестили руки и, усадивъ Лиманову, перенесли и ее.

— Помогите Переваловой,—шепнула Марья Николаевна Лудкому.

Тотъ вернулся по лужѣ и подобралъ Лизавету Ивановну.

Визгъ, хохотъ и крики раздавались съ такою веселостью, какъ будто все обстояло благополучно и сборы были блестящіе.

— А меня, меня!—крикнулъ Жаровъ,—я тоже дама, драматическая старуха.

И когда Холодковъ взялъ его на руки, а старикъ началъ представлять даму въ истерикѣ, замахалъ руками и запищалъ, то хохотъ усилился, и бывшіе по другую сторону широкой лужи встрѣтили ихъ аплодисментами. Жаровъ кривляясь раскланялся, а Холодковъ сказалъ:

— Наконецъ-то и намъ съ вами аплодируютъ!

XXIII.

Три спектакля были отиѣнены. Каждый день шелъ одинъ изъ два дождя. Кругомъ театра стояла невылазная грязь. Въ вечеру погода разгуливалась, и только въ той сторонѣ, куда уходили тучи, оставались длинныя облака, точно размазанныя чернильныя пята. Воздухъ становился особенно прозраченъ, а ночью поднимался туманъ и къ утру сгущался въ новыя облака.

«Бѣшенныя деньги» объявлялись три раза. Въ воскресенье къ началу спектакля было восемь рублей въ кассѣ. Мякинъ уговаривалъ не отиѣнять спектакля и обѣщалъ, что публика подойдетъ, когда улицы немного просохнутъ. Не начинали до девяти часовъ. Актеры, одѣтые и загримированные, бродили и по сценѣ и по саду. Къ этому времени прибавилось еще шесть рублей. Переваловъ разозлился, обругалъ владѣльца театра и отиѣнилъ спектакль.

Мякинъ пришелъ на сцену.

— Въ такомъ разѣ кончите наше дѣло! — сказалъ онъ, ни къ кому не обращаясь. — Никита! Какъ господа артисты выйдутъ, тащи замокъ, запирай театръ и ключъ принеси мнѣ.

Немедленно донесли Перевалову. Онъ выбѣжалъ изъ уборной безъ сюртука.

— Что такое? — крикнулъ онъ. — Кто здѣсь на сценѣ смѣетъ распорядиться, кромѣ меня, и такъ далѣе?

— Не извольте горячиться. Это я приказалъ запирать театръ.

— А вы кто такой?

— Собственникъ-съ.

— Чего вы собственникъ? Вашего затылка и такъ далѣе? Такъ его никто не трогаетъ. А здѣсь въ театрѣ одинъ хозяинъ — я. До 25 августа и такъ далѣе.

— Пожалуйста, господинъ Переваловъ, потише. Можете разволновать которыя дамы въ женской уборной. А я именно васъ насколько не боюсь. Театра я вамъ не продавалъ-съ.

— Да контрактъ-то ты подписывалъ? Бупчина!

— Контрактъ съ вашей стороны давно нарушенъ-съ, вамъ это лучше извѣстно.

— А кто тебѣ сказалъ, что онъ нарушенъ? Какой судья и такъ далѣе?

— Да тутъ и суда никакого не нужно! Мнѣ въ срокъ не платили, — стало-быть, нарушенъ.

Мякинъ началъ тушить лампы.

— Не смѣй трогать, — остановилъ Перевалъ и дернулъ его за рукавъ. — Тутъ нѣтъ ни одной пылинки твоей и такъ далѣе.

— Да что вы, господинъ Переваловъ, точно рехнулись.

Изъ дамской уборной вышли Надежда Алексѣевна и Ручкина съ сыномъ. Мякинъ увидѣлъ ихъ и возвысилъ голосъ:

— По-вашему, выходить такъ, какъ будто я и не собственникъ.

— Слушай, милѣйшій,— сказалъ Переваловъ, взявъ его за пуговицу,—если ты глупъ, такъ лучше молчи. Все-таки люди полагаютъ, что ты уменъ. Если ты сейчасъ же отсюда не уберешь, такъ я позову полицію, и она тебя вытолкаетъ.

— Изъ моего же дома?

— Не кричи. Ты видишь, я тебя тихонько учу уму-разуму. По контракту театръ мой. А если ты находишь, что я контрактъ нарушилъ, такъ иди, жалуйся на меня въ судъ и такъ далѣе. Когда ты получишь такую бумагу, чтобъ отобрать театръ отъ меня назадъ, тогда приходи, и я самъ уйду. Понялъ?

Мякинъ простовато моргалъ, начиная догадываться.

— Уразумѣлъ теперь?

— Эге!— протянулъ Мякинъ:—вотъ она штука-то! Ловкіе вы господа, ужъ именно, что артисты!

— А ты до сихъ поръ и не понималъ? Плохо-жъ тебя учили.

— Да ужъ что говорить! Ловкачи, однимъ словомъ.

Переваловъ хотѣлъ идти, но остановился.

— И потомъ, голубчикъ, нельзя приходить въ чужой домъ и браниться. Это не деликатно. Ступай на улицу, тамъ и ругайся.

Мякинъ расхохотался.

— Да ужъ правильно, господинъ Переваловъ, такъ правильно, что только руками развожу.

— Ну, стало-быть и до свиданія. А если хочешь разговаривать, такъ носи бутылку водки и порцію чая.

— Нѣтъ, ужъ это зачѣмъ же! Разговаривать-то намъ не о чемъ.

Онъ ушелъ со сцены, но въ саду остановился, хлопнулъ себя по затылку и проговорилъ:

— Ну, и ловко же! Ахъ, ты, старая лисица!

Онъ не могъ бы объяснить, злится ли онъ на Перевалова, или возмущается его юридическимъ толкованіемъ аренды театра.

Долго еще сидѣлъ онъ на галереѣ буфета и, улыбаясь, покачивалъ головой.

— Мама, я у него попрошу пирожного. Я ѣсть хочу,— услыхаъ онъ голосъ мальчика.

— Не надо, глупенькій. Не хорошо попрошайничать, — сказала Ручкина.

Мякинъ подошелъ къ ней.

— Позвольте мнѣ парнишку на минутку.

— Онъ вамъ надоѣдаетъ.

— Нѣтъ - съ, помилуйте. Очень пріятно. Пойдемъ со мной, хлопецъ.

Въ буфетѣ, угощая его пирожнымъ, онъ началъ разспрашивать, какъ живетъ его мать. Мальчикъ откровенно рассказалъ, что они давно уже не обѣдаютъ, что теперь, кромѣ чая съ хлѣбомъ, уже два дня опять ничего не ѣдятъ.

— Ишь ты, горе какое! — вослицилъ Мякинъ. — Ну, а ты чѣмъ будешь, когда вырастешь?

— Первымъ любовникомъ.

— Стало-быть, все-таки актеромъ? Поди-жь ты, какой соблазнъ. Да, вѣдь, первые-то любовники, хлопецъ, безъ хлѣба сидятъ.

— Нѣтъ. Я буду такой, какъ Раменскій. Онъ богатый.

Мякинъ слѣдилъ изъ буфета, какъ актеры съ узелками расходились по домамъ.

Онъ позвалъ приказчика, сидѣвшаго въ кассѣ.

— Слышь, ты! Больше за театръ не вычитай. Выдашь стало-быть парикмахеру, бутафору, агенту, а остальное все — Перевалову. Скажешь: хозяинъ, молю, не велѣлъ вычитать. Когда - ни-будь, молю, сочтется. На томъ свѣтѣ угольками.

— А вы уѣдете, что ли?

— Завтра ѣду. Я изъ-за этого театра тоже не мало своихъ дѣловъ разстроилъ. Будетъ съ меня! И какъ только они выѣдутъ, все имущество пушу въ распродажу, а въ театръ туда опять мѣшки съ мукой! Стало-быть не забудь. Скажи, хозяинъ жертвуетъ! А то хоть и ничего не говори. Мнѣ ихней благодарности не надо.

— Съ одного представленія или со всѣхъ такъ?

— Со всѣхъ! Не долго имъ поиграть-то осталось. Скоро со-всѣмъ прикончуть.

— До срока далеко!

— Гдѣ имъ до срока доиграть!...

Во вторникъ къ началу спектакля было шесть рублей. *Всѣмъ деньгамъ* отиѣнили вторично.

Наконецъ, въ четвергъ, когда и вечеромъ шелъ дождь, припѣли чиновникъ съ женой, два приказчика и одинъ мальчикъ. Они бѣспечно постояли подъ навѣсомъ входа, получили изъ кассы братно деньги и поспѣшили уйти.

XXIV.

На воскресенье былъ объявленъ бенефисъ Переваловой—*Горькая судьбина*. Во всякой другой пьесѣ ей не во что было бы одѣться, такъ какъ всѣ ея городскія платья для сцены были заложены, а костюмы отправлены въ Москву.

Актеры сами должны были позаботиться о зипунахъ, сарафанахъ и мужицкой обуви.

Въ пятницу съ утра поднялась буря, цѣлый день раскачивавшая деревья въ саду. Въ закату солнца она стихла, небо совершенно очистилось, и наступилъ тихій и теплый вечеръ.

Въ субботу часовъ съ восьми утра вѣтеръ снова поднялся, грязь на улицахъ быстро высыхала. Только у входа въ театральнй садъ стояло мутное озеро.

Переваловъ, то подпрыгивая, то высоко поднимая панталоны, за которыми были видны побурѣвшія голенища, вошелъ въ садъ. При поворотѣ къ театру онъ остановился и посмотрѣлъ въ сторону буфета. Тамъ на скамейкахъ, какъ показалось ему, спали лакеи. До репетиціи оставался еще цѣлый часъ.

Высокія деревья гнулись, шумѣли листьями и стучались сухими вѣтками. Пожелтѣвшіе листья летѣли на скамьи и столы, коегдѣ шуршали подъ ногами. Со сцены доносился стукъ молотка.

Переваловъ обвелъ садъ унылымъ взглядомъ и, заложивъ руки назадъ, медленно пошелъ на сцену.

Никита, ползая по полу, налаживалъ декорацію крестьянской избы. Переваловъ остановился около него и долго молча смотрѣлъ.

— Послушай, Никитушка!—сказалъ онъ.

Тотъ сѣлъ на колѣняхъ и поднялъ голову.

Переваловъ вынулъ изъ задняго кармана сюртука носовой платокъ и высморкался. Ему очень трудно было заговорить.

— Что вамъ угодно, Григорій Александровичъ?

— Дай мнѣ, ради Христа, цѣлковый взаймы.

Никита снова опустился надъ декораціей и застучалъ молоткомъ. Потомъ приостановился, опять сѣлъ на колѣняхъ и сказалъ:

— Вы думаете, Григорій Александровичъ, у меня казна? Вѣрѣте совѣсти: намедни послѣднюю трешницу отдалъ вамъ.

И опять застучалъ.

Переваловъ выждалъ, пока тотъ кончилъ вбивать гвозди.

— Я, братецъ, сегодня еще ничего не глоталъ и такъ далѣе.

Никита снялъ картузь и почесалъ въ затылкѣ.

— Жена тоже,—продолжалъ Переваловъ,—ее послалъ къ Ра-

менской. Авось, тамъ накормятъ. А самъ вотъ побрелъ сюда, какъ голодный волкъ, отыскивающій пищу.

— Не найдете вы здѣсь пищу, Григорій Александровичъ, прямо вамъ скажу. Самъ съ матерью, окромя пустыхъ щей, ничего не ѣмъ.

— Нѣтъ ли у тебя хоть чего-нибудь?

— Ей-ей, куска хлѣба здѣсь нѣтъ. Домой нешто сходить?

— Сходи, Никита. Принеси хоть хлѣба.

Никита бросилъ молотокъ, медленно поднялся, постоялъ, посмотрѣлъ задумчиво на декорацию и вышелъ.

Переваловъ сѣлъ на суфлерскомъ стулѣ и, глядя передъ собой въ открытую дверь въ садъ, началъ тихо насвистывать.

Но ѣсть такъ хотѣлось, что трудно было усидѣть на мѣстѣ. Онъ опять вышелъ въ садъ и пошелъ къ буфету. Онъ зналъ, что тамъ ничего не получить, не разъ уже пробовалъ, — шелъ только потому, что надо же было двигаться куда-нибудь.

«Разбужу лакеевъ, — подумалъ онъ, — авось, чего-нибудь выпрошу.

Онъ остановился передъ спящими двумя фигурами на скамейкахъ и съ изумленіемъ узналъ въ нихъ Блючиковъ и Бѣлесова.

— Эй, господа, вы что тутъ дрыхнете? — крикнулъ онъ, расталкивая Блючикова.

Блючиковъ раскрылъ глаза и, увидѣвъ пріятеля, зѣвнулъ и потянулся. Подъ головой у него лежалъ узелъ.

— Чего это ты дрыхнешь здѣсь и такъ далѣе? Или уже тю-тю? Allez vous-en?

Блючиковъ повернулся на другой бокъ, стараясь укрыться воротникомъ пиджака. Переваловъ взглянулъ на другую скамью. Бѣлесовъ сидѣлъ, протирая глаза.

— Что, братъ? — обратился къ нему Переваловъ: — выгналъ?

— Выгналъ, — сказалъ тотъ, надѣвая пенснэ.

Переваловъ подсѣлъ къ нему и вздохнулъ.

— Тутъ и ночевали?

— Тутъ. — Бѣлесовъ ежился отъ холода, заложивъ руки глубоко въ карманы брюкъ.

— А «пищю», какъ говоритъ Никита, принимали?

— Гдѣ-жъ ее взять?

Переваловъ опять вздохнулъ.

— Это твои вещи? — спросилъ онъ и указалъ на узелъ, такъ же, какъ и подъ головой Блючикова. — Ордена и водевили, которъ встѣжалъ? Папирсъ нѣтъ, конечно.

— Да и у васъ, Геннадій Демьянычъ, нѣтъ.

Переваловъ оглянулся на дверь въ буфѣтъ, заставленную досками и запертую огромнымъ замкомъ.

— Выломать, что ли?—сказалъ онъ.—Бража со взломомъ. Да еще и не найдешь ничего.

Бѣлесовъ молчалъ.

— Блючиковъ, вставай и такъ далѣе!—крикнулъ Переваловъ.

Комнигъ вскочилъ быстро и сбѣлъ.

— Ну, вставай. Бормить будешь? Вѣдь, нѣтъ? Чего-жь прилагать?

Его жидкій капилекъ рыжихъ волосъ взерошился на кругломъ перекѣ. Маленькіе глаза, точно небольшія точки на широкомъ, расклевшемся лицѣ, смотрѣли злобно.

— Вѣсть, можетъ быть, придумаемъ что-нибудь и такъ далѣе.

Блючиковъ всталъ, прошелся по террасѣ буфета, приподнял брюки и одернулъ жилетъ.

— Я уже придумалъ.

— Ну-ка?

— Вотъ взберусь на колокольню и брошусь. Благо хоронить близко, тутъ же на кладбищѣ.

— Надо что-нибудь поумнѣе.

— А ужъ это ты выдумай.

— Никита!—крикнулъ Переваловъ, увидя плотника.—Я здѣсь. Сюда! Вотъ вамъ, братцы, и пища.

— Кто? Гдѣ? Никита несетъ?—спросилъ Бѣлесовъ.

— Долженъ принести.

— Несутъ, несутъ!—протянулъ Бѣлесовъ, потирая ладони и подражая интонаціи Хлестакова.

Никита подалъ Перевалову завернутыми въ красный платокъ краюху чернаго хлѣба и шесть печеныхъ яицъ. Въ бумажкѣ была завернута поваренная соль.

— Спасибо, Никитушка! Я тебя, уѣзжая, поблагодарю и такъ далѣе.

Никита замѣтилъ, съ какою радостью смотрѣли на хлѣбъ и яйца Блючиковъ и Бѣлесовъ и деликатно удалился.

XXV.

Жаровъ сидѣлъ на суфлерской будкѣ и, охвативъ голову руками, громко говорилъ:

— Господи, Господи! За что Ты мнѣ посылаешь такое испыта-

ніе? Всю свою жизнь я молился Тебѣ, не поминать, только когда торчалъ на этихъ провѣтыхъ подмосткахъ! Есть же такіе, которые и вовсе забыли Тебя, а ты не испытываешь ихъ!...

Луцкой не могъ смотрѣть на него безъ боли, но въ то же время его тянуло быть близко около старика.

«Панама» лежала тутъ же на суфлерской будкѣ, жидкіе сѣдые волосы Жарова были взбиты, красноватые старческіе глаза слезились.

Ручкина плакала, прислонившись къ кулисъ спиной, и, когда кто-либо подходилъ къ ней съ утѣшеніемъ, говорила:

— Украдѣ, непременно украдѣ. Пускай меня судить. Если хозяинъ не накормитъ сегодня сынишку, въ первую лавку пойду и украдѣ что-нибудь. Наболѣло сердце. Брошу сцену. Хоть въ горничныя пойду. По крайней мѣрѣ, малѣй сытъ будетъ!...

Лиманова была единственная въ труппѣ, пользовавшаяся у хозяйки кредитомъ на квартиру и столъ. Она стояла около Ручкиной, не зная, что дѣлать. Утѣшать — ей казалось неловко, потому что сама она была сыта. Предложить что-нибудь — не могла: у нея ничего не было. А отойти отъ нея и совсѣмъ неловко. Она рѣшила, во всякомъ случаѣ, взять сына Ручкиной съ репетиціи къ себѣ и подѣлиться съ нимъ обѣдомъ. Онъ былъ въ саду и строилъ изъ грязи и песку хату.

Но Лимановой совѣстно было даже сказать о своемъ рѣшеніи Ручкиной. Она краснѣла, плакала и совершенно терялась.

— Покойница моя, голубушка! — продолжалъ причитать Жаровъ. — Знаешь ли ты, что я, старый хрычъ, завидую тебѣ. Тебѣ уже не надо ни кушать, ни бривляться, какъ мнѣ, дураку! Помани меня къ себѣ поскорѣе. Попроси тамъ, кого слѣдуетъ, чтобы послалъ мнѣ смѣртущку. Въ ножки тебѣ поклонюсь за это на томъ свѣтѣ!

Луцкой никогда до сихъ поръ не симпатизировалъ ему. Въ немъ не находилъ онъ ни привлекательнаго актера, ни добраго человѣка. Даже старость его какъ-то не внушала уваженія. Притомъ же онъ такъ непріятно грассировалъ. Теперь же точно Луцкому рвали грудь на части.

— Успокойтесь, голубчикъ! — сказалъ онъ ему въ десятый разъ.

— Батюшка! Устрой ты меня какъ-нибудь.

— Да если бы я могъ! — сказалъ Луцкой, и голосъ его глухо дрогнулъ.

Въ который разъ приходитъ уже ему въ голову мысль обра-

титься къ богатой дѣвушкѣ, его бывшей невѣстѣ! Но какъ это сдѣлать?!

Сегодня утромъ онъ послалъ Холодкова съ запиской къ брату. Холодковъ, уже недѣлю почевавшій у Луцкого, пошелъ съ полною увѣренностью, что его поколотятъ.

Поколотить не поколотили, но смотрѣли на него въ небольшомъ дворѣ, заваленномъ ящиками, очень недружелюбно. Братъ Луцкого—«рыжій мужикъ», какъ называлъ его Холодковъ, велѣлъ передать на словахъ, что если тотъ придетъ на порогъ лавки нищимъ и съ сумой черезъ плечо, такъ и тогда не получитъ ни мѣднаго гроша, ни куска хлѣба.

Теперь Холодковъ рассказывалъ объ этомъ товарищамъ.

«Пойти къ невѣстѣ?—думалъ Луцкой.—Она не прогонитъ, но денегъ не дастъ ни копѣйки. Это такъ вѣрно, что и пытаться не стоитъ».

Онъ придумывалъ, у кого бы изъ знакомыхъ попросить. Ему такъ не хотѣлось обращаться къ кому-нибудь, что онъ и не задумывался долго надъ этимъ. Самъ онъ жилъ въ слободкѣ, платилъ четыре рубля въ мѣсяцъ за помѣщеніе и пятнадцать копѣекъ за обѣдъ. Его хозяинъ—скупщикъ рогатаго скота, скряга и ненавистникъ людей,—уѣхалъ по дѣламъ. Оставалась семья, сама едва перебивавшаяся.

Луцкой за послѣднія три недѣли похудѣлъ и какъ бы вытянулся. Для сцены его фигура выиграла. Въ движеніяхъ—угловъ стало гораздо меньше. Онъ по цѣлымъ днямъ не переставалъ заботиться о томъ, чтобы жесты его были округленнѣе и мягче, и въ этомъ отношеніи — на глаза своего судьи, Марьи Николаевны — дѣлалъ огромные успѣхи. Притомъ же старался не утратить простоты, избѣгалъ вычурности, какую замѣчалъ въ Раменскомъ.

Всѣ полтора мѣсяца, съ тѣхъ поръ, какъ поступилъ въ труппу, онъ думалъ только о своей сценической работѣ. Связь съ родными и знакомыми точно отрубилъ топоромъ. За все это время онъ даже ни разу не проходилъ по главной улицѣ города, гдѣ были гостиница и лавки его отца и прежнихъ друзей. Пойти теперь туда и искать у добрыхъ людей денежной помощи, хотя бы и не для себя, было бы для него униженіемъ больнѣе голода и даже самой смерти.

Ничѣмъ онъ не могъ помочь товарищамъ. Онъ мучился, заламывалъ руки, скрещивая пальцы и выдвигая ладони впередъ, а на ея нервномъ лицѣ матовой бѣлизны складывались глубокия, страдальческія морщины.

Первалова сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ во время репе-

тиціи около выхода въ садъ, закинувъ ногу на ногу. На колѣнѣхъ у нея лежала роль, которую она хорошо знала. Она дѣлала видъ, что читаетъ, а въ сущности прислушивалась къ плачу Ручкиной, слезамъ Лимановой и причитанію Жарова. Слезы безпрестанно набѣгали ей на глаза, и она тихо смахивала ихъ. Когда же она начинала думать о самой себѣ, то, облокотившись о спинку стула и отвернувъ лицо отъ сцены, плакала сама.

Мужъ ея не находилъ себѣ мѣста. Когда замѣчалъ, что она плачетъ, онъ подходилъ къ ней сбоку и молча вложилъ руку на плечо. Это ее, повидимому, немного успокоивало. Она сморкала, прятала платокъ и принималась читать роль. Переваловъ переходилъ на другое мѣсто, приближался къ Ручкиной.

— Ну, ну! Какъ по-вашему?... Коханая, гарная и такъ далѣе! Будеть вамъ!

— Все изъ-за васъ! — говорила ему Ручкина и принималась плакать еще громче.

Переваловъ шелъ къ мужчинамъ.

Холодковъ спрашивалъ Ключикова и Бѣлесова, какъ они спали въ саду.

— Я сегодня тоже буду съ вами, — рѣшилъ Переваловъ. — Въ компаніи веселѣе.

Они втроемъ тихо и уныло перекидывались короткими фразами и горькими шутками.

Постоявъ молча около нихъ, Переваловъ отходилъ, наблюдалъ издали за всѣми и не рѣшался приглашать къ репетиціи.

Увидѣвъ, что жена опять отираетъ слезы, онъ нервнымъ и сдержаннымъ жестомъ повелъ по своимъ волосамъ и началъ ходить вдоль правой стороны кулисъ. Шаги его были такъ же сдержанны. Онъ кусалъ ноготь большого пальца на лѣвой рукѣ и правой сдиралъ его, не глядя. Выраженіе лица становилось все злѣе.

— Что-жъ это у тебя за люди въ городѣ, а? — спросилъ онъ, остановившись передъ Луцкимъ. Взглядъ его продолжалъ перебѣгать съ одного предмета на другой. Онъ точно старался не видѣть лицъ товарищей. Они какъ бы мѣшали ему обдумать что-то новое и важное.

— Должно-быть, не даромъ рвался я всю жизнь убѣжать отъ нихъ, — отвѣтилъ Луцкой.

И онъ сразу припомнилъ, какой гнетъ чувствовалъ среди семьи и знакомыхъ и какъ свободно вздыхалъ каждый разъ, когда покидалъ ихъ.

— Звѣри, голубчикъ, а не люди! Звѣри, поросшіе шерстью, съ

гтями, хвостами и такъ далѣе. Волки. Ихъ надо граблями да заупами!

Луцкой посмотрѣлъ на него. Такимъ онъ еще его не видѣлъ.

«Вотъ именно съ такими глазами,— подумалъ Луцкой,— убить, грабятъ, выходятъ на большую дорогу, пробираются ночью въ заборовъ и кустовъ».

— А такъ какъ у насъ съ тобой, голубчикъ, нѣтъ ни граблей, ни прогатины, такъ мы ихъ своимъ орудіемъ шарахнемъ по лбу. А къ шарахнемъ, шарахнемъ!

Онъ отошелъ отъ Луцкого и такъ же сдержанно, точно избѣгая шума, который бы перебилъ его мысли, пошелъ опять вдоль кулисъ.

Луцкой слѣдилъ за нимъ. Наконецъ, Переваловъ остановился, велъ всѣхъ помѣтившимся взглядомъ и громко, на всю сцену, сказалъ:

— Такъ какъ же, товарищи? Околѣваемъ?

Рѣзкій звукъ заставилъ всѣхъ оглянуться на него. Только Жаровъ, не поднимая головы, повторилъ:

— Околѣваемъ, Григорій Александровичъ.

— Околѣвать? — сказалъ Переваловъ еще разъ. — Помощи намъ ждать не откуда, а? Неоткуда? Говорите.

Перевалова встала и двинулась къ нему.

— Гриша! Что съ тобой?—спросила она съ испугомъ.

— погоди, Лизута! — онъ остановилъ ее движеніемъ руки. — что можешь помочь намъ? Откликнись! — крикнулъ онъ.

Всѣ притихли.

— Никто? Такъ шарахнемъ же по лбу этихъ дивихъ звѣрей! репетировать! — скомандовалъ онъ и быстро пошелъ къ суфлерскому столику. — Ступайте на мѣсто, Жаровъ! Репетировать во всю, какъ никогда еще не репетировали! — онъ снова повернулся къ товарищамъ. Тѣ медленно приближались къ нему. — Забыть, кому придется жрать, и такъ далѣе! На два дня забыть, что для насъ существуетъ пища! Репетировать во-всю, — повторилъ онъ. — На мѣста!

Ручкина, Лиманова, Холодковъ, даже Жаровъ суетливо задвигались, точно солдаты по командѣ «строиться». Ручкина быстро втала въ карманъ платокъ. Лиманова развертывала томъ сочиненій Писемскаго, отыскивая «Горькую судьбину».

— Гдѣ пьеса? — крикнулъ Переваловъ, усаживаясь за столикъ. Онъ игралъ помѣщика и самъ суфлировалъ первое дѣйствіе, въ которомъ не былъ занятъ.

— Здѣсь, здѣсь, — заторопилась Лиманова.

— Гриша! Что ты хочешь дѣлать? Объясни намъ, — робко спросила Первалова.

Ей пришло въ голову, что мужъ ея сошелъ съ ума.

— Что я хочу сдѣлать? А вотъ увидишь и такъ далѣе.

Онъ высоко поднялъ руку, сжатую въ кулакъ, и замахалъ имъ въ воздухъ.

— Я покажу этой публикѣ! Я имъ швырну въ глаза эти дикимъ звѣрямъ! Волки у меня вѣвоятъ завтра! Репетировать! Во-всю!!

Онъ хлопнулъ обѣими ладонями по развернутой книгѣ и исправилъ страницы.

Еслибъ онъ когда-нибудь сыгралъ хоть одну роль съ такою нервностью и силой, онъ прослылъ бы за великаго актера. Его глухой голосъ звучалъ всею грудью.

«На лицо смотрѣть страшно было», рассказывалъ потомъ Луккой. Не послушаться его въ эту минуту — не могло придти никому въ голову.

— Давайте, давайте репетировать! — вскрикнула Ручкина, понимая, что изъ этого выйдетъ, но увѣренная въ томъ, что уселенная работа удовлетворитъ ея возмущенное чувство.

Та же мысль блеснула у всѣхъ. Работать до изнеможенія и потомъ показать публикѣ, какъ она груба и жестока къ тѣмъ, не трудится для нея же. Шарахнуть по лбу! — какъ это будетъ, никто не понималъ, но всѣ почувствовали, что это необходимо, что это ихъ единственная мѣсть за испытываемое несчастье.

— Будемъ репетировать! — откликнулся Жаровъ. — Окопайтесь на сценѣ, на глазахъ этихъ звѣрей! Пускай почувствуютъ!

— Пожалуйте! На мѣста! Начинаемъ! — крикнулъ Перваловъ.

Его не только слушались, его любили въ эту минуту, на него смотрѣли какъ на великана, явившагося спасти всѣхъ отъ бѣды, которая должна была раздавить ихъ.

Пьеса шла, конечно, съ помарками, сообразно съ количествомъ персонажей въ труппѣ. Нѣкоторые акты общала суфлировать Раменская.

Блючиковъ игралъ Нивашку не разъ. Роли у него не было, но онъ говорилъ, что она у него вся на слуху.

— Выучить! — крикнулъ ему Перваловъ. — Наизусть выучить!

— Выучу, Гриша, не беспокойся.

— Я самъ весь день и всю ночь буду зубрить.

Бѣлесовъ, который тоже не позаботился еще о роли Чеюва,

шелъ въ уборную и карандашомъ, на листкахъ, быстро переписывалъ ее.

— Не кривляйся!—слышалъ онъ изъ уборной голосъ Перевалова.

— Развѣ я кривляюсь?—отвѣтилъ Блючиковъ.

— Кривляешься, голубчикъ. Не надо этого. Чтобъ каждый мой мускулъ говорилъ объ уваженіи къ искусству и такъ далѣе! Ну, далѣе!

«Эхъ, кабы ты раньше былъ такимъ!»—думалъ Луцкой.

И ему въ первый разъ захотѣлось, чтобъ Переваловъ похвалилъ его.

— Уваженія, уваженія больше къ роли!—опять крикнулъ Переваловъ. — Пусть почувствуютъ, что наше дѣло святое, что насъ нельзя морить голодомъ, какъ собакъ, и такъ далѣе!

Каждый разъ, какъ до Бѣлесова доносился голосъ Перевалова, онъ ощущалъ страхъ школьника, спѣшилъ переписывать и, громко повторяя слова роли, заучивалъ ихъ. Карандашъ былъ больше обгрызанъ, чѣмъ очиненъ, и писалъ безцвѣтно. Бѣлесовъ все время слюнявилъ его и давилъ имъ по клочкамъ бумаги, какъ звуковникъ изъ народной школы.

Нѣсколько разъ Переваловъ вскакивалъ съ мѣста и училъ Жадова и Холодкова. Возбужденіе, охватившее всѣхъ, росло.

— Молодецъ, молодецъ Луцкой!—услыхалъ Бѣлесовъ.—Отличный тонъ!

И въ Бѣлесовѣ тоже дрогнула самолюбивая нотка.

— Онъ у насъ всегда молодецъ!—сказала Перевалова, ласково взглянувъ на Луцкого.

Репетиція затянулась, и никому не хотѣлось прерывать ее. Многія сцены Переваловъ повторялъ по нѣсколько разъ.

Дверь въ театральную залу закрипѣла. Въ ней появилось двое мужчинъ въ пиджакахъ, въ подвернутыхъ внизу брюкахъ, въ соломенныхъ шляпахъ съ пестрыми лентами и въ шнуркахъ съ кисточками вмѣсто галстуконъ на сатинетовыхъ сорочкахъ—кто-нибудь изъ мелкихъ торговцевъ. Они остановились въ дверяхъ и смотрѣли на сцену.

Переваловъ замѣтилъ ихъ и еще усерднѣе повелъ репетицію.

— Господа! Постороннимъ нельзя! — услышалъ онъ голосъ Никиты.

Готъ заправлялъ лампы въ залъ.

— Можно!—крикнулъ Переваловъ.

Онъ подошелъ къ рампѣ и прибавилъ:

— Можете оставаться. Мы своей честной работы ни отъ вас не прячемъ.

Посѣтители съ улыбкой переглянулись и присѣли на скамьи въ глубинѣ залы. Они пробыли до конца дѣйствія и потомъ естественно вышли.

— Не задерживайте! Продолжаемъ! — крикнулъ Переваловъ товарищамъ. — Весь день, всю ночь учить роли наизусть. Я на сценѣ покажу вамъ. Учить до тошноты, чтобъ потомъ ужъ ни о чемъ не думать, а повалиться, гдѣ будешь стоять, и заснуть!...

XXVI.

Марья Николаевна прижимала скрещенныя руки къ подбородку и, качая головой, ходила по гостиной.

— Что же намъ дѣлать! Что же намъ дѣлать! — говорила она. — Научите, Антонъ Матвѣевичъ.

Она остановилась передъ нимъ въ нѣсколькихъ шагахъ.

Луцкой сидѣлъ въ креслѣ и сжималъ кулаки такъ, что ногти врѣзывались въ ладони.

— Не знаю, — проговорилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

— Мама! Сколько у насъ денегъ?

— Да, отдай послѣдніе гроши! — вскрикнула Надежда Алексѣевна. — Только и недостаетъ отъ тебя, чтобъ ты пожертвовала матерью!

Марья Николаевна смущенно сказала Луцкому:

— Я уже заложила всѣ свои золотныя вещи. Господи! Что же намъ дѣлать!

Утромъ она не была на репетиціи. Перевалова приходила къ ней подъ предлогомъ поговорить о слѣдующемъ спектаклѣ — бенефисѣ Раменской. И Надежда Алексѣевна и Марья Николаевна договорились, что она пришла выпить у нихъ чашку кофе. Марья Николаевна изъ всѣхъ силъ старалась угощать ее. Въ теченіе дня она не выходила. Къ вечеру пришелъ Луцкой и рассказалъ все, что происходило во время репетиціи.

— Дожили! — говорила Надежда Алексѣевна. — И вотъ зачѣмъ люди на сцену идутъ!

— Ручкина говорить, что только бы ей добраться до Кіева, а тамъ бросить сцену — хоть въ горничныя, говорить, пойду.

— И умно сдѣлаетъ.

— Только я думаю, — продолжалъ Луцкой, — что отъ сцены не такъ-то легко отдѣлаться. Все это говорится только во время нужды.

— Конечно,—вставила Марья Николаевна.

— Да что въ ней, въ сценѣ, хорошаго-то?

— Стало-быть, что-то есть,—отвѣтилъ Луцкой.

— Ничего нѣтъ и не говорите мнѣ глупостей. Одна безхарактерность.

— Ну, нѣтъ, Надежда Алексѣевна! Перевалова нельзя назвать безхарактернымъ. Да я про себя скажу. Хотя бы мнѣ пришлось всегда видѣть такую нужду, какъ...—Онъ подбиралъ слова, чтобъ не подумали, что онъ тоже нуждается,—какъ я вижу у товарищей, хоть бы самому пришлось испытать это—я, все-таки, не бросилъ бы сцены.

— Не испытали еще, вотъ и болтаете пустяки!

Надежда Алексѣевна была увѣрена, что у Луцкого есть небольшія средства. Марья Николаевна никогда не разубѣждала ее. Она знала, что благодаря этому Луцкой немного выигрываетъ въ глазахъ ея матери.

— Нѣтъ, мама, Антонъ Матвѣвичъ говорить правду. Я бы тоже не промѣняла сцену ни на какія блага.

— Да, а сама вотъ теперь плачешь за другихъ.

— Это ничего не значить. Плачутъ вездѣ, не только на сценѣ. И въ богатыхъ домахъ плачутъ.

— Да не отъ нужды.

— Тѣмъ болѣе. Тѣмъ-то и дорога намъ сцена, что если ужъ придется заплакать настоящими слезами, такъ развѣ отъ голода. А все остальное, какъ бы ни было горько, можно пережить. У насъ, по крайней мѣрѣ, всегда есть утѣшеніе—любимое дѣло.

Марья Николаевна сѣла въ кресло у окна и закинула руки за голову.

— А вотъ Василя Сергѣевича,—сказала она,—я бы позвала теперь посмотрѣть на нашихъ актеровъ. Какъ бы это онъ разводилъ свою философію.

Надежда Алексѣевна подняла брови и посмотрѣла на дочь съ удивленіемъ.

— Что такое? При чемъ ты тутъ Василя Сергѣевича прилегла?

— А при томъ, что ничего нѣтъ легче, какъ хорошо и вкусно пообѣдать, а потомъ проповѣдовать какую-то необыкновенную нравственность.

— Да что онъ тебѣ вдругъ дался? Не правду, что ли, онъ говоритъ?

Надежда Алексѣевна забыла, что въ тотъ вечеръ сама не соглашалась съ Василюмъ Сергѣевичемъ.

На потологѣ отъ лампы волновался кружокъ свѣта. Марья Николаевна, не мѣняя позы, смотрѣла на него.

— Можетъ быть, и правду, только не къ чему было говорить ее. — Она громко усмѣхнулась. — Поймалъ двухъ юнцовъ — меня да Антона Матвѣевича — и обрадовался, что они его слушаютъ, разиня ротъ. Зналъ, что мы не сумѣемъ отвѣтить ему. Онъ такой краснорѣчивый, гдѣ намъ за нимъ угнаться! А мы и струсили. Онъ насъ ругаетъ, и такіе-то мы и сякіе, немазанные, уроды и безнравственные, а мы молчимъ, точно провинились передъ нимъ. Забыть этого не могу.

— Никогда онъ не говорилъ про тебя, что ты безнравственная. Зачѣмъ клепать на человѣка? И не думалъ этого.

Марья Николаевна чуть приподнялась.

— Онъ не думалъ? — Она прищурилась и улыбнулась.

— Про тебя, конечно, нѣтъ.

Марья Николаевна тихо засмѣялась и опять откинулась.

— Миѣ, мама, лучше знать, что онъ обо мнѣ думалъ, когда разводилъ тутъ свои рацеи. Еслибъ онъ не боялся, что я брошусь на шею Раменскому, такъ не изощрялся бы въ краснорѣчіи даромъ. Ему за это деньги платять, — сострила она и сама засмѣялась на высокихъ ноткахъ.

— Да къ чему ты его приплела, скажи пожалуйста?

— Напрасно вы за него заступаетесь, мама.

Хоть Надежда Алексѣевна и не заступалась, но мать и дочь отлично понимали другъ друга. Мать сердилась, что дочь точно выждала, наконецъ, великолѣпнаго случая, чтобъ доказать, какъ ничтоженъ женихъ, а дочь поняла, что именно при настоящихъ обстоятельствахъ Красавцевъ, какъ человѣкъ сравнительно богатый, пользуется исключительными симпатіями матери. И она рѣшила нанести образу своего жениха послѣдній ударъ.

— Напрасно вы за него заступаетесь, — повторила она, вставая. — Снимите съ меня голову, — она повела указательнымъ пальцемъ вдоль шеи, — если онъ не только меня, но и васъ не считаетъ такою же нехорошею, какъ и всѣ бѣдныя актрисы.

Надежда Алексѣевна вспомнила искаженное злобой лицо Красавцева, въ саду около театра, и подумала:

«Ну, и чутье у этой дѣвчонки!»

Марья Николаевна опять заходила по комнатѣ.

— Можетъ быть, въ его утонченномъ обществѣ, — говорила

она на этотъ разъ безъ всякой хитрости,—на десять матерей и одной не найдется такой, какъ вы, а потому что вы—мать актрисы, такъ онъ къ тѣмъ ко всѣмъ относится съ почтениемъ, а къ вамъ чуть-чуть свысока. Тамъ подаютъ чай лакеи да горничныя, а вы сами наливали и подавали ему, такъ въ его глазахъ вы и не можете быть выше простой экономки. Женись-ка онъ на барышнѣ изъ своего общества, пришлось бы ему передъ татап ходить на заднихъ лапкахъ, а съ вами онъ всегда велъ себя безцеремонно. А мнѣ кажется, всякій порядочный человѣкъ скажетъ, что при тѣхъ отношеніяхъ, какія между нами были,—она подчеркнула «были»,—ему бы слѣдовало въ тысячу разъ почтительнѣе обращаться съ моею матерью. Другая давно или скрутила бы его, или ограбила бы.

Она остановилась передъ окномъ и смотрѣла на улицу.

Надежда Алексѣевна уже мысленно пропѣла надъ Красавцевымъ отходную и дѣлала это сейчасъ безъ всякаго сожалѣнія. Дочь сумѣла овладѣть всѣми ея мыслями. И говорила она безъ всякихъ предосторожій, искренно возмущаясь. Одно только: зачѣмъ она при такомъ человѣкѣ такъ прямо намекаетъ на бывшія отношенія?

— Все-таки, ты могла бы найти другое время для этихъ разговоровъ,—сказала Надежда Алексѣевна и безъ стѣсненія взглянула на Луцкого.

— Моя совѣсть чиста,—отблкнулась, не оборачиваясь Марья Николаевна.—Мнѣ не зачѣмъ играть комедію. А самолюбіе мое,—она повернулась,—тѣмъ болѣе удовлетворено, хотя оно и не страдало. Василій Сергѣевичъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе. Значитъ, дальнѣйшее зависитъ всецѣло отъ меня. Захочу, приму его предложеніе, а не захочу—пусть ищетъ высоко-нравственную барышню съ татап, такую вотъ, какъ въ *Блуждающихъ деньгахъ*. И заведутся у него въ домѣ разные Телятевы да князеньки.

— Не понимаю, зачѣмъ же ты водишь человѣка. Они тамъ, можетъ быть, устраиваютъ разводъ, бесѣдуютъ.

— Пускай побесѣдуютъ на здоровье. Да, можетъ быть, я еще и буду госпожей Красавцевой.

«Нѣтъ, не будешь!» — подумалъ Луцкой.

Онъ не спускалъ съ нея влюбленнаго взгляда. Въ первый разъ она рѣшительно заговорила о томъ, что его такъ мучило.

Неужели онъ причиной, что она разорветъ отношенія съ Красавцевымъ? Неужели когда-нибудь наступитъ такая минута, что она будетъ принадлежать ему, Антону Луцкому? Она, та самая

Раменская, о которой онъ непрерывно мечталъ годы въ своихъ низенькихъ комнатахъ съ окнами на дворъ, надъ огромной лавкой.

Это было бы невѣроятнымъ, сказочнымъ счастьемъ!

Онъ чувствуетъ, какъ при мысли объ этомъ у него затуманивается голова.

Съ этой самой Раменской сливалось не только его смутное пробужденіе первой любви, но и всѣ мечты о сценѣ. Всѣ самыя счастливыя упованія его сопровождались образомъ этой худенькой, прозрачной актрисы съ волосами матоваго золота и большими синими глазами.

Она ему уже стала близка. Теперь около него не одинъ образъ фантазій, а она сама, живая, онъ видитъ постоянно эти длинныя косы, тонкіе пальцы...

Она хочетъ, чтобъ онъ сталъ хорошимъ актеромъ, работаетъ съ нимъ, волнуется за него. Словно чувствуетъ, что ей надо поднять его до себя.

Сколько усилій и труда предстоитъ ему еще!

— Да вотъ ты тутъ потѣшаешься, — сказала Надежда Алексѣевна, — а бѣдныя Ручкина да Лизавета Ивановна, пожалуй, изнываютъ теперь отъ голода.

— Ахъ, мама.

Марья Николаевна закрыла лицо руками.

— Не люблю я ее, правду сказать, а жалко, — продолжала Надежда Алексѣевна.

— Мама! Неужели нечего послать имъ?

— Что-жъ я имъ пошлю? — сердито отвѣтила марь, гнѣваясь, конечно, не на дочь, а на обстоятельства. — И то, вѣдь, надо подумывать, мы-то сами завтра, послѣ завтра и потомъ — что будемъ кушать? Вѣдь, ужъ мы не роскошествуемъ. Нельзя насъ упрекнуть въ этомъ.

— Дня черезъ два у насъ будутъ деньги, сказала Марья Николаевна, глядя въ сторону.

— Откуда это? Ужъ не изъ сбора ли?

— Будутъ, я вамъ говорю. Не черезъ два, такъ черезъ три дня, навѣрное. Да, наконецъ, намъ хозяйка дастъ обѣдать, мы не голодны.

— Пойду, пороюсь, — сказала Надежда Алексѣевна, подумавъ.

Она хитрила съ дочерью и это ее стѣсняло. Въ то утро, когда она отнесла Василю Сергѣевичу шкатулку съ цѣнными вещами, онъ уговорилъ ее взять на всякій случай сто рублей. Надежда Алексѣевна спрятала ихъ въ углу ящика въ комодѣ, вмѣстѣ съ бѣ-

ль. Когда дѣла въ театрѣ пошатнулись, она дала себѣ клятву пе-
 редъ образомъ, что не размѣняетъ сто-рублевой бумажки до тѣхъ
 оръ, пока дочь не скажетъ: «завтра мы могли бы уѣхать, еслибъ
 насъ были деньги». Тогда она признается ей во всемъ. Съ каж-
 нымъ днемъ она угрѣплялась въ своемъ рѣшеніи. Секрета своего
 она не откроетъ, хоть бы всѣ актеры умерли съ голода. Скоро
 подождетъ къ тому, что у нихъ самихъ ничего не останется,
 тогда она потребуетъ, чтобъ дочь немедленно уѣзжала отсюда.

Теперь въ ея кассѣ оказалось всего три рубля съ копѣйками.
 Она принесла ихъ.

— Вотъ вамъ, клянусь Богомъ, все, что у насъ есть.

Марья Николаевна смутилась.

— Только-то, мама?

— Я Богомъ поклялась, Маня.

— Что же дѣлать?

— Что хочешь.

Марья Николаевна, совершенно сконфуженная, перебирала три
 пятенныхъ старыхъ бумажки.

— Оставьте, — сказалъ Луцкой съ испугомъ, — вы сами може-
 те очутиться въ такомъ же положеніи.

— Мама, я отдамъ два рубля.

— Отдай, конечно. Какъ-нибудь на остальное переберемся.

«Тѣмъ лучше, — подумала Надежда Алексѣевна, — скорѣе
 ѣдемъ».

— Луцкой, голубчикъ, какъ же это сдѣлать? Мнѣ самой не-
 удобно.

— Давайте я снесу.

— А какъ же вы это сдѣлаете? Не говорите, что отъ меня.

— Хорошо, не беспокойтесь.

Онъ уже взялъ фуражку.

— Вы тамъ какъ-нибудь подѣлите?

— Я думаю... — онъ хотѣлъ сказать: 75 копѣекъ Перевалову,
 только же Ручкиной, а на остальныхъ троихъ мужчинъ полтин-
 никъ, — но ему совѣстно было дѣлать громко эти расчеты. —

.. да ужъ вы не беспокойтесь.

— Ну, идите скорѣе. А то, вѣдь, они съ утра ничего не ѣли!

— И чѣмъ завтра будутъ питаться, одному Богу извѣстно!

— Господи, какой ужасъ!

— До свиданья!

Луцкой протянулъ руку. Она слегка ударила по ней.

— Нѣтъ, что вы, какое тамъ до свиданья! Сами вы сейчасъ назадъ приходите.

— Я, можетъ быть, стѣсню васъ?

— Глупости, глупости. Ступайте скорѣе. — Мы васъ ждемъ! — крикнула она ему изъ окна.

— Я скоро, — отвѣтилъ онъ.

— Мама, я буду молиться, чтобъ Богъ послалъ намъ завтра сборъ.

— Ужь я и сама завтра хочу пойти въ церковь.

— Я съ вами.

— Только ты-то не разстраивайся, пожалуйста.

— Ахъ, мама, какъ же не разстраиваться!

— Бхать надо отсюда, Маня, вотъ что.

— Да, мама, надо.

— И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Только бы завтра былъ сборъ. А потомъ не надо мнѣ и никакихъ бенефисовъ. Дня черезъ три и уѣхали бы.

— Ты откуда ждешь денегъ-то?

— Откуда?

Марья Николаевна помолчала, но сообразила, что все равно и скрыть.

— Я телеграфирова Василию Сергѣевичу, чтобъ онъ заложилъ мои вещи и прислалъ хоть сто рублей.

— А! — равнодушно протянула Надежда Алексѣевна.

«Такъ онъ тебѣ и заложить вещи!» — подумала она.

Это Надежда Алексѣевна предвидѣла и предупредила Василия Сергѣевича, чтобъ онъ не слушался никакихъ приказаній ея дочери.

Марья Николаевна поняла, отчего мать отнеслась къ этому равнодушно, и въ душѣ улынулась. На всякій случай она послала телеграмму такъ: «Ничего съ Марусей не подѣлаешь. Заложилъ вещи. Но пришлите только сто рублей. Своихъ не присылайте — не возьметъ». И подписалась именемъ и фамиліей матери.

XXVII.

День стоялъ тихій и безоблачный. Было около двухъ часовъ. Марья Николаевна давно вернулась изъ церкви и писала длинное письмо Красавцеву. Она получала отъ него каждый день, но ни одно не отвѣтила. Сегодня окончательно отказывалась отъ его предложенія и высказывала все, что надумала со дня его отъѣзда.

Она дописывала уже второй листокъ, какъ услышала зво

выглянула въ окно—Луцкой. Въ этотъ часъ онъ еще никогда не приходилъ.

— Вотъ сюрпризъ! — сказала она, улыбувшись.

Но ея улыбка тотчасъ же тихо сползла.

Луцкой, стоя у подъезда, посмотрѣлъ на нее такимъ безразличнымъ взглядомъ, что она и обидѣлась и испугалась. Онъ даже в поклонился.

Пока кухарка отворяла дверь, Марья Николаевна убрала неконченное письмо. Она встрѣтила Луцкого по срединѣ гостиной. Онъ пожалъ ей руку, хотѣлъ что-то сказать и не могъ. Губы у него двигались, по лицу побѣжали судороги, руки тряслись.

— Антонъ Матвѣвичъ! Милый, да что съ вами?

— Еслибъ вы знали,—началъ онъ, но голосъ у него обвалялся.

— Господи, да что-жъ это такое! Садитесь.

— Еслибъ вы знали, что дѣлается у насъ въ театрѣ! Жаровъ умираетъ.

Онъ повалился въ кресло и, прислонившись лицомъ къ спинкѣ его, глухо зарыдалъ. Его трясло.

— Что такое? Боже мой, Боже мой! Да что же?

Марья Николаевна быстро прошла къ себѣ, набросила тальму, надѣвая шляпу, вернулась въ гостиную.

— Выпейте воды,—сказала она.

Пошла было въ комнату матери, чтобы взять послѣдній, оставшійся у нихъ рубль, но вспомнила, что мать, уходя, взяла деньги съ собой. Къ хозяйкѣ,—но и хозяйки не было дома.

— Успокойтесь, милый! Пойдемте скорѣе туда.

Она погладила его по волосамъ, онъ прижался къ ея рукѣ. Тогда она не соображая, что дѣлаетъ, обхватила его голову и нѣсколько разъ поцѣловала ее.

— Пойдемте, пойдемте туда!

Потомъ она пробѣжала въ кухню.

— Аксинья! Есть у тебя сколько-нибудь денегъ? Сколько-нибудь! Я тебѣ потомъ вдвое отдамъ.

Моложавая кухарка, надъ феноменальной глупостью которой Марья Николаевна не разъ смѣялась, быстро полѣзла въ сундукъ и достала оттуда два рубля съ мелочью.

— Вотъ, барыня, больше нѣту.

— Давай, спасибо. Я тебѣ вдвое отдамъ,—повторила она.

Дорогой Луцкой рассказалъ, что Переваловъ хотѣлъ повести репетицію такъ же энергично, какъ вчера, но уже съ перваго дѣй-

ствія видно было, что у актеровъ не хватить силъ. Они произносили слова съ отчаяннымъ напряженіемъ. Жаровъ лепеталъ и в словахъ роли примѣшивалъ какой-то бредъ. Ручкина не переставала плакать. Многіе едва волочили ноги по сценѣ. Переваловъ старался пріободрить всѣхъ. Но когда начали второе дѣйствіе, и Бѣлесовъ вдругъ, какъ мальчикъ, расплакался, у всѣхъ сразу исчезли послѣднія силы. Бѣлесовъ закричалъ: я не хочу играть, не хочу быть актеромъ, я хочу домой. А никто и не слышалъ отъ него никогда, гдѣ его домъ. Тутъ сразу поднялся таковой вопль, который нельзя рассказать. Всѣ шумѣли, проваливали, говорили необъяснимый вздоръ. Переваловъ одинъ сидѣлъ молча и сжималъ кулаками голову. Вдругъ онъ вскочилъ и побѣжалъ за кулису около женской уборной. Всѣ двинулись за нимъ. «Не пускай сюда женщинъ», — крикнулъ онъ Луцкому.

— Тамъ съ Жаровымъ дѣлалось Богъ знаетъ что. Я не могу вамъ объяснить, неловко мнѣ... Мы его поддерживали, но потомъ видимъ, что онъ валится изъ нашихъ рукъ, посинѣлъ, глаза подкатились. Мы его уложили. Ручкина ворвалась. Когда я убѣгалъ къ вамъ, тамъ стоялъ неписуемый стонъ. Кто-то досталъ кусокъ хлѣба, но замѣчательно, что его никто не взялъ. Кажется, всѣмъ было противно смотрѣть на него.

Марья Николаевна отдала Луцкому рубль, чтобъ онъ зашелъ въ аптеку и спросилъ какого-нибудь средства, а сама чуть не бѣгомъ пошла къ театру.

У воротъ сада она встрѣтила двухъ мужчинъ. Они сбавляли только-что купленные билеты. Одинъ изъ нихъ говорилъ другому:

— А чортъ ихъ знаетъ! Перепились, должно быть, и кричатъ.

Ей хотѣлось остановиться и сказать имъ, что ее товарищъ выпился, а умираетъ отъ голода, но ее тянуло поскорѣе туда.

Первою попалась ей Лиманова. Она уводила сына Ручкиной.

— Я хочу къ мамѣ! Куда ты меня ведешь?

— Мамѣ некогда, она занята.

— Не правда. Ты мнѣ все говоришь неправду. Она плачетъ, потому что дѣдушка померъ. Пусти!

Лиманова съ раскраснѣвшимся, заплаканнымъ лицомъ, снова уводила его въ конецъ сада.

Марья Николаевна не успѣла разспросить ее. Мальчикъ все кричалъ «пусти меня къ мамѣ», и этотъ крикъ еще болѣе усилилъ ее волненіе.

На скамейкѣ подъ большимъ берестомъ, гдѣ Марья Николаевна

а репетировала съ Холодковымъ *Не искушай*, тотъ же Холодковъ хаживалъ за Бѣлесовымъ.

— Ну, смотри, вонъ Раменская идетъ, — услышала она его голосъ. — Какъ тебѣ не стыдно? Точно маленький!

— Миѣ все равно, — отвѣтилъ Бѣлесовъ. Онъ плакалъ, какъ ребенокъ. — Я ничего не хочу знать. И говорю вамъ, что не желаю быть актеромъ. Бѣ чорту!

Онъ всхлипывалъ, отиралъ слезы рукавомъ пиджака и продолжалъ голосить безъ слезъ.

— Голубчикъ, Бѣлесовъ! — сказала Марья Николаевна. — Что это съ вами? Какъ вамъ не стыдно? Вотъ такъ «жонъ премье!» Перестаньте! Сейчасъ будемъ чай пить. Гдѣ Нибита? — спросила она Холодкова.

— Не знаю. Убѣжалъ куда-то. Мы ужъ искали его.

— Вотъ, Холодковъ. Вы, кажется, здѣсь самый храбрый. Будьте поскорѣ чего-нибудь.

Она отдала ему всѣ деньги.

— Чего же? Я не знаю.

— Ничего я не хочу ѣсть! — съ отвращеніемъ крикнулъ Бѣлесовъ. — Отпустите меня домой, одного прошу.

Буда дѣвались его претензіи на первыя роли, любовныя нашествия Лимановой? Гдѣ его фанфаронство? Гдѣ пенснѣ, составившее вмѣстѣ съ воздушными галстуками единственный предметъ щегольства? Передъ Раменской сидѣлъ мальчикъ, мечтавшій сейчасъ только о сытой и покойной жизни подъ крылышкомъ матери.

— Голову тебѣ разобью, если возьмешь хоть одинъ пятакъ! — услышала она неистовый крикъ Перевалова на сценѣ.

— Что-жь, намъ и въ самомъ дѣлѣ околѣвать? — отвѣтилъ визгливо Ключиковъ.

— Околѣемъ на ихъ глазахъ, а денегъ ихнихъ не тронемъ!

— Что это? — спросила Холодкова Марья Николаевна.

— Ключиковъ говорить, что надо взять изъ кассы, сколько тамъ есть, а Переваловъ не позволяетъ.

— Ну, бѣгите же, голубчикъ, купите чего-нибудь поскорѣ.

Холодковъ, блѣдный, съ темными кругами подъ глазами, самъ едва держался на ногахъ.

— Чего же купить? — спросилъ онъ еще разъ.

— Ахъ, Боже мой, чего-нибудь, только не тяжелого.

— Ну, Бѣлесовъ, ты ужъ потерпи. Я сейчасъ вернусь, — сказалъ Холодковъ, уходя.

Марья Николаевна пошла на сцену.

Перевалова сидѣла въ креслѣ дожа изъ *Отелло*, закинувъ голову и закрывъ глаза. Въ то время, какъ Марья Николаевна вѣдила, Переваловъ поцѣловалъ жену въ лобъ и прошелъ въ женскую уборную.

Ключиковъ сидѣлъ на суфлерскомъ мѣстѣ, облокотившись о столъ и подпирая голову рукой.

Марья Николаевна подошла къ Переваловой.

— Лизавета Ивановна, родная! Вамъ не хорошо?

Та открыла глаза и приподнялась.

— Нѣтъ, ничего, теперь получше. Дурно было. Жаровъ напугалъ, — проговорила она не громко, взяла съ колѣнь платокъ и отерла лицо.

Волосы ея были смочены водой. Завитушки на лбу, которыми она тщательно оберегала, постоянно трогая ихъ, распустились. Прямые волосы торчали въ разныя стороны и открывали большой круглый лобъ. Выше они слиплись, отчего казались очень жидкими и изборожденными тонкой плѣшью. Лицо и высокій лобъ представляли землистый, пыльный цвѣтъ съ синеватымъ оттѣнкомъ.

Шляпа висѣла на ручкѣ кресла.

— Отчего вы сегодня не пришли? Я васъ поджидала, — сказала Марья Николаевна и сконфузилась, такъ какъ, во-первыхъ, она солгала, потому что была въ церкви, а, во-вторыхъ, изъ всей труппы одна Перевалова стойко и гордо не желала обнаруживать мучительнаго голода.

Лизавета Ивановна ничего не отвѣтила.

— Ахъ, Боже-жъ мій, Боже-жъ мій! — донеслось до Марьи Николаевны изъ дамской уборной.

— Лучше Жарову? — спросила она.

— Не знаю, — отвѣтила Перевалова, — нѣтъ, кажется.

Жаровъ лежалъ на нѣсколькихъ табуретахъ, соединенныхъ вмѣстѣ и приставленныхъ къ стѣнѣ. Глаза закрыты, воротъ разстегнутъ, подъ головой — сложенные его же пиджакъ и жилетъ. Изъ груди вылетали глубокіе вздохи съ сопѣніемъ и хрипомъ.

Ручкина помѣстилась на полу, на колѣняхъ, тутъ же. Она нѣжно гладила отца по щекѣ. Когда Марья Николаевна вошла, она взглянула на нее такъ, какъ бы ждала кого другого, кто долъ былъ спасти ея отца.

— Хоть бы докторъ поскорѣе пришелъ, — сказала она. — Ахъ, Боже-жъ мій, Боже-жъ мій!

— А послали за докторомъ? — спросила Марья Николаевна Перевалова.

— Послалъ кассиръ, попросилъ кого-то изъ публики.

Переваловъ то растиралъ бокъ Жарову, около сердца, — массажировалъ, какъ онъ объяснялъ, — то смачивалъ голову водой.

— Хоть бы вы намъ достали чего-нибудь перекусить, — сказалъ онъ тихо Раменской, проглатывая слюну.

— Сейчасъ Холодковъ принесетъ.

— Ну? Правда? Вы послали?

Онъ дѣтски обрадовался.

— Да, да. Сейчасъ онъ будетъ.

— Ну, слава Богу! Все-таки полегче станеть и такъ далѣе. Вчера вечеромъ Луцкой помогъ чуточку, а сегодня никто еще ничего не ѣлъ.

Марья Николаевна нѣсколько разъ уже сдавливала виски. Ей казалось, что вотъ-вотъ или она сойдетъ съ ума, или треснетъ у нея черепъ.

Въ уборную точно ворвался Луцкой. Онъ принесъ нашатырнаго спирта и эирно-валеріановыхъ капель. Кромѣ того, Ключикову на столъ бросилъ два бѣлыхъ хлѣба и нѣсколько яблокъ. А около Бѣлесова положилъ тоже хлѣба и колбасы.

— Ну-ка, барыни, уйдите отсюда! — приказалъ Переваловъ, засучивая рукава. Онъ былъ безъ сюртука. — Уйдите, уйдите! — настаивалъ онъ, — картина можетъ выйти не эффектная и такъ далѣе.

Марья Николаевна увела Ручкину. Около кулисы стоялъ острый запахъ рвоты желчью.

— Гдѣ же мой мальчишка? — спросила Ручкина, оглядываясь.

— Я сама видѣла, какъ его увела Лиманова. Не беспокойтесь о немъ.

— Ахъ, Маруся! Какія-жъ мы несчастныя!

Она припала къ плечу Марьи Николаевны и снова заплакала.

Марья Николаевна безпомощно двигала головой. Слезъ не было, но она невыносимо страдала. Чувствовала, что всѣ близки ей, какъ родные братья и сестры.

Холодковъ пришелъ съ половымъ. Тотъ несъ на большомъ подносѣ чайники съ чаемъ и кипяткомъ и посуду. Холодковъ сначала купилъ хлѣба, какой-то мѣстной рыбы и паюсной икры кусочекъ. Почему онъ покупалъ именно соленое, онъ не могъ бы объяснить. Потомъ забѣжалъ въ трактиръ, гдѣ пили чай извозчики изъ слободы и гдѣ обыкновенно справлялись поминки по покойникамъ.

Марья Николаевна быстро принялась за хлопоты.

Теперь очень трудно было уговорить ѣсть. Бѣлесовъ отказы-

вался и оттолкнулъ отъ себя все, что ему принесъ Луцкой. Онъ говорилъ, что ему противно смотрѣть на ѣду. Ручкина махнула рукой и вернулась къ дамской уборной, гдѣ Переваловъ и Луцкой приводили Жарова въ чувство. Перевалова сказала: «я послѣ, мнѣ еще не хочется». Одинъ Блючиковъ съѣлъ уже два яблока и полхлѣба и сейчасъ же подсѣлъ къ столу, какъ только Марья Николаевна начала разливать чай.

— Ахъ, Офелія, Офелія!—сказалъ онъ.—Плохо жить на свѣтѣ.

— Лизавета Ивановна, родная! Выпейте чашку чая,—сказала Марья Николаевна.

— Ахъ, Маруся! Я вовсе не такъ голодна. Раньше мнѣ хотѣлось, а теперь нѣтъ.

Переваловъ выбѣжалъ изъ уборной.

— Дайте чего-нибудь, ради Бога, только не хлѣба. Жаровъ пришелъ въ себя и такъ далѣе.

Черезъ минуту всѣ столпились въ уборной. Ручкина цѣловала руки отца. Онъ уже сидѣлъ и медленно поводилъ головой, оглядывалъ товарищей и болѣзненно улыбался.

— Скушайте-ка кусочекъ икорки,—уговаривалъ его Переваловъ.

Жаровъ брезгливо поморщился и отрицательно кивнулъ.

— Да вы посмотрите, какая икорка и такъ далѣе. У меня просто слюнки текутъ.

— А ты начни кушать, онъ, можетъ, и соблазнится,—сказалъ Блючиковъ стоя у дверей уборной.

— Ну, смотрите, голубчикъ, какъ я ѣмъ!—Переваловъ аппетитно зажевалъ передъ самымъ лицомъ старика.

Жаровъ продолжалъ кивать головой.

— Можетъ быть, онъ не откажется отъ яблока,—сказалъ Луцкой.

— Хотите яблочка, папаша? Курскаго, антоновку?—спрашивала Ручкина.

Ея большіе сѣрые малороссійскіе глаза съ длинными верхними рѣсницами были полны слезъ.

— Вотъ посмотрите. Каково яблочко!—соблазнялъ Переваловъ.

Жаровъ уныло взглянулъ.

— Хотите?... Нѣтъ ли у кого ножа?

Подали ножъ, Переваловъ отрѣзалъ кусокъ и, какъ ребенокъ, вложилъ его въ ротъ старику. Тотъ началъ медленно жевать ио сейчасъ же выплюнулъ.

— Послѣ будете кушать, да?—спросила Ручкина.

— Да, — тихо отвѣтилъ онъ. — Сюда.

Онъ указалъ около себя и даже попытался подвинуться, чтобъ освободить мѣсто.

— Хорошо. Мы вамъ тутъ всего положимъ. Чего захотите, того и скушайте.

Придвинули еще табуретку и разложили на ней куски хлѣба, яблока, икры, колбасы. Старикъ долго и печально любовался всѣмъ этимъ.

Постепенно всѣ, кромѣ дочери, оставили его. Ей принесли чаю.

Марья Николаевна съ большимъ трудомъ уговорила Перевалову, а потомъ и другихъ, сѣсть къ столу. Самъ Переваловъ пошелъ къ Бѣлесову.

— Ты что это вздумалъ у меня капризничать! — крикнулъ онъ. — Изволь сейчасъ же ѣсть, что даютъ, и такъ далѣе.

— Да когда мнѣ противно! — отвѣчалъ Бѣлесовъ тономъ виноватаго.

— Сію же минуту ѣшь, а то выброшу тебя черезъ заборъ. Пропадай тамъ, какъ собака, и такъ далѣе.

— Зачѣмъ вы на него такъ кричите? — спросила Раменская сверху.

— Оставьте. Съ нимъ иначе нельзя. На, глотай! — Переваловъ сунулъ ему въ ротъ яблоко. — Ну! Глотай сію же минуту!

Тотъ покорно началъ ѣсть, но глоталъ съ большимъ усиліемъ.

— Ну, еще, еще!...

Черезъ нѣсколько минутъ, однако, Марья Николаевна услышала, какъ Переваловъ говорилъ уже.

— Ну, однако, ты, все-таки, полегче и такъ далѣе. Ишь, навинулся! Стой, стой, это мое...

Переваловъ захохоталъ.

— Посмотрите, какъ уплетаетъ нашъ маменькинъ сыночекъ! — крикнулъ онъ снизу.

Марья Николаевна, Перевалова и Холодковъ подошли къ выходу со сцены и взглянули оттуда. Бѣлесовъ сжималъ въ одной рукѣ хлѣбъ, въ другой колбасу, точно боялся, что у него отнять. Онъ поднялъ голову и, ожесточенно жуя, улыбнулся товарищамъ. Тѣ засмѣялись.

Докторъ, молодой человѣкъ восточнаго типа, съ глазами на выкатъ и лысиной не по годамъ, пришелъ только въ пятомъ часу.

— Пожалуйте, пожалуйста, — встрѣтилъ его Переваловъ. — Полюбопытствуйте, какъ умираетъ актеръ съ голода въ вашемъ расстрелятомъ городишкѣ.

Докторъ испуганно посмотрѣлъ на него.

— Пожалуйте, пожалуйста! Сюда, въ женскую уборную. На табуреткахъ лежитъ. Будуаровъ у насъ не имѣется. А мягкую мебель бутафоръ убралъ. Побоялся, скотина, что мы у него украдемъ диваны.

— Ради Господа, докторъ! Спасите его! — вскрикнула Ручкина.

Тотъ принялся выстукивать и выслушивать. Жаровъ смотрѣлъ на него такъ, какъ будто если ослушается его хоть въ чемъ-нибудь, то докторъ сейчасъ же заколетъ его вотъ этой самой трубкой.

— Ну, что же? — спросила Ручкина, глядя на доктора съ мольбой.

Докторъ стоялъ въ глубинѣ уборной, морщась, чесалъ подбородокъ и смотрѣлъ на больного.

— Мужъ вашъ? — спросилъ онъ, не оборачиваясь.

— Нѣтъ, отецъ.

Докторъ сдѣлалъ жестъ головой, какъ бы говоря: «Вотъ то-то и есть! Будь онъ ващимъ мужемъ, было бы совсѣмъ другое дѣло!»

Онъ выворотилъ бѣлки въ сторону Перевалова. Больше въ уборной никого не было.

— Что, плохъ? — спросилъ Переваловъ.

— Старъ онъ очень.

— Это-то мы и безъ васъ знаемъ. Экую новость сказали! И я старъ, и у васъ вонъ, хоть вы и молоды, а лысина съ тарелку.

Докторъ обидѣлся и взялъ шляпу и палку.

— Значить, и вы, и я, и мы всѣ отправимся ad patres. Кто раньше, а кто позже.

— Нѣтъ надежды? — спросила Ручкина, слушая съ напряженнымъ вниманіемъ.

— У вашего батюшки застарѣлый катарръ.

— Да, да, правда.

— И скверное питаніе.

— Какое ужъ тамъ питаніе! Говорю вамъ, съ голода пропадемъ.

Докторъ пожалъ плечами.

— Пропишите лѣкарства, — сказалъ Переваловъ, — да нагните въ аптеку, чтобъ выдали бесплатно. У насъ ни у кого ни гроша нѣтъ.

Тотъ опять почесалъ подбородокъ и посмотрѣлъ на Жарова.

— Какое же тутъ лѣкарство. Эфирно-валеріанъ это хорошъ. Бульону ему давайте куриного.

— Табъ-съ. Шампанское, говорятъ, тоже помогаетъ?

Докторъ снова выгатилъ на него глаза.

— Да, помогаетъ.

— Такъ, такъ. Ну, а шампанское даютъ въ аптекѣ даромъ?

— Нѣтъ, не даютъ.

Докторъ началъ трусить, какъ бы его здѣсь не побили. Онъ двинулся къ двери, которую Переваловъ заслонялъ.

— А другого лѣкарства не можете выдумать?

— Я сейчасъ самъ приплю изъ аптеки.

— А! Ну, это благородно.

Докторъ вышелъ. Переваловъ пошелъ за нимъ.

— Извините, что отпускаю васъ безъ гонорара.

Тотъ ничего не отвѣтилъ. Въ саду его остановила Раменская.

— Какъ вы нашли больного?—спросила она.

— Что-жъ тутъ находить, сударыня. Онъ дня не проживетъ.

Марья Николаевна вскрикнула. Онъ постоялъ около первой актрисы, которой не разъ аплодировалъ, и осмотрѣлъ ее.

— Отъ голода?—спросила она.

— Нѣтъ, госпожа Раменская, голодь здѣсь не при чемъ. Такъ только, послѣдняя капля въ переполненной чашѣ.

— А спасти нельзя?

— Я не умѣю.

— А отчего онъ не говорить? Паралитъ?

— Нѣтъ. Просто не хочетъ. Ему такъ покойнѣе.

Онъ любезно поклонился и ушелъ.

Марья Николаевна прошла по саду дальше и опустилась на скамейку.

XXVIII.

Надежда Алексѣевна присылала за дочерью кухарку, Марья Николаевна не пошла домой. Ей было совѣстно въ этотъ день объдать. Тогда мать пришла сама и захватила съ собой тартинокъ. Марья Николаевна сама съѣла двѣ, остальные отдала товарищамъ.

Она заглядывала иногда на сцену и въ уборную, гдѣ Ручкина не отходила отъ отца. Больше же сидѣла въ саду. День, точно въ насмѣшку, былъ великолѣпный. Даже галки, противъ обыкновенія, не каркали. Ихъ гнѣзда, какъ шапки, висятъ на двухъ высокихъ оголенныхъ деревьяхъ въ концѣ сада. Птицы взлетали и возвращались безъ крика. За то цѣлый день одна какая-то пичужка плакала на двухъ нотахъ.

«Точно растеряла всѣхъ родныхъ», — подумала Марья Николаевна.

Приходили городскіе жители покупать билеты, останавливались передъ афишей, безцеремонно осматривали Раменскую и уходили, нѣсколько разъ оглядываясь.

Подсаживался Луцкой, но говорить не хотѣлось обоимъ.

Прошла Лиманова съ узелкомъ своихъ вещей. Сына Ручкиной накормила и уложила спать. Принесла какіе-то остатки отъ своего обѣда. Подсѣла и она къ къ Марьѣ Николаевнѣ. Глаза ея каждую минуту готовы были наполниться слезами.

— Если и зима такъ пройдетъ, я въ монастырь пойду, — сказала она такимъ тономъ, какъ маленькіе дѣти, надувшись, говорить: «вы всё меня обижаете, я къ тетѣ уйду».

— Вы никогда не видали бѣдность такъ близко? — спросила Марья Николаевна.

— Нѣтъ. Я съ мамой жила не богато, но не такъ.

И вся она показалась Раменской такой изнѣженной и такой душевно-чистой. Въ сущности, она была даже хорошенькая, съ большими наивными глазами и прекраснымъ цвѣтомъ лица. Только фигура ея не для сцены.

Приходилъ и Бѣлесовъ, опять выпустившій легкій галстукъ летѣть на воздухъ, въ пенснэ и съ высоко-поднятой головой. Пришелъ, постоялъ около Раменской, ни слова не сказалъ и ушелъ.

— Далъ бы полцарства за папиросу! — услышала она потомъ его голосъ.

Марья Николаевна попросила мать сходить въ табачную лавку и купить дешевыхъ папиросъ, только побольше. Когда Надежда Алексѣевна отдала ихъ Ключикову и Бѣлесову, они зацѣловали ея руки.

Являлся капельмейстеръ-еврей, спросилъ въ кассѣ, будетъ ли спектакль. Ему отвѣтили, что сборъ хорошій и, вѣроятно, спектакль будетъ. Капельмейстеръ быстро пошелъ собирать по городу своихъ музыкантовъ — портныхъ и сапожниковъ.

Но парикмахера и бутафора Переваловъ прогналъ. А когда они спросили: «значить не будете играть?» — то онъ сказалъ:

— Сегодняшній спектакль сыграемъ и безъ васъ. Ты вотъ лучше, — обратился онъ къ бутафору, — диванъ принеси. Большой человекъ лежитъ на садовой скамейкѣ.

Никто изъ артистовъ не уходилъ домой.

Въ восьмомъ часу публика начала прибывать.

Марья Николаевна съ матерью сидѣла на скамейкѣ близъ эстрады и оттуда наблюдала. Публика была праздничная, съ веселыми лицами. На дамахъ неизмовѣрная пестрота.

— Посмотрите, мама, на эту,—указала Марья Николаевна,—зеленая юбка, желтая рубашечка и красная шляпа.

Она засмѣялась было, но въ вискахъ такъ застучало, что она съ легкимъ стономъ прижала къ нимъ пальцы.

Пришла и высокая, полная барыня съ сыномъ, который почти-тельно велъ ее подъ руку. Марья Николаевна знала эту пару. Мужчины были преимущественно изъ чиновниковъ и мелкихъ торговцевъ. Одинъ очень большого роста толстякъ въ чесунчевой парѣ и въ вышитой рубахѣ - косоворотѣ, похожій на помѣщика, ходилъ быстро, стучалъ палкой, все время пыхтѣлъ и бросалъ косые взгляды на встрѣчныхъ.

Переваловъ нѣсколько разъ выходилъ и всматривался въ публику. Онъ былъ въ единственномъ своемъ длинномъ сюртукѣ, теперь аккуратно застегнутомъ. Разсматривая публику, онъ кусалъ ногти, отходилъ и что-то бормоталъ, точно повторяя роль.

— Должно быть, играть не будутъ,—сказала Надежда Алексѣевна.

Къ восьми часамъ публики собралось довольно много. Сборъ уже былъ за сорокъ рублей.

Пришла Перевалова и сѣла около Раменской.

— Я не знаю, что Гриша затѣваетъ,—сказала она.—Хочетъ что-то сказать публикѣ и отмѣнить спектакль. Боюсь, какъ бы не вышло скандала съ полиціей.

Марья Николаевна не спрашивала. У нея до того болѣла голова, что ей трудно было шевельнуться.

— Я совсѣмъ не понимаю Григорія Александровича,—сказала Надежда Алексѣевна,—сборъ хорошій, все-таки, можно выручить что-нибудь.

— Я ему то же самое.

— Что-жъ онъ?

— Оставьте, говорить, не мѣшай мнѣ. Пойдите-ка. О чемъ они тамъ?

Всѣ трое прислушались. Неподалеку Переваловъ сильнымъ полушепотомъ говорилъ Ключикову и Бѣлесову:

— Чтобъ я этимъ звѣрямъ подарилъ сегодня спектакль?! Да зарѣжьте меня—не сдѣлаю! У насъ Жаровъ умираетъ и такъ далѣе, а мы будемъ передъ ними ломаться!

— А завтра что мы будемъ дѣлать?

— Объ этомъ не безпокойся. Я васъ нынче же набормлю и такъ далѣе.

Нибита куда-то съ утра исчезъ. Переваловъ самъ освѣтилъ те-

атръ и сцену, самъ поставилъ декорацию избы. Когда онъ двигался, въ карманѣ у него вздрагивалъ колокольчикъ, которымъ Никита всегда сзывалъ публику.

Многіе замѣтили, что актеры ходятъ около театра, не загримированные. Въ публикѣ пробѣгалъ шепотъ.

— Позвольте спросить,—обратился къ Переваловой молодой брюнетъ, повидимому изъ приказчиковъ,—можетъ быть, сегодня опять не будетъ спектакля?

Перевалова не знала, что отвѣтить.

Въ это время музыканты заиграли маршь, одинъ изъ двухъ, которые были у нихъ въ репертуарѣ.

— Ахъ, вотъ и музыка-съ! Виноватъ!—приказчикъ дотронулся до шляпы и отошелъ.

— Пойдемте отсюда,—сказала Перевалова.

Всѣ ушли въ сторону сцены.

Какъ только музыканты кончили, актеры услышали въ саду звонокъ. Его давалъ самъ Переваловъ, очень долго, пока не убѣдился, что вся публика вошла въ театръ. Буфетный лакей отбиралъ билеты.

Черезъ нѣсколько минутъ Переваловъ быстро взбѣжалъ мимо актеровъ по лѣстницѣ. Всѣ, толкая другъ друга, поспѣшили за нимъ и заняли мѣста въ первыхъ кулисахъ.

— Господи! Какъ у меня сердце бьется. Дайте мнѣ стулъ!—сказала Лизавета Ивановна. Ее усадили.

У Марьи Николаевны дрожали ноги, она оперлась на Луцкого. Окно избы открыли. Черезъ него она видѣла Перевалова. Онъ былъ мертвенно блѣденъ. Нѣсколько разъ провелъ рукой по борту сюртука, справляясь, застегнуть ли онъ на всѣ пуговицы. Онъ стоялъ у самой первой кулисы, держа одну руку на веревкѣ, которою поднимался занавѣсъ. Другою рукой далъ второй звонокъ и посмотрѣлъ въ дырочку въ кулисы на публику. Потомъ суетливо вышелъ на средину сцены и своими быстрыми камыщеними глазами оглядѣлъ декорацию.

— Подальше!—шепнулъ онъ стоявшимъ у окна.

Луцкой, Марья Николаевна и Лиманова отодвинулись.

Марья Николаевна осмотрѣла кругомъ, не стоитъ ли еще кто-нибудь слишкомъ на виду у публики. Ей такъ странно показалось, что сцена освѣщена, декорация поставлена, а лица товарищей не загримированы.

— Господа! Что онъ затѣялъ?—прошептала надъ ея ухомъ Надежда Алексѣевна.

— Мнѣ прямо дурно дѣлается, — сказала Лиманова. — Скорѣй
иди ужь.

Но вотъ Переваловъ далъ и третій звонокъ и осторожно поста-
вилъ колокольчикъ около боковой лампы, ярко освѣщавшей его
лицо.

Всѣ затаяли дыханіе и опять чуть придвинулись къ декорациі.
Сперь около Перевалова стояла Ручкина.

Его руки начали быстро перебирать веревку. Сцена сразу освѣ-
тилась. Занавѣсъ былъ поднять.

Переваловъ еще разъ осматрѣлъ себя и ждалъ, пока въ пуб-
ликѣ прекратятъ сморкаться и откашливаться. Какъ опытный ак-
теръ, онъ зналъ, какъ заставить публику стихнуть. Такъ прошло
секундъ двадцать. Наконецъ, въ залѣ наступила полная тишина.

Тогда Переваловъ вышелъ.

— Господи! Царица Небесная! — прошепталъ кто-то около
Марьи Николаевны.

У нея мутилось въ глазахъ.

— Господа! — началъ Переваловъ во весь голосъ. Потомъ по-
комчалъ, чтобы сдержать волненіе и еще болѣе усилить вниманіе
публики. Затѣмъ продолжалъ, подчеркивая каждое слово: — Спек-
такль состояться не можетъ, потому что мы два дня ничего не ѣли.
Мы честно приготовили пьесу, но всѣ едва держимся на ногахъ.

Онъ пріостановился. Публика въ ужасѣ замерла. Каждый въ
залѣ боялся шелухнуться.

Переваловъ продолжалъ еще громче:

— А нашъ товарищъ, шестидесятилѣтній старикъ Жаровъ,
вотъ здѣсь, — онъ вытянулъ лѣвую руку, — въ женской уборной,
на скамейкѣ, умираетъ голодною смертію!

Въ публикѣ поднялся ропотъ, послышались всхлипыванія.

— Если вамъ угодно посмотрѣть, какъ умираетъ честный ар-
тистъ, то милости прошу сюда, за сцену!

Ропотъ сталъ сильнѣе. Въ эту минуту раздался на весь театръ
страшный, протяжный вопль Ручкиной. Луцкой черезъ всю сцену,
сзади Перевалова, перебѣжалъ къ ней. Въ то же время въ залѣ нѣ-
сколько дамъ вскрикнуло, одна начала истерически стонать.

— Это вы слышите, — еще возвысилъ голосъ Переваловъ, —
воплъ его дочери, артистки Ручкиной!

— Довольно! — крикнули въ залѣ.

— Довольно, довольно! — подхватили другіе голоса.

— Гриша! Ради Бога, будетъ! — закричала Перевалова.

Пумъ въ залѣ быстро росъ. Многіе уже бѣжали вонъ.

— Луцкой, дайте занавѣсь! — крикнула Марья Николаевна и замахала руками въ огонь избы.

Но Переваловъ кончалъ, стараясь покрыть всё крики и шумъ.

— Спасибо вамъ! Оцѣнили тружениковъ святаго искусства!... Спасибо!

Луцкой на глазахъ публики далъ занавѣсь въ то самое время, когда въ залѣ кричали:

— Довольно! Прекратите! Велите опустить занавѣсь!

Многіе изъ всей силы шикали и стучали палками и стульями, какъ бы вступая съ Переваловымъ въ борьбу на смерть. Объ суфлерскую будку ударился брошенный въ него бинокль. Двѣ дамы бились въ истерикѣ и оглашали залъ криками, стонами и взвизгиваніями.

Толстякъ въ чесунчовой парѣ, въ креслѣ перваго ряда, весь болыхался и плакалъ, но тоже стучалъ ногами.

Нѣсколько мужчинъ громко ругали актеровъ и требовали вмешательства полиціи.

— Имъ не полицію, а хлѣба и доктора нужно! — крикнула имъ полная дама, постоянная посѣтельница.

— Можетъ быть, и священника! — дрожащимъ голосомъ добавилъ ея сынъ.

— Полицію! На цѣпь! Какого имъ священника? Они въ Бога не вѣрятъ!

Особенно кричалъ маленькій, пожилой отставной военный, жена котораго билась головой о спинку стула и истерически взвизгивала.

Съ нѣсколькихъ сторонъ кричали:

— Дайте сюда скорѣе воды! Дайте воды, пожалуйста!

Лакеи побѣжали въ буфетъ за водой.

— Мерзавцы! — не переставалъ браниться отставной военный. — Комедіанты! Никогда въ жизни не пойду въ театръ. Дайте же воды, черти!... Да будетъ ужъ тебѣ ревѣть-то! — огрызнулся онъ, наконецъ, на жену.

— Какъ это полиція допускаетъ! — говорили тихо въ другомъ мѣстѣ.

— Ахъ, бѣдныя, ахъ, несчастныя! — раздавалось уже въ саду.

— Я ихъ понимаю, понимаю! — не унималась полная дама, продвигаясь къ выходу подъ руку съ сыномъ и постукивая по полу палкой. — Вся ихъ ошибка въ томъ, что они забрались въ такую глушь!

— Помилуйте, да такихъ актеровъ въ столицѣ не примутъ! — отвѣтилъ ей купчикъ, не знакомый.

Она повернула къ нему голову и остановилась.

— Не правда. Если вы ничего не понимаете, такъ молчите. У нихъ есть талантливые. Madame Раменская, m-еug Раменскій и Луцкой — прекрасные актеры.

— Да вотъ про этихъ вы совершенно вѣрно изволите говорить.

— Ну! — Она пошла опять.

Около выхода собралась кучка. Кто не убѣждалъ изъ театра сразу, тому ужъ и не хотѣлось выходить. Незнакомые заговаривали другъ съ другомъ и дѣлились впечатлѣніями.

Брать деньги изъ кассы рѣшались немногіе.

— Смотри-ка! — сказала полная дама. — Берутъ назадъ деньги!

— Оставьте ихъ, татап! — тихо сказалъ сынъ, видя, что мать обращаетъ на себя всеобщее вниманіе.

— Нѣтъ, мой другъ, я не могу. Пусти-ка.

Она освободила руку и подошла къ кассѣ. Ей уступили мѣсто.

— Вотъ что, голубчикъ, — сказала она громко, роясь въ портмоне: — мнѣ совѣстно и женщина я не богатая... была когда-то... Но такъ какъ артисты, все равно, не знаютъ меня, то вотъ... — она протянула ему двѣ пятирублевыхъ, — положите это въ ихъ кассу.

Двое дожидавшихся очереди, чтобы получить деньги, конфузливо отошли.

— Ну, ихъ совѣмъ! — сказалъ одинъ. — Пойдемъ!

Толстякъ въ чесунчѣ, все еще всхлипывавшій, ни слова не говоря, сунулъ въ окошечко кассы десятирублевую бумажку и, колыхаясь, ушелъ.

Постепенно стали расходиться. Одна дама въ истерикѣ была вынесена, но когда ее хотѣли положить на садовую скамейку, она закричала:

— Ай, ай! Ни за что! Я умру тутъ!

Жена отставного военного пришла въ себя. Онъ продолжалъ браниться и такъ быстро тащилъ ее подъ руку, что маленькая женщина въ припрыжку бѣжала за нимъ.

Нѣсколько человекъ, изъ любопытства посмотрѣть на голодныхъ людей, пошли на сцену.

Какъ только занавѣсъ опустился, Переваловъ бривнулъ:

— Молодецъ Луцкой! Во-время далъ занавѣсъ. Только послѣднее мое «спасибо» покрылъ. — И, прислушиваясь къ шуму въ залѣ, онъ говорилъ: — Что? Шумите? Заревѣли ревмя? Толстолобые! По-ня ч?

Онъ сжималъ кулаки и упивался удовлетвореннымъ озлобленіемъ.

Изъ всѣхъ актеровъ, однако, только одинъ Бѣлесовъ сказалъ ему что-то вродѣ комплимента.

Переваловъ вдругъ остановился, какъ пораженный. Луцкой близко подошелъ къ нему и прошепталъ:

— Отвратительно! Вы не смѣли этого дѣлать! Гнусно!

Съ другой стороны Марья Николаевна, — даже эта кроткая Раменская, говорила:

— Зачѣмъ вы такъ говорили? Зачѣмъ? Это обидно, унижительно!

Надежда Алексѣевна прямо показывала ему два кулачка и, вѣроятно, не побила только потому, что хлопотала около плакавшей дочери.

Холодковъ тоже хотѣлъ сказать что-нибудь непріятное, такъ какъ два раза приблизился къ нему, но въ это время говорили другіе, поэтому онъ оба раза только махнулъ рукой.

— Позвольте, господа! Да вы же сами одобряли меня вчера такъ дажѣ!

— Я? Я васъ одобрялъ? — спросилъ Луцкой. — Я одобрялъ вашу энергію, чтобы репетировать. Я думалъ, вы хотите доказать мнѣ на дѣлѣ! А это что такое?! Гнусно!

— Глупости! Вздоръ! Раскисли, размякли и такъ дажѣ! Я поступилъ честно.

— Довольно, ради Бога! — вмѣшалась Перевалова. — Право это ужъ безсовѣстно! Мужъ всю душу положилъ сегодня за васъ!

— Да, конечно, — признался первый Луцкой. — Извините меня, Григорій Александровичъ. Я вѣрю въ вашу искренность, а все-таки скажу: такъ не слѣдовало, нехорошо! Оскорбительно!

У входа на сцену показалось нѣсколько мужчинъ изъ публики. Надежда Алексѣевна налетѣла на нихъ:

— Что вамъ здѣсь нужно, господа? Ступайте, пожалуйста! Идите, идите съ Богомъ!

Она безъ церемоніи брала ихъ за плечи и поворачивала.

— Мы думали, они тутъ въ корчахъ валяются! — сказалъ одинъ изъ нихъ, уходя. — Я такъ полагаю, одинъ фокусъ, чтобъ денежки даромъ, безъ игры, получить. Пойдемъ-ка, братцы, возьмемъ свои назадъ, пока даютъ.

Луцкой слышалъ это.

— Вотъ, — сказалъ онъ, — вотъ что про насъ будутъ говорить!

И онъ съ чувствомъ обиды представилъ себѣ, какъ завтра будутъ рассказывать о сегодняшнемъ скандалѣ въ лавкѣ отца.

Никита такъ и не пришелъ.

Переваловъ, Блючиковъ, Бѣлесовъ и Холодковъ рѣшили ночевать на сценѣ. Чтобы не тревожить Жарова, двое изъ нихъ сбѣгали, принесли постели старика и Ручкиной и устроили ихъ въ женской уборной. Двое другіе тѣмъ временемъ погасили всѣ лампы въ театрѣ.

Изъ кассы Переваловъ взялъ только пожертвованные двадцать три рубля, остальные же деньги, — еще болѣе тридцати, — велѣлъ приказчику Мякина сохранить до распоряженія исправника.

Атеры долго закусывали, бесѣдовали и разиѣстились поближе другъ къ другу на полу около женской уборной. Одна лампа около нихъ и другая около умиравшаго Жарова горѣли со спущеннымъ свѣтомъ до самаго утра. Если кто просыпался, то слышалъ только, какъ скребуть и пицать мыши въ залъ и въ кулисахъ, да какъ сторожъ кладбищенской церкви иногда нѣтъ-нѣтъ и начнетъ отбивать въ колоколъ часы, какіе ему покажутся по движенію звѣздъ.

Поздно ночью Луцкой шелъ отъ Раменской мимо театра. Онъ оглядѣлъ его неуклюжее досчатое строеніе, выкрашенное въ дикій цвѣтъ. Окна уборной наверху были слабо освѣщены. Луцкой вспомнилъ, что тамъ лежитъ Жаровъ. Къ утру онъ уже, можетъ быть, будетъ трупомъ, — не даромъ онъ не хотѣлъ ни ѣсть, ни пить. Сердце Луцкого на мигъ сжалось тоской, но ее сейчасъ же вытѣснило бодрое чувство прекрасныхъ надеждъ. Весь остальной вечеръ, послѣ скандала въ театрѣ, онъ былъ охваченъ этимъ чувствомъ.

Марья Николаевна, вернувшись съ нимъ къ себѣ, нашла дома двѣ телеграммы. Одну отъ Красавцева, — онъ извѣщалъ, что деньги высланы, и удивлялся молчанію невѣсты; другая — отъ представителя товарищества губернскаго города: «Могу предложить Луцкому сто марками и полубенефисъ на общихъ условіяхъ. И то на вашей отвѣтственности».

Это былъ отвѣтъ на ея письмо, къ которому она приложила и афши.

Когда Луцкой читалъ телеграмму, лицо его было такъ залито румянцемъ, словно передъ нимъ вдругъ брызнули лучи утренняго солнца. Онъ обрадовался такъ, какъ можетъ радоваться только молодой одоствъ, охваченная свѣтлыми надеждами.

«Прощай, театригъ! — говорилъ онъ, осматривая сарай Мяки-

на:—много горьких минутъ испыталъ я здѣсь, за то не мало и счастливыхъ! Спасибо тебѣ!»

Возвращаясь домой, онъ хотѣлъ припомнить и обстановку семьи, большую лавку съ ситцами, банками, табакомъ, кусками мыла и воска, невѣсту съ багровыми челюстями, — но прошлое уже начало подергиваться въ его представленіи туманомъ.

XXIX.

Брасавцевъ получилъ отъ Марьи Николаевны слѣдующее письмо:

«Сначала вы, вѣроятно, будете гнѣваться на меня, но надѣюсь, что мое письмо не надолго огорчитъ васъ.

«Я не могу быть вашей женой, Василиій Сергѣевичъ.

«Конечно, мнѣ не слѣдовало вводить васъ въ заблужденіе. Но право, вся моя вина только въ томъ, что я не особенно умна. Другая на моемъ мѣстѣ сразу сообразила бы все, а мнѣ нужно очень много времени, чтобъ разобраться въ своихъ чувствахъ.

«Это началось съ того вечера, когда вы говорили мнѣ и Луцкому о нашихъ нравственныхъ задачахъ въ театральномъ быту. Помните? Послѣ «Безприданницы». Я тогда въ первый разъ почувствовала, что мы съ вами *совсѣмъ, совсѣмъ разные люди*. Только почувствовала, додумалась до этого я уже позже. И я приготовилась написать вамъ еще нѣсколько дней назадъ. Но въ послѣднее время мнѣ пришлось переживать такіа мученія за товарищей, что право не до писемъ было. Съ тѣхъ поръ, какъ вы уѣхали, прошло, кажется, всего двѣ недѣли, а я пережила и передумала больше, чѣмъ за всю жизнь, какъ помню себя. Теперь мнѣ все такъ ясно, такъ ясно.

«Знаете, Василиій Сергѣевичъ, что въ нашихъ отношеніяхъ самое важное: вы не любите насъ, актеровъ. Не любите, не любите. Задайте сами себѣ этотъ вопросъ, отвѣтите на него по совѣсти и вы увидите, что я говорю самую, самую истину!

«Вы любите театръ, какъ всѣ хорошіе и умные люди любятъ умное развлеченіе. Вы цѣните талантъ, потому что знаете, что онъ отъ Бога, что онъ не всякому данъ. Вы очень щедры къ актерамъ, потому что вы добрый человекъ. Но *душѣ* актера вы не любите. Если бъ вы ее любили, то поняли бы, что она не совсѣмъ такая же, какъ у всякаго другого смертнаго. Я не говорю, что она лучше, но *другая*. Вы сами же говорили не разъ, что актеръ и чувствуетъ и думаетъ быстрѣе и съ большей взволнованностью, чѣмъ

съ, даже писатели, художники и композиторы. Но сегодня вы это ждете, потому что вы умны, а завтра, когда будете бранить актеров за их условную нравственность, забудете то, что говорили сегодня. А забудете потому, что вы их не любите.

«Кромѣ того, вы ихъ не вѣрите. Вы знаете очень много хорошихъ вещей, которыя принято думать объ артистахъ, но въ душѣ вы всякого считаете способнымъ сдѣлать гадость. Лучшій пригвѣрь—я сама.

«Я вамъ не подавала ни малѣйшаго повода къ недовѣрью. Но и—актриса и этого достаточно, по вашему, чтобы мнѣ не вѣрить.

«Пишу объ этомъ вовсе не для того, чтобы перебирать старый кламъ. Хочу только заставить васъ убѣдиться, что я права.

«Вы любите меня какъ женщину. Еще больше потому, что я, какъ актриса, имѣю возможность быть красивѣе. Тутъ помогаютъ и гримъ, и туалетъ, а больше всего—аплодисменты публики.

«Но меня, какъ актрису, то-есть, какъ товарища Переваловыхъ, вы презираете. Иначе развѣ вы поставили бы мнѣ условіемъ не служить, а только изрѣдка играть?..

«А я хочу, Василій Сергѣевичъ, именно *служить*, быть постоянно среди своихъ товарищей, дѣлать горе и радость *съ ними*, а не съ тѣми, кто намъ аплодируетъ. Можетъ быть, я научусь такъ же видѣть ихъ пороки, какъ видите вы, и буду чувствовать это сильнѣе васъ, но не перестану оставаться съ ними, потому что люблю ихъ и только они—мои друзья.

«Этого вы, кажется, не хотите понять.

«Конечно, я не пойду къ нимъ въ сестры милосердія. Такъ же, какъ и всѣ люди, буду искать и побольше славы и побольше жалованья, буду всегда говорить, что безъ таланта нельзя идти на сцену. Я—тоже эгоистка и тоже хочу хорошо жить. Но всегда и всей душой буду среди своихъ товарищей.

«До послѣдняго времени я жила и ни о чемъ не тужила. Теперь я увидѣла настоящую нужду, настоящую *драму за сценой* и научилась болѣть душой не за свои только неудачи. И даже въ такую минуту нашлись среди насъ люди, которые не понимали, что намъ обидно и что пріятно. Но ихъ судить не вамъ. Мы сами сумѣемъ разобраться въ нашихъ дѣлахъ.

«Мнѣ очень трудно писать вамъ. Не скрою, что переписываю это письмо въ третій разъ. Но мнѣ хочется ясно, ясно передать вамъ все. Вы сдѣлали мнѣ много добра, я этого не забуду, такъ или сякъ любите меня—и это знаю. Поэтому не хочу на прощанье ничего скрывать отъ васъ.

«Вотъ вамъ доказательство. Вамъ одному признаюсь, — даже мама не подозрѣваетъ, — *я въ первый разъ, действительно, начинаю любить.* И я очень дорожу своимъ новымъ чувствомъ потому, что оно пришло вмѣстѣ съ новыми мыслями. А мнѣ съ ними такъ легко жить!

«Долго думала, писать ли вамъ объ этомъ. Вы такой обидчивый. Но право же вы меня любите вовсе не такъ, чтобъ эта новость доставила вамъ серьезныя огорченія.

«Вѣроятно, вы сразу поняли, о комъ я говорю. Между мной и имъ еще *ничего* не сказано. Все это въ будущемъ. Но ни ему, ни мнѣ не тяжело ждать. Пусть наши чувства обрѣпнутъ, а потомъ... буду ли я *женой* его, вѣтъ ли, за это мы одни будемъ отвѣчать Богу, и никому до насъ вѣтъ дѣла. Я знаю, что вы подумаете обо мнѣ нехорошо, но я не стану и разувѣрять васъ. Я никогда не чувствовала себя такою чистой, какъ теперь. Актриса, все-таки, прежде всего женщина, и для нея любовь, какъ и для всякой женщины, выше всего въ мирѣ. Она ее научить всему хорошему лучше, чѣмъ всѣ поклонники и покровители вмѣстѣ.

«Вотъ вамъ, Василій Сергѣевичъ, моя исповѣдь.

«Мама призналась мнѣ, наконецъ, что вы оставили ей сто рублей. Зная вашу доброту, я отдала эти деньги товарищамъ. Имъ не съ чѣмъ выѣхать отсюда, и они хотѣли устраивать подписку. Это была бы новая обида. Пусть они будутъ благодарны одному вамъ.

«Помните старика Жарова? Онъ вчера умеръ. И представьте: за кулисами, въ женской уборной! На Ручкину смотрѣть жалко. Она точно обезумѣла отъ горя и нужды.

«Прощайте.

«Искренно благодарная вамъ

М. Раменская».

Вл. Немировичъ-Данченко.

Х И Щ Н И КЪ *).

Френсиса Дана.

Юный мистеръ Гунтингтонъ Крессвелль, владѣлецъ добропорядочнаго имени, обладатель достаточной суммы денегъ и приличнаго гардероба, человѣкъ нѣсколько романтическаго характера, одинокимъ сиротой выступилъ на житейское поприще.

Образъ его мыслей мало согласовался съ понятіемъ о долларахъ и центахъ, почему они у него вскорѣ почти совсѣмъ изсякли. Это обстоятельство заставило юношу отнестись къ остающемуся количеству съ бѣльшимъ уваженіемъ и озаботиться объ изысканіи способа ихъ умноженія.

Литературныя занятія всегда казались ему наиболѣе почтеннымъ, выгоднымъ и независимымъ видомъ промышленности, способнымъ, какъ онъ полагалъ, воодушевить фантазію и въ то же время вознаградить авторское ремесло.

По нѣкоторомъ размысленіи онъ рѣшилъ безъ дальнихъ околичностей сдѣлаться писателемъ-романистомъ. Онъ купилъ перьевъ, чернилъ, бумаги и весело проработалъ около двухъ лѣтъ.

«Удивительный чудакъ живетъ въ № 60, на Гибралтарской площади, — размышлялъ почтальонъ: — обыкновенно люди съ радостью принимаютъ посылки съ почты, этотъ же готовъ растерзать тебя всякій разъ, когда ему приносишь. Еще сегодня утромъ я доставилъ ему свертокъ, а онъ чуть было не швырнулъ имъ въ меня!»

Дѣло въ томъ, что Гунтингтонъ Крессвелль, убѣдясь, что не въ состояніи приобрести извѣстности писателя, такъ какъ всякое его произведеніе, брошенное въ океанъ литературы, тотчасъ выбрасывается на берегъ, нигдѣ не находя пристанища, сдѣлалъ еще

* Harper's Monthly Magazine.

одно усиліе и написалъ произведеніе, стоявшее несравненно выше всѣхъ прежнихъ; въ то же время онъ повѣялъ, что если произведеніе это не встрѣтитъ успѣха, то будетъ послѣднимъ. Онъ ввелъ въ него массу типичныхъ характеровъ и до такой степени къ нимъ привыкъ, что они стали какъ бы товарищами и друзьями въ его одиночествѣ. Онъ даже влюбился въ одну хорошенькую пассажирку—не главную героиню: о той онъ не сталъ и мечтать. Онъ украсилъ повѣсть лучшими плодами своего вдохновенія и прекраснѣйшими образами своей фантазіи. А потому какъ только одѣтый въ сѣрую куртку посланецъ, носящій въ своей кожаной курткѣ столько радостей и горя, принесъ ему посылку или вѣрище свертокъ,—отчаянію Крессвелля не было предѣловъ. Онъ почувствовалъ, что лучшее его твореніе все еще было недостаточно хорошо. Вновь испытывать свои силы онъ уже болѣе не хотѣлъ.

«Большое количество говядины,—увѣряетъ Буртонъ,—вызываетъ меланхолію». Быть можетъ это и правда. Однако же недостатокъ говядины, какъ извѣстно, производить то же дѣйствіе.

Такъ было и съ Крессвеллемъ. Онъ чувствовалъ, что ему слѣдуетъ теперь же отыскать способъ добывать этотъ продуктъ печальной необходимости или иное какое-либо мясо, въ противномъ же случаѣ пришлось бы вызвать расхочъ на собственные похороны и не быть въ состояніи ихъ оплатить. Онъ принялъ, наконецъ, рѣшеніе. Отнынѣ имя его вмѣсто того, чтобъ украсить собою заглавные листы прекрасно переплетенныхъ книгъ и страницы критическихъ обзорѣній, должно скромно занять свое мѣсто въ полковыхъ реестрахъ, гдѣ даже непривыкшіе къ труду люди имѣютъ возможность отложить кое-что на черный день.

Мысль о военной службѣ болѣе соответствовала характеру Крессвелля: барабаны, трубы, солдаты и амуниція; надежды на повышенія и мечты о славѣ, но уже военной. Если изъ его литературныхъ занятій и не вышло ничего путнаго, по крайней мѣрѣ осталось воображеніе. Чѣмъ болѣе онъ думалъ о полковничьемъ чинѣ, тѣмъ болѣе мелѣялъ эту мечту, пока, наконецъ, она не овладѣла окончательно его сердцемъ.

Онъ засунулъ злополучную повѣсть въ самый отдаленный уголъ ящика стариннаго комода, стоявшаго въ его комнатѣ (у чего недоставало духу уничтожить лучшее свое произведеніе), затѣмъ, пріосанившись, отправился, покручивая усы, въ канцелярію регутскаго набора и вскорѣ сдѣлался собственностью «дяди Сама».

— Несчастные! — воскликнула однажды жена полковника (не зная Брессвелль, разумеется): — какъ бы мнѣ хотѣлось что-нибудь для нихъ сдѣлать!

Да, они были въ самомъ дѣлѣ несчастны, эти бѣдные солдаты, этой глухой, безлюдной степи. У нихъ не было рѣшительно чего, чѣмъ бы можно было разсѣять утомительное однообразіе. Ни же обязанности, занятія, тѣ же игры изо дня въ день, и никакихъ новостей.

Издѣдка, впрочемъ, однообразіе степной жизни нарушалось самою природой. Иногда лѣтомъ вдругъ поднимался циклонъ, а зимою метель; но всякій разъ переменна эта совершалась въ самомъ незначительномъ смыслѣ. Иной разъ ждали нападенія индѣйцевъ, но они не показывались, никто особенно и не былъ заинтересованъ ихъ появленіемъ. Наконецъ и это обстоятельство не имѣло никакого серьезнаго значенія, ибо едва ли какую разницу составляло перемѣнить со скуки отъ бездѣятельной барачной жизни, или быть убитымъ гѣмъ-либо изъ обитателей пустыни. И то и другое имѣло преимущество другъ передъ другомъ.

— Несчастные! — еще разъ воскликнула полковница: — пошлю имъ какихъ-нибудь старыхъ книгъ!

Такимъ-то образомъ однажды вечеромъ въ баракахъ и появились ящики, наполненные книгами. Уже въ теченіе многихъ мѣсяцевъ солдаты не имѣли подобнаго угощенія.

Они принялись за книги съ остревенѣніемъ, и впервые со дня своего появленія въ баракахъ могли сновою вздохнуть засаленными картами и потемнѣвшими отъ времени костями.

Одинъ изъ солдатъ принялся съ трудомъ разбирать что-то изъ слухъ кучкѣ товарищей, какъ вдругъ запнулся на незнакомомъ ему словѣ.

— Эй, гдѣ «академическій словарь?» — закричалъ онъ. — Тащите его сюда скорѣй; мнѣ его нужно!

Высокаго роста солдатъ, услыхавъ свое прозвище, данное ему за отличное знаніе языка, медленно подошелъ къ группѣ.

— Въ чемъ дѣло, Кованъ? — спросилъ онъ.

Непонятная фраза была ему тотчасъ указана.

— Какъ ты произносишь это слово и что оно обозначаетъ?

Толпа слушателей ждала объясненія отъ пришедшаго.

«Академическій словарь» вмѣсто отвѣта уставился глазами на раскрытую передъ нимъ страницу, лицо его поблѣднѣло, губы задрожали, и взглядъ его выразилъ крайнее негодованіе.

— Ради самого неба, Кованъ, отдай мнѣ эту книгу! — Съ этими

словами онъ почти что вырвалъ книгу изъ рукъ товарища и сбѣжалъ вонъ съ проклятіями на устахъ, чего прежде съ нимъ никогда не бывало.

Въ скоромъ времени постъ лишился «академическаго словаря» такъ какъ Крессвелль успѣшилъ подать въ отставку и предпринялъ путешествіе въ восточные штаты.

Никто не зналъ, почему онъ бросилъ службу и что его обеспокоило.

Дѣло нисколько не разъяснилось даже послѣ того, какъ Бованъ въ подробности рассказалъ про внезапное смущеніе товарища при чтеніи непонятнаго слова и высказалъ догадку, не отправился ли тотъ въ Гарвардскую коллегію съ цѣлью выяснитъ точное значеніе этого слова и его произношеніе.

Съ кошелькомъ, набитымъ многолѣтними сбереженіями, и сумцемъ, исполненнымъ гнѣва, Крессвелль, имѣя чистую отставку въ карманѣ, спѣшилъ въ восточные штаты.

Въ книгѣ, данной ему Бованомъ, онъ узналъ собственную повесть, — ту самую, на которую когда-то возлагалъ большія надежды. Названіе этого превосходнаго сочиненія было прежде «Герцоги и герцогини», теперь же въ заголовкѣ стояло «Селезень и утки».

На первой страницѣ этой чудной повѣсти и въ сочувственныхъ выдержкахъ, перепечатанныхъ изъ журнальной критики, красовалось не имя «Гунтингтона Крессвелля», а имя Птоломея Бакстера.

Кто бы ни былъ этотъ Птоломей Бакстеръ, во всякомъ случаѣ Крессвелль не благословлялъ его въ душѣ.

Онъ пылалъ къ похитителю ненавистью, за которую корсиканскій дворянинъ старинной школы отдалъ бы половину своего состоянія.

Вся горечь прежнихъ разочарованій и неудачъ, ощущенія двадцати-лѣтняго холода и зноя, голода и жажды во время походовъ и кровавыхъ стычекъ — все это пришло ему на память и слылось въ одномъ чувствѣ глубочайшей ненависти.

Въ изступленіи гнѣва и бессильной злобы онъ представлялъ себѣ этого Птоломея Бакстера отвратительнѣйшимъ изъ всѣхъ когда-либо существовавшихъ родовъ.

У Крессвелля было теперь одно лишь единственное желаніе — изловить Птоломея Бакстера во что бы то ни стало.

Въ состояніи, близкомъ къ умопомѣшательству, онъ соскочилъ съ платформы станціи города, бывшаго свидѣлемъ его преступленія.

удачь и въ то же время мѣстомъ отпечатанія его книги. Преоб-
 ясь изъ военнаго въ штатскаго, онъ отправился къ издателю,
 дѣлю узнать у него адресъ господина Бакстера.

— Автора *Селезней и утокъ*?

— Да, мнѣ необходимо его видѣть по очень важному дѣлу и
 ми вы будете настолько добры...

Издатель взглянулъ на Крессвелля поверхъ очковъ, а затѣмъ
 возъ нихъ и насмѣшливо прищурился.

— Вы никогда не видали этого господина?

— Никогда.

— Адресъ Птоломея Бакстера слѣдующій: Гибралтарская Пло-
 адь, № 60 въ этомъ же городѣ.

— Моя прежняя квартира!—вырвалось у Крессвелля.

— Право? Какое однако совпаденіе!—удивился издатель. Онъ
 ирасно силился припомнить, гдѣ и когда видѣлъ прежде своего
 бесѣдника.

Какъ только Крессвелль позвонилъ у квартиры № 60 на Гиб-
 тарской площади, ему тотчасъ отворила дверь прехорошенькая
 ричная въ миткалевоиъ передникѣ. Ея волосы были повязаны
 лоточкомъ, а въ рукѣ она держала половую щетку.

Крессвелль назвалъ себя и освѣдомился, дома ли мистеръ Пто-
 омей Бакстеръ.

Дѣвушка разсмѣялась и пристально на него поглядѣла, затѣмъ
 оизнесла: .

— Разумѣется, пожалуйста! — она ввела его въ небольшую,
 ромно меблированную комнату, но чистенькую и уютную. — Са-
 тесь, пожалуйста. Мистеръ Бакстеръ сейчасъ къ вамъ выйдетъ,—
 ачала она и скрылась.

Крессвелль, сидя въ ожиданіи мистера Бакстера, дрожалъ отъ
 олненія и гнѣва. Онъ надѣялся, впрочемъ, имѣть настолько само-
 ладанія, чтобы не броситься тотчасъ же на своего грабителя, но
 в былъ, однако, увѣренъ, будетъ ли въ состояніи это исполнить.
 линуту спустя нѣжный голосъ вывелъ его изъ задумчивости.

— Вы мистеръ Крессвелль и желаете видѣть мистера Птоло-
 оея Бакстера?

Въ дверяхъ стояла дѣвушка, та самая, которая ввела его въ
 овану, минусъ миткалевоиъ передникъ, половая щетка и плато-
 текъ.

Граціозная живая фигурка съ темно-каштановыми волосами,
 оветливо зачесанными назадъ; глубокіе темные глаза съ выраже-
 ніемъ пріятливости; ясно очерченныя брови, нѣсколько припод-

нятыя, какъ бы вслѣдствіе изумленія или любопытства; хорошеі ротикъ, углы котораго изрѣдка вздрагивали, отчего каждыя разъ образовывались двѣ прелестныя ямочки на щекахъ.

— Я... я... — забормоталъ Брессвелль, пораженный видѣніемъ такъ мало соотвѣтствовавшимъ душевному его настроенію.

— Я именно та самая знаменитость, о которой вы спрашивали, — промолвила дѣвушка съ кокетливою улыбкой. — Ваше желаніе исполнено.

Брессвелль положительно былъ не въ состояніи перенести свою ненависть на эту симпатичную дѣвушку.

Человѣкъ, многіе годы прожившій въ женскаго общества, отчасти уже отъ него отвыкшій, невольно чувствуетъ къ женщинамъ какое-то особенное уваженіе. Образъ хорошенькой и симпатичной дѣвушки для него то же, что видъ посланца изъ иного, лучшаго міра, нежели тотъ, въ которомъ онъ живетъ.

Восторгъ, удивленіе, внезапное сознаніе собственнаго ничтожества и невозможность собрать свои мысли воедино — все это случилось въ его головѣ, — что же удивительнаго, что онъ совершенно потерялъ подъ собою почву. Онъ отъ души пожалѣлъ, что не найдется въ эту минуту среди воинственныхъ Сіу, гдѣ хотя бы и менѣе дружелюбно принять, за то чувствовалъ бы себя болѣе достойнымъ и зналъ, по крайней мѣрѣ, что предпринять. Онъ стоялъ смущенный, не будучи въ силахъ произнести ни слова, и бронзовое лицо покрылось яркимъ румянцемъ стыда.

Хищникъ глядѣлъ на него съ недоумѣніемъ.

— Вы, кажется, явились по дѣлу, мистеръ Брессвелль? Чемъ же вамъ угодно?

Несчастный Брессвелль! Онъ рѣшительно не имѣлъ силы начать разговоръ, ради котораго пришелъ. Не могъ онъ также придумать подходящаго предлога для бѣгства или извиненія. Онъ въ немощномъ положеніи опустился въ кресло и безпомощно смотрѣлъ на дѣвушку, которая почувствовала себя неловко отъ его взгляда. Тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ сидѣть и глядѣть.

Исполненіе невозможнаго, когда того требуютъ обстоятельства, входитъ въ число обязанностей, налагаемыхъ «дядей Самою» на своихъ племянниковъ. Вѣроятноже всего, что эта-то воинская дрессировка и помогла Брессвеллю выпутаться изъ затрудненія, внушивъ ему эту блестящую идею. Онъ примется хвалить произведеніе юной писательницы и посмотритъ, какъ она къ этому отнесется.

— Я и не воображалъ, — началъ онъ, — что книга, доставившая мнѣ столько наслажденія, была написана женщиной. Повѣсть

эта мнѣ до того понравилась, что у меня явилось непреодолимое желаніе познакомиться съ авторомъ. Вотъ причина, вслѣдствіе которой я рѣшился поблагодарить васъ лично за тѣ часы удовольствія, которые вы мнѣ доставили вашимъ произведеніемъ.

— Это очень мило съ вашей стороны, — отвѣчала дѣвушка, опустивъ глаза и теребя оборку кресла. — Я очень рада, если изданіе этой книги могло доставить кому-либо удовольствіе.

«У нея есть совѣсть!» — подумалъ Брессвелль и тутъ же рѣшилъ продолжать опытъ.

— Какое это благородное произведеніе! — воскликнулъ онъ горячо. — И какое удовольствіе вы должны были испытывать въ то время, когда его писали!

Она закусила губу и холодно отвѣчала:

— Мнѣ кажется, я не заслуживаю столькохъ похвалъ за благородное произведеніе. То, что я сдѣлала — было сдѣлано исключительно ради денегъ и вслѣдствіе нужды.

— Я боюсь, не слишкомъ ли было опрометчиво съ моей стороны явиться къ вамъ, мисс... теръ Бакстеръ, — произнесъ онъ, — простите, если такъ. Я дѣйствовалъ по влеченію сердца, и если пришелъ сюда, то единственно, чтобы выразить искреннюю благодарность писателю, слова и мысли котораго воскресили мой упавшій духъ въ одинокомъ захолустьи, подарили мнѣ много свѣтлыхъ минутъ и принесли мнѣ больше пользы и добра, чѣмъ это можетъ быть выражено словами.

Онъ говорилъ такъ, какъ будто все это перечувствовалъ.

На глазахъ дѣвушки навернулись слезы, и выраженіе лица ея вдругъ сдѣлалось печальнымъ. Для истинно-доброй женщины пріятнѣе всего сознаніе о добромъ поступкѣ, совершенномъ по отношенію къ человѣку, дѣйствительно нуждавшемуся въ томъ, и ей захотѣлось заслужить хотя бы частью право на эту похвалу. Она обладала мягкимъ и нѣжнымъ сердцемъ и, чувствуя себя виновной въ присвоеніи чужой собственности, не рѣшалась принять всецѣло на свой счетъ благодарность, ей не принадлежащую.

Она нѣсколько времени молчала, а затѣмъ произнесла:

— Мистеръ Брессвелль, мы оба стоимъ на ложной почвѣ, и на мнѣ лежитъ обязанность разъяснить недоразумѣніе. Вы благодарили не того, кого слѣдуетъ. Не я сочинила книгу *Слезни и утки*. Говоря по совѣсти, я и сама не знаю кто. Кто-то былъ настолько глупъ, что озаглавилъ книгу *Герцоги и герцогини*. Я нашла рукопись наверху въ одномъ изъ ящичковъ стариннаго комода. Она поклалась тамъ, по всей вѣроятности, уже не мало времени, по край-

ней мѣрѣ жильцы, занимавшіе до насъ эту квартиру, ровно ничего о ней не знали. По почерку можно было думать, что рукопись принадлежит какой-нибудь дѣвчонкѣ, посѣщающей школу. Ни имени, ни фамиліи не стояло. Очевидно, рукопись была заброшена, а мы въ это время сильно нуждались въ деньгахъ; я рѣшилась переписать рукопись и снести ее къ издателю. Конечно, я должна была ему тогда же все и объяснить. Если когда-либо появится настоящій авторъ, то, конечно, получить и славу, и всѣ свои права. Но пока я намѣрена скрыть это обстоятельство, такъ какъ пишу свое собственное произведеніе. Ну, вотъ и все. Я не вынесла вашихъ похвалъ, мистеръ Брессвелль, и вынуждена была во всемъ сознаться, и теперь мнѣ какъ-то легче на душѣ. Да, мама! Такъ гораздо лучше! — прибавила она весело, услыхавъ сверху брюзгливый и недовольный голосъ, сопровождаемый нервнымъ постукиваньемъ по полу. — Вы меня извините, мистеръ Брессвелль. Моя мать болѣзненная старушка и постоянно нуждается въ моей помощи. Очень рада вашему приходу. Надѣюсь, вы когда-нибудь найдете истиннаго автора, котораго и поблагодарите тогда за книгу. Прощайте!

Съ этими словами хищникъ исчезъ.

Внѣ себя отъ изумленія, Брессвелль вышелъ на улицу. Когда онъ, наконецъ, собрался съ мыслями, то, къ великому недоумѣнію прохожихъ, сталъ облегчать свои чувства весьма странными восклицаніями. «Селезни, утки, герцоги и герцогини, чтобъ васъ!...» — и затѣмъ прибавилъ совершенно уже непослѣдовательно: — А интересно бы знать, кто она такая?»

Издатель сидѣлъ въ своемъ покойномъ креслѣ и велъ бесѣду съ хищникомъ.

— Бстати, добился ли свиданія съ вами тотъ господинъ, что недавно справлялся у меня о томъ, гдѣ вы живете, миссъ Гленъ. Кажется, это было въ среду? — спросилъ онъ.

— Господинъ?

— Да, высокой брюнетъ свирѣпаго вида, желавшій имѣть адресъ мистера Багстера, который я ему и сообщилъ.

— Вы говорите объ оригиналѣ Брессвелль?

— Гм... — воскликнулъ издатель съ видомъ человѣка, силищагося что-то припомнить. — Да, именно такъ. Я въ этомъ теперь вполне убѣжденъ. Знаете ли вы, что со дня его прихода я все старался привести себѣ на память, кто онъ такой?

— Ну, кто же онъ такой? Что онъ изъ себя представляетъ?

— Онъ—господинъ, который нѣкогда носилъ ко мнѣ повѣсти, назначавшіяся къ напечатанію. И что это были за негодныя повѣсти! Затѣмъ, къ великому моему удовольствію, онъ вдругъ уезъ. Онъ мнѣ говорилъ когда-то, что живетъ на Гибралтарской площади въ № 60, изъ чего я заключаю, что эта мѣстность изобилуетъ писателями всевозможныхъ достоинствъ. Мнѣ кажется, вѣсь Гленъ, что онъ просто хотѣлъ навязаться къ вамъ въ коміюны, во-первыхъ, какъ прежній обитатель вашей квартиры, а вторыхъ, какъ собратъ по перу и черниламъ. Можетъ быть, вамъ даже намѣреніе просить васъ просмотрѣть его рукописи и сообщить секретъ вашего успѣха.

Въ эту минуту издателя поразило выраженіе лица хищника и въ послѣдствіи прибавить:

— Извините, миссъ Гленъ. Я думалъ, что вы незнакомы съ покойномъ Брессвеллемъ. Можетъ быть, онъ вашъ близкій другъ?

— Да,— промолвила она серьезно,— онъ одинъ изъ самыхъ близкихъ моихъ друзей на свѣтѣ!

Ей все стало ясно теперь. Брессвелль потерялъ рукопись, пришелъ заявить о своихъ правахъ и, выслушавъ ея исторію, удавшись, ничего не объяснивъ.

Имѣя въ высшей степени отзывчивую душу, она собралась бы уже рассказать все въ подробности издателю и тѣмъ воздать должное Брессвеллю за его трудъ и за его деликатность. Но, будучи въ то же время достаточно разсудительной, она рѣшила принять его беззастѣнчивость въ томъ смыслѣ, какъ она ей была предложена, т. е. въ смыслѣ дать ей возможность воспользоваться составленнымъ ею именемъ, а затѣмъ уже, если ея собственное сочиненіе будетъ имѣть успѣхъ, объявить обо всемъ во всеобщее свѣдѣніе.

Немалое безпокойство для миссъ Гленъ составляло то, что она имѣла никакой возможности увѣдомить Брессвелля, до какой степени она ему была благодарна. Она не разъ вспоминала о немъ. Мужественное лицо постоянно представлялось ей воображенію.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и она не только ни разу не встрѣтилась съ нимъ, но даже и не слыхала о немъ.

Она часто задавала себѣ вопросъ, какого онъ мнѣнія относительно ея литературнаго воровства, и каждый разъ принуждена была съ грустью сознаваться, что онъ навѣрное ее презираетъ. Но, вспоминая въ то же время его съ ней обращеніе, она мысленно спрашивала, что не наоборотъ ли? Безъ сомнѣнія, ей было бы весьма радно узнать, что Брессвелль въ это самое время не иначе вспо-

миналъ о *Селезняхъ и уткахъ*, какъ съ надеждою на то, что «писатель», какъ онъ ее называлъ, будетъ имѣть успѣхъ отъ наденія уже своего собственнаго произведенія и что онъ тогда воспользуется случаемъ поздравить ее, высказавъ при этомъ чувства своей ей симпатіи, и постарается узнать ее покороче.

Она ему нравилась, и въ этомъ не было ничего удивительнаго.

Во-первыхъ, всякій, видѣвшій ее хоть разъ, становился у нее вълюбленнымъ. Во-вторыхъ, по отношенію къ нему она имѣла преимущество быть первой хорошенькой женщиной, которую онъ встрѣтилъ послѣ долгаго одиночества; послѣдующія же занятія не дали ему времени попасть въ сѣти какой-либо другой. Наконецъ онъ сознавалъ, что имѣетъ на нее нѣкоторыя права, какъ авторъ произведенія, изданнаго подъ псевдонимомъ Бакстера. Проступленіе, покарать которое онъ явился изъ-за тысячи миль, теперь казалось ему милой шуткой, и онъ радовался тому, какъ легко скрылъ отъ нея тайну.

Въ поискахъ за работой Крессвелль набрелъ на компанію цѣлью которой было орошеніе и разработка мѣстности, знакомою ему по одному изъ индѣйскихъ походовъ. Его знаніе, опытность и энергія оказались весьма полезными для компаніи и дали ему возможность составить себѣ небольшое состояніе. Въ одинъ прекрасный день онъ взялъ у компаніи отпускъ и предпринялъ путешествіе въ Восточные штаты, причемъ цѣлью его было то же, что и въ первый разъ, а именно—желаніе изловить хищника.

Миссъ Нелли Гленъ успѣла уже издать свое собственное произведеніе, и общее убѣжденіе было таково, что талантъ Птолемея Бакстера сильно возросъ. Это обстоятельство дало ей возможность поселиться съ матерью (наперекоръ желанію этого деспота-страдальца, утверждавшаго, что она слишкомъ стара, чтобы жить въ глуши) въ маленькой уютной дачкѣ съ верандой, садикомъ, фруктовыми деревьями, сиренью и прочими загородными прелестями.

Однажды въ знойную полуденную пору она дремала, лежа въ гамакѣ, растянутаго между деревьями, какъ вдругъ была разбужена звукомъ пилы; высочивъ изъ гамака, она подошла къ сложеннымъ невдалекѣ дровамъ, съ цѣлью узнать, кто это пилитъ.

— Какъ вы поживаете, миссъ Гленъ?

— Неужели это вы, мистеръ Крессвелль?

— Я желалъ повидаться съ вами, а до тѣхъ поръ рѣшилъ провести съ пользой время, пока вы проснетесь!—отвѣчалъ онъ.

Обоими овладѣло смущеніе, и они молча глядѣли другъ на друга. Крессвелль нервно шарилъ въ карманахъ, какъ будто надѣясь

найти тамъ даръ слова, который внезапно потерялъ. Наконецъ, онъ овладѣлъ собою.

— Я... я... рѣшился явиться къ вамъ, миссъ Гленъ, чтобы сообщить новость, которая навѣрное васъ заинтересуетъ. Я узналъ подробности объ авторѣ *Селезней и утокъ*. Я съ нимъ даже недавно познакомился. Онъ хохоталъ; хохоталъ страшно, когда я рассказалъ ему, что повѣсть его напечатана. Поглядѣли бы вы на него, когда онъ хохоталъ! При этомъ онъ опасался, не подъ его ли фамиліей напечатана повѣсть, ибо у него были на то особенныя причины. Онъ прибавилъ, что очень доволенъ тому, что нашелся человекъ, давшій ей свое имя, и безпокоился только, не вызвало ли это съ вашей стороны хлопотъ. Вскорѣ затѣмъ онъ умеръ безъ завѣщанія, не оставивъ родныхъ.

Брессвелль, выдумавшій эту исторію, чтобы успокоить хищника, проговорилъ все сказанное однимъ духомъ съ видомъ школьника, вытвердившаго урокъ.

— А скажите, мистеръ Брессвелль, что это очень мучительно?—равнодушно обратилась къ нему дѣвушка.

— То-есть, что же именно?

— Да умирать безъ завѣщанія,—отвѣчала она, пристально глядя на него.—Неужели вы думаете, я не знаю, что книгу эту написали вы?

— Изъ чего же вы это заключаете, миссъ Гленъ?

— Я въ этомъ увѣрена. Какъ только вы заговорили о смерти писателя, мнѣ тотчасъ припомнился тотъ прелестный стиль, который отличаетъ повѣсть.

— Но миссъ Гленъ...

— А теперь, мистеръ Брессвелль, я рада случаю высказать, что ваша рукопись въ свое время спасла мою мать и меня отъ нищеты и помогла намъ выбраться изъ очень тяжелаго положенія. Я намѣрена вскорѣ признать печатно ваши авторскія права и возвратить вамъ, какъ можно скорѣе, доходъ отъ изданія, который, къ слову сказать, очень не великъ.

— Ради Бога не дѣлайте этого!—возразилъ Брессвелль:—Вы меня погубите. Вообразите только мое положеніе, если въ мои годы меня назовутъ многообѣщающимъ юнымъ писателемъ! Я потеряю мѣсто. Моя компанія ни за что болѣе меня держать не станетъ. Я рѣшительно не могу на это согласиться.

— Вы должны непремѣнно!—отвѣчала она.—Къ тому же это произведетъ извѣстную сенсацію въ публикѣ,—сенсацію, которой

я и воспользуюсь при изданіи слѣдующаго моего произведенія. Наконецъ, это моя обязанность.

— А сколько вамъ понадобится времени на окончаніе новой повѣсти?

— По всей вѣроятности, около четырехъ или пяти мѣсяцевъ.

Онъ замѣтно просіялъ.

— Хорошо, миссъ Гленъ, но только пожалуйста дайте мнѣ объ этомъ знать еще до выхода повѣсти и помните, что я на ваше предложеніе не согласенъ.

— Я общаю, мистеръ Крессвелль, предупредить васъ заблаговременно.

Въ теченіе послѣдующихъ четырехъ или пяти мѣсяцевъ тѣмъ умершаго безъ завѣщанія автора *Селезней и утокъ* преслѣдован хищника, что, какъ извѣстно, рѣдко кому изъ хищниковъ выпадаетъ на долю. Миссъ Гленъ привязывалась къ этой тѣни все болѣе и болѣе. Даже мистрисъ Гленъ (изъ принципа отвергавшая какія-либо достоинства у мужчинъ) однажды до того забылась, что обмолвилась о мистерѣ Крессвеллѣ, какъ о достойномъ въ своемъ родѣ молодомъ человѣкѣ.

А онъ снова пустился въ свой далекій Западъ, откуда сталъ доходить иногда до миссъ Гленъ письма, слогомъ напоминавшіе первую повѣсть Птолемея Бакстера.

Однажды вечеромъ Крессвелль появился въ саду знакомой ужъ намъ дачи и нашелъ миссъ Гленъ одиноко сидящей на верандѣ. Онъ показался ей на этотъ разъ необыкновенно страннымъ. Онъ имѣлъ видъ разстроенный; такимъ она еще никогда его не видала.

Онъ быстро поднялся на лѣсенку, холодно произнесъ: «добрый вечеръ», сухо замѣтилъ ей, что впервые дѣла общества позволили ему отлучиться на нѣсколько дней для собственныхъ надобностей.

— А теперь,—промолвилъ онъ,—мнѣ бы хотѣлось сдѣлать вамъ одно предложеніе, которое благополучно разрѣшить затрудненіе, возникшее у насъ по поводу *Селезней и утокъ*, по крайней мѣрѣ, относительно меня.

— А относительно меня?—спросила дѣвушка, раздосадованная интонаціей его голоса.

— Насчетъ этого я не вполне увѣренъ. Все зависитъ отъ того, какъ вы взглянете на мое предложеніе. Ваша третья повѣсть готова?

— Да, моя вторая повѣсть окончена.

— А хорошо она написана?

— Я думаю, она лучшая изъ всего того, что я могла бы написать.

— Издайте ее подъ моей фамиліей. И мы будемъ квиты.

Она съ ужасомъ посмотрѣла на него.

— Совершенно серьезно.

Бѣдная Нелли! Ея послѣдняя повѣсть была предметомъ ея гордости. Какъ это безумно и какъ жестоко съ его стороны! Но въ концѣ-концовъ онъ требуетъ отъ нея такой же жертвы, какою и она воспользовалась въ свое время отъ него. Она знала, что *Селзни и утки* составляли для него то же, что нынѣшнее ея произведеніе составляетъ для нея. Она сознавала, что не имѣетъ права отказать ему въ этой просьбѣ, такъ какъ сама получила отъ него все, что имѣла. А, между тѣмъ, какъ это низко съ его стороны пользоваться своимъ правомъ для какого то жалкаго мщенія. Это было такъ мелко. Ей тотчасъ же ясно представилось, что больнѣ всего для нея въ настоящемъ случаѣ то, что она разочаровалась въ этомъ человѣкѣ!

Но она не могла отказать.

— Разумѣется, — проговорила она, наконецъ, — если вы этого желаете.

— Нелли! — воскликнулъ онъ, внезапно перемѣняя свой дѣловой тонъ на болѣе нѣжный, — я счастливѣйшій изъ смертныхъ!

Онъ взялъ ее за руку.

Она отшатнулась отъ него, изумленная и негодующая.

— Что съ вами?.. Вы, кажется, забываетесь, сударь!

— Какъ! Вѣдь, вы же сказали, что намѣрены издать повѣсть подъ моей фамиліей? — замѣтилъ онъ вкрадчиво.

— Ну, да, такъ что-жъ изъ этого? (удивительно сколько оскорбленнаго величія можетъ вмѣститься въ нѣжномъ существѣ пяти съ половиною футовъ роста).

— Да, вѣдь, я радуюсь этому, какъ предварительной ступени къ послѣдующей моей просьбѣ. Развѣ вы не догадываетесь, что для того, чтобъ издать повѣсть подъ моей фамиліей...

— О! — воскликнула Нелли. А такъ какъ у нея было достаточно времени, чтобъ обсудить свое положеніе, то она ему и не препятствовала продолжать радоваться.

— Я осуществилъ мечту своей юности и добился, наконецъ, того, что имя мое, какъ автора, красуется на заглавной страницѣ книги! — воскликнулъ онъ однажды, показывая книгу пріятелю.

— Однако, — замѣтилъ пріятель (человѣкъ практичный) — передъ фамиліей стоитъ, кажется, слово «мистрисъ».

— Это-то и составляетъ мое счастье! — отвѣчалъ Крессвелль.

Н. Б.

Прометей.

(Изъ Гёте.)

Закрой, Зевесъ, парами облаковъ
Твое разгнѣванное небо
И забавляйся, какъ мальчишка,
Сбивающій головки у волццовъ,
Громи дубы и горныя вершины;
Моя земля
Останется за мной,
И хижина, что создалъ я, не ты,
И мой очагъ,
Чей жгучій пламень
Въ тебѣ тревожить зависть.

Не знаю я подъ солнцемъ ничего
Ничтожнѣй васъ, боговъ!
Дыханіемъ молитвъ
И данью жертвъ
Свое величіе питаете вы скудно,
И умерли бы вы,
Когда бы нищіе и дѣти
Въ себѣ не тѣшили безсмысленныхъ надеждъ.

Когда я былъ ребенкомъ,
Когда кругомъ не видѣлъ ясно ничего,
Тогда, въ безсиліи, блуждающіе взоры
Я къ солнцу устремлялъ,
Какъ будто тамъ, вверху,
Былъ чей-то слухъ, чтобъ внять моимъ мольбамъ,

И чье-то сердце, какъ мое,
Горѣло жалостью, тоскуя съ огорченнымъ.

Кто мнѣ помогъ
Въ борьбѣ съ надменностью титановъ?
Кто спасъ меня отъ смерти,
Спасъ отъ рабства?
Не ты ли все само свершило,
Священнымъ пламенемъ пылающее сердце?
И благодарностью напрасной
Не ты ли, юное, горѣло
Тому, кто дремлетъ въ небесахъ?

Мнѣ чтить тебя? За что?
Уладилъ ли ты скорби
Утомленного?
Осушилъ ли ты слезы
Огорченного?
И развѣ меня
Не создало мужемъ
Всесильное время
И судьба довременная,
Мои и твои повелители?

Не мнилъ ли ты, что я
Возненавижу жизнь,
Бѣгу въ пустыни,
Увидя, что не всѣ исполнились надежды,
Не всѣ мечты цвѣтами расцвѣли?
Я здѣсь сижу,
Творю людей
Подобныхъ мнѣ,
Я здѣсь творю иное поколѣнье,
Что будетъ плавать и томиться,
И лиговать и бурно наслаждаться,
И презирать тебя,
Какъ я!

Н. Бальмонтъ.

МЕЛОЧИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Благоприятный исходъ.

Цыра Вадавъ.

— Итакъ, что же дальше, дорогой Морисъ?

— Дальше несносная женщина не стала скрываться, и въ одинъ прекрасный день мой другъ встрѣтилъ ее въ театрѣ съ другими: она нарочно очень мило и любовно говорила съ своимъ кавалеромъ, прижимаясь къ нему, смотрѣла на него нѣжными глазами... своими огромными глазами, которые такъ и просятся къ вамъ въ душу... и... другъ мой страшно огорчился.

— Ты продолжаешь настаивать, что этотъ другъ не мой дорогой Морисъ?

— Да, мама.

— Вѣрно?

— Совершенно.

— Какъ поступилъ бы ты, еслибъ женщина сдѣлала тебя несчастнымъ?

— Право, не знаю.

— О, тебя-то будутъ любить!

— Мапочка, ты говоришь о томъ, чего не знаешь!

— Тебя-то?! Я въ этомъ увѣрена! Съ такою милою, ласковою мордочкой, съ такими плутовскими блестящими глазами. Впрочемъ, меня это не касается, но я готова держать пари, что ты угъ по этой части кое-что смыслишь.

— Нѣтъ, мама.

— Нѣтъ? Вотъ какъ!

— Я былъ влюбленъ только одинъ разъ...

— Въ кого? Я ее знаю?

— О, нѣтъ!

— Какъ неприятно, что я не могу говорить съ тобой обо всемъ.

Можетъ быть, я могла бы дать тебѣ полезный совѣтъ! Но о такихъ дѣлахъ сыновья охотибѣ говорить съ отцомъ, чѣмъ съ матерью; и не понимаю, почему? Мы могли бы имъ быть также полезны!

М-ше Ритуре чинно сидитъ въ высокомъ креслѣ, положивъ руку на голову сына, который примостился на подушкѣ у ея ногъ. Онъ не видитъ лица матери, а она съ улыбкой недовѣрія слушаетъ его увѣренія въ невѣдѣніи, вполне убѣжденная, что у него не будетъ недостатка въ поклонницахъ. Тысячи мыслей осаждаютъ ее, но одна возвращается особенно навязчиво и упорно: «Счастлива та женщина, которую мой сынъ полюбитъ!» Она упрекаетъ себя за такия мысли, которыя, въ стыду ея, навѣяны пробужденіемъ въ глубинѣ души чего-то специально женскаго, въ чемъ ей не хочется сознаться. М-ше Ритуре красивая, немного полная брюнетка, съ тонкою округлою таліей, которою она гордится. У нея черные бархатистые глаза, маленькій прямой носъ и смѣющийся цвѣтуцій ротъ. Ей тридцать восемь лѣтъ. Морису девятнадцать; еслибъ около м-ше Ритуре не было взрослого сына, она смѣло могла бы отбросить пять-шесть лѣтъ. Походка у нея совсѣмъ молодая, и одѣвается она прелестно. Ея быстрый игривый умъ полонъ наивности и невѣдѣнія, что часто встрѣчается у женщинъ, мужа которыхъ гораздо старше ихъ. Жюли Ритуре вполне честная женщина и съ момента рожденія Мориса жила исключительно восторженными, можетъ быть, черезчуръ нервнымъ обожаніемъ ребенка.

Дверь гостиной отворилась и въ ней показался Жанъ Ритуре.

— Здравствуй, папа!

— Сидите себѣ!

— Развѣ ты не зайдешь?—спросила м-ше Ритуре.

— Потомъ! Я пойду раздѣться.

Онъ съ улыбкой смотритъ на нѣжную картину, затѣмъ идетъ къ себѣ. Тамъ лицо его омрачается; онъ почти съ сердцемъ снимаетъ пальто и шляпу.

— Какъ она красива... и молода! Всякій приметъ ее скорѣе за старшую сестру Мориса!

Но м-г Ритуре вполне порядочный человѣкъ. Онъ встряхиваетъ головой, точно желаетъ выкинуть всѣ опасенія, и, запустивъ руку въ густую шапку сѣдыхъ волосъ, бормочетъ:

— Ну, что-жъ, какъ можно больше доброты... и осторожности.

Жану Ритуре шестьдесятъ; въ сорокъ лѣтъ онъ женился на очаровательной восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ, Жюли Худето, сиротѣ и безприданницѣ. Вышла прекрасная семья. Морисъ родился ровно черезъ годъ послѣ свадьбы, и Жюли считала себя счастливѣйшею изъ женщинъ. Мужъ, ведя торговлю желѣзомъ, нажилъ понемногу большое состояніе. Въ настоящее время финансовый вопросъ не беспокоилъ его; но за то все чаще и чаще появлялась мысль о годахъ, особенно при видѣ зрѣлой красоты и молодости жены, у которой съ нѣкоторыхъ поръ появилась жажда дѣятельности, желаніе на что-нибудь расходовать свои силы.

Можетъ быть, онъ ревновалъ?—Нѣтъ. Онъ отлично, насквозь видѣлъ сердце жены; наконецъ, Ритуре не былъ глупъ и понималъ, что ревность приходитъ или слишкомъ рано, что опасно, или слишкомъ поздно, что... слишкомъ поздно! Тѣмъ не менѣе, онъ былъ озабоченъ и готовъ принять всякія предосторожности. Самое опасное время миновало; Жюли приближалась къ сорока годамъ; смѣшно было бы теперь наткнуться на препятствіе. Надо было предусмотрѣть его и устранить. До сихъ поръ лучшимъ средствомъ былъ Морисъ. Пока онъ росъ, м-ше Ритуре была занята исключительно имъ. Она сама за нимъ ходила и съ какимъ строгимъ педантизмомъ, съ какою радостною готовностью! Безконечныя игры съ ребенкомъ, веселый смѣхъ и восторги матери поглощали все время. Въ рѣдкія минуты, когда Жюли оставалась вдвоемъ съ мужемъ, она рассказывала ему о Морисѣ. «Какъ онъ уменъ и красивъ! И какой тяжелый: она съ трудомъ подымаетъ его! Иной разъ являлось безпокойство о здоровьѣ ребенка. Но Ритуре своимъ добрымъ, внушающимъ довѣріе голосомъ умѣлъ прогнать всѣ опасенія. По мѣрѣ того, какъ Морисъ росъ, являлись заботы о воспитаніи. Жюли была его первымъ учителемъ. Она взяла на себя музыку; выучилась латыни, немного по-гречески, химіи, физикѣ, чтобъ имѣть возможность слѣдить за уроками сына. Она становилась его другомъ, лучшимъ веселымъ товарищемъ; часто сама удивлялась, что маленькій человѣчекъ уже серьезно ведетъ ее подъ руку. Ритуре былъ покоенъ. Теперь все должно было измѣниться. Морисъ началъ жить своей жизнью. У него завелись друзья. Онъ цѣлыми днями пропадалъ изъ дому, увлекаясь велосипедомъ или другими удовольствіями. Жюли была слишкомъ умна, чтобы стать эгоисткой. Она, въ свою очередь, заняла въ обществѣ принадлежащее ей по праву мѣсто красивой, богатой, привлекательной женщины, которую окружаетъ толпа поклонниковъ. Она дѣлала визиты, ѣздила

ко портнихамъ, посѣщала выставки, свѣтскіе five o'clock, благотворительные базары.

Угрожающій флиртъ, тѣмъ болѣе грозный, что непривычная къ нему Жюли не знала его тонкихъ и неуловимыхъ приемовъ, возсталъ передъ глазами Ритуре. И онъ былъ очень неспокоенъ. Но больше всего его страшила дружба съ женщинами; отношенія, въ которыя ему трудно было бы вмѣшаться. Однако, надо было имѣть безпокойный и дурно направленный умъ, чтобъ осуждать невинную болтовню двухъ подругъ. Ритуре убѣжденъ былъ, что въ этомъ главная опасность. Что, если Жюли нападетъ на женщину съ развращеннымъ воображеніемъ, если подружится съ особой, которая, не задумываясь, обманываетъ мужа и находитъ это вполне естественнымъ, а обратное невозможнымъ?

Сначала пойдутъ подтруниванія надъ щепетильностью честныхъ женщинъ, затѣмъ восхваленіе случайныхъ удовольствій, смущающій примѣръ и, наконецъ, развращающіе совѣты. Наивность утрачена, стыдливость убавкана, а взамѣнъ всего приобрѣтена привычка думать въ извѣстномъ направленіи, — достаточно одного соблазна, минуты увлеченія, и граница перейдена.

Бъ великому огорченію Ритуре, за послѣднее время Жюли близко сошлась съ молодой женщиной, которую торговецъ желѣзомъ съ удовольствіемъ отправилъ бы во всѣмъ чертямъ.

«Преместная фигурка изъ саксонскаго фарфора», — такъ принято было характеризовать Жермену Депреоль. И, дѣйствительно, было сходство. Молоденькая, недавно вышедшая замужъ за хлѣбнаго торговца, который находился постоянно въ разъѣздахъ, она порхала изъ салона въ салонъ, всюду показывая свою нарядную, миниатюрную фигурку. Свѣженькая, розовая блондинка съ плутовскими черными глазками, коралловыми губками, которыя часто складывались въ вызывающую, капризную гримаску. Движенія ея были граціозны, но напоминали мальчишку. За ней всюду слѣдовалъ хвостъ поклонниковъ. Никакихъ опредѣленныхъ сплетенъ на ея счетъ не было; Жермену всѣ считали страстной любительницей флирта, но до сихъ поръ никому изъ своей свиты она не отдавала предпочтенія. Въ буржуазной средѣ она вредила себѣ слишкомъ вольными разговорами, смѣлыми теоріями и своеобразными взглядами. Это была блестящая пикантная женщина, полная противорѣчій, но интересная, которой можно было все сказать, рискуя обидѣть скорѣе недостаткомъ остроумія, чѣмъ такта. Скептицизмъ позволялъ ей много вольностей, которыя нравились окружающимъ и которыя она доводила иногда до крайнихъ предѣловъ.

Установленные учреждения не пользовались ей уваженіемъ: браки она язвила злыми шутками и уничтожала насмѣшками; что касается любви, Жермена отъ нея отказывалась, заявляя, что гораздо умнѣе обходиться безъ нея: такъ удобнѣе и легче оставаться добрыми друзьями. Люди, смотрящіе серьезно на вещи, возбуждали въ ней ужасъ. Въ любовныхъ дѣлахъ она признавала вполнѣ допустимыми самыя отчаянныя безразсудства. Однажды ее спросили, какъ поживаетъ одна изъ ея подругъ.

— У нея большая неприятность, — отвѣтила Жермена.

— Что такое?

— А вотъ что. Представьте себѣ, что во вторникъ, уходя отъ Дюфришъ, бѣдняжка позволила Марселю Мюнделла проводить себя въ каретѣ и въ передрыгѣ потеряла брилліантовый гребень. Пятнадцать тысячъ франковъ по меньшей мѣрѣ!

Понятно, что слово «передрыга» облетѣло все салоны. Въ другой разъ, придя по дѣламъ въ судъ, она встрѣтила тамъ пріятеля своего мужа, который съ озабоченнымъ видомъ прохаживался подъ руку съ адвокатомъ.

— У васъ серьезный процессъ? — спросила м-ше Депреоль.

— Я сужусь съ женой. Засталъ ее на мѣстѣ преступленія.

Жермена окинула его презрительнымъ взоромъ и бросила въ сторону изумленного адвоката: «милоостивый государь, если мужъ замѣчаетъ подобныя вещи, значить онъ больше не любитъ жену!»

Итакъ, Жермена Депреоль сдружилась съ м-ше Ритуре и почти не повидала ее.

Жюли, благодаря природной мягкости, скоро поддалась ей. Жермена относилась къ новой подругѣ какъ къ старшей сестрѣ: няжила ее, обвужала тысячею заботъ, выставляла на показъ, гордясь дружбой съ такой прелестной женщиной, которая своими сдержанными манерами представляла съ ней рѣзкій контрастъ. Но она ее и поучала, желая видѣть болѣе веселой, экспансивной и самостоятельной.

— Мнѣ никогда не удастся сдѣлать изъ васъ такую сумасшедшую, какъ я сама; но хорошо было бы стряхнуть съ васъ чрезмѣрную положительность, которая такъ вредитъ живости ума. Ну — съ, милая мамочка, сынъ не держится больше за ваши юбки; позвольте мнѣ расправить ихъ элегантными складками, какъ подобаетъ моему прелестному другу!

И пошли выдумки. Выборъ туалетовъ и украшеній, которые и правда дѣлали Жюли привлекательнѣе и заманчивѣе. Жермена приходила въ восторгъ. Въ то же время взгляды м-ше Ритуре эманси-

провались. Умъ ея обаялся глубинъ и оригинальнымъ, обнаружилъ много неожиданнаго остроумія и игривости. Довольная успѣомъ, она бросила сдержанность. Прежде, поглощенная заботами о мнѣ, она шла прямою дорогой, яснымъ взоромъ глядя на тѣхъ, оторыя, увлекаясь вихремъ жизни, знали только полуобязанности. Но теперь она занимала мѣсто среди самыхъ львицъ. У нея была вѣта: вообще, мужчины извѣстнаго возраста, опасные своей пытностію, любители остроумной болтовни, цѣнили ея изысканныя манеры и умъ и, имѣя много досугу, часто попадались ей на глаза.

Шагъ за шагомъ опасенія Ритуре принимали реальныя формы. Умъ ясно отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что творилось съ его женой, и справедливо обвинялъ Жермену Дебреоль.

Сначала онъ думалъ порвать съ молодой женщиной всякія сношенія; для этого можно было найти тысячу причинъ: слишкомъ кривая эксцентричность Жермены, то, что мужъ ея девять мѣсяцевъ въ году проводитъ въ путешествіи по Египту и Персіи, какъ что въ сущности м-ше Дебреоль можно считать одинокой женщиной. Жюли не стала бы возражать. Но, вѣдь, это деспотизмъ!

Однажды, когда, несмотря на свою сдержанность, Ритуре увлекся слишкомъ рѣзкимъ осужденіемъ новой подруги, Жюли кротко возразила ему: «Неправда, она эксцентрична, но вполнѣ честная женщина! Ея недостатокъ—чрезмѣрное остроуміе. Смѣлыя остроты сыплются у нея противъ воли; ради остраго слова она рискуетъ своей репутаціей. Я знаю ее лучше тебя, она очень хорошая женщина. Да у нея и времени нѣтъ на интриги; она всегда на виду, въ хлопотахъ, занята тысячью разныхъ дѣлъ. А, затѣмъ, посмотри, какъ она меня забавляетъ. Мнѣ съ ней веселѣе живется! Съ тѣхъ поръ, какъ нашъ баловень Морисъ ускользнулъ у меня изъ рукъ, Жермена мѣшаетъ мнѣ сдѣлаться ворчливой тиранкой».

Что возразишь? Все это правда. Жюли весела и, повидимому, счастлива. Имѣетъ ли онъ право мѣшать ея счастью? Жена развлекается, выѣзжаетъ, немного кокетничаетъ. Развѣ она не имѣетъ на это права?

Жюли, все-таки, нѣжная и внимательная мать; удовольствіи занимаютъ второе мѣсто послѣ сына. Она не виновата, что Морисъ не нуждается больше въ заботахъ матери.

Правда также, что м-ше Дебреоль нельзя упрекнуть ни въ чемъ серьезномъ. Ритуре наводилъ справки: нѣсколько безразсудныхъ выходокъ, флиртъ, неумѣренное кокетство и главнымъ образомъ, какъ говорила Жюли, неумѣренныя остроты.

Ритуре предпочелъ бы худшее! Онъ изыскивалъ средство удалитъ Жермену; но несчастіе преслѣдовало его. М-ше Депреоль нашла, что у нихъ прекрасный столъ, и, если была свободна, приходила послѣ визитовъ, къ нимъ обѣдать. За столомъ такъ и взлеталъ цѣлый фейерверкъ парадоксовъ, на которые Жюли отвѣчала съ увлеченіемъ. Несчастный мужъ былъ въ отчаяніи.

— Если я овдовѣю, ни за что не выйду опять замужъ, — заявила однажды вечеромъ Жермена: — слишкомъ много приобрѣтаешь близкихъ людей!

— Бого же это? — спросилъ Ритуре.

— А неизбежные посредники. Знаете ли вы хоть одинъ бракъ, гдѣ не фигурируетъ приторная, услужливая дама, сумѣвшая втереться въ довѣріе невѣсты и вывѣдать отъ нея всѣ тайны? А семьи ужасныя семьи! О, если бы въ бракъ было только двое, она и онъ!

— Положимъ, — сказала м-ше Ритуре смѣясь, — если бы было только онъ и она, дѣло не всегда кончалось бы бракомъ! И это говорила Жюли! Ритуре желалъ бы ей поменьше остроумія.

Въ этотъ день Морисъ не приходилъ къ обѣду и вернулся, нѣсколько смущенный, только къ десяти часамъ. Онъ боялся м-ше Депреоль, которая немилосердно вышучивала его и хотѣла, во что бы то ни стало, добиться отъ молодого человѣка признанія во всѣхъ любовныхъ похожденияхъ. Морисъ конфузился, потуплялъ глаза, но, наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, рѣзко отвѣтилъ: «Чортъ возьми, эта женщина не такъ пикантна, какъ вы! Но, что же дѣлать. Всякій беретъ то, что находитъ!»

Съ приближеніемъ весны опасенія Ритуре усилились. Жюли выѣзжала одна; она замѣтно хорошеѣла красотой вполнѣ распустившагося цвѣтка; Жермена не покидала ее ни на минуту; результатомъ всего этого явился открытый поклонникъ, къ великому смущенію самой м-ше Ритуре. Она сдѣлала ошибку, посвятивъ въ тайну Жермену, которая не могла успокоиться, пока не виѣшалась въ дѣло.

Ритуре не зналъ въ точности, что случилось, но онъ могъ замѣтить возбужденное состояніе Жермены, небольшое смущеніе жены и постоянныя совѣщанія двухъ женщинъ. Онъ не сомнѣвался, что произошло нѣчто новое, но не могъ ничего узнать: его остерегались.

Первой мыслью было, что у м-ше Депреоль завелась интрига. Иначе и быть не могло. Нельзя безнаказанно жить парадоксами, глумиться надъ всѣмъ, что принято честными людьми. Допуская, что до сихъ поръ м-ше Депреоль оставалась безупречно честной,

онъ убѣжденъ былъ, что рано или поздно этому будетъ конецъ. Хотя дѣло касалось только Жермены, тѣмъ не менѣе такая гипотеза ему не улыбалась. Женщина, у которой есть любовникъ, не можетъ быть желательной подругой для другой. Ритуре видѣлъ, какъ грозившая ему опасность все увеличивалась. Но положеніе еще ухудшилось, когда путемъ наблюденій онъ пришелъ къ убѣжденію, что интрига касается его жены. И тысячи фактовъ подтверждали это. Жермена, всегда веселая, изобрѣтательная на удовольствія, оставалась беззаботной. Напротивъ м-ше Ритуре казалась взволнованной, нервной, озабоченной. Наконецъ, всѣ разговоры вертѣлись около одного: говорили о влюбленныхъ, о признаніяхъ въ любви, о флиртѣ, о томъ, какъ мужчины ведутъ себя съ женщинами и какъ женщины должны отвѣчать имъ. Все это говорилось при Ритуре; но насколько свободнѣе должны быть разговоры, когда пріятельницы остаются однѣ!

Жермена классифицировала вздыхателей, давала имъ смѣшныя прозвища, передразнивала ихъ, издѣвалась надъ ними и, наконецъ, успокоивалась на выводѣ, что они исполняютъ назначеніе мужчинъ, что вполне естественно.

— Да, но они несносны, — сказала однажды Жюли. Говорить такъ могла женщина, испытывавшая на себѣ посягательство. И вотъ Ритуре воображаетъ свою жену въ борьбѣ съ какимъ-нибудь смѣлымъ вздыхателемъ. Очевидно, Жюли грозитъ опасность! Онъ убѣжденъ въ этомъ! А м-ше Депреоль находила такое положеніе дѣлъ милымъ и въ высшей степени забавнымъ. Такая сумасбродка и насмѣшница скорѣе способна натолкнуть на опасность, чѣмъ удержать отъ нея. О чемъ говорили онѣ, когда онъ не могъ ихъ слышать? Вѣроятно, обсуждали съ разныхъ сторонъ возможные рѣшенія.

Ритуре ревновалъ. Онъ волновался, поступалъ безтактно, грубо; сдѣлался мрачнымъ, строилъ самыя невѣроятныя предположенія. Онъ не выносилъ Жермены, почти ненавидѣлъ ее. Она одна была виною его страданій. Если бы Жермена не привязалась такъ къ его женѣ, если бы не вынуждала ее вести открытый образъ жизни, если бы не извратила ея взглядовъ своими смѣлыми выводами и разрушающими всѣ принципы идеями, — Жюли, конечно, не встрѣтила бы опаснаго человѣка, не допустила бы его ухаживаній, грозящихъ ей гибелью. Жермена развратила ее. Благодаря ей, испытываетъ онъ гнетущую тоску. Ритуре припоминалъ всѣ жесты Жюли, ея отлучки, слова, взгляды: его мучила жестокая ревность; онъ понималъ это, но не могъ съ собой справиться. Онъ боялся

опоздать и рѣшилъ дѣйствовать. Наступилъ май. Ритуре назначилъ день отъѣзда въ имѣніе.

Жюли тотчасъ же согласилась. Ритуре былъ такъ подозрительнень, что счелъ эту готовность признакомъ нечистой совѣсти, неувѣренностью въ себя. Она, очевидно, торопилась избѣжать опасности. Какова же должна быть опасность!

Онъ подстерегалъ, какъ отразится на лицѣ Жермены извѣстіе о ихъ отъѣздѣ въ деревню; Жермена показалась ему загадочной и замкнутой. Что касается Мориса, онъ сдѣлалъ гримасу: молодой человекъ только-что поставилъ первыя вѣхи любовной интрижки; отъѣздъ разрушалъ всѣ его планы.

Но Ритуре выразилъ рѣшительно свою волю, и семья уѣхала.

Погода стояла исключительно теплая; розы распускались, птицы пѣли; куча дѣлъ въ саду и огородѣ; фантазія Мориса учить мать ѣздѣ на велосипедѣ; тихіе, мирные вечера вокругъ лампы... все это дѣлало жизнь въ деревнѣ прелестной! Жюли въ Парижѣ нервная, безпокойно мечтательная, безъ причины разсѣянная, здѣсь становилась понемногу покойной и веселой. Сынъ не оставлялъ ее ни на минуту. Она была еще такъ хороша, что Морисъ гордился ей, кокетничалъ молодой, интересной мамашей. Ритуре скоро позабылъ всѣ опасенія и рѣшилъ, что деревня имѣетъ много хорошихъ сторонъ.

Было, однако, нѣчто тревожившее его: м-ше Депреоль слишкомъ часто писала Жюли, и Жюли никогда не показывала ему этихъ писемъ. Онъ не зналъ также, отвѣчала ли ей жена. Вѣроятно. О чемъ онѣ переписываются? Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ ихъ интересовать кромѣ поклонника, оставленнаго въ Парижѣ; о немъ, конечно, м-ше Депреоль сообщаетъ самыя точныя свѣдѣнія. Какова дружба! Каково постоянство!

Ритуре старался какъ можно меньше думать объ этой перепискѣ, употребляя всю силу воли, чтобъ убѣдить себя, что въ ней нѣтъ ничего серьезнаго. Однажды случайно, благодаря разсѣянности жены, онъ нашелъ въ гостиной на каминѣ развернутое письмо м-е Депреоль. Надо было обладать нечеловѣческой силой воли, чтобы не поддаться искушенію. Письмо начиналось очень шаблонно, но общій духъ перескакиванья отъ одной мысли къ другой, ироническое освѣщеніе фактовъ, парадоксы оставались тѣ же. Фактъ Жермена переходила къ парижскимъ сплетнямъ, рассказы о одномъ иностранцѣ, которымъ заинтересована м-е de Б... о высокомъ блондинѣ въ стилѣ 1830 г.; оба, очевидно были извѣстны м-е Ритуре, но онъ ихъ совершенно не зналъ. Наконецъ Ри

ре дошелъ до такого мѣста, которое перечелъ нѣсколько разъ: «Что касается Р., онъ повидимому очень огорченъ отъѣздомъ одной особы, къ которой очень неравнодушенъ. Его отчаяніе проявляется съ нѣкоторыхъ поръ въ усиленномъ ухаживаніи за мной. Признаться, я его поощряю! Одно изъ двухъ: или та особа устоитъ въ своемъ вѣстономъ упорствѣ, и я помогу несчастному вздыхателю пережить первыя минуты горя, или, если она окажется менѣ упорной, то, по добротѣ сердечной, я ступуюсь и уступлю ей мѣсто». Ритуре не сомнѣвался, что дѣло идетъ о Жюли. Дальше слѣдовало: «Еслибъ моя подруга еще разъ попросила у меня совѣта, какъ прежде, я затруднилась бы отвѣтить ей. Р. при близкомъ знакомствѣ кажется мнѣ еще лучше и изящнѣе! Боже мой, Боже! Зачѣмъ изъ любви дѣлають важное дѣло? На нее смотреть какъ на что-то серьезное, и понятно, что робкіе умы боятся ея!»

Хорошо еще, что м-е Дюпреоль выдавала Жюли аттестатъ «робаго ума».

Это письмо въ одно время обезпокоило и утѣшило Ритуре. Лучше было знать истину. Теперь его подозрѣнія имѣли реальную почву. Онъ зналъ первую буюву фамиліи того, кто грозилъ опасностью Жюли; при нѣкоторой ловкости можно было узнать полное имя. Затѣмъ онъ былъ убѣжденъ, что у жены дѣло не пошло дальше флирта. М-ше Ритуре оказала, по словамъ пріятельницы, «жестокое упорство». Все-таки былъ выигрышъ. Нагонецъ, поклонникъ не былъ увлеченъ серьезно, такъ какъ ухаживалъ за другой. Но что за нравы, Боже мой! Какое направленіе ума!

Да, онъ не скоро возвратится въ этотъ міръ праздности, франкозовъ всѣхъ возрастовъ, кутилъ всѣхъ сортовъ! Нѣтъ, ни за что! Онъ придумаетъ занятіе въ деревнѣ; хотя бы для того пришлось строить цѣлый заводъ! Но Морисъ начиналъ сильно скучать, и не скрывалъ этого. Что же, его можно отправить одного въ Парижъ! Вотъ и все! Важнѣе всего было прекратить сношенія Жюли съ Керменой.

Нѣкоторое время м-ше Дюпреоль не писала. Все шло прекрасно. Ритуре видѣлъ въ этомъ признакъ утомленія капризнаго ума молодой женщины. Она занялась чѣмъ-нибудь другимъ. Можетъ быть поняла, что не можетъ быть подходящею подругой для Жюли. Ритуре явилась надежда.

Почти всегда случается, что когда несчастіе близко, люди считаютъ себя внѣ опасности.

Сднажды, когда Ритуре спокойно прогуливался по дорогѣ къ станціи, его обогналъ экипажъ, весь загроможденный чемоданами.

Когда они поровнялись, оттуда послышался звонкий, съёмщійся радостный голосъ:

— Здравствуйте, м-г Ритуре! Вы не можете сказать, что я сделала вамъ сюрприза! Пожалуйста, продолжайте прогулку, мы увидимся у васъ.

Онъ стоялъ пригвожденный къ землѣ и не спускалъ глазъ съ округлившей его женщины; она повернула къ нему лицо и показала свѣтлымъ зонтикомъ—это была Жермена: свѣжая, розовая, веселая, утопающая въ безчисленныхъ картонахъ, сундукахъ, пакетахъ. Итакъ, она все-таки настигла его! Это переходило вслѣдъ границы. Его охватила страшная злоба; онъ ускорилъ шагъ и поклялся устроить такую встрѣчу, что гостыя принуждена будетъ немедленно возвратиться въ Парижъ.

Придя домой, Ритуре нашелъ всѣхъ въ веселомъ настроеніи. Жюли нѣжно цѣловала подругу; Морисъ, нагруженный картонами, напѣвая, вбѣгалъ по лѣстницѣ; прислуга для достойнаго приема гостыя приготовила большую комнату въ нижнемъ этажѣ. Пріѣздъ Жермены былъ праздникомъ для всѣхъ, кромѣ ворчуна мужа.

Она принесла съ собой смѣхъ и веселье, что такъ дорого въ деревнѣ.

Что было дѣлать Ритуре? Возможно ли было обойтись невѣдомо или нанести оскорбленіе? Принять дурно м-ше Депреоль равносильно оскорбленію. И онъ спасовалъ,—побоялся показаться смѣшнымъ въ глазахъ жены. Надо было дѣйствовать осторожно. Впрочемъ, дѣло было не къ спѣху и при первомъ удобномъ случаѣ онъ сумѣлъ показать отчаянной кокеткѣ, что ея фокусы ему не по вкусу. Случай не заставилъ себя ждать. Уже на слѣдующій день начали придумывать прогулки. Въ деревнѣ Морисъ былъ всеобщимъ дома; поэтому онъ явился главнымъ организаторомъ всевозможныхъ увеселеній. Одѣтый съ утра въ костюмъ спортсмена: короткіе штаны, бѣлое трико, открывавшее загорѣлую шею и молодые мускулистыя руки, онъ проявлялъ необычайную дѣятельность представлявшую рѣзкій контрастъ съ апатіей послѣднихъ дней. Обѣды проходили весело, оживленно, со смѣхомъ. Жермена сама. Она по-парижски начала свои издѣвательства надъ людьми и ихъ поступками. Морисъ поддерживалъ разговоръ. Жюли улыбалась и несмотря на дурное настроеніе хозяина, молодежь расцвѣтала, обращая на него вниманія.

Ритуре съ горечью почувствовалъ, что былъ неправъ; онъ слишкомъ старъ; вокругъ него ключомъ бьетъ молодая жизнь; ему лучше было бы исчезнуть, бросить борьбу; довѣриться честности

ены, предоставить ей самой бороться съ увлеченіями и не поддаваться легкомысленнымъ совѣтамъ. Но у него не хватило рѣшительности прекратить борьбу. Такъ какъ главную опасность представляла м-ше Депреоль и до сихъ поръ она одна, — зачѣмъ же опускаться и не постараться избавиться отъ нея.

Все свободное время Жюли проводила въ болтовнѣ съ Жерменой. Онѣ навѣрное говорили о злосчастномъ Р., который угрожалъ ести молодой женщины! И какіе совѣты могла давать Жермена Жюли! Ритуре рѣшили подождать нѣсколько дней, прійти въ себя ожидать вдохновенія.

Какъ только м-ше Депреоль узнала, что Морисъ учить мать ездить на велосипедѣ, она пришла въ восторгъ и также захотѣла учиться. Морисъ преподавалъ по утрамъ.

Въ Парижѣ заказали велосипедъ; его должны были скоро принять, между тѣмъ очень ловкая и граціозная Жермена дѣлала быстрые успѣхи. У Ритуре было только два велосипеда — для жены и для сына. М-ше Депреоль скоро такъ усовершенствовалась, что могла искупить на болѣе далекую прогулку по дорогамъ; въ одинъ прекрасный день, въ пять часовъ, когда жара спала, они отправились съ Морисомъ въ экскурсію.

Опытъ удался; на слѣдующій день его повторили. Оба ѣздили въ увлеченіемъ; одно было жаль, что велосипеда м-ше Депреоль не присылали, и мать Мориса не могла принимать участія въ прогулкахъ. Ритуре былъ въ восторгѣ. Жюли оставалась дома, и онъ чувствовалъ ее своей. А затѣмъ, хотя онъ и не былъ золъ, но мечталъ, что м-ше Депреоль по своему легкомыслию и необузданности пожелаетъ отстать отъ головорѣза Мориса и въ погонѣ за нимъ вывихнуть себѣ какой-нибудь суставъ, что заставитъ ее уѣхать въ Парижъ.

Однажды за завтракомъ, когда велосипедисты вернулись съ продолжительной прогулки, Ритуре замѣтилъ, что Жермена потела аппетитъ и способность болтать. Она показалась ему блѣдой и озабоченной. Морисъ, напротивъ, болталъ безъ умолку, разсказывалъ о прогулкѣ и по временамъ украдкой взглядывалъ на м-ше Депреоль, которая едва отщипывала краемъ губъ кусочки сыра и сидѣла, потупивъ глаза.

Въ это время м-ше Ритуре разсказывала происшествіе, прочитанное ею утромъ въ разныхъ разностяхъ: свѣтскій скандалъ, дѣйство женщины мужемъ изъ ревности. М-ше Ритуре, очевидно, дѣлалась вызвать обычное остроуміе своей подруги и услышать нѣкоторые парадоксы о добродѣтели женщинъ. Но она не достигла же-

ланной цѣли. Жермена, вѣроятно, утомленная продолжительной ѣздой, потеряла остроуміе. Больше того: она объявила, что жалѣеть мужа, такъ какъ его поступокъ обнаруживаетъ сильную любовь къ женѣ.

Такія рѣчи въ устахъ м-ше Депреоль заставили Ритуре насторожиться. Какъ, она жалѣла мужа? Она не заступилась за виновную? Странно! Она не воспользовалась случаемъ, чтобы развить теорію о нецѣлности брака! Было чему подивиться. Она пожалѣла обманутаго мужа? Ужъ не ослышался ли Ритуре?

Еще страннѣе было то, что съ этой минуты Жермена становилась день ото дня все благороднѣе; она смѣялась, но безъ нервныхъ, дикихъ порывовъ. Теперь она держала себя мило, просто; имѣла положительный видъ, скромный и застѣнчивый. Мало-помалу она бросила парадоксы и стала думать, какъ всѣ. Прежде, говоря о себѣ, она допускала недомолвки, заставлявшія подозрѣвать кое-что (это было своего рода невинное кокетство, которое Ритуре находилъ непозволительнымъ), теперь же она употребляла всѣ усилія, чтобы доказать, что всегда была самой честной женщиной въ мірѣ; старалась оправдать свои сумасбродства и восхваляла прямыхъ, неиспорченныхъ натуры. Метаморфоза произошла такъ быстро и открыто, что Ритуре заинтересовался и не желалъ болѣе отъѣзда Жермены. Ему хотѣлось узнать, что произошло въ этой сумасбродной головкѣ?

Размышляя, Ритуре пришелъ къ слѣдующему выводу: всѣ свѣдѣнія, собранныя о м-ше Депреоль, показали, что, несмотря на свое удалство (опасное само по себѣ), она, тѣмъ не менѣе, оставалась честной женщиной. И тогда у нея были развязныя манеры, смѣлыя, задорныя рѣчи.

Теперь она благородна и мила; стыдится своихъ прежнихъ теорій и превозноситъ добродѣтель; не издѣвается надъ истинною любовью; чувствительный вздоръ приводитъ ее въ умиленіе; еще немного, — и она запоетъ романсы. Не значить ли это, что она перестала быть честной женщиной?...

Превращеніе совершилось разомъ, у него на глазахъ, въ деревнѣ, въ его домѣ. Кто былъ ея сообщникомъ? Какъ только Ритуре попалъ на этотъ слѣдъ, ему не пришлось долго искать. Достаточно было внимательно приглядѣться къ Морису, чтобы убѣдиться, что онъ безумно влюбленъ въ Жермену и уже объяснился съ ней. Буча подробностей припомнилась тогда Ритуре. Такъ, на примѣръ, велосипедъ м-ше Депреоль уже прибывъ, и м-ше Ритуре сопровождала на прогулки молодыхъ людей, но не прохоча

ня, чтобы Жюли, слишком медлительная, не отставала от них и не оставалась одна, потерявъ ихъ изъ виду. Бѣдная Жюли! Она переходила понемногу на роль мамыши, которая стѣсняетъ дѣтей. Если это такъ, Ритуре отъ души радъ! Жермена не могла болѣе быть другомъ его жены: она не могла повѣрить ей своихъ тайнъ, и дурное вліяніе, котораго онъ боялся, само собой прекращалось. Скоро м-ше Депреоль покинетъ ихъ. Одно изъ двухъ: или она отвергнетъ Мориса и не останется около него въ тѣсномъ деревенскомъ кругу, или не отвергнетъ (право, Морисъ молодецъ хоть куда!), тогда ей придется покинуть ихъ домъ, чтобы не нарушать приличія.

Ритуре, увлекаясь своей гипотезой, предоставлялъ влюбленнымъ выпутываться изъ затрудненія; во всякомъ случаѣ, его успокоивала мысль, что Жюли не часто будетъ видаться съ Жерменою, что выводило его изъ затрудненія.

Онъ хотѣлъ получить полную увѣренность и искалъ средствъ убѣдиться.

Гдѣ могли встрѣчаться влюбленные? Кромѣ короткихъ прогулокъ на велосипедѣ, менѣе удобныхъ съ тѣхъ поръ, какъ м-ше Ритуре принимала въ нихъ участіе, когда и гдѣ Морисъ ухаживалъ за Жерменою? Когда? Конечно, вечеромъ, когда всѣ спали. Гдѣ? Внѣ дома. Въ саду; въ эти чудныя лѣтнія ночи, когда все небо усыяно звѣздами. Гдѣ же еще? Всего скорѣе на террасѣ въ глубинѣ парка: мѣсто уединенное и располагающее къ безконечнымъ мечтаніямъ. Ритуре приказалъ садовнику тщательно вычистить всѣ аллеи, ведущія къ этой террасѣ: никто не ходилъ туда въ теченіе дня, и слѣды, если таковыя окажутся, будутъ отчетливо видны.

На слѣдующее утро тамъ оказались слѣды. Въ пять часовъ утра Ритуре пришелъ справиться. Двѣ мужскія ноги, а рядомъ, такъ близко, что по временамъ слѣды перемѣшивались, двѣ маленькія женскія ножки. И лучше того: большіе слѣды были исчерчены глубокими поперечными и продольными линіями. Ритуре легко узналъ въ нихъ слѣды гуттаперчевыхъ подошвъ Мориса, отъ его полотняныхъ башмаковъ «bains de mer», которые носилъ только онъ одинъ во всемъ домѣ.

Два дня продолжалъ Ритуре свое слѣдствіе: результатъ былъ все тотъ же; онъ могъ шагъ за шагомъ прослѣдить ночную прогулку влюбленныхъ, какъ будто присутствовалъ при ней. На террасѣ легко было замѣтить, что они сѣли на большую каменную скамейку, такъ какъ около нея земля была притоптана. Домой возвращались по большой круговой алѣѣ.

Ритуре еще не зная, какъ далеко зашло у нихъ дѣло, а это было важно!

У Жермены сохранялось новое настроеніе. За столомъ или во время послѣобѣденныхъ разговоровъ она рассказывала свою невеселую жизнь, свое ложное положеніе замужней женщины, мужъ которой всегда въ отсутствіи. Впрочемъ, онъ никогда не заботился о ея счастья. Какъ пуста была свѣтская жизнь, всегда праздная, съ обязательными однообразными визитами. Какъ хорошо ей здѣсь, въ деревнѣ у друзей! Какой чудный отдыхъ и покой. Какъ надоѣлъ ей модный блескъ остроумія въ салонахъ! Она мечтаетъ только о тихомъ уголкѣ, гдѣ царилъ бы нѣжная, успокоивающая дружба!

— Какъ вы счастливы, Жюли, — говорила она м-ше Ритуре. — Какъ хорошо вамъ съ мужемъ и сыномъ!

Какая перемѣна! Теперь Жермена способна была скорѣе обновить, чѣмъ вовлечь его жену.

Въ тотъ же вечеръ Ритуре спрятался въ чащѣ кустовъ, откуда могъ все видѣть, не возбуждая ничьего подозрѣнія. Ему пришлось ждать до полуночи; тогда онъ увидалъ трогательную картину.

Нѣжно обнявшись, глядя другъ другу въ глаза и нашептывая любовныя рѣчи, приближались Морисъ (негодный мальчишка Морисъ!) и м-ше Депреоль. Дойдя до каменной скамейки, они сѣли рядомъ.

— Что, если мама заподозритъ насъ? — шептала Жермена.

— Она спитъ, — сказалъ Морисъ.

— А отецъ, котораго я такъ боюсь?

— Онъ храпитъ!

— Миѣ кажется, что онъ меня терпѣть не можетъ.

— Вы слишкомъ остроумны, вотъ и все!

— У меня нѣтъ больше остроумія. Ваша любовь, Морисъ, переродила меня. Я потеряла голову. Я люблю васъ!

— Да, не позволяйте за собой ухаживать, какъ прежде. Я теперь страшно ревнивъ!

— Я забавлялась. Я многое преувеличивала!

— Вы такъ хороши! Я безумно люблю васъ!

Затѣмъ молчаніе. Продолжительное молчаніе. Морисъ умолялъ Жермену остаться у нихъ долго, долго... Онъ не могъ допустить мысли о разлукѣ. М-ше Депреоль обѣщала остаться. Она была кротка, проста, нѣжна. Видно было, что она счастлива и, какъ сама говорила, переродилась.

Съ этихъ поръ Жермена перестала быть опасной для Ритуре. Мѣсто безпокойнаго, смѣлаго чертенка заняла женщина строгая,

сосредоточенная и сдержанная, тѣмъ болѣе, что ей было что скрывать. Она должна была нравиться отцу и не возмущать его парадоксами и смѣлыми теоріями, которые онъ рѣдко принималъ спокойно. Въ глазахъ матери ей нужно было оставаться непогрѣшимой, чтобы не возбуждать ни малѣйшихъ подозрѣній. А такъ какъ съ м-ше Ритуре Жермена была всегда откровенна и допускала интимныя признанія, то теперь ей приходилось завоевывать утраченную почву, относиться къ себѣ наиболѣе строго. М-ше Ритуре — мать Мориса! Теперь она для нея мать, и-только мать! Ритуре главнымъ образомъ думалъ о женѣ. Онъ замѣтилъ, что въ данный моментъ Жюли не была болѣе подругой м-ше Депреоль. Жермена не могла быть ея другомъ. Она боялась ея, была при ней всегда насторожѣ. Жюли не услышитъ больше признаній друга; для нея миновала опасность дружбы съ этою женщиной.

М-ше Депреоль обратилась въ обыкновенную буржуазку, наивность которой повергала въ восторгъ Мориса. Она вела мирный образъ жизни, превозносила истину и любовь, увѣряла, что предпочитаетъ всему покой и уединеніе. Жермена стала образцовою женщиной. Жюли, увлекавшаяся прошлою зимой, благодаря ея влиянію, кокетствомъ, теперь, подъ этимъ же влияніемъ, снова приняла видъ степенной мамы, которая, несмотря на сохранившуюся красоту, мирится съ своею ролью.

Ритуре не раздумывалъ, долго ли будетъ длиться метаморфоза и насколько прочна любовь Мориса. Сколько бы времени она ни продолжалась, для него это хорошее время. Оставался щекотливый вопросъ нравственности. Можетъ ли отецъ терпѣть у себя въ домѣ такое положеніе дѣлъ? Морисъ и Жермена, повидимому, объ этомъ не думали. Стоило ли огорчать влюбленныхъ, которые никому не мѣшали? У него не хватило на это духу и, не справляясь съ совѣстью, онъ самъ сталъ ихъ покровителемъ. Довольный легкимъ и неожиданнымъ рѣшеніемъ вопроса, Ритуре употреблялъ всѣ усилія, чтобы у жены не возникло никакихъ подозрѣній, которыя могли бы повредить дѣлу.

Онъ не боялся больше м-ше Депреоль. Напротивъ, она помогала ему, подавая Жюли примѣръ безукоризненнаго поведенія. Всѣ въ домѣ нѣжили и ласкали Жермену. М-ше Ритуре увлекалась варапьемъ. Морисъ, сіяющій, смѣялся и пѣлъ цѣлыми днями.

Весь домъ благоденствовалъ.

— Видишь ли, ты самъ въ концѣ-концовъ полюбилъ ее, — сказала разъ вечеромъ Жюли мужу, — она побѣдила твои глупыя предразсудки!

— Да, — сознался Ритуре, нѣжно цѣлуя жену, — я радъ, что она пріѣхала къ намъ.

— Въ такомъ случаѣ, — таинственно прибавила Жюли, — я скажу тебѣ все: ты знаешь, что Жермена знакома со всѣмъ Парижемъ... Такъ вотъ она мечтаетъ выставить тебя правительственнымъ кандидатомъ на слѣдующихъ выборахъ. Конечно, твое положеніе говорить само за себя, но связи Жермены будутъ также полезны. А потомъ...

— Что потомъ?

— Все говорить?

— Говори.

— Она думаетъ устроить блестящій бракъ Мориса...

— Вотъ какъ!!

— Блестящій, другъ мой... (конечно, черезъ нѣсколько лѣтъ, молодой дѣвушкѣ едва минуло шестнадцать лѣтъ), но она хочетъ устроить это сама и заранее подготовить. Только просила не говорить ничего Морису. Когда время настанетъ, она первая сообщитъ ему все.

— Не глупо! — пробормоталъ Ритуре.

II.

Плащъ

(Поли Маргеритта).

— Возьми его! — сказала м-ше Реннъ мужу.

Маленькая, черноватая, съ длинной вытянутою фізіономіей, она походила на ворчливую комнатную собачонку.

М-г Реннъ, крупный, здоровый мужчина, комиссіонеръ по торговымъ дѣламъ, взглянулъ на толстый драповый плащъ, который жена снимала съ вѣшалки. У него былъ растерянный видъ. Онъ надѣялся до послѣдней минуты, что его забудутъ нагрузить тяжеловѣснымъ одѣяніемъ, неудобнымъ при ѣздѣ на велосипедѣ.

— Можетъ пойти дождь! Я вовсе не желаю, чтобы ты простужался. Лѣченіе дорого! Нашъ докторъ неучъ. Онъ даже простуды не сумѣетъ вылѣчить! Что будетъ со мной, если ты умрешь? Твои родители не согласятся содержать меня. Замужъ вторично я не выйду. Придется просить милостыню. Ужъ лучше теперь же развести жаровню и умереть отъ угара.

Все это говорилось быстро, между тѣмъ какъ плащъ свертывался и перевязывался веревкой; оставалось только привязать его къ велосипеду.

— И чѣмъ онъ тебѣ мѣшаетъ, желала бы я знать? Конечно, это не красиво! Это не элегантно! Тебѣ хочется плѣнять велосипедистокъ! Тебѣ неприлично ѣздить съ поклажей! И какъ я глупа, что пускаю тебя одного. Кто тебя знаетъ, куда ты ѣдишь! Потому легко рассказать все, что угодно! Ничего не стѣдить и наврать!

Реннъ терпѣливо стоялъ, понуривъ голову, подобно ребенку, выслушивающему нотацию. Онъ зналъ, что малѣйшее сопротивленіе, самое слабое возраженіе привело бы жену въ ярость, и тогда спенѣ не будетъ конца. Сегодня она была въ сноскомъ настроеніи духа. Онъ воздержался отъ возраженій.

— Смотри, чтобы плащъ не спустился на колесо,—его легко протереть. Если будешь свертывать, складывай изнанкой кверху. Не потеряй веревки, какъ прошлый разъ. Что ты смотришь по сторонамъ? Не мѣшало бы послушать, что я говорю!

Реннъ невозмутимо созерцалъ безупречно-голубое небо, вдохновляясь его ясностью.

— Ну, чего же ты ждешь? Ахъ, цѣлуешь меня! Не безпокойся, не одурачишь! Какія нѣжности! Довольно! Не разгорячайся! Чего же ты ждешь?

Реннъ предпочиталъ пантомиму, какъ болѣе благоразумное и вѣрное средство. Онъ беззаботно улыбнулся и, ударя большимъ пальцемъ объ указательный, смотрѣлъ на жену.

— Денегъ? Чтобы пить холодное на сквозномъ вѣтру? Смотри, чтобы не дали сдачи фальшивыхъ монетъ! Вотъ тебѣ пять франковъ. Ты мнѣ дашь о нихъ отчетъ.

М-г Реннъ спряталъ деньги въ портмоне, еще разъ поцѣловалъ жену и съ серьезнымъ видомъ (малѣйшее выраженіе радости могло навлечь жестокіе упреки) сошелъ, не торопясь, съ лѣстницы и съ той же благоразумною медлительностью пошелъ по двору въ чуланчикъ дворника, гдѣ сохранялся велосипедъ. Онъ чувствовалъ, укрѣпляя на велосипедѣ плащъ, что съ высоты четвертаго этажа на него устремленъ взоръ м-ше Реннъ, который, какъ острая стрѣла, пронизывалъ его спину. Выбравшись на волю, онъ вдохнулъ столько воздуха, что покраснѣлъ, какъ ракъ; ротъ округлился, глаза выкатились, щеки надулись; затѣмъ, опустивъ вѣки, онъ медленно выдохнулъ весь воздухъ.

Солнце стояло высоко надъ головой; пыльная дорога быстро развѣтывалась, какъ нитка механической катушки; мелкій лѣсокъ, домби, поля, тополи—все бѣжало навстрѣчу Ренну, который въ пьяненіи, нагнувшись надъ рулемъ, разставивъ руки, быстро

двигалъ ногами; ему казалось, что горизонтъ надвигается на него, кусты и рощицы вырастаютъ на глазахъ. Километры таяли, какъ кусочки сахару. Велосипедъ пожиралъ склоны и одолевалъ подъемы; на ровномъ мѣстѣ онъ летѣлъ. Реннъ напѣвалъ бравурную арію. Какая дивная минута! Не то, что идти пѣшкомъ, попирая ногами непріятности лишенія, горечь повседневной жизни; такъ онъ бѣжалъ имъ навстрѣчу, наступалъ, обгонялъ, далеко оставлялъ ихъ за собою. Не догнать имъ велосипеда! Чувствуя ихъ позади себя, хотя и увѣренный въ своемъ преимуществѣ, онъ несея, несея впередъ по пыли, и капли пота падали съ его лица на землю. Онъ мчался такъ быстро, что не замѣтилъ, какъ веревка, прикрѣпленная плащъ, развязывалась потихоньку, точно хотѣла сыграть съ нимъ злую шутку и навлечь на его голову упреки. Въ то время, какъ онъ разсѣкалъ пространство, безъ мысли въ головѣ, опьяненный радостью жизни, желаніемъ летѣть все быстрѣе и быстрѣе, коварная веревочка раскручивала понемногу свою змѣиную спираль; одинъ край развернулся, уголъ плаща выскочилъ и, надуваясь, трепался по воздуху. Вдругъ, въ тотъ моментъ, когда Реннъ побѣдоносно привѣтствовалъ новый верстовой столбъ, плащъ отвязался и полетѣлъ въ пыль. Вотъ онъ уже на разстояніи десяти метровъ, ста, тысячи! Распростершись на землѣ, онъ лежитъ подобно черному животному, подобно мертвецу!

Реннъ мчался на облегченномъ велосипедѣ, въ опьяненіи убагая впередъ!

Ужасное пробужденіе! Реннъ сидѣлъ въ кабачкѣ подъ навѣсомъ и пилъ бѣлое вино съ сельтерской водой. Его забавляла бронзовая жаба, придрѣпанная къ краю бочки; она широко раскрыла ротъ, но туда не попадало ни капли вина. Въ минуту самаго полного наслажденія отдыхомъ, Реннъ съ законною гордостью взглянулъ на велосипедъ, прислоненный къ столбу, и замѣтилъ, что на немъ недоставало чего-то существеннаго. Предчувствіе несчастія предшествовало его сознанію.

«Плащъ!» — вырвался отчаянный стонъ.

Весь міръ мгновенно преобразился. Подъ навѣсомъ подулъ рѣзкій вѣтеръ, вино потеряло вкусъ, на велосипедѣ обнаружались потертыя мѣста, жаба на бочкѣ сардонически улыбалась. Вся энергія, вся сила воли, все мужество, которыя помогали Ренну добывать ежедневно насущный хлѣбъ, разомъ ослабли и растаяли.

Печальный путь, печальное возвращеніе! М-ше Реннъ съ ерваго взгляда откроетъ случившееся. И тогда польются іереміады,

море упрековъ, жалобъ, возгласы; въ такія трагическія минуты на маленькую женщину нападаетъ невѣроятная ярость и погружаетъ ее въ волны—не воды, а горькой, ѣдкой желчи.

Холодный потъ выступилъ у него на спинѣ. Онъ расплатился, сѣлъ на велосипедъ и съ дрожащими ногами, уничтоженный, поѣхалъ назадъ по тому пути, который только что прошелъ побѣдителемъ. Онъ встрѣтилъ телѣжку мясника, дальше толстую женщину, потомъ повозку цыгана, которой правилъ лохматый человѣкъ; тотъ остановилъ на немъ свой блестящій, насмѣшливый и въ то же время безпокойный взоръ. Реннъ хотѣлъ было спросить, не находилъ ли онъ плаща; но уваженіе къ человѣческому достоинству помѣшало ему заговорить.

Однако, онъ еще надѣялся! Теперь его возмущалъ не только гнѣвъ жены,—его охватывалъ глухой, внутренній протестъ, къ которому примѣшивался сарказмъ. Зимній плащъ весной, подъ палящими лучами солнца! Къ чорту его! Пусть его потеряется или будетъ украденъ, въ концѣ-концовъ наплевать. Ему припомнился смущенный видъ цыгана. А, вѣдь, онъ нашелъ плащъ, чортъ возьми. По тому, какъ онъ смотрѣлъ на велосипедиста, вглядывался въ его лицо, Реннъ былъ убѣжденъ, что это такъ.

Какъ поступить? Броситься въ погоню за цыганомъ, осмотрѣть его вещи, заставить возвратить плащъ? А если это не такъ? Вдругъ гнѣвъ его на злосчастный плащъ прошелъ, досада улеглась; внезапно прерванное веселіе вернулось, захватило его всецѣло: ему хотѣлось бѣжать, хохотать, кататься по травѣ. Въ этой радости, въ желаніи разразиться гомерическимъ хохотомъ—сказывалась месть за цѣлые годы гнета, расплата за прошлое угнетеніе. М-ше Реннъ представилась ему не грозной, а грубой. Онъ насмѣется ей въ глаза. Ей не удастся больше давить его въ теплые дни четырехпудовымъ прессомъ.

Потомъ практическія соображенія взяли верхъ. Если жена принудила взять плащъ, то сдѣлала это хотя и не основательно, но, все-таки, изъ расположенія къ нему. Плащъ былъ новый, стоитъ двадцать девять франковъ; терять его было глупо. Въ немъ властно пробудился инстинктъ собственности. Онъ погрозилъ кулакомъ по тому направленію, гдѣ скрылся цыганъ.

— А гдѣ же плащъ?—вскричала м-ше Реннъ прерывающимся голосомъ.

— Плащъ? — сказалъ онъ небрежно. — Миѣ было слишкомъ жарко. Онъ миѣ мѣшалъ. Я его продалъ.

— Гим...— пробормотала маленькая женщина, огаменѣвъ. Она пристально глядѣла ему въ глаза, точно желая убѣдиться, не сшелъ ли онъ съ ума.

Онъ вынулъ изъ кармана тридцать пять франковъ и подаль ихъ женѣ.

— Не правда ли, я обдѣлалъ хорошее дѣльце? Шестъ франковъ прибыли. Ты можешь купить себѣ на нихъ подарочекъ.

Она стояла обезоруженная. Лицо ея выражало тревогу и недоувѣріе.

— Но кто же, кто купилъ его у тебя?

— Трактирщикъ. У него упорный бронхитъ. Онъ съ завистью посматривалъ на мой плащъ, кашляя безъ передышки. Мы разговорились, — ну, и понятно...

Онъ испытывалъ сатанинскую радость отъ этой невинной лжи; ему не жаль было тридцати пяти франковъ, которые онъ скрывалъ три мѣсяца, дрожа ежеминутно, что ихъ откроютъ. Теперь, избавляясь отъ этой опасности, онъ вдвойнѣ радовался освобожденію отъ ненавистнаго плаща.

Но м-ше Ренинъ заявила рѣшительно:

— Завтра, дружокъ, я куплю тебѣ новый плащъ!

Ш.

Старушка.

М-ше Митенъ положила книгу на колѣни, сняла очки и, широко сидя на стулѣ, смотрѣла, какъ шли мимо люди, какъ плавали утки въ прелестномъ уголкѣ люксембургскаго сада, гдѣ зеленоватое озеро окружаетъ миниатюрный островокъ. Солнце сѣло, надвигались сумерки; матери уводили дѣтей; наступило затишье, нарушаемое только стучкомъ колесъ по мостовой. Бѣлая статуя еще виднѣлась во мракѣ; небо было голубовато-сѣрое, деревья, которыя осень украсила золотомъ, роняли время отъ времени сухіе листья.

М-ше Митенъ забылась въ этой мирной средѣ, тихой, какъ ея душа старой дѣвы, которая много любила и много страдала, мало-по-малу потеряла всѣхъ родныхъ, почти все состояніе, обречена на полное одиночество и бѣдность, что выдаетъ ея черное, изношенное, хотя очень опрятное платье, и тѣмъ не менѣе не озлобилась на жизнь, терпѣливо и безропотно переноситъ старость. Сентябрьскій вечеръ, какъ нельзя лучше, соответствовалъ ея неопредѣленному настроенію; конецъ яснаго дня гармонировалъ съ по-

ойнымъ выраженіемъ ея лица, съ сѣдыми волосами, скрытыми подъ большою черною шляпой, съ потухшими глазами, въ которыхъ по временамъ оживалъ проблескъ былой красоты.

И Це Митенъ до того забылась при слабомъ свѣтѣ умирающаго дня, что только голосъ сторожа, будившаго какого-то бѣдняка, который нечаянно уснулъ неподалеку на скамейкѣ, привелъ ее въ себя. Грубый, съ рѣзкимъ голосомъ старой женщины сторожъ произносилъ неопредѣленные угрозы; тесакъ билъ его по ногамъ, онъ сильно махалъ руками, между тѣмъ какъ бѣднякъ, пожимая плечами, безъ возраженій удалялся, шмыгая подошвами, цѣпляясь гудыми ногами одна за другую. Тогда сторожъ обратился къ м-ле Митенъ и закричалъ строго:

— Запираютъ!

Во всѣхъ концахъ большого сада раздавалось: Запираютъ!

До нея отчетливо донесся звукъ барабана, отбивавшаго вечернюю зарю. Въ смущеніи старая женщина ускорила шагъ; она машинально направилась къ тѣмъ воротамъ, куда пошелъ бѣднякъ.

Тотъ шелъ, оглядываясь, пожимая плечами, точно хотѣлъ почитаться съ ушедшимъ сторожемъ.

Онъ имѣлъ видъ затравленнаго волка, обтрепаншаго по кустамъ свою шкуру. Край его грязныхъ, измятыхъ панталонъ висѣлъ бахромою. Видъ его былъ такъ жалокъ, что м-ле Митенъ почувствовала состраданіе, вынула изъ портмоне серебряную монету въ пятьдесятъ сантимовъ и опустила ее въ руку бѣдняка. Не глядя на него и не дожидаясь благодарности, она скрылась по направленію къ улицѣ Суффло, спѣша въ ресторанъ, гдѣ обѣдала по субботамъ. Аккуратно каждую субботу м-ле Митенъ доставляла себѣ это невинное удовольствіе. У м-ше Алегри кормили хорошо и дешево. Студенты, обѣдавшіе за *table d'hôte*, шутили, остряли, рассказывали анекдоты; за десертомъ забавлялись, дѣлая «свинныя головы». Они надѣвали себѣ на носъ пустой стаканъ, обертывали его сверху салфеткой, распуская концы ея на подобіе свиныхъ ушей.

Ей было весело въ углу за маленькимъ столикомъ, и, когда студенты приводили съ собой подругъ, она этимъ не шокировалась, все прощая молодости.

Служанка подошла поставить приборъ и подала карту.

— Бружку пива по обыкновенію, не правда ли?

— Нѣтъ, пива не надо; я буду пить воду, пиво мнѣ вредно, — сказала м-ле Митенъ, жалѣя слегка о стаканѣ янтарнаго, искрившаго пива, но она была слишкомъ экономна и слишкомъ благоразумна, чтобы не принудить себя искупить недавнюю щедрость. Де-

слать су, отданныя бѣдному, равнялись кружкѣ пива. За то она не жеть заказать маленькую жареную рыбку.

— У васъ есть свѣжія соль?

— О, совершенно свѣжія, — отвѣтила прислуга. — Жареную соль? Хорошо. А къ ней? Бобы? Хорошо.

М-ле Митенъ, довольная собою, съ кокетливой гордостью посмотрѣлась въ висячее зеркало, помѣщавшееся противъ нея. Ей хотѣлось подмигнуть глазомъ своему двойнику, той благородной дамѣ въ черномъ, съ сѣдыми бузлями, которая отражалась въ зеркалѣ и сказать: Ну-съ, кто это будетъ сейчасъ ѣсть жареную соль съ бобами? Кажется, Софи!

Затѣмъ она налила полный стаканъ воды и медленно стала отпивать по глотку, какъ бы говоря: Я пью воду для удовольствія, а бы могла пить вино съ красной этикеткой! Не разъ приходилось!

Вѣдь, человѣку въ истрепанныхъ панталонахъ не придется ѣсть жареную соль съ бобами! А старая лакомка смѣетъ жалѣть о стаканѣ пива! Фи, въ такіе-то годы! А, вотъ и соль, съ небольшимъ кусочкомъ лимона. Гмм!... Какъ хорошо пахнетъ! У м-ше Алегри знаешь, что ѣшь; тутъ дѣло ведется на совѣсть! И м-ле Митенъ аккуратно поставила солонку справа, а перочницу слѣва, взяла вилку и ножикъ и принялась за дѣло. Несмотря на шестьдесятъ пять лѣтъ, у нея прекрасные зубы; дантистъ, ручавшійся за нихъ, не обманулъ ее.

Послѣ бобовъ и сухого печенья (съ нимъ выпить полный графинъ воды), уплативъ по счету и завязавъ передъ зеркаломъ ленты шляпы, м-ле Митенъ съ достоинствомъ выходитъ на улицу и направляется къ себѣ на пятый этажъ, гдѣ ее ждетъ бѣлый котъ, Снѣжокъ. Улицы полны народу, студенты подъ руку съ хорошенькими дѣвушками проходятъ, напѣвая. М-ле Митенъ выбираетъ тихія улицы; она побавляется возбужденной толпы. Иногда прохожіе нашептываютъ ей на ухо, не замѣчая подъ большою шляпою сѣдыхъ волосъ, сбитые съ толку стройною фигурой и легкою походкой. Когда преслѣдующій обгонитъ ее и оглянется, онъ или бормочетъ въ смущеніи: — Pardon, madame, или нахально смѣется.

Однажды вечеромъ ее преслѣдовалъ студентъ: сначала издали, затѣмъ приблизился, робко, смущенный обаяніемъ граціознаго женскаго силуэта, онъ настойчиво шелъ далѣе; на старую дѣву это преслѣдованіе производило неизъяснимо грустное и обидное, хотя пріятное впечатлѣніе; да, неясное, невинно тщеславное удовольствіе! Бѣдный юноша, онъ считаетъ ее молодой, красивой и доступной! Она не рѣшилась разочаровать его, остановившись на

секунду подъ фонаремъ, чтобы показать старое морщинистое лицо. Быстро, быстро шла она къ дому и, позвонясь, исчезла за дверью, оставивъ на улицѣ юношу съ его нескромными желаніями.

М-Ле Митенъ вспомнила этотъ эпизодъ у дверей дома; она позвонилась и быстро взбѣжала по лѣстницѣ на пятый этажъ. Боть, услышавъ ея шаги, замыкалъ и сталъ параться ногтями въ дверь. Онъ любовно терся объ ея юбки; м-Ле Митенъ, поглаживая юбку, шептала: Что, дрянной, тебѣ хочется побѣгать? Иди, повеселись, сегодня суббота. Поди, шалунъ, и тебѣ нуженъ праздникъ!

Снѣжокъ съ мяуканьемъ бросается на лѣстницу и направляется къ чердакамъ. М-Ле Митенъ кричитъ ему въ догонку: «Постарайся быть завтра къ восьми часамъ утра дома, а то я оставлю тебя безъ молока!» — Какъ же, такъ онъ тебя и послушалъ! Она улыбается, вздыхаетъ и запираетъ двери.

IV.

Простая исторія.

Вотъ что рассказалъ мнѣ Пьеръ Дюгемъ:

Зимняя вилла, которую мы нанимаемъ близъ Ниццы, огорожена только со стороны дороги. По сосѣдству съ ними находится только ферма Катлановъ и домъ, устроенный на подобіе стариннаго замка, закрывающійся огромными дверями, которыя почти никогда не открываются. Заборъ, ограждающій нашъ садъ, съ одной стороны примыкаетъ къ стѣнѣ этого дома. Небольшой въездъ разделяетъ объ виллы и соединяетъ ихъ съ большой дорогой.

По этой дорогѣ ходитъ масса нищихъ, и такъ какъ наша прислуга рѣдко запираетъ ворота, то прохожіе завертываютъ къ намъ въ садъ, звоня у подъезда или прикладываютъ свои блѣдныя лица къ стекламъ кухоннаго окна. Жена этого не любитъ. Охотники за воробьями нерѣдко проходятъ по той части сада, которая ведетъ въ поле. Иногда пройдетъ фермеръ, а то и бродяга. Кто проситъ милостыню, тому дадутъ хлѣба или денегъ. Мы не позволяемъ своимъ дѣвчуркамъ, Жаннѣ и Рейнеттѣ, удаляться отъ площадки, усыпанной гравіемъ; мать хочетъ, чтобы голоса ихъ были слышны изъ оконъ. Это насъ стѣсняетъ: живешь точно не дома.

Однажды, около шести часовъ вечера, я сидѣлъ въ рабочемъ кабинетѣ на мягкомъ креслѣ, спиною къ лампѣ, положивъ ноги на рѣшетку камина. Ко мнѣ поспѣшно вбѣжали запыхавшись Жанна и Рейнетта:

— Батистина тамъ на лѣстницѣ. Ей страшно одной въ кухнѣ. Она говоритъ, что слышала, какъ кричалъ какой-то человѣкъ.

Это сообщила мнѣ моя бѣленькая пташка Рейнетта, глядя на меня большими глазами, въ которыхъ свѣтились страхъ и довѣріе. Но толстуха Жанна, пожавъ плечами, замѣтила съ иронической увѣренностью десятилѣтняго ребенка: Это дѣти шалить, а Батистина боится! Кричала внучка фермера. Кому же кромѣ нея?

Объясненіе вполнѣ правдоподобное. Въ это время сосѣдній фермеръ Батланъ даетъ кормъ своимъ лошадямъ. Не изъ-за чего было беспокоиться. Послѣ долгаго молчанія Рейнетта сказала:

— Какъ долго не возвращается мама!

Жена отправилась на концертъ въ Монте-Карло, чтобы повидаться со знакомыми. Бухарка Роза, худая, высокая, расторопная женщина, отправилась ей навстрѣчу на вокзалъ. Онѣ должны были скоро вернуться, хотя я не слышалъ еще свистка паровоза.

— Она намъ привезетъ чего-нибудь,—сказала Жанна.

Обѣ прижались ко мнѣ и задумались. Я представлялъ себѣ бухарку сидящую на послѣдней ступенькѣ лѣстницы, и, хотя считалъ ее очень глупой и сознавалъ, что ей лучше было бы чистить въ кухнѣ шпинать, однако, рѣшилъ позвать ее въ комнаты, сидѣть вмѣстѣ съ нами. Она была кроткое созданіе, съ приплюснутымъ носомъ, скромная на видъ, почти ребенокъ; за глаза мы съ женой называли ее «дѣвчонка».

— Вотъ мама!—вскричали обѣ дѣвочки разомъ, вскочивъ съ мѣста!—На лѣстницѣ раздавались шаги. Вошла перепуганная Батистина.

— Баринъ, подите взглянуть! Я три раза слышала крики... Барыня испугается, если увидитъ... Человѣкъ загораживаетъ входъ... онъ тамъ у воротъ!

— Что же онъ дѣлаетъ?

— Онъ дѣлаетъ вотъ такъ... (она разставила руки и стала разгребать ими). Онъ лежитъ на землѣ и катается по ней! Батланъ подошелъ посмотрѣть, но сейчасъ же пошелъ прочь. Онъ говоритъ: «можетъ быть, это бѣшеный; онъ меня укуситъ!» Мнѣ пришло въ голову, что это могъ быть припадокъ падучей болѣзни. Я сошелъ внизъ, оставивъ въ кухнѣ дѣтей, которыя кричали мнѣ въ слѣдъ: «возвращайся скорѣе, папа!»

Я спустился къ воротамъ въ сопровожденіи Батистины, которая несла маленькую лампочку съ рефлекторомъ. Батланъ изъ предосторожности приперъ ворота. Ночь была темная: зги не видать; на небѣ искрились звѣзды; было свѣжо.

— Видите, баринъ?—спросила «дѣвчонка».

— Нѣтъ, ничего не вижу.

За воротами былъ непроглядный мракъ.

— Вонъ, сказала она, —подымая лампу насколько могла выше. Наконецъ, за свѣтлымъ кругомъ я увидалъ корчащуюся фигуру, утопавшую во мракъ. Фигура была огромная; она шевелилась, уткнувъ лицо въ камни; это было что-то странное, точно раненое животное, которое издавало глухіе звуки. Батистина настойчиво повторяла: «Какъ барыня испугается, если пріѣдетъ теперь!»

Слышались слабые стоны, охи, точно изъ тѣла тянули душу. Черное существо продолжало конвульсивно вздрагивать. Ворота какъ будто защищали насъ отъ страшнаго животнаго.

— А гдѣ же Катланъ?

— Въ конюшнѣ.

Я побѣжалъ туда, завязывая по дорогѣ шею носовымъ платкомъ. Батистина, какъ тѣнь, слѣдовала за мной по пятамъ. Лампа трепетнымъ свѣтомъ освѣщала кустарникъ. Катланъ показался на порогѣ конюшни; мой старый Блакъ повернулъ морду и поглядѣлъ на меня глазами доброй старой лошади. Я сказалъ фермеру:

— Катланъ, надо бы позвать кого-нибудь. У прохожаго припадокъ эпилепсiи. Его нельзя оставлять здѣсь. Пойдемъ къ нему, — это не опасно. — Мои слова не убѣдили фермера; онъ пробормоталъ только: — Да... да... это падушая болѣзнь!

— Пойдемте скорѣе!

Мы подошли къ воротамъ. Катланъ откинулъ цѣпь.

Теперь животное ползло бокомъ, стараясь достигнуть отгоса, окаймляющаго вѣздъ.

Барыня ужасно испугается, —повторяла кухарка. Катланъ замѣтилъ: — Ему лучше; онъ старается встать! — Фермеръ окликнулъ несчастнаго на натуа. Въ отвѣтъ послышалось только: — Охъ! Боже мой! — Человѣкъ упирался руками, дѣлалъ усиліе головой, стараясь оторваться отъ земли, къ которой его приковывала какая-то тайная сила. Онъ тащился, какъ калѣва; въ груди у него влокотало, точно кузнечный мѣхъ, наконецъ, онъ оторвался отъ земли и, какъ подкошенный, упалъ на отгосъ, прижимая руки къ сердцу.

— Охъ, охъ! — стоналъ онъ; — со мной сдѣлался припадокъ... Охъ, охъ! Сегодня уже въ третій разъ. Я провель (онъ перевель дыханіе) недѣлю въ больницѣ въ Баннахъ, но тамъ не держатъ съ такой болѣзнью. — Онъ въ первый разъ взглянулъ на насъ.

— Если бы можно было немного воды; послѣ припадка ужасно

хочется пить, третьяго дня вечеромъ у меня было семь присту-повъ. На пристани, гдѣ я работалъ, меня никто не хочетъ дер-жать.

Лампой, взятой у Батистины, я освѣтилъ на мгновеніе чело-вѣка и увидалъ его лицо; затѣмъ быстро повернулъ рефлекторъ изъ опасенія, чтобъ потокъ свѣта не ослѣпилъ его, отчасти же стѣсняясь пристально смотрѣть ему въ глаза; при видѣ освѣщен-наго лица у меня мучительно сжалось сердце. Въ полусвѣтѣ я хо-рошо различалъ его плотное, коренастое тѣло, большую лохмату-голову съ сѣдой бородой, красную, голую шею, которую души-воротъ шерстяной рубашки. Одежда была невозможная, истаскан-ная и грязная.

Батистина принесла стаканъ воды. Она протянула его Бату-ну, но тотъ не взялъ. Мнѣ пришлось самому всунуть стаканъ въ-руку несчастнаго. Онъ съ жадностью проглотилъ воду, руки е-го дрожали.

— Нельзя ли еще? Мнѣ такъ хочется пить!

Я передалъ стаканъ Батистинѣ, она снова побѣжала за водою. Несчастный съ прежней жадностью проглотилъ второй стаканъ.

— Хотите ѣсть?—спросилъ я.

Онъ сосредоточенно теръ себѣ локоть. Вѣроятно, во время при-падка расшибъ его о камень и теперь только почувствовалъ боль. повторилъ:

— Хотите ѣсть?

Онъ отвѣтилъ:—До припадка я былъ голоденъ, но теперь же такъ стянуло желудокъ, что туда ничего не войдетъ. Если вы да-дите мнѣ кусочекъ хлѣба, я съѣмъ его передъ сномъ.

Онъ говорилъ звучнымъ голосомъ, слишкомъ мягкимъ для е-го грубой наружности,—почти дѣтскимъ голосомъ, въ которомъ дро-жали слезы. Несчастный, гдѣ проведетъ онъ ночь? Кто приметъ его, кто пріютитъ, узнавъ о его болѣзни?—объ этомъ ниспосла-номъ на него проклятіи! Я пробормоталъ:

— Подождите, я сейчасъ вернусь!

Войдя къ Батистинѣ въ кухню, я спросилъ: нѣтъ ли у васъ говядины?

Она указала мнѣ на остатки цыпленка и подала большой хлѣбъ. Я разрѣзалъ его пополамъ и всунулъ туда мясо.

— Барыня увезла ключъ отъ шкафа, — бормоталъ я, — нѣтъ ли у васъ немного денегъ?

— Нѣтъ, баринъ. У Розы нашлись бы деньги, да она идетъ барыню на станціи.

Дѣвочки, заинтересованныя происшествіемъ, съ робкими, блестящими глазами стояли у плиты, гдѣ закипала супъ, издавая пріятное, нѣжное шипѣнье.

— Нѣтъ ли у васъ, дѣтки?

Жанна и Рейнетта поспѣшно вытащили свои портмоне, польщенные, что могутъ оказать услугу.

— Сколько тебѣ, папа?

Я взялъ у каждой по франку и понесъ больному хлѣбъ. Онъ сидѣлъ, сторбившись, на откосѣ и молчалъ; его-поза выражала безропотную покорность судьбѣ, безысходную скорбь. Онъ попытался засунуть хлѣбъ въ карманъ, не смогъ; взялъ его подъ мышку и снова застылъ въ той же надрывающей сердце позѣ. На него больно было смотрѣть, — до того больно, что голосъ мой измѣнился, точно мнѣ было стыдно:

— Вотъ, возьмите, — я сунулъ ему деньги, — къ сожалѣнію, такую малость!

Онъ сказалъ внятно:

— Спасибо, баринъ! Меня гонять изъ больницъ, не держать на пристаняхъ, вотъ я и брожу по деревнямъ; захватить дорогой припадокъ, — ну, и упаду.

И тѣмъ же чистымъ голосомъ, тонкимъ, не соответствующимъ его наружности, онъ прибавилъ, тяжело вздыхая:

— Пора идти (онъ понималъ, что тутъ нельзя оставаться). Добреду до города и тамъ переночую. Если бы только... если бы у меня была палочка, чтобъ опереться.

Батланъ вошелъ во владѣнія сосѣда и срѣзалъ тамъ вѣтку орѣшника. Я смотрѣлъ, не отрывая глазъ, на незнакомаго человека, освѣщеннаго лампой, которую высоко держала Батистина. Мое сердце переполнялось жалостью; досада на себя и на другихъ сжимала горло. Я думалъ: «Какъ странно: пока онъ, подобно животному, валялся на землѣ, я не чувствовалъ къ нему жалости! Только при видѣ человѣческаго лица во мнѣ пробудилось состраданіе; только при видѣ человѣческаго лица, — я не смѣлъ сказать лица христіанина, — подобнаго моему, во мнѣ пробудился человѣкъ». И я снова смотрѣлъ на него и не могъ оторвать глазъ отъ сторбленной фигуры, отъ несчастнаго лица. Все мое существо прониклось тяжелой, гнетущею скорбью!

Батланъ, обчистивъ сучокъ, сказалъ:

— Палка готова!

Бѣднякъ взялъ палку и съ трудомъ поднялся съ мѣста.

— Прощайте, — сказалъ онъ. — Спасибо за помощь.

Мы поспѣшили отвѣтить:

— Прощайте, прощайте!

Онъ ушелъ и исчезъ за поворотомъ.

Я вернулся въ садъ. Я чувствовалъ себя ужасно несчастнымъ, одинокимъ въ своемъ безсиліи и эгоизмѣ. «Каково общество, гдѣ человѣка гонять изъ больницъ и съ пристаней! Бѣднякъ не можетъ найти убѣжища и, подобно вѣчному жиду, долженъ скитаться по дорогамъ!» Сердце больно сжалось; стиснувъ зубы, я старался подавить въ себѣ волненіе; но плотина прорвалась, слезы рѣкой полились у меня изъ глазъ; я тихо рыдалъ, и рыданія облегчали мнѣ сердце. Въ то же время я думалъ: «Какъ глупо, что подумаетъ Батистина?» Она все шла за мной съ лампой въ рукахъ. Я провелъ рукой по глазамъ и сказалъ не своимъ голосомъ:

— Батистина, что если несчастный опять упадетъ на дорогѣ!... Подите съ Катланомъ навстрѣчу къ барынѣ. Возьмите съ собой лампу.

Она ушла съ фермеромъ. Я возвратился въ кухню, гдѣ меня ждали малютки.

— Папа, что съ тобой? О чемъ ты плачешь?— вскричали онѣ.

Я рассказалъ имъ, что видѣлъ. Рассказалъ о нищетѣ безъ крѣва, объ умирающихъ безъ пристанища. Рейнетта вытащила свой платочекъ и заплакала. Жанна, болѣе разсудительная, оставила ножикъ, которымъ обрѣзала шпинать, и уставилась на меня большими, пронизательными глазами. Я вытиралъ слезы платкомъ Рейнетты и повторялъ про себя: «Какая нелѣпость! Завтра же я буду ѣсть, какъ всегда! Это нервы; глупая, безплодная чувствительность!» Я прекрасно зналъ, что человѣческій образъ, скорбный силуэтъ несчастнаго неизгладимо врѣзался въ моей памяти и будетъ постоянно смущать мое относительное благополучіе. И точно видя передъ собой грозный призракъ человѣческаго горя, я крѣпко прижалъ къ себѣ дѣтей и неподвижно сидѣлъ въ теплой кухнѣ, гдѣ шипѣлъ въ котелкѣ горячій супъ.

У.

С о б а к а.

Старикъ Дешаппъ сидѣлъ въ глубинѣ коляски, прислонясь спиною къ шитой подушкѣ; по временамъ лицо его, напоминавшее мордочку бѣлаго кролика, судорожно вздрагивало, и онъ бормоталъ:

— Лошади... слишкомъ... скоро ѣдутъ!

Зять его, м-г де-Фель взглянул на жену и, подавляя усмѣшку, сказалъ:

— Да, да, онѣ прекрасно ѣдутъ! И дорога здѣсь превосходная, — заключилъ онѣ немного громче.

Увѣренный тонъ и звучащая въ немъ иронія не успокоили старика; въ его мутныхъ сѣрыхъ глазахъ по временамъ мелькало безпокойство. Тщательно вымытый, причесанный и одѣтый, со сложенными руками въ перчаткахъ, онѣ имѣлъ видѣ стараго ребенка. У него сохранились нѣкоторые недостатки дѣтскаго возраста: любовь къ лакомствамъ, трусливость, наивное тщеславіе, мелочная хитрость. Онѣ больше всего дорожилъ своимъ личнымъ спокойствіемъ. Охотникъ до почестей, Дешапъ легко поддавался лести. Его дочь, хорошенькое существо съ птичьей головкой, была такой же эгоисткой, какъ отецъ; полненькая, цвѣтущая, съ обворожительно нѣжною кожей, она лѣниво покоилась рядомъ съ отцомъ, одѣтая въ роскошный элегантнѣй туалетъ.

Молодая женщина улыбалась мужу, гордая сознаниемъ, что благодаря ему носить титулъ графини и принята въ высшемъ обществѣ. М-г Дешапъ былъ прежде сахарнымъ заводчикомъ; теперь, благодаря солидному капиталу, имѣлъ возможность купить себѣ въ зятя капитана кавалеріи, промотавшагося графа.

— Какая чудная погода! — сказалъ м-г де-Фель, взглянувъ на м-е де-Фель.

Высокій, съ энергичною головой спортсмена, съ роскошными усами и маленькою бородкой, которую отпустилъ, выйдя въ отставку, м-г де-Фель былъ всегда изысканно любезенъ съ женою, какъ подобаетъ мужу, который сознаетъ за собой амурныя грѣшки и неумѣренную трату денегъ; она держала его въ рукахъ, благодаря деньгамъ, которыми безъ скупости, но съ твердостію распоряжалась сама, отказывая или соглашаясь иногда за улыбку. Такъ, чтобы доставить удовольствіе мужу, она разрѣшила ему купить себѣ дога, любимца князя Вершакова, и наслаждалась теперь прыжками прекраснаго животнаго, бѣжавшаго передъ лошадьми. Догъ то бѣжалъ впередъ, то возвращался, точно желая броситься подъ ноги лошадямъ, хваталъ ихъ за уздечки, къ величайшему негодованію кучера, который едва сдерживалъ лошадей и мечталъ, какъ хорошо было бы угостить Драгга вилами; на это, впрочемъ, онѣ едва ли бы рѣшился, такъ какъ собака прокусила разъ руку смѣлому конюху.

— Со-бака... раз-дра-жаетъ лошадей! — пробормоталъ Дешапъ. Старикъ боялся всего: дорожныхъ происшествій съ ихъ

послѣдствіями, воровъ, при одной мысли о которыхъ онъ дрожалъ отъ страха цѣлыя ночи напролетъ; покушенія анархистовъ пошатнули его здоровье. Онъ не могъ ѣздить безъ страха въ экипажъ; его огорчало, когда трещали дрова въ каминѣ; онъ съ болѣзненнымъ удовольствіемъ слѣдилъ за охотой, вздрагивая при каждомъ выстрѣлѣ.

На этотъ разъ м-г де-Фель не соблаговолилъ отвѣтить; но на лицѣ жены онъ прочелъ внезапное безпокойство, что принудило его взглянуть на дорогу въ ту минуту, когда отчаянный лай Драгга и безъ того привлекъ бы его вниманіе. Бучеръ, предчувствуя катастрофу, сдержалъ лошадей.

— Драггъ!—кричалъ м-г де-Фель. Догъ не слушался. Несмотря на жестокую дрессировку, онъ оставался дикимъ звѣремъ. Недѣлями онъ бывалъ кротокъ, какъ ягненокъ, а то вдругъ накидывался на курятникъ и поѣдалъ всю живность. Главными его врагами были оборванцы; они приводили его въ ярость.

— Драггъ!—повторялъ графъ громовымъ голосомъ. Потомъ закричалъ изъ всѣхъ силъ:—Не замахивайся палкой, не замахивайся, а то онъ на тебя бросится! Драггъ, ісі! Лошади остановились; всѣхъ присутствующихъ объялъ ужасъ! Ярость собаки возбудилъ старый нищій, поднявшійся на краю дороги, при приближеніи экипажа. Оскаливъ зубы, съ налитыми кровью глазами, изогнувъ тѣло, точно готовясь прыгнуть на жертву, животное злобно рычало. М-г де-Фель выпрыгнулъ изъ экипажа и занесъ палку надъ головою собаки. Блѣдный, какъ полотно, старикъ нищій весь дрожалъ отъ страха. Онъ неловко размахивалъ палкою, тщетно пытаясь защитить себя, и что-то невнятно бормоталъ; сѣдая борода его ритмически вздрагивала на груди. Драггъ почувалъ, что у него хотятъ вырвать добычу; когда конецъ палки задѣлъ его, онъ бросился на оборванца и впился ему въ горло.

М-г де-Фель нагнулся и схватилъ собаку за ошейникъ, крича:— Жозефъ, Жозефъ!

Бучеръ боялся, что разгоряченныя лошади, понесутъ, если онъ сойдетъ съ козелъ; растерявшись, онъ не двигался съ мѣста. Между тѣмъ Драггъ, не чувствуя ударовъ свинцовымъ набалдашникомъ, подмялъ подъ себя нищаго и рвалъ его клыками. Несчастный лежалъ съ выкаченными глазами, не смѣя дышать, съ ужасомъ агоніи на лицѣ. Графъ, весь запыхавшись, неистово трясъ Драгга. Смущенный криками жены, пронзительными взвизгиваніями тестя, борьбою Жозефа съ испуганными лошадьми, графъ въ себя въ послѣдній разъ вскрикнулъ громовымъ голосомъ: Драггъ!

Въ эту минуту старикъ, чувствуя близкую гибель, закатилъ глаза. Видя неподвижные бѣлки, де-Фель счелъ его умершимъ; его охватило бѣшенство; онъ вспомнилъ, что въ палкѣ есть стилетъ, вытащилъ его и, ударъ за ударомъ, закололъ животное. Обезумѣвъ отъ ужасающихъ стонровъ дога, онъ билъ его съ ожесточеніемъ; кровь лилась на неподвижно лежащаго старика; руки, ноги графа были въ крови.

Шумъ затихъ; его смѣнила гробовая тишина. Лошади успокоились. Жозефъ подошелъ къ графу и, остолбенѣвъ, бессмысленно смотрѣлъ на случившееся.

Въ экипажѣ лежала м-е де-Фель: запрокинувшись назадъ, вся вытянувшись, бѣлая, какъ бумага, съ широко раскрытымъ ртомъ и глазами, она, казалось, близка была къ обмороку. Дешаппъ весь посинѣлъ, уставилъ глаза въ одну точку, точно его разбилъ параличъ. М-г де-Фель взглянулъ на окровавленный стилетъ и, не зная, какъ его вытереть, протянулъ Жозефу; тотъ сорвалъ пучокъ травы и оберъ лезвіе.

Нищій открылъ глаза и, не двигаясь съ мѣста, наблюдалъ сцену. Въ эту минуту догъ въ послѣдній разъ конвульсивно вздрогнулъ, вытянулся и повалился мертвый.

Увидавъ это, де-Фель снова разсвирѣпѣлъ и накинулся на нищаго.

— Это ты, паршивый, раздражилъ своей палкой собаку. Подлая тварь! Какъ, нѣтъ? Точно я не видѣлъ. Подожди, скотина, вотъ, я отправлю тебя къ жандарму! Эта собака во сто разъ дороже твоей мерзкой жизни... да, мерзкой жизни! Старый дуракъ! Безмозглый дармоедъ!—Но раздраженіе стихло, когда графъ увидалъ потокъ крови, струившійся изъ раны.

— Твое счастье, что онъ не съѣлъ тебя живьемъ!—закричалъ графъ. Онъ въ одинъ глотокъ могъ бы проглотить тебя со всеми потрохами! Тебѣ больно? Оглохъ ты, что ли? Я тебя спрашиваю, больно ли тебѣ?

Старикъ колебался между желаніемъ пожаловаться на боль и опасеніемъ новой брани. Его стращали жандармами; штука не особенно пріятная! Но, вѣдь, онъ право былъ не виноватъ. На него набросилась собака, онъ ничего не требовалъ отъ нихъ за это.

Де-Фель, подойдя къ экипажу, съ горечью говорилъ: «Такая собака, за подобную дрянъ!

М-г Дешаппъ не могъ произнести ни одного звука. М-е де-Фель, сострадательная и мечтавшая о депутатскомъ креслѣ для мужа, старалась устранять всѣ преграды, которыя могли воздвигнуть

сверомлетельные торговцы виномъ, избиратели - ремесленники и крестьяне.

— Кажется, несчастный раненъ, — прошептала она! — Надо взять его въ замокъ и тамъ походить за нимъ.

— Этого недоставало! — вскричалъ въ негодованіи графъ.

— Непремѣнно, сказала она, повѣрьте мнѣ, это въ вашихъ... въ нашихъ интересахъ! — поправились графиня. Она прибавила еще нѣсколько убѣдительныхъ и вѣскихъ словъ, на что Дешапль утвердительно мотнулъ головой. Но де-Фель не могъ утѣшиться, что пожертвовалъ догомъ за такое ничтожество, за эту «гнусную сволочь», какъ онъ выражался.

— Предоставьте это мнѣ, — сказала м-е де-Фель. По ея приказанію нищого убѣдили, хотя не безъ труда, влѣзть на козлы; между тѣмъ, какъ Жозефъ и м-г де-Фель оттащили въ сторону трупъ Драгга и уложили его на травѣ, прикрывъ вѣтвями, въ намѣреніи прислать за нимъ телѣгу. Лошади быстро тронулись по большой дорогѣ, залитой солнечными лучами. Пріѣздъ экипажа въ замокъ произвелъ сильное впечатлѣніе.

М-ше де-Фель велѣла ухаживать за старикомъ; по всей округѣ распространился слухъ, что де-Фель, рискуя жизнью, спасъ нищого отъ взбѣсившагося Драгга; ему пришлось отчаянно бороться съ собакой, и защищаясь, онъ убилъ ее стилетомъ отъ трости. Репортеры пріѣзжали интервьюировать графа; изъ него сдѣлали героя. Старикъ, питаясь на кухнѣ въ замкѣ, растолстѣлъ и поправился; онъ способствовалъ распространенію легенды, свидѣтельствуя своимъ видомъ о великодушіи де-Фелей. Это дало графу столько лишнихъ голосовъ на выборахъ, благодаря чему онъ побѣдилъ соперника, доктора-радикала, который разорился, раздавая всѣмъ своимъ сторонникамъ въ видѣ панацеи облатки антипирина.

Драггу воздвигли въ паркѣ замка могилу.

М-г Дешапль никогда больше не ѣздитъ въ экипажѣ.

Н. К.

СЕРГѢЙ ШУМОВЪ.

Повѣсть.

I.

Была суббота. По коридору гимназіи радостно проносились пансіонеры, отпускаемые до понедѣльника домой. Сергѣй Шумовъ, гимназистъ 7-го класса, мрачно слонялся по длинному коридору, ожидая съ нетерпѣніемъ, когда его отпустятъ. Классы давно кончились, половина пансіона разошлась въ отпускъ, а за Шумовымъ все не приходило изъ дому. Онъ хмурился, дѣлая концы по опостылѣвшему коридору, и съ отвращеніемъ смотрѣлъ на казенныя стѣны, на сѣрыя куртки пансіонеровъ, казавшихся ему арестантами, на вице-мундиры надзирателей, которые представлялись ему въ эти минуты тюремщиками. И весь пансіонъ, съ его унылыми коридорами, желто-коричневою краской на стѣнахъ, чугунными лѣстницами и солдатами-сторожами, былъ въ его глазахъ тюрьмой, откуда онъ рвался всѣми силами своей безпокойной души.

Бругомъ слышалось жужжанье голосовъ. Сѣрыя куртки, отдѣльно и группами, сновали по всѣмъ направленіямъ, мелькали по лѣстницамъ, въ залахъ, гардеробной. Веселые возгласы идущихъ домой смѣшивались съ плачемъ маленькихъ, оставляемыхъ безъ отпуска. Дежурный воспитатель, Масловъ, выкрикивалъ фамиліи пансіонеровъ, за которыми пришли изъ дому. Кто-то, всхлипывая, просилъ прощенья; кто-то ругался, грозя кулакомъ въ пространство. «Иванъ Ивановичъ», крохотный приготовишка, прошелъ въ волненіи по коридору, бормоча что-то безпокойное и поминутно оглядываясь пугливо по сторонамъ. Эта привычка развила у него въ пансіонѣ, представляя неистощимый источникъ для потѣхи сѣрыхъ куртокъ. Вотъ Лысковъ, большой, грубый, съ тупымъ, нахальнымъ лицомъ, подбѣжалъ къ «Ивану Ивановичу» и сгребъ его

сзади за волосы: Лысковъ оставленъ безъ отпуска и хочетъ не комъ-нибудь сорвать свою злость. «Иванъ Ивановичъ» испуганно закричалъ и шарахнулся въ сторону, а Лысковъ, захохотавъ, побѣждалъ курить. Второклассникъ Фокинъ, тщедушный, съ прощешинами на головѣ, которыми украсилъ его казенный цирюльникъ, сидитъ въ уголѣ коридора съ латинской грамматикой въ рукахъ и зубрить. Обильныя слезы капаютъ изъ его глазъ на страницы роковой для него книги, изъ-за которой онъ уже полтора мѣсяца сидитъ безъ отпуска; носикъ Фокина покраснѣлъ и какъ будто распухъ; слабая грудь его нервно поднимается подъ казеннымъ нагрудникомъ; потныя и мокрыя отъ слезъ руки судорожно гнутъ и отрываютъ краешки страницъ. «Зачѣмъ ты рвешь казенную книгу, дуракъ?» — замѣчаетъ проходящій мимо воспитатель, Павловичъ, и Фокинъ съеживается подъ тяжелымъ и недобримъ взглядомъ.

Въ концѣ коридора показался Плошкинъ, отставной солдатъ, низенькій, нескладный, красноносый, съ подкрашенными усами, съ мутно-веселыми глазами, въ которыхъ виднѣлся юморъ, всегда спрыснутый для крѣпости сивухой. Плошкинъ шелъ, не торопясь и раскачиваясь, точно на рессорахъ; въ рукахъ у него было нѣсколько, только что принесенныхъ, отпускныхъ билетовъ. Толпа сѣрыхъ куртокъ, большихъ и маленькихъ, быстро окружила его, чуть не вырывая изъ рукъ билеты.

— Мой принесли? Мой есть? А мой, а мой? — раздавались на перебой голоса.

— Нѣтъ ли моего? — спросилъ Шумовъ, стремительно подходя къ солдату.

Плошкинъ, смѣшно прищурившись, медленно перебралъ корытыми пальцами билеты, на которыхъ значились фамиліи гимназистовъ.

— Васъ, знать, не принесли, — сказалъ онъ своимъ добродушно-сиплымъ голосомъ.

Былъ *Шаховъ*, былъ *Шатерниковъ*, но *Шумова* не было.

— А, чортъ! — выругался Шумовъ и опять пошелъ слоняться по коридору. — Сдѣлаю двадцать концовъ: авось, за это время принесутъ билетъ, — рѣшалъ онъ и принимался отсчитывать концы. Онъ переносился въ мысляхъ домой и живо представлялъ себѣ всѣхъ домашнихъ. — Отецъ, можетъ быть, пьянъ теперь... Онъ нѣтъ: онъ только навеселѣ, острить и рассказываетъ анекдоты, говорить и смѣется добродушно... вообще очень милъ. Мать вздыхаетъ, жалуется на нервы... а, можетъ быть, сидитъ за роялемъ и играетъ Шумана. Елена — ледышка, но, все-таки, есть же въ ней

какое-нибудь чувство. Она предубѣждена противъ меня, но если я поговорю съ ней по-братски, расскажу ей, какъ мнѣ скверно жилось, она навѣрное пойметъ и станетъ дружна со мной. Ахъ, только бы попасть скорѣй домой, — и я сейчасъ же успокоюсь, перегану злиться, буду ласковъ со всѣми. Увижу Познякову (она навѣрно сидитъ теперь у Елены), буду глядѣть, какъ она улыбается, поговорю съ ней, расскажу ей, какъ я томился здѣсь, какъ рвался домой. Расскажу про «Ивана Ивановича», про Фокина. Буду все время смотрѣть ей въ глаза... такое наслажденіе!»

Онъ останавливался, зажмуривалъ глаза и представлялъ себѣ, какъ хороша Познякова, какъ она ходитъ, садится, улыбается. Потомъ открывалъ глаза, видѣлъ передъ собой казенныя стѣны и, вздохнувъ, снова пускался по коридору. Онъ сдѣлалъ двадцать шаговъ, еще и еще двадцать, а билета не приносили. Шумовъ занялъ на большіе часы, висѣвшіе въ рекреационной залѣ. Было половина четвертаго: оставалось только полчаса до обѣда. Онъ морщился и пошелъ къ чугунной лѣстницѣ, которая вела внизъ; тамъ онъ облокотился локтями о перила и, смотря на нижнюю площадку лѣстницы, съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда опять появится Плошкинъ съ билетами. Мимо него то и дѣло пробѣгали по лѣстницѣ гимназисты въ шинеляхъ и съ веселыми лицами; онъ провожалъ ихъ завистливымъ взглядомъ.

— Прощайте, Шумовъ! — крикнулъ первоклассникъ Шаховъ, хорошенькій, розовый мальчикъ, съ ясными глазами и ямочками на щекахъ, любимецъ Шумова.

Шумовъ посмотрѣлъ на его веселую припрыжку, на его сияющее лицо и угрюмо промолчалъ. Проковылялъ по лѣстницѣ второклассникъ Шатерниковъ, сутуловатый, старообразный, апатичный. Онъ учился скверно и отвѣчалъ уроки такъ вяло, что учителя терпѣніе и ставили ему двойки; больной, малокровный, мрачный, вслѣдствіе жестокаго катарра желудка, онъ былъ страшно разсѣянъ и сидѣлъ за это вѣчно безъ отпуска, принимая наказаніе съ тупой покорностью. На этотъ разъ его какимъ-то чудомъ отпустили домой.

«Даже Шатерниковъ идетъ въ отпускъ!» — съ досадой подумалъ Шумовъ, провожая глазами сторбленную фигурку «россомахи» (прозвище Шатерникова).

— Шумовъ, до свиданья! — крикнулъ толстякъ Жмаковскій, одноклассникъ Шумова. — Иду въ отпускъ: фридрихъ хераусъ! Нынче буду на именинахъ: имѣю намѣреніе нализиться. Пожелай успѣха... Addio! Знаешь свѣжій куплетъ Чурилова:

Я сидѣлъ надъ Цицерономъ,
 Этимъ старымъ хвастуномъ:
 Все во мнѣ стояло стономъ,
 Все пошло въ башкѣ вверхъ дномъ!
 Переводишь, переводишь,—
 И безсмыслица всегда!
 Многихъ словъ, вѣдь, не находишь
 Въ словарѣ-то иногда.

Здорово, а? Хлестко? Точно про меня писалъ. Ну, прощай. Утопу въ горькомъ питіи!

«Экая довольная рожа!»—процѣдилъ сквозь зубы Шумовъ, провоявая толстяка завистливымъ взглядомъ.

— Шумовъ, объясните мнѣ, пожалуйста, Пифагоровы штаны,—попросилъ невзначай угреватый Снегиревъ, вѣчно хромавшій на математикѣ.

— Убирайтесь отъ меня къ чорту съ своими дурацкими штанами!—огрызнулся Шумовъ.

Впрочемъ, ему сейчасъ же стало жаль этого мученика геометріи; но Снегиревъ успѣлъ уже обратиться съ той же просьбой къ восьмикласснику Андрееву, который снисходительно объяснялъ ему теорему.

Плошкинъ явился съ пустыми руками и занялъ свое мѣсто около двери. Группа старшихъ окружила его. Пансіонеры любятъ отъ скуки послушать его рассказы о турецкой кампаніи, объ усмирении поляковъ, побесѣдовать съ нимъ ради смѣха о разныхъ научныхъ и философскихъ вопросахъ. Эти бесѣды они называли «Тускуланскими».

— Вотъ ученые люди пишутъ, будто луна землю притягиваетъ,—говорилъ Плошкинъ медленно и серьезно, между тѣмъ какъ въ глазахъ его прыгалъ юмористическій бѣсенокъ. — Правда это, господа гимназисты?

— Правда, генералиссимусъ, правда.

— То-то, замѣчаю я, какъ мѣсяцъ взойдетъ, такъ меня словно все потягиваетъ.

— Куда-жъ тебя потягиваетъ, Диогенъ красноносый? — спросилъ длинный восьмиклассникъ Вознесенскій, прозванный «трехполѣннымъ».

— Да известное дѣло—къ чарочкѣ. .

Сѣрыя куртки хохотали, а Плошкинъ самодовольно поглаживалъ свои смѣшные усы.

— Ты расскажи-ка намъ про полегъ, какъ ты съ ними хоро-

«Дядя, — сказала шестиклассникъ Семеновъ, озорникъ и безоб-
взникъ, одержимый непонятнымъ тяготѣніемъ ко всякой грязи. —
тебя сколько любовницъ-то было?»

Куртки хохотали, предвкушая нѣчто пикантное. Плошкинъ лу-
аво прищурилъ глазъ.

— Польша—это, я вамъ скажу, самая что ни на есть...—тутъ
нѣ, къ удовольствію сѣрыхъ куртокъ, ввернулъ очень крѣпкое
слово...

Раздался громкій звонокъ, призывающій къ обѣду. Шумовъ,
жрѣбя сердце, пошелъ вмѣстѣ съ другими въ пансіонную столо-
ую. Онъ былъ раздраженъ и ничего не ѣлъ, удивляясь, какъ мо-
утъ уплетать за обѣ щеки Лысковъ, Снегиревъ, Семеновъ и дру-
іе, оставленные безъ отпуска. Буркинъ, одноклассникъ Шумова,
великовозрастный парень, одичавшій за свое долготѣнее пребываніе
въ пансіонѣ, держалъ пари, что съѣстъ восемь котлетъ, —и съѣлъ
ри громкой ругани тѣхъ, кто отдалъ ему изъ любознательности
свои порціи. Шумову это казалось противнымъ. Онъ представлялъ
себѣ, что въ это самое время обѣдаютъ его домашніе, и злился, что
онъ принужденъ сидѣть здѣсь, въ казенной столовой, среди такихъ
болвановъ, какъ Лысковъ, Семеновъ, Буркинъ, слушать пошлые
разговоры, видѣть все тѣ же сѣрыя куртки и виць-мундиры.

Подъ конецъ обѣда произошелъ эпизодъ, насмѣшившій пансіо-
неровъ. Къ одному карапузику, прозванному «Инфузоріей», при-
шла мать съ его маленькою сестрой и съѣла въ швейцарской, ожи-
дая, когда кончится обѣдъ. Шустрая дѣвочка не утерпѣла, шмыг-
нула изъ швейцарской, проникла въ столовую и, увидавъ брата,
радостно воскликнула:

— Левочка, вотъ я!

Столовая огласилась дружнымъ хохотомъ. Левочка побагровѣлъ,
поперхнулся и посмотрѣлъ на сестру совершеннымъ звѣремъ.

— Уйди, уйди! — шипѣлъ онъ на нее, отмахиваясь отъ кро-
шечной, веселой дѣвочки, какъ отъ привидѣнія.

Павловичъ пугнулъ ее, и она, заплакавъ отъ испуга, выбѣжала
при громкомъ смѣхѣ сѣрыхъ куртокъ.

— Левочка, вотъ я, Левочка, вотъ я! — кричали на всѣ лады
пансіонеры, а бѣдная «Инфузорія» не знала, куда дѣваться отъ
стыда. Левочка чувствовалъ, что онъ непоправимо осрамился.

Эта сцена еще больше раздражила Шумова. Онъ смотрѣлъ на
попыхивающихся со смѣху пансіонеровъ съ нескрываемымъ пре-
зрѣніемъ; ему хотѣлось крикнуть имъ, что они — «свиньи и больше
ничего».

— У Шумова животъ болитъ, — сказалъ нахаль Семеновъ с насмѣшкой. — Положимъ ему припарки!

Шумовъ хотѣлъ было запустить въ Семенова горбушкой, но въ эту минуту раздался звонокъ, возвѣстившій конецъ обѣда. Повѣли «Благодаримъ Тя, Христе Боже нашъ», Буркинъ уписывал инспекторскія пробныя порціи, а Лысковъ и Семеновъ колотили са слегда по загорбку.

Послѣ обѣда ушли въ отпускъ еще нѣсколько человѣкъ. А Афросимовымъ пріѣхала мать въ колясѣ на парѣ бровныхъ рысковъ, и пансіонеры бросились къ окну посмотрѣть, какъ поѣдетъ «жирная bestія Афросимовъ». За Лукинымъ пришелъ отецъ, военный генералъ, и Шумовъ видѣлъ въ окно, какъ швейцаръ вынулся передъ нимъ въ струнку.

«Скоро пять! — думалъ въ отчаяніи Шумовъ, глядя на неумолимые часы. — Я ужъ два съ половиной часа могъ бы быть на свободѣ, а я торчу здѣсь, за этими проклятыми стѣнами! А время идетъ да идетъ... Ждешь, ждешь субботы — и вдругъ... Злость разбираетъ!... Навѣрное, просто-на-просто забыли послать съ билетомъ дворника... Они и не думаютъ, каково мнѣ тутъ... Эгоисты! Посадили бы я ихъ сюда!... Только о себѣ и думаютъ, а я хотъ пропади... Я имъ припомню это, припомню!»

Онъ смотрѣлъ въ окно, и всѣ люди, идущіе и ѣдущіе по улицѣ, казались ему самодовольными эгоистами, беззаботными, счастливыми своею свободой, равнодушными къ горю другихъ.

— Господа, смотрите, смотрите! — раздавался голосъ Буркина.

— Что такое, что такое? — говорили гимназисты, бросаясь къ окну.

— За Черепановымъ горничная пришла! — возгласилъ Буркинъ. — Это — метреса его... Го-го!

— Го-го-го! — грохотали сѣрыя куртки. Они знали, что Буркинъ безбожно лжетъ, но его шутовское, курносое лицо и тотъ апломбъ, съ которымъ онъ несъ свою галиматью, были такъ уморительны, что всегда заставляли гимназистовъ покатываться со смѣху.

— Смотрите, за «патріархомъ» годовалый ребенокъ пришелъ! Это его внукъ, — ей-Богу! — говорилъ Буркинъ, указывая на шествовавшего по гимназическому саду Угрюмова, самаго стараго изъ всѣхъ гимназистовъ. Даже Шумовъ невольно усмѣхнулся, увидя почтеннаго восьмиклассника, провожаемаго девятилѣтнимъ племянникомъ.

— Эй, папаша! — кричалъ Буркинъ въ окно Угрюмову. — Не

Ибудь гостинчика купить внучкамъ! Да просѣвай, просѣвай ихъ ерошенько, чтобы не баловались!

— Го-го-го!—надрывались гимназисты.

— Вниманіе, господа, вниманіе!—кричалъ Чуриловъ, помахи-вая бумажкой, на которой онъ только что написалъ стихи.—Пре-удрость, вонимемъ: новые куплеты, съ пылу, съ жару, пяточокъ а пару!

— Bravo!—раздались голоса.—Читай!... Слушайте, господа, гушайте!

Чуриловъ сталъ въ позу и продекламировалъ по бумажкѣ:

За Афросимовымъ заѣхала маманчикъ,
И важно покатишь въ коляскѣ нашъ болванчикъ...

— Ха, ха, ха!... Bravo!

Къ Угрюмову пришелъ его племяша,
И съ помощью его затрюхалъ нашъ папаша...

— Здорово!

За мной же, грѣшнымъ, кто зайдетъ?
Меня къ себѣ самъ дьяволъ не возьметъ!

Гимназисты громко аплодировали. Шумовъ глядѣлъ сочув-ственно на крупную фигуру Чурилова, на его валмыцкое лицо съ маленькими пронизательными глазами; ему нравилась своеобразная грація его размашисто-спокойныхъ движеній, его широкая улыбка, его беззвучный смѣхъ; нравились даже вѣчныя про-рѣхи подъ мышками на сѣрой курткѣ, изъ которой какъ будто рва-лись его широкія плечи. Шумовъ зналъ, что у Чурилова не было никого близкихъ людей; кто-то платилъ за него въ гимназію, но платилъ неаккуратно: каждый годъ Чурилова собирались исклю-чить за неплатежъ, каждый годъ сносились съ его таинственнымъ благодѣтелемъ и чуть не насильно вырывали у него деньги. Такимъ образомъ Чуриловъ дошелъ до восьмого класса. Онъ презиралъ гимназическіе учебники, отмѣтки, пересадки, но учился отлично, благодаря своимъ необыкновеннымъ способностямъ. Онъ никогда не ходилъ въ отпускъ и, томясь среди казенныхъ стѣнъ, отводилъ душу въ сатирическимъ куплетахъ.

— Меня къ себѣ самъ дьяволъ не возьметъ!—повторилъ Шу-мовъ съ какимъ-то горькимъ наслажденіемъ, примѣняя эту фразу къ себѣ.—Bravo, Чуриловъ!

Буркинъ, раззадоренный примѣромъ Чурилова, началъ въ свою очередь импровизировать какіе-то куплеты, но это было такъ по-

шло, что Шумовъ почувствовалъ отвращеніе и поспѣшилъ отойти. Часы пробили пять: каждый ударъ болѣзненно отзывался въ сердцѣ Шумова.

— Шу... Шурагинъ! — крикнулъ Масловъ голосомъ молодого пѣтуха.

У Шумова при звукахъ Шу... ёкнуло сердце; но, услыжавъ чужую фамилію, онъ сердито взглянулъ на Шурагина, отошелъ къ огню и прижался лбомъ къ холодному стеклу.

— Что же, состоится завтра нашъ литературный вечеръ? — спросилъ его Шурагинъ съ своей обычной насмѣшливой улыбкой.

Стройный, красивый Шурагинъ замѣтно важничалъ и держался особнякомъ. Отецъ его, очень вліятельный человекъ, уѣхалъ годъ за границу и помѣстилъ на это время сына въ пансіонъ, гдѣ Шурагинъ чувствовалъ себя, какъ путешественникъ на постояломъ дворѣ. Онъ ходилъ по праздникамъ къ теткѣ, важной баронессѣ, и относился къ пансіонерамъ и всему пансіонскому нѣсколькимъ свысока.

— Почему я знаю, состоится ли вечеръ, — отвѣтилъ Шумовъ съ досадой. — Вы видите, я въ клѣткѣ.

— Ну-съ, до свиданья! — усмѣхнулся Шурагинъ, подавая Шумову руку «дощечкой» и смотря, по своему обыкновенію, не въ глаза собесѣднику, а между глазъ.

— Сто, Сумовъ, скуسنенько? — прокартавилъ Масловъ, подходя на своихъ «пѣтушьихъ» ногахъ.

Шумовъ посмотрѣлъ на его бѣлокурое лицо, съ жиденькими, прилизанными волосами и расплывчатыми, мягкими чертами, на его золотые очки, подъ которыми суетливо бѣгали близорукіе, безцвѣтные глаза, и произнесъ, слегка передразнивая его:

— Да, скуسنенько.

Масловъ не притѣснялъ гимназистовъ, не жаловался на нихъ начальству, заигрывалъ со старшими, но почему-то всё относился къ нему пренебрежительно и даже съ отчѣнкомъ неприязни. Онъ поступилъ недавно воспитателемъ и получилъ урокъ географіи во 2-мъ классѣ. На первомъ же урокѣ отношенія учениковъ къ нему сразу и надолго опредѣлились. Онъ вошелъ въ классъ торжественно, въ длинномъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, въ высокомъ стоячемъ воротничкѣ, въ золотыхъ очкахъ, серьезный и важный. Оглянувъ всѣхъ задумчивымъ взглядомъ, онъ приосанился и началъ говорить рѣчь:

— Дѣти! Господа! Мы еще съ вами незнакомы, но я влеледъ

знаю, сто вы — дѣти холосыя... и я надѣюсь, сто мы будемъ съ вами холосыми длузьями... Поэтому, господа, я плосу вась...

Ловко пущенная кѣмъ-то жеваная бумага попала ему въ лобъ и прервала его рѣчь. Блассъ огласился фырканьемъ. Масловъ зарьеръ съ открытымъ ртомъ, потомъ смѣшно затоптался на мѣстѣ и прикнулъ голосомъ молодого пѣтуха:

— Мелзавцы!

— Бу-ку-ре-ку! — послышались голоса.

Тогда Масловъ въ ярости схватилъ Шатерникова, самаго скромнаго изъ всѣхъ, за шиворотъ и вышвырнулъ за дверь. Долго послѣ этого онъ ходилъ по классу, съ красными пятнами на щекахъ, и вытиралъ дрожащими руками очки; но не могъ уже попасть ни въ какой тонъ и тутъ же получилъ дружное прозвище «дрызглаго». Престижъ его сразу рухнулъ.

Теперь «дрызглый» стоялъ пѣредъ Шумовымъ, моргая не то растерянно, не то сердито и, наконецъ, сдѣлавъ видъ, что не замѣтилъ передразниванья.

— Плидется вамъ помолиться у насъ, плидется, — прокарташилъ онъ съ плохо скрытой язвительностью, мстя Шумову за напѣшку, и, повернувшись на каблукахъ, заковылялъ по коридору своей торопливой, сѣменящей походкой.

«Помолиться...—думалъ Шумовъ, стискивая зубы.—Въ 6 часовъ всеобщая: поведутъ въ церковь; а послѣ всеобщей ни въ какомъ случаѣ не отпустить...»

«Господи, воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя...» — доносилось изъ удаленнаго класса, гдѣ происходила передъ всеобщною спѣвка.

«Вотъ принесли бы сейчасъ билетъ: теперь еще можно уйти, можно вырваться!» — съ тоскою думалъ Шумовъ.

«Свѣте тихій святыя славы...» — слышалось пѣніе, и острая, немая грусть заползала въ душу Шумова. Подъ стройные, протяжные звуки хора что-то плакало внутри Шумова, что-то росло и подступало къ горлу.

— Шумовъ, почему за вами не пришли? — спросилъ съ улыбочкой Павловичъ, неслышно подходя на своихъ толстыхъ пробковыхъ подошвахъ.

Гимназисты терпѣть не могли этого поляка съ грубымъ лицомъ, вузитскими глазами, северной улыбочкой на тонкихъ губахъ и коварной походкой. Онъ былъ по натурѣ соглядатаемъ и отдавался этому занятію съ какимъ-то сладострастіемъ: подглядывалъ, подслушивалъ, шарилъ потихоньку въ столахъ и вѣчно нашептывалъ

что-то директору. Чуриловъ почтилъ его слѣдующимъ куплетомъ въ своей поэмѣ *Гимназіада*:

Кури теперь съ оглядкой,—
Иначе не моги:
Завель Павловичъ гаднѣй
На пробкахъ сапоги!...

— Почему не пришли, а? — повторилъ свой вопросъ Павловичъ. — Что-то странно... Почему васъ не хотятъ брать?

— Почему же я знаю? — угрюмо возразилъ Шумовъ, отворачиваясь отъ Павловича.

— Хе, хе! Да ужъ вы не скрывайте, — продолжалъ Павловичъ, вонзая въ Шумова сверкающій злорадствомъ взглядъ. — Что у васъ дома дѣлается, а? Здоровы ли ваши родители, а?

Павловичу хотѣлось выслѣдить не только гимназистовъ, но даже ихъ родственниковъ до седьмого колѣна. До гимназіи дошли темные слухи о неурядицѣ въ семействѣ Шумова, изъ-за которой Шумовъ два года назадъ былъ отданъ въ пансіонъ. Раньше онъ былъ приходившимъ и жплъ у родителей; помѣщеніе его въ пансіонъ возбуждало въ гимназіи разные толки и сплетни, порядкомъ измучившіе Шумова. Одни говорили, что мать Шумова развелась съ отцомъ, который пьетъ горькую и подъ пьяную руку хочетъ всѣмъ перерѣзать; другіе шептали, что отецъ Шумова засталъ жену съ любовникомъ и избилъ ее до полусмерти, а любовника ранилъ изъ пистолета; третьи высказывали предположеніе, что Шумовъ — незаконнорожденный и что поэтому ему неудобно жить въ семьѣ, ибо у него есть взрослые сестры, къ которымъ сватаются женихи. Всѣ эти сплетни оскорбляли Шумова и заставляли его вѣчно держаться насторожѣ. Въ немъ развилось недовѣріе къ товарищамъ, болѣзненное самолюбіе, стремленіе уйти въ себя и замкнуться отъ окружающихъ. Когда сплетни умолкали и никто не дотрогивался до его больного мѣста, Шумовъ понемногу успокаивался и становился общительнѣе. Теперь Павловичъ опять задѣлъ его больную струну, и Шумовъ насторожился, ошетинясь, какъ ежъ...

— У меня дома ничего не дѣлается, — глухо сказалъ онъ.

— А зачѣмъ же васъ отдали въ пансіонъ? — возразилъ Павловичъ тономъ слѣдователя, который ловить преступника неожиданнымъ вопросомъ.

— А зачѣмъ вамъ это знать? — рѣзко спросилъ Шумовъ.

— Хе, хе! — ехидно усмѣхнулся Павловичъ, наслаждаясь его смущеніемъ.

Шумовъ молча повернулъ къ нему спину и вышелъ въ коридоръ. Тамъ его нагнала толпа пансіонеровъ.

— Шумовъ, Шумовъ!—кричали смѣющіеся голоса.—Буркинъ сейчасъ наплевалъ въ карманъ инспектору... Ха, ха, ха!

«Глупые, пошлые!»—говорилъ самъ съ собой Шумовъ, презрительно глядя на ватагу: все, заключенное въ стѣнахъ гимназіи, казалось ему скучнымъ, назойливо тоскливымъ, и самъ онъ себя представлялся жалкимъ, глупымъ и неприятнымъ.

Буркинъ, зажавъ носъ отъ смѣха, выбѣжалъ въ коридоръ и, завидя «дрызглаго», бросился къ нему.

— Петръ Ивановичъ, вы нынче ночной?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Масловъ, пугливо озираясь по сторонамъ, какъ заяцъ.

— Такъ позвольте мнѣ слопать вашъ вечерній чай и булку.

— Нѣтъ, мнѣ! Нѣтъ, мнѣ!—раздались голоса подоспѣвшихъ пансіонеровъ.

Масловъ, окруженный «старшими», краснѣлъ и смущенно моргалъ, не зная, что ему дѣлать.

— Сто это, господа, точно дѣти?—говорилъ онъ, неловко усмѣхаясь.—Плаво, смѣсно... Ну, холосо... Ну, пусть Булкинъ возьметъ булку.

— Его кукурекутство обѣщалъ мнѣ!—возгласилъ Буркинъ и захрюкалъ при громкомъ смѣхѣ окружающихъ.

— Ш...Шумовъ... х...хотите с...слона дѣлать?—спросилъ шестиклассникъ Малевинскій, силачъ и заяка, съ мозгами пятилѣтняго ребенка.

— Слона! слона!—закричали Семеновъ, Лысковъ, Воскресенскій и еще нѣсколько дюжихъ парней, которыхъ давно уже брилъ казенный цирюльникъ.

Они подхватили Шумова. Тотъ сердито рванулся и отошелъ въ сторону. «Господи, скоро ли я уйду отсюда?»—простоналъ онъ про себя.

— На пошехонцевъ любуетесь?—спросилъ Чуриловъ, указывая на устроителей «слона».

Прозвище «пошехонцевъ» получилъ, съ легкой руки Чурилова, особый разрядъ пансіонеровъ; тутъ были и тамбовскіе, и калужскіе, были изъ Серпухова, Каширы, Моршанска, но всѣхъ «пошехонцевъ» связывала какая-то общая черта, какое-то сродство натуръ, взглядовъ, интересовъ: всѣ они обладали громаднымъ аппетитомъ, туповатыми лицами и веревочными нервами. «Пошехонцы» удивленно расширяли глаза и хихикали, если при нихъ заходила

рѣчь о литературѣ, наукѣ, общественныхъ дѣлахъ, и сами больше всего интересовались вопросомъ, какое за обѣдомъ пирожное и выдадутъ ли имъ, при отпускѣ домой, новые мундиры? Чуриловъ воспѣлъ ихъ въ своей «Гимназіадѣ»:

Могутъ спать они хоть сутки,
Вѣчно чавкаютъ ихъ рты,
Вѣчно полны ихъ желудки,
Вѣчно головы пусты.

—
Какъ невинны ихъ забавы!
То «Стрѣлочка» запоютъ,
То, не мудрствуя лукаво,
Стѣнки строить, масло жмутъ.

—
То слона по классу водятъ.
И стою я изумленъ:
Изъ шести ословъ выходитъ
Настоящій цѣлый слогъ!

— Какова наша любезная Пошехонія?—говорилъ Чуриловъ Шумову, указывая на «слона», торжественно двигающагося по коридору. — Эй, головопяты, Маеусайлъ идетъ!—закричалъ онъ, завидя дряхлую фигуру надзирателя-нѣмца, Блюма.

«Слогъ» мгновенно разсыпался. Маленькіе, сопровождавшіе его, шарахнулись во всѣ стороны.

— Шо?—закричалъ Блюмъ, хватая неповинную «инфузорію». — Та фоть арѣсть фъ нишній кариторъ, на фистафку!

— За что, Антонъ Иванычъ? Это не я, право не я!

— Та фоть на фистафку!... Я фсе снаю... фсе...

И поволокъ «Инфузорію» внизъ.

— У-тю-тю!—кричали вслѣдъ Лысковъ и Семеновъ.

Въ коридорѣ появился инспекторъ, русскій нѣмецъ, съ оловянными глазами на выкатѣ и самодовольнымъ лицомъ.

— Что онъ сдѣлалъ?—спросилъ инспекторъ,ковыряя по прывычкѣ пальцами въ ухахъ.

— Та фоть шумѣлъ.

— Ей-Богу, не я!—слезливо оправдывалась «Инфузорія».

— Что?... Безъ чаю нынче... Что?... Блания бабушкѣ...
Что?...

И, не дожидаясь отвѣта, обратился къ Шумову:

— Ты безъ отпуска сидишь? Что? (По пригѣру директора, онъ говорилъ всѣмъ *ты*).

— Нѣтъ, я не оставленъ безъ отпуска.

— Что?... Ну, вотъ и сиди. Бланияйся бабушкѣ,—повторилъ онъ свою любимую острогу.

— Я не оставленъ, Федоръ Федоровичъ.

— Какъ?... Что?... Охъ, какой ты!...

Онъ стоялъ передъ Шумовымъ, уставя на него свои большіе, выпуклые глаза и роаясь, по своему обыкновенію, въ глубокіхъ карманахъ брюкъ.

— Охъ, какой ты безобразный!—произнесъ онъ, не зная, что сказать, повернулся и ушелъ.

«Хорошо сдѣлалъ Буркинъ, что наплевалъ ему въ карманъ»,—подумалъ Шумовъ.

— Сумовъ, васъ билетъ!—торжественно возвѣстилъ Масловъ и пошелъ къ конторкѣ, стараясь на ходу важно покачиваться, какъ это дѣлалъ директоръ.

Шумовъ со всѣхъ ногъ бросился за нимъ, и Масловъ въ эту минуту казался ему не дрызглымъ, а необыкновенно добрымъ и милымъ; даже на Лыскова, который попался ему навстрѣчу, онъ взглянулъ примирительно и ласково.

— До свиданія, Петръ Ивановичъ!—почтительно раскланялся Шумовъ, получивъ отъ Маслова отпускъ и захлебываясь отъ удовольствія.

Масловъ надменно кивнулъ ему головой, что очень не шло къ его мизерной фигурѣ.

«Эхъ ты, дрызгунъ!»—весело воскликнулъ Шумовъ, очутившись въ коридорѣ.

Раздался рѣзкій звонокъ, призывающій въ церковь. «Врешь, теперь меня не воротишь!»—сказалъ Шумовъ, сбѣгая въ радостномъ волненіи по лѣстницѣ.

II.

Шумовъ готовился увидѣть въ швейцарской дворника, но вмѣсто этого увидалъ сгорбленную фигуру отца, который разговаривалъ съ швейцаромъ. Въ сердцѣ Сергѣя вспыхнула горячая любовь къ отцу; но когда онъ увидалъ его грязную, оборванную шубу, услышалъ его не совсѣмъ твердую рѣчь, доброе чувство смѣнилось въ немъ стыдомъ и досадой. Онъ остановился на серединѣ лѣстницы и оглянулся съ безпокойствомъ. Сверху доносился топотъ ногъ и смѣшанный звукъ голосовъ: это гимназисты шли въ церковь.

— Катались и мы въ коляскахъ, — говорилъ человекъ въ шубѣ швейцару, который разсматривалъ его съ нахальнымъ любопытствомъ: — такимъ холоумъ, какъ ты, по зелененькой на чай давали... А, узникъ! — привѣтствовалъ онъ сына и, пошатываясь, устремился къ нему навстрѣчу.

Сергѣй покраснѣлъ отъ стыда: надъ лѣстницей проходили попарно гимназисты и черезъ перила засматривали въ швейцарскую.

— Здравствуйте, — пробормоталъ онъ отцу, торопясь къ выходу.

— Такъ-то ты здороваешься съ отцомъ? — произнесъ Павелъ Петровичъ, путаясь въ шубѣ, и затѣмъ, обращаясь къ швейцару, прибавилъ: — нынче пятая заповѣдь читается по новому: «Чти сына твоего и дочь твою»... Вотъ оно какъ!

Швейцаръ ухмыльнулся. Наверху кто-то фыркнулъ.

— Съ мухой! — слышался голосъ Буркина.

Павловичъ перевѣсилъ черезъ перила и смотрѣлъ внизъ.

— Пойдемте же! — проскрежеталъ Сергѣй.

Швейцаръ нехотя и съ возмутительной медленностью пріотворилъ дверь. Павелъ Петровичъ, сердито бормоча что-то, бокомъ протѣлъ въ дверь вслѣдъ за сыномъ и, выйдя на подъѣздъ, сильно качнулся.

— Зачѣмъ вы пришли за мной въ такомъ видѣ? — раздражительно сказалъ Сергѣй, которому казалось, что вся гимназія смотритъ на нихъ.

— Свиныя ты! — отозвался Павелъ Петровичъ, неловко запахивая на ходу свою мизерную шубу. — Я одинъ вспомнилъ о тебѣ, и ты вотъ какъ благодаришь меня за это.

У Сергѣя кольнуло въ сердцѣ. Но онъ вспомнилъ, что на нихъ, можетъ быть, смотреть съ насмѣшкой, и гнѣвно отвернулся отъ отца. Павелъ Петровичъ, едва поспѣвая, слѣдовалъ за нимъ и при этомъ страшно стучалъ полуразвалившимися ботинками. Было начало марта; въ воздухѣ носилось первое дыханіе весны; снѣгъ только-что начиналъ таять, и вдоль тротуаровъ текли грязныя ручьи. Въ шубѣ, конечно, было жарко, и Павелъ Петровичъ поминутно вытиралъ потное лицо какимъ-то грязнымъ комочкомъ, избравшимъ носовой платокъ.

«Ну кто теперь ходить въ шубѣ, — кто, кто?» — съ ожесточеніемъ твердилъ про себя Сергѣй, косясь на сердитое и виѣсть жалкое лицо отца. Онъ старался вызвать въ себѣ добрыя чувства, но этому поминутно мѣшала грязный комочекъ и стоптанныя ботинки.

— Отца стыдишься? — говорилъ, тяжело дыша, Павелъ Петро-

Глупо, подле... Ты проживи сначала съ мое, выпей чашу...
Олокосось! Погоди, умру,—вспомнишь отца... впомнишь Бога.

Сергѣй, не оборачиваясь, слушалъ его, и радость свободы, только-что наполнявшая всю его душу, быстро исчезала: отецъ, лѣдовавшій за нимъ по пятамъ, посылалъ ему въ догонку свои жалкія слова, точно отравленные стрѣлы, и Сергѣй, самъ не замѣчая, прибавлялъ шагъ, какъ будто спасаясь отъ преслѣдованія. Тоска гимназическая уступала мѣсто домашней тоскѣ, столь знакомой Сергѣю, и онъ не зналъ, которая изъ двухъ хуже. Угоры отца, его скрежетаніе ботинками по тротуару, его припухшее, землистаго цвѣта лицо съ налипшими на потномъ лбу волосами—все это возбуждало въ Сергѣе глухую вражду, смѣшанную съ жгучей болью. Вырвавшись изъ-за казенныхъ стѣнъ, онъ мечталъ насладиться свободой, беззаботностью, разнообразіемъ впечатлѣній, отряхнуть съ себя гнетущую скуку,—и вотъ, вмѣсто всего этого, его встрѣчаютъ жалкія слова, жалкія впечатлѣнія, монотонные, ноющіе звуки! «Другіе выходятъ къ своимъ роднымъ смѣло, спокойно, гордятся ими,—думалъ Сергѣй подъ аккомпаниментъ отцовскихъ попрековъ,—а я вѣчно долженъ бояться стыда, скандала, униженія. Отовсюду только и жди гадостей!»

И онъ въ эту минуту желалъ, чтобъ отецъ умеръ, скрылся бы куда-нибудь, пропалъ безъ вѣсти. Подъ гнетомъ накипѣвшихъ въ немъ злыхъ, горькихъ и жалкихъ чувствъ, онъ обернулся къ отцу и, прерывая его брюзгливо-жалобный монологъ, сказалъ дрожащимъ отъ гнѣва и боли голосомъ:

— Вы только срамите меня передъ товарищами... передъ этимъ животнымъ, Павловичемъ... передъ швейцаромъ. Какой-нибудь идіотъ Буркинъ позволяетъ себѣ насмѣхаться... Всегда только однѣ неприятности отъ васъ, всегда, всегда!

— Скотина ты!—выругался Павелъ Петровичъ и, плюнувъ, круто повернулъ въ сторону отъ сына.

Сергѣй стоялъ, какъ прикованный, и глядѣлъ ему вслѣдъ. Онъ чувствовалъ, что сдѣлалъ что-то гадкое: «Теперь отецъ съ горя пойдетъ въ трактиръ и напьется, а я могъ бы удержать его отъ этого; отецъ много выстрадалъ, онъ больной и несчастный, у него никого нѣтъ на старости лѣтъ, кромѣ меня: вѣдь, всѣ остальные пренебрегаютъ имъ». Сергѣй смотрѣлъ, какъ Павелъ Петровичъ, сторбившись и понутивъ голову, шелъ неровными шагами, а шуба какъ-то смѣшно заплеталась около его ногъ. Видно было, что онъ усталъ и шагаетъ черезъ силу. У Сергѣя болѣзненно заняло сердце. Когда онъ шелъ рядомъ съ отцомъ, смѣшная шуба вызывала

въ немъ раздраженіе; а когда отецъ удалился отъ него, та же смѣшная шуба переворачивала въ немъ душу, и чѣмъ смѣшнѣе казался отецъ, тѣмъ больнѣе дѣлалось за него сыну. Сергѣй почувствовалъ, что любить этого сторбленнаго человѣка, — любить больною, мучительною любовью. «Вернитесь, папа!» — хотѣлъ онъ крикнуть, но вдругъ его остановила мысль, что какъ только они пойдутъ рядомъ, такъ сейчасъ же опять начнутъ мучить и оскорблять другъ друга.

Павель Петровичъ скрылся за уголъ, а Сергѣй, точно потерявъ что-то очень нужное, растерянно побрелъ дальше. Палочка назадъ, онъ смотрѣлъ изъ оконъ гимназіи на улицу, и ему казалось, что стоить только покинуть гимназическія стѣны, почувствовать свободу, — и сразу станешь добрымъ, счастливымъ, великодушнымъ; теперь же онъ не ощущалъ сладости свободы, какъ будто унесъ съ собой изъ гимназіи все, что такъ угнетало его: раздраженіе, тоску, больное самолюбіе. На свѣжемъ воздухѣ, среди зарождающейся весенней жизни, онъ чувствовалъ себя по-прежнему связаннымъ чѣмъ-то, что давитъ ему грудь, и ему вспомнилась связка о *Стромъ юртъ*, которое привязалось къ человѣку и всюду сопровождало его, какъ тѣнь.

III.

Въ передней Сергѣя встрѣтила пожилая женщина, худенькая, вертлявая, юркая, съ крайне-подвижнымъ, смуглымъ лицомъ. Это была Евгенія Петровна, тетка Сергѣя по отцу.

— Сережа! — воскликнула она такимъ тономъ, какъ будто не видала его цѣлую вѣчность, и звонко чмокнула племянника въ щеку. — Что это, какъ ты поздно? Ужъ мы ждали, ждали тебя, конечно, не *они* (она кивнула по направленію гостиной), а я съ Павломъ... Катись тоже дожидалась себя... Павель Петровичъ заходилъ три раза, справлялся о тебѣ. Что, хорошо нынче на дворѣ?... Ну, вотъ и отлично, что ты пришелъ! *Имъ*, конечно, что? (она понизила голосъ и мотнула головой въ сторону гостиной). *Имъ* наплевать, ты самъ знаешь. А кстати: кто же ходилъ за тобой? — вдругъ спохватилась она. — Дворника послали на товарную станцію. Я сама хотѣла идти за тобой, да замоталась тутъ съ ними. Не чешься весь день, какъ угорѣлая!

— За мной отецъ пришелъ.

— Ну? Вотъ такъ штука!... Трезвый?

— Не совсѣмъ.

— Ай, ай, ай! Да ты объедалъ?

— Нѣтъ, не хотѣлось.

— Неужели? До сихъ поръ? Ну, да постой, я тебѣ сейчасъ приготовлю: велю биточки разогрѣть, вафли... Мы съ тобой вотъ какъ кутнемъ! (она удаласьи подмигнула). *Имъ*, конечно, и въ голову не придетъ, объедалъ ли ты: сытый голоднаго не разумѣеть. Ну, да мы и безъ нихъ обойдемся... Я тебѣ въ угловой соберу: въ столовой скоро чай будетъ. А дѣлишки твои какъ? Гимназія, чай, до смерти опостылѣла? Сидишь, чай, тамъ да думаешь: «провалиться бы вамъ всѣмъ, обаяннымъ!» А? Ха, ха, ха! Папиросочку!

Она протянула ему портсигаръ и сама закурила, затягиваясь врасосъ.

— Ты выкури уже здѣсь. Ну ихъ! (Она кивнула на гостиную). Не стѣить связываться. Табакъ-то хорошій, крѣпкій: безъ бандероли покушаю. Люблю изрѣдка курнуть. Не даромъ говорится: «Папироска, другъ мой тайный»...

— Евгенія Петровна! — послышался болѣзненный и какъ будто вѣчно недовольный голосъ, хорошо знакомый Сергѣю.

— Иду, иду, Людмила Степановна! — крикнула въ отвѣтъ Евгенія Петровна, наскоро затянулась, потушила папироску и стремглавъ бросилась въ гостиную.

Сергѣй пошелъ за ней, но въ маленькой комнатѣ рядомъ съ гостиной увидалъ старшую сестру, Елену.

— Здравствуй, — сказалъ онъ и присѣлъ на подоконникъ.

Елена рылась на этажеркѣ въ грудѣ тетрадокъ и, не оборачиваясь, поздоровалась съ братомъ. Ей было не до него: она кончала гимназію и усердно готовилась къ экзаменамъ. Съ перваго же взгляда бросалось въ глаза отсутствіе всякаго фамильнаго сходства между братомъ и сестрой. У Сергѣя были, какъ у отца, большія руки и ноги, широкія плечи, сутуловатая отцовская спина, сѣрые угрюмые глаза въ глубокихъ впадинахъ и рѣзкія, неловкія манеры; у Елены — тонкая, стройная фигура, маленькія, красивыя руки, на которыхъ никогда не было чернильныхъ пятенъ, хотя Еленѣ приходилось писать очень много, — холодные голубые, съ зеленоватымъ отливомъ глаза, въ которыхъ застыло разъ навсегда выраженіе сухой спокойной дѣловитости и самодовольства, неторопливыя, граціозныя движенія и тонкія губы, на которыхъ изрѣдка появлялась легкая, холодная усмѣшка. У Сергѣя голосъ звучалъ глухо и часто обрывался; у Елены онъ звучалъ всегда ровно и металлически отчетливо. Все въ ней, начиная съ гладкой, тщательно сдѣланной прически и кончая безукоризненно чистымъ воротнич-

комъ, краснорѣчиво говорили, что ее никогда нельзя застать врасплохъ. Въ Сергѣѣ отразился отецъ, въ Еленѣ—мать. Можетъ быть, эта органическая противоположность натуръ и была главной причиною той глухой вражды, которая чувствовалась между братомъ и сестрой.

— Все зубришь? — спросилъ насмѣшливо Сергѣй, уколотый небрежнымъ привѣтствіемъ сестры.

— Не у всѣхъ же такія гениальныя способности, какъ у тебя, — отвѣтила Елена съ той ироніей, которою она всегда бѣсила брата.

— Ты роешься въ своихъ тетрадкахъ съ такимъ видомъ, какъ будто спасаешь отечество, — насмѣхался Сергѣй.

— А у тебя, кажется, все двойки пошли? Это очень похвально. Продолжай въ томъ же духѣ.

— Вѣдь, что всего смѣшнѣе, — говорилъ съ раздраженіемъ Сергѣй: — мы если зубримъ, такъ по крайней мѣрѣ знаемъ, что это—идіотское занятіе; а вы, гимназистки, не просто зубрите: вы священнодѣйствуете! Вокабулы надо выписать — священнодѣйствіе; затвердить глупую страничку изъ вашей дурацкой педагогики—опять священнодѣйствіе; рассмотреть ножки у козявки—тоже священнодѣйствіе! И во всемъ такъ... Какое-то козявочное священнодѣйствіе!...

Елена не обращала на него вниманія: она подбирала листы записокъ по русской словесности.

— Я увѣренъ, — продолжалъ Сергѣй злымъ голосомъ, — что загорись сейчасъ домъ, провались крыша, умри на твоихъ глазахъ человекъ, — ты, все-таки, не оторвешься отъ своихъ жалкихъ тетрадокъ.

Елена презрительно молчала.

— Ты можешь годъ проносить рукавички и, все-таки, на нихъ пятнышка не будетъ. Какъ это ты ухитряешься? — спросилъ Сергѣй, которому почему-то рукавички сестры сдѣлались вдругъ ненавистными.

Елена слегка повела плечомъ и молча приподняла брови, какъ бы изумляясь пошлости брата. Она давно составила себѣ внолнѣ определенные взгляды на все въ мірѣ и даже за предѣлами его и такъ упорно застыла въ этихъ взглядахъ, что всѣ слова, поступки, мысли, противорѣчащія имъ, заранѣе осуждались ею, какъ ничтожныя и вредныя глупости, не заслуживающія ни малѣйшаго вниманія. Она давно рѣшила, что надо кончить курсъ съ медалью, что воротничокъ долженъ быть безуборизненно чистымъ, таія затян-

въ корсетъ, волосы тщательно причесаны, что, сидя, не слѣзть класть ногу на ногу, что ходить по вечерамъ одной—непрично, виѣшиваться въ чужія дѣла—безтактно, что отъ отца надо ржаться подальше, что тетка—болтунья, а Сергѣй—вздорный льчишка, съ которымъ лучше не связываться. Заковавшись въ не взгляды, какъ въ броню, она сдѣлалась неуязвима и всегда лично знала, что надо говорить, дѣлать, какъ вести себя.

— Ты мнѣ напоминаешь весталку, которая поддерживаетъ ищениый огонь въ храмѣ, — сказала Сергѣй, возмущенный ея возмутимостью. — У вашего дѣвичьяго племени и безъ того мозвь мало, а вы и послѣдніе засушите зубрежкой. Эхъ, вы!

— Какой надоѣдливый мальчишка! — сказала Елена съ видомъ мовѣка, отмахивающагося отъ мухи, взяла тетради и вышла.

— Это бабѣ всегда страшно важничаетъ, — замѣтилъ ей мѣдь Сергѣй.

Но едва она вышла, лицо его изъ грубо - насмѣшливаго сдѣлаъ тоскливымъ. «Эхъ, какъ все мерзко!» — пронеслось у него въ мовѣ. Вспомнивъ, что онъ еще не поздоровался съ матерью, ергѣй направился въ гостиную, откуда слышались голоса матери тетки:

— Такъ это Павелъ Петровичъ изволилъ придти за нимъ?

— Онъ, онъ... Взялъ билетъ и пошелъ. Я ужъ удерживала го, Людмила Степановна, да развѣ онъ кого-нибудь послушаетъ? Вѣдь, онъ упрямъ, какъ вошь.

— Онъ, конечно, пошелъ только для того, чтобы показать, акой онъ примѣрный отецъ, — сказала Людмила Степановна съ лою ноткой въ голосѣ.

— Какой уже примѣрный! Одинъ грѣхъ съ нимъ. Какъ выветъ, такъ и пойдетъ колобродить.

— Значить, онъ въ гимназію явился въ пьяномъ видѣ? Престно!... Скоро изъ-за него нельзя будетъ никуда глазъ показать. Воже, когда ты меня избавишь отъ этого человѣка?

— Да ужъ истинная правда! — подхватила тетка съ одушевленіемъ (она всегда говорила съ одушевленіемъ). — Добрый онъ человекъ, да ужъ и несносный! Твержу, твержу ему: «не ходи, не компрометируй семью, вѣдь, у тебя дочь-невѣста», — такъ вотъ ить же! Ну, ужъ пилъ бы у себя дома, въ своей мурѣ, если слабость такая, — а то, вѣдь, охмѣлѣетъ и пойдетъ чудить, и пойдетъ, и пойдетъ! Ужъ такой безпокойный человекъ, такой неглижеръ, что, хоть кого ни возьми, изъ терпѣнья выведетъ!

— Переметная сума! — прошепталъ Сергѣй. — Здравствуйте мама, — прибавилъ онъ, вступая въ гостиную.

— Здравствуй, — живнула ему мать.

Она не любила цѣловаться, а Сергѣй не хотѣлъ цѣловать у нея руку; поэтому ихъ встрѣчи ограничивались сухими: «Здравствуйте». «Добраго утра» и т. п. Тетя, увидавъ Сергѣя, смутилась, но сейчасъ же оправилась.

— Такъ я пойду, Людмила Степановна, приготовлю барышнямъ чай? Вонъ, ужъ онѣ, кажется, пришли, — прибавила она, слышавъ на антресоляхъ говоръ и смѣхъ гимназистокъ.

— Да, да, приготовьте имъ, пожалуйста, все сразу, чтобы потомъ не мѣшать ихъ занятіямъ.

— Знаю я ихъ занятія! Соберутся: «хи, хи, хи» да «ха, ха, ха!» А потомъ всю ночь до утра сидятъ за книгами.

Она торопливо вышла изъ комнаты, подмигнувъ мимоходомъ Сергѣю, какъ своему заговорщику; Сергѣй взглянулъ на нее съ сумрачнымъ недоумѣніемъ. Черезъ минуту наверху уже слышались ея пронзительный хохотъ и веселыя восклицанія гимназистокъ.

Сергѣй остался вдвоемъ съ матерью. Оба молчали. Людмила Степановна вздохнула и въ изнеможеніи закрыла глаза. Сергѣй, отрываясь, смотрѣлъ на нее и никакъ не могъ проникнуться мыслью, что эта женщина—его родная мать. Онъ помнилъ, что когда-то давно она ласкала его, но послѣ этого прошелъ рядъ холодныхъ, неласковыхъ лѣтъ, и въ его сердцѣ не осталось никакого слѣда отъ этихъ ласкъ. «Вотъ Елена лѣтъ черезъ пятнадцать слѣдается точно такой», — думалъ Сергѣй, рассматривая мать.

И правда: тѣ же правильныя, красивыя, холодныя черты лица, тѣ же маленькія, бѣлыя руки, съ длинными, точно выточенными изъ слоновой кости ногтями, та же тонкая, стройная фигура, тѣ же свѣтлыя, равнодушныя глаза; только у Елены нѣтъ тонкихъ морщинокъ и выраженія усталости въ лицѣ. Сергѣю мать всегда казалась какимъ-то сфинксомъ, котораго онъ не могъ разгадать: что она чувствуетъ? какъ чувствуетъ? о чемъ мечтаетъ, о чемъ думаетъ, да и думаетъ ли?

— Что ты такъ уставился на меня? — съ неудовольствіемъ замѣтила Людмила Степановна, взглянувъ мелькомъ на сына.

— Ничего... такъ.

— Это дурная манера: вытаращить глаза и смотрѣть на кого-нибудь въ упоръ.

Она опять вздохнула и, откинувшись на спинку покойнаго кресла, закрыла глаза. Лицо ея какъ будто говорило: «Какъ мнѣ

се надоѣло! Какъ все тяжело и скучно!»...—«Вотъ я и въ родной семьѣ!— съ горечью думалъ Сергѣй.— Нечего сказать, хороши родительскія объятія!»

— Въ какомъ видѣ отецъ приходилъ сегодня за тобой въ гимназію?— спросила слабымъ голосомъ мать.

— Да ничего... въ обыкновенномъ.

— То-есть въ пьяномъ? Кажется, это его обычный видъ.

— Нѣтъ, онъ ничего...

Что-то побуждало Сергѣя защищать отца передъ матерью. Людмила Степановна брезгливо сморщилась.

— Да, вѣдь, я и забыла, что отъ тебя правды не добьешься,— произнесла она и откинулась на спинку кресла съ такимъ видомъ, точно объявляла аудіенцію оконченной.

Вошелъ господинъ лѣтъ сорока, гладко стриженный, чисто выбритый, прямой, какъ палка, съ желчнымъ лицомъ, низкимъ лбомъ и холодными умными глазами. Это былъ старинный другъ дома, присяжный повѣренный Владиміръ Николаевичъ Виржиновъ.

— Здравствуй, Сергѣй,— процѣдилъ онъ.

Сергѣй молча поклонился. Онъ никогда не любилъ Виржинова, но съ тѣхъ поръ, какъ, по его настоянію, мать отдала Сергѣя въ пансіонъ, онъ возненавидѣлъ Виржинова. Сергѣй былъ увѣренъ, что изъ-за него пошелъ разладъ между матерью и отцомъ, что изъ-за него запилъ отецъ. Онъ ненавидѣлъ его за то, что тотъ расприжался въ его семьѣ, какъ хозяинъ, ненавидѣлъ его за диктаторскій тонъ, за его желчный смѣхъ, за его манеру рѣзко отчеканивать слова... даже за его гладко стриженный затылокъ.

Виржиновъ поцѣловалъ у Людмилы Степановны руку, лѣниво опустился въ кресло, лѣниво протянулъ ноги и, высоко поднявъ брови, занялся оттачиваніемъ ногтей. Въ его лицѣ застыло какое-то умышленное выраженіе, какъ у человѣка, который знаетъ про тебя что-то очень скверное и только ждетъ случая, чтобы накрыть тебя. По профессіи своей онъ защищалъ подсудимаго, но по наружности казалось, что онъ готовитъ противъ него тяжкое обвиненіе.

— Вы знаете, какъ отличился сегодня Павелъ Петровичъ?— сказала Людмила Степановна и продолжала затѣмъ въ полголоса по-французски.

Виржиновъ слушалъ, презрительно оттопыривъ губы.

— Пора вамъ привыкнуть къ выходкамъ Павла Петровича,— процѣдилъ онъ сквозь зубы.— Чего можно ждать отъ человѣка, сдѣлавшагося забуддыгой?

Сергѣй слушалъ, и ему было обидно за отца, въ которомъ онъ

видѣлъ теперь добраго и несчастнаго человѣка, жертву этихъ двухъ заговорщиковъ, не стѣсняющихся позорить его въ присутствіи сына. И Сергѣю казалось теперь, что отецъ для него—родной, близкій, а мать—чужая... Вслушиваясь въ шепотъ Виржинова съ матерью, онъ уловилъ слова: «ты» и «та сѣге» и бросилъ на Виржинова взглядъ, полный ненависти.

— Ты бы хоть остригся, Сергѣй: что это за лохмы у тебя торчать?—сказалъ Виржиновъ, замѣтивъ его взглядъ.—На вотъ двугривенный: ступай, остригись.

— Не намѣренъ.

— Что ты дерзишь!

— У насъ въ гимназіи очень заботятся объ этомъ, значить, ваши заботы излишни,—отрѣзалъ Сергѣй и хотѣлъ встать, и вдругъ услышалъ изъ передней голосъ, отъ котораго у него замерло сердце.

— Познякова пришла,—замѣтила Людмила Степановна.

— А!—промолвилъ Виржиновъ и обдернулся.

По лѣстницѣ затопали ноги, и раздались голоса гимназистокъ, сбѣгавшихъ внизъ:

— Познякова, мы думали, ты не придешь!—Вотъ милочка за это!—Какая ты прелесть!... Душка!

Передняя огласилась пронзительными поцѣлуями. Сергѣй крѣпко сжималъ ручку кресла и сидѣлъ, не двигаясь, съ сильно бьющимся сердцемъ: въ гостиную входила Познякова въ сопровожденіи Елены и трехъ гимназистокъ. Она была удивительно хороша: черные бархатные глаза, необыкновенно изящный овалъ лица и бездна жизни въ каждой чертѣ, въ каждомъ движеніи. Она вездѣ чувствовала себя царицей и относилась ко всѣмъ съ едва уловимымъ добродушнымъ пренебреженіемъ. Гимназистки видимо обожали ее; только Елена по-прежнему смотрѣла невозмутимо.

Виржиновъ, при появленіи Позняковой, засуетился въ креслѣ, поспѣшно вынулъ пенснѣ и приставилъ его къ глазамъ; сухое лицо его сдѣлалось сладкимъ.

— Здравствуйте, Людмила Степановна! — сказала Познякова груднымъ контраalto, протягивая руку; потомъ, отвѣчая на любезный поклонъ Виржинова, граціозно наклонила свою античную голову.

Сергѣю казалось, что какъ только вошла Познякова, всѣ точно полиняли, и не хотѣлось ни на кого смотрѣть. Въ то же время всѣ, исключая Елены, были такъ или иначе возбуждены: вмѣстѣ съ Поз-

Позняковой въ гостиную хлынула волна какой-то яркой, приподнятой жизни, что-то тревожное и вмѣстѣ праздничное.

— А, мой философъ! — сказала съ ласковою усмѣшкой Познякова. — Вы все занимаетесь высокими матеріями?

Сергѣй вспыхнулъ, растерялся и, здороваясь съ ней, наступилъ на ногу Виржинову.

— Этакій обломъ! — выругался тотъ, морщась отъ боли.

Всѣ засмѣялись. Сергѣй готовъ былъ провалиться сквозь землю.

— Всѣ великіе люди разсѣянны, — сказала шутливо Познякова.

Сергѣй глядѣлъ на нее, восхищался ея улыбкой, повторялъ мысленно звуки ея голоса. Смотря на ея блестящія, смѣющіеся глаза, видя передъ собой ея мелкіе, ослѣпительно-бѣлые зубы, онъ коргалъ, какъ отъ слишкомъ яркаго свѣта, и не умно улыбался. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, что онъ передъ нею не болѣе какъ глупый, нескладный мальчишка. Онъ зналъ, что она смотритъ на него какъ на мальчика, и если позволяетъ себѣ съ нимъ иногда невинное кокетство, то потому только, что онъ — не настоящій мужчина. Онъ смутно понималъ, что Позняковой нравится не самъ онъ, угрюмый гимназистъ, застѣнчивый и грубоватый, а его чувство, его слѣпое обожаніе. Онъ никогда не рассчитывалъ на взаимность и только по временамъ, слоняясь до изнеможенія по скучнымъ коридорамъ гимназіи, одурялъ себя сладкими мечтами до того, что переставалъ отличать иллюзію отъ дѣйствительности.

Вдругъ онъ вспомнилъ слова Виржинова: «Что это за лохмы у тебя торчатъ?» — и торопливо провелъ рукой по волосамъ. Въ немъ было что-то тревожное и мучительно-сладкое. Гимназистки, изъ которыхъ двѣ — Багина и Токмакова — были знакомы Сергѣю, затараторили что-то быстро-быстро объ экзаменахъ. Комната наполнилась шумомъ звонкихъ голосовъ. Разгорячившись, гимназистки стрекотали впереводку; поминутно слышалось: «физика», «педагогика», «страшно трудный билетъ», «батюшка», «хронологія», «сочиненіе» и т. п. Третья гимназистка, Клара Шумахеръ, маленькая, черненькая, крайне нервная, то ахала при мысли объ экзаменахъ, то необузданно восхищалась Позняковой. Елена своимъ ровнымъ, металлическимъ тономъ распредѣляла сроки на подготовку и считывала дни. Познякова говорила меньше всѣхъ, но послѣ каждой фразы ея Сергѣй долго не понималъ, что говорили другія, и все прислушивался къ звукамъ ея контральта. Виржиновъ, съ несвойственною ему приторною улыбкой, все старался заговорить съ Позняковой, не обращая вниманія на ревнивые взгляды, бросаемые на него Людмилой Степановной.

— Счастливая вы! — твердилъ онъ. — Навѣрное, ничего не дѣлаете, а получаете по всѣмъ предметамъ двѣнадцать... Хе-хе!...

Онъ засмѣялся своимъ деревяннымъ смѣхомъ, показавъ при этомъ северные зубы.

— Въ самомъ дѣлѣ, Валентина, ты совсѣмъ излѣблѣннѣе-лась, — замѣтила Елена.

Сергѣй подумалъ при этомъ, что такая красавица не можетъ не лѣбнѣться и что вообще лѣбнь — очень завидное качество.

— Тебя надо присадить, Валентина, — прибавила Елена.

— Да, да, будемъ зубрить, — разсѣянно согласилась Познякова. — Елена у насъ классной дамой: мы надѣемся на нее, какъ на каменную стѣну.

— Главное, это — алгебраическія задачи! — воскликнула Бакина, худенькая, востроносая. — Боюсь ихъ до смерти! А ты, Елена?... Я выпишу всѣ формулы на манжетахъ. А ты?... А ты? совалась она ко всѣмъ, точно собираясь уколоть ихъ своимъ острымъ носкомъ.

— Алгебра — это ужасъ что такое! — отозвалась Шумахеръ тончайшимъ голоскомъ. — Провалюсь, провалюсь!

— А ужъ я-то навѣрное! — засмѣялась Познякова.

— Ты, милочка?... Ты, ты?...

И Шумахеръ, не находя достаточно сильныхъ словъ, оглушительно поцѣловала ее.

— Хорошо, если бы Александръ Дмитріевичъ пришелъ, — сказала Бакина: — онъ бы помогъ намъ въ задачахъ. Эти уравненія хоть кого съ ума сведутъ!

— Дай-то Богъ, чтобъ Александръ Дмитріевичъ пришелъ! — подхватила Токмакова, пухлая, поминутно краснѣющая блондинка, вся сотканная изъ добродушія. — Съ нимъ такъ весело заниматься! — пояснила она и вдругъ вся побагровѣла, какъ клюква.

— Придетъ онъ сегодня? — спросила какъ будто вскользь Познякова у Елены, но Сергѣю показалась, что это — первая фраза, которую она сказала здѣсь вполне серьезно, — и его что-то укололо.

— Онъ былъ здѣсь передъ обѣдомъ, давалъ урокъ Катѣ, а вечеромъ едва ли будетъ, — отвѣтила Елена. — Завтра днемъ общалъ. Приходите задачи дѣлать; а теперь пойдемте учить словесность: тамъ страшно много. Пойдемте, пойдемте, — будетъ болтать!...

— Лѣбнь, голубчикъ! — капризно протянула Познякова.

— Глупости! — отрѣзала Елена. — Пойдемте: тамъ объ одномъ Ломоносовѣ пятнадцать страницъ.

Гимназистки съ шумомъ ушли наверхъ, и Сергѣю показалось, что вся жизнь ушла изъ гостиной вмѣстѣ съ Позняковой на антресии. Лицо Виржинова сдѣлалось опять кисло-желчнымъ, а Людмила Степановна въ изнеможеніи закрыла глаза.

— Чего ты торчишь здѣсь, Сергѣй?— сказала она.— Пошелъ я, занялся чѣмъ-нибудь... Или сходилъ бы постригся.

Трескотня гимназистокъ утомила ее, а заигрываніе Виржинова съ Позняковой разстроило ей нервы.

— Вѣдь, самому же тебѣ скучно такъ сидѣть, — прибавила она, чтобы смягчить рѣзкость своего замѣчанія.

Сергѣй всталъ и машинально направился въ свою прежнюю комнату, гдѣ онъ занимался, когда былъ приходящимъ. Теперь эта комната, получившая названіе «классной», была отведена для занятій Бати съ учителемъ, — тѣмъ самымъ, съ которымъ, по словамъ Токмаковой, «такъ весело заниматься». Цицеронъ и Саллюстій уступили на столѣ свое мѣсто Бирпичнигову и Гилярову, Манинну и Буренину, этимъ грамматическимъ и арифметическимъ знаменцамъ; тутъ же красовался изрѣзанный перочиннымъ ножомъ, знакомый Сергѣю, географическій глобусъ, висѣла аспидная доска, вездѣ валялись тетрадки, разрисованныя рожами, деревьями, лицами, исписанныя каракулями Бати и обильно усѣянные вляканы. Сергѣю вдругъ захотѣлось увидеть и расцѣловать свою маленькую сестру.

— А гдѣ Батя?— спросилъ онъ, увидя въ столовой черезъ открытую дверь свою вездѣсущую тетку, которая суетилась около яновара.

— Батюшка отправилась въ гости къ Мартыновымъ. Теперь скоро придетъ: няня сейчасъ пошла за ней.

Она вдругъ ахнула и всплеснула руками:

— Батюшки, я и забыла собрать тебѣ поѣсть! Вотъ шаль-пан-то!

— Я не хочу ѣсть, — сухо сказалъ Сергѣй.

— Какъ не хочешь? Что ты! — воскликнула Евгенія Петровна, метая въ классную. — Ты ужъ не сердись на меня Христа ради: юбка заматалась! То тѣ, то эти тормозать: бѣгаешь, какъ горѣлая кошка. А пуще всего эта дѣвчья орда: измучили!... Машенька-то вонъ пальцемъ не пошевеливаетъ: лежитъ день-деньски въ креслѣ, да вздыхаетъ, да переливаетъ изъ пустого въ порожнее съ этимъ своимъ, прости Господи, ненагляднымъ... Охъ, охъ, охъ! Глядишь, глядишь, — инда тошно станетъ! Я первая зашла бы на мѣсто Павла горькую... Ахъ, батюшки, брусничное

варенье забыла: любить его ненаглядный-то... Сейчас, Сережа сейчас! Сию секундочку! Одна нога здѣсь, другая тамъ...

Она понеслась куда-то, похихикала съ кѣмъ-то и вернулась съ банкой варенья.

— Ты не хочешь ли стаканчикъ чайку съ ромкомъ?—такъ ственно спросила она, молодецки щелкая себя по горлу.

— Нѣтъ,—по-прежнему сухо отвѣчалъ Сергій.

— Да,—вѣдь, я и забыла, что ты натошакъ. Вотъ полоумная то!... Сейчасъ, въ одну минуточку! Прости Христа ради!

Она ринулась вонъ, но Сергій остановилъ ее:

— Я сказалъ, что не хочу ѣсть.

— Какъ не хочешь?

— Такъ не хочу.

— Да отчего же?

— Такъ... Аппетитъ пропалъ.

— Да ужъ и вправду, какой тутъ аппетитъ!—подхватила она съ какимъ-то ожесточеннымъ сочувствіемъ.—Въ такую семейщину попадешь,—кусокъ въ горло не пойдетъ!—продолжала Евгенія Петровна, наглядывая въ вазу варенье и ожесточенно облизывая края банки.—Я понимаю тебя: и самому съверно, и за отца обидно. И что она нашла въ этомъ «Желтѣ»? прибавила тетка энциклопедическимъ шепотомъ, кивая на гостиную.—Павель въ миллионъ разъ умнѣе его, и душа у него добрая, а этотъ «Желтокъ»—вотъ что. (Она постучала по стулу.) Другъ на друга только тоску и гоняють, а разстаться не могутъ!... Деревянные какіе-то! Или развинченные, что ли?...

Сергій съ нетерпѣніемъ отвернулся и бѣшено вертѣлъ губы.

— Эхъ, кажется, взяла бы ихъ да... Папирочку!

Онъ хотѣлъ отказаться, но лицо тетки такъ ласково свѣтлѣлось, глаза прыгали такъ задорно, что онъ невольно потянулся и взялъ папиросу. Евгенія Петровна сѣла на диванъ, закинула ногу на ногу и, попыхивая папирской, стала передразнивать Виркинова, чтѣ составляло ея любимое занятіе:

— Придетъ этотъ «Желтокъ»,—сейчасъ къ ручкѣ приложится: «здравствуй, ша сѣге»; потомъ сядетъ и сидитъ, точно лимонъ проглотилъ (она сдѣлала кислую физиономію). А ужъ важности-то сколько: на трехъ возахъ не увезешь! Фу ты, ну ты, «во дураки, всѣ—мерзавцы, одинъ я—молодецъ!» (Она стала кокетничать, изображая важничанье.) А коли засмѣется,—не дай Богъ! такъ и оскалится весь, такъ зубищи и выворотитъ! (Она предста-

шла и это...) У! Тьфу!... А Людмила Степановна сидитъ, откинувшись, такъ томно, и все вздыхаетъ: «охъ, охъ, охъ!» Умора! Ждать и молчать. Да я бы, кажется, на ея ибствѣ. Вотъ ужъ праву говорить пословица: «Полюбится сатана пуще яснаго сокола».

Сергѣя раздражала эта болтовня такъ же, какъ раздражаетъ ихъ скрипъ дверей, назойливое мяуканье кошки или звукъ хрутящихъ пальцевъ. Онъ старался не смотрѣть на тетку, не слушать ее, но это было невозможно: она, какъ мельчайшая пыль, вѣла въ ротъ, въ уши, не давая покоя ни на секунду. Особенно раздражала Сергѣя манера тетки поминутно облизывать свои красныя губы тонкимъ, длиннымъ и необыкновенно подвижнымъ языкомъ.

— Ну, еслибъ они еще были влюблены другъ въ друга, — продолжала тетка, — тогда было бы на что-нибудь похоже: вѣдь, всякій сумасшествуетъ по-своему, по себѣ знаю... А то, вѣдь, и того нѣтъ. Придетъ эта «Желтушка» съ самаго утра, сидитъ весь день какъ пень, да цѣдитъ сквозъ зубы. Вотъ только развѣ аккуратностью и беретъ: какъ только десять часовъ, ужъ онъ тутъ какъ тутъ! Точно на службу ходитъ!... Ха, ха, ха!... Людмила Степановна говоритъ, что онъ одинъ понимаетъ ее и умѣетъ успокоить. Интересно знать, чѣмъ успокаиваетъ ее этотъ рыцарь желтаго образа: вѣдь, онъ только и дѣлаетъ, что язвить всѣхъ! Нѣтъ, женское сердце глупо, Сережа! Всѣ мы — дуры, всѣ — полоумныя. Нашу сестру хоть въ трехъ щелокахъ вари, а этой дурости изъ расы не вываришь! «Виржиновъ, — говоритъ, — преданъ мнѣ больше дѣтей родныхъ»... Да, вѣдь, и Жучка, дворняжка, предана Агсиньѣ... Ха, ха, ха!

Ея смѣхъ, ея выразительная мимика, ея непрерывная жестикуляція вызывали въ Сергѣѣ ощущение физической муки: онъ чувствовалъ какое-то неприятное замираніе, какъ человекъ, у котораго начинается морская болѣзнь. Смотря невольно на отчаянные жесты тетки, онъ ощущалъ желаніе связать ей руки, спеленать ее, чтобъ она не раздражала его своими манипуляціями.

— Какъ оглянешься на прошлое, — продолжала неумолимая тетка, — такъ только руками разведешь. Чудно все дѣлается на свѣтѣ! Вѣдь, Людмила Степановна вышла за Павла по страстной любви: никто ее не неволилъ. Положимъ, она еще молоденькая была, только-что изъ института, а Павлу было сорокъ съ хвостикомъ. Ну, все-таки, онъ былъ тогда виднымъ мужчиной, чинъ имѣлъ порядочный и водки не пилъ... развѣ изрѣдка. А главное — умница былъ, начитанный и со всякимъ поговорить умѣлъ, вся-

кого обворожить... Хоть кого обойдетъ! Вѣдь, сватались тогда за Людмилу Степановну женихи: богатая невѣста, хороша собой, вдобавокъ сирота, — всякому лестно! Однако она всѣмъ молодымъ женихамъ носъ: «Хочу выйти за Шумова, потому что онъ умнѣ всѣхъ», — и шабашъ! Ну, Павелъ-то не то чтобъ очень любилъ ее, — онъ очень-то никого не любитъ, — а такъ... видите, дѣло походящее: невѣста съ состояніемъ и собой красива, — отчего не жениться, благо время пришло? Я же тогда все это и устроила: то и дѣло, бывало, летаю отъ него къ ней, отъ нея къ нему... Женлись они. Сначала жили хорошо, согласно: Людмила Степановна, помню, все хвасталась, какой у нея мужъ умный. А потомъ, году не прошло, вижу, что у нихъ что-то неладно: Людмила Степановна все больше въ возвышенность ударяется, а Павелъ норовитъ въ трактиръ; та ему про любовь, а онъ ей въ отвѣтъ: «терпѣть не могу бабиться!...» Дальше да больше... Пошли дѣти. Людмила Степановна мудритъ надъ дѣтьми, хочетъ воспитать по книжкѣ, а Павелъ насмѣхается надъ ней. Признаться, онъ не любилъ-таки возиться съ вами: «Пусть растутъ, какъ грибы!...» Во всему этому прибавились разныя неудачи: пустился Павелъ играть на биржѣ, — вѣдь, онъ страхъ какой рискунъ! — ну, и просадила денежки, а просадивши, сталъ попивать съ горя. За это, конечно, на службѣ его не похвалили и мѣстомъ обошли. Онъ еще пуще запыль. А тутъ на бѣду подвернулся этотъ «Желтокъ». Павелъ сталъ ревновать, скандалничать... мѣста лишился, образъ человѣческой потерялъ... Такъ и пошло подъ гору... А Людмила Степановна ужъ если не влюбитъ кого или разлюбитъ, такъ прощай: тотъ чловѣкъ считается для нея погибшимъ, какъ каторжникъ какой, хоть въ лепешку передъ ней расшибись, хоть ангеломъ сдѣлайся, — все ты въ ея глазахъ останешься хуже окаяннаго. Положимъ, у Павла характерецъ безпутный, безобразный: не всякій тоже понравится, — ну, а все же онъ не отчаянный какой. Сколько разъ онъ хотѣлъ вернуться на путь истинный, сколько разъ я всячески старалась помирить ихъ, — не тутъ-то было: Людмила Степановна точно закаменѣла! Охъ, и характерецъ же у нея! Я вотъ могу двадцать разъ на-дню разругаться и помириться, а она... Не дай Богъ имѣть такой характерецъ!

Теперь Сергѣй слушалъ тетку очень внимательно, и всѣ переѣшивались для него то въ пользу матери, то въ пользу отца, а въ душѣ накоплялась тяжелая и тревожная муть. Евгенія Петровна бурно вздохнула и произнесла, зачѣмъ-то причмокнувъ съ удалскимимъ видомъ губами:

— Половину-то приданого Павелъ растранижилъ, — ты-ты! А другую половину Людмила Степановна хочетъ сберечь... не то для дѣтей, не то для своей «Желтушки», — ужъ не знаю. Теперь выветъ Павлу помѣсячно, съ тѣмъ условіемъ, чтобы жить врозь. Упомянуть они съ этимъ Уксусомъ Иванычемъ о разводѣ, а Павелъ ширается: вотъ за это-то всего больше они и возненавидѣли его. А Павлу, что ни дай, хоть миллионъ, онъ все спуститъ: безобразникъ порядочный, хоть и добрякъ. Эти широкія натуры кого угодно со свѣту сживутъ своими размахами да выкрутасами. А все-таки я никогда не промѣняла бы его на какую-нибудь провислую «Желтушку»...

— Тетя! — послышался сверху голосъ Елены.

— Иду, Леночка, иду! — крикнула Евгения Петровна и черезъ секунду уже взвилась по лѣстницѣ.

Сергій остался съ тяжелымъ недоумѣніемъ на душѣ. Безсвязные монологи тетки только разбередили въ немъ тупую боль, которую онъ всегда ощущалъ, попадая въ родную семью. Домашняя тоска вступала въ свои права. «Зачѣмъ я такъ рвался изъ гимназіи?» — съ горечью твердилъ себѣ Сергій, и опять рядомъ съ тупою болью въ сердцѣ его закипала обида и злость при мысли, что на него валятся отовсюду непріятности и нѣтъ ни одного свѣтлаго впечатлѣнія.

Сверху раздавались женскіе голоса, смѣхъ. Это волновало и дразнило его: тамъ чудилась ему капризная, возбуждающая жизнь, къ которой тянуло его молодую, безпокойную душу. «Пойду туда, поболтаю; можетъ быть повеселѣе будетъ, — думалъ онъ, представляя себѣ Познякову. — Отчего тетя можетъ войти туда, разговаривать, хототать съ ними, — а я не могу? Глупо!»

Онъ сдѣлалъ шагъ и остановился. «А не пойти ли лучше къ отцу? Я сегодня обошелся съ нимъ грубо, — надо загладить». Но онъ вспомнилъ раздражительно-жалобный голосъ отца, его упреки, его нетвердую походку. «Опять непріятности, опять это убожество, безобразіе, опять мучиться, тосковать, злиться... — подумалъ онъ. — Нѣтъ, лучше наверхъ».

Онъ подошелъ на цыпочкахъ къ лѣстницѣ; но здѣсь имъ овладѣло смущеніе: зачѣмъ онъ войдетъ туда? что скажетъ? «Елена непременно забрюзжитъ... Это такая несносная брюзга!» Онъ заранѣе разсердился на сестру, а кстатѣ ужъ и на всѣхъ остальныхъ.

— Ну ихъ! — сказалъ онъ самъ себѣ, отходя отъ лѣстницы. — Пойду лучше къ отцу: съ нимъ можно иногда отвести душу. Онъ теперь, навѣрное, протрезвился.

IV.

У воротъ, обрадовавшись первому теплomu вечеру, собрались бѣлошвейки, горничныя, вучера и разныя мастеровой людъ. Мужчина лѣтъ тридцати, въ сѣромъ пальто и ухарски сдвинутомъ на затылокъ картузѣ, галантно раскланялся съ Сергѣемъ, который зналъ только, что это—Поляковъ, наборщикъ изъ сосѣдней типографіи. Почему Поляковъ кланялся и заговаривалъ съ нимъ, этого Сергѣй не понималъ, но каждый разъ отдавалъ ему поклоны и изрѣдка перекидывался съ нимъ нѣсколькими словами.

— Наслаждаемся благораствореніемъ воздухонъ,—сказалъ Поляковъ, подходя къ Сергѣю.—Какъ ваше драгоценное?

— Ничего, благодарю васъ.

— Гимназисты страдаютъ двумя недугами: отвращеніемъ къ Цицерону и пристрастіемъ къ табельнымъ днямъ. Такъ?... А, между прочимъ, оглянитесь, здѣсь есть недурные сюжеты.

Сергѣй бросилъ застѣнчивый взглядъ на группу бѣлошвейекъ; тамъ также, какъ и на антресоляхъ, чудилась ему веселая, возбуждающая жизнь.

— Или вы превалируете больше насчетъ гимназисточекъ и тому подобныхъ безешекъ?—спросилъ Поляковъ.

— Съ гимназистками тоска одна,—отвѣчалъ съ напусею развязностью Сергѣй.

— Такъ пойдете, я васъ познакомлю,—сказалъ Поляковъ съ какой-то загадочной улыбкой, игравшей въ его рыжеватыхъ закрученныхъ усахъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ,—мнѣ некогда,—возразилъ, краснѣя, Сергѣй; его коробило отъ нахальной усмѣшки на измятомъ лицѣ наборщика.

— На это время всегда найдется,—приставалъ Поляковъ:—вы теперь въ самой порѣ, чтобы склонять глаголъ «люблю». Ей, Дуня?

Сергѣй пробормоталъ что-то и хотѣлъ уйти. Поляковъ удержалъ его за рукавъ.

— Живая душа калачика просить,—сказалъ онъ.—Я самъ учился и провѣлялъ латынь. Варварская штука: переутомленіе мозга, искривленіе позвоночника и тому подобное. Нервные узлы окончательно атрофируются. Надо соединять пріятное съ полезнымъ, коллега... Пойдемъ, выпьемъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, я не пью,—испугался Сергѣй.

— При нашихъ ненормальностяхъ организмъ требуетъ алко-

Поля, — сказалъ Поляковъ, точно обсасывая съ удовольствіемъ каждое слово. — Мы съ вами въ качествѣ рабочей интеллигенціи... Душечка, да никакъ вы въ корсетѣ? Что вы надѣ собою дѣлаете: вѣдь, это вредно для грудной конституціи! Ай, ай, ай, какая неосторожность въ обращеніи съ собственной личностью!

Поднялась возня. Воспользовавшись этимъ, Сергѣй, смущенный и взволнованный, поспѣшно ушелъ отъ веселой компаніи, на которую ему очень хотѣлось оглянуться.

Пройдя нѣсколько улицъ, онъ очутился въ глухой части города, гдѣ тротуары были кривые, изрытые, мѣстами не мощены, дома деревянные, старые, почернѣвшіе, съ маленькими окнами, грязными дворами и грязными лѣстницами. Взобравшись по одной изъ такихъ лѣстницъ на третій этажъ, Сергѣй отворилъ не запертую, обитую войлокомъ дверь и вошелъ въ сырую, вонючую комнату, которую тускло освѣщала жестяная лампочка съ закоптѣлымъ стекломъ, криво висѣвшая на стѣнѣ.

— Кто-й-то тамъ? — послышался изъ-за перегородки женскій голосъ. — Ты, что ли, Петровичъ? Гдѣ тебя черти до этихъ поръ носили?

Изъ-за перегородки, пронзительно скрипя козловыми башмаками, вышла дебелая, мощная женщина въ шерстяномъ платьѣ. Сергѣй рѣдко бывалъ у отца и видѣлъ эту женщину только мелькомъ; но за то много наслышался о ней дома и испытывалъ къ ней гадливое чувство, смѣшанное съ какимъ-то паническимъ страхомъ. Теперь отъ ея вопросовъ вся кровь хлынула ему въ голову. «Неужели это она объ отцѣ говоритъ такъ?» — подумалъ онъ и сердито спросилъ:

— Отецъ дома?

Еще чья-то голова въ чепцѣ выглянула изъ-за перегородки и усталась на Сергѣя. Между тѣмъ шерстяная женщина сняла со стѣны лану и при свѣтѣ ея разглядывала вошедшаго.

— Съючекъ? — сказала она, смягчая голосъ. — А я было не признала. Ну-ка, посмотрю хорошенько на сыночка-то... Женихъ, какъ есть женихъ!

— Отцачѣтъ? — хмуро повторилъ онъ и брезгливо отодвинулся отъ покрытаго воснушками лица, которое черезчуръ приблизилось къ нему.

— Съ утраглазъ не кажетъ папашенька-то вашъ: опять, значитъ, закурилъ замутилъ. Онъ вѣдь, путанный. Бѣда съ нимъ.

— Его не подавило ли гдѣ-нибудь? — сказалъ чепецъ почти мужскимъ басомъ

— Молчи, дурында, экъ вывезла!— строго замѣтила шерстная женщина; потомъ, поднеся лампу къ лицу Сергѣя, она прибила, глядя на него съ какой-то шалой усмѣшкой и обдавая его запахомъ селедки.

— А Петровичъ все говоритъ: «мальчикъ, мальчикъ». А какой тутъ мальчикъ? Цѣльный мужчина во всемъ составѣ. Смотри, вонъ ужъ и усики есть.

Чепецъ не то засмѣялся, не то закашлялъ. Сергѣй всплинулъ, круто повернулся и вышелъ.

«Тьфу, мерзость!— говорилъ онъ въ негодованіи, шагая по улицѣ и подбадривая себя разными энергическими словами. Грязная волна, неожиданно хлынувшая на него, оглушила и испугала Сергѣя. Онъ чувствовалъ себя въ положеніи человѣка, который рассчитывалъ прыгнуть на твердую землю, а вмѣсто этого ушелъ по поясъ въ болото. Образъ отца, который только-что началъ былъ свѣтлѣть передъ нимъ, опять потемнѣлъ и исказился въ его глазахъ.— Зачѣмъ я рвался изъ гимназіи?— въ десятый разъ повторилъ Сергѣй. Жизнь покрывалась передъ нимъ какою-то мутной пеленою, и этому какъ нельзя больше соотвѣтствовала та глухая, мрачная улица, по которой онъ шелъ, окна съ разбитыми стеклами, пьяная брань, оглашавшая улицу, унылые звуки гармоникки, назойливо гѣзущіе въ уши, и вечерній полумракъ, спустившійся на эту непривѣтливую сторону.— Зачѣмъ я рвался изъ гимназіи?...»

Подходя къ дому, Сергѣй еще издали слышалъ хохотъ и взвизгиванья.

«Разсохся, потекъ,—
Подставь черепокъ!»

выкрикивалъ при общемъ смѣхѣ Поляковъ, дѣлая ногами замысловатые пируэты. Увидя Сергѣя, онъ подошелъ къ нему тащущей походкой и, взявъ его подъ руку, предложилъ «посидѣть въ веселой компаніи, гдѣ Бахусъ и Амуръ свили себѣ гнѣздо».

Сергѣй вырвалъ свою руку: Поляковъ съ компаніей напомнили ему женщину въ веснушкахъ и вызвали въ немъ гадливое чувство. Онъ проскользнулъ на крыльцо и хотѣлъ позвонить, но вдругъ подумалъ: «Что за тосчища дома!»— присѣлъ на ступеньку и сталъ прислушиваться къ вознѣ у воротъ— сначала съ презрливостью и страхомъ, потомъ съ волненіемъ. Мало-по-малу ужъ началъ чувствовать, что компанія Полякова притягиваетъ его къ себѣ чѣмъ-то грубо-соблазнительнымъ.

«Что, если выпить для радости?—подумалъ онъ, но тотчасъ же застыдился и испугался—Неужели я буду пьянствовать, какъ отецъ? Неужели и во мнѣ виднѣть тотъ же червякъ?»

Онъ хотѣлъ встать и уйти отъ грѣха въ комнаты, но въ это время женскій голосъ зазвѣлъ «Мандолину», и онъ сталъ слушать. Пѣніе прервалось взрывомъ хохота и бранью: кто-то посылалъ кого-то къ лѣшеу... Затѣмъ другой голосъ затянулъ:

«Мой милый,
Что я сдѣлала надо мной?
Ты ставилъ меня горькой сиротой»...

опять возня, вѣгъ, затрещины...

Въ первый разъ почувствовалъ Сергій всѣмъ существомъ своимъ, какъ втягиваетъ его эта атмосфера чего-то разнузданнаго, оштрабашнаго, какъ заползаетъ въ его душу и засасываетъ ее то такое, отъ чего его такъ коробило въ квартирѣ отца. Нѣсколько разъ онъ, растерянный, мучимый стыдомъ, брался за ручку звонка, но каждый разъ его останавливалъ вопросъ: что встрѣтитъ его дома? Опять онъ увидитъ холодное, вѣчно недовольное всѣмъ лицомъ матери, опять передъ нимъ замелькаетъ противный затылокъ Виршинова, опять будетъ трещать и «лебезить» тетка, производя въ немъ впечатлѣніе какой-то обидной, назойливой пестроты, опять же мертвящая скука, и холодъ, и душевная пустота!

Онъ отдергивалъ руку отъ звонка, предвидя домашнюю тоску во всей ея черствой силѣ, и чѣмъ безжизненнѣе казалась ему домашняя атмосфера, тѣмъ настойчивѣе преслѣдовалъ его вопросъ:

— А не посидѣть ли у воротъ? Вѣдь, темно...

Вдругъ кто-то съ хихиканьемъ подбѣжалъ къ крыльцу. Сергій въ испугѣ судорожно дернулъ за звонокъ.

Н. Тимковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПАСТЕЛИ.

Яна Лады.

Переводъ съ польскаго.

I.

Прогулка.

(Изъ записной книжки учителя).

Когда вчера утромъ я вошелъ въ свой классъ, — я веду его уже четвертый годъ, начиная съ перваго класса, — то сейчасъ замѣтилъ, что «что-то есть». Для стараго учителя въ лицѣ ребенка, какъ въ зеркалѣ, видно каждое движеніе души. Если даже скрыть игру чувствъ, то ее выдадутъ глаза. Правда, въ классѣ царил тишина, обязательная послѣ звонка. Мальчики сидѣли ровно и спокойно, съ руками лежащими на партахъ, съ глазами обращенными на кафедру, но сегодня въ этихъ глазахъ горѣлъ таинственный огонь, столько голосовъ вырывалось изъ нихъ: посмотри, посмотри же на насъ, спроси насъ! Намъ нужно сказать тебѣ что-то очень важное, очень спѣшное!

Я улыбался въ душѣ, съ наружнымъ равнодушіемъ раскрывъ журналъ и просматривая предыдущія отмѣтки. Сорокъ паръ глазъ все настойчивѣе и беспокойнѣе перебѣгали съ меня на доску, и наконецъ, легкій шумъ въ заднихъ лавкахъ далъ мнѣ знать, что терпѣніе достигло крайнихъ предѣловъ.

— Что тамъ? — сухо спросилъ я.

Тишина и молчаніе.

— Видлякъ, чего вамъ не сидится на мѣстѣ?

Видлякъ — старшій ученикъ, восемнадцатилѣтній мальчикъ, серьезнаго характера. Въ наукахъ онъ преуспѣваетъ, у товарищей пользуется уваженіемъ, поэтому и является истолкователемъ ихъ желаній и интересовъ.

— Извините, господинъ преподаватель, у насъ къ вамъ просьба.

— Какая?

— Она написана на доскѣ.

Я отлично видѣлъ, что написано на доскѣ, — въ теченіе тридцати лѣтъ болѣе четырехъ поколѣній учениковъ прошли черезъ ми руки съ такими же точно особенностями, съ такою же гаммой мысли и чувствъ. Тѣмъ не менѣе, я повернулся къ доскѣ. На ней идились слова, выведенныя севернымъ гимназическимъ мѣломъ, время десятиминутной перемены, но по всѣмъ правиламъ каллиграфіи и окруженныя вѣнкомъ изъ дубовыхъ листьевъ: «Пронять вспомнить объ общанной прогулкѣ!».

Май врывается въ открытыя окна благоуханіемъ сирени, жасмина, ароматомъ травъ сада упраздненнаго монастыря и скошеннаго сѣна. Солнце теплымъ свѣтомъ золотило темныя стѣны стараго зданія, въ густыхъ кустахъ иволга торопилась высказать что-то, на мой столъ то и дѣло падали бѣлые, еще не обсохшіе отъ утренней росы лепестки черешни, заглядывающей въ окно.

Царица-весна улыбалась и манила къ себѣ въ раздолье полей. Ея смѣхъ отражался въ молодыхъ глазахъ и молодыхъ сердцахъ, рущихся изъ школьныхъ стѣнъ, и, какъ старое вино, кровь наливалась разливаться по моимъ жиламъ и согрѣвать старое, изсохшее сердце.

Громче кричите, иволги! Соловьи, не жалѣйте своего горлышка! Яснѣе свѣти солнце, сильнѣе благоухайте цвѣты и травы! Прогоните промзглыя и сырыя стѣны, свидѣтели зимнихъ мученій и скуки, завидуйте всѣмъ классамъ отъ перваго до восьмого! Въ четвертомъ классѣ завтра праздникъ, — четвертый классъ завтра справляется на прогулку!

Но что будетъ съ сегодняшнимъ порядкомъ дня, что будетъ съ завтрашнимъ урокомъ? Для всѣхъ сорока молодыхъ головъ «сегодня» уже не существуетъ, — они живутъ только однимъ завтрашнимъ днемъ. Хорошая ли будетъ погода? Куда пойдутъ? Что скажутъ другіе классы, — они не пользовались никакою прогулкой? Въ особенности, что скажетъ параллельное отдѣленіе, съ которымъ мы въ перваго класса находимся въ соперничествѣ и соблюдаемъ вооруженный миръ, иногда переходящій въ открытую войну? Можно ли тутъ сидѣть спокойно и переводить Цезаря? Что же удивительнаго, что маленький Соекъ, котораго, если не ошибаюсь, называють Бѣлкой, вертится, точно на булавахъ, что Стахъ Рожнецкій вернулся назадъ и что-то, горячо жестикулируя, объясняетъ од-

ному товарищу, что даже спокойный Браунеръ ведетъ съ прихвотнымъ Видлякомъ оживленную бесѣду.

Ничего не подѣлаешь. Нужно прибѣгнуть къ крайнимъ средствамъ, къ великимъ угрозамъ и возвышенному голосу. Милый мой! когда-нибудь вы поймете эту старую, какъ мѣдь, педагогическую комедію и скажете обо мнѣ, когда я уйду отъ васъ: «онъ былъ добрый, хотя притворялся злымъ!»

Снова тишина, однообразно плыветъ искалѣченный Цезарь, — губы съ запинкой произносятъ латинскія слова, а въ глазахъ, какъ майское солнце, свѣтится одно слово: прогулка! прогулка!

Сборный пунктъ далеко, — на площадкѣ передъ костеломъ одного изъ предмѣстій. На фонѣ муравы и липы церковнаго двора словно полевой макъ, виднѣются красныя кракуски. Движеніе, говоръ и смѣхъ. Прохожіе останавливаются, смотрятъ съ любопытствомъ и дружелюбно. Всякому мила молодость, какъ всякому мила весна.

Всѣ ли собрались? Конечно, всѣ... но при проверкѣ оказывается, что только сорокъ восемь. Ахъ, да, бѣдный Белагъ цѣлый вѣсяцъ хвораетъ, мы уже отвыкли считать его. Такъ, значитъ, одного не хватаетъ? А вотъ и онъ бѣжитъ, задыхается, издали хватаетъ красною шапочкой, чтобы не трогались безъ него. Онъ живетъ далеко, на другомъ концѣ города. Его задержали дома съ заправкомъ. Теперь мы можемъ двинуться.

Строятся четверки, — меньшіе впереди, позади нѣсколько кавалеровъ съ замѣтнымъ пушкомъ надъ верхнею губой. Шутки, воулицанія, пожалуй, и безъ толчка дѣло не обойдется... но для чего же тогда свобода прогулки? Лучше смотрѣть сквозь пальцы. Мы минуемъ заставу и сворачиваемъ въ чистое поле, — зеленое, благоухающее богородициной травою. Здѣсь ряды разстраиваются, — то и дѣло какой-нибудь дезертиръ бѣжитъ въ сторону то за цвѣткомъ, то за растеніемъ для гербарія, то за бабочкой или жукомъ для анатомической зоологической коллекціи. Такъ тутъ хорошо, такъ тихо. Трава высокая, мягкая...

Браунеръ убѣжалъ дальше всѣхъ и возвращается послѣднимъ, поглядывая на свои сложенные руки. Все бѣжитъ къ нему.

— Что поймалъ? Бабочку? Покажи, покажи!

Браунеръ, видимо, не въ духѣ и расталкиваетъ всѣхъ огромными красными лапами.

— Чего мнѣ ловить? Убирайтесь и оставьте меня въ покоѣ. Стоежъ заходитъ сзади и хватается его за руку.

— Я скажу тебѣ, что ты поймалъ. *Urtica urens*, то-есть жгучая крапива.

ая крапива. Поймалъ и, видно, сильно зажалъ въ руку, — вопъ ажъ она тебя разукрасила.

Всеобщій смѣхъ.

— Браунеръ думалъ, что это бабочка! — кричатъ одни.

— Или земляника.

Въ заднихъ рядахъ разговоръ идетъ о вопросѣ жгучемъ и болѣе асущномъ, — о переходѣ въ слѣдующій классъ.

— Я тебѣ говорю, что у Вуйцика будетъ двойка изъ латыни.

— А я говорю, что нѣтъ. Семь хорошихъ отмѣтокъ и шесть воекъ, — отчего не перейти?

— Потому что на экзаменѣ онъ ничего не зналъ.

— А Рожнецкій лучше зналъ? А директоръ говорилъ его отцу, то Рожнецкій перейдетъ.

— Э, Рожнецкій — барчукъ. Такимъ все съ ругъ сходить.

Впереди то и дѣло раздается взрывъ сдержаннаго смѣха. Разговоръ ведется тихо, почти шепотомъ, — видимо, онъ не предназначенъ для учительскаго уха. Бѣ несчастію, слухъ у меня хорошій. Я все знаю. Они говорятъ о послѣдней шалости шестиклассниковъ съ снисходительнымъ учителемъ физики, который самъ же податайствовалъ, чтобъ виновные не подверглись исключенію.

— Знаешь, Марбургъ, ну, тотъ, высокій, черный, досталъ нѣтъ пороху. Насыпали его въ трубочку, положили на окно и ждуть. Опасности быть не могло, — Марбургъ во время вакацій стрѣлялъ изъ ружья. Онъ непременно пойдетъ въ артиллерію, какъ только сдастъ экзаменъ. Нужно только было поджечь. Но Марбургъ не хочетъ, говорить: меня выгонять и свѣтъ для меня клиномъ сойдетъ. А они ему объясняютъ: ты все устроилъ, а теперь боишься? Не боюсь, — говорить, — только пусть подожжетъ тотъ, съ которымъ ничего не сдѣлаютъ, даже если все и откроется. А у нихъ учится сынъ Шейблера, того, что учитъ греческому въ высшихъ параллельныхъ. Знаешь, — кудрявый такой. Говорятъ ему: подожги, тебѣ ничего не будетъ. Онъ не хочетъ: меня, — говорить, — отецъ убьетъ. Но на него такъ насѣли, такъ стали уговаривать, угрожать, что онъ согласился. Приходитъ старикъ, положилъ красный платокъ на журналъ, на носъ нацѣпилъ очки, вдругъ — трахъ! какъ изъ пушки, а старикъ — со стула на землю.

— Такъ испугался?

— Да вѣдь и ударъ же былъ! Въ сосѣднихъ классахъ стекла въ рамахъ задрожали.

— А нѣтъ что?

— Ничего. Шестнадцать часовъ карпера. Добрый старикъ, все

охлопоталъ. Обѣщали, что въ классѣ никогда не будетъ никакихъ шутокъ.

Рядомъ со мной спокойно идутъ двое болѣе старшихъ и солидныхъ учениковъ и разговариваютъ о книжкахъ, которыя я имѣю обыкновеніе давать имъ, когда они, въ воскресенье, послѣ полудня, приходятъ ко мнѣ на квартиру. Видлякъ рассказываетъ мнѣ про крестовые походы, — онъ недавно прочелъ большое сочиненіе о нихъ. Говоритъ онъ, какъ обыкновенно, ясно, связно и спокойно. Его сужденія, можетъ быть, не особенно оригинальны, но самостоятельны и обнаруживаютъ постоянныя и глубокія убѣжденія.

— Значить, крестовые походы ничего не говорятъ вашему сердцу?

— Можетъ быть, я недостаточно ихъ понимаю, можетъ быть, они были полезны и пріятны Богу, какъ бы то ни было, люди жертвовали жизнью во имя Его. Но мнѣ по сердцу пришлась бы иная жертва. Это не хитрость — рубить непріятеля; я предпочелъ бы просвѣщать ихъ, — идти къ нимъ не съ мечомъ, а съ крестомъ.

— Всѣмъ извѣстно, что Видлякъ будетъ миссіонеромъ, — отозвался Стахъ Рожнецкій, который отсталъ отъ переднихъ рядовъ, присоединился къ намъ и дѣлаетъ величайшія усилія настроиться на нашъ солидный ладъ. — Онъ будетъ до тѣхъ поръ просвѣщать готтентотовъ, пока они не съѣдятъ его.

— Не бойся, — послышался сзади тонкій голосъ Стойка, — онъ умный: почти ничего не ѣсть, постится и худѣетъ, чтобы готтентоны не хотѣли поломать объ него зубы.

— А ты, Стахъ, пошелъ бы въ Іерусалимъ съ Готфридомъ и Танкредомъ? — спросилъ я у Рожнецкаго, чтобы обратить разговоръ въ другую сторону, и сдѣлалъ видъ, что не слышалъ дерзкаго замѣчанія Стойка.

Мальчикъ посмотрѣлъ на меня сверкающими глазами.

— Я? Да съ какимъ бы удовольствіемъ! Освободить братій, громить враговъ, овладѣвать городами, крѣпостями, — Боже, какое это было бы наслажденіе!

Лицо его горѣло. То былъ красивый мальчикъ, стройный и сильный, какъ молодая сосенка, съ большими черными глазами, полными свѣжести и веселья.

Я очень любилъ его и держалъ подъ особеннымъ надзоромъ. Годъ тому назадъ, по моему ходатайству и за мою отвѣтственность, приняли его въ нашу школу. Рожнецкій уже былъ выгнанъ изъ одной гимназіи за непослушаніе и дерзость. Онъ самъ при-

нался въ этомъ, безъ обиняковъ, прямо смотря мнѣ въ глаза, хотя и покраснѣлъ отъ стыда.

Вотъ эти-то его прямые, искренніе глаза и рѣшили его судьбу.

Директоръ, — добрая душа, но осторожный человѣкъ, не особенно хотѣлъ «взваливать себѣ на плечи новую бѣду», какъ онъ вы-
ажался.

— Какое намъ до него дѣло? Что у насъ исправительный при-
отъ, что ли? Онъ можетъ испортить репутацію нашего заведенія.

А теперь онъ сказалъ мнѣ на послѣднемъ совѣтѣ:

— Вы были правы, коллега. Рожнецкій ведетъ себя, какъ слѣ-
дуетъ. Порохъ, — это вѣрно, но бойкій мальчишъ, чистое золото.
Изъ такихъ-то и выходятъ люди.

Да, да, — изъ Стаха Рожнецкаго выйдетъ человѣкъ. Его плохо
воспитывали въ дѣтствѣ; мальчишъ бездѣльничалъ, не зналъ ни
уды, ни удержу, портился и стоялъ на дорогѣ къ паденію. Въ
исполнѣ отсутствіе разумнаго направленія раздуло его старые недо-
статки и прибавило еще новые. Нужно было не мало труда, чтобы
выпрямить этотъ неподатливый характеръ, не ломая и не калѣча его,
чтобы тщеславіе обратить въ благородную гордость, упрямство въ
твердость воли, чтобы избытокъ силъ этой богатой и полной жизни
направить на надлежащую дорогу. Мнѣ удалось. Избалованный ре-
бенокъ мало-по-малу таялъ, барчукъ, нетерпимый товарищами,
становился ихъ любимцемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прииѣромъ.

Я велъ его твердою рукой, но теплымъ сердцемъ. Теперь онъ
былъ дорогъ мнѣ, потому что я видѣлъ въ немъ плодъ моихъ тру-
довъ.

— Ахъ, — продолжалъ онъ, весь взволнованный, — какъ бы
хорошо пойти на такую рыцарскую войну! Сердце такъ и рвет-
ся! Что за жизнь у насъ? Съ утра до вечера долби только греческія
свлоненія и геометрическія формулы, — долби, пока голова не лоп-
нетъ, — а потомъ что? Одинъ день такой же, что другой, человѣкъ,
какъ улитка въ раковинѣ, да... а на войнѣ?

— На войнѣ лучше разбивать чужія головы, чѣмъ наполнять
свою знаніями, не такъ ли?

— Не совсѣмъ такъ, но тамъ съ меньшимъ трудомъ можно дѣ-
лать столько добра, совершить столько великихъ дѣлъ, вознагра-
дить за столько несправедливостей...

— Милый Стахъ, какъ видно, у тебя въ головѣ начинается кру-
житься; на вакаціи я долженъ дать тебѣ прочитать Донъ-Кихота.
А тебѣ не приходило въ голову, что каждый хорошо пригото-
вленный урокъ — это одинъ кирпичъ зданія, которое ты возводишь сво-

ею жизнью для Бога, отчизны и человечества, что всякій хороший проведенный тобой день — лишній плюсъ въ книгѣ общественнаго достоинства? Трудъ тебѣ скученъ, тебѣ хочется рыцарскихъ приключеній?

Мальчигъ покраснѣлъ, опустилъ глаза и молча шелъ рядомъ со мною.

— Прежде всего побѣди себя, раньше, чѣмъ вступить въ борьбу съ другими, иначе тебя сарадины побьютъ при первой стычкѣ.

Мы дошли до лѣса. Большая полянка, точно нарочно созданная для игръ и бѣготни. Солнце начинало уже заходить. Сквозь вѣтви деревьевъ просвѣчивали золотые лучи, осыпая дрожащими каплями мураву и огненною волной разливаясь на полянкѣ.

Мальчишки разбѣжались по всѣмъ сторонамъ. Зеленый лѣсъ привѣтно шумѣлъ надъ ихъ головой и казалось шепталъ: играйте, играйте, молодые друзья мои, — только и вашего, что весна... Въ вѣтвяхъ щебетали птицы, встревоженные неожиданнымъ шумомъ и говоромъ.

Я поднялъ руку, рассыпавшаяся кучка окружила меня тѣнымъ кольцомъ и сняла красныя шапочки. Смѣхъ и разговоръ смолкъ. Раздалось пѣніе. Прекрасная мелодія широкою волной шпльпла по лѣсу, точно высоко-высоко поднимаясь кверху. А теперь игры.

Царь раздѣляетъ всю кучку на двѣ половины, которыя становятся другъ противъ друга по обѣимъ сторонамъ полянки. Самые испытанные силачи съ той и съ другой стороны нападаютъ на вражескій отрядъ, стараясь прорвать его цѣпь и увести въ плѣнъ часть противниковъ. Какъ всегда, распоряжается Стахъ Рожнецкій; маленький пылкій Стоекъ играетъ роль его адъютанта.

Здѣсь — поле состязанія и жатва лавровъ для Браунера и Выдмянскаго. Браунеръ, серьезный, флегматичный, возмущающій въ классѣ своею нѣмецкою аккуратностью, — здѣсь становится съ всѣмъ другимъ человѣкомъ. Его круглое и немного бессмысленное лицо, на которомъ застыла одна и та же улыбка, теперь всплываетъ и оживаетъ. Плотный, плечистый, онъ, какъ бомба, врывается въ непріятельскіе ряды, ничѣмъ не удержимый, разрываетъ ихъ и половину враговъ уводитъ съ собой въ качествѣ плѣнниковъ.

Выдмянскій самый рослый и самый старшій въ классѣ. Какимъ случаемъ или чудомъ онъ добрался до четвертаго? Онъ и самъ не сумѣлъ бы объяснить этого. Сидитъ онъ въ немъ вотъ ужъ третій годъ и этимъ закончить свою школьную карьеру. Несмотря на то, съ какою ловкостью и силой, съ какимъ сознаниемъ онъ про-

зводилъ свои вылазки. Я въ первый разъ начинаю жалѣть, что кланная минута разлуки съ нимъ такъ близка. Школа обнаружится только частицу человѣка, — во всей цѣлости его обнаружится только жизнь.

Послѣ долгаго колебанія счастья, Выдмянскій рѣшаетъ участь ея, разбивая остатки непріятели. На минуту мальчики остаются, чтобъ отдохнуть и поиграть въ кошку и мышку, — игра старая, какъ прѣзъ, и пріятная для всѣхъ тѣхъ, кому даетъ возможность расплавяться жгутомъ за старые долги. Вскорѣ всѣ разбѣгаются въ ѣсъ... Жандармы и разбойники! Чудная игра — прятаться въ зензи, дурачить жандармовъ, оставлять ихъ съ носомъ! Но за то каая радость, когда жандармъ поймаетъ разбойника, какой триумфъ, когда онъ приведетъ его на сборное мѣсто и заключить въ темницу посерединѣ полянки.

Маленькіе тѣмъ временемъ играютъ въ мячъ на другомъ концѣ уга.

Вдругъ слышатся какіе-то крики, угрозы, шумъ.

Что такое случилось?

Стоекъ, задыхающійся, красный, дрожащій отъ гнѣва, первый врывается ко мнѣ. Онъ кричитъ что-то невнятное прерывающимъ голосомъ. Я могу разобрать только: Шницбуберъ... Рожнецкій... Яскульскій. Шницбуберъ, — навѣрное, какая-нибудь исторія. Несомнѣнная дрянь, а зубастая, скверная, оболтусъ. Всѣмъ товарищамъ насолилъ. Но что онъ устроилъ теперь?

— Господинъ преподаватель, онъ хотѣлъ бить Яскульского (это самый слабый и самый маленькій мальчикъ въ классѣ). Рожнецкій не позволилъ. Тогда онъ началъ бранить Рожнецкаго. Рожнецкій ничего, только отвернулся. Тогда онъ ударилъ Рожнецкаго.

— А Рожнецкій?

— Схватилъ Шницбубера за руку, — я думалъ, разорветъ его, но потомъ только оттолкнулъ и сказалъ, что ничего не хочетъ сдѣлать съ нимъ, потому что вдвое сильнѣе его. И вы думаете, на томъ конецъ? Мы накинулись на Шницбубера, а Рожнецкій заслобилъ его и говоритъ, что это хочетъ быть его другомъ, такъ пусть же вмешивается въ это дѣло.

Тѣмъ временемъ вся кучка приблизилась ко мнѣ. Впереди шелъ Стахъ, блѣдный, но спокойный, а рядомъ съ нимъ худой, рыжій и косой Шницбуберъ, безпокойно оглядывающійся по сторонамъ. Идутъ или шесть мальчиковъ шли позади, размахивая руками, и пошаривали на своего рыжаго товарища такъ, какъ борзая гончая на сворѣ смотритъ на спугнутаго звѣря.

— Что тамъ было между вами, Стахъ?—спросилъ я.

— Ничего, немного повздорили. Товарищи ни съ того, ни съ сего вмѣшались... Можетъ быть, вы позволите Шницбуберу остаться здѣсь, а то они могутъ поколотить его въ лѣсу.

Милый, добрый Стахъ! Теперь я знаю, ты что будешь человекомъ, да еще однимъ изъ тѣхъ немногихъ, въ присутствіи которыхъ забываешь о людскихъ порокахъ и слабостяхъ, о лохмотьяхъ и грязи жизни.

Уже вечеръ. Роса осѣдаетъ на лугъ, серебрится на листьяхъ. Изъ-за луга, съ лѣснаго болотца, поднимается сырой туманъ. Заходящее солнце краснѣется изъ-за деревьевъ, какъ зарево пожара. Букешки перекликаются другъ съ другомъ; гдѣ-то въ болотѣ за трещалъ коростель. Воздухъ полонъ острой, влажной свѣжести, весь насыщенъ смолою, запахомъ травъ и цвѣтовъ.

На фонѣ темнѣющей зелени мигаютъ красныя шапочки, небрежно наброшенные на растрепанныя головы. Вокругъ смѣхъ, говоръ, несмотря на утомленіе и ускоренное дыханіе. Всѣ веселы и счастливы. Одинъ Шницбуберъ тащется молчаливый и оставленный всѣми и старается держаться поближе ко мнѣ и къ Стаху.

Тамъ и здѣсь раздается пѣсня и расплывается въ сѣромъ вечернемъ воздухѣ, сливаясь съ шелестомъ листьевъ, съ шумомъ деревьевъ, со щебетомъ птицъ и съ далекимъ стономъ городскихъ колоколовъ, призывающихъ къ вечерней молитвѣ...

Чудесная прогулка!...

II.

К т о о н ъ ?

I.

Безъ излишней скромности я могу сказать, что женщинъ и ихъ характеръ я знаю основательно, — почти такъ же основательно, какъ ассирійскую и мексиканскую архитектуру. Съ того момента, какъ я началъ заниматься археологіей, я преимущественно изучаю древнюю женщину и пишу только о ней. Умалчивая о множествѣ статей, брошюръ и однотомныхъ сочиненій, которыя по узости своихъ рамокъ не могутъ претендовать на какое-нибудь научное значеніе, я упомяну только о своей «Богинѣ Астартѣ и ея значеніи въ сравнительной миеологіи» (4 тома in 4° у Котты въ Страсбургѣ), «Женскихъ типахъ въ искусствѣ и миеологіи ацтековъ» (3 тома in 8° у Брокгауза въ Лейпцигѣ), о «Женщинахъ у финиціанъ и древнихъ мексиканцевъ» (до сихъ поръ вышло 8 томовъ у Гердера въ

Фрейбургъ) и, наконецъ, объ «Общихъ признакахъ культуры арийской и ацтекской, выясненныхъ на основаніи славянскихъ и американскихъ раскопокъ, въ особенности на металлическихъ орнаментахъ женской одежды» (бюллетени Бравовской академіи наукъ, томы ССLXXXVІІ, ССLXXXVІІІ, ССLXXXІХ). Итакъ, что я знаю женщинъ, объ этомъ не можетъ быть разговора, а изъ женщинъ, очевидно, знаю ту, съ которой ознакомился больше, чѣмъ съ какой-нибудь другой, и поэтому долженъ знать лучше кого бы то ни было свою кузину Ванду. А несмотря на то, порою, мнѣ кажется, что я ее какъ будто бы совсѣмъ не знаю.

И это уже началось съиздавна.

Въ дѣтствѣ, правда, мы отлично понимали другъ друга. Наше положеніе было такъ похоже, а условія жизни такъ сближали насъ! Мой отецъ и мать умерли, когда я былъ еще въ колыбели, у нея осталась только мать, больная, какъ я запомню, и неспособная заниматься не только своимъ племянникомъ, но даже и своей собственной дочерью (Ванда была моложе меня на два года). Но нашъ огромный дворецъ въ Боратычахъ былъ такъ пустъ, такъ угрюмъ, преисполненъ такимъ количествомъ воспоминаній и страховъ, а я, подъ покровительствомъ гувернеровъ и боннъ, былъ такъ заброшенъ и несчастенъ. Мой опекунъ, дядя со стороны отца, старый холостякъ, лишь изрѣдка навѣдывался въ Боратычи, и вотъ тетка Анеля взяла меня къ себѣ со всею ватагой учителей и прислуги. Для нашего исключительнаго пользованія кое-какъ приспособили лѣвое крыло Шидловецкаго дома, и у меня въ памяти навсегда остался этотъ рядъ большихъ залъ съ незакрывающимися окнами и дымящими каминами, обитель скучнѣйшихъ людей и еще болѣе скучной математяги. Тамъ я спалъ, ѣлъ, учился, прозябалъ, — а жилъ, въ правомъ крылѣ...

Тамъ были двѣ небольшія комнатки, заставленные старинною мебелью рококо и множествомъ бездѣлушекъ и фарфоровыхъ фигурокъ временъ Августа Саксонскаго. Эти комнаты были самыя отдаленныя отъ комнаты тетки, куда намъ, дѣтямъ, рѣдко позволялось являться, и мимо которой всѣ проходили тихо и на цыпочкахъ. Дверь выходила въ садъ, — не такая парадная, огромная, какъ та, что вела изъ голубой гостиной на террасу, а маленькая, стеклянная, съ сотнею разноцвѣтныхъ стеколъ, какъ разъ для насъ, дѣтей. Англичанка дремала въ углу надъ Теннисономъ, французъ по обыкновенію отправлялся къ управляющему играть въ карты или на билліардѣ, а мы съ Вандзей прятались другъ отъ друга за японскіе экраны или потихоньку, на цыпочкахъ, убѣгали въ паркъ.

Теперь онъ не кажется мнѣ такимъ большимъ, — обыкновенный деревенскій подольскій садъ (у меня въ Боратычахъ вдвое больше), — но тогда! Тогда мы съ Вандзей прямо воображали, что это дѣйствительный американскій лѣсъ. Ручей, отдѣляющій его отъ соедняго лѣса, казался намъ какой-то широкой рѣчкой, а лѣсъ наше воображеніе населяло медвѣдями и тиграми, хотя въ немъ водились только зайцы и серны. Еслибъ кто-нибудь изъ краснокожихъ воиновъ, нашихъ добрыхъ знакомыхъ по Буперу и Майнъ-Риду, выскочилъ изъ-за кустовъ, потрясая перьями на головѣ и тамагаукомъ, мы, конечно, испугались бы, но это ничуть не удивило бы насъ.

Разъ, помню, мы бѣгали по заросшимъ дорожанъ (паркъ при жилищѣ тетки Анели былъ въ полномъ небреженіи) и показалось намъ, что мы заблудились. Правда, сквозь вѣтви деревьевъ была видна сверкающая на солнцѣ сажалка, а отъ нея до дома рукой подать, — но намъ такъ пріятно было пугаться и испытывать чувство заблудившихся у береговъ Рио-Гранде или у подножія Скалистыхъ горъ. Мы прижались другъ къ другу подъ тѣнью огромнаго каштана и съ минуту простояли дрожа, съ широко раскрытыми глазами, ожидая чего-нибудь неожиданнаго.

— Слушай Тадзя, а если мы не найдемъ нашего лагеря? — спросила Вандзя, сильнѣе прижимаясь ко мнѣ и заглядывая мнѣ въ глаза.

— Мы построимъ себѣ хижину и будемъ жить, какъ Робинзонъ съ Пятницей, — отвѣтилъ я, подумавъ немного. — Я буду ходить на охоту, буду приносить тебѣ дичь и бить медвѣдей, а ты тѣмъ временемъ наберешь много, много земляники. А потомъ придутъ дикіе.

— О, Тадзя, не говори такъ, я боюсь.

— Не бойся. Я разгоню ихъ. Мы будемъ защищаться, однихъ я убью, другихъ мы возьмемъ въ плѣнъ.

— Но, вѣдь, они что-нибудь сдѣлаютъ съ тобой... ранятъ, пожадутъ.

Она, дѣйствительно, дрожала, въ глазахъ ея видѣлись слезы.

— Хотъ бы и ранили. Ну, что-жь? А капитана Гарри не ранили команши?

Она обвинилась рученками вокругъ моей шеи и расплакалась: неправду.

— Я не хочу, не хочу, не хочу, чтобъ тебя ранили. Тебѣ будетъ больно! Пусть лучше меня ранятъ.

— Тебя? Ты дѣвочка, ты не можешь вмѣшиваться въ битъ.

— Тогда и ты не вмѣшивайся и не позволяй себя ранить.

Мы вовсе не играли комедіи и все больше и больше проникались нашею ролью. Вандзя громко рыдала, да и я, несмотря на свой рыцарскій духъ, испытывалъ желаніе послѣдовать ея примѣру. Вдругъ возлѣ насъ послышался пискливый крикъ. Миссъ Томпсонъ, красная, запыхавшаяся, ворвалась въ наше уѣжище.

— Гдѣ вы! Что за несносныя дѣти! Я ищу васъ четверть часа по всему парку. Графъ Августъ пріѣхалъ и хочетъ видѣть васъ. То былъ мой дядя, опекунъ.

По дорогѣ домой англичанка изливала на насъ свое дурное расположение духа.

— И не стыдно дѣвочкѣ, хорошо воспитанной, бѣгать одной съ мальчишкомъ по парку и прятаться отъ старшихъ.

При этихъ словахъ Вандзя покраснѣла, какъ шіонъ.

Когда на другой день я позвалъ ее въ паркъ, она опустила глаза и сказала, что безъ миссъ Томпсонъ она не пойдетъ, потому что это нехорошо. И съ тѣхъ поръ наши американскія приключенія больше уже не повторялись.

За то мы ходили гулять съ англичанкой; а такъ какъ теперь стояла уже осень, то дѣлали долгіе привалы въ фруктовомъ саду. Миссъ Томпсонъ любила фрукты и пожирала ихъ въ такомъ огромномъ количествѣ, что еще теперь при воспоминаніи объ этомъ я испытываю тяжесть въ желудкѣ. Прежде всего мы собирали для нея цѣлыя пирамиды яблокъ и грушъ, а потомъ уже заботились о себѣ.

Разъ, я помню, мы отряхали ренклоды. Одинъ изъ нихъ былъ необыкновенно великъ и мы вмѣстѣ кинулись къ нему. Вандзѣ удалось первой схватить его.

— Не дамъ, не дамъ! — задорно кричала она и дѣлала видъ, что хочетъ укусить сливу. Попроси получше.

— Я не буду просить, я самъ возьму, — крикнулъ я и попробовалъ схватить ртомъ сливу. Лица наши сблизились и, ужъ самъ не знаю, какъ это случилось, губы мои прижались къ ея щекѣ.

Она вдругъ отодвинулась, покраснѣла и закрыла лице руками.

— Тадзя, — шепнула она, — не дѣлай этого... нехорошо.

Тогда я въ первый разъ не понялъ ее.

Каждый день утромъ и вечеромъ мы цѣловались при теткѣ и гувернанткахъ, и это не было нехорошо. Почему же теперь сдѣлалось?

II.

Немного спустя мы разстались. Меня отдали въ пансіонъ, а Вандзю, послѣ смерти тетки Анели, взяли родственники. Мы пи-

сали другъ другу длинныя и сердечныя письма, то-есть регулярно писала Вандзя, а я отвѣчалъ только тогда, когда у меня были время и охота.

Встрѣтились мы черезъ нѣсколько лѣтъ у бабушки, важной барыни. Я едва узналъ кузину. Она выросла и казалась невѣстомъ. Я, хоть и былъ старше, стыдно сказать, казался передъ ней неуклюжимъ школьникомъ. Я чувствовалъ это и стоялъ сконфуженный, красный какъ ракъ, думая о томъ, какая несчастная случайность прицѣпила челоуѣку двѣ руки, съ которыми онъ не знаетъ что дѣлать. Но Вандзя подбѣжала ко мнѣ, по-прежнему, и обвила руками вокругъ моей шеи.

— Тадзя, милый, золотой!

Она смѣялась и плакала. Она очень жива и впечатлительна. И красива она была должно быть тогда, какъ и теперь. Такъ, по крайней мѣрѣ, я слышалъ, потому что по своей близорукости не могъ и не могу судить объ этомъ. Наконецъ, это меня никогда не интересовало.

Мы сердечно поздоровались. Правда, лицо миссъ Томпсонъ вытянулось, но я замѣтилъ, что Вандзя перестала считаться съ этимъ.

— Пойдемъ, милый въ садъ, по-старому, — крикнула она, подхватывая меня подъ руку, — знаешь, какъ въ Шидловцѣ, когда мама еще была жива.

И мы пошли. То былъ не шидловецкій паркъ, заросшій какъ лѣсъ, полный тѣни и потаенныхъ уголковъ, а старомодный французскій садъ, съ низко подстриженными шпалерами, стертый, залитый солнечными лучами. Но намъ было хорошо тамъ. Вандзя смѣялась, бѣгала, забавлялась сама и забавляла меня и черезъ четверть часа сумѣла такъ ободрить и расшевелить меня, что я чувствовалъ себя съ нею такъ же свободно, какъ съ какимъ-нибудь своимъ коллегой изъ Бремснунстера. Я понималъ, что приятенъ и необходимъ ей, а до сихъ поръ, — я это зналъ хорошо, — не былъ ни очень приятнымъ, ни необходимымъ ни для кого. Когда на замѣчаніе англичанки, что она держитъ себя со мною черезчуръ фамильярно, Вандзя съ отѣнкомъ досады отвѣтила: «But he is my brother», я почувствовалъ, что она говоритъ правду, и что я, дѣйствительно, ея братъ. Потомъ въ ея отношеніи ко мнѣ было что-то материнское, какая-то странная заботливость, желаніе возвысить меня и въ своихъ глазахъ, и въ глазахъ другихъ, какъ будто она хотѣла придать мнѣ самоувѣренности и отваги, которую я такъ часто терялъ, неустанное бдѣніе надо мной, какъ бы я не прегрѣ-

ниль чѣмъ-нибудь передъ требованіями свѣта. На прогулкѣ я зналъ, что она всегда будетъ возлѣ меня, когда мои знанія верховой ѣзды окажутся недостаточными, въ обществѣ былъ всегда увѣренъ, что ея мѣткая и смѣлая острота оградитъ меня отъ злого языка кузеновъ и выведетъ изъ смѣшного положенія, въ которое я попадалъ такъ часто по своей разсѣянности, неловкости или наивности.

Съ тѣхъ поръ я всегда услаждалъ себя надеждой провести съ Вандзей нѣсколько дней во время вакаціи, и эти дни стали для меня самыми пріятными изъ всего года. И я считалъ ее сестрой и не имѣлъ отъ нея никакихъ тайнъ. Я находилъ, что всякое обстоятельство, касающееся меня, занимаетъ и ее, что каждое мое чувство и впечатлѣніе найдутъ въ ея сердцѣ отзвукъ, и что та остроумная, злая, немилосердная барышня, которой всѣ мои кузены боялись, какъ огня, хотя по очереди всѣ влюблялись въ нее, — для меня вѣчно будетъ держать въ запасѣ теплую, свѣтлую, пріятливую улыбку сестры.

Не удивительно, что когда я (если не ошибаюсь, это было въ седьмомъ классѣ) сразу открылъ въ себѣ безграничную любовь къ златоволосой и только немного веснучатой Лизхенъ, племянницѣ содержателя трактира «Подъ Золотымъ Оленемъ» въ Кремсмионстерѣ, то поспѣшилъ исповѣдаться передъ Вандзей въ этой любви. Всѣ старшіе ученики бенедиктинскаго пансіона, прибѣгавшіе выпить бутылку пива въ отдаленную таверну, отлично скрытую отъ ока учителей, были влюблены въ эту Лизхенъ. Я на нее не обращалъ вниманія до тѣхъ поръ, пока мои коллеги не начали меня преслѣдовать ею, да она и сама принялась дѣлать авансы «*dem polnischen Grafen*» (въ то время у меня карманныхъ денегъ было больше, чѣмъ у кого-нибудь изъ моихъ товарищей). Тогда я осматриваясь, прочиталъ въ своемъ сердцѣ великое слово: «любовь» и сказалъ себѣ: «или она, или никто». А такъ какъ я все-таки соображалъ, что въ этомъ дѣлѣ мой дядя будетъ нѣсколько иного мнѣнія, то гороскопъ будущаго рисовался передо мною въ трагическихъ формахъ всевозможныхъ смертей, при помощи которыхъ несчастные любовники съ начала вѣка искали соединенія за гробомъ, не имѣя возможности соединиться при жизни.

Понятно, я былъ вполне убѣжденъ, что въ Вандзѣ найду наперстника, полного сочувствія и пониманія. А на дѣлѣ вышло не то. Она снова удивила меня, и еще больше, чѣмъ въ первый разъ. Я въ моемъ повѣствованіи только что дошелъ до кульминаціоннаго пункта лирики и еще не имѣлъ времени приступить къ разработкѣ трагическихъ гороскоповъ (до нѣкоторой степени это можетъ изви-

нять поведеніе моея кузины), какъ Вандзи, вся раскрасившаяся, съ блестящими глазами, со стиснутыми зубами, вскочила со стула.

— И ты глупъ, и твоя швабка, — сердито проговорила она. — Тебѣ нужно бы остаться съ ней и торговать пивомъ!

И вдругъ, ни съ того, ни съ сего, она расплакалась и выбѣжала изъ комнаты.

Что это должно было обозначать, я и до сихъ поръ не знаю.

Правда, потомъ мы помирились съ Вандзей, хотя я не постигаю, что ее разсердило, но одно-то я сообразилъ, что не во всѣ тайны моего сердца возможно посвящать ее. И съ тѣхъ поръ я не говорилъ уже ни о блондинкѣ Лизхенъ, которая, впрочемъ, въ тотъ же самый годъ вышла замужъ за монастырскаго садовника, ни о брюнеткѣ Маріелъ, которая заняла ея мѣсто за прилавкомъ и въ моемъ сердцѣ.

Наконецъ, я кончилъ курсъ въ пансіонѣ, простился съ добрыми учителями, въ особенности съ неогцѣненнымъ отцомъ Виллибальдомъ, который привилъ ко мнѣ страсть къ археологій, и возвратился домой. Но Вандзи я уже не засталъ. Ее отдали въ монастырь для окончанія образованія. Какъ сейчасъ помню, какое это было для меня разочарованіе. Но я занялся другимъ и забылъ все. Наступило время университетскихъ занятій, и гениальный Липгардтъ приковалъ меня къ своей археологической колесницѣ. Мало-по-малу я забывалъ о всемъ мірѣ, и не удивительно: я началъ собирать матеріалы для своей «богини Астарты».

Прошло нѣсколько лѣтъ. Я провелъ ихъ по большей части за границей, а во время краткихъ наѣздовъ на родину не только не встрѣчалъ Вандзю, но даже и не слышалъ о ней. Однако, она приходила мнѣ въ годову во время созиданія моего первороднаго произведенія. Какъ бы хорошо она умѣла слушать, какъ бы свободно и основательно я могъ поговорить съ нею объ ассирійскихъ раскопкахъ и объ одеждѣ ацтековъ! Я хотѣлъ было даже писать ей, но это было бы слишкомъ обширно для простаго письма. И я оставилъ ее въ покоѣ. Кажется, за это время она писала мнѣ разъ, но навѣрно сказать не могу. Не упомяну.

III.

Я только что возвратился изъ долгой научной поѣздки въ Малую Азію и явился въ Браговъ въ самомъ началѣ карнавала, очевидно, не имѣя о томъ никакого представленія. Подагра не дозволила дядушкѣ двигаться съ мѣста, — онъ случалъ и отъ скуки вбилъ себѣ

въ голову женить меня. Едва мы поздоровались, онъ объявилъ мнѣ, что я обязанъ вступить въ свѣтъ, бывать на балахъ и раутахъ, что достаточно мнѣ киснуть среди разбитыхъ черепковъ и старой рухляди, что нужно перестать быть чудакомъ, муміей и мамонтомъ, а начать быть молодымъ и такъ далѣе...

Мнѣ ужасно хотѣлось повернуться, забрать еще не распакованные чемоданы и бѣжать на вокзалъ, но воспитанъ я былъ въ традиціонномъ уваженіи къ старшимъ, а притомъ, — нечего грѣха таить, — проявленіе твердости у другихъ импонируетъ меня тѣмъ болѣе, что у меня ея немного въ характерѣ. Я и остался, проглатывая судьбу, и вечеромъ, вмѣсто того, чтобъ вынимать изъ ящиковъ и приводить въ порядокъ археологическія замѣтки и книги, отправился на балъ къ Морскимъ.

Я былъ несмѣлъ, неловокъ, близорукъ, — идти со всѣмъ этимъ на балъ довольно северно. Идти по принужденію, ругаясь и думая о чудесномъ вечерѣ, какой можно было бы провести въ туфляхъ и халатѣ, передъ каминомъ, за стаканомъ чая, и думать о богинѣ Астартѣ, — это, пожалуй, еще хуже. Но не имѣть возможности среди этого потока свѣта, цвѣтовъ, духовъ, брилліантовъ и кружевъ, забраться въ какой-нибудь темный уголокъ, быть предметомъ вниманія и замѣчаній большей части общества, — это уже почти совсѣмъ невыносимая мука. Но что-жъ дѣлать, нужно было пройти черезъ все это. Въ теченіе получаса тетушки, кузины и подружки моей покойной матери перебрасывали меня, какъ мячикъ, дѣлали вивисекціи моихъ внутреннихъ и внѣшнихъ особенностей, заводили диспуты о моемъ сходствѣ съ тѣмъ или другимъ членомъ нашей фамиліи и задавали всевозможные вопросы о моихъ путешествіяхъ, научныхъ занятіяхъ и планахъ на будущее. Наконецъ, наихудшая изъ всѣхъ, пріятельница бабушки, любопытная и болтливая, какъ глухая канонисса, схватила меня за руку и, какъ жертву, повлекла въ зимній садъ, угрожая еще болѣе подробнымъ разговоромъ. Но счастливая случайность бросила на насъ цѣлую волну гостей, плывущихъ изъ главнаго салона. Волна раздѣлила насъ, и разбитый, задыхающійся, я очутился въ какомъ-то бу-
дуарѣ.

— Уфъ! — простоналъ я, отирая платкомъ лобъ. — Вотъ такъ баня!

— Что, избѣжалъ змія? — засмѣялся кто-то за моею спиной.

Я повернулся и узналъ моего кузена, Гуцю.

— Берегись, какъ бы она опять не поймала тебя, — продолжалъ онъ, пожимая мнѣ руку. — Цѣлый часъ всѣ мамы и тетуш-

ки только и говорят, что о тебѣ. Ты—завидная партія. Вѣроятно, тебѣ предстоитъ выборъ между десятью невѣстами. Но смѣй,—vulgo тетушка канонисса одна дѣйствуетъ безкорыстно. Тебя представили княжнѣ Матильдѣ?

— Можетъ быть, не знаю навѣрно.

— Вотъ тебѣ—не знаю навѣрно! Что же ты знаешь? Должно быть, это дѣло дяди Августа и князя Генрика, и если... но это будетъ зависѣть отъ тебя. Но княжну ты долженъ былъ видѣть. Въ серебряномъ газовомъ платьѣ съ незабудками... Замѣтилъ?

— Нѣтъ... не помню.

— Говори съ нимъ послѣ этого! Я готовъ ручаться, что тебя представляли, но ты, вѣроятно, думалъ въ это время о своихъ фліантахъ. А кузину Вандзю видѣлъ?

— Она здѣсь?

— Здѣсь ли? Цѣлый часъ на балѣ, гдѣ она царица, и спрашиваетъ. О, simplicitas, или, вѣрнѣе, о, археологія! Она, какъ только пріѣхала, спрашивала о тебѣ. А ты...

— Гдѣ она?

Гуца надѣлъ пенснѣ, приподнялъ портьеру и началъ оглядывать залу.

— Тамъ ея нѣтъ,—медленно сказалъ онъ и, сдѣлавъ два шага, заглянулъ въ сосѣднюю гостиную.—Она вышла въ оранжерею. Поди, повидайся съ ней. Только какъ бы это не повредило проектамъ князя Генрика,—добавилъ онъ, смѣясь.

Въ концѣ стеклянной оранжереи, полной пальмъ и цвѣтушихъ камелій, стояла молодая женщина, вся въ бѣломъ, съ бриллиантовою звѣздой въ волосахъ. Глаза ея были опущены на букетъ парижскихъ фіалокъ, которыя она разсѣянно обрывала цвѣтокъ на цвѣтку.

— Я веду за собою твое несчастіе, кузина,—заговорилъ Гуца, входя въ оранжерею.—Вообрази, Тадзя не знала, что ты здѣсь.

Молодая женщина вздохнула, и фіалки дождемъ посыпались на полъ.

— Какая жалость,—сказалъ одинъ изъ мужчинъ, слегка наклонясь къ ея рукѣ,—вы сломали вѣеръ.

— Правда,—подтвердилъ Гуца,—такой прелестный вѣеръ. Смотри, Тадзя, что ты надѣлала.

— Я?—пробормотала я, сконфуженный до послѣдней степени,—почему же я?

Но Вандзя подошла ко мнѣ въ эту минуту и положила мнѣ руку на плечо.

— Какъ поживаешь, Тадзя? — сказала она. — Пройдемся не-
кого. Ты расскажешь мнѣ о себѣ.

Въ первую минуту я не могъ рѣшиться. Неужели это дѣйстви-
тельно она, та Вандзя, съ которою мы играли въ Робинзона и Пят-
цу, которой я позже рассказывалъ свои пансіонскія приключе-
н. Она, — это королевская красота, передъ которой почтительно
вступалась толпа, за которой слѣдовалъ шепотъ удивленія?

Да, то была Вандзя. Ослѣпительная и величественная на видъ,
я по-прежнему была спокойна и добра. Ей достаточно было од-
ной минуты, чтобъ убѣдить меня въ этомъ. Мы сѣли въ углу на
скомъ диванчикѣ, окруженномъ померанцевыми деревьями, она
старому слушала меня со своею ласковою, поощряющею улыб-
кой, а я рассказывалъ ей о богинѣ Астартѣ и ея значеніи въ срав-
нительной мивеологіи.

Насъ прерывали довольно часто, но мы не обращали вниманія.
слышалъ какія-то напоминанія объ обѣщанной кадрили, надъ
нами склонялись подвитыя головы съ симметричнымъ проборомъ
серединѣ, и всегда съ нашего диванчика шелъ одинаково вѣж-
ливый и холодный отвѣтъ:

— Простите, пожалуйста. Я очень утомлена и не буду танцо-
вать ни съ кѣмъ.

Эту ночь я прожилъ, какъ во снѣ. Ахъ, никто не умѣлъ такъ
ушать о финикійской археологіи, какъ она! Наконецъ, гости па-
ми разъѣзжались. Вандзя поднялась съ мѣста, шепнула, пожимая
кѣ руку: до завтра, да? — и поплыла по гостиной. Я стоялъ, по
мнѣновенію, сконфуженный, хорошенько не понимая, что мнѣ дѣ-
лать съ собою. Вдругъ кто-то ударилъ меня по плечу. Я обернул-
ся: очевидно, Гуця.

— Ну, поздравляю, поздравляю! — засмѣялся онъ. — По край-
ней мѣрѣ, поднеси ей новый вѣеръ.

— Опять! Отстань ты отъ меня съ этимъ вѣеромъ.

— Ну, ну, хорошо. Въ сорочкѣ ты родился. А что княжна Ма-
льда будетъ злиться, такъ это вѣрно.

IV.

На слѣдующій день я пошелъ къ Вандзѣ, какъ общалъ. На-
онецъ, меня самого тянуло къ ней. Мнѣ хотѣлось показать ей ин-
тересныя вещи, привезенныя мною изъ Памфіліи и Финикіи, и усло-
виться, когда мы начнемъ читать мою *Астарту*. Помнится, у не-
й уже были готовы три первые тома.

Моя жужина занимала цѣлый домъ на Плантахъ, очень изици меблированный. Позже я узналъ, что среди невѣсть она находилась въ такомъ же матеріальномъ положеніи, какъ и я среди ихъ. Бажется, ея состояніе было даже вдвое болѣе моего, несмотря на то, что Боратычи стѣяты миллионъ. Бабушка завѣщала ей все, но, повидимому, она къ этому относилась равнодушно, какъ и я, имя котораго не было упомянуто въ завѣщаніи. Среди болѣе великолѣпной рамки она была прежнею, милую Вандзей.

При моемъ появленіи она встала и протянула мнѣ объ руки.

— Милый, — сказала она, — какъ это хорошо, что ты пришелъ. Вчера въ этомъ шумѣ и тѣснотѣ мнѣ такъ непріятно было встрѣтиться съ тобой послѣ столькихъ лѣтъ разлуки.

Теперь намъ никто не мѣшалъ. Миссъ Томпсонъ почивала въ могилѣ, благодаря неизмѣрному количеству поглощенныхъ и одинъ пріемъ персиковъ. Старая, разорившаяся графиня, занимавшая ея мѣсто, играла свою роль совершенно пассивно: молча въ зала сѣтку. А мы болтали.

Хотя я давно кончилъ курсъ въ университетѣ и не былъ уже юношей, этотъ карнавалъ былъ какъ бы моимъ первымъ выходомъ въ свѣтъ, котораго мнѣ до сихъ поръ удавалось избѣгать. Я дѣлалъ женъ былъ дѣлать визиты, бывать въ театрѣ, который мнѣ не доѣдалъ, и на балахъ, которые положительно убивали меня. Единственнымъ утѣшеніемъ для меня была мысль, что и тамъ, и тамъ я найду Вандзю, и, разговаривая съ нею, забуду о томъ, что дѣлается на сценѣ и въ бальной залѣ.

Одинъ разъ я сказалъ ей это. Мы сидѣли уже въ маленькомъ будуарѣ. Графиня пошла къ вечернѣ. Свѣчей еще не подавали, — сквозь открытыя двери виденъ былъ только свѣтъ лампы въ столовой, гдѣ накрывали обѣденный столъ.

Вандзя съ минуту молчала.

— Такъ, значить, я дѣйствительно нужна тебѣ для чего-нибудь? — наконецъ шепнула она. — А я думала — нѣтъ. Такъ долго ты не подавалъ никакого признака жизни, не отвѣчалъ мнѣ столько лѣтъ. Мнѣ казалось, что ты совсѣмъ забылъ меня.

Я началъ оправдываться. Она положила руку на мое плечо и перебила меня:

— Оставь, Тадзя. Мнѣ и въ голову не приходило обвинять тебя. Развѣ я не знаю, какъ ты былъ занятъ, какъ дорого твое время. Я понимаю такъ мало, — что новаго могла дать тебѣ переписка со мною?

— Да нѣтъ же, напротивъ. Я хотѣлъ писать тебѣ, обдумываю

къ длинное, обстоятельное письмо и, должно быть, потому и не писалъ. Откладывалъ со дня на день, такъ дѣло и сошло ни что.

Она повернулась на креслѣ.

— Правда? — спросила она. — Ты не шутишь?

— Что ты! Я хотѣлъ набросать тебѣ весь планъ моей *Астарты*.

— А... да.

— Ты не повѣришь, какія у тебя способности къ археологін, къ ты ее понимаешь, какъ умѣешь слушать о ней. Между профессиональными археологами я не встрѣчалъ никого, подобнаго тебѣ. И откуда у тебя это взялось?

— Ты хорошій учитель, Тадзя... — она тихо разсмѣялась и, наконецъ, прибавила серьезно: — Развѣ ты не знаешь, что если кто... если кто-нибудь насъ близко интересуется, то мы не можемъ быть равнодушны къ тому, что дорого ему. А для тебя на свѣтѣ ближе и дороже археологін?

— Конечно, ничего, — съ убѣжденіемъ сказалъ я.

Разговоръ нашъ какъ-то оборвался. Послѣ минутнаго молчанія Тадзя заговорила о чемъ-то другомъ, но меня черезчуръ тяготила невизанность къ своей кузинѣ, чтобъ я могъ не высказаться.

— Знаешь, Вандзя, — сказалъ я, — меня просто пугаютъ мои отношенія къ тебѣ.

Струя свѣта, плывущая изъ столовой, бросала блѣдный отблескъ на кресло, на которомъ сидѣла Вандзя. Вдругъ она откатила его назадъ не свойственнымъ ей рѣзкимъ и нервнымъ движеніемъ и только тогда отвѣтила мнѣ:

— Почему ты такъ думаешь?

— Черезчуръ уже много мѣста ты занимаешь въ моихъ мысляхъ, въ моихъ чувствахъ, во всей моей жизни. Ты стала для меня необходимою, и я не понимаю, какъ бы могъ теперь существовать безъ тебя, вращаться въ свѣтѣ, работать.

— Столько лѣтъ ты обходился же безъ меня.

— Потому что не встрѣтилъ тебя, по крайней мѣрѣ такую ты стала теперь. А теперь... Нѣтъ, вѣрь мнѣ, меня положительно охватываетъ страхъ при мысли, что раньше или позже отношенія наши измѣнятся, что я утрачу тебя.

— Почему же отношенія наши должны измѣниться? — тихо спросила она.

— Почему? Да по очень простой причинѣ. Еще вчера Гудя говорилъ мнѣ, что твоей руки добивается чуть не полдюжины чело-вѣкъ и давалъ мнѣ понять, что ты уже сдѣлала выборъ. Онъ даже

говорилъ, что твоего избранника я отлично знаю, хотя, говоря съ кровенно, я положительно не догадываюсь, кто бы это могъ быть. Можеть быть, ты сама скажешь мнѣ?

Вандзя съ минуту молчала, потомъ отвѣтила какимъ-то сдавленнымъ голосомъ, какъ будто ей не хватало дыханія:

— Гуця, какъ всегда, дозволялъ себѣ глупо шутить. Ты не долженъ былъ серьезно принимать это.

— Мнѣ и самому такъ же казалось. Я радъ, что сказалъ тебѣ это и добился правды, — у меня камень съ сердца свалился. Но чегъ нѣтъ сегодня, можеть быть завтра. Ты выйдешь замужъ, а я...

— Да у меня вовсе нѣтъ намѣренія выходить замужъ...

— Но, все-таки, ты можешь выйти, а тогда кому я буду читать мои археологическіе труды, кто захочетъ ихъ слушать такъ, какъ слушаешь ты?

Она встала и медленно подошла ко мнѣ, потомъ, по-старому, когда я, бывало, жаловался на разныя пансіонскія невзгоды, одною рукой оперлась о поручень моего кресла, а другою легко провела по моимъ волосамъ, отстраняя ихъ со лба.

— Будь спокоенъ, Тадзя, — неторопливо сказала она, — я замужъ не выйду. Я всегда буду для тебя доброю сестрой, готова смягчать твои неприятности, поддерживать твой духъ и... слушать исторію богини Астарты.

Слуга принесъ въ будуаръ канделябры, а въ гостиной зажегъ лампу. Я взялъ въ руки раскрытую тетрадь, лежащую на куш книжекъ.

— Мы собственно остановились на восемьдесятъ четвертой главѣ, — сказалъ я, пересматривая исписанныя страницы.

— Нѣтъ, отложимъ это до вечера, — сказала тихо Вандзя и сѣла въ темный уголокъ, за китайскій экранъ. — Скоро подадутъ обѣдъ, а мнѣ не хотѣлось бы прерывать твое чтеніе. Лучше прочти мнѣ что-нибудь изъ Словацкаго. Онъ у тебя подъ рукой, рядомъ съ твоими манускриптами.

Признаюсь, я не люблю поэзіи. Она безъ всякой пользы отнимаетъ у человѣка время, которое можно было бы посвятить чему-нибудь болѣе важному. Подумайте только, еслибъ Словацкій направилъ свой талантъ и свои силы на археологію! Насколько больше онъ прославилъ бы свою родину, насколько больше принесъ бы пользы наукѣ! Но тѣмъ, кто, какъ Вандзя, обладаетъ способностью къ сравнительной миеологіи, пожалуй, можно простить ихъ слабость къ Словацкому.

Я съ подавленнымъ вздохомъ отложилъ свою рукопись и рас-

рылъ маленькую книжку въ изящномъ переплетѣ. Миѣ попался нелли.

Графиня все не возвращалась, мы были одни. Въ домѣ было тихо и пусто, снаружи доходили слабые отголоски городского шума движенія, отдаленный стукъ колесъ, отрывокъ пѣсни рабочихъ, озвращающихся домой, да заунывный, протяжный стонъ весенняго вѣтра, шелестящаго вѣтвями деревьевъ. Вандзя сидѣла не подвижно, съ лицомъ закрытымъ руками.

Я дошелъ до Эленои и ея разлуки съ Анелли и съ жизнью:

«Обративъ къ Анелли глаза, полные слезъ, Эленои сказала: возлюбилъ тебя, братъ мой, и покидаю.

«И, сказавъ, гдѣ онъ долженъ похоронить ее, — подъ сосной, которая росла въ уныломъ оврагѣ, она добавила: чѣмъ я буду вслѣдъ смерти?

«Я бы хотѣла быть чѣмъ-нибудь живущимъ возлѣ тебя, Анелли, — хотя бы паукомъ, который такъ милъ узнику и по золотому солнечному лучу спускается вѣсть изъ ея рукъ.

«Я привязалась къ тебѣ, какъ сестра, и какъ твоя мать, и еще альше...»

На этомъ мѣстѣ я долженъ былъ остановиться. Изъ-за экрана вышало сдержанное рыданіе, мучительно вырывающееся изъ груди Вандзи.

Я подбѣжалъ къ ней. Она была вся охвачена спазматической дрожью и крѣпко прижимала ко рту платокъ.

— Вандзя, — испуганно крикнулъ я, — что съ тобой?

Она собрала всѣ усилія, нервнымъ движеніемъ отерла глаза и попыталась улыбнуться.

— Ничего, — шепнула она. — Женскіе нервы. Не обращай вниманія. Читай дальше.

Но я уже рѣшилъ не читать ей Словацкаго.

У.

Дядя Августъ съ обвязанными ногами лежалъ у камина, въ коромѣ, несмотря на теплое апрѣльское солнце, горѣлъ яркій огонь. Его бархатный халатъ былъ застегнутъ на всѣ пуговицы, воротъ изукоризненно бѣлой рубашки повязанъ правильнымъ бантомъ. На столикѣ не было ни одного пузырька съ лѣкарствомъ, — на немъ стояли только вазы съ цвѣтами и лежали новыя книжки и газеты. Въ комнатѣ больного, который цѣлый годъ не поднимался съ механическаго кресла, все дышало изяществомъ и роскошью боль-

шого свѣта. Даже тяжко-больной дядя былъ тѣмъ же, чѣмъ всегда, — джентльменомъ.

Когда я вошелъ, онъ указалъ мнѣ кресло напротивъ себя, откашлялся и взялъ изъ золотой бонбоньерки двѣ пастилки. То былъ несомнѣнный знакъ, что конференція будетъ длиться долго.

— Ого, моя женитьба стоитъ на порядкѣ дня! — подумалъ я и не ошибся.

— Тебѣ двадцать шесть лѣтъ, милый Тадзя. Пять лѣтъ ты кончилъ курсъ...

Обыкновенное предисловіе къ разговорамъ подобнаго рода. Дядя былъ очень систематиченъ и привычекъ своихъ не мѣнялъ. Я зналъ по опыту, что вступленіе продлится десять минутъ, потомъ наступитъ очередь аргументаціи, которая можетъ растянуться на полчаса, и что до того времени никакіе аргументы и замѣчанія съ моей стороны не допускаются.

Я закурилъ папиросу, — я держу ихъ въ резервъ, для того, чтобы въ такую торжественную минуту сохранить ясность мысли. Обыкновенно я не курю, — и слушалъ терпѣливо. Черезъ четверть часа наступило то, что я предвидѣлъ. Доказавши мнѣ, какъ дважды два четыре, что я долженъ жениться, и жениться скоро, дядя выставилъ на первый планъ матримоніальную кандидатуру княжны Матильды.

Дѣвушка она была красивая, милая, добрая и т. д., какъ вообще всѣ барышни, которыми меня угощали. Правда, приданое небольшое, но общественное положеніе отлѣненное, блескъ имени, связи. Ты самъ знаешь, у насъ нѣтъ титула. Мы неблагоприятно отвергли его, когда намъ предлагали его послѣ раздѣла Польши, а потомъ, когда сыновья нашихъ управляющихъ сдѣлались баронами и графами, хлопотать о томъ было уже неприлично, притомъ и твой отецъ и я вѣчно хворали, не могли принимать участія въ общественной жизни, двигаться впередъ, и о насъ немного забыли. Наши имя ступевалось. Союзъ съ князьями, да еще съ такими, вновь воскресить его. Притомъ, въ этомъ союзѣ заключаются для тебя всѣ условія счастья».

Въ такомъ же духѣ дядя говорилъ еще съ четверть часа, убедительно, но очень спокойно. Меня даже удивило, — гораздо спокойнѣй и радушнѣй, чѣмъ обыкновенно. Казалось, онъ исполнялъ какую-то обязанность, не влагая своего сердца.

Наконецъ, онъ кончилъ и снова открылъ бонбоньерку. То былъ знакъ, что я могу отвѣчать.

Я отвѣчалъ дядѣ кратко, что всѣ его замѣчанія считаю спра-

едливыми, но жениться на княжнѣ не могу, потому что она мнѣ не нравится.

Къ моему великому изумленію, онъ принялъ этотъ отвѣтъ такъ, какъ будто былъ подготовленъ къ нему. Онъ, правда, заявилъ свое неудовольствіе, но какъ бы для того, чтобъ развязаться съ поднятымъ имъ вопросомъ, наконецъ, поднялъ на меня свои стальные глаза и спросилъ:

— Можетъ быть, ты имѣешь въ виду еще кого-нибудь?

— Никого.

Онъ съ минуту посмотрѣлъ на меня холоднымъ, пронизательнымъ взглядомъ.

— Даже и Вандзю?—спросилъ онъ послѣ молчанія.

— Вандзю?

Сначала я не могъ собрать своихъ мыслей. Я положительно столбенѣлъ. Чтобъ я могъ являться претендентомъ на руку Ванди? Я и она... Могло ли что-нибудь подобное прійти кому-нибудь въ голову!

— Скажи откровенно, — допрашивалъ далѣе дядя, — ты не думаешь о ней?

— Но, дядюшка, — пробормоталъ я, — мы съ Вандзей родные.

Старикъ нетерпѣливо повернулся въ креслѣ.

— Какія глупости ты говоришь, — разгорячился онъ, — покойница Анеля была сводною сестрой твоей матери. Хорошо родство! Да, наконецъ, можно выхлопотать разрѣшеніе. Притомъ скажу тебѣ откровенно, эта партія была бы еще лучше, чѣмъ бракъ съ княжною, гораздо лучше. Если я предложилъ тебѣ сначала ту, то только потому, что должны исполнить относительно князя Генриха... гм... кой-какія обязательства, — понимаешь *par acquit de conscience*. Но я не ожидалъ такого результата. Я знаю, что происходить, слышу о Вандзѣ и о тебѣ...

— Даю вамъ слово, что ни Вандзѣ, ни мнѣ въ голову не приходило.

Дядюшка еще съ бѣльшимъ нетерпѣніемъ пожалъ плечами.

— Не-будь же ребенкомъ и не играй со мной комедіи... Весь городъ говоритъ о васъ и о томъ, что вы заняты другъ другомъ. Ты вѣчно при ней, не выходишь изъ ея дома, она перестала танцовать, потому что ты не умѣешь.

— Но клянусь вамъ, дядюшка, что между нами нѣтъ ничего подобнаго... Если я бываю у Вандзи, то только потому, что читаю ей мою богиню Астарту, надъ которой вы постоянно смѣетесь и которая интересуется Вандзю.

Дядя засмѣялся.

— Я не докторъ философіи, — сказалъ онъ, — и не знаю какъ ухаживаютъ молодые люди вашего ученаго поколѣнія. Можетъ быть, теперь такая мода, чтобы дѣлать предложеніе при помощи скучныхъ тетрадокъ... Но что касается Вандзи, то ее должно быть болѣе интересуеть авторъ Астарты, чѣмъ сама Астарта.

Я чувствовалъ, что нужно разъ навсегда вывести дядю изъ заблужденія, въ которомъ онъ находился.

— Чтобъ убѣдить васъ въ томъ, какъ вы ошибаетесь, я повторю вамъ то, что я слышалъ изъ ея устъ нѣсколько дней тому назадъ.

Дядя снова поднялъ на меня свой испытующій взглядъ.

— Вандзя увѣрила, — говорилъ я далѣе, торжественнымъ тономъ, — что никогда и ни за кого не пойдетъ замужъ.

Дядя повернулся на креслѣ такъ рѣзко, что разбередилъ ногу и застоналъ отъ боли.

— Не можетъ быть, — сказалъ онъ наконецъ. — Тебѣ такъ слышалось. Ты не понялъ.

— Спросите у нея самой.

— Но, вѣдь, я знаю, у меня есть доказательства, по крайней мѣрѣ признаки... Нѣтъ, это невозможно.

Я передалъ ему нашъ послѣдній разговоръ. Дядя сначала пожималъ плечами, иронически улыбался, потомъ началъ гнѣвно тереть свои сѣдыя бакенбарды.

— Не понимаю я васъ, — шепнулъ онъ въ концѣ. — *Vous cherchez midi à quatorze heures*, — а это было такъ легко.

Мы больше не возвращались къ этому вопросу, но я замѣтилъ, когда въ разговорѣ наступала пауза, дядя смотрѣлъ на меня, вздыхалъ и тихо пожималъ плечами.

Два дня спустя былъ раутъ у князя Генрика, на который дядя приказалъ мнѣ отправиться собственно потому, что matrimoniальные переговоры не привели ни къ чему. Вандзи не было, — она съслалась на утомленіе, что, какъ я замѣтилъ, случалось все чаще. Тѣмъ скучнѣй для меня была эта барщина.

Я стоялъ въ углу, закрытый большой вѣровидной пальмой, и прислушивался къ музыкѣ. Вдругъ до моихъ ушей достигло имя Вандзи.

Я оглянулся. Трое молодыхъ людей, развалившись на оттоманѣ, курили папиросы и вели оживленную бесѣду.

— Объясните мнѣ, что она могла въ немъ найти? — заговорилъ свои слова тотъ, кто упоминалъ имя Вандзи. — Она, такая пре-

красная, умная, полная жизни, настоящее солнце среди наших великосвѣтскихъ звѣздъ, а онъ, этотъ книжный червякъ.

Я началъ прислушиваться внимательнѣй. Не обо мнѣ ли шла рѣчь? И, опять-таки, въ соединеніи съ ея именемъ.

— Кажется, Фредзя, объ это солнце ты обжогъ себя крылья, — отозвался другой, — поэтому ты такъ золъ и суровъ въ своихъ сужденіяхъ.

— Если я пострадалъ, то въ хорошей компаніи. Признайтесь сами, кому изъ васъ она не вскружила головы?

— Не мнѣ...

— Несомнѣнно, потому что твое сердце взяла въ аренду Фанни. Кромѣ цирка и вольтовъ своей избранницы ты ни на что не обращаешь вниманія.

— Пусть такъ, — заговорилъ третій, который до сихъ поръ хранилъ молчаніе. — Моя прекрасная кузина нравится Фредзѣ, нравится и мнѣ. Но, чертъ возьми, головы я себя не разбилъ и не разобью, когда вижу, что изъ такой муки хлѣба не испечешь. Вещь очень простая, что она не можетъ выдти за всѣхъ насъ замужъ. По крайней мѣрѣ, хоть сдѣлала бы разумный выборъ, не было бы такъ жаль. Но подумать только, что, при наличности всѣхъ насъ, она забила себя голову этимъ олухомъ.

— Что тамъ, олухомъ, скажи: совершеннѣйшимъ дуракомъ, идиотомъ.

Я вздохнулъ съ чувствомъ успокоенія. Очевидно, рѣчь шла не обо мнѣ, коль скоро избранника Вандзи называли идиотомъ. Но кто же это могъ быть? Напрасно я ломалъ голову. И мнѣ сдѣлалось свѣрсно. Такъ она, моя умная, добрая, моя сестра, была въ состояніи отдать сердце такому человѣку?

Нѣсколько разъ, бывая у Вандзи, я пробовалъ завести объ этомъ разговоръ. Я дѣлалъ довольно прозрачные намеки. Ничего не помогало. Она смѣялась, перебивала меня, или обращала мои слова въ шутку. Такъ я ничего и не узналъ.

Прошелъ зеленый карнавалъ, еще болѣе скучный, чѣмъ бѣлый, потому что прелесть баловъ, концертовъ и раутовъ еще осложнилась необходимостью выслушивать диспуты о тренированіи, о жокеяхъ, лошадахъ и пари. Наконецъ, я вырвался изъ этого ада и убѣжалъ въ деревню. Вандзя поѣхала на воды.

Встрѣтился я съ нею только осенью. Воды не помогли ей. Она была блѣднѣе обыкновеннаго, менѣе оживлена и весела.

Спустя нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда мы прогуливались по длинной каштановой алеѣ, тянущейся вдоль пруда шидловецкаго

парка. Солнце заходило, бросая красный отблескъ на воду, со стороны лѣса доносился теплый, влажный вѣтерокъ, — пахло сырою травой. Въ полѣ пѣли бабы, окончившія работу, и глухо погромыхивали телѣги, нагруженные снопами.

Мы говорили о чемъ-то неважномъ, но разговоръ нашъ часто обрывался. Нѣсколько разъ я начиналъ говорить о финикійскихъ и кареагенскихъ женщинахъ (въ то время я собиралъ матеріалы для сочиненія, которое вышло черезъ два года у Брокгауза), но, вопреки обычаю, моя кузина не выказывала никакого интереса. Я подозреваю, что она даже не слышала меня, отвѣчала односложными словами и часто не попадала. Я обидѣлся, замолчалъ, и мы довольно долго шли, не проронивъ ни слова.

— Ты знаешь, Тадзя, — наконецъ, сказала Вандзя тихимъ голосомъ, не поднимая глазъ, — что панъ Мстиславъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе въ Киссингенѣ?

— Графъ Мстиславъ? — удивился я, — самый крупный магнатъ въ Галиціи и самая блестящая партія во всей Польшѣ? Не можетъ быть! Говорили, что онъ женится на Браницкой.

— Оказывается нѣтъ, по крайней мѣрѣ, теперь. Онъ не отидилъ отъ насъ во время нашего пребыванія въ Киссингенѣ, а нередь отъѣздомъ...

— А ты что отвѣчала ему? — безпокойно перебилъ я, — приняла его предложеніе?

Она посмотрѣла на меня широко раскрытыми глазами, которые, — не знаю почему, — въ эту минуту показались очень грустными.

— Я ему... отказала, — медленно сказала она.

— Побойся же ты Бога! — испуганно крикнулъ я, — да, вѣдь, это безуміе! Другой подобной партіи ты не встрѣтишь. На твою долю выпало великое счастье.

— Можетъ быть, — шепнула она, — но что же дѣлать, если мое сердце не лежитъ къ этому великому счастью.

— Да ты, должно быть, не знаешь, кто такой графъ Мстиславъ? Мало того, что онъ богатъ, какъ никто въ Галиціи, красивъ, превосходно образованъ, — онъ чистъ, какъ кристаллъ, и твердъ, какъ мраморъ. Наконецъ, я лично знаю его и много о немъ слышала. Спроси кого угодно.

Она низко опустила голову.

— Можетъ быть, — повторила она, — тетя Фелиція повторила мнѣ это слово въ слово, и дядя Викторъ, и Мариня. Шестъ недѣль и утромъ, и вечеромъ я ничего другого не слыхала.

— И, несмотря на то, отказала ему?

— Отказала... Но ты не тревожься. Панъ Мстиславъ пошелъ къ тетѣ Фелици, какъ самой ближайшей моей родственницѣ,—та начала меня осаждать и вынудила...

— То, что ты дала согласіе?

— Нѣтъ, но... я отложила отвѣтъ.

— Надолго?

Она опять подняла на меня свои глаза, тѣ прекрасные, большіе сѣрые глаза, что были глубоки, какъ море. И снова мнѣ показалось, будто въ нихъ бьется какая-то жалоба, какое-то безбрежное, хотя и тихое горе.

— До тѣхъ поръ пока я не увижусь съ тобой и... не спрошу твоего совѣта.

Ея голосъ былъ какъ-то глухъ и беззвученъ. Но я, обрадованный ея словами, не обратилъ на это вниманія.

— Милая моя!—воскликнулъ я и пожалъ ея руку,—ты думала обо мнѣ, не хотѣла рѣшить свою участь безъ меня! Благодарю тебя, благодарю отъ всего сердца. Правда, это трудный отвѣтъ, трудная обязанность.

— Не давай совѣтъ сразу,—быстро перебила она,—подумай, взвѣсь...

— Да чего же тутъ думать?—я былъ бы безумцемъ, еслибъ не посоветовалъ тебѣ...

Она снова перебила меня слабымъ, какъ бы измученнымъ голосомъ:

— Прошу тебя, подожди. Не отвѣчай мнѣ,—до завтра, по крайней мѣрѣ. И подумай прежде, чѣмъ отвѣтить...

Вандзя остановилась на минуту, и мнѣ показалось, что будто она борется съ собою.

— Подумай только, что будетъ съ тобою, Тадзя,—закончила она, почти шепотомъ, какъ будто слова не хотѣли сходить съ ея языка.—Вспомни, ты самъ говорилъ мнѣ когда-то, что такъ боишься моего... моего замужства, что оно сдѣлаетъ тебя одинокимъ. Вспомни, какъ ты радовался, когда я сказала тебѣ, что нигѣмъ... нигѣмъ изъ нихъ, о комъ ты думалъ, я не интересуюсь, что замужъ не пойду, и, по-прежнему, буду твоей доброй, вѣрной сестрой...

— Да, вѣдь, это дѣло совсѣмъ другого рода,—крикнулъ я, воспламеняясь собственными словами,—Мстиславъ не изъ числа тѣхъ салонныхъ франтовъ, которые ухаживали за тобой въ Бравовѣ. Я былъ бы безчестнымъ эгоистомъ, еслибъ захотѣлъ лишить тебя такого мужа.

— Ты не спросилъ, люблю ли я его или, по крайней мѣрѣ, сумѣю ли полюбить?

— Непремѣнно сумѣешь. Вѣрь мнѣ, — у него есть все, чтобы возбудить любовь. И въ особенности... Я забылъ упомянуть о его важнѣйшемъ пристрастіи.

— Къ чему?

— Къ археологін, — представь себѣ, къ археологін! Да еще къ какой, — къ ассирійской, финикійской, кареагенской, — именно къ тому самому, что составляетъ предметъ и моей специальности. Въ тому же, этотъ человекъ не мѣшаетъ мнѣ, — напротивъ, оказываетъ помощь. Развѣ ты забыла, что онъ ѣздилъ со мной въ Тарсъ и въ Тиръ, что мы вмѣстѣ съ нимъ производили раскопки въ Памфилиіи и въ Сиріи? Правда, онъ дѣйствуетъ изъ любви къ искусству, а можетъ — быть ищетъ впечатлѣній туриста. Правда, онъ скорѣе любитель, чѣмъ ученый, но онъ понимаетъ, интересуется... Объ Астартѣ онъ написалъ статью въ *Обзорникѣ*, и это была единственная цѣнная критика, какая появилась до сихъ поръ. Если я выдамъ тебя за него замужъ, то вовсе не утрачу тебя...

Я уже рисовалъ у себя въ головѣ, какъ я буду читать имъ обнимъ свою *Финикійскую женщину*, какъ вмѣстѣ съ ними буду предпринимать археологическія экскурсіи и собирать древности.

Право, какъ чудесно было бы это! Я не потерялъ бы Вандзю, еслибъ она вышла за Мстислава, — напротивъ, болѣе сблизился бы съ нимъ, а это, несомнѣнно, благотворно повліяло бы на мои занятія.

Я говорилъ въ этомъ смыслѣ довольно долго. Вандзя не отвѣчала мнѣ ничего и не поднимала глазъ. Я былъ увѣренъ, что убѣдилъ ее. Пошелъ я спать въ самомъ розовомъ настроеніи духа и снилось мнѣ, что мы втроемъ откапываемъ среди развалинъ Кареагена сокровищницу царицы Дидоны, въ сравненіи съ которой всѣ открытія Шлимана — дѣтская игрушка.

На другой день утромъ слуга, вмѣстѣ съ завтракомъ, принесъ мнѣ записку отъ Вандзи.

«Пишу тебѣ, чтобы сообщить о моемъ рѣшеніи по извѣстному дѣлу. Сейчасъ я посылаю верхового къ графу съ окончательнымъ отвѣтомъ, — отрицательнымъ. Прости, — твои аргументы, хотя они были очень краснорѣчивы, — не убѣдили меня. Ты по-прежнему долженъ будешь ограничиться только одною слушательницею твоихъ произведеній. Прошу тебя, не упоминай никогда объ этомъ предметѣ. Зачѣмъ отравлять наши бесѣды, когда мы расходимся во мнѣніяхъ? Поэтому я пишу тебѣ».

Потрудитесь миѣ отвѣтить, не правъ ли я въ своемъ мнѣніи о Вандзѣ и не справедливо ли я утверждаю, что, зная хорошо всѣхъ женщинъ вообще, а ее лучше чѣмъ кого-либо, — по временамъ я (оужень сказать, что не знаю ее, не понимаю ее?...

VI.

Два часа тому назадъ Вандзя пріѣхала ко миѣ прощаться. Мы расстаемся на долгое время. Члены большой ученой экспедиціи, которая снаряжается по моей иниціативѣ и направляется въ среднюю и южную Америку съ цѣлью собиранія матеріаловъ для сочиненія *О свѣдѣніи финикянъ на культуру ацтековъ*, уже въ Лондонѣ или ждутъ меня въ Вѣнѣ. Я выѣзжаю туда сегодня вечеромъ, а возвращусь... Экспедиція рассчитана на три года, но можетъ продлиться четыре года, пять... кто знаетъ?

И вотъ, я пожалъ руку моей доброй Вандзи, смотрѣлъ, какъ слезы двумя ручейками катились по ее щекамъ, слышалъ ея послѣднія слова: «Да сохранить тебя Богъ!» И все это, можетъ быть, въ послѣдній разъ. Она была такъ блѣдна, такъ прозрачна и вообще, въ послѣднее время, казалась такою слабой. Неужели, сохрани Боже... Но нѣтъ. Не будемъ думать о грустныхъ вещахъ и отравлять первыхъ впечатлѣній путешествія, о которомъ мечталось такъ долго и такъ страстно и которое осуществляется только теперь.

Однако, я не знаю, почему не могу думать о немъ и радоваться. Вандзя все стоитъ у меня передъ глазами, ея послѣднія слова неустанно звучатъ въ моихъ ушахъ.

Когда вчера вечеромъ мы прощались съ ней на террасѣ шидловецкаго дома, она сошла внизъ, къ моему экипажу, и пожимая миѣ руку, шепнула:

— До свиданія. Еще увидимся передъ твоимъ отъѣздомъ, Тадзя. Я завтра пріѣду на минутку въ Боратычъ, чтобъ... чтобъ перекрестить тебя въ послѣдній разъ.

Она пріѣхала. Я повелъ ее въ лѣвый павильонъ, въ которомъ помѣщаются мои археологическія коллекціи. Я оставляю ихъ на ея попеченіи и хотѣлъ передъ отъѣздомъ дать нѣсколько указаній. Вандзя слушала меня въ молчаніи, съ опущенными глазами, съ нервно стиснутыми губами.

— Тадзя, — сказала она, наконецъ, положивъ свою руку на мою ладонь, — все, что ты сказалъ и что хочешь сказать, я уже слышала отъ тебя нѣсколько разъ. И вѣрь миѣ, я всегда слушаю

внимательно и запоминаю хорошо. Твои коллекціи, которыя ты такъ любишь, я буду охранять днемъ и ночью, потому, что ты вложилъ въ нихъ свое сердце, потому что онѣ — часть твоей души, что-то такое, что будетъ меня связывать съ тобою, когда ты уѣдешь отсюда. Мой глазъ, моя мысль вѣчно будетъ здѣсь, пока хватить моихъ силъ и жизни. Такъ не опасайся же... И... не говори сегодня объ этомъ. Сегодня мнѣ хочется, чтобы ты принадлежала мнѣ, чтобъ я о тебѣ только могла думать и говорить.

Она тяжело дышала, держась рукой за алебастровую колонну, которую я привезъ изъ Бальбека. Я взглянулъ на нее и испугался.

— Вандзя, ты нездорова!

Она была очень блѣдна, почти такъ же блѣдна и прозрачна, какъ алебастръ. Я въ первый разъ пристальнѣе всмотрѣлся въ нее и испугался еще больше. Что случилось съ этою царственною красотой, передъ которой, десять лѣтъ тому назадъ, весь Браковъ преклонялъ колѣна! Одна только тѣнь, правда, идеально прекрасная, но какая-то неземная, лишенная плоти, какъ ангелы Фра Анджелико, съ серебряными нитями въ роскошныхъ черныхъ волосахъ.

И тогда мнѣ пришло въ голову, что, вернувшись, я, можетъ-быть, уже не застану ее, можетъ-быть, замнутся на вѣки глаза, которые съ тѣхъ поръ, какъ я запомню, смотрѣли на меня такъ любовно, съ такимъ тихимъ и горячимъ чувствомъ. И мнѣ сдѣлалось страшно и противно, почти такъ же страшно и противно, какъ тогда, когда безцѣнное сокровище, жемчужина моихъ азіатскихъ раскопокъ, статуя богини Астарты, разбилась въ куски въ Триестѣ при выгрузкѣ съ парохода.

— Вандзя, — простоналъ я, обнимая рукою ея гибкій станъ, — Вандзя, дорогая моя, единственная!

Она прижалась ко мнѣ и склонила на мою грудь свою бѣдную головку, какъ смертельно измученная птица.

— Теперь мнѣ хорошо, — шепнула она тихо, — не бойся, все прошло.

Но должно быть прошло, да не все, потому что колѣна ея подгибались и, еслибъ я не поддерживалъ ее, она навѣрно бы упала.

— Ты положительно нездорова, — безпокойно сказала я, — я не могу оставить тебя такъ, я...

Я прервалъ свою рѣчь. У меня на языкѣ вертѣлись слова: «я не могу ѣхать въ эту минуту», но, очевидно, объ отсрочкѣ моего отъѣзда не могло быть и рѣчи. Вандзя поняла меня.

— Еслибъ дѣло не зашло такъ далеко и товарищи моего путешествія не ожидали бы меня въ Лондонѣ...

Она улыбнулась и шутя зажала мнѣ ротъ.

— Не стыдно ли говорить такія ребяческія рѣчи члену академіи наукъ? — сказала та. — Ты думаешь, я позволила бы тебѣ отозвать твой отъѣздъ, разрушить твои планы и нанести неисчислимый вредъ наукъ и тебѣ? Еслибъ я умирала, то послѣднимъ нарядженіемъ силъ заставила бы тебя ѣхать. Да, впрочемъ, о чемъ тутъ говорить? Я здорова, совершенно здорова. Твой отъѣздъ немного разстроилъ мои нервы, но эта временная слабость скоро пройдетъ безслѣдно.

Я посмотрѣлъ на нее съ благодарностью и уже меньшимъ безобойствомъ.

— Какая ты добрая, Вандзя, какая добрая! — сказалъ я.

— Оставь... — Вандзя попыталась улыбнуться, — я только искренна и не хочу тебя огорчать безъ всякаго повода. Дай мнѣ руку и пойдемъ въ садъ, — здѣсь спертый воздухъ, тяжело дышать.

Мы тихо шли по алеѣ, но разговоръ нашъ не клеился. У меня въ головѣ все стояла моя бѣдная, разбитая Астарта, съ чертами лица Вандзи. А Вандзя вспоминала прошедшее время, которое мы проводили вмѣстѣ и вдругъ, нѣтъ, нѣтъ, да остановится.

— Вѣришь ли, — сказалъ я, послѣ одной изъ такихъ паузъ, — что Мстиславъ будетъ сопутствовать мнѣ въ одной части моего путешествія?

— Да? — равнодушно переспросила она, — ты не говорилъ мнѣ объ этомъ.

— Онъ только на дняхъ написалъ мнѣ о своемъ намѣреніи, а я, за своими дорожными приготовленіями, совсѣмъ забылъ объ этомъ. Планъ нашего путешествія заинтересовалъ его, и онъ на время хочетъ присоединиться къ нему.

— Я очень рада, — отвѣтила Вандзя, — у тебя будетъ хорошій товарищъ; признаюсь, и я буду спокойна, когда буду знать, что вы поѣдете вмѣстѣ.

— Если дѣло пошло на откровенность, — отвѣтилъ я, улыбаясь, — я предпочелъ бы оставить васъ вдвоемъ.

Она слегка пожала плечами.

— Вѣдь, ты знаешь, Тадзя, что я его не любила, изъ насъ когда не могла бы составиться пара.

— Можетъ быть полюбила бы когда-нибудь.

— Я никогда не могла бы полюбить, — отвѣтила она съ удареніемъ, подавленнымъ, но рѣшительнымъ голосомъ.

— Знаешь ли, Вандзя, мнѣ иногда приходитъ въ голову, не правда ли то, что я слышалъ о тебѣ когда-то. Иначе я не могу

объяснить, почему ты отказывала всѣмъ, кто за тебя сватался, въ томъ числѣ и Мстиславу.

Она подняла голову и мягко, но спокойно, прямо заглянула мнѣ въ глаза.

— Тебѣ говорили, что я интересуюсь бѣмъ-то? Я помню, ты спрашивалъ меня, вѣрно ли это.

— Я былъ неправъ?

Она улыбнулась какъ-то неопредѣленно и отвернула отъ меня голову.

— Можетъ быть, ты и былъ правъ,—шепнула она.

— Такъ это была правда,—воскликнулъ я,—а я думалъ... Но, по крайней мѣрѣ, теперь-то, скажи мнѣ, кто это былъ... Ты должна мнѣ сказать.

Она слегка отстранилась, избѣгая моего взгляда, и молча покачала головой. Стыдилась, что ли, она своей любви? Такъ это правда, о чемъ говорили когда-то? Такъ, значить, онъ не былъ достоинъ ея, и до такой степени, что въ теченіе столькихъ лѣтъ мнѣ, своему ближайшему другу, брату, она не осмѣливалась открыть его имени?

А, можетъ быть, она и до сихъ поръ еще любила его?

Мысли, сталбиваясь и путаясь, клубились у меня въ головѣ. Мнѣ сдѣлалось неимоверно тяжело и северно.

— Вандзя,—сказалъ я, прижимая ее къ себѣ,—Вандзя моя, я имѣю право знать все, я ближе всѣхъ къ тебѣ, я братъ твой. Бже же больше любить тебя, чѣмъ я? Кому же ты скажешь, если не мнѣ?

Она вырвалась изъ моихъ рукъ и невѣрнымъ шагомъ пошла одна по другой сторонѣ ален.

— Никому, никому,—наконецъ сказала она, не глядя на меня.

— А еслибъ я просилъ тебя, какъ испытанный другъ, еслибъ желалъ услышать отъ тебя правду, какъ братъ, ты и тогда не сказала бы?

— Никогда.

Мнѣ дѣлалось все хуже.

— Извѣстно ли тебѣ, Вандзя, что твое молчаніе можетъ породить странное подозрѣніе... можетъ подтвердить людскую болтовню... странную болтовню.

Она обернулась ко мнѣ, блѣдная, съ горящими глазами.

— Что говорили тебѣ люди?

— Называли его недостойнымъ тебя.

Она вздрогнула.

— Это неправда,—стремительно сказала она.— Это человѣкъ честный, достойный и справедливый, какихъ мало на свѣтѣ.

«И за то слава Богу!»—подумалъ я про себя и прибавилъ
духъ:

— Но были обвиненія и другого рода.

— Именно?

— Если вѣрять имъ, то былъ книжный червякъ, олухъ и...

— И? Говори правду.

— Извини меня, но ты требуешь сама: идиотъ!

Къ моему не малому изумленію, кончики губъ Вандзи, до сихъ
рѣ нервно стиснутыхъ, начали подергиваться, какъ будто ей хо-
лось разсмѣяться. По всей вѣроятности, —какая-нибудь особен-
ность спазмодическаго припадка.

— Ты дѣйствительно слышалъ это?

— Увы!

— Ты слышалъ совершенную неправду, Тадзя. Тотъ, котора-
... о которомъ ты слышалъ, дѣйствительно немного... немного
эксцентриченъ, немного одностороненъ, можетъ быть, немного...
страненъ.

— Ну, вотъ, видишь! И такому ты могла отдать сердце?

Она снова грустно и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то загадочно улыб-
нулась.

— Подожди, —закончила она, —онъ, дѣйствительно, таковъ,
о только потому, что онъ—человѣкъ великой мысли, исключи-
тельнаго таланта, исключительнаго трудолюбія. Его сердце возлю-
ило возвышенный и лучезарный идеалъ, его глаза, обращенные
на солнце, не обращаютъ вниманія на мелочи жизни, —не удиви-
тельно, что иногда его нога спотыкается о какое-нибудь свѣтское
словіе, не мудрено, что его не понимаютъ и не цѣнятъ тѣ, кото-
рые мельче и хуже его.

Она говорила восторженно, вся разгоралась и дрожала. Вся ея
уша заключалась въ этихъ словахъ. Я слушалъ съ удивленіемъ,
почти съ испугомъ.

— Но, милая Вандзя, ты до сихъ поръ еще любишь его?—
казалъ я.

Она посмотрѣла на меня своими мягкими, бархатистыми гла-
зами и медленно наклонила голову.

Не знаю почему, въ эту минуту я почувствовалъ злобу къ это-
му незнакомому человѣку, который сумѣлъ такъ завладѣть этимъ
сердцемъ, а я считалъ, что оно всецѣло отдано мнѣ.

— Такъ ты любишь его больше всѣхъ? Больше, чѣмъ меня?

Она снова улыбнулась.

— Больше, чѣмъ тебя? Нѣтъ, милый Тадзя... Такъ же, какъ тебя.

— Но, ради Бога, почему же... такое чувство, столько лѣтъ... ты, ты прекрасная, чарующая и... почему же?

Съ минуту она не отвѣчала мнѣ ничего.

— Богу не было угодно, — наконецъ тихо сказала она.

— Но онъ-то зналъ объ этомъ?

Вандзя отрицательно покачала головой.

— Но, въ такомъ случаѣ, отчего же ты не открылась ему?... Можетъ быть, онъ не смѣлъ, можетъ быть, стоитъ ниже тебя, — иди ли какія могутъ быть препятствія... Можетъ быть, нужно кое-что средничество, чтобъ устроить твое счастье...

— Сохрани Богъ, — серьезно сказала она. — Кто знаетъ, дали бы мнѣ счастье эта любовь? Наконецъ, онъ не любилъ меня — по крайней мѣрѣ, любилъ да не такъ. Ты думаешь, моя гордость позволила бы мнѣ вступить въ союзъ при такихъ условіяхъ? Притомъ, онъ и такъ счастливъ, въ теперешнемъ своемъ положеніи.

— А ты?

— Я? Я радуюсь его счастью, живу и буду жить мыслью о немъ, молитвой за него, — такъ, какъ живу молитвой за тебя и мыслью о тебѣ, Тадзя.

Съ минуту мы шли молча. Я испытывалъ такое впечатлѣніе, какъ будто бы передо мной разверзлась пропасть. Жалость къ бѣдной женщинѣ, моему лучшему другу и товарищу положительно разрывали мою грудь.

— Значитъ, онъ никогда не узнаетъ, значитъ ты съ нимъ никогда, никогда...

Она подняла руку вверху и мягко улыбнулась.

— Да кто же это можетъ быть? — крикнулъ я, чуть не съ отчаяніемъ. — Вѣдь, я знаю почти всѣхъ тѣхъ, которыхъ ты знаешь и можешь знать. А теперь я ломаю голову, комбинирую, ищу и ничего подобнаго, ничего...

Она положила мнѣ руку на плечо.

— Не ищи и не мучь себя напрасно. Не нападешь на его слѣдъ. Да и на что тебѣ?

— По крайней мѣрѣ, знаю я его?

Она снова улыбнулась, но ничего не отвѣтила.

— Оставимъ это, — сказала она, погода немного, ты напрасно огорчался этимъ. То былъ сонъ моихъ молодыхъ лѣтъ, золотой сонъ... но сны обыкновенно не сбываются. Отъ него мнѣ осталось

льше, чѣмъ остается отъ обыкновенныхъ сновъ: нѣсколько ясныхъ воспоминаній и спокойное чувство, измѣнить которое ничто измѣнить и которое кончится только со смертью.

Потомъ мы разстались. Она уже уѣхала, а я все стою и думаю о послѣднихъ словахъ, и все въ моемъ мозгу бьется вопросъ, о же этотъ человѣкъ, котораго она любитъ такъ горячо, такъ вно, и такъ тщательно скрываетъ отъ меня? Я хожу по заламъ моего музея, по галлереймъ, наполненнымъ чемоданами, разсѣян-отвѣчаю на вопросы прислуги, а въ мысли у меня одно и то же:

— Кто онъ?

В. Л.

Письма И. С. Тургенева къ его французскимъ друзьямъ.

(Съ предисловіемъ и примѣчаніями И. Д. Гальперина-Каминскаго *).

Письма знаменитаго русскаго писателя Ивана Сергѣевича Тургенева его французскимъ литературнымъ друзьямъ представляютъ двойной интересъ: они цѣнны, во-первыхъ, по своему литературному достоинству, и все, что ни выходило изъ-подъ пера этого великаго стилиста, и, во-вторыхъ, они открываютъ неизвѣстную до сихъ поръ сторону его литературной жизни.

Русскіе часто упрекаютъ своего великаго поэта за то, что онъ провелъ большую часть своей жизни за границей и поэтому не могъ находить въ непосредственномъ соприкосновеніи съ людьми и событіями, о которыхъ онъ говоритъ въ своихъ произведеніяхъ. Нѣкоторые изъ его русскихъ биографовъ утверждаютъ даже, что среда, въ которой онъ такъ долго жилъ окончательно оторвала его отъ Русской земли, не давъ ему взамѣкъ семьи, ни глубокихъ дружескихъ связей на этой французской землѣ, и онъ оставался всегда, говорятъ они, нравственно одинокимъ. «Потѣдая границу,—говоритъ одинъ изъ нихъ г. Ивановъ,—не принесла Ивану Сергѣевичу нравственнаго удовлетворенія со стороны чужихъ, а своимъ отдаленіемъ отъ него все больше съ каждымъ годомъ».

Этотъ біографъ, издавшій недавно о Тургеневѣ большую работу, въ которой онъ соединилъ всѣ извѣстные до сихъ поръ русскому обществу матеріалы, основывается на нихъ въ своихъ обвиненіяхъ французскимъ друзей русскаго писателя и доказываетъ, что ихъ вліяніе на него ограничивалось застольной пріятельской бесѣдой, которая вертелась обыкновенно около женщинъ и любви; и это потому, что Эдм. Гонкуръ говорилъ гдѣ-то въ своемъ *Дневникѣ*: «Женщина, любовь—вотъ обычная тема разговора умныхъ людей, когда они ѣдятъ и пьютъ. Разговоръ сначала нѣсколько игривъ, и Тургеневъ слушаетъ насъ съ удивленіемъ и даже съ нѣ-

*) По соглашенію съ редакціей *Совторіа*, переводъ этихъ писемъ будетъ печататься одновременно съ появленіемъ французскаго подлинника.—Ред.

которымъ ужасомъ, какъ варваръ, который любить самымъ естественнымъ образомъ».

По мнѣнію г. Иванова, судьба, связавшая Тургенева съ французскою семьей и французскимъ обществомъ, проявила мало материнскихъ попеченій и талантъ и нравственномъ міръ русскаго писателя. Мы знаемъ, — говорить онъ, — въ чемъ состояло для Тургенева «семейное счастье» подъ кровлей Віардо. Это въ сущности было долготѣнее *недоразуміе*, породившее въ его душѣ горечь душевнаго одиночества и тоску неудовлетвореннаго чувства. Мы видѣли теперь, какихъ радостей могъ ожидать Тургеневъ отъ парижскихъ товарищей по дѣятельности: дружба съ ними не болѣе какъ условно фамильярное, ресторано-приятное компанейство; и на виллѣ Фрэнъ (*villa les Fresnes* *), и въ Café Riche, Тургеневъ одинаково былъ чужимъ.

Ужъ если г. Ивановъ перечитаетъ *Дневникъ Гонкуровъ*, то онъ могъ бы также убѣдиться, что даже когда завсегдатая обѣда Манья или Café Riche носившаго также названіе «Обѣда пятерыхъ»: Тургеневъ, Гонкуръ, Флоберъ, Золя и Доде) говорили о женщинѣ и о любви, то они говорили какъ психологи и литераторы, и что чтеніе этого *Дневника* и находящіяся въ немъ замѣчанія относительно писателей представляютъ несомнѣнный литературный интересъ и послужили самому г. Иванову для его критической оцѣнки нравственной личности Тургенева.

Изъ писемъ, издаваемыхъ нами теперь, можно видѣть, что отношенія Тургенева къ его французскимъ друзьямъ носили, главнымъ образомъ, интеллектуальный характеръ и что многіе изъ этихъ друзей, — такъ г. и г-жа Віардо сначала, Флоберъ потомъ, — имѣли благотворное вліяніе на развитіе его таланта; и, конечно, этому вліянію слѣдуетъ приписать его ясный, сдержанный слогъ, его простую форму, достигающую совершенства именно благодаря своей простотѣ, — качество столь рѣдкое у русскихъ писателей, даже у лучшихъ.

Когда, въ 1843 году, Тургеневъ познакомился съ семействомъ Віардо, ему только-что исполнилось двадцать пять лѣтъ и имя его было совершенно неизвѣстно въ русской литературѣ. Онъ страстно увлекался тогда только охотой и на одной изъ охотъ его познакомили съ г. Віардо, — съ Віардо, который уже жила въ Россіи, зналъ русскій языкъ и собирался познакомиться Францію, посредствомъ переводовъ, съ лучшими произведеніями русской литературы. Онъ уже былъ извѣстенъ своими учеными работами по искусству и иностранной литературѣ. Г-жа Віардо, тогда еще очень молодая, — двадцати двухъ лѣтъ, — уже была знаменитой пѣвицей, соединявшей съ безпримѣрною виртуозностью внутренній огонь, глубокое чувство, изящный вкусъ, такъ волнующіе душу. Эта чета артистовъ должна была произвести сильное и прочное впечатлѣніе на эстетическую натуру Тургенева.

И въ самомъ дѣлѣ, дружба, которую онъ съ тѣхъ поръ навсегда со-

*) Помѣстье Віардо въ Буживалѣ.

хранилъ къ семейству Виардо, носила въ продолженіе сорока лѣтъ, до самой его смерти, характеръ артистической и интеллектуальной симпатіи.

«Чужбина давала ему то, чего не доставало ему въ родномъ обществѣ,—говорить другой изъ русскихъ биографовъ Тургенева, г-жа Андреева.—Тѣ потребности его художнически-взыщной натуры, которыя у насъ находили мало оцѣнки и поддержки, нашли удовлетвореніе въ средѣ, которую онъ создалъ въ семьѣ Виардо...» И она говоритъ въ заключеніи, такъ же хорошо отзываясь о Виардо, какъ и о другихъ французскихъ друзьяхъ Тургенева: «Своей симпатіей къ его литературности, своей преданностью искусству, свободой и искренностью своихъ взглядовъ на вещи они дали Тургеневу среду наиболѣе сродную его характеру...

«Эта семья и эта дружба поддержали его бодрость въ служеніи твоей родинѣ, которой онъ никогда не забывалъ».

И въ самомъ дѣлѣ, развѣ не сказалъ самъ Тургеневъ въ своихъ *Воспоминаніяхъ*: «Я, конечно, не написалъ бы *Записокъ охотника*, еслибъ остался въ Россіи» *).

Откуда же эта меланхолія, которой, дѣйствительно, проникнуты его интимныя письма? Причина ея лежитъ, быть можетъ, въ его нравственномъ одиночествѣ, какъ утверждаетъ г. Ивановъ? Нѣтъ, конечно, и самъ Тургеневъ даетъ намъ отвѣтъ на этотъ вопросъ:

«Тотъ бытъ, та среда, и особенно та полоса ея, если можно такъ выразиться, къ которой я принадлежалъ,—полоса помѣщичья и крѣпостная,—не представляли ничего такого, что бы могло удержать меня. Напротивъ, почти все, что я видѣлъ вокругъ себя, возбуждало во мнѣ чувства слушенія, негодованія, отвращенія наконецъ. Долго колебаться я не могъ. Надо было либо покориться и смиренно брести общему колею, по избитой дорогѣ, либо отвернуться разомъ, оттолкнуть отъ себя «всѣхъ и вся», даже рискуя потерять многое, что было дорого и близко моему сердцу. Я такъ и сдѣлалъ...» (*Литературныя и житейскія воспоминанія. Вѣсто вступленія*).

Но въ очень интересномъ и очень подробномъ письмѣ, которое я получилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ отъ извѣстнаго русскаго поэта Полонскаго, самаго стариннаго и самаго вѣрнаго друга Тургенева, я читаю между прочимъ:

«При его средствахъ, онъ могъ бы побывать и на Кавказѣ, и въ Крыму, и на Уралѣ, и даже въ Сибири, а не ограничить своего художественнаго кругозора только Московской, Тамбовской да Орловской губерніями. Какъ бы тогда расширились предѣлы его наблюдательности, сколько бы новыхъ типовъ вышло изъ-подъ пера его!

«Судьба рѣшила иначе».

И г. Полонскій перечисляетъ длинную серію причинъ, которыя помѣшали Тургеневу лучше познакомиться съ его огромной страной и которыя

*) *Литературныя и житейскія воспоминанія. Вѣсто вступленія.*

неизмѣнно сводятся все къ одной и той же причинѣ, — къ глубокой дружбѣ, связывавшей русскаго писателя съ семействомъ Вiардо.

Здѣсь скрывается, можетъ быть, свойственное всѣмъ поэтамъ преувѣличиваніе, или, еще вѣрнѣе, ревность дружеской любви и патриотическаго чувства. Для того, чтобы чувствовать, что вашъ пульсъ бьется въ унисонъ съ великимъ анонимнымъ сердцемъ, нѣтъ надобности непременно посетить всѣ области обширной имперіи.

Родиться въ одномъ изъ уголковъ, всецѣло проникнутыхъ національнымъ духомъ, прожить тамъ до того времени, когда люди вступаютъ въ разумъ, образоваться тамъ подъ воздѣйствіемъ молодыхъ впечатлѣній и въ продолженіе всего своего существованія внимательно слѣдить, иногда вблизи, чаще изъ ясной, прозрачной дали, за всѣми проявленіями национальной жизни, — всего этого вполне достаточно для темперамента избранниковъ для того, чтобы угадать и рассказать радости и страданія цѣлой націи, чтобы безпристрастно судить о характерѣ и нравахъ цѣлой эпохи.

У Тургенева былъ такой темпераментъ; Орловская губернія, гдѣ онъ родился, принадлежала къ одному изъ такихъ уголковъ. Вотъ почему онъ могъ написать самое русское и самое гуманное изъ произведеній — *Записки охотника* — въ глубинѣ Иль-де-Франсъ и дать вѣрную картину общественной жизни своей родины за тридцатилѣтній періодъ въ серіи работъ, историческое значеніе которыхъ не уступаетъ артистическому, только изрѣдка отправляясь подышать воздухомъ родной земли. Онъ не могъ и не долженъ былъ ограничить свою богатую красками кисть изображеніемъ отечественныхъ фигуръ опредѣленнаго района; онъ могъ и долженъ былъ стремиться создать вѣчные, всемірныя творенія. (Il ne devait borner sa palette aux riches couleurs à la peinture des figures ethniques des régions limitées; il a pu et a dû avoir l'ambition de nous donner des créations éternelles et universelles).

Но жизнь вдали отъ родины только еще больше усилила его привязанность къ ней, и онъ былъ Русскій до мозга костей. Его французскіе друзья хорошо понимали это. Въ моментъ, когда его смертельные останки должны были навсегда покинуть Францію, которую онъ такъ любилъ и которая такъ любила его, Эдмондъ Абу сказалъ:

«— Вы не просто любили Францію, но вы ее любили изящно, именно такой любовью, какую она вправѣ требовать для себя! Она съ гордостью усыновила бы васъ, еслибы вы того пожелали, но вы всегда оставались вѣрнымъ Россіи, и хорошо поступили, ибо тотъ, кто не любитъ своего отечества всецѣло, слѣпо, до глупости (bêtement), останется всегда человекомъ только на половину. Вы не были бы столь популярны въ странѣ, гдѣ васъ ждуть теперь, если бы не были хорошимъ патриотомъ. Я прочелъ въ газетѣ, что нѣкто изъ самой многочисленной и самой сильной касты, изъ касты глупцовъ, сказалъ: «Я не знаю Тургенева, это — европеецъ, а я — русскій купецъ». Этотъ простакъ помѣстилъ васъ въ чужезуръ тѣсныя предѣлы Европы. Ваше сердце принадлежало всему человечеству. Но Россія занимала первое мѣсто въ вашихъ привязанностяхъ».

Въ 1849 г. Луи Виардо издалъ въ Парижѣ переводы нѣкоторыхъ произведеній Гоголя, между прочимъ: *Тарасъ Бульба*, *Записки сумасшедшаго*, *Коляска*, *Старосветскія помѣщики*, *Вій*. Величайшій изъ русскихъ критиковъ Бѣлинскій съ большою похвалою отозвался объ этихъ переводахъ, говоря, что они были очень близки къ подлиннику и отличались живымъ и изящнымъ слогомъ. Г. Виардо перевелъ потомъ въ 1853 г. *Кампанскую дочку* Пушкина и въ 1858 г. *Записки охотника* Тургенева. Впрочемъ, почти всѣ произведенія послѣдняго были переведены Луи Виардо или его женой, которой помогали самъ Тургеневъ. Но въ 1847 г. когда Тургеневъ поѣхалъ проводить въ Берлинъ семейство Виардо, онъ только что напечаталъ первый изъ своихъ рассказовъ въ серіи *Записокъ охотника* (*Хоръ и Калитичъ*), и его новые друзья были далеки отъ мысли, что его ожидаетъ такая славная будущность. Въ томъ же году онъ уѣхалъ къ Виардо въ Парижъ.

Какъ рассказывалъ позднѣе самъ Тургеневъ, онъ въ то время былъ совершенно безъ средствъ, такъ какъ мать его, недовольная его отъѣздомъ и оскорбленная тѣмъ, что онъ, дворянинъ стариннаго русскаго рода, не святилъ себя литературѣ, отказалась высылать ему деньги. Но онъ нашелъ у Виардо самое широкое гостепримство, и Куртавенель, ихъ помѣщица въ Rosay-en-Brie, сдѣлалось, по его собственному выраженію, его литературной колыбелью. «Не имѣя средствъ жить въ Парижѣ,—говорилъ онъ своему другу Фету,—я провелъ здѣсь зиму въ полномъ одиночествѣ, питаясь бульономъ изъ полукурицы и яичницей, которые мнѣ готовила старая служанка. Здѣсь, чтобы заработать себѣ денегъ, я написалъ большую часть изъ моихъ *Записокъ охотника*, и здѣсь также, какъ вы это видите, жила моя дочь изъ Спасскаго» *). Дѣло идетъ о ребенкѣ Тургенева, котораго онъ въ молодости, еще студентомъ, имѣлъ отъ крѣпостной своей матери. Маленькой дѣвочкѣ очень дурно жилось въ Россіи; Тургеневъ открылся во всемъ г-жѣ Виардо, она посоветовала ему привезти ребенка и взялась воспитывать его со своими собственными дѣтьми.

Въ 1850 г. смерть матери Ивана Сергѣевича вынудила его пріѣхать въ Россію, и лишь въ 1855 г. онъ снова возвратился къ своимъ друзьямъ. Онъ сопровождалъ ихъ въ поѣздѣ по всей Европѣ, а потомъ поселился съ ними въ Баденѣ. Война 1870 г. заставила ихъ отправиться въ Парижъ, гдѣ жилъ съ ними Тургеневъ, уѣзжая только на время то къ Петербургу, то въ Спасское, принадлежавшее ему имѣніе Орловской губерніи.

Черезъ семейство Виардо Тургеневъ познакомился съ артистическимъ и литературнымъ міромъ французовъ того времени. Пріѣхавъ въ Парижъ въ 1847 году, онъ встрѣтилъ у нихъ въ первый разъ Жоржъ-Зандъ, старшую пріятельницу Луи Виардо, съ которыми она основала въ 1841 году *Revue Indépendante*. Но болѣе прочныя отношенія между ними установились только впоследствии, благодаря Флоберу.

*) Фетъ: „Воспоминанія“. Т. I, стр. 158.

Около этого же времени онъ познакомился съ Мери́ме, уже известнымъ всеми переводами лучшихъ произведений русской литературы; ближе сошелся съ Шарлемъ Эдмондомъ, съ которымъ онъ познакомился въ Берлинѣ котораго снова встрѣтилъ въ Парижѣ въ домѣ одной изъ своихъ соотечественницъ, г-жи Языковой, гдѣ бывали также известный революціонеръ Бакунинъ и русскій писатель-изгнанникъ Герценъ.

Шарль Эдмондъ ввелъ Тургенева въ избранный литературный міръ того времени: Сэнтъ-Бёвъ, Теофиль Готье, Флоберъ, оба Гонкура, Тэнъ, Бертело, Ренанъ, Гаверни, Поль де - Сэнтъ - Викторъ, Шереръ, Шарль Бланъ, Андріанъ Гебраръ и т. д.,—однимъ словомъ, всѣ посѣтители знаменитыхъ обѣдовъ ресторана Маньи. За исключеніемъ Флобера, котораго онъ зналъ съ 1858 г., Тургеневъ видѣлъ всѣхъ въ первый разъ. И, въ самомъ дѣлѣ, въ *Дневникъ Гонкура* мы читаемъ замѣтку отъ 23 января 1863 года:

«Обѣдъ у Маньи. Шарль Эдмондъ приводитъ намъ Тургенева, этого иностраннаго писателя съ такимъ изящнымъ талантомъ, автора *Mémoires d'un Seigneur russe* и *Hamlet russe*. Это прелестный гигантъ, кроткій великанъ съ сѣдыми волосами, съ благодушнымъ видомъ горнаго или лѣсного духа. Онъ красивъ, величественно красивъ, безпредѣльно красивъ, съ синевой неба въ глазахъ, съ чудной пѣвучестью русскаго акцента, съ пѣвучестью, напоминающей немного не то ребенка, не то негра. Тронутый, ободренный сдѣланной ему нами оваціей, онъ рассказываетъ намъ много любопытнаго о русской литературѣ, и говоритъ, что вся она отъ романа до театра стоитъ на широкомъ пути реалистическаго изученія».

Гизо уже выражалъ желаніе познакомиться съ авторомъ *Дневника мистинаго чело́вѣка*, чтеніе котораго поразило его, а Ламартинъ съ восторгомъ рассказываетъ о своей первой встрѣчѣ съ Тургеневымъ.

Русскій писатель находился также въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Жюль Симономъ, Эдмондомъ Абу, Гуно, Ожье, Максимомъ дю-Канъ (du Camp), съ Викторомъ Гюго, Жюль Жанэномъ, Франсискомъ Сарсе, Жюльемъ Кларети, а позднѣе Флоберъ познакомилъ его съ молодою натуралистическою школою: Золя, Додэ, которые вмѣстѣ съ Эдмондомъ Гонкуромъ, Флоберомъ и Тургеневымъ образовали маленькое *Общество пятерыхъ*, *Société des cinq*, собиравшихся ежемѣсячно на обѣдъ или у Флобера, или у Гонкура. Наконецъ, черезъ Золя Тургеневъ познакомился съ молодыми писателями, сотрудниками *Меданскихъ вечеровъ* (*Soirées de Medan*), и, главнымъ образомъ, съ Гюи де-Мопассаномъ.

Мы уже сказали нѣсколько словъ о томъ влияніи, которое имѣло на талантъ Тургенева знакомство съ французскими литераторами. Надо прибавить также, что и онъ долженъ былъ съ своей стороны оказывать нѣкоторое воздѣйствіе на молодую натуралистическую школу. Надо замѣтить, что натурализмъ или скорѣе реализмъ, ставшій школою во Франціи только съ Флобера, составлялъ характерную черту русской литературы еще со временъ Пушкина и Гоголя.

Тургеневъ, послѣдователь этихъ двухъ великихъ писателей, часто въ бесѣдахъ со своими французскими друзьями говорилъ о необходимости бросить старыя романтическія формы съ ихъ сложною интригой, съ ихъ искусственными героями, и заняться изображеніемъ дѣйствительной жизни и простыхъ людей. И сами романисты новой школы не отрицаютъ этого вліянія Тургеневскихъ мнѣній и произведеній.

Мериме, познакомившійся еще задолго до пріѣзда Тургенева во Францію съ сочиненіями Пушкина и Гоголя, и даже видѣвшій Гоголя въ 1837 г. въ Парижѣ у г-жи Смирновой *), сказалъ какъ-то Тургеневу: «Ваша поэзія ищетъ прежде всего правды, а красота потомъ является сама собой; наши поэты, напротивъ, идутъ совершенно противоположною дорогою: они хлопочутъ прежде всего объ эффектѣ, остроуміи, блескѣ, и если во всеи этому имъ предстанетъ возможность не оскорблять правдоподобія, такъ они и это, пожалуй, возьмутъ въ придачу... У Пушкина, — прибавилъ онъ, — поэзія чуднымъ образомъ расцвѣтаетъ какъ бы сама собой изъ самой трезвой правды» **).

Въ послѣдніе годы своей жизни авторъ *Colomba* въ письмѣ къ одной русской дамѣ ***) (не изданномъ во Франціи) снова возвращается къ этому мнѣнію: «Уступая желанію и настоянію нѣкоторыхъ русскихъ знакомыхъ, я прочелъ *Преступленіе и наказаніе*, романъ г. Достоевскаго; мнѣ говорили, что это лучшее изъ его произведеній. Скажу вамъ откровенно, несмотря на большой талантъ автора, романъ мнѣ не нравится; въ немъ кабая-то напряженность и экзальтація чувства, а это вредитъ ясности художественнаго созерцанія. Онъ скорѣе послѣдователь Виктора Гюго, чѣмъ Пушкина. Достойно ли русскаго писателя, имѣющаго такой высочій образецъ, слѣдовать по стопамъ Гюго и вдохновляться имъ?»

Знакомство Тургенева съ французскимъ литературнымъ міромъ вызвало, во время его переѣздовъ, очень интересную переписку. Къ сожалѣнію, не вся она сохранилась или не вся еще найдена. Такъ письма Тургенева къ Мериме потеряны навсегда: они были сожжены во время коммуны, въ улицѣ Лилль, вмѣстѣ съ другими бумагами автора *Colomba*. Огюстенъ Филонъ, авторъ весьма интересной книги: *Мериме и его друзья (Mérimé et les Amis)*, имѣвшій въ рукахъ всѣ біографическіе матеріалы, касающіеся Мериме, употребилъ много старанія, чтобы разыскать эту переписку, но безуспѣшно.

Неизвѣстно также въ настоящее время, гдѣ находятся письма Тургенева къ Виктору Гюго, такъ какъ Поль Мѣрисъ (Paul Meurice) не нашелъ ихъ въ бумагахъ своего знаменитаго друга. Такая же судьба постигла письма къ Шарлю Эдмонду. Благодаря любезности Жюля Кларети, который самъ

*) Въ С.-Петербургскомъ салонѣ г-жи Смирновой, воспитой Пушкинымъ и названной Вяземскимъ Notre-Dame de la littérature russe собиравлись самыя знаменитые писатели Россіи.

**) Изъ рѣчи Тургенева о Пушкинѣ.

***) Къ г-жѣ А. Д. Л-вой, нап. г. Матвѣевымъ въ *Новомъ Времени*, № 6702, въ его ст. *Простеръ Мериме и его отношенія къ русской литературѣ*.

иногда не состоялъ въ перепискѣ съ Тургеневымъ, мнѣ сообщили два письма Тургенева къ Шарлю Эдмонду и одно письмо къ Ф. Бёрти (Ph. Bury).

Жюль Симонъ отвѣчалъ на мою просьбу, что онъ, правда, «много наль и много любилъ Тургенева. Но мы слишкомъ часто видѣлись,—привлечаетъ онъ,—для того, чтобы между нами могла возникнуть литературная переписка, а вромѣ того, мои папки подверглись страшному разграбленію». То же самое говоритъ и Франсискъ Сарсе, съ тою только разницей, что онъ добровольно роздалъ «любителямъ автографовъ» нѣсколько значительныхъ записокъ, полученныхъ имъ отъ Тургенева.

Одинъ тяжелый инцидентъ, о которомъ мы скажемъ позднѣе, когда вынется печатаніе писемъ Тургенева къ Золя, не допустилъ Альфонса (оде сообщить мнѣ письма Тургенева. Тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству самого же Додэ, письма эти прелестны и сердечны. Будемъ надѣяться, что, знакомившись съ издаваемой нами перепиской, авторъ *Набаба* снова вернется къ тѣмъ чувствамъ, которыя онъ питалъ къ Тургеневу при его жизни, и будетъ меньше придавать вѣры разнаго рода бабьимъ сплетнямъ. Наконецъ, Эдмондъ Гонкуръ увѣрялъ меня, что у него нѣтъ ни одного интереснаго письма отъ Тургенева, такъ какъ они видѣлись слишкомъ часто. Но я опасюсь, что за этимъ отвѣтомъ скрывается такое же раздраженіе противъ Тургенева, какъ и у Додэ, вызванное равнымъ образомъ такъ называемыми *Воспоминаніями о Тургеневѣ* лжесвидѣтеля.

Однимъ словомъ, въ настоящее время мы имѣемъ письма Тургенева къ г-жѣ Віардо, къ Жоржъ-Зандъ, къ Сентъ-Бѣву, къ Теофилю Готье, къ Флоберу и его племянницѣ, г-жѣ Комманвиль, къ Тэну, Ренану, Шарлю Эдмонду, Золя, Гюю де-Мопассану, къ Андре Тѣрье и къ Ф. Бёрти. Письма къ Флоберу и къ Золя всё на-лицо, въ полномъ составѣ, но и вся остальная переписка представляетъ большой біографическій интересъ. Она начинается вмѣстѣ съ литературнымъ дебютомъ Тургенева и кончается только съ его смертью.

Существуютъ, навѣрное, еще письма, намъ неизвѣстныя. Мы были бы весьма благодарны всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя пожелаали бы сообщить намъ ихъ, въ интересахъ многочисленныхъ почитателей великаго русскаго писателя *).

Мы рѣшили печатать переписку Тургенева въ хронологическомъ порядкѣ и начинаемъ съ писемъ къ Віардо, къ Флоберу и къ г-жѣ Комманвиль.

И. Гальперинъ-Каминскій.

Письма къ г-жѣ Віардо.

I.

16 мая 1850 г.

«Я въ Буртавенелѣ. Признаюсь, я счастливъ, какъ ребенокъ, что опять нахожусь здѣсь. Я пошелъ поздороваться со всѣми мѣстами,

*) Всѣ сообщенія должны быть адресованы г. Гальперину-Каминскому, въ контору *Космополисъ* (M-г Halpérine-Caminsky, au bureau de la *Revue Cosmopolite*).

съ которыми я уже прощался передъ отъѣздомъ. Россія подождетъ, эта огромная и мрачная фигура, неподвижная и загадочная, какъ сфинксъ Эдипа. Она проглотитъ меня позднѣе. Мнѣ кажется, я вижу ея тяжелый, неподвижный взглядъ, устремленный на меня съ холоднымъ вниманіемъ, какъ это подобаетъ каменнымъ глазамъ. Будь спокоенъ, сфинксъ, я вернусь къ тебѣ, и тогда ты можешь сожрать меня въ свое удовольствіе, если я не разгадаю твоей загадки! Оставь меня въ покоѣ еще на нѣкоторое время. Я вернусь къ твоимъ степямъ!

«Сегодня стояла прѣкрасная погода. Гуно весь день прогуливалъ въ лѣсу Б*** въ погонѣ за идеей; но, капризное, какъ женщина, вдохновеніе не пришло, и онъ ничего не нашелъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ самъ сказалъ мнѣ. Завтра онъ нагонитъ потерянное время. Въ данную минуту онъ лежитъ на медвѣжьей шкурѣ въ мукахъ творчества. Его настойчивость и упорство въ работѣ приводятъ меня въ восхищеніе. Пустота сегодняшняго дня превратила его въ совершенно несчастнаго человѣка. Онъ тяжело вздыхаетъ *) и ничѣмъ не можетъ разсѣять своей думы. Съ отчаянія онъ начинаетъ придирается къ тексту. Я постарался приподнять его настроеніе и, кажется, мнѣ это удалось. Очень опасно становиться на такую наклонную плоскость: кончаешь тѣмъ, что складываешь руки на животъ и говоришь себѣ: «вѣдь, все это отвратительно!» Мнѣ было немного смѣшно слушать его сѣтованія, такъ какъ я знаю, что всѣ эти небольшія тучки разсѣются при первомъ дуновеніи; и я очень польщенъ, что мнѣ пришлось быть повѣреннымъ этихъ маленькихъ мученій творчества...» **).

II.

С.-Петербургъ, 21 февраля 1852 г.

«... Я не могу продолжать этого письма такъ, какъ я его началъ. Насъ поразило великое несчастье: Гоголь умеръ въ Москвѣ, — умеръ, предавъ все сожженію, — все — 2-й томъ *Мертвыхъ душъ*, массы законченныхъ или начатыхъ вещей, — однимъ сло-

*) Il pousse des soupirs gros comme le bras.

**) Тургеневъ познакомился съ Гуно въ домѣ Віардо и сохранялъ отношенія съ нимъ въ продолженіе всей своей жизни; но переписка никакой не осталась. Г-жа Шарль Гуно пишетъ мнѣ: «... Гуно былъ большимъ поклонникомъ этого знаменитаго поэта. Онъ часто встрѣчался съ нимъ у друзей; но мнѣ кажется, что ихъ близкія отношенія ограничились только этими встрѣчами, такъ какъ въ огромной перепискѣ Гуно, которую я недавно только привела въ порядокъ, мнѣ не попалось ни одной подписи Тургенева».

ить, все. Вамъ трудно будетъ оцѣнить, какъ велика эта жесто-
 ия, безвозвратная потеря. Нѣтъ русскаго, сердце котораго не
 мивалось бы кровью въ настоящую минуту. Для насъ это былъ
 мѣе чѣмъ простой писатель: онъ открылъ намъ насъ самихъ.
 въ многихъ отношеніяхъ онъ былъ для насъ продолжателемъ
 юntinuateur) Петра Великаго. Вамъ можетъ показаться, что слова
 ги написаны подъ влияніемъ горя, преувеличены. Но вы не знаете
 го; вамъ извѣстны только самыя незначительныя изъ его произ-
 жденій; но еслибъ даже вы знали ихъ всё, вамъ трудно было бы
 внять, чѣмъ онъ былъ для насъ. Надо быть русскимъ, чтобы чув-
 ствовать это. Самые проникательныя умы среди иностранцевъ, —
 икъ Мериме, напримѣръ, — видѣли въ Гоголѣ только юмориста на
 нгльскій ладъ. Его историческое значеніе совершенно усколь-
 аеть отъ нихъ. Повторяю, надо быть русскимъ, чтобы знать, что
 ы потеряли».

Г-ну и г-жѣ Віардо.

III.

Петербургъ, 1 (13) мая 1852 г.

«Дорогіе друзья мои!

«Это письмо вамъ передать одна особа, которая выѣзжаетъ
 тсюда черезъ нѣсколько дней, — или же она перешлетъ вамъ его
 въ Парижъ, какъ только переѣдетъ границу, такъ что я могу по-
 ѳворить съ вами немного по душѣ, не боясь любопытства поли-
 ции. Прежде всего скажу вамъ, что если я не оставилъ Петербурга
 еще мѣсяцъ тому назадъ, то, конечно, не по своей волѣ. Я поса-
 рень подъ арестъ въ полицейскую часть, по повелѣнію императо-
 ра, за то, что напечаталъ въ одной московской газетѣ нѣсколько
 ироковъ о Гоголѣ. Это послужило только предлогомъ, — статья сама
 ю себѣ совершенно незначительна. Но на меня уже давно косятся
 и прицѣпились къ первому подвернувшемуся случаю. Я не жалу-
 ься на императора; дѣло было представлено ему въ такомъ иска-
 женномъ видѣ, что онъ не могъ поступить иначе. Хотѣли положить
 конецъ всему, что говорилось по поводу смерти Гоголя, и были
 рады случаю подвергнуть въ то же время запрещенію и мою лите-
 ратурную дѣятельность.

«Черезъ двѣ недѣли меня отправятъ въ деревню, гдѣ я дол-
 женъ буду жить до новаго распоряженія. Все это далеко не весело,
 какъ вы видите; тѣмъ не менѣе, я долженъ сказать, что со мной
 обращаются весьма по-человѣчески; у меня хорошая комната, кни-
 ги, я могу писать; первые дни я могъ видѣться со знакомыми, но

потомъ это запретили, такъ какъ ихъ приходило слишкомъ много. Несчастіе не обращаетъ въ бѣгство друзей, — даже въ Россіи. *Несчастіе*, правду сказать, не слишкомъ велико: 1852 годъ будетъ для меня безъ весны, вотъ и все. Самое печальное здѣсь только одно: надо обончательно проститься со всякой надеждой поѣхать за границу. Впрочемъ, я никогда не обманывалъ себя на этотъ счетъ; покидая васъ, я хорошо зналъ, что это надолго, если только не навсегда. Теперь у меня только одно желаніе, чтобы мнѣ позволили странствовать по Россіи. Надѣюсь, что въ этомъ мнѣ не будетъ отказано. Наслѣдникъ *) очень добръ. Я написалъ ему письмо, отъ котораго ожидаю нѣкотораго блага. Вы знаете, что императоръ уѣхалъ.

«Наложили также печать на мои бумаги или, скорѣе, запечатили двери моей квартиры, а десять дней спустя сняли печать, ничего не осмотрѣвъ. По всему вѣроятію, имъ было извѣстно, что тамъ не находилось ничего запрещеннаго.

«Надо сознаться, что я достаточно скучаю въ этой дырѣ. Я пользуюсь этимъ вынужденнымъ досугомъ для изученія польскаго языка, заниматься которымъ началъ шесть недѣль тому назадъ. Мнѣ предстоитъ еще четырнадцать дней заключенія! И ужъ считаю же я ихъ!

«Вотъ, дорогіе друзья мои, мало пріятныхъ новости, которыми я могу сообщить вамъ. Надѣюсь, что вы скажете мнѣ что-нибудь болѣе пріятное. Здоровье мое хорошо, но я постарѣлъ до смѣшнаго: я могъ бы послать вамъ прядь *сидыкс* волосъ — безъ всякаго увеличенія. Все же я не теряю мужества. Въ деревнѣ меня ждетъ охота! Потомъ я постараюсь привести въ порядокъ мои дѣла. Я снова примусь за свои очерки изъ быта русскаго народа, самаго страннаго и самаго удивительнаго народа во всемъ мірѣ. Я буду работать надъ своимъ романомъ съ тѣмъ большею свободой мысли, что мнѣ не придется пропускать его черезъ цензорскіе когти. Но арестъ сдѣлаетъ, вѣроятно, невозможнымъ печатаніе моего произведенія въ Москвѣ. Очень жаль, но что же дѣлать!

«Я прошу васъ чаще писать мнѣ, дорогіе друзья мои; ваши письма поддержать мое мужество въ эти дни испытаній: ваши письма и воспоминанія о прошедшихъ дняхъ, о Куртавенелѣ, — вотъ все мое богатство. Я не останавливаюсь долго на этомъ, боюсь расчувствоваться. Вы хорошо знаете, что мое сердце съ вами, и я могу сказать это, теперь въ особенности... моя жизнь кончена, въ ней нѣтъ больше очарованія; я съѣлъ весь свой бѣлый хлѣбъ: бу-

*) Наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, впоследствии императоръ Александръ II.

мнѣ жевать оставшійся черный и просить небо, чтобъ оно было щедрымъ, какъ говорилъ Вивье (J'ai mangé tout mon pain blanc: Achons ce qui reste de pain bis et prions le ciel qu'il soit bien bon, comme disait Vivier).

«Мнѣ не зачѣмъ говорить вамъ, что все это должно остаться въ глубокой тайнѣ; малѣйшей замѣтки, малѣйшаго намека въ какой-нибудь газетѣ будетъ довольно, чтобъ окончательно погубить меня.

«Прощайте, дорогие друзья мои; будьте счастливы, и я буду радоваться вашему счастью насколько могу. Будьте здоровы, не забывайте меня, пишите мнѣ часто, и будьте увѣрены, что моя мысль всегда съ вами. Цѣлую васъ всѣхъ и посылаю вамъ тысячу благожеланій. Милый Куртавенель, тебѣ также мой привѣтъ! — Прощайте, прощайте; пишите мнѣ часто. Еще разъ цѣлую васъ. Прощайте *)!

Ив. Тургеневъ.

IV.

Спасское, 7 юля (25 июня) 1858 г.

Дорогой другъ,

Я возвращаюсь въ Спасское послѣ четырехдневнаго отсутствія и нахожу ваше письмо съ грустнымъ извѣстiemъ! Я не смѣлъ говорить вамъ о своихъ предчувствіяхъ, я старался убѣждать самого себя, что все могло еще хорошо кончиться, — и вотъ его нѣтъ больше! Я очень сожалѣю о немъ самомъ; я очень сожалѣю обо всемъ, что онъ унесъ съ собой; я глубоко чувствую, какое жестокое горе должна была принести вамъ эта потеря и какую пустоту, — вамъ будетъ трудно заполнить ее. Онъ васъ такъ любилъ! Виардо и Луи-

*) Въ своихъ *Литературныхъ воспоминаніяхъ* Тургеневъ подробно рассказываетъ обстоятельства своего ареста. Въ маленькой статьѣ, написанной имъ по поводу смерти Гоголя и помѣщенной также въ *Воспоминаніяхъ*, не было ничего злонамереннаго; она была напечатана въ *Московскихъ Видомостяхъ* въ мартѣ 1852 г. съ разрѣшенія цензуры. Но это послужило предлогомъ для того, чтобы заставить молодого автора заплатить за смѣлость его *Записокъ Охотника*. Тургеневъ былъ посаженъ на одинъ мѣсяць. Къ счастью, обѣ дочери надзирателя были большими поклонницами его таланта; по ихъ настоянію, Тургеневу отвели для заключенія частное помѣщеніе ихъ отца. Тамъ, пользуясь вынужденнымъ досугомъ, онъ написалъ свой знаменитый рассказъ *Муму*, о которомъ Карлейль говорилъ, что онъ никогда не читалъ ничего болѣе трогательнаго. По всему вѣроятію, на этотъ рассказъ и намекаетъ Тургеневъ въ вышеприведенномъ письмѣ.

По окончаніи ареста Тургеневъ „административнымъ порядкомъ“ былъ отправленъ свое имѣніе Спасское безъ права выѣзда. Это заключеніе въ деревнѣ продолжалось до конца 1854 г. И только благодаря графу Алексію Толстому, автору *Смерти Гоанна Грознаго* и г-жѣ Смирновой, о которой мы уже говорили, обратившихся съ просьбой о его помилованіи къ наслѣднику цесаревичу, Тургеневу была возвращена свобода. И онъ успѣшилъ воспользоваться ею, чтобы вернуться во Францію.

за *) должны быть также очень огорчены. Когда смерть поражаетъ нашихъ рядахъ, оставшіеся друзья должны сближаться еще тѣснѣе; не утѣшеніе предлагаю я вамъ, я протягиваю вамъ дружескую руку; глубоко преданное вамъ сердце говоритъ, что вы можете пожить на него, какъ на то, которое уже перестало биться.

«Я не могу не думать о своемъ послѣднемъ свиданіи съ Шефферомъ; у него былъ такой хорошій видъ, что мнѣ никакъ не могло придти на мысль, что я вижу его въ послѣдній разъ. Онъ писалъ Христа съ Самаритянкой; я сѣлъ позади него, и мы долго разговаривали: я рассказывалъ ему о своемъ путешествіи по Италіи (это было въ первыхъ числахъ мая). Никогда я не видѣлъ его такимъ привѣтливымъ, въ такомъ хорошемъ настроеніи. Какой ужасный ударъ для его дочери!

Меня слишкомъ поразило это печальное извѣстіе для того, чтобы я могъ много говорить о себѣ. Скажу въ двухъ словахъ, что я провелъ очень пріятно три дня у друзей **): двухъ братьевъ и сестры, прекрасной, но очень несчастной женщины. Она была принуждена разстаться съ мужемъ: своего рода деревенскимъ Генрихомъ VIII, весьма отвратительнымъ; у нея трое дѣтей, которые растутъ очень хорошо, особенно съ тѣхъ поръ, какъ нѣтъ отца. Онъ очень сурово обращался съ ними, изъ принципа; ему доставляло удовольствіе воспитывать ихъ по спартански и вести самому какъ разъ противоположный образъ жизни. Подобныя вещи часто встрѣчаются: такимъ образомъ можно пользоваться пріятными сторонами и порока, и добродѣтели, — добродѣтели по довѣренности.

«Изъ двухъ братьевъ одинъ довольно безцвѣтенъ, другой — прелестный малый, лѣнивый, флегматичный, неразговорчивый и, въ то же время, очень добрый, нѣжный, съ тонкимъ вкусомъ и такими чувствами, существо по-истинѣ оригинальное. Третій братъ (графъ Л. Толстой, о которомъ я вамъ говорилъ, какъ объ *одномъ изъ лучшихъ нашихъ писателей*, вы улыбаетесь, вы вспоминаете Фета, къ которому я ѣду завтра, такъ какъ онъ мой сосѣдъ; Л. Толстой, дѣйствительно и безъ всякихъ оговорокъ, изъ ряду вошедшій талантъ, и я надѣюсь какъ-нибудь убѣдить васъ въ этомъ, переведа вамъ его *Дѣтство* ***). Я закрываю здѣсь мои безконечныя скобки). Третій братъ, говорю я, долженъ былъ пріѣхать и не пріѣхалъ. Сестра довольно хорошая музыкантша; мы играли Бетховена, Моцарта и т. д.»

*) Дочь г-жи Влардо.

**) Въ имѣніи гр. Толстыхъ „Ясная Поляна“, кот. находится недалеко отъ Смоленска.

***) *Histoire d'une enfance.*

V.

Спасское, 21 июля 1858 г.

Дорогая и хорошая м-ше Виардо,

Начинаю свое письмо съ горестнаго для всѣхъ русскихъ извѣ-
тія. Художникъ Ивановъ, о которомъ я, кажется, говорилъ вамъ въ
вашемъ письмѣ изъ Рима, скончался отъ холеры въ С.-Петербургѣ.

«Бѣдный человѣкъ! Послѣ двадцатипятилѣтней работы, послѣ
тѣшеній, нищеты, добровольнаго заключенія, въ ту минуту, когда
его картина была наконецъ выставлена, прежде чѣмъ онъ успѣлъ
получить какую-нибудь награду, прежде чѣмъ онъ успѣлъ убѣ-
диться въ успѣхѣ своего произведенія, которому посвятилъ всю
жизнь, — смерть, смерть внезапная, какъ апоплексическій ударъ,
и болѣе ужасная, такъ какъ она начинается не съ головы! Пло-
хонькая газетная статья, полная оскорбленій, недомолвокъ, расчи-
савнаго пренебреженія — вотъ все, что дала ему родина за короткое
время между его возвращеніемъ и смертью. Что касается его кар-
тины *)», то она несомнѣнно принадлежитъ къ той эпохѣ искус-
ства, въ которую мы вступили уже болѣе вѣка тому назадъ, и ко-
торая есть, надо же въ этомъ сознаться, эпоха упадка (*une*
broque de décadence). Это уже не просто живопись, это фило-
софія, поэзія, исторія, религія. Есть плачевные недостатки, и
тѣмъ не менѣе это великая вещь, серьезное возвышенное произве-
деніе, и надо желать, чтобъ оно имѣло вліяніе въ Россіи, хотя бы
для того только, чтобы создать реакцію противъ школы Брюл-
лова» **)...

VI.

Спасское, 30 июля 1858 г.

...Вотъ что я дѣлалъ въ продолженіе истекшихъ девяти дней.
Я много работалъ надъ романомъ ***), который я началъ и который
надѣюсь кончить къ началу зимы; потому я былъ на охотѣ за 150
верстъ отсюда и напрасно потерялъ пять дней, — болота пустовали,
такъ какъ время перелета дупелей и бекасовъ еще не наступило.

Я занимаюсь также вмѣстѣ съ дядей упорядоченіемъ своихъ
отношеній къ крестьянамъ: начиная съ осени они всѣ будутъ пе-
реведены на *оброкъ*, то-есть я уступлю имъ половину своихъ зе-

*) Знаменитое *Явленіе Христа*, надъ которымъ Ивановъ работалъ четверть вѣ-
ка и которая главнымъ образомъ и создала его славу.

**) Представитель академическаго officialнаго искусства.

***) *Наканунъ*, переведенное на франц. языкъ подъ заглавіемъ *Un Bulgare*.

мель за известную годовую плату, а для обработки своей земли буду нанимать рабочихъ. Это будетъ переходное состояніе въ ожиданіи рѣшенія комитетовъ; а пока еще нельзя сдѣлать ничего окончательнаго.

«Я упомянулъ вамъ о романѣ, который пишу. Какъ я былъ бы счастливъ познакомить васъ съ его планомъ, изложить характеръ намѣченную мною цѣль и т. д.; съ какимъ вниманіемъ выслушалъ бы всѣ ваши замѣчанія! На этотъ разъ я долго обдумывала сюжетъ, и надѣюсь избѣжать нетерпѣливыхъ и неожиданныхъ выводовъ, которые такъ справедливо похировали васъ. Я чувствую себя въ ударѣ работать, но горячность молодости уже далеко отъ меня; я пишу съ нѣкоторымъ спокойствіемъ, которое удивляетъ меня: только бы это не отразилось на моемъ произведеніи! Qui se froid, dit médiocre» *).

VII.

Парижъ, 16 февраля 1865 г.

«... Я не былъ ни въ одномъ театрѣ. Нѣтъ, рѣшительно нѣтъ доставляетъ удовольствіе бывать тамъ... одному. Вчера я присутствовалъ на открытіи палаты въ большой *salle des Etats* въ Луврѣ. Мы были набиты какъ сельди въ боченкѣ. Три вещи поразили меня: исключительно *военный* характеръ этой церемоніи (аплодировали только въ одномъ мѣстѣ, когда рѣчь зашла о сооруженіи новой триумфальной арки), полное и рѣшительное отсутствіе хорошенькихъ женскихъ лицъ и тѣмбръ голоса императора. Если бы можно было записывать голоса такъ же, какъ рисуютъ лица, то всякій сказалъ бы, что это говоритъ швейцарскій профессоръ, профессоръ ботаники или нумизматики. Рѣчь сама по себѣ очень безцвѣтная, очень миролюбивая—и запутанная, это ужъ само собою разумѣется.

На императрицѣ было очень безобразное платье, но у нея много граціи и достоинства. У наслѣдника видъ очень хилый и совершенно безжизненный. У принца Наполеона настоящая осанка Тибериуса или Домициана. Вчера я долженъ былъ обѣдать съ нимъ у *Виксіо* (Vixio), но я отказался отъ этой чести. Миѣ онъ совсѣмъ не нравится, и къ тому же онъ съ слишкомъ большимъ презрѣніемъ говорилъ

*) Кто говоритъ холодно, тотъ говоритъ посредственныя вещи.

моихъ бѣдныхъ русскихъ. Ничего не можетъ быть смѣшнѣе нѣбо-
рыхъ фигуръ, разряженныхъ въ парадныя формы: красныя,
вытые, пестрые, золоченые токи адвокатовъ и судей имѣли такой
бавно-восточный видъ, что можно было умереть отъ смѣха.
Колько лентъ, звѣздъ, каскъ, султановъ, позолоты! Великій
же! и подумать только, что весь этотъ хламъ производить
эффекты!... Да что я говорю? Онъ управляетъ миромъ...»

Ив. Тургеневъ.

VIII.

Спасское, 1 июля 1865 г.

Дорогая и хорошая м-ше Вiардо!

«Я въ восторгѣ отъ того, что сказалъ вамъ Риець (Rietz) (я
чень сожалѣю, что не познакомился съ нимъ). Его слова должны
идать вамъ крылья. Это не чета тому, что говорили вамъ мы,
дилетантики (dilettantillons); — и если вы не примитесь писать
сонаты, если я по возвращеніи не найду какого-нибудь прекрасна-
го, почти законченнаго *adagio*, мнѣ придется побранить васъ. Мнѣ
ажется, правда, что музыкальная идея должна развиваться съ
ольшей свободой, съ большимъ просторомъ, когда нѣтъ заранѣе
нѣченныя рамокъ, съ опредѣленными уже заранѣе красками и
юрмами, и опредѣленными другимъ.»

«Смѣло, за работу! Я особенно восхищаюсь ею и подвигаю на
е другихъ—съ тѣхъ поръ, какъ я самъ ничего не дѣлаю.»

Такъ нѣтъ же! Даю вамъ честное слово, что если вы начнете
писать сонаты, я примусь за свою литературную работу. «Passez moi
casse, je vous passerez la séné». Романъ за сонату: идетъ? Боже!
ко за перспектива лихорадочной дѣятельности открывается передо
ной. Хватить на цѣлую зиму...»

Ив. Тургеневъ.

* * *

Пусть сумракъ стелется по дремлющимъ долинамъ,
Предъ нами яркимъ днемъ снѣга озарены...
Все выше мысль несетъ насъ розмахомъ орлинымъ,
Все выше манять насъ уступы крутизны.

И мнится, страшный путь избрали мы не сами,
И насъ, отъ алчныхъ безднъ спасая и храня,
Пезримая рука безвѣстными стезями
Ведеть въ святую высь немеркнущаго дня.

В. Полтавецъ.

Шведская война 1788—90 гг. *).

(По новымъ даннымъ изъ французскихъ архивовъ).

IV. Военныя дѣйствія 1789 года.

Успѣхъ кампаніи 1789 года зависѣлъ главнымъ образомъ отъ удачнаго мѣстнаго дѣйствія галернаго флота и сухопутныхъ войскъ. Значить Мусинь-Пушкинъ и принцъ Нассау должны были дѣйствовать за-одно. Однако галерный флотъ, благодаря разстройству, въ которомъ засталъ его принцъ Нассау весною 1789 года, не былъ готовъ къ отплытію. 15 мая графъ Мусинь-Пушкинъ далъ знать въ Петербургъ, что въ 15 верстахъ отъ Фридрихсгама видны шведскія галеры. Русская флотилія находилась въ Кронштадтѣ. Екатерина была недовольна; съ безпокойствомъ и неопредѣленнымъ она замѣтила: «Шведы прежде насъ въ морѣ»¹⁾. Замедленіе русскаго гребнаго флота дало шведскимъ галерамъ возможность безпокоить бережныхъ жителей русской Финляндіи и въ особенности затруднить сообщеніе по дорогѣ изъ Фридрихсгама въ Вильманстрандъ и Выборгъ.

Графъ Мусинь-Пушкинъ тѣмъ временемъ оставался въ бездѣйствіи. Въ то время, чтобы встрѣтить Густава и шведское войско на границѣ, т.-е. на берегахъ рѣки Кюмене съ сосредоточенными тамъ силами, главнокомандующій, какъ и въ 1788 году, находился между Фридрихсгамомъ и Вильманстрандомъ, надѣясь, послѣ приближенія къ берегамъ Финляндіи русскаго галернаго флота, начать рѣшительныя дѣйствія противъ шведскаго войска.

Съ большимъ удовольствіемъ императрица узнала, что 6 іюня въ 11 часу вечера принцъ Нассау-Зигевъ вышелъ изъ Кронштадта, но затѣмъ онъ былъ задержанъ противнымъ вѣтромъ. Скоро послѣ этого Мусинь-Пушкинъ требовалъ отъ принца высадки съ галернаго флота 6,000 человекъ; принцъ повиновался очень неохотно, потому что этимъ онъ лишился возможности атаковать шведовъ²⁾. Однако, Мусинь-Пушкинъ послалъ принцу скоро послѣ этого приказаніе взять обратно на суда эти войска. Д'Арагонъ,

*) *Русская Мысль*, кн. V.

¹⁾ Записки Храповицкаго.

²⁾ „J'engage de me trouver sur la défensive“, — писалъ принцъ къ своей жевѣ 20 мая. Д'Арагонъ, стр. 309.

сообщая объ этомъ, считаетъ вѣроятнымъ, что проектъ принца отъ пути къ границѣ шведамъ, вступившимъ въ русскую Финляндію, былъ одоленъ Екатериной и что поэтому Мусинъ-Пушкинъ долженъ былъ дать отпоръ дѣйствіямъ своего соперника. Въ первыхъ числахъ іюля оба начальника имѣли свиданіе при Фридрихсгамѣ. Тутъ они условились, что принцъ, разбивъ шведовъ на водѣ, сдѣлать десантъ между Ловизой и Борнхольмомъ (въ Шведской Финляндіи), дабы чрезъ то отвлечь непріятеля изъ границъ нашихъ и Пушкину дать способъ, перейдя Кьюмень, впасть въ его границы»¹⁾. Но послѣ этого прошло нѣсколько недѣль до серьезной вступки принца со шведами. Въ замѣткѣ Храповицкаго: «Принцъ Нассау въ концѣ іюля», выражается досада императрицы по этому поводу. Изъ писемъ принца къ женѣ видно, что онъ ласкалъ себя надеждой высадиться на берегъ, атаковать шведовъ и взять въ плѣнъ короля. «Боже мой!—писалъ онъ, какъ было бы мило отправить короля въ С.-Петербургъ! Императрица приняла бы весьма благосклонно!»²⁾.

26 іюля н. с. происходило при Эландѣ между двумя корабельными силами сраженіе, которое не могло считаться ни побѣдою шведовъ, ни побѣдою русскихъ. Императрица была недовольна, какъ видно изъ дневника Храповицкаго. Она жаловалась на недостаточную смѣлость Чичагова, на бездѣйствіе принца Нассау и Мусина-Пушкина³⁾.

Дѣло въ томъ, что принцъ Нассау ожидалъ эскадры адмирала Крузе, которая должна была дѣйствовать за одно съ нимъ и которая не явилась. Къ тому же принцъ не переставалъ жаловаться на неудовлетворительное состояніе флотиліи вслѣдствіе упущеній Чернышева. «Мы теряемъ драгоценное время», писалъ онъ въ то время. И далѣе: «Я чрезвычайностроенъ. Адмирала Крузе нѣтъ какъ нѣтъ. Пушкинъ не сдѣлалъ того, что я ожидалъ, и требуетъ, чтобы я измѣнилъ мой планъ дѣйствій». Эти жалобы повторяются и въ слѣдующихъ письмахъ принца. Отсутствие эскадры Крузе приводило его въ отчаяніе. Когда, наконецъ, Крузе приблизился со своею эскадрой къ галерному флоту, между обими начальниками произошла непріятная переписка, о которой принцъ далъ знать Екатеринѣ⁴⁾.

1) Записки Храповицкаго.

2) *D'Aragon*, стр. 311.

3) «Je crois que tout le monde est d'accord avec le roi de Suède. Le prince Nassau n'a presque rien fait. Pouchkine est dans l'inaction». «Досада, почти на глазахъ»,—прибавляетъ Храповицкій въ объясненіе этихъ словъ Екатерины.

4) Вотъ нѣкоторые замѣчанія изъ писемъ принца къ женѣ. 7 августа: «J'attends un courrier pour me plaindre de m-r Kruse qui fait tout ce qu'il peut pour faire manquer mon plan. C'est le diable. J'envoie à l'impératrice ce qu'il m'écrit et elle me lui réponds. Elle trouvera mon style positif». «L'impératrice est bien convaincue que tout ce qui a dépendu de moi a été fait. Si tout le monde la servait avec même ardeur, nous ferions de bonne besogne». 9 авг. «Oh! que l'on a de peine à faire de bonnes choses, et qu'il est cruel d'avoir affaire à des gens de mauvais caractère. Mais l'impératrice est instruite de tout». 11 авг.: «Ce diable de Kruse me fait perdre la tête. Il fait tout ce qu'il peut pour faire manquer mon projet, mais il ne réussit pas». «Kruse a fini par m'écrire une lettre impertinente» и проч., и проч.

Благодаря письмамъ принца Нассау къ императрицѣ, адмиралъ Крузе былъ вызванъ въ С.-Петербургъ. По приказанію императрицы часть эскадры Крузе подъ начальствомъ генералъ-маіора Балэ (Balay) должна была дѣйствовать вмѣстѣ съ галернымъ флотомъ ¹⁾. Судя по письмамъ принца къ его женѣ, императрица этому мѣрой доставила принцу возможность, наконецъ, приступить къ важнымъ дѣйствіямъ, и Балэ находился подъ вліяніемъ принца.

24 августа н. с. происходила битва при Свенскзундѣ, въ которой принцъ держалъ побѣду надъ шведами и захватилъ шведскій адмиральскій корабль съ 40 пушками и разными другія суда. Въ сочиненіи д'Арагона о принцѣ сообщены письма Ваража къ императрицѣ объ этомъ событіи, а также письма принца къ женѣ, въ которыхъ заключаются нѣкоторыя подробности битвы. Такъ какъ въ моемъ сочиненіи, *Война Россіи со Швеціей*, рассказъ объ этой битвѣ основанъ на весьма важныхъ русскихъ и шведскихъ источникахъ, то нѣтъ надобности указывать на частности этого факта. Однако, въ письмахъ принца къ его женѣ, писанныхъ тотчасъ же послѣ побѣды, заключаются нѣкоторыя данныя о трудномъ положеніи принца, о расположеніи къ нему русскихъ генераловъ и о сравнительно неважныхъ послѣдствіяхъ одержанной при Свенскзундѣ побѣды. Принцъ намѣревался было отрѣзать шведамъ путь къ границѣ и окружить со всѣхъ сторонъ шведское войско. Взятіемъ въ плѣнъ Густава III можно было положить конецъ военнымъ дѣйствіямъ и принудить Швецію къ заключенію мира. Вотъ почему принцъ Нассау хотѣлъ высадить свои войска, между тѣмъ какъ сухопутное войско должно было задержать шведовъ. При этомъ случилась, однако, вновь обнаруживались пагубныя послѣдствія разлада между военачальниками и, въ особенности, нерасположеніе русскихъ генераловъ къ принцу. Въ письмѣ сего послѣдняго къ его женѣ сказано: «Чортъ намъ помогаетъ! Опять являются затрудненія! Мнѣ стоить болѣе труда привести все въ движеніе, чѣмъ одержать побѣду надъ непріателемъ, который, впрочемъ, сражался храбро. Я просилъ одного генерала сдѣлать движеніе съ целью показать видъ, будто онъ намѣренъ атаковать непріателя, который наче могъ бы помѣшать моеи высадкѣ, а въ отвѣтъ на мое предложеніе генералъ заявилъ, что онъ можетъ быть лишь свидѣтелемъ событій. Значитъ, я долженъ ждать приказаній отъ графа Пушкина, отъ котораго я не получалъ ни одной строки въ продолженіе цѣлыхъ десяти дней! Я показывалъ императрицѣ письмо генерала и жалуясь ей на всѣ затрудненія, съ которыми мнѣ приходится бороться... Какъ досадно, что я не могу воспользоваться нынѣшнею минутой!» На другой день принцъ писалъ: «Я нахожусь въ самомъ северномъ расположеніи духа. Побѣдивъ сначала Крузе,

¹⁾ Въ письмѣ принца Нассау къ женѣ 11 августа сказано: „Sur ma première lettre Kruse est rappelé à Pétersbourg, et son commandement est donné à m-r Balay que je proposais. Je lui ai donné ses instructions, et il est parti. Je suis certain actuellement que je ne trouverai plus de mauvaise volonté, mais, au contraire, je commande à un homme qui me doit de la reconnaissance“.

затѣмъ шведовъ, я вижу, что Пушкинъ дѣлаеть то самое, что дѣлалъ Крузе! Пушкинъ писалъ мнѣ, что, одобряя мой планъ, онъ отправитъ войско для поддержанія моихъ дѣйствій. Я готовъ отправиться въ путь; вдругъ я получаю другое письмо, въ которомъ онъ мнѣ сообщаетъ, что не можетъ поддерживать меня, но что, несмотря на это, если я захочу, я могу привести въ исполненіе свой проектъ. Какъ видно, онъ желаетъ, чтобъ я одинъ взялъ на себя всю отвѣтственность ¹⁾. Я же не хочу этого сдѣлать и требую положительныхъ приказаній. Боже мой! Какъ трудно сражаться ²⁾. А, между тѣмъ, очень пріятно одержать побѣду».

Недоразумѣнія, происходившія между принцемъ Нассау и графомъ Ирсинимъ-Пушкинымъ, впрочемъ, были устранены, благодаря свиданію обоими военачальниками, происходившему въ Фридрихсгамѣ. Принцъ писалъ къ женѣ 18 августа, что, переговоривъ съ главнокомандующимъ, онъ надѣется атаковать шведовъ на сушѣ и считаетъ все еще возможнымъ взять въ плѣнъ Густава ³⁾. Для исполненія этого проекта было необходимо дѣйствовать быстро, дружно. Благодаря нежеланію русскихъ генераловъ содѣйствовать исполненію предположеній принца Нассау, удобное время было упущено: Густавъ III, понявъ, наконецъ, что его положеніе становилось очень опаснымъ, принялъ мѣры къ отступленію ⁴⁾.

Такимъ образомъ, принцъ могъ лишь преслѣдовать спасавшагося въ направленіи къ шведской границѣ шведскаго короля. Въ крайнемъ раздѣженіи онъ писалъ къ женѣ: «Какое несчастіе, что мой проектъ, какъ я желалъ этого, не былъ приведенъ въ исполненіе на другой день послѣ побѣды (при Свенскундѣ). Густавъ едва ли бы спасся: батареей, сооруженныхъ имъ, тогда еще не существовало, и онъ не чаялъ моего приближенія».

Немного позже, 28 августа, принцъ писалъ къ женѣ: «Я надѣюсь, что мои послѣднія дѣйствія доставятъ удовольствіе императрицѣ. Я имѣлъ бы еще болѣе успѣха, еслибъ былъ главнокомандующимъ. Задержка восьми дней измѣнила положеніе дѣлъ; безъ сомнѣнія, императрица пойметъ, что все приняло бы иной оборотъ, еслибъ я, поддерживаемый тотчасъ же, могъ атаковать шведовъ. Я очень радъ, что ею было рѣшительно приказано исполнить мой планъ, потому что другіе не считали вѣроятнымъ удачный исходъ дѣла, между тѣмъ какъ въ немъ нельзя было сомнѣваться. Страшно имѣть дѣло съ невѣждами или съ людьми недобросовѣстными. Я оказалъ императрицѣ бѣдшую услугу, сообщая ей всю правду, нежелая одержанными мною побѣдами, которыя, впрочемъ, оказались возможнымъ».

¹⁾ „L'on voit un homme qui veut mettre tout sur mon compte“. *Д'Аразонъ*, 330.

²⁾ „Mon Dieu! que l'on a de la peine à se battre“.

³⁾ „Il serait assez joli de gagner une bataille sur terre et de vous mener le roi. Cela est encore possible, mais... s'il attend“.

⁴⁾ Любопытно слѣдующее письмо принца къ женѣ отъ 21 августа: „Je suis à attendre un maudit général qui n'a pas autant d'envie que moi de battre les Suédois. Il sait que c'est mon plan qu'il faut exécuter, et je ne crois pas qu'il en ait envie. Je lui ai envoyé Tourtchaninow qui le mettra au pied du mur. Ou il viendra ou il faudra qu'il m'envoie ses forces, et j'en aurai assez“. *Д'Аразонъ*, 332.

ишь благодаря моимъ непосредственнымъ сношеніемъ съ нею. Я хорошо понимаю, какъ ты тревожилась, видя удаленіе Крузе по моей иниціативѣ. Но я не могъ дѣйствовать иначе. Крузе обнаруживалъ явную строптивость; онъ же былъ вполне увѣренъ въ успѣхѣ, лишь бы въ моемъ распоряженіи находились большія средства. Я умѣлъ цѣнить всѣ затрудненія и считалъ необходимымъ содѣйствіе эскадры Крузе» ¹⁾).

Современники отдавали полную справедливость принцу Нассау-Зигену въ отношеніи къ битвѣ при Свенскзундѣ. Екатерина сравнивала это сраженіе съ чесменскою битвой. Въ ея письмахъ къ принцу обнаруживается явная признательность ²⁾). Сегюръ замѣчаетъ въ своихъ мемуарахъ, что принцъ Нассау, одержавъ блистательную побѣду надъ шведами въ Балтійскомъ морѣ, покрылъ себя не меньшею славой, чѣмъ въ Черномъ, гдѣ онъ нѣсколько разъ побѣдилъ турокъ ³⁾).

О затрудненіяхъ, съ которыми боролся принцъ Нассау тотчасъ же послѣ битвы при Свенскзундѣ, и о сравнительно неважныхъ результатахъ одержанной имъ побѣды вслѣдствіе неприяностей, происходившихъ между принцемъ и русскими военачальниками, пока ничего не было извѣстно. Въ этомъ отношеніи письма принца къ его женѣ могутъ считаться источникомъ, предоставляющимъ новый свѣтъ на эти событія.

Изъ другихъ источниковъ о высадкѣ принца, происходившей 21 августа, извѣстно слѣдующее. Военныя дѣйствія должны были сосредоточиться около Гёгфорса и Кюильнгорда. Цѣлю русскихъ было вытѣснить шведовъ изъ этихъ двухъ мѣстъ. Было намѣреніе отрѣзать неприятелю дорогу къ отступленію въ Абберфорсъ, однако принцъ не успѣлъ этого сдѣлать, и шведы поспѣшно удалились вверхъ по рѣкѣ Кюмене ⁴⁾).

24 августа въ дневникѣ Храповицкаго сказано: «Пріѣхалъ курьеръ, что принцъ Нассау не засталъ шведовъ, но только нѣсколько человекъ на острову; они съ королемъ, всего 6.000, ушли. La vérité est, что не на тотъ берегъ взлѣзли и шведовъ упустили». Изъ послѣдняго замѣчанія, основаннаго, какъ кажется, на донесеніяхъ Мусина-Пушкина, можно заключить, что въ Петербургѣ обвиняли принца въ ошибкѣ, сдѣланной при высадкѣ. Однако, получивъ болѣе подробныя извѣстія, Екатерина была очень довольна. Она послала принцу 2-го сентября богатую шубу на подобіе той, которую подарила Потемкину во время осады Очакова. Въ разговорѣ съ приближенными лицами она 25 августа сказала съ радостью: «Король шведскій спасся бѣгствомъ, какъ собака, которую прогнали изъ кухни, опустивъ уши и прижимая хвостъ». О томъ, что можно было, приводя въ исполненіе проектъ принца Нассау безъ змедленія, отрѣзать шведамъ путь въ шведскую Финляндію, принудить ихъ сдаться и этимъ кончить войну, въ Петербургѣ не говорили.

¹⁾ Д Архивъ, стр. 334 и 335.

²⁾ Сб. Ист. Общ., т. I, стр. 209.

³⁾ Mémoires, III, 511.

⁴⁾ См. подробности въ моемъ сочиненіи о Войнѣ Россіи со Швеціей, стр. 206—208.

Мы не беремся рѣшить вопросъ о вѣроятности успѣха принца Нассау въ случаѣ энергичной поддержки со стороны его сослуживцевъ. Во всякомъ случаѣ его замѣчанія въ письмахъ къ женѣ заключаютъ въ себѣ довольно любопытныя черты для характеристики нравственной атмосферы въ русскомъ лагерѣ. Нельзя отрицать возможности окончательной побѣды русскихъ войскъ въ случаѣ дружнаго и быстрого совмѣстнаго дѣйствія сухопутнаго войска съ галернымъ флотомъ. Не даромъ Екатерина, восхваляя заслуги принца Нассау, въ крайнемъ раздраженіи говорила и писала объ интригахъ русскихъ генераловъ и о неспособности графа Мусина-Пушкина.

Принцъ Нассау намѣревался было преслѣдовать короля до самого города Ловизы. Однако страшная буря, продолжавшаяся отъ 31 августа и 2 сентября, воспрепятствовала исполненію этого намѣренія и причинила галерному флоту значительныя поврежденія. Нассау писалъ 3 сентября графу Мусину-Пушкину, что послѣ этой бури, причинившей флоту большаго вреда, чѣмъ сраженіе 13 (24) августа, нельзя думать о важныхъ дѣйствіяхъ на морѣ ¹⁾. Позабывшись объ укрѣпленіи береговъ около границы, принцъ Нассау отправился въ Петербургъ. Кампанія кончилась.

V. Походъ 1790 г.

Героемъ похода 1789 года былъ принцъ Нассау, и замѣчательѣйшимъ событіемъ этого года въ войнѣ со Швеціей была битва при Свенсзундѣ, имѣвшая слѣдствіемъ изгнаніе шведовъ изъ русскихъ предѣловъ. Принцу въ Петербургѣ былъ оказанъ благопріятный приемъ. Онъ съ императрицею наединѣ бесѣдовалъ о положеніи дѣлъ въ Финляндіи; для него въ театрѣ Эрмитажа играли оперу «Горе Богатырь» ²⁾, шведскій полководецъ баронъ Стедингъ писалъ королю 10 декабря 1789 года: «Со времени битвы 24 августа Нассау въ большой милости въ Петербургѣ» ³⁾. Французскій повѣренный въ дѣлахъ Жене доносилъ своему правительству на шифрованной депешѣ: «Принцъ Нассау пользуется безпредѣльнымъ довѣріемъ императрицы. Она ему поручила полное управленіе дѣлами галернаго флота и безъ разбора доставляетъ ему все, что онъ считаетъ нужнымъ. Нынѣ же она ему назначила пенсію въ размѣрѣ 3,000 рублей, которую Петръ Великій опредѣлилъ давать иностраннымъ принцамъ, находящимся въ русской службѣ» ⁴⁾. Тотчасъ же послѣ пріѣзда принца въ столицу, Екатерина, имѣвъ съ нимъ разговоръ, съ похвалою отозвалась о немъ ⁵⁾.

¹⁾ 6-го сентября принцъ писалъ къ женѣ: „Je suis à Frédérilsham et j'y fais débarquer mes troupes. Une tempête a mis la plupart de mes bâtimens dans le plus grand danger. Nous nous en sommes heureusement tirés; pas un n'a péri, mais nous ont souffert“. *Д'Аразонъ*, стр. 338.

²⁾ *Зам. Храповицкаго*, 12-го сентября.

³⁾ *Mémoires du baron Stedingt*, I, стр. 225.

⁴⁾ *Д'Аразонъ*, стр. 341—342.

⁵⁾ „Sa tête va avec la mienne“, сказала она. *Зам. Храповицкаго*.

тъ сомнѣнія, что именно въ это время императрица, вмѣстѣ съ принцемъ ждалась надѣ составленіемъ полемической брошюры по поводу появленія *Гамбургской Газетъ* официального шведскаго разсказа о сраженіи при Свенсзундѣ. Въ немъ заключалось искаженіе истины, и принцъ Нассау не могъ не указать на это обстоятельство. Объ участіи императрицы въ составленіи этой брошюры самъ Нассау сообщилъ годомъ позже барону Стежку довольно любопытныя данныя ¹⁾.

Такъ какъ принцесса Нассау-Зигенъ въ это время находилась въ Петербургѣ, нѣтъ болѣе писемъ къ ней ея мужа. Нѣтъ сомнѣнія, что имъ были писаны къ ней письма и въ позднѣйшее время, по случаю похода '90 года, однако эти письма не были найдены, и поэтому разсказъ д'Арана объ этихъ событіяхъ, о послѣднихъ фазисахъ военной карьеры принца Нассау, о битвѣ въ Выборгской бухтѣ и о второй битвѣ при Свенсзундѣ и Роченсальмѣ въ сочиненіи д'Арагона оказывается неважнымъ и отрывочнымъ. Очевидно, не владея русскимъ языкомъ и не зная о моемъ сочиненіи, онъ не могъ пользоваться литературою предмета.

За то записки Ланжерона заключаютъ въ себѣ чрезвычайно любопытный источникъ исторіи событій 1790 года. Ланжеронъ познакомился съ принцемъ Нассау въ Парижѣ въ 1789 году. Ланжеронъ въ то время былъ избранъ членомъ собранія «*états généraux*» ²⁾ и отклонилъ предложеніе, сдѣланное ему принцемъ, вступить въ русскую службу. Такъ какъ, однако, послѣ этого направленіе преній національнаго собранія и вообще событія французской революціи не согласовались съ убѣжденіями молодого графа Ланжерона, онъ въ началѣ 1790 года изъявилъ въ письмѣ къ принцу готовность отправиться въ Россію. Нассау показалъ письмо Ланжерона императрицѣ, которая сказала ему: «Напишите Ланжерону, что всѣмъ людямъ патнаго происхожденія и представителямъ чести ³⁾, желающимъ служить въ моей арміи, будетъ оказанъ благопріятный пріемъ». Ланжеронъ покинулъ Парижъ въ апрѣлѣ и вскорѣ прибылъ въ Петербургъ. Онъ послѣ этого участвовалъ въ шведской кампаніи въ Финскомъ заливѣ. Его разсказъ объ этихъ событіяхъ заключаетъ въ себѣ самыя любопытныя данныя.

Положеніе Россіи въ это время было труднымъ и даже опаснымъ. Турецкая война продолжалась, требуя большихъ средствъ; надежды на заключеніе мира со Швеціей пока не было. Пруссія и Англія каждую минуту югли въ свою очередь объявить войну Россіи. Императрица сильно безпокоилась, какъ видно, между прочимъ, изъ дневника Храповицкаго и изъ писемъ Екатерины къ князю Потемкину ⁴⁾.

¹⁾ См. частности по этому дѣлу въ моей монографіи *Война Россіи со Швеціей*, стр. 205—206.

²⁾ „*secrétaire de la noblesse et député suppléant aux états généraux*“. Зап. Ланжерона въ парижскомъ архивѣ.

³⁾ „*tout homme de naissance et d'honneur*“.

⁴⁾ См. мое соч. о *Войнѣ Россіи со Швеціей*, стр. 211—228, а также мою монографію *Англія, Пруссія и Россія 1787—1791* въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, т. СХСІ и СХСІІ, 1887 г. октябрь и ноябрь.

И Швеція продолжала войну съ большимъ трудомъ. Россія и Швеція возобновили военныя дѣйствія въ 1890 г., надѣясь по возможности скорѣе заключить миръ.

О нѣкоторыхъ событіяхъ этой кампаніи Ланжеронъ говоритъ особенно подробно.

Густавъ III въ 1790 году открылъ военныя дѣйствія весьма рано. Онъ чуть ли еще не зимою прибылъ уже въ Финляндію и въ началѣ апрѣля въ разныхъ стычкахъ съ русскими предводительствовалъ шведскимъ войскомъ. Русскіе утратили позицію при Кернакоски. 19 апрѣля воспослѣдовала еще неудача для русскихъ, и родственникъ императрицы, принцъ Ангальтъ былъ убитъ. Также и въ стычкѣ при Партимеки, 23 апрѣля, русскіе потерпѣли неудачу ¹⁾.

Шведы предполагали идти прямо на столицу. Движеніе на Петербургъ сдѣлалось главнымъ намѣреніемъ Густава III. Не взявъ ни Фридрихсгамъ, ни Выборга, ни Нишлота, ни Вильманстранда, онъ хотѣлъ атаковать столицу. Приближаясь къ Петербургу, онъ писалъ въ Стедингу, между прочимъ: «Я утверждаю, что теперь, главнымъ образомъ, нужно дѣйствовать не столько осторожно, сколько смѣло. Идите впередъ; взгляните на карту и сообразите, гдѣ я нахожусь; поймете, что я намѣренъ сдѣлать, и подумайте, каково будетъ затруднительное положеніе непріятеля. Однимъ словомъ, будьте генераломъ Карла XII. Бываютъ случаи, въ которыхъ смѣлость есть одно благоразуміе» ²⁾.

Объ этой опасности, которою грозили Петербургу, пока изъ современныхъ источниковъ мало было извѣстно. Тѣмъ важнѣе рассказъ Ланжерона, прибывшаго въ Россію какъ разъ въ то время, когда тутъ имѣли основаніе опасаться нападенія короля Густава на Петербургъ. Въ его запискахъ сказано: «Кто не былъ въ Петербургѣ въ данную минуту, не можетъ составить себѣ понятія объ отчаянномъ положеніи этой столицы и о сильномъ безпокойствѣ, въ ней господствовавшемъ» ³⁾.

Далѣе Ланжеронъ пишетъ: «Густавъ могъ легко высадить на берегъ конницу у Пентеле, у Біорко и у Систербека (между Выборгомъ и Петербургомъ); оттуда до Петербурга около 40 верстъ. Туда же онъ хотѣлъ направить и пѣхоту. Екатерина располагала лишь половиной того, что шло въ распоряженіи шведскаго короля. Приблизившись къ правому берегу Невы, король, не переправясь черезъ рѣку, могъ бомбардировать дворецъ Екатерины и распространить ужасъ во всемъ городѣ. Трудно вообразить себѣ, до чего дошло бы смятеніе публики въ такомъ случаѣ. Это предпріятіе вполнѣ соотвѣтствовало бы наклонности короля къ смѣлымъ приключеніямъ, и я не понимаю, почему онъ не отважился на это дѣло.

¹⁾ См. подробности въ моемъ сочиненіи *Война Россіи со Швеціей*, стр. 80 и слѣд.

²⁾ *Mémoires de Stedingt*, I, стр. 264.

³⁾ „Il faut avoir été dans ce moment-là à Pétersbourg pour pouvoir juger quelle était la position cruelle de cette capitale et quelle inquiétude il devait y régner“

«Эта опасность, — продолжает Ланжеронъ, — была слѣдствіемъ зависти и самолюбія фаворита (Потемкина); вся имперія очутилась на краю бездны, Россія могла въ это время лишиться всего своего флота (въ Балтійскомъ морѣ), а также и С.-Петербурга, лишь бы Густавъ и Карлъ Зюдерманландскій сдѣлали бы дружное нападеніе на столицу. Императрица въ эти минуты крайней опасности выказала замѣчательную твердость».

Не трудно понять упрекъ, сдѣланный Ланжерономъ Потемкину. Фаворитъ, сосредоточивъ всё войско на югѣ, не обращалъ достаточнаго вниманія на шведскую войну и отказывался отправить нѣкоторую часть войскъ на сѣверъ.

Петербургъ упѣлѣлъ. Ланжеронъ придавалъ слишкомъ большое значеніе опасности, грозившей сѣверу. Однако не онъ одинъ считалъ положеніе критическимъ. При дворѣ не совсѣмъ надѣялись на силу русскаго флота, которому приходилось при Ревелѣ и при Кронштадтѣ сражаться со шведскимъ флотомъ. 3 мая Храповицкій писалъ: «Шведскій корабельный флотъ въ 26 парусахъ подходитъ къ Чичагову, на Ревельскомъ рейдѣ стоящему съ 10 кораблями. Великое безпокойство. Почти ночь не спали (т.-е. Екатерина не спала). Графъ Безбородко плакалъ».

На другой день было получено извѣстіе о ревельской битвѣ. Русскіе сражались успѣшно подъ защитой береговыхъ батарей, которыя сильно содѣйствовали счастливому для русскихъ исходу битвы¹⁾. Еще гораздо болѣе важнымъ былъ исходъ морской битвы близъ Кронштадта, 23 мая. Непріятель находился такъ близко къ столицѣ, что тамъ легко можно было опасаться занятія ея, еслибы флотъ не удержалъ шведовъ. Занятіе шведами Кронштадта заставило бы императрицу покинуть столицу и удалиться въ Москву. Въ сочиненіяхъ шведскихъ историковъ: Горфта, Поссельта и д'Аквила, встрѣчаются любопытныя данныя о тревогѣ въ С.-Петербургѣ во время канонады близъ Кронштадта. Однако ни одинъ изъ этихъ писателей не былъ въ это время въ русской столицѣ²⁾. Дневникъ Храповицкаго въ это время становится очень краткимъ и отрывочнымъ; Сегиора не было болѣе въ Россіи. Тѣмъ важнѣе замѣчанія Ланжерона о паникѣ въ С.-Петербургѣ. Изъ писемъ Екатерины къ Потемкину, писанныхъ, впрочемъ, нѣсколько позже, когда опасность миновала, не видно, чтобъ императрица сильно волновалась, слыша пушечные выстрѣлы. За то достойна вниманія замѣтка въ дневникѣ Храповицкаго 25 іюня: «Въ ночь разбудили; худой курьеръ отъ Нассау, будто Круза разбила; много писанья, бѣготня; успокоились, получа увѣдомленіе, что Крузъ, бывъ атакованъ, съ утра до вечера отстрѣливался. По расчету и извѣстіямъ, Чичаговъ скоро придетъ. Вечеру сказали: я теперь сповойна».

Въ С.-Петербургѣ тревога продолжалась. 27 мая король велѣлъ сдѣлать высадку близъ Кайвисто, между Выборгомъ и Петербургомъ. Шведы тутъ

¹⁾ См. подробности объ этой битвѣ въ моемъ сочиненіи *Война Россіи со Швеціей*, стр. 238 и слѣд.

²⁾ См. ихъ рассказы въ моемъ сочиненіи, стр. 244.

имѣли схватку съ русскими казаками и драгунами и обратили ихъ въ бѣгство. Густавъ не переставалъ надѣяться на занятіе Петербурга, замѣчая въ письмѣ къ Стедингу, что нужно идти впередъ «à la manière de Charles XII». Высадки продолжались; однако, какъ кажется, въ столицѣ не считали положеніе опаснымъ; по крайней мѣрѣ, изъ записокъ Храповицкаго не видно особеннаго безпокойства ⁵⁾).

Оказалось, что, напротивъ, шведы находились въ крайней опасности. Ихъ старанія препятствовать соединенію эскадръ Чичагова и Крузе не имѣли успѣха. Чичаговъ взялъ верхъ надъ шведами, Крузе устоялъ противъ нихъ при Кронштадтѣ. Обѣ русскія эскадры вмѣстѣ были сильнѣе шведскаго корабельнаго флота. Въ тому же, главнокомандующій послѣдняго, герцогъ Карлъ Зюдерманландскій, получилъ отъ короля повелѣніе отправиться съ флотомъ въ Выборгскій заливъ, чтобы принимать участіе въ дѣйствіяхъ галернаго флота.

Однако положеніе шведовъ въ Выборгскомъ заливѣ со дня на день становилось болѣе опаснымъ. Русскіе флоты, корабельный и галерный, блокировали тутъ шведовъ; русскіе далѣе принимали мѣры для того, чтобы отрѣзать шведамъ сообщеніе съ берегомъ. Выборгскій заливъ оказался для Густава III западной, изъ которой ему приходилось спасаться во что бы то ни стало.

VI. Битвы при Выборгѣ и Роченсальмѣ.

Походъ 1790 года, какъ извѣстно, кончился двумя морскими битвами, страшнымъ пораженіемъ шведовъ у Выборгской бухты и блестящею побѣдой, одержанною Густавомъ III надъ принцемъ Нассау при Свенсезундѣ и Роченсальмѣ. Скоро послѣ этого былъ заключенъ Верельскій миръ. Эти событія извѣстны въ подробностяхъ и изложены обстоятельно въ моемъ сочиненіи о войнѣ Россіи со Швеціей.

Ланжеронъ былъ свидѣтелемъ этихъ битвъ. Въ его запискахъ встрѣчаются нѣкоторыя частности, проливающія свѣтъ на эти событія и характеризующія главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

Такъ, наприм., мы узнаемъ изъ этого сочиненія Ланжерона, что принцъ Нассау въ концѣ мая отправился въ С.-Петербургъ съ цѣлью переговоровъ съ императрицей о планѣ кампаніи. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ въ это время пользовался болѣе большимъ довѣріемъ Екатерины, нежели Чичаговъ, Крузе и другіе начальники. Ланжеронъ сопровождалъ принца въ столицу, а затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ отправился на галерный флотъ, блокировавшій шведовъ въ Выборгской бухтѣ.

Описывая подробно положеніе дѣлъ, Ланжеронъ замѣчаетъ, что русскій флотъ находился въ чрезвычайно неудовлетворительномъ состояніи. Настоящихъ матросовъ не было. Неопытные въ морскомъ дѣлѣ крестьяне называли

⁵⁾ См. подробности положенія дѣлъ въ моемъ сочиненіи *Война Россіи со Швеціей*, стр. 248—249.

лись матросами. На всемъ флотѣ развѣ двадцать человекъ могли считаться моряками, да и тѣ, по отзыву Ланжерона, въ Англии считались бы вичками, новобранцами. Невѣжество и беспорядокъ, какъ замѣчаетъ Ланжеронъ, господствовали въ русскомъ флотѣ. Люди, захваченные на улицахъ Петербурга, дворники ¹⁾, полицейскіе служители составляли экипажи русскихъ судовъ. Двѣ трети людей всего флота видѣли море въ первый разъ въ жизни. Таковъ былъ матеріалъ, находившійся въ распоряженіи принца Нассау; никто иной не отважился бы командовать флотомъ, столь плохо снаряженнымъ. Ланжеронъ отдавалъ полную справедливость необычайнымъ способностямъ принца, его энергіи, его умѣнію обращаться съ людьми. Онъ особенно ловко воспользовался ошибками, сдѣланными шведами, вездѣ самолично дѣлалъ рекогносцировки и выказывалъ необычайное мужество. Благодаря всему этому онъ успѣлъ нанести страшный ударъ шведамъ. Отъ исхода битвы въ Выборгскомъ заливѣ могла зависѣть участь Кронштадта С.-Петербурга.

Ланжеронъ рассказываетъ, что Густавъ, запертый въ Выборской бухтѣ, шпіровался было съехать свой флотъ и направить свое войско сухимъ путемъ къ Петербургу. Въ такомъ случаѣ, по мнѣнію Ланжерона, Густавъ нашелъ бы сопротивленія. Однако онъ, все-таки, не рѣшился на это важное предпріятіе и предпочелъ воспользоваться первымъ попутнымъ вѣтромъ для того, чтобы прорваться сквозь русский флотъ и спастись въгетовъ. По отзыву нѣкоторыхъ современниковъ, эта цѣль была достигнута, главнымъ образомъ, благодаря ошибкѣ Чичагова, не соорудившаго старей на берегахъ у входа въ заливъ ²⁾.

Сильный попутный вѣтеръ благоприятствовалъ дѣлу шведовъ, которые выбрались изъ бухты не безъ значительной потери. Взятыхъ въ плѣнъ шведовъ было, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, 5,000, по другимъ—7,000. Самъ Густавъ находился въ крайней опасности. Онъ сидѣлъ въ шляпкѣ, на которой пушечное ядро оторвало гребцу обѣ руки.

Страшный ударъ, нанесенный шведамъ, произвелъ сильное впечатлѣніе въ европейскіе кабинеты, такъ что, наприм., тотчасъ же по полученіи извѣстія объ этомъ событіи въ Лондонѣ была созвана конференція министровъ, а въ Стокгольмѣ иностранные дипломаты имѣли совѣщаніе, вслѣдствіе котораго англійскій посланникъ Робертъ Листонъ хотѣлъ было отправиться съ важнымъ порученіемъ въ Петербургъ. Но чрезъ нѣсколько дней положеніе дѣлъ измѣнилось въ пользу Густава и Швеціи.

28 и 29 іюня принцъ Нассау былъ разбитъ Густавомъ при Свенсундѣ или Роченсельмѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ 24 августа 1789 года держалъ славную побѣду надъ шведами.

¹⁾ Des balayeurs des rues“.

²⁾ Рассказываютъ, что французскій капитанъ Пелисье совѣтовалъ Чичагову погрѣть батареи, указывая мѣста, удобныя для этой цѣли, но что предложеніе его было принято. Ланжеронъ пишетъ: „L'impréitie et la lenteur de Tchitchagow valent empêché la destruction de la marine suédoise“.

При составлении разсказа объ этомъ событіи въ моемъ сочиненіи *Война Россіи со Швеціей* я уже указалъ на то обстоятельство, что въ русскихъ источникахъ встрѣчаются очень немногія данныя объ этой битвѣ. Въ официальныхъ источникахъ почти вовсе о ней не говорится. Въ *С.-Петербургскихъ Ведомостяхъ* того времени нѣтъ, конечно, никакихъ писемъ изъ Стокгольма, относящихся къ этому предмету. Екатерина сама неохотно говорила объ этомъ печальномъ фактѣ, между тѣмъ какъ въ ея письмахъ къ Орлову и Голицыну послѣ пораженія русскаго флота при Свенскундѣ говорится подробно о побѣдѣ, одержанной надъ шведами при входѣ въ Выборгскій заливъ. Сообщивъ Гриму все частности битвы 22 іюня, Екатерина не писала затѣмъ ни слова объ уронѣ при Свенскундѣ и только послѣ заключенія Верельскаго мира сообщила своему другу нѣкоторые данныя объ этомъ событіи, выставляя на видъ, что пораженіе флота не имѣло особеннаго значенія и что тотчасъ же послѣ битвы при Свенскундѣ легко можно было продолжать военныя дѣйствія и нанести страшные удары шведамъ. Тенденціозность разсказа Екатерины бросается въ глаза. Любопытно сравнить официальную ложь въ письмѣ Екатерины къ Гриму послѣ заключенія мира ¹⁾ съ ея письмомъ къ Потемкину отъ 17 іюля, въ которомъ сказано: «Послѣ сей прямо блистательной побѣды (22 іюня) шесть дней спустя послѣдовало несчастное дѣло съ гребной флотиліей, которое мнѣ столь прискорбно, что послѣ разнесенія черноморскаго флота бурей ничто столько сердце мое не сокрушило, какъ сіе». Императрица продолжаетъ: «Не унывая въ семъ несчастіи и замыкая нечая горькую въ сердцѣ моемъ, я стараюсь, чтобъ общему дѣлу возвратитъ поверхность колико можно» ²⁾.

Разочарованіе было тѣмъ ужаснѣе, что до этого несчастія при Свенскундѣ Екатерина и принцъ Нассау надѣялись на самый выгодный миръ, условія котораго можно было предписать королю въ Стокгольмѣ. Нассау рассчитывалъ на совершенное уничтоженіе шведскаго флота при этомъ случаѣ, какъ разсказываетъ Ланжеронъ; въ его запискахъ указано подробно на главные причины страшной катастрофы. Тутъ, прежде всего, говорится о бурѣ, которая сильно содѣйствовала разрушенію многихъ русскихъ судовъ, между тѣмъ какъ направленіе вѣтра благоприятствовало шведамъ, далѣе Ланжеронъ обвиняетъ Козлянинова въ томъ, что онъ не поддержа-

¹⁾ До чего доходитъ оптимистическая прикраса въ этомъ письмѣ, видно изъ слѣдующихъ фразъ: „Ce n'est pas le roi de Suède ou bien sa flotille qui ont défait le prince de Nassau, c'est le grand vent et ses gens qui par trop d'ardeur se sont crus invincibles. Il a voulu soutenir les têtes chaudes qui s'étaient jetées en avant, et le vent s'en étant mêlé avec violence, il essuya cet échec, après lequel il resta encore une fois plus fort que les suédois, et au moment de la signature de la paix il les tenait de nouveau si bien enfermés que leur totale déconfiture était plus que sûre“ и пр. См. *Сборникъ Ист. Общ.*, т. XXIII, стр. 493.

²⁾ *Сб. Ист. Общ.*, т. XLII, стр. 91. Буря въ Черномъ морѣ происходила отъ 19—23 сентября 1787 г. О ея значеніи см. мою монографію *Осада Очакова* въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, CLXVIII, 1873 г.

аль дѣйствій принца Нассау и своей медленностью содѣйствоваль урону; тѣмъ, однако, Ланжеронъ упрекаетъ самого принца Нассау въ довольно грубыхъ промахахъ. Онъ вступилъ въ бой слишкомъ рано; особенно дивизія, которою командоваль Ланжеронъ, была вовлечена въ битву безъ надлежащаго риготовленія; Нассау, по мнѣнiю Ланжерона, долженъ былъ распорядиться объ отступленiи, между тѣмъ какъ онъ, вопреки всѣмъ правиламъ благо-разумiя, продолжалъ сражаться при самыхъ неблагоприятныхъ условiяхъ, не зная точно о средствахъ, которыми располагали шведы, и о подкрѣпленiи, подослѣвшемъ на помощь Густаву въ послѣднюю минуту.

Порицая образъ дѣйствiй принца, Ланжеронъ отдаеть полную справедливостъ расторопности и хладнокровiю Густава III, умѣвшаго воспользо-ваться всѣми выгодами своего положенiя.

Цифры потери русскихъ показаны Ланжерономъ нѣсколько ниже, чѣмъ въ другихъ источникахъ. Онъ говоритъ объ утраченныхъ 47 судахъ и объ убитыхъ, утонувшихъ и взятыхъ шведами въ плѣнъ 600 офицерахъ и 7,750 солдатахъ ¹⁾.

«Побѣда при Роченсальмѣ,—пишетъ Ланжеронъ,—спасла Швецiю отъ гибели, въ которую ее погрузилъ уронъ при Выборгской бухтѣ» ²⁾. Не даромъ Густавъ III велѣлъ выбить медаль въ память этого событiя для раздачи всѣмъ въ немъ участвовавшимъ ³⁾.

Отчаянiе принца Нассау сначала не знало предѣловъ. Онъ обратилъ къ императрицѣ съ письмомъ, въ которомъ просилъ отставки ⁴⁾. Вскорѣ, однако, онъ оправился и готовился возобновить сраженiе на другой же день. Его товарищи уговорили его отказаться отъ этого намѣренiя. Было рѣшено оставаться около Фридрихсгама и защититься тамъ батареями. Туда явился въ качествѣ парламентаря, но въ сущности съ цѣлью развѣдать силы русскаго войска, Сидней Смитъ. Вскорѣ узнали, какъ рассказываетъ Ланжеронъ, о смѣлыхъ проектахъ короля, который будто сказалъ: «Вотъ я и въ С.-Петербургѣ; нужно тамъ посѣтить бѣдную Екатерину». Густавъ въ это время разсчитываль на приобрѣтенiе Фридрихсгама.

О томъ, какъ держала себя при этомъ случаѣ императрица, мы узна-

¹⁾ См. подробности изъ другихъ источниковъ въ моемъ сочиненiи *Война Россiи со Швецией*, стр. 260 и слѣд. По Шанпу шведы насчитывали убитыхъ и раненыхъ русскихъ до 4,000 человекъ и взятыхъ въ плѣнъ 279 офицеровъ и 6,200 человекъ солдатъ и матросовъ. Поселтъ говоритъ о 5,800 убитыхъ, 6,358 взятыхъ въ плѣнъ и 2,500 раненыхъ и пр. По Ланжерону взятыхъ въ плѣнъ было не болѣе 3,000.

²⁾ „Par cette victoire la Suède sortait pour ainsi dire du tombeau ou les combats de Rogel et de Biorgne l'avaient presque enseveli“.

³⁾ Ланжеронъ. Объ этой медали упоминаютъ и въ разсказѣ Казалеса, помѣщенномъ въ моемъ сочиненiи *Война Россiи со Швецией*, стр. 266.

⁴⁾ Въ запискахъ Ланжерона воспроизведено цѣлкомъ это письмо: „Je n'ai pas le courage d'annoncer à V. M. la destruction de sa flotille; le général Tourtchaninow Lui en donnera le triste détail. Je me borne à supplier V. M. de retirer le commandement de ses armées à un général aussi malheureux que moi, de me permettre d'aller cacher loin de ses yeux mon malheur et mon désespoir“.

емъ нѣкоторыя любопытныя подробности изъ записокъ Ланжерона. Ея сначала не сообщили о всѣхъ размѣрахъ катастрофы; мало-по-малу она узнавала о всѣхъ частностяхъ; однако, на первый случай Турчанниновъ, прибывшій въ С.-Петербургъ ночью на 1 июля, въ бесѣдѣ съ Екатериной нѣсколько смягчилъ страшное извѣстiе объ уронѣ ¹⁾. Изъ записокъ Храповицкаго видно, что оно, все-таки, произвело сильное впечатлѣнiе. 3 июля императрица послала къ графу Безбородкѣ записку, «чтобы взял притѣръ съ покойнаго короля прусскаго, бывшаго не разъ множествомъ окруженнымъ». Въ дневникѣ Храповицкаго сказано: «Шумъ великъ въ городѣ о разбитiи Нассау».

Бастера въ своемъ сочиненiи *Vie de Catherine II*, упоминая о письмѣ принца Нассау къ Екатеринѣ, замѣчаетъ, что принцъ при этомъ случаѣ жаловался на своихъ сослуживцевъ. Ланжеронъ не упоминаетъ объ этомъ обстоятельстве. Какъ бы то ни было, Екатерина отнеслась къ принцу такъ нельзя болѣе великодушно. Ея письмо отъ 9 июля извѣстно ²⁾, она прислала его оставаться въ службѣ Россiи, которой онъ доставилъ существенныя выгоды, чтобы привести въ надлежащее состоянiе флотъ. Это письмо было писано тогда, когда императрицѣ были извѣстны всѣ размѣры потерь битвы при Роченсальмѣ. Однако, въ то же время она въ разговорѣ съ австрiйскимъ посломъ, графомъ Бобенцелемъ, замѣтила: «Для принца Нассау этотъ урокъ не безполезенъ, дабы онъ впредь могъ соединить осторожность съ военною доблестью. Онъ привыкъ къ побѣдамъ, избалованъ счастьемъ и увлекался смѣлостью. Теперь онъ въ совершенствѣ; однако, этотъ урокъ мнѣ обходится слишкомъ дорого» ³⁾.

Письмо Екатерины произвело сильное впечатлѣнiе на принца Нассау. Онъ проливалъ слезы и общался, отвѣчая Екатеринѣ, служить ей до гроба ⁴⁾.

Принцъ посвятилъ себя со свойственною ему энергiей продолженiю похода; составленный имъ проектъ военныхъ дѣйствiй оказался очень удачнымъ. Поэтому недоброжелатели его приписывали этотъ планъ Плавини-

¹⁾ У Ланжерона сказано: „Il est vrai aussi que l'impératrice qui en qualité de souveraine était destinée à être trompée sur tout, ne sut pas d'abord toute l'étendue de sa perte; le général Tourchaninow lui en adoucit l'amertume, elle l'apprit enfin“.

²⁾ Оно было напечатано впервые въ изданiи сочиненiй Екатерины, Смирдин. III, 385, а далѣе въ *Сборникъ Истор. Общества*, т. I, 210—213. См. мое сочиненiе *Война Россiи съ Швеціей*, стр. 270.

³⁾ Ланжеронъ воспроизводитъ это замѣчанiе Екатерины: „Il fallait un échec à m-r de Nassau pour qu'il joignit la prudence à ses autres qualités militaires. La victoire avait toujours suivi ses pas, et la fortune l'avait rendu trop téméraire; il est parfait à présent; mais la leçon est trop chère pour moi“.

⁴⁾ Получивъ письмо Екатерины, Нассау сказалъ: „Quel est l'homme, qui ne sacrifierait pas tout à une telle femme“. И Ланжеронъ въ восхищенiи отъ „esprit, bonté et énergie“ императрицы. Въ письмѣ принца къ Екатеринѣ сказано: „Tout mon sang ne pourrait payer les bienfaits de V. M. et la lettre qu'Elle a daigné m'adresser. Je dois sacrifier le reste de ma vie à La servir, et je m'y consacre avec transport“. Записки Ланжерона.

ву ¹⁾). Екатерина всячески поддерживала дѣятельность принца, распоряжаясь о постройкѣ новыхъ судовъ, въ томъ числѣ 96 канонерскихъ шлюзовъ, и приказала набирать новыхъ солдатъ. Ланжеронъ, сообщая объ этомъ, говорить, что все это было сдѣлано быстро, какъ бы какимъ-либо чудомъ ²⁾). Нассау требовалъ, чтобы составленный имъ проектъ военныхъ дѣйствій обсуждался въ созданномъ для этой цѣли военномъ совѣтѣ. Екатерина на это не соглашалась, утверждая, что планъ его одобренъ и что этого достаточно; въ Англии и во Франціи, прибавила она, можно бы было нуждаться въ такой мѣрѣ, между тѣмъ какъ въ Россіи она должна считаться лишнею ³⁾).

Нассау, правда, благодаря несчастію при Свенскундѣ, не удостоился тѣхъ наградъ, на которыя онъ могъ рассчитывать вслѣдствіе побѣды у Выборгскаго залива, однако, особенно важнымъ для него было покровительство императрицы ⁴⁾), между тѣмъ какъ его недоброжелатели твердо надѣялись было на его паденіе. Многія лица ненавидѣли его. Въ лагерѣ Потемкина извѣстіе о пораженіи при Свенскундѣ вызвало общую радость; приверженцы Потемкина, недолюбливавшего принца, поздравляли другъ друга съ этимъ событіемъ, которое было несчастіемъ для Россіи, такъ что эмигрантъ Роже де-Дамъ, находившійся также въ лагерѣ Потемкина, въ довольно сильныхъ выраженіяхъ порицалъ бьющій въ глаза недостатокъ въ патриотизмѣ ⁵⁾).

Между недоброжелателями принца былъ и Салтыковъ, командовавшій сухопутнымъ войскомъ въ Финляндіи. Такъ какъ Нассау для приведенія въ исполненіе своего плана нуждался въ содѣйствіи этого войска, онъ рассчитывалъ на помощь Салтыкова, который, однако, не хотѣлъ дѣйствовать за одно съ принцемъ ⁶⁾. Тогда Екатерина приказала ему двинуться къ

¹⁾ Ланжеронъ пишетъ о Повалинникѣ: „Sans talents, sans moyens, et m-r de Nassau ne fut pas longtemps à se repentir de son choix“.

²⁾ Ланжеронъ говорить: „Les hommes se trouvèrent, je ne sais où, mais ils se trouvèrent. L'impératrice prévint tout, suffit à tout. Il semble que pour servir Catherine seconde la nature enfante des prodiges ou que la magie lui prête des secours; en un mois tout était prêt; quelques frégates de la grande flotte et deux ou trois vaisseaux remplacèrent les gros bâtimens perdus“.

³⁾ Ланжеронъ сообщаетъ это письмо: „Non, mon prince, non; vous n'aurez pas de conseil de guerre; je ne le veux pas. Votre plan est bon, parce que je l'ai jugé tel, et je veux qu'il soit trouvé tel et qu'on ne se permette pas d'en parler ici. Un tel langage étonnerait aux bords de la Seine et serait un crime à celle de la Tamise, mais il est nécessaire aux bords de la Néwa“. „Elle avait raison“, говорить Ланжеронъ.

⁴⁾ Ланжеронъ: L'impératrice soutenait le prince de Nassau seule contre tout le monde“.

⁵⁾ Онъ скарвалъ этимъ людямъ („à cette tourbe de valets“, какъ выражается Ланжеронъ): „Messieurs, vous êtes Russes; l'impératrice de Russie a perdu une bataille décisive; huit mille Russes ont été tués; c'est heureux; je vous en fais mon compliment, j'en suis aussi enchanté que vous“.

⁶⁾ Характеристика офицеровъ, окружавшихъ Салтыкова, у Ланжерона: „Quatre-vingt petits-mâtres de Pétersbourg, plus occupés de leurs toilettes que de leur instruction, de leurs frises que du désir de se battre et de danse que de guerre“.

Фридрихсгаму, исполняя предназначенія принца. Салтыковъ послушався хотя, обращаясь съ принцемъ съ холодною вѣжливостью ¹⁾).

Такимъ образомъ въ русскомъ лагерѣ желали поправить неудачу при Свенскундѣ новыми нападеніями на шведовъ. Нассау составилъ планъ атаковать шведскій флотъ и шведское войско при Броди. Храповицкій пишетъ 4 августа: «Все готово къ атакѣ шведскаго короля въ Роченсальмъ со всѣхъ сторонъ; Повалишинъ тамъ же съ кораблями». Атака была уже назначена къ 19 августа, какъ вдругъ принцъ Нассау получилъ уведомленіе о заключеніи мира.

VII. Верельскій миръ.

По разсказу Ланжерона, шведскій король воспользовался побѣдой, сдѣланною имъ при Роченсальмѣ, для открытія переговоровъ о мирѣ. Черезъ своего друга, графа Г. М. Армфельта, онъ предложилъ генералу Игельстрѣму трактовать объ окончаніи войны ²⁾. Изъ дневника Храповицкаго видно, что 21 іюля происходило свиданіе между Игельстрѣмомъ и Армфельтомъ. Значитъ, еще до этого Еватерина дала Игельстрѣму инструкціи для опредѣленія условій мира. Все это оставалось тайною для современниковъ, потому что императрица во что бы то ни стало желала избѣгнуть внимательства другихъ державъ въ эти переговоры. Ланжеронъ разсказываетъ, что даже министры Еватерины не знали о переговорахъ и были крайне удивлены неожиданнымъ извѣстіемъ о Верельскомъ мирѣ ³⁾. Быть-можетъ это относится къ Остерманну, пожалуй и къ Моркову. О Безбородкѣ не положительно извѣстно, что онъ зналъ о частностяхъ переговоровъ ⁴⁾. Во всякомъ случаѣ дипломаты прусскій и англійскій при русскомъ дворѣ были неприятно поражены внезапнымъ объявленіемъ прекращенія войны ⁵⁾.

Объ условіяхъ мира у Ланжерона не говорится. Онъ сообщаетъ лишь слѣдующій анекдотъ. Густавъ требовалъ уступки или Роченсальма, или Фридрихсгама; Игельстрѣмъ отвѣтилъ, что, придерживаясь инструкцій, онъ на это согласиться не можетъ ⁶⁾.

¹⁾ Ланжеронъ, разсказывая объ этомъ, замѣчаетъ: „On peut juger de la colère de ce chef, qui se voyait ainsi sacrifié à un subalterne et obligé, pour ainsi dire, de prendre ses ordres; mais enfin courtisan il dissimula son chagrin et fut froid, mais trop poli avec m-r de Nassau“.

²⁾ Уже 6 (17) іюля въ дневникѣ Храповицкаго говорится о готовности короля заключить миръ. См. мое соч. о *Войнѣ Россіи со Швеціей*, стр. 275.

³⁾ „Les ministres confondus affectaient un air mistérieux pour voiler leur ignorance“.

⁴⁾ См. замѣчаніе Храповицкаго отъ 26 іюля.

⁵⁾ Ланжеронъ: „Les ministres de Prusse et d'Angleterre déconcertés, désespérés, retournèrent chez eux pour faire quelques pages de chiffres pour causer à leur maître le même étonnement que celui, dont ils avaient été frappés“.

⁶⁾ Отвѣтъ Игельстрѣма: „Sire, je ne suis pas ministre; j'en ignore les usages; je suis soldat; la paix sans changement; voilà mes instructions; décidez; j'attends vos ordres“.

Принц Нассау, по рассказу Ланжерона, о заключеніи мира узналъ отъ императрицы довольно поздно. Быть-можетъ, Екатерина медлила сообщеніемъ въ надеждѣ на какую-либо побѣду надъ шведами хотя бы и послѣ заключенія мира ¹⁾. Такимъ образомъ принцъ узналъ о Верельскомъ мирѣ лишь чрезъ шведскаго парламентаря и отвѣтилъ на это сообщеніе, что будетъ ожидать дальнѣйшихъ приказаній отъ императрицы. Густавъ III, считая возможнымъ, что принцъ пока станетъ продолжать военныя дѣйствія, бѣзъвиль, что его войска въ этомъ случаѣ положить оружіе ²⁾.

Затѣмъ у Ланжерона встрѣчается занимательный рассказъ о приѣмѣ, казанномъ Густавомъ русскимъ офицерамъ. При этомъ случаѣ, какъ и до него довольно часто, король выказалъ нѣкоторую странность и мелочное щеславіе. Его костюмъ отличался роскошью, но въ то же время походилъ а маскарадъ. Онъ былъ одѣтъ въ шведское платье, богато вышитое, покрытое кружевами, съ эпюлетами въ три ряда (sic) ³⁾. Шелковые панталоны были на половину желтаго, на другую половину голубого цвѣта. Далѣе онъ носилъ громадныя шпоры, когда-то принадлежавшія королю Карлу XII, и шпагу того же героя, висѣвшую на огромной перевязи; на онецѣ, на немъ были навшнаны разные шарфы, ленты, ордена и проч. Въ тому же на немъ была соломенная шляпа, украшенная громаднымъ глубокимъ перомъ. Въ этомъ комическомъ нарядѣ онъ принялъ русскихъ офицеровъ въ наскоро-построенномъ павильонѣ, носившемъ названіе храма дружбы. На павильонѣ виднѣлся вензель, изображающій имена Густава и Екатерины. У входа сидѣли на бочкахъ шведскіе солдаты, переодѣтые въ захусовъ и подчивавшіе каждаго рюмочкою водки, не забывая самихъ себя, такъ что они были совершенно пьяны. Не многимъ позже эти люди жгли нечаянно павильонъ, который сгорѣлъ.

Принимая русскихъ офицеровъ, король весьма развязно бесѣдовалъ съ ними. Особенно ему понравился казацкій генераль Денисовъ, котораго онъ спросилъ: былъ ли онъ имъ доволенъ по случаю схватки, происходившей въ 1789 году? Денисовъ возразилъ: «я васъ не замѣтилъ вовсе, а впроемъ, еслибъ тогда командовалъ одинъ изъ вашихъ генераловъ, то я бы за вашимъ мѣстѣ выключилъ его изъ службы». Густавъ обѣщалъ подарить Денисову пару пистолетовъ, а тотъ замѣтилъ: «И только?» Король спросилъ, чего же онъ еще желалъ бы? Денисовъ сказалъ: «Одну изъ шведскихъ лентъ». «Какую же?» «Самую важную» ⁴⁾.

Побесѣдовавъ съ русскими офицерами, Густавъ произнесъ рѣчь, въ ко-

¹⁾ Ланжеронъ: „Elle y mit si peu d'empressement que l'on crut qu'elle n'aurait pas été fâchée d'obtenir, même après la paix, une victoire qu'elle croyait sûre“.

²⁾ Que dans le cas où m-r de Nassau viendrait l'attaquer, toutes ses troupes misent bas les armes“.

³⁾ Trois rangs d'épaulettes, dont le dernier descendait jusqu'au coude“.

⁴⁾ Екатерина писала тогда Потемкину: „Денисовъ имѣлъ съ королемъ шведскимъ разговоръ образковый, но переводчикъ не все перевелъ, что онъ ему сказать велѣлъ“.

Сб. И. О., т. XLIII, стр. 107.

не представлялъ болѣе такихъ выгодъ и что лучше всего помѣстить Черный флотъ въ Гельсингфорсъ.

Оканчивая свой разсказъ о походѣ 1790 года, Ланжеронъ сообщаетъ слѣдующія замѣчанія объ этой кампаніи въ особенности и о шведско-русской войнѣ вообще: «Весьма лишь немногія войны изобилуютъ столь важными событіями и представляли собою такое разнообразіе, какъ походъ въ Финляндію 1790 года. Предначертанія принца Нассау, въ случаѣ точнаго исполненія, могли бы уничтожить шведскую монархію, однако проектъ принца рушился, благодаря интригамъ нѣкоторыхъ ничтожныхъ лицъ (*individus subalternes*). Съ другой стороны, еслибы планъ нападенія шведовъ на Ревель имѣлъ успѣхъ, Густавъ III очутился бы въ С.-Петербургѣ. Тутъ именно Крузе оказалъ Россіи существенную услугу. Затѣмъ чрезвычайно быстро слѣдовали другъ другу: отчаянное положеніе шведовъ въ Выборгской бухтѣ, гдѣ Густавъ былъ отрѣзанъ въ продолженіе трехъ недѣль отъ сообщенія со всемъ остальнымъ міромъ, и блестящая побѣда, одержанная Карломъ, одна изъ знаменитѣйшихъ побѣдъ въ исторіи Швеціи. Нельзя не удивляться подвигамъ шведскаго войска. Благодаря вредному влиянію на дѣла князя Потемкина, русское войско стояло несравненно ниже шведскаго, между тѣмъ какъ Россія располагала несравненно болѣе крупными средствами, нежели Швеція. Не случись конфедераціи въ Аньяла, Густавъ III непремѣнно дошелъ бы до Петербурга, что было бы страшнымъ урокомъ для Россіи. То же самое случилось бы въ 1790 году безъ крупныхъ промаховъ Карла Зюдерманландскаго».

Какъ видно, Россія, по мнѣнію Ланжерона, не играла особенно благопріятной роли въ этой войнѣ съ Швеціей. И для Россіи и для Густава III исходъ борьбы легко могъ сдѣлаться роковымъ. Отсутствие единства военной мысли въ обоихъ лагеряхъ препятствовало успѣхамъ сколько для одной, столько для другой воюющей партіи. Три кампаніи не измѣнили границъ. Результатомъ войны вышло сохраненіе *status quo* въ составѣ обѣихъ державъ. Однако, говоря объ итогахъ этой борьбы, мы не можемъ не указать на слѣдующее обстоятельство.

Въ моемъ сочиненіи о войнѣ Швеціи съ Россіей я указалъ на весьма важный результатъ ея. Густавъ предпринялъ войну съ цѣлью освободить Швецію отъ вмѣшательства Россіи во внутреннія дѣла Швеціи. Эта цѣль была достигнута. Въ верельскомъ трактатѣ не было упомянуто о Ништадтскомъ мирѣ, дававшемъ Россіи возможность участвовать въ борьбѣ партій въ Стокгольмѣ. Швеція сохранила свою политическую самостоятельность. Въ самомъ началѣ разрыва русский дипломатъ, графъ Андрей Разумовскій, дѣйствовалъ за одно съ противниками монархическаго начала. Такова же была и раньше дѣятельность другихъ русскихъ дипломатовъ въ Стокгольмѣ, Ланна, Моркова и пр. Послѣ войны Екатерина, отправляя новаго дипло-

матин при Александрѣ I: „La moralité de cette conquête et de la guerre qui y conduisit n'est pas au niveau de l'utilité qu'on en a retirée“.

мата въ Швецію, сказала ему, «чтобъ имѣлъ глаза и уши, но самъ бы ни во что не вѣшивался». Остерманнъ сказалъ Стедингу около этого времени, что Россіи все равно, царствуетъ ли въ Швеціи свобода или самодержавный монархъ и пр. ¹⁾.

Графъ Д. А. Толстой, напечатавъ въ *Русскомъ Архивѣ* ²⁾ статью Верельскомъ мирѣ, объявилъ, что не можетъ согласиться съ моимъ тезисомъ значенія шведской войны и окончившаго ее мира. Доводы авторъ статьи не могли измѣнить результатовъ моихъ изслѣдованій. Достоинство манія на этотъ счетъ аргументація Даніельсона, который въ своемъ трудѣ *Сверный вопросъ 1746—51 г.*, изданномъ на нѣмецкомъ языкѣ въ 1888 въ Гельсингфорсѣ, не зная ни о моемъ возрѣніи на этотъ вопросъ, ни возраженіяхъ графа Д. А. Толстого, говоря о Верельскомъ мирѣ и водруженіи, но изучивъ историческіе источники и ходъ событій, приходитъ къ заключенію, всецѣло подтверждающему мои тезисы, относящіеся къ этому предмету.

А. Брикнеръ.

¹⁾ См. главу о Верельскомъ мирѣ въ моемъ сочиненіи о войнѣ.

²⁾ Декабрь 1887 г.

Валужское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе при В. А. Арцимовичѣ (1861—1863 г.) *).

3.

вопросъ о пониженіи повинностей.—Докладъ В. А. Арцимовича о поѣздѣ его въ надвинскій, Мосальскій и Мещовскій уѣзды.—Соображенія губ. присутствія: государственное, экономическое и финансовое значеніе вопроса.—Толкованіе подлежащихъ статей Положенія.—Особое мнѣніе членовъ отъ дворянства.—Согласное съ нимъ рѣшеніе вопроса министромъ внутреннихъ дѣлъ.

«Еще одно, послѣднее сказанье—и лѣтопись окончена моя».

«Послѣднее»—и для «моей лѣтописи» и для дѣятельности губернскаго присутствія въ данномъ составѣ...

4 декабря 1862 года губернскимъ присутствіемъ предпринято было дѣло, долженствовавшее увѣнчать уже воздвигнутое имъ, до сихъ поръ неушино въ назиданіе потомству стоящее зданіе,—дѣло, которое и теперь гонитъ на первой очереди,—великое дѣло *регулюванія повинностей съ мнѣющимися ими поземельными надѣлами*.

Впервые вопросъ этотъ былъ поднятъ въ засѣданіи 2 октября, въ которое были приглашены всѣ мировые посредники губерніи, чтобы совмѣстно съ ними, «соборно», обсудить возникшій вопросъ.

Формулированъ этотъ вопросъ былъ такъ: останавливаетъ ли заявленіе крестьянъ о пониженіи повинностей, на основаніи 175 ст. Мѣстнаго Положенія, утвержденіе и введеніе уставной грамоты, впредь до разрѣшенія того заявленія, или грамота должна быть введена, а вопросъ о пониженіи повинности можетъ идти особо и независимо отъ введенія грамоты? А также: имѣютъ ли крестьяне право просить о пониженіи повинности послѣ введенія уставной грамоты?

Обсудивъ этотъ вопросъ, губернское присутствіе нашло: 1) Нигдѣ въ Положеніи не сказано, что дѣла о пониженіи повинности должны быть кончены въ двухлѣтній со дня утвержденія Положенія срокъ и что крестьяне не могутъ ходатайствовать о пониженіи оброка послѣ уставной грамоты

*) Русская Мысль, кн. V.

составленной не по соглашенію съ ними, а по закону. Напротивъ, статья 175 ст. мѣстнаго Положенія ясно показываетъ, что ходатайство крестьянъ о пониженіи повинности можетъ быть заявлено ими губернскому присутствію помимо мирового посредника и, слѣдовательно, независимо отъ уставной грамоты, составленной по закону. 2) Для того, чтобы просить о пониженіи повинности, крестьянамъ необходимо въ точности знать тотъ надѣлъ, которымъ они будутъ пользоваться по уставной грамотѣ; есть случаи, когда отъ крестьянскаго надѣла производится отрѣзка; крестьяне только послѣ утвержденія грамоты мировымъ съѣздомъ узнаютъ, какія земли поступили къ нимъ, притомъ крестьяне часто не вдругъ заявляютъ о пониженіи повинности уже и потому, что, на основаніи примѣчанія къ 20-й статьѣ Мѣстнаго Положенія, въ ихъ временномъ пользованіи остается существующій у нихъ надѣлъ безъ отрѣзки. 3) Ограничивать производство дѣлъ о пониженіи повинности двухлѣтнимъ срокомъ было бы несогласно со всѣмъ ходомъ крестьянской реформы: Положеніе назначаетъ двухлѣтній срокъ только на первоначальное утвержденіе надѣла, дальнѣйшее же развитіе реформы—разверстаніе угодій къ однимъ мѣстамъ, обмѣнъ угодій, перенесеніе крестьянскихъ усадебъ,—продолжено и послѣ введенія уставныхъ грамотъ; самое Положеніе предписываетъ оказывать крестьянамъ снисхожденіе, такъ какъ они по своей необразованности не могутъ выражать вдругъ и въ послѣдовательности всѣхъ обстоятельствъ, встрѣчающихся въ ихъ жизни, а требовать отъ нихъ немедленно всѣхъ заявленій было бы противно духу 59-й статьи Положенія о губ. и уѣз. учреж. и 4) Кроме того такое важное дѣло, какъ правильное регулированіе повинностей, размѣреніе ихъ съ дѣйствительными средствами крестьянъ и съ выгодами, которыми они пользуются, никоимъ образомъ не можетъ быть окончено въ 2 года. Пониженіе повинностей требуетъ самаго тщательнаго изслѣдованія земель и угодій, которыми пользуются крестьяне, а такое изслѣдованіе возможно только въ лѣтнее время года.

Такимъ образомъ, имѣя въ виду, что заявленія крестьянъ о пониженіи повинностей могутъ быть принимаемы и разсматриваемы *послѣ двухлѣтняго срока*, и что изслѣдованіе до этого срока отниметъ много времени у мировыхъ посредниковъ и затруднитъ введеніе къ сроку уставныхъ грамотъ во многихъ мѣстностяхъ, гдѣ возникаетъ вопросъ объ уменьшеніи повинностей, губернское присутствіе постановило: «просить гг. мировыхъ посредниковъ, чтобы они, въ случаяхъ заявленія крестьянъ о пониженіи повинностей, при повѣрѣй уставной грамоты, не останавливались введеніемъ ея на законномъ основаніи, ходатайства же крестьянъ о пониженіи оброка записывали бы въ протоколъ и давали ходъ этому дѣлу особо отъ уставной грамоты, если, впрочемъ, не представится возможность тотчасъ же разрѣшить это ходатайство»

Такъ первоначально былъ поставленъ и рѣшенъ вопросъ: ясно, точно и строго законно. Но рѣшенію этому не суждено было сбыться.

Осложненный хроническимъ малоземельемъ и хроническими же пере-

лющими голодовками, обусловленными не однимъ только недородомъ, прось этотъ до сихъ поръ грозить будущему, ждеть кадастра и новой стѣмы обложенія. Онъ обостряется годъ отъ году и рѣшается пока казненіемъ крестьянскаго хозяйства, исчезновеніемъ крестьянскаго скота, податными недоборами, скитаніями. Было время, когда вопросъ этотъ жно было разрѣшить легче и удобнѣе, когда онъ входилъ въ узаконенную программу, выполняемую такими дѣятелями, каковы были мировые ердинки перваго призыва, когда оброки, только намѣчаемые, не превратились еще въ выкупныя свидѣтельства, чтобы безслѣдно сгинуть на «тепыхъ водахъ», или въ парижскихъ ресторанахъ. Калужское губернское неутствіе хорошо понимало это, и еслибы починъ его, вмѣсто отпора, вчала въ средѣ помѣстнаго дворянства, а потомъ въ начавшейся реакціи, былъ смѣло и сочувственно поддержанъ какъ аналогичными губернскими учрежденіями, такъ и авторитетнымъ содѣйствіемъ центрального вѣдства, — мы не были бы свидѣтелями нарождающагося земельного прогресса въ той угрожающей степени, какая наблюдается теперь, не были бы свидѣтелями и печальнаго исхода той упорной борьбы, которая вспыхнула въ Калугѣ съ обѣихъ сторонъ, каждая по-своему рѣшающихъ волю.

Это было послѣднее генеральное сраженіе; въ немъ палъ и доблестный едь, пала и вся армія его, — пала съ оружіемъ и знаменомъ въ рукахъ, не сдалась на капитуляцію. Съ низменныхъ равнинъ и вплоть до уврѣженныхъ высотъ — все ринулось на врага, чтобы вырвать изъ его рукъ полную побѣду, засѣять трупами бранное поле и застлать его густымъ, неопицаемымъ дымомъ софизмовъ и жетокованій.

Диспозиція, задуманная осаждаемымъ, была такъ безупречна, что осталось только поставить его въ физическую невозможность выполнить свой планъ. Такъ и сдѣлали: необходимое для выполненія этого плана время было насильственно, вопреки ясному и точному смыслу закона, укорочено произвольно измышленнымъ срокомъ. Но это не помѣшало губернскому приствію, подобно предыдущему побѣдоносному его рѣшенію, высказать рядъ поучительныхъ, до сихъ поръ образцовыхъ, исполненныхъ государственнаго интереса истинъ о существѣ и значеніи защищаемаго вопроса.

Застрѣльщиками въ наружной цѣпи явились на этотъ разъ члены приствія по выбору дворянства и и. д. губернскаго предводителя. Въ особую мнѣніи своемъ они оспариваютъ вышеприведенное постановленіе приствія такими доводами:

Уставныя грамоты должны быть окончательно введены въ дѣствіе въ мненіе двухъ лѣтъ со времени утвержденія Положенія (ст. 22 пр. о пор. рив. въ дѣств. Пол.).

Главное существо грамоты — количество земли, предоставляемое въ постоянное пользованіе крестьянъ и размѣръ повинностей, причитающихся в оное въ пользу помѣщика, а потому по грамотамъ, въ мнѣніяхъ оставшихся на издѣльной повинности, долженъ быть опредѣленъ и размѣръ об-

рока, на случай перехода крестьянъ на эту повинность (8 п. 35 ст. пр. о пор. прив. въ дѣйств. Пол.).

Всѣ грамоты, составленныя безъ участія крестьянъ, разсматриваются и повѣряются на мѣстѣ мировыми посредниками (ст. 44 пр. о пор. прив. въ дѣйств. Полож.). При таковой повѣрѣй мировой посредникъ прочитываетъ грамоту отъ слова до слова, и крестьянамъ предоставляется полная возможность входить во всѣ объясненія и высказывать свои возраженія.

Всѣ вообще грамоты утверждаетъ самъ посредникъ, вводитъ ихъ въ дѣйствіе и *оконченныя* препровождаетъ для *храненія* въ губернское присутствіе (ст. 63, 64 пр. о пор. прив. въ дѣйств. Пол.), и только въ случаяхъ указанныхъ въ ст. 65 и 66 того же Пол. посредникъ, по разсмотрѣніи уставныхъ грамотъ (въ томъ числѣ по заявленіямъ о пониженіи повинностей), представляетъ оныя на утвержденіе губернскаго присутствія или мирового съѣзда.

По грамотамъ составленнымъ по закону, безъ участія крестьянъ, они получаютъ непремѣнно тотъ самый надѣлъ, которымъ прежде постоянно пользовались; слѣдовательно, всѣ выгоды и невыгоды какъ самаго надѣла, такъ и предполагаемой отрѣзки, имъ близко и коротко извѣстны, а потому и предполагать невозможно, чтобъ она при повѣрѣй грамоты не заключала въ себѣ того, что имъ на самомъ дѣлѣ невыгодно.

Только *на неправильныя* по утвержденіи и введеніи грамоты *дѣльскія* мировыхъ посредниковъ и мировыхъ съѣздовъ какъ помѣщику, такъ и крестьянамъ, предоставляется право приносить жалобы губернскому присутствію въ трехмѣсячный срокъ (ст. 77 того же Полож.).

Такимъ образомъ *опредѣленный* по уставнымъ грамотамъ *оброкъ* остается неизмѣннымъ въ продолженіе 20 лѣтъ (ст. 85 Мѣст. Полож.). Что касается до надѣла, то законъ по уставнымъ грамотамъ опредѣляетъ только *первоначальное утвержденіе размѣра и качества* онаго, и затѣмъ *любое* *измѣненіе* надѣла допускается посредствомъ *переселенія* усадебъ, *обнаженія* и *разверстанія* угодій порядкомъ, указаннымъ въ Мѣстномъ Положеніи (ст. 64 до 97).

Путемъ вышеизложенныхъ доводовъ, особое мнѣніе приходитъ къ заключенію, во-первыхъ, что уставныя грамоты не могутъ быть утверждены и введены въ дѣйствіе *до окончательнаго* разрѣшенія вопроса о *поставленіи* крестьянъ въ пользу помѣщика и, во-вторыхъ, что послѣ утвержденія грамоты ходатайства какъ помѣщика о возвышеніи, такъ и крестьянъ о *пониженіи повинностей*, допущены быть не могутъ.

Въ слѣдующемъ за симъ засѣданіи 19 октября предсѣдатель присутствія, возвратясь изъ своей поѣздки въ Мосальскій уѣздъ, гдѣ онъ посетилъ 16 волостей, заявилъ присутствію, что болѣе близкое ознакомленіе со многими мѣстностями этого уѣзда указываетъ на особенную важность вопроса о регулированіи тамъ повинностей крестьянъ. Почва земли въ *нѣкоторыхъ* мѣстностяхъ, пограничныхъ съ Ельнинскимъ и Рославльскимъ уѣздами, Смоленской губ., весьма низкаго качества и мало производитель-

она состоитъ изъ торфяныхъ болотъ, тяжелой, вязкой глины, или изъ краго хрящевого песка, или камня. Въ этихъ мѣстностяхъ землевладѣльцы влекли доходъ не съ земли, а съ личнаго труда ихъ бывшихъ крѣпостныхъ. При бѣдности и неразвитости населенія отхожіе промыслы, столь значительные въ другихъ уѣздахъ губерніи, здѣсь почти не существовали, сами крестьяне къ нимъ мало склонны, а, между тѣмъ, личный трудъ, бочая сила крестьянъ для нѣкоторыхъ помѣщиковъ составляли главный ходъ. Они отдавали своихъ крестьянъ въ рогожныя заведенія, гдѣ раты, по самому ихъ свойству, вредны для здоровья и по малоцѣнности дѣлій даютъ крайне скудную выручку, или отдавали по условіямъ съ личками землекоповъ и камнебойщиковъ при устройствѣ и ремонтѣ варявскаго шоссе, или посылали къ лѣсопромышленникамъ для рубки и пилаки са, жженія смолы, угля и т. п. Эта система хозяйства привела население въ такое положеніе, которое не можетъ не обратить на себя вниманія заботы правительства. Изъ этой-то мѣстности и возникли первыя заявленія о пониженіи повинностей. Кромѣ того, что крестьяне заявляли мировымъ учрежденіямъ о малой производительности земель, они подавали о нихъ прошенія въ губернское присутствіе и при настоящемъ обзорѣ вновь явили о своемъ затруднительномъ положеніи и убѣдительно ходатайствовали о пониженіи повинностей. Хотя въ журналѣ 28 августа установленъ порядокъ, которымъ слѣдуетъ руководствоваться при разборѣ ходатайствъ крестьянъ о пониженіи повинностей, но, видѣвши на самомъ дѣлѣ трудность этой задачи въ практическомъ примѣненіи, предсѣдатель присутствія прогь обратитъ на этотъ предметъ особенное вниманіе, такъ какъ правильное и соотвѣтственное разнообразнымъ почвеннымъ условіямъ регулированіе повинностей требуетъ строгихъ и точныхъ пріемовъ. Этотъ вопросъ очень важенъ, что не можетъ выработаться вдругъ; опредѣленіе цифры уменьшенія оброка въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ Мосальскаго уѣзда необходимо требуетъ не мало времени, и хотя мировые посредники надѣются окончить къ положенному сроку введеніе уставныхъ грамотъ, но пониженіе повинностей въ большей части случаевъ можетъ быть опредѣлено не ранѣе будущаго года. Въ такихъ мѣстностяхъ уѣзда, гдѣ почва малопродуктивна, гдѣ повинности по уставнымъ грамотамъ не соотвѣтствуютъ способамъ крестьянъ, предсѣдатель, принимая ихъ ходатайства о пониженіи повинностей, объявляя крестьянамъ, что просьбы ихъ будутъ рассмотрѣны, по изслѣдованіи правильности показаній, будутъ разрѣшены.

Выслушавъ заявленія предсѣдателя и принимая его вниманіе, что отъ точнаго опредѣленія размѣровъ оброка происходитъ вслѣдствіе невозможности окончить это дѣло одновременно съ введеніемъ уставныхъ грамотъ, губернское присутствіе находитъ, что общая норма оброка, определенная Положеніемъ для Мосальскаго уѣзда, должна временно остаться въ своей силѣ и въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ крестьянами заявлено о пониженіи повинности, впредь до опредѣленія цифры, до которой она можетъ быть послѣдствіемъ понижена по ходатайству крестьянъ. Затѣмъ, утвержденный

губернскимъ присутствіемъ по представленіямъ мировыхъ посредниковъ въ каждомъ данномъ случаѣ отдѣльно пониженный оброкъ долженъ считаться *со дня введенія уставной грамоты*, и переплаченные крестьянами деньги должны быть зачтены въ счетъ ихъ будущихъ платежей, о чемъ проситъ мировыхъ посредниковъ объявить крестьянамъ и тамъ, гдѣ грамоты введены въ дѣйствіе и вопросъ о пониженіи опредѣленнаго оброка возбужденъ уже послѣ этого. Затѣмъ губернское присутствіе постановило: журналомъ 5 октября привести въ исполненіе и довести до свѣдѣнія г. министра внутреннихъ дѣлъ, присовокупивъ, что тѣ начала, на которыхъ будетъ основано пониженіе повинностей соответственно способамъ крестьянъ и степени производительности почвы, будутъ также представлены въ министерство послѣ разрѣшенія этого вопроса самою практикой.

Особыя мнѣнія членовъ-дворянъ, заявленные ими и противъ этого постановленія, развиваютъ уже знакомыя намъ ихъ общія соображенія и положенія, занесенныя въ журналъ предшествовавшаго засѣданія, и, съ своей стороны, также полагаютъ представить вопросъ на разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ (мнѣнія подписаны и. д. губ. предв. Ергольскимъ, Зыбиннымъ и фонъ-Ренне).

Журналъ присутствія былъ представленъ въ министерство предсѣдателемъ 7 ноября при отзывѣ, въ которомъ, между прочимъ, указывалась *невозможность* прекратить производство дѣлъ по пониженію повинностей съ истеченіемъ двухъ лѣтъ со дня обнародованія Положеній, такъ какъ разрѣшеніе такого важнаго вопроса, какъ регулированіе повинностей, требуетъ много времени, и *только правильный и тщательный разборъ* заявленій крестьянъ о пониженіи повинностей можетъ предупредить въ будущемъ тѣ затрудненія, которыя *неизбѣжны*, если крестьяне, поселенныя на бесплодной почвѣ, будутъ подчинены одинаковымъ условіямъ съ крестьянами, пользующимися землею лучшаго качества.

Времени на исполненіе задуманнаго, прекрасно поставленнаго и въ высшей степени необходимаго дѣла дано не было: предложеніемъ отъ 11 ноября за № 9623 министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ присутствіе, что онъ согласился съ мнѣніемъ г. фонъ-Ренне объ ограниченіи привлекенія заявленій крестьянъ о пониженіи оброка окончательнымъ введеніемъ въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ и съ своей стороны находитъ, что, согласно 77 ст. пр. о пор. пр. въ дѣйств. Пол., на обжалованіе утвержденной и введенной въ дѣйствіе уставной грамоты установленъ 3-хъ мѣсячный срокъ, послѣ чего она не можетъ подлежать измѣненію по ходатайству одной изъ сторонъ; съ принятіемъ же предположенія большинства членовъ о пониженіи повинностей необжалованная въ опредѣленный срокъ и потому окончательно утвержденная уставная грамота «утратила бы придаваемое ей Положеніемъ значеніе основного документа, опредѣляющаго поземельныя отношенія крестьянъ къ помѣщику, и такимъ образомъ могла бы подлежать непрерывнымъ (?) измѣненіямъ то по просьбамъ помѣщиковъ о возвышеніи, то по просьбамъ крестьянъ о пониженіи повинностей».

Чѣмъ инымъ, какъ не весьма плохо замаскированнымъ стремленіемъ оставить начинаніямъ губернскаго присутствія физическую преграду и сорвать норму высокихъ, не соответствующихъ земельному надѣлу, обложенію возможно объяснить себѣ и эти особые мнѣнія оппозиціоннаго дворянства, и этотъ петербургскій, согласный съ ними, отвѣтъ?

Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, требовалось объединить въ жестоко-урѣзанномъ срокѣ двѣ, по закону разединенныя, задачи—введеніе уставныхъ грамотъ и регулированіе повинностей; зачѣмъ *ходатайству* придавать характеръ срочнаго *обжалованія*; зачѣмъ, ради сохраненія «значенія основнаго документа», яко бы угрожаемаго какими-то мнѣніями «безпрерывными измѣненіями», приносить въ жертву насущнѣйшій интересъ *жизни людей*; зачѣмъ, наконецъ, требовать этой изумительной, непостижимой поспѣшности, не согласной уступить защитникамъ этого интереса годъ-другой времени, необходимаго для обстоятельнаго и безобиднаго рѣшенія вопроса государственной важности, послѣдствія котораго должны измѣряться вѣками?...

Озабоченное, вѣроятно, подобными же горькими помыслами, взволнованное обманомъ завѣтнѣйшихъ надеждъ своихъ, губернское присутствіе вѣроятно попытало счастья во второй разъ и внести въ министерство нижеупомянутое представленіе. Яркимъ, прорывающимъ огнемъ горитъ между прочь его «святая ревность гражданина», а соображенія и выводы блещутъ броненосными доспѣхами по-истинѣ рыцарскаго, полнаго вооруженія.

Вотъ это представленіе:

«По выслушаніи предложенія г. министра внутреннихъ дѣлъ, губернское присутствіе нашло необходимымъ обсудить настоящій вопросъ съ одной точки зрѣнія, которую губернское присутствіе не имѣло прежде въ виду, а именно—относительно срока, съ истеченіемъ котораго должны прекращаться всякія заявленія крестьянъ о несообразности надѣла съ повинностями за пользованіе имъ. Разработку этого вопроса приняли на себя члены присутствія Свистуновъ, кн. Оболенскій и губернский прокуроръ Ишенинъ. Виѣстѣ съ тѣмъ губернское присутствіе признало необходимымъ пригласить въ засѣданіе и предсѣдателя казенной палаты, такъ какъ съ подлежащимъ обсужденію вопросомъ тѣсно связаны сдѣлки по выкупнымъ операциямъ.

Для уясненія вопроса избранная коммиссія, какъ это изложено въ ея докладѣ, нашла необходимымъ предварительно обратиться къ тому порядку, который установился въ присутствіи вслѣдствіе постепенныхъ пріемовъ, употреблявшихся практикою по Калужской губерніи, и высказать тотъ взглядъ, который имѣли мировые посредники и губернское присутствіе на заявленія крестьянъ о пониженіи повинностей, и на чемъ основывалось ихъ сужденіе на этотъ предметъ.

Многіе мировые посредники, при заявленіяхъ о пониженіи оброчныхъ платежей при повѣртіи уставныхъ грамотъ, поступали различнымъ обра-

зомъ: они или предоставляли крестьянамъ право ходатайствовать въ губернскомъ присутствіи о пониженіи повинностей, на основаніи 175 ст. мѣст. Полож., или сами представляли присутствію о необходимости этого пониженія; грамоты же утверждали и вводили въ дѣйствіе.

Такимъ образомъ, многіе мировые посредники давали вопросу о пониженіи повинности крестьянъ ходъ независимо отъ введенія грамотъ, составленныхъ помѣщиками безъ участія крестьянъ или самими посредниками по закону. Этотъ взглядъ свой мировые посредники основывали на томъ, что, руководствуясь 49 ст. прав. о поряд. прив. въ дѣйств. Полож. они вносили въ акты о повѣркѣ грамотъ тѣ заявленія крестьянъ, которыя непосредственно относились къ условіямъ надѣла по закону, какъ-то: возраженія противъ количества и границъ надѣла, мѣсть отрѣзковъ, исключенія повинностей, особенно при признаніи повинности смѣшанною и т. п. Заявленія же крестьянъ о пониженіи повинностей, названныя 175 ст. мѣст. Полож. ходатайствами, мировые посредники считали просьбами, основанными не на прямыхъ указаніяхъ закона, а на мѣстныхъ, случайныхъ условіяхъ имѣнія, требующихъ подробнаго, нерѣдко по времени невозможнаго, при повѣркѣ грамотъ, изслѣдованія.

Тѣмъ же взглядомъ руководствовалось и губернское присутствіе. Члены его единогласно, не исключая и 3-хъ, подавшихъ по журналамъ и 19 октября отдѣльными мнѣніями, были согласны относительно отдѣльнаго вопроса о ходатайствѣ крестьянъ о пониженіи повинности отъ введенія грамотъ. Доказательствомъ этому могутъ служить многія постановленія губернскаго присутствія, которыми оно поручало мировымъ посредникамъ произвести мѣстные изслѣдованія по заявленіямъ крестьянъ о пониженіи оброковъ въ имѣніяхъ, въ которыхъ уставныя грамоты были уже введены и хранились въ губернскомъ присутствіи.

До настоящаго предложенія г. министра внутреннихъ дѣлъ, отъ ноября за № 2623,—губернское присутствіе, не имѣя указанія въ законѣ не могло само опредѣлить срока на ходатайство о повышеніи и пониженіи повинностей, потому: во-1-хъ, что, по его мнѣнію, всякое такое ходатайство можетъ быть изслѣдуемо только однажды, и во-2-хъ, что поводомъ къ измѣненію нормальнаго оброка строго опредѣлены 173—175 ст. мѣст. Полож. Условія, въ нихъ означенныя, не подлежатъ измѣненію и не висятъ отъ времени, такъ какъ всегда останутся на дѣлѣ существующими естественными возраженіями противъ размѣра повинностей, а потому и требуютъ особенно быстрой и срочной повѣрки. и отдаленность уголья, значительность отрѣзки, или лишеніе топлива и лѣснаго матеріала, свойства почвы—не измѣняемы и всегда на дѣлѣ могутъ служить подтвержденіями въ справедливости или неосновательности ходатайствъ объ измѣненіи оброковъ въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ такія ходатайства могутъ возникнуть и гдѣ грамоты введены безъ соглашенія съ крестьянами, или по закону самими мировыми посредниками.

Что же касается до неизмѣняемости грамоты, какъ акта, то губер-

ое присутствіе признавало не подлежащими, безъ согласенія обѣихъ сторонъ, никакому измѣненію только тѣ грамоты, которыя составлены по общему согласенію, потому что всѣ остальные могутъ быть измѣняемы: а) вслѣдствіе права, даннаго помѣщикамъ на *разверстаніе угодій и переименованіе* крестьянскихъ усадебъ въ теченіе 6 лѣтъ (65 и 77 ст. мѣст. Полож.); б) *обмѣна угодій* во всякое время (93 ст. мѣст. Полож.); в) въ случаѣ *оспариванія* крестьянами количества надѣла въ 6-тилѣтній срокъ (2, 73 и 74 ст. прав. о пор. привед. въ дѣйст. Полож.); г) *вслѣдствіе составленія грамоты, по ст. 38 правилъ и 63 ст. мѣст. Полож., съ разогъ на будущую отрубку*; д) вслѣдствіе того, что, по закону, утвержденіе за крестьянами надѣла по грамотѣ, въ 2-хъ лѣтній срокъ, *есть первоначальное, а не окончательное* (стат. 50, 51 и 52 мѣст. Полож.); е) вслѣдствіе признанія *собственностью* крестьянъ земель, *отведенныхъ съ надѣла*; ж) вслѣдствіе *отказа* крестьянъ *отъ надѣла*, по истеченіи 9-ти лѣтъ, стат. 134 мѣст. Полож. 3). Вслѣдствіе заявленнаго желанія обѣихъ сторонъ *); 1) въ случаяхъ ходатайствъ крестьянъ о пониженіи повинностей, заявленныхъ послѣ введенія уставной грамоты (ст. 175 мѣст. Полож.); 2) въ томъ, что въ формѣ грамоты, установленной закономъ, нѣтъ § о пониженіи повинности.

3-й пунктъ 65 ст. правилъ, по мнѣнію членовъ, нисколько не стѣснялъ права, предоставленнаго 173—175 ст. Всѣ эти статьи указываютъ только на два различные пути: въ 3-мъ пунктѣ 66 ст. правилъ представляется дѣлать заявленія при повѣрѣхъ уставныхъ грамотъ мировымъ посредникамъ, а ст. 173—175 предоставляется обращаться съ ходатайствомъ и помимо мировыхъ посредниковъ непосредственно въ губернское присутствіе.

Члены присутствія, съ своей стороны, считаютъ, что ограниченіе права ходатайства о повышеніи и пониженіи оброковъ кратко-временнымъ срокомъ было бы обременительно *относительно помѣщиковъ* тѣмъ: во-1-хъ, въ томъ, гдѣ владѣльцы, за отсутствіемъ, не участвовали сами въ составленіи уставныхъ грамотъ и гдѣ онѣ были составлены мировыми посредниками, они лишаются права возвысить оброки, противъ опредѣленныхъ грамотами, каковое возвышеніе для нѣкоторыхъ имѣній, сравнительно съ предоставленными крестьянамъ выгодами, было бы вполне справедливо, — во-2-хъ, хотя лишеніе землевладѣльцевъ этого права имѣло бы своимъ результатомъ не безвыходность положенія, а только уменьшеніе ихъ имущественныхъ выгодъ, тѣмъ не менѣе кратковременность срока была бы въ сущности для нихъ тягостна.

Относительно крестьянъ члены губернскаго присутствія считаютъ необходимымъ высказать слѣдующія соображенія:

*) По отзыву мирового посредника Калужскаго уѣзда Лаврентьева, послѣ введенія уставныхъ грамотъ, составленныхъ безъ участія крестьянъ, вслѣдствіе согласенія помѣщиковъ съ крестьянами, измѣнено до 7-ми грамотъ.

1. Нельзя не обратить вниманія на малую развитость крестьянъ и неумѣнье ихъ разомъ и послѣдовательно высказывать встрѣчаемыя недоумѣнія и возраженія. Это выражено въ предложеніи г. министра внутрѣнныхъ дѣлъ, отъ 21 ноября: «что, единственно лишь во вниманіе и недостаточному знакомству крестьянъ съ дарованными имъ правами, Высочайшимъ повелѣніемъ 1 марта сего года (общ. цирку. № 4) пояснено, что примѣненіе стат. 175 мѣст. Полож. (также какъ и 24) можетъ имѣть мѣсто и безъ положительнаго ходатайства о томъ крестьянъ, но по общему ихъ заявленію, что съ установленіемъ предложенныхъ по грамотѣ надѣлъ и повинностей матеріальный ихъ бытъ значительно ухудшится».

2. Обращаясь къ самому порядку повѣрки и утвержденія уставныхъ грамотъ, члены присутствія находятъ, что невнесеніе мировымъ посредникомъ въ актъ и протоколъ всѣхъ словесныхъ заявленій, дѣлаемыхъ крестьянами, если только заявленія эти не относятся до статей въ грамотѣ помѣщенныхъ, не составляетъ въ себѣ неправильныхъ дѣйствій мирового посредника, на которыя могутъ быть приносимы жалобы на основаніи 77 ст. правилъ. Часто заявленія крестьянъ о тяжести для нихъ повинностей бываютъ приносимы и объясняемы въ такой неопредѣленной формѣ, что трудно уловить, составляютъ ли эти заявленія жалобу, или сомнѣніе, или простое не имѣющій значенія разговоръ, возникшій въ толпѣ между ея членами.

3. Если бы даже крестьяне словесно заявили мировому посреднику объ обременительности для нихъ назначеннаго по уставной грамотѣ оброка и мировой посредникъ не внесъ этого заявленія въ актъ, то это обстоятельство, въ случаѣ принесенной жалобы, могло бы обнаружиться только слѣдственнымъ порядкомъ. Производство такого рода слѣдствій, кромѣ того, что при бездоказательности обвиненій и оправданій не повело бы къ обнаруженію истины, уронило бы званіе мирового посредника, затруднило бы губернское присутствіе и усложнило бы ходъ самого дѣла.

Изъ всего вышеизложеннаго видно, что губернское присутствіе не стало себя въ правѣ, по закону, ограничивать право ходатайства, по стат. 173—175 стат. Мѣстн. Полож., какимъ-либо срокомъ и отдѣляло вопросъ о повышеніи или пониженіи оброковъ отъ введенія уставныхъ грамотъ.

Во всякомъ случаѣ члены присутствія полагаютъ, что 77 ст. правилъ въ порядкѣ привед. въ дѣйств. Полож. относится только до жалобъ на дѣйствія мировыхъ посредниковъ и мировыхъ съѣздовъ по утвержденію и введенію уставныхъ грамотъ. Въ этомъ направленіи состоялось въ губернскомъ присутствіи единогласно постановленіе 5 октября сего года (прил. къ № 41 Губ. Вѣд.) о помѣщеніи въ актахъ объ утвержденіи и введеніи въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ 77 ст. правилъ, которая предоставляетъ какъ помѣщику, такъ и крестьянамъ право приносить губернскому присутствію жалобы на неправильныя дѣйствія мирового посредника и мирового съѣзда въ 3-хъ-мѣсячный срокъ. Ближайшимъ поводомъ къ этому постановленію послужила мысль, что крестьяне, какъ мало развитые, не могли еще уяснить себѣ понятіе о дарованныхъ имъ правахъ, положительно выража-

хъ въ законѣ, и понятія о срокахъ, ограничивающихъ и, въ случаѣ про-
ценія ихъ, уничтожающихъ эти права.

Слѣдовательно, если 77 ст. правилъ, установленную для принесенія жа-
бъ, распространить на ходатайства, означенныя въ 173—175 ст. Мѣстн.
лож., то безъ объявленія сего срока установленнымъ закономъ поряд-
къ какъ помѣщики, такъ и крестьяне, не будучи предупреждены поло-
жительнымъ закономъ, что за пропускомъ 3-хъ-мѣсячнаго срока они поте-
ютъ навсегда право ходатайствъ, могутъ, независимо отъ ихъ воли, ли-
таться одного изъ важныхъ правъ, дарованныхъ имъ Положеніемъ.

При семь члены губернскаго присутствія считаютъ необходимымъ на-
мнить о томъ, какъ возникъ вопросъ о пониженіи повинности, гдѣ и ка-
е имѣлъ значеніе.

Сначала случаи такихъ ходатайствъ были весьма рѣдки, что объясняется
мымъ ходомъ уставныхъ грамотъ въ первый годъ по обнародованіи по-
женій. Въ первую половину 1861 г. образовывались мировыя учрежденія
крестьянское общественное управленіе; приведеніе въ дѣйствіе новаго
кона требовало изученія его лицами, поставленными исполнителями По-
женій 19 февраля. Только со 2-й половины 1861 года стали вводиться
ставныя грамоты, и естественно, что въ такомъ важномъ дѣлѣ сами по-
едники встрѣчали затрудненія, которыя увеличивались немѣніемъ въ пер-
ій моментъ времени землемѣрныхъ средствъ; а потому прежде всего со-
авлялись уставныя грамоты въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ были добровольныя
глашенія помѣщиковъ съ крестьянами, гдѣ сами землевладѣльцы помо-
ли мировымъ посредникамъ, гдѣ взаимныя отношенія помѣщиковъ и
крестьянъ были не сложны и не предстояло отъ существовавшаго надѣла
крестьянъ производить отрѣзки, т.-е. гдѣ крестьяне большею частью оста-
лись при существовавшемъ пользованіи землею. Когда окончился годовою
рокъ, опредѣленный 21 ст., и составленіе уставныхъ грамотъ было воз-
ожено на мировыхъ посредниковъ, стали встрѣчаться имѣнія, гдѣ взаим-
ныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ были сложны, гдѣ прежнее поль-
ваніе землей было часто вдвое болѣе опредѣляемаго положеніями, гдѣ
слѣдствіе сего предстояли значительныя отрѣзки; наконецъ, стали посте-
енно обозначаться мѣстности, въ которыхъ, кромѣ того, что предстояли
значительныя отрѣзки, почва земли малопродуктивная и именно скуд-
остью ея обуславливалась многоземельность крестьянскихъ надѣловъ *).

*) Чтобы судить о томъ, какъ постепенно усложнялось зачатія мировыхъ по-
редниковъ по введенію уставныхъ грамотъ, стоить обратить вниманіе на слѣдую-
ую таблицу:

	Число всѣхъ грамотъ.	По согла- шенію.	Безъ со- глашенія.	Процентное содержа- ніе грамотъ по со- глашенію къ общему числу грамотъ.
Къ январю 1862 года . . .	187	158	29	85%
„ апрѣлю	387	330	57	85%
„ августу	1,015	732	283	72%
„ декабрю	1,801	1,076	723	57%

Губернское присутствие не могло не обратить вниманія на всѣ эти обстоятельства, и потому самъ собою возникъ вопросъ о пониженіи оброчныхъ цѣнъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, преимущественно Мосальскаго и Жыздринскаго уѣздовъ.

Вопросъ, возбужденный по сему предмету, былъ представляемъ председателемъ присутствія на благоусмотрѣніе г. министра внутреннихъ дѣлъ отъ 16 мая за № 1719, причемъ председатель присутствія довелъ до свѣдѣнія г. министра слѣдующее:

«Во время ревизіи Жыздринскаго и Мосальскаго уѣздовъ ему, председателю, было сдѣлано нѣсколько заявленій о томъ, что въ этихъ уѣздахъ есть цѣлыя мѣстности, рѣзко отличающіяся качествомъ почвы отъ прочихъ мѣстностей губерніи.

«Для повѣрки этихъ заявленій председатель обратился къ слѣдующимъ даннымъ:

«По свѣдѣніямъ, извлеченнымъ изъ хозяйственно-статистическихъ свѣдѣній губерніи, изъ матеріаловъ кадастровой комиссіи министерства государственныхъ имуществъ и изъ свѣдѣній по департаменту сельскаго хозяйства, оказывается, что почва земли во многихъ мѣстахъ Мосальскаго, Жыздринскаго уѣздовъ, преимущественно пограничныхъ съ Брянскимъ, Минскимъ и Рославльскимъ уѣздами Орловской и Смоленской губерній, весьма низкаго качества и малопроизводительна. Въ Мосальскомъ уѣздѣ состоитъ изъ торфяныхъ болотъ, тяжелой, вязкой глины и мѣстами дается мокрый, хрящеватый песокъ. Въ Жыздринскомъ уѣздѣ простривается къ югу отъ г. Жыздры представляетъ сыпучіе пески, съ попадающими въ нихъ глыбами, а къ сѣверо-западу отъ города много болотистыхъ неудобныхъ для хлѣбопашества земель. Всѣ эти пространства имѣютъ весьма низкую продажную цѣну. По свѣдѣніямъ департамента сельскаго хозяйства, средняя продажная цѣна пахатной десятины въ Мосальскомъ уѣздѣ равняется 11 руб. сер., тогда какъ въ сосѣдственномъ съ нимъ Смоленскомъ уѣздѣ она стоитъ 25 руб. сер. Въ Жыздринскомъ уѣздѣ, по слову бывшаго уѣзднаго предводителя дворянства, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по причинѣ сыпучаго песка съ мелкимъ камнемъ, а въ другихъ по причинѣ болотистой, поросшей мохомъ почвы, пустопорожни земли не имѣютъ никакой цѣнности («О среднихъ цѣнахъ на земли», прилож. къ Мат. рев. комм.). По свѣдѣніямъ кадастровой комиссіи министерства государственныхъ имуществъ, урожай въ этихъ мѣстахъ не бываетъ свыше самой дроби или самъ съ четвертью. Такая малая производительность почвы составляетъ главную причину того, что, во-первыхъ, взысканіе оброчной повинности съ временно-обязанныхъ крестьянъ, состоявшихъ до обнародованія положеній или перешедшихъ на оброкъ въ послѣднее время, представляетъ въ означенныхъ уѣздахъ много затрудненій, и, во-вторыхъ, что тамъ, гдѣ помѣщики не соглашаются понижать оброки противъ указанныхъ Положеніями, переходъ съ барщины на оброкъ встрѣчаетъ препятствія со стороны самихъ крестьянъ. Лучшимъ доказательствомъ тому, что назначенныя

конами 19 февраля за полный душевой надѣлъ 9-рублевый оброкъ вывъ для означенныхъ мѣстностей Мосальскаго и Жиздринскаго уѣздовъ, можетъ служить то, что для сосѣднихъ съ ними уѣздовъ Смоленской и Орловской губерній, имѣющихъ совершенно одинаковую почву и производительность земли, установленъ 168 ст. Мѣстн. Полож. 8-рублевый оброкъ.

«Самое населеніе этого края рѣзко отличается отъ прочаго населенія берніи, чисто-великороссійскаго, бойкаго и промышленнаго. Оно составляетъ крайній предѣлъ того населенія Полѣсья, которое начинается въ Пинскихъ болотахъ (Гродн. губ.) и оканчивается близъ Жиздры.

«Въ Мосальскомъ уѣздѣ сверхъ того населеніе это было особенно побощено при крѣпостномъ правѣ; большія и постоянныя недоимки, происшедшія отъ бѣдности крестьянъ и неспособности ихъ къ заработкамъ, или поводомъ къ тому, что помѣщики отдавали крестьянъ въ кабалу на чужія фабрики и преимущественно въ рогожныя заведенія, гдѣ положеніе бочихъ было крайне бѣдственно. Также и въ Жиздринскомъ уѣздѣ, несмотря на то, что оброки были во многихъ имѣніяхъ малы сравнительно съ надѣломъ крестьянъ (часто отъ 10 до 20 десят. на тягло), недоимки или значительны и возрастали съ каждымъ годомъ, такъ что во многихъ мѣстахъ превышали весь годовой доходъ съ имѣнія. Въ этомъ уѣздѣ промыслы крестьянъ большею частью лѣсные, мало вознаграждающіе трудъ. Въ настоящее время нельзя еще сдѣлать положительныхъ выводовъ о томъ, какой послѣдуетъ общій ходъ выкупныхъ сдѣлокъ въ Калужской губерніи; но, судя по многимъ отзывамъ и сужденіямъ, нельзя не опасаться до нѣкоторой степени, что выкупъ совершится преимущественно въ мѣстностяхъ, гдѣ сравнительно почва земли хуже. Въ лучшихъ мѣстностяхъ помѣщики всегда болѣе гарантированы въ исправномъ взносѣ оброковъ; въ мѣстахъ же, гдѣ почва земли не вознаграждаетъ трудъ земледѣльца, помѣщики, опасаясь неисправнаго платежа оброковъ, стараются прекратить съ крестьянами всякія обязательныя отношенія посредствомъ выкупныхъ сдѣлокъ, съ ступкою 20%. Крестьяне, имѣя въ виду уменьшеніе повинности съ 9 руб. до 7 руб. 20 коп., охотно соглашались на выкупъ своихъ угодій. Правительство, выдавъ выкупную ссуду, будетъ имѣть своими должниками крестьянъ малоразвитыхъ, непромышленныхъ и рѣшительно не имѣющихъ возможности исправно уплачивать слѣдующій съ нихъ оброкъ. Правительство необходимо должно будетъ или отказаться отъ возвращенія выданнаго помѣщику капитала, или употреблять полицейскія мѣры взысканій, которыя во всякомъ случаѣ возможны только до извѣстной степени.

«Видя такимъ образомъ крайнюю необходимость пониженія оброковъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Мосальскаго и Жиздринскаго уѣздовъ, предсѣдатель присутствія заявилъ объ этомъ губернскому присутствію въ отрывѣ его послѣ ревизіи означенныхъ уѣздовъ, предпринятой имъ въ февралѣ и мартѣ мѣсяцахъ. Губернское присутствіе журналомъ 4 апрѣля, по большинству голосовъ, постановило: просить мировыхъ посредниковъ тѣхъ частковъ Мосальскаго и Жиздринскаго уѣздовъ, которые прилегаютъ къ

Смоленской и Орловской губерніямъ, обратить вниманіе на 175 ст. Мѣстн. Полож. и на высочайшее повелѣніе, выраженное въ общемъ циркулярѣ министерства внутреннихъ дѣлъ № 4. Болѣе рѣшительной и общей мѣры онъ предсѣдатель, не могъ предпринять, потому что пространство означенныхъ мѣстностей и положеніе населяющихъ ихъ крестьянъ требуютъ подробнаго и тщательнаго изученія и повѣрки.

«Объяснивъ все это, предсѣдатель присутствія просилъ г. министра внутреннихъ дѣлъ разрѣшить губернскому присутствію, изучивъ подробно означенныя мѣстности и условія быта крестьянъ, возбудить вопросъ о принятіи къ этимъ мѣстностямъ оброка, опредѣленнаго для сосѣдственныхъ уѣздовъ Орловской и Смоленской губерній.

«Хотя циркуляромъ № 4 и дано мировымъ посредникамъ право представлять губернскому присутствію о несообразности между собою надѣлъ и повинностей, но мѣра эта не можетъ въ описанныхъ мѣстностяхъ Житомирскаго и Жидринскаго уѣздовъ вполне достигнуть своего назначенія, такъ какъ циркуляръ № 4 имѣетъ въ виду исключительное положеніе мѣстностей, въ которыхъ только имѣній, а не цѣлыя мѣстности, рѣзко отличающіяся отъ общаго характера губерній».

(На настоящее представленіе послѣдовало предложеніе г. министра, сообщенное въ постановленіи губернскаго присутствія 14 августа, объ уменьшеніи повинностей вслѣдствіе малой производительности земли (прилож. № 35 *Губ. Вѣд.* 1862 г.)

При практическомъ примѣненіи вопроса о повышеніи или пониженіи повинностей созналась необходимость въ установленіи прочныхъ правилъ, чтобы какъ повышеніе, такъ и пониженіе оброковъ не зависѣли отъ личнаго взгляда и чтобы объясненіе причинъ измѣненія нормальнаго оброка основывалось на тщательныхъ изслѣдованіяхъ почвенныхъ и хозяйственныхъ условій имѣній, потому что размѣръ пониженія повинностей прямо и опредѣленъ закономъ. Постановленіемъ губернскаго присутствія 28 августа (прил. къ № 36 *Губ. Вѣд.* 1862 г.) указанъ порядокъ, которымъ должно руководствоваться мировые посредники при разборѣ ходатайствъ о пониженіи повинностей. Вслѣдствіе сего нѣкоторые мировые посредники, утверждая и не вводя грамотъ, по которымъ встрѣтились ходатайства крестьянъ о пониженіи оброковъ, представили тѣ грамоты предварительнаго разсмотрѣнія губернскаго присутствія; но какъ изслѣдованіе причинъ измѣненія нормальныхъ, установленныхъ закономъ оброковъ требуетъ строгой повѣрки и осмотровъ надѣла, то окончательное утвержденіе такихъ грамотъ не можетъ послѣдовать въ настоящее время, такъ какъ требованіе 176 ст. Мѣстн. Полож. «надлежащее изслѣдованіе» не можетъ быть начато ранѣе весны будущаго 1863 года.

Необходимость регулированія повинностей ясно обнаружилась и созналась только въ настоящемъ году, и слѣдовательно производство изслѣдованій почвенныхъ условій отрѣзковъ, отдаленности угодій могло быть съ апрѣля до половины октября, т.-е. въ теченіе съ небольшимъ 6-ти мѣся-

въ текущаго года; но такъ какъ въ то же самое время предстояло многимъ посредникамъ, кромѣ прочихъ обязанностей, возлагаемыхъ на нихъ пожеланіями, составлять, повѣрять, утверждать и вводить уставныя грамоты, принимая во вниманіе краткость времени, конечно, изслѣдованія ходатайствамъ о повышеніи и пониженіи повинностей, на основаніи 6 ст. Мѣстн. Полож., не могли быть окончены вмѣстѣ съ введеніемъ оныхъ.

Признавая особенную важность въ правѣ ходатайствъ о повышеніи или пониженіи повинностей, губернское присутствіе постоянно сознавало въ нихъ ходатайствахъ не личныя выгоды той или другой стороны, а правильное, на непреодолимыхъ данныхъ основанное регулированіе повинностей, въ виду государственное значеніе этого вопроса: а) со стороны административной—сохраненіе порядка; б) со стороны финансовой—обеспеченіе средствъ къ успѣшному исходу выкупной операціи и в) чтобы высочайшая воля—введеніе уставныхъ грамотъ къ сроку—была исполнена.

Члены присутствія считаютъ долгомъ при семъ высказать слѣдующія возраженія:

а) *Въ отношеніи административномъ*: высокіе оброки, несообразные со средствами крестьянъ и предоставляемымъ имъ по уставнымъ грамотамъ надѣломъ, будутъ имѣть послѣдствіемъ накопленіе недоимокъ, вызваніе которыхъ встрѣтитъ затрудненія. Настоянія, принятіе побудительныхъ мѣръ, опись и продажа имущества въ имѣніяхъ, гдѣ почва земли производительна, сдѣлаются постоянными приемами земской полиціи при взысканіи оброковъ и недоимки въ такихъ имѣніяхъ. Хотя въ настоящее время продажа съ публичнаго торга крестьянскаго имущества оказываетъ свое дѣйствіе, но приемъ этотъ, часто повторяемый, можетъ вредно подѣйствовать на бѣдныхъ и разоренныхъ крестьянъ какъ со стороны нравственнаго вліянія, такъ и со стороны разстройства крестьянскихъ хозяйствъ. Въ первомъ случаѣ,—въ томъ отношеніи, что крестьяне стануть уступать нравственному убѣжденію и не уваженію къ закону, а силѣ, и будутъ бороться на законное требованіе взысканія съ нихъ повинностей какъ на многотельство. Съ другой стороны, періодическая продажа крестьянскаго имущества можетъ послужить къ разстройству хозяйства крестьянъ, такъ какъ они лишатся не только возможности и въ будущемъ исправно платить оброки, но и средствъ къ собственному существованію. Уже и въ настоящее время, усиленная по нѣкоторымъ мѣстнымъ соображеніямъ, земская полиція Мосальскаго и Жиздринскаго уѣздовъ почти исключительно занята дѣйствіемъ мировымъ учрежденіямъ и взысканіями недоимокъ, вслѣдствіе чего могутъ происходить упущенія по общему управленію въ губерніи. Нельзя не обратить при этомъ вниманія на то, что затрудненія, встрѣчаемыя при введеніи уставныхъ грамотъ преимущественно въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ Мосальскаго и Жиздринскаго уѣздовъ, вслѣдствіе значительныхъ отѣзовъ и малой производительности почвы, соответствуютъ ходу исполненія крестьянами ихъ повинностей къ помѣщикамъ. Тогда какъ въ другихъ

уѣздахъ, гдѣ отрѣзки земель менѣе значительны и гдѣ почва въ болѣе части имѣній производительнѣе, исполненіе крестьянами повинностей вообще идетъ удовлетворительно, — изъ Жиздринскаго и Мосальскаго уѣздовъ продолжаютъ поступать жалобы на неисправный платежъ оброковъ. Для устранения этихъ затрудненій приняты, какъ выше указано, мѣры для упрощенія состава земской полиціи командированіемъ особыхъ чиновниковъ. Изъ нихъ одинъ, назначенный въ Мосальскій уѣздъ, цѣлый мѣсяцъ провѣлъ въ имѣніи гг. Нарышкиныхъ по взысканію оброковъ, а другой, назначенный въ Жиздринскій уѣздъ, почти исключительно занятъ взысканіемъ оброковъ по имѣніямъ г. Банышина.

При семь членахъ губернскаго присутствія не могутъ не обратить вниманія на недомыслие значительныхъ размѣровъ, накопившіяся во многихъ имѣніяхъ при существовавшемъ крѣпостномъ правѣ. Теперь, когда, по уставнымъ грамотамъ, за исправное отбываніе повинностей отвѣтствуетъ крестьянское общество круговою порукою, заслуживаютъ особеннаго вниманія не тѣ оброки, которые были предназначаемы помѣщикамъ при крѣпостномъ правѣ, а дѣйствительно бывшіе платежи крестьянъ, за вычетомъ недомыслия. Члены присутствія полагаютъ, что для устранения вопроса дѣйствительно поступившихъ оброковъ, Положенія 19 февраля 1775 г. Мѣст. Великор. Полож. широкій размѣръ, не стѣсня ходатайствъ крестьянъ сроками, и именно сдѣлали различіе между жалобой, какъ правомъ предъявлять вышему мѣсту о нарушеніи общаго закона, и ходатайствомъ въ губернскомъ присутствіи, какъ правомъ просить объ изъясненіи общаго закона.

б) *Соображенія финансовыя.* Относительно финансовой стороны вопроса члены присутствія считали долгомъ своимъ не терять изъ виду соображенія казеннаго интереса, тѣсно связаннаго съ регулированіемъ крестьянскихъ повинностей, вслѣдствіе предоставленнаго помѣщикамъ права требовать *обязательнаго выкупа*. Для осуществленія выкупа необходимо, чтобы повинности, налагаемыя на временно-обязанныхъ крестьянъ, соразмѣрялись съ ихъ способами, т.-е. соответствовали условіямъ ихъ хозяйственнаго быта; иначе можетъ случиться, что къ обязательному выкупу охотно приступятъ (какъ это и замѣчено) преимущественно владельцы имѣній, не пользующихся выгодными условіями хозяйства. Если крестьяне будутъ стѣснены въ правѣ ходатайства о пониженіи оброковъ, предоставленнаго имъ 1775 г. Мѣстн. Полож., обязанностью заявлять о томъ томъ при повѣркѣ уставной грамоты, подъ опасеніемъ лишиться навсегда этихъ правъ, то нѣтъ сомнѣнія, что крестьяне нѣкоторыхъ имѣній будутъ обременены повинностями, не соответствующими условіямъ мѣстности. Такія имѣнія прежде другихъ приступятъ къ выкупу, и крестьяне, оказавшись въ короткое время несостоятельными въ платежѣ оброка, подвергнутся взысканію путемъ аукціонной продажи ихъ имущества, что неминуемо приведетъ ихъ въ худшее состояніе, которое повлечетъ за собою новую продажу, вслѣдствіемъ такого хода дѣлъ будетъ окончательное разстройство крестьянъ.

го быта и несостоятельность къ платежу, отчего выкупная касса почитать ущербъ. Кромѣ того, молва о такихъ затрудненіяхъ въ платежѣ повинностей, быстро распространяясь, неминуемо поколеблетъ курсъ выкупныхъ свидѣтельствъ. Пониженіе же ихъ курса возбудитъ къ нимъ недоувѣренность и устранить отъ выкупныхъ дѣлъ помѣщиковъ, владѣющихъ хороми землями. Итакъ, всякое ограниченіе, затрудняющее обстоятельное урегулированіе повинностей, въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, можетъ имѣть весьма пагубныя послѣдствія: съ одной стороны причинитъ значительный ущербъ государственной казнѣ, съ другой—пріостановитъ выкупъ эстьянскаго надѣла, въ чему стремится правительство, какъ къ самому важному исходу крестьянскаго дѣла. По этимъ соображеніямъ члены присутствія взираютъ на пониженіе повинностей не только со стороны закона права, предоставленнаго крестьянамъ при извѣстныхъ условіяхъ, но и таютъ, что на обязанности губернскаго присутствія лежитъ тщательное блюденіе за тѣмъ, чтобы право это не могло быть обойдено, потому что полномъ удовлетвореніи его заключается одно изъ главныхъ условій успѣха выкупной операціи.

Признавая возлагаемую на него въ настоящемъ дѣлѣ отвѣтственность, члены губернскаго присутствія остаются вполне убѣжденными, что пониженіе, по 175 ст. Мѣстн. Полож., повинностей крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣнностяхъ, преимущественно Мосальскаго и Жиздринскаго уѣздовъ, должно быть признано мѣрою крайне необходимою.

Въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ распоряженій, правительство, распространивъ на крестьянъ, состоящихъ на издѣльной повинности, содѣйствіе свое къ выкупу ими поземельнаго надѣла, пунктомъ а § 1-го возложило на мировыхъ посредниковъ обязанность «входить въ обсужденіе состоятельности крестьянъ ко взносу выкупныхъ платежей и, въ случаѣ встрѣченнаго съ сѣмъ отношеніи сомнѣнія, представлять мировому съѣзду, который вноситъ дѣло, со своимъ заключеніемъ, въ губернское присутствіе, разрѣшающее окончательно возникшее сомнѣніе.

Этимъ самымъ правительство обезпечило въ издѣльныхъ мѣнностяхъ исправный взносъ крестьянами выкупныхъ платежей. Въ отношеніи же крестьянъ, состоящихъ на оброкѣ, единственнымъ обезпеченіемъ правительству служить 75 ст. Мѣстн. Полож.

в) 22 ст. Прав. о пор. прив. въ дѣйств. Полож. обязываетъ совершить веденіе уставныхъ грамотъ въ 2-лѣтній срокъ, и г. министръ внутреннихъ дѣлъ, въ предложеніи отъ 24 сентября за № 329, по журналу главнаго комитета, поручилъ присутствію изыскать мѣры, какія необходимо принять для исполненія 22 ст. Правиль. Губернское присутствіе признавало отдѣленіе вопроса о ходатайствахъ по повышенію и пониженію повинностей къ введенію уставныхъ грамотъ одною изъ самыхъ дѣйствительныхъ къ тому мѣръ, потому что въ противномъ случаѣ, для исполненія 22 ст., пришлось бы или нарушить право, предоставленное статьями 173—175 Мѣстн. Полож., осуществленіе котораго къ 19 февраля 1863 года по своей

ству своему невозможно, или остановить введение грамотъ, вопреки 22 ст. и высочайшаго повелѣнія, чего присутствіе не можетъ принять на себя отвѣтственность.

Къ сему члены присутствія находятъ нужнымъ присовокупить, что губернскаго присутствія не можетъ считать себя въ правѣ разрѣшить вводить уставныя грамоты, несмотря на заявленія о пониженіи или возвышеніи оброковъ, потому что вопросъ о пониженіи никакимъ образомъ не требуетъ утвержденія губернскаго присутствія, на точномъ основаніи 176 ст. Мѣстн. Полож. и 3 п. 65 ст. Прав. о пор. прив. въ дѣйств. Полож. Это утвержденіе только отсрочивается до необходимаго изслѣдованія справедливости заявленій о соразмѣреніи повинностей.

Изъ всего вышеизложеннаго видно:

1. Что въ законѣ не установлено срока на ходатайства о повышеніи или пониженіи оброковъ, на основаніи 173—175 ст. Мѣстн. Полож.

2. Если въ настоящее время не отдѣлить вопроса о ходатайствахъ о повышеніи и пониженіи повинностей отъ введенія грамотъ, то встрѣчается рѣшительная невозможность исполнить 22 ст. Прав. о прив. въ дѣйств. Пол. относительно своевременнаго введенія грамотъ.

3. Помѣщики лишаются предоставленнаго имъ права на возвышеніе оброковъ съ временно-обязанныхъ крестьянъ ихъ имѣній, а крестьяне, въ которыхъ случаяхъ будутъ обложены оброками выше средствъ и, вслѣдствіе строгихъ мѣръ взысканія, будутъ лишены средствъ къ существованію, чѣмъ правительство будетъ поставлено въ затрудненіе въ отношеніи какъ административномъ, такъ и въ финансовомъ.

Затѣмъ члены губернскаго присутствія полагаютъ всѣ эти соображенія представить, на основаніи 325 ст. I тома учрежд. министерствъ, на благоусмотрѣніе г. министра внутреннихъ дѣлъ и ожидать разрѣшенія.

По выслушаніи вышеизложенныхъ соображеній, губернскаго присутствія, сознавая важность настоящаго дѣла, полагаетъ, что оно не можетъ принять на себя отвѣтственности въ разрѣшеніи возникшихъ по сему предмету недоумѣній, а потому, прежде исполненія предъявленнаго представителемъ присутствія предложенія г. министра внутреннихъ дѣлъ отъ 21 января за № 9623, постановило: подробныя соображенія по этому предмету представить г. министру внутреннихъ дѣлъ на его благоусмотрѣніе и разрѣшеніе. Причемъ присутствіе считаетъ нужнымъ присовокупить, что оно всегда сознавало всю отвѣтственность, которая могла произойти отъ случайнаго и поспѣшнаго примѣненія 175 ст. Мѣстн. Полож. и потому дѣйствовало съ крайнею осмотрительностью. До сихъ поръ, кромѣ одного случая пониженія оброка крестьянъ, оно удержало разсмотрѣніе и утвержденіе отдѣльныхъ представлений мировыхъ посредниковъ, впредь до возможности полнаго уясненія той системы, которой слѣдуетъ держаться при регулированіи повинностей и которая должна привести къ тому, чтобы тамъ, гдѣ пониженіе оброка крестьянъ необходимо по закону, оно не пре-

но осуществилось, но не иначе какъ по *надлежащемъ изслѣдованіи*, точномъ основаніи 176 ст. Мѣстн. Полож.

Вслѣдствіе словеснаго заявленія гг. предсѣдателя казенной палаты и бернскаго прокурора, выдать имъ засвидѣтельствованныя копіи съ сего постановленія.

Подлинное подписали: Викторъ Арцимовичъ, Е. Бударцевъ, Павелъ Яричевъ, Григорій Кишкинъ, вв. Андрей Оболенскій, Петръ Свистуновъ; ни особомъ мнѣніи Алексѣй Зыбинъ.

На представленіе послѣдовало два отвѣтныхъ предложенія министра 19 декабря 1862 г. и 22 января 1863 г. Въ первомъ изъ нихъ онъ сообщилъ присутствію, что по вопросу о срокѣ, съ истеченіемъ котораго должны прекращаться заявленія крестьянъ о пониженіи повинностей, онъ высказался при мнѣніи, выраженномъ въ отношеніи отъ 21 прошлаго ноября № 9623, а во второмъ сообщилъ, что 1) крестьяне по силѣ 77 ст. имеютъ право просить о пониженіи повинностей въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ введенія въ дѣйствіе уставной грамоты, и 2) если заявленіе несообразности оброка съ надѣломъ послѣдуетъ при самомъ введеніи грамоты и мировой посредникъ признаетъ невозможнымъ рѣшить ихъ просьбу послѣ осмотра надѣла, что по настоящему зимнему времени неудобно исполнимо, то грамота должна быть немедленно введена, а разрѣшеніе вопроса о пониженіи оброка отложено, и 3) всѣ частные случаи заявленій крестьянъ о пониженіи повинностей, по коимъ уже состоялось рѣшеніе, должны рѣшиться направленно согласно съ изложеннымъ въ предыдущихъ двухъ пунктахъ порядкомъ.

Такимъ *разясненіемъ* создавалось слѣдующее положеніе: 1) по всѣмъ обжалованнымъ, вслѣдствіе *недостаточнаго знакомства крестьянъ съ правами имъ* (предл. того же мин. вв. дѣлъ отъ 21 ноября), постановленіемъ грамотамъ въ положенный 3-мѣсячный срокъ *крестьяне не всегда мишались права* заявлять ходатайства о пониженіи повинностей, 2) всѣ прежнія рѣшенія (а слѣдовательно и по ходатайствамъ уже *указаннымъ*) утрачивали свою силу при несоответствіи ихъ съ указаннымъ въ «разясненіи» порядкомъ, и 3) *безсрочное по закону* право ограничилось срокомъ, установленнымъ для обжалованія дѣйствій *совсѣмъ иной категоріи!*

Въ этомъ «короткомъ и ясномъ»,—ясномъ до ужаса,—отвѣтѣ стремленіе вырвать изъ рукъ крестьянъ ихъ законное право и сохранить въ рукахъ помѣщиковъ ихъ высокіе оброки,—стремленіе, прежде хотя и плохо, но замаскированное, является въ обнаженномъ до неприличія, еле закрытомъ обрывками прежняго одѣянія видѣ. И въ *такомъ-то* отвѣтѣ поглощены были всѣ доводы, всѣ вразумленія, вся неопровержимая правда, вся животворящая сила апеллировавшаго ими постановленія губернскаго присутствія! Утробныя тенденціи въ союзѣ съ молчаливскими добродѣтелями держали верхъ, низвергли Арцимовича, низвергли законъ...

Но правда была, все-таки, высказана! Это было знаменитое «e rug si

шиво», отъ котораго не могъ воздержаться Галилей, проговоривъ знаменитую папою формулу отреченія. Галилей заключилъ въ темницу, Викторъ Антоновичъ былъ назначенъ въ сенатъ, — «въ видахъ успокоенія обезумѣвшихъ отъ страха корыстолюбивыхъ калужскихъ крѣпостниковъ», какъ значится въ книгѣ Г. А. Джаншіева *Эпоха великихъ реформъ* (стр. 68 по 6-му изд.).

Отвѣтное предложеніе министра внутр. дѣлъ уже не застало В. А. Арцимовича въ Калугѣ. 5 февраля 1863 года губернское присутствіе, подъ предсѣдательствомъ вице-губернатора Юревича, постановило: «предложить это сообщить мировымъ посредникамъ для свѣдѣнія и руководства и вмѣняющаго по сему предмету переписку припечатать въ приложеніи къ *Губ. Вѣдом. для всеобщаго свѣдѣнія*».

Э П И Л О Г Ъ.

1 февраля 1863 г. въ губернскомъ присутствіи подъ новымъ предсѣдательствомъ разсматривалось прошеніе помѣщика Калужскаго уѣзда, гвардіи штабсъ-капитана князя Несвицкаго, «недовольнаго мировыми учрежденіями и губернскимъ присутствіемъ» (такъ гласилъ заголовокъ дѣла).

«Въ теченіе полутора года, — пишетъ кн. Несвицкій, — сколько разъ ни обращался съ просьбою, куда слѣдуетъ, о понужденіи временно исполняемыхъ крестьянъ въ д. Григоровѣ, Старой и Новой Ильинкахъ къ уплатѣ мнѣ оброка за прошлый 1862 годъ, но до сихъ поръ не получаю никакого удовлетворенія; а такъ какъ при прежнемъ составѣ губернскаго присутствія подобное невниманіе къ справедливымъ и законнымъ жалобамъ гг. помѣщиковъ оставалось всегда безъ всякихъ послѣдствій, то позвольте мнѣ имѣть надежду, что въ настоящее время, при нѣкоторыхъ перемѣнахъ, прежнее неблагонамѣренное направленіе, данное исходу крестьянскаго дѣла въ губерніи, измѣнится къ лучшему и что во всѣхъ дѣйствіяхъ, вмѣсто произвола или собственныхъ воззрѣній, проявится точное исполненіе правилъ, предписанныхъ закономъ. Вслѣдствіе сего покорнѣйше прошу калужское присутствіе сдѣлать зависящее распоряженіе о понужденіи крестьянъ къ точному исполненію ихъ обязанностей, изъясненныхъ въ уставныхъ грамотахъ, введенныхъ уже въ дѣйствіе въ моемъ имѣніи, и о послѣдовавшемъ не оставить меня увѣдомленіемъ».

Имѣя въ виду, что прошеніе кн. Несвицкаго «исполнено укоротельнымъ намекомъ на незаконное, будто бы, направленіе присутствія при его прежнемъ составѣ», губернское присутствіе постановило прошеніе это согласно 321 ст. XV т. Св. Зак., передать на законное распоряженіе губернскаго правленія и при этомъ «сочло необходимымъ высказать, что и въ настоящее время, оставаясь въ томъ же составѣ, какъ было и прежде, за исключеніемъ происшедшей перемѣны въ лицѣ предсѣдателя, оно дѣйствовало и дѣйствуетъ въ духѣ законности и дѣйствія свои выражало всегда ясно, такъ что изъ не могли не знать — ни высше

завѣтъ, ни общество; а потому, продолжая и на будущее время подовать тому же законному направленію, губернское присутствіе и въ настоящемъ случаѣ считаетъ полезнымъ обратиться къ справкѣ для того, чтобы голословные, ни на чемъ не основанные извѣты могли обна- жаться вполнѣ, и тѣмъ оградить достоинство губернскаго присутствія отъ незаслуженныхъ обвиненій на будущее время. Изъ приведенной справ- ки оказывается, что собственно по жалобѣ кн. Несвицкаго было одно дело, и что онъ, не выждавъ просимыхъ присутствіемъ свѣдѣній отъ ми- рового посредника, совершенно напрасно усомнился въ томъ, что губерна- нское присутствіе только въ настоящее время сдѣлаетъ законное распоря- женіе по заявленію владѣльца, и совершенно неумѣстно выразилъ надежду, о «прежнее неблагонамѣренное направленіе, данное исходу крестьянскаго дела въ губерніи, измѣнится къ лучшему». Оспаривать эту рѣзкую выход- ку кн. Несвицкаго присутствіе не находить нужнымъ» (Подписали Н. Юр- вичъ, П. Черняевъ, Г. Бишкинъ, П. Свистуновъ, кн. А. Оболенскій; *при- боломъ мнѣніи*: Ф. Щукинъ, В. ф.-Ренне и А. Зыбинъ).

Гласно высказанному здѣсь объѣту «и на будущее время слѣдовать прежнему законному направленію» не суждено было сбыться: пріѣхалъ новый губернаторъ, чтобы, купно съ авторами «особыхъ мнѣній», образовать боль- шинство, весьма удобное для всѣхъ «недовольныхъ гвардіи штабсъ-капи- танъ» губерніи, и вышеизложенныя *ria desiderata* присутствія оказались лишь предсмертными, инертными содроганіями могучаго, только что обез- живленнаго тѣла, послѣднимъ вздохомъ отлетавшей въ небо души.

Насталъ «праздникъ и на дворянской улицѣ». Но на нее мы не пове- римъ читателя: она и *сейчасъ* у него передъ глазами—это, во-первыхъ, а, во-вторыхъ, каждый изъ нашихъ городовъ, какъ это извѣстно, одну изъ южныхъ улицъ непременно называетъ «Дворянскою»,—дѣло, стало быть, болѣе знакомое. Мы лучше вернемся не надолго назадъ и сконцентри- руемъ вниманіе читателя на общихъ тезисахъ и основныхъ положеніяхъ, выработанныхъ практикою калужскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣ- ламъ присутствія и извлеченныхъ нами изъ его постановленій, затѣмъ проведемъ общіе итоги и выводы изъ всего предшествующаго изложенія въ сравнительной его параллели съ явленіями нашихъ дней.

IV.

Итоги, контрасты и заключеніе.

Общіе тезисы и основныя положенія, выработанныя практикою губернскаго присут- ствія.—Характеристика направленія и свойствъ его дѣятельности.—Ихъ первоисточ- ники.—Школа прежде и теперь.—„Дѣятели“ и „дѣльцы“.—Заключеніе.

1.

Вотъ краткій перечень общихъ тезисовъ и основныхъ положеній, вы- работанныхъ практикою калужскаго губернскаго присутствія.

Въ области служебной этики и политики.

1. Отклоняя тотъ или иной законопроектъ, то или иное мнѣніе, недостаточно ограничиться указаніемъ его *формальных* погрѣшностей, — надобно *убѣдить* предъявителя въ неосновательности предложенія по существу и тѣмъ предотвратить возможность его новаго воплощенія.

2. Должностныя лица, на которыхъ возложено мировое судебное разбирательство, должны особенно заботиться пріобрѣтеніемъ довѣрія мѣстныхъ населенія, дѣйствовать не по одной буквѣ, но по общему духу закона, и являть собою въ собственныхъ дѣлахъ примѣръ гражданской безупречности.

3. Сохраненіе добрыхъ отношеній между двумя сословіями должно лежать въ основѣ дѣятельности мировыхъ учреждений.

4. Обнародованные законы должны быть всѣмъ и каждому известны, исполненіе ихъ для всѣхъ равно обязательно, и потому соглашеніе сторонъ должно происходить при полномъ сознаніи ими своихъ правъ и обязанностей по закону.

5. Въ этой цѣли мировые посредники, дѣйствуя по возможности примирительно, вмѣстѣ съ тѣмъ обязаны ограждать права и пользы обѣихъ сторонъ и непремѣнно, пользуясь всякимъ случаемъ, внушать и разъяснять крестьянамъ, какъ преимущественно въ томъ нуждающимся, всѣ права и обязанности ихъ по Положенію.

6. Только тогда взаимныя отношенія между землевладѣльцами и крестьянами будутъ прочны, когда въ послѣднихъ разовьются истинныя понятія о правахъ собственности, и, конечно, примѣръ тому должны показать землевладѣльцы. Частныя неудобства, возможные въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не могутъ быть поставлены выше общественной и нравственной пользы.

7. Разрѣшая ходатайства крестьянъ, необходимо принимать во вниманіе ихъ неразвитость и неумѣніе разомъ и послѣдовательно высказывать свои недоумѣнія и возраженія.

8. Охрана самостоятельности мѣстныхъ учреждений должна согласовываться съ отиѣною ихъ неправильныхъ распоряженій.

9. Необходимо объяснять крестьянамъ значеніе ихъ общественнаго управленія и суда, стараясь внушать имъ понятія о законности, какъ главномъ основаніи дѣйствій, какъ частныхъ лицъ, такъ и учреждений.

10. Мировые посредники должны быть ограждены въ своей независимости отъ контроля и вліянія предводителей дворянства, — вліянія, которое не можетъ не имѣть сословнаго характера.

11. Размѣръ поземельныхъ повинностей долженъ строго соответствовать почвеннымъ условіямъ каждой данной мѣстности. Частая принудительная продажа крестьянскаго имущества вредна потому, что крестьяне уступаютъ въ этомъ случаѣ не нравственному убѣжденію и не уваженію къ закону, а силѣ, и въ законныхъ требованіяхъ видятъ лишь вынужденность *).

*) Въ то время недомки еще не „выколачивались“ розгами и истязаніями

По государственному праву.

12. Государственное значеніе неприкосновенности выборнаго начала должно искусственнаго престижа коронной власти.

13. Упрощеніе сословныхъ отношеній и свободное развитіе труда—на необходимыхъ условія нравственнаго и матеріальнаго преуспѣванія государства.

14. Дарованная сельскимъ и волостнымъ сходамъ автономія въ расходѣхъ на общественныя ихъ потребности не подлежитъ ничему вмѣшательству и никакой регламентаціи.

15. Въ дѣлахъ объ увольненіи и отрѣшеніи избираемыхъ крестьянами должностныхъ лицъ должна быть соблюдаема особенная осмотрительность, такъ какъ для успѣшнаго развитія общественнаго управленія необходимо, чтобы должности эти пользовались уваженіемъ, а послѣдняя смѣна ихъ возвысить ихъ значеніе въ глазахъ и избирателей и избираемыхъ.

16. Въ тѣхъ случаяхъ, когда полномочія сельскаго схода угнетаютъ интересы личности, приговоръ схода не можетъ признаваться дѣйствительнымъ.

По судоустройству и судопроизводству.

17. Нѣтъ никакого повода не допускать постороннихъ лицъ къ присутствованію при совѣщаніяхъ мирового съѣзда о дѣлахъ распорядительныхъ.

18. Совѣщанія членовъ мирового съѣзда предъ постановленіемъ судебного рѣшенія могутъ происходить публично, если никто изъ сихъ членовъ не встрѣтитъ къ тому препятствія.

19. Въ цѣляхъ охраненія независимости волостныхъ судовъ, ни мирные посредники, ни старшины не должны вмѣшиваться въ производство дѣлъ. Мировой посредникъ—не начальникъ адъ судомъ, который не можетъ быть зависимымъ отъ власти административной. Противный образъ дѣйствій поколеблетъ въ крестьянахъ довѣріе къ своему общественному управленію.

По гражданскому праву.

20. Неисполненіе свободнымъ человекомъ своихъ поземельныхъ обязательствъ къ владѣльцу, отличаясь исключительно гражданскимъ характеромъ, не можетъ подлежать какому бы то ни было уголовному взысканію.

21. Сдѣлка не дѣйствительна и добровольное соглашеніе не добровольно, если одна изъ сторонъ не обладаетъ полнымъ сознаніемъ своихъ правъ, вслѣдствіе этого, поступаетъ ими. Въ такомъ случаѣ договоръ не можетъ подлежать утвержденію, хотя бы противъ него и не было сдѣлано никакихъ возраженій.

22. Доказанная давность безспорнаго и безмезднаго владѣнія, какъ общее охраняемое закономъ право, даетъ перевѣсъ въ спорѣ передъ формальнымъ письменнымъ и даже крѣпостнымъ актомъ, какъ подтверждающимъ не полное право собственности, а лишь право на владѣніе ею, въ дѣйствительности еще не осуществленное.

По истолкованію смысла законовъ.

23. Положительному закону слѣдуетъ давать возможно широкое примѣненіе и указаніями практики и толкованіемъ по духу и разуму предоставленныхъ имъ общихъ началъ восполнять пробѣлы кодификационныхъ, и всегда удачныхъ нормъ.

24. Истолкованіе закона въ тѣхъ случаяхъ, когда его буква стоитъ въ видимомъ противорѣчій съ его общимъ духомъ, должно поворотиться не на этой буквѣ, а на общемъ духѣ, выраженномъ какъ въ основной части принимаемаго закона, такъ и въ аналогичныхъ съ даннымъ случаемъ другихъ его статьяхъ.

25. Примѣненіе закона въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можетъ выясняться только практикою, причѣмъ одинъ и тотъ же вопросъ, отъ совокупности разныхъ дополнительныхъ обстоятельствъ, можетъ получать различный исходъ. Поэтому высшая инстанція не можетъ принимать на себя разрѣшенія того или иного случая внѣ порядка обжалованія на общіе основанія.

26. Официально-юридическому разрѣшенію могутъ подлежать лишь тѣ вопросы, которые возникаютъ на фактической, а не на умозрительной почвѣ.

Тридцать пять лѣтъ тому назадъ открылось это богатое наследствіе, и до сихъ поръ еще нѣтъ ему правомочнаго наследника, — оттого ли, что до сихъ поръ еще идетъ споръ чуть не по каждому изъ пунктовъ «духовнаго завѣщанія», оттого ли, что состояніе завѣщано малолѣтнимъ, состояніе подъ опекою, оттого ли, что бездѣйствуютъ душеприкащики — рѣшить это трудно. Несомнѣнно одно, что *такое* имущество «вымороченнымъ» оставаться не можетъ.

2.

Говоря о рѣшеніяхъ и постановленіяхъ калужскаго губернскаго присутствія, мы уже не разъ имѣли случай указывать на то противоположное, которое, бросаясь въ глаза, отграничиваетъ начало крестьянскаго дѣла отъ его современнаго «довершенія». Мы видѣли, что наблюдаемыя тогда явленія были не только чужды этому началу, но и *невозможны* въ то время, благодаря основаніямъ, на которыхъ совершилось практическое преобразование быта, и условіямъ, которыми оно обставилось. Установить эти основанія, выработать эти условія — всецѣло выпадало на долю губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, — руководителей въ новомъ, безпремѣрномъ дѣлѣ введенія Положеній 19 февраля. Эти положенія представляли тогда небольшую тоненькую книжку, уже много спустя послѣ того начавшую обрастать тѣмъ дремучимъ, непроходимымъ лѣсомъ циркуляровъ, дополненій, поясненій, примѣчаній и измѣненій, какой такъ жестоко затрудняетъ пользованіе ими въ наши дни.

Надлежало, такимъ образомъ, «слово» сдѣлать «плотью», *творитъ, со-
идати*. Задача столько же трудная, заманчивая и ответственная, сколько
бюродоострая и скользкая. Предшествовавшее изложеніе, полагаемъ, доста-
точно выяснило, какъ задача эта была выполнена калужскимъ губерскимъ
присутствіемъ.

На рубежѣ двухъ противоположныхъ эпохъ, въ томъ предразсвѣтномъ
игракѣ, когда едва занявшаяся заря, постепенно разгараясь, гонитъ тѣни
бѣгающей ночи, мы видимъ правительственное учрежденіе, беззавѣтно пре-
мное освободительной и гуманной идеѣ, сразу ставшее въ уровень своей
идеѣ, сразу охваченное всѣми лучами этой едва занимавшейся, долнинамъ
це не видимой, но уже освѣтившей горныя вершины, зари.

Если теперь, покончивъ съ детальной обработкой предмета, мы бросимъ
взглядъ на широкое, залитое этими вѣшними лучами, поле дѣятель-
ности губернскаго присутствія, мы найдемъ въ основныхъ чертахъ ея слѣ-
дующія характерныя свойства.

Мѣткость и глубину юридическаго мышленія, посвященнаго служенію
гуманнымъ цѣлямъ вводимого въ жизнь закона, т.-е. крайне рѣдкое соче-
таніе высшихъ, благороднѣйшихъ свойствъ разума и сердца.

Безусловную самостоятельность въ разрѣшеніи встрѣчающихся на прак-
тикѣ вопросовъ, затрудненій и такъ называемыхъ «недоразумѣній» и «пред-
ставленія на благоусмотрѣніе» лишь въ крайнихъ случаяхъ пробѣла въ
законѣ, не воспользовавшаго толкованіемъ его по общему духу.

Спокойствіе и самообладаніе—до того, что, читая сборникъ рѣшеній
присутствія, забываешь, что это не журналы обычнаго коллегіальнаго учреж-
денія, мирно вершающаго свои дѣла, а реляція съ поля битвы, распоря-
женія, даваемые подъ непріятельскимъ огнемъ, когда нужно было спѣшить
крѣпленіемъ занятыхъ позицій въ виду быстро наступавшей реакціи и
корачиваемыхъ ею сроковъ на дѣйствія, требовавшія по важности своей
такъ много времени и такъ много кропотливаго, тяжелаго труда.

Отсутствіе, несмотря на то, въ этомъ сборникѣ всякихъ слѣдовъ какого-
либо раздраженія, постоянно замѣтнаго въ нападающей сторонѣ, и сколько
любви, сколько предусмотрительной заботливости въ охранѣ дарованныхъ
правъ, кому бы они ни принадлежали—цѣлому ли населенію нѣсколькихъ
уѣздовъ, или беззащитному ребенку, обиженной вдовѣ, гонимому бродягѣ.

Отеческое вниманіе къ нуждамъ и потребностямъ освобожденныхъ отъ
рѣпостного ига, не перечисленнымъ даже въ «предметахъ вѣдомства» гу-
берскихъ присутствій по буквѣ закона, но тѣсно, органически съ его ду-
хомъ связаннымъ (таковы, наприм., устройство теплыхъ помѣщеній для
вѣстующихъ, страхование отъ огня крестьянскихъ построекъ, устраненіе
формальныхъ, по старой памяти, препятствій къ заключенію браковъ, упо-
моченіе семейныхъ раздѣловъ, мѣры противъ пьянства, содѣйствіе къ
открытію школъ и т. д.: всѣмъ этимъ мѣрамъ предшествовало обстоятель-
ное изслѣдованіе по даннымъ, собиравшимся мировыми посредниками и
исполнявшимися затѣмъ въ губернскомъ присутствіи).

Глубокую и заботливую осмотрительность въ принятіи и оцѣнкѣ или другой мѣры, не ограничиваемыхъ безотносительнымъ только ихъ значеніемъ, но направленныхъ къ опредѣленію и того, какъ рекомендуемая или отвергаемая мѣра должна отразиться въ правосознаніи народа, въ его чувствахъ и понятіяхъ, въ его общечеловѣческихъ свойствахъ, вѣнчаліи и сужденіяхъ,—стремленіе *воспитать* въ освобожденномъ рабѣ нелизнаго отечеству гражданина, *сознательно и добровольно* несущаго свои обязанности и *свободно* пользующагося своими законными правами.

3.

Откуда же взялась эта богатырская, *въ наши дни изумительная*, по качеству и по количеству, дѣятельность? Чѣмъ создалась эта глубокая пропасть между былымъ и теперешнимъ? Гдѣ первоисточникъ этой думной мощи, этой гармоніи слова и дѣла, этой стойкой, гибкой и созидательной мысли, этой сердечной отзывчивости на всѣ робкіе, неумѣлые и слухные запросы освобожденнаго раба?

Вотъ вопросы, которые несомнѣнно задасть себѣ читатель, ознакомившись съ дѣятельностью калужскаго губернскаго присутствія,—вопросы настолько интересные, что ихъ нельзя оставить безъ отвѣта, въ особенности тогда, когда этотъ отвѣтъ можетъ быть данъ не съ чужихъ словъ, а по собственному опыту, по показанію свидѣтеля-очевидца.

Дѣятельность эта, конечно, обуславливалась въ извѣстной степени вѣяніями современной ей великой преобразовательной эпохи, но далеко не только можетъ быть объяснена: крестьянская реформа только что *начинала* эту эпоху, предшествуя слѣдовавшимъ за нею прочимъ реформамъ, открывала собою ихъ свѣтлый цѣль. Вѣяніямъ, общественному настроенію немыслимо въ этомъ случаѣ принадлежать лишь второстепенное, воспособляющее значеніе: благодаря имъ эта дѣятельность могла лишь свободно развиваться, — да и то, какъ это мы видѣли, въ теченіе весьма недолгаго срока—всего два года съ небольшимъ, но не ими она создавалась, не въ нихъ получила зачатіе свое, а, наоборотъ, *сама создала и эти вѣянія, и это настроеніе*; и тѣ и другія были *ровесники*, слѣдовательно, задатки успѣха первыхъ были къ началу реформы *уже налицо*. Гдѣ же и въ чемъ коренились они? Не въ общественномъ служеніи, до реформы немислимомъ, и не въ государственной, конечно, службѣ тѣхъ же пресловутыхъ «дореформенныхъ» временъ. Да и калужскіе дѣятели реформы, начиная съ В. А. Арцимовича, были люди совсѣмъ молодые, вышедшіе на арену общественной дѣятельности не задолго до объявленія воли или одновременно съ нимъ. Надо стало быть, слѣдуя очевидному указанію простой хронологіи, идти дальше и искать первоисточника *въ условіяхъ тогдашняго воспитанія*.

Тогдашнія среднія учебныя заведенія не грѣшили противъ евангельской заповѣди—*не угашали духа* переутомленіемъ. Тогдашняя школа оставляла учащему (неумышленно, конечно) много свободныхъ часовъ для саморазви-

и чтеніемъ и бесѣдами, для синтеза и анализа, для вдумчивости, для связи и наблюдений при свободной помощи не подавленныхъ, не извращенныхъ природныхъ способностей ума и сердца.

«Какъ бы то ни было,—говорить Н. Н. Терпигоревъ въ своихъ школьныхъ *Воспоминаніяхъ* *),—а мы жили, развивались, и развились въ то, о чемъ мы теперь представляемъ, *поучительнымъ и удивительнымъ путемъ*. Мы, живя въ настоящему, по тому, что дѣлалось для нашего развитія начальствомъ, по тому, что оно внушало намъ, по тому, какіе мы видѣли примѣры,—изъ насъ изо всѣхъ должны бы обязательно выдти подлецы. Если что спаслось, такъ это—недостатокъ педагогическихъ на насъ воздѣйствій, слишкомъ большой примѣръ живой жизни, которую педагоги своими системами и методами еще не успѣли въ школахъ того времени задавить. Этотъ примѣръ живой жизни спасъ насъ, не давъ намъ задохнуться и сдѣлаться такими жалкими, несчастными, блѣдными, съ искривленными спинами, близорукими, *какимъ сколько угодно въ теперешнихъ школахъ*, устроенныхъ и управляемыхъ чиновниками-педагогами съ иссохшими мозгами и сердцемъ. Мы были предоставлены въ довольно значительной степени самимъ себѣ. Только разумъ учителямъ мы обязаны были всѣмъ, что только пробудила чистаго, живого и человѣческаго въ насъ гимназія. Чѣмъ-то новымъ, живымъ, свѣтлымъ, бодрящимъ вѣяло отъ нихъ. Въ послѣдній годъ нашего пребыванія въ гимназіи къ этимъ двумъ свѣтлымъ личностямъ прибавились еще двѣ личности же. *Жажда чтенія доходила у насъ въ кружкахъ до степени какого-то запоя*. Мы читали вечерами, ночами, утромъ, для чего вставали въ часъ и больше до положеннаго по расписанію времени, а зимой читали при свѣтѣ топившейся печи. И читали не вздоръ какой, а все серьезныя вещи: Соловьева, Бѣлинскаго, который тогда только что вышелъ, Тургенева, Костомарова, Гончарова, только что проявившагося тогда Добролюбова. *И я, и все мы—можемъ прямо сказать, что этому чтенію, или той охотѣ къ чтенію, развитой въ насъ этими учителями, мы обязаны всемъ нашимъ развитіемъ*».

Массу подобныхъ же *единогласныхъ* отзывовъ можно найти въ печатныхъ и устныхъ школьныхъ воспоминаніяхъ той эпохи. Тотъ же отзывъ можетъ повторить и пишущій эти строки—современникъ ея.

Такова была средняя школа, таковъ былъ и университетъ 50-хъ годовъ въ незабвенною плеядою своихъ профессоровъ; таковъ былъ и студенческій тогдашній бытъ.

Въ составѣ дѣятелей по освобожденію въ Калужской губерніи было особенно много университетскихъ воспитанниковъ. Въ нашѣмъ, наприм., мировомъ съѣздѣ на 6 членовъ 4 окончили курсъ университета и 1—въ звонѣ правовѣднія. Подобный же процентъ наблюдался и въ другихъ мѣстахъ. Это обстоятельство наиболее близко разрѣшаетъ вышепоставленные вопросы о первоисточникѣ и контрастѣ, и потому на немъ нельзя не оста-

*) *Историческій Вѣстникъ*, январь 1896 г.

новить вниманія молодого читателя, а его-то, прежде всего, мы и имеем въ виду.

Приступая къ изложенію этой любопытнѣйшей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обиднѣйшей стороны дѣла, намъ необходимо предупредить недоумѣніе, которое можетъ возникнуть въ читателѣ, болѣе или менѣе скептически настроенномъ: отчего же, подумаетъ онъ, если такъ благотворно было вліяніе тогдашней средней и высшей школы, не отразилось оно тѣмъ же воздѣйствіемъ и на меньшинствѣ членовъ губернскаго присутствія, и на стоящей за нимъ дворянской оппозиціи? Но вопросъ падаетъ самъ собою въ виду того, что и это меньшинство, и эта оппозиція въ сплошную состояли изъ озлобленныхъ старцевъ, пережившихъ вліяніе какой бы то ни было школы, а въ большинствѣ членовъ и присутствія, и мировыхъ учреждений—единственнымъ пожилымъ человѣкомъ былъ П. Н. Свистуновъ, оплатившій свои убѣжденія почти пожизненною каторгой: не ему, понятно, было кѣмъ вѣрить, когда они стали закономъ, когда онъ проводилъ въ жизнь и эти убѣжденія, и этотъ отождествленный съ ними законъ, дѣйствуя въ качествѣ члена «по назначенію отъ правительства».

Еще одно предварительное замѣчаніе. Въ *общей* характеристикѣ рунды дѣятельности калужскаго губернскаго присутствія чрезвычайно трудно обособить ее отъ параллельной, исполнительной дѣятельности мировыхъ посредниковъ и ихъ съѣздовъ. Это было одно цѣлое, многочисленная группа лицъ, сплоченныхъ одною освободительною миссіей, сообща исполнявшихъ безъ всякаго различія возрастовъ, чиновъ, положеній, — нѣчто вродѣ домашней артели, съ общиннымъ трудомъ, общиннымъ умственнымъ капиталомъ и съ общиннымъ же «старостою», но отнюдь не начальникомъ. Къ этому все, что будетъ сказано далѣе, можетъ быть одинаково отнесено къ той и къ другой фракціи этого коллективнаго, живого организма, къ живой задачѣ упразднившаго и іерархію, и инстанціи.

Теперь къ дѣлу.

Университетскій человѣкъ въ мировомъ посредникѣ перваго прихода или въ пионерѣ судебного преобразования—совершенно не тотъ человѣкъ, который наблюдается, напримѣръ, въ современномъ кандидатѣ на судебныя должности, помощникѣ присяжнаго повѣреннаго, земскомъ начальникѣ. Это—два антипода. Какая-то печальная эволюція не оставила ни одной черты, ни одного признака, по которымъ послѣдній напоминалъ бы перваго. Тамъ, гдѣ нѣкогда мы восхищались идейнымъ отношеніемъ къ задачѣ, душевнымъ интересомъ къ своему дѣлу, мы впоследствии увидѣли лишь холодное, *enfre-aufre*, «прохождение службы», узкую, карьерную цѣль, а полученное университетское, «высшее» образованіе расплывалось только по формулярному списку. Когда прокурору, напримѣръ, приходилось указывать *такую* задачу, взывать къ *такому* интересу, руководимый имъ университетскій человѣкъ новой формаціи почтительно выслушивалъ «указанія» начальства, но для того только, чтобы потомъ, въ приятельскомъ кружкѣ, посмѣяться надъ «неисправимымъ идеалистомъ», изъ

эти указанія сводились къ защитѣ законныхъ правъ изувѣченнаго ма-
лою рабочаго, къ возстановленію чести обманутой дѣвушки, къ охранѣ
изуемаго ребенка и къ тому подобнымъ, совсѣмъ уже не мечтательнымъ
имѣ. Если же дѣло касалось выясненія личной, индивидуальной, бы-
вой, или социальной обстановки событія, то университетскій человѣкъ
сво уступалъ семинаристу или воспитаннику военно-учебныхъ заведеній.
Все измѣнилось въ этой печальной эволюціи: и профессора, и студен-
и программы преподаванія. Профессорамъ приходилось уходить на
раничныя кафедры, въ адвокатскую корпорацію, или въ литературу.
личеніе платы за слушаніе лекцій наполнило университеты переутом-
ными сыновьями зажиточныхъ классовъ общества. Ихъ традиціи про-
ли въ стѣны университета, разобщили студентовъ и, не встрѣчая уже
ора въ абorigенахъ деревни и притча, дали преобладающій тонъ
льному студенчеству. Ихъ нѣтъ теперь, этихъ абorigеновъ; имѣ близка
юрога была родная крестьянская изба, близокъ и дорогъ былъ ветхій
жкъ сельскаго дьякона, обвѣянный святыми воспоминаніями скорбнаго
ства; въ нихъ жила и съ ними же ушла та «непечатая, черноземная
а», которая всегда такъ благотворно-освѣжительна въ застоившихся
ѣтурныхъ центрахъ,—сила, заставляющая товарищей - аристократовъ
снѣтъ за свои роскошныя палаты, за свои веселыя ночи, за свою глу-
р болтовню и убогіе интересы. Въ этомъ оздоровительномъ всеслов-
къ общеніи исчезали кастовыя инстинкты, оживлялись умы потомковъ
удалыхъ дворянскихъ родовъ, росло и крѣпло альтруистическое чувство.
изья и графы щеголяли своими «карнаухами» трехуголками и протер-
ки на локтяхъ сюртуками, пили вмѣстѣ съ дьяконскими сыновьями жи-
лькій «кружковой чай», зачитывались и заговаривались до бѣла-свѣта.
ѣдиняющимъ началомъ, вмѣсто винта и скачекъ, являлась выслушан-
и утroph лекція, прочитанная книга, общественные идеалы.

Понятно, что подобные кадры не могли одѣлывать государственную служ-
покладливыми Молчаливыми, а свободную адвокатуру—темными гешефт-
керами. Понятно, что ни одинъ изъ выпущенниковъ этихъ кадровъ не
тъ бы унизиться до собственноручнаго «мордобитія» подвѣдомыхъ обы-
телой и не далъ бы своей подписи подъ приговоромъ, назначающимъ
ми за недоимку.

Все измѣнилось,—и современный «дѣлецъ» смѣнилъ былого «дѣтеля».
Въ обилии поставляемый университетами позднѣйшихъ лѣтъ, дѣлецъ
тъ крайне ограниченъ въ своемъ умственномъ кругозорѣ; всякая мало-
ьски серьезная бесѣда видимо тяготитъ его. Такъ же относится онъ и къ
ьезной работѣ; въ ней онъ тупъ и неповоротливъ и можетъ двигаться
шь въ рамкахъ усвоеннаго шаблона. Сознательно-критическое отношеніе
исполняемому закону ему совсѣмъ уже чуждо, да это нисколько и не
пересуетъ его, разъ дѣло переходитъ за предѣлы личной выгоды или
счета. Руководится онъ, главнымъ образомъ, при помощи того не хи-
го механизма, который зовется «житейскою сметкой», и здѣсь, разу-

мѣтся, ошибокъ не дѣлаеть; книгу не выноситъ, чтеніе ненавидитъ, — опротивило ему съ гимназіи. Узнавши его поближе, вы непременно кликнете: «Боже мой! Да неужели же этотъ человѣкъ четыре года былъ въ университетѣ и вышелъ кандидатомъ?... О направленіи и говора нечего. Его зачастую и не распознаешь: это и излишне, и стѣснительно. Явственнѣе прочаго сказываются принципы ретрограднаго отбѣга; и даже любятъ нерѣдко и бравировать: съ видимымъ удовольствіемъ «сидать юридическихъ наукъ» рассказать, напримѣръ, какъ онъ приказомъ волостному суду выпоротъ такого-то морзавца или какъ онъ утѣшилъ такую-то школу, — особенно, если въ собесѣдованіи участвуетъ кто-нибудь изъ старичковъ - шестидесятниковъ. Для народа, кромѣ ежовыхъ ружей, онъ ничего не желаетъ, престижъ дворянства обязателенъ во что бы ни стало и, — уже само собою разумѣется, «блага меньшого брата», борясь за право и справедливость и т. п. «направленство» открыто зачислено въ область «пустяковины» и «сантиментовъ».

Понятное дѣло, что подобныя питомцы «высшаго образованія», и бы оно ставилось обязательнымъ цензомъ, не будутъ желанными дѣлами на поприщѣ государственнаго или общественнаго служенія. Въ должностяхъ земскаго начальника, вмѣсто указанныхъ въ законѣ цѣлей, — «блага сельскаго обывателя» и «довершенія крестьянскаго дѣла», они будутъ лишь «стража», въ финансовыхъ учрежденіяхъ будутъ преслѣдовать чуждыя фискальныя цѣли, въ судѣ — репрессивныя, адвокатскую функцію перенести въ коммерческое предпріятіе и, въ благопріятнѣйшемъ случаѣ, чѣмъ не выдадутся, ничего по себѣ не оставить.

Мы отмѣтили лишь два пункта печальной эволюціи: исходный и конечный, чтобы короче и точнѣе демонстрировать читателю характеръ лученнаго въ общемъ итогѣ контраста, — переходъ же съ начала къ концу совершался, разумѣется, постепенно. Исподволь, мало-по-малу, въ борьбѣ старыхъ университетскихъ традицій съ новыми вѣяніями («стольнѣе», и чѣмъ, не было — было, скорѣе, затишь), дорогая сердцу alma mater возвращалась въ злую мачиху. Цѣною горькаго искуса, многолѣтняго и кроваваго, приобрѣли мы скорбное и, увы, неотъемлемое право сказать жесткія слова: процессъ превращенія пришлось намъ наблюдать съ самаго ближайшаго разстоянія и во всѣхъ ея сравнительныхъ и послѣднихъ трехъ стадіяхъ — въ студентахъ-сверстникахъ, въ студентахъ-сослуживцахъ и въ студентахъ-подчиненныхъ. Наблюденія начались въ 1855 г. въ стѣнахъ университета и завершились въ концѣ 80 годовъ службѣ въ прокурорскомъ надзорѣ. Они обнимали собою три большихъ и девяти мелкихъ округа и свыше двадцати университетскихъ выпусковъ, ежесменно поставлявшихъ нашему руководительству по нѣскольку кандидатовъ на судебныя должности, командируемыхъ въ помощь слѣдователямъ, лицамъ прокурорскаго надзора или для занятій въ канцеляріи прокурора или палаты. Наблюдательный постъ оказывался, такимъ образомъ, обставленнымъ самыми счастливыми для полноты и безгрѣшности выволакиванія

ими. Онъ давалъ, кромѣ того, возможность и сравнительныхъ сопоставленій съ воспитанниками не только разныхъ выпусковъ по годамъ, но и разныхъ учебныхъ заведеній. Различіе между первою и второю категоріями, бывшее рѣзкое и ошутительное въ началѣ 60-хъ годовъ, мало-по-малу сглаживалось, переходя въ 80-мъ годамъ, и подъ конецъ выразилось отрицательнымъ—о. Между лицами второй категоріи приходилось встрѣчать многихъ, выдававшихся не однимъ только «усердіемъ въ исполненіи служебныхъ обязанностей»; приходилось встрѣчать такихъ даже, которые въ это исполненіе служебныхъ обязанностей, вмѣсто общихъ, шаблонныхъ приемовъ, вносили много новаго, своего, живого и научнаго. Университетскіе служащія подымали на смѣхъ подобныхъ новаторовъ, называя ихъ ронистами и поэтами.

4.

Вотъ почему такъ рѣзокъ контрастъ между началомъ и концомъ нашего перода. Вотъ почему такъ страстно хочется вспомненное имѣть *прошлое* видѣть не только *настоящимъ*, но и *будущимъ*. Вотъ почему, помимо субъективныхъ свойствъ калужскихъ дѣятелей освобожденія,—выдающагося ума, сердечной отзывчивости и сильнаго характера, которыми такъ богато было то прошлое и такъ бѣдно это настоящее,—были и инныя, болѣе общія причины, *специально* выясняющія намъ поражающій всѣхъ изслѣдователей плавшаго и современнаго контрастъ. Вотъ почему А. Ф. Кони, такъ много смѣтко наблюдавшій съ высоты своего служебнаго поста, долженъ былъ начать свой превосходный очеркъ, посвященный памяти знаменитаго дѣятеля эпохи реформъ, Д. А. Ровинскаго, такими словами: «Наше время прекаютъ,—и не безъ основанія,—въ измельчаніи личности и въ господствѣ рѣзкой специализаціи. Оба эти явленія въ тѣсной связи между собою, оба печально отражаются на духовномъ складѣ общественной жизни. Личность чаще и чаще умалется, ступшевывается... Слабѣетъ воля, тускнѣютъ идеалы и все рѣже встрѣчаются такъ называемые характеры. Современный образованный человекъ можетъ, если захочетъ, обладать гораздо большимъ богатствомъ по части знаній, чѣмъ его отцы и дѣды; онъ окруженъ и гораздо болѣе удобною внѣшнею обстановкою. Но, наряду съ этою возможностью и съ этими удобствами, въ немъ нерѣдко замѣчается *недостатокъ нравственной силы и дѣятельнаго отношенія къ жизни во семь, что не касается узко-личныхъ, но болшей части, мелкихъ интересовъ*».

Вотъ какую дорогую,—страшно дорогую,—цѣной покупаются эти знанія и эти удобства! Прѣжняя школа, прѣжняя жизнь не давала ихъ, но когда было на-лицо сокровище болѣе драгоценное,—была возможность *внѣшкольного*, хотя бы и въ стѣнахъ школы, общаго развитія. Многимъ близана наша служебная и общественная дѣятельность этому внѣшкольному развитію, которому школа, какъ учрежденіе, помогала только двумя спо-

собами: активно—обученіемъ чтенію и письму,—и пассивно—недострокою наставниковъ. Современная школа давно уже не знаетъ этого великаго дѣятеля, формировавшаго въ «отцахъ и дѣдахъ» нравственную силу и «дѣтельное отношеніе къ жизни»; лишь въ самое послѣднее время появились попытки восполнить этотъ пробѣлъ «программами домашняго чтенія»... въ ожиданіи чтецовъ. Въ прежней школѣ не было *системы*, но было *воспитаніе*, въ теперешней—системъ не оберешься, но нѣтъ воспитанія. Не сравнимо шире, чище и свѣжѣе былъ въ ней и читаемый юношами матеріалъ. Какъ ни круты были тогдашніе цензурные порядки, но за то и было органовъ печатнаго слова, признающихъ за гражданиномъ одну только правовую альтернативу—безмолвствовать или славословить, не было «переводницъ», защищающихъ произволъ, ратующихъ противъ законности, заставляющихъ невиннѣйшее гуманное стремленіе въ преступную область опаснаго «либерализма» и изъ всѣхъ свободъ допускающихъ только одну—«свободу повинненія».

Первымъ политическимъ впечатлѣніемъ прошедшаго «преобразованнаго» школу молодого, нынѣ дѣйствующаго поколѣнія было событіе 1-го марта 1881 г., потрясшее ужасомъ весь міръ. Враги освободительныхъ реформъ законченнаго этою катастрофой царствованія «воспользовались моментомъ», чтобы взвалить на нихъ отвѣтственность за событіе. Какъ ни дико былъ подобное сближеніе, но въ моментъ испуга, парализовавшаго общественное самосознаніе, оно было принято на вѣру, и молодому, обезсиленному правдою системой уму нечего было противопоставить суевѣрному заблужденію. Если не отвращеніе, то недоувѣріе, охлажденіе къ этимъ реформамъ, а съ ними и ко всѣмъ идейнымъ задачамъ, сдѣлалось чуть ли не общимъ состояніемъ. Ударъ грома былъ оглушителенъ и раскаты его слышны и досихъ поръ. Въ спорахъ о законодательномъ направленіи 60-хъ годовъ аргументъ этотъ фигурируетъ и теперь, хотя давно пора «исключить его, какъ завѣдомо-подложный, изъ числа доказательствъ».

Всѣхъ, напримѣръ, возмущали въ свое время народныя легенды о «чумной шмарѣ, пускаемой господами изъ подозрительной трубы», какъ причина эпидеміи, и вызванныя ею избіенія, между тѣмъ, въ обоихъ случаяхъ между причиной и ея слѣдствіемъ одна и та же логическая связь, одна и та же избіеніе своихъ благодѣтелей. Возмутительно-негнѣпая интеллигентная легенда, оклеветавшая эпоху великихъ реформъ, теперь мало-по-малу разсѣивается, но ея не должно существовать вовсе, и на помощь въ исцѣляющему времени, всегда крайне замедляемую, долженъ прійти спокойный и разумный анализъ вопроса, объективно и детально освѣщеннаго. Гдѣ же найти его?—въ ближайшемъ, документальномъ ознакомленіи съ исторіей этихъ реформъ, съ цѣлями, одушевлявшими ихъ дѣятелей, съ результатами, ими достигнутыми.

На долю калужской администраціи 1861—63 гг. выпало особенно много обвиненій подобнаго сорта. Всѣ обычныя средства были тутъ лучше въ

дѣ — до ябеды и извѣтовъ включительно. Попеременно передъ нами декларировали и «неблагонамѣренное направленіе, данное исходу крестьянскаго ла», и «соціалическія убѣжденія гг. мировыхъ посредниковъ», и «поддержка къ неповиновенію властямъ», и «превратныя толкованія», даже таинственная «желтая книжка». Если таковы были обвиненія въ *официально-подаваемыхъ* бумагахъ, то легко себѣ представить, что говорилось въ частной бесѣдѣ и писалось въ доносахъ, адресуемыхъ «въ ответственные руки».

И между тѣмъ читатель могъ документально убѣдиться, что *обнародованный законъ, дарованныя имъ права и миролюбивое соглашеніе сословно-архирейскихъ интересовъ* были единственными руководящими началами какъ для губернскаго присутствія, такъ и для всѣхъ мировыхъ учреждений этой *красной губерніи*, вѣрноподданнически стремившейся къ исполненію воли верховнаго законодателя — «чтобы улучшеніе быта крестьянъ было не на словахъ только и не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ».

Пройдутъ года, очнутса умы, умягчатся сердца, и въ отвергнутыхъ нѣкогда завѣтахъ великой эпохи люди снова найдутъ методъ и средства къ врачеванію своихъ золъ.

П. Обнинскій.

Къ вопросу о верховномъ тайномъ совѣтѣ

(По поводу *Легенды объ олигархическихъ тенденціяхъ верховнаго тайнаго совѣта въ царствованіе Екатерины I*, проф. А. С. Алексѣева *)

Въ изслѣдованіи моемъ *Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета* (часть I «Сенатъ въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта»), мнѣ пришлось коснуться также исторіи образованія и развитія дѣятельности верховнаго тайнаго совѣта (въ главѣ I), причемъ къ общіе выводы, къ которымъ я пришелъ на основаніи изученія первоисточниковъ, я уже имѣлъ случай въ краткихъ чертахъ изложить на страницѣ *Русской Мысли*. Заканчивая первую главу, посвященную верховному тайному совѣту, я напомнилъ читателямъ моей книги, что я, согласно плану моей работы, рассматриваю эту главу «какъ общее вступленіе къ *моей* моей задачѣ—*Исторіи сената* въ изучаемую эпоху,—вступленіе, имѣющее свою цѣлю, главнымъ образомъ, представить образъ того учрежденія, при которомъ пришлось дѣйствовать сенату; поэтому всѣ вопросы, касающіеся организаціи совѣта, его дѣятельности и проч., были затронуты мною лишь постольку, поскольку они служатъ этой цѣли». Появившіеся доселѣ разборы моего труда направлены были, однако, по преимуществу, не на основную тему моего изслѣдованія—*Исторія сената*, а на указанное выше вступленіе къ изслѣдованію, касающееся исторіи образованія и развитія дѣятельности совѣта, причемъ наиболѣе обширный разборъ этого вступленія, принадлежащій перу проф. Алексѣева, имѣетъ свою цѣлю опровергнуть едва ли не всѣ общіе выводы, къ которымъ пришелъ какъ я, такъ частію и другіе изслѣдователи, имѣвшіе случай касаться нѣкоторыхъ вопросовъ, разбираемыхъ въ моей книгѣ. Последующее изложеніе, имѣя въ виду защитить тѣ мои выводы, которыхъ касается рецензія проф. Алексѣева, является также и нѣкоторою попыткою болѣе подробнаго развитія тѣхъ мыслей и положеній, какихъ мнѣ пришлось, согласно плану моей работы,

*) Подъ означеннымъ названіемъ рецензія проф. Алексѣева была впервые опубликована въ *Русскомъ Обозрѣніи* (1896 г., № 1—4); имѣя она вышла отдѣльною брошюрою; въ нашей статьѣ мы цитируемъ страницы этой послѣдней.

нуться въ моемъ изслѣдованіи лишь кратко и какъ бы мимоходомъ. Важнейшая принципиальная важность вопросовъ, связанная съ судьбою этого учрежденія, какъ верховный тайный совѣтъ съ одной стороны, необходимость коснуться всѣхъ главныхъ возраженій обширной, по объему, рецензій г. Алексѣева—съ другой, вызываетъ и меня на нѣсколько длиннѣе отвѣтъ почтенному ученому. Замѣчу при этомъ, что, въ интересахъ нѣсколько удобнаго сравненія моихъ возраженій съ возраженіями г. Алексѣева, излагаю ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ слѣдуютъ возраженія самого г. Алексѣева. Простѣе затѣмъ шагъ за шагомъ ходить аргументаціи г. Алексѣева противъ моихъ общихъ выводовъ, я сдѣлаю заключеніе, которое дастъ возможность читателямъ составить себѣ тотъ или иной взглядъ на роль и значеніе верховнаго тайнаго совѣта.

I.

Первое возраженіе, какое дѣлаетъ мнѣ проф. Алексѣевъ, сгруппировавъ въ отдѣльные мѣста моего изслѣдованія (иногда, кстати замѣтить, придиравъ ихъ въ совершенно-невѣрномъ видѣ) *) , касается крайности и резкости моихъ возрѣній на верховный тайный совѣтъ. По мнѣнію автора рецензій, я будто бы «не хочу видѣть *въ дѣятельности* верховнаго тайнаго совѣта *никакихъ свѣтлыхъ сторонъ*», на которыя указываютъ другіе изслѣдователи, а въ моей книгѣ «находить откликъ *только то, что можетъ бросить тѣнь на верховный тайный совѣтъ*», и «поэтому тотъ, кто хотѣлъ

*) Такъ, наприм., проф. Алексѣевъ говоритъ, что я утверждаю, что верховный тайный совѣтъ «учрежденіе неюридическое, *неруководившееся какими-либо строго-установленными формами*», и ссылается при этомъ на стран. 122 моего изслѣдованія. Между тѣмъ на этой страницѣ, указавъ на то, что совѣту приходилось вести обширные и важные *политическіе* процессы, я въ заключеніе замѣчаю слѣдующее: «какъ учрежденіе не юридическое, совѣтъ не руководился *здесь* какими-либо строго-установленными и *одинаково* ко всѣмъ обвиняемымъ примѣняемыми формами; частію это объяснялось различіемъ личностей подсудимыхъ и ихъ дѣяній» и проч. Какъ ясно для всякаго, я утверждаю, что *здесь*, т. е. при политическихъ *только* процессахъ, совѣтъ не руководился какими-либо строго-установленными формами и пр., но *вообще* не обобщаю этого утвержденія,—какъ это дѣлаетъ произвольно уже самъ г. Алексѣевъ,—на всю дѣятельность совѣта (стр. 5 рецензій). Или, наприм., проф. Алексѣевъ утверждаетъ, что, по моимъ словамъ, «въ новомъ учрежденіи (совѣтѣ) открывалась для этого боярства возможность играть политическую роль» и ссылается на стран. 28 и 29 моей книги; на страницѣ 28 такой фразы, однако, нѣтъ вовсе, а на страницѣ 29 я говорю слѣдующее: «въ новомъ учрежденіи открывалась возможность для этого боярства играть политическую роль, *что оно и попыталось сдѣлать позднее*». Конецъ фразы, подчеркнутый мною, почему-то отброшенъ г. Алексѣевымъ; между тѣмъ, въ немъ-то и заключается самое существенное, что я хотѣлъ сказать и противъ чего нельзя спорить; *безъ этой конца* фраза имѣетъ мало смысла, такъ какъ при основаніи верховнаго тайнаго совѣта боярство было представлено въ немъ лишь *однимъ* Д. М. Голицынымъ и только поздѣе оно вошло туда въ лицѣ нѣсколькихъ представителей двухъ фамилій, попытавшихся, при воцареніи Анны Иоанновны, сыграть въ совѣтѣ политическую роль.

бы ознакомиться съ отрицательными взглядами нашей литературы на Верховный тайный совѣтъ, можетъ взять смѣло за руководство» мовъ и т. д. (стр. 7). Прежде чѣмъ отвѣтить на все вышесказанное по существу, замѣчу, что для полноты литературныхъ мнѣній, *отрицательно* относившихся къ совѣту, было бы справедливо указать еще на одно мнѣе авторъ коею смотритъ гораздо мрачнѣе меня на дѣятельность совѣта. Какъ ни странно, авторъ этотъ не кто иной, какъ самъ проф. А. С. Алексѣевъ такъ вооружившійся нынѣ противъ «легенды объ олигархическихъ тенденціяхъ верховнаго тайнаго совѣта въ царствованіе Екатерины I». Въ своемъ печатномъ курсѣ лекцій *Русское государственное право* (М., 1895 3-е исправленное изданіе) онъ говоритъ о верховномъ тайномъ совѣтѣ буквально слѣдующее: «верховный тайный совѣтъ, учрежденный въ 1726 Екатериною I, состоялъ изъ семи важнѣйшихъ особъ, подъ предсѣдательствомъ императрицы. Онъ долженъ былъ завѣдывать важнѣйшими дѣлами не ограничиваясь опредѣленною дѣятельностью. Но созданный властью *большаго* *немногихъ* *лицъ*, желавшихъ захватить власть въ свои руки и тѣснить сенатъ изъ того положенія, которое было указано послѣднимъ Петромъ, онъ сдѣлался силою, прибивавшею къ своимъ рукамъ *все*, что онъ могъ вторгаться авторитетно во вліятельнѣйшія сферы государственной жизни, *все*, что давало ему возможность парализовать независимыя другіхъ высшихъ органовъ, *все*, что позволяло ему *безконтрольно* распоряжаться казною, мѣстами и почестями. Онъ пошелъ далѣе и хотѣлъ *узурпировать* и *верховныя* *права* и *обрѣсти* *самостоятельность* и *зависимость* *по* *отношенію* *къ* *власти* *верховой*. Эта тенденція выразилась нагляднымъ образомъ въ тѣхъ условіяхъ объ ограниченіи монархической власти въ Россіи, которыя онъ предложилъ Аннѣ Іоанновнѣ въ вступленіи ея на престолъ. Но эта тенденція и поубила его. Въ 1730 совѣтъ былъ упраздненъ и сенатъ возстановленъ на прежнихъ основаніяхъ (стр. 320 и сл.; курсивъ вездѣ нашъ). Въ этомъ, хотя и краткомъ, но всерѣшительномъ приговорѣ, дѣйствительно, нѣтъ никакихъ свѣтлыхъ сторонъ въ дѣятельности совѣта и картинно указано все, что набрасывать тѣмъ на него. Что же касается моего изслѣдованія, то указанная выше характеристика проф. Алексѣева къ нему весьма мало относится. Я, правда, смотрю весьма отрицательно на верховный тайный совѣтъ, какъ *учрежденіе*, хотя, что въ основѣ его лежали не столько правовыя начала, сколько олигархическо-политическія тенденціи, но по отношенію къ его *дѣятельности* я вовсе не скрываю тѣхъ *сомнѣмыхъ* сторонъ ея, какія я, по силѣ моего разумія, нашолъ въ ней. Что это такъ, достаточно, хотя мѣлкомъ, приглядѣть тѣ мѣста моей книги, которыя касаются именно *дѣятельности* совѣта, какъ въ цѣломъ, такъ и въ ея частностяхъ *)...

*) Такъ, наприм., я указываю на тотъ фактъ, что совѣтъ въ своей повседневной дѣятельности отдавалъ много вниманія дѣламъ *иностраннымъ*, и при этомъ отмѣчаю, что, хотя совѣту «приходилось дѣлать *огромныя* разрѣшенія моей задачи управленія,—такъ какъ то учрежденіе, преобладающимъ коею являлся частію совѣтъ (т. е. въ

Вообще я строго различаю, — какъ это и должно быть, конечно, — мѣропріятія совѣта, направленные къ укрѣпленію и развитію его *собственной* вѣсти и значенія, и мѣропріятія, не имѣвшія прямого отношенія къ этой задачѣ. Поскольку *первыя* были пронизаны *олигархическими* тенденціями, отмѣченными какъ современниками ихъ *), такъ и безпристрастными

вѣскій сенатъ), вовсе не было мѣстомъ, созданнымъ для руководства въ дѣлахъ остраннихъ, — нельзя, кажется, не признать, что, *въ общемъ*, этотъ *опытъ* (совѣтѣй дѣятельности) *былъ довольно удаченъ*“ (стр. 66—70). Затѣмъ, обозрѣвая дѣятельность совѣта по внутреннему управленію, я хотя и прихожу къ выводу „о незначительности *ея общаго результата*“, но въ то же время объясняю, что „причины ого были довольно сложны“, и вовсе не утверждаю, какъ, повидимому, думаетъ еф. Алексѣевъ, что одні „политическія тенденціи мѣшали совѣту быть дѣловымъ режениемъ и парализовали его законодательную и правительственную дѣятельность“. Я, правда, признаю, что „политическія дѣли, которыя лежали въ его основаніи и которыя онъ постоянно и неуклонно проводилъ въ своей послѣдующей дѣятельности, не могли, прежде всего, не вліять на его правительствующую роль, не могли не умалять его *дѣлового значенія*“, но затѣмъ добавляю слѣдующее: „оцѣнка *дѣятельности* совѣта по *ея результатамъ*, нельзя не принять во вниманіе и того *жизнаго обстоятельства*, что совѣту пришлось дѣйствовать непосредственно послѣ *напряженной дѣятельной эпохи*, когда реформа слѣдовала за реформой, когда во *всѣхъ сферахъ народной и государственной жизни* господствовало сильное возбужденіе. Совѣту пришлось быть учрежденіемъ эпохи *реакціи*, что и надо имѣть въ виду, оцѣнивая результаты его дѣятельности: совѣтъ долженъ былъ разбираться въ *жизненныхъ задачахъ петровской реформы*, оставшихся для послѣдующихъ эпохъ далеко въ разрѣшенномъ видѣ. Такая дѣятельность, *уже по самому существу*, не могла быть *слишкомъ видною, замѣтною, зрѣлою и она, конечно, имѣла свое значеніе* въ общемъ *жизненіи XVIII вѣка*, такъ какъ показывала ясно, что въ петровской эпохѣ выдерживало *попытаніе времени* и что должно было быть оставлено. *Совѣтъ*, какъ учрежденіе, принимавшее непосредственное и живое участіе во *всѣхъ дѣлахъ верховнаго правленія*, *монъ, конечно, вносить свои поправки въ законодательство предшествовавшего царствованія*, на основаніи *богатаго опыта* своей правительственной дѣятельности; *онъ и дѣлалъ это, поскольку этому не мешали ея политическія задачи*“ (стр. 66 и сл.). Или, наприм., говоря о дѣятельности совѣта по развитію торговли и промышленности, я прихожу къ выводу, что „совѣтъ проявилъ здѣсь *большую энергію, истію*, впрочемъ, въ *фискальныхъ дѣлахъ*“. Или, обозрѣвая дѣятельность совѣта посылательно флота и арміи, я, между прочимъ, подчеркиваю, что нельзя не отмѣнить одной *общей мысли*, которая сказывалась не разъ въ этой области совѣтскаго *правленія*, а именно: *мысли объ облегченіи народа и сокращеніи расходовъ* (стр. 89 сл.). Не умножая этихъ *смысловъ* рядомъ другихъ, имъ подобныхъ, спросимъ безпристрастнаго читателя, неужели справедливо заключеніе проф. Алексѣева, что я не вижу „никакихъ свѣтлыхъ сторонъ *ея дѣятельности* совѣта“ и тенденціозно собираю се, что „можетъ набросить тѣнь“ на него?

*) Вотъ, наприм., какъ смотрѣли на событія изучаемой эпохи австрійскіе дипломаты, коихъ донесенія подробно изслѣдованы нами проф. Брикнеромъ: „въ бумагахъ *вѣнскаго архива*, въ донесеніяхъ австрійскихъ дипломатовъ, пребывающихъ въ Москвѣ и Петербургѣ, — говоритъ онъ, — мы находимъ *множество* данныхъ, доказывающихъ, что мысль объ *ограниченіи монархическаго начала*, минутное осуществленіе которой состоялось, какъ извѣстно, въ началѣ 1730 г., при вѣнчаніи Анны, появилась *гораздо раньше* и совершалась именно во время упорной борьбы противъ *чрезмѣрнаго авторитета* и вреднаго для *вельможъ произвола Меншикова*. Рабутинъ, Готек-

историками *), постольку же *стория* могли быть (да и действительно были) проникнуты началами *общаго* блага, разъ совѣтъ, предпринимая тѣ или инныя мѣры, не вводилъ въ нихъ заботу *о самомъ себѣ*, какъ учрежденіи **). Оцѣнка мѣропріятій совѣта можетъ быть, конечно, различна въ отдѣльныхъ случаяхъ; едва ли, однако, можно оспаривать мысль объ олигархическихъ тенденціяхъ совѣта, какъ такового, такъ какъ, несомнѣнно, что, пытаясь захватить въ свои руки всю власть и значеніе и предлагая затѣмъ ограничительныя условія Аннѣ Іоанновнѣ, совѣтъ добывалъ все это лишь въ пользу *немногихъ*. Но всякому извѣстно, что (говоря словами одного изъ современниковъ) «владѣнія образъ *съ толъ маломъ числѣмъ владѣющихъ* не можетъ нарещися владѣтельство избранныхъ, гречески *олистократія*, но развѣ сковическое тиранство, или насильство, которое *олигархія* у еллиновъ именуется»... Правда, тотъ же современникъ рассказываетъ, что верховники, предлагая въ извѣстныхъ «кондиціяхъ» закрѣпленіе власти за совѣтомъ, потомъ стали «первѣйшихъ» изъ противной компаніи (т.-е. нѣкоторыхъ изъ противниковъ ихъ плановъ) принимать съ яскравымъ діемъ и къ общему сословію преклонять, *ротая и присягая, что они въ собственнымъ интересомъ не юнятся*, и жаловались, что *напрасно* то и другое имъ поставлено, что они совѣта своего *всѣмъ прочимъ* не сообщали»... Но уже одна необходимость оправданія показываетъ, что современники обвиняли верховниковъ въ заботахъ лишь «о собственномъ своемъ

гольдъ и Братиславъ, постоянно возвращаясь къ этому вопросу о такой пережизни въ Россіи, въ связи съ этимъ обсуждаютъ тѣ послѣдствія, которыя будутъ сопряжены съ *водвореніемъ олигархическаго порядка въ Россіи*. Австрійскіе дипломаты высказались не сомнѣваются въ томъ, что сохраненіе чисто-монархическаго начала въ Россіи должно считаться важнѣйшимъ условіемъ поддержанія той важной роли, которую Россія разыгрывала въ Европѣ, благодаря реформамъ Петра В., тогда какъ откинувъ абсолютизма и *олигархія* *нѣкоторыя вельможы* непремѣнно должны были лишитъ Россію того значенія, которымъ она пользовалась въ общей политической системѣ... *Значитъ самодержавіе олигархией*, по мнѣнію австрійскихъ дипломатовъ, *значитъ лишить Россію важнѣйшей доли результатовъ реформы Петра В.*... (*Русскій департаментъ при Петрѣ II. Вѣстникъ Европы* 1896 г., № 2, стр. 582; курсивъ нашъ). Указанное свидѣтельство австрійскихъ дипломатовъ показываетъ, что, вопреки мнѣнію г. Алексѣева, современники отиѣтили какъ олигархическія тенденціи вельможъ, такъ и явленіе идеи ограниченія самодержавія еще задолго до извѣстныхъ кондицій Анны Іоанновнѣ.

*) См., наприм., изображеніе дѣятельности совѣта и ея послѣдствій у Соловьева—*Исторія Россіи*, тт. XVIII и XIX, соответственныя главы. Между прочимъ, кто иной, какъ знаменитый историкъ нашъ утверждалъ, что „по смерти Петра дворянство и генералитетъ, *раздраженныя олигархическими стремленіями вельможъ* выдаютъ ихъ новому правительству“ (*ibid.*, XIX, стр. 321); но эти стремленія могли явиться сразу, безъ всякой связи съ предшествующею дѣятельностью совѣта, какъ думаетъ г. Алексѣевъ; наоборотъ, какъ ядоказываю въ своей книгѣ, зародившіеся они съ возникновеніемъ совѣта и, будучи сначала слабы, все болѣе и болѣе развивались съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ благопріятныхъ условій царствованія Петра II.

**) Такія мѣры не разъ отиѣчаются въ моей *Исторіи сената* (см., наприм., стр. 82 и сл., 92 и сл., и ми. др.).

ерсѣ», т.-е., иначе говоря, объ интересахъ *немногихъ*. Указанныя слова юана Прокоповича относятся къ послѣднему моменту дѣятельности со-
ва, но едва ли было бы научно совершенно отдѣлять этотъ моментъ отъ
го предшествующаго и думать, что замыслы верховниковъ, выразив-
ся въ кондиціяхъ Анеѣ, не имѣютъ *ничего* общаго съ исторіей совѣта
Екатерины I и Петръ II. Историкъ, столь плодотворно потрудившійся
въ изученіи вопроса о воцареніи Анны Іоанновны, вполне справедливо
гавствуетъ на связи событій ея воцаренія съ предшествующими царство-
ваніями *). Если проф. Алексѣевъ думаетъ иначе и считаетъ, что «конди-
» Анеѣ въ ихъ основной *ограничительной* тенденціи не имѣютъ ника-
о отношенія къ царствованію Екатерины I, когда будто бы *и не за-
далось* идеи объ ограниченіи самодержавія **), то ему надо было бы
азать свою мысль и, не ограничиваясь простымъ пересказомъ извѣстій
Иредона, Лефорта и Мардефельда, посчитаться съ цѣлымъ рядомъ мнѣ-
современниковъ, какъ своихъ, такъ и чужихъ, говорившихъ о совѣтѣ,
въ *объ олигархическомъ учрежденіи* и боявшихся, «чтобы не сдѣлалось,
сто *одного* самодержавнаго государя, *десяти* самовластныхъ и сильныхъ
ицлій» и т. д. Если, какъ вѣрно замѣчаетъ П. Н. Милюковъ, «среди оже-
ченной борьбы реальныхъ интересовъ и политическихъ теорій, какую
ввала попытка верховниковъ, этотъ проектъ (о «кондиціяхъ») быстро
заклейменъ кличкой *олигархическаго* и *тиранническаго*»; если на со-
тія времени, начиная уже съ воцаренія Екатерины I и до уничтоженія
т. совѣта, современники смотрѣли какъ на *олигархическія* затѣи (см.,
прим., указанные выше въ примѣчаніи донесенія австрійскихъ диплома-

*) Именно, указавъ на событія царствованій, предшествующихъ воцаренію Анны
иновны, проф. Д. А. Корсаковъ справедливо замѣчаетъ, что «исчисленныя явле-
и *подготовлены тѣ замыслы*, которые выразились при воцареніи Анны Іоанновны.
Мысли эти были логическимъ результатомъ *предыдущаго*, какъ является все въ
горіи, природѣ которой такъ же чуждо явленіе случайное, какъ оно чуждо природѣ
вещеской и нравственной, индивидуальной природѣ человека» (*Воцареніе Анны
иновны*, стр. XIII). Иначе думаетъ г. Алексѣевъ, ничѣмъ, однако, не доказывая
ей мысли.

**) См., кромѣ приведеннаго выше свидѣтельства австрійскихъ дипломатовъ, еще
нью проф. Бракнера *Императрица Екатерина I (Вѣстникъ Европы 1894 г.,
№ 1 и 2)*, гдѣ не разъ отмѣчаются указанія иностранцевъ на попытки *ограниченія
исти* Екатерины I. Замѣтимъ, что и С. М. Соловьевъ, при всей своей осторожн-
е, находитъ также необходимымъ указать на существованіе мысли объ ограниченіи
ператрицы при ея возведеніи на престолъ и отмѣчаетъ обстоятельства, которыя
вѣшали ея осуществленію въ царствованіи Екатерины I (*Ibid.*, т. XVIII, стр. 264
сл., стр. 272 и сл.). Давая характеристику кн. Д. М. Голицына, бывшаго, какъ
вѣстно, членомъ совѣта съ перваго дня его существованія до его уничтоженія,
кто иной какъ Соловьевъ говоритъ слѣдующее: «вспомнивъ судьбу Голицына, мы
вѣдемъ, какимъ образомъ въ его головѣ *созрѣла мысль* объ *ограниченіи император-
ой власти*» и проч. (XIX, стр. 238 и сл.). А проф. Алексѣевъ думаетъ, что эта
сль «вычитана» у современниковъ разбираемыми имъ авторами (стр. 39 и друг.);
вако эту мысль находили у современниковъ самые осторожные и почтенные из-
вѣдателя.

товъ), то надо бы было разобраться во всѣхъ этихъ отзывахъ и итѣмъ прежде, чѣмъ называть ихъ только «легендой»; надо бы было подробно изслѣдовать, что въ этихъ отзывахъ справедливаго и несправедливаго. Мнѣнія современниковъ о событіяхъ всегда почти носятъ на себѣ печать и котораго субъективизма, но въ нихъ всегда можно попытаться найти долю правды, провѣряя ихъ на основаніи какихъ-либо непрерывающихся данныхъ. Такія данныя для сужденія о в. т. совѣтѣ и его стремленіяхъ заключаются въ документахъ самого совѣта, изъ коихъ узнаемъ о его ставѣ, устройствѣ, постепенномъ ростѣ его силы и значенія, попытке захватить всю власть въ свои руки, т.-е., иначе говоря, въ руки тѣхъ *немногихъ*, которымъ удалось войти въ составъ его членовъ. Не въ пользу «всенародныхъ людей» и даже не въ пользу болѣе широкаго круга шляхетства, высшаго или средняго, работали, конечно, верховники, прерывая значеніе сената или св. синода, дѣлая совѣтъ сосредоточеніемъ власти и проч.,—по крайней мѣрѣ до момента послышки «кондицій» Анны, когда они встрѣтились съ довольно сильнымъ дворянскимъ движениемъ, вожди коего потребовали, чтобы верховники подѣлились властью *и съ другими*, коихъ олигархическое устройство совѣта не вмѣщало въ его составъ. Проф. Алексѣевъ отвергаетъ существованіе въ изучаемую эпоху у насъ и тѣхъ худородныхъ и партій родовитыхъ вельможъ, а затѣмъ, пересказавъ Кампедона, Лефорта и Мардефельда, приходитъ къ выводу, что для созданія совѣта есть результатъ дѣятельности *несколькихъ лицъ*, наиболѣе близкихъ къ императрицѣ (герцога Голштинскаго, гр. Толстого, Меншикова), но самъ, однако, при этомъ совершенно не замѣчаетъ, что этихъ не только не опровергаетъ, но еще болѣе подтверждаетъ «легенду объ олигархическомъ происхожденіи в. т. совѣта», такъ какъ суживаетъ до *нѣкоторыхъ* а вдругъ лицъ, принимавшихъ участіе въ учрежденіи совѣта, и сидитъ все ихъ значеніе къ фавору, приближенію, родству и т. п., такъ какъ партій,—поскольку ихъ вліяніе отражалось въ совѣтѣ,—представили собою, конечно, нѣчто болѣе значительное (количественно и качественно) чѣмъ тѣ *немногие*, кои, по толкованію проф. Алексѣева, создали совѣтъ и партію, наконецъ, не закрывали совершенно пути для борьбы за власть и совѣтѣ, что и сказалось ясно при воцареніи Анны.

Не можемъ, наконецъ, не отмѣтить слѣдующаго. Отрицательно относясь къ олигархическо-политическимъ тенденціямъ совѣта, какъ такового, я не сматриваю *всю* его исторію въ цѣломъ, отъ момента его созданія до воцаренія «кондицій» Анны. Поэтому мои сужденія о немъ касаются только періода его недолгаго существованія, и такъ какъ совѣтъ своимъ стремленіемъ въ указанномъ выше смыслѣ, вслѣдствіе *особыхъ* условій царствованія Петра II, проявляетъ *всю рѣзче* во второй половинѣ своей дѣятельности то и значительная часть тѣхъ «отрицательныхъ взглядовъ», какихъ я держусь по отношенію къ совѣту, касается его положенія въ царствованіи Петра II. Проф. Алексѣевъ беретъ темою для своей статьи дѣятельность совѣта лишь въ царствованіе Екатерины I, оговариваясь, что не будетъ

глядывать въ ту эпоху, когда съ воцареніемъ малолѣтняго императора ступили въ нашей государственной жизни *чрезвычайныя условія, искажившія первоначальный характеръ* в. т. совѣта и измѣнившія его *личный составъ*, выдвинувъ, взамѣнъ птенцовъ Петра, любимцевъ царя-отрока» (р. 7). Не говоря уже о нѣкоторой фактической невѣрности послѣдняго утверженія *), замѣтимъ лишь, что и проф. Алексѣевъ, какъ надобно заключить изъ приведенныхъ словъ, *отрицательно* относится къ совѣту *царствованія Петра II*, что, конечно, не представляетъ новости, хотя бы въ виду характеристики, даваемой совѣту этого времени С. М. Соловьевымъ; но и это такъ, то совершенно непонятно, почему проф. Алексѣевъ *не ссылается* тѣхъ сужденій моихъ о совѣтѣ, которыя то частью, то вполне относятся къ царствованію Петра II и которыя совершенно уместны по отношенію къ учрежденію, *исказившему*—даже по взгляду самого автора *дензин*—*свой первоначальный характеръ* въ силу чрезвычайныхъ условій царствованія Петра II. Такое выдѣленіе было уже необходимо потому, что, изслѣдуя въ своей статьѣ *только* судьбы учрежденія при Екатеринѣ I и не касаясь царствованія Петра II, проф. Алексѣевъ не могъ бы (если бы хотѣлъ) доказать, *въ чемъ* былъ я правъ или неправъ, характеризуя *отрицательно* совѣтъ царствованія Петра II. Наприм., проф. Алексѣевъ смѣшливо замѣчаетъ, что я «совершенно серьезно доказываю, что кондичи, предложенныя Аннѣ Іоанновнѣ, не вносили ничего новаго въ дѣятельность совѣта, который уже и раньше, *отчасти уже при Екатеринѣ I*, пользовался всѣмъ тѣмъ, что онъ хотѣлъ себѣ юридически гарантировать при воцареніи Анны» (стр. 6). Да я это, дѣйствительно, доказываю «совершенно серьезно», но, какъ видно изъ приводимой самимъ Алексѣевымъ цитаты изъ моей книги, утверженіе это относится къ дѣятельности совѣта *въ цѣломъ*. Вѣрно или нѣтъ оно по существу (мнѣ легко доказать, что вѣрно **), но во всякомъ случаѣ для его опроверженія

*) Какъ извѣстно, личный составъ совѣта и съ воцареніемъ Петра II оставался первоначально неизмѣннымъ и только лишь въ сентябрѣ 1727 г. изъ него выбылъ кн. Меншиковъ, а 9 ноября 1728 г. скончался графъ Апраксинъ; правда, въ февралѣ 1728 г. въ него вошли кн. Василій Лукичъ и Алексѣй Григорьевичъ Долгорукіе; но въ нихъ первый, будучи знаменитымъ дипломатомъ петровскаго царствованія, принадлежалъ самъ къ «птенцамъ Петра», и лишь *оторой*, — *одинъ* изъ всѣхъ членовъ совѣта, — *всѣмъ* былъ обязанъ фавору, приближенію, какъ о немъ выражается С. М. Соловьевъ; затѣмъ кн. М. М. Голицынъ, какъ и кн. В. Вл. и М. Вл. Долгорукіе вошли въ совѣтъ *уже послѣ смерти* Петра II. Едва ли возможно поэтому утверждать, что въ совѣтѣ еще при Петрѣ II «взамѣнъ птенцовъ Петра В. выдвинулись любимцы царя-отрока.»

**) Мною уже было указано на страницахъ *Русской Мысли*, что, сравнивая содержание отдѣльных пунктовъ кондичій съ указами и распоряженіями совѣта, можно замѣтить, что послѣдніе *повторяются* въ этихъ пунктахъ (*Русская Мысль* 1894 г., кн. VIII, стр. 10) и сл., статьи моей *Правительствующая омиархія* и пр.). Приведу здѣсь для наглядности лишь одинъ примѣръ: 4-й пунктъ «кондичій» гласилъ, что императрица общалась безъ согласія верх. тайн. совѣта «въ знатныя чины, какъ

нія необходимо изслѣдовать дѣятельность совѣта и при Петрѣ II; г. Алексѣевъ этого не дѣлаетъ, а потому ему и не слѣдовало бы касаться доказательно этого моего утвержденія, какъ далеко заходящаго за пределы его изслѣдованія. Другой примѣръ. Говоря о степени участія отдельных членовъ совѣта въ его засѣданіяхъ, я вездѣ имѣю въ виду оба перія его дѣятельности (царствованіе Екатерины I и царствованіе Петра II). Проф. Алексѣевъ сосчитываетъ число совѣтскихъ засѣданій *періоду царствованія*, отмѣчаетъ, сколько разъ тотъ или другой членъ посѣтилъ и затѣмъ утверждаетъ, что мои выводы о степени участія отдельных членовъ въ засѣданіяхъ съѣзда «страдаютъ неточностью» (стр. 77 *резолюціи*; срав. стр. 36 и сл. моей книги). Точенъ или нѣтъ былъ я въ данномъ случаѣ, судить можно, взявъ за предѣлы изслѣдованія *оба царствованія* такъ какъ мои выводы въ данномъ случаѣ относятся къ тому и другому вмѣстѣ. Итакъ, въ однихъ случаяхъ г. Алексѣевъ относитъ къ характеристикѣ совѣта Екатерины I то, что у меня относится то цѣлкомъ, то значительной части къ совѣту обоихъ царствованій; въ другихъ — онъ обращаетъ вниманія на то, что мною различается совѣтъ одного царствованія отъ совѣта другого царствованія (такъ, конечно, гдѣ это различіе можетъ быть отмѣчено). Едва ли такой приемъ научной критики можетъ способствовать правильности сужденія о моихъ выводахъ съ одной стороны, а съ другой — едва ли такой приемъ можетъ опровергнуть эти выводы...

II.

Касаясь извѣстій иностранцевъ объ учрежденіи верховнаго тайнаго совѣта, я говорю въ моемъ изслѣдованіи, что они довольно вѣрно передали борьбу «между старо-русскою партіей родовитыхъ вельможъ, хотѣвшихъ создать *политическое* учрежденіе, ограничивающее власть императрицы партіей вельможъ худородныхъ, выдвинутыхъ реформою и искавшихъ себѣ опоры въ императрицѣ, именемъ которой они хотѣли управлять», а затѣмъ прихожу къ выводу, что вновь созданный совѣтъ давалъ выходъ стремленіямъ къ власти стараго, родовитаго, и новаго, худороднаго дворянства такъ какъ то и другое теперь *могло*, — что затѣмъ и случилось (при вѣреніи Анны, конечно), — вступить въ борьбу за власть въ самомъ вер-

въ статскіе, такъ и въ военные, сухопутные и морскіе, *еще полковничья рана жаловать, ниже къ знатнымъ дѣламъ никого не опредѣлять*». Этотъ пунктъ «*дѣлцій*», имѣя соотвѣтствіе въ своемъ шведскомъ образцѣ, повторялъ почти буквально указъ совѣта еще отъ 1727 г. Такъ, указъ совѣта отъ 2 октября новѣлялъ *каждой коллегіи „полковничью и еще того рана той коллегіи отставивать соби чинами не повищать, а докладывать о томъ е в. т. советъ*», который фактически при Петрѣ II и производилъ въ чины самъ; такъ, далѣе, еще указъ 11 сентября того же года отнималъ у адмиралтействъ-коллегіи право производства въ чинъ *капитана* безъ доклада совѣту. Что касается назначенія на высшія должности, они при Петрѣ II дѣлались также совѣтомъ, иногда даже безъ доклада новѣ

ин. совѣтъ (стр. 26, 28 и сл.); наконецъ, соглашаясь съ мнѣніемъ П. Н. Миллюкова, что «устройство в. т. совѣта было *уступкою* той боярской партіи, которая примиряла его съ воцареніемъ Екатерины I», я добавляю, что, по моему мнѣнію, уступка эта, не будучи значительной для даннаго момента, была важна для стараго боярства въ будущемъ: въ новомъ учрежденіи открывалась возможность для этого боярства играть *политическую* роль, что оно и попыталось сдѣлать *позднѣе* (опять-таки, конечно, при воцареніи Анны). Проф. Алексѣевъ, хотя и не дѣлая ссылки на указанныя мѣста моего изслѣдованія, но, конечно, имѣя ихъ въ виду (такъ какъ въ другихъ я этого вопроса вовсе не касаюсь), замѣчаетъ, что «никакой партіи вѣнскихъ дворянъ, *способной дѣйствовать солидарно*, у насъ въ эту эпоху не было и быть не могло», что для всякаго, хотя сколько-нибудь знакомаго съ эпохой, звучитъ прямо насмѣшкой надъ здравымъ мыслемъ говорить о нихъ (худородныхъ дворянахъ), «*какъ объ объединенномъ въ цѣлое политическомъ факторѣ*», и что не менѣе странно говорить о родовитыхъ вельможахъ, «какъ о партіи, стремившейся къ политической самостоятельности и нашедшей въ в. т. совѣтъ выходъ этимъ стремленіямъ» (стр. 260 и сл.). Какъ видно изъ приведенныхъ мѣстъ моей книги, я, дѣйствительно, говорю о 2-хъ партіяхъ — о партіи родовитыхъ вельможь и партіи вельможь худородныхъ; но я, однако, *никогда* не представляю этой послѣдней партіи (какъ, впрочемъ, и первой), какъ какаго-то объединеннаго въ цѣлое политическаго фактора», какъ партіи, «способной дѣйствовать солидарно». Такая характеристика — измышленію самого проф. Алексѣева, и я за него отвѣчать, конечно, не могу. Что же касается стараго боярства, стремившагося къ политической самостоятельности, то я утверждаю лишь, что въ новомъ учрежденіи (т.-е. въ совѣтѣ) для этого боярства открывалась возможность играть политическую роль, что оно и попыталось сдѣлать *позднѣе*, т.-е. при воцареніи Анны, когда оно, въ лицѣ 2-хъ первѣйшихъ фамилій, предлагало свои «кондиціи» Аннѣ и когда оно вступало въ переговоры съ шляхетствомъ и пр. «Страннаго» въ этомъ учрежденіи ничего нѣтъ и во всякомъ случаѣ проф. Алексѣевъ, разсматривающій роль совѣта *только* въ царствованіе Екатерины I, ничѣмъ не доказалъ, да и не могъ бы доказать, что попытка боярства сыграть политическую роль не имѣла мѣста *позднѣе*, какъ я говорю, подразумевая ясно здѣсь конецъ дѣятельности совѣта. Но, можетъ быть, «худородные дворяне» при Екатеринѣ I не составляли *вообще*, какъ выражается проф. Алексѣевъ, «ни партіи», «ни элемента», а «родовитые вельможи» не были партіей, стремившеюся къ политической самостоятельности, такъ что и всякій разговоръ о партіяхъ въ изучаемую эпоху излишенъ и не можетъ вестись серьезно людьми «сколько-нибудь знакомыми съ эпохой»? Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, «партія худородныхъ съ Меншиковымъ во главѣ и партія родовитыхъ бояръ съ Голицынымъ во главѣ» есть не что иное, какъ изобрѣтеніе П. Н. Миллюкова и мое, какъ думаетъ проф. Алексѣевъ? Мы склонны, однако, утверждать, что, говоря стилемъ самого проф. Алексѣе-

ва,—«звучить прямо насмѣшкой надъ здравымъ смысломъ» отрицать существованіе указанныхъ партій въ изучаемую эпоху, когда и сказанія современниковъ, своихъ и чужихъ, и соображенія историковъ, во тольмъ «сколько-нибудь знакомыхъ съ эпохою», но прямо-таки прославившихся своими изслѣдованіями по ея исторіи, постоянно говорятъ о «партіяхъ», «фракціяхъ», «сторонахъ», обозначившихся у насъ на политическомъ горизонтѣ въ началѣ XVIII вѣка. Такъ, наприм., не кто иной, какъ С. М. Соловьевъ, постоянно и неуклонно противопоставляетъ «чужеродныхъ выскочекъ» родовитымъ вельможамъ, говорить о ихъ борьбѣ между собой, при-мо-таки и называя послѣднихъ «партіей родовитыхъ вельможъ» и утверждая, что наиболѣе выдающійся между ними Д. М. Голицынъ думалъ о томъ, что «надобно дать *вельможеству* самостоятельное значеніе, при которомъ оно могло бы не обращать вниманія на фаворитовъ» *). Или, напримѣръ, тотъ же ученый, указавъ, что Екатерина I должна была сдерживать «алчность» Меншикова, добавляетъ, что «сдерживать было необходимо: враждебная ей *сторона* родовитыхъ вельможъ потерпѣла поражение, не могла возвести на престолъ великаго князя, *но она существовала и была сильна*, тронуть ее, пренебречь ею было *очень опасно*, а главнымъ виновникомъ неудовольствія *этой партіи* былъ Меншиковъ, вслѣдствіе болѣе оскорбляло громадное подавляющее значеніе этого выскочки...» (стр. 272). Или, въ другомъ мѣстѣ, говоря «о новости, затѣянной въ верх. г. совѣтѣ» (т.-е. ограниченіи Анны), и разбирая составъ совѣта, С. М. Соловьевъ говоритъ, что въ него вошло 4 Долгорукихъ, 2 Голицыныхъ, Геловничъ и Остерманнъ: «шестеро принадлежали къ 2-мъ знатнымъ фамиліямъ, двое къ людямъ, выдвинувшимся въ эпоху преобразования», и добавляетъ, что здѣсь «*нѣтъ никакого равновѣсія между сторонами, обозначившимися по смерти Петра Великаго*» (XIX, изд. 3, стр. 242 и сл.). Конечно, было бы странно представлять эти «стороны» или «партіи» чѣмъ-либо строго организованнымъ, неизмѣннымъ; но различіе интересовъ съ одной стороны, возможность играть при слабыхъ преемникахъ Петра I политическую роль—съ другой (то возводя на престолъ однихъ, то устраивая другихъ, то преобразуя, по-своему, составъ и компетенцію верховныхъ учреждений и проч.), несомнѣнно давали этимъ партіямъ или сторонамъ

*) *Исторія Россіи*, т. XVIII, изд. 3, стр. 263 и сл., 273 и мн. др.; т. XIX, стр. 239, *О партіи, противной Екатеринѣ I*, говоритъ и Арсеньевъ въ своемъ *Дѣтствіи Екатерины I*, стр. 176. Замѣчу кстати, что я здѣсь не разъ ссылался какъ на свѣдѣнія, такъ и выводы, указываемые С. М. Соловьевымъ въ его *Исторіи Россіи*; дѣлаю я это какъ потому, что, въ виду общедоступности его сочиненій, нѣтъ сомнѣній, что мои легко могутъ быть проверены любознательными читателями, такъ и потому, что С. М. Соловьевъ извѣстенъ и своею крайнею осторожностью въ выводахъ и высокою добросовѣстностью въ чтеніи памятниковъ; поэтому, если и онъ «вычиталъ» въ нихъ *то же*, на что указываю я, разрабатывая совершенно новый, по большей части, матеріалъ, то оспариваніе моихъ выводовъ проф. Алексѣевымъ приобретаетъ нѣсколько странный видъ борьбы противъ того, что подтверждается исторіей, особенно знающимъ дѣло и глубоко изучившимъ вопросъ во всей его широтѣ...

извѣстное право на существованіе. Разбираемые проф. Алексѣевымъ авторы юмора о партияхъ и ихъ стремленіяхъ, конечно, не понимали подъ ними того, что подъ этимъ выраженіемъ разумѣется на современномъ парламентскомъ языкѣ, но опредѣленно обозначившееся послѣ Петра В. и само собою слагавшееся *представительство* интересовъ, защищаемыхъ одною группою лицъ и оснаряваемыхъ другою, позволяло обозначать эти группы, какъ партіи. Существованіе этихъ группъ обозначилось уже при вступленіи Екагеринны I на престолъ, оно давало знать себя и позднѣе, особенно при репарациі Анны, въ тѣхъ кругахъ, на которыя разбилось тогдашнее шляхетство и о которыхъ столь обстоятельныя данныя находимъ мы въ изслѣдованіи проф. Д. А. Корсакова. Было бы совершенно ненаучно допустить, что эти «группы» или «партіи», столь энергично заявившія о своемъ существованіи и о своихъ политическихъ взглядахъ въ 1730 г., *вообще* не существовали еще въ 1725 г., почему и являются досужимъ изобрѣтеніемъ нѣкоторыхъ авторовъ, обвиняемыхъ проф. Алексѣевымъ «въ вычлываніи» въ документахъ того, чего въ нихъ нѣтъ, въ угоду своимъ тенденціямъ.

Перейду теперь къ тѣмъ обвиненіямъ, какія возводитъ на меня проф. Алексѣевъ по невѣрному или прямо тенденціозному чтенію документовъ эпохи.

По поводу письма Кампредона отъ 3 января 1726 г., цитируемаго какъ Н. Н. Милюковымъ, такъ и мною, г. Алексѣевъ замѣчаетъ слѣдующее: «Наши авторы, въ подтвержденіе своего тезиса о политическихъ стремленіяхъ родовитаго боярства, приводятъ только тѣ строки изъ этой выдержки, которыя *подчеркнуты нами* *). Все остальное, очевидно, не представляетъ

*) Приведемъ здѣсь цѣликомъ ту часть письма Кампредона, которая указывается проф. Алексѣевымъ для оправданія его возраженія противъ П. Н. Милюкова и меня, подчеркивая въ этой части тѣ слова, которыя подчеркиваетъ самъ авторъ статьи: «Не подлежитъ сомнѣнію,— пишетъ Кампредонъ,— какъ я уже разъ имѣлъ честь докладывать, что если царяца разъ предается австрійскому двору, она станетъ беззавѣтно помогать ему во всемъ. Государыня увлекаютъ на этотъ путь сторонники великаго князя. Весьма многіе русскіе вельможи, тайнѣ враждебные герцогу Голштинскому и оскорбленные тѣмъ, что ему удалось своимъ вліяніемъ привести ко всемъ этимъ рѣшеніямъ понимають и знаютъ ихъ опасность, но они хранятъ мертвое молчаніе, въ надеждѣ, что послѣдуетъ какое-либо пораженіе, которое позволитъ имъ выступить впередъ съ полною увѣренностью въ успѣхѣ. Тогда они *уничтожатъ невысшую власть князя Менишикова, возвратятъ себѣ прежнюю свободу и установятъ форму правленія, подобную существующей въ Швеціи или, по крайней мѣрѣ, въ Англіи.* Таковы, государь, желанія и стремленія большей части бояръ. Весьма вѣроятно, что они воспользовались бы первыми же внутренними смутами, могущими возникнуть въ обширныхъ русскихъ земляхъ, для выполненія этого плана, къ чему голштинцы не разъ подали бы поводъ, еслибъ имъ предоставили дѣйствовать по всей ихъ волѣ. Но, надо полагать, императоръ, какъ скоро ему удастся овладѣть доврѣемъ адъишлаго двора и помѣстятъ при немъ вліятельнаго министра, позаботится о томъ, чтобы сохранить во всемъ ихъ объемъ права самодержавной власти, дабы передать ее въ цѣлости своему племяннику и одѣлать ее орудіемъ своихъ обширныхъ плановъ» (Сборн. Р. Ист. Общ., т. 64, стр. 186; рецензія г. Алексѣева, стр. 48 и сл.).

для нихъ интереса. Въ самомъ дѣлѣ, приведенное мѣсто, взятое въ цѣломъ, не только не подтверждаетъ ихъ взгляда, а, напротивъ, опровергаетъ его, вкладывая въ подчеркнутыя слова вовсе не тотъ смыслъ, который они хотятъ вложить въ него. Кампредонъ говоритъ здѣсь, съ одной стороны, о приверженцахъ великаго князя, которые поддерживаютъ союзъ съ императоромъ, близкимъ родственникомъ великаго князя, съ другой—о вельможахъ которые противодействуютъ этому союзу. *Эти послѣдніе, а не родовитые вельможи, сторонники великаго князя, мечтаютъ о перемѣнѣ формы правленія.* Приведенное мѣсто отнюдь поэтому не можетъ служить подтвержденіемъ воззрѣній гг. Миллюкова и Филиппова, представляющихъ худородныхъ вельможъ, съ Меншиковымъ во главѣ, родовитымъ боярамъ, съ Голицынымъ во главѣ, и утверждающихъ, что эти послѣдніе, непосредственно по смерти Петра, стали мечтать о политической самостоятельности» (стр. 49). Прежде всего замѣчу, что хотя изъ указанной выше выдержки изъ письма Кампредона мною, дѣйствительно, взято только нѣсколько словъ *), но взято, во-первыхъ, потому, что слова эти, вопреки мнѣнію г. Алексѣева, вовсе не опровергаются общимъ смысломъ *всего* письма въ цѣломъ, а находятся, какъ увидимъ ниже, въ полномъ съ нимъ соотвѣтствіи; во-вторыхъ эти слова взяты мною изъ письма потому, что они вполне точно и опредѣленно говорятъ какъ о враждѣ старорусскихъ вельможъ къ кн. Меншикову, такъ и о стремленіи ихъ вернуть себѣ прежнюю свободу, причемъ это извѣстіе находитъ себѣ подтвержденіе и въ другихъ данныхъ эпохи. Нѣтъ ничего легче поэтому, какъ доказать, что проф. Алексѣевъ совершенно неправъ, утверждая, что приведенное мѣсто письма не можетъ служить подтвержденіемъ мнѣнія П. Н. Миллюкова и моего «о политическихъ стремленіяхъ родовитаго боярства» и пр. и т.д., наоборотъ, оно «опровергаетъ его, вкладывая въ подчеркнутыя слова вовсе не тотъ смыслъ», какой будто бы мы хотимъ вложить въ него. Какое же *истинный* смыслъ письма, столь превратно толкуемаго нами? По объясненію г. Алексѣева, «Кампредонъ говоритъ здѣсь, съ одной стороны, о приверженцахъ великаго князя, которые поддерживаютъ союзъ съ императоромъ, близкимъ родственникомъ великаго князя, съ другой—о вельможахъ, которые противодействуютъ этому союзу. *Эти послѣдніе, а не родовитые вельможи, сторонники великаго князя, мечтаютъ о перемѣнѣ формы правленія*» (курсивъ нашъ). Итакъ, по толкованію проф. Алексѣева, Кампредонъ будто бы приписываетъ мечту о перемѣнѣ формы правленія не ро-

*) На стр. 29 моего изслѣдованія я привожу одну только фразу изъ указанной выше выдержки письма Кампредона, выражалась такъ: „Стараніе старорусскихъ вельможъ „de ruiner l'autorité insupportable de prince Menschikoff, de recouvrer leur ancienne liberté“, о чемъ говоритъ Кампредонъ“... но и только (дальѣйшее не относится къ вопросу). Какъ видно изъ самой выдержки письма, Кампредонъ, дѣйствительно, говоритъ это, причемъ слова его не могутъ относиться ни къ кому, кромѣ *блара* или старорусскихъ вельможъ; иначе говоря, я беру у Кампредона то, что представляется неоспоримымъ.

вѣтныя вельможи, какъ обыкновенно думаютъ, далеко не безъ основанія, наши историки, а какииъ-то другия! Весьма жаль, что г. Алексѣевъ не назвалъ этихъ послѣднихъ, доселѣ никому неизвѣстныхъ вельможъ; во всякомъ случаѣ, пока не подлежитъ сомнѣнью, что Кампредонъ-то именно разумѣетъ подъ этими «мечтателями» не кого иного, какъ старо-русскихъ вельможъ или «бояръ», какъ онъ ихъ называетъ, а не другихъ какииъ-то вельможъ, какъ полагаетъ г. Алексѣевъ. Доказательства въ пользу такого пониманія словъ Кампредона слѣдующія: въ этомъ же письмѣ отъ 3 января Кампредонъ указываетъ на сторонниковъ великаго князя, увлекающихъ Екатерину въ союзъ съ Австріей, и говоритъ о многихъ русскихъ вельможахъ, тайнѣ враждебныхъ герцогу Голштинскому, хранящихъ пока молчаніе и дурныхъ случая, чтобъ уничтожить невыносимую власть князя Меншикова и установить новую форму правленія, прямо заключая свои разсужденія словами: «таковы, государь, желанія и стремленія *большой части бояръ*» (*C'est là, Sir, où sont tougnés les vœux de la plus grande partie des regards*), какъ гласитъ французскій текстъ письма). Еслибъ намъ не было изъ учебниковъ русской исторіи извѣстно, что сторонниками великаго князя Петра Алексѣевича были, главнымъ образомъ, *старо-русскіе вельможи* и что они же частію были враждебны герцогу Голштинскому, то, сопоставляя отдѣльныя мѣста письма Кампредона съ приведеннымъ выше то заключеніемъ о «мечтахъ» именно *бояръ*, можно ясно видѣть, что здѣсь рѣчь идетъ не о комъ другомъ, какъ только о старо-русскихъ вельможахъ, такъ какъ Кампредонъ не могъ назвать *боярами* вельможъ худородныхъ... Обращаясь далѣе къ письму Кампредона отъ 15 января (письму, притомъ, прямо и непосредственно слѣдующему за разбираемымъ письмомъ отъ 3 января 1726 г.), мы видимъ, что Кампредонъ повторяетъ сказанное раньше и, притомъ, повторяетъ въ такомъ видѣ, что еще болѣе подтверждаетъ наше утвержденіе, что бояре именно, а вовсе не какие-то другіе вельможи, думаютъ о перемѣнѣ формы правленія, политической роли и пр. Онъ пишетъ здѣсь слѣдующее: «Я имѣлъ уже честь докладывать вамъ, что большинство именитѣйшихъ русскихъ людей (*une grande partie des principaux de cette nation-ci*) думаютъ о томъ, какъ бы *ограничить* деспотическую власть своей государыни... Если они будутъ ждать, пока царевичъ возмужаетъ и, взоидя на престолъ, самъ въ состояніи будетъ управлять страной, то попытаться имъ достигъ успѣха станетъ уже поздно. Поэтому есть основаніе опасаться, что тѣ, которые разсчитываютъ забрать впоследствии въ руки значительную власть, постараются учредить правленію на подобіе англійскаго и что они, главнымъ образомъ, поэтому не противятся ни исполненію голштинскихъ затѣй, ни союзу съ Вѣною, въ которые голштинцы же вовлекаютъ царицу. *Бояре* (въ подлинномъ текстѣ этого выраженія нѣтъ, но все время, сказавъ въ началѣ письма о *principaux de cette nation-ci*, Кампредонъ говоритъ «ils»; переводчикъ письма, однако, вполне основательно замѣнилъ это мѣстоименіе словомъ «бояре», такъ какъ здѣсь идетъ рѣчь именно о нихъ) надѣются, что послѣдствіемъ этихъ

событій явятся такія обстоятельства, которыя позволяют имъ добиться своей цѣли. Я даже слышалъ изъ вѣрнаго источника, что уже составленъ проектъ новой формы правленія и посланъ къ главнокомандующему кн. Голицыну въ Украину...; князь же этотъ имѣетъ сношенія съ Вѣною, чрезъ генерала Вейсбаха, нѣнца, преданнаго императору. Оба они ревностные сторонники царевича» (*Сб. И. Об.*, т. 64, стр. 196 и сл.). Въ этихъ письмѣхъ сторонникомъ царевича и союза съ Вѣною названъ кн. М. М. Голицынъ (безспорно, одинъ изъ представителей старо-русскаго боярства), подобно тому, какъ въ письмѣхъ отъ 3 января сторонниками великаго князя и союза съ Вѣною названы *бояре*. Во французскомъ текстѣ *второго письма* *)

*) Касаясь письма отъ 15 января, проф. Алексѣевъ говоритъ еще слѣдующее: „Въ этомъ письмѣ прежде всего ясно, о какихъ именитыхъ людяхъ идетъ рѣчь. Эти именитые люди и не одобряютъ союза съ австрійскимъ императоромъ, стремящимся обезпечить престолъ великому князю, и вмѣстѣ съ тѣмъ они и союзники императора и при его содѣйствіи и при помощи украинской арміи замышляютъ государственный переворотъ, имѣющій цѣлю посадить царевича на русскій престолъ“ (стр. 50). При этомъ проф. Алексѣевъ утверждаетъ, что это письмо стоитъ въ противорѣчій съ письмомъ Кампредона отъ 3 января, гдѣ „Кампредонъ продолжаетъ думать, что императоръ не намеренъ вмешиваться во внутреннія дѣла Россіи, а хочетъ сохранить ее цѣлостно не только русскія земли, но и русское самодержавіе, чтобы передать ихъ неприкосновенными своему племяннику“ (курсивъ нашъ), именуемъ, какъ въ письмѣ отъ 15 января Кампредонъ „уже другого мнѣнія и видитъ австрійскаго императора въ союзѣ съ кн. Голицынскимъ, который во главѣ украинской арміи наноситъ ударъ Россіи!“ (стр. 49). Вотъ ужъ, по-истинѣ, „совершенно-прозаическое толкованіе цитаты!“—могли бы воскликнуть словами самого г. Алексѣева. Кампредонъ будто бы продолжаетъ думать, что „императоръ не намеренъ вмешиваться во внутреннія дѣла Россіи, а хочетъ сохранить въ цѣлости не только русскія земли и русское самодержавіе“, тогда какъ Кампредонъ, въ дѣйствительности, говорилъ, что австрійскій императоръ, надо полагать, позаботится о сохраненіи самодержавія, да и то, если ему удастся овладѣть доверіемъ русскаго двора и проч. т.-е., иначе говоря, Кампредонъ (какъ извѣстно, французскій полномочный министръ при русскомъ дворѣ) просто выражаетъ гдѣсь свои *desiderata* о направленіи политики иноземнаго двора; затѣмъ Кампредонъ нигдѣ не приписываетъ австрійскому императору столь противорѣчивыхъ другъ другу дѣйствій: съ одной стороны, политическаго вмешательства въ русскія дѣла, съ другой—стремленія сохранить русскія земли самодержавіемъ и проч., а говоритъ лишь о второмъ (*ibid.*). М. М. Голицынъ „во главѣ украинской арміи наноситъ ударъ Россіи“, тогда какъ въ писемъ того же Кампредона, не говоря уже о другихъ источникахъ, извѣстно, что все, на что могъ бы решиться Голицынъ, сводилось къ возведенію на престолъ в. кн. Петра Алексѣевича. Но неужели возвести на престолъ единственнаго внука Петра Великаго значило „нанести ударъ Россіи“? Едва ли согласились бы съ такимъ взглядомъ на вопросъ современники... Даже, что касается существа дѣла, то мы не видимъ никакой противорѣчій между разбираемыми письмами Кампредона. Наоборотъ, внимательно вчитавшись въ нихъ, видно, во-первыхъ, вполне ясно, о какихъ именно именитыхъ людяхъ говоритъ Кампредонъ, а во-вторыхъ, не подлежитъ, на нашъ взглядъ, сомнѣнію, что Кампредонъ вовсе не думалъ (какъ полагаетъ это г. Алексѣевъ) заставлять этихъ людей въ одно и то же время искать союза съ императоромъ и не одобряя его, что было бы червучуръ странно. Несомнѣнно, что ищутъ союза тѣ же люди, которые не одобряютъ „голштинскихъ затѣй“ и вмѣстѣ не противятся заключенію этого союза самою Екатериною, такъ какъ союзъ этотъ былъ въ ихъ видахъ.

того термина нѣтъ, но едва ли подъ выраженіемъ «les principaux de cette nation-ci» можно разумѣть вельможъ худородныхъ, стремящихся притомъ граничить власть Екатерины, думающихъ объ учрежденіи «правленія на подобіе англійскаго» и не мѣшающихъ исполненію «голландскихъ затѣй», которыя невольно увлекаютъ императрицу въ союзъ съ Вѣною, заставляя ее редаться австрійскому дому, о чемъ говорить Кампредонъ въ письмѣ отъ января. Какъ это письмо само по себѣ, такъ и сопоставленіе его съ письмомъ отъ 15 января заставляютъ придти къ выводу, что, вопреки проф. Алексѣеву, не родовитые, а какіе-то другіе (имъ не называемые) вельможи мечтаютъ о перемѣнѣ формы правленія» и проч., по Кампредону—именно ояре и являются такими мечтателями; слѣдовательно, можно говорить, на основаніи свѣдѣній названнаго лица, о стремленіи ихъ къ политической юли, а, слѣдовательно, въ свою очередь, увѣреніе г. Алексѣева, что П. І. Миллюковъ и я *хотимъ* вложить въ слова Кампредона «не тотъ смыслъ», совершенно несправедливо. Какъ въ цѣломъ, такъ и въ тѣхъ наиболѣе ажныхъ словахъ, какія цитируются нами изъ этихъ писемъ, видно ясно дно только: дѣло идетъ, по Кампредону, о боярахъ и ихъ мечтаніяхъ «les vœux de la plus grande partie des boyards») и не о чемъ другомъ. Предлагая свое толкованіе указанныхъ писемъ и оспаривая наше, проф. Алексѣевъ не далъ убѣдительныхъ данныхъ въ пользу перваго и не опровергъ второго... При этомъ, цитируя почти цѣликомъ обширныя письма Кампредона, почтенный ученый ставитъ намъ въ упрекъ, что, «минуя все осальное содержаніе, не исключая и злобныхъ выходокъ противъ Россіи», мы выписываемъ «только тѣ фразы, въ которыхъ упоминается о стремленіи вельможъ вернуть прежнюю свободу, установить новую форму правленія и ограничить деспотическую власть государыни» (стр. 48). Трудно юнять, въ чемъ здѣсь погрѣшили мы противъ научной правды. Да, мы яляли у Кампредона то, что касалось поставленныхъ у насъ въ изслѣдованіи вопросовъ, то, что при этомъ вовсе не стояло въ противорѣчій съ общею связью событій, рассказанныхъ какъ Кампредономъ, такъ и другими современниками. Да, мы исключили «злобныя выходки противъ Россіи», такъ какъ писали вовсе не объ отношеніи иностранцевъ къ Россіи; наконецъ, мы не коснулись подробно длинныхъ разсказовъ Кампредона о личныхъ счетахъ борющихся сторонъ, о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, хотя бы просто потому, что все это давно изложено, въ общемъ, у Соловьева, Зрикнера и др. Было бы странно, однако, еслибы мы выкинули приведенныя выше слова Кампредона изъ общей связи извѣстій изучаемой эпохи...

Нельзя, наконецъ, не коснуться еще одного обвиненія, направленнаго противъ меня почтеннымъ рецензентомъ и также касающагося толкованія источниковъ. Такъ, въ своемъ изслѣдованіи я, между прочимъ, указываю за то, что слухи о возникновеніи верховнаго тайнаго совѣта стали ходить въ обществѣ *ранне* созданія этого учрежденія, и въ доказательство ссылаюсь на свидѣтельство Лсфорта отъ 1 мая и Кампредона отъ 3 мая 1725 года, затѣмъ на письмо Кампредона отъ 15 января 1726 г., приводя въ

заключеніе его же письмо отъ 23 февраля того же года, гдѣ Кампредонъ, уже послѣ созданія совѣта, повторяя свой разсказъ объ *ограничительномъ* характерѣ новаго учрежденія, сообщаетъ свидѣнія объ отношеніи его къ сенату и проч. (стр. 22—25 моей книги). Проф. Алексѣевъ по поводу этого говоритъ слѣдующее: «и вотъ, чтобъ установить эту *несуществующую* въ дѣйствительности связь приведенныхъ свидѣтельствъ съ учрежденіемъ верховнаго тайнаго совѣта, проф. Филипповъ прибѣгаетъ къ *совершенно-обычному въ научномъ изслѣдованіи приему*. Приведа извѣстія Лефоръ отъ 1 мая и Кампредона отъ 3 мая о предположеніи учредить верховный тайный совѣтъ, г. Филипповъ продолжаетъ: «въ донесеніи отъ 15 января 1726 г. Кампредонъ опять повторяетъ слухъ о новомъ учрежденіи, или и нѣсколько въ другой формѣ: инициатива учрежденія, по его новому разсказу, исходить уже не отъ государыни, а отъ именитѣйшихъ русскихъ людей, которые думаютъ о томъ, какъ бы ограничить деспотическую власть своей государыни». «*Читатель имѣетъ передъ глазами письмо отъ 15 января* (оно приведено проф. Алексѣевымъ въ его рецензій); *въ немъ ни слова не говорится о верховномъ тайномъ совѣтѣ; утвержденіе г. Филиппова поэтому является совершенно-произвольнымъ истолкованіемъ приведенной имъ цитаты*» (стр. 51). Итакъ, какъ ясно изъ приведенныхъ словъ проф. Алексѣева, я обвиняюсь имъ въ тяжкомъ промахѣ, и именно—я включилъ письмо Кампредона отъ 15 января въ число свидѣтельствъ о готовящемся событіи—учрежденіи верховнаго тайнаго совѣта,—тогда какъ въ немъ ни слова не говорится о верховномъ тайномъ совѣтѣ, почему оно и не можетъ быть поставлено въ связь съ письмами Кампредона отъ 3 мая 1725 г. и 23 февраля 1726 г., гдѣ и по мнѣнію г. Алексѣева объ этомъ учрежденіи упоминается. Съ перваго раза, прочтя письмо Кампредона отъ 15 января, можно подумать, что обвиненіе проф. Алексѣева вполне основательно, такъ какъ въ письмѣ этомъ *верховный тайный совѣтъ вовсе не называется*. Тѣмъ не менѣе, включая письмо это въ число свидѣтельствъ готовящемся событіи, я имѣлъ на это цѣльный рядъ важныхъ соображеній, которыя мною и будутъ теперь изложены. Именно, сравнивая письмо Кампредона отъ 15 января съ его же письмомъ отъ 23 февраля 1726 г., т.-е., не говоря съ письмомъ, написаннымъ тотчасъ послѣ учрежденія совѣта,—замѣтилъ, что Кампредонъ характеризуетъ это новое учрежденіе тѣми же почти чертами, какъ и тотъ проектъ новой формы правленія («*projet de la nouvelle forme de gouvernement*»), о которомъ онъ говоритъ въ письмѣ отъ 15 января, т.-е. въ письмѣ, написанномъ незадолго до созданія совѣта *). Именно, въ письмѣ отъ 15 января онъ говоритъ, что большинство именитѣйшихъ русскихъ людей («*grande partie des principaux de cette*

*) Совѣтъ учрежденъ 8 февраля 1726 г. (или 20 февраля по новому стилю); первое (изъ разбираемыхъ) письмо Кампредона написано 15 января 1726 г., или 1 января по нашему стилю, второе—23 февраля, или 11 февраля по тому же стилю, т.-е. спустя три дня по учрежденіи совѣта. Между первымъ и вторымъ письмомъ прошло, слѣдовательно, всего пять недѣль.

ation-ci) думаетъ о томъ, какъ бы *ограничить* деспотическую власть воей государыни, что «есть основаніе опасаться, что тѣ, которые разсчитываютъ забрать впоследствии въ руки значительную долю власти, стараются *учредить правленіе на подобіе англійскаго*, и что, наконецъ, нѣ слышалъ изъ вѣрнаго источника, что уже составленъ *проектъ новой формы правленія* и посланъ къ главнокомандующему князю Голицыну въ крайну, откуда, вѣроятно, и послѣдуетъ первый ударъ» (Сб. И. Об., 64, гр. 199 и сл.; ср. у пр. Алексѣева стр. 50). Мнѣ представлялось вполне вѣроятнымъ предположить, что подчеркнутыя слова Кампредона о *новомъ учрежденіи «на подобіе англійскаго»* или о *новой формѣ правленія*, имѣющей своею цѣлю *ограничить* власть императрицы, относятся именно къ *верховному тайному совѣту*. Данныя эти, какъ сказано, лежатъ прежде всего въ письмѣ Кампредона отъ 23 февраля 1726 г. Въ этомъ письмѣ написанномъ уже *послѣ* учрежденія совѣта) Кампредонъ описываетъ подробности учрежденія совѣта, личный его составъ и даетъ *характеристику* совѣта, *посторяя* частью то, что онъ сказалъ въ письмѣ 15 января того же года, т.-е. всего за *нѣкѣ* недѣль, о *новомъ, не названномъ по имени, учрежденіи*. Такъ онъ говоритъ въ письмѣ отъ 23 февраля, то даетъ своему правительству отчетъ о событіи, тѣмъ болѣе важномъ, то, *подъ вѣншими видомъ желанія укрѣпить власть* и правительство императрицы, оно, кажется, кладетъ первый камень того зданія, которое русскіе вельможи замыслили воздвигнуть незамѣтно, т.-е. усиленія ихъ власти и ихъ настоящаго и будущаго широкаго участія въ управленіи дѣлами вѣншей страны», т.-е., иначе говоря, онъ подчеркиваетъ вновь *ограничительный* характеръ верховнаго тайнаго совѣта, какъ подчеркивалъ раньше *ограничительный* характеръ того *новаго* учрежденія, о которомъ онъ говорилъ въ письмѣ отъ 15 января 1726 г. Затѣмъ далѣе онъ находитъ, что верховный тайный совѣтъ «по существу своему представляетъ первый шагъ къ *перемѣнѣ формы правленія*», добавляя, что «русскіе стремятся сдѣлать его менѣе деспотичнымъ», что «многихъ удерживало въ этомъ стремленіи только малолѣтство великаго князя и то, что у нихъ не было вождя, способнаго вести и поддерживать ихъ. Теперь, когда наступитъ благоприятный моментъ, они этому риску не подвергнутся болѣе, такъ какъ постараются, безъ сомнѣнія, утвердить свое вліяніе и *незамѣтно ограничить* самодержавную власть, заставляя ее жаловать такія привилегіи, которыя создадутъ возможность *учредить и поддержать правленіе, подобное англійскому*. Весьма вѣроятно, что учрежденіе верховнаго тайнаго совѣта именно въ этихъ-то видахъ и послѣдовало». Что же касается самихъ переговоровъ объ учрежденіи совѣта, то, рассказавъ о нихъ, Кампредонъ заключаетъ свое описаніе такими словами: «вотъ къ чему привели, наконецъ, тайныя совѣщанія Толстого съ кн. Меншиковымъ и Голицынымъ и съ адмираломъ Апраксинымъ» (Сб. И. Об. LXIV, стр. 253 и сл.; ср. у проф. Алексѣева стр. 51 и сл.). Такимъ образомъ, верховный тайный совѣтъ, вскорѣ послѣ его созданія, представляется Кампредону не только

учрежденіемъ, могущимъ *ограничить* самодержавную власть (какъ то новое учрежденіе *х*, о которомъ онъ говорилъ въ письмѣ отъ 15 января), но и учрежденіемъ, которое создастъ у насъ *правленіе подобное азиатскому* (опять-таки, какъ и новая форма правленія, упоминаемая въ письмѣ отъ 15 января). Наконецъ, какъ это предполагаемое созданіе совѣта не было скрыто отъ одного изъ видныхъ дѣятелей эпохи—кн. Д. М. Голицына, такъ и проектъ новой формы правленія былъ посланъ другому дѣятелю, брату перваго, кн. М. М. Голицыну, дѣйствовавшему, какъ это извѣстно, за одно съ нимъ. Какъ это сходство (по описанію Кампредона) основныхъ чертъ верховнаго тайнаго совѣта съ тою *новой формой правленія*, о которой онъ говоритъ въ письмѣ 15 января, такъ и то обстоятельство, что письмо это было послано *всему* за пять недѣль до учрежденія совѣта и что у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о какомъ-либо *другомъ* проектѣ реформы, который стоялъ бы внѣ связи «съ тайными совѣщаніями» указанныхъ выше главныхъ дѣятелей событія,—неизбѣжно заставили насъ предположить, что въ письмѣ отъ 15 января не могло идти рѣчи ни о какомъ другомъ учрежденіи, кромѣ верховнаго тайнаго совѣта, вскорѣ затѣмъ, дѣйствительно явившагося на свѣтъ. Упоминаніе въ письмѣ 15 января, какъ и въ письмѣ 23 февраля, фамиліи Голицыныхъ также представлялось для насъ характернымъ. Именно, въ письмѣ отъ 15 января говорится, что проектъ новой формы правленія былъ посланъ кн. М. М. Голицыну въ Украину. Знаменитый фельдмаршалъ, какъ извѣстно, «въ общественныхъ дѣлахъ всецѣло подчинялся старшему брату своему, князю Дмитрію Михайловичу» (Д. А. Корсаковъ: *Воцареніе Анны*, стр. 39); извѣстна также близкая связь кн. Дмитрія Михайловича съ Генрихомъ Фикомъ, задумавшимъ уже давно учрежденіе верховнаго тайнаго совѣта*). Въ письмѣ отъ 23 февраля Кампредонъ также указываетъ на кн. Дмит. Мих. какъ на одного изъ лицъ, принимавшихъ участіе въ созданіи совѣта. Намъ поэтому казалось, что *новая форма правленія*, посланная къ М. М. Голицыну незадолго до учрежденія совѣта, имѣетъ, въ виду указанныхъ соображеній, прямое отношеніе именно къ этому новому учрежденію. Для всякаго безпристрастнаго читателя очевидно, что, включая письмо 15 января въ число свидѣтельствъ о готвящемся событіи, мы вовсе не привѣнили казого-то «необычайнаго въ научномъ изслѣдованіи пріема», какъ думаетъ г. Алексѣевъ. Правда, построятъ, письмо отъ 15 января *не называетъ прямо е. т. соства*, когда говоритъ о какой-то «новой формѣ правленія», но, однако, оно характеризуетъ эту «новую форму» чертами, которыя очень подходятъ подъ описаніе верховнаго тайнаго совѣта, даваемого тѣмъ же Кампредономъ. Здѣсь

*) На эту связь кн. Д. М. Голицына съ Г. Фикомъ указалъ уже П. Н. Миллюковъ въ его сочиненіи *Государственное хозяйство Россіи* и пр. стр. 678 сл. Подѣля уже по напечатаніи въ 1893 г. первой главы моего изслѣдованія *Исторія сената*. П. Н. Миллюковъ, въ известной статьѣ своей—«попытка государственной реформы при воцареніи Анны Ивановны» (*Сборникъ въ пользу воскресныхъ школъ*)—еще подробнѣе развилъ эту мысль, подтвердивъ ее рядомъ новыхъ доводовъ.

допускается вполне вѣроятная, — по моему соображенію, — гипотеза, и она представляется пр. Алексѣеву неосновательной, то съ его стороны бы гораздо проще и лучше *прямо* указать (вмѣсто голословныхъ обещаній въ «необыкновенномъ приѣмѣ» и «произвольномъ истолкованіи» указанной цитаты изъ письма 15 января), *къ чему же* именно, если не къ акту будущаго верховнаго тайнаго совѣта (какъ думаю я), *относится* эта часть этого письма «объ учрежденіи правленія на подобіе англійскаго, о актѣ новой формы правленія, о Голицынѣ и пр.»; тогда бы вопросъ рѣшился самъ собою, и я, можетъ быть, отказался бы отъ своего предложенія, которое пока остается для меня вполне вѣроятнымъ... Замѣчу еще, что если слѣдовать методу проф. Алексѣева и брать при изученіи исторіи учрежденія только тѣ документы, гдѣ это учрежденіе *прямо* названо, то дѣло изученія, конечно, весьма облегчится для изслѣдователя, такъ какъ послѣдній обратится тогда въ простого собирателя *очевиднаго*. Кажется, изслѣдователь можетъ идти дальше, онъ можетъ *попытаться* привлечь къ изученію матеріалъ, гдѣ даются *косвенныя*, но важныя указанія о предметѣ. Мнѣ представляется, что было бы съ моей стороны *уже «необычно»*, еслибъ я умолчалъ о такихъ данныхъ и не включилъ ихъ въ кругъ своихъ выводовъ, пока научная критика не доказала, что они къ данному вопросу не относятся.

Но не только то или иное толкованіе первоисточниковъ оспаривается проф. Алексѣевымъ въ его разборѣ моего изслѣдованія, оспариваются имъ также и тѣ выводы, къ которымъ я прихожу здѣсь. Попытаемся теперь снестись и этой части разбора проф. Алексѣева.

III.

Разбирая прежде всего мои выводы, касающіеся отношеній Екатерины I къ совѣту, проф. Алексѣевъ пытается съ одной стороны найти между ними противорѣчіе, легко, однако, устранимое при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи моей книги *), съ другой — приписываетъ моимъ словамъ совершен-

*) Такъ по поводу моихъ словъ о близости императрицы къ совѣту («если судить только по этимъ *внѣшнимъ* формамъ сношеній съ императорскою властію, то казаться бы могло, конечно, совѣтомъ при особѣ государя, или при дворѣ его. Дѣйствительно, императрица близко стояла къ совѣту, то участвуя въ его засѣданіяхъ, то принимая членовъ совѣта лично, то, наконецъ, сообщая ему къ исполненію свои *личныя* указы» и проч.), проф. Алексѣевъ замѣчаетъ (стр. 59) иронически слѣдующее: «хотя это было *дѣйствительно* такъ, но въ *дѣйствительности*, — продолжаетъ г. Филипповъ, — роль в. т. совѣта *шла гораздо дальше*, мы вообще можемъ назвать мало случаевъ, когда императрица дѣйствовала самостоятельно по отношенію къ совѣту, когда бы она давала не только одну свою подпись подъ указами, составленными въ совѣтѣ, но и внимательно вникала въ его рѣшенія» и пр. (стр. 59). Внимательно прочтя какъ указанія, такъ и другія, относящіяся къ вопросу, мѣста моей книги, легко замѣтить, что я пытаюсь (стр. 47—66) дать характеристику отношеній Екатерины къ совѣту какъ по *внѣшней* формѣ, такъ и по *внутреннему* ихъ содержанию, причемъ доказываю, что если по *формѣ* этихъ отношеній и можно счи-

но невѣроятный смыслъ. Такъ, характеризуя дѣятельность совѣта, я, между прочимъ, замѣчаю слѣдующее: «до конца царствованія (Екатерины) почти всегда не въ полномъ составѣ, совѣтъ дѣлаетъ тѣ или нныя постановленія, получающія силу закона, подъ видомъ именныхъ указовъ, состоявшихся въ совѣтѣ, хотя, въ дѣйствительности, императрица и не знаетъ о нихъ» (стр. 58 моей книги). «Это утвержденіе, — категорически записано г. Алексѣевъ, — переведенное на языкъ юриста, можетъ имѣть тотъ смыслъ, что указы, объявляемые изъ в. т. совѣта, въ большинствѣ случаевъ издавались безъ утвержденія императрицы, т.-е. съ явнымъ нарушеніемъ основныхъ законовъ. Г. Филипповъ, другими словами, утверждаетъ, что большинство законовъ, напечатанныхъ въ Полномъ Собраніи законовъ за періодъ времени отъ 8 февраля 1726 по 6 мая 1727 г., никакой юридической силы не имѣютъ, а являются не чѣмъ инымъ, кромѣ голыми фактами, лишь по недоразумѣнію попавшими въ надѣ собранія законовъ» (стр. 60 рецензии). Конечно, отрицать «юридическую силу» законовъ, какъ напечатанныхъ, такъ и не напечатанныхъ въ П. С. Закономъ совершенно бессмысленно, и едва ли найдется юристъ, которому могло бы придти въ голову нечто подобное. Неужели же я повиненъ въ такой бессмыслицѣ? И не слишкомъ ли ужъ вольно «переводить на языкъ юриста» проф. Алексѣевъ приведенное выше мое утвержденіе? Достаточно указать здѣсь на тѣ данныя, на которыхъ я основалъ свой выводъ, чтобы убедиться, что «переводъ» проф. Алексѣева не имѣетъ ничего общаго съ истиннымъ смысломъ моихъ словъ. Какъ видно изъ сказаннаго выше, совѣтъ дѣлалъ тѣ или нныя постановленія, получающія силу закона, подъ видомъ именныхъ указовъ, состоявшихся въ совѣтѣ, хотя, въ дѣйствительности, императрица и не знаетъ о нихъ. Значитъ ли, однако, что эти указы издавались съ явнымъ нарушеніемъ основныхъ законовъ? Конечно, нѣтъ, такъ какъ такихъ «основныхъ законовъ», которые требовали, чтобы указы совѣта непременно утверждались императрицею, не было, а, наоборотъ, былъ именной указъ, отправленный изъ совѣта сенату, «по всемилостивѣйшему соизволенію и апробаціи» его Екатериною, который послѣ прочтенья, гласилъ слѣдующее: «въ в. т. совѣтѣ, хотя при присутствіи имп. величества, *хотя и во отсутствіи*, крѣпится, что о чемъ опредѣлено будетъ, протоколы, резолюціи, всѣмъ назначеннымъ особамъ в. т. совѣта. А съ тою надлежачіе куда указы посылать за закрытою, въ верховномъ же тайномъ совѣтѣ обрѣтающагося члена иностранной коллегіи». д. ст. с. В. Степанова» (УЦ, № 4830). Въ другомъ указѣ, данномъ въ дополненіе къ первому, Екатерина категорически говоритъ, что «нынѣ и

татъ совѣтъ учрежденіемъ, состоящимъ при особѣ монарха, или при дворѣ его (какъ обыкновенно думаютъ), то разборъ сущности содержанія дѣятельности совѣта не составляетъ притомъ къ выводу, что роль совѣта шла дальше, и онъ не былъ только совѣщательнымъ учрежденіемъ. Здѣсь, такимъ образомъ, нѣтъ противорѣчія въ смыслѣ, а есть указаніе на двѣ стороны отношеній — по формѣ и по сущности — на сторонѣ въ данномъ случаѣ между собою не совпадающія.

за ли изъ нашего в. т. совѣта, въ которомъ мы сами присутствуемъ и свидѣнство имѣемъ, *отправлять наши указы въ сенатъ и въ другія мѣста, куда потребно будетъ, именемъ нашимъ, а именно: въ началѣ гласить «Божіею милостію, мы Екатерина, императрица и самодержица всероссийская, и проч., и проч., и проч.»* Въ серединѣ, гдѣ пристойно и къ нему будетъ (гдѣ, т.-е., необходимо по смыслу)—«повелѣваемъ». А въ заключеніи: данъ въ нашемъ в. т. совѣтѣ. *И которые не будутъ за собственною нашею рукою и въ тѣхъ по датумѣ будетъ писано «по нашему указу» (ibid., № 4862), или, какъ я указываю въ моей книгѣ, въ указахъ того рода «по датумѣ» ставится обычно «ея имп. величество указала» (стр. 31, пр. 14). Итакъ, *все указы, идущіе изъ совѣта, суть указы именныя* *), состоялись ли они въ присутствіи, или *въ отсутствіи* Екатерины, *иногда* подписанные императрицею указы выходили въ свѣтъ по одной формѣ, не подписанные же—по другой. Затѣмъ вовсе не требовалось непременно, чтобы *все* эти именныя, прошедшіе черезъ совѣтъ, указы утверждались императрицею, а, слѣдовательно, тѣ изъ нихъ, которые не шли на ея утверженіе, не имѣли бы—по «переводу» г. Алексѣева—никакой юридической силы». Въ третьемъ пунктѣ извѣстнаго «мнѣнія не въ указъ», въ утвержденной Екатериною редакціи, прямо сказано слѣдующее: «чтобы *о важныхъ дѣлахъ*, поставя протоколы и на мѣрѣ, и не подписавъ напередъ для *пробавки къ ея имп. величеству* одной (персонѣ), по случаю смотря по важности дѣла, и двумъ персонамъ, присутствующимъ отъ того в. т. совѣта, и какъ уже *ея имп. величество* изволятъ апробовать, тогда подписывались и *въ дѣйство производить» (Сб. Ист. Общ., т. 55, стр. 16 и сл.).* Итакъ, несмотря на то, что *все указы совѣта именныя*, даже держась буквального смысла этого постановленія, надо признать, что лишь протоколы *о важныхъ дѣлахъ* должны были вноситься на апробацію государыни, затѣмъ подписываться членами совѣта и «производиться въ дѣйство», т.-е. содержащіяся въ протоколахъ проекты указовъ, по утвержденіи ихъ императрицею, должны были затѣмъ установленнымъ порядкомъ разсылаться «куда надлежало». Такъ какъ, однако, законъ не опредѣлялъ точно, что надо было разумѣть подъ «важными дѣлами», то на практикѣ могло случаться (да и дѣйствительно случалось) **), что дѣла, казавшіяся императрицѣ важными, могли не поступать къ ней «на апробацію», по тѣмъ или инымъ причинамъ. Основываясь на томъ, что въ журналахъ совѣта *отмѣчаются* случаи восхожденія отдѣльныхъ протоколовъ на утверж-*

*) Уже по полному собранію законовъ видно, что *все указы, прошедшіе черезъ совѣтъ, называются «именными, объявленными изъ в. т. совѣта» указными (VII, №№ 4836, 4837 и др.).* Самъ г. Алексѣевъ считаетъ указы, объявленные изъ в. т. совѣта, *именными*, утверждая лишь при этомъ, что *все они имѣли «апробацію» Екатерины (ibid, стр. 57).*

**) Такъ, наприм., Екатерина узнавъ, что предполагается казнить смертною казнию черезъ сожженіе вѣковаго Бѣлева, потребовала у юстицъ-коллегии объясненія, для чего, *въ присутствіи ея въ резиденціи*, такую казню, которая не всегда слу-

деніе императрицы, и принимая во вниманіе, что относительно многих протоколовъ такихъ отмѣтокъ *нѣтъ*, я предполагаю, что указы совѣта въ нихъ содержащіеся, не были всегда извѣстны Екатеринѣ, и въ доказательство этого привожу примѣры постановленій совѣта, которые вступили въ дѣйствіе *безъ доклада* императрицѣ, добавляя, что на это совѣтъ *à jure* имѣлъ право, такъ какъ, конечно, не долженъ былъ представлять императрицѣ на утвержденіе *естя* своихъ протоколовъ, содержащихъ тексты тѣхъ опредѣленій или постановленій совѣта. Проф. Алексѣевъ разбирая указанные мною примѣры, долженъ былъ признать, что въ отвѣтствующихъ журналахъ *нѣтъ* отмѣтокъ о докладѣ данныхъ дѣлъ императрицѣ, какъ нѣтъ и свѣдѣній объ утвержденіи ею этихъ докладовъ; но даетъ на это такое объясненіе: «если объ этомъ докладѣ и объ этомъ утвержденіи ничего не говорится въ журналахъ в. т. совѣта, то не по простой причинѣ, что въ эти журналы вносилось *только* то, что происходило въ засѣданіяхъ в. т. совѣта. Доклады же императрицѣ и утвержденіе ею мнѣній в. т. совѣта были актами, происходившими за стѣнами в. т. совѣта, и въ журналы не вносились и въ протоколахъ не отмѣчались. Если же о нихъ *иногда* упоминаютъ журналы, то только въ случаяхъ *исключительныхъ*, когда по какому-либо особому поводу возникала необходимость довести о нихъ *до свѣдѣнія* в. т. совѣта. Врядъ ли такіе исключительными случаемъ могло быть увольненіе везелютора Луккина (одинъ изъ приведенныхъ мною примѣровъ). Неудивительно, что апробация императрицею этого увольненія не оставила слѣдовъ въ журналахъ в. т. совѣта» (стр. 60 и сл.). Все приведенное объясненіе нисколько не согласуется съ обстоятельствами дѣла, а потому и не можетъ быть принята. Такъ, прежде всего, совершенно невѣрно, что въ журналы совѣта вносилось *только то*, что происходило на засѣданіяхъ в. т. совѣта. Уже изъ словъ самого проф. Алексѣева видно, что въ исключительныхъ случаяхъ въ нихъ помѣщалось и то, что происходило «за стѣнами в. т. совѣта»; и дѣйствительности же въ нихъ *постоянно* отмѣчалось все, что имѣло отношеніе къ совѣту и его дѣятельности, безразлично, происходило ли это на засѣданіяхъ совѣта, или внѣ его «стѣнъ» *). Затѣмъ авторъ рецензіи думаетъ, что о докладахъ дѣлъ императрицѣ и объ утвержденіи ею мнѣній в. т. совѣта упоминалось только въ случаяхъ исключительныхъ, *когда по какому-либо особому поводу возникала необходимость довести о нихъ до*

чается, человѣка хотѣть отъ коллегіи съечь, *не объявляя* ей; затѣмъ послѣдовали указы, коимъ повелѣвалось „о винахъ“ лицъ, присужденныхъ къ смертной казни или полатической смерти, „подавать ея имп. величеству въ в. т. совѣтъ краткіе экстракты, *не числя экзекуціи*“ (Исторія сената, стр. 114 и слѣд.).

*) Это не значитъ, конечно, что въ журналахъ совѣта всегда помѣщалось бы полностью все то, что говорилось или дѣлалось въ совѣтѣ; наоборотъ, и въ этой книгѣ отмѣчена излишняя краткость журнальныхъ отмѣтокъ и умолчаніе ихъ о множества важныхъ подробностей; но это значитъ, что отмѣчалось все, что признавалось нужнымъ отмѣтить, безъ всякаго отношенія къ тому, происходило ли отмѣчаемое въ самомъ совѣтѣ, или внѣ его.

Дѣлѣ в. т. совѣта. Едва ли требуетъ доказательствъ то соображеніе, въ совѣту,—какъ и всякому учрежденію, докладывающему о своемъ рѣшеніи высшей инстанціи,—*всегда*, а не въ исключительныхъ только случаяхъ, *надо* *мо* знать «объ апробаціи» или отклоненіи своихъ мнѣній императрицей, къ какъ иначе совѣтъ не зналъ бы, приводить ли ему въ исполненіе свое постановленіе, или нѣтъ. Авторъ рецензіи думаетъ, что «врядъ ли» апробація императрицей увольненія экзекутора Лукина (когого совѣтъ постановилъ ожить *), должна была быть доведена до свѣдѣнія совѣта. Но въ такомъ случаѣ, какъ же совѣтъ узналъ бы объ утвержденіи его постановленія императрицею, и не въ правѣ ли мы предполагать, что совѣтъ привелъ въ исполненіе свое постановленіе *безъ* утвержденія императрицы, которое, по мнѣнію г. Алексѣева, даже «не было необходимости сообщать совѣту». Не оше ли, однако, предположить, не прибѣгая ко всемъ этимъ хитросплетеніямъ, что совѣтъ здѣсь (какъ и въ другихъ случаяхъ) вовсе и не *далъ* утвержденія императрицы, такъ какъ имѣлъ самъ право посылать указы, въ извѣстныхъ случаяхъ, безъ доклада о нихъ государынѣ? Да и почему бы не допустить уже *a priori* такого права у верховнаго учрежденія, какъ совѣтъ, когда правомъ посылки указовъ, безъ утвержденія ихъ какой разъ императрицею, пользовались, наприм., сенатъ, синодъ? Правда,

* Относительно увольненія Лукина читаемъ въ протоколѣ совѣта отъ 28 марта 27 г. слѣдующее: «Ея и. величество пожаловала, по челобѣтью майора и синодальнаго экзекутора Б. Лукина, въ городѣ Орлѣ съ воеводою, подполковникомъ Гр. Трещинимъ въ товарищахъ *не бытъ*»; къ протоколу приложена челобитная Лукина на исочайшее имя, поданная по обычаю въ совѣтъ. Можно бы было предположить, судя по тексту указа, что императрица сама уволила Лукина или, по крайней мѣрѣ, утвердила рѣшеніе совѣта; но о послѣднемъ нѣтъ отиѣтокъ въ журналахъ совѣта, а первому предположенію противорѣчатъ записи журнала, свидѣтельствующія, что челобитная Лукина удовлетворена *самимъ* совѣтомъ *„согласно рѣшенію его, Лукина... отмикии“* (Сб. Р. Ист. Общ., т. LXIII, стр. 436, 426). Допустимъ предположеніе, что императрица *утвердила* это постановленіе совѣта, хотя объ этомъ и нѣтъ отиѣтки въ журналахъ. Но, по толкованію проф. Алексѣева, не было и необходимости доводить объ этомъ утвержденіи до совѣта, по незначительности случая! Что же, однако, это за утвержденіе рѣшенія, о которомъ рѣшающая дѣла инстанція даже и не извѣщается и для чего должно было служить такое утвержденіе? Не проще ли предположить, что, именно вслѣдствіе незначительности разбираемаго случая, совѣтъ отъ (на основаніи 3-го пункта „мнѣнія не въ указъ“) не доводитъ дѣла до свѣдѣнія императрицы и разрѣшилъ его поэтому самъ. Не останавливаемся пока на объясненіи другого случая, даваемаго поводъ къ указу 10 апрѣля 1727 г. (VII, № 5057) и уже состоявшагося, во нашему мнѣнію, *безъ* доклада императрицѣ (*Исторія сената*, гр. 58), такъ какъ г. Алексѣевъ, опровергая наше мнѣніе, не приводитъ никакихъ оложительныхъ данныхъ въ пользу того положенія, что дѣло было *доложено* Екатерицѣ, а ограничивается лишь простымъ предположеніемъ, которое не можетъ имѣть въ данномъ случаѣ рѣшающаго значенія (см. *ibid.*, стр. 61). Замѣтимъ кстати, что такъ здѣсь, такъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, для рѣшенія вопроса автору нецѣльнаго изслѣдованія о верховномъ тайномъ совѣтѣ слѣдовало бы обратиться къ архивнымъ документамъ совѣта и личнаго кабинета Екатерины I, чего г. Алексѣевъ, однако, не дѣлаетъ, почему его возраженія не всегда основаны на положительныхъ данныхъ.

всѣ указы совѣта были *именные*, но это объяснялось *положеніемъ* совѣта, категорическимъ предписаніемъ закона, что такъ какъ «ни съ (т.-е. императрица) присутствуюмъ и президентство (въ совѣтѣ) нѣтъ», то и указы изъ совѣта отправляются «куда потребно будетъ—*именными*» (VII, № 4862). Протоколы совѣта, содержащіе тѣ или иные постановленія, *могли* не поступать на утверждение императрицы, но это, вышеуказаннымъ соображеніямъ, конечно, не лишало ихъ юридической силы и значенія, такъ какъ такое утверждение предполагалось само собой, подобно тому, какъ предполагалось, что императрица «присутствуетъ и президентство имѣетъ» въ совѣтѣ, хотя, въ дѣйствительности, это случалось весьма рѣдко. Проф. Алексѣевъ предполагаетъ, что *все* указы совѣта непрестанно утверждались Екатериною (стр. 57), хотя объ этомъ и *никогда* отиѣтокъ въ журналахъ. Но это предположеніе надо еще *доказать* какими-либо положительными данными; пока же такого доказательства имъ не представлено *), оно остается лишь гипотезою, и мы можемъ не отказываться отъ нашего утвержденія, находящаго подтвержденіе въ журналахъ совѣта. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, считать за доказательство того соображенія г. Алексѣева, что хотя мнѣнія совѣта и подлежали всегда обязатель-

*) Мы не можемъ считать за такое доказательство ссылки на тѣ указы Екатерины и опредѣленія совѣта, какіе приводятся авторомъ рецензіи (стр. 56), такъ какъ они могутъ толковаться, да и дѣйствительно толкуются, совершенно иначе, чѣмъ требуетъ ихъ г. Алексѣевъ; лишь изученіе по архивнымъ даннымъ *практическихъ дѣлъ* изводства совѣта и особенно кабинета императрицы могло бы документально доказать, дѣйствительно ли, какъ думаетъ г. Алексѣевъ, *все* постановленія совѣта и кландывались для утвержденія императрицы; пока авторомъ рецензіи такого изученія не сдѣлано, его мнѣніе остается простою гипотезой. Что же касается тѣхъ указовъ и опредѣленій совѣта, на которыхъ строить мнѣніе г. Алексѣевъ свою гипотезу, изъ этихъ указовъ указъ 8 февраля 1726 г., даже по мнѣнію самого г. Алексѣева *можно* „по своей законности, дать поводъ нашимъ исследователямъ къ *логическимъ* толкованіямъ“ (почему-то эта „законность“ не помѣшала самому моему рецензенту установить *истинное* толкованіе указа!), а потому, естественно, можетъ не быть и счетъ. Затѣмъ, январскій указъ 1727 г. *выражаетъ*, какъ это доказывается въ моей книгѣ (стр. 56 и сл.), лишь *desiderata* Екатерины, а потому также не можетъ считаться показателемъ дѣйствительнаго порядка утвержденія указовъ; 3-й пунктъ „ни въ указѣ“, въ *измѣненной* Екатериною редакціи, толкуется г. Алексѣевымъ безъ какого вниманія къ его важному отличію отъ первоначальнаго текста, почему онъ и придаетъ значенія словамъ „о *важныхъ дѣлахъ*, поставя протоколы“ и пр., *какое* было въ первоначальномъ текстѣ; наконецъ, журналъ 18 февраля 1726 г., въ которомъ говорится, что „*все* резолюціи во ономъ *во анпробаціи* ея н. величества *содержать* имѣють“, или еще иначе, что „во ономъ в. т. совѣтѣ ея н. величества *присутствовать* являютъ и *все* указы *во анпробаціи* ея н. величества *отправлять* имѣють“, не можетъ служить доказательствомъ, что *такъ* всегда и было въ дѣйствительности; притомъ же это *опредѣленіе* совѣта было сдѣлано еще до „мнѣнія *во указѣ*“, въ которомъ требовалось представлять для анпробаціи императрицы *и* протоколы „о *важныхъ дѣлахъ*“, а вовсе не *все*. Что опредѣленіе совѣта не можетъ служить доказательствомъ, что указанный въ немъ порядокъ всегда соблюдался, видно, между прочимъ, изъ того обстоятельства, что, хотя журналъ совѣта и говоритъ о присутствіи въ его засѣданіяхъ императрицы, какъ о чемъ-то необходи-

вращенію Екатерины, но объ утвержденіи этомъ совѣтъ извѣщался было въ *исключительныхъ* случаяхъ, почему-де и нѣтъ въ журналахъ протоколахъ совѣта отиѣтокъ объ этомъ (стр. 61). Если согласиться съ нѣмъ проф. Алексѣева, то передъ нами будетъ удивительный въ истощеніи примѣръ санкціи постановленій верховною властію, о коид рѣшающая дѣло инстанція узнаетъ лишь изрѣдка *), хотя на ней итъ обязанность дѣлать соответствующія распоряженія о приведеніи исполненію этихъ постановленій лишь послѣ «аппробаціи» ихъ верховною властію!...

А. Филипповъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

предполагаемъ, въ дѣйствительности, Екатерина весьма рѣдко бывала въ засѣданіи совѣта. Замѣчу еще кстати, что вышеприведенное *опредѣленіе* совѣта было вѣрно названо въ моей книгѣ *указомъ* (стр. 58). Такъ какъ въ данномъ случаѣ и касалось *сущности* постановленія совѣта, а не его *формы*, — какъ въ этомъ не убѣдиться всякому, — то ошибка въ наименованіи акта не могла, конечно, отразиться на самомъ моемъ выводѣ; проф. Алексѣевъ пытается, однако, изобразить дѣло мое и опровергнуть тѣмъ самый выводъ (стр. 58, примѣч. 1 и 2).

*) Самъ проф. Алексѣевъ соглашается, что журналъ совѣта лишь „иногда“ упоминаетъ о докладѣ и объ утвержденіи мнѣніи совѣта императрицею (стр. 61); по слову же моихъ словъ, что въ любомъ журналѣ совѣта можно найти постановленія совѣта, не доложенныя императрицѣ (что я предполагаю, между прочимъ, на основаніи того, что въ нихъ имѣетъ отиѣтокъ объ этихъ докладахъ), онъ замѣчаетъ, что можно „найти ни одною такого примѣра“ (стр. 60).

Городскія попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ

Давно возбуждавшійся и чуть было совсѣмъ не заглохшій вопросъ передать въ вѣдѣніе московскаго городского общественнаго управленія призрѣнія бѣдныхъ разрѣшился въ 1894 году въ благопріятномъ смыслѣ и въ декабрѣ мѣсяцѣ того же года Москва обогатилась новыми благотворительными учрежденіями подъ названіемъ городскихъ участковыхъ попечительствъ о бѣдныхъ. Эти чрезвычайно симпатичныя и жизненные учрежденія, полныя глубокаго общественнаго значенія, являются для Россіи дѣломъ совершенно новымъ и по тѣмъ принципамъ, которые положили основу ихъ организаціи, стоятъ неизмѣримо выше какого бы то ни было изъ существующихъ у насъ благотворительныхъ обществъ и учрежденій. Къ сожалѣнію, попечительства, кромѣ изданія сухихъ отчетовъ, не дѣлаютъ почти никакихъ попытокъ для возможно болѣе широкаго распространенія среди общества свѣдѣній о своей организаціи, дѣятельности и о своихъ нуждахъ, между тѣмъ какъ при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ они дѣлаются, успѣхъ ихъ процвѣтанія вполнѣ зависитъ отъ участія и поддержки возможно большаго количества сочувствующихъ лицъ, что можетъ быть достигнуто лишь въ томъ случаѣ, когда общество достаточно близко знаетъ характеръ дѣятельности попечительствъ и вполнѣ увѣруетъ въ ихъ целесообразное назначеніе жертвуемыхъ имъ средствъ. Отдавать извѣстную дѣлу свое время, нести для него часто нелегкій трудъ и, наконецъ, внести въ него свои средства можетъ только тотъ, кто глубоко увѣруетъ въ это дѣло, кто захваченъ его жизненною правдою и несомнѣнно приноситъ имъ пользу.

Подводить итоги тому, что сдѣлали попечительства въ короткій періодъ своего существованія, далеко еще не настало время. Въ теченіе этого года на обязанности попечительствъ лежала громадная и отвѣтственная задача изучить пугающее населеніе своего района, опредѣлить характеръ и способъ помощи, выработать свою наиболѣе целесообразную организацію, и кромѣ того при скудныхъ средствахъ все-таки сдѣлать что-нибудь несомнѣнно полезное, чтобы не явиться въ глазахъ населенія недостаточно дѣятельными учрежденіями. Попытаться же хоть сколько-

удь ознакомить общество съ этими новыми органами благотворительности является, безъ сомнѣнiя, дѣломъ неотложной необходимости.

Забота о бѣдными сосредоточивалась до недавняго сравнительно времени главнымъ образомъ въ рукахъ отдѣльныхъ частныхъ лицъ, разнообразныхъ благотворительныхъ обществъ и частью духовенства. Отличаясь явнымъ отсутствiемъ всякаго единства и руководящаго пачала, такая благотворительность не приносила желательныхъ результатовъ въ борьбѣ съ бѣдностью, в потому на помощь частной благотворительности вынуждено было прiйти правительство и создать какiе-либо болѣе устойчивыя и дѣйствующiе въ извѣстномъ опредѣленномъ направленiи органы. Однимъ изъ такихъ правительственныхъ органовъ въ Москвѣ въ теченiе полвѣка функционировалъ комитетъ по разбору прошенiй нищихъ. Но комитетъ этотъ, являясь вполнѣ бюрократическимъ учрежденiемъ, несмотря на свое поголовное существованiе, приносилъ весьма сомнительную пользу, и по-тому въ правительственныхъ сферахъ вновь стали возникать вопросы объ организацiи помощи бѣдствующему населенiю. Въ частности это особенно было важно для Москвы, какъ громаднаго центральнаго города, укрывавшаго въ себѣ тысячи пролетарiата, непрерывно обновлявшагося пришельцами изъ деревень, ищущими или лучшей жизни, или не нашедшими возможности продолжать свое существованiе дома. Московское городское управленiе ясно представляло себѣ всю необходимость организацiи прiемки бѣдныхъ. Горячимъ поборникомъ идеи сосредоточенiя благотворительности въ рукахъ городского управленiя явился бывшiй городской голова Ретяковъ, которому, однако, не удалось осуществить свою идею, облеченную въ реальную форму только въ концѣ 1894 года.

Такимъ образомъ явились городскiя участковыя попечительства о бѣдныхъ, возникшия на развалинахъ комитета по разбору прошенiй нищихъ. Организацiя участковыхъ попечительствъ, какъ и самое названiе ихъ, не являются чѣмъ-либо новымъ,—они открыты, лишь съ нѣкоторыми измѣненiями, по образцу такихъ же учреждений, съ громаднымъ успѣхомъ дѣйствующихъ въ Германiи, а именно въ Эльберфельдѣ, гдѣ они родились, и завоевали самое широкое сочувствiе общества.

Чтобы судить о московскихъ попечительствахъ, необходимо хоть въ общихъ существенныхъ чертахъ ознакомиться съ эльберфельдскою системою, которая заключается въ слѣдующемъ. Городъ разбитъ на крайне малые участки, имѣющiе не болѣе 4-хъ бѣдныхъ, одиночекъ или семействъ, различно. Каждые 14 такихъ участковъ составляютъ округъ; каждымъ участкомъ завѣдуетъ попечитель, имѣющiй въ дѣлѣ призрѣнiя главную роль; во главѣ округа стоитъ окружной предѣдатель. Главнымъ и объединяющимъ органомъ для всѣхъ округовъ является главное управленiе, состоящее изъ городского головы или уполномоченнаго имъ лица, 4-хъ гласныхъ и 4-хъ гражданъ, имѣющихъ право голоса. Одинъ разъ въ двѣ недѣли собираются попечители каждаго округа подъ руководствомъ окружного предѣдателя для общаго обсужденiя поступившихъ просьбъ; въ это

собрание являются не только те попечители, у которых ищется дѣл, но и все остальные попечители округа. На обязанности участковаго попечителя лежит самое широкое знакомство съ положеніемъ бѣдныхъ участка, нравственное воздѣйствіе на нихъ, — словомъ, полная забота объ ихъ нуждахъ, какъ матеріальныхъ, такъ и нравственныхъ; съ одной стороны онъ является другомъ и совѣтчикомъ бѣдняка, съ другой — строгимъ карателемъ, чрезъ посредство обращенія къ полицейскому преслѣдованію, дѣли и порока. Въ случаяхъ острой нужды попечитель можетъ разрѣшать пособія немедленно, не дожидаясь общаго собранія, причѣмъ однако уставъ рекомендуетъ предварительно посоветоваться съ окружнымъ предсѣдателемъ. На главномъ управленіи лежитъ только общее руководство, разрѣшеніе принципиальныхъ вопросовъ призрѣнія, контроль надъ дѣятельностью округовъ, утвержденіе постановленій собранія попечителей и рѣшенія о приемѣ бѣднаго въ какое-либо изъ городскихъ заведеній общественнаго призрѣнія. Такимъ образомъ въ основу альберфельдской системы легли три главные принципа: индивидуализація призрѣнія, достигающаяся раздѣленіемъ города на мелкіе участки, полное участіе попечителей въ рѣшеніи вопроса о пособіи и децентрализація, выражающаяся въ разрѣшеніи вопросовъ пособія участковыми попечителями, причѣмъ на долю главнаго управленія остается лишь общая руководящая роль.

Теперь взглянемъ, какъ организованы наши московскія попечительства. Согласно временному положенію, утвержденному г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, участковое попечительство составляется изъ лицъ обоого пола, принявшихъ на себя обязанность содѣйствовать дѣлу призрѣнія бѣдныхъ определенными ими самими ежегодными денежными взносами или личнымъ трудомъ. Число такихъ лицъ неограничено. Въ болѣе тѣсномъ значеніи попечительство состоитъ изъ предсѣдателя или участковаго попечителя и товарища его, избираемыхъ думою на 4 года, членовъ совѣта въ количестве отъ 5 до 10 лицъ, утверждаемыхъ думою по представленію попечителя, и необходимаго числа сотрудниковъ, утверждаемыхъ совѣтомъ попечительства. Кроме того попечители приглашаютъ находящихся въ участкѣ предсѣдателей церковно-приходскихъ попечительствъ съ правомъ голоса въ собраніяхъ попечительства; засѣданія совѣта считаются состоявшимися если въ нихъ присутствовали, кроме попечителя или замѣняющаго его товарища, не менѣе двухъ членовъ совѣта. Сотрудники могутъ быть приглашаемы попечителемъ по мѣрѣ надобности въ засѣданія совѣта съ правомъ голоса по тѣмъ дѣламъ, въ которыхъ проявилось ихъ личное участіе. Территориальной единицей для попечительства является обыкновенно полицейскій участокъ, а иногда и цѣлая часть.

Изъ приведеннаго въ короткихъ чертахъ временнаго положенія мы видимъ, что къ служенію высокому дѣлу подачи братской помощи нуждаются и обездоленному судьбой человеку призванъ каждый, безъ различія пола, національности и религіи, кто обладаетъ достаточно дѣятельною любовью къ ближнему, кто скорбитъ за его нищету и убожество, — словомъ,

кто умѣетъ сознавать, кромѣ личныхъ побужденій, и общественный долгъ. Для каждаго, кто стремился посвятить свой досугъ какому-либо хорошему общественному дѣлу, явилась возможность прійти въ попечительство и, не стѣняясь ни матеріальнымъ или общественнымъ своимъ положеніемъ, не принимая на себя никакихъ непосильныхъ обязательствъ, а только по мѣрѣ охоты и возможности, предложить свой трудъ или денежную помощь. Въ этомъ московскія и эльберфельдскія попечительства совершенно сходны и достигаютъ одинаковой высоты, но, къ сожалѣнію, на этомъ и оканчивается ихъ сходство. Далѣе мы видимъ, что московская дума допустила значительное отклоненіе отъ основныхъ принциповъ эльберфельдской системы. § 5 временнаго положенія говоритъ о приглашеніи сотрудниковъ (по эльберфельдской системѣ попечителей) въ засѣданія совѣта попечительства лишь по мѣрѣ надобности и съ правомъ голоса только по тѣмъ дѣламъ, въ которыхъ проявилось ихъ личное участіе, рѣшающее же значеніе по всѣмъ случаямъ оказанія помощи принадлежитъ всецѣло совѣту.

Такимъ образомъ на сотрудника возложена самая черная и трудная работа, а самостоятельности въ дѣйствіяхъ не дано никакой. Наши члены совѣта, совершенно неизвѣстные въ эльберфельдской системѣ, при отсутствіи въ большинствѣ случаевъ непосредственныхъ сношеній съ бѣдными, являются главными судьями во всѣхъ вопросахъ призрѣнія какъ частныхъ, такъ и принципіальныхъ; при обсужденіи вопросовъ послѣдней категоріи сотрудники даже вовсе не присутствуютъ.

Несомнѣнно, сотрудникъ можетъ быть не достаточно опытенъ, можетъ быть легко обманутъ изощрившейся во всемъ бѣдотой, наконецъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ видѣнной и дѣйствительно часто поражающей непривычный глазъ обстановки обитателей подваловъ, можетъ слишкомъ увлекаться, почему при обсужденіи вопросовъ объ оказаніи бѣдному той или другой помощи весьма полезенъ здравый и сдерживающій излишнее усердіе голосъ, но, вѣдь, это могло бы вполне достигаться безпристрастіемъ и опытностью взявшаго на себя руководящую роль председателя, а также участіемъ въ обсужденіи вопроса остальныхъ сотрудниковъ.

Такимъ образомъ московская дума, учредивъ должности членовъ совѣта, не только не внесла улучшеній въ эльберфельдскую систему, но рѣзко нарушила два основныхъ ея принципа, достигнутыхъ только послѣ ряда неудачныхъ попытокъ и многолѣтняго опыта и, наконецъ, признанныхъ краеугольнымъ камнемъ системы: это—индивидуализація въ призрѣніи и полное участіе попечителей (сотрудниковъ) въ рѣшеніи вопросовъ о помощи.

До сихъ поръ мы разсуждали о попечительствахъ съ точки зрѣнія ихъ временнаго положенія, теперь посмотримъ, какъ въ теченіе года, приспособляясь по указаніямъ опыта, они организовались въ дѣйствительности.

Городскія попечительства являются широкимъ полемъ для удовлетворенія нравственныхъ потребностей, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что ряды ихъ при первомъ же призывѣ наполнились лучшими силами москов-

скаго общества. И только благодаря этимъ силамъ и дружной, вполне безкорыстной работѣ ихъ попечительства, располагая въ большинствѣ случаевъ самыми скудными средствами, успѣли уже сдѣлать сравнительно немало много.

Временное положеніе о городскихъ попечительствахъ, указывающее только въ короткихъ чертахъ основныя правила и характеръ дѣятельности, очевидно составлено съ цѣлью не стѣснять попечительства строго опредѣленною программой и дать имъ возможность устроить свою внутреннюю организацію соотвѣтственно требованіямъ мѣстныхъ условій и по мѣрѣ накопленія опыта. И дѣйствительно, попечительства, пользуясь предоставленною имъ свободой, организовались въ самыя разнообразныя формы. Я не буду разсматривать каждое изъ нихъ въ отдѣльности, а остановлюсь только на трехъ, состоящихъ другъ съ другомъ въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ и выработавшихъ наиболѣе характерныя формы организаціи.

Пречистенское попечительство, охватывающее собой громадный и густо населенный районъ цѣлой полицейской части, раздѣлено на 43 участка, переданныхъ въ завѣдываніе такого же количества членовъ-сотрудниковъ. Эти завѣдующіе, на которыхъ возложена забота о бѣдныхъ своего участка, являются совершенно самостоятельными и ответственными лицами и несутъ на себѣ всю тяжесть возложенной на нихъ благотворительной миссіи. Одинъ разъ въ мѣсяцъ они собираются въ общее засѣданіе попечительства и докладываютъ свои текущія дѣла совѣту, который и постановляетъ по нимъ соотвѣтственныя рѣшенія. Это—тѣ же попечители по эльберфельдской системѣ, и не будь здѣсь рѣшающаго органа—совѣта, функционирующаго кромѣ того и помимо общихъ собраній, организація пречистенскаго попечительства была бы вполне однородна съ эльберфельдскою системою.

Хамовническое попечительство 1-го участка мѣняло нѣсколько разъ свою внутреннюю организацію, изыскивая наиболѣе соотвѣтствующую форму и, наконецъ, остановилось на слѣдующей системѣ: районъ попечительства разбитъ на 8 участковъ и соотвѣтственно этому все количество сотрудниковъ, за исключеніемъ лицъ, имѣющихъ специальное назначеніе, организовалось для завѣдыванія этими участками въ такое же число группъ, въ количествѣ отъ 4 до 9 лицъ, подъ руководствомъ избраннаго изъ своей среды предсѣдателя.

Дѣленіе этихъ 8-ми участковъ, для удобства наблюденія за бѣдными, на болѣе мелкіе подучастки вполне предоставлено усмотрѣнію группы. Въ вопросы о помощи бѣднымъ обсуждаются предварительно группою и постановленныя ею по большинству голосовъ рѣшенія почти никогда не отменяются при разсмотрѣніи ихъ въ общемъ собраніи совѣтомъ попечительства. Въ случаяхъ крупнаго разногласія кого-либо съ остальными членами группы, оставшееся при своемъ мнѣніи лицо вноситъ вопросъ на обсужденіе совѣта, и тогда этотъ вопросъ уже разсматривается всесторонне. Такая организація 1-го хамовническаго попечительства установлена въ виду стрек-

ленія предоставить сотрудникамъ возможно большую самостоятельность въ дѣйствіяхъ. Насколько совершенна такая система, покажетъ будущее, но въ настоящее время нельзя не замѣтить, что совѣтъ попечительства вполне оцѣнили достоинства вѣберфельдской системы и что при такихъ условіяхъ работа всѣхъ активныхъ членовъ этого попечительства, умѣло заинтересованныхъ дѣломъ и чувствующихъ подъ ногами твердую почву, несомнѣнно пойдетъ дружно и производительно, что, впрочемъ, уже достаточно обнаружилось и въ настоящее время. Слѣдующая затѣмъ и, кажется, наиболѣе всего распространенная организація заключается въ буквальномъ примѣненіи временнаго положенія. Районъ попечительства дѣлится на нѣсколько крупныхъ участковъ, находящихся въ полномъ завѣдываніи членовъ совѣта, у каждаго изъ которыхъ имѣется своя группа сотрудниковъ. Всѣ вопросы по призванію бѣдныхъ обсуждаются въ собраніяхъ сотрудниковъ подъ предсѣдательствомъ ихъ члена совѣта, которымъ затѣмъ и вносятся въ засѣданіе совѣта, гдѣ уже сотрудниками не присутствуютъ или приглашаются только по мѣрѣ необходимости. Такая организація, рѣзко отличающаяся отъ двухъ предшествовавшихъ, въ виду ея распространенности, требуетъ нѣсколько болѣе подробнаго разсмотрѣнія. Настоящая система можетъ приносить хорошіе результаты только въ томъ случаѣ, если сдѣланъ вполне удачный подборъ членовъ совѣта. Но такъ какъ составъ ихъ далеко не устойчивъ и на мѣсто одного вполне дѣятельнаго и преданнаго своему дѣлу чловѣка можетъ явиться другой, обладающій противоположными качествами, то состояніе участковъ получится крайне неравномѣрное, что въ цѣляхъ единства дѣйствій едва ли можетъ быть желательно. Такая разнохарактерная дѣятельность въ одномъ и томъ же попечительствѣ является тѣмъ болѣе неумѣстной въ виду того, что въ настоящее время уже разрабатывается вопросъ объ объединеніи дѣятельности не только попечительствъ, но и вообще всѣхъ имѣющихся въ Москвѣ благотворительныхъ учрежденій. Дѣятельность сотрудника, имѣющаго въ попечительствѣ самое скромное положеніе, уже въ теченіе перваго года обрисовалась съ совершенной ясностью и можетъ быть признана не только вполне почтенной и заслуживающей всякаго уваженія, но и такой, безъ чего попечительство являлось бы пустымъ звукомъ. И это вполне понятно, такъ какъ попечительство можетъ дѣйствовать достаточно успѣшно только при значительномъ количествѣ дѣятельныхъ членовъ. Сотрудники, въ большинствѣ случаевъ обладающіе только единственнымъ желаніемъ привести обществу посильную пользу, а также въ той или другой степени удовлетворить свои нравственныя потребности, конечно, легко будутъ мириться со своимъ скромнымъ положеніемъ въ попечительствѣ, но только при извѣстныхъ условіяхъ, которымъ попечительства съ разсматриваемой организаціей удовлетворить не могутъ. Всякій сотрудникъ, горячо охраняя интересы своихъ бѣдныхъ, непременно долженъ стремиться къ нѣкоторой самостоятельности, къ праву энергично защищать эти интересы, и потому полное подчиненіе сотрудника одному лицу не можетъ быть признано желательнымъ. Затѣмъ многія лица идутъ

въ сотрудниках попечительства, рассчитывая на дѣятельность, полную разнообразныхъ интересовъ, на возможно широкое знакомство съ безконечно разнообразными проявленіями нужды, и такія лица, конечно, не найдутъ удовлетворенія въ дѣятельности незначительной группы, оторванной отъ цѣлаго попечительства и лишенной всѣхъ его общихъ интересовъ. Изъ всего этого можно съ очевидностью заключить, что попечительства при условіяхъ данной организаціи никогда не будутъ обеспечены достаточными силами, такъ какъ сотрудники, не найдя удовлетворенія своимъ запросамъ, начнутъ переходить въ другія попечительства, гдѣ дѣятельность объединена и вслѣдствіе этого интересы значительно шире, гдѣ стараются сдѣлать работу сотрудника возможно продуктивной и признають его право на извѣстную долю самостоятельности. Но и въ интересахъ самаго дѣла несомнѣнно полезнѣе работать при полной солидарности и общемъ участіи членовъ попечительства. Въ разнообразныхъ проявленіяхъ нужды и всевозможныхъ видахъ оказанія помощи бываетъ не мало случаевъ, когда попечительство не въ состояніи что-либо сдѣлать или за недостаткомъ средствъ, или по основнымъ требованіямъ временнаго положенія о попечительствахъ, а между тѣмъ въ оказаніи помощи является настоятельная потребность. Въ такихъ случаяхъ многіе изъ сотрудниковъ или членовъ совѣта, имѣющіе обширныя знакомства и связи, являются на помощь пресителю, который вполне ея заслуживаетъ, но попечительствомъ почему-либо удовлетворенъ быть не можетъ, какъ частныя лица, и часто дѣлають для него гораздо больше, чѣмъ можетъ сдѣлать попечительство. Очевидно, что такіе случаи могутъ быть часты только при обсужденіи вопросовъ пріуроченія въ людныхъ собраніяхъ, при участіи всѣхъ членовъ попечительства, а не въ маленькихъ группахъ, не имѣющихъ между собой никакой связи.

Недостатки той или иной организаціи попечительствъ, конечно, легко устранимы и нисколько не могутъ умалять ихъ общаго значенія, какъ несомнѣнно самыхъ лучшихъ въ настоящее время органовъ благотворительности, но и обходить ихъ совсѣмъ молчаніемъ тоже нельзя, такъ какъ это есть всегда свойственное намъ переживанье того, что другими давно уже пережито и оставлено какъ негодное.

Въ первый годъ своего существованія попечительства, въ виду недостаточности средствъ и новизны дѣла, едва ли могли сдѣлать что-либо особенно существенное, но, все-таки, дѣятельность ихъ выразилась въ крайне разнообразныхъ проявленіяхъ, и уже не мало бѣдныхъ искренно привѣтствуютъ ихъ появленіе. Теперь, вѣроятно, всякій дѣйствительно нуждающийся уже узналъ, что существуетъ такое учрежденіе, куда онъ свободно, не боясь быть недопущеннымъ, безъ всякой протекціи можетъ явиться и просить помощи, и что эта помощь, хоть въ небольшомъ размѣрѣ, но непремѣнно будетъ ему оказана; и уже одно это сознаніе, что теперь совсѣмъ не пропадешь, имѣетъ громадное значеніе.

Самымъ основнымъ видомъ помощи во всѣхъ попечительствахъ является помощь на дому деньгами, платой за квартиру или необходимыми жизнен-

ыми припасами, хотя многія попечительства имѣютъ уже и различныя учрежденія, какъ ясли, дѣтскіе пріюты, пріюты для стариковъ и старухъ, школы и проч. Однимъ изъ самыхъ благообразныхъ учреждений попечительства являются пріюты для престарѣлыхъ женщинъ. Это очень скромнаго типа квартира, снабженная такой же скромной обстановкой и заселенная 20—30 старухами. Живутъ эти старухи свободно, безъ всякаго режима, подъ надзоромъ только одной «старостихи», выбранной изъ своей же среды, и дѣлаютъ для себя все сами, за исключеніемъ совершенно неспособныхъ въ труду, за которыхъ обязаны дѣлать болѣе бодрыхъ; вся необходимая провизія обыкновенно отпускается ежедневными порціями на весь пріютъ сразу, и живутъ себѣ старухи, ведутъ свое несложное хозяйство и благодарятъ своихъ попечителей и попечительницъ. Здѣсь я вижу большую заслугу попечительства, создавшихъ такой упрощенный типъ общежитія, почти ничего общаго не имѣющій съ богадѣльнями, сооруженными на частныя средства и помѣщающимися въ роскошныхъ домахъ съ паркетными полами. Это въ особенности грустно, если посмотрѣть на массу дѣтей, нашихъ будущихъ гражданъ, въ то же самое время гниющихъ въ подвалахъ.

Нѣкоторыя попечительства колеблются въ выборѣ наиболее цѣлесообразнаго направленія дѣятельности и начинаютъ склоняться въ пользу развитія учреждений за счетъ оказанія помощи на дому. Не думаю, чтобъ это было правильно. Учрежденія требуютъ постояннаго и большого надзора, что при крайне неустойчивомъ составѣ попечительства весьма затруднительно; затѣмъ при развитіи учреждений придется прибѣгнуть къ наемнымъ лицамъ, такъ какъ среди сотрудниковъ едва ли найдется много охотниковъ отдать свое время и вовсе не легкій трудъ на хлопотливую возню со старухами. При значительномъ же развитіи учреждений за счетъ оказанія помощи на дому дѣятельность попечительства потеряетъ свой живой интересъ, привлекающій лучшія силы, и можетъ легко свестись на обычный шаблонъ филантропическихъ обществъ.

Не менѣе важною задачей, тѣмъ помощь на дому, является организація труда. Собственно эту послѣднюю задачу я безъ всякаго колебанія поставилъ бы на первое мѣсто, такъ какъ дать возможность человѣку существовать своимъ трудомъ несомнѣнно цѣлесообразнѣе всякой денежной помощи. Но организація труда требуетъ очень значительныхъ средствъ и можетъ быть съ успѣхомъ выполнена лишь при условіи полного объединенія въ этомъ дѣлѣ всѣхъ участковыхъ попечительствъ, возможно большей солидарности ихъ дѣйствій, учрежденія для этого спеціальнаго центрального органа и при весьма дружной поддержкѣ общества, въ особенности лицъ, профессионально близкихъ этому дѣлу.

Первую попытку по организаціи труда сдѣлало пречистенское попечительство совмѣстно съ 1-мъ хамовническимъ, открывъ отдѣленіе для бесплатнаго принсканія жителямъ своихъ участковъ различнаго рода мѣстъ и занятій. Попытка эта до сихъ поръ не дала никакихъ особенно выдаю-

шихся результатовъ, такъ какъ попечительства не имѣли возможности свадить отдѣленія необходимыми силами и достаточными средствами; кромѣ того спросъ существуетъ до сихъ поръ только почти на одну женскую прислугу, но эта попытка чрезвычайно интересна, какъ первый опытъ, уже и теперь вполне показавшій, что эта задача совершенно не по силамъ отдѣльнымъ попечительствамъ и можетъ быть выполнена или совмѣстными усиліями ихъ всѣхъ или, еще лучше, городскимъ управленіемъ, кажется уже давно сознавшимъ необходимость борьбы съ частными конторами, преслѣдующими только личную наживу. Это тѣмъ болѣе было бы теперь естятн, такъ какъ явилось бы дополненіемъ къ борьбѣ съ ростовщичествомъ.

Многіе упрекаютъ попечительства въ томъ, что съ ихъ появленіемъ нисколько не уменьшается нищенство. Это одинъ изъ самыхъ неосновательныхъ упрековъ. Мнѣ кажется, что здѣсь, прежде всего, виновата сама же московская публика, тароватая тамъ, гдѣ не слѣдуетъ, и искусственно плодящая своими подачками, значительно въ общемъ превышающими всякую единичную помощь попечительствъ, дѣлмая толпы совершенно способныхъ въ труду профессиональныхъ нищихъ. Если не ошибаюсь, въ печати уже сообщалось, что пречистенское попечительство предлагало своимъ нищимъ денежную помощь въ размѣрѣ 6 руб. на каждого человѣка съ тѣмъ, конечно, условіемъ, чтобы нищенство было безусловно оставлено. Нѣкоторые согласились на это и были потомъ уличены въ нищенствѣ, другіе же чистосердечно и довольно цинично заявили, что такая помощь составитъ только незначительную часть ихъ сбора и что поэтому имъ нѣтъ никакого расчета согласиться на предложеніе попечительства. Позволю себѣ привести крайне характерный случай, имѣвшій мѣсто лично со мной. Нѣкто К., молодая вдова съ четырьмя маленькими дѣтьми, обратилась въ попечительство съ просьбой о помощи. Отправившись проверить опросный листъ, я нашелъ слѣдующее: К. съ двумя дѣтьми (двое временно приврѣзались сестрой К.) занимала койку въ комнатѣ, высотой не болѣе 2 арш. 5 вер., т.-е. ниже средняго роста человѣка, въ которой, кромѣ того, помѣщались еще одна семья и одинокій жилецъ. Видъ этого помѣщенія даже на меня, побывавшаго во всевозможныхъ подвалахъ, произвелъ самое удручающее впечатлѣніе. Первое, что пришло мнѣ въ голову, для оказанія разумной помощи К., это—найти ей комнату, поселить съ ней вмѣстѣ одну старуху, пользующуюся нашимъ пособіемъ, для присмотра за дѣтьми, и дать, такимъ образомъ, К. возможность работать. По докладѣ объ этомъ въ совѣтъ попечительства оказалось, что К. знаютъ хорошо, такъ какъ она уже давно обращалась въ попечительство и что она существуетъ только нищенствомъ, отъ котораго отказаться рѣшительно не желаетъ. На первыхъ порахъ она возбуждала такое сочувствіе, что ей предложили помѣщеніе въ богадѣльнѣ для старухъ въ видѣ отдѣльной небольшой комнаты съ полнымъ содержаніемъ какъ самой, такъ и всѣхъ дѣтей. Отъ этого предложенія К. отказалась. Затѣмъ, когда въ попечительствѣ открылся пріютъ для дѣтей, К. предложили пойти туда въ качествѣ кухарки съ извѣстнымъ жалованьемъ, при-

ь опять всѣ дѣти ея были бы помѣщены въ пріютъ на полномъ содержаніи. К. испугалась, что въ пріютъ 25 дѣтей и что на нее возложить некоемъ большой трудъ, и отъ поступленія въ пріютъ тоже отказалась. Не подасть милостыню хотя бы и такой молодой женщинѣ, какъ К., да она стоитъ на улицѣ, держа на каждой рукѣ по ребенку, и взываетъ вашему милосердію? А, между тѣмъ, эта женщина за какой-нибудь годъ времени смерти мужа) уже вполне вкусила сладость легкаго заработка мысля безсовѣстнымъ образомъ эксплуатируетъ общество.

Если бы всѣ подачки, раздаваемые Москвою нищимъ, были отданы въ попечительства, какія крупныя у нихъ явились бы средства и какъ безсмысленно разумнѣй онѣ были бы распределены!

Какими же средствами обладаютъ попечительства для выполненія возложенной на нихъ громадной задачи призванія бѣдныхъ? Основнымъ элементомъ является городская субсидія въ приблизительномъ размѣрѣ 1,500 руб. на каждое попечительство. Остальные средства образуются изъ неслихъ взносов, добровольныхъ пожертвованій и сборовъ съ концертовъ, лекцій и т. п. Въ общемъ средства попечительствъ распределяются вѣе неравномѣрно и колеблются отъ 4-хъ до десятковъ тысячъ, при этомъ наиболѣе богатыя центральныя попечительства имѣютъ меньше всего денегъ, и наоборотъ попечительства, находящіеся на окраинахъ города, обладаютъ самыми скудными средствами и имѣютъ наибольшее количество денегъ. Деньги обыкновенно собираются путемъ обхода сотрудниками попечительства, снабженными квитанционными книжками, болѣе зажиточныхъ жителей своего участка съ приглашеніемъ внести посильную лепту. Одна изъ самыхъ грустныхъ страницъ въ исторіи попечительствъ. Да на это владется масса, а деньги собираются грошами, по крайней мѣрѣ въ нѣсколькихъ извѣстныхъ нѣтъ попечительствахъ, не говоря уже о тѣхъ, сколько неприятностей, а часто и дерзостей получаютъ сборщики.

Судя по результатамъ сбора пожертвованій, я не могу сказать, чтобы общество относилось въ попечительствамъ достаточно сочувственно, что есть быть объясняется новизной дѣла, неуверенностью въ разумное значеніе жертвуемыхъ денегъ и, вѣроятно, во многихъ случаяхъ полнымъ равнодушіемъ, что такое попечительство. Но, съ другой стороны, если принять вниманіе, что общество и не хочетъ ознакомиться съ дѣятельностью попечительствъ, что достаточно подтверждается полнымъ отсутствіемъ порочной публички въ собраніяхъ попечительствъ, то слѣдуетъ придти къ заключенію, что тѣ условія, въ которыхъ находятся попечительства относительно денежныхъ средствъ, совершенно ненормальны и должны быть известны лишь вполне неудавшимся опытомъ.

И въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли попечительство развиваться и крѣпнуть, да оно само вынуждено нищенствовать, когда оно никогда не увѣрено завтрашнемъ днѣ и должно со страхомъ думать, что въ одно прекрасное время можетъ явиться необходимость въ закрытіи учрежденій и въ обращеніи пособій? Вѣдь, никакъ нельзя поручиться, что попечительство,

... 5 тысяч рублей, в следующем...
 ... а в таком случае ничего друго...
 ... старух на улицу и закрыть б...
 ... пособий на дому, что едва ли лучше, т...
 ... в крайней мере в попечительствах небогаты...
 ... случаев совершенно наглядной нужды.

... в отношении денежных средств попечительства являе...
 ... какими они призваны помогать. Открывая попечител...
 ... город должен был сразу востановить их на тверд...
 ... по ложной и избитой дороге добывания средств...
 ... концертами, которые давно уже надоѣли публик...
 ... город сознавал необходимость взять примерные бѣдныхъ въ с...
 ... напелъ, что выполнить эту задачу наилучшимъ образомъ мож...
 ... через посредство городскихъ попечительствъ, то едва ли слѣд...
 ... ставляться предъ вопросомъ объ обезпеченіи ихъ необходимыми ср...
 ... Единственнымъ же и разумнымъ источникомъ для этого являе...
 ... въ пользу бѣдныхъ, къ которому прибѣгаютъ и заграничныя гор...
 ... городъ во какихъ-либо соображеніяхъ напелъ необходимымъ вы...
 ... съ введеніемъ налога, или даже вовсе къ нему не прибѣгать, над...
 ... быть, что съ теченіемъ времени въ пользу попечительствъ мож...
 ... образоваться крупный непривосновенный капиталъ изъ частныхъ посп...
 ... званій, то во всякомъ случаѣ не слѣдовало предоставлять попечител...
 ... сами заботиться самими о своихъ средствахъ, дѣлая обходы своего участ...
 ... сбора пожертвований. Эти сборы должны были бы производиться...
 ... имени городской управы или городского головы и поступать не...
 ... посредственно въ кассу управы для послѣдующаго распределенія меж...
 ... попечительствами пропорционально тому количеству бѣдныхъ, которое...
 ... каждомъ изъ нихъ обнаружено. Этому требуетъ самая элементарная спр...
 ... водимость, такъ какъ попечительство, имѣющее въ своемъ районѣ, на...
 ... примѣръ, Бузнецкій мостъ и подобныя мѣстности, несомнѣнно соберетъ...
 ... много разъ больше, чѣмъ рогожское или хамовническое попечительство;
 ... такъ какъ, кромѣ этого, въ первомъ попечествѣ бѣдныхъ гор...
 ... ченьше, чѣмъ въ послѣднихъ, то слѣдствіемъ этого является, что изб...
 ... ное бѣдное семейство, живущее въ первомъ попечествѣ, получитъ, н...
 ... ложить, 30 р. ежемѣсячнаго пособія, а семейство находящееся въ так...
 ... же условіяхъ, но живущее въ какомъ-либо изъ послѣднихъ попечительствъ...
 ... едва ли получитъ и 5 руб. Это не только несправедливость, а даже пр...
 ... несообразность.

Итакъ, въ концѣ-концовъ, каковы же результаты дѣятельности гор...
 ... скихъ попечительствъ и достигаютъ ли они своей цѣли? Я не имѣю въ...
 ... руками всехъ отчетовъ попечительствъ и не могу цифровыми данными...
 ... сказать, какую пользу принесли они московской бѣднотѣ, да и можно...
 ... требовать существенной пользы за первый годъ существованія посп...
 ... комитетовъ, находившихся при этомъ въ отношеніи денежныхъ средствъ...

хъ ненормальныхъ условіяхъ, но, какъ человѣкъ, практически знаій съ дѣятельностью нѣсколькихъ попечительствъ, существенно разныхъ между собой и по средствамъ, и по своей организаціи, я могу полной увѣренностью утверждать, что польза, приносимая ими, не подлтъ никакому сомнѣнію и что учрежденія эти, какъ основанныя на ихъ и гуманнѣйшихъ принципахъ, оставляютъ далеко за собой всѣ существующіе у насъ органы благотворительности и имѣютъ широкую цнность.

Если попечительства до сихъ поръ не освободились отъ нѣкоторыхъ боковъ, если выдаваемые ими вспомошествованія не всегда попадаютъ достойныя руки, то всѣ эти ошибки и недочеты легко устранимы съ нѣмъ времени и по мѣрѣ накопленія опыта. Если, наконецъ, городъ не влтъ возможнымъ на первыхъ порахъ сдѣлать для попечительствъ болъгого, что онъ сдѣлалъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ не останется на этихъ первоначальныхъ мѣрахъ и сдѣлаетъ все отъ него защее для надлежащаго развитія и возможно болъшей продуктивности въ высоко симпатичныхъ учрежденій, имѣющихъ всѣ шансы не только завоеваніе сочувствія и поддержки московскаго общества, но и на то, мы считаѣмся наилучшимъ проявленіемъ общественнаго сознанія.

В. Волярлярскій.

О введеніи общедоступнаго начальнаго обученія Московской губерніи.

Вопросъ о введеніи всеобщаго начальнаго обученія въ Московской губерніи близокъ къ практическому разрѣшенію. Московское губернское собраніе экстренной сессіи въ засѣданіи 9 апрѣля сего года наконецъ приняло докладъ управы «о мѣрахъ, необходимыхъ для того, чтобы сдѣлать начальное обученіе доступнымъ всему населенію губерніи». Постановленіе это встрѣчено въ обществѣ съ большимъ сочувствіемъ. Губернская земская управа на другой уже день послѣ состоявшагося постановленія стала получать письма съ выраженіемъ признательности московскому земству за совершеніе столь крупнаго культурнаго шага. Не можемъ привести здѣсь одного письма, отличающагося особенною искренностью. Письмо принадлежитъ крестьянину Бронницкаго уѣзда, состоящему почетелемъ мѣстной церковно-приходской школы. Обращаясь къ гласнымъ членамъ вышайшаго губернскаго земскаго собранія, крестьянинъ пишетъ: «Милостивые государи! Вы своимъ постановленіемъ отъ 9 апрѣля окончательно дали намъ право на всеобщее начальное образованіе всему сельскому населенію губерніи. Эта данная вами умственная пища утолитъ такой сильный голодъ, какой ощущался въ образованіи за послѣднее время. Кто останется благодарнымъ передъ такими честными и энергичными труженниками за такую братію, какъ вы! Вы своимъ поступкомъ пробудите въ нашемъ отечествѣ тѣхъ невозмутимыхъ взятокъ, по примѣру вашему, за такое же благое дѣло образованія, а у тѣхъ энергичныхъ людей — зависть и подражаніе вашему гуманнѣйшему взгляду. За это ваше благое дѣло наше населеніе постоянно будетъ сохранять добрую память объ именахъ вашихъ, какъ о тѣхъ борцахъ за свободу крестьянъ 1861 года. Теперь провинция по всей губерніи, порадуются родители за своихъ дѣтей, что они получаютъ то, чего много лѣтъ ждали. Но я, какъ крестьянинъ Бронницкаго уѣзда, дер. Ильинки, за себя лично и другихъ крестьянъ губерніи душевно благодарю васъ и желаю вамъ отъ Бога всякаго благополучія и съ тѣмъ же энергіей трудиться на пользу нашей дорогой Московской области».

Газеты точно также горячо приветствовали постановление московскаго губернскаго земства.

Такъ какъ въ настоящій моментъ разрѣшеніемъ вопроса о введеніи общедоступнаго начальнаго обученія заняты большинство губернскихъ и цѣлыхъ земствъ, постановленіе московскаго земства имѣетъ дѣйствительно самое серьезное значеніе. Очень возможно, что примѣръ московскаго земства найдетъ себѣ подражателей и въ другихъ земствахъ, и тѣмъ самымъ ускорится приближеніе давно ожидаемаго всѣми момента, когда такое обученіе широкою волной разольется по всему громадному пространству нашей милой родины. Въ виду такого особаго практическаго значенія постановленія московскаго земства объ осуществленіи общедоступнаго начальнаго обученія, представляется, безспорно, крайне интереснымъ въ самыхъ общихъ чертахъ познакомиться съ исторіей этого вопроса въ московскомъ земствѣ, а также и съ финансовымъ планомъ осуществленія разработаннаго управою проекта.

Исторія этого вопроса очень коротка. Она начинается лишь съ 1891 г. Въ этомъ году, согласно постановленію московскаго губернскаго земскаго собранія, въ управѣ впервые было организовано особое совѣщаніе по вопросамъ народнаго образованія въ составѣ предводителей дворянства, сѣдателей земскихъ управъ и лицъ, могущихъ своимъ совѣтомъ помочь осуществленію условій дальнѣйшаго развитія дѣла народнаго образованія въ Московской губерніи. Главная задача совѣщанія, какъ выяснилось изъ преній, исходившихъ въ собраніи, должна была заключаться въ объединеніи дѣла народнаго образованія, поскольку оно касается земства, а также въ выясненіи вопроса о дальнѣйшемъ развитіи дѣла. Вотъ этому-то совѣщанію и принадлежитъ подробное обсужденіе вопроса о всеобщемъ начальномъ обученіи.

Вскорѣ была выработана подробная программа занятій вновь организованаго совѣщанія. Въ числѣ прочихъ вопросовъ въ программу включены и вопросы о мѣрахъ къ увеличенію ограниченнаго числа учащихся и къ уменьшенію количества дѣтей школьнаго возраста и къ облегченію труда персонала, обременнаго чрезмѣрнымъ числомъ учащихся въ отдаленныхъ школахъ. Этотъ одинъ общій вопросъ былъ расчлененъ на нѣсколько частныхъ вопросовъ, а именно: 1) пересмотръ, исправленіе и пополненіе списковъ существующихъ училищъ; 2) установленіе возможной связи между земскою начальною школою и школами: церковно-приходскою, фабричною, воспитательнаго дома и частною; 3) нормировка числа учащихся въ школахъ; 4) точное и твердое установленіе возраста для поступленія въ школу; 5) расширеніе нынѣ существующихъ школъ; 6) открытіе филиальныхъ отдѣленій земскихъ школъ и 7) поощреніе частныхъ лицъ при реальномъ содѣйствіи со стороны земства къ открытію начальныхъ училищъ.

Всѣ эти вопросы, преслѣдующіе въ сущности одну общую цѣль—сдѣлать начальное обученіе общедоступнымъ, подвергались всестороннему об-

сужденію въ совѣщаніи. Результатомъ этого обсужденія и получился въ высшей степени симпатичный проектъ, который одобренъ инициативнымъ чрезвычайнымъ губернскимъ земскимъ собраніемъ и который такъ естественно встрѣченъ въ русскомъ обществѣ.

Инициатива въ вопросѣ о всеобщемъ обученіи въ московской губерніи принадлежитъ бывшему предсѣдателю губернской земской управы Д. А. Наумову. Народное образованіе было любимымъ дѣломъ и заботою Наумова. Завѣтною мечтою его было — достигнуть въ дѣлѣ народнаго образованія такой организаціи, чтобы начальная школа была доступна для всѣхъ жителей населенію губерніи. За годъ до своей смерти Д. А. Наумовъ, уже тогда предсѣдателемъ управы, представилъ въ совѣщаніе обширный докладъ именно на эту тему. Въ докладѣ этомъ подробно выясняется настоятельная потребность дѣла народнаго образованія въ губерніи, приводятся въ немъ выходящіеся недостатки въ немъ и затѣмъ указываются мѣры, помощью которыхъ возможно устранить эти недостатки. Главнѣйшія изъ мѣръ, предложенныя въ докладѣ, заключаются въ слѣдующемъ.

Прежде всего констатируется недостатокъ школъ сравнительно съ существующимъ запросомъ на нихъ. Въ 1893—4 учебномъ году въ Московской губерніи всѣхъ школъ разныхъ вѣдомствъ и учрежденій, — говоримъ въ докладѣ, — было 858, не считая школъ грамотности и городскихъ училищъ. Изъ этого числа земскихъ школъ было 546 или 63,6%. Цифры показываютъ, что въ сравнительно короткій промежутокъ времени дѣло народнаго образованія въ Московской губерніи быстрыми шагами идетъ впередъ. Но какъ, однако, ни велики въ этомъ отношеніи заслуги земства и другихъ устроителей школъ, — опыты и статистическія данныя и изслѣдованія показываютъ, что еще далеко не исполнено все, что необходимо для того, чтобы сдѣлать обученіе доступнымъ всему населенію губерніи, что много еще остается дополнить и улучшить.

Первымъ весьма важнымъ недостаткомъ нынѣшней постановки дѣла является малое число школъ сравнительно съ числомъ дѣтей, нуждающихся въ обученіи. Статистическія изслѣдованія, произведенныя въ 1893 году въ двухъ уѣздахъ — Московскому и Можайскому — показываютъ, что въ этихъ уѣздахъ на сто дѣтей въ возрастахъ отъ 9 до 12 лѣтъ включительно приходится неграмотныхъ: въ первомъ уѣздѣ — 36,6, а во второмъ — 60,6.

Другой существенный недостатокъ нынѣшней постановки дѣла народнаго образованія вытекаетъ изъ перваго. Стремленіе сельскаго населенія обучать своихъ дѣтей при ограниченномъ числѣ училищъ сравнительно съ предъявляемыми требованіями ведетъ къ тому, что нынѣшнія школы переполнены учащимися. Послѣдствіемъ такого переполненія является, одной стороны, отказы въ приемѣ учениковъ, съ другой стороны — огромное число учащихся на одного учителя, что, конечно, не можетъ способствовать благопріятно на самомъ ходѣ обученія.

Существеннымъ средствомъ для устраненія указанныхъ недостатковъ по мнѣнію докладчика, является прежде всего созданіе возможно большаго

ла новыхъ школъ въ предѣлахъ Московской губерніи. Но для того, чтобы яснить, какое именно количество новыхъ школъ необходимо открыть въ каждомъ уѣздѣ для надлежащаго удовлетворенія существующей потребности въ образованіи,—очевидно, нужно выработать нѣкоторыя нормы, которыя могли бы быть положены въ основу при созданіи новой сѣти училищъ.

Имѣя это въ виду, докладчикъ подробно останавливается на выясненіи означенныхъ нормъ.

Прежде всего является вопросъ, какой районъ для школы слѣдуетъ считать нормальнымъ? Отвѣты на этотъ вопросъ даютъ статистическія данныя, добытыя мѣстными изслѣдованіями въ 1892—3 учебномъ году. Даны эти показываютъ, что учащіеся изъ селеній, лежащихъ отъ школы

до 1 версты (включительно)	составляютъ	57,3%
» 2 »	»	21,5%
» 3 »	»	15,9%
Болѣе 3 версты	»	7,3%

Отсюда ясно вытекаетъ, что нормальнымъ райономъ для школы можетъ быть признанъ только такой, который обнимаетъ собою селенія, находящаяся отъ школы не далѣе 3 версты. Болѣе далекое разстояніе всегда будетъ невыгодно для населенія, такъ какъ въ такомъ случаѣ школа окажется доступною только для состоятельныхъ хозяевъ, которые, помѣщая детей въ школу, могутъ безъ особаго труда и напряженія нанимать имъ квартиру, платить за харчи и т. п. Особенно невыгоднымъ онъ является въ малозажиточной части населенія, которая не въ силахъ нести расходы, доступные только ихъ зажиточнымъ односельчанамъ. Итакъ, чтобы школы были доступными всему сельскому населенію губерніи, школьныя районы не должны превышать радіуса въ три версты. Такова первая норма, установленная докладомъ.

Далѣе, по вопросу о нормировкѣ числа учащихся въ земскихъ школахъ признано было желательнымъ, чтобы въ училищѣ при одномъ преподавателѣ нормальное число учениковъ опредѣлялось цифрою 45; въ крайнемъ случаѣ одинъ преподаватель можетъ заниматься безъ явнаго ущерба для дѣла не болѣе какъ съ 60 учениками. Если число учениковъ въ какомъ-либо училищѣ будетъ болѣе 60, то слѣдуетъ признать необходимымъ приназначеніе второго преподавателя для такого училища, приспособивъ для того помещеніе. Таково второе положеніе доклада. Оно основано на долѣтнемъ опытѣ преподаванія въ земскихъ школахъ губерніи и заслуживаетъ полнаго вниманія.

Въ тѣсной связи съ вопросомъ о нормировкѣ числа учащихся въ школахъ стоитъ вопросъ о точномъ и твердомъ установленіи возраста для поступленія въ школу. Въ настоящее время школа принимаетъ всѣхъ желающихъ учиться и, какъ показали изслѣдованія, произведенныя въ 1893 г. въ Можайскомъ и Московскомъ уѣздахъ, въ школахъ встрѣчаются дѣти въ 7 до 14 лѣтъ включительно. Удовлетворить потребностямъ всѣхъ этихъ

восьми возрастовъ школа очевидно не въ состояніи. Послѣдствіемъ это является то, что именно въ тѣхъ возрастахъ, которымъ принадлежитъ большинство учащихся въ школахъ и которые, предпочтительно предъ всѣми остальными, должны посѣщать школу, — весьма значительный процентъ пользуется ею за невозможностью вслѣдствіе переполненія ея учащими другихъ возрастовъ. Все вышесказанное указываетъ на то, что строгое выполнение требованія о приемѣ въ училище только дѣтей, достигшихъ опредѣленнаго возраста, можетъ значительно содѣйствовать нормировкѣ числа учащихся въ школахъ и способствовать успѣшности хода учебнаго года.

На основаніи данныхъ, почерпнутыхъ изъ практики народнаго образованія въ Московской губ., возрастъ для поступленія въ школу въ доминирующей дѣвятилѣтній, т.-е. такой именно, какой установленъ въ большинствѣ уѣздовъ; тамъ же, гдѣ такого правила не установлено, признаемъ возможнымъ, въ видѣ исключенія, принимать въ школу дѣтей, которымъ къ 1 апрѣля текущаго года исполнилось 8 лѣтъ, но только при условіи, если въ училищѣ на одного преподавателя не приходится болѣе 60 учениковъ.

Таково третье положеніе доклада. Оно представляется въ высшей степени серьезнымъ, такъ какъ указываетъ на тотъ контингентъ, который долженъ приниматься въ расчетъ при составленіи сѣти училищъ. При трехлѣтнемъ курсѣ нормальной школы очевидно слѣдуетъ брать количество дѣтей трехъ возрастныхъ группъ, а именно — 9, 10 и 11 лѣтъ.

Послѣдній вопросъ касается выясненія основаній для расчета общаго числа дѣтей школьнаго возраста (9, 10 и 11 лѣтъ) въ предѣлахъ Московской губерніи, необходимаго при составленіи новой сѣти училищъ. Если въ Московской губерніи было разрѣшено произвести подворную перепись о чемъ ходатайствовало московское земство въ 1894 году, тогда вопросъ разрѣшался бы очень просто. Но, къ сожалѣнію, разрѣшенія этого дано не было и потому теперь приходится при опредѣленіи числа дѣтей школьнаго возраста пользоваться довольно сложными вычисленіями. Исслѣдованія о народномъ образованіи, произведенныя на мѣстахъ въ 1893 году, указываютъ на то, что въ уѣздахъ Можайскомъ и Московскомъ на каждые 10 дворовъ приходится дѣтей обоаго пола въ возрастахъ 9, 10 и 11 лѣтъ около 35. Хотя эти данныя добыты только по двумъ уѣздамъ, но другія свѣдѣнія, имѣющіяся въ губернской управѣ, даютъ возможность привести приведенныя цифры нормальными и для всѣхъ остальныхъ уѣздовъ. Ввиду этого признано вполне целесообразнымъ при составленіи новой сѣти училищъ принимать за основаніе число дворовъ, находящихся въ селеніяхъ относимыхъ къ тому или другому школьному району. Таково четвертое положеніе разсматриваемаго доклада.

Кромѣ указанныхъ положеній, въ докладѣ указывается на наличіе еще одного условія, необходимаго для осуществленія общедоступности и бесплатнаго обученія. Дѣло въ томъ, что сразу осуществить новую сѣть училищъ по образцу тѣхъ, которыя до сихъ поръ открывались земствомъ, не

тва и для самого населенія крайне затруднительно, такъ какъ стоить всей сѣти обойдется сравнительно очень дорого. Вотъ для того, чтобы гнать практическое осуществленіе этого дѣла, въ докладѣ и предла-
 ма установить такое правило: тамъ, гдѣ вновь образуемые школьные
 ны съ трехверстнымъ радиусомъ вмѣщаютъ въ себя такое количество
 овъ, которое дастъ возможность разсчитывать на число учащихся,
 нѣ достаточное для дѣйствія самостоятельной школы, — необходимо
 аввать самостоятельную нормальную школу; въ тѣхъ же случаяхъ,
 а въ данномъ районѣ число учащихся не достигаетъ нормальнаго числа
 образованія полнаго самостоятельнаго училища, можно довольствоваться
 крытіемъ школъ много, болѣе дешеваго типа, а именно земскихъ школъ
 ого разряда, съ однолѣтнимъ курсомъ. Эти послѣднія школы состав-
 ть филиальныя отдѣленія ближайшихъ къ нимъ нормальныхъ училищъ
 ходятся съ ними въ тѣсной связи. Основная мысль въ устройствѣ та-
 отдѣленій заключается въ слѣдующемъ. Тамъ, гдѣ наплывъ учениковъ
 школу великъ, но не настолько, чтобы давалъ возможность открыть въ
 тѣ параллельный классъ, тамъ, гдѣ такой параллельный классъ не мо-
 быть открытъ по тѣснотѣ помѣщенія, наконецъ гдѣ, при существо-
 уже параллельнаго класса, остаются дѣти, которые не могутъ посту-
 въ училище вслѣдствіе его переполненія, во всѣхъ этихъ случаяхъ
 амомъ селеніи, гдѣ находится школа, или въ одномъ изъ ближайшихъ
 ему селеній, устраивается особое отдѣленіе, въ которомъ всѣ тѣ уче-
 первой младшей группы, которые не попали въ школу, могутъ обу-
 ся.

Для веденія обученія избираются лучшіе, наиболѣе способные ученики
 ница, при которомъ устраивается отдѣленіе, подготовленные учителемъ
 амостоятельному веденію дѣла. Эти ученики должны принадлежать къ
 инымъ жителямъ того селенія, гдѣ находится школа, или ближайшихъ
 ему селеній, или гдѣ устраивается филиальное отдѣленіе. Подготовка
 на, главнымъ образомъ, заключается въ усвоеніи такими учениками
 ювъ обученія, принимаемыхъ въ школы въ младшей группѣ. По доста-
 ой ихъ подготовкѣ, такимъ ученикамъ поручается веденіе дѣла въ фи-
 льныхъ отдѣленіяхъ, или школахъ съ однолѣтнимъ курсомъ, подъ на-
 рніемъ того учителя, который ихъ избралъ и подготовилъ. Для того
 чтобы такое наблюденіе было возможно и необременительно для учи-
 , филиальное отдѣленіе должно находиться по возможности въ селеніи,
 ипшомъ отдаленномъ отъ школы. Помимо того, что устройство такихъ
 ній не потребуетъ со стороны земства большихъ затратъ, такъ какъ
 ики, призванные вести это отдѣленіе, принадлежатъ къ мѣстнымъ обыва-
 ть, будутъ довольствоваться небольшимъ вознагражденіемъ, эта мѣра
 гь за себя то, что, во-первыхъ, приближая школу къ тѣмъ селеніямъ,
 рья по отдаленности затрудняются посылать дѣтей въ существующее
 нице, открываетъ имъ доступъ къ обученію своихъ дѣтей; во-вторыхъ,
 избавляетъ училище, при которомъ устраивается отдѣленіе, отъ чрез-

мѣрнаго наплыва учащихся и облегчаетъ учителю занятія при меншемъ числѣ учениковъ; наконецъ, мѣра эта открываетъ наиболѣе способнымъ обончившимся съ успѣхомъ курсъ начальнаго училища, ученикамъ возможность на мѣстѣ у себя дома найти занятія, которыя для нихъ связаны не безъ пользы. Такія отдѣленія должны служить только для учениковъ первой младшей группы. Какъ скоро ученики отдѣленія или совмѣстно съ однолѣтнимъ курсомъ окажутся достаточно подготовленными для перехода въ вторую группу, они обязательно переводятся въ ту школу, районъ которой находится филиальное отдѣленіе.

Стоимость содержанія каждаго филиальнаго отдѣленія исчислена въ 125 р., тогда какъ содержаніе каждаго нормальной полной школы въ общемъ по губерніи обходится въ 460 р. Разница получается довольно значительная, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что, при допущеніи филиальныхъ отдѣленій, земство, а равно и само населеніе должно будетъ затратить на существованіе полной сѣти училищъ значительно меньшія суммы, еслибы рѣшено было открывать только нормальные школы.

Итакъ, вотъ тѣ общія основанія, которыя покойнымъ Д. А. Наумомъ были предложены для осуществленія въ Московской губерніи общаго начального обученія. При разработкѣ новой сѣти училищъ всѣ основанія были приняты во вниманіе. Въ результатѣ этой кропотливой, въ то же время крайне цѣнной работы, выполненной статистическимъ отдѣленіемъ московскаго губернскаго земства, оказалось, что для того, чтобы сдѣлать начальное обученіе доступнымъ всему населенію губерніи, придется вновь открыть въ 13 уѣздахъ губерніи 223 нормальныхъ школы и 13 филиальныхъ отдѣленій. Ежегодное содержаніе первыхъ исчислено въ 98,625 рублей, а содержаніе вторыхъ—въ 12,625 руб. Въ общемъ же всѣ ежегодныя расходы на народное образованіе по всей губерніи опредѣлена, такимъ образомъ, суммою въ 111,045 рублей.

Весь этотъ проектъ съ новою сѣтью училищъ разсматривался уѣздными земскими собраніями, которыя внесли въ него нѣкоторыя измѣненія и дополненія. Затѣмъ проектъ обсуждался въ особой комиссіи, а послѣ въ совѣщаніи по вопросамъ народнаго образованія и, наконецъ, въ губернскомъ земскомъ собраніи очередной сессіи 1894 года. Въ виду того, что проектъ, переходя изъ одной инстанціи въ другую, потерпѣлъ нѣкоторые измѣненія, собраніе признало существенно необходимымъ снова подвергнуть его разсмотрѣнію уѣздныхъ собраній.

Въ теченіе 1895 года проектъ снова прошелъ черезъ тѣ же инстанціи, что и въ предыдущемъ году, т.-е. черезъ уѣздныя земскія собранія, комиссію, совѣщаніе и, наконецъ, черезъ губернское земское собраніе. Этотъ разъ онъ потерпѣлъ существенныя измѣненія въ той именно части, которая касается филиальныхъ отдѣленій. Нѣкоторыя уѣздныя земства, разсматривая вопросъ о филиальныхъ отдѣленіяхъ, отнеслись къ этому виду школы съ полнымъ недоумѣніемъ, такъ какъ обученіе въ нихъ по проекту предполагается поручить лицамъ, не имѣющимъ для этого вполне доста-

ой подготовки. Комиссія и совѣщаніе также высказались противъ факальныхъ отдѣленій и рѣшили нѣсколько измѣнить предполагаемый типъ школы для малонаселенныхъ районовъ.

Въ настоящее время содержаніе полноправной земской школы обходится въ среднемъ по 460 рублей въ годъ. Минимальный размѣръ такой школы становленъ для 40 человекъ, т.-е. для района приблизительно въ 120 дворовъ. Это число дворовъ комиссія, а вмѣстѣ съ нею и совѣщаніе—приняли минимальнымъ школьнымъ райономъ, на который должны производиться указанные выше расходы. Для районовъ съ числомъ дворовъ менѣе той нормы, по мнѣнію комиссія, слѣдовало бы точно такъ же устраивать многоправныя школы, но только съ уменьшеннымъ содержаніемъ, а именно—установивъ размѣръ вознагражденія для учителя въ 200 р. и законоучителя въ 50 р., такъ чтобы все содержаніе школы, со включеніемъ расходовъ на учебники и письменныя принадлежности, не превышало въ общемъ 300 рублей. Устанавливая такое вознагражденіе для учителя и законоучителя, комиссія исходила изъ того соображенія, что занятія съ меньшимъ числомъ учениковъ требуютъ отъ преподавателя несравненно большаго труда, умѣнья и опыта и потому могутъ быть оплачиваемы нѣсколько ниже, чѣмъ такія же занятія его въ школѣ съ большимъ числомъ учениковъ. Обученіе въ школахъ этого разряда предполагено производить въ наемныхъ помѣщеніяхъ, что при незначительномъ числѣ учениковъ не можетъ встрѣтить особенныхъ затрудненій въ недостаткѣ подходящихъ зданій.

Что касается вопроса о томъ, какое число учениковъ должно быть признано минимальнымъ для устройства самостоятельнаго училища, то комиссія и совѣщаніе высказались въ томъ смыслѣ, что самостоятельная школа можетъ быть устроена лишь при условіи наличности не менѣе 20 учениковъ, что соответствуетъ району приблизительно въ 60 дворовъ. Затѣмъ съ районы, имѣющіе менѣе этого числа дворовъ, уже должны быть исключены изъ числа самостоятельныхъ школьныхъ районовъ, и грамотность для жителей этихъ деревень можетъ быть обезпечена только путемъ облегченія имъ посѣщать ближайшую земскую школу устройствомъ при ней ночлежнаго пріюта, организаціей правильныхъ мирскихъ подводъ и т. п.

Съ указанными поправками проектъ былъ внесенъ на разсмотрѣніе чрезвычайнаго губернскаго земскаго собранія апрѣльской сессіи текущаго года. Въ засѣданіи 9 апрѣля проектъ былъ подвергнутъ подробному обсужденію послѣ довольно оживленныхъ преній былъ принятъ собраніемъ, а равно были приняты и финансовыя предположенія управы объ осуществленіи означеннаго проекта. Въ окончательномъ видѣ утвержденный собраніемъ проектъ представляетъ изъ себя одиннадцать положеній, касающихся одного главнаго вопроса — осуществленія общедоступности начальнаго обученія. Положенія эти слѣдующія:

1. Обсужденіе вопроса объ обязательности обученія для дѣтей опредѣленнаго школьнаго возраста въ Московской губерніи представляется къ настоящему времени преждевременнымъ.

2. Широкое распространение грамотности въ населеніи и удовлетвореніе тѣхъ потребностей, которыя ярже намѣчаются въ настоящее время, достигается, во-первыхъ, открытіемъ новыхъ школъ въ дополненіе къ существующимъ уже училищамъ и, во-вторыхъ, такимъ размѣщеніемъ всѣхъ училищъ въ каждомъ уѣздѣ, которое дѣлало бы школы въ уѣздѣ доступными, въ возможности, всей массѣ населенія.

3. Число потребныхъ для каждаго уѣзда новыхъ школъ должно опредѣляться:

а) Въ зависимости отъ числа нынѣ существующихъ училищъ, которыми нынѣ пользуется населеніе, не только земскихъ, но и частныхъ, церковно-приходскихъ и другихъ вѣдомствъ и учреждений; но дальнѣйшій ростъ тѣхъ школъ, которыя не принадлежатъ къ земскимъ, не долженъ приниматься въ расчетъ при пересмотрѣ нынѣ существующей сѣти училищъ и составленіи новой, отвѣчающей требованіямъ не только настоящаго времени, но и будущаго.

б) Въ зависимости отъ удобства для населенія пользоваться школами, какъ существующими уже, такъ и вновь открываемыми. Такъ какъ изслѣдованія въ губерніи подтверждаютъ, что дѣйствіе каждой школы простирается на тѣ селенія, которыя находятся отъ нея не болѣе трехъ верстъ, на болѣе же далекомъ разстояніи населеніе уже съ трудомъ можетъ пользоваться училищемъ, то, въ дѣлахъ сдѣлать обученіе дѣтей доступнымъ для всего населенія, слѣдуетъ установить, что новые школьные районы не должны, по возможности, превышать радіуса въ три версты и что до этого же размѣра должны быть доводимы постепенными районами нынѣ существующихъ училищъ, имѣющихъ болѣе болѣе большой районъ.

4. Вновь устраиваемыя училища должны быть такого же типа, какъ и нынѣ существующія земскія школы—съ отдѣльнымъ законоучителемъ и учителемъ, имѣющимъ право преподаванія; но, въ зависимости отъ большаго или меньшаго многолюдства приписанныхъ къ нимъ районовъ, должны раздѣляться на училища съ нормальнымъ содержаніемъ и уменьшеннымъ.

5. Въ школахъ съ уменьшеннымъ содержаніемъ законоучитель получаетъ вознагражденіе въ размѣрѣ 50 руб. въ годъ и учитель въ размѣрѣ 200 руб. въ годъ и не имѣетъ права на добавочную приплату со стороны губернскаго земства. Общій годовой расходъ на содержаніе этихъ училищъ не долженъ превышать 300 руб. На устройство помѣщеній этихъ школъ губернское земство пособій не даетъ.

6. Школы съ нормальнымъ содержаніемъ должны устраиваться тамъ, гдѣ число учащихся въ районѣ трехверстнаго разстоянія отъ пункта, назначеннаго для устройства школы, не менѣе устанавливаемаго минимальнаго числа, а также въ томъ случаѣ, когда въ районѣ уже существующей школы число желающихъ учиться настолько велико, что даетъ возможность устроить другую полную школу, и притомъ на каждую будущую приходится нормальное число учениковъ. Школы съ уменьшеннымъ

держаніемъ устраниваются тамъ, гдѣ число школьнаго возраста менѣе нормальнаго числа.

7. Для районовъ съ числомъ дѣтей школьнаго возраста, недостаточнымъ даже для устройства школы съ пониженнымъ содержаніемъ, начальное обучение должно быть обезпечено облегченіемъ посѣщенія ближайшей земской школы.

8. Для упорядоченія постановки школьнаго дѣла въ губерніи существенно необходимо:

а) Нормировать число учащихся, какъ въ школахъ уже существующихъ, такъ и имѣющихъ вновь открыться. Такъ какъ правильное обучение въ училищѣ безусловно зависитъ отъ того количества учениковъ, съ которымъ приходится заниматься учителю, то, согласно указаніямъ педагогической практики, нормальнымъ числомъ признано 40 учащихся при одномъ преподавателѣ. Число это ни въ какомъ случаѣ не должно превышать цифры 60 учениковъ, при которой одинъ преподаватель, хотя съ трудомъ, еще можетъ вести обученіе въ школѣ безъ особеннаго ущерба для дѣла.

б) Точно опредѣлить возрастъ для поступленія въ школу и строго держаться этого возраста при приемѣ дѣтей въ училище. Возрастомъ для зачисленія дѣтей въ школу признается 9-лѣтній, установившійся уже въ большинствѣ уѣздовъ; но такъ какъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ и теперь еще принимаются дѣти моложе 9 лѣтъ, то признается возможнымъ допустить въ этихъ уѣздахъ приемъ въ школу тѣхъ дѣтей, которымъ къ 1 апрѣля того года, когда происходитъ приемъ, минуло 8 лѣтъ.

в) Съ точностью установить возрастной составъ учащихся въ школѣ. Такъ какъ наша школа въ настоящее время имѣетъ трехгодичный курсъ, то для правильной постановки дѣла слѣдуетъ признать три возрастныхъ группы, которыя должны приниматься въ расчетъ при устройствѣ училищнаго помѣщенія. Возрасты эти обнимаютъ собой преимущественно 9, 10 и 11 лѣтъ, составляющихъ и въ настоящее время громадное большинство учащихся въ земскихъ школахъ.

9. Такъ какъ на основаніи статистическаго изслѣдованія выяснилось, то на каждые 100 дворовъ приходится дѣтей, требующихъ обученія, около 35, то для опредѣленія того, сколько и какихъ училищъ предстоитъ вновь открыть въ каждомъ уѣздѣ, слѣдуетъ впредь до указанія опыта принять въ расчетъ число дворовъ, находящихся въ селеніяхъ, причисленныхъ къ каждому району.

10. Нормальнымъ райономъ для школы съ полнымъ содержаніемъ должно быть признано число дворовъ не ниже 120, для школы съ уменьшеннымъ содержаніемъ—отъ 60 до 120 дворовъ, и, наконецъ, районы съ числомъ дворовъ менѣе 60 должны быть исключены изъ числа самостоятельныхъ школьныхъ районовъ.

11. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда уѣздныя земства или черезъ посредство ихъ сельскія общества будутъ обращаться въ губернскаго земство

съ ходатайствами о содѣйствіи со стороны послѣдняго въ устройствѣ новыхъ училищъ, губернская управа должна руководствоваться составленною сѣтью школьныхъ районовъ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда уѣздными земствами, на основаніи подробно мотивированныхъ соображеній, будутъ предлагаться тѣ или другія отступленія отъ проектированной сѣти, объ этомъ должно быть представляемо на усмотрѣніе губернскаго земскаго собранія.

Одновременно съ этими основными положеніями губернскимъ земскимъ собраніемъ одобренъ былъ также и финансовый планъ осуществленія общедоступности начального обученія. Планъ этотъ въ общихъ чертахъ заключается въ слѣдующемъ. Общее число школъ, подлежащихъ открытію во всѣхъ тринадцати уѣздахъ, равно 277, изъ которыхъ 91 школа назначены для районовъ съ числомъ дворовъ отъ 60 до 120, и 186 школъ для районовъ съ числомъ дворовъ болѣе 120. Общій расходъ по содержанію всѣхъ этихъ школъ исчисленъ въ 127,740 руб. По уѣздамъ приведенныя цифры распределяются слѣдующимъ образомъ.

Уѣзды.	Число школъ подлежащихъ открытію.		Общій расходъ по содержанію новыхъ школъ.				Итого.
	Для район. съ числомъ двор. отъ 60 до 120.	Для район. съ числомъ двор. бол. 120.	Уѣздныхъ земствъ.	%	Губернскаго земства.	%	
Богородскій	7	16	7,860	74	2,880	26	10,740
Бронницкій	—	12	4,320	67	2,160	33	6,480
Верейскій	4	8	1,392	26	4,128	74	5,520
Волоколамскій	3	23	1,836	14	11,484	86	13,320
Дмитровскій	17	20	2,460	19	10,200	81	12,660
Звенигородскій	8	10	1,200	15	6,600	85	7,800
Клинскій	10	27	2,544	15	15,036	85	17,580
Коломенскій	8	5	4,200	82	900	18	5,100
Можайскій	7	17	1,644	14	9,636	86	11,280
Московскій	7	12	6,420	75	2,160	25	8,580
Подольскій	11	16	3,254	28	8,638	72	11,892
Рузскій	5	13	1,236	15	7,284	85	8,520
Серпуховской	4	7	3,720	75	1,260	25	4,980
	91	186	41,964	33	85,776	67	127,740

277

Изъ приведенной таблицы видно, что наименьшее число школъ предполагается открыть въ Серпуховскомъ, Бронницкомъ, Верейскомъ и Коломенскомъ уѣздахъ и наибольшее число — въ Дмитровскомъ и Клинскомъ уѣздахъ. Расходы по содержанію предполагаемыхъ въ открытію школъ распределяется неравномерно между губернскимъ и уѣздными земствами. Такъ, въ некоторыхъ уѣздахъ наибольшій % расхода падаетъ на губернское земство, въ другихъ же, наоборотъ, главную тяжесть расходовъ

тъ на себѣ уѣздное земство. Съ перваго взгляда такое распредѣленіе годовъ можетъ показаться не совсѣмъ справедливымъ по отношенію отдѣльнымъ уѣздамъ. Но это только съ перваго взгляда; но если хоть немножко познакомиться съ принципами, на основаніи которыхъ московско-губернская управа было произведено указанное распредѣленіе расходовъ, то окажется, что принципъ справедливости сохраненъ здѣсь въ той мѣрѣ по отношенію ко всѣмъ 13 уѣздамъ. Дѣло въ томъ, что при распредѣленіи суммы расходовъ уѣзднаго земства принималась во вниманіе одной стороны платежная способность населенія, т.-е. доходность имуществъ, подлежащихъ земскому обложенію и самый процентъ обложенія, въ другой—текущіе расходы уѣзднаго земства на народное образованіе. При сопоставленіи этихъ данныхъ и выяснилось, можетъ ли уѣздное земство и въ какой мѣрѣ своими средствами осуществить общедоступность начального обученія, и если не можетъ, то какая помощь требуется для этого отъ стороны губернскаго земства. Такъ какъ доходность имуществъ, % обложенія и текущіе расходы на народное образованіе по уѣздамъ очень разнообразны и находятся въ разныхъ соотношеніяхъ между собою, то вслѣдствіе этого и въ распредѣленіи новыхъ расходовъ замѣчается то довольно значительное колебаніе, которое отмѣчено въ приведенной выше таблицѣ.

Губернская управа въ докладѣ своемъ, говоря о причинахъ неравнаго распредѣленія имуществъ по губерніи, вслѣдствіе этой и неоднородной напряженности платежной способности населенія, между прочимъ замѣчаетъ, что причины эти отъ земства не зависятъ и не могутъ быть имъ измѣнены. Во всякомъ случаѣ губернское земство должно быть регуляторомъ въ этомъ отношеніи. Одно оно можетъ внести въ это дѣло нѣкое равновѣсіе и хотя нѣсколько возстановить нарушенную сложившимися историческими условіями жизни справедливость. Въ этомъ губернская управа видитъ одну изъ главнѣйшихъ задачъ губернскихъ земскихъ учрежденій, въ ихъ существованія въ качествѣ отдѣльныхъ земскихъ единицъ.

Итакъ, что же въ концѣ-концовъ получитъ населеніе Московской губерніи, когда проектъ земства будетъ вполне осуществленъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ могутъ служить слѣдующія цифры. Въ настоящее время въ губерніи числятся 874 школы. Въ среднемъ на одну школу приходится населеній—61, дворовъ—234 и дѣтей школьнаго возраста (9, 10 и 11 лѣтъ)—83. Послѣ того, какъ земскій проектъ будетъ осуществленъ, отношеніе числа школъ къ населенію измѣнится такъ: всего школъ будетъ 152, причемъ на одну школу будетъ приходиться: населеній—47, дворовъ—7 и дѣтей школьнаго возраста—63.

Таковы результаты тридцатилѣтней дѣятельности московскаго губернскаго земства въ сферѣ народнаго образованія. Результаты, можно сказать, блестящіе. Пройдетъ еще 5—10 лѣтъ, и въ Московской губерніи не будетъ уже неграмотныхъ. Неужели и послѣ этого найдутся люди, которые постыдятся дѣлать злостныя нападки на русское земство?!

В. Крандіевскій.

Современный Мадагаскаръ.

— Франція хочет удвоиться по пространству и учетвериться по бо-
ству,—сказалъ мнѣ мистеръ Дж. Ф—дъ, когда были получены извѣстїи
прїбытіи генерала Дюшена въ Тананариву и о подписаніи въ тотъ же
мадагаскарскою королевою договора о французскомъ протекторатѣ. —
ошиблись бы французы въ расчетѣ: хотя бы потому, что ховасы, на
рыхъ они подчинили теперь, не составляютъ населенія цѣлаго Мадага-
скара, а только небольшую часть такового; да, кромѣ того, они сами гораздо
больше протестанты, чѣмъ католики, и еще протестанты, руководимы
гаійскими и американскими миссіонерами.

— Ну, когда дѣло идетъ о земельныхъ прїобрѣтеніяхъ европейск-
континентальныхъ государствъ въ другихъ частяхъ свѣта, вы, британцы,
всегда являетесь пессимистами, ворчунами, что заставило бы меня на-
думать, что это дѣлается изъ зависти, еслибы, по отношенію именно къ Егип-
ту, я не зналъ, что вы, человѣкъ благоразумный и дальновидный, не думаете
такъ, что даже на занятіе вашимъ правительствомъ Египта вы смирно
косо.

— Египетъ—другое дѣло, не то, что Мадагаскаръ. И вы ошибаетесь,
когда говорите, что я противъ занятія Баира англичанами. Я противъ
самаго прїема оккупациа силою; но я ничего не буду имѣть противъ за-
нятія турокъ моими соотечественниками, которыхъ правительственные спосо-
бы известны: это вѣдь, вѣроятно, и ваше мнѣніе, какъ человѣка
не выдвигавшаго и продумавшаго. Ну, а скажите, что пользы человечеству
и въ частности мальгашамъ отъ завоеванія ихъ земли французами? Разно-
шансы французскихъ солдатъ, офицеровъ, чиновниковъ и заѣзжихъ спекуляторовъ
изъ Марселя и Парижа, никогда не сливающихся своихъ интересовъ съ
земными и нахально эксплуатирующихъ аборигеновъ?—Немного! Да и
говѣчно ли господство французовъ на островѣ Индѣйскаго океана, на
берегахъ котораго мы хозяева? Захотимъ мы, и они volens-nolens уйдутъ
Мадагаскара, какъ ушли въ свое время изъ Канады, изъ Индіи, съ
Ирландіи, съ Мальты. Разумѣется, во избѣжаніе вооруженной схватки,
выберемъ подходящий моментъ, когда французы будутъ связаны по ру-

на континентѣ Европы, какъ итальянцы выбрали время вторженія пруссаковъ во Францію, чтобы занять Римъ. И тогда прощай Тананарива, Тамавава, Мадзѣнга, Діаго-Суаресъ и прочіе лакомые куски! Да еще мадагаскарцы сами попросятъ насъ принять ихъ подъ власть англійской королевы, чтобы наслаждаться мирнымъ развитіемъ, экономическимъ и интеллектуальнымъ, какъ сосѣдніе имъ индусы, которыхъ судьбы они знаютъ. Подумайте о томъ простомъ фактѣ, что французы вотъ уже двѣсти лѣтъ хотятъ около Мадагаскара, прицѣливаются къ нему, завоевываютъ его, заключаютъ трактаты съ нимъ, а все же ихъ миссіонеры имѣютъ всего 45,000 послѣдователей на островѣ, а наши 450,000; и королева протестантка, и при дворѣ у ней тоже протестанты, а не католики. Припомните, что у насъ въ Индіи пять университетовъ для туземцевъ, а у французовъ въ Алжиріи всего двѣ гимназіи, хотя центръ цивилизаціи у нихъ подъ бокомъ, не такъ, какъ у насъ въ Индостанѣ. Наши индусы засѣдаютъ въ правительственныхъ совѣтахъ Индіи, даже въ парламентѣ, а французы въ Алжиріи дали права гражданства презрѣннымъ еврейскимъ торгашамъ и смотрятъ, какъ на илотовъ, на многочисленныхъ мусульманскихъ туземцевъ. Вы, русскіе, покоривъ туркменъ, чуть не на другой день сформировали изъ нихъ эскадронъ для русской службы; кавказскіе горцы, съ которыми вы дрались шестьдесятъ лѣтъ, теперь составляютъ у васъ полки, дерущіеся противъ турокъ. Ну, а французы? Они боятся дать оружіе въ руки алжирцевъ, которыхъ военныя качества, казалось бы, должны были изучать и признавать. На Мадагаскарѣ первое, съ чего они начали, было отобраніе оружія у туземцевъ: и вы думаете, что, слѣдуя этой системѣ и водворенію въ завоеванной странѣ бюрократіи, полиціи и купеческаго хищничества, они долго продержатся во власти?

— Не думаю ничего, потому что не знаю. Полагаю, что наша русская метода подчиненія инородцевъ — наилучшая, а вамъ и французамъ представляю состязаться въ выборѣ и оцѣнкѣ политическихъ приемовъ, употребляемыхъ вами для усвоенія чужихъ земель. Замѣчу, что вы, англичане, считаете прочнымъ лишь такое завоеваніе, гдѣ туземное населеніе истреблено, какъ въ Австраліи, Новой Зеландіи, Сѣверной Америкѣ; мы, русскіе, оставляемъ покоренныхъ хозяевами страны въ экономическомъ смыслѣ, а себѣ беремъ только власть, причемъ армія не свирѣпствуетъ надъ туземцами, а живетъ съ ними въ мирѣ, и переселенцы изъ Россіи, закрѣпляющіе за ней край, приходятъ мало-по-малу и умѣютъ водворяться, никого не обижая; у французовъ солдатчина все думаетъ, что она — завоевательница, и соотвѣтственно съ этимъ обращается съ «побитыми», а чиновники видятъ въ покоренныхъ народахъ матеріалъ для эксплуатаціи, своей и купеческой. Полагаю, что это ошибка.

— И очень большая. Вотъ почему мы и не мѣшали французамъ затрачивать десятки милліоновъ франковъ и многія тысячи людей! Результатъ, вѣдь, будетъ тотъ же, что былъ въ XVIII вѣкѣ въ Индіи и Канадѣ: мы придемъ и явимся избавителями туземцевъ отъ военно-полицейской дикта-

туры, водворителями правосудія, спасителями аборигеновъ. А такъ, что будетъ дальше, — Богъ вѣсть. Во всякомъ случаѣ, не французамъ же будетъ отнять у насъ разъ нами занятое.

— Итакъ, вы полагаете, что роль французовъ — расчистить Мадагаскаръ для васъ: провести дороги, устроить гавани, а главное — надѣсть туземцамъ настолько, чтобъ они приняли васъ, въ подходящую минуту, какъ избавителей. Едва ли это очень... какъ бы сказать?... любезно.

— О! о любезности и о нѣжностяхъ не говорятъ въ политикѣ: тамъ все — расчетъ. Даемъ мы покамѣстъ французамъ побаловаться въ одномъ уголкѣ Индѣйскаго океана, *нашего* океана; ну, а когда будетъ нужно, идимъ имъ по шапкѣ и станемъ такими же хозяевами на Мадагаскарѣ, какъ на Мавриціѣ, тоже бывшемъ когда-то владѣніемъ Франціи. А теперь пусть тѣшатся: ради этой потѣхи они намъ не мѣшаютъ въ Египтѣ, хоть и знаютъ, что, владѣя имъ, мы командуемъ французскими владѣніями на Мадагаскарѣ, Бурбонѣ, въ Индіи, Кохинхинѣ, Тонкинѣ, Новой Каледоніи и пр.

— Я премного вамъ благодаренъ за такое правдивое изложеніе вѣдомъ британской политики и вполне бы ихъ раздѣлить, еслибы не одно обстоятельство. Вы говорите, что Индѣйскій океанъ — вашъ, и къ этому приурочиваете всѣ подробности мѣстной политики, какъ вещи естественно исходящія изъ этого основного положенія; прекрасно! Но гдѣ же ручательство, что именно Индія-то не выпадетъ у васъ изъ рукъ? А тогда почему же и океанъ будетъ вашимъ, а не всемірнымъ?

— Вопросъ этотъ теперь рѣшенъ безповоротно въ нашу пользу, и именно благодаря русской дипломатіи. Мы стоимъ теперь по обѣимъ сторонамъ Гиндукуша, мы владѣемъ всѣми чрезъ него проходами, и скоро вы, русскіе, можете опасаться отпаденія Туркестана, чѣмъ мы — Индостанъ. Годы 1871, 73, 85 и 95 памяты для насъ, какъ нѣчто отрадное въ исторіи нашей русско-азиатской политики: въ первомъ мы узнали, что вашъ представитель въ Тегеранѣ, разумѣется, нѣмецъ, вѣдя многіе годы переговоры съ персами о Туркменіи, не знаетъ, которая изъ двухъ рѣкъ сѣвернѣе: Атрекъ или Гюргень? Во второмъ, т.-е. въ 1873, мы безъ труда убедились, что вашъ посолъ въ Лондонѣ, вѣдя переговоры о Туркестанѣ, не знаетъ, что Оксъ и Аму-Дарья — одно и то же... Въ третьемъ мы обошли васъ по вопросу о Зульфагарѣ и отрѣзали вамъ навсегда доступъ въ Герать. Въ четвертомъ, то-есть вчера, въ 1895, англійскій флагъ развился на сѣверной сторонѣ Гиндукуша, и не только вамъ нѣтъ доступа въ Индію, но мы можемъ тревожить васъ на Оксѣ, Памирѣ и проч. Индостанъ теперь загороженъ съ сѣвера, и мы можемъ сосѣдній ему съ насъ океанъ называть своимъ. Вѣдь, надѣюсь, что вы Мысль Доброй Надежды, Наталь, Занзибаръ, Зейлу, Аденъ, Бараччи, Бомбей, Цейлонъ, Бенгалия, Бирму, Малакку, западную Австралію считаете нашими. Ну, такъ затѣмъ же намъ терпѣть на огороженномъ ими океанѣ французовъ или вообще иностранцевъ?

— Вѣрно. Я всегда удивлялся отчетливости вашихъ политическихъ

граммъ и дома не мало говорилъ о не всегда для насъ выгодныхъ по-
дѣвляхъ ихъ. Но такъ какъ рѣчь у насъ идетъ не объ Индію, а о Ма-
дагаскарѣ, то не можете ли вы, человекъ тамъ бывалый, указать мнѣ на
факты точныхъ, безспорныхъ о немъ свѣдѣній? Я собираюсь туда по-
ехать, но на очень короткое время,—нужно будетъ имѣть хорошее руко-
водство для осмотра, главное—объективное, точное.

— Берите наши англійскія книги, отъ Сибири и Мюлленса до Бэчесора
Гау, берите, пожалуй, нѣмецкія, въ родѣ Иды Пфайферъ и Гильдебран-
но не берите французскіихъ, слишкомъ тенденціозныхъ.

— Покорно благодарю за совѣты!

И, припоминая завѣтъ Екатерины: «спроси мнѣніе противника и по-
ни прямо противоположно его совѣту»,—я налегъ на французскую ли-
тературу о Мадагаскарѣ, въ которой есть такіе классическіе труды объ
этой землѣ, какъ Грандидье, и такія современные статьи, какъ Генриха
Бенкса, не считая уже статей изъ журналовъ 1895 — 96 годовъ...
Представьте, читатель, даже прежде помѣщенія въ якату французскаго па-
рохода, который черезъ двадцать дней перенесетъ насъ изъ Марселя въ
Нанкингъ, которую прошу не считать Майюнкою, какъ мы дѣлаемъ, глядя
на нѣмецкія карты. Messageries Maritimes держатъ теперь франко-мальгаш-
скую почтовую линію и хорошо кормятъ въ пути. А цѣна, вздѣ и впе-
редь, отъ Марселя до Таматавы всего 1,900 франковъ въ первомъ классѣ.
Прежде было одно ежемѣсячное плаваніе, теперь два.

Мадагаскаръ есть островъ, принадлежащій къ самымъ крупнымъ на
земной поверхности: Гренландія, Новая Гвинея, Борнео, Мадагаскаръ, Су-
матра и Новая-Зеландія, если считать ея группу за одно цѣлое,—вотъ
есть небольшихъ материковъ, которые въ суммѣ превосходятъ Австралію,
Южную—Францію или Германію. И Мадагаскаръ больше Франціи на 11%,
потому что онъ занимаетъ 590,000 кв. килом., тогда какъ Франція лишь
520,000 кв. килом. Сѣверный конецъ острова, мысъ Янтарный, лежитъ
подъ 11°57'30" южной широты, южный мысъ Св. Маріи—подъ 25°38'55"
южной широты; и такъ какъ они не на одномъ меридіанѣ, то кратчайшее
расстояніе между ними равно не 1,470, а 1,700 километрамъ=1,610 вер-
стамъ. А ширина острова, подъ среднюю его параллелью, 19° ю. ш., равна
1,000 верстамъ, подъ 18° шир. даже болѣе. Принимая въ расчетъ его есте-
ственную производительность, какъ земли, лежащей почти сплошь въ жар-
номъ поясѣ и въ климатѣ влажномъ, мы можемъ смѣло сказать: вотъ буду-
щее государство съ 50.000,000 населенія, которымъ жить будетъ вовсе
удобно. У французовъ ушки на макушкѣ отъ мысли, что имъ удалось
добыть, довольно дешевымъ способомъ, такую крупную «колонію», съ
ясною будущностью. Имъ и въ голову не приходитъ, что когда маль-
ши возрастутъ въ числѣ до 50.000,000 и цивилизуются, то вовсе не
желаютъ оставаться подданными западно-европейской націи, отдаленной
отъ нихъ даже болѣе, чѣмъ Испанія отъ Кубы, и извѣстной своими эксплуа-

таторскими наклонностями. Скажутъ: когда пройдетъ нѣсколько десятилетій и даже сотенъ лѣтъ, то въ составѣ населенія Мадагаскара будетъ много природныхъ французовъ, которымъ не захочется разрывать связи съ европейскою родиной, что и туземцы къ тому времени офранцузятся. Можетъ быть, но пока на это предположеніе можно лишь отвѣчать: «гипотеза, имѣющая опоры въ исторіи прежнихъ французскихъ колоній». Французы въ своихъ «колоніяхъ» любятъ быть помѣщиками, купцами, чиновниками, а не трудящимся классомъ. Съ туземцами они не сливаются, а если и прогонятъ метисовъ, то послѣдніе уже перестаютъ быть патриотами чуждой Франціи. Въ видѣ исключенія, генераль Федербъ, въ бытность своимъ губернаторомъ, сдѣлалъ сенегальскихъ негровъ французскими гражданами; но мѣстные французы ихъ чуждаются или прямо надъ ними смеются, а негры, въ свою очередь, не любятъ пришельцевъ за нихъ агитировать и развращать. Французскія колоніи вообще, во мнѣніи морскихъ державъ чисто-колонизаторскихъ націй, суть лишь будущія владѣнія англійской королевы или германскаго императора, хотя послѣднему я плохо вѣрю въ виду хотя бы теперешнихъ южно-африканскихъ колоній нѣмцевъ.

Со словомъ «колонія» отъ давнихъ временъ у европейцевъ связывается мысль о странѣ, имѣющей естественныя морскія пристани, гдѣ колонисты и водворяются, прежде всего, и отсюда ведутъ систематическое поглощеніе менѣе образованныхъ туземцевъ, только ли экономическое или вѣсть политическое, даже расовое, т.-е. зоологическое. Морскія пристани—главное дѣло для европейцевъ, собирающихся водвориться въ той или другой странѣ. Въ этомъ смыслѣ Мадагаскаръ есть островъ какъ бы самъ природой предназначенный для пришельцевъ съ сѣверо-запада. Почти все его бухты находятся въ сѣверо-западной части морскихъ побережій; тамъ какъ на юго-востокѣ и юго-западѣ сносныхъ бухтъ нѣтъ, и если тамъ когда-либо существовали, то давно занесены песками или загорожены коралловыми рифами. Последнее явленіе особенно замѣтно на восточномъ берегу острова, гдѣ кораллы выпрямили береговую линію, скрывъ большіе заливы и обративъ ихъ въ рядъ лагуновъ или озеръ, которыя, можетъ быть со временемъ, благодаря искусству инженеровъ, сольются въ одинъ каналъ связанный съ моремъ рядомъ искусственныхъ устьевъ. На сѣверо-западѣ открытыя бухты, начиная отъ мыса Св. Андрея, суть: Бала, Марабан, Боина, Бомбетове (Мадзѣнга), Магажамба, Нарендри, Раманетака, Рафа, Пассандава, Бакулли, Амбаро, Фандрона, Амбаванибе и Діэго-Суарецъ. Последняя имѣетъ входъ уже съ сѣверо-востока и представляетъ такія морскія удобства, что по справедливости можетъ быть названа первымъ портомъ Индійскаго океана. Опасаясь вѣсовъ Англій къ подобнымъ твореніямъ природы, французы уже давно заняли ее, т.-е. соорудили тамъ форты, казармы и другія зданія, которыми, по ихъ мнѣнію, характеризуется цивилизація; но торговли тамъ почти нѣтъ. Почтовый пароходъ, отбывающій Мадагаскаръ съ сѣвера, между Мадзѣнгою и Таматавою, заходитъ два раза въ мѣсяць, сдаетъ почту, высаживаетъ или принимаетъ немногихъ пасса-

ровъ и запасается углемъ: вотъ и все. Для торговли Мадагаскара это, та, пунктъ неважный. На восточномъ берегу Мадагаскара теперь самая мѣтная гавань есть Таматава, совсѣмъ открытая съ востока и юга, но мѣтная потому, что изъ нея отходятъ: кратчайшій морской путь на Реюньонъ Мавриціусъ и сравнительно сносная сухопутная тропа въ Тананариву. Едемъ по восточному берегу нужно спуститься къ югу на цѣлыя 700 верстъ, чтобы найти маленькій портъ у бывшаго французскаго форта Дона. На югѣ находится бухточка Брюйзеръ, на западѣ—мелководныя бухты и устья рѣкъ Онилаги (Св. Августина), Мангоки (Ямпасилава) и др., важныя.

Изъ собственно морскихъ бухтъ и даже изъ устьевъ рѣкъ водяной дождь внутрь страны, однако же, рѣдкость. Причина понятна. Вслѣдствіе конфигураціи почвы рѣки Мадагаскара не длинны и въ недалекомъ уже разстояніи отъ устья распадаются на множество мелкихъ рѣчекъ, вовсе не пригодныхъ. Нельзя сказать, чтобы эти рѣчки были маловодны; напротивъ, въ дождливое время года онѣ полны водой, но верховья ихъ, протекающія въ горахъ, быстры, а вершины этихъ горъ находятся отъ моря въ разстояніяхъ всего какихъ-нибудь 50—120 верстъ въ восточной трети Мадагаскара и 100—300 верстъ на западныхъ двухъ третяхъ: развитію судоходныхъ руслъ этимъ кладется предѣлъ, часто весьма ограниченный. Наибольшая рѣка острова есть Икопа-Бецибоне, она имѣетъ не свыше 450 верстъ длины, а судоходна какія-нибудь 130 верстъ, да и то лишь для плоскодонныхъ барокъ, а для килевыхъ судовъ и того менѣе. Французы пользовались при наступленіи отъ Мадэенги къ Тананариву; но нужно было сдѣлать большія гидротехническія сооруженія, чтобы утилизировать для торговли, постоянной и правильной. Другія рѣки западнаго берега, Магажамба, Монамболо, Цицобогина-Манія, Мангока, Онилаги, находятся въ тѣхъ же условіяхъ и тоже мало судоходны; а на восточномъ берегу пригодныхъ рѣкъ совсѣмъ нѣтъ, за малою длиною ихъ и быстрымъ теченіемъ.

Дѣло въ томъ, что Мадагаскаръ во всю длину раздѣленъ становымъ хребтомъ довольно значительной высоты, и сбѣгающія съ него рѣчки или слишкомъ быстры, или разливаются въ широкіе, но мелководные лиманы. Хребетъ этотъ лежитъ ближе къ восточному берегу, чѣмъ къ западному, именно вдвое и даже мѣстами втрое. У верховьевъ двухъ главныхъ западныхъ рѣкъ, Иконы и Цицобогины, лежатъ довольно высокое плато Именны, этого средоточія теперешняго политическаго Мадагаскара, земли Хосовъ: плато прислонено къ водораздѣлу и, такимъ образомъ, защищено съ востока; и это было причиною, что французы пришли съ запада, отъ Мадэенги, а не съ востока, отъ Таматавы, несмотря на то, что таматавская дорога короче и была лучше извѣстна, чѣмъ мадэенгская. Независимо отъ главнаго хребта, котораго вершины достигаютъ: Амбогинирандрапа—3,350 метровъ, Анкавипуке—2,530 м., Цифакафо—2,540 и Цифажагона—2,590 м., есть цѣлая серія хребтовъ второстепенныхъ и почти всюду па-

раздельныхъ главному: тѣмъ ближе къ западу, тѣмъ они ниже. Вообще же на Мадагаскарѣ нѣтъ вѣчно-снѣжныхъ вершинъ, и снѣгъ въ странѣ есть вещь очень рѣдкая, почти не извѣстная на большей части острова.

Само собою разумѣется, что вслѣдствіе положенія острова между 12° 25° шир. и среди океана, климатъ на немъ жаркій и влажный. Одни удовлетворительныхъ цифръ по его климатологіи привести пока нельзя. Годовыя изотермы Индійскаго океана чертятся такъ, что у сѣвернаго края Мадагаскара предполагается средняя температура въ 27° Ц., а у южнаго около 22° Ц., но это не опытные данныя, а выводы изъ соображеній, такъ и не лишенныхъ нѣкоторыхъ фактическихъ основаній. На дѣлѣ лучше другихъ извѣстны измѣненія тепла и погоды въ Таматавѣ, въ Тананаривѣ, Діаго-Суаресѣ; онѣ показываютъ, что въ Таматавѣ, въ зимнія ночь, т. е. въ июлѣ, термометръ опускается до +15° Ц., а въ лѣтніе дни, въ декабрь и январѣ, онъ возвышается до 34° Ц. Въ Тананаривѣ, на высотѣ около 800 м. надъ моремъ, минимумъ теплоты бываетъ +8° Ц., а максимумъ 28,5°: для европейцевъ лучшихъ теплородныхъ условій и желать бы нельзя. А что до влажности, то она въ высшей степени утомительна и вредна въ низкихъ прибрежьяхъ Мадагаскара, но съ удаленіемъ отъ береговъ становится сносною. Дождей идетъ много; но они распредѣляются по временамъ года и соответственно вѣтрамъ. Дождливый сезонъ есть лѣто, съ октября по май, почему французы и свой походъ на Тананариву старались окончить и дѣйствительно окончили около 1 октября. Недаромъ же на министерскихъ совѣщаніяхъ въ Парижѣ, опредѣлявшія ходъ экспедиціи, приглашался французскій географъ и натуралистъ Грандидьё, отлично изучившій Мадагаскаръ. Я самъ его видѣлъ, въ Елисейскомъ дворцѣ, на этихъ совѣщаніяхъ.

Климатическія условія Мадагаскара, вообще очень благоприятны для развитія пышной растительности, совсѣмъ не то представляютъ по отношенію къ животному царству, особенно къ людямъ. Береговныя низменности суть мѣстопребываніе микробовъ, поражающихъ болотную лихорадку, и сами туземцы не могутъ освоиться съ нею, а пришельцы изъ холодныхъ и умѣренныхъ странъ положительно вымираютъ. Также и внутри страны, гдѣ разведены рисовыя поля, смерть есть явленіе обыкновенное, напримѣръ для европейцевъ. И можетъ быть, что размноженіе и физическое преобладаніе ховасовъ обуславливаются тѣмъ, что эти люди, вначалѣ весьма численныя и слабыя, забрались на плоскогоріе Имерины, вырубали тамъ лѣса и черезъ то осушили почву. Но плоскогоріе не особенно часты на Мадагаскарѣ, особенно въ сѣверной, экваторіальной его половинѣ, гдѣ есть и не мало горъ, но низкія между ними долины отличаются ультра-влажнымъ и жаркимъ климатомъ.

Мадагаскаръ плохо обследованъ въ геологическомъ отношеніи. Одни извѣстно, что основной кряжъ его сложенъ изъ породъ плутоническихъ гранита, пегматита, діорита, или вулканическихъ—трахита, базальта и проч. Много кристаллическихъ сланцевъ метаморфическаго происхожденія.

ю много, даже больше, обыкновенныхъ осадочныхъ породъ, въ которыхъ палеонтологи могутъ рассчитывать на богатую добычу древнихъ растений и животныхъ. Въ Парижѣ осенью 1895 г. была довольно разнообразная выставка произведений Мадагаскара, составленная изъ коллекцій русскаго естественной исторіи, г. Грандидье и другихъ изслѣдователей острова: это представляло нѣчто высоко-интересное въ научномъ смыслѣ; но геологія и минералогія были представлены слабо. Однако многіе продукты вулканическаго происхожденія бросались въ глаза, «во-первыхъ, массы іалпина или горнаго хрусталя, уже 150 лѣтъ представляющіе важную статью торговли, по объему и чистотѣ воды штуфовъ; потомъ аметисты и желтые топазы, очень обильные на островѣ, и турмалины. Послѣдніе были найдены въ видѣ огромныхъ кристалловъ—желтыхъ, зеленоватыхъ, розовыхъ, иногда полосатыхъ. Затѣмъ слѣдовали на выставкѣ сафиры, гранаты, бирюзы, спутники турмалиновъ. Много публики привлекали самородки золота съ присковъ Сюберби, который свое присковое селеніе называлъ Сюберби-виллемъ и умѣлъ, во время экспедиціи 1895 г., привлечь туда военныя власти и врачей, основавшихъ тутъ походныя больницы и интендантскіе склады для войскъ. Коллекція Сюберби на выставкѣ въ музей содержала еще многіе вышеупомянутые минералы и, между другими, куски самородной мѣди, магнита и друг. вещества, имѣющія большую практическую важность. Въ сѣверной части Мадагаскара особеннаго вниманія заслуживаетъ мѣсторожденія каменнаго угля, занимающія около 3,000 квадратныхъ километровъ и дающіе уголь разныхъ сортовъ: для топки, для приготовленія газа и проч.

По сѣверо-западному берегу эти каменноугольныя залежи были обследованы инженеромъ Гильеменомъ на протяженіи около 100 верстъ, между мысомъ св. Севастьяна и бухтой Амбаватобя. Изъ нихъ теперь добывается уголь для пароходовъ мадагаскарской почтовой линіи. Во многихъ частяхъ Мадагаскара извѣстны руды желѣза, которыя отчасти разрабатываются,—правда, очень примитивно,—наприм., въ Имерипѣ, Бецилео и Андиханскѣ. Эти скопленія желѣзныхъ массъ иногда оказываютъ такое вліяніе на магнитную стрѣлку компаса, что употребленіе послѣдняго для съемокъ становится невозможнымъ. Есть свѣдѣнія о находженіи на островѣ и другихъ полезныхъ металловъ, наприм., свинца; но все это пока ждетъ, для эксплуатаціи, капиталовъ и опытныхъ горныхъ инженеровъ.

Съ самаго открытія Мадагаскара европейцами, въ началѣ XVI столѣтія, его растительность была признана роскошною, да и есть такова доселѣ, только не вездѣ. Естественныиспытатель Грандидье, видѣвшій собственными глазами большую часть острова во второй половинѣ XIX столѣтія, справедливо замѣтилъ, что нынѣ многія мѣстности лишились лѣсовъ, т.-е. пышной зелени, а иногда даже обратились въ пустыри, песчаные или каменистые. Произошло это отъ неумѣлаго хозяйства туземцевъ, не стѣснявшихся производить лѣсные пожары ради расчистки земель подъ пашни. За всѣмъ тѣмъ, современная флора Мадагаскара есть одна изъ лучшихъ

на земномъ шарѣ. Въ общемъ можно замѣтить, что это флора густыхъ тропическихъ лѣсовъ на восточномъ склонѣ основнаго кряжа и лѣсовъ же, перемѣшанныхъ съ травянистыми равнинами и даже степями, слабо покрытыми зеленью,—на западной покатости. Но какъ рѣчное орошеніе повсюду изобильно и воздухъ влаженъ, то даже на Западѣ вдоль рѣкъ, у воды, вездѣ древесная растительность богатая, только менѣе разнообразная, чѣмъ въ горахъ. Не имѣя возможности, ни даже надобности, перечислять здѣсь массу видовъ, родовъ и даже семействъ мадагаскарскихъ растений, остановимся на тѣхъ изъ нихъ, которыя чѣмъ-нибудь выдаются, чѣмъ-нибудь отличаютъ страну отъ другихъ тропическихъ или введены въ разрядъ воздѣлываемыхъ человѣкомъ для его надобностей. Вотъ три или четыре вида знаменитаго растительнаго гиганта, адансоніи: нѣкоторые изъ нихъ не встрѣчаются на материкѣ Африки, ни въ Индіи, ни въ Австраліи; они специально мадагаскарскіе, урожденные, когда и какъ?—мы не знаемъ, но на островѣ... Вотъ думбейя, видъ бобовыхъ, съ огромными цвѣтами, а вотъ тангинія, дерево ядовитое, котораго смертоносный продуктъ употребляется у суевѣровъ Мадагаскара для пробнаго отравленія не уличенныхъ преступниковъ: умереть, молъ,—ну, значить виновать; а останется живъ,—ну, правъ: самъ Богъ доказалъ. Ядъ похожъ по качествамъ на дигиталисъ, получаемый у насъ изъ жемчужныхъ ногтей и роговъ; нѣсколько миллиграммовъ его достаточно, чтобы убить человѣка. Вотъ растеніе односѣмянное, увирандра, у котораго листья имѣютъ видъ кружевъ; вотъ панданы, пальмы и между ними характерныя для восточной части острова пальмы-малютки. Между культурными растеніями первое мѣсто, конечно, принадлежитъ рису, котораго поля тянутся иногда на значительное расстояние и, какъ вездѣ, служатъ для распространенія болотныхъ лхорадевъ. Но Мадагаскаръ производитъ и кофе, сахарный тростникъ, бананы и цѣлую серію плодовъ, на сѣверѣ доходящихъ до Средиземнаго моря и столь извѣстныхъ въ Европѣ: апельсиновъ, лимоновъ, гранатовъ, персиковъ и т. п. Съ другой стороны, на немъ мѣстами разводится произведеніе самаго жаркаго пояса, именно океанической его части,—хлѣбное дерево. Давно извѣстны и кокосы, по преданію занесенные изъ Индіи моремъ, но не особенно любимые мадагаскарцами. Это стоить замѣтить съ ботанико-географической и этнографической точки зрѣнія, что многія культурныя, но нетуземныя, растенія хотъ и водворяются людьми въ странѣ, но не имѣютъ успѣха. Такъ пшеница и кукуруза, которыми питаются люди въ южной Европѣ, мало популярны у мадагаскарцевъ; а горохъ и бобы привились очень. Не мало на островѣ красяльныхъ, маслоплодныхъ и разныхъ пряностей, пока впрочемъ уступающихъ произведеніямъ Малайскаго архипелага: они ждуть свѣдущихъ воздѣлывателей.

Животное царство очень разнообразно на островѣ; и если изъ бышихъ звѣрей нѣтъ слона, водящагося въ сосѣдней Африкѣ, то есть гиппопотамъ,—нѣтъ льва, то есть цѣлый рядъ другихъ большихъ конекъ. Но еслибы нужно было въ двухъ словахъ охарактеризовать зоологическую

изводительность Мадагаскара, то можно бы сказать: это царство лемуръ и черепахъ. Мадагаскарскіе лемуры—это ходячая глава изъ зоол., и не Бювье, а какого-нибудь современнаго дарвиниста, послѣдова- нія ученія о преобразованіи животныхъ формъ одной въ другую. Съ од- о конца ряда вы видите почти обезьянъ, съ другого—бѣлокъ, и пере- ны очень постепенны и правильны. Чтобъ утѣшить зоологовъ-классиковъ хъ почитателей, стоило бы привести латинскую терминологию мадагас- скихъ лемуровъ; но изъ вѣжливости передъ читателемъ я приведу лишь ванія родовъ, оставляя въ сторонѣ виды: *Indris*, *Propithecus*, *Ahavis*, *lorig*, *Cheirogaleus* и *Cheirogomys*, изъ которыхъ лемуры, или мака, имѣютъ внадцать породъ, протопитехи, т.-е. предъобезьяны—шесть и т. д. Че- ахъ классификаторы не раздѣлили на такое большое число видовъ (и поставленія въ концѣ названія имени натуралиста), но за то отдали введливости ихъ индивидуальной многочисленности и особенно размѣ- ь. Вѣдь, имѣются животныя столь большія, что въ черепѣ ихъ можетъ ѣщаться человекъ, согнувшись или вытянувшись, какъ въ *Testudo hantina* или *T. Grandidierii*. У черепахи *Puzis* нижняя половина ша не спаяна съ верхнею, а движется отдѣльно; черепаха лучистая не ѣщается нигдѣ, кромѣ Мадагаскара. Для оцѣнки этого черепашняго ства съ научной стороны стоить замѣтить, что гады этого класса очень гочисленны вообще въ западной половинѣ Индійскаго океана, и напри- ь, на Сешельскихъ островахъ жители почти одними ими и кормятся, ь что у губернатора за обѣдомъ подаютъ супъ черепаший, черепахъ ь соусомъ, черепахъ жареныхъ и т. д.; говядину онъ получаетъ только заходящихъ на острова пароходовъ.

Еще зоологическую особенность Мадагаскара составляютъ птицы, часто мныхъ размѣровъ; но, къ сожалѣнію, нерѣдко перешедшія уже въ со- шие ископаемыхъ. Сюда относится, наприм., пресловутый *Aepyornis* въ бору сажени высоты и имѣвшій яйца въ 148 разъ больше куриныхъ. ду живущими породами птицъ, очень многочисленными, есть также ма крупныя и сильныя, дневныя и ночныя, водяныя и сухопутныя, ныя и зерноядныя. Орнитологамъ тутъ предстоитъ еще много работы, ютря на то, что нѣкоторые европейскіе музеи уже содержатъ много аскарскихъ пернатыхъ.

Рыбы, разумѣется, многочисленны въ мадагаскарскихъ водахъ, какъ прѣсныхъ, такъ и въ соленыхъ. Про нихъ натуралистами сдѣлано за- мѣ, что встрѣчающіяся въ рѣкахъ породы гораздо ближе къ южно- жанскимъ, чѣмъ къ африканскимъ, но, быть можетъ, это еще требу- повѣрки. Замѣчательно полное отсутствіе семги и чебака.

Изъ насѣкомыхъ перепончатокрылыя, водящіяся на Мадагаскарѣ, по значію г. Соссюра, больше напоминаютъ своихъ азіатскихъ собратьи, ь африканскихъ. То же установилъ для жестковкрылыхъ Бункель, ко- ии видитъ у мадагаскарскихъ жуковъ больше родства съ ость-инд- га 17.

скими и малайскими, чѣмъ съ африканскими. А чешуекрылые (бабочки) по Грандиѣ, напротивъ, близки къ породамъ Африки, можетъ быть потому, что вѣтру ихъ легче переносить черезъ Мозамбикскій проливъ чѣмъ жуковъ.

Естественная исторія мадагаскарскихъ слизняковъ написана Броссомъ и Фишеромъ; но она не представляетъ ничего выдающагося. Многочисленные кораллы и другія низшія животныя ждутъ своего описанія въ одной изъ томовъ изданія Грандиѣ; но когда оно выйдетъ, еще не извѣстно.

Между животными, прирученными человекомъ, первое мѣсто на Мадагаскарѣ занимаетъ быкъ (зебу), отличный отъ европейскаго тѣмъ, что имѣетъ жирный горбъ, но дающій такое же мясо. Эта говядина и составляють главныя питательныя вещества для людей на островѣ; скота даже вывозится на Реюньонъ и Мавриціусъ. Другое распространенное домашнее животное есть овца, съ некурчавою и тонкою шерстью, тѣмъ коза. Замѣчательно, что овцы имѣютъ курдюкъ, подобный жирному горбу коровъ. Лошади рѣдки и для работъ не употребляются, а только для верховой ѣзды. Такъ какъ въ странѣ экипажныхъ дорогъ, до недавняго времени, не было, то и запряжка въ телегу лошадямъ неизвѣстна. Изъ домашней птицы наиболѣе своеобразны цесарки, крупныя по роду и другія куриныя породы, которыхъ яйца и мясо употребляются въ пищу. Собаки и кошки обыкновенны, какъ у насъ, а пчелы едва ли не многочисленнѣе и, благодаря обилію цвѣтовъ, производительнѣе на медъ.

Отъ предметовъ домашней жизни людей вполне естественный переходъ къ самимъ людямъ. Тутъ Мадагаскаръ представляетъ большой этнографическій и политическій, не говоря уже о нѣкоторыхъ бытовыхъ особенностяхъ. Начнемъ съ этнографіи.

Откуда взялись мальгаша и что это за народъ? На всемъ протяжении Мадагаскара, отъ сѣвера къ югу и отъ запада къ востоку, люди говорятъ *однимъ* языкомъ, несомнѣнно малайскимъ, такъ что мѣстные отклоненія суть не больше, какъ нарѣчія, говоры; корни же и грамматика одни. Изъ тѣхъ изученіе типовъ физиологическихъ и исторіи страны показываютъ, что тутъ смѣшались три расы: кафры изъ Африки, семиты изъ Аравіи и малайцы съ Зондскихъ острововъ. Любопытно, что разноплеменные и говорящіе теперь по-малайски, вѣроятно въ силу политическаго подчиненія, второй расѣ, не имѣютъ своей письменности, а прибѣгаютъ для письма къ арабскому алфавиту, въ послѣднее время къ латинскому въ его антропологической формѣ. Вотъ филологамъ и антропологамъ задача: какъ все случилось и когда? Для поясненія господства малайскаго языка можно прибѣгнуть къ преданію, которое гласитъ, что нынѣшніе повелители острововъ, суть не болѣе, какъ выходцы съ Малайскаго архипелага, пришедшіе на Мадагаскаръ въ началѣ XVI столѣтія. Но тутъ есть серьезныя

венія. Во-первыхъ, ховасы вовсе не отличались такимъ высокимъ уровнемъ образованія, чтобы въ какихъ-нибудь три столѣтія заставить говорить своимъ языкомъ населеніе цѣлой страны съ Германію. Во-вторыхъ, сначала были на Мадагаскарѣ чѣмъ-то въ родѣ рабовъ, а власть пріѣхали лишь въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтій, послѣ ряда войнъ, орыя едва ли могли сблизить духовно разнородныя племена, разсыянные горами и лѣсамъ. О постепенномъ наплывѣ зондскихъ малайцевъ въ тѣе трехъ послѣднихъ вѣковъ нѣтъ и рѣчи; какъ же могла сформироваться въ три вѣка одноязычная нація изъ мелкихъ племенъ, между которыми не было даже ни одного грамотнаго? Ясно, что языкъ установился еще XVI столѣтія и что негритянскіе и арабскіе поселенцы на Мадагаскарѣ издавна привыкли говорить по-малайски, т.-е. на языкѣ *коренного*, многаго большинства. Лицъ, желающихъ вдуматься въ предметъ, отсылаю классической грамматикѣ этого языка, составленной пасторомъ Вебелъ, къ сходнымъ трудамъ Айлла и Марэкъ-де-Марра, и къ мадагаскарскимъ журналамъ, которыхъ есть не меньше семи, англо- или даже франко-айскихъ.

Классификація мадагаскарскаго населенія нынѣ довольно порядочно явлена; однако, мы, все-таки, не можемъ ручаться, что въ ней нѣтъ пусковъ или смѣшенія названій. Къ этому несовершенству этнографіи соединяется еще большее несовершенство статистики, про которую можно зать, что если она существуетъ, то основана на болѣе или менѣе притязательныхъ цифрахъ миссіонеровъ. Наиболѣе многочисленнымъ племенемъ гадятся ховасы: ихъ есть отъ 800,000 душъ до милліона; они, вмѣстѣ тѣмъ, и болѣе смышленные, иногда объевропейшіеся, во всякомъ въ господствующіе. Ихъ королева носить платья отъ парижской моды; ихъ чиновники имѣютъ мундиры съ шитыми воротниками, европейскаго покроя. Затѣмъ, по числу, слѣдуютъ сакалавы, жители западной трети острова и враги ховасовъ: ихъ тоже насчитываютъ до милліона. Ростомъ смышліе, они, однако, хорошіе воины. Одѣваются какъ Богъ послалъ, а еда и совсѣмъ не имѣютъ одежды, кромѣ пояса на чреслахъ. Бецилен, югъ отъ ховасовъ, — 600,000 людей рослыхъ, съ толстыми губами и длиннѣ носомъ, съ кожей болѣе темною, чѣмъ у ховасовъ. Хорошіе яне, менѣе плутоваты, чѣмъ ховасы, и вообще болѣе честны, чѣмъ не туземцы Мадагаскара, но охотники до тяжбъ и процессовъ. До подбнія ховасамъ жили въ городахъ, по вершинамъ горъ, болѣе или менѣе труднодоступнымъ; теперь живутъ по фермамъ, которыхъ защиту составляетъ густая ограда изъ колючихъ кактусовъ. Бецимисараки, сосѣди ховасовъ съ востока, у Таматавы и сѣвернѣе ея, по берегу Индійскаго океана, до 400,000 людей рослыхъ и кроткихъ нравомъ. Ихъ имя показываетъ, что они составляютъ союзъ нѣсколькихъ мелкихъ племенъ: обща имъ ненависть къ ховасамъ, такъ что французы на нихъ рассчитываютъ въ случаѣ возстанія послѣднихъ. Такъ какъ дорога изъ Тама-

тавы въ Тананариву проходить по ихъ землямъ, то они давно уже и смотрѣлись къ европейцамъ и выучились отъ нихъ пьянствовать. Нѣкоторые въ числѣ ихъ вождей были метисы европейско-мальгашскіе, и тогда занимались пиратствомъ по берегамъ Мадагаскара и острововъ Коморскіхъ; но ховасскій король Радама I однажды зазвалъ къ себѣ ихъ вождей въ гости и всѣхъ перерѣзалъ: отсюда подчиненіе народа ховасамъ и ненависть къ нимъ. Сиганаки, сосѣди предыдущихъ съ запада, вокругъ озера Алаотр, гдѣ сѣютъ рисъ и ловятъ рыбу и раковъ. Ихъ городъ, Амбатондра, есть одинъ изъ важныхъ торговыхъ пунктовъ Мадагаскара. Въ край дѣлывается, между прочимъ, сахарный тростникъ, въ пользу казны ховасовъ. Безанозаны или тонгаи, ближайшіе сосѣди Имерины и Тананаривы съ востока и сосѣди сиганаконъ съ юга, приготавливаютъ циновки и разныя ткани; многіе занимаются переноской товара чрезъ горы. Антеморы, въ 21—22° ю. шир., въ восточной половинѣ Мадагаскара, предполагаются потомки мавровъ, т.-е. арабовъ. Ихъ начальники не наследственные, а избранные; они воинственны и сильны тѣлосложеніемъ; ховасовъ не любятъ. Антаносы, обитатели юго-восточнаго Мадагаскара, вокругъ форта Дофина, мелкіе ростомъ, но смышленные, не очень расположены къ бѣлымъ, и къ европейцамъ, но сами болѣе свѣтложкіе, чѣмъ остальные мальгашцы. Они плотники и кузнецы, вообще народъ рабочій, годный въ любые европейскія мастерскія. На самомъ югѣ Мадагаскара, у мыса Св. Маріи и на западномъ берегу до бухты Св. Августина, живутъ тандрон, машибора, махафалы, люди *независимые* отъ ховасовъ, бѣдные, но не только независимые, а и склонные къ торговлѣ. Часть ихъ страны составляетъ сѣверную часть острова.

Перечисливъ, такимъ образомъ, главныя племена Мадагаскара, мы бы теперь, въ противоположность слишкомъ краткой характеристикѣ, остановиться подробнѣе на господствующемъ народѣ, ховасахъ, и хотя теперь стало извѣстно цѣлому свѣту; но тутъ современность бы не вполне понятна безъ исторіи, а потому и перейдемъ къ послѣднимъ болѣе, что она не длинна.

Какъ выше было упомянуто, малайскіе ховасы явились на Мадагаскаръ въ началѣ XVI вѣка, то-есть когда уже у береговъ острова плавали португальскіе корабли. Это одновременное прибытіе пришельцевъ съ далекаго Востока и еще болѣе дальняго Запада могло бы имѣть крупныя послѣдствія тогда же, еслибъ европейцы заинтересовались полудикимъ, по ихъ мнѣнію, островомъ, а не пошли на материкъ Африки и Азіи, гдѣ уже была широкая мировая торговля; но столкновенія европейцевъ съ малайцами случилось. Мало-по-малу, уже въ XVII столѣтіи, на Мадагаскаръ и сосѣдніе ему острова Коморскіе и Маскаренскіе набѣдили французы «великаго короля», Людовика XIV, и основали тамъ военно-торговые посты, у форта Дофина и нѣкоторыхъ другихъ: на о-вѣ Св. Маріи, въ Фенерива

нарѣ. Въ 1648 году французское правительство послало въ фортъ Доль начальника флотиліи Этьена де-Флакура и дало ему титулъ генералъ-губернатора Мадагаскара; на какомъ основаніи?—трудно сказать. Конечно, по праву сильнаго, ибо европейскихъ соперниковъ не было, а съ эмцами французы не думали церемониться. Въ 1664 году министръ Кольберъ, по тогдашнему обычаю, создалъ, для занятія Мадагаскара, промышленное товарищество, подъ названіемъ «Восточной компаніи», и домогательствъ Франціи на владѣніе островомъ начались. Собственно говоря, по давшимъ европейскимъ понятіямъ, тутъ не было ничего незаконнаго, «маго», потому что африканскіе народы были внѣ международнаго права покорять ихъ могъ всякій, у кого была охота и сила. Только у Людовика XIV были неугомонные соперники—англичане. Они рѣшились помочь туземцамъ противъ французовъ, негласно, но настойчиво; и вотъ возростаніе могущества ховасовъ, союзниковъ Англіи, съ которой они торговали, отъ которой получали и оружіе, годное если не для борьбы съ французами, то для покоренія туземныхъ народцевъ. Теперь понятенъ основный смыслъ новѣйшихъ событій на Мадагаскарѣ. Англичане, вовсе не стремясь завоевать Мадагаскаръ оружіемъ и приравнять его, наприм., къ Цейлону и Индіи, странамъ цивилизованнымъ, стали постепенно вводить тамъ свое вліяніе, частію черезъ миссіонеровъ, частію черезъ торговцевъ. Это влилось ховасамъ, но возбуждало ярость французовъ. Прочитайте нельской томъ о Мадагаскарѣ Рауля Пестеля, вышедшій въ 1886 году, съ предисловіемъ г. де-Маги, вице-президента французской палаты и депутата грова Режюнона: вы получите ясное понятіе объ англо-французской взаимной ненависти, напоминающей поры столѣтней и наполеоновскихъ войнъ. Откровенностью долженъ сказать, что, согласно съ замѣчаніемъ Дж.-Ф.-а, чего подобнаго мнѣ не случилось встрѣтить въ англійской литературѣ о Мадагаскарѣ, вообще довольно приличной, хотя и пристрастной.

Наученныя Англією и еще больше привязчивостью французовъ, ховасы вно уже старались отдѣлаться отъ послѣднихъ, которые между тѣмъ признали какія-то права на Мадагаскаръ, опертыя будто бы на документы. Какіхъ документовъ нѣтъ и не было до самаго недавняго времени. Развѣ, ли считать хартію Восточной Костаніи, въ которой Людовикъ XIV былъ пціонеромъ; но это документъ вовсе не обязательный для ховасовъ и даже за ли имъ извѣстный; онъ не имѣетъ никакой международной силы. Даже итческіе захваты французовъ были мало-по-малу оставлены ими, и въ 1811 году на Мадагаскарѣ явились было англичане, занявшіе Таматаву, Фульмитъ и портъ Лукезь. По счастью для французовъ миръ, 1814 г. возвратилъ имъ на бумагѣ ихъ воображаемыя права на Мадагаскаръ и Маскаренде острова; но тутъ вышло нѣчто забавное. Англійскій губернаторъ Мавриціуса (по тогдашнему Иль-де-Франса) отказался исполнить постановленія дипломатовъ относительно этого острова, ставшаго уже англійскою колоніей, да приравнялъ къ Маврицію и Мадагаскаръ, какъ землю зависи-

мую. Могло бы выйти вворуженное столкновение между двумя большими европейскими націями, еслибы не Вѣнскій конгрессъ, по которому Маскаренскіе острова Бурбонъ былъ возвращенъ Франціи подъ именемъ Реюньона, Мавриціусъ остался за Англіей, а Мадагаскаръ не признали ни англійскимъ, ни французскимъ. Только по настоянію реставраціоннаго правительства Франціи британскій кабинетъ согласился отменить заявленіе своего губернатора о томъ, что Мадагаскаръ былъ «землею зависимою» отъ Мавриціуса. Но, уступая на словахъ, англичане вовсе не думали отдавать Мадагаскаръ французамъ на дѣлѣ. Напротивъ, они рѣшили создать тамъ сильное туземное государство, которое бы охватило весь островъ и пошло французскому властолюбію. Три кандидата на управленіе проектируемымъ государствомъ было у англичанъ: королева сакаловъ, таматанскій правитель мулатъ Жанъ-Рене и король ховасовъ Радама. По зрѣломъ обсужденіи дѣла рѣшено было выдвинуть на первый планъ послѣдняго, какъ наиболѣе энергичнаго и стоявшаго во главѣ наиболѣе способнаго племени. Радама оправдалъ возлагавшіяся на него надежды: онъ довольно быстро покорилъ племена, сосѣднія родной Имеринѣ, при помощи войскъ, обученныхъ англійскими унтеръ-офицерами, за что и былъ признанъ официально, черезъ англійскаго губернатора о-ва Мавриція, сэра Роберта Фаркуара, «королемъ Мадагаскара и зависящихъ отъ него земель», вопреки протесту агента Франціи, который все говорилъ о какихъ-то древнихъ и несомнѣнныхъ правахъ французовъ. Этотъ протестъ былъ сдѣланъ 15 августа 1817 года, и когда его прочли Радамѣ, то онъ сказалъ: «я принялъ титулъ короля Мадагаскара, потому что на островѣ я одинъ способенъ носить его». И англійскій губернаторъ Мавриція поддержалъ своего ставленника, объявивъ, что онъ признаетъ землю мальгашей независимою, а лондонскій кабинетъ ничего не возразилъ на это.

Что французы того времени не очень вѣрили въ свои «права» на мадагаскарскія земли, видно изъ того, что въ октябрѣ 1821 года они кинули островъ Св. Маріи, у восточнаго берега Мадагаскара. Потомъ они стали запасаться «документами» на другія части мадагаскарской территоріи, въ видѣ актовъ объ уступкѣ имъ верховной власти надъ тою или другою землицей. Безграмотный владѣлецъ подписывалъ какой-то листъ бумаги и въ томъ узнавалъ, что онъ «подъ защитою и покровительствомъ, даже въ вѣданствѣ Франціи». Его при этомъ кормили сладостями и пили шампанскіе. Эта система практикуется французами, да и не ими одними, въ Африкѣ до настоящаго времени. Но Радама былъ не изъ такихъ простаковъ. Онъ выгналъ французовъ изъ нѣкоторыхъ, уже было захваченныхъ ими пунктовъ, нанесъ имъ пораженіе при Фультоинтѣ и овладѣлъ самымъ стариннымъ ихъ укрѣпленіемъ, фортомъ-Дофиномъ. Парижское правительство разсердилось и стало готовиться къ серьезной войнѣ; но 27 іюля 1828 годъ Радама умеръ, и обстоятельства измѣнились.

На мѣсто Радамы, человѣка не только военнаго, но цивилизатора, Пе-

Великаго въ маломъ размѣрѣ, вельможи его поставили королевою единцатую его жену, Ранавало. Она и ея дворъ, видя, что внимательство юпейцевъ въ дѣла Мадагаскара постоянно ведетъ за собою распри и шорядки, рѣшились оттѣснить послѣднихъ, всѣхъ вообще, не исключая англичанъ, «вернуться къ доброй старинѣ». Старая пѣсня всѣхъ реакціонеровъ, причемъ, разумѣется, идутъ въ ходъ и старыя приемы, на Мадагаскарѣ, напимѣръ, введеніе въ уголовную юстицію условнаго отравленія подсудимыхъ, которыхъ вина не доказана. Выше уже было упомянуто видѣ, который при этомъ употреблялся; стоить прибавить, что, по слову французовъ, этимъ способомъ было уложено въ могилу до 150,000 пь... допустимъ мѣте. Такую «Каллигулу въ юбкѣ» европейскіе гуманы не могли терпѣть, и вотъ въ 1829 году французская флотилія, подъ начальствомъ капитана Гурбейра, явилась у восточныхъ береговъ Мадагаскара, чтобы... наказать, вы думаете, королеву?—нѣтъ! Взять у мальгашей Тинтинзъ, Алебагумануи, Таматаву и Пуэнтъ-Ларрѣ. Но генералы коковы Ранавало не дали себя въ обиду и нанесли французамъ поражение и Фультоинтѣ, да такое, что французы не смѣли болѣе и думать о наступательныхъ дѣйствіяхъ и затаили обиду въ душѣ. Въ 1830 г. 27 октября, морской министръ Франціи, Себастиани, предписалъ окончить войну, гранивъ лишь *прежде купленный* французами островъ Св. Маріи.

Король буржуа, Людовикъ-Филиппъ, былъ слишкомъ миролюбивъ, авное—слишкомъ уважалъ Англію, чтобы изъ-за Мадагаскара разрывать давнишнее съ сосѣдкою «сердечное согласіе». Однако въ 1840 г. французы потеряли терпѣніе сидѣть смирно и, пользуясь разладомъ съ Англіей изъ-за Египта, отправили на Мадагаскаръ адмирала де-Хелля, съ эскадрою солдатами. Началось снова добываніе документовъ о подданствѣ мальгашей юнции или прямое отбирание у нихъ земель. Юля 14 вожди сакалавовъ королева Буени уступили французамъ острова Носси-Бѣ и Носси-Кумба кромѣ того признали верховную власть Франціи надъ западнымъ берегомъ острова, отъ бухты Пассандава до мыса Свѣтъ-Винцента. Въ февралѣ 41 года король Анкары уступилъ французамъ острова Носси-Митцию сосѣдніе; а владѣлецъ острова Носси-Фали добровольно призналъ свою владѣльность Франціи. Наконецъ, 25 апрѣля 1841 г. сакалавій «султанъ» острова Майоты подарилъ его также французамъ... Русскій пателъ, можетъ быть, засмѣется надъ такою добровольною щедростію бриганскихъ князьковъ; но я передаю дословно свидѣтельства французскихъ источниковъ (а не англійскихъ). При этомъ стоить замѣтить, что король Луи-Филиппъ, провозглашая всѣ сейчасъ названные острова французскими землями, не посмѣлъ взять ни кусочка земли на сосѣдномъ материкѣ Мадагаскара и даже отвергъ присоединеніе къ Франціи главнаго изъ юморскихъ острововъ, Анжуана, котораго требовали военный министръ Галь и морской Дюперрѣ.

Вражда Англіи съ Франціей, исконная, едва ли искоренимая, несмотря

на промѣсткѣ «сердечнаго согласія»,—такъ невыгодно отзывалась въ Мальгашахъ, что королева Ранавалона, въ маѣ 1845 г., обнародовала въ Таматавѣ указъ, которымъ повелѣвалось иностранцамъ, жившимъ въ этомъ городѣ, или оставить его въ 15-ти дневный срокъ, или безусловно подчиниться мальгашскимъ законамъ, отбывать казенную барщину, поступать въ рабы за долги, принимать очистительный ядъ при уголовныхъ процессахъ и повиноваться самадѣйшимъ ховасскимъ начальствамъ, назовемъ не смѣть выходить изъ Таматавы, ни подъ какимъ предлогомъ, внутрь страны. Ущербу отъ этого указа больше всего подвергались англичане, и задѣлъ онъ всѣхъ, тѣмъ болѣе, что на протестъ европейскіхъ представителей королева отвѣчала, что «ховасы здѣсь въ своей землѣ и могутъ принимать законы хоть ежедневно, никого не спрашивая». Отсюда волею-неволею соединеніе двухъ эскадръ, англійской и французской, и бомбардированіе Таматавы 15 іюля 1845 г. Но взять города не удалось по недостатку силъ, и, вѣроятно, по причинѣ ужаса, который навели ховасы, перебивъ всѣхъ европейцевъ, оставшихся въ Таматавѣ, и выставивъ ихъ головы на копьяхъ внѣ стѣнъ. Въ Европѣ вѣсть о событіи вызвала общее негодованіе въ частности французы снарядили цѣлую экспедицію, подъ начальствомъ генерала Дювивье; но пока приготовленія дѣлались, англичане помирились съ ховасами, даже сдѣлали королевѣ ихъ подарокъ въ 15,000 долларовъ, и французы остались въ дуракахъ. 5 февраля 1846 г. французская палата объявила, что «Франція не отказывается ни отъ какихъ изъ своихъ правъ; но не затѣваетъ безъ нужды отдаленныхъ, убыточныхъ экспедицій». Это была новая проглоченная обида для французовъ; мадагаскарцы же торжествовали и оставались нетронутыми цѣлыя десять лѣтъ.

Въ 1856 г. королева Ранавалона рѣшилась допустить англичанъ въ Тананариву, подъ условіемъ, что они не будутъ дѣлать никакихъ поземельныхъ приобрѣтеній въ странѣ. Это была уступка протестантскимъ миссіонерамъ, которые и размножились очень быстро. Стѣснить Францію въ приобрѣтеніи такой же выгоды англичане не видѣли возможности, ибо союзъ съ нею только-что кончился парижскимъ миромъ, столь выгоднымъ для Англій и добытымъ, главнѣйше, кровью французовъ. Но что же вышло? Въ октябрѣ того же 1856 года, едва французы устроились въ Бавагуа на берегахъ бухты Тассаванды, ради каменноугольныхъ копей, какъ ховасы на нихъ напали, убили нѣкоторыхъ и захватили пушку. Борьба торжествовала этотъ случай, какъ «побѣду надъ французами»; а англійскій губернаторъ Мавриція прислалъ къ ней цѣлый военный фрегатъ съ здравленіемъ.

Было бы скучно описывать другіе факты, разыгрывавшіеся на югѣ Мадагаскара и доказывавшіе, какъ національная вражда англичанъ и французовъ была сильна даже при бонапартовскомъ *entente cordiale* съ Англій. Приведу, однако, примѣръ, гдѣ интрига достигла крайней безцеремонности. Въ 1859—60 гг. два давніе колониста на Мадагаскарѣ, французы Лабора

Ламберъ, успѣли снискать расположеніе наслѣдника тананаривскаго престола, принца Ракута, научили его разнымъ либеральнымъ теоріямъ и внушили ему мысль свергнуть реакціонную королеву съ престола. Ламберъ началъ добывать для этого помощь Франціи, выпросилъ у Ракута письмо къ Людовиву-Наполеону, какъ къ государю, достигшему до трона тоже посредствомъ революцій, и отправился съ этимъ письмомъ въ Парижъ. Письмо это, — кто бы подумалъ? — благосклонно принято императоромъ и даже сопровождалось повелѣніемъ французскому послу въ Лондонѣ начать переговоры о дѣлѣ. Но при первомъ словѣ посла министръ иностранныхъ дѣлъ, Барендонъ, осадилъ французовъ и затѣмъ немедленно отправилъ въ Тананариву агента, Эллиса, съ извѣщеніемъ королевы объ опасности. Докладъ Эллиса, впрочемъ, сдѣланъ былъ съ дипломатическою осторожностію и не, возвратившись изъ Парижа, Ламберъ былъ ласково принятъ королевою; только ему дали понять, что больше при дворѣ ему дѣлать нечего. А Эллисъ сталъ тамъ близкимъ человѣкомъ или, какъ говорятъ французы, имъ духомъ для нихъ. Протестантскіе миссіонеры, къ числу которыхъ онъ принадлежалъ, были очень довольны этимъ событіемъ и стали быстро множаться въ числѣ, въ ущербъ католическимъ.

Королева Ранавалона I умерла 18 августа 1861 года. Ей наслѣдовала, уже именовъ Радамы II, тотъ самый Ракута, который былъ заговорщикомъ противъ нея. Разумѣется, французы пошли при немъ въ гору: Ламберъ былъ сдѣланъ герцогомъ Имерины, отъ имени короля, а Лагардъ—консуломъ Франціи, отъ имени Наполеона. Послѣдній призналъ Радаму, официально, королемъ Мадагаскара, хоть и съ оговоркою о «правахъ Франціи». Мадагаскаръ былъ открытъ либеральнымъ королемъ *естямъ* иностранцамъ, въ частности французы получили право покупать, продавать, нанимать и отдавать въ наемъ мадагаскарскія земли, о чемъ былъ подписанъ 12 сентября 1862 года формальный договоръ съ Франціей, къ большой досадѣ англичанъ. Патеры-методисты устроили заговоръ и произвели возстаніе, во время котораго, 12 мая 1863 года, либеральный Радама II былъ задушенъ, царствовалъ всего 1 годъ 9 мѣсяцевъ. Любопытно, что, по свидѣтельству французовъ, Эллисъ, распредѣляя между заговорщиками 159,000 фр. (5,000 ф. ст.), выдавалъ ихъ французскою пятифранковою монетою.

За Радамою II на престолѣ появилась жена его, Разоагерина, и либерализмъ былъ очень стѣсненъ. Эллисъ сталъ снова могущественнымъ; но это не помогло Наполеону III признать законность новой государыни, такъ какъ союзъ съ королевою Викторіей былъ ему дороже всякихъ мадагаскарскихъ дрязгъ. Протестантскіе миссіонеры пользовались этимъ, увеличили число своихъ миссій до 12 въ Тананаривѣ и до 86 въ провинціяхъ, съ 20,000 послѣдователей, и, какъ говорятъ, вынудили у королевы письменное обѣщаніе объявить протестантизмъ государственною религіею. По счастью, со времени Кловиса французскаго и Владиміра кievскаго, перемѣна вѣры не дѣлается такъ быстро, какъ бы желали заинтересованные патеры, и Разоа-

герина умерла въ 1868 году, не совершивъ желаемого акта. Ея наследницей была двоюродная ея сестра, Рановалона II, царствовавшая до юля 1884 г.

Молодой королевѣ, съ первыхъ дней царствованія, было не мало важныхъ занятій. Удовлетворяя англійскихъ методистовъ, она 4 августа 1868 г. объявила протестантизмъ государственною религіей, хотя число протестантовъ едва ли составляло $\frac{1}{3}$ всего населенія Мадагаскара. За то въ то же время она заключила съ французскимъ уполномоченнымъ Гарнье трактатъ, гдѣ ее хоть и титуловали королевой, но обязывали поддерживать монополию французовъ на покупку мадагаскарскихъ земель и эксплуатацию ихъ. Только тутъ вышелъ курьезный случай. Едва договоръ былъ подписанъ, какъ претендентамъ на мальгашскія земли былъ предъявленъ мальгашскій законъ № 85, въ силу котораго каждый землевладелецъ на Мадагаскаре есть ipso facto подданный королевы. Даже для сыновей когда-то сильнаго Лаборда не было сдѣлано исключенія въ 1878 году, когда отецъ ихъ умеръ и имъ предстояло получать наследство... Франція, послѣ нѣмецкой войны 1870—71 г., считалась у мальгашей слабой, и ею пренебрегали, а англичане поддерживали тананаривское правительство и возбуждали его противъ французовъ. Дѣло устроилось въ ихъ пользу не ранѣе 1881 года.

Между тѣмъ, англійскіе миссіонеры не зѣвали. Они пригласили на Мадагаскаръ двухъ епископовъ, будто бы для ревизіи миссій, на самомъ дѣлѣ для установленія единства ихъ дѣйствій противъ французовъ. Въ 1877 г. такимъ ревизоромъ былъ епископъ Корнишъ, въ 1878 г. Пячершилъ. Они ѣздили особенно по сѣверо-западному берегу Мадагаскара и по соседнимъ островамъ, гдѣ французы считали себя особенно сильными и гдѣ миссіонеры-протестанты, однако, успѣвали овладѣвать умами населенія. Одна изъ ихъ довольно курьезна. Именно, узнавъ, что французы приучаютъ мальгашей считать французскою всякую землю, гдѣ выставленъ французскій національный флагъ, они подучили мѣстныхъ властителей-туземцевъ съѣздить въ Тананариву для привѣтствованія королевы, а этой послѣдней внушили мысль: наградить каждаго изъ нихъ мальгашскимъ флагомъ, который и долженъ одинъ быть выставляемъ на ихъ земляхъ. Можно себѣ представить бѣшенство французовъ, столь щекотливыхъ въ «дѣлѣ» знаменъ и флаговъ! Одинъ изъ нихъ, начальникъ на островѣ Носси-Бе, дѣлалъ цѣлую экспедицію для низверженія мальгашскихъ флаговъ; но королева противилась. Тогда французскій консулъ въ Тананаривѣ спустилъ свой флагъ и уѣхалъ въ Таматаву, гдѣ всегда находились французскіе военные корабли. Королева Ранавалона, считая себя въ этомъ случаѣ сильно обиженною, въ международномъ смыслѣ, рѣшилась принести жалобу образованному миру и съ этою цѣлью снарядила посольство, которое должно было посѣтить не только Парижъ, но Лондонъ, Берлинъ и Вашингтонъ. Но французскій министръ Дюхлеръ, въ бесѣдѣ съ посланниками, объявилъ имъ, что «слабымъ заставить ховасовъ покориться». И вскорѣ затѣмъ, въ май 1883 г., фран-

зский адмиралъ Пьеръ овладѣлъ Мадзѣнгой, которая ни съ какой стати ангузамъ не принадлежала, но должна была впослѣдствіи служить стоиъ высадки французскихъ войскъ на Мадагаскаръ. Затѣмъ 11 іюня ѣ же завладѣлъ Таматавой, несмотря на то, что командиръ одного англскаго военнаго корабля сталъ было въ промежуткѣ между французскою кадрой и городомъ. Ненависть къ французамъ въ таматавскихъ христіахъ-методистахъ была такъ велика, что одинъ изъ нихъ отравилъ нѣмько бутылокъ вина и потомъ пригласилъ французскихъ офицеровъ въ эти, отвѣдать жидкость... Съ своей стороны, первый министръ въ Танаривѣ сдѣлалъ распоряженіе о высылкѣ съ Мадагаскара всѣхъ французъ. Это послужило поводомъ къ формальной войнѣ.

Нельзя сказать, чтобы французскіе военные и моряки особенно отличись въ ней; но мальгашамъ пришлось безусловно потерять бухту Иго-Суаресъ съ окрестностями и нѣсколько острововъ, а главное—допустить въ Тананариву французскаго министра-резидента, чрезъ которагожны были отнынѣ (17 декабря 1885 г.) производиться всѣ сношенія иностранными владѣніями, представители коихъ должны были испрашивать у французскаго агента *exequatur* на свое званіе, безъ чего не могли бѣть официального значенія въ Тананаривѣ. Резидентъ имѣлъ роскошное мѣщеніе и конвой изъ французскихъ солдатъ. Мальгаша сначала разсчитывали, что до такого униженія ихъ страны не допустятъ англичане, но иблись. Послѣдніе уже 12 августа того же 1885 г. заключили съ франзами сдѣлку, по которой оставили ихъ свободно хозяйничать на Мадагаскарѣ, а себѣ взяли Занзибаръ, на который Франція имѣла нѣкоторыя ава именно по отношенію къ Англіи. Въ трактатѣ, окончившемъ франко-льгашскую войну 1884—85 гг., владѣтельница Мадагаскара имѣла тиль ея величества королевы, хотя актъ и уничтожалъ одну изъ существеннѣйшихъ прерогативъ королевской власти, независимость сношеній съ угими странами. Этотъ порядокъ, признанный Англіей, затѣмъ и другими, зывался протекторатомъ.

Онъ продолжался не болѣе десяти лѣтъ, наполненныхъ постоянными спорами изъ-за власти между первымъ министромъ королевы и французскимъ видентомъ. Бѣднымъ мальгашамъ ни откуда помощи не приходило; воанціи же шовинисты громко кричали, что на Мадагаскарѣ нуженъ не отекторатъ, а полная французская власть, съ правильно образованною ангузскою администраціей, какъ въ недавно завоеванномъ Тонкинѣ. Этаика одолѣла, потому что въ сущности всѣмъ французамъ хотѣлось хлѣбныхъ мѣстъ и доходныхъ статей, безъ чего, въ далекой и чужой сторонѣ, всть имъ не въ сласть. Отсюда большая военная экспедиція 1895 года, дъ начальствомъ генерала Дюшѣна, и взятіе французами Тананаривы 1 сентября того же года.

Вотъ сущность договора съ королевой Рановалоной III *), сочиненнаго

*) Заключившему Рановалоу II въ 1888 году.

въ Парижѣ министромъ Ганото и подписаннаго королевой, по предложенію Дюпона, въ самый день взятія Тананаривы:

1. «Правительство ея величества королевы Мадагаскара признаетъ и принимаетъ протекторатъ Франціи со всеми его послѣдствіями. 2. Правительство Французской республики будетъ представлено предъ ея величествомъ королевы Мадагаскара генеральнымъ резидентомъ. 3. Правительство Французской республики будетъ представлять Мадагаскаръ во всехъ ея вѣдѣніяхъ сношеніяхъ. Генеральный резидентъ будетъ уполномоченъ вести сношенія съ агентами иностранныхъ державъ, и вопросы касающіеся иностранцевъ на Мадагаскарѣ будутъ разбираться при его посредствѣ. Дипломатическіе и консульскіе агенты Франціи въ чужестранныхъ государствахъ обязаны будутъ покровительствовать подданныхъ мальгашскихъ и ихъ интересы. 4. Правительство Французской республики предоставляетъ себѣ право держать на Мадагаскарѣ военныя силы, нужныя для исполненія обязанностей своего протектората. Оно принимаетъ обязательство постоянно помогать ея величеству королевы мадагаскарской протавъ всякой угрожающей ей опасности и въ случаяхъ нарушенія спокойствія въ ея государствахъ. 5. Генеральный резидентъ будетъ контролировать внутреннюю администрацію острова. Ея величество королева принимаетъ обязанность произвести реформы, которыя французское правительство признаетъ полезными для осуществленія своего протектората, какъ въ экономическомъ отношеніи, такъ и для успѣховъ цивилизаціи. 6. Совокупность издержекъ и служебныя дѣла и на уплату долговъ *) будетъ обезпечена доходами съ острова. Правительство ея величества королевы отказывается отъ права дѣлать какіе-либо займы безъ дозволенія французскаго правительства. Это послѣднее не принимаетъ на себя никакой отвѣтственности за обязательства, долги и концессіи, которыя правительство королевы сдѣлало прежде подписанія этого трактата. Французское правительство явится на помощь правительству ея величества королевы Мадагаскара, чтобъ облегчить ея конверсію займа отъ 4 декабря 1886 года. 7. Будетъ произведено въ возможно скоромъ времени разграниченіе земель около Діаго-Суараца. Демаркаціонная линія протянется, насколько позволитъ конфигурація почвы, и параллели 12° 45' южной». *Дополнительный протоколъ:* «1. Статья 4-я договора 8 августа 1868 г. и статья 6-я договора 17 декабря 1885 г. стнутъ предметомъ позднѣйшаго пересмотра, назначеннаго на удовольствіе лицъ французской національности въ приобрѣтеніи ими правъ собственности на островѣ Мадагаскарѣ. 2. Подданные иностранныхъ державъ, какъ консульскіе суды будутъ уничтожены, получать право обращаться по своимъ дѣламъ въ суды французскіе, на условіяхъ одинаковыхъ съ самими французами».

*) Долги начали дѣлаться мальгашами именно вслѣдствіе войны 1880-хъ годовъ съ Франціею, когда деньги на уплату военной контрибуціи были заняты во французскомъ банкѣ Comptoir d'Escompte, имѣющемъ отдѣленіе въ Тананаривѣ.

Бажется, чего бы еще желать для формулированія тѣсной зависимости Мадагаскара отъ Франціи,—болѣе тѣсной, чѣмъ на примѣръ, та, въ которой ходила съ Россіи отъ татаръ съ 1238 по 1480 годъ? Но французамъ его показалось мало. Назначенному, изъ префектовъ, новому министру-резиденту въ Тананаривѣ, Ларошу, вѣнено было въ обязанность, тотчасъ прибытіи къ своему посту и по представленіи королевѣ, потребовать отъ нея подписанія уже слѣдующаго акта, низводящаго Мадагаскаръ до степени французской провинціи, наравнѣ съ Алжиромъ:

«Ея величество королева Мадагаскара, узнавъ о деклараціи французскаго правительства *о принятіи имъ во владѣніе острова* Мадагаскара, являяется принятыми ею слѣдующія условія: 1. Правительство Французской республики будетъ представлено предъ ея величествомъ королевою генеральнымъ резидентомъ. 2. Оно будетъ представлять Мадагаскаръ во всѣхъ внѣшнихъ его сношеніяхъ; вопросы касающіеся иностранцевъ на Мадагаскарѣ будутъ разбираемы при посредствѣ резидента. Дипломатическіе и консульскіе агенты Франціи въ чужихъ земляхъ будутъ оказывать экревительство мальгашскимъ подданнымъ и ихъ интересамъ. 3. Правительство Французской республики сохраняетъ за собою право держать на Мадагаскарѣ военныя силы, нужныя для осуществленія его могущества *(власти)*. 4. Генеральный резидентъ будетъ контролировать внутреннюю администрацію острова. Ея величество королева обязуется произвести реформы, которыя французское правительство признаетъ полезными для экономическаго развитія острова и прогресса цивилизаціи. 5. Правительство и величества королевы Мадагаскара *запрещаетъ себѣ* заключать займы безъ позволенія правительства Французской республики. 18 января 1896 г. *«анавало манѣака Уранѣякапу Мадагаскар»*.

За исключеніемъ подчеркнутыхъ словъ, это трактатъ 1 октября 1895 года; но въ подчеркнутомъ-то и сила. Франція приняла Мадагаскаръ во *владѣніе*. Съ точки зрѣнія юридическихъ кляузниковъ, можно бы сказать: *еще не въ собственности*; но это въ данномъ случаѣ все равно, потому что французскія войска занимаютъ столицу страны и нѣсколько важѣйшихъ мѣстностей. Никто изъ постороннихъ, даже Англія и Америка, не возразили. Исторія Мадагаскара кончилась.

Но остается еще статистика. Любопытно, что тутъ приходится черпать свѣдѣнія не у французовъ, а у англичанъ и даже нѣмцевъ. Населеніе новаго «владѣнія» Франціи простирается отъ 6 до 7 милліоновъ душъ; но это лишь приблизительно. Главный центръ его въ Тананаривѣ, городъ со 100,000 жителей и не малымъ числомъ европейскихъ зданій, между которыми отличаются «серебряный» на дѣлѣ каменный дворецъ королевы, большіе дома перваго министра и французскаго резидента, католическій соборъ и нѣсколько зданій миссіонеровъ. Хотя городъ построенъ на холмахъ, но

окрестныя горы командуютъ имъ, что и дало французамъ легкую возможность бомбардировать его безнаказанно для себя, въ сентябрѣ 1895 г. Въ другія крупныя средоточія населенія принадлежатъ города: Амбатондразара, Таматава, Андроранга, Мананжара, Мадзэнга и др., содержащія отъ 10 до 15,000 жителей. Французъ Сюберби построилъ нѣсколько зданій на своихъ золотыхъ приискахъ; по совокупности ихъ еще далеко до «города», несмотря на названіе Сюбербивиль *). Большинство населения живетъ по деревнямъ, иногда просто по отдѣльнымъ домамъ, разсыпаннымъ по странѣ и не связаннымъ между собою ничѣмъ, кромѣ дѣсныхъ тропинокъ и русла рѣчекъ, по которымъ плаваютъ челноки, выдолбленные изъ дерева. Лодки изъ досокъ уже рѣдкость. А у морскихъ береговъ, гдѣ нѣтъ европейскихъ пароходовъ, сообщенія поддерживаются арабскими джукъ. Единственная сухопутная *дорога*, очень посредственная, проложена французами, во время похода, отъ Мадзэнги до Тананаривы; теперь она продолжается къ Таматавѣ. Для перевозки тяжестей по тропинкамъ употребляется вьючный скотъ, либо люди носятъ грузъ на себѣ. Почти нѣтъ, кромѣ европейскихъ курьеровъ, отправляемыхъ изъ Тананаривы, кромѣ нужно, верхомъ, а потомъ пароходами. Вдоль береговъ пароходы плаваютъ вдоль почти всего западнаго, начиная отъ Носси-Ве, къ сѣверу до Діаго Суареса, а вдоль восточнаго—отъ Суареса до Таматавы. Въ Мадзэнгѣ и Таматавѣ эти линіи выходятъ на большую морскую дорогу, ведущую къ Африкѣ на Маскаренскіе острова. Съ Мысомъ Доброй Надежды сообщеніе черезъ Мозамбикъ. По юго-восточному берегу Мадагаскара пароходныя линіи пока нѣтъ; но англичане думаютъ устроить, именно до Мыса Доброй Надежды, для связи его съ Мавриціемъ и, пожалуй, Индіей, къ сѣверовостоку. Собственно говоря, пароходы съ Мыса Доброй Надежды въ Маврицій и теперь заходятъ въ Таматаву; но они оставляютъ въ сторонѣ весь юго-восточный, коралловый берегъ Мадагаскара.

Островъ въ изобиліи производитъ тропическое сырье, т.-е. колоніальные товары, но спеціальностью его служатъ разныя породы дерева, строевого, подѣлочнаго и красильнаго. Затѣмъ слѣдуютъ: скотъ, рисъ, сахарный песокъ, кофе, хлопокъ, шелкъ (немного) и пиночки всякаго рода, изъ древесной коры. Все это потребляется на мѣстѣ и идетъ за границу. Внѣшняя торговля почти вся въ рукахъ иностранцевъ: англичанъ, французовъ и арабовъ, отчасти даже американцевъ. Вотъ нѣсколько цифръ въ выраженіи ея размѣровъ: французская торговля была въ 1888 г. по вывозу 174,170 ф. ст. = 4.354,200 фр., по привозу 162,030 ф. ст. = 4.057,500 фр.; англійская въ 1890 г. по вывозу 117,391 ф. ст., по привозу 84,733 ф. ст., но она быстро растетъ и съ 1884 г. по 1892 г. увеличилась въ во-

*) Г. Сюберби недавно издалъ, при помощи инженера Лалле, хорошую карту Мадагаскара; для большинства читателей она велика и ей нужно предпочесть меньшую, но аккуратную карту Ганзена, географа, франц. мин. колоній. Всѣ прочіе стары.

шь разъ. Въ Англію вывозятъ много каучука. Для нужды европейской, въ частности французской, торговли въ Тананаривѣ и Таматавѣ существуютъ отдѣленія большого французскаго банка Comptoir d'Escompte; этотъ банкъ снабдилъ мадагаскарское правительство 15.000,000 фр., изъ за 1/2 годовыхъ, для уплаты военного штрафа въ 1885 году, почему теперь мальгаша и удостовѣрены, что за нихъ будетъ хлопотать резидентъ, чтобы инвертировать долгъ. Но въ то же время онъ предложитъ, конечно, другой, гораздо болѣе крупный заемъ. Ходячія деньги на Мадагаскарѣ теперь—французская пятифранковая монета; но ходитъ и англійское золото, аже остъ-индскія рупіи, съ лажемъ.

Посмотримъ, что сдѣлаетъ французское управленіе для установки порядка въ финансахъ Мадагаскара. До сихъ поръ главные доходы королевы кагались изъ таможенныхъ пошлинъ и небольшого поземельнаго сбора, части, въ послѣдніе годы, изъ нѣкоторыхъ регалій и налога на золотопромышленность. Упорядоченные расходы были только—содержаніе двора королевы и перваго министра; прочіе чиновники кормились чѣмъ Богъ полагалъ, т.-е. поборами, а войска получали скудное жалованье. Французы югутъ много съэкономить на мальгашской арміи; но не переведутъ ли она содержаніе Мадагаскара собственныхъ войскъ, какъ англичане въ Египтѣ? Это было бы совершенно въ духъ современнаго международнаго права, практикуемаго европейцами въ Азіи и Африкѣ. Таможенные доходы же положено урегулировать помощью закона, вотированнаго французскими палатами; ихъ собирать будутъ французы. Но желательно, чтобы «цивилизаторы», вводя лучшіе порядки въ денежныя дѣла мальгашей, являли имъ примѣры строгаго порядка въ собственномъ хозяйствѣ. А то вотъ въ февралѣ настоящаго 1896 г. французское интендантство въ Тананаривѣ не имѣло чѣмъ кормить и одѣвать французскихъ солдатъ, тамъ находившихся. Запасы, говорилось, имѣются въ Мадзэнгѣ и Таматавѣ, да какъ ихъ доставить оттуда въ Тананариву по грязи, покрывающей тропинки въ лѣтній сезонъ?... Точно будто дождливое лѣтнее время въ первый разъ на Мадагаскарѣ, или французскіе ученые, руководители завоеванія, забыли о томъ, либо вовсе не знали, что ужъ невѣроятно.

Само собою разумѣется, что, «цивилизуя» Мадагаскаръ въ общечеловѣческомъ смыслѣ, завоеватели, собственно, думаютъ лишь о томъ, чтобы его офранцузить; другихъ же европейскихъ вліяній не допускать. Но гдѣ у нихъ цивилизующая сила? Не въ войскахъ же, которыхъ половину они сами послѣшили убрать (правда, ради уменьшенія смертности). И не въ католическихъ патерахъ, которые въ самой Франціи суть реакціонеры, враждебные прогрессу. Послѣдніе, притомъ, мало значуть по сравненію съ протестантскими пасторами, вчетверо болѣе многочисленными и имѣющими 750 туземныхъ помощниковъ, мальгашскихъ священниковъ. Недавно назначенный генеральный резидентъ, Ларошъ, едва прибывъ въ Тананариву, увидѣлъ опасность англо-американо-норвежскихъ миссій и, не находя пяти-

десяти трехъ католическихъ патеровъ арміей достаточно сильной для борьбы, обратился съ вызовомъ въ Алжиръ, къ тамошнимъ траппистамъ, которые считаются дѣлами въ дѣлѣ пропаганды католицизма. Но пока они придутъ, водворятся и утверждаютъ свое вліяніе, протестанты дѣлаютъ свое дѣло, поддерживаемые единоувѣрно королевою мадагаскарскою и нѣтъ въ виду, сзади, королеву англійскую, по договору съ которой французы не могутъ тѣснить протестантскихъ миссіонеровъ. Англійская королева, вѣдь, не позволитъ съ собою шутить, хотя, разумѣется, вмѣшается въ дѣло лишь тогда, когда это будетъ нужно для Англій.

Протестантскіе миссіонеры въ нѣкоторыхъ своихъ школахъ преподають реальныя знанія, и не только по книгамъ, а и на дѣлѣ; католическіе же не по-сердцу... У протестантовъ вообще 1,800 школъ и 170,000 учениковъ, изъ которыхъ нѣкоторые уже стали врачами, причемъ учились на своемъ языкѣ, а католики?... Протестанты ведутъ дѣятельную книжную торговлю изданіями на мальгашскомъ языкѣ, печатаемыми въ самой Тананаривѣ, а католики?... Протестанты издають шесть ежемѣсячныхъ журналовъ, три еженедѣльныхъ и одну ежедневную газету, да еще поддерживаемую туземнымъ правительствомъ, а католики?... Впрочемъ, относительно оффиціальной газеты теперь будетъ нѣчто иное: ее станутъ редактировать *французскіе* грамотеи... только, вѣроятно, не патеры, а чиновники изъ вновь прѣзжихъ, то-есть не знающихъ края и, прибавлю отъ себя, едва ли желающихъ его знать, особенно же знать обычаи, вкусы и идеалы туземцевъ.

Собирались французы еще въ 1891 году учредить на Мадагаскарѣ свои національные суды, причемъ добивались, чтобы въ нихъ судились всѣ европейцы, но предпріятіе доселѣ не удалось. У мальгашей есть свои суды, назначаемые королевою, у англичанъ—консулы и вице-консулы, да трибуналъ на Мавриціи. Что будетъ дальше?—невѣдомо. Пока французы заняты полученіемъ мѣстъ по полицейскому и таможенному вѣдомствамъ; ну, а юстиція?... Надо, пожалуй, будетъ изучать мѣстные законы. И хотя они съ 1881 года сведены въ кодексъ, но вѣдь ихъ не преподають ни въ *École des Droits*, ни въ *Ecole des Langues Orientales vivantes*, въ Парижѣ. Надо будетъ *подумать* о дѣлѣ, иначе на Мадагаскарѣ будутъ вѣчныя недовольства туземцевъ, что такъ хорошо поняли англичане, не давая въ Индіи судебныхъ и административныхъ мѣстъ лицамъ, не знакомымъ съ туземными языками и даже нарѣчіями, что начинаетъ практиковаться и у насъ, въ Туркестанѣ.

Какія бытовые отношенія думаютъ установить французы къ туземцамъ и европейцамъ на Мадагаскарѣ? О! на это я не берусь отвѣчать, — это слишкомъ деликатный и сложный вопросъ. Относительно туземцевъ вѣстно только, что мѣстами были уже «волненія», требовавшія употребленія войскъ. Три французскіе золотонискателя были недавно убиты мальгашами. Въ европейскомъ городѣ, Таматавѣ, въ первое время выборовъ муниципалитетъ составилъ было главнѣйше изъ англичанъ, такъ что фран-

зская администрація поспѣшила «помочь горю» назначеніемъ своихъ чиновниковъ. Что будетъ въ другихъ городахъ, Мадзэнгѣ, Сюбервивилѣ и проч., — я не берусь гадать. Въ Діэго-Суаресѣ, какъ французской *собственности*, господствуютъ военно-морскіе порядки, да тамъ нефранцузъ и мало. Посмотримъ, не войдутъ ли въ близкія сношенія съ народомъ овы назначаемые «піонеры» изъ ученыхъ людей: топографовъ, инженеровъ, геологовъ, ботаниковъ и проч., — по теоріи, это ихъ дѣло стать дѣйствительными піонерами доброжелательной цивилизаціи «неучей», но мнѣ о-то не вѣрится въ ихъ миссію. Въ Алжиріи ихъ тоже было не мало, но, Алжирія все еще не Франція или, по крайней мѣрѣ, меньше Франція, чѣмъ Кавказъ — Россія. Любопытно, что теоретики-гуманисты поставили было вопросъ о немедленномъ уничтоженіи рабства на Мадагаскарѣ, люди «практическіе» немедленно имъ отвѣчали: «нельзя, — земледѣліе въ этой странѣ станетъ невозможнымъ». Я думаю, подразумѣвалось не одно земледѣліе, а и другіе промыслы, гдѣ плантаторскіе порядки дороги капиталистамъ: имъ вѣдь нужны *дешевыя* руки.

М. Венюковъ.

Февраль—апрѣль 1896 г.

P.S. Статья эта была окончена, какъ явилось сочиненіе о Мадагаскарѣ Ганото, бывшаго французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, котомъ былъ составленъ проектъ договора о протекторатѣ и при котомъ состоялось самое занятіе Тананаривы. Оставляя въ сторонѣ его поминку противъ «присоединенія» въ пользу «протектората», съ удовольствіемъ вижу, что многія положенія г. Ганото ехоятся съ моими, наприм. рѣшеніе о вредѣ чиновничьяго наѣзда изъ Франціи и т. п. Только русскому читателю, если онъ захочетъ лично познакомиться съ трудомъ Ганото, не гѣдуетъ забывать, что авторъ—человѣкъ партіи, очень умный и свѣдущій, о именно въ вопросѣ о Мадагаскарѣ не всегда безусловно-авторитетный.

Статья находилась въ редакціи *Русской Мысли*, когда *Ховасская Официальная Газета* (французская) въ замѣткѣ «Обзоръ рынка» помѣстила слѣдующія цифры: «Въ пятницу въ Тананаривѣ продавались: раба, маленькая дѣвочка, 175 франковъ; рабъ мальчикъ — 100 франковъ; раба зрелая—110 франковъ; рабъ взрослый мужчина — 75 франковъ». Само собою разумѣется, что либеральные журналы Парижа считаютъ это позоромъ для Франціи, *властвующей* нынѣ Мадагаскаромъ; но не видно, чтобы правительство приняло немедленные мѣры къ прекращенію этой торговли людьми, какъ светомъ. И *Ховасская Официальная Газета* умалчиваетъ томъ, кто были покупатели названнаго сейчасъ «живого товара»... Не французы ли колонизаторы и насадители цивилизаціи?

Въ два послѣдніе мѣсяца событія не стояли на мѣстѣ. Слѣдующіе факты заслуживаютъ вниманія:

1. Гг. Лалье и Суберби издали хорошую карту Мадагаскара въ $\frac{1}{2}$ -миліонномъ масштабѣ, которая показываетъ, что еще остается сдѣлать для полного изученія топографіи этого острова. Карта лучше всѣхъ предшествовавшихъ.

2. Литература о Мадагаскарѣ обогатилась цѣлымъ рядомъ сочиненій между которыми особеннаго вниманія заслуживаетъ книга Ганото, вслѣдствіе изданія ея ставшаго снова министромъ иностранныхъ дѣлъ Франціи.

3. Ганото и вообще министерство г. Меліна, ради вывода Мадагаскара изъ двусмысленнаго положенія, въ которое островъ былъ поставленъ недавнимъ «присоединеніемъ» къ Франціи, безъ объясненія правъ и обязанностей туземнаго правительства, внесли, 30 мая, проектъ новаго закона, которымъ «островъ Мадагаскаръ и зависямыя отъ него острова, неліе объявляются французскою колоніей». Что выйдетъ изъ этого, т.-е. усматриваются ли чужеземныя правительства, недовольныя предыдущими замѣненіями французскаго, — трудно сказать.

31 мая 1896 г.

Секретность нашего предварительнаго слѣдствія.

„Практическое примѣненіе идеи законодательства оказываетъ огромное на нее вліяніе, и всѣ уклоненія отъ нея должны быть тщательно подчеркнуты“.

*Н. Я. Фойницкій *)*.

У насъ не въ обычаѣ и не въ авантажѣ поднимать въ печати тѣ мелзапросы судебной дѣятельности, которыми повсемѣстно и повседневно рудняется и надъ разрѣшеніемъ которыхъ много думаетъ юристъ-практикъ, много мучится тяжущаяся масса. Правильно и систематически подаемыхъ отчетовъ о судебныхъ процессахъ у насъ нѣтъ ни въ ежедневныхъ прессѣ, ни въ видѣ отдѣльныхъ сборниковъ; если отчеты о судебныхъ дѣланіяхъ и печатаются, то или совершенно случайно, или лишь по жмилъ дѣламъ, возбуждающимъ простое любопытство и не интереснымъ другихъ отношеніяхъ. Судебныя мѣста и лица также ни въ своихъ страхахъ, ни въ годовыхъ отчетахъ не ведутъ алфавита юридически-ранныхъ вопросовъ, или разрѣшенныхъ (наприм., согласно 10 ст. Уст. суд. и 13 ст. Уст. угол. суд.), или казусовъ особо интересныхъ, а если (какъ исключеніе) подобныя алфавиты есть, то о нихъ нѣтъ свѣдѣній печати. Не доходить въ печать и свѣдѣній о законодательныхъ вопросахъ, возникшихъ въ судахъ и (согласно 136 ст. Учр. суд. уст.) предвѣренныхъ прокуратурою въ министерство юстиціи.

Такъ какъ юристы-практики мало и рѣдко прибѣгаютъ къ печатнымъ общамъ для формулированія своихъ недоумѣній и опубликованія слуховъ изъ жизни, то отсюда происходитъ непріятное во всѣхъ отношеніяхъ положеніе. *Теорія правоподобія*, съ большимъ трудомъ улавливая настроенія и казусы, вѣчно опаздываетъ освѣтить ихъ научно и всесторонне, а тому въ ней преобладаютъ работы слишкомъ отвлеченныя, академиче-скія. *Юристъ-практикъ*, не привыкшій къ печатной формулировкѣ своихъ вопросовъ, лишаетъ тѣмъ самъ себя возможности и удобства получить отъ своего собрата своевременное и обоснованное разъясненіе злободневныхъ

*) *Журн. пр. угол. пр.* 1885 г., № 4, стр. 33.

недоумѣній, живое и цѣнное обобщеніе. Публика и общественное мнѣніе видя разобщенность науки и практики юриспруденціи, впадаетъ въ пренебреженіе недостатковъ той и другой и горячо ратуетъ за ихъ okamъ обновленіе, а пока вымещаетъ свою досаду за единичные промахи судебныхъ органовъ огульнымъ отрицаніемъ за ними вообще чего-либо хорошаго.

Мнѣ думается, что не только для юриста ученаго, но и для большаго публики, имѣютъ значеніе подведенные юристомъ-практикомъ *итомъ* тѣхъ вопросовъ, надъ которыми послѣднему часто приходилось мучительно думать, и тѣхъ тормазовъ, которые затрудняютъ ровное исполненіе судебной службы.

Трагую объ этихъ вопросахъ и тормазлахъ, рискуешь иногда даже въ бапальность; но если въ наши дни излишне доказывать и разъяснять самые принципы, руководящіе процессомъ, то нельзя того же сказать о формахъ ихъ осуществленія, о *границахъ* примѣненія и особенно объ *итомъ* ихъ на практикѣ.

Едва ли, наприм., кто отвергаетъ теперь достоинство гласности и открытости въ уголовномъ производствѣ; но проведеніе ихъ въ жизни, во всемъ простѣ о колеблѣхъ и обочинахъ ихъ пути, о заставахъ и карантинныхъ пунктахъ для нихъ—вопросъ въ высшей степени животрепещущій и спорный.

Если вѣрно, что практическое примѣненіе идей законодательства оказываетъ огромное вліяніе на самыя идеи, на пониманіе ихъ въ публикѣ, то всеконечно должны быть тщательно описаны и подчеркнуты всѣ умышленія отъ идей и всѣ тормазы ихъ правильному осуществленію на дѣлѣ.

Объ одномъ изъ тормазовъ, выкованномъ жизнью вопреки всякому сознанію создателей Судебныхъ Уставовъ 1864 года, я и хочу здѣсь поговорить, по мѣрѣ разумѣнія, своими *наблюденіями* въ сферѣ предварительнаго слѣдствія.

I.

Первые шаги при обнаруженіи свѣдѣній о преступленіи предоставляются по закону полиціи и прокуратурѣ; отъ цѣлесообразности и успѣшности этихъ первыхъ шаговъ зависитъ часто весь исходъ дѣла, ошибка же на первомъ шагѣ нерѣдко въ непоправимымъ послѣдствіямъ. Господствующее мнѣніе требуетъ, чтобы полиція дѣлала первые шаги въ уголовномъ дѣлѣ вполнѣ незамѣтно, безшумно; негласность полицейскаго дознанія, по общему употребленію, гарантируетъ возможность успѣха и предотвращаетъ опасность безвозвратной, неисправимой ничѣмъ ошибки.

Въ своей инструкціи полицейскимъ чинамъ прокуроръ московской судебной палаты Гончаровъ (покойный уже) въ 1881 году наставлялъ на соблюденіе «трехъ основныхъ условій дознанія», изъ которыхъ первѣйшимъ поставлена *полная негласность*. Въ инструкціи это требованіе мотивировано такими словами: «Гласность при полицейскомъ дознаніи можетъ только повредить успѣху дѣла: преступникъ сдѣлается осторожнѣе въ своемъ сдѣланіи».

въ жизни или на время измѣнить мѣсто своего пребыванія; и свидѣтели, нежелающіе быть прикосновенными къ дѣлу въ какомъ бы то ни былоествѣ или изъ боязни подвергнуться мести пресупника, не сообщать никакихъ для полиціи свѣдѣній (§ 8).

Другой прокуроръ той же судебной палаты, Н. В. Муравьевъ, въ 1885 г. своей инструкціи также установилъ (§ 14): «Дознаніе производится по-дѣй негласно; условіе это заключается, во-первыхъ, въ томъ, чтобы при ираніи свѣдѣній не разглашались его поводъ и цѣль, и, во-вторыхъ, томъ, чтобы собранныя свѣдѣнія не сообщались никому кромѣ лицъ, ствующихъ въ производствѣ дознанія».

Подобныя инструкціи изданы, конечно, и другими прокурорами судебныхъ палатъ, приглашенными къ тому циркулярнымъ предписаніемъ министра юстиціи (отъ 31 января 1881 г. за № 2735); инструкціи эти условно обязательны для полиціи, какъ это разъяснено опредѣленіемъ шаго собранія 1-го и кассационныхъ департаментовъ сената (отъ 25 мая 71 г.). И, однако же, порядокъ *полной* негласности довольно рѣдко осуществляется въ дѣйствительности; наша полиція не привыкла молчать и подготовлена къ уголовному розыску, за исключеніемъ тѣхъ крупныхъ втровъ, гдѣ имѣются агенты специально-сыскной полиціи.

Кому случалось участвовать въ производствѣ слѣдствія или хотя близко блюдать дѣятельность нашей полиціи *въ узлахъ и небольшихъ городахъ*, тотъ не могъ не обратить вниманія на полное забвеніе тамъ правды и соображеній, изложенныхъ въ инструкціяхъ прокуроровъ судебныхъ палатъ.

При первыхъ слухахъ о какомъ-либо *незаурядномъ* или загадочномъ убѣданіи полиція ретиво бросается «дознать» о признакахъ, причинахъ виновникахъ преступленія; чтобы слѣдователь не мѣшалъ нѣкоторымъ лицейскимъ методамъ и чтобы, съ другой стороны, имѣть возможность жичиться предъ своимъ начальствомъ, а равно и по другимъ поводамъ, полиція нерѣдко пренебрегаетъ или обходитъ 250 ст. Уст. угол. суд. и мыслаетъ свои сообщенія о новомъ преступленіи слѣдователю и прокурарѣ столь неторопливо, что послѣднимъ прибыть на мѣсто изслѣдованія можно лишь съ значительнымъ опозданіемъ. А до прибытія слѣдователя вѣдныя полицейскіе чины, по большей части безпечные насчетъ предполагаемаго по закону достоинства власти, начинаютъ налѣво и направо рѣбать народъ, соваться безъ снаровки и опаски въ допросы, выправивать нужное и ненужное отъ всякаго, кто подъ руку попадется. Ста-эвой (а иногда и исправникъ) принимается гонять безъ толку, т.-е. безъ предѣленной цѣли и плана, сотскихъ и десятскихъ, давать массу приказаний уряднику; они провѣряютъ все, что придетъ въ голову, перевернуть на авось» всю рухлядь въ дѣломъ рядѣ мѣсть, даже заперуть въ «холодую» того-другого изъ «подозрительныхъ». Безъ стѣсненія и оглядки выриваютъ они свои догадки, умозаключенія, даже конкретныя подозрѣнія...

Среди поднятой такимъ образомъ суматохи и въ концѣ безрезультат-

наго (по причинѣ односторонняго розыска и лишней огласки) переноситъ полиція, наконецъ, рада пріѣзду слѣдователя, считаетъ свою роль оконченною и удаляется на покой подъ благовиднымъ предлогомъ «массы неотложныхъ занятій».

По дѣламъ менѣе «громкимъ» такой энергіи полиція, конечно, не проявляетъ, но основной тонъ, все-таки, и по зауряднымъ дѣламъ проследитъ тотъ же. Исправникъ, понятно, не станетъ хлопотать и безпокоиться, становой ограничится только приказаніемъ уряднику распорядиться и «шарить», и самъ едва ли приметъ личное участіе въ дознаніи, но урядникъ-то будетъ непремѣнно дѣлать то же и такъ же (только, разумеется, въ миниатюрѣ), что и какъ по громкимъ дѣламъ практикуютъ становой и исправникъ, т.-е. станетъ гонять нарочныхъ, безцеремонно шарить, шумѣть...

Я говорю про полицію, которая дѣлаетъ и хочетъ дѣлать, а о *бездѣйствующей* полиціи (что тоже не рѣдкость!) говорить, понятно, не приходится, — бездѣйствіе характеристикѣ не поддается.

Итакъ, общее мнѣніе и прокурорскіе наказы, дополняющіе и поясняющіе законъ, требуютъ отъ полиціи исполнѣн осторожнаго и неогласнаго дознанія, а въ дѣйствительности полиція наша въ огромномъ большинствѣ случаевъ или не даетъ никакого дознанія, или же производитъ его криво, безсистемно, односторонне (лишь бы что-нибудь узнать, а тамъ пусть слѣдователь добирается!), откровенно.

Легко представить себѣ положеніе слѣдователя, принимающагося за работу послѣ подобнаго безалабернаго полицейскаго розыска!

Продолжать изслѣдованіе въ началомъ полиціей томнѣ, разумеется, нельзя, такъ какъ допускать обходъ или нарушеніе закона, подобно нарушенію полиціей прокурорскихъ инструкцій, слѣдователь не можетъ и не можетъ, а Уставъ не уполномочиваетъ его производить работу исполнѣн гласно и откровенно. Однако, послѣ предшествующей (особенно по наиболѣе громкимъ дѣламъ) полицейской возни очень многія обстоятельства свѣдѣнія преступленія сдѣлались уже настолькоъ къ пріѣзду слѣдователя общезвѣстными далеко кругомъ, что замыкать свѣдѣнія о нихъ узкими рамками оныхъ только участвующихъ въ дѣлѣ лицъ представляется довольно нескладною и нелѣпою мѣрой.

Распоряженія судебного слѣдователя, облекаясь въ иную, противозаконную полицейскую, форму, вызываютъ въ населеніи (особенно сельскомъ) обыкновенно большое недоумѣніе. Почему слѣдователь «скрываетъ» свою работу послѣ общенароднаго полицейскаго «дознанія»? Почему онъ удивляется? Почему онъ не желаетъ знать, что думаетъ «миръ»? Эти и другіе вопросы смущаютъ умъ простаго деревенскаго человѣка, который никогда не въ состояніи уяснить себѣ, почему «такъ должно поступать слѣдователю» и почему «иначе можно становому»... Изъ-за видимой противоположности пріемовъ полиціи и слѣдователя послѣдному нрѣдко сильно достается

общественномъ мнѣніи, не вдумывающемся въ причины этого различія гносящемъ порою къ личной безаладности слѣдователя отмѣну слышья рьяныхъ или поспѣшныхъ полицейскихъ мѣръ.

Впрочемъ, объ этомъ рѣчь впереди, а теперь я ограничусь лишь указать, что насколько въ полицейскомъ дознаніи практика и законъ расходятся въ смыслѣ расширенія понятія гласности, настолько же практика предварительнаго слѣдствія вытравляетъ опредѣленное въ Уставѣ содержащія гласности къ уменьшенію его.

II.

Профессоръ Фойницкій въ своемъ классическомъ трудѣ *) даетъ слѣдующее опредѣленіе понятію «гласность (публичность) судопроизводства»: равно постороннихъ суду лицъ присутствовать при производствѣ дѣла общаетъ процессу качество *гласности*; при отсутствіи такого права онъ новится *негласнымъ*, *тайнымъ*... *Общая гласность* имѣетъ мѣсто, если присутствіе на судѣ дозволено *всѣмъ* желающимъ. *Гласность сторонъ* есть во присутствіи на судѣ лишь тѣхъ лицъ, которыя *участвуютъ* въ уголовномъ дѣлѣ въ качествѣ сторонъ. Въ свою очередь, *общая гласность* бываетъ посредственная и непосредственная, полная и ограниченная. При *посредственной* гласности *каждый* гражданинъ можетъ присутствовать судѣ; при *непосредственной* это право предоставляется лишь нѣкоторымъ, особо для того *избраннымъ*, представителямъ общества».

По дѣйствующему Уставу уголовного судопроизводства, предварительнаго слѣдствія совершенно закрыто для публики и оглашеніе его дѣйствій печати составляетъ уголовно наказуемое дѣяніе (1038¹ ст. Уложенія; 13⁶ ст. Уст. угол. суд.). Что же касается «гласности сторонъ», то имъ принадлежитъ право *лично* присутствовать при всѣхъ дѣйствіяхъ судебного слѣдователя по касающемуся ихъ дѣлу (стт. 304, 316, 444, 446, 448, 6, 1090, 1157), но прислать вмѣсто себя или привести съ собою довѣренныхъ они не могутъ **).

Особенность «гласности сторонъ» на предварительномъ слѣдствіи состоитъ, по дѣйствующему закону, въ томъ, что на сторонѣ обвиненія имѣются многія преимущества сравнительно съ правами обвиняемыхъ, а именно: *По дѣламъ обще-уголовнымъ* (т.-е. по преступленіямъ, преслѣдуемымъ не лично и даже вопреки желанію пострадавшаго), кромѣ лицъ, потерпевшихъ отъ злодѣянія, обвиненіе ех *офіціо* представлено прокуратурой, которая имѣетъ не только право присутствовать при всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ и осматривать слѣдственное производство на мѣстѣ (ст. 278), но еще и получила возможность вліять на ходъ и исходъ предварительнаго слѣдствія своими предложеніями (ст. 281—286, 277, 354, 512),

*) *Курсъ уголовного судопроизводства*, т. I, § 38, изд. 2-е.

**) Угол. кассад. рѣшеніе сената 1884 г., № 11 и др.

которые нивязь не могут для нашего слѣдователя почитаться однозначащими съ требованіями или жалобами сторонъ вслѣдствіе современной политической зависимости слѣдователя отъ прокурорской рекомендаціи (ст. 413, 419 Учр. суд. уст.) и права прокурора возбуждать вопросъ о правахъ слѣдователя вопреки желанію послѣдняго (227 ст. Учр. суд. уст.).

По *дѣламъ уголовно-частнымъ* (т.-е. возбуждаемымъ только по жалобѣ пострадавшаго) прокуратура устранена отъ обвиненія, но за то частный обвинитель, въ силу кассационнаго разъясненія сената, приобретаетъ право вооружаться помощью адвоката *) даже на предварительномъ слѣдствіи.

Обвиняемый же ни по единому дѣлу на предварительномъ слѣдствіи не можетъ пригласить себѣ защитника и, сверхъ того, иногда можетъ быть лишенъ права присутствовать и выслушать лично первичныя показанія свидѣтелей (446 ст.).

Такимъ образомъ *по дѣйствующему закону* наше предварительное слѣдствіе не знаетъ вовсе *общей гласности* (по терминологіи г. Фойницкого) ни непосредственной, ни посредственной, но допускаетъ *гласность сторонъ* и притомъ съ нѣкоторымъ ущербомъ для обвиняемыхъ. Можно бы упомянуть о «гласности на разстояніи», устанавливаемой 475 ст. Уст. угол. суд. т.-е. о правѣ сторонъ получать для себя копии слѣдственныхъ актовъ, по нимъ ознакомлять кого угодно о ходѣ предварительнаго слѣдствія, и во-первыхъ, это—гласность совсѣмъ особаго рода, а во-вторыхъ, о ея результатахъ и нежелательности я уже высказался въ другомъ мѣстѣ **).

Въ *дѣйствительности*, на практикѣ, не существуетъ и той минимальной дозы гласности, которая отпущена на долю нашего предварительнаго слѣдствія *Уставомъ*.

Прежде всего на практикѣ ущербъ гласности для обвиняемаго усиливается еще болѣе, чѣмъ то допущено въ законѣ. Въ Уставѣ есть статья отчасти парализующая дѣйствіе вышеупомянутыхъ; я разумѣю статью (396 ст.), обязывающую слѣдователя не привлекать въ качествѣ обвиняемаго никого до тѣхъ поръ, пока не удастся собрать основательныя полныя доказательства вины. Судебная практика это прекрасное правило истолковала въ томъ смыслѣ, что «подозрѣваемое» лицо не должно и не можетъ существовать при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, доколѣ не будетъ формально привлечено въ качествѣ обвиняемаго. Въ странахъ, гдѣ слѣдователь приступаетъ къ дѣлу *послѣ* предъявленія ему прокуратурой не только доказательствъ совершенія преступленія, но и личности (или имени и адреса) виновнаго въ совершеніи его вмѣстѣ съ собранными уликами, — слѣдователь тамъ начинаетъ свою работу съ допроса обвиняемаго, который и вмѣстѣ имѣетъ право присутствовать и давать свои объясненія при всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ наравнѣ и въ состязаніи съ потерпѣвшими

*) Уголовн. кассац. рѣш. 1892 г., № 59.

***) *Судебная Газета* 1896 г., № 2.

прокуратурой; безъ обвиняемаго идетъ лишь полицейскій розыскъ (дѣйствительно негласный) и прокурорское руководство имъ. У насъ же слѣдователь обязанъ самъ обнаружить обвиняемаго, ибо ни полиція, ни прокуратура не идутъ дальше удостовѣренія, что злодѣяніе дѣйствительно совершилось (да и это иногда остается у нихъ безъ доскональнаго доказательства!); большую часть дѣйствій своихъ онъ ведетъ подъ вліяніемъ потерпѣвшихъ (и прокуратуры) для обнаруженія и засимъ уличенія виновныхъ въ отсутствіи послѣднихъ. Это-то обстоятельство и позволяетъ утверждать, что 396 ст. Уст. угол. суд. (при нашихъ порядкахъ) приводитъ фактически къ устраненію отъ участія на предварительномъ слѣдствіи наиболѣе заинтересованныхъ лицъ, которыя (обвиняемые) привлекаются формально и тѣмъ ставятся въ положеніе «стороны» обыкновенно въ концѣ слѣдствія, когда все, при исполненіи чего имъ выгодно было бы присутствовать, уже сдѣлано.

Но если допустить даже, что подобныя послѣдствія 396 ст. (вовсе не предусмотрѣнныя въ 446 и 448 ст.) будутъ на практикѣ предотвращены путемъ ли иного ея толкованія, путемъ ли болѣе ранняго «привлеченія» обвиняемыхъ, т.-е. до выясненія всѣхъ *деталей* обвиненія, или инымъ какимъ путемъ, то отсюда явится, конечно, болшая равноправность обвиняемаго на слѣдствіи съ другими участвующими лицами, но не больше того. Въ наличности извѣстнаго дозволенія или права иногда весьма далеко до осуществленія ихъ, до дѣйствительнаго пользованія ими. У насъ же это замѣчаніе въ особенности вѣрно.

Отъ предотвращенія указанныхъ послѣдствій 396 ст. увеличится ли, расширится ли гласность сторонъ на предварительномъ слѣдствіи? Иногда, т.-е. по нѣкоторымъ дѣламъ, безспорно расширится. Если обвиняемый юридически свѣдущъ и если слѣдователь работаетъ въ городѣ, — со времени вопроса своего такой обвиняемый обыкновенно интересуется дѣломъ и теперь; чѣмъ раньше онъ получитъ «привилегію» стороны, т.-е. чѣмъ раньше пойдетъ допрошенъ въ качествѣ обвиняемаго, тѣмъ активнѣе будетъ его участіе. Но это случается лишь иногда и притомъ въ городскихъ участкахъ. Въдѣ сторона, противоборствующая обвиняемому, не лишена и теперь права присутствовать при слѣдствіи съ самаго его начала, а развѣ она *дольше* она присутствуетъ?

Ни пострадавшіе, ни частные обвинители, ни представители казны или ведомства, ни даже прокуратура никогда при производствѣ слѣдственныхъ дѣлъ не присутствуютъ, за исключеніемъ особо громкихъ дѣлъ или вообще въ видѣ рѣдкаго исключенія. То же почти замѣчается и будетъ замѣчаться и относительно обвиняемыхъ. Иначе пока едва ли и быть можетъ.

Степень культурности нашей не соответствуетъ той, которую имѣли въ виду правила уголовного судопроизводства, а развитіе чувства гражданской замодѣтельности едва ли съ 1864 г. повысилось, особенно въ крестьянской и мѣщавской средѣ, доставляющей по своей численности подавляющій процентъ нашихъ потерпѣвшихъ и обвиняемыхъ. Эта среда чѣмъ дальше,

тѣмъ больше подпадаетъ подъ опеку и приказы (особенно со введеніемъ института земскихъ начальниковъ), понятно притупляющее чувство самостоятельности и инициативы. Вслѣдствіе этого сами собою «стороны» къ слѣдствію не являются, ожидая (въ святомъ новѣдѣніи) себя вызова или уведомления, а посылать имъ вызовъ или объявленіе слѣдователь не обязанъ и не имѣетъ прямо-таки физической возможности.

Слѣдственные участки у насъ настолько обширны, а дѣлъ въ нихъ возникаетъ относительно такъ много, что нашъ слѣдователь обыкновенно не можетъ быть вполне увѣренъ, что назначенное имъ слѣдственное дѣло непременно состоится, что важная случайность не отзоветъ его въ другой уголокъ участка. Отправляясь туда, онъ попутно, конечно, исполнитъ по возможности и по другимъ дѣламъ тѣ дѣйствія, которыя выгодно тамъ принять и время исполненія которыхъ еще вчера онъ не предвидѣлъ и значить такъ скоро. Вотъ эти-то случайныя скитанія нашихъ слѣдователей въ связи съ обширностью площади ихъ дѣйствій и при работѣ въ одну ночь, т.-е. безъ возможности и права замѣнить себя кѣмъ-либо другимъ на случай внезапнаго выѣзда, приводятъ къ неизбѣжности вести какіе слѣдствіе съ болѣе или менѣе значительными перерывами и сразу нѣсколько дѣлъ параллельно.

При такомъ условіи сторонамъ нѣтъ, конечно, возможности прожить при слѣдователѣ во время производства слѣдствія, ихъ касающагося, или возможности сопровождать его въ его странствованіяхъ. Занятому человѣку попавшему въ бѣду, т.-е. подвергшемуся нападенію со стороны злоумышленника, трудно лично поддерживать свои интересы у слѣдователя; обременяемому даже и при несомнѣнныхъ уликахъ тоже трудно защищаться лично въ каждую данную минуту, такъ какъ у него несомнѣнно есть и другіе интересы (семья, имущество и т. д.), которые нужно устроить въ видѣ близкаго можетъ быть осужденія. *Лично* нельзя или трудно присутствовать, а довѣреннаго прислать не дозволяетъ законъ.

Положеніе еще болѣе осложняется и ухудшается отъ состоянія нашихъ почтовыхъ сообщеній и нашихъ перевозочныхъ и дорожныхъ приспособленій, отъ суровости нашего климата и неудобства, а равно дороговизны, *посуточно* квартированія и питанія.

Почта наша въ уѣздахъ слишкомъ медленно и нерегулярно доставляетъ корреспонденцію; иногда и можно бы, и желательно было бы для слѣдователя извѣстить заинтересованное лицо о времени и мѣстѣ слѣдствія (Уставъ не обязываетъ дѣлать это, но и не запрещаетъ), однако, назначить его заблаговременно было нельзя или не удалось, а безъ этого при нашихъ почтовыхъ порядкахъ объявленіе по адресу своевременно не можетъ дойти. Если же и дойдетъ даже, то состояніе дорогъ и перевозочныхъ средствъ (отсутствіе почтовыхъ лошадей на тракѣ, случайность появленія вольнонаемныхъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, дороговизна ямщицкой, отсутствіе таксы за проѣздъ и т. д.) не дозволитъ поспѣть къ сроку. Наконецъ, если и почта, и путь случайно окажутся исправными, возможны

стрѣтитъ затрудненіе въ климатическомъ сюрпризѣ (метель, ливень и т. п.) и въ невозможности найти подходящую пищу и квартиру тамъ, гдѣ будетъ работать судебный слѣдователь (номеровъ и ресторановъ нѣтъ; иногда мяса и яицъ нельзя достать, кое-гдѣ ночевать ни за какія деньги не стаять *) даже слѣдователя).

Я не претендую исчерпать причины абсентизма сторонъ на предварительномъ слѣдствіи; я констатирую несомнѣнный и повсемѣстный фактъ, — дѣйствительности предварительное слѣдствіе проходить не только безъ *активного* участія, но даже въ отсутствіи лицъ, надѣленныхъ правомъ присутствовать тамъ и отстаивать свои интересы. Причины этого явленія къ общи и серьезны, что сохранять свою силу надолго. Нужно полагать, что какъ сейчасъ слѣдователь ведетъ свое трудное и жизненное дѣло почти всегда наединѣ съ самимъ собою, безъ посторонней помощи, такъ и въ будущемъ долго еще онъ будетъ пребывать съ обманываемой на каждомъ шагу надеждой встрѣтить себѣ содѣйствіе или хотя указаніе со стороны прокуратуры, пострадавшихъ, обвиняемыхъ, т.-е. надолго еще останется фактически *одинокимъ* **).

Въ этомъ-то смыслѣ нельзя, думается мнѣ, отрицать, что наше предварительное слѣдствіе, довольно негласное и по закону, фактически стало остаться вполне секретно, таинственно. А такъ какъ правила предварительнаго слѣдствія и знаніе его задачъ, формъ и границъ далеко не распространены въ нашей публикѣ, то подъ прикрытіемъ этой секретности дѣйствіи создалась самая невыгодная репутация для слѣдователей; общественное мнѣніе лично въ нихъ, да въ *доктринерство* создателей Судебныхъ уставовъ 1864 г., склонно порою видѣть все зло и корень «оправдательныхъ приговоровъ». Насколько вѣрно и глубоко (*qui bene distinguit, bene docet!*) такое мнѣніе, надъ этимъ мало задумываются.

III.

Характеръ секретности нашего предварительнаго слѣдствія еще рельефнѣе бросается всякому непосвященному глазу на видъ, если сопоставить съ ними обычную суетливость и беззащитность предшествующаго ему полицейскаго дознанія, какъ объ этомъ упомянуто раньше.

Слѣдователь при допросѣ свидѣтелей, при осмотрахъ, выемкахъ, обыскахъ, свидѣтельствованияхъ обязанъ принять мѣры, чтобы о его дѣйствіяхъ не было извѣстно никому, кромѣ лицъ имѣющихъ право присутствовать; слѣдователь обязанъ уединиться въ свою камеру и принять мѣры, чтобы приглашенныя имъ для допроса лица не вступили между собою въ стачку и не поддались вліянію извнѣ (407, 446 ст.), чтобы двери его камеры были, такъ сказать, наглухо закрыты.

*) Жур. мин. юст. № 6, стр. 108, 1895 г.

**) Подробнѣе въ моей статьѣ: *Сборникъ правосѣдливя и обществ. знаній* 1896 г., VI.

Судебный слѣдователь не долженъ посвящать въ содержаніе своихъ вѣщій никого, кромѣ поименованныхъ въ Уставѣ лицъ; онъ не долженъ дѣлиться своими сомнѣніями и планами ни съ кѣмъ; предварительное слѣдствіе должно въ сущности вестись секретно и вѣлейно (419 — 423, 424 1038¹ ст. Улож.).

Не все, разумѣется, бываетъ такъ, какъ ему быть должно; не всякое правило ведетъ къ тѣмъ послѣдствіямъ, какія оно имѣетъ въ виду. Такъ и секретность слѣдственныхъ дѣйствій—совсѣмъ особаго рода, относительною одностороння. Предварительное слѣдствіе дѣло слишкомъ живое, слишкомъ много интересовъ захватываетъ оно, чтобы закрытыя двери могли удержаться отъ огласки.

Прежде всего, какъ было упомянуто, полиція наша не умѣетъ, да и не особенно старается быть скромною, и ея первоначальный розыскъ остается негласнымъ только на бумагахъ и по имени, а не по формѣ и существу. Черезъ полицію позднѣе идутъ слѣдовательскія повѣстки, черезъ нее пробуются для слѣдствія разныя справки и свѣдѣнія, ей, наконецъ, официально сообщаются слѣдователемъ нѣкоторые данныя предварительнаго слѣдствія для провѣрки и развѣдокъ. Все это изъ полицейскихъ канцелярій имѣетъ свойство быстро испаряться и расходиться наружу. Затѣмъ немыслимо утаить того, что слѣдователь осмотрѣлъ или что обнаружилъ при обыскѣ кто являлся къ допросу и т. д. Но точно и доподлинно содержаніе слѣдственныхъ актовъ никому неизвѣстно кромѣ тѣхъ, кто подъ ними подписался; поэтому мнѣніе о слѣдствіи и о распоряженіяхъ слѣдователя распространяется мѣстнымъ населеніемъ по слухамъ, превратно. Отсюда происходитъ много вреда для успѣха слѣдствія.

Бому нужно узнать о содержаніи слѣдственныхъ протоколовъ и кто смущается *способомъ* узнать нужныя свѣдѣнія, тотъ найдетъ средства и путь къ тому и противъ того уберечься едва ли можно. Но кто хотя вслѣдствіе живо заинтересованъ въ открытіи виновнаго, да не имѣетъ правъ уполномоченнаго въ дѣлѣ лица и въ то же время стѣсняется входить въ разговоры съ допрошенными слѣдователемъ лицами или полиціей о ходѣ дѣла, видя его секретность, тому содержаніе слѣдствія извѣстно очень мало и весьма смутно. А, между тѣмъ, до него доноситъ молва, что такой-то слѣдствитель солгалъ или ошибся въ показаніи слѣдователю, что такіе-то, пренебреженные слѣдователемъ, предметы находились тамъ-то, что такой-то не знаетъ спавать свидѣтелей по порученію такого-то и т. п. Онъ, этотъ смутный обыватель, готовъ бы былъ дать слѣдователю соотвѣтственное указаніе; но какъ это сдѣлать, гдѣ поводъ подойти къ слѣдователю? Двери слѣдовательской камеры закрыты, ничего вѣрнаго оттуда не доходитъ... Можетъ быть, тамъ уже все это извѣстно (такъ затѣмъ же отнимать у слѣдователя напрасно время?). Можетъ быть, еще и зря болтаютъ народъ о ложности такого-то показанія и у слѣдователя все говорено и записано иначе?... Но о подкупѣ свидѣтелей можетъ быть урядникъ уже доложилъ слѣдователю.

Но урядникъ рѣдко когда подобное докладываетъ, ложь свидѣтели не

зываютъ довольно часто, и—словомъ—указанія скромнаго обывателя ли бы какъ нельзя болѣе кстати. Благодаря же секретности обыватель уронится, держитъ свою думу про себя, а слѣдствіе несомнѣнно страдаетъ, паясь вѣрнаго свидѣтеля, добровольнаго помощника; оно страдаетъ или лько отъ медленнаго хода, топчась на одномъ мѣстѣ, пока до слѣдователя не дойдутъ случайно, стороною, свѣдѣнія, подмѣченныя обывателемъ, и даже отъ безрезультатности и ошибочности, если тѣ свѣдѣнія не дойдутъ вовсе до слѣдователя (при веденіи работы далеко отъ мѣста преступленія или при слишкомъ быстромъ окончаніи слѣдствія).

Итакъ, первѣйшій результатъ секретности или келейности нашего предварительнаго слѣдствія я вижу въ томъ вредѣ, который получается для дѣла въ слѣдствіе отчужденности населенія, безучастности его къ работѣ слѣдователя. Одни не желаютъ, уклоняются быть экспертами, понятыми, свидѣльями, и приводимые ими уловки и доводы для оправданія уклоненія не ходятъ себѣ порицанія въ обществѣ, не будучи тамъ извѣстны; другіе охотно помогли бы слѣдователю, но остаются ему неизвѣстными, если какая-либо случайность не натолкнетъ его на нихъ. Съ другой стороны, населеніе своевременно и не знаетъ, въ чемъ въ данное время слѣдователь ждетъ, чего именно въ данный моментъ доискивается. Келейность слѣдствія затрудняетъ мѣстному населенію возможность и поводъ оказать слѣдователю добровольную услугу.

А услуга этихъ добровольцевъ особенно важна и цѣнна натурально тамъ, гдѣ, какъ у насъ, наприм., полиція и качествомъ плоха (неумѣлая, джунная), и силами бѣдна (малочисленна, скудно оплачена), и работою ятошена (не специализирована), и гдѣ стало быть судебному слѣдователю, если онъ любитъ свое дѣло, неизбѣжно приходится спуститься съ эдестала «слѣдственнаго судьи» и лично приняться за черную работу, развѣдки, чтобы не схоронились всѣ концы злодѣянія, чтобы не стерлись слѣды его.

Опасаться, что концы схоронятся, нашему слѣдователю никогда не шнее; полагаться на полицейскій розыскъ иногда совсѣмъ нельзя, да въ чуть ли не ухудшается даже изъ году въ годъ по мѣрѣ того, какъ водить со сцены типъ стараго станового, не соблазнявшагося и не злоупотреблявшаго помощью урядника,—типъ при многихъ отрицательныхъ юихъ свойствахъ, дававшій большой контингентъ удачныхъ уголовныхъ щиковъ. Создатели Судебныхъ Уставовъ 1864 г. несомнѣнно предвидѣли изобѣжное качаніе слѣдователя на подобіе маятника отъ границъ розыскъ къ чисто-судейскимъ функціямъ; они обязали его производить лично обыски, выемки, осмотры, освидѣтельствванія, но ни единымъ словомъ обмолвились о развѣдкахъ. Создатели Уставовъ полагали конечно, что стороны», допущенныя ими къ участію на предварительномъ слѣдствіи, прокуратура и полиція будутъ въ состояніи добывать всѣ необходимыя слѣдователю свѣдѣнія, будутъ посредниками между населеніемъ и слѣдо-

вателемъ. Означенный расчетъ—увы!—не оправдался; слѣдовательно и въ разѣ положительно нельзя избѣжать производства розыска лично.

«У моихъ предѣстниковъ, — говоритъ г. Скворцовъ *), — былъ совершенно опредѣленный взглядъ на дѣло: «мы не сыщики», говорили они, а судьи»... Съ ихъ взглядомъ однако же я вынужденъ былъ разойтись послѣ перваго же убійства. Мнѣ далъ знать о немъ пастухъ, видѣвшій, какъ крестьяне одной деревни свезли трупъ въ болото. Ждать особаго извѣщенія отъ полиціи было нечего, да и деревня была рядомъ съ тѣмъ, гдѣ я кончалъ другое слѣдствіе. Пришлось немедленно выѣхать на мѣсто. Крестьяне, увидѣвъ мой пріѣздъ, попрыгали по избамъ, сотскій съ неборнымъ валялись пьяные на улицѣ. Ни за становымъ, ни за урядникомъ, живущими далеко, послать было нечего, да можно было и не застать ихъ. Пришлось черезъ пастуха же потребовать народъ изъ другой деревни и поиски тѣла и нарядить уже оттуда десятскаго за становымъ приставомъ. Пошли въ болото. Въ немъ дѣйствительно оказался свѣжій слѣдъ тѣла, но не скоро удалось найти тѣло, закрытое кочками... Явившійся черезъ полтора сутокъ приставъ дознать ничего не могъ... Черезъ три дня, не бывъ кое-какія данныя, приставъ уѣхалъ, отсылаясь неотложными дѣлами.

Въ данномъ случаѣ предъ г. Скворцовымъ была дилемма: или поступить такъ, какъ онъ описываетъ, или же о словахъ пастуха сообщить становому приставу и ожидать отъ него протокола о томъ, пропалъ ли такой-то человѣкъ и гдѣ его трупъ. Во второмъ исходѣ была опасность огромнаго промедленія; становой могъ не придать значенія словамъ пастуха, взяться за дѣло небрежно и отвѣтить, что такого-то человѣка въ деревнѣ нѣтъ, но умеръ ли онъ еще неизвѣстно. Въ первомъ исходѣ г. Скворцовъ рисковалъ услышать, въ случаѣ безуспѣшности розыска трупа, упрекъ въ легкомысленной торопливости и въ переходѣ въ чуждую сферу. Не заслуживаетъ ли слѣдователь упрека за то, что онъ любитъ дѣло свое и стѣсняется сдѣлать болѣе того, къ чему обязываетъ буква закона?

А какъ, наприм., возможно уклониться отъ производства розыска лично, если ведешь слѣдствіе о начальникѣ полиціи, не устраненномъ отъ должности? Кто изъ подчиненныхъ ему полицейскихъ чиновъ займется розыскомъ, а не отпискою? Кто изъ нихъ поможетъ активно, а не постарается смотрѣть сквозь пальцы?

У меня было дѣло о подлогахъ и другихъ злоупотребленіяхъ приставствія по воинской повинности въ одной изъ нашихъ приграничныхъ губерній; обвинялся начальникъ уѣзда, начальникъ земской стражи и т. д. Первый подалъ въ отставку, но жилъ въ томъ же городѣ, гдѣ и служилъ; второй остался въ должности. Я не имѣю данныхъ утверждать, что послѣдній вмѣшивался и затруднялъ мои распоряженія, но... оставался начальникомъ полиціи и былъ обвиняемымъ, т.-е. могъ каждую минуту просмотрѣть дѣло и протоколъ своихъ подчиненныхъ. Можно ли было и

*) Журн. Мин. Юст. 1896 г., № 6, стр. 107 и 108.

о подчиненнымъ, давать порученія о развѣдкахъ, если по закону кромѣ чета въ ихъ исполненіи предъ слѣдователемъ они обязаны рапортовать начальству!

Сущность дѣла заключалась въ томъ, что еврей, стоявшій на призывѣ, наприм., Генцель бѣжалъ въ Америку, а на его мѣсто былъ принятъ еврей Ицекъ, который былъ бы освобожденъ изъ войска, еслибъ Генцель былъ задержанъ. Это евреи знали хорошо и потому устраивали такъ, что Генцели (или ихъ подставные двойники) на границѣ попадались пограничной стражѣ послѣ сдачи въ войско Ицеконъ, оказывались (по удостовѣренію начальника уѣзда) именно Генцелями и принимались, какъ своевременно не явившіеся къ призыву, въ военную службу, а относительно Ицеконъ составлялись опредѣленія, что они подлежатъ увольненію въ перыбытное состояніе. Такъ какъ опредѣленіе это не подлежитъ отмінію въ случаѣ бѣгства вновь принятыхъ Генцелей, то послѣдніе со двора военнаго начальника конечно безслѣдно испарялись, что не трудно.

Центральный пунктъ предварительнаго слѣдствія заключался такимъ образомъ въ доказательствѣ того, что начальникъ уѣзда (за мзду) производилъ подложно удостовѣренія тождества бѣжавшаго и обрѣтеннаго Генцеля и что члены присутствія принимали Генцеля, не усомнившись въ томъ, Генцель ли онъ. Такъ какъ Генцель обрѣтенный безслѣдно исчезалъ, то подлогъ не поддавался выясненію. Положеніе слѣдователя становилось безвыходнымъ еще и отъ того, что, благодаря сложной процедурѣ, предшествующей у насъ возбужденію слѣдствія о должностныхъ лицахъ, дѣло пришло въ руки слѣдователя по прошествіи почти 3 лѣтъ послѣ первыхъ толковъ о немъ (1066, 1092 ст.).

Слѣдовало узнать, нѣтъ ли писемъ одного изъ Генцелей въ роднымъ изъ Америки и нѣтъ ли въ письмахъ его свѣдѣній о томъ, гдѣ онъ тамъ живетъ, какъ тамъ назвался (мнѣ было извѣстно, что въ Америкѣ евреи наши мѣняютъ свои имена и фамиліи) и т. д. Эти развѣдки мнѣ пришлось производить конечно самому. Пріѣхавъ какъ-то безъ всякаго предваренія, внезапно въ посадъ, гдѣ проживалъ одинъ изъ Генцелей и гдѣ жили его родные, я въ залѣ гминнаго управленія, наполненной только поляками и жѣвцами (евреи по случаю субботы отсутствовали), сталъ спрашивать, какъ живутъ родные Генцеля, присылаетъ ли онъ имъ денегъ и т. п. Разговоръ вышелъ удачнымъ, мнѣ сообщили, будто Генцель сдѣлался въ Америкѣ учителемъ, собирается жениться и т. д. Въ полчаса нужныя свѣдѣнія были собраны, слѣдующіе полчаса употреблены на допросъ порознь (формальный) двухъ-трехъ изъ болѣе разговорчивыхъ, а затѣмъ можно было произвести обыскъ въ домѣ родителей Генцеля; посчастливилось найти письмо съ его американскимъ именемъ, портретъ его и его невѣсты и т. д. Однимъ словомъ, дѣло стало на твердыя ноги.

Примѣровъ подобной неизбѣжности самому судебному слѣдователю выполнять иногда кое-какія чисто-розыскныя функціи можно бы привести довольно много, такъ какъ не перевелся еще на Русь слѣдователь, кото-

рый не бросит дѣла, не махнет рукою на свѣжее преступленіе изъ-за щепетильно-теоретической брезгливости къ черной работѣ «слѣдошты». Случаевъ подобнаго вторженія слѣдователя въ «чужую сферу» было бы несомнѣнно больше, а дѣлъ безрезультатныхъ стало бы меньше, еслибы, во-первыхъ, слѣдователь былъ меньше заваленъ работой, и, во-вторыхъ, еслибы было за слѣдователями поменьше *бумажнаго* контроля, побольше вдумчивости въ ихъ положеніе и цѣлесообразность ихъ мѣропріятій. Видно, сейчасъ слѣдователь нашъ получаетъ указанія по поводу нарушенія *формы* и никогда по существу (цѣлесообразности) *дѣйствій*...

Вводя, повторяю, гласность сторонъ на предварительномъ слѣдствіи, нашъ Уставъ исходилъ изъ убѣжденія, что все сдѣланное въ приведенныхъ примѣрахъ лично слѣдователемъ будутъ изыскивать и доводить до свѣдѣнія его «стороны», прокуратура, полиція... Дѣйствительность не оправдала этихъ ожиданій, а построенныя въ виду этихъ ожиданій правила ведутъ въ жизни къ тому, что придерживаясь ихъ буквально, слѣдователь осужденъ на секретно-калейную дѣятельность, убивающую живую и благотельную помощь со стороны населенія, достигнуть же осозательнаго результата онъ можетъ только сознательно нарушая или хитроумно толкуя правила производства.

IV.

Вторымъ, тѣсно сближающимся съ вышеописаннымъ результатомъ вѣлейности предварительнаго слѣдствія я считаю слѣдующій.

Въ жизни наблюдается довольно ясно, что преступность съ теченіемъ времени захватываетъ все болѣе и болѣе областей, растетъ и посягаетъ вглубь и вширь, т.-е. постепенно увеличивается число преступниковъ и преступленій и улучшается, совершенствуется способъ, орудіе, ловкость преступниковъ. Когда-то было время разбойничьихъ гнѣздъ и становъ, грабительскихъ набѣговъ; время это почти повсюду миновало было, но въ послѣдніе годы заражается какъ будто съ новою силой. Напримѣръ, въ нашей Польшѣ извѣстно много не прерывающихся процессовъ о воронскихъ шайкахъ, изрѣдка и о шайкахъ разбойниковъ. Явленіе это тамъ приняло болѣе густой колоритъ, но оно несомнѣнно процвѣтаетъ и въ другихъ полосахъ Россіи, только ивѣтъ здѣсь болѣе шансовъ оставаться необнаруженнымъ и безнаказаннымъ. О Кавказѣ я уже и не говорю. Что это такъ, будетъ ясно изъ простой ссылки на процвѣтаніе повсюду коноградскаго промысла.

И упомянутыя банды польскихъ злоумышленниковъ, и русское конокрадство, и шайки карманниковъ, и разновидности пресловутой «панамы» или «червонныхъ валетовъ»—все это служитъ въ моихъ глазахъ показателемъ неоспоримаго факта существующей и развѣтвляющейся связи и солидарности между злоумышленниками. Коноградскій промыселъ не могъ бы такъ прочно укорениться, еслибы имъ существовали отдѣльные, изолиро-

но работающіе, воры; нѣтъ, конокрадство потому и выгодно, что посвященіе себя ему имѣютъ сообщниковъ, знаютъ пункты пріема и сбыта людей, «почтарей» для угона ихъ съ даннаго мѣста на слѣдующій конодскій этапъ и т. д.

Спросите любого урядника или станового старожилы, и они вамъ повѣстятъ, что конокрадство мигомъ было бы искоренено и конокрады перелены, еслибы въ этой профессіи не было прочной и остроумной организаціи или еслибы эта организація приурочена была только къ одному ну и т. д., а не разстилалась на нѣсколько становъ сосѣднихъ губерний даже шире.

Не безызвѣстно также, что вообще рѣдко суду предается человѣкъ, действительно *первое* впавшій въ преступленіе. По дѣламъ очень важнымъ (убійство, поджогъ, растлѣніе и т. п.) это не рѣдкость, но по болѣе мелкихъ и обыкновеннымъ случается почти всегда такъ, что человѣкъ попадаетъ и будетъ уличенъ послѣ того какъ не разъ уже безнаказанно преступилъ законъ. Это слишкомъ естественно и объ этомъ повѣствуютъ сами очевидцы, причѣмъ иногда съ поимкой, наприм., вора на одной кражѣ срывается и рядъ другихъ, совершенныхъ имъ незамѣтно раньше, подвиговъ. Не менѣе обыкновененъ у насъ и рецидивизмъ, т.-е. повторенія преступленій послѣ наказанія за предыдущее; конечно, и рецидивистъ, раньше не попадетъ послѣ выхода изъ тюрьмы, не разъ «погрѣетъ руки» беззастѣночно.

Изъ своей практики я вывелъ горькое заключеніе, что бороться съ зломъ слѣдователю часто не подъ силу. Обнаруженіе преступной организаціи (солидарности) и обнаруженіе прежнихъ (безслѣдно выполненныхъ) преступленій при уличеніи въ настоящемъ шло бы, думается, успѣшнѣе (хоть немного успѣшнѣе), еслибы не связывали правила келейности.

Много загадочныхъ и серьезныхъ преступленій нашъ слѣдователь освѣтитъ даже при современной своей одинокости, но организація широкая (шайки) и «прежня» злодѣянія ему не даются или даются случайно. Этому, конечно, очень много разнообразныхъ причинъ, но не послѣднее мѣсто занимаетъ между ними секретность слѣдствія. Я не могу въ этуодѣ о секретности остановиться на другихъ причинахъ и потому ограничусь лишь однимъ явленіемъ объ этомъ фактѣ, да однимъ примѣромъ изъ личныхъ наблюденій.

Слѣдователь ведетъ дѣло о многочисленной шайкѣ воровъ. Удалось уличить главарей и найти намеки на «спульниковъ» (членовъ); рѣшено произвести обыскъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ. У слѣдователя пока есть свѣдѣнія его о нѣсколькихъ воровскихъ операціяхъ шайкой (1645 ст. Улож.) и потому допустить при обыскѣ присутствовать возможно лишь 2—3 потерпевшихъ, между тѣмъ, отъ подвиговъ шайкистовъ пострадали всѣ домохозяйства, и списокъ произведенныхъ въ деревнѣ за послѣдніе 2—3 года кражъ поистинѣ ужасенъ. Конечно, каждому изъ нихъ интересно присутствовать при обыскѣ, «пошарить» у злодѣя; но можетъ ли на это согла-

ситься слѣдователь? Никакимъ толкованіемъ закона не обойдешь правды, что къ обыску, кромѣ домохозяина, «сторонъ», да понятыхъ никто слѣдователемъ не допускается. Взять побольше понятыхъ? Но это уже злоупотребленіе властью и прямое нарушеніе закона, такъ какъ какой же можетъ (т.-е. непристрастный свидѣтель) выйдти изъ человѣка, желающаго найти свою прежнюю покражу?

Пришлось отказать населенію въ допущеніи къ обыску, а понятыхъ взять изъ сосѣдняго села. При обыскѣ найдено было много «лишнихъ и данному слѣдствію» свѣдѣній и предметовъ, много обнаружено и такое, повидимому, тоже не принадлежало обыскиваемымъ. Обыскъ былъ тщательный и въ соломе сарая найденъ былъ болтъ желѣзно-дорожный, а въ ульѣ съ пчелами ружье, признанное однимъ изъ понятыхъ за похищенное у него годъ назадъ. О ружьѣ мнѣ ничего не было извѣстно, и если бы случайно въ числѣ понятыхъ не былъ его владѣлецъ, оно было бы оставлено у вора (хотя нахождение его въ ульѣ было подозрительно, но это объяснялось безбилетнымъ держаніемъ ружья). О кражахъ на желѣзной дорогѣ мнѣ было извѣстно, да болтъ и бросился въ глаза; но сколько оставлено было у вора холстовъ, сѣрмигъ, хомутовъ, по которымъ впоследствии были обнаружены новые члены шайки! Я сказалъ «впоследствии обнаружены». Да, какъ только я удалился со двора обыскиваемого въ другой, тамъ крестьянка бросилась въ оставленный мною дворъ и нашла тамъ свое, мною не отобранное, а крестьянами узнанное.

Безъ этого самоуправства толпы мое дѣло, можетъ-быть, не прошло бы такъ гладко, какъ это случилось съ нимъ. Повторяю, что обобщать свои наблюденія я не стану, но не всегда,—увѣренъ,—гласность предварительнаго слѣдствія «общая—посредственная» (т.-е. дозволеніе присутствовать «выборнымъ отъ общества сверхъ «сторонъ») будетъ вредна или бесполезна хотя бы въ цѣляхъ обнаруженія иногда «организаций» и «прежнихъ злодѣяній» *).

У.

Прямымъ также результатомъ правилъ относительно гласности или, наоборотъ, какъ показываетъ практика, секретности предварительнаго слѣдствія явилась въ Уставѣ уголовного судопроизводства 446 ст., предписывающая слѣдователю допрашивать свидѣтелей *каждаго морозомъ*. Конечно, если «кромѣ сторонъ» никто не имѣетъ права присутствовать на предварительномъ слѣдствіи, то не долженъ въ каждую данную минуту присутствовать и свидѣтель или экспертъ, исключая одного того, который даетъ показаніе; слѣдовательно нужно допрашивать *каждаго* отдѣльно отъ другихъ, слѣдствія и стачками свидѣтелей и т. д.

Слово «порознь», включенное въ текстъ 446 ст. въ качествѣ *нужно*

* Подробнѣе объ этомъ у меня въ *Сборникѣ правосудія*, т. VI.

его вывода изъ характера секретности и келейности, господствующаго первой стадіи нашего уголовного процесса, это маленькое слово подчасъ ужить большимъ тормазомъ производства. При отсутствіи на предварительномъ слѣдствіи, какъ я старался доказать, соревнованія сторонъ и даже и отсутствіи ихъ лично во время слѣдственныхъ дѣйствій допросъ свидетелей порознь есть въ сущности допросъ *наединѣ*.

Допросъ наединѣ, «на четыре глаза», какъ выражаются польскіе евреи, бѣтъ свои хорошія стороны, но не всегда и не со всякимъ. Допросомъ глазу на глазъ можно выяснитъ нужныя свѣдѣнія, если вопрошающій кустый діалектикъ и опытный психологъ или если отвѣчающій (допрашиваемый) довѣрчиво отзывается на вопросы, не стремится чего-нибудь въ подлежащаго выясненію) утаить или извратить; если выспрашивающій предложилъ всѣ вопросы, не забылъ ничего, или если отвѣчающій говѣ самъ напомнитъ все и т. д. Если же отвѣчающій запирается, лжетъ, вопрошающій не найдетъя обольнымъ вопросомъ освѣтитъ нужный пунктъ, и если отвѣчающій уклоняется объяснять подробно и лишь отвѣчаетъ напросъ, ни больше, ни меньше, то всякій забытый вопросъ ведетъ къ промау, къ «искаженію перспективы» и т. д. Есть не мало людей (особенно зъ евреевъ и инородцевъ), которые солгать прямо, т.-е. извратить, считать, считаютъ грѣхомъ, но ввести въ заблужденіе косвенно, т.-е. умолтъ (когда не спрашиваютъ), не все отвѣтитъ, считаютъ дозвольтельнымъ. зъ такого сорта людьми добиться *полной* правды допросомъ «на четыре аза» очень мудро; не полная же правда—часто вредѣе лжи.

У нашего слѣдователя, который вообще далекъ отъ намѣченнаго Дюбуевскимъ типа, нѣтъ такихъ данныхъ и тѣхъ условій мѣста и времени злого, чтобы гарантировать удачу и результатность его. У слѣдователя шшего не хватить времени для изученія качествъ отиѣкивающагося свидетеля и подготовки способовъ корректно воздѣйствовать на него; у него бѣтъ возможности сосредоточиться на *одномъ* дѣлѣ, чтобы вдуматься во всѣ о особенности и намѣтитъ *все* вопросы; у него въ каждый моментъ на- дитъя нѣсколько дѣлъ и нѣтъ возможности даже классифицировать и систематизировать очередь и постепенность вызова свидѣтелей, живущихъ въ различныхъ и отдаленныхъ отъ него и другъ отъ друга мѣстахъ. У аждаго изъ 1,436 русскихъ слѣдователей *) нельзя найти и даже пред- ложить талантъ «Порфирія Михайловича»...

Если справедливо, что ученый можетъ единолично справляться съ сво- о задачей и достигать собственными силами блестящихъ результатовъ, то в менѣе справедливо и то, что ученый вооруженъ всѣми нужными ему по- биями, работаетъ не спѣша, специализируется въ теченіе долгихъ лѣтъ, в отвлекается сразу нѣсколькими темами, можетъ провѣрять и передѣлы- ть свои изслѣдованія, можетъ прерывать и откладывать работу.

Ничѣмъ подобнымъ русскій слѣдователь, несомнѣнно, располагать не

*) Юридическій календарь г. Острогорскаго за 1896 г.

можетъ. Ни пробныхъ или провѣрочныхъ опытовъ онъ почти никогда, по свойству его задачи, не можетъ предпринять, а безъ нихъ иногда нельзя быть увѣренно-рѣшительнымъ; ни отъ усталости или временной апатіи онъ не гарантированъ, а подобныя субъективныя причины (да и легкое немощіе даже) не могутъ для него служить основаніемъ отложить во дѣлѣ, какъ говорится, дѣйствіе; ни абсолютно одинаковымъ интересомъ къ дѣлу (самовнушеніемъ) въ каждую данную минуту онъ не можетъ естественнo обладать; ни хорошо обставленныхъ пособій для изслѣдованія (гипсованіе, фотографированіе, микроскопія и т. д.) у него нѣтъ; ни даже удобнаго (приспособленнаго) помѣщенія для работы... Всѣ эти случайности психическаго характера и самая обстановка занятій не можетъ не отражаться на слѣдательской работѣ вообще и на разговорѣ со свидѣтелями въ особенности. Предотвратить хоть отчасти завѣдомую незадачу въ работѣ порученіемъ на нѣсколько часовъ дѣла другому тоже нельзя, такъ какъ сами слѣдователи работаютъ въ одиночку, безъ помощниковъ и товарищей.

Такимъ образомъ строго уподоблять положеніе ученаго изслѣдователя положенію судебнаго слѣдователя невозможно. И, если вѣрно, что въ наукѣ истина открывается чаще всего лишь послѣ долгаго ряда работъ разныхъ лицъ, другъ друга провѣряющихъ, опровергающихъ и дополняющихъ,—какъ же можно быть увѣреннымъ, что трудъ русскаго слѣдователя, представленнаго самому себѣ, работающаго—вопреки ожиданію Судебнаго Устава—самъ другъ съ самимъ собою, одиноко, келейно, будетъ всегда одинаково продуктивенъ, одинаково удаченъ?...

Трудъ судебнаго слѣдователя, я вѣрю, во много разъ сократился бы, а иногда и сталъ бы продуктивнѣе во много разъ, если бы 416 ст. Устава суд. была редактирована въ томъ смыслѣ, что слѣдователь имѣеть право *въ подходящихъ случаяхъ* вести свой допросъ не только каждаго порознь, но и сразу цѣлой группы свидѣтелей, смотря по тому, какъ онъ признаетъ полезнѣе для дѣла. Такой выходъ за предѣлы «гласности сторонъ» во многихъ случаяхъ развяжетъ слѣдователю руки. Мою мысль лучше словъ пояснить слѣдующій случай изъ практики:

Однажды былъ вытащенъ изъ пруда въ селѣ трупъ мѣстнаго парня, находившагося въ дальней отлучкѣ. Извлеченіе трупа было полнымъ сюрпризомъ для всѣхъ; догадкамы, какъ онъ попалъ не только въ воду, но и въ село, нѣтъ числа, но всѣ онѣ ни на чемъ не основаны, а вся обстановка исключаетъ мысль о несчастной неосторожности или о самоубиеніи.

Пріѣзжаетъ слѣдователь съ врачомъ и уединяется въ сарай для изслѣдованія причины смерти. Пожалуй слѣдователь при этомъ дѣлѣ и не нуженъ, но уставъ велитъ ему тамъ присутствовать (при отсутствіи самодѣятельности сторонъ это, пожалуй, и не лишнее); 2—3 часа убито на пассивное ассистентство. Въ это время урядникъ либо балагурилъ съ крестьянами, либо горячился и суетился, предполагая, что ему ничего не стѣ-

отъ изъ желанія «затереть» случай, не выдать виновнаго; по крайней рѣ ничего урядникъ «дознать» не смогъ.

Что дѣлать слѣдователю послѣ удостовѣренія причины смерти? Осмотръ гда и одежды ничего не объяснилъ, дознаніе «немогузнайствуетъ»... Гинный пріемъ простъ и не вызоветъ ни съ чьей стороны упрековъ. Игнись и допроси протоколярно сельскую полицію, родныхъ, сосѣдей, иныхъ сторожей, всю деревню; вопросы предлагай объ образѣ жизни, характерѣ, особенностяхъ, ссорахъ, врагахъ покойника и т. п. Можетъ въ концѣ-концовъ что-нибудь въ результатѣ подобнаго труда и вышло бы, а можетъ ни съ чѣмъ и уѣхать пришлось бы. Случайность вела слѣдователя на другой путь.

По выходѣ изъ сарая ему понадобилось вымыть руки и, пока сбѣгали водой, онъ на бревнахъ среди улицы былъ втянутъ въ разговоръ *).

— А что, ваше благородіе, можно спросить?

Спрашивай.

— Что въ Пимкѣ, какая причина будетъ?

Въ Пимкѣ скверная причина... Его задушили сперва, а ужъ потомъ опили.

Толпа видимо отъ неожиданности заволновалась и сразу какъ будто не вѣрила. Послышались разныя возраженія.

— Если живого человѣка въ воду бросить, вода бы внутри была (захлеб-лся бы), а у вашего Пимки нѣтъ воды въ легкихъ... удушили его...

Толпа снова заволновалась; стали другъ съ другомъ спорить и кое-что исказывать видимо наобумъ. Слѣдователю пришла мысль продолжать разговоръ, пока врачъ хлопочетъ около чаю и завтрака.

Вотъ теперь и надо клубочекъ размотать.

— У кого нѣтъ грѣха, такъ и нѣтъ,—проговорила одна старуха,—а кого есть—отвѣтъ держи.

— А что за человѣкъ былъ покойникъ?

Этотъ и другіе наводящіе вопросы всколыхнули толпу, почувствовавшую серьезное дѣло, повѣрившую доброму намѣренію и умѣлости слѣдователя, отделившагося на привѣтливое приглашеніе размотать клубочекъ.

Одинъ за другимъ стали кое-что рассказывать. Припоминали, сопоставили; обратили вниманіе на такія мелочи, которыя ускользнули отъ глаза слѣдователя, но оказались впоследствии весьма существенными, на примѣръ, шарныя лапти («Дорогой, видно, какъ шель, истрепалась лаптенка,—идѣлъ какую дали»), картузь въ известкѣ («должно съ каменщиками или шпихатурами стоялъ когда на работѣ») и т. д. Пока врачъ и слѣдователь завтракали, клубочекъ сталъ шевелиться. Допросъ свидѣтелей изъ этой деревни почти былъ лишній уже; слѣдователь ограничился вписаніемъ въ протоколъ только характеристики (со словъ 2—3 стариковъ) взаимоотношенія Пимки съ отцомъ, произвелъ обыскъ и—окончилъ слѣдствіе.

* Въ свой рассказъ вставляю отдѣльныя фразы изъ однородной эпизодической картинки г. Н. Гарина (*Рус. Воит.* 1894 г., № 2, стр. 72—73).

Если угодно методъ разслѣдованія въ данномъ случаѣ приѣзженъ установленный и по формѣ своей, пожалуй, законопротивный (гласность даже публичность допроса); но можно ли за него осудить слѣдователя? Вреденъ ли онъ и законопротивенъ ли по существу? Главное же, онъ избавилъ самого слѣдователя отъ огромной письменной работы излагать показанія лицъ, впоследствии оказавшихся ненужными для дѣла (ихъ, вѣдь, такъ, излагать было бы необходимо, такъ какъ ненужными они оказались бы *потомъ*, послѣ длиннаго ряда протоколярныхъ допросовъ), всѣ послѣдующія инстанціи—отъ напраснаго труда читать груды исписанной бумаги (теперь въ дѣлѣ оказалось лишь 26 страничекъ).

Подобное усиліе *устности* и *гласности* вполне уместно и пригодно по дѣламъ всякаго рода съ признаніемъ обвиняемаго (что тутъ можно возразить противъ гласности и устности предварительнаго слѣдствія?), а тамъ же во многихъ случаяхъ по дѣламъ о пожарахъ, о растратахъ, о соприкосновеніяхъ, о самоубійствахъ и др.

Нашъ сельскій людъ настолько сроднился съ общинною или коллѣктивною (цѣлымъ міромъ) жизнью, что гораздо отзывчивѣе откликается на вопросы, обращенные публично и гласно, нежели при допросѣ съ глаза на глазъ; можетъ быть, въ этомъ заключается переживание чувства исключенія, недобвѣрія русскаго человѣка къ «чиновнику» и официальной канцелярщинѣ. Поэтому-то подчасъ удобнѣе и точнѣе бываетъ освѣтить допросомъ сразу цѣлой группы лицъ такія обстоятельства, которыя иначе ускользнутъ отъ слѣдствія или во всякомъ случаѣ требуютъ чрезмѣрно кропотливаго письменнаго труда. Следственное дѣло, думается мнѣ, ничего не проиграло бы въ точности и прочности, а можетъ быть приобрѣло бы большую быстроту и жизненность, если бы было дозволено и результатъ означеннаго допроса—бесѣды—излагать въ одномъ протоколѣ объективно и, такъ сказать, статистически, а не отъ лица каждаго въ отдѣльности.

Не всякое обстоятельство и не при всякой обстановкѣ можно обследовать такимъ способомъ; тутъ нужно сочетаніе индивидуальной наклонности слѣдователя и извѣстныхъ качествъ свидѣтелей. Но если отвѣты ожидаются несложные и однородные, если отвѣты уже сообщены въ полномъ дознаніи или извѣстны слѣдователю изъ сцены, подобной той, которая произошла надъ трупомъ Пимки, то возможно, по моему, собрать вмѣстѣ нѣсколькихъ однородныхъ свидѣтелей, подтверждающихъ (дублирующихъ) показаніе, подробно изложенное, уже съ соблюденіемъ 446 и 447 ст. Уст. угол. суд., и составить общее отъ ихъ имени показаніе. Напримеръ, по дѣламъ о пожарахъ важно знать направленіе вѣтра, время возникновения огня, способъ охраненія и спасанія имущества и т. д.; лучше ли свѣдѣнія о такихъ и подобныхъ обстоятельствахъ выяснитъ допросомъ сразу многихъ, чѣмъ каждаго порознь? Вѣдь, въ отдѣльности, они вспомнятъ отдѣльные эпизоды, дадутъ противорѣчивые отзывы и ихъ равно придется сводить на очную ставку (452 ст. Уст. угол. суд.).

Въ особенности хотѣлось бы имѣть поменьше письменности и келейности «дознаній чрезъ окольныхъ людей» (454—466 ст.).

Я признаю опросъ присяжныхъ окольныхъ людей важнымъ и порою вѣжливымъ слѣдственнымъ дѣйствіемъ; я много разъ примѣнялъ его, и всегда съ несомнѣннымъ и блестящимъ результатомъ. Но я не могу пожалѣть, что производство этого дознанія обставлено въ Уставѣ слишкомъ громоздкою процедурою и канцелярскою тяжеловѣсною формою. Было полезно, оставивъ настоящій порядокъ выбора окольныхъ людей, ввести допроса каждаго изъ нихъ порознь—разговорную форму бесѣды соими двѣнадцатью присяжными сообща. Что забудеть одинъ, припомнить той, дополнить третій; результатъ дознанія выйдетъ не менѣе достойный и точный, но одновременно будетъ, такъ сказать, болѣе соченъ, инцентрированъ и даже нѣсколько обработанъ, такъ какъ при перекресткѣ обсужденія и взаимномъ исправленіи показаній весь побочный и соотвѣстный матеріалъ, конечно, не войдетъ въ протоколъ. Послѣдній также несть выиграть въ своей стройности и краткости, не потерявъ въ силѣ убѣдительности, если будетъ изложенъ объективно, т.-е. засвидѣтельствуетъ, что такой-то фактъ или отзывъ приведенъ тѣми-то окольными, а итъ—только такими-то и т. д. Свидѣтельскія показанія будутъ обезличены, пожалуй, но сила извѣстнаго доказательства не слабѣетъ отъ того, оно обстоятельно изложено съ указаніемъ источника только одинъ разъ, не повторено столько разъ, сколько лицъ подъ нимъ расписывается.

Едва ли также дознанію чрезъ окольныхъ людей повредить гласность производства,—аргументы въ ея защиту мною приведены въ статьѣ «заключеніе предварительнаго слѣдствія» (*Сбор. правовѣд.*, т. VI, стр. 341).

VI.

Только что я разсмотрѣлъ, какъ трудно иногда при келейности нашего предварительнаго слѣдствія и обусловленномъ ею допросѣ свидѣтелей намѣнь добывать положительныя свѣдѣнія о преступленіи; теперь я намѣнь оглѣтять результатъ отрицательный, остановиться на трудности убеждаться отъ лживыхъ, извращенныхъ показаній.

Благодаря келейности при допросѣ свидѣтелей, для судебного слѣдованія иногда создается положеніе довольно комическое. Вотъ случай изъ практики (одинъ изъ многихъ), иллюстрирующій то, о чемъ я намѣрень изговаривать.

Однажды мой знакомый, мѣстный уѣздный врачъ, сообщилъ мнѣ частнымъ образомъ, что онъ только-что вернулся изъ села Зб., гдѣ находится сельской крестьянинъ К. Л., по слухамъ, избитый на свадьбѣ въ домѣ своего родного брата; врачъ, однако, ничего опредѣленнаго о степени серьезности поврежденій, причиненныхъ К. Л., сказать не могъ, такъ что его изказъ не могъ составить повода для начатія дѣла (299 и 3 п. 16 ст. ст. угол. суд.), а отъ полиціи и отъ родныхъ К. Л. заявленій не было.

Хотя я о слухахъ, почерпнутыхъ отъ врача, немедленно извѣстилъ начальника земской стражи (дѣло было въ Польшѣ), но тотъ, какъ выяснилось впоследствии, никакого распоряженія не сдѣлалъ и даже не послалъ 36. простого запроса. Послѣ 3-дневной агоніи К. Д. умеръ, не придя къ сознанию и не произнеся ни слова. На слѣдующій день врачъ и я были уже въ селѣ 36. Хотя тамъ находится гминное управленіе и живеть съ войтъ, но дознаніе не обнаружало еще ни виновныхъ, ни даже обстоятельствъ преступленія.

Это были первые мѣсяцы моей слѣдовательской службы. Съ усердіемъ и тщательностью переспросилъ я по-одиночкѣ всю участковую и сельскую полицію, жену и всю родню убитаго; допросилъ бывшихъ на свадьбѣ (хотя о ней, наприм., дознаніе не упоминало вовсе) и всѣхъ сосѣдей близкихъ покойнаго. Послѣ утомительнаго и кропотливаго труда и многописанья (вѣдь, все принимало загадочный колоритъ; всякая мелочь и подробность могла послѣ пригодиться!) я пришелъ было въ отчаяніе. Вышло такъ, будто и преступленія вовсе не было, и виновныхъ не существовать.

Допросъ «свидѣтелей» ничего не далъ, всё какъ будто сговорились отуманить, одурачить... Былъ поздній вечеръ, когда врачъ подъѣхалъ въ гминному управленію узнать, не поѣду ли я съ нимъ домой. Пока я спрашивалъ (какъ говорится — для очистки совѣсти) послѣднихъ свидѣтелей, подошли больные — хроники, которые въ деревняхъ всегда считаютъ своею обязанностью показывать себя пріѣхавшему врачу, хотя бы онъ уже не разъ прежде признавалъ ихъ недуги неизлѣчимыми. До этого момента за перегородкою комнатки, гдѣ я работалъ, никого не было много дней; теперь же около врача тамъ собралась кучка больныхъ, изъ которыхъ нѣкоторые услышали многія фразы допрашиваемой мною въ ту минуту служанки дома, гдѣ происходила роковая свадьба; стали перешептываться они, что не слѣдъ «хоронить» концы, потому что дѣло свадебное нельзя чтобъ не открылось, «а отворется — хозяевамъ за утайку нужно отвѣтъ идти...» Разумѣется, подобный шепотъ, переданный мнѣ врачомъ сразу и быстро раскрылъ все дѣло... Толстая тетрадь исписанныхъ записаній и противорѣчивыхъ обмолвокъ свидѣтелей осталась въ дѣлѣ краснорѣчивымъ укоромъ «келейнымъ порядкамъ», не всегда умѣстнымъ.

Оказалось, что убить былъ въ данномъ случаѣ извѣстный конокрадъ; смерти его всё радовались въ селѣ, не исключая и властей; крестьяне рѣшили не выдавать своихъ, но, въ то же время, боялись, какъ бы они сами не были признаны конокрадами не «доказали» отъ себя на виновныхъ; потому было решено на-строго пригрозить конокрадамъ, чтобы къ слѣдователю не смѣли явиться, послѣднему говорить одно: знать не знаю, вѣдать не бѣдаю, — а выходѣ отъ допроса на селѣ сочинять, будто слѣдователю сказана была подноготная, но онъ и самъ не охочъ подводить честныхъ людей подъ коня за убой конокрада.

И вотъ, благодаря келейности допроса свидѣтелей, послѣдніе могли на шпѣ притворяться, какъ хотѣли, а меня морочить цѣлый день!

Лжи говорятъ свидѣтели вообще довольно много; на основаніи ложныхъ показаній привлекаются обвиняемые, на основаніи недосказанныхъ свидѣльями мыслей прекращаются предварительныя слѣдствія. Причинъ извращенія или недоговоренности, конечно, много. Виноватъ и неопытный слѣдатель, неумѣло предлагающій вопросы или перебивающій свидѣтеля, который любить, напротивъ, чтобы его не прерывали и не торопили; виноватъ свидѣтель, путающій показаніе свое изъ какихъ-либо видовъ; виноватъ уставъ, не вознаграждающій свидѣтеля за потерю времени; еще болѣе новаты сложныя правила полученія свидѣтелями путевыхъ издержекъ; новатъ полицейскій укладъ, недостаточно оберегающій свидѣтеля отъ ластей со стороны лжыхъ обвиняемыхъ; виновато народное невѣжество... кого причинъ лживости, но не въ народѣ корень ея. Въ общемъ наше оstonародье носить завидныя черты душевной прямоты, неподдѣльной кренности, здравомыслія, толковости; но необходимо заслужить его довіе; въ немъ сильно предубѣжденіе противъ атрибутовъ власти и канцлярщины.

Нашъ темный народъ, думается мнѣ, боится слѣдственной волокиты; о смущаютъ скрытность, келейность, формалистика предварительнаго слѣдствія; ему непонятны письменность и тяжеловѣсность процедуры. Поменьше свѣта, который бы осмыслилъ ему процессуальныя гарантіи; поменьше устности и участливости къ нему; поменьше таинственности и письменной обрядности,—вотъ чего нужно желать для искорененія непреднамеренной (большою частью) лживости свидѣтелей изъ простонародья! По крайней мѣрѣ, это представляется лучшимъ изъ возможныхъ средствомъ.

VII.

Наконецъ, не могу упустить случая отмѣтить здѣсь еще одно въ высшей степени печальное послѣдствіе келейности слѣдовательской работы. Почему-то до сихъ поръ о немъ думаютъ и трактуютъ слишкомъ мало и вѣдительно съ его важностью, тогда какъ не слѣдуетъ уставать *модриковать* его.

Судебная хроника вписала уже на свои страницы нѣсколько дѣлъ, гдѣ слѣдатель ошибался въ личности обвиняемаго и на судъ призываетъ совсѣмъ не то лицо, которое совершило преступленіе. Я имѣю сеймъ въ виду не тѣ роковыя случайности, когда свидѣтели и вообще разныя обстоятельства ошибочно приводили къ признанію виновнымъ лица причастнаго преступленію; такихъ *фатальныхъ* ошибокъ никакое человеческое дѣло избѣжать не можетъ, *homini erare est*. Нѣтъ, я хочу свать о тѣхъ случаяхъ, когда свидѣтели безошибочно имѣютъ въ виду и указываютъ виновность извѣстнаго имъ лица, а слѣдатель по этимъ показаніямъ ошибочно привлекаетъ другое лицо, двойника.

Мнѣ извѣстно, наприм., дѣло о воровской шайкѣ въ Г... уездѣ, весьма обстоятельно разслѣдованное моимъ сотоварищемъ по службѣ, слѣдовавшимъ лѣтъ-сосѣдомъ. Свидѣтели согласно между собою и доказательно стали называть подѣ конецъ предварительнаго слѣдствія, когда большинство членовъ шайки уже были арестованы, двухъ крестьянъ извѣстной деревни наставляли на ихъ принадлежность къ составу воровскаго сообщества.

Улики были ясны (оказались вполнѣ достовѣрными и впоследствии имени и фамиліи точно обозначены; слѣдователь потребовалъ отъ коллегъ привода ихъ къ себѣ, но получилъ отвѣтъ, что оба взяты нѣсколько мѣсяцевъ назадъ въ военную службу. Началась переписка; ихъ по этапу переслали откуда-то изъ Туркестана на крайній западъ Россіи. Въ проступки они оба не сознались, но признали себя за тѣхъ, которые были означены въ постановленіи, и не могли привести ничего въ опроверженіе предъявленныхъ имъ уликъ и соображеній.

Дѣло пошло въ окружный судъ и тамъ уже свидѣтели-доказчики заявили, что это — однофамильцы и родственники (или сверстники, не помню сейчасъ) тѣхъ, про кого они «наставляли» слѣдователя, и что настоящимъ ими уличаемые «злодѣи» и поднесъ пребываютъ «на волѣ» и даже «страшались» ихъ, свидѣтелей, предъ отправленіемъ по вызову въ судъ. Конечно, ошибка сейчасъ же была на судѣ исправлена, но несчастные «двойники» претерпѣли, благодаря ей, массу неприятностей и волненій.

Подобный же случай недавно былъ опубликованъ въ газетахъ. Хотя теперь въ точности не могу припомнить другихъ такихъ дѣлъ, но думаю, что такіа ошибки (хотя и крайне-крайне рѣдко) имѣютъ мѣсто. Да, вѣрнее, и одна такая ошибка, мнѣ извѣстная изъ подлиннаго текста судебного приговора и со словъ прокурора-обвинителя, по моему мнѣнію, должна образумить защитниковъ полной негласности предварительнаго слѣдствія «во что бы то ни стало»...

Эти ошибки нельзя ставить цѣлкомъ на счетъ слѣдовательской недобросовѣстности. Въ отвѣтъ за нихъ слѣдуетъ притянуть современные судебныя порядки предварительнаго слѣдствія, современную служебную обстановку судебного слѣдователя. Конечно, и послѣдній виноватъ, что онъ предъявилъ обвиняемыхъ свидѣтелей, ихъ уличавшимъ, что не проверивъ полицейской бумаги, говорившей объ отсутствіи требуемыхъ лицъ изъ деревни и о взятіи ихъ въ войско. Но проверять каждую справочную и лицейскую бумагу было бы невозможно и, пожалуй, «безтактно» (иногда слѣдователя порою признаютъ «безтактнымъ», даже если онъ выполняетъ *точное* предписаніе закона, не симпатичнаго «сильнымъ міра сего»); но какое сомнѣніе могла вселить справка полицейскаго чина, посланнаго извѣстить такихъ-то лицъ и (подразумѣвается) знающаго жителей (а тѣмъ болѣе шайкистовъ) въ своемъ участкѣ, когда онъ отвѣтилъ, что ихъ въ деревнѣ нѣтъ. Вотъ еслибъ онъ порученіе выполнилъ добросовѣстно и отвѣтилъ, что поименованныя въ слѣдовательской повѣсткѣ лица находились

двойномъ числѣ, то слѣдователь былъ бы, разумѣется, кругомъ виновтъ, не обративъ на такую оговорку вниманія.

Если по каждому дѣлу слѣдователь начнетъ сомнѣваться въ точности идѣтельскихъ показаній и полицейскихъ справокъ, то ему придется кажде слѣдствіе вести (при современныхъ порядкахъ), такъ сказать, съ ретиціей, т.-е. сначала допрашивать свидѣтелей для *обнаруженія* виновныхъ, затѣмъ вести передпросъ ихъ для самопровѣрки. Для этого, конечно, у слѣдователя не хватитъ ни силъ, ни времени.

Но... даже и одна, описанная мною, ошибка въ личности обвиняемаго можетъ не вызывать глубокаго раздумья о томъ, какъ предотвратить втореніе такихъ несчастныхъ случайностей. Невольно напрашивается на сравненіе камера мирового судьи, гдѣ *такихъ* ошибокъ не бываетъ и не можетъ быть, такъ какъ большая или меньшая гласность разбирательства отстранить тамъ *такую* бѣду.

Если сами обвиняемые, какъ доказываетъ судебная практика, не всегда не каждый бываетъ въ состояніи протестовать противъ очевидно-ошибочнаго арестованія, то тѣмъ сильнѣе, натурально, ихъ беспомощность при гражданіи обвиненія вообще, т.-е. не ошибочнаго, а только сгущеннаго, наприм., казаніе, что обвиняемый, зная лучше всякаго другого обстоятельства преступленія, можетъ по тому самому быть лучшимъ защитникомъ себя самого, еспримѣнно къ тому обвиняемому, который привлеченъ напрасно, безъ вины. Послѣдній, конечно, не знаетъ ничего о совершеніи преступленія, страхъ наказанія, волненіе въ несчастѣ, незнаніе закона и формъ защиты—хоть у кого отниметь самообладаніе и хладнокровіе, безъ которыхъ защитительные доводы выйдутъ у него сбивчивые, безсвязные и наведутъ слѣдователя еще на болѣшую подозрительность къ нему.

Всѣ предыдущіе примѣры изъ практики и соображенія приводятъ къ тому заключенію, что, во-первыхъ, современная практика предварительнаго слѣдствія представляетъ собою не тотъ видъ и форму, какіе были въ виду создателей Судебныхъ Уставовъ, и что, во-вторыхъ, *отступленія* отъ вводимой Уставомъ «гласности сторонъ» приводятъ населеніе къ отчужденію отъ интересовъ слѣдовательскаго труда, къ усиленію бесполезной письменности, къ лживости и недосказанности свидѣтельскихъ показаній, къ (устраняемымъ при содѣйствіи гласности) ошибкамъ.

Исторія движенія уголовного процесса въ XIX вѣкѣ даетъ основаніе заключить, что борьба обвинительной (явной) и инквизиціонной (обходной) формъ предварительнаго производства окончится не скоро; но побѣда обвинительной формы представляется уже несомнѣнной. Въ наши дни повтому будетъ полный резонъ стремиться къ такому *modus vivendi*, который способенъ осуществить наименьшее число противорѣчій принципамъ обвинительной формы и наибольшее развитіе начала состязательности на почвѣ инквизиціонныхъ порядковъ.

Сперва нужно желать возвращенія нашему предварительному слѣдствію

той формы гласности, которая намѣчена закономъ, но на практикѣ исполнялась почти безъ остатка. *Затѣмъ* необходимо озаботиться введеніемъ большой устности и упрощеніемъ письменныхъ формъ. *Наконецъ*, придетъ на очередь и вопросъ о допущеніи адвокатуры.

Противъ гласности и допущенія адвокатуры раздается много голосовъ юристовъ - практиковъ (хотя судебные слѣдователи еще не спрошены о этомъ), доказывающихъ, что наши слѣдователи не приспособлены и не вооружены къ борьбѣ съ прогрессирующей техникой и уловками преступленія. Я признаю важность этихъ аргументовъ и того, что иногда негласное предварительнаго слѣдствія полезна и желательна. *Иногда, но не всегда*. Разнообразіе бытовыхъ, сословныхъ и иныхъ условий нашей родины позволяетъ примѣнять съ одинаковымъ успѣхомъ вездѣ одни и тѣ же методы слѣдствія. Развѣ не очевидно, что слѣдователю въ глухой деревнѣ столицѣ затруднительно и нецѣлесообразно оперировать неизмѣнно однимъ методомъ? Развѣ умѣстна одинаково-сложная процедура при сознаніи обвиняемаго и очевидности уликъ («горячіе слѣды») и при загадочномъ преступленіи?

Пусть останется современная форма предварительнаго слѣдствія, но пусть будетъ дозволено въ подходящихъ случаяхъ практиковать и иные методы и обряды. Живое дѣло и индивидуальныя особенности каждаго слѣдователя требуютъ не однообразной регламентаціи, а свободы изслѣдованія въ законныхъ предѣлахъ и довѣрія, — контроля не бумажнаго и канцелярскаго, а по существу и внутреннему достоинству слѣдовательскихъ примѣновъ мѣръ...

В. С. Малочин.

Очерки провинціальной жизни.

Часто встрѣчаешь въ печати жалобы на томительную волокиту въ канцеляріяхъ коренной Россіи. Но поглядѣли бы, какъ «работаетъ» чиновничья пицца у насъ, на Кавказѣ!—говорить кн. Абхазы въ письмѣ, напечатанномъ въ *Недѣлѣ*. Выраженіе—«черепашья сворость» въ данномъ случаѣ до бы клеветой на черепаху. Въ 1864 году въ Тифлисской губерніи бъявлено освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и бывшіе вѣпостные стали во *временнообязанная* отношенія къ бывшимъ господамъ. Чтобы разрѣшить скорѣе временныя, чрезвычайно сложныя и трудныя пошенія между помѣщиками и временно имъ обязанными крестьянами, конгъ возложилъ на мировыхъ посредниковъ и губернскаго по крестьяннмъ дѣламъ присутствія обязанность дѣйствовать самымъ энергическимъ разомъ къ возможно скорому окончанію этихъ временныхъ отношеній. Вотъ какъ отнеслись чиновники къ требованію закона: за 31 годъ раты изъ 14,300 временно обязанныхъ дымовъ гг. чиновники успѣли осводить окончательно только 3,000 дымовъ. Съ 1864 года по сей день соавлено и утверждено выкупныхъ договоровъ 550, по которымъ выдано авительственной ссуды 800,000. Нужно же составить, по крайней мѣрѣ, 400 (по числу владѣній), если, притомъ, число владѣній за истекшіе годъ не увеличилось вслѣдствіе семейныхъ раздѣловъ. Допустимъ, что здѣловъ не было, и предположимъ, что дѣятельность нашихъ чиновниковъ впредь будетъ идти съ такимъ же успѣхомъ,—для составленія всѣхъ договоровъ и окончательнаго выкупа понадобится времени еще 161 годъ! Имъ образомъ, только въ 2056 году, въ двадцать первомъ столѣтіи, естьяне Тифлисской губерніи будутъ объявлены окончательно свободными отъ помѣщиковъ. По-истинѣ *временная* отношенія! Тутъ встаетъ будетъ дсчитать, сколько гг. мировые посредники и члены губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія за эти 31 годъ получили казеннаго содержанія. Въ Тифлисской губерніи 9 мировыхъ посредниковъ, каждый получаетъ въ годъ по 2,000 руб., всѣ—18,000 руб., а за 31 годъ—558,000 рублей. ченовъ присутствія 4; каждый получаетъ въ годъ по 2,400 руб., всѣ—600 рублей, а за 31 годъ 297,000 руб. На канцелярію отпускается по

2,400 р. въ годъ, за 31 годъ 105,000 р. Итого расходъ казны за 31 годъ равняется 960,000 руб., а выкупныхъ договоровъ совершено всего лишь на 800,000 руб. Итакъ, чтобы совершить выкупъ надѣловъ на 800,000 р., государство израсходовало только на актъ совершенія 960,000 рублей. Осталось же выкупить надѣловъ еще на 2.700,000 руб. Стало бытъ, и требуется еще на посредниковъ и членовъ 3.140,000 руб. Прибавьте еще 960,000 р. израсходованныхъ, да еще ссуду въ 3.500,000 р.; итого суммъ 7.500,000 рублей! Вотъ во сколько обойдется казнѣ выкупъ надѣловъ на 3½ милл., а подумайте, сколько еще обошлось и обойдется тѣмъ, *кого купали и отъ кого выкупали*. И всѣ эти удивительнѣйшія несообразности, — замѣчаетъ кн. Абхази, — ничего вниманія на себя не обращаютъ, хотя наши губернскія власти надѣлены широчайшими полномочіями и правами, доходящими до возможности разсѣять тысячи духоборовъ за то, что они лѣнливо снимали шапки передъ начальствомъ. Напротивъ, слабымъ властѣмъ имѣющимъ въ одинъ прекрасный день хоть нечаянно для самого себя встѣть, ну хотя губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе и предложитъ бы: «въ мѣсячный срокъ изыскать средства... и доложить лично!.. А тамъ, моги, къ концу года непременно закончить»... И временно обязательныхъ отношеній давнымъ давно бы не было на Кавказѣ.

Кавказское общество и печать, сравнивая положеніе школы, медицинское дѣло, состояніе дорогъ, экономическія мѣропріятія въ интересахъ селскаго населенія, страховое дѣло въ земскихъ губерніяхъ и на Кавказѣ, и дѣйствующемъ тамъ полицейскомъ управленіи въ селеніяхъ, справедливо находятъ, что во всѣхъ этихъ отношеніяхъ земскія губерніи далеко отстали за собою Кавказъ. Давнишнее желаніе кавказскаго общества о введеніи въ край земскихъ учрежденій нашло себѣ оформленное выраженіе въ тифлисскомъ дворянскомъ собраніи. Тифлисское дворянство постановило передать вопросъ о введеніи въ край земскихъ учрежденій въ особую комиссію изъ губернскаго и уѣднаго предводителей дворянства. Окончивъ работу, комиссія представить ее въ дворянское собраніе, которое рѣшило возбудить ходатайство о введеніи на Кавказѣ земскихъ учрежденій. Только при наличности земскихъ учрежденій кавказское общество разсчитываетъ дать надлежащее движеніе народному образованію, ростъ котораго во всѣхъ земскихъ губерніяхъ составляетъ самое отрадное явленіе современной русской жизни.

Дѣло всеобщаго обученія поставлено теперь всѣми земствами на первый планъ. Быстрота осуществленія этой задачи находится, главнымъ образомъ, въ зависимости отъ денежныхъ средствъ земства. Сравнительно богаты московское земство получило возможность осуществить ее первымъ. Въ апрѣльскомъ засѣданіи московскаго губернскаго земскаго собранія состоялось постановленіе первостепенной важности. По докладу губернской управы земское собраніе постановило приступить къ немедленному осуществленію такой школьной сѣти, которая обезпечила бы всему населенію губерніи, какъ мужскому, такъ и женскому, возможность получить школь-

азованіе. Честь и благодарность всей Россіи московскому земству, впервые осуществившему завѣтное стремленіе всѣхъ земствъ.

Въ слѣдующій же день за постановленіемъ земства о введеніи всеобщаго обученія клинскій уѣздный предводитель дворянства кн. Г. Г. Гагаринъ довелъ до свѣдѣнія гласныхъ, что В. А. Морозова, учредившая уже течение четырехъ послѣднихъ лѣтъ въ Клинскомъ уѣздѣ три народныхъ школы, теперь, узнавъ о рѣшеніи губернскаго земства сдѣлать начальное образованіе общедоступнымъ, выражаетъ желаніе вести начатое дѣло дальше и содѣйствовать земству въ устройствѣ училищъ въ такихъ мѣстахъ Клинскаго уѣзда, гдѣ земство встрѣтитъ затрудненія къ открытію школъ. Въ слѣдствіе этого заявленія кн. А. А. Ливень обратился къ собранію съ краткою рѣчью, въ которой высказалъ, что обѣщаніе такой помощи въ дѣлѣ распространенія народнаго образованія въ Клинскомъ уѣздѣ должно обратить на себя особенное вниманіе губернскаго земскаго собранія, такъ какъ оно является починомъ въ средѣ частныхъ лицъ приходитъ на помощь губернскому земству въ осуществленіи его плана всеобщаго обученія. Можно думать, что примѣръ г-жи Морозовой не останется безъ подражанія.

Вслѣдъ за постановленіемъ московскаго земства о введеніи всеобщаго обученія предсѣдателемъ его была получена отъ полтавскаго земства слѣдующая телеграмма: «Въ вашемъ лицѣ привѣтствуемъ московское губернское земство, приступающее къ выполненію великаго народнаго дѣла, всеобщаго начальнаго обученія». Телеграмма подписана предсѣдателемъ, всеми членами управы и нѣкоторыми лицами, причастными къ земской дѣятельности. На эту телеграмму былъ посланъ предсѣдателемъ московскаго земства слѣдующій отвѣтъ: «Глубоко благодарю васъ и всѣхъ подписавшихъ привѣтственную телеграмму московскому земству. Выраженія сочувствія со стороны земскихъ людей другихъ губерній начинанію московскаго земства въ дѣлѣ осуществленія общедоступности народнаго просвѣщенія свидѣтельствуютъ объ общности идеаловъ, преслѣдуемыхъ всеми земствами».

Собраніемъ выражена В. А. Морозовой глубокая признательность.

Дѣятельность земства въ области народнаго просвѣщенія будетъ развиваться еще быстрѣе, когда будутъ устранены существующіе и понынѣ различные тормазы этому дѣлу, заставляющіе земства непрестанно хлопотать объ устраненіи препятствій при открытіи новыхъ школъ, народныхъ чтеній, книжныхъ складовъ. По поводу препятствій, которыя встрѣчаетъ общество въ своей работѣ на пользу просвѣщенія народа, между земствомъ и дирекціями народныхъ училищъ нерѣдко происходятъ пререканія, но въ пререканіяхъ этихъ большею частью виноваты не дирекціи, а дѣйствующія законоположенія. Объ одномъ изъ такихъ пререканій дать разъясненія «въ интересахъ справедливости и истины» просить редакцію *Русской Мысли* директоръ народныхъ училищъ Таврической губерніи. Дѣло въ томъ, что юпитопольское земство рѣшило открыть въ уѣздѣ одиннадцать народныхъ библиотекъ. По этому поводу уѣздная земская управа доложила таврической губернской управѣ, что она не могла исполнить постановленіе земскаго собра-

нія въ виду встрѣченныхъ ею со стороны дирекціи затрудненій. На это нареканіе отвѣчаетъ теперь директоръ въ изданномъ имъ *Очеркѣ составленій народныхъ училищъ Таурической губерніи*. Онъ заявляетъ, что дирекція лично отъ себя никакихъ требованій къ мелитопольской земской управѣ не предъявляла, а дѣйствовала по крайнему разумію, на точномъ основаніи правилъ 15 мая 1890 года о бесплатныхъ народныхъ читальняхъ. Что въ замедленіи открытія упомянутыхъ библіотекъ дирекція не при чемъ, говорится въ *Очеркѣ*, «это очевидно доказывается тѣмъ, что хотя со времени переписки между управой и дирекціей прошло полтора года и для этому дано направленіе по другому вѣдомству, оно нисколько не приблизилось къ своему осуществленію до послѣдняго разъясненія по нему министерства народнаго просвѣщенія. Такимъ образомъ, не дирекція, а законъ 15 мая 1890 г. является причиной затрудненій, встрѣченныхъ земствомъ въ дѣлѣ открытія въ селахъ народныхъ библіотекъ.

Если затрудненія въ просвѣдательной дѣятельности встрѣчаютъ земства, то тѣмъ болѣе испытываютъ ихъ частныя общества и отдельные лица. Вотъ для иллюстраціи одно изъ писемъ, какія довольно часто встрѣчаются въ печати: «М. г. Зная, съ какимъ сочувствіемъ относится ваша газета (*Русск. Вѣд.*) къ начинаніямъ частныхъ лицъ въ дѣлѣ народнаго образованія, я обращаюсь къ вамъ съ просьбой не отказать въ сообщеніи безынтереснаго случая изъ этой области. Дѣло происходитъ въ одной изъ губерній сѣверо-западнаго края. Въ 28-ми верстахъ отъ губернскаго города В., въ небольшомъ имѣніи, дѣтъ 8 назадъ поселяется съ семьей владѣлецъ имѣнія, старый заслуженный человекъ, проявившій свою дѣятельность не только какъ боевой офицеръ, но и какъ педагогъ. Выйдя въ отставку по разстроенному здоровью, онъ занялся небольшимъ хозяйствомъ. Входя въ сношенія съ сосѣднимъ населеніемъ, онъ убѣдился, какъ быстро забывается у прошедшихъ народную школу приобретенная грамотность, благодаря полному отсутствію среди нихъ полезныхъ книгъ для чтенія; въ самомъ губернскомъ городѣ всего двѣ книжныя лавки, изъ которыхъ только въ одной еще можно достать порядочную книгу; крестьянскій же людъ пользуется коробейниками-евреями, которые въ числѣ краснаго товара приносятъ нѣсколько плохихъ книжонокъ, беря за нихъ тройную цѣну. Желая удовлетворить потребности крестьянъ въ чтеніи, владѣлецъ задумалъ устроить у себя складъ, и одна изъ живущихъ съ нимъ дочерей подала прошеніе о разрѣшеніи открыть въ имѣніи отца книжную торговлю. Вполнѣ увѣренные въ успѣхъ своего ходатайства, они съ нетерпѣніемъ ожидали разрѣшенія, чтобы начать, какъ имъ казалось, важное и полезное дѣло; но—увы!— ихъ мечтамъ не пришлось осуществиться, такъ какъ былъ полученъ отказъ. Мотивомъ отказа послужило «расположеніе имѣнія въ глухой мѣстности (въ 28-ми верстахъ отъ губернскаго города) и отсутствіе существенной и дѣйствительной надобности по мѣстнымъ условіямъ въ книжной лавкѣ». Мотивъ тѣмъ болѣе странный, что вся матеріальная неудача торговли падала исключительно на предпринимателей, и никакой

Бсидін они не просли; что же касается отсутствія надобности, то можно было думать, что въ Россіи нѣтъ такого уголка, который не нуждался и въ хорошей, полезной книгѣ, а данная мѣстность въ особенности испытываетъ такую нужду. При такихъ условіяхъ частному человѣку поневолѣ приходится сложа руки смотрѣть, какъ полуграмотный продавецъ эксплуатируетъ еще менѣе грамотнаго покупателя».

Интересныя данныя о томъ, какими затрудненіями обставлено дѣло организаціи народной бібліотеки, даетъ намъ только-что появившійся въ печати *Отчетъ новочеркасской бесплатной народной бібліотеки-читальни 1895 г.* Указывая, напримѣръ, на дѣло составленія каталога книгъ для бібліотеки-читальни, составители *Отчета* говорятъ: «Въ народныхъ бібліотекахъ-читальняхъ допускаются лишь книги, одобренныя ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія. Въ § 4 «Правилъ о бесплатныхъ народныхъ читальняхъ по порядку надзора за ними» сказано, о министерство народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ духовнымъ домствомъ, «имѣетъ издать каталогъ книгъ и повременныхъ изданій, пускаемыхъ къ употребленію въ бесплатныхъ читальняхъ»; но въ виду го, что до настоящаго времени министерство народнаго просвѣщенія не работало къ руководству точнаго каталога такихъ книгъ, приходится вольствоваться: а) книгами, издаваемыми правительствомъ; б) книгами, входящими съ разрѣшенія духовной цензуры и вообще духовнаго начальства; в) книгами, допущенными въ бібліотеки церкви и церковно-приходныхъ школъ; г) выборкой изъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за много лѣтъ тѣхъ указаній, какія тамъ найдутся относительно хъ или иныхъ изданій для употребленія въ ученическихъ бібліотекахъ однихъ и низшихъ и учительскихъ бібліотекахъ низшихъ учебныхъ заведеній, и д) наконецъ, книгами, кои будутъ избраны министерствомъ народнаго просвѣщенія для обращенія въ читальняхъ по особому представленію этихъ читальней. Въ настоящее время подспорьемъ къ выборкѣ дозволенныхъ въ народныхъ бібліотекахъ-читальняхъ книгъ является указатель книгъ, одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для употребленія въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ и народныхъ бібліотекахъ-читальняхъ, изданный Д. С. Пономаревымъ подъ заглавіемъ *Подробный систематическій указатель книгъ, рассмотренныхъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія съ 1852 по 1888 г. и одобренныхъ для употребленія въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ*, и два дополненія къ этому изданію, составленныя Гинце въ 1891 и 1894 годахъ; наконецъ, не мало книгъ, разрѣшенныхъ въ теченіе 1892 года, помѣщено въ концѣ изданнаго московскимъ комитетомъ грамотности *Ежегодника*. «Въ этихъ изданіяхъ, какъ и въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за нѣсколько лѣтъ, большая часть изъ поминovanýchъ тамъ книгъ принадлежитъ такимъ старымъ изданіямъ, которыя можно пріобрѣсти въ антикварныхъ лавкахъ, и такимъ старымъ авторамъ, къ которымъ со стороны народа проявляется самый ничтожный интерес». Въ довершеніе

всѣхъ этихъ затрудненій, очень часто случается, что въ книжныхъ магазинахъ, куда приходится обращаться при выпискѣ книгъ, не находится и половины того, что желательно имѣть въ библиотекѣ-читальнѣ.

Между тѣмъ тьма непроглядная то и дѣло обнаруживается въ нашихъ деревняхъ и поражаетъ общество, когда приходится ему увидѣть эту тьму лицомъ къ лицу, хотя бы, наприм., на судѣ.

Въ саратовскомъ окружномъ судѣ судились два крестьянина, по обвиненію отзываютъ, «мужны хорошіе, трудолюбивые и совѣстливые», за убійство родного дѣда.

— Признаете ли вы себя виновнымъ? — спрашиваютъ родного мужа убитаго.

— Убилъ, это точно.

— За что же? Почему?

— Потому, значить, какъ дѣдушка былъ злой колдунъ. Всѣмъ извѣстно, что онъ былъ колдунъ. Ну, и убилъ я его.

— Что же, онъ зло какое сдѣлалъ?

— А какъ же: одно слово—злой колдунъ. Матка моя, значить, изъ него померла; а потомъ у бабы моей ноги испортилъ... Кого хотите спросите, всѣ про его колдовство скажутъ...

И судъ спрашиваетъ, двадцать человѣкъ спрашиваетъ.

— Колдунъ былъ, злой колдунъ былъ, — совершенно согласно отвечаютъ всѣ. — Какъ бывало кому пригрозить, такъ у того безпретѣннѣ бѣда будетъ.

И всѣ не только не осуждаютъ учиненное Орѣшкенинымъ и Ермолаевымъ убійство, но и совершенно напротивъ: явно имъ сочувствуютъ.

— Слава Богу, избавились отъ лихого человѣка, — слышится въ каждомъ изъ ихъ показаній.

Въ *Камско-Волжскомъ Краѣ* находимъ разсказъ о томъ, какъ крестьяне разыскивали «виноватаго» черезъ пролѣзаніе въ хомутъ. Среди камскаго населенія деревни Усть-Мулянки безпокойство и плачь, особенно среди беременныхъ женщинъ, которымъ очень трудно пролѣзть черезъ хомутъ; пролѣзть необходимо, иначе обвинять въ «надѣваніи хомута» была одного изъ деревенцевъ... И всѣ пролѣзли, виноватой не нашлось, хотя досталось это не легко и для многихъ беременныхъ женщинъ, вѣроятно, далеко не безвредно... «Надѣть хомутъ» — это значитъ причинить, «известить», известнаго рода болѣзнь, и вотъ такая болѣзнь оказалась извѣстной на быка одного изъ крестьянъ дер. Усть-Мулянки, находящейся въ 9-ти верстахъ отъ административнаго центра губерніи, города Перми. Падало подозрѣніе на одну женщину, — приставали къ ней, доказывали, но признанія не добились и прибѣгли къ указанному выше средству — прогнали черезъ хомутъ всѣхъ женщинъ деревни. Происходило это, — сообщаетъ газета, — въ текущемъ мартѣ мѣсяцѣ 1896 года, т.-е. въ концѣ XIX вѣка, послѣ изобрѣтенія телефоновъ, микрофоновъ, открытія респиратора

всехъ лучей и т. д., вблизи губернскаго города, сіяющаго, хотя отсти, электрическимъ свѣтомъ.

Умственный обликъ с. Локно (Болхов. у.),—пишетъ корреспондентъ *Москвскою Вѣстника*,—заставляетъ желать многого. Крестьянская жизнь лна мрака и суевѣрій: вѣра въ колдуновъ и чародѣевъ еще сильно держитъ народъ въ первобытныхъ цѣляхъ невѣжества; знахари и разныя «бки» легко эксплуатируютъ сельскую простоту. Вотъ, напримѣръ, какъ чать въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дѣтей отъ рахитизма, носящаго въ родѣ названіе «собачьей старости». Изъ больного ребенка знахари и ахарки выпускаютъ нѣкоторое количество крови на кусокъ хлѣба, корый и отдають съѣсть собакамъ. Все это сопровождается извѣстными наворами, смыслъ которыхъ заключается въ томъ, чтобы «собачья старость» оставила младенца и перешла въ собаку, какъ въ подобающее для я вмѣстѣлице. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кубанской области отъ зубной боли практикуется, между прочимъ, способъ лѣченія, состоящій во ѣбаніи навороженныхъ палочекъ въ могилы. Подъ впечатлѣніемъ *Влавы тьмы* гр. Толстого, рецензентъ *Саратовскаго Дневника* вспоминаетъ вный рядъ фактовъ подобнаго же характера: «Не та ли же «власть мы» толкнула крестьянъ на убійство прохожаго нѣмца, принятаго ими холеру? Не подъ влияніемъ ли той же «власти тьмы» смоленскіе крестьяне приняли купающагося въ Днѣпрѣ человѣка за «чорта», единственно тому, что на немъ не было креста... А неистовства въ холерный годъ вселенія, принимавшаго за холеру карболку? А недавнее убійство подъ дессой «вѣдьмы?» Это ли не «власть тьмы», о которую разбиваются самыя благія начинанія... Много и много надо работать для освобожденія арода отъ этой власти».

Редакціей *Приазовскаю Края* было получено письмо, въ которомъ сообщалось, что крестьянка с. Ново-Николаевскаго, Ростовскаго округа, Лукерья Бѣлоусова уже болѣе 19 лѣтъ содержится на цѣпи по причинѣ ея сикхическаго разстройства. Въ редакціи усомнились въ возможности таковаго явленія, притомъ длянщагося не мѣсяць, не два, а цѣлыхъ двадцать лѣтъ. И гдѣ же? Въ многолюдномъ селѣ, въ 35 верстахъ отъ большаго города Ростова, въ семи верстахъ отъ линіи желѣзной дороги. По предложенію редакціи, одинъ изъ сотрудниковъ газеты, г. Александровичъ, отправился въ названное село. Сообщение вполне подтвердилось. Г. Александровича провела къ больной сама мать узницы. Они вошли въ низенькую мазанку. На соломенной подстилкѣ сидѣла, опустивъ голову, человѣческая фигура, на грязной рубахѣ которой рѣзко и отчетливо выдѣлялись юльца и замокъ. Лукерья, какъ сидѣла съ опущенною головою, покрытою платкомъ, свѣсившимся и закрывшимъ ея лицо, такъ и осталась сидѣть, ю измѣняя позы. Одѣта она была въ одну сорочку; по талии сорочка перехвачена поясомъ, который спереди замкнутъ замкомъ, а сзади, при помощи кольца, соединяется съ цѣпью, прикрѣпленной другимъ концомъ къ юльцу, вдѣланному въ стѣну. Цѣпь аршина въ три позволяла Лукерьѣ

свободно лежать и сидѣть, а также сдѣлать шага два отъ постели. При окликѣ вошедшихъ больная подняла голову, смахнула платокъ и устремивъ на нихъ дикій, ничего не выражающій взглядъ своихъ выцветшихъ, глубоко сидящихъ глазъ. Ея осунувшееся лицо, заострившійся подбородокъ, бѣлыя губы и отсутствіе кровинки въ лицѣ, изборожденномъ морщинами, — все это говорило о долгой слячѣ, подневольной жизни, лишенной воздуха, свѣта и движенія.

Было время, когда Лукерья была здоровой, краснощекой, пригожей «дивчиной», первой хороводницей и пѣвицей въ селѣ. Вышла она на счастье замужъ. Мужъ билъ и довелъ до того, что у нея появились первые признаки психическаго разстройства. За дочь вступилась мать и взяла къ себѣ Лукерью. Тѣмъ не менѣе болѣзнь у несчастной женщины обострилась и порой принимала буйный характеръ. Мать обращалась къ знахарямъ и лѣкаркамъ, но ничто не помогло, и вотъ тогда крестьянская необходимость вынудила прибѣгнуть къ цѣпи, на которой безотлучно и сидитъ Лукерья уже около 20-ти лѣтъ.

Сидитъ человекъ двадцать лѣтъ на цѣпи! И за это время никто не обратилъ вниманія на несчастную жертву. Ее даже ни разу не осмотрѣлъ докторъ, не опредѣлилъ каковъ характеръ ея болѣзни и каковы могутъ быть средства лѣченія.

Не настолько же мы бѣдны, что не можемъ даже устроить больницы для психически-больныхъ! Крестьяне не могутъ оставлять кого-либо изъ членовъ семьи для надзора за больнымъ; крайняя нужда заставляетъ ихъ всѣхъ работать и во избѣжаніе легко возможнаго несчастія имъ и неволь приходится привязывать буйныхъ умалишенныхъ. Каждый земскій врачъ знаетъ, что больной на привязи—явленіе довольно обычное въ крестьянской жизни.

Земства многихъ губерній учредили больницы для психически-больныхъ. Но одна больница на цѣлую губернію слишкомъ недостаточна. Это прекрасно понимаютъ земства, но они одни, при своихъ скудныхъ бюджетахъ, не въ состояніи удовлетворить спросу на помѣщеніе больныхъ. Почему земства неоднократно обращались уже къ правительству съ просьбой помочь имъ въ этомъ дѣлѣ.

Скудные земскіе бюджеты есть большое наше несчастіе. Сколько насущныхъ потребностей было бы удовлетворено, насколько быстрое бы было культурное развитіе нашей родины, будь средства земства значительнѣе. Крестьяне хотятъ строить школы, — но у нихъ нѣтъ средствъ на это, а земство въ состояніи отпускать имъ лишь небольшія суммы. Земство слитя ввести всеобщее обученіе возможно скорѣе, но, по причинѣ скудныхъ бюджетовъ, должно разсрочивать это великое дѣло на болѣе или менѣе длинный промежутокъ времени. Земство старается улучшить экономическое положеніе народа, но ограниченныя его средства позволяютъ ему дѣлать это лишь въ весьма малыхъ размѣрахъ. Изъ всѣхъ экономическихъ мѣропріятій земства едва ли не наиболѣе производительной является ра-

га его, направленная на развитие кустарного дѣла. Земство понимает,) экономическое благосостояніе народа возможно только при равномернѣ развитіи какъ сельско-хозяйственной промышленности, такъ и всѣхъ возможныхъ по мѣстнымъ условіямъ видовъ кустарнаго производства и крѣпленнаго труда. Виѣстѣ съ тѣмъ, развитіе кустарныхъ промысловъ открываетъ возможность утилизаціи вынужденнаго во многихъ мѣстностяхъ стимѣсячнаго бездѣйствія крестьянъ въ теченіе зимы. Всю зиму,—читая въ *Приазовскомъ Краѣ*,—крестьянамъ Ростовскаго округа, при отступленіи въ деревняхъ всякихъ кустарныхъ промысловъ, положительно нечего дѣлать. Въ прошлые годы, когда у крестьянъ было много рабочаго скота, уходъ за нимъ, заботы объ его улучшеніи, откармливаніи и перепродажѣ поглощали зимнее время крестьянина,—да тогда послѣдній и не особенно нуждался въ стороннихъ заработкахъ, такъ какъ хлѣбпашество, при высокихъ цѣнахъ на зерновые продукты, давало достаточные для годового оборота доходы. Теперь совсѣмъ другое: почти весь скотъ и половина рабочаго распроданы на уплату аренды за землю на удовлетвореніе насущныхъ семейныхъ и хозяйственныхъ нуждъ, такъ какъ получавшихся въ послѣдніе три года доходовъ отъ хлѣбпашества и на-половину не хватало для годового оборота. Нашъ крестьянинъ лежебокъ, онъ отъ дѣла не бѣгаетъ и скорѣе готовъ трудиться, не подая рукъ, день и ночь, чѣмъ вымлянчивать себѣ кусокъ хлѣба. Въ солѣнію, дѣла никакого нѣтъ у насъ въ деревнѣ. Крестьяне испробовали все пути къ заработкамъ, но они не даютъ имъ ничего. Они пробовали ѣздить въ Кубанскую область торговать мѣломъ и солью, но такая взвозная торговля, дававшая прежде хотя незначительные барыши, теперь только непроизводительно утомляетъ хозяина и мучитъ лошадей. Они пробовали ѣздить за углемъ въ Александровскъ-Грушевскій и торговать имъ углемъ въ городахъ, но и это не даетъ никакихъ барышей при сильной конкуренціи городскихъ угольныхъ складовъ. Они пробовали идти забродчиками на осеннія тони, но и тамъ, за огромнымъ наплывомъ стниковъ и сокращеніемъ количества неводовъ, не находилось работы. Единственными источниками заработка для нашего крестьянина являются ювнтныя работы на желѣзнодорожныхъ путяхъ и наймы подъ фуры у местныхъ торговцевъ, развѣзжающихъ теперь по отдаленнымъ отъ желѣзнодорожной дороги селамъ и деревнямъ и скупающихъ за безцѣнокъ хлѣбъ. Но на эти заработки попадаетъ одинъ изъ десяти. И вотъ, въ результатѣ, наши крестьяне уже обратились за ссудами хлѣба, а другіе хотя пока еще и крѣпятся, но тоже скоро должны будутъ послѣдовать примѣру первыхъ. Организациа кустарныхъ промысловъ въ нашемъ округѣ крайне необходима. Нашъ крестьянинъ, какъ сказано выше, томится безработицей зимнее время и охотно взялся бы за всякое выгодное для него дѣло; военное экономическое положеніе заставило бы заняться кустарными промыслами даже самыхъ лѣнивыхъ хозяевъ. Сомнѣваться въ цѣлесообразности этого дѣла нельзя, такъ какъ сосѣдство такого крупнаго торго-

ваго центра, какъ Ростовъ, объщаетъ вполне успѣшныя сбыты культурныхъ издѣлій.

Работая для развитія кустарныхъ промысловъ, нѣкоторые земства продолжаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и другую весьма важную задачу, а именно: образованіе изъ кустарей производительныхъ артелей. Какъ ни трудно это дѣло при современномъ интеллектуальномъ развитіи русскаго рабочаго, такъ не менѣе уже и теперь появляются отдѣльные случаи успѣшной дѣятельности производительныхъ артелей. Мы недавно говорили объ образованныхъ сельскихъ земледѣльческихъ артеляхъ въ Херсонской губерніи, теперь *Новгородскій Листокъ* сообщаетъ объ успѣшномъ ходѣ дѣлъ у Бурмакинской артели, образовавшейся изъ кустарей села Бурмакина, Ярославской губерніи. Бурмакинская артель работаетъ уже нѣсколько лѣтъ, выполняя заказы по кузнечно-слесарному мастерству и принимая заказы всякихъ разнородныхъ работъ. Благодаря добросовѣстному исполненію заказовъ, артель съ хорошей стороны зарекомендовала себя передъ военнымъ вѣдомствомъ. Въ 1895 г. артель исполнила по заказу с.-петербургскаго окружнаго интендантскаго управленія 1,718 паръ стремянъ по 75% к. за пару. По заказу атаманскаго перваго отдѣла оренбургскаго казачьяго войска выполнено разныхъ предметовъ для сбруи на 277 р. 39 к. Затѣмъ еще выполнялись заказы для сибирскаго казачьяго войска, въ г. Омскѣ и другія мѣста. Въ настоящее время староста артели имѣетъ отъ с.-петербургскаго окружнаго интендантскаго управленія предупрежденіе, что въ текущемъ году можетъ послѣдовать заказъ на поставку стремянъ и разныхъ другихъ издѣлій для казачьяго войска с.-петербургскаго военного округа. Въ виду этого артель озабочена въ томъ, чтобы обрѣсти на случай денежныя средства. Съ этою цѣлью въ губернскую земскую управу артелью была подана просьба объ открытіи ей кредита на 5,000 руб.; земство постановило выдать артели требующійся капиталъ на 5% годовыхъ, безъ всякихъ обезпеченій.

Малое развитіе кустарныхъ промысловъ, въ связи съ малоземельностью и порождаетъ то массовое переселеніе за Уралъ, которое съ каждымъ годомъ все болѣе разрастается. Дѣятельность крестьянскаго банка не была таковою, чтобы ослабить нужду въ переселеніи. Какъ извѣстно, до сих поръ этотъ банкъ въ большинствѣ случаевъ надѣлялъ землей зажиточную часть крестьянства и оставлялъ въ сторонѣ наиболѣе нуждающагося и беднѣе земствѣ массу сельскаго населенія. Теперь уставъ банка реформированъ, въ обществѣ явилась надежда, что новая дѣятельность банка будетъ непохожа на прежнюю, что она окажется въ соотвѣтствіи съ идеей учрежденія крестьянскаго банка, долженствовавшаго, по мѣрѣ возможности, помогать малоземельному крестьянству. Дай-те Богъ! Будемъ надѣяться, что впредь не будутъ имѣть мѣста такіе факты, какъ недавнее закрытіе Ставропольско-Кавказскомъ мѣстнаго отдѣленія крестьянскаго банка въ виду того, что отдѣленіе не находило работы для себя. Исторія этого закрытія, рассказанная въ *Недѣль*, весьма характерна для всей прошлой дѣятельности банка.

Отдѣленіе крестьянскаго банка въ Ставрополѣ-Кавказскомъ было открыто *шнадцать лѣтъ* назадъ и за все время своего существованія выдало *шько шесть* ссудъ, на сумму около двухсотъ тысячъ рублей, а потому *ботало* все время въ убытокъ. Между тѣмъ, находящіеся здѣсь же въ *таврополѣ* отдѣленія частныхъ земельныхъ банковъ имѣли и имѣютъ *по-оянныя дѣла*,—и крестьяне, приторговавъ гдѣ-либо землю, обращались *помощью* въ эти частныя банки гораздо охотнѣе, чѣмъ въ учрежденный *ециально* для нихъ, крестьянъ, банкъ. Объясняется это, во-первыхъ, *имъ*, что нормальная оцѣнка крестьянскаго банка до того *противоестествен-*на, что, наприм., на землю, покупаемую крестьянами по 125 руб. за дес., *ишь* могъ выдать лишь по 24 руб.,—и покупщикамъ, еслись они обра- *лись* въ крестьянскій банкъ, пришлось бы, такимъ образомъ, *доплатить* съ своихъ средствъ по 100 руб. слишкомъ на десятину; между тѣмъ, какъ *въ* частныхъ банкахъ *совѣмъ* наоборотъ: охотно выдаютъ по 100 руб.,— *крестьянамъ* придется, слѣдовательно, доплатить изъ своихъ средствъ *ишь* по 25 руб. Во-вторыхъ, въ частномъ банкѣ все дѣло можно обдѣ- *лать* въ двѣ-три недѣли, а въ крестьянскомъ требовалось два-три мѣсяца *и* того, чтобы дѣло, посланное уже изъ отдѣленія въ Петербургъ, было *имъ*, наконецъ, доложено и рассмотрѣно. Стоило бы только *измѣнить* оцѣнку *хоть* немножко упростить формализмъ и канцелярскую воловиту въ этомъ *ивомъ* дѣлѣ, *сильо* уменьшивъ на половину число многоразличныхъ «до- *кументовъ»,* требуемыхъ отъ крестьянъ, когда они обращаются за ссудами *въ* этотъ *свой* банкъ,—и дѣло пошло бы живо и хорошо. Къ этому слѣ- *дуетъ* добавить еще вотъ что: мѣстное отдѣленіе крестьянскаго банка дѣй- *ствовало* на Ставропольскую губернію, а равно и на Кубанскую область. *въ* Ставропольской губерніи считается 58,246 душъ безземельныхъ крестья- *нъ*, а въ Кубанской области этихъ несчастныхъ считается 506,726 душъ, *въ* коихъ 337,591 душа считаются имѣющими осѣдность, т.-е. живущими *въ* заарендованныхъ ими земляхъ и въ казачьихъ станицахъ—въ вѣчной *обладѣ* и закрѣпощеніи у казаковъ, а 169,225 душъ называются, на языкѣ *официальной* статистики, «иногородными, не имѣющими осѣдности», т.-е. *живущими* въ батракахъ и рабочихъ по хуторамъ, у крупныхъ и мел- *кихъ* землевладѣльцевъ, а равно и въ городахъ. Затѣмъ, въ районъ сѣвер- *наго* же Кавказа входитъ еще и Терская область, въ которой этихъ самыхъ *иногородныхъ*, не имѣющихъ осѣдности», насчитывается болѣе 400 тысячъ *ушъ*; а всего, слѣдовательно, на сѣверномъ Кавказѣ имѣется *болше* мил- *іона* безземельныхъ крестьянъ, въ которымъ администрація банка не при- *нала* возможнымъ придти на помощь.

Между тѣмъ, на Сѣверномъ Кавказѣ *продажныхъ* земель имѣется нѣ- *сколько* сотъ тысячъ десятинъ, преимущественно изъ числа пожалованныхъ *въ* военныя заслуги генераламъ и офицерамъ, не знающимъ, что дѣлать *въ* этую землю; одни наследники графа Евдокимова заявили недавно ставро- *польскому* отдѣленію крестьянскаго банка о продажѣ шести тысячъ пре- *расной* черноземной земли, до сихъ поръ не населенной и не разработан-

ной. И, несмотря на все это, отдѣленіе въ Ставрополѣ закрывается потому, что оно не функционируетъ и въ немъ нѣтъ дѣла. Интересно бы знать, спрашиваетъ авторъ сообщенія, — известно ли было петербургской канцеляріи банка число безземельныхъ крестьянъ на сѣверномъ Кавказѣ? Идутъ ли въ этой канцеляріи точныя свѣдѣнія о продающихся земляхъ въ нашей мѣстности, владѣльцы которыхъ ожидаютъ съ такимъ нетерпѣніемъ возможности, согласно новому уставу банка, продать свои земли, къ этому банку, для крестьянъ? Извѣстны ли центральной канцеляріи все тѣ тормазы, которые лежали въ теченіе 11 лѣтъ на пути дѣйствій ставропольскаго отдѣленія крестьянскаго поземельнаго банка? И, наконецъ, почему интересы цѣлаго милліона безземельныхъ крестьянъ принесены въ жертву этимъ тормазамъ, а не наоборотъ, какъ бы слѣдовало: не устранены все тѣ тормазы ради пользы милліоннаго безземельнаго населенія?

Вдумчивому читателю не покажется отдаленной связь между описанною дѣятельностью ставропольскаго отдѣленія крестьянскаго банка и фактомъ, который мы сообщимъ. Отъ безучастнаго, безсердечнаго отношенія къ интересамъ народа къ пренебрежительному отношенію къ народу одинъ шагъ. Дѣло происходитъ, — рассказываетъ *Самарская Газета*, — около Витбоска Штабъ мѣстной 41-й дивизіи купилъ вблизи деревень Драгокупова и Новоселья мѣсто для опытной боевой стрѣльбы. Когда мѣсто покупалось, было послано кому надлежитъ утвержденіе, что оно уже подвергалось испытанію по части представляемыхъ имъ удобствъ для обученія боевой стрѣльбы, оказалось вполнѣ подходящимъ. Мѣсто куплено; началась пушечная и ружейная боевая стрѣльба, и оказалось, что данное пространство въ 30 сажень — то версты весьма недостаточно. Ядра и пули залетаютъ въ чужія владѣнія, портя лѣсъ, и приводятъ въ ужасъ работающихъ на полѣ крестьянъ. Согласитесь, — замѣчаетъ газета, — что въ мирное время полевые работы подъ свистъ пуль являются чѣмъ-то, выражаясь мягко, негигіеническимъ. По этому поводу нѣкоторые изъ крестьянъ дер. Драгокупова и Новоселья сдѣлали заявленіе одному изъ касавшихся этого дѣла чиновъ, проси́ ходатайствовать объ обмѣнѣ подверженныхъ пулямъ частей надѣла на смежную землю. На это чинъ замѣтилъ:

— Зачѣмъ казнѣ обмѣнивать? У васъ пули только пролетомъ.

— Но вѣдь звенять подчасъ... Жутко работать, — заявляли крестьяне.

— А ты пригнись, когда зазвенитъ, — изрекла власть и удалилась.

Можно ли надѣяться, — заключаетъ газета, — что вся эта удивительная белиберда, хранящая въ себѣ зачатки многихъ несчастій, будетъ строго обследована?

Все подобнаго рода факты возмущаютъ чувство умственно и нравственно развитыхъ людей, число которыхъ прогрессивно и весьма замѣтно увеличивается. Умственный и нравственный ростъ общества рельефно выражается въ увеличивающейся съ каждымъ годомъ общественной инициативѣ, направленной на созданіе учреждений въ интересахъ народа и обездолен-

съ группѣ населенія. Почти въ каждой нашей хроникѣ намъ приходится вѣчать такого рода общественную самодѣятельность.

Въ Казани состоялось торжественное открытіе и первое общее собраніе новъ попечительства о безпріютныхъ дѣтяхъ. О возникновеніи этого чительства *Калужскій Вѣстникъ* рассказываетъ слѣдующее. Въ панный для всей Россіи неурожайный 1891 годъ особенно увеличилось ло безпріютныхъ дѣтей, скитавшихся въ лохмотьяхъ на морозѣ и выпивающихъ хлѣба. Небольшой кружокъ людей, съ Е. Г. Шевеловой во вѣ, обратили вниманіе на несчастныхъ дѣтей и устроили для нихъ стотую и при ней дневной пріютъ. Затѣмъ ихъ стали обучать. Дѣвочки лизь вязать, шить и ткать, мальчики столярничали, переплетали и марили разныя издѣлія изъ проволоки. Такимъ образомъ было положено ыло перваго дома трудолюбія для дѣтей. вмѣсто случайныхъ, первоначально, пожертвованій были вскорѣ установлены постоянные взносы. Мапомѣщеніе замѣнено болѣе просторныхъ, прибрѣтены необходимыя поія для преподаванія ремеслъ и приспособленія для устройства ночлега. такомъ положеніи дѣтскій пріютъ существовалъ, такъ сказать, не леьно, а 2 марта 1892 г. послѣдовало его официальное открытіе, и ему ю было названіе школы дѣтскаго трудолюбія. Съ этого времени увелиаются и средства на содержаніе. Вслѣдствіе ходатайства о пособіи, быій комитетъ ассигновалъ 3,000 рублей, которые послужили основнъ фондомъ для дѣла помощи нуждающимся дѣтямъ. Мѣстный благотворельный комитетъ, губернское и уѣздное земства, городская дума и мночастныя лица также пришли на помощь, принося посильныя пожертвоія. Изъ числа послѣднихъ нельзя не отмѣтить постоянную поддержку, ызываемую высокопросвященнымъ архіепископомъ казанскимъ Владимірь, жертвующимъ ежегодно на нужды дѣтей не менѣе 600 руб.; кромѣго, имъ пожертвована въ основной фондъ школы еще 1,000 руб. Тыгу рублей пожертвовала также Е. А. Кривоносова, а Е. П. Новикова—гъ, стоящій 10,000 рублей, доходомъ съ котораго отчасти существуетъ ола. Мелкія пожертвованія тоже достойны того, чтобъ ихъ отмѣтить. ь нихъ нѣкоторыя приносятся аккуратно каждый мѣсяць, — въ этомъ ыжаются искреннія симпатіи, которыя заслужила школа среди бѣднаго ыленія. Сочувствіе къ школѣ выражается и личнымъ трудомъ многихъ гъ, принимающихъ участіе въ дѣлѣ обученія прирѣвваемыхъ дѣтей. Цѣль олы—прійти на помощь возможно большому числу безпріютныхъ, бѣдуюющихъ дѣтей, приучить ихъ съ ранняго возраста къ труду и, подгоививъ къ поступленію въ мастерскія или въ услуженіе, прискивать для гъ соотвѣтствующія занятія, съ тѣмъ, чтобы выбывающихъ немедленно гѣнять другими, требующими такого же прирѣнія, дѣтьми. Пристроивъ ыпитанниковъ и воспитанницъ на мѣста, школа не прерываетъ съ ними ызи, снабжаетъ ихъ одеждой, постелью, оказывая, въ случаѣ надобности, ыеріальную и нравственную поддержку. За время существованія школы ыскаго трудолюбія въ ней нашло себѣ пріютъ 475 дѣтей (въ возрастѣ

отъ 5 до 13 лѣтъ). Изъ нихъ 111 отданы для продолженія обученія ремесламъ. Главный контингентъ призрѣваемыхъ состоятъ изъ крестьянъ—51,7%, и мѣщанъ—47%. Остальные 1,3% относятся къ другимъ сословіямъ. Изъ общаго числа всѣхъ принятыхъ дѣтей около 40% были крупными сиротами и около 50% — полусиротами. Число членовъ попечительства о школѣ дѣтскаго трудолюбія постоянно возрастало, вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивались средства учрежденія, и теперь попечительству утверждены новый уставъ, открывающій ему возможность болѣе широкой дѣятельности.

Въ Томскѣ образовалось общество земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ. О значеніи и цѣли этого общества можно судить по воззванію комитета общества, напечатанному на-дняхъ въ *Русскихъ Ведомостяхъ*. На всемъ пространствѣ огромной Сибири, — говоритъ воззваніе, — не было до сихъ поръ ни одного учрежденія, имѣющаго цѣль исправить и исправить малолѣтнихъ преступниковъ, бродяжекъ и воровъ, между тѣмъ именно здѣсь, въ Сибири, гдѣ столь многочисленъ преступный классъ населенія, чувствуется особенно настоятельная потребность подобномъ учрежденіи, которое одно только можетъ спасти порочныхъ и способныхъ еще къ исправленію дѣтей отъ растлѣвающаго вліянія своей тюрьмы, всегда и всюду переполненной людьми потерявшими всякую стыдъ и совѣсть и охотно толкающими другихъ на скользкій путь преступленія и порока. Скорѣе изъ огня можно выйти невредимымъ, чѣмъ изъ долѣтнему изъ такой среды. Нынѣ всюду пришли къ убѣжденію, что единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ противодѣйствія преступности малолѣтнихъ является правильная система воспитанія и исправленія въ особо-устроенныхъ для того земледѣльческихъ колоніяхъ и ремесленныхъ пріютахъ. Такія же колоніи и пріюты предполагаетъ завести въ Сибирь вновь учрежденное «Томское общество земледѣльческихъ колоній и пріютовъ», распространяющее свои дѣйствія не только на Томскую губернію, но и на сосѣднія съ нею губерніи и области Сибири. Открывая свою дѣятельность безъ всякаго пособія отъ казны, комитетъ общества твердо, однако, уповаетъ на успѣхъ своего начинанія, разсчитывая исключительно на сочувствіе и матеріальную поддержку со стороны населенія не только Сибири, но и всей Россіи, сбывающей въ Сибирь свои нравственные отбросы въ видѣ смыльныхъ дѣтей, коихъ составляютъ главный контингентъ будущихъ питомцевъ общества. Пусть всякій помнитъ, — говорится въ воззваніи, — что каждая копейка, затраченная на исправленіе преступныхъ и порочныхъ дѣтей, сберегаетъ обществу рубли, которые захитили бы у него эти дѣти, еслибъ они выросли безъ призора. Пусть каждый знаетъ, что всякая лепта на это доброе дѣло, будь она велика или мала, будетъ съ благодарностью принята и съ пользой для дѣла употреблена... Почетные члены общества уплачиваютъ одновременно 500 рубль или въ теченіе 10-ти лѣтъ ежегодно по 100 руб.; дѣйствительные члены уплачиваютъ одновременно 50 руб. или ежегодно 5 руб.; члены-соревнователи уплачиваютъ одновременно 20 руб. или ежегодно 2 руб. Члены

осы и пожертвованія принимаютъ: въ Томскѣ — предсѣдатель комитета В. Витте и товарищъ предсѣдателя П. И. Макушинъ, а въ Москвѣ — акція *Русскихъ Вѣдомостей*.

О возникновеніи новаго «общества» сообщаютъ также изъ Малмыжской губ.). Недавно здѣсь, — пишетъ корреспондентъ *Камско-Волжскаго*, — полученъ утвержденный министромъ внутреннихъ дѣлъ уставъ «общества вспомошествованія нуждающимся учащимся во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ г. Малмыжа». Инициаторомъ этого «общества» является наша ская управа. Хвала и честь ей за это, тѣмъ болѣе, что идея этого орожденнаго «общества» крайне симпатична. «Общество, — говорится въ уставѣ, — имѣетъ въ виду заботиться о недостаточныхъ учащихся во хъ учебныхъ заведеніяхъ г. Малмыжа (женской прогимназіи, городского приходскаго училищъ) и во всѣхъ начальныхъ училищахъ уѣзда. Но на мѣ оно не намѣрено останавливаться, а съ «развитіемъ своей дѣятельности думаетъ оказывать помощь и тѣмъ изъ оканчивающихъ курсъ въ мянутыхъ учебныхъ заведеніяхъ, состоящихъ подъ попеченіемъ «общества», которые для продолженія своего образованія поступать въ другія бныя заведенія, не входяція въ кругъ его дѣятельности». А что помощь щейся молодежи нужна, — замѣчаетъ корреспондентъ, — объ этомъ красочно свидѣтельствуютъ нижеслѣдующіе факты. Въ нашей женской проназіи учатся до 80 ученицъ, родители которыхъ кое-какъ перебиваются дня въ день, и не только не въ состояніи платить за учење своихъ ей, но даже сносно одѣвать ихъ. Пишущему эти строки не разъ пришлось наблюдать, какъ позднѣю осенью пробирались въ гимназію дѣки въ однихъ платищахъ съ платкомъ на головѣ, съ посинѣвшими отъ юда ручонками... Жалость была глядѣть на нихъ! Въ городскомъ нашемъ мищѣ дѣла обстоятъ не лучше. Чуть ли не каждый годъ исключаются ; него за невзносъ платежей порядочное количество человекъ. Многіе иныи нуждаются въ самомъ необходимомъ: въ одѣяніи, книгахъ и др. бныхъ пособіяхъ.

Бружкомъ мѣстной интеллигенціи организованъ въ Шадринскомъ уѣздѣ, риской губерніи, сельскій пріютъ для призрѣнія крестьянскихъ круглыхъ ютъ. Пріютъ существуетъ одинъ лишь годъ и успѣлъ уже обратить на я внимание. По всеподданнѣйшему докладу министра земледѣлія послѣало Высочайшее соизволеніе на безвозмездный отпускъ пріюту изъ блиишихъ казенныхъ дачъ 15 куб. саж. дровъ на отопленіе, безвозмездно отрѣзанъ пріюту участокъ земли изъ ближайшей казенно-оброчной ть; центральный кустарный комитетъ командируетъ въ пріютъ техника ; улучшения кустарнаго ткачества; 19 сельскихъ обществъ постановили екіе приговоры объ обложеніи ежегоднымъ 3-копѣчнымъ сборомъ каж- в душу въ пользу пріюта; организована частная благотворительность ди крестьянъ и уѣздной интеллигенціи. Пермскій губернаторъ пожертво- гь 500 рублей; шадринское уѣздное земство, первымъ пришедшее на ошь, ассигновало 350 рублей; о. Іоаннъ Сергіевъ, владѣлецъ завода

г. Поклевскій-Возель и другія лица дали солидныя суммы. Благодаря этому въ селеніи Бѣлоярскомъ выстроено обширное пріютское зданіе и пріютъ вполне обезпеченъ средствами. Для завѣдыванія пріютомъ учрежденъ попечительный совѣтъ изъ крестьянъ, пользующихся общими угодіями. Главная задача — обучать призрѣваемыхъ дѣтей обоюго пола необходимымъ въ крестьянскомъ быту занятіямъ и ремесламъ, веденію полезнаго хозяйства, огородничеству, кустарнымъ производствомъ. По отзывамъ пріютской администраціи, дѣти выполняютъ посильныя для нихъ работы и работы съ большою охотой.

Обращаетъ также на себя вниманіе дѣятельность мирового посредника въ Могилевскомъ уѣздѣ, Подольской губерніи, П. И. Окулова, устраивающаго крестьянскія потребительскія лавки. Извѣстно, что такое устройство лавки въ селахъ. Здѣсь крестьянамъ вручаютъ плохой, залежалый товаръ по цѣнамъ превышающимъ стоимость продуктовъ самаго высокаго качества; сверхъ того, обвѣшиванье и обмѣриванье составляютъ явленіе неурядное. Устройство общественныхъ потребительскихъ лавокъ вслѣдствіе парализуется такое зло; лавки эти даютъ возможность крестьянину имѣть, съ наименьшею затратою трудовыхъ копѣекъ, имѣть добротный и сравнительно дешевый товаръ. Съ цѣлью облегчить и для другихъ организацію потребительскихъ лавокъ, г. Окуловъ издалъ брошюру *Общественныя крестьянскія потребительскія лавки*, въ которой указывается, какъ надо устраивать подобныя лавки. Виѣсть съ тѣмъ г. Окуловъ совѣтуетъ открывать при лавкахъ чайныя, что обходится очень дешево. Такая чайная должна служить мѣстомъ бесѣды, и если затратить 10—15 руб. на небольшую бібліотеку, то эта чайная будетъ служить виѣсть съ тѣмъ разсадникомъ грамотности.

И. Мзанинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

оронваніе Ихъ Императорскихъ Величествъ.—Правила о примѣненіи Судебныхъ уставовъ въ Сибиріи.—Школьное дѣло въ Московской губерніи.—Необходимыя домены въ законахъ, касающихся охраны малолѣтнихъ.—Отложіе промыслы сельскихъ рабочихъ.—Съѣздъ врачей въ память Н. И. Пирогова.—† Н. В. Водозовъ.

Въ маѣ вниманіе Россіи и всего міра было приковано къ торжествамъ оронванія Императора Николая II и Императрицы Александры Теодоровны. Блескъ этихъ торжествъ превосходитъ описанія. Вѣнчаніе на царство олодого Государя сопровождалось обычными широкими милостями, въ осонности страждущимъ и обремененнымъ,—по выраженію Высочайшаго манифеста,—хотя бы и по собственной винѣ или нерадѣнію. Въ эти же выскоторжественные дни былъ обнародованъ Высочайшій рескриптъ министру юстиціи, которому повелѣвается распространить блага Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II на далекую Сибирь, такъ долго ждавшую того преобразованія.

Непрерывный трехнедѣльный праздникъ омрачился катастрофой на Ходынскомъ полѣ, ужасающія подробности которой читателямъ извѣстны изъ азетъ. Государь Императоръ, глубоко опечаленный этимъ трагическимъ событіемъ, пришелъ щедро на помощь и утѣшеніе осиротѣлымъ семьямъ. Императрица Александра Теодоровна пожелала осуществить великодушную мысль. Московскій городской голова получилъ 25 мая слѣдующее письмо отъ секретаря Государыни: «Ея Величество Государыня Императрица Александра Теодоровна, озабоченная мыслью объ обезпеченіи судьбы дѣтей, юдители которыхъ пострадали на Ходынскомъ полѣ во время народнаго праздника 18 сего мая, Всемилоствѣйше повелѣтъ соизвола въ день ъвсего Рожденія, 25 сего мая, передать въ распоряженіе вашего превосходительства отъ Августѣйшаго Ея Императорскаго Величества Имени десять тысячъ (10,000) руб., съ тѣмъ, чтобы сумма эта послужила основаніемъ для устройства убѣжища, въ коемъ дѣти нашли бы вѣрный пріютъ и воспитаніе». Къ этой суммѣ Государь Императоръ присоединилъ еще десять тысячъ рублей.

Отрадное впечатлѣніе произвело посѣщеніе Ихъ Императорскими Величествами московской городской думы. Въ первый разъ удостоилось этой юести учрежденіе нашего городского самоуправления. Дума постановила знаменованъ это событіе созданіемъ пятнадцати новыхъ городскихъ училищъ. Искренно привѣтствуемъ московскаго городского голову К. В. Рузавишкина, которому принадлежитъ инициатива этого предложенія.

Закономъ 13 мая 1896 года изданы временныя правила о примѣненіи Судебныхъ Уставовъ къ губерніямъ и областямъ Сибиріи. Судебныя установленія вводятся съ значительными измѣненіями сравнительно съ Судеб-

ными Уставами 1864 года. Право выбора относительно чиновъ мирового института не имѣетъ мѣста. Участковые, добавочные и почетные мировые судьи назначаются министромъ юстиціи (последніе на 3 года). Отъ министра юстиціи же зависятъ ихъ незамѣненіе и увольненіе отъ службы. Въ самыхъ пустынныхъ углахъ Сибири вовсе нѣтъ участковыхъ мировыхъ судей; ихъ обязанности исполняются начальниками мѣстной полиціи; эти же лица на правахъ судебныхъ слѣдователей производятъ предварительныя слѣдствія. Для производства предварительныхъ слѣдствій при окружныхъ судахъ есть судебныя слѣдователи; но ихъ обязанности возлагаются также на участковыхъ и добавочныхъ мировыхъ судей. Законъ не вводитъ особыхъ сѣздовъ мировыхъ судей; ихъ обязанности возлагаются на окружные суды, которые могутъ исполнять эти обязанности и при выѣздахъ въ округа для рѣшенія уголовныхъ дѣлъ. Если дѣло возникло дальѣе 50 верстъ отъ камеры мирового судьи, то судья обязанъ разбирать его въ мѣстахъ, ближайшихъ къ возникновенію дѣла. Присутствіе окружнаго суда, въ качествѣ мирового сѣзда и суда первой степени, можетъ быть пополнено мѣстными почетными, участковыми и добавочными мировыми судьями и судебными слѣдователями, кромѣ тѣхъ, которые производили слѣдствіе, и тѣхъ, на приговоры, рѣшенія и дѣйствія которыхъ принесена жалоба на дѣлу, подлежащему разсмотрѣнію суда.

Не касаясь дальнѣйшихъ отклоненій въ устройствѣ судебныхъ мѣстъ, отмѣтимъ особенности въ судопроизводствѣ. Вѣдомству мировыхъ судебныхъ установленій не подлежатъ: а) иски, сопряженные съ интересомъ казенныхъ управленій, за исключеніемъ исковъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, равно исковъ на сумму не свыше 2,000 рублей, о вознагражденіи за погравы въ вѣдомствѣ министерства двора, удѣловъ, земледѣлія и б) иски между сельскими обывателями, а также между инородцами, подлежащіе вѣдомству ихъ собственныхъ сословныхъ судовъ. Если свидѣтели живутъ дальше 200 верстъ отъ мѣста, въ которое вызываются, то могутъ просить о допросѣ ихъ на мѣстѣ жительства. При производствѣ дѣлъ о несостоятельности соблюдаются слѣдующія дополнителныя правила: а) допросъ должника и другихъ лицъ возлагается на мѣстныхъ мировыхъ судей или судебного слѣдователя; б) должнику, живущему въ мѣста, гдѣ находится судъ, разсматривающій его дѣло, предоставляется взаменъ личной явки для словесныхъ объясненій подать письменный отзывъ. Относительно нотаріусовъ сдѣлано то дополненіе, что въ мѣстахъ, гдѣ ихъ нѣтъ, ихъ обязанности возлагаются на мировыхъ судей и чиновъ полиціи. Обязанности же старшаго нотаріуса возлагаются на одного изъ чиновъ окружнаго суда, по избранію общаго собранія отдѣленій суда. Есть также нѣкоторыя особенности относительно уголовного судопроизводства.

Въ этихъ правилахъ, значительно упрощающихъ судебное дѣло, согласно съ условіями сибирской жизни, есть все-что цѣлесообразное, способное доставить удобство населенію. Таково, наприм., требованіе, чтобы мировой судья, если дѣло произошло далеко отъ камеры, передвигался для ея разбора къ мѣсту совершенія; таково постановленіе о правѣ свидѣтелей быть допрашиваемыми на мѣстахъ, какъ скоро они живутъ далеко отъ мѣста, куда вызываются. Но полная зависимость судей отъ министра юстиціи и при назначеніи, и при перемѣщеніи, или увольненіи, является очень неблагоприятною особенностью этихъ правилъ. Мировой институтъ по выбору вполне возможенъ теперь въ Сибири, такъ какъ городское населеніе возросло, а проведеніе желѣзной дороги общасть дальнѣйшее и быстрое возрастаніе.

Апрѣльская сессія московскаго губернскаго земскаго собранія была посвящена, главнымъ образомъ, дѣлу народнаго просвѣщенія. Обсуждая докладъ губернской земской управы о порядкѣ содержанія вновь открываемыхъ 20 школъ московскаго земства, собраніе остановилось на вопросѣ всеобщемъ обученіи и сдѣлала такія постановленія: 1) При разрѣшеніи просовъ по устройству новыхъ училищъ губернская управа должна руководствоваться составленною сѣтью школьныхъ районовъ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда уѣздными земствами, на основаніи подробно мотивированныхъ обращеній, будутъ предлагаться тѣ или другія отступленія отъ проектированной сѣти, объ этомъ должно быть представлено на усмотрѣніе губернскаго земскаго собранія. 2) Обсужденіе вопроса объ обязательности обученія для дѣтей опредѣленнаго школьнаго возраста въ Московской губерніи представляется въ настоящее время преждевременнымъ: число школъ еще довольно велико, а потому всякая принудительная мѣра въ этомъ направленіи не желательна. А М. В. Духовской высказалъ въ своей рѣчи, что Московская губернія, съ осуществленіемъ вновь намѣченныхъ школъ, навѣяется, относительно начальнаго образованія, въ очень выгодное положеніе: школа будетъ доступна всему населенію. Дабы оцѣнить это заявленіе г. Духовскаго, познакомимся съ данными о народномъ образованіи въ Московской губерніи, которыя собраны Н. П. Боголюбовымъ и помѣщены въ *Статистическомъ Ежегодникѣ Московской губерніи* за 1895 годъ. Эти данныя представляютъ много утѣшительнаго.

Сопоставляя развитіе народнаго образованія за послѣднее десятилѣтіе, мы видимъ, что число школъ возросло съ 683 въ 188⁵/₆ году до 918 въ 189⁴/₅, т.-е. увеличилось на 235. Изъ школъ всѣхъ разрядовъ наиболѣе увеличилось число земскихъ и церковно-приходскихъ. Изъ всѣхъ уѣздовъ губерніи особенно почастливилось за послѣднее время Серпуховскому и Дмитровскому. Большое движеніе наблюдается также относительно числа и состава преподавателей. Въ 188³/₄ году было 484 преподавателя, изъ которыхъ 55% составляли мужчины, а 45% женщины, а въ 189⁴/₅ году было 66 преподавателей—42,6% мужчинъ и 57,4% женщинъ. По происхожденію, большая часть преподавателей, какъ прежде, такъ и теперь, принадлежитъ къ духовенству. Но замѣчается интересная перемена: въ преподавательскомъ составѣ увеличивается число крестьянъ и мѣщанъ: послѣдніе составляли за 188³/₄ годъ 13% общаго числа, а теперь 17,3%, тогда какъ число крестьянъ учителей поднялось отъ 6,4% до 16,2%. Это служитъ вѣскимъ доказательствомъ успѣховъ, которые дѣлаетъ грамотность. Составъ преподавателей по образовательному цензу не представляетъ чего-нибудь однообразнаго. Здѣсь есть лица, прошедшія курсъ учительскихъ и духовныхъ семинарій, гимназій, институтовъ, епархіальныхъ училищъ, профессиональныхъ, а также не мало лицъ получившихъ только домашнее образованіе. Если свести, по образовательному цензу, всѣхъ преподавателей въ 3 группы, получившихъ *достаточное, среднее и недостаточное* образованіе, то положеніе дѣлъ окажется теперь болѣе благоприятнымъ, чѣмъ 10 лѣтъ тому назадъ: за 188³/₄ годъ эти три группы составляли 42,7%, 3,3% и 34%, а за 189⁴/₅ г.—63,5%, 12,9% и 23,6%. Главнымъ образомъ такіе результаты получались вслѣдствіе того, что большое число препода-

давателей проходить учительскія семинаріи. Наблюдается движеніе также въ числѣ учащихся; его интересная особенность та, что замѣчается существенный приростъ въ числѣ дѣвочекъ, падающій на послѣдніе 2—3 года.

Относительно начала и конца занятій въ школахъ послѣдній учебный годъ ничѣмъ не отличается отъ ряда предыдущихъ лѣтъ. Огромное большинство школъ открылось для занятій въ первой половинѣ сентября и закрылось во второй половинѣ мая. Однако есть нѣсколько десятковъ школъ, гдѣ ученье началось только съ октября и окончилось во второй половинѣ апрѣля. Въ среднемъ учебный годъ состоялъ изъ 164 дней (или 154 въ Московскомъ уѣздѣ до 175 въ Блинскомъ). Малое число учебныхъ дней въ Московскомъ уѣздѣ объясняется развитіемъ садоводства и огородничества, которыя раннею весной и позднею осенью предъявляютъ запросъ на подсобный дѣтскій трудъ. Самыми занятыми мѣсяцами въ году являются ноябрь и октябрь, а наименѣе занятыми—июнь и августъ. Эти данныя показываютъ, что школы Московской губерніи функционируютъ главнымъ образомъ въ суровое время года, когда дни коротки, а небо особенно часто бываетъ облачно. Г. Боголѣповъ дѣлаетъ изъ этого выводъ, что каждая школа должна имѣть возможно болѣе полное освѣщеніе и между тѣмъ, въ интересахъ сохраненія тепла, свѣтовая поверхность оконъ должна быть какъ можно болѣе уменьшена, тѣмъ болѣе, что школы, болѣе частью, страдаютъ отъ недостатковъ въ отопленіи. Эти два діаметрально противоположныя требованія мѣшаютъ удачному рѣшенію вопроса относительно устройства школъ. По мнѣнію г. Боголѣпова, приведенныя свѣдѣнія о времени посѣщенія школъ интересны и въ другомъ отношеніи, именно относительно того, цѣлесообразно ли введеніе въ школы какихъ-либо необязательныхъ предметовъ (всего чаще рекомендуютъ ввести рукодѣлье). Изъ таблицъ видно, что нормальные классы могутъ оканчиваться не ранее 3 часовъ дня; а многимъ дѣтямъ нужно еще 1 часъ или болѣе для перехода отъ школы до дома. Поэтому если послѣ нормальныхъ классовъ и будутъ происходить занятія какими-нибудь ремеслами и рукодѣльями, то лишь въ теченіе августа и сентября, а затѣмъ—отъ февраля до конца учебного года. «Объ ежедневномъ сборѣ *всѣхъ* дѣтей въ школу для занятій по вечерамъ нельзя, конечно, и думать... Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, требовать, чтобы въ зимніе холодныя, а тѣмъ болѣе вьюжныя мѣсяцы дѣти дѣлали по четыре конца въ день, путешествуя въ школу и обратно. Итакъ, помимо всякихъ иныхъ соображеній о возрастѣ дѣтей, о физической неподготовленности ихъ къ ремесленнымъ занятіямъ, одно уже распределеніе учебного времени говоритъ противъ того, чтобы нашей начальной школѣ не было навязывать какія бы то ни было еще, не стояція въ прямой связи съ общеобразовательнымъ курсомъ, задачи» (24). Нужно вполне присоединиться къ этому мнѣнію: если начальная школа будетъ хорошо обучать тому, что входитъ въ ея программу, то она окажетъ очень большія услуги дѣлу просвѣщенія русскаго народа.

Въ очеркѣ г. Боголѣпова помѣщены очень интересныя свѣдѣнія о развитіи школьнаго дѣла въ Московской губерніи отъ первыхъ шаговъ заступства на этомъ пути. Въ 1868 году было 297 сельскихъ училищъ и 11,160 учащихся; въ 1895 г.—876 и 55,121. Общій расходъ губернскаго и уѣз-

къ земствъ на народное образованіе составляли: въ 1869 году 71,550 блей—8,7%, всѣхъ расходовъ, а въ 1895 г.—460,214 рублей—18%, ихъ расходовъ. Всего за 29 лѣтъ (1866—94 г.) земства затратили на народное образованіе 1.795,943 рубля. Изъ этихъ суммъ на устройство библиотекъ (училищныхъ при школахъ и учительскихъ при управахъ) употреблена очень скромная сумма—всего 12,333 рубля.

Здѣсь же мы находимъ цифры относительно грамотности въ Московской губерніи. Подворная перепись 1869 года опредѣлила число грамотныхъ въ 1%, ко всему населенію. Подворная перепись 1883 года дала 36,4%, грамотныхъ мужчинъ и 5% грамотныхъ женщинъ, а всего 20,2%. По призывнымъ спискамъ для отбыванія воинской повинности грамотные составили 59,9% въ 1885 году и 75,4% въ 1895 году. По числу грамотныхъ избранцевъ первыя мѣста принадлежатъ Коломенскому, Московскому, вятскому и Серпуховскому уѣздамъ (85—87%).

Пользуясь этими свѣдѣніями изъ очерка г. Боголѣнова, мы признаемъ совершенно правильнымъ выводъ г. Духовского, что Московская губернія имѣла большіе успѣхи въ дѣлѣ развитія народнаго образованія и что далеко время, когда все населеніе будетъ имѣть доступъ къ школѣ.

Касаясь народнаго образованія, слѣдуетъ напомнить о первыхъ шагахъ шестствъ грамотности. Обсуждая уставъ этихъ обществъ (*Внутреннее возрѣніе* 1896 г., кн. III), мы указали на существенные его недостатки, которые помѣшаютъ ему работать такъ плодотворно, какъ работали комитеты грамотности. Состоявшееся въ Петербургѣ первое общее собраніе петербургскаго общества грамотности подтверждаетъ наше предположеніе. Это второе собраніе, на которомъ должны были быть избраны новыя должностныя лица, оказалось не въ состояніи сдѣлать это. Нѣкоторые члены казались отъ членства. Были заявленія этого рода, подробно мотивированныя, причемъ эти мотивы, отмѣчавшія особенности новаго устава, встрѣли полное согласіе со стороны всѣхъ членовъ собранія. Собраніе, отказавшись приступить къ выбору новаго правленія, постановило предварительно ходатайствовать чрезъ теперешній совѣтъ предъ министрами народнаго просвѣщенія объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей устава. До получения вѣста не слѣдуетъ приступать къ выбору новыхъ должностныхъ лицъ. Если обстоятельныхъ рѣчей нѣкоторыхъ членовъ, такое ходатайство было изнано исполнѣ законнымъ, и общее собраніе единогласно постановило пустить его.

Петербургскій отдѣлъ защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія дѣйствуетъ въ три года. Недавно вышедшій отчетъ за 1895 годъ раскрываетъ весьма плодотворную дѣятельность этого учрежденія. Убѣжище отдѣла призываетъ до 5 дѣтей. Въ теченіе года участковые попечители произвели 42 разслѣдованія, изъ которыхъ въ 15 случаяхъ не подтвердились сдѣланныя заявленія. Въ остальныхъ же 27 случаяхъ подтвердилось жестокое обращеніе къ дѣтьми. 8 дѣтей были взяты изъ семьи и помѣщены въ убѣжище отъ

дѣла, въ 8 же случаяхъ была обнаружена только крайняя нужда безъ признаковъ жестокаго обращенія.

Въ одномъ изъ общихъ собраній отдѣла В. Н. Герардъ сдѣлалъ интересное сообщеніе «О желательныхъ дополненіяхъ въ законахъ, касающихся охраны интересовъ малолѣтнихъ». По словамъ г. Герарда, дѣятельность отдѣла затрудняется не только недостаткомъ матеріальныхъ средствъ, но и постановленіями дѣйствующаго нынѣ законодательства о родительской власти. Эта власть прекращается только съ физическою или гражданскою смертію ея носителя, хотя бы онъ былъ неоднократно изобличенъ въ злоупотребленіи родительскими правами; эта власть перѣдко выдвигаетъ неодолимые препятствія между отдѣломъ и ребенкомъ, который нуждается въ защитѣ. За послѣднее время въ законодательныхъ сферахъ проникло сознаніе необходимости ограничить эту власть. Оно выразилось въ проектѣ устава объ опекахъ и попечительствахъ. Въ проектѣ уголовного уложенія также опредѣлены случаи лишенія родительской власти. Хотя принятіе этихъ постановленій въ законодательство и можетъ нѣсколько усовершенствовать семейственное право, однако желательно сдѣлать въ интересахъ дѣтей нечто большее. Среди социальныхъ вопросовъ нашего времени вопросъ *домскій*, вопросъ объ участи подрастающихъ поколѣній, которымъ грозитъ нищета и развратъ большихъ городовъ, представляется однимъ изъ наиболее жгучихъ. Законодательство о дѣтяхъ, особенно ожившее за послѣдніа десятилѣтія, повсюду обнаруживаетъ стремленіе специализироваться, выдѣлиться изъ общаго права, образовать особую систему дѣтскаго призрѣнія и защиты и объединить всѣ стороны этого сложнаго дѣла. Особые законоположенія о призрѣніи безпріютныхъ дѣтей изданы во Франціи, Швейцаріи, многихъ германскихъ государствахъ.

Выдѣленіе законодательства о дѣтяхъ въ особый, самостоятельный уступъ имѣетъ за себя очень многое. Прежде всего, этимъ можетъ быть доставлено серьезное удобство въ чисто-техническомъ отношеніи: кодифицированіе разбросанныхъ законодательныхъ постановленій облегчитъ дѣятельность правительственныхъ агентовъ, частныхъ учреждений и лицъ; при заботѣ о дѣтяхъ это можетъ даже усилить частную инициативу, направленную къ этой цѣли. Но и самое существо предмета требуетъ указаннаго объединенія. Общія постановленія о гражданскихъ ограниченіяхъ родительской власти или объ уголовномъ преслѣдованіи ея злоупотребленій могутъ быть дѣйствительны только въ средѣ, которая пользуется сравнительнымъ благосостояніемъ и прочнымъ положеніемъ, гдѣ семейный бытъ сохранилъ нравственную основу и неблагоприятныя вліянія служатъ какъ бы частными отклоненіями отъ общей нормы. Въ подобныхъ случаяхъ можно рассчитывать и на то, что внутри семьи найдется поддержка для такой борьбы. Если семья страдаетъ отъ жестокости отца, то можно противопоставить ему власть матери, обращаться къ содѣйствію родственниковъ, законныхъ опекуновъ и проч. Но нынѣ задачи призрѣнія дѣтей возникаютъ относительно того общественнаго слоя, который преимущественно доставляетъ

тингентъ питомцевъ воспитательныхъ домовъ, исправительныхъ приютовъ, колоній и проч. Среди городского пролетаріата дѣтскій вопросъ явится въ самой острой формѣ. «Здѣсь семейный бытъ находится въ состояніи болѣе опаснаго разложенія, чѣмъ въ другихъ общественныхъ классахъ; гражданское назначеніе семья—служить покровительственной средой воспитанія подрастающихъ поколѣній—ровнымъ образомъ ступшевыгся здѣсь передъ неувѣренностью въ завтрашнемъ днѣ и неумолимою отой о собственномъ пропитаніи родителей. Пока дѣти находятся въ растѣ полной безпомощности, они составляютъ для родителей обузу, которой послѣдніе ищутъ избавиться всѣми способами, не исключая и ступныхъ; едва дѣти подросли, они либо вовсе оставляются безъ приа, либо ихъ слабыя, неокрѣпшія силы дѣлаются предметомъ эксплуата, тѣмъ болѣе безпощадной, что она находитъ себѣ оправданіе въ суро: необходимости. Въ томъ или другомъ случаѣ дѣти рано попадаютъ въ оворотъ уличной жизни съ ея искушеніями и опасностями и затѣмъ ти неминуемо пополняютъ собою ряды дѣтской преступности» (6). явленіе приняло въ настоящее время столь большіе размѣры, что ста:тса почти общественною опасностью. Осторожныя ограничительныя ны, проникнутыя уваженіемъ къ семейной жизни, становятся здѣсь без:зными. Государство и общество должны получить право на болѣе дѣя:ьное вмѣшательство. Необходимо, чтобы та группа лицъ, которая нуж:тса въ активномъ покровительствѣ со стороны государства и общества, та отдѣлена особыми признаками отъ общей массы семей. Все это мо:тъ быть сдѣлано только въ особомъ законодательномъ актѣ, который гъ бы специально посвященъ дѣлу призрѣнія дѣтей.

Вромѣ всего указаннаго для особыхъ законоположеній о призрѣніи без:ютныхъ, въ Россіи есть еще одно обстоятельство, не лишнее очень безнаго значенія. Прежде, чѣмъ будутъ пополнены пробѣлы законода:ьства указанными проектами, пройдетъ еще много времени, а между гъ, преступность дѣтей, которая служить масштабомъ недостатковъ при:нія, возрастаетъ. Положеніе дѣтскаго вопроса въ нашемъ отечествѣ та:ю, что требуетъ быстро и энергичнаго вмѣшательства закона; нельзя шряться съ тѣмъ медленнымъ движеніемъ, которое получаетъ законода:ьное творчество, когда оно направлено на изданіе цѣлой системы пра:ыхъ нормъ. Но всѣ перемѣны, которыя найдутъ себѣ мѣсто въ законо:ельствѣ о малолѣтнихъ, касаются исключительно той области, гдѣ малолѣт:является объектомъ уголовного наказанія. А это еще болѣе укрѣпляетъ сль, что неотложное устраненіе и исправленіе наиболѣе значительныхъ остатковъ въ смежной области законодательства, гдѣ малолѣтній являет:объектомъ уголовного преступленія.

Все теченіе мыслей приводитъ г. Герарда къ заключенію, что необхо:ю сдѣлать еще слѣдующія исправленія въ дѣйствующемъ законодатель:ѣ о малолѣтнихъ. Нужно, во-первыхъ, немедленно ввести въ дѣйствіе 361 проекта уголовного уложенія, предусматривающую жестокое обра-

шеніе съ несовершеннолѣтнимъ, отдачу его для нищенства, бродяжн или безнравственнаго занятія, потворство его непотребству или разврату. Особенное значеніе имѣетъ та часть указанной статьи, въ которой суду предоставляется учредить надъ малолѣтнимъ опеку въ установленномъ порядкѣ или назначить ему попечителя, лишивъ виновнаго сти надъ жертвой. Опытъ показываетъ, что преслѣдованіе родителей за стокое обращеніе съ дѣтьми рѣдко оканчивается обвинительнымъ приговоромъ, благодаря именно тому, что ребенокъ, испытавъ жестокое обращеніе, остается подъ вліяніемъ своего мучителя; запуганный его угрозами, задобренный ласками, онъ упорно отрицаетъ на судѣ фактъ совершеннаго надъ нимъ насилія. Вотъ почему обвиненіе передъ судомъ является негодарною задачей. Было бы поэтому полезно, чтобы, при производствѣ судебныхъ о злоупотребленіяхъ родительскою или опекунскою властью, возложить на слѣдователей ту же обязанность, которая возлагается на нихъ по законопроекту министерства юстиціи въ случаѣ совершенія малолѣтнимъ преступленія, т.-е. собирать подробныя свѣдѣнія объ обстановкѣ, въ которой живетъ малолѣтній, и право слѣдователямъ входить съ представленіемъ въ судъ о временномъ отнятій у обвиняемаго власти надъ ребенкомъ, который находится подъ его надзоромъ, и о назначенія къ ребенку опекуна или попечителя.

Но необходимо расширить дѣло защиты малолѣтнихъ. Слѣдуетъ освободить ихъ не только отъ уголовныхъ посягательствъ со стороны лицъ, которымъ надъ ними надзоръ, но и отъ растлѣвающего вліянія этихъ лицъ, хотя бы вліяніе и не было связано съ уголовными преступленіями. Поэтому полезно немедленно облечь силой закона постановленіе проекта устава объ опекахъ и попечительствахъ, предоставляющее опекунамъ и попечителямъ право лишать отца родительской власти, въ случаѣ дурнаго поведенія или дурнаго обращенія съ дѣтьми. Еслибъ это было предложено какъ временнымъ, то г. Герардъ считаетъ целесообразнымъ ввести, по примѣру французскаго законодательства, институтъ добровольнаго отреченія отъ родительской власти въ пользу общественныхъ и частныхъ благотворительныхъ учреждений, которыя ставятъ себя задачей призрѣніе малолѣтнихъ и выданы подъ контролемъ и руководствомъ государства. Французскій законъ допускаетъ добровольное сложеніе съ себя родительской или опекунской власти. Эта временная уступка родительскихъ правъ происходитъ передъ мировымъ судьей и получаетъ характеръ юридической сделки между родителями или опекунами и начальствомъ благотворительнаго учрежденія, которое могло бы быть введено и въ Россію.

Вполнѣ присоединяясь къ пожеланіямъ г. Герарда, мы считаемъ необходимымъ пополненіе законоположеній относительно призрѣнія малолѣтнихъ также правилами относительно семей, которыя принимаютъ на воспитаніе чужихъ дѣтей и дѣлаютъ изъ этого промыселъ. По англійскому *Infant protection act* отъ 25 іюля 1872 года, кто хочетъ брать на воспитаніе чужихъ дѣтей, тотъ долженъ получить спеціальное разрѣшеніе поджма

остей, а оно дается только лицамъ добраго поведенія, которыя облада-
 зъ достаточнымъ искусствомъ въ уходѣ за дѣтми и удовлетворительное
 лице. Разрѣшеніе властей дается всегда только на одинъ годъ. Во Фран-
 і эта сторона дѣла регулирована закономъ 23 декабря 1874 года. Этотъ
 конъ имѣетъ спеціальною цѣлью оказывать защиту всѣмъ дѣтямъ моло-
 2 лѣтъ. Наблюденіе возлагается прежде всего на мѣра и особые совѣты
 въ разныхъ лицъ. Только особая концессія разрѣшаетъ принимать дѣтей
 воспитаніе. Германскія государства имѣютъ кажде особыя законополо-
 нія по этому предмету. Было бы желательнo, чтобы и у насъ были со-
 ны закономъ соответствующія формы для защиты интересовъ дѣтей отъ
 наго юнаго возраста.

Отхожіе промыслы для сельско-хозяйственныхъ работъ являются одной
 въ темныхъ сторонъ русской общественной жизни. За это послѣднее время
 тература этого вопроса обогатилась интереснымъ трудомъ земскаго са-
 тарнаго врача г. Тезякова *Сельско-хозяйственные рабочіе и организа-*
я за ними санитарнаго надзора въ Херсонской губерніи 1896 г. Этотъ
 удъ даетъ полную картину быта рабочихъ, картину безотраднoю, под-
 ерждающую еще разъ, что отправленіе крестьянъ за тысячи верстъ въ
 мскахъ за работой составляетъ ненормальное явленіе въ народномъ хо-
 йствѣ.

Въ Херсонской губерніи работаетъ каждое лѣто не менѣе 100,000 при-
 лаго люда, доставляемаго ей многими губерніями: половину даетъ Кіев-
 ая губернія, около 30%, Полтавская, 4%, Черниговская и 1—3%, По-
 льская, Орловская, Курская, Могилевская. Больше 70%, всей этой массы
 рибываютъ въ Херсонскую губернію пѣшкомъ; изъ нихъ только 25% на-
 маютъ подводы подъ вещи. Желѣзными дорогами ѣдетъ всего 7—8%,
 остальные прибываютъ на пароходахъ и дубахъ. Массовое движеніе
 ючихъ изъ Полтавской, Черниговской, Кіевской губерній совершается
 юль линій желѣзныхъ дорогъ и судоходныхъ рѣкъ, а, между тѣмъ, пере-
 жеженіе пѣшкомъ огромно. Это говорить прежде всего о крайней бѣдно-
 ги десятковъ тысячъ мужчинъ и женщинъ, которые стремятся на рабочіе
 ынки Херсонской губерніи. «Что представляютъ изъ себя ноги этихъ пѣ-
 юходовъ, когда они добираются до ярмарки, можно себя представить лег-
 о... Когда грязь захватываетъ, а бываетъ это не рѣдко, то совсѣмъ бѣда,
 собенно дѣвушкамъ; отъ тяжелой обуви ноги пухнуть, покрываясь ссад-
 ами... Каждый шагъ доставляетъ мученія, а идти надо: не оставаться же
 а дорогѣ одной. Партія не ждетъ, она спѣшитъ, чтобы не пропустить на-
 мки и, въ силу обстоятельствъ, не можетъ заботиться объ уставшихъ или
 аболѣвшихъ членахъ артели» (стр. 36). Независимо отъ лишняго утомле-
 ія, эти странствія ведутъ за собой потерю огромнаго количества рабочихъ,
 ней. Одинъ рабочій затрачиваетъ на дорогу въ среднемъ около 10 дней.
 Если считать цѣну рабочаго дня въ 25 копѣекъ, то, при 125,000 рабочихъ
 юлучимъ потерю почти 4 милл. руб. Весь этотъ людъ собирается въ пѣ-

которых пунктах. Изъ нихъ наибольшее значеніе имѣютъ: Знаменка, Буртолюбовка и Долинская въ Александрійскомъ уѣздѣ, Елизаветградъ, Бобрунецъ, Вознесенскъ—въ Елизаветградскомъ и особенно Каховка Таврической губерніи. Отсюда рабочіе направляются въ экономіи.

Обстановка работы представляетъ мало привлекательнаго. Такихъ нѣтъ положительныхъ правилъ, которыя обезпечивали бы справедливыя отношенія хозяевъ къ рабочимъ, то возникаетъ очень много недоразумѣній. Часто на главные сборные пункты возвращаются партіи, ушедшія съ работы безъ платы, безъ паспортовъ, даже безъ котомокъ. Дурная система систематическія прижимки, даже побои—вотъ что заставляетъ рабочихъ нерѣдко уходить изъ экономій. Время баснословныхъ цѣнъ на рабочія руки въ Херсонской губерніи миновало. Приливъ рабочихъ для найма возрастаетъ безостановочно, сельско-хозяйственныя машины распространяются, а цѣны на рабочія руки систематически падаютъ. За послѣднія 7 лѣтъ рабочая плата не достигала того уровня, на которомъ она стояла въ 1889 году. Сопоставленіе цѣнъ на рабочія руки въ теченіе 5 лѣтъ (1889—94) показываетъ, что онѣ были очень невысоки. Просматривая таблицы цѣнъ на рабочимъ по всѣмъ разрядамъ, мы находимъ на 64 среднихъ экономій только два случая, когда поденная плата превышаетъ 1 рубль: въ январѣ 1890 года средняя поденная плата косарю составляла 102 копейки, а средняя плата барабанщику при молотилкѣ составляла въ 1893 году 104 копейки. Но рядомъ мы находимъ и крайне низкую плату—въ 40, 30, 20 копѣекъ. За всѣ 5 лѣтъ поденная плата косаря въ сѣнокосъ не превышала 55 копѣекъ (1889 г.) и опускалась до 33,8 копѣекъ (1892 г.). Плата низка, а санитарная обстановка рабочихъ въ экономіяхъ оставляетъ желать очень многого. Жилыя помѣщенія, за рѣдкими изъятіями, крайне неудовлетворительны. Лѣтомъ рабочіе проводятъ все время въ степи и только по праздникамъ собираются на экономическомъ дворѣ, гдѣ пользуются дикими примета казармами, сараями, конюшнями. Въ степи рабочіе располагаются таборомъ подъ открытымъ небомъ; владѣлецъ не устраиваетъ въ степи ничего для защиты ихъ отъ дождя и холода. Тѣ же, которые остаются зимой, тѣсняются кое-какъ въ хатахъ годовыхъ рабочихъ. Питаніе рабочихъ, хотя и незатѣйливое, въ общемъ можетъ быть признано сноснымъ. Не въ условіяхъ труда и въ отношеніи хозяина къ заболѣвшему рабочему много прискорбнаго.

Рабочій день длится отъ 12¹/₂ до 15 часовъ. Въ очень жаркіе дни экономіи прекращаютъ работы на нѣсколько часовъ; но потерянное время наверстывается ночными работами при факелахъ. Изъ работъ, которыя вредно вліяютъ на здоровье, первое мѣсто занимаетъ молотилка: ручныя, конныя и паровыя молотилки распространяются все болѣе и болѣе; а при работѣ молотилками отдѣляется масса пыли, вследствие чего часто страдаютъ легкія и глаза.

Для поданія рабочимъ правильной медицинскои помощи въ экономіяхъ не дѣлается почти ничего. Сплошь и рядомъ нанятель просто прогоняетъ

болѣвшаго рабочаго и тѣмъ освобождаетъ себя отъ непріятной обузы. Авторъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, приводящихъ читателя въ ужасъ. Имѣннѣ С., рабочій изъ Киевской губерніи, служившій у землевладѣльца, заболѣлъ сыпнымъ тифомъ. Больному было приказано уйти изъ экономіи и возвратиться по выздоровленіи. Не зная, гдѣ искать медицинской помощи, больной отправился въ м. Березовку, куда прибылъ только на вѣстой донѣ, здѣсь провалялся на базарѣ еще дня два, пока не былъ зачтенъ медицинскимъ персоналомъ. Ефимъ Ш., изъ Ананьевскаго уѣзда, ужилъ у К., заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ (при имѣющемся порокѣ рѣдца), вслѣдствіе болѣзни былъ удаленъ экономіей въ степь, гдѣ и брошенъ безъ всякой помощи, и т. д. «Нѣкоторыя экономіи,—читаемъ мы,—объ избавиться отъ тяжелаго больного, увозятъ его и гдѣ-либо оставить по дорогѣ, не доставляя до врачебнаго пункта... Такихъ наблюденій, практикѣ земскихъ врачей Херсонской губерніи не мало» (стр. 96).

Сообщая цифры заболѣваемости рабочихъ, авторъ приводитъ интересныя данныя о томъ, насколько заболѣваемость зависитъ отъ способа передвиженія. Особенно вредно отзывается на здоровьѣ рабочихъ передвиженіе по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ. Здѣсь замѣчается даже отъ отсутствіе начальныхъ удобствъ. Товарные вагоны переполняются рабочими, того, что они принуждены стоять въ теченіе всего пути. На пароходныхъ палубахъ часто бываетъ такъ тѣсно, что рабочіе не только не имѣютъ возможности лечь или сѣсть, но даже снять съ плечъ котомки. Перемѣщаясь же пѣшомъ или на челнахъ, рабочіе останавливаются въ дорогѣ, гдыхаютъ, высыпаются.

Такова печальная повѣсть. Свѣдѣнія, которыя сообщаетъ г. Тезяковъ, требуютъ комментарій. Но является вопросъ о томъ, что можно сдѣлать, дабы внести хотя скромное улучшеніе въ бытъ рабочихъ. Коренною вѣрой воздѣйствія на отхожіе промыслы сельскихъ рабочихъ является широкая аграрная политика, направленная на расселеніе крестьянъ. Эту политику могли бы облегчить крупные землевладѣльцы южныхъ губерній прожей крестьянскому банку значительной части своихъ земель и суженіемъ о наименьшихъ размѣровъ своей потребности въ рабочихъ рукахъ. Если озданіе въ южныхъ губерніяхъ крестьянскаго землевладѣнія на мѣстѣ рушпаго является коренною мѣрой, то палліативомъ, не лишеннымъ значенія, является болѣе строгій контроль надъ положеніемъ рабочихъ: вмѣненіе нанимателямъ въ обязанность имѣть для рабочихъ помѣщеніе, оказывать имъ медицинскую помощь, устройство народныхъ столовыхъ въ главныхъ пунктахъ, гдѣ собираются рабочіе, и т. п.

Пронсходившій въ концѣ апрѣля VI съѣздъ русскихъ врачей въ память І. И. Пирогова привлекъ цѣлый рядъ интересныхъ докладовъ по вопросамъ медицины и гігіены. Отмѣтимъ, между прочимъ, доклады о сельской и земской медицинѣ. Сравненіе ихъ обѣихъ выяснило такіе недостатки первой: 1) неzemская медицина далеко не удовлетворяетъ потребностей насе-

ленія: мало врачей, врачебные участки слишком велики, развитъ феодализмъ; 2) недостатокъ въ лѣкарствахъ и другихъ медицинскихъ средствахъ такъ великъ, что на больного приходится ихъ только на 2—3 копейки; 3) медицинскій персоналъ очень мало обезпеченъ, а потому онъ вынужденъ отвлекаться отъ своихъ главныхъ обязанностей и искать постороннихъ доходовъ; 4) казенная формалистика создаетъ много препятствій и, вообще, тормазитъ живое дѣло. Сопоставленіе земскихъ и неземскихъ губерній выяснило степень доступности медицины населенію. Въ неземскихъ губерніяхъ каждый участокъ по пространству въ 5 разъ, а по населенію—въ 2½ раза больше, чѣмъ въ земскихъ. На 10,000 жителей въ земскихъ губерніяхъ 8 больничныхъ коекъ, а въ неземскихъ — 4. Несмотря на худшую постановку медицинскаго дѣла въ неземскихъ губерніяхъ, расходъ на медицину больше, чѣмъ въ земскихъ. Сравненіе Киевскій губерніи съ Полтавскою и Черниговскою показываетъ, что житель первой расходуетъ ежегодно на медицину 3 копейками больше, чѣмъ второй, а каждый неземскій больной обходится вдвое дороже земскаго. Качественно же сельская медицина гораздо хуже земской потому, что въ неземскихъ губерніяхъ нѣтъ мѣстныхъ общественныхъ учрежденій, которыя могли бы вести живое, развивающееся дѣло врачебной помощи населенію. При обсужденіи докладовъ были высказаны пожеланія, чтобы въ неземскихъ губерніяхъ было увеличено число участковъ, чтобы были увеличены отпуски средствъ на лѣчебницы, медикаменты и проч. Разумѣется, осуществленіе этихъ пожеланій не подниметъ медицину въ неземскихъ губерніяхъ до уровня, котораго она достигла въ земскихъ. И можно только подписать подъ слѣдующимъ постановленіемъ съѣзда: «Правильное наступательное движеніе сельской медицины возможно только при непосредственномъ участіи въ этомъ дѣлѣ мѣстнаго населенія и врачей. Въ отсутствіи этого участія заключается главная причина слабаго развитія сельской медицины въ неземскихъ губерніяхъ».

Въ Вѣнѣ, 25 лѣтъ отъ роду, скончался молодой, подававшій большія надежды ученый и публицистъ, Николай Васильевичъ Водовозовъ. Однимъ изъ первыхъ (если не первымъ) его серьезною работою была статья о Фурьѣ, напечатанная (не вся) въ *Русской Мысли*. Покойный принималъ участіе въ другихъ журналахъ (такъ, въ июньской книжкѣ *Міра Божіа* помещена его статья *Съ чѣмъ начинать изученіе политической экономіи*) напечаталъ не мало библиографическихъ замѣтокъ въ нашомъ журналѣ, много переводилъ, обнаруживалъ кипучую, неутомимую дѣятельность. Зачахла унесла этого богато одареннаго и безуворизненно честнаго работника.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Графъ Голуховскій провзнесъ въ делегаціяхъ рѣчь, заключавшую въ себѣ изложеніе успѣховъ и цѣлей иностранной политики Австро-Венгріи. Она отличалась приподнятымъ тономъ и горделивостью. Если судить по словамъ графа Голуховскаго, то Габсбургская монархія заняла чуть ли не вѣнствующее мѣсто въ ряду великихъ державъ. Она предохраняетъ Европу отъ пожара на Балванскомъ полуостровѣ, она поддерживаетъ уваженіе къ международнымъ трактатамъ и защищаетъ *status quo*. Не-дипломатическая такая роль Австро-Венгріи представляется, конечно, нѣсколько неожиданнымъ и фактами неоправдываемою. Въ нарушеніе, напримѣръ, берлинскаго договора, а не изъ уваженія къ нему, австрійское правительство стически присоединило къ имперіи Боснію и Герцеговину. Какимъ образомъ, при этомъ же делегаціямъ, что обезпеченіе обладанія этими двумя областями существенно необходимо для государства. Какимъ образомъ, кромѣ уваженія къ трактатамъ поддерживается австрійскою дипломатіей, да она стоитъ на сторонѣ Великобританіи, нарушающей международныя обязательства въ Египтѣ?

Болѣе правильно другое утвержденіе графа Голуховскаго: Австро-Венгрія пускаетъ въ ходъ все свое вліяніе, чтобы сохранить европейскій *status quo*. Австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ похваляется тѣмъ, что не допустилъ энергичнаго и цѣлесообразнаго вмѣшательства въ пользу армянъ, чинахъ и избиваемыхъ въ Турціи. Странная похвальба и далеко не полный успѣхъ! Графъ Голуховскій поддерживаетъ нынѣшній *порядокъ вещей* и на Критѣ. Турецкое правительство неустанно посылаетъ туда войска и возвѣщаетъ Европѣ, что на несчастномъ островѣ «*умиротвореніе продолжается*», — иными словами, сжигаются христіанскія деревни и бивается греческое населеніе. *Status quo* въ Турціи—это позоръ для Европы, и лишь близорукій австро-венгерскій эгоизмъ можетъ побуждать рукоплесканіямъ, когда произносятся рѣчи, подобныя рѣчи графа Голуховскаго.

Въ то время, какъ государственный человѣкъ, руководящій внешнею политикою Австро-Венгріи, произносилъ свои высокомерныя слова, серьез-

ная германская печать снова и снова указывала на печальное положение турецких христианъ, на упорное неисполненіе турецкимъ правительствомъ обязанностей, возложенныхъ на него берлинскимъ трактатомъ. Такъ *National-Zeitung* обращаетъ вниманіе на то, что ни въ Арменіи, ни въ Иерусалимѣ не введены преобразованія, которыхъ этотъ договоръ требовалъ и которыя безусловно необходимы для сколько-нибудь человѣчески достойнаго существованія мѣстнаго христіанскаго населенія. Газета предостерегаетъ султана, что напрасно рассчитывать на постоянную безнаказанность, а неисполненіе торжественно данныхъ международныхъ обязательствъ не можетъ не представлять опасности для Турецкой имперіи *).

Представитель чеховъ въ пилейтанской делегаціи, депутатъ Брамаржа справедливо возразилъ графу Голуховскому, что у него не было никакихъ оснований подчеркивать миролюбивую политику тройственнаго союза и достигнутые ею результаты: самъ министръ подробно объяснилъ, что не имѣвшимъ миролюбіемъ проникнута политика Россіи и союзной съ нею Франціи. Еще важнѣе другое замѣчаніе Брамаржа: Австро-Венгрія, еслибъ ея правительство дѣйствительно близко къ сердцу принимало самыя вопіющіе интересы турецкихъ христіанъ, слѣдовало бы особенно сблизиться именно съ Россіей, потому что въ этомъ случаѣ Турція вынуждена была бы добровольнымъ образомъ приступить къ реформамъ и прекратить звѣрства надъ дикими магометанскими племенъ. Теперь же блистательная Порта при розгахъ со стороны Австро-Венгріи прибѣгаетъ къ поддержкѣ Россіи; наоборотъ, будучи всегда увѣрена, что при антагонизмѣ этихъ двухъ державъ никакого серьезнаго давленія на Турцію не будетъ.

Зародилось и въ Турціи, подъ европейскимъ влияніемъ, реформаторское движеніе, и намъ иногда приходилось о немъ говорить. Но движеніе это покуда слабо,—фанатическая магометанская религія не можетъ допустить свободы совѣсти, ни общеевропейскихъ элементовъ управленія.

По поводу послѣднихъ событій на Критѣ возникшая недавно турецкая *Лига реформъ* обнародовала слѣдующее воззваніе: «Мы обращаемся къ всѣмъ націямъ съ предостереженіемъ и просимъ ихъ не обманываться на счетъ намѣреній турецкаго правительства. Еще разъ мы умоляемъ министровъ, являющихся совѣтниками европейскихъ монарховъ, не поддерживать убійцъ на Критѣ, которые навлекаютъ позоръ на мусульманъ и на самихъ турокъ... Уже въ азіатскихъ провинціяхъ мѣръ былъ свидѣтелемъ спенъ организованной рѣзни, не имѣющей себѣ параллели въ новѣйшее время. Пока не поздно, мы предостерегаемъ народы Европы, что султанъ отдалъ нарочный приказъ критскому губернатору «не давать пощады ни одному повстанцу», что равносильно разрѣшенію убивать и причинять насиліе въ самыхъ широкихъ предѣлахъ. Чтобы успѣшнѣе выполнить эту задачу, на Критъ посылаются войска, которымъ за нѣсколько мѣсяцевъ не уплачено жалованье и которыя должны вознаграждать себя при воеваніи».

*) *National-Zeitung*, 9 mai.

бежа. Въ то время, какъ убійцы дѣлаютъ свое дѣло, Европа вводится обманъ ложными обѣщаніями и извѣстіями, въ которыхъ нѣтъ ни слова вѣды *)).

Нужно замѣтить однако, что притѣсненія другихъ народностей, — кошо, не въ той формѣ, какъ въ полудикой Турціи, — продолжаются и въ стро-Венгрии, въ особенности въ Транслейтаніи. Это, разумѣется, одно изъ основаній для руководителей Габсбургской имперіи не оказывать сильнаго давленія на Турецкую имперію. Не русскія только газеты, которыхъ можно было бы обвинить въ пристрастіи, горько упрекаютъ венгерское правительство и венгерскій народъ, иногда такіе упреки слышатся въ французской печати, — а это ли теперь не эгоистическая печать, подчинившаяся въ международныхъ отношеніяхъ соображеніямъ государственной безопасности (отъ тройственного союза). Такъ въ *Justice* **) мы находимъ горесную корреспонденцію изъ Буда-Пешта по поводу выставки въ честь счастлѣтія водворенія мадьяръ въ Панноніи. Напомнивъ о томъ, что мадьяры давно уже на всѣ лады повторяли, что ихъ юбилейная выставка по ея оригинальности выдѣлится изъ всѣхъ предшествовавшихъ выставокъ, корреспондентъ французской газеты замѣчаетъ, что это вполнѣ удалось гонителямъ: въ первый разъ торжественная *національная* выставка встрѣтила протестъ со стороны *большинства населенія государства*. Дальше *Justice* сообщаетъ извлеченія изъ протеста конгресса національностей (не дьярскихъ), бывшаго въ Буда-Пештѣ и свидѣнія о которомъ мы своевременно сообщали читателямъ. Въ протестѣ говорится, что ни славяне, румыны, живущіе въ Венгрии, не возражали бы противъ чествованія счастлѣтія венгерскаго государства; но мадьяры торжествуютъ свое господство надъ другими народностями, видятъ только себя въ возвѣщенномъ такомъ помпозомъ юбилеѣ. Тысячу лѣтъ тому назадъ они покорили среднелейскую равнину и теперь смотрятъ на румынъ и славянъ какъ на покоренныя и подлежащія омадьяренію племена. Корреспондентъ газеты *Justice* иронически приглашаетъ иностранцевъ полюбоваться на великолѣпные спонаты мадьярской выставки: быть-можетъ черезъ нѣсколько лѣтъ ихъ къ не придется никому видѣть.

Въ цислейтанской половинѣ имперіи подъ особенными стѣсненіями придется жить русскимъ въ Галиціи (отъ господствующей шляхетской польской партіи) и чехамъ (отъ несовершенствъ избирательной системы и нѣско-централлистическаго правительства). Конечно, чехамъ приходится даже не такъ плохо, какъ сербамъ и словакамъ въ Венгрии; но можно смѣло вѣрждать, что они сильнѣе страдаютъ, потому что стоятъ на очень высокой ступени умственнаго и политическаго развитія. Такъ при крѣпостномъ рабствѣ у насъ страданія Шевченка или Щепкина были гораздо тягостнѣе раданій многихъ и многихъ ихъ товарищей по горькой долѣ.

*) *Русскія Вѣдомости*, 2 іюня.

**) *Justice*, 10 mai.

Старо-чешская *Politik*, говоря объ избирательномъ законѣ, проявилъ въ парламентѣ графомъ Бадени, сильно порицаетъ младо-чешскихъ депутатовъ за то, что они подали голоса за правительственный законъ проектъ. Объ его неудовлетворительности мы своевременно замѣтали, и с точки зрѣнія побѣжденной партіи быть можетъ и полезно взваливать ответственность за принятіе закона на младо-чеховъ. Но если принять въ вниманіе, что *lex* Бадени, какъ выражается *Politik*, является всеобщимъ расширеніемъ избирательнаго права и шагомъ на пути ко всеобщей дагѣ голосовъ, то тактику младо-чешской партіи нельзя не одобрить. Явленіе хоть незначительнаго числа депутатовъ отъ рабочихъ непремѣнно вызоветъ оживленіе законодательной дѣятельности рейхсрата и, вѣроятно, не эти депутаты будутъ стоять на сторонѣ нѣмецкихъ централистовъ. Естественно также, что созданіе новой избирательной куріи благоприятно отразится на усиленіи демократическаго движенія во всѣхъ областяхъ Цислейтаніи. Движеніе это даетъ уже себя чувствовать въ Галиціи. Испытываетъ на себѣ *Коло*, польскій парламентскій клубъ, до сихъ поръ скованный строгою дисциплиной. Возрастающее политическое самосознаніе польскаго народа не дозволяетъ далѣе представителямъ демократіи въ всѣмъ вопросамъ выступать вмѣстѣ съ вождями шляхетскаго большинства польскихъ депутатовъ рейхсрата. Депутатъ Леваковский, оказавшійся въ этомъ отношеніи особенно несговорчивымъ, былъ вытѣсненъ изъ Бундтага. Теперь, по сообщенію австрійскихъ газетъ, въ польскомъ клубѣ происходитъ новый раздоръ: представители католическаго духовенства рѣшительно высказались въ одномъ частномъ случаѣ (предложеніе Кайцля) за интересы крестьянъ противъ голосовъ большинства, представляющаго крупное землевладѣніе. Одна изъ польскихъ газетъ, *Kurjer Lwowski*, считаетъ неизбежнымъ распадѣніе польскаго клуба на два, потому что различіе въ интересахъ между депутатами отъ крупныхъ землевладѣльцевъ и отъ мелкихъ весьма велико. Оба клуба могутъ при этомъ, замѣчаетъ газета, сохранить солидарность въ національныхъ вопросахъ *). Если состоится распушеніе нынѣшняго парламента, о чемъ говорятъ австрійскія газеты, то предложеніе польской газеты можетъ осуществиться въ самомъ непродолжительномъ времени.

Во время коронаціонныхъ торжествъ въ Москвѣ произошелъ инцидентъ о которомъ горячо разсуждаетъ теперь германская печать. Въ пріютѣ императора Фридриха и императрицы Викторіи, учрежденный московскимъ благотворительнымъ нѣмецкимъ обществомъ, въ годовщину его основанія

*) Отиѣтъ кстати, что демократическіе органы галицкой польской печати резко осуждаютъ мадьяръ за притѣсненія славянъ и румынъ. Такъ *Nowe Referat* говоритъ, что старыя симпатіи поляковъ къ мадьярамъ исчезли навсегда. Эти симпатіи вымывались энергичекою борьбой венгерскаго народа за право и свободу, и убиваетъ борьба мадьяръ ради уничтоженія права и свободы другихъ народностей. *Kurjer Lwowski* приводитъ извѣстный читателямъ будапештскій протестъ и отсылаетъ къ нему сочувственно.

были представитель германскаго имперскаго правительства, принцъ Генкъ, братъ Вильгельма II, принцъ Людвигъ Баварскій и члены германскаго посольства. Предсѣдатель общества имѣлъ безтактность, привѣтствуя ютныхъ гостей, сказать, что нѣмецкіе принцы явились въ Москву въ гѣ (im Gefolge) представителя германскаго императора. Принцъ Людвигъ варскій немедленно поднялся съ мѣста и возразилъ: «Мы не свита и не салы, а союзники германскаго императора. Когда, 25 лѣтъ тому назадъ, стали на сторону Пруссіи, то стали какъ равные съ равными, и тамъ насъ всегда признавалъ императоръ Вильгельмъ. Если Германія снова хочетъ угрожать опасность, мы всё будемъ ее защищать. Но пусть нѣмцы границей не забываютъ, что кромѣ общаго германскаго отечества у нихъ е существуетъ тѣсная родина».

Вслѣдъ затѣмъ и принцъ Людвигъ, и принцъ Генрихъ съ персоналомъ германскаго посольства удалились изъ помѣщенія пріюта.

Прусскія газеты осуждаютъ принца Людвигъ, баварскія защищаютъ его. Конечно, толки объ опасности для германскаго единства, о ростѣ сепаратизма и т. п. не имѣютъ серьезнаго основанія вообще и по поводу этого инцидента въ частности. Но немаловажно и поучительно настроеніе общественнаго мнѣнія въ Баваріи и другихъ государствахъ южной Германіи, изванное прусскимъ милитаризмомъ и бюрократизмомъ. Объ этомъ настроеніи любопытныя подробности сообщаетъ германскій корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей*. Въ наиболѣе популярной мюнхенской газетѣ, въ *Баварскомъ Отецествѣ* извѣстнаго депутата Зигля, появилась статья, горячо схваляющая принца Людвигъ. Bravo, принцы!—воскликаетъ Зигль,—вы стоющій баварецъ и не хотѣли разыгрывать лакея въ прусской свитѣ. Дра было показать этимъ зазнавшимися прусскимъ выскочкамъ, что есть чинца и нашему долготерпѣнію. Другія баварскія газеты, пользуясь случаемъ, подвергаютъ рѣзкой критикѣ прусскую систему управленія, которая несла въ германскую жизнь казарменный духъ, прислужничество, демомализацію, которая подавляетъ населеніе налогами ради непрерывнаго разгнѣя милитаризма.

Корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей* указываетъ на крайне придирчивое отношеніе нѣмецкихъ властей къ проступкамъ по дѣламъ печати и приводитъ случаи, когда присяжные (въ Баваріи ими судятся эти проступки) оправдываютъ подсудимыхъ, несмотря на всѣ усилія и ухищренія мужливой прокуратуры и администраціи. Еще поучительнѣе слѣдующій фактъ. Въ Нюрнбергѣ былъ недавно первый съѣздъ баварскихъ писателей и журналистовъ. «Собравшіеся обсуждали профессиональныя нужды своего сословія, дебатировали объ учрежденіи пенсіонной кассы и третейскихъ судовъ; но больше всего говорилось о необходимости положить копецъ партійности и произволу въ юстиціи по отношенію къ печати. На званіи одного рѣшенія кассационнаго имперскаго суда редакторъ газеты можетъ быть привлеченъ къ суду не только по мѣсту своего жительства, но и вездѣ, гдѣ газета имѣетъ подписчиковъ. Баварскаго или баденскаго

журналиста, следовательно, можно судить и въ Берлинѣ. Мы не имѣемъ довѣрія къ берлинскимъ судьямъ,—говорилъ одинъ изъ референтовъ,—и менѣе всего мы можемъ допустить, чтобы насъ лишили благодѣянія суда прѣсѣянныхъ» *).

Заговоривъ о печати, упомянемъ еще объ одномъ реакціонномъ теченіи въ современной Германіи. Нѣкоторые коронные суды пытаются установить, что шестимѣсячный срокъ для судебного прѣсѣдованія печатнаго произведенія начинается не съ обнародованія этого произведенія, а съ продажи его послѣдняго экземпляра. Нелѣпость такого толкованія очевидна и нѣтъ основаній опасаться его торжества въ свободомыслящей и уважающей себя Германіи. Даже такія умѣренные газеты, какъ *National-Zeitung*, возмущаются реакціоннымъ юридическимъ ухищреніемъ **).

Во Франціи одинъ изъ монархическихъ претендентовъ, герцогъ Орлеанскій, обнаруживаетъ признаки жизни. Онъ не доволенъ медлительной и осторожной тактикою роялистическаго комитета съ герцогомъ Одиффе-Пакье во главѣ. Молодому претенденту хочется поскорѣ приступить къ дѣйствіямъ, выступить кандидатомъ на парламентскихъ выборахъ въ многочисленныхъ округахъ, чтобы создать себѣ нѣчто вродѣ бонапартистскаго плебисцита. Герцогъ Орлеанскій имѣетъ въ виду,—въ подобныхъ случаяхъ это всегда имѣется въ виду,—самое чистѣйшее благо народное, интересы рабочихъ классовъ. Претендентъ говоритъ, что надо, наконецъ, выбрать одно изъ двухъ: на словахъ отстаивать монархію или создать ее (*Il faut cependant choisir entre figurer la monarchie ou la faire*). Герцогъ Орлеанскій хочетъ попробовать всеобщей подачи голосовъ, онъ считаетъ этого униженіемъ своего королевскаго достоинства и признаетъ нелѣпою легендой мнимую несовмѣстимость монархическаго права и прѣсѣдательнаго. Вотъ до какой степени хочется принцу Орлеанскому сѣсть на французскій престолъ!

Письмо президента не произвело однако большого впечатлѣнія. *Justice* говоритъ, что даже монархическія газеты съ трудомъ поднимаются до обязательнаго для нихъ въ подобныхъ случаяхъ энтузіазма. *Justice* ядовито и основательно замѣчаетъ, что письмо герцога Орлеанскаго есть официальное погребеніе монархической идеи, ибо въ немъ представитель монархій божественнаго права склоняется передъ всеобщей подачей голосовъ.

Французской республикѣ въ настоящее время грозятъ затрудненія и съ этой стороны: они происходятъ отъ внутренней неурядицы, отъ угрознаго и злостнаго нежеланія правящей буржуазіи вступить на путь серьезныхъ экономическихъ и финансовыхъ реформъ. Кабинетъ Меллина все болѣе и болѣе опирается на республиканцевъ лѣваго центра и на монархистовъ. Клерикальные притязанія оживились, народное неудовольствіе воз-

*) *Русскія Ведомости*, 4 іюня.

**) См. статью: *Die Verjährung der Pressdelikte* (*National-Zeitung*, 16 Mai).

заетъ. Несмотря на паническій страхъ французской буржуазіи передъ ходнымъ налогомъ, новый министръ финансовъ, Копрі, вынужденъ изогать какое-то его подобіе. Чуть ли не самый вліятельный органъ нынѣшняго большинства, бульварный *Figaro*, предостерегаетъ Копрі отъ его лтки: есть священные слова во Франціи, — говоритъ газета, — и въ числу принадлежать *отечество* и *рента*.

Министръ иностранныхъ дѣлъ въ кабинетѣ Меліна, столь любезный гимъ нашимъ газетамъ Ганото, началъ съ того, что внесъ предложеніе присоединенія Мадагаскара къ Франціи. Если припомнить читатели, въ кнее свое министерство Ганото рѣшительно протестовалъ противъ приненія острова и настаивалъ на заключенномъ имъ договорѣ о протектѣ. Это свидѣтельствуетъ о степени проникательности и обдуманности ствій лица, руководящаго теперь иностранною политикою Французской гублики.

Агитация противъ чрезмѣрныхъ притязаній сената и противъ внутренполитики застоя, повидимому, все усиливается во Франціи. Въ этомъ шпеніи выдается обширная, вызвавшая восторженное одобреніе рѣчь шаго министра-президента Леона Буржуа, произнесенная въ Меленѣ (*l'ent*). Ораторъ настаивалъ на необходимости преобразованія податной темы, гдѣ теперь господствуютъ косвенные налоги, или прямые, сокъ не пропорціональные средствамъ плательщиковъ, и на пересмотрѣ ститучіонныхъ законовъ. Леонъ Буржуа высказывается за сохраненіе съ палаты, но требуетъ, чтобы отношенія между ними были точно дѣлены и права сената въ бюджетныхъ вопросахъ ограничены. Необімо кромѣ того принять законодательныя предосторожности, чтобы сеь не являлся тормазомъ для существенно важныхъ преобразованій. жуа напоминаетъ, что при нынѣшнихъ порядкахъ много дѣтъ переходъ изъ палаты въ сенатъ и обратно разные законопроекты, и въ числѣ законопроектъ объ отвѣтственности предпринимателей при несчастъ случаяхъ съ рабочими. Кончилъ свою рѣчь бывшій министръ-презиъ мужественнымъ призывомъ: тамъ, гдѣ долгъ — тамъ и будущее.

Какъ можно было предвидѣть, избирательный законопроектъ, внесенъ шведскимъ правительствомъ (о немъ мы своевременно сообщали), зргнуть въ соединеномъ засѣданіи обѣихъ палатъ. Слѣдуетъ отмѣтить льно кончившійся въ Лондонѣ конгрессъ представителей торговыхъ павъ метрополи и колоній. На немъ высказана мысль объ учрежденіи въ довѣ совѣщательнаго совѣта по дѣламъ метрополи и колоній. Это ю бы шагомъ на пути къ федераціи *).

В. Г.

*) *Daily News*, 11 June.

Контора журнала „Русская Мысль“ (Москва, угол Леонтьевского пер. и Большой Никитской ул. д. № 2—24) принимает объявления, для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб. Расчетъ производится за полную страницу, хотя бы объявленіе занимало мѣсто менѣе страницы.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстную книгу, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу листовъ, привлекаемыхъ къ журналу объявленій, взимается съ каждой 1000 экз. за 1 лотъ вѣсу 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 р. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть оброшюрованы къ журналу.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ и привлекаются къ нему не иначе, какъ при доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Въ конторѣ журнала *Русская Мысль* имѣется небольшое количество годовыхъ экземпляровъ журнала за 1883, 1886, 1887 и 1888 гг. цѣна которымъ, съ пересылкою, слѣдующая: 1883 и 1886 гг. за 1 экз. по 6 руб., 1887 г. за 1 экз. 7 руб., 1888 г. за 1 экз. 8 р. Цѣна за всѣ означенные годы вмѣстѣ 26 руб. съ пересылкою.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛЪ

О П Е Ч А Т К А :

въ „Иностранномъ обзорѣ“ 190 страница, 12 строка снизу напечатано:
президента, слѣдуетъ читать: претендента.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Флиртъ“ и др. рассказы К. Баранцевича.—„Новая мама“. Пов. В. П. Соколова.—
Новые переводы „Божественной Комедіи“ Данте Алигieri.

Флиртъ и другіе рассказы. К. Баранцевича. Спб., 1896 г.
на 1 р. *Флиртъ* есть заглавіе перваго изъ пятнадцати рассказовъ,
сбщенныхъ въ этой книжкѣ. Какъ этотъ рассказъ, такъ и почти всѣ
альные имѣютъ характеръ жанровыхъ картинокъ, взятыхъ прямо съ
уры, но отнюдь не сфотографированныхъ, а написанныхъ художни-
и проникнутыхъ извѣстными идеями, по большей части, очень
патичными, вызванными неизмѣнно добрыми и гуманными чувствами,
всегда, однако же, неоспоримо вѣрными. Авторъ, несомнѣнно, отно-
ся съ большою любовью къ дѣтямъ и подросткамъ,—доказательство
милый рассказъ *Мальчикъ на улицѣ*,—желаетъ имъ всякаго добра
въ особенности, желаетъ оградить ихъ отъ всего, могущаго причи-
ить имъ нравственный вредъ. Этому нельзя, конечно, не сочувство-
вать, нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что родители и воспитатели
обращаютъ мало вниманія на выборъ развлеченій для своихъ юныхъ
питанниковъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, мы не можемъ согласиться съ г. Ба-
ранцевичемъ, когда онъ возстаетъ противъ танцевъ (въ рассказѣ *Танцы*)
вображаетъ пагубныя послѣдствія этого издавна и всюду допускае-
го увеселенія. Авторъ говоритъ устами своего „опростившагося“ ре-
ера Петра Степановича: „Подъ музыку, значить, и сближеніе по-
тъ допускается: десятилѣтнія дѣвчонки танцуютъ съ такими же маль-
чиками? А учиться вмѣстѣ въ школахъ, какъ это дѣлается въ Аме-
икѣ, нельзя, неприлично или, можетъ быть, танцевальная эта музыка
дастъ удивительную способностью очищать всякую грязь? О, лице-
ны!“—Петръ Степановичъ не замѣчаетъ, что конецъ его рассужде-
стоитъ въ противорѣчій съ началомъ: онъ совершенно правъ, когда
одитъ возможнымъ и полезнымъ, чтобы мальчики и дѣвочки учились
истѣ, „какъ въ Америкѣ“, и совсѣмъ не правъ, когда называетъ

„грязью“ совмѣстныхъ развлеченій дѣтей. Если стать на его точку зрѣнія, то придется признать, что учиться въ одной комнатѣ можно, играть, бѣгать, танцовать въ одномъ саду—нельзя. Мы думаемъ, что дѣло тутъ никакъ не въ танцахъ, а иллюстрацію къ вреду, происходящему отъ нихъ, находимъ неудачною, по ея крайней исключительности и случайности. Лучшій, по нашему мнѣнью, рассказъ *Мамы* представляетъ собою очень жизненный психологическій этюдъ, изображающій то состоянiе, какое испытываетъ мужъ, покинутый женою, которую онъ горячо любитъ и которая, любя его, но не удовлетворенная благополучiемъ сытой жизни, покинула его ради того, чтобы помочь бѣдамъ гибнущаго народа. На такую тему написано не мало рассказовъ и повѣстей, и чуть ли не всѣ они сводятся къ болѣе или менѣе печальному концу, къ полному разрыву между супругами. А изъ такихъ окончанiй получается общее заключенiе о нежелательности временнаго разлуки супруговъ изъ-за желанiя одного изъ нихъ дѣятельно исполнить высокой идеѣ. Прелестъь рассказа г. Баранцевича въ томъ, что мужъ не только примиряется съ поступкомъ жены, но приходитъ къ разумнѣиоу смыслу этого поступка, проникается тою же идеею и идеѣю къ женѣ, чтобы вмѣстѣ съ нею работать и посильно облегчать страданiя несчастныхъ. Разсказано это правдиво, живо и трогательно. Грустное впечатлѣнiе производятъ рассказы *Оба помѣла* и *Старый зрѣльцъ*. Герой разсказа, Тукманкинъ, „маленькiй человѣкъ“, занимающiй „маленькую“ должностъ въ страховомъ обществѣ, получая „маленькое“ жалованiе, позволилъ себѣ роскошь имѣть, „не по числу“ много дѣтей, вѣжно любить ихъ, всю душу и всѣ силы свои отдавая имъ воспитанiю. Пока дѣти были малы и силъ хватало, все шло хорошо. Но насталъ моментъ, неизбѣжный для всякаго „маленькаго“ человѣка, моментъ физическаго и нравственнаго утомленiя, за которымъ очень нерѣдко слѣдуетъ настоящая трагедiя, безшумная, невидимая постороннему глазу даже самыхъ близкихъ людей, довольствующаясь ходячимъ докторскимъ опредѣленiемъ, что у „маленькаго“ человѣка нервы разстроены отъ „переутомленiя“. Въ разсказѣ *Прозрѣлъ* съ большою яркостью раскрывается ужасное значенiе этого слова, все чаще и чаще повторяемаго въ наше время. А потому-то это маленькое вѣствованiе полно глубокаго смысла. Начальники, сослуживцы, знакомые, врачи, всѣ относятся къ Тукманкину съ полнымъ сочувствiемъ, всѣ готовы оказать ему помощь, только *естъ-то* они не могутъ, въ состоянiи такъ помочь ему, какъ это нужно для его успокоенiя и исцеленiя. Прибавка жалованья... Да какая же возможна прибавка, если онъ „переутомленъ“? Пенсiя? Какая же пенсiя, въ какихъ размѣрахъ поможетъ „маленькому“ человѣчку воспитать и обучить, на ноги поставить шесть человѣкъ дѣтей? Какъ же быть, что дѣлать съ такими „маленькими“ человѣками и съ ихъ большими семьями? Въ концѣ мученный Тукманкинъ, засаженный въ психиатрическую лѣчебницу, слышитъ своего дорогаго прiятеля: „Какъ на счетъ общественнаго благотворительности? Развивается она?“ Ничего, развивается, — утѣшается прiятель. „Вотъ, вотъ, это самое мнѣ и нужно! Ну, а скажи пожалуйста, не читалъ ли ты въ газетахъ, не проектируется ли такое общество, или не устроилось ли уже, которое брало бы на свое воспитанiе дѣтей, у которыхъ отецъ или мать оказываются неспособными къ труду?“ Не читалъ, нѣтъ, — признается собесѣдникъ. Да, есть такая обществу попеченiя о дѣтахъ, немущихъ, безпрiютныхъ, не-

тыхъ, о дѣтяхъ лицъ, сосланныхъ въ Сибирь, а такого общества, кое нужно Тукманкину, нѣтъ. Его дѣти не покинуты родителями, безпріютны, подѣ разрядъ неимущихъ не подходятъ: отецъ получаетъ 30—50 рублей жалованья, не проворовался, въ Сибирь не сошь. Чтобы подвести своихъ дѣтей подѣ категорію имѣющихъ право призрѣніе со стороны одного изъ существующихъ обществъ, Тукманкину остается одно—покончить съ собою самоубійствомъ. Онъ это дѣлаетъ... Сдѣлалъ онъ это въ припадкѣ психическаго расстройства. Причина-то расстройства изображена авторомъ ясно и внушительно. Откликнется ли кто на добрый и честный призывъ помочь „маленькимъ“ честнымъ труженикамъ?

Новая мама. Повѣсть В. П. Соколова. М., 1896 г. Цѣна 75 к. Авторъ придумалъ хорошенькое заглавіе, заманчивое, несмотря на то, что на тему о мачихѣ написано несчетное число романовъ и повѣстей. Сказъ ведется отъ имени Вани Павловскаго, обучавшагося въ казенномъ корпусѣ, и начинается съ того момента, когда мальчикъ пошелъ отъ отца письмо, сообщавшее о томъ, что у Вани „скоро будетъ мама“ Елена Александровна. Далѣе Ваня подробно излагаетъ, какъ его въ корпусѣ обижали товарищи, какъ онъ часто плакалъ, съ чѣмъ удовольствіемъ мечталъ увидать „новую маму“, какъ вѣхалъ къ ней на каникулы. „Новая мама“ оказалась не совсѣмъ такою, какою представлялъ ее себѣ кадетикъ, а что это за женщина на самомъ дѣлѣ, остается для читателя не яснымъ, какъ равно и то, что за человекъ папаша Вани, почему этотъ папаша не ужился съ новой супругой, какъ они разошлись и почему Елена Александровна, получивши зводъ, вышла замужъ за ученаго съ синихъ очкахъ. Имѣніемъ Павловскаго завладѣла мѣщанка Агаея. Что за личность мѣщанка Агаея, какъ она забрала состояніе отца Вани, это опять неизвѣстно. И, въ концѣ-концовъ, неизвѣстно, зачѣмъ написана вся эта незанимательная горь. Отъ повѣсти получается такое впечатлѣніе, будто авторъ пишетъ очень правдиво и искренно. Въ его собственномъ представленіи изображаемыя имъ лица отражаются живыми и характерными, и всѣ принимаемыя имъ событія, лично для него, полны смысла и значенія. Авторъ же остается совершенно равнодушнымъ къ радостямъ и печальмъ Вани Павловскаго, и нисколько читателя не интересуютъ ни папаша, новая мама Ванюши, ни его нянька и кучеръ Михѣй, ни мѣщанка Агаея и ея племянница Саша, сдѣлавшаяся какимъ-то чудомъ невѣстой ни. О какой-либо идеѣ нѣтъ и помина въ повѣсти г. Соколова. А всѣхъ событій и приключеній, о которыхъ онъ рассказываетъ, найдется любого прилежнаго гимназиста на нѣсколько подобныхъ книжекъ.

Новые переводы „Божественной комедіи“ Данте Алигьери: В. В. Чуйко. Спб., 1895 г., изд. В. И. Губинскаго, съ рисунками французскихъ художниковъ. Ч. I, „Адъ“ (цѣна 1 р. 50 к.); ч. II, „Истислище“ (цѣна 1 р. 25 к.); ч. III, „Рай“ (цѣна 1 р. 25 к.). Н. Голованова. М., 1896 г., изд. т-ва Кушнерева. Ч. I, „Адъ“ (цѣна 1 р. 50 к.). Въ послѣднее время у насъ переводятъ не мало чуждыхъ произведеній европейской литературы. Вызвано ли это потребностями все расширяющагося у насъ образованія, не довольствующагося только общими свѣдѣніями изъ исторій литературъ, но желающаго знакомиться съ самими произведеніями средневѣковой поэзіи, или это явленіе свидѣтельствуетъ объ извѣстномъ броженіи литературныхъ вкусовъ, не зрящихъ, на чемъ остановиться въ новѣйшей литературѣ и стремящихся найти руководящую нить въ изученіи прошлой,—

судить трудно. Однако, фактъ на-лицо: въ VI кн. *P. M.* за 1894 мы давали отзывъ о переводахъ *Божественной комедіи* А. П. Борова и П. Каншина, а теперь приходится говорить о двухъ новых переводахъ того же знаменитаго произведенія старинной итальянской литературы. Новые два перевода заслуживаютъ большаго вниманія чѣмъ два предыдущихъ. Переводъ г. Чуйко уже потому имѣетъ право на вниманіе, что это первый у насъ *полный* прозаическій буквальный переводъ великаго произведенія, снабженный притомъ очень недурными иллюстраціями (около семидесяти въ каждой части). Напрасно толковать г. Чуйко старался исказить смыслъ своей работы въ предисловіи третьей части. Въмѣсто того, чтобы прямо сознаться, что онъ не силахъ дать стихотворнаго перевода терцинами, г. Чуйко началъ толковать о тѣхъ непреодолимыхъ трудностяхъ, которыя встрѣчаетъ переводчикъ, задумавшій дать совершенный переводъ чужого произведенія на свой языкъ. Въ замѣчаніяхъ г. Чуйко столько же справедливости, сколько и общеизвѣстнаго, но выводъ совершенно неожиданный: онъ приводитъ насъ къ заключенію, къ которому французы, нѣмцы и англичане давно уже пришли (?), а именно, что поэтическія произведенія должны (!) быть переводимы прозой“. Что всего удивительнѣе, г. Чуйко надѣется при этомъ сохранить не только тонъ, но даже „музыку стихотворнаго линника“. Наконецъ, онъ высказываетъ желаніе, чтобы критика „вергла подробному анализу“ его переводъ и указала на его ошибки. Когда мы приступили къ чтенію перевода г. Чуйко для сравненія съ подлинникомъ, намъ показался онъ какъ будто знакомымъ. Какъ же было наше удивленіе, когда, раскрывъ переводъ Каншина, мы увидѣли, что г. Чуйко отсюда буквально перепечаталъ вступительную статью: *Данте Алигьери и Божественная комедія*, причемъ подлинно подписалъ свое имя; примѣчанія въ значительной части также совершенно сходны, а при нѣкоторыхъ пѣсняхъ цѣликомъ перепечатаны (например, къ 34 пѣснѣ); самый текстъ „Ада“ можетъ быть названъ прозаическимъ переводомъ Каншина, *исправленнымъ* г. Чуйко. Въ остальныхъ пѣсняхъ поправокъ больше, въ послѣднихъ меньше (34 пѣснь перепечатана почти буквально). Г. Чуйко не обмолвился ни однимъ словомъ въ I части для объясненія этого страннаго явленія; въ статьѣ „отъ переводчика“ (въ началѣ III части) среди пособій, которыми пользовался г. Чуйко, переводъ Каншина также не указанъ. Отказываясь давать объясненіе этому поступку, но во всякомъ случаѣ должны сказать, что *поправки* г. Чуйко къ переводу I части *Божественной комедіи* Каншина приближаютъ его къ итальянскому тексту, и вообще переводъ г. Чуйко, какъ буквальная передача *La divina commedia*, является полезнымъ пособіемъ для ознакомленія съ содержаніемъ знаменитой поэмы, но не больше.

Не побоявшись трудностей, которыхъ испугался г. Чуйко, г. Головановъ взялъ на себя работу гораздо болѣе трудную и высокую—перевести *La divina commedia* на русскій языкъ размѣромъ подлинника (терцинами), т.-е. дать художественное произведеніе въ его художественной формѣ. Г. Головановъ выпускаетъ теперь I часть и въ предисловіи говорить, что работа эта затянута у него на 9 лѣтъ. Количество затраченныхъ усилий и добросовѣстности отношенія къ этой работе эта можетъ быть сравниваема только съ переводомъ „Ада“ Д. Мина (1835 г.), безусловно оставшагося до сихъ поръ лучшимъ. Какъ и Д. Минъ, г. Головановъ озаботился снабдить свою книгу стоятельными примѣчаніями и статьями о Данте. Первый бралъ

», главнымъ образомъ, изъ знаменитаго нѣмецкаго перевода Филатеса, второй въ примѣчаніяхъ пользовался не менѣе авторитетнымъ чужиникомъ — комментаріями Пфейдлерера къ нѣмецкому переводу К. Штрекфуса. Что касается статей о Данте, то г. Голованову пришла въ голову оригинальная мысль — дать какъ бы маленькую хрестоматию въ концѣ книги, представляющую образцы отношенія къ нѣмцамъ итальянцевъ, французовъ, нѣмцевъ, англичанъ, американцевъ и сскихъ. Если подборъ этихъ статей (Нортонъ, Вольтера, Ривароля, мене, Эдгарда Кине, Шлегеля, Карлейля, Ф. И. Буслаева и др.), въ виду громадности литературы о Данте, и представляется, быть можетъ, сколько случайнымъ, то во всякомъ случаѣ онѣ прочтутся читателями съ большимъ интересомъ. На заглавномъ листѣ книги стоитъ: «Есть перевода просмотрѣнъ проф. Ф. И. Буслаевымъ». Имя такого авторитетнаго знатока итальянской средневѣковой литературы достаточно ручается за вѣрность перевода въ общемъ; мы съ своей стороны только замѣтимъ, что, сравнивая параллельно переводы Д. Мина и г. Голованова съ итальянскимъ текстомъ, мы почти всюду находили, что первый стоитъ къ подлиннику ближе, чѣмъ второй. Возьмемъ, напримеръ, изъ XXXIII пѣсни стихи 127—133:

E perché tu piu volentier mi rade
 Le invetriate lagrime dal volto,
 Sappi che tosto che l'anima trade,
 Come fec'io, il corpo suo l'è tolto
 Da un demonis, che poscia il governa
 Mentre che il tempo suo tutto sia volto.

Г. Головановъ передаетъ это мѣсто слѣдующимъ образомъ:

Но чтобъ глаза мои ты тѣмъ желаннѣй
 Очистишь, я скажу, что не коснись
 За грѣхъ измѣны кара воздаданій;
 И демонъ плоть того животворить,
 Кто залягнулъ себя измѣны дѣломъ,
 Доколѣ срокъ она не совершить.

Гораздо ближе и въ то же время понятнѣе перевелъ Д. Минъ:

Но чтобъ охотнѣй сбросилъ ты оковы
 Остекленѣвшихъ слезъ съ моихъ ланитъ,
 Узнай: едва душа составитъ ковы,
 Какъ сблалъ я, ужъ въ тѣло къ ней сбѣжитъ
 Вселиться бѣсъ и тѣломъ управлять,
 Доколѣ она срокъ жизни совершить.

Правда, языкъ Мина иногда тяжелѣе, и переводъ г. Голованова итается свободнѣе, однако, эта легкость языка куплена именно цѣною ольшаго удаленія отъ подлинника. Напрасно поэтому г. Головановъ высказываетъ опасеніе, что его переводъ страдаетъ буквализмомъ и звѣстной «пестротой языка», вслѣдствіе того, что онъ, желая передать особенности дантовскаго стиля, не стѣснялся употребленіемъ «аризмовъ, славянизмовъ, былинныхъ и пѣсенныхъ оборотовъ»; обилія особенностей въ обычномъ литературномъ языкѣ его перевода мы не амѣтили и, въ концѣ концовъ, должны сказать, что тяжеловатый языкъ Мина лучше передаетъ не только содержаніе, но и духъ подлинника. Въ заключеніе, все-таки, выскажемъ пожеланіе, чтобы г. Головановъ не остановился только на I части, какъ принужденъ былъ остановиться Минъ, и занялся переводомъ двухъ слѣдующихъ частей *Божественной комедіи*. Предпріятіе его во всякомъ случаѣ заслуживаетъ сочувствія и пожеланія успѣха.

ФИЛОСОФІЯ И ПСИХОЛОГІЯ.

„Французская философія первой половины XIX вѣка“. И. Тэна.—Душевные движенія“. Психо-физіол. этюдъ Д-ра Г. Ланге.

Французская философія первой половины XIX вѣка. И. Тэна. Переводъ съ 6 франц. изданія Ю. В. Подъ редакціей Е. Васильева. Изданіе Юридическаго книжнаго магазина Н. К. Мартынова. Спб., 1896 г. Появленіе въ русскомъ переводѣ извѣстнаго сочиненія Тэна *Les philosophes classiques du XIX siècle en France* надо считать очень отрадною литературною новинкою, которая привлечетъ къ себѣ обширный кругъ читателей богатствомъ своего содержанія и необыкновеннымъ изяществомъ своей стилистической оболочки. Эта книга—одно изъ раннихъ произведеній знаменитаго писателя, и по своему характеру она представляетъ гордый вызовъ, который молодой авторъ бросилъ реакціонной философіи, возникшей во Франціи первой половины нашего столѣтія на смѣну и въ видѣ протеста сенсуализму и материализму XVIII вѣка. Вотъ почему, несмотря на то, что онъ разбираетъ теоретическіе вопросы отвлеченной мысли, вся она проникнута воодушевленіемъ, искренностью и по своему живому тонко рѣзко отличается отъ ординарнаго типа сухихъ трактатовъ по исторіи философіи. Для Тэна системы спиритуалистовъ и эклектиковъ не были чѣмъ-то далекимъ отъ практической жизни, безвредной и красивой работою тонкихъ умовъ; напротивъ, онъ ясно видѣлъ, что со своихъ метафизическихъ высотъ онѣ спускаются въ глубь самыхъ насущныхъ человѣческихъ интересовъ и, подъ эгидой официальнаго призванія, парализуютъ всякое оригинальное и смѣлое изслѣдованіе, гибельно влияют на общественные идеалы. Поэтому онъ боролся съ ними горячо и страстно, остроумно показывалъ ихъ логическую несостоятельность, разбивалъ ихъ ударами своей ироніи и насмѣшки; опровергалъ теоріи, онъ вмѣстѣ съ ними поражалъ и людей; уничтожая философію, не щадилъ и философовъ. Глубоко презирая тѣхъ, кто съ готовностію укладываетъ науку на прокустово ложе государственныхъ требованій, съ легкимъ сердцемъ отсѣкаетъ отъ нея все неудобное и неудобное для господствующихъ взглядовъ, Тэнь, какъ онъ самъ говоритъ про себя, „не жандармъ“ (стр. 30); онъ ничѣмъ не поступится изъ истин, которую обладаетъ, и для него антипатичны смиреннѣйшій Роайе-Колье и такіе хамелеоны въ философіи, какъ Викторъ Кузенъ. Сильный своимъ психологическимъ талантомъ, Тэнь чрезвычайно интересовался внутреннимъ міромъ и настроеніями мыслителей, создавшихъ тѣ и другія философскія системы, и въ абстрактныхъ идеяхъ, въ метафизическихъ тонкостяхъ искалъ и находилъ черты умственной и нравственной фізіономіи ихъ творцовъ. Въ его художественно написанной книгѣ читатель видитъ предъ собою портретную галерею французскихъ философовъ и знакомится не только съ ихъ ученіями, но и съ тѣми характерами, съ тѣми интеллектуальными особенностями, къ результатамъ которыхъ появились данныя теоріи. Больше всего вниманія и мѣста Тэнь удѣлилъ Кузену, какъ центральной фигурѣ эклектизма, какъ представителю той оппортунистической философіи, которая свѣтила собою Кондильяка и энциклопедистовъ и праздновала свое торжество. Когда Тэнь писалъ свои талантливыя строки, посвященныя Кузену, послѣдній жилъ еще, но о немъ уже можно было говорить, какъ объ умершемъ, потому что его роль была сыграна и его значе-

Для исторіи французской мысли вполне выяснилось; вслѣдствіе го Тэнъ не стѣснялся въ своей объективной оцѣнкѣ и всесторонне бразилъ личность пережившаго свою славу философа. Ученіе Ку- в., какъ самый яркій образчикъ спиритуализма, правда, не глубоко и измѣчиваго, въ интерпретаціи Тэна обнаружило свою слабость историческую окраску, отсутствіе связи между своими отдѣльными ментами. Если дѣятельность Кузена давала Тэну обильный матеріаль- нроніи, то за то къ благородному и симпатичному въ своихъ ду- нныхъ тревогахъ Жюффруа онъ относился очень сочувственно и въ гательныхъ краскахъ описалъ красоту его сердца, повинувшаго ре- ію для философіи, чтобы найти въ ней желанную истину. Но онъ ергъ его телеологическую систему и показалъ, что его психологія, лючительно основанная на самонаблюденіи, не имѣетъ будущаго. рчивъ философскія теченія своей родины въ первой половинѣ текущаго жѣтія, Тэнъ долженъ былъ прийти къ выводу, что въ нихъ нѣтъ ини и силы; но его отрицательный приговоръ былъ произнесенъ во і положительной системы, которая отличается дѣльностью и строго- чнымъ характеромъ своихъ построеній. Тэнъ не ограничился тѣмъ, бы высмѣять метафизику; онъ понималъ, что она во всякомъ слу- в очень серьезное историческое явленіе, которое можно устранить ько тогда, когда на смѣну ей будетъ выработана другая филосо- і, имѣющая право воцариться на ея мѣствѣ. И Тэнъ обладалъ такою осифіей. Въ своей книгѣ онъ не только представилъ блестящій мизъ и безошадную, справедливую критику метафизическаго на- вленія, но и противопоставилъ ему свою собственную теорію, низ- цуюся на могучихъ началахъ позитивнаго знанія, и далъ въ зар- шѣ то, что вслѣдствіи получило развитіе въ его трудѣ „De l'intel- лисе“. Тэнъ могъ спокойно разрушать чужое, потому что у него въ зпораженіи были солидные матеріалы для новаго творчества, и стра- цы его сочиненія богаты оригинальными идеями и множествомъ раз- образныхъ свѣдѣній.

Извѣстно, какое красивое перо было на службѣ у Тэна и его мыс- й. Оно написало и эту книгу его молодости. Ясный и пронизатель- й умъ Тэна избѣгалъ всего туманнаго и любилъ такія слова, кото- я сразу открываютъ все содержаніе своихъ понятій и не даютъ ни- кого повода къ сомнѣніямъ. То, о чемъ иная философія говорила ино и тяжеловѣсно, Тэнъ выражалъ съ изяществомъ и легкостью, на мѣ, который не былъ чуждъ ни для кого; то, что у другихъ за- ючено было въ броню абстрактныхъ формулъ и сухимъ силлогизмомъ, онъ расцвѣчивалъ яркими образами, одухотворялъ звучною музыкой зчисленныхъ метафоръ и изъ окружающей дѣйствительности бралъ иретные примѣры, которые освѣщали не для всѣхъ доступныя вы- ты отвлеченія. Онъ былъ не только мыслителемъ, но и художни- мъ; онъ облакалъ свои идеи въ живыя краски и въ свое изслѣдова- е о французской философіи внесъ разговоры вымышленныхъ лично- ей, элементы описанія и характеристики, бытовые сцены. Всѣмъ имъ онъ достигъ того, что его теоріи и разсужденія сильнѣе запѣ- тлѣваются въ умахъ и что его книга не только будитъ мысль, но доставляетъ высокое литературное наслажденіе.

Передавать на чужомъ языкѣ такой стиль, почти исключительное стояніе французской рѣчи, очень трудно, и поэтому нельзя не воз- ить особенной похвалы переводчику и редактору, которые вполне итѣшно исполнили свою задачу. Плавное и граціозное теченіе тэнов-

скаго слога сохранилось и въ русскомъ изложеніи, которое сумѣло дать совершенно правильный отпечатокъ не только мыслей Тъза, и ихъ внѣшней формы. Переводъ снабженъ небольшими приписаніями, главнымъ образомъ—біографическаго и бібліографическаго характера. Отмѣтимъ погрѣшность, которая вкралась на 136 стр.: тамъ извѣстный романъ Бейля-Стендала *Le Rouge et le Noir* названъ *Bouge et le Non*.

Душевные движенія. Психо - физиологическій этюдъ. Д-ра Ланге, проф. Копенгагенскаго университета. Переводъ М. І. („Популярно-научная бібліотека“. Изданіе Ф. Павленкова). Спб. 1896 г. 89 стр. Ц. 40 коп. Книжка д-ра Ланге, проф. патологической анатоміи въ Копенгагенскомъ университетѣ и извѣстнаго въ нѣмцѣн невропатолога-практика, была уже разъ переведена на русскій языкъ въ 1890 г. Настоящій, второй переводъ ея сдѣланъ съ внимательнаго и исправленнаго проф. Ланге французскаго перевода г. Дюма; такимъ образомъ, несмотря на то, что и г. Дюма переводилъ не съ датскаго оригинала, а съ нѣмецкаго перевода д-ра Куреля французскій переводъ выражаетъ мысли автора столь же хорошо, какъ и оригинальный текстъ сочиненія. Проф. Ланге ищетъ объективных признаковъ душевныхъ движеній и находитъ ихъ въ той или другой степени иннерваціи мускуловъ двигательныхъ, главнымъ же образомъ внутренностныхъ и сосудодвигательныхъ. Тѣ или другія физиологическія пережѣны авторъ считаетъ не выраженіемъ эмоцій, а ихъ причиной; такимъ образомъ, эмоціи сводятся на отраженіе въ сознаніи различныхъ органическихъ измѣненій. Авторъ даетъ схемы двигательной и сосудодвигательной иннерваціи для простыхъ эмоціональных состояній (печаль, радость, страхъ, гнѣвъ, разочарованіе, нетерпѣніе, скупеніе), которыя онъ называетъ душевными движеніями или эмоціями, отличая ихъ отъ сложныхъ состояній—страстей. Авторъ придаетъ слишкомъ большое значеніе изученію объективныхъ признаковъ эмоцій, заявляя, что интроспективное изученіе ихъ ненаучно: оно недоступно, но несомнѣнно—то, что дѣлаетъ эмоціи эмоціями, есть именно объективная сторона, ихъ содержаніе, какъ состояній сознанія, и установленное извѣстными гарантіями — изученіе сознанія можетъ быть столь же строго-научнымъ, какъ и изученіе внѣшняго міра. Правда, что изученіе физиологической стороны особенно важно въ эмоціяхъ, являющихся показателями нашего самочувствія, отношеній того или другаго внѣшняго или внутренняго явленія къ интересамъ нашего физическаго и духовнаго самосохраненія, но понятіе объ эмоціяхъ, какъ таковыхъ, есть дѣло чисто-внутренняго опыта. Наибольшій выдающагося предшественника своей теоріи проф. Ланге видитъ въ Мальбраншѣ, создавшаго въ своемъ сочиненіи *De la recherche de la verité* (1674 г.) полную теорію вазомоторнаго происхожденія телесныхъ проявленій эмоцій. Книжка проф. Ланге содержитъ много интереснаго матеріала и можетъ быть съ пользою прочитана всѣми.

ИСТОРИЯ, МЕМАУРЫ, БИОГРАФИИ.

Декабристы въ Западной Сибири". Сост. А. И. Дмитриевъ-Мамоновъ. — „Всеобщая исторія литературы“ *И. Шерра*. — „Б. Спавоза, его жизнь и философская дѣятельность“. Биограф. очеркъ *Г. А. Паперна*. — „Р. Декартъ, его жизнь и философская дѣятельность“. Биограф. очеркъ *Г. А. Паперна*.

Декабристы въ Западной Сибири. Очеркъ по официальнымъ документамъ. Составилъ А. И. Дмитриевъ-Мамоновъ. М., 1896 г. Исторія русскихъ общественныхъ движеній въ XIX в. въ связи съ исторіей развитія прогрессивныхъ идей въ русскомъ обществѣ еще не подврглись въ нашей литературѣ всестороннему и свободному изученію. Книга г. Пыпина объ общественныхъ движеніяхъ при Александрѣ I (извѣстная статья г. Скабичевскаго въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1870 г., №№ 10 и 11; 1871 г., №№ 1—4, 10 и 11; 1872 г., №№ 4—6) о сихъ поръ стоятъ одиноко въ качествѣ обобщающихъ сочиненій по атронутому вопросу, если не считать сжатыхъ очерковъ по исторіи русской культуры г. Милокова. Нельзя сказать, чтобъ у насъ спѣшили и съ изданіемъ основныхъ источниковъ. Уже не годъ и не два мы ждемъ отъ генерала Дубровина изданія подлиннаго дѣла о декабристахъ, разработка котораго была поручена ему покойнымъ императоромъ Александромъ III. Пока должны довольствоваться любопытною работою Дмитриева-Мамонова, составленной тоже по официальнымъ документамъ и изданной московскимъ обществомъ исторіи и древностей россійскихъ. Если оставить въ сторонѣ не всегда удачную форму изложенія и крайнюю типографскую небрежность, съ какой названное общество, уже нѣсколько лѣтъ функционирующее безъ редактора, издало трудъ г. Дмитриева-Мамонова, то послѣдній нельзя не привѣтствовать какъ весьма замѣтный вкладъ въ нашу литературу, способный обратить на себя вниманіе и ученой, и читающей публики. Книга состоитъ изъ XXXIX главъ: первая представляетъ собой общее вступленіе, остальные посвящены характеристикѣ положенія въ Западной Сибири 19 лицъ изъ числа декабристовъ; въ двухъ дополненіяхъ сообщаются вѣдѣнія о графѣ Мошинскомъ и подполковникѣ польской арміи Кржижановскомъ. Работа г. Дмитриева-Мамонова — не историческое изслѣдованіе, а толковое и достаточно объективное изложеніе документовъ, изученныхъ авторомъ. Еслибъ была издана подобная же работа о декабристахъ въ предѣлахъ Восточной Сибири и на каторжныхъ работахъ, то литература имѣла бы въ своемъ распоряженіи матеріалъ очень высокой цѣнности. Всѣ мы еще со школьной скамьи успѣли запомнить два факта: 1) „Союзъ Благоденствія“, изъ обломковъ котораго создались два тайныхъ общества декабристовъ „Сѣверное“ и „Южное“, былъ хорошо извѣстенъ Александру I и въ сущности опирался на его ѣзко одно время выразившіяся конституціонныя стремленія; „Союзъ“ былъ тайнымъ, но вовсе не отъ государя, подававшего надежды на великія реформы, прочное начало которымъ положено было только при Александрѣ II. 2) Декабристы, какъ личности руководящія, — идеалисты, такихъ не скоро можно отыскать въ исторіи европейскихъ движеній, понимая, что въ 1825 г. отъ радужныхъ надеждъ, которыми можно было убольщать себя въ 1820 г., не осталось и слѣда, сочли себя нравственно обязанными дѣйствовать внѣ какихъ-либо расчетовъ на успѣхъ, чтобы громко заявить свое мнѣніе и очистить совѣсть. „Многіе изъ руководителей движенія, — говоритъ одинъ изъ упомянутыхъ выше авторовъ, — съ отчаяніемъ въ сердцѣ пришли 14 декабря 1825 г. на площадь. Бесту-

жевь прямо на допросъ заявилъ, что не надѣялся на успѣхъ, но жертва въ жизнь для будущаго; то же почти говорилъ и Рыльцевъ". Все это извѣстно и понятно. У насъ остается въ тѣни другая сторона: 1) путь, которымъ молодежь, первоначально дѣйствовавшая въ союзъ съ правительствомъ, пришла къ окончательному съ нимъ разрыву, и 2) реальныя, если можно такъ выразиться, характеристики отдѣльныхъ представителей этой молодежи, звинченныхъ либеральнымъ моментомъ въ царствование Александра I и подавленныхъ реакціей. Развѣ не глубоко драматиченъ не поучителенъ въ самомъ дѣлѣ моментъ жестокаго столкновения этихъ невольныхъ воспитанниковъ либеральныхъ, скоро исчезнувшихъ глѣз этихъ глубокихъ идеалистовъ съ жестокою реакціей, которая не могла знать школы, ими пройденной, не знала настоящаго и не думала о будущемъ? Книга г. Дмитриева-Мамонова какъ разъ и даетъ материалъ для реальныхъ характеристикъ отдѣльныхъ лицъ изъ состава декабристовъ. Въ этомъ ея главный интересъ; нѣкоторыя фактическія данныя, ею устанавливаемыя, и любопытныя сообщенія о суровыхъ мѣропріятіяхъ по отношенію къ декабристамъ, свидѣтельствовавшихъ объ изумительной ловкости измышленія самыхъ неожиданныхъ комбинацій, приходится ставить уже на второмъ планѣ. Еслибы (стр. 7, 10, 12, 22) не нѣкоторыя послабленія, какія вынуждена была дѣлать сибирская администрація въ примѣненіи мѣръ, диктовавшихся изъ С.-Петербургa, еслибы не особенная популярность декабристовъ и выскъ съ ней глубокиа симпатіи къ нимъ мѣстнаго населенія, то едва ли можно было бы самое существованіе ихъ въ Сибири, о которомъ г. Дмитриевъ-Мамоновъ (на стр. 34; срв. стр. 74), несмотря на все жеманство лишь сухо изложить данныя своихъ источниковъ, говорить въ отечески прочувствованныхъ выраженіяхъ.

Какъ ни тяжелъ былъ для декабристовъ разрывъ со всѣмъ прошлымъ и съ надеждами въ будущемъ, однако, они сумѣли сохранить въ Сибири многія черты своей духовной природы, сумѣли приносить пользу и дѣйствовать, насколько вообще была имъ доступна дѣятельность въ узкихъ рамкахъ правилъ и административнаго произвола. Всѣ успѣхи декабристовъ направлены были въ сторону просвѣтительной и филантропической дѣятельности, о которой среди мѣстнаго населенія сохранились самыя благодарныя воспоминанія; многіе изъ среды этого населенія въ свое время искали случая облизиться съ декабристами, видя въ нихъ въ высшей степени культурныхъ людей, способныхъ стоять впереди общества. Не разъ и не два въ своей книгѣ г. Дмитриевъ-Мамоновъ настойчиво и ярко обрисовываетъ указанныя черты (см. особенно стр. 50, 53, 76, 87, 88, 139, 143, 156, 159, 172 и 191), дополняя ихъ сообщеніями о служебной дѣятельности декабристовъ (извѣстно, что нѣкоторые изъ нихъ допущены были на государственную службу въ Сибири). Не будемъ приводить выдержекъ, которыми въ противномъ случаѣ пришлось бы заполнить нашъ отзывъ, а отсылаемъ читателей къ самой книгѣ, поучительной, цѣнной и грустной... Читатели сами обратятъ вниманіе на любопытныя подробности судьбы Батенкова, Кухельбекера, на подозрительную фигуру князя Друцкаго-Горскаго, на его роль въ такъ называемомъ омскомъ бунтѣ, за который г. Дмитриевъ-Мамоновъ (стр. 113), не стѣсняясь, клеймитъ сибирскую администрацію, на бѣдность многихъ декабристовъ и неудачную попытку надѣлать ихъ землей, на запрещеніе снимать съ нихъ портреты, надѣться съ родными, свободно переписываться etc. etc. Какъ бы въ укоръ сибирскому чиновничеству, г. Дмитриевъ-Мамоновъ особенно оставилъ

служебной дѣятельности въ Сибири С. М. Семенова, дослуживша-
и тамъ до статскаго совѣтника. „Въ тобольскомъ губернскомъ прав-
лѣ, — пишетъ авторъ, — въ которомъ послѣднее десятилѣтїе своей
они служилъ Степанъ Михайловичъ, сохранилось самое лучшее о
тѣ воспоминаніе, какъ о человѣкѣ и чиновникѣ со стойкими, неза-
нимыми и честными убѣждениями. Эта твердость убѣжденій, которую
не поступался ни предъ мнѣніями своихъ сослуживцевъ, ни предъ
доложеніями губернаторовъ и предписаніями генераль-губернаторовъ,
то породила непріятныя для него служебныя столкновенія.“ Замя-
ельными чертами обрисовано авторомъ и столкновеніе декабриста
она В. И. Штейнгеля съ высшею сибирскою администраціей. Въ
ихъ письмахъ Штейнгель жаловался на „жестокость“, „несправед-
ливость“, „безчеловѣчье“ и одно изъ нихъ, очень не понравившееся
фу Орлову, закончилъ, по словамъ нашего автора (стр. 153), та-
ко фразой: „неужели важность христіанскаго правительства состоитъ
непреклонномъ равнодушіи къ воплямъ обиженныхъ?... Есть же
жъ... вѣчность... потомство... страшно посмѣваться ими!“

Всеобщая исторія литературы I. Шерръ, подъ редакціей П. И.
Анберга. Цѣна за всѣ 20 выпусковъ 6 рублей. Выпуски: I, II,
IV, V, VI, VII. Книга Шерра принадлежитъ къ числу лучшихъ
опиненій по исторіи литературы: съ одной стороны она является не-
ходимымъ руководствомъ для каждого, интересующагося этимъ пред-
метомъ, такъ какъ представляетъ въ краткомъ сравнительно очеркѣ
юръ всѣхъ, даже второстепенныхъ явленій всемірной литературы,
другой—по полнотѣ изложенія и по своимъ серьезнымъ научнымъ
стоинствамъ она можетъ послужить и специалисту. Въ Германіи трудъ
итъ пользуется широкою популярностію; достаточно сказать, что съ
мента своего появленія въ теченіе первыхъ 15 лѣтъ онъ выдержалъ
гъ изданій и чуть ли не до послѣдняго времени продолжаетъ по-
даться все въ новыхъ изданіяхъ. Русскій переводъ Пыпина со 2 нѣ-
цакаго изданія появился въ 1863 году. Съ тѣхъ поръ наука сдѣлала
ромные успѣхи: вновь добытыя данныя и серьезные научные труды
пѣли освѣтить многіе темные вопросы и установить новыя точки
внія на извѣстные факты. Все это отражалось въ видѣ дополненій
поправокъ на послѣдующихъ нѣмецкихъ изданіяхъ, и русскій пере-
къ, сдѣланный 30 лѣтъ тому назадъ, долженъ былъ устарѣть; давно
е чувствовалась потребность въ новомъ переводѣ; издатели выше-
званнаго труда и поставили себѣ задачей удовлетворить эту потреб-
сть. Въ лежащихъ предъ нами первыхъ семи выпускахъ вновь вы-
дящаго перевода мы находимъ цѣлыя главы, посвященные литера-
рамъ, о которыхъ ничего не говорится въ переводѣ Пыпина, встрѣ-
емъ рядъ указаній и ссылокъ на труды, появившіяся въ теченіе
слѣднихъ 30 лѣтъ. Особенно много такихъ дополненій въ первой
игѣ, обнимающей исторію восточныхъ литературъ; такъ въ ней мы
ходимъ обзоръ литературъ японской, египетской, ассирійской и ва-
лонской, отсутствовавшихъ въ прежнемъ переводѣ. Далѣе, появленіе,
примѣръ, такого труда, какъ *Le théâtre chinois* (1886 г.) образова-
но китайца Ченгъ-Кя-Тонга помогло автору болѣе подробно остано-
го на характеристикѣ китайскаго театра. Значительно пополнена
же характеристика Ведъ, памятниковъ индійскаго эпическаго твор-
ства и проч. Появленіе въ послѣднее время переводовъ изъ произ-
деній восточныхъ литературъ дало автору возможность привести изъ
ихъ характерныя отрывки, которые отсутствуютъ въ переводѣ Пыпи-

на; эти отрывки не мало способствуют наглядному ознакомленію съ характеромъ разсматриваемыхъ произведеній. Таковы отрывки изъ печатаннаго въ 1875 г. въ *Neue Monatshefte über das Dichtkunst und Kritik* перевода Штрауса изъ Ши-Кинга, важнѣйшаго памятника тайской литературы, отрывки изъ произведеній турецкой поэзіи (стр. 104) и пр. Съ внѣшней стороны изданіе отличается изяществомъ: жестко гравюръ и картинъ, портретовъ, автографовъ и факсимиле украшаютъ его страницы. Всѣхъ выпусковъ предполагается двадцать, что составитъ два большихъ тома, причѣмъ литературы славянскую и русскую издатели обѣщаютъ обработать болѣе подробно и самостоятельно. Въ общемъ новое изданіе пополняетъ важный пробѣлъ въ русской переводной литературѣ. Жаль только, что издатели, обѣщавшіе окончить свою работу къ веснѣ 1896 года, затянули ее и едва окончили половину къ лѣту этого года.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Биографическая библиотека Ф. Павленкова. Б. Спиноза, его жизнь и философская дѣятельность. Биографическій очеркъ Г. А. Паперна. Р. Декартъ, его жизнь и философская дѣятельность. Биографическій очеркъ Г. А. Паперна. Спб., 1895 г. Очерки г. Паперна несомнѣнно являются лучшими изъ философскихъ біографій, напечатанныхъ до сихъ поръ въ коллекціи Ф. Павленкова. Они представляютъ собою результаты вдумчивости и основательныхъ свѣдѣній не только въ исторіи философіи, но и въ смежныхъ съ нею областяхъ. Написанные въ спокойномъ тонѣ, безъ панегириковъ, на которые біографы обыкновенно такъ щедрны по отношенію къ своимъ героямъ, они даютъ достаточно полное и ясное понятіе о томъ, какъ протекала внѣшняя и, что еще важнѣе, внутренняя жизнь названныхъ мыслителей, какія политическія и культурныя теченія вліяли на созданіе ихъ системъ, чему и какъ они учили. Исходя изъ того взгляда, что философію нельзя смотрѣть какъ на нѣчто самостоятельное и обособленное отъ науки, г. Папернъ очень искусно и вѣрно указываетъ на связь, которая соединяетъ спинозизмъ и картезіанство съ научнымъ характеромъ новаго времени, и именно степень ихъ соответствія съ позитивнымъ знаніемъ и методомъ нашей эпохи служить ему главнымъ критеріемъ для ихъ оцѣнки. Въ этомъ отношеніи автора можно упрекнуть только въ томъ, что онъ слишкомъ незначительную роль приписываетъ непосредственному воздѣйствію одной философеи на другую и умаляетъ вліяніе Декарта на творца „Этики“. Г. Папернъ много справедливаго вниманія удѣляетъ описанію той исторической среды и обстановки, среди которой жили великіе мыслители. Очеркъ, посвященный Спинозѣ, прежде всего знакомитъ съ печальными судьбами испанскихъ и португальскихъ евреевъ, переселившихся въ Голландію, и даетъ талантливое изображеніе того общаго фона, на которомъ рисуется жизнь голландскаго философа. А затѣмъ читатель видитъ предъ собою внутренній міръ гениальнаго еврея, дѣлающаго свѣдѣльство его незаслуженныхъ страданій и изучающаго эту высокую личность; г. Папернъ подмѣтилъ и рельефно описалъ характерное для Спинозы сочетаніе душевнаго покоя и кротости съ гордымъ сознаніемъ своихъ человѣческихъ и гражданскихъ правъ, эту ясную и тихую глубину убѣжденія, озаренную свѣтомъ великаго ума. Прекрасная параллель между Лейбницемъ и Спинозой дѣлаетъ образъ отлученнаго сына синагоги еще болѣе яркимъ и привлекательнымъ. Ученіе Спинозы г. Папернъ излагаетъ просто и вразумительно, заранее указавъ на его те-

ИСТЪ, поскольку его можно было прослѣдить. Метафизическій элементъ въ этомъ ученіи онъ считаетъ второстепеннымъ и на первый планъ выдвигаетъ въ немъ то, въ чемъ слѣдуетъ видѣть продукты чужаго и эмпирическаго мышленія; съ такимъ взглядомъ на Спинозу можно не соглашаться, но у г. Паперна онъ во всякомъ случаѣ основывается на вѣскихъ аргументахъ. Абсолютная правда на страницахъ автора, когда онъ разсматриваетъ Спинозу не только какъ отечественнаго мыслителя, но и какъ борца за благородные общественные идеалы, какъ писателя, который въ своемъ *Теологико-политическомъ трактатѣ* такъ горячо и искренне выразилъ лучшіе завѣты человечества. Въ общемъ біографическій очеркъ Спинозы необходимо признать извѣчайно удачнымъ и соотвѣтствующимъ своему назначенію. Автору вѣдало бы только сообщить своимъ читателямъ, что на русскомъ языкѣ, кромѣ *Этики*, существуетъ переводъ и *Трактата объ исправленіи разсудка*, сдѣланный въ 1893 г. Полинковскимъ. Не лишне было бы также отмѣтить біографическій романъ Ауэрбаха, посвященный Спинозѣ (недавно вышелъ русскій переводъ); въ немъ есть, правда, много произвольнаго, но онъ все-таки читается съ интересомъ, и разъ г. Папернъ вообще говоритъ о вліяніи Спинозы на нѣмецкихъ писателей (стр. 74—76), то было бы кстати упомянуть и Ауэрбаха, который между прочимъ въ своемъ произведеніи *Auf der Höhe* обнаружилъ такое глубокое и благоговѣнное знакомство съ пантеистическимъ міровоззрѣніемъ великаго мыслителя.

Такими же серьезными достоинствами отличается и біографія Декарта. Далекій отъ душевной чистоты, которая характеризуетъ Спинозу, авторъ *Разсужденія о методѣ* обрисованъ г. Паперномъ совершенно объективно и съ вполне умѣстной осторожностью; онъ не представляетъ въ нравственномъ отношеніи низкимъ, какъ у Льюиса въ его *Исторіи философіи*, но его излишняя робость, болѣзненное самолюбіе и дозрительность нашли себѣ должную оцѣнку, и г. Папернъ не считаетъ нужнымъ оправдывать его моральные дефекты условіями времени, на которыя такъ часто и такъ несправедливо возлагается отвѣтственность за грѣхи людей. Философія Декарта изложена блестяще; Папернъ указалъ ея отношенія къ прошлой и современной наукѣ, читатель ясно видитъ тотъ рубежъ, на которомъ стоитъ французскій мыслитель; страницы, посвященныя уясненію и оцѣнкѣ картезианства, являются лучшими въ обоихъ очеркахъ г. Паперна. Мы находимъ также въ этюдѣ г. Паперна свѣдѣнія о дальнѣйшемъ распространѣніи и судьбахъ декартовской философіи; напрасно только авторъ, говоря объ увлеченіи ею французскихъ дамъ и о салонныхъ разговорахъ по поводу нея, не отмѣтилъ знаменитой комедіи Мольера *Les femmes savantes*, гдѣ такъ остроумно изображены женщины, разсуждающія о картезианскихъ субстанціяхъ протяженности и мышленія... Біографію Декарта г. Папернъ заканчиваетъ общими разсужденіями о томъ, что громада накопленныхъ знаніемъ фактовъ уже неудовлетворяетъ болѣе современнаго человѣка, который ощущаетъ сильную потребность въ объединяющемъ синтезѣ. Но для того, чтобы найти такое синтезирующее начало, бесполезно, по мнѣнію г. Паперна, возвращаться къ Декарту или къ какому-либо другому представителю умозрительной философіи; мы пережили метафизику, мы стали „сложнѣе и старше“, послѣ Гегеля надо считать метафизическую эпоху отошедшей въ область преданія. Г. Папернъ зоветъ на почву положительной науки и ея мирныхъ завоеваній. Раздѣляя эти воззрѣнія автора, мы все-таки

должны сказать, что то коренное различіе между интуиціей и о томъ, которое проходить черезъ оба очерка г. Паперна, является основательнымъ; на самомъ дѣлѣ оба эти фактора неотдѣлимы другъ отъ друга, и только то умозрѣніе тускло и мертво, которое отрывается отъ эмпирической опоры и желаетъ довлѣть само себѣ. Если же Гегеля человекство не знаетъ другого титана рационалистической философіи, то это еще не даетъ права заключать, что никогда уже не родится великій умъ, который сочетаетъ научный методъ и знанія с поразительною силою интуиціи.

ЭТНОГРАФІЯ.

„Мултанское „моленіе“ вотяковъ въ свѣтѣ этнографическихъ данныхъ“. П. М. Богаевскаго.

Мултанское „моленіе“ вотяковъ въ свѣтѣ этнографическихъ данныхъ. П. М. Богаевскаго. Съ рисунками. М., 1896 г. 8°, стр. VI+1126 Ц. 40 к. Книжка г. Богаевскаго составляетъ третій выпускъ въ серіи „Вопросовъ науки, искусства, литературы и жизни“, новаго изданія, затѣяннаго московскимъ книжнымъ магазиномъ Гроссманъ и Кнебель по образцу извѣстной *Sammlung gemeinverständlicher wissenschaftlicher Vorträge* проф. Вирхова и Гольцендорфа. Попытки такого изданія нельзя не привѣтствовать, тѣмъ болѣе, что названная серія украсена именами профф. А. И. Чупрова, К. А. Тимирязева, Ѳ. Ѳ. Эрмана, И. М. Сѣченова, А. П. Павлова, Д. М. Петрушевскаго и другихъ, отличавшихся въ то же время чрезвычайно симпатичною для нашего времени задачей—проводить „въ среду читающей публики основныя положенія науки и пріемы научнаго мышленія“, сближать „современное знаніе съ дѣйствительною жизнью“. Первой вышла названная книжка, за ней, въ качествѣ перваго и втораго выпусковъ, слѣдуютъ менѣе объемистыя статьи С. А. Варшера *Англійскій театръ временъ Шекспира* и М. А. Мензбира *Историческій очеркъ воззрѣній на природу*. Внѣшность изданія при не дорогой цѣнѣ весьма изящна. Рисунки, приложенныя къ книжкѣ г. Богаевскаго, весьма удачны; два изъ нихъ—большой шалашъ вотяковъ учурскаго племени въ с. Мултанъ (стр. 83) и болотистая лѣсная тропа, на которой найденъ трупъ человека (стр. I)—сдѣланы съ набросковъ Вл. Г. Короленка (для втораго наброска важныя планы, приложенныя къ брошюрѣ *Дѣло мултанскихъ вотяковъ, обвинявшихся въ принесеніи человеческой жертвы языческимъ богамъ*. Изд. подъ редакціей и съ примѣчаніями Вл. Г. Короленка. М., 1896 г.). Съ самаго перваго момента редакція новаго научно-популярнаго изданія попала въ центръ очередныхъ вопросовъ текущей дѣятельности: цѣль книжки г. Богаевскаго, заполнить пропасть между данными современной этнографической литературы и невѣдомостями мултанскихъ крестьянъ. Г. Богаевскій—этнографъ-спеціалистъ, большой знатокъ литературы о вотякахъ и самостоятельный изслѣдователь ихъ быта на мѣстѣ. Еще въ 1887—88 гг. онъ былъ командированъ „московскимъ обществомъ любителей естествознанія, антропологии и этнографіи“ въ Вятскую губернію для изученія быта тамошняго населенія. Результаты опубликованы г. Богаевскимъ въ первомъ выпускѣ *Сборника свѣдѣній для изученія крестьянскаго населенія Россіи*, изд. подъ ред. Н. Н. Харузина, въ третьемъ выпускѣ *Сборника матеріаловъ по этнографіи инородцевъ Россіи*, изд. подъ ред. В. Ѳ. Миллера и въ

, V, VII книгахъ журнала *Этнографическое Обзорніе*. Разбираемая *жизнь* представляет собою лишь сжатый сводъ предшествующихъ *ботъ* нашего автора, приуроченный къ насущнымъ потребностямъ *кущаго* момента, причемъ нельзя не подчеркнуть съ особенною *назойчивостью*, что г. Богаевскій занимается специально вопросомъ о *лигиозныхъ* представленіяхъ вотяковъ и что работы его по этому *воосу* съ опредѣленно выраженной точкой зрѣнія появились гораздо *нѣе* наличности гнуснаго преступленія 5 мая 1892 г. и любопытныхъ *пріемовъ* его архаическаго разслѣдованія. Въ литературѣ уже *ердо* установлено, что многочисленныя жертвенныя моленія вотяковъ *сопровождались* только умерщвленіемъ лошадей, барановъ, гуй и утокъ, *о человѣческихъ же жертвоприношеніяхъ не было даже лека*. Кто же однако не знаетъ всей жизненности формулы: *salomniez, lohniez, il en restera toujours quelque chose!* Исслѣдователямъ вотяковъ *быта* уже извѣстно, что современные вотяки даже не понимаютъ *аченія* тѣхъ изъ совершаемыхъ ими обрядовъ, которые, будучи *изуемы* въ свѣтѣ этнографическихъ данныхъ, должны быть признаны *ереживаніями* "человѣческихъ жертвоприношеній. „Необходимо,—*говорить* по этому случаю г. Богаевскій (стр. 4—5),—довольно продолжительное время, чтобы развился въ народѣ обрядъ, обычай, повѣрье, *утренняя* сущность которыхъ ему сдѣлалась непонятной, и, само собою *разумѣется*, что тотъ срокъ, въ теченіе котораго раздается среди вотяковъ *христіанскія* проповѣди, для этого слишкомъ коротокъ". *такло* быть и самое „исчезновеніе *человѣческихъ* жертвоприношеній *недѣствуетъ* знакомству вотяковъ съ христіанствомъ", и нѣтъ *рѣительно* никакого смысла спорить противъ того факта, что у современныхъ *вотяковъ-язычниковъ* категорически отрицается существованіе *человѣческихъ* жертвоприношеній, или заподозривать правоту такого *припаянія*. Любопытно, что если каннибальская легенда и всплываетъ въ *свѣтъ* Божій, то каждый разъ при условіи наличности какого-нибудь *факта*, который такъ или иначе неприятенъ для извѣстнаго сорта *одей* и въ приводимыхъ г. Богаевскимъ случаяхъ квалифицируется *къ* клеветы. Вотъ эти два случая, которые было бы грѣшно *рецензенту* не привести изъ разбираемой книжки, посвященной третьему. *въ* началѣ текущаго года въ Елабужскомъ уездѣ вотяки дер. Помякино *убили* татарина, оскорбившаго ихъ, и побили его. Татарина *отправили* въ можгинскую больницу, откуда его чрезъ нѣсколько дней *высали* совершенно здоровымъ (стр. 21). Въ больницу Сайфуллинъ, *убитый* вотяками, послѣ того какъ у него побывалъ его товарищъ *Шарыповъ*, сдѣлалъ заявленіе о томъ, что вотяки хотѣли принести *его* въ жертву. Онъ утверждалъ, что его тыкали ножами, чтобы *доить* кровь, необходимую якобы „для принятія ея внутрь". Но *колодъ* ранъ на тѣлѣ Сайфуллина не оказалось ни одной, а лишь были *зобольшія* ссадины, полученные имъ во время драки. Избить онъ *былъ* то, что, пока Шарыповъ, пославшій по начальству телеграмму о *репутленіи* вотяковъ, ухаживалъ за женою одного изъ нихъ, съ *корой* его тогда же застали in flagrante delicto, Сайфуллинъ „точилъ *мясы*" съ хозяиномъ и отвлекалъ вниманіе отъ Шарыпова. Другой *случай* относится къ 1885 г., когда редакція *Волжскаго* Вѣстника *получила* сенсационную корреспонденцію о священникѣ Б., помѣ-*щенномъ* въ земскую больницу будто бы вслѣдствіе ранъ ножомъ, *короря* нанесли ему вотяцкіе жрецы, но администрація больницы тотчасъ *опровергла* клевету, телеграфировавъ, что „о. Б. живъ, не ра-

нень и лѣчится отъ delirium tremens*. Понятно, что отъ татарской или in flagrante delicto и экстазного состоянія delirium tremens, прирваннаго шихса завѣсою вотяцкой человѣческой жертвы, одинъ шагъ до преступной симуляціи жертвоприношенія, какъ думаетъ В. Г. Короленькинъ и притомъ до очень ловкой симуляціи, какъ выяснилъ проф. Белинъ. Какъ и слѣдовало ожидать, сенатъ, отмѣняя первый приговоръ, авторитетно призналъ, что „не доказано самое существованіе среди вотяковъ человѣческихъ жертвоприношеній“; тоже призналъ руководило сенатомъ, независимо отъ наличности массы кассационныхъ нарушеній, и при отмѣнѣ второго приговора, когда къ тому же составъ присутствія суда получилъ „замѣчаніе“, а нѣсколько позднѣе приставъ Шмелевъ, какъ сообщаютъ газеты, попалъ на судъ. Sapienti sat! Кто знаетъ цитованную выше книжку В. Г. Короленькина и его статью въ *Русскомъ Богатствѣ* и прочтетъ разбирательными книжку г. Богаевского, тотъ, конечно, всецѣло и неуклонно будетъ стоять на точкѣ зрѣнія сената и ученыхъ этнографовъ, что ни о какихъ человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у современныхъ вотяковъ не можетъ быть и рѣчи. Такое заключеніе признается единогласно, исключая не имѣющихъ значенія авторовъ статей извѣстнаго издательства, поклонниковъ архаическихъ формализма въ правѣ и „суду Божьяго“, да ученаго этнографа И. Н. Смирнова. О послѣднемъ, впрочемъ, необходима оговорка; его несогласіе съ общимъ мнѣніемъ случайнаго происхожденія и въ сущности поддерживается имъ такъ, какъ будто онъ все время споритъ не съ своими учеными противниками, а съ поклонниками архаическихъ формъ суда; ему до нѣкоторой степени очень многіе обязаны тѣмъ, что окончательно потеряли вѣру въ наличность человѣческихъ жертвоприношеній у современныхъ вотяковъ.

Въ 1890 году г. Богаевскій и Смирновъ одинаково были согласны въ томъ, что у современныхъ вотяковъ нѣтъ человѣческихъ жертвоприношеній, только г. Смирновъ шире обосновывалъ свою мысль и факты, и теорія были за него. Прошло пять лѣтъ, возникло громкое мултанское дѣло, г. Богаевскій въ своей брошюрѣ стоитъ все на той же точкѣ зрѣнія, что и пять лѣтъ тому назадъ, стоитъ такъ же твердо, окруженный всеоружіемъ этнографическихъ данныхъ, ибо за истекшій промежутокъ не появилось ничего, что могло бы поколебать прежнее мнѣніе; напротивъ, самая попытка направить мултанское дѣло по ложнымъ слѣдамъ на основаніи темныхъ слуховъ заставила г. Богаевского еще разъ взяться за перо и горяче прежняго стать за правоту высказаннаго мнѣнія. Казалось бы, что онъ найдетъ въ г. Смирновѣ еще болѣе страстнаго защитника; доказать наличность у вотяковъ человѣческихъ жертвоприношеній значитъ сорвать всякій научный смыслъ, всякое значеніе монографіи г. Смирнова *Вотьяки*. Казалось бы, что г. Смирновъ, приглашенный въ качествѣ эксперта, могъ бы сдѣлать лишь одно: принести въ судъ свою диссертацию и прочесть изъ нея соотвѣтствующія мѣста. Но тутъ случилось нѣчто совершенно неожиданное: г. Смирновъ заявляетъ, что человѣческія жертвоприношенія практикуются у вотяковъ, что обстановка нахождения трупа даетъ черты жертвоприношенія, и торжественно цитуетъ *черемисскую* сказку, скрывая ея конецъ и не разъясняя слушателямъ, что родство вотяковъ и черемисовъ немножко ближе родства между человѣкомъ и

* Замѣтимъ, что на 264 стр. своей книги г. Смирновъ нападаетъ на Фр. Миллера за грубое смѣшеніе въ одну кучу вотяковъ и черемисъ. Это характерно!

звѣтной; мало того, найдя „черты жертвоприношенія“, онъ смущенъ иосительно того, „находятся ли въ условіи убійства Матюнина та-і признаки, которые указываютъ на *обрядъ жертвоприношенія*“, и имо заявляеть, что наталкивается здѣсь „на цѣлую цѣпь противочій, недомолвокъ и недоразумѣній“. Другой экспертъ, г. Верещагинъ, гъ же отрицаетъ наличность требованій у вотскихъ боговъ человѣжнихъ жертвъ. Какой ужасный случай: г. Смирновъ самъ принесъ ѣя въ жертву „цѣлой цѣпи противорѣчій, недомолвокъ и недоразу-ній“. Намъ остается только ждать, не появится ли „слухъ, неизвѣст-откуда исходящій“, о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ среди ны-шнихъ ученыхъ профессоровъ. Не основываясь на „слухахъ, неизст-но откуда исходящихъ“, а лишь на точныхъ данныхъ этнографич-кой науки, г. Богаевскій своею книжкой легко можетъ дать поводъ созданию такого слуха относительно корпораціи нашего профессора. Вѣдь, проф. Смирнову отрѣзанъ всякій путь къ полемикѣ съ г. гаевскимъ, ибо первый уже сошелъ съ научной почвы, а послѣдній должаетъ на ней оставаться, и имъ пришлось бы говорить на со-шенно разныхъ языкахъ. Ясно, сжато, послѣдовательно излагая во-ость, г. Богаевскій приходитъ къ выводу, что „цѣлый рядъ фактовъ, ганавливаемыхъ обвиненіемъ, направленнымъ противъ мултанцевъ, кучи разсмотрѣнъ въ свѣтѣ этнографическихъ данныхъ, даетъ воз-можность присоединиться къ уже высказанному въ печати предположе-ю о томъ, что загадочное дѣло мултанскихъ вотяковъ есть грубая цѣлка подъ ритуальъ вотяцкаго жертвоприношенія“. Доказавъ съ по-вительною очевидностью, что у современныхъ вотяковъ не суще-уетъ и не можетъ существовать человѣческихъ жертвоприношеній вѣд, нѣтъ къ тому же нигдѣ ни одного свидѣтельства за существо-іе) и констатировавъ преступную поддѣлку подъ вотяцкое жертво-ношеніе, авторъ оставляетъ въ сторонѣ разсмотрѣніе двухъ суще-венно важныхъ вопросовъ: 1) кому понадобилась такая поддѣлка и чѣмъ объясняется ненормальность отношеній между диссертацией и спертизой проф. Смирнова, подавшей поводъ къ самымъ невѣроят-мъ слухамъ и предположеніямъ. Исслѣдованіе двухъ упомянутыхъ просовъ принадлежитъ будущему, а пока приходится закончить нашъ четъ самую горячую рекомендаціей замѣчательной для настоящаго мента брошюры г. Богаевского.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

исслѣдованіе о смертной казни“ *А. Ф. Кистяковскаго*.— „Что есть торговая несо-мательность“. *Д. В. Туткевича*.— „Судьбы нашей корпоративной присяжной адво-атуры“. *С. С. Розенберга*.— „Возникновеніе семьи и брака“. *Карла Кауцскаго*.

Исслѣдованіе о смертной казни *А. Ф. Кистяковскаго*. Изданіе орое подъ редакціей *Т. С. Спб.*, 1896 г. Среди обширной литера-ры по вопросу о смертной казни исслѣдованіе покойнаго проф. Ки-ковскаго занимаетъ одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ. Главная слуга автора состоитъ въ томъ, что онъ обратилъ особенное вни-іе на исторію смертной казни, стремясь указать связь этого нака-нія съ общественнымъ и умственнымъ развитіемъ народовъ. Другая рактерная особенность разсматриваемаго сочиненія—строгая объек-цкага у.

тивность, съ которой авторъ разрабатываетъ собранный имъ обширный историческій матеріалъ. Проф. Кистяковский приходитъ къ тому же выводу, что „смертная казнь есть наказаніе несправедливое, безполезное и ненужное“, что „по мѣрѣ развитія народовъ необходимо примѣненія и самое примѣненіе смертной казни болѣе и болѣе уменьшается“ и что „уменьшеніе это должно окончиться полной отмѣной“. Но до сихъ поръ этой отмѣны далеко еще не происходитъ. За послѣднее время вновь появились даже среди теоретиковъ сторонники смертной казни въ лицѣ многихъ представителей антропологической школы. Въ виду этого появленіе второго изданія классическаго изслѣдованія проф. Кистяковского оказывается весьма своевременнымъ, особенно если вспомнить, что въ недавно выработанномъ проектѣ нашего новаго уголовного уложенія смертная казнь упоминается нѣсколько разъ.

Во второмъ изданіи книги г. Кистяковского редакторомъ сдѣланы нѣкоторыя измѣненія: въ началѣ книги помѣщено довольно обширное предисловіе о главныхъ литературныхъ событіяхъ по вопросу о смертной казни, послѣдовавшихъ со времени выхода перваго изданія, т. е. съ 1867 года, а въ шестой главѣ прибавлено нѣсколько приговоровъ о законодательныхъ перемѣнахъ, произведенныхъ въ различныхъ странахъ за тотъ же періодъ времени.

Что есть торговая несостоятельность. Д. В. Туткевича. Спб. 1896 г. Вопросъ о несостоятельности почти вовсе не разработанъ въ нашей литературѣ, что придаетъ особую цѣнность труду г. Туткевича. Задача автора состоитъ въ построеніи опредѣленія понятія торговой несостоятельности. Г. Туткевичъ совершенно правильно различаетъ несостоятельность торговую и не торговую: „въ условіяхъ своего происхожденія,—говоритъ онъ (стр. 15),—въ своемъ существѣ, свойствахъ, послѣдствіяхъ, въ самой жизни и дѣятельности человѣка, несостоятельность торговая и не торговая составляютъ столь рѣзко обозначенныя разновидности, что не могутъ быть не только объединены въ общій институтъ, регламентируемый однимъ общимъ закономъ, но даже и сливаемы въ одномъ общемъ опредѣленіи“.

Опредѣляя понятіе торговой несостоятельности, авторъ полагаетъ, что неоплатность „не можетъ быть принята за показатель торговой несостоятельности“ (стр. 21), что несостоятельность есть „не действительнаго имущественнаго положенія кушца, а modus его отношеній къ кредиторамъ“ (стр. 24), а эти отношенія состоятъ въ прекращеніи платежей; такимъ образомъ, по опредѣленію г. Туткевича несостоятельность есть „такое отношеніе торговца къ кредиторамъ при которомъ первымъ допущено прекращеніе своихъ платежей, выраженное: а) положительнымъ заявленіемъ о томъ самого должника, б) безвѣстнымъ его отсутствіемъ съ оставленіемъ дѣлъ своихъ безъ распоряженія и в) отказомъ должника въ удовлетвореніи слѣдующихъ за нимъ платежей“ (стр. 25). Съ такимъ опредѣленіемъ согласиться нельзя. Самъ авторъ на стр. 31 называетъ прекращеніе платежей признакомъ торговой несостоятельности; а признакъ не можетъ составлять все содержанія понятія. Изъ самаго опредѣленія, даннаго г. Туткевичемъ видно, что несостоятельность наступаетъ и тогда, когда самъ должникъ заявляетъ о своей несостоятельности или безвѣстно скрывается, слѣдовательно въ этихъ случаяхъ безъ всякаго прекращенія платежей. Прекращеніе платежей есть лишь выраженіе или проявленіе известнаго

пественнаго состоянія должника—его неплатоспособности; тако- же проявленіемъ служить и заявленіе должника и его безвѣстное тствіе. Всякая несостоятельность предполагаетъ неплатоспособ- ность. Несостоятельность есть официально признанная неспособность кника къ платежу долговъ; признакомъ наступленія этой неспо- собности служитъ прекращеніе платежей.

Въ заключеніи брошюры г. Туткевичъ вполне правильно замѣчаетъ, понятіе покушенія по отношенію къ несостоятельности совершенно умѣнимо.

Судьбы нашей корпоративной присяжной адвокатуры. С. С. энберга. Спб., 1896 года. Ненормальное положеніе нашей при- ной адвокатуры является однимъ изъ наиболѣе наболѣвшихъ осовъ въ нашемъ судеустройствѣ. Въ своемъ очеркѣ г. Розен- ть излагаетъ развитіе русской адвокатуры со времени реформы 4 г. и указываетъ на необходимость измѣненія въ ея организаціи. гоустройство адвокатуры онъ ставитъ въ зависимость отъ ея само- тельности и единства. Нельзя не согласиться съ авторомъ, что чиненность присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ надзору ужнаго суда противорѣчитъ „высокому значенію адвокатской дѣя- зности, которая въ сферѣ возстановленія нарушенныхъ правъ долж- боротыся противъ всякаго противника“ и что это можетъ быть до- гнуто лишь тогда, когда „дѣятельность адвокатовъ будетъ гаран- ована противъ сильныхъ міра сего, т.-е. будетъ отвѣтственна ько передъ судомъ товарищей по профессіи или передъ гласнымъ ловнымъ судомъ“.

Авторъ вполне основательно указываетъ, что однимъ изъ крупныхъ пятствій къ процвѣтанію адвокатуры и выработкѣ адвокатской ки въ средѣ нашихъ присяжныхъ защитниковъ является институтъ тныхъ повѣренныхъ, отъ которыхъ не требуется почти никакого азовательнаго и нравственнаго ценза.

Въ настоящее время, когда, благодаря пересмотру нашего судо- роинства и судопроизводства, затронуть вопросъ и объ адвокатурѣ, иненія, подобныя брошюрѣ г. Розенберга, весьма полезны, указы- и напоминая тѣ ея недостатки, которые достаточно выяснены ти лѣтнею практикой, но которые до сихъ поръ еще неисправлены, мотря на многія ходатайства и представленія совѣтовъ присяжныхъ ѣренныхъ.

Возникновеніе семьи и брака. Карла Каутскаго. Спб., 1895 г. къ такимъ заглавіемъ выпущенъ въ свѣтъ переводъ изслѣдованія утскаго, извѣстнаго работника по первобытной культурѣ и соціо- ѣи. Предлагаемая вниманію читателя книжка посвящена возникно- пію брака и семьи, — одному изъ тѣхъ вопросовъ, которые съ осо- ннымъ предпочтеніемъ разрабатываются антропологіей и сравнитель- о этнологіей новѣйшаго времени. Макъ-Леннанъ, Леббонъ, Тайлоръ Спенсеръ въ Англии, Морганъ въ Америкѣ, Жиро Тэлонъ во Фран- и въ особенности Бахофенъ въ Германіи оказали въ этой области дающіяся услуги. Наука въ постепенномъ своемъ развитіи пришла согласію относительно того, что гетеризмъ, экзогамію и т. д. нужно сматривать какъ отдѣльные фазисы брака, равно какъ и материн- юе право въ семьѣ. Но въ вопросѣ о возникновеніи этихъ явленій ихъ взаимной послѣдовательности между учеными существуютъ зна- гельныя разногласія. Каутскій весьма смѣло и оригинально отсту-

пасть отъ взглядовъ своихъ предшественниковъ и дѣлать некую остроумія догадки въ этой области, попутно излагая для нея вопроса, тотъ или иной взглядъ предшествующихъ изслѣдователей. Нельзя не согласиться съ выражаемымъ имъ сожалѣніемъ во имя ненадежности матеріала для положительныхъ выводовъ, а, главнымъ образомъ, его недостаточности. Выводы ученыхъ зачастую покоятся на случайныхъ свѣдѣніяхъ, собранныхъ кое-гдѣ и кое-когда, причемъ въ большинстве случаевъ изслѣдователи чаще всего смотрятъ на вещи какъ на предметы, которые можно сваливать въ одну кучу, пренебрегая тысячекратными зачастую исторіями каждаго народа. Все это нечисто, не даетъ полной увѣренности въ выводахъ, но придаетъ характеръ только достоверности.

Обращаясь къ формамъ брака и семьи у первобытнаго человека Каутскій отрицательно относится къ существующей гипотезѣ, въ которой первичною формой семьи считается патриархальная, т. е. та, въ которой главенствуетъ отецъ и происхожденіе ведется отъ него. Такой бракъ вырабатывался постепенно и когда-то полное смѣшеніе крайне распространено по всей землѣ,—явленіе, впрочемъ, быстро исчезающее. Человѣкъ перешелъ къ моногаміи, которую и слѣдуетъ по мнѣнію автора, считать за первичную форму брака. Основными принципами моногаміи лежатъ въ равенствѣ половъ, причемъ слѣдуетъ замѣтить, что узъ брака легко расторгимы. Такимъ образомъ, авторъ думаетъ, что люди первоначально были объединены не въ семейные, а въ племенные союзы, что внутри племени не существовало подраздѣленія на роды, а только на поколѣнія, дѣти принадлежали не отцу или матери, а племени. Внутри племени существовала свобода половъ, приводившая къ моногамнымъ, временнымъ союзамъ.

Отрицая коммунальный бракъ, изслѣдователь не соглашается съ гипотезой, будто женщины первыя дали толчокъ къ развитію брака и семьи: нигдѣ въ настоящее время у народовъ, находящихся въ первобытномъ состояніи, не находимъ мы протеста женщинъ противъ положенія; и наоборотъ, онѣ представляютъ собой наиболѣе консервативный элементъ во всѣхъ отношеніяхъ. Если разсматривать исторію хищническаго брака, существующаго и въ настоящее время у многихъ народовъ, то, дѣйствительно, можно придти къ выводу, что общность женъ не есть ничто первичное, вытѣсненное единичнымъ бракомъ вслѣдствіе похищенія женъ. Бракъ похищеніемъ вытѣсняетъ общность женъ и моногамію повсюду вытѣсняется хищническимъ бракомъ и переходитъ затѣмъ въ полигамію. Въ послѣднемъ фазисѣ брака проходитъ двѣ ступени: частное владѣніе женщинами и частную ответственность на нихъ. Этотъ послѣдній видъ представляетъ собой тотъ типъ, соответствующее нашему браку: онъ постояненъ и находится подъ покровительствомъ общества.

Что касается материнскаго права, то оно происходитъ вслѣдствіе похищенія женъ: веденіе родословной по матери въ такомъ случаѣ имѣетъ много преимуществъ, такъ какъ оно обуславливаетъ полноту власти человѣка въ племени. Рядомъ съ материнскимъ правомъ, однимъ изъ результатовъ хищническаго брака, было образованіе класса, состоящаго изъ похищенныхъ женщинъ, и племенемъ, похищающимъ. Въ классѣ господствовала большая свобода выбора и принудительность брака была ограничена. Изъ хищническаго же брака выросталъ и покупной бракъ. Похищенныя женщины, составлявшія собственность мужчины, продавались

изъ одного класса въ другой. Благодаря этому, возрѣнія на нѣ становились суровыми и деспотичными: на нихъ стали смот- какъ на имущество племени. Такимъ образомъ покупной бракъ имѣлъ превращеніе женщины въ простую собственность, начавшу- ще въ хищническомъ бракѣ. За то въ этотъ періодъ начинается нѣ цѣломудрія дѣвушекъ, соблюденіе супружеской вѣрности, за гвѣчаетъ кланъ. Это уже была развитая форма брака, не улуч- ая, однако, положенія женщинъ, а окончательно подчинившая поль другому, что мы наблюдаемъ и до сихъ поръ. Протестомъ въ такого положенія вещей является гинекократія, и до сихъ поръ твущая у нѣкоторыхъ народовъ: это—полное распоряженіе со- женщины и даже господство надъ мужчиной. Женщины имѣютъ венное имущество, пользуются политическими правами и распо- отся дѣтьми. Эта форма жизни выработала полиандрію (многому- о), которую нельзя объяснить малочисленностью женщинъ, что ерждается примѣрами. Гинекократія приводитъ къ поразительной дѣ и независимости, причемъ женщины отличаются поразитель- силой и красотой. Каутскій полагаетъ, что гинекократія, а вмѣ- ишею нею и полиандрія суть въ такой же мѣрѣ высшія ступени ма- ского правового развитія, какъ полигенія и патріархальная — высшія ступени развитія отцовскаго права. Эти двѣ системы но исключаютъ одна другую, но онѣ не вытекаютъ одна изъ ой, какъ это утверждали до сихъ поръ. Изъ этихъ двухъ элемен- жизни создавались новыя формы, причемъ оба элемента прола- себѣ самостоятельный путь.

аковы выводы г. Каутскаго. Нельзя имъ отказать въ оригиналь- и интересѣ. Книга написана сжатымъ, яркимъ слогомъ, очень гупнымъ по простотѣ, и даетъ возможность вкратцѣ ознакомиться итературой вопроса о бракѣ и семьѣ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

женіе матерія". Популярныя лекціи и рѣчи В. Томсона".— Учебникъ гистологій фка со включеніемъ микроскопической техники". А. А. Вема ч М. М. Дачи- — „Основы метеорологій и климатологій". Д. А. Лачинова.— „Нѣкоторыя основ- ныя задачи современнаго естествознанія". Публичныя лекціи К. Тимирязева.

строеніе матерія. Популярныя лекціи и рѣчи сэра Вильяма еона (лорда Кельвина). Переводъ съ англійскаго Б. П. Вейн- га, подъ редакціей проф. И. И. Боргмана. Спб., 1895 г. Первое ѣйское изданіе этой книги вышло въ 1888 г., а второе—въ 1891 г., зное изданіе сдѣлано со второго англійскаго, причемъ въ видѣ ѣвленій переведено нѣсколько научныхъ работъ сэра В. Томсона, ѣющихся, главнымъ образомъ, къ его оригинальной теоріи строенія рин; кромѣ того въ русскомъ изданіи заимствованы многія примѣ- я М. Бриллиуэна изъ французскаго изданія. „Популярныя лекціи" ѣ В. Кельвина не могутъ быть сравниваемы съ популярными стать- и лекціями Дж. Тиндала: послѣднія могутъ разсчитывать на болѣе гочисленную публику, такъ какъ касаются предметовъ и яв- іей, болѣе доступныхъ и знакомыхъ, и читались передъ публикой,

мало подготовленной; что же касается до „популярных лекцій и чей сэра Кельвина“, вошедших въ книгу *Строение матеріи*, то представляють собой сообщенія или лекціи, прочитанныя или въ королевскомъ институтѣ, или въ Эдинбургскомъ королевскомъ обществѣ или въ Институтѣ гражданскихъ инженеровъ, или въ Институтѣ трическихъ инженеровъ, или въ Британской ассоціаціи наукъ. Изъ этого перечня видно, передъ какою публикой приходилось читать сэру Кельвину, и поэтому слово „популярныя лекціи“ не слѣдуетъ принимать въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно понимается у насъ современно.

Вопросы, которые разбираются въ лекціяхъ лордомъ Кельвиномъ касаются самыхъ интересныхъ явленій Томсонъ своихъ слушателей и дитя; въ тѣхъ глубокихъ областяхъ знанія, гдѣ вольно чувствуютъ себя такіе гиганты мысли, какъ фонъ-Гельмгольцъ, Максвелль, и сэръ лордъ Кельвинъ; конечно, для того, чтобы послѣдовать за сэромъ Томсономъ въ эти области, нужно и со стороны слушателя немалое умственное напряженіе, но это вполнѣ вознаграждается тѣмъ какимъ удовольствіемъ, которое испытываетъ онъ, проникнувъ въ изъ самыхъ глубокихъ тайниковъ знанія.

Лекціи В. Томсона могутъ быть названы популярными въ томъ смыслѣ, что, говоря о такихъ вопросахъ, какъ молекулярное строение матеріи, о величинѣ атомовъ, о гиростатическомъ динамическомъ строеніи для ээира, онъ дѣлаетъ ихъ вполнѣ ясными для слушателя; конечно, отъ слушателя требуется известнаго рода подготовка: онъ долженъ быть уже знакомъ уже съ основными явленіями и законами физики.

Для того, чтобы дать понятіе о содержаніи книги *Строение матеріи*, мы перечислимъ нѣкоторыя изъ лекцій, помѣщенныхъ въ ней. Много лекцій посвящено вопросамъ о строеніи матеріи и о молекулярныхъ силахъ: такова лекція „о капиллярномъ притяженіи“ съ интересными прибавленіями: 1) „о нѣкоторыхъ любопытныхъ движеніяхъ наблюдаемыхъ на поверхностяхъ вина и другихъ спиртныхъ жидкостей“, 2) „о равновѣсіи пара на кривой поверхности жидкости“, 3) „объ измѣреніи количества масла, достаточнаго для прекращенія движенія камфоры на водѣ“. Въ своемъ пятничномъ вечернемъ чтеніи въ Королевскомъ великобританскомъ институтѣ „величина атомовъ“ сэръ Томсонъ излагаетъ методы, посредствомъ которыхъ можно судить о тѣхъ предѣлахъ, между которыми лежитъ величина атомовъ. „Кинетической теоріи матеріи посвящены чтенія“, „шаги къ кинетической теоріи матеріи“, „демонъ-распредѣлитель Максвелля и друг.“.

Двѣ лекціи посвящены „единицамъ для электрическихъ измѣреній и электрическимъ измѣреніямъ“. Въ лекціи „о возрастѣ солнечнаго тепла“ лордъ Кельвинъ рассматриваетъ вопросы „о вѣковомъ охлажденіи солнца, о настоящей температурѣ солнца и о происхожденіи общей суммѣ солнечнаго тепла.

Свойства и строенія ээира разбираются въ лекціяхъ: 1) „величина света“, 2) „эаиръ, электричество и вѣсомая матерія“ и 3) „гиростатическомъ динамическомъ строеніи для ээира“.

Въ заключеніе укажемъ на рѣчь, произнесенную лордомъ Кельвиномъ въ Берлинскомъ и Мидлэндскомъ институтѣ 3 октября 1883 г. „Шесть вратъ познанія“, въ которой онъ предложилъ слушателямъ

думать о томъ, „каковы тѣ способы, посредствомъ которыхъ человеческій умъ приобретаетъ свѣдѣнія о внѣшнемъ мірѣ“.

Таково содержаніе книги *Строеніе матеріи*. Многое, о чемъ въ ней говорится, для русской публики было извѣстно только въ видѣ выписокъ указаній или цитатъ въ различныхъ популярныхъ статьяхъ и лекціяхъ, сами же лекціи В. Томсона были недоступны, и по тому нельзя не порадоваться появленію ихъ въ русскомъ переводѣ.

Учебникъ гистологии человека со включеніемъ микроскопической техники. А. А. Бема и М. М. Давыдова, съ 246 рисунками. Переводъ съ нѣмецкаго В. Львова, приватъ-доцента Императорскаго Московскаго университета. Москва, 1896 г. Ц. 3 р. Изящно изданный и снабженный прекрасными рисунками, русскій переводъ званной книги исполненъ съ большою тщательностью и съ сохраненіемъ всѣхъ достоинствъ нѣмецкаго текста. Помимо своей содержательности, а также ясности и тольковости изложения, *Учебникъ гистологии* гг. Бема и Давыдова отличается какъ свѣжестью и научностью общаемыхъ въ немъ свѣдѣній, такъ и полнѣйшимъ безпристрастіемъ въ передачѣ сомнительныхъ или противорѣчивыхъ мнѣній. Интересующіеся успѣхами гистологии найдутъ въ немъ подробную разработку этого предмета въ теоретическомъ и техническомъ отношеніяхъ, излагаемаго авторами съ полнымъ знаніемъ дѣла. Книга снабжена подробнымъ указателемъ литературы по всѣмъ отдѣламъ гистологии и указателемъ алфавитнымъ, который существенно облегчаетъ пользованіе ею.

Основы метеорологии и климатологии. Д. А. Лачинова, профессора физики и метеорологии въ Петербургскомъ Лѣсномъ институтѣ. Второе, вполне переработанное, изданіе съ 234 рисунками въ текетѣ и 13 раскрашенными картами. Спб., 1895 г. Ц. 4 р. Грогаго говоря, второе изданіе *метеорологии и климатологии* проф. Лачинова представляетъ совершенно заново переработанную книгу, которая, по своей полнотѣ и научному содержанію, вполне соответствуетъ тому серьезному значенію, какое за послѣднее время приобретаетъ метеорология во многихъ отрасляхъ какъ частной, такъ и государственной жизни. Рядомъ съ сжатымъ и точнымъ изложеніемъ теоретическихъ основъ этой науки, въ книгѣ проф. Лачинова подробно описываются практическіе приемы метеорологическихъ наблюденій и тѣ выводы, какіе добыты въ настоящее время дружными усиліями ученыхъ всѣхъ странъ въ области теоретической и практической метеорологии. Ссылка на литературные источники и обиліе данныхъ по метеорологии и климатологии Россіи придаютъ книгѣ проф. Лачинова особенный интересъ, а живость и популярность изложенія дѣлаютъ ее доступной для широкаго круга читателей, которые, основательно усвоивъ ея богатое содержаніе, могутъ съ пользою поработать на поприщѣ самостоятельныхъ метеорологическихъ занятій и тѣмъ посылно пособствовать дальнѣйшимъ успѣхамъ этой важной отрасли физическихъ знаній.

Нѣкоторыя основныя задачи современнаго естествознанія. Публичные рѣчи К. Тимирязева. Москва, 1895 г. Ц. 1 р. 50 коп. Настоящій сборникъ обнимаетъ рядъ рѣчей проф. Тимирязева, произнесенныхъ имъ съ 1870 по 1894 г. и касающихся самыхъ разнообразныхъ и въ то же время всегда интересныхъ предметовъ, каковы, на-

примѣръ, Ч. Дарвинъ какъ типъ ученаго, факторы органической эволюціи, Витализмъ и наука и т. п. Помимо научной серьезности содержания и талантливости изложенія, рѣчи эти представляютъ высочайшій интересъ и въ другомъ отношеніи. Передъ нами человекъ, который въ 1870 г. въ рѣчи объ основныхъ задачахъ физиологіи растений говорилъ тѣмъ же голосомъ убѣжденнаго эволюціониста, горячо защищавшаго достоинство положительнаго знанія, какимъ онъ въ 1894 г. произнесъ свою рѣчь: *Витализмъ и наука*. Та же искренность тогда же живость рѣчи и та же непоколебимая вѣра въ прогрессъ науки. Рѣчи проф. Тимирязева тѣмъ и драгоцѣнны, что плодотворно оживляютъ молодую мысль, прививаютъ любовь къ точнымъ знаніямъ и отвлекаютъ нашу молодежь отъ того пошлаго пессимизма и мистическаго декадентства, которыя такъ старательно насаждаются въ ней нѣкоторыми изъ представителей русской науки и литературы. Можно только пожелать, чтобъ у насъ побольше было такихъ книгъ и чтобъ они почаще привлекали къ себѣ вниманіе тѣхъ, кого интересуютъ действительные успѣхи науки.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Сборникъ свѣдѣній по культурѣ цѣнныхъ растений на Кавказѣ“. — „Справочникъ указатель земскихъ сельско-хозяйственныхъ учреждений“.

Сборникъ свѣдѣній по культурѣ цѣнныхъ растений на Кавказѣ. Выпускъ II. Тифлисъ, 1895 г. Мы упоминали уже (*Русская Мысль* 1895 г., кн. X) о первомъ выпускѣ этого сборника. Во второмъ выпускѣ наибольшій интересъ представляетъ очеркъ С. Н. Тимофеева посвященный культурѣ чая, возникающей на черноморскомъ побережьи Закавказья. Особенно благоприятною для разведенія чая мѣстность признается прибрежная часть Батумскаго округа; возлагаются еще надежды на Озургетскій уѣздъ. Окрестности Сухума пригодны лишь для довольно грубыхъ сортовъ вслѣдствіе того, что тамъ май отличается сравнительною сухостью. Культура чая подъ Батумомъ начата былъ А. А. Соловцовымъ еще въ 1885 году и дала за 10 лѣтъ не мало цѣнныхъ опытныхъ выводовъ. Съ 1895 года кромѣ обыкновеннаго китайскаго чая (*Thea viridis*) посѣяны сѣмена болѣе урожайнаго ассамскаго чая. Заведенныя въ 1893 году плантаціи К. С. Попова, къ сожалѣнію, ограждены пока строгимъ секретомъ.

Е. Л. Каменецкій охарактеризовалъ закавказскую культуру шафрана, для котораго наиболѣе благоприятнымъ пунктомъ явился Аширонскій полуостровъ, а затѣмъ окрестности Дербента. Шафранъ до сихъ поръ является важнымъ продуктомъ въ мусульманскомъ обиходѣ, хотя въ послѣднее время производство падаетъ, особенно въ селеніяхъ ближайшихъ къ нефтянымъ промысламъ.

Японская курма или „каки“ разводится на Кавказѣ не болѣе восьми лѣтъ; и свѣжіе и сушеные плоды ея считаются изысканнымъ лакомствомъ.

Послѣдняя статья второго выпуска имѣетъ предметомъ культуру риса на неполивныхъ земляхъ Батумскаго округа. Рисъ и болотныя

арадка до послѣдняго времени тѣсно сплетались между собою какъ Италія, такъ и въ Закавказьѣ, о чемъ напомнили недавнїи оживлен- нїя пренїя въ кавказскомъ обществѣ сельскаго хозяйства (см. журн. земства за 1895 г. №№ 59, 60, 61, 62). Тѣмъ большїй интересъ съ истарной точки зрѣнїя представляетъ вопросъ о возможномъ расши- енїи культуры суходольнаго риса, обходящагося безъ искусственнаго шенїя. На всемъ черноморскомъ побережьѣ Кавказа этой культурѣ сьть предстоитъ широкое будущее.

Справочный указатель земскихъ сельско - хозяйственныхъ режденїй (по свидѣнїямъ на 1895 годъ). Спб., 1896 г. Периодиче- я пресса давно уже знакомитъ русскую публику съ разнообразными опрїятїями земскихъ учреждений, содѣйствующими развитїю мѣстнаго сьскаго хозяйства. Но для общаго обзора этихъ мѣропрїятїй до сихъ ѣ можно было пользоваться только почтенною работою В. А. Крав- вскаго (напечатанною въ 1894 году). Настоящїй указатель, состав- ный П. Н. Соковнинымъ (при участїи И. И. Михеева) и изданный артаментомъ земледѣлїя, даетъ въ сжатомъ изложенїи полную кар- гу того, что дѣлается въ разныхъ углахъ Россїи по части земскаго сѣйствїя сельскому хозяйству. Впечатлѣнїе отъ этой картины полу- ится очень сильное. Въмѣстѣ собранные результаты рельефно пока- вають, чего могла достигнуть живая работа органовъ мѣстнаго само- равленїя, подкрѣпленная научно-подготовленными силами. Прошло ыихъ-нибудь 5 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ начали дѣйствовать наи- ге выдающїяся учреждения московскаго и вятскаго земства, и зем- я Россїя покрывалась обширною сѣтью работъ мѣстныхъ агрономовъ. ду составителя разсматриваемой книжки, покойному Н. А. Соковнину, принадлежитъ крупная заслуга перваго почина въ земской сельско- зайственной дѣятельности (съ 1883 года въ Пермской губернїи). По- вдующїй перїодъ внесъ важное дополненїе къ первоначальнымъ опы- мъ въ видѣ преимущественнаго приглашенїя лицъ съ высшимъ сельско- зайственнымъ образованїемъ. Такихъ лицъ къ концу 1895 года на- ытывалось уже 70 (наибольшее число 14 въ Вятской губернїи), по- мо земскихъ статистиковъ, обладающихъ агрономическою подготовкою несомнѣнно утилизирующихъ эту подготовку на пользу земскаго дѣла. о, конечно, капля въ моръ сравнительно съ тѣмъ, что требовалось и земскимъ учреждениямъ, но и эта капля составляетъ видное отличїе мской Россїи отъ нашей западной окраины, простирающейсѣ до са- го Кїева, гдѣ агрономы по преимуществу служатъ интересамъ круп- го частнаго землевладѣнїя. Не легка дѣятельность мѣстнаго агро- ма въ Россїи. Его подвергаютъ преслѣдованїямъ не только съ той ороны, въ которой содѣйствїе сельскому хозяйству считается синони- мъ закрѣпощенїя рабочихъ, безграничныхъ и безпроцентныхъ госу- рственныхъ ссудъ и перевозки частно-владѣльческихъ продуктовъ на едства государственнаго казначейства; противъ земскаго агронома ыдаются голоса и со стороны тѣхъ, кто неправильно противопостав- ьетъ его народному учителю и земскому врачу, и со стороны тѣхъ, о стремится къ наискорѣйшему развитїю фабрикъ въ Россїи для осу- ествленїя исторической миссїи капитализма. И несмотря на такїя по- вхи, несмотря на временные тормазы въ отдѣльныхъ земствахъ (вродѣ мбовскаго), мѣстный агрономъ продолжаетъ свою неустанную работу, ыширяетъ ее и будетъ расширять, понимая тѣсную связь своего дѣла ѣ свѣтлыми задачами общаго народнаго образованїя.

Издание настоящаго указателя на средства департамента земледѣлн служитъ залогомъ признанія важности земскихъ работъ со стороны официального вѣдомства, прикосновеннаго къ сельскому хозяйству. Къ июлю 1896 года департаментъ надѣется собрать новыя свѣдѣнія о томъ же вопросу отъ земскихъ управъ. Крайне желательна дружная содѣйствіе земствъ этой полезной работѣ.

УЧЕБНИКИ, КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

„Русская исторія“. Курсъ 8-го кл. гимназій и реальн. учил. Сост. Ар. Турцевичъ.— „Русская и церковно-славянская азбука“. П. Барышниковъ. — „Маленькая русская хрестоматія для дѣтей“. П. Смирновскаго. — „Звѣздочка“. Сборникъ статей въ прозу и стихахъ. Сост. Е. Ф. Петровъ. — „Книга для чтенія и практическихъ упражненій письменныхъ упражненій въ родномъ языкѣ“. Сост. М. С. Александровичъ. — „Примеры писемъ для упражненія въ прямомъ почеркѣ“. И. Е. Егстага. — „Русская исторія древнѣйшихъ временъ“. Т. I. Н. М. Павлова. — „Приключенія Ивасака, мальчика хохла“. Ан. Листичаго.

Русская исторія (въ связи съ исторіей великаго князя литовскаго). Курсъ III класса гимназій и реальныхъ училищъ. Составилъ Ар. Турцевичъ, преподаватель Виленской I гимназій. Вильна, 1894 г. Цѣна 50 к. Учебникъ русской исторіи г. Турцевича составленъ примѣнительно къ послѣдней примѣрной программѣ 1890 г. и, сообразно съ требованіями этой программы, по собственному замѣчанію составителя, представляетъ изъ себя „краткій курсъ русской исторіи въ связномъ изложеніи и хронологической послѣдовательности“ (Предисл.). Понятіе „краткій“ весьма растяжимо, въ особенностн въ отношеніи къ учебникамъ исторіи. Обиліе матеріала, каковой представляеть собой русская исторія, можетъ послужить источникомъ многонедоразумѣній при комбинированіи этого матеріала въ сжатую форму учебника. У всякаго свой вкусъ, и то, что одному кажется несущественнымъ, другой находитъ важнымъ и необходимымъ. Вотъ почему учебникъ г. Турцевича во многихъ случаяхъ страдаетъ отсутствіемъ той краткости, къ какой стремится авторъ и которая требуется послѣднею программой 1890 г.

Г. Турцевичъ ужасно сердитъ на всѣхъ составителей учебниковъ исторіи за ихъ невниманіе къ судьбамъ югозападной Руси, знакомство съ которыми онъ находитъ столь же важнымъ, какъ и знакомство съ судьбами сѣверовосточной Россіи. Въ подтвержденіе своей мысли онъ даже цитируетъ слова изъ вступительной лекціи И. А. Линниченка, который говоритъ, что „изученіе западной русской исторіи не только глубоко поучительно, но и необходимо для правильной ориентировки въ нашемъ національномъ самопознаніи для всесторонняго и точнаго пониманія нашего національнаго типа“ (Предисл., стр. IV). Все это совершенно справедливо, но, къ сожалѣнію, г. Турцевичъ совершенно упускаетъ изъ виду то обстоятельство, что г. Линниченку приходится имѣть дѣло со студентами, а учителю III-го класса гимназій—съ 12-13-лѣтними мальчиками, которые все равно не въ состояніи составить себѣ понятіе ни о какомъ національномъ типѣ. Кромѣ того, въ распоряженіи учителя слишкомъ мало времени для всесторонняго ознаком-

нiя учениковъ съ родною исторiей, а въ виду того, что судьбы сѣверо-восточной Руси ближе и непосредственнѣ касаются русскаго чужака, чѣмъ судьбы западной, ему и приходится сосредоточить главнѣе вниманiе на исторiи сѣверо-восточной Россiи. Такимъ образомъ надъжки г. Турцевича на составителей учебниковъ оказываются лишними основанiя.

Однако, слѣдуетъ отдать справедливость г. Турцевичу. Въ тѣхъ гучаяхъ, гдѣ дѣло не касается исторiи западной Россiи, книга его долнѣ заслуживаетъ одобренiя. Изложенiе событiй идетъ не только въ хронологическомъ порядкѣ, но и въ значительной степени отличается прагматизмомъ, причѣмъ излишнiя подробности почти отсутствуютъ. Даже тѣ подробности, которыя самимъ составителемъ не считаются необходимыми и выдѣлены въ мелкiй шрифтѣ, могутъ быть рекомендованы для прочтенiя съ учениками въ классѣ.

Русская и церковно-славянская азбука, заключающая въ себѣ: русскiй букварь, басни, рассказы и стихотворенiя, краткiе рассказы изъ священной исторiи, церковно-славянскую грамоту и начатки счисленiя. П. Барышникова. Москва, 1894 г. Цѣна 15 коп. азбука г. Барышникова заключаетъ въ себѣ всего 108 страницъ средняго формата, и на этихъ 108 страницахъ помѣщены: 1) русскiй букварь съ соответствующими образцами для чтенiя въ формѣ отдѣльныхъ словъ или цѣлыхъ предложенiй, 2) 60 басенъ, рассказовъ и стихотворенiй, 3) 44 рассказа изъ священной исторiи, 4) церковно-славянскiй букварь, 5) молитвы, символъ вѣры и заповѣди, 6) нѣсколько рассказовъ изъ Евангелiя на церковно-славянскомъ языкѣ и, наконецъ, 7) начатки счисленiя, т.-е. 250 задачъ на числа 1-й сотни. Однако, несмотря на такое разнообразiе матерiала, ни одинъ изъ названныхъ отдѣловъ отнюдь не представляетъ изъ себя чего-нибудь разбросаннаго или скомканнаго. Правда, самый букварь мало чѣмъ отличается отъ многихъ существующихъ уже букварей, но за то слѣдующiе за нимъ отдѣлы вполнѣ заслуживаютъ похвалы. Статьи для чтенiя выбраны интересныя и по преимуществу коротенькiя, что очень удобно для начинающаго учиться грамотѣ. Особенно же удачнымъ находимъ мы отдѣлъ, посвященный исторiи, въ которомъ въ небольшихъ очеркахъ, записанныхъ простымъ и сжатымъ языкомъ, изложены почти всѣ главныя событiя какъ Ветхаго, такъ и Новаго Заветъа. Цѣна азбуки всего 15 коп., что, при обилии матерiала, совсѣмъ недорого.

Маленькая русская хрестоматiя для дѣтей, проходящихъ курсъ русскаго языка, соответствующiй приготовительному классу при гимназiяхъ министерства народнаго просвѣщенiя. П. Смирновскаго. Изданiе 3-е. Москва, 1894 г. Цѣна въ бумажкѣ 15 к., въ папкѣ 20 к., въ переплетѣ 25 коп. *Маленькая русская хрестоматiя* г. Смирновскаго раздѣляется на два отдѣла. Въ виду того, что, какъ это справедливо замѣчаетъ составитель, „въ приготовительномъ классѣ надо не только научить языку, но надо научить и хорошо читать“ (Предисл., стр. II), въ первомъ отдѣлѣ помѣщены статьи, предназначенныя исключительно для чтенiя вслухъ съ цѣлью прежде всего приучить дѣтей къ осмысленному, выразительному чтенiю. Это по большей части народныя сказки, а также и басни, весьма удачно подобранныя г. Смирновскимъ по степени ихъ трудности. Задача втораго отдѣла, по мнѣнiю составителя, заключается главнымъ образомъ „въ развитiи

дара слова у учащихся путемъ внимательнаго и тщательнаго изученія читаемыхъ образцовъ“ (Предисл., стр. II); поэтому вторая часть хрестоматіи содержитъ въ себѣ отрывки изъ прозы нашихъ лучшихъ писателей, болѣе всего Аксакова и Тургенева. Всѣ эти статейки для чтенія невелики по объему, и каждая изъ нихъ можетъ быть разобрана въ одинъ урокъ, что весьма выгодно для учителя. Во всякомъ случаѣ, книжка г. Смирновскаго является далеко не лишнимъ пособіемъ въ подготовительномъ классѣ, и лучшимъ ручательствомъ этого можетъ послужить то обстоятельство, что она выходитъ въ свѣтъ уже 3-мъ изданіемъ. Въ книгѣ мѣстами попадаются недурные рисунки, а дѣлая, при всѣхъ упомянутыхъ достоинствахъ, очень скромна.

Звѣздочка. Сборникъ статей въ прозѣ и стихахъ для постепеннаго изученія роднаго языка, въ четырехъ отдѣлахъ, съ приложеніемъ текста церковно-славянскаго языка. Составилъ Коновъ Федоръ Петровъ. Шестое исправленное и дополненное изданіе. Часть первая. Москва, 1895 г. Цѣна 40 к., въ переплетѣ 50 коп. Намъ уже приходилось въ свое время давать отзывъ объ учебникахъ грамматики г. Петрова, и если въ своемъ отзывѣ мы не могли не указать на многія достоинства этихъ учебниковъ, то то же самое намъ предстоитъ сдѣлать и сейчасъ, когда рѣчь должна пойти о хрестоматіи г. Петрова, подъ названіемъ *Звѣздочка*. Правда, здѣсь нѣтъ, или почти нѣтъ, новаго матеріала, но за то старій подобранъ весьма удачно: въ *Звѣздочкѣ* отсутствуютъ статьи, слишкомъ часто попадающія въ хрестоматіяхъ и потому прискучившія, а тѣ, которыя составляютъ содержаніе книги, принадлежатъ въ большинствѣ случаевъ нашимъ лучшимъ писателямъ, стало быть не только интересны, но и написаны хорошимъ языкомъ. Не подлежитъ сомнѣнію и доступность этихъ статей для маленькихъ читателей. Нѣсколько неожиданнымъ можетъ показаться раздѣленіе *Звѣздочки* на четыре отдѣла по четыремъ временамъ года, однако, если принять во вниманіе, что разбираемая хрестоматія составлена для дѣтей, жизнь которыхъ обыкновенно весьма тѣсно связана и съ погодой, и съ природой, то указанное раздѣленіе станетъ понятнымъ. Примѣчанія г. Петрова болѣею частью цѣлесообразны, такъ какъ необходимы и понятны; что же касается приложения въ концѣ книги церковно-славянскаго текста, являющагося какъ бы 5-мъ отдѣломъ, то, какъ онъ ни коротокъ, въ немъ все-таки имѣются характерныя образцы для чтенія и разбора, и онъ можетъ оказаться полезнымъ при первоначальныхъ занятіяхъ съ дѣтьми. Стоитъ *Звѣздочка* дешево.

Книга для чтенія и практическихъ устныхъ и письменныхъ упражненій въ родномъ языкѣ въ школахъ и дома. 2-й и 3-й годъ обученія въ городскихъ приходскихъ училищахъ. Составилъ И. С. Александровичъ. Самара, 1894 г. Цѣна 50 к. *Книга для чтенія* г. Александровича преслѣдуетъ, какъ можно судить по заголовку, двѣ задачи: съ одной стороны, она должна служить въ качествѣ хрестоматіи, съ другой—въ качествѣ сборника классныхъ и домашнихъ упражненій. Такъ какъ упражненія въ большинствѣ случаевъ приспособлены къ тѣмъ или инымъ статьямъ для чтенія, то соединеніе указанныхъ задачъ является весьма умѣстнымъ, и остается пожалѣть, что, хотя *Книга для чтенія* отличается обиліемъ матеріала, матеріалъ этотъ не вездѣ хорошъ. Намъ кажется, что не всѣ статьи, предназначенныя здѣсь для чтенія, выбраны удачно, и во всякомъ случаѣ трудно вѣ-

ать подходящимъ такое стихотвореніе, каково 11-е, въ которомъ сына нескладно и даже безграмотно сынъ, а можетъ быть и дочь приносить поздравленіе „папашѣ и мамашѣ въ день ангела“ (стр. 9), или такую статью, какова 254-я, которая носитъ названіе „Охотникъ и сказокъ“, весьма мало интересна и имѣетъ въ виду доказать, что слѣдуетъ „слушать сказки до полуночи“ (стр. 170 и 171). Не понимаемъ мы и плана, по которому составлена хрестоматія, а г. Александровичъ ничѣмъ не объясняетъ порядка, котораго придерживался къ при размѣщеніи статей для чтенія. Тѣмъ не менѣе, въ *Книжкѣ для чтенія* многія статьи принадлежатъ нашимъ лучшимъ писателямъ, а этого нельзя не считать достоинствомъ. Что касается устныхъ и письменныхъ задачъ и упражненій, то какъ тѣ, такъ и другія заслуживаютъ большого вниманія и одобренія. Задачи, загадки и шарady не только полезны, но и могутъ возбудить въ учащихся самый живой интересъ, а упражненія, помѣщенные при статьяхъ, не только цѣлесообразны, но расположены послѣдовательно по степени трудности и райне разнообразны. Наконецъ, нельзя не отозваться съ похвалою о рѣмѣ, который г. Александровичъ вводитъ для повторенія прочитаннаго: „Въ статьяхъ, озаглавленныхъ „Повтореніе — мать ученія“, помѣщены пословицы и загадки съ №№ статей, къ которымъ онѣ относятся. Ученики читаютъ пословицу или загадку, и съ помощью учителя отыскиваютъ въ своей памяти ту статью, къ которой пословица или загадка относится“.

Прописи для упражненія въ прямомъ почеркѣ. (Учебное пособіе для начальныхъ школъ). И. Е. Евсѣева. Москва, 1894 г. Цѣна 8 коп. Составленныя г. Евсѣевымъ прописи для упражненія въ прямомъ почеркѣ представляютъ собой выполненіе порученія, съ которымъ обратилась къ составителю коммиссія московскаго гигиеническаго общества въ одномъ изъ своихъ засѣданій, состоявшемся весной 1894 года подъ предсѣдательствомъ профессора Московскаго университета П. О. Эрисмана. Преимущества прямого почерка сравнительно съ наклоннымъ за послѣднее время, кажется, уже вполне доказано, и весь вопросъ заключается въ томъ, насколько хорошо можно научиться писать прямымъ почеркомъ по прописямъ г. Евсѣева. На нашъ взглядъ, какъ ни малы по своимъ размѣрамъ эти прописи, онѣ все-таки могутъ удовлетворить поставленной цѣли. Какъ предварительныя упражненія, пособствующія развитію пальцевъ, кисти и глазомѣра у обучающагося, такъ и построеніе самыхъ буквъ вполне наглядны. Умѣстна и помѣщенная въ концѣ прописей таблица, по которой каждый можетъ себѣ уяснить теорію состава буквъ изъ элементовъ, а также и ихъ размѣры. Наконецъ, правила при обученіи дѣтей письму относительно того, какъ держать туловище, голову, тетрадь и проч., по нашему мнѣнію, весьма важны и выражены довольно понятно.

Русская исторія отъ древнѣйшихъ временъ. Первые пять вѣстовъ родной старины (862—1362 гг.). Томъ первый. Н. Ш. Павлова. Москва, 1896 г. Цѣна 1 р. 50 к. Кто любитъ читать сказки, тому рекрасно и дешево изданная книжка г. Павлова доставитъ большое удовольствіе. Въ древней Руси было все такъ хорошо, такъ прекрасно, какъ возвышенно, что, читая живое повѣствованіе г. Павлова, невольно вѣнешъ и скажешь: а какіе эти русскіе славяне прекрасные люди, и какъ умѣли, и исторію создали такую, что въ ней нѣтъ ни одного порнаго вопроса; все такъ ясно, просто, задушевно... Счастливы на-

родъ, у котораго такая исторія, что и писать ея не надо; вздохнешь, помечтаешь, раскроешь лѣтопись, начнешь, не мудрствуя лукаво, складывать ея на русскій языкъ — и исторія готова. Счастливы и горды бѣжишь въ типографію, выбираешь шрифтъ... еще нѣсколькихъ мгновений и хорошенькій, свѣже пахнуцій типографіей экземпляръ у тебя лежитъ на столѣ автора, вокругъ котораго собралась мирная, добрая семья старичковъ и старушекъ, всё ему жмутъ руку, поздравляютъ, кричатъ, кашляютъ... Доволенъ авторъ, довольны старушки, типографіа... но читатель, бѣдный читатель! Авторъ его забылъ современныя. Когда мы до конца проглядѣли лѣтопись въ переложениіи г. Павлова (отчего бы не въ стихахъ?), то почувялось, что мы попали въ библиотеку стараго, стараго дворянскаго гнѣзда, почувствовался запахъ стариннаго барскаго дома, показались портреты суровыхъ, гордыхъ старцевъ въ пышныхъ и причудливыхъ костюмахъ XVIII вѣка... Немного стало досадно, что авторъ выпустилъ свою исторію послѣ Карамзинской: своею наивною, непритязательною, простотою она куда выше послѣдней, за то эрудиціей и приемами историческаго изложенія далеко ей уступаетъ. У насъ уже перестали читать Карамзина, а намъ преподносятъ нѣчто еще болѣе ветхое, нѣчто архаическое.

Русская исторія отъ древнѣйшихъ временъ, за время 862—1362 г. задумана въ двухъ томахъ; томъ первый, лежащій предъ нами, заканчивается повѣствованіемъ о смерти Андрея Боголюбскаго (киевскій періодъ); томъ второй, нѣбующій, по словамъ автора, скоро появиться, содержитъ владимірскій періодъ и начало великаго княженія московскаго. Изложеніе чисто-лѣтописное, глубоко наивное и, конечно, не можетъ подлежать ученой критикѣ: его отмѣчаешь какъ курьезъ. Авторъ угрожаетъ довести свой трудъ „до мимолетной современности“, если найдутся у него „благосклонные читатели“. Смѣемъ увѣрить автора, что благосклонныхъ читателей онъ не найдетъ; много, много если случайно нападетъ на благосклоннаго рецензента ex officio. Да и какихъ читателей имѣлъ въ виду авторъ? Вѣдь, у насъ даже читатель изъ простонародья начинаетъ интересоваться серьезнымъ чтеніемъ, забывшая мало-по-малу Бову Королевича и Англійскаго Милорда. Самъ авторъ предназначаетъ свою книгу „для учащихся русской исторіи“, и торжмъ, по его словамъ, „многое съ самаго начала кажется непонятнымъ“. Рѣшительно не можемъ представить себѣ учащихся, которымъ что-нибудь могло бы стать понятнымъ послѣ зѣвоты надъ книгой этого автора, въ которой черезчуръ все понятно. Намъ поражаетъ удивительное появленіе въ нашей литературѣ подобныхъ архаическихъ курьезовъ, какъ книга г. Павлова.

Приключенія Ивасека, маленькаго хохла. Ан. Лѣсничаго. Москва. Изданіе 2-е книгопродавца М. В. Клюкина. 1896 г. Цѣна 30 коп., въ папкѣ 45 к. Г. Клюкинъ занимаетъ въ ряду издателей дѣтскихъ книгъ выдающееся и почтенное положеніе. Онъ въ немалую лѣтъ успѣлъ выпустить въ свѣтъ отдѣльные произведенія такихъ авторовъ, какъ гг. Маминъ-Сибирякъ, Златовратскій, Засодимскій, Еранцевичъ и др. *Приключенія Ивасека* — рассказъ въ стихахъ, повсѣмъ неизвѣстный публикѣ. А между тѣмъ, онъ написанъ талантливымъ авторомъ, избравшимъ себѣ псевдонимъ Лѣсничаго. Восемилѣтній деревенскій мальчикъ-хохолъ является героемъ этого рассказа. Его отецъ поѣхалъ въ сочельникъ на базаръ продавать сало, онъ уткой забрался въ сани, и волей-неволей пришлось отцу взять его с

М. На базарѣ Ивасекъ отсталъ отъ своего отца, потомъ заблудился въ городѣ, проголодался, растерялся, сталъ мерзнуть и разревѣлся все горло. Его схватилъ сердитый городской и повелъ въ участокъ. Бѣчикъ не дается и вступаетъ съ городонымъ въ драку. Это увидѣвъ прожаренный баринъ, посадилъ Ивасека въ карету и повезъ къ себѣ домой. Тамъ Ивасекъ встрѣтилъ праздникъ Рождества Христова и видѣлъ всѣхъ расфранченныхъ гостей замѣчательнымъ умѣньемъ плясъ. Конецъ разсказа совсѣмъ благополучный: отыскивается отецъ, и Бѣчикъ весело возвращается домой. Разсказъ живой и дышетъ доплымъ для дѣтей наивнымъ юморомъ.

НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Изданія Т. О. Кузина.

Лубочная стряпня Кузина.—Изданія Ш. Круковского. Два дру-
Уйда.—Дѣдушкинъ грѣхъ. К. Мендеса.—Отецъ. Мопассана.—
гнанный лагерь и его счастье. Бретъ-Гардта.—Мать. Ожешко-
к.—Доля. Новелла Севера.—Осужденный на вѣкъ. Ионаса Ли.—
тонъ-сирота. Пов.—На зарѣ христіанства. Разск. (по роману
Уоллеса. Пересказала С. Бурэ).—Михалко. Разск. Б. Пруса.
отъ 3 до 50 к. Врядъ ли найдется много такихъ заскорузлыхъ
ючныхъ гнѣздъ, какъ „книгоиздательство“ Т. О. Кузина въ Петер-
бургѣ. Какъ извѣстно, за послѣдніе годы, подъ напоромъ всякаго рода
свѣтительныхъ вѣяній, повлекшихъ за собой устройство школъ, чи-
ленъ, библиотекъ, народныхъ чтеній, и вызвавшихъ на книжный ры-
нокъ цѣлый рядъ новыхъ дѣятелей—издателей и составителей книгъ,
родная литература стала замѣтно улучшаться; лубочки стали под-
ниматься и уже не рѣшаются щеголять, какъ прежде, даже безъ
говаго листка, во всемъ безобразіи своего торгашескаго невѣжа-
ва. Правда, они попрежнему печатаютъ старую дребедень, благо она
въ никакого труда не стоить и соображенія отъ нихъ не требуетъ,
все больше и больше вводятъ въ свои изданія товаръ лучшаго ка-
чества. Даже Морозовы и Губановы нашли нужнымъ приняться за
учшенія, которыя мы уже имѣли случай отмѣтить въ нашихъ предыду-
щихъ обзорѣняхъ. А на что уже Морозовы и Губановы—лубочки
поворотливы. Но, какъ оказывается, петербургскій лубочникъ, онъ
членъ бывшаго с.-петербургскаго комитета грамотности,—непово-
тливѣе ихъ, и не только не чистится и не охорашивается, но еще
недавняго время пустился въ особаго рода литературную фальсифи-
кацію, которую продѣлываетъ ничто же сумняшеса и даже заслужи-
ваетъ благорасположеніе. О такомъ господинѣ есть резонъ побесѣдо-
вать и охарактеризовать его лубочную физиономію.

Разумѣется, фальсификація, о которой мы упомянули выше, пред-
ставляетъ одинъ изъ характернѣйшихъ признаковъ Кузина. На этомъ
прищѣ онъ дѣйствуетъ вмѣстѣ съ какимъ-то лубочнымъ писакомъ
. Г. Волховскимъ, въ данномъ случаѣ раздѣляющимъ славу своего
дѣла. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ петербургская „Постоянная
комиссія по устройству народныхъ чтеній“, вѣроятно, завидуя
шѣху извѣстнаго разсказа Л. Н. Толстого *Два старика*, выпу-
тила глупѣйшую книжку собственнаго издѣлія подъ тѣмъ же загла-
вьемъ, — недѣльный шутовской разсказъ, энергично протестующій про-

тивъ здраваго смысла. Какъ пошли эти *Два старика* самозванна рынокъ, мы не знаемъ, но, вѣроятно, пошли, такъ какъ толстовскія „двумъ старикамъ“ дорога вездѣ почти закрыта, даже для повтореній изданій, а стряпня постоянной комиссiи распространяется даже тамъ гдѣ ее никто не проситъ, въ силу одобренія для школъ и читальни. Во всякомъ случаѣ, постоянная комиссiя сдѣлала открытіе или, гнѣ, нашла способъ фальсифицировать товаръ, давая лубочной драматическаго названія громкихъ, хорошо извѣстныхъ публикѣ произведеній. Этотъ примѣру послѣдовалъ теперь Кузинъ. *Русская исторiя въ жизнеописанiяхъ* Н. Костомарова извѣстна всѣмъ,—и Волховской стряпять и Карамзину, Кайданову и т. п. тоже *Русскую исторiю въ жизнеописанiяхъ*, въ 5 книгахъ, въ 850 страницъ; книга пускается въ прокъ за 3 руб. *Бытъ русскихъ царей* И. Забѣлина извѣстенъ всѣмъ,—г. Волховской стряпять для Кузина тоже *Бытъ русскихъ царей*, и она пускается его въ продажу за 75 копѣекъ. Какъ видно изъ этого, и варъ Кузина дешевый, и сбытъ для него найдется, тѣмъ болѣе, что наследники покойнаго Н. Костомарова до сихъ поръ держатъ *Русскую исторiю* въ плѣну издательскомъ. Было бы слишкомъ большою честью для стряпни господа Кузиныхъ и Волховскихъ разбирать ихъ произведенія, пропитанныя олифой и дешевыми приносами, которыя съ *нашей исторiей* и даже съ мало-мальски сносною популяризацией ея ничѣмъ общаго не имѣютъ. Если о нихъ мы и упоминаемъ, то лишь потому, чтобы предупредить отъ нихъ читателей и посоветовать имъ не умиляться допущеніемъ стряпни г. Волховского въ библиотеки народныхъ и въ библиотеки низшихъ училищъ. Какъ извѣстно, ученый редакторъ министерства народнаго просвѣщенія не считаетъ своимъ долгомъ слѣдить за всѣми вновь выходящими книгами и неотложно просматривать ихъ; онъ дожидается, когда сами господа авторы или издатели придутъ къ нему и предложить на просмотръ свои собственныя творенія, по правилу: „толпите—и отверзется“. Не трудно понять, что такою сорта господа, какъ Кузины, Волховскіе и К°, не считаютъ въ числѣ своихъ добродѣтелей скромность. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется, почему лучшія книги, издаваемые въ свѣтъ, даже вовсе не просматриваются комитетомъ, а стряпня Волховскихъ получаетъ одобренія, и пущенія и т. п. Чтобы передъ читателемъ живѣе обрисовалась индивидуальная фiзiономiя г. Кузина, напомнимъ ему, что удивительная лубочная труха, вродѣ *Путешествiя на луну купца Труболетова*, сценарiя Жуля Невѣрнаго, и ультра-патріотическая повѣсть *Наташа изъ русской женщины въ 1812 году*, съ передовой статьей о „сидящихъ и штундистахъ“, издана тѣмъ же Кузинымъ. Затѣмъ имъ же выпущенъ цѣлый рядъ такихъ произведеній, какъ, наприм., *Никита пустосмысленное историческое событіе* (sic) въ *Стрѣлецкомъ приказѣ: въ княжеской палатѣ, въ отвѣтной палатѣ, въичаніе царей Иоакима и Петра Алексѣевичей по старому чину въ крестовой палатѣ; въ грановитой палатѣ* Спб. 91 г. Ц. 75 к. (сохраняемъ знаки препинанія подлинника), *Искusstvo жениться, трактатъ объ условiяхъ счастливаго брака, Конфессiя моя, сборникъ „популярныхъ и модныхъ мотивовъ“, Рокамболъ* за 4 р. Пономарева *Живой товаръ*, романъ изъ бердичевскихъ тайнъ (sic), и въ довершеніе всего, книга *Наши идола*, въ которой бичуются всѣ вѣстными авторомъ всякіе грѣхи людей вообще, а иныхъ торгашей въ особенности (сребролюбіе, корыстолюбіе, богатство, зависть, тщеславіе и т. п.). Впрочемъ, служа по мѣрѣ своихъ силъ распространенію и народъ лжи, невѣжества, суевѣрiя въ видѣ нелѣпныхъ продуктовъ

его издѣлія, Кузинъ иногда печатаетъ, какъ бы ненарокомъ, и произведенія хорошихъ авторовъ: наприм., имъ изданъ *Потомъ* Сенкевича. Впрочемъ, этотъ романъ, вѣроятно, попалъ въ серію изданій Кузина по недосмотру, какъ необычное въ ней исключеніе.

За послѣднее время, впрочемъ, и Кузинъ сдѣлалъ попытку улучшить свои изданія, войдя въ сношенія съ М. Круковскимъ, который взялъ на себя трудъ доставлять петербургскому лубочнику матеріалъ для его изданій. При содѣйствіи г. Круковского Кузинымъ въ настоящее время издано около полутора десятка народныхъ изданій. Нельзя не поставить въ заслугу Кузину, что онъ поручилъ выборъ матеріала другому лицу, а самъ отошелъ подальше, сохранивъ за собою лишь право прескверно издавать и вообще придавать возможно скверный видъ вѣшности изданій. Правда, было бы еще лучше, еслибъ онъ и къ этому не прилагалъ свою руку, но на нѣтъ и суда нѣтъ. За содержаніе и выборъ книжекъ, изданныхъ Кузинымъ при содѣйствіи г. Круковского, отвѣтственъ этотъ послѣдній. Имя г. Круковского встрѣчается на книжномъ рынкѣ впервые. Къ новой фирмѣ нельзя не предъявлять того требованія, чтобъ она сколь возможно строже отвеслась къ своему дѣлу, чтобы приступала къ нему съ опредѣленною цѣлью, чтобъ она была знакома съ существующею наличностью народной литературы, которую она думаетъ обогащать, съ одной стороны, и съ читателемъ изъ народа—съ другой. Народная литература—такое обширное поле для работы, что появленіе въ этой области новыхъ силъ весьма желательно, особенно же такихъ силъ, которыя сознательно отнесутся къ своему дѣлу и посвятятъ себя пополненію тѣхъ недочетовъ, какіе въ данной области существуютъ. Самое слабое мѣсто въ народной литературѣ—литература научно-популярная. Въ изданіяхъ, вышедшихъ до сего времени, г. Круковский эту область совершенно обходитъ. Всѣ его изданія принадлежатъ къ отдѣлу беллетристики. Незнакомство г. Круковского съ наличностью народной литературы видно изъ того, что въ числѣ его изданій многія уже существуютъ въ народной литературѣ, наприм.: *Нашелъ идъ не искалъ* (въ изданіи „Посредника“), *Рождественская ночь* Бретъ-Гардта (въ нѣсколькихъ изданіяхъ), *Удача Шумнаго лагеря* (неудачная передѣлка и сокращеніе прекраснаго разсказа Бретъ-Гардта *Счастье Ревуцкаго стана*), *Михалко* В. Пруса (въ изд. „Посредника“), и т. д. Это обстоятельство, сводящее изданіе народныхъ книгъ къ толчѣв на одномъ мѣствѣ, нельзя не оставить въ вину г. Круковскому, равно какъ и его отношеніе къ передѣлкамъ и сокращеніямъ. Благодаря этимъ послѣднимъ, въ его изданіяхъ многія художественныя произведенія являются въ совершенно искаженномъ видѣ (наприм., *Удача Шумнаго лагеря*, *Во время оно* Л. Уоллеса). Задача народной литературы—удешевлять и распространять хорошую книгу, а не искажать ее. Г. Круковский этого не дѣлаетъ. Передѣлка романа Уоллеса, исполненная С. Бурѣ, стоитъ 50 коп. (если только это цѣна не фиктивная), тогда какъ суворинское, гораздо болѣе полное изданіе стоитъ чуть ли не въ два раза меньше. Чобы сущіе о качествѣ книгъ, изданныхъ при участіи г. Круковского, слѣдуетъ сдѣлать краткій обзоръ ихъ содержанія. Нѣкоторыя книжки выбраны г. Круковскимъ удачно, какъ, наприм., романъ П. В. Засодимскаго *Грѣхъ* (къ сожалѣнію, сильно сокращенный), повѣсть Іонаса Ли *Осужденный на отвѣтъ* (тоже сокращенная). По имѣющимся у насъ даннымъ, обѣ книжки читаются крестьянами съ большимъ удовольствіемъ, особенно послѣдняя. Основная мысль, которую Іонасъ Ли вложилъ

въ свою повѣсть, понимается превосходно. Въ небольшомъ кругу крестьянъ, гдѣ она была прочитана, она возбудила дѣльный ракъ въ просовъ на тему, „отчего много преступниковъ осуждается невинно“, „отчего многимъ людямъ и жизнь такая на долю выпала, что они грѣшатъ волей-неволей“. Произведенія Ионаса Ли производятъ сильное впечатлѣніе на читателей своею жизненною правдой и безъискусственностью. Повѣсть была читана вслухъ не по сокращенному изданію г. Круковского, а по полному изданію „Посредника“ (первоначально помѣщенному въ *Русск. Мысли*); въ первомъ изданіи образы далеко не такъ ярки и впечатлѣніе далеко не такъ сильно, какъ во второмъ. Новелла Севера *Доля* (перевед. съ польскаго М. Круковскимъ), подобно первой, прежде всего возбуждаетъ жалость къ людямъ, ни въ чемъ виновнымъ и, тѣмъ не менѣе, испытывающимъ всякаго рода горести и страданія. Но въ повѣсти І. Ли мысль читателя ищетъ виновника этихъ страданій не въ человѣкѣ и не въ судьбѣ, а въ межчеловѣческихъ отношеніяхъ, тогда какъ въ новеллѣ Севера читатель видитъ, что человѣкъ не достигаетъ желаннаго счастья благодаря какой-то безсмысленной, слѣпой силѣ, — „судьбѣ“, „року“ и т. п. Героиня этой повѣсти, сирота Ягуса, сначала живетъ и страдаетъ у жестокихъ и злыхъ людей, а когда попадаетъ къ добрымъ, то умираетъ. У читателя возникаетъ вопросъ: за что же она страдала? Въ чемъ ее вина? Не трудно понять, какіе отвѣты на эти вопросы, поставленные, но не разъясненные въ повѣсти, дастъ читатель изъ народа. Не всякій станетъ вдаваться въ анализъ отношеній человѣка къ человѣку, толпящихъ бѣдняжку Ягусю въ могилу; читатель скажетъ: „это судьба, а знать ее не дано“, — и преклонитъ предъ судьбой голову... Нѣтъ, въ народной литературѣ желательны не такія книжки, которыя рекомендуютъ это преклоненіе головы предъ тучными и безсмысленными силами судьбы, а книжки бодрящія, возбуждающія стремленіе къ свѣту и къ лучшей жизни и доказывающія, что то и другое можетъ и должно быть достигнуто энергичными и сознательными усиліями самихъ людей. Въ рассказѣ *Антонъ-сирота* (переводъ съ польск.) читатель выноситъ, не противъ, впечатлѣніе бодрое, даже жизнерадостное. Деревенскій сирота Антонъ, потихоньку да понемножку, съ помощью добрыхъ людей, не только не погибаетъ, но даже выходитъ въ люди, дѣлается ученымъ человѣкомъ и затѣмъ поселяется въ своей родной деревнѣ, чтобы жить своими знаніями и пониманіемъ именно тѣмъ людямъ, которымъ знаніи и пониманіи больше всего нужны. Этотъ рассказъ — одинъ изъ лучшихъ изданій г. Круковского. Сокращенная передѣлка повѣсти Э. Ожешковой *Мать* (*Romanova*) опять рисуетъ картину мрачно-отрадную, — гибель человѣка отъ пьянства; но, читая эту повѣсть, не же не выносишь изъ нея впечатлѣнія безотрадно-мрачнаго, чувствуешь, что и люди есть на свѣтѣ хорошіе, и человѣческія отношенія, — личныя и общественныя, — есть возможность измѣнить къ лучшему. Разуміея, мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ людей, которые думаютъ, что народу нужно расписывать лишь картины жизнерадостнаго счастья; хотимъ лишь сказать, что одна изъ задачъ литературы народной, и въ литературѣ вообще, состоитъ въ томъ, чтобы бороться съ тѣмъ представленіемъ о „судьбѣ“, о „року“, какое широко распространено въ народѣ, и въ обществѣ, и показать, что не только мыслима съ этимъ рокомъ борьба, но и побѣда... Другія изданія г. Круковского не представляютъ изъ себя чего-либо выдающагося. Всѣ они проникнуты гуманной или нравственной идеей, всѣ взяты изъ болѣе или менѣе

вѣстныхъ авторовъ: таковъ, наприм., разск. Мопассана *Отецъ* (страданія отца, покинувшаго своего ребенка, который называетъ отцомъ другого); Уйда—*Два друга* (существуетъ въ изданіи харьк. общества грамотности), К. Мендеса—*Дядушкинъ зрѣлъ* и др. Выборъ ихъ нельзя назвать неудачнымъ, хотя въ нихъ и не проглядываетъ того огонька, который мы отмѣчали, наприм., въ изданіяхъ *Правды*, В. Бончъ-Бруевича и др. Что касается до книжки, въ которую вошли сказки *Слѣпой Абдалла*, *Чума и крестьянинъ*, *Лѣнь и трудъ*, то эта книжка совсѣмъ уже составлена плохо. Первая сказка написана на старую тему о чаро-вѣческой жадности, наказывающей самоѣ себя; вторая—еще болѣе старый разсказъ о встрѣчѣ крестьянина съ чумой (какъ извѣстно, до сихъ поръ народъ олицетворяетъ такіа болѣзни, какъ холера, чума и пр. въ видѣ страшныхъ старухъ и т. д.). Трудно понять, чѣмъ руководствовался г. Кружовскій, вводя въ свои изданія quasi-правоучительныа сказки, грубыа по формѣ, плоскіа по содержанію.

Изъ предыдущаго видно, что издательская фізіономія г. Кружовскаго еще далеко не опредѣлилась. Пожелаемъ, чтобъ она сдѣлалась предѣ болѣе опредѣленной, и чтобы выборъ матеріала для изданій былъ болѣе строгъ и интересенъ. Это тѣмъ болѣе желательно, что, повидимому, г. Кружовскій искренно преданъ своему дѣлу. Нужно къ нему ервезивѣе присмотрѣться и поучиться.

ПЕРИОДИЧЕСКІА ИЗДАНІА.

Русское Богатство, апрѣль.—„Вѣстникъ Европы“, май.—„Сѣверный Вѣстникъ“, май.—„Русскій Вѣстникъ“, май.—„Дѣтскій Отдыхъ“, апрѣль.—„Восходъ“, май.

„Въ обществѣ нашемъ,—замѣчаетъ хроникеръ *Русск. Богатства*,—ювляется теперь скромное движеніе къ подъему элементарно-общественныхъ интересовъ. Вопросы народнаго образованія и школы, вопросы мѣстнаго самоуправленія, вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ позорнаго наказанія, вообще предѣлы взаимныхъ правъ и обязанностей разныхъ факторовъ мѣстной жизни—все это всплываетъ теперь ю всей поверхности нашего отечества, облекаясь въ живыа формы юниретныхъ столкновеній и мелкихъ конфликтовъ, ищущихъ право-вѣрнаго разрѣшенія“. Въ этомъ элементарномъ общественномъ бро-юеніи замѣчается тенденція къ законности, къ установленію сколько-нибудь устойчивыхъ основаній, нормирующихъ взаимныа отношенія вѣствующихъ въ обществѣ силъ.

Вѣрное замѣчаніе, но... Можетъ быть, оттого такъ скучно и ж-ется и такъ уныло пишется, что оно вѣрное. Въ самомъ дѣлѣ, по-умайте только, какая блѣдность желаній, стремленій и ожиданій! Элементарно-общественныа интересы, право-вѣрное разрѣшеніе конфлик-овъ... конечно, все это очень важно, даже необходимо; безъ всего того просто-таки существовать становится невозможнымъ. Но какъ се это далеко, безконечно далеко отъ широкихъ общественныхъ за-вѣчъ и отъ возвышенныхъ идеаловъ, которые когда-то, вѣдь, были же вакомы если не всему нашему обществу, то избранной его части, интеллигенціи! Куда дѣвались эти высокіа идеалы, существуютъ ли ни даже теперь? И если-бъ нашелся такой чудакъ въ жизни и ли-вратурѣ, который заговорилъ бы о нихъ попрежнему, съ прежнимъ юшескимъ пыломъ и энергіей, онъ рисковалъ бы остаться невыслу-ганымъ. Если-бъ съ нимъ вообще удостоили разговаривать, то за-

мѣтили бы ему: эхъ, подите вы съ вашими высокими идеалами; какъ нужно, чтобы насъ не били, чтобы наша личность была сколько-нибудь гарантированной отъ оскорбленій; намъ нужно, чтобы тѣлесное наказаніе, этотъ тяготящій на насъ всѣхъ позоръ, было уничтожено; намъ нужно, наконецъ, чтобы въ кутузку насъ сажали только на вполне законномъ основаніи. До идеаловъ ли намъ?... И, конечно, все это правда. Но какъ все это скучно и печально. Скучно говорить о томъ, что дважды два непременно четыре, печально, что говорить объ этомъ необходимо.

И еслибъ только это! А то, вѣдь, такое пониженіе желаній и стремленій не окупается даже увѣренностью въ ихъ осуществленіи. Прежнее положеніе писателя, такъ мѣтко охарактеризованное нашими великимъ сатирикомъ словами: „писатель пописываетъ, а читатель почитываетъ“, какъ будто совершенно не измѣнилось отъ того обстоятельства, что писатель прибѣдился и подошелъ къ толпѣ, опускаясь до ея уровня. Даже какъ будто его положеніе хуже стало. Раньше онъ, по крайней мѣрѣ, имѣлъ любящую и внимательную аудиторію, правда, немногочисленную и реально безсильную. Теперь предъ нимъ толпа, а толпу, вѣдь, не скоро разберешь. Кто ее знаетъ: читаетъ ли она или только почитываетъ, бьется ли ея коллективное сердце въ униссонъ съ сердцемъ писателя, спрятавшаго въ какіе-то отдаленные тайники свои неуѣстные для нашей дѣйствительности идеалы и пытающагося сдѣлаться членомъ толпы? Да и является ли, въ самомъ дѣлѣ, слово, это единственное орудіе писателя, сколько-нибудь вліятельнымъ и значительнымъ? А что если толпа только „почитываетъ“ и, признавая справедливость... нѣтъ, даже жизненную необходимость всего того, о чемъ писатель „пописываетъ“, — говорить такъ-то такъ; но улита вдетъ, когда-то будетъ. А мы своими дѣлами займемся неотложными и будемъ пока приспосабливаться... И точно, приспосаблиются... „Хлѣба и зрѣлищъ“... Вотъ вамъ и идеалы толпы, помимо, конечно, вышеупомянутыхъ элементарныхъ общественныхъ требованій.

Было бы отчего въ отчаяніе прийти, еслибъ литература была и только однимъ изъ самыхъ важныхъ, но и единственнымъ проявленіемъ общественной жизни. Хотя и тогда утѣшеніе, все-таки, было бы. И оно заключалось бы просто въ томъ соображеніи, что жизнь вѣчна и измѣнчива, а идея и идеалъ вѣчны и неизмѣнны. Послѣ многихъ лѣтъ ожесточенной и бессмысленной общественной реакціи, задавленной своей свинцовой тяжестью все благородное и высокое, выработавшей особые типы людей, для которыхъ печной горшокъ дороже бога, человѣчскій умъ долженъ проявить себя въ практическомъ общественномъ творчествѣ. Иначе онъ не былъ бы человѣческимъ умомъ. А потому и то соображеніе нельзя упускать изъ виду, что элементарныя требованія—это требованія толпы, и, стало-быть, именно толпа выступаетъ на первый планъ и въ жизни, и въ литературѣ. И съ какими же требованіями она выступать можетъ, кромѣ элементарныхъ, когда раньше-то она „молчала, бо благоденствовала“? Да, и вообще, о чемъ повторимъ: кто ее знаетъ, эту толпу; кто сообразить, что у ней за душой, кромѣ, съ одной стороны, „хлѣба и зрѣлищъ“, а съ другой—элементарныхъ общественныхъ требованій, имѣется? Никогда во все многовѣковую исторію человечества никто этого усчитать не могъ почти всегда и всѣ ошибались въ вопросѣ о стремленіяхъ толпы. Ну а пока...

Пока писатель пописываетъ, а читатель почитываетъ.

Интересный вопросъ является при этомъ: можетъ ли при подобныхъ условіяхъ вообще существовать литература,—конечно, не попиывающая литература, а литература—храмъ, въ которомъ въ центральномъ ея святилищѣ стоитъ на недосыгаемой и однако всѣмъ видимой высотѣ идеалъ, проливающий свои кроткіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, яркіе лучи на всѣ отправления общественной жизни? Сложный и трудный вопросъ; отвѣтить на него въ нѣсколькихъ словахъ, при посредствѣ немногихъ соціологическихъ и историческихъ соображеній, было бы невозможно. Но мы склонны думать, что не можетъ. И даже, рискуя оказаться софистомъ, рѣшаемся утверждать, что это и къ лучшему, но не можетъ. Дѣло въ томъ, что литература, въ томъ смыслѣ, о которомъ мы теперь говоримъ, есть нѣчто сибаритское. Положимъ, это самый высшій сортъ сибаритства; но это, все-таки, сибаритство. А слѣдуетъ, только-что родившейся для общественной жизни, только-что иступившей на арену, право, не до сибаритства. Сверхъестественная штука: „глубока и зрѣлища“, но, право же, и она имѣетъ основаніе существовать. Скучное дѣло одни только элементарныя требованія толпы, но, вѣдь, безъ нихъ жить нельзя. А, притомъ, толпа всегда, за исключеніемъ немногихъ историческихъ моментовъ, въ которые и она зарывается отъ интеллигенціи и новаторовъ стремленіями идеальными, глубоко реалистична, часто даже низменно-реалистична. Важно уже и то, что она выступаетъ на сцену. Народныя стремленія, несомнѣнно, прѣе и интереснѣе барскаго „народничества“, почти всегда немного интимнаго, немного отвлеченнаго, до значительной степени безличнаго и потому немножечко фантастичнаго, слащаваго и даже фальшиваго, потому что рѣдко обходящагося безъ нѣкоторой, часто довольно значительной, примѣси мистицизма.

Итакъ, отсутствіе литературы въ томъ смыслѣ, о которомъ мы говорили выше, есть явленіе хотя и досадное само по себѣ, но, съ исторической точки зрѣнія, скорѣе прогрессивное, чѣмъ регрессивное. Вѣрнее сказать, его можно было бы считать таковымъ, еслибъ оно не слѣдовало всегда за несомнѣнно регрессивными эпохами общественной жизни. Ибо ужъ вообще характеръ историческаго процесса, не управляемаго и плохо управляемаго человѣческимъ разумомъ—черезъ болота, кочки лѣсной чащи къ свѣту и свободѣ, въ свѣтлую область идеальнаго.

А пока что, братья-писатели пописываютъ, а толпа-читатель почитываетъ. И тѣмъ и другимъ должно быть чрезвычайно скучно и даже скливо. Эта тоска и скука, можно сказать, переполнили пажиты русской журналистики. Ими дышетъ беллетристика, онѣ просачиваются въ серьезные, такъ называемыхъ дѣловыхъ статьяхъ. Интересно о, наприм., о рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ почитать, а все-таки скучно. Пожалуй, интересно даже съ *Восточными освами русскаго блиннаго эпоса* познакомиться, но только тоска смертная. И все, вѣдь, въ этомъ родѣ. До знаменитыхъ сапоговъ Святолка Окаяннаго, правда, наша журналистика еще не дошла и, съ жскіей помощью, не дойдетъ,—время не то... Ну, а не очень же далеко отъ этихъ пресловутыхъ сапогъ мы ушли... Въ особенности тяжело по отношенію къ скукѣ и вытекающему изъ нея пописыванію поженіе литературнаго обозрѣвателя. Ужъ кто-кто, а онъ-то поневолѣ описываетъ“, хоть можетъ быть и совсѣмъ не хотѣлъ бы занимать—такимъ богоугоднымъ дѣломъ. Иначе онъ не можетъ,—матеріаломъ нимъ связанъ.

Но довольно, однако, сѣтованій, довольно минорныхъ тоновъ. Въ историческомъ процессѣ и наша копѣчка есть. Пусть она будетъ ир-батая, а все-таки есть. И потому будемъ обозрѣвать скромныя и люсенскія теченія, изъ которыхъ состоитъ теперь наша скромная люсенская литература.

Въ предыдущемъ обзорѣннн мы воспользовались письмомъ крестьянина Рязанской губерніи, сообщеннымъ г. Карышевымъ, для того, чтобы сказать нѣсколько словъ объ основныхъ идеалахъ народной массы, какъ это, повидимому, ни странно, въ то же время и о теждественныхъ идеалахъ нашей интеллигенціи. Скромны эти идеалы и не ярки, скромны и не ярки и вытекающія изъ нихъ требованія. Немножко побольше земли для провизовителя и немножко побольше правды, свободы и свѣта въ общественной средѣ и общественномъ строѣ. Только и всего. Скромно и общо.

И какая, однако, могучая сила и красота въ такомъ скромномъ идеалѣ! Именно красота. Идеалъ этотъ на иной взглядъ, можетъ быть, очень мелокъ; многіе склонны, какъ мы говорили тамъ, признать его даже мелкимъ, какъ идеалъ мелкой буржуазіи. И, тѣмъ не менѣе, онъ замѣчательно красивъ, потому что необычайно цѣлостенъ, не разорванъ на части и кусочки. А цѣлостенъ онъ опять-таки потому, что это — идеалъ массы трудящихся и обремененныхъ. И не удивительно, что интеллигенція, состоящая всегда и вездѣ изъ особой, высоко развитой не только въ интеллектуальномъ, но и въ эстетическомъ отношеніи, увлеклась этимъ идеаломъ, разработала и понесла всѣ свои силы, къ сожалѣнію, не достаточно значительныя — на служеніе ему. Не удивительно, что этотъ скромный „буржуазный“ идеалъ захватилъ и значительную часть культурнаго общества, всегда склоннаго подчиняться могуществу красоты, если не ума. Не удивительно, что въ теченіе тридцати слишкомъ лѣтъ онъ былъ путеводною звѣздой при нашемъ странствованіи по добрымъ россійскаго прогресса. Цѣлостность и красота настолько импонируютъ уму, что о несомнѣнности и истинности часто и вопроса не поднимается.

Прекрасною иллюстраціей къ занимающему насъ вопросу можетъ служить романъ г. Баранцевича: *Борцы*, приближающійся къ ближнему окончанію. Собственно говоря, произведеніе г. Баранцевича напрасно названо романомъ. Ничего въ немъ нѣтъ, что отличаетъ обыкновенно этотъ родъ литературы. Это просто рядъ сценъ, набросанныхъ довольно небрежно. Его герой Капитонъ, уходитъ изъ деревни въ Питеръ изъ-за любви къ лошадамъ, приобретенной имъ въ военной службѣ... Нѣсколько смѣхотворный мотивъ, но пусть бы такъ. Но, послуживъ на конкѣ, онъ въ слѣдующихъ же главахъ романа забываетъ о своей страсти и превращается въ „мужика“ въ увеселительномъ заведеніи. Тамъ онъ до безумія влюбляется въ милое, но погибшее созданіе, а въ слѣдующей главѣ объ этой дѣвкѣ уже нѣтъ ни одного слова. Все это большія несообразности. Тѣмъ не менѣе романъ интересенъ, какъ изображеніе особой калиты столичной уличной толпы, жаждущей хлѣба и зрѣлища. И кого-нибудь нѣтъ, отъ нѣкоего графа, разорившагося, оскандалившагося кутиты-идеалиста, нашедшаго предпоследній пріютъ у какой-то полудородной вдовы извозчика, отъ роскошной брюнетки, увлекающей въ свои кареты знаменитаго борца Капитона и свѣтскаго шалопая-символика Ника, до лакея Порфирія, до уличнаго адвоката, уличнаго репортера и проч., и проч. Вся эта голытьба, безъ царя въ головѣ, безъ Бога

тъ душѣ, мечется предъ вашими глазами, ища хлѣба безъ труда и даювшихъ зрѣлищъ, заморенная, изнервованная, ни на что не способная, представляющая настоящей отбросъ жизни и капиталистическаго россійскаго строя, вытасенная или, лучше сказать, насильственно выбитая изъ своихъ далекихъ и глухихъ пепелищъ и буквально выброшенная на улицу, гдѣ и мятется, руководимая даже не животными инстинктами, а позволновеніями большихъ организмовъ, порождаемыхъ большимъ обществомъ. Ждать нечего отъ этой толпы, говорить о какихъ-либо ея идеалахъ не приходится. Это—крупная общественная неправда и бесполезный, а стало-быть вредный общественный элементъ. Она, оспа эта, всѣмъ своимъ видомъ, всѣми своими бессмысленно-погаными дѣяніями вопіетъ противъ текущаго процесса капитализаціи земли и промысловъ,—процесса, выбросившаго ее, беззащитную и неумѣлую, на улицу, лишившаго ее орудій производства и, что еще хуже, охолотившаго ея душу. Въ такой толпѣ непримѣнны даже слова графа: тутъ борьба за существованіе и, какъ нѣчто вытекающее изъ нея, прогрессъ человѣчества*. Метанье за наслажденіями, не только животными, а прямо-таки наслажденіями одичавшаго и больного звѣря, метанье за даромъ брошеннымъ кускомъ хлѣба—отличительные признаки такой толпы. А между тѣмъ именно эта толпа мечется на первомъ планѣ общественной нашей жизни, въ столицахъ и большихъ городахъ, она составляетъ показной основной фонъ жизни, за которымъ не видны болѣе глубокия и въ концѣ-концовъ болѣе могучія ея теченія.

Это явленіе вопіетъ о страданіи, злѣ... Обыкновенно исторія мститъ, часто жестоко мститъ, за него обществу, которое было столь неразумно, что допустило причины, породившія такое зло... Какая-нибудь легкая бабенка, увлекшая въ своей каретѣ борца Капитона, бывшаго мужика*, разумѣется, только легкая бабенка; но ни одинъ социологъ не учтетъ, какая масса лжи, распутства и безпутно растраченныхъ общественныхъ силъ олицетворяется въ этомъ жаждущемъ болѣзненныхъ ощущеній существѣ.

Романъ г. Баранцевича, можетъ быть, и очень плохъ въ художественномъ отношеніи, но съ точки зрѣнія, которую мы пытаемся установить, онъ представляетъ явленіе весьма интересное, и слѣдуетъ позавѣть, что авторъ втиснулъ свои внушительныя сцены въ совершенно неподходящія для нихъ рамки романа и тѣмъ лишилъ себя возможности нарисовать большее количество такихъ сценъ и изобразить большее количество лицъ изъ его толпы.

И какъ, въ самомъ дѣлѣ, измѣняется толпа и ея психія подъ вліяніемъ основныхъ общественно-экономическихъ явленій жизни. Толпа г. Баранцевича совершенно отлична отъ толпы, изображаемой, наприм., Рѣшетниковымъ или Кароиннымъ (*Снизу вверхъ*), хотя это та же самая столичная или большихъ городовъ толпа. У Рѣшетникова мы видимъ ту здоровую и естественную борьбу за существованіе, результатомъ которой бываетъ, дѣйствительно, человѣчeskій прогрессъ. У Кароинина (въ лицѣ его Михайлы) толпа сдѣлала дальнѣйшій шагъ въ воемъ социологическомъ развитіи; она не только борется за существованіе, но и мыслитъ, и если ея работа мысли не становится творческой, созидательной, только потому, что низъ ее тянетъ къ себѣ, что она, эта уличная толпа, слишкомъ ужъ ничтожна количественно по отношенію къ массѣ внизу пребывающихъ. А у г. Баранцевича толпа уже ямой и никуда не годный отбросъ массы. Побѣдное шествіе капитализма съ тѣхъ поръ, очевидно, продвинулось довольно далеко и дало

именно то, что оно в нашей матушкѣ Россіи и дать могло, т.-е. разореніе и распутство мысли и духа.

Самымъ характернымъ признакомъ господства въ обществѣ распутства мысли можетъ служить распространеніе преклоненія предъ грубов силой, какого бы ни было рода и происхожденія. Несомнѣнно, что этотъ признакъ замѣчается довольно таки ясно въ нашей литературѣ вообще и беллетристической въ частности. Г. Боборыкинъ—писатель и очень опытный и, главное, несомнѣнно „либеральный“, чтобы быть повиннымъ въ такомъ грѣхѣ, какъ преклоненіе предъ силой нашего растущаго капитализма; онъ почти всегда кончаетъ свои романы гимномъ въ честь интеллигенціи и ея служенію народному дѣлу. И, тѣмъ не менѣе, гимнъ-то—гимномъ, а все же у маститаго беллетриста замѣчается нѣкоторое влеченіе, родъ недуга, къ купеческой мощи. Странное это стремленіе, потому что оно вполне придуманное и тенденціозное. Авторъ по своему разрабатываетъ вопросъ о нашихъ классовыхъ противорѣчійхъ и не то испуганно, не то восторженно отмѣчаетъ несомнѣнное, по его мнѣнію, торжество буржуазіи. Такова была основная тенденція его *Теркина* и *Перевала*; такова же тенденція и новаго его произведенія *Клннн*. Въ техническомъ отношеніи этотъ послѣдній романъ г. Боборыкина значительно уступаетъ первымъ. Онъ прежде всего скученъ и безсодержателенъ, чего нельзя было сказать о прежнихъ романахъ автора. Не безъ того, конечно, чтобы въ романѣ не было удачныхъ чертъ, авторъ настолько опытенъ и наблюдателенъ, что нѣкоторыя черточки, вѣрныя и любопытныя, у него всегда встрѣчаются. Въ *Клннн*, наприм., очень вѣрно и тонко отмѣчено то злорадно-насмѣшливое отношеніе къ разоряющемуся „первому сословію въ государствѣ“, которое составляетъ чуть ли не самую характерную отличительную черту нашей нарождающейся буржуазіи, въ особенности со времени начала такъ называемой дворянской эры. Вѣрно схваченная и логически развитая въ романѣ, черта эта окрашиваетъ всѣ „купецкіе персонажи“ романа въ одинъ общій однотонный цвѣтъ, придаетъ имъ нѣчто вроде якобы классоваго сознанія. Къ сожалѣнію, авторъ, увлекаясь сопоставленіемъ характера новыхъ общественныхъ слоевъ съ старымъ выраждающимся дворянствомъ, не отмѣтилъ того, что одно только отрицаніе стараго не можетъ еще служить признакомъ существованія классоваго сознанія. Для существованія такого сознанія необходимы нѣкоторыя положительныя признаки, и притомъ характера общественно-политическаго. Г. Боборыкинъ, впрочемъ, отмѣчаетъ нѣсколько большую моральную устойчивость буржуазіи, нѣкоторые положительныя ея принципы, въ противоположность съ полнымъ распаденіемъ души въ старомъ вымирающемъ сословіи съ его моральною безпринципностью и распуцченностью. И это сопоставленіе несомнѣнно вѣрное и мѣткое; но дѣло въ томъ, что эти принципы, болѣе или менѣе устойчивыя, принадлежатъ къ сферѣ частной морали и имѣютъ очень малое отношеніе къ области общественныхъ явленій. А только интересы и стремленія общественно-политическія, а не моральныя, создаютъ классъ, какъ нѣчто обособленное и самодовлѣющее, и порождаютъ классовое сознаніе, ведущее къ стремленію къ господству. Правда, въ исторіи бывали примѣры, когда чистоморальныя причины вели къ великимъ общественнымъ переворотамъ—какъ было, наприм., въ эпоху реформаціи. Но тогда идея или моральное негодованіе, моральный протестъ противъ стараго охватывалъ классъ уже создавшійся на почвѣ иныхъ, чисто-экономическихъ про-

рѣшій и моральныя причины для такого класса были только лиш-
орудіемъ, весьма, впрочемъ, могущественнымъ, прибавленнымъ
рсеналу. Религіозныя и моральныя идеи вообще представляютъ
ительную общественную силу, но только въ томъ случаѣ, когда
являются началомъ, проникающимъ всё жизненное отравленіи и
щии уже создавагшагося общественнаго класса. Такого проникнове-
моральною эмоціей, не говоря уже о религіозной идеѣ, невозможно
ить ни у купчихи Фниковой, ни у старообрядца Спасова согласія,
ѣбра и виѣстѣ съ тѣмъ балетомана и сластолюбца, Петра Степа-
гча Умнова... Презрительно злорадное отношеніе къ старому, на
ну котораго будто бы идетъ новое, есть просто историческій фактъ,
занный очень понятными причинами, — попыткой поддержать разру-
ное безповоротно, воскресить мертвое, досаднымъ и раздражаю-
гь стремленіемъ создать искусственныя привилегіи, и притомъ соз-
ихъ грубымъ насиліемъ надъ самыми священными правами лич-
ти, — но оно наврядъ ли есть историческій факторъ, опредѣляющая
орическій ходъ причина, ибо оно есть явленіе чисто-отрицательное,
сопровожденное никакими положительными явленіями, при полномъ
утствіи общественной и экономической самостоятельности, при со-
щеніи почвы, общей съ тѣми, къ кому относятся отрицательно,
э. при томъ же правительственномъ покровительствѣ, которое сою-
ю и поддерживало и отрицаемое, — это презрительное злорадство въ
юмъ лучшемъ случаѣ можетъ сослужить прогрессивному движенію
цества только ту службу, что отнимаетъ у стараго его престижъ.
тивную же силой оно явиться не можетъ. Новыя формы жизни со-
мстѣ не оно. Мы нѣсколько уклонились въ сторону отъ произведенія
Боборыкина, хотя это уклоненіе не лишнее, — оно объяснить чита-
лю не только наше, но и его собственное отрицательное отношеніе
всѣмъ послѣднимъ произведеніямъ г. Боборыкина. Дѣло въ томъ,
о всё они построены на нѣкоторой логической ошибкѣ, разъяснить
торую мы и пытаемся при появленіи каждаго новаго произведенія
тора.

Классика, какъ мы замѣтили, гораздо слабѣе и менѣе интересна по
авненію съ прежними произведеніями того же автора. И намъ ка-
ется потому, что на этотъ разъ онъ неудачно выбралъ „ситуацію“.
уть мы подходимъ къ общей характеристикѣ творчества г. Боборы-
ина. Это творчество по существу тенденціозное, т.-е. не художествен-
ое. Съ нашей точки зрѣнія это была бы еще не большая бѣда. Но
ѣда въ томъ, что авторъ по темпераменту неспособенъ проникаться
воей или, лучше сказать, выбранной имъ тенденціей. Онъ всегда
стается холоденъ и логиченъ. Всякое изъ его произведений есть про-
то нѣчто вродѣ математической задачи или логическаго построенія
въ извѣстныхъ, заранее принятыхъ посылокъ или, лучше сказать,
итואцій. Понятно, что при подобныхъ свойствахъ творчества все дѣло
гь удачности или неудачности первоначальной ситуаціи, изъ которой
се дальнѣйшее въ романѣ и вытекаетъ. Нанадеть г. Боборыкинъ на
удачную ситуацію, какъ было въ *Теркинѣ*, *Перевалѣ*, *На ущербѣ* и
многихъ другихъ его произведеніяхъ, — и можете быть увѣреннымъ, что
раздѣляетъ ее, какъ говорится, подъ орѣхъ, съ необыкновенною яс-
костью, послѣдовательностью и логичностью. Вещь выйдетъ во всякомъ
случаѣ интересная, и требуется не малое количество критическаго
чутья, чтобы разобрать въ ней выдуманность и полную нехудожествен-
ность. Во всякомъ случаѣ цѣль автора достигается: впечатлѣніе по-

лучено, тенденція входить до нѣкоторой степени въ сознание чтеца, о романѣ много говорятъ и много спорятъ. Такъ было съ *Князьемъ*, такъ было и съ *Переваломъ*.

Совсѣмъ иное дѣло выходить, когда выбранная ситуация неудачна. Авторъ, не обладающій ни настоящимъ художественнымъ талантомъ, ни пыломъ, отличающимъ настоящаго тенденціознаго писателя, путаясь въ противорѣчійхъ, продѣлываетъ одну неловкость за другой, и несть скучную и безсодержательную канитель—и его счастье, если по временамъ выручаютъ его наблюдательность и умъ: тогда по крайней мѣрѣ у него хоть отдѣльныя черточки интересныя попадаются. *Князьня*, наприм., по тенденци и ситуации представляетъ простую рефразировку *Перевала*. Но разница въ томъ, что тамъ ситуация была выбрана удачно, а здѣсь нѣтъ. Авторъ, повидимому, садясь писать свой романъ, подумалъ такъ: тамъ, въ *Перевалѣ*, я выдаю бѣду князю за купца,—вышло удачно: новая сила, купецъ, послалъ князя и окончательно разложившееся старое, и совсѣмъ бы плохо пришло этому старому, еслибъ разночинецъ не выручилъ, а, главное, еслибъ не подвернулось народное бѣдствіе, заставившее и дворянъ и разночинскую интеллигенцію пойти въ службу народному дѣлу. И вообще тогда интересно вышло: и волки остались сыты, и овцы цѣлы, буржуазія зарождающаяся силу свою проявила, какъ носительница личнаго начала, коему суждено при его развитіи возродить нашу дѣду и либеральные шаблоны сохранены а, главное,—публика заинтересована и вынуждена о торжествѣ новыхъ словъ думать. Попробуй теперь выдать замужъ купчиху за разорившагося князя. Что изъ нея выйдетъ?

Почему, конечно, не попробовать! Только жаль, что ничего не вышло на сей разъ. Да и выйти не могло. А выйти не могло потому, что г. Боборыкина не то либерализмъ, не то тенденція потянула. Изобрази онъ съ самаго начала романа свою героиню Вѣру, дочь Финикова и княгиню Кунгурову, такой ординарной и противной собой, какъ Кумачева въ *Перевалѣ*,—можетъ быть что-нибудь и вышло бы. Но грѣхъ попуталъ автора, и онъ съ чего-то захотѣлъ изобразить свою купчиху чѣмъ-то идеальнымъ... И образованія-то она необходимо должна была имѣть, и культурности въ ней сколько угодно, да и культурности и купечкой, не Кумачевской, а подлинной, настоящей агличкой перваго сорта, и корректности въ принципахъ и привычкахъ не оберешься! ума палата. Однимъ словомъ, дама выдающаяся. И вдругъ такая дама сопрягается по доброй волѣ и безъ всякаго видимаго мотива (авторъ прямо утверждаетъ, что ни любви, ни увлеченія не было) съ живымъ трупомъ сословности, съ разлагающимся дворянскимъ тѣломъ, безпринципнымъ, не казистымъ, даже не особенно красивымъ, расточеннымъ и довольно таки разнузданнымъ и даже нравственно нечистоплотнымъ княземъ Кунгуровымъ. Читатель невольно выпучиваетъ глаза и восклицаетъ: да за комъ чортомъ ее понесло въ эту галерею? Чѣмъ за неглѣпость? И дѣйствительно, неглѣпость. Авторъ говоритъ, что Вѣру потянуло изящество, красота отношеній и формъ, якобы существующія въ аристократической средѣ и отсутствующія въ ея собственной средѣ, въ средѣ Финиковыхъ. Но гдѣ же родилась, гдѣ выросла эта умница Вѣра, чтобы такой простой штуки не звать? Чѣмъ она читала? Чему училась? Вѣдь, даже въ ея собственной средѣ всѣ, даже иконописная ея мамаша, купчиха Финикова, даже ея придурковатая сестра—знаютъ прекрасно, чѣмъ пахнетъ это изящество, это

ота формъ. А она, умнѣйшая изъ умныхъ, сдержанная и корректно-купеческая лѣди, этого не знала... Чистѣйшая неглѣпость.

Телѣнная ситуація—и дальше пошла неглѣпость за неглѣпостью. Князь разоряется чуть ли не до скамьи подсудимыхъ. Вѣра спасаетъ по чувству долга, по чувству вѣрной и корректной супруги. Да и ще этой корректности, этой моральной устойчивости, якобы отличей новые буржуазные слои, въ ней столько, что даже тошно оштытса. И все, видите ли, потому, что она, презирая мужа, всегдѣ „въ законѣ“ состоитъ... И это говорить и дѣлаетъ свободомыслящая, и по отношенію къ кому же? къ прохвосту, которому мѣсто скамьи подсудимыхъ, который проигрываетъ на биржѣ чужія, навлеченныя у акціонеровъ деньги. Нечего сказать, хорошо свободомыслящая, хороша корректность! Но такъ, видите ли, г. Боборыкину поближилось для возвеличенія моральныхъ устоевъ новыхъ слоевъ, грядишь володѣть и княжить надъ нами.

Далѣе, пожалуй, еще лучше. Вѣру захватываетъ, наконецъ, страсть. Подумайте, впрочемъ, чтобы подлинная страсть, то дѣйствительно чужее и охватывающее чувство, отъ власти котораго никто не ухотѣ,—нѣтъ, это особая страсть, которую только и умѣть описывать Боборыкинъ: страсть—недугъ, а не страсть—наслажденіе. Критика уже отиѣтила, что въ романахъ г. Боборыкина, даже въ молодыхъ его романахъ, любви, собственно говоря, нѣтъ. Между авторомъ и нѣжнымъ чувствомъ какъ бы вражда существуетъ, не то принициальная, не то по темпераменту. Его герои и героини и любятъ-то къ-то по особенному, по математикѣ что ли, или по логическимъ говннмъ построеніямъ. Героямъ г. Боборыкина—да и героинямъ тоже—можно бы было сказать то, что сказала Руссо венеціанская куртизанка: *scia le doppo e studiu la mathematica*. Вѣра полюбила нѣкоего профессора Остожина. Какъ корректная и самостоятельная женщина, она дошла къ дѣлу прямо и смѣло и первая открыла профессору свою инвязанность. Остожинъ, такой же корректный человекъ, какъ и она, ивершеннѣйшій ея дубликатъ, съ тою развѣ разницей, что дошелъ до зликогнпнѣйшаго презрѣнія къ російской жизни и російскимъ людемъ, до которыхъ Вѣра еще не достигла. Фигура международная и въ сущности препротивная, хотя и инвюющая изображать въ романѣ ко бы идеальную фигуру російскаго настоящаго интеллигента. Ну, а дальше все по нотамъ Боборыкинской симфоніи пошло. Вѣра производитъ свои математически-любовныя выкладки, а Остожинъ—свои. И выкладки эти не совпадаютъ. Вѣра свободомыслящая, но корректна. Она любить, но доводитъ любовь сразу до конца не желаетъ, ибо „въ законѣ“, а она особа корректная. Остожинъ тоже свободомыслящій и тоже корректенъ и именно поэтому требуетъ не разведенія момо, а настоящаго дѣла. Однимъ словомъ, сушая любовная математика.

Это бы, пожалуй, и не бѣда. Не умѣть г. Боборыкинъ страсти инвюно описывать иначе, какъ посредствомъ выкладокъ,—ну, и Богъ бы въ нимъ. Но ему надо посрамленіе не только одного разрушающагося перваго сословія, но на этотъ разъ даже и интеллигенціи предъ свѣтлымъ ликомъ его избранницы—буржуазіи. И вотъ авторъ заставляетъ Остожина,—замѣтьте, не просто разночинца какого-нибудь, которыхъ г. Боборыкинъ вообще не долюбиваетъ, а настоящаго, подлиннаго интеллигента, и даже не русскаго интеллигента, а европейца—совершать нѣчто невѣроятно-грубое и не деликатное. Правда, эта грубость основана яко бы на принципахъ, на правильномъ пониманіи о свободѣ и

правъ женщины располагать собой; но, тѣмъ не менѣе, то, что дѣлаетъ Остожикъ, просто грубость и неделикатность. И гдѣ только г. Боборыкинъ видѣлъ русскихъ интеллигентовъ, которые не умѣли бы ни мать и даже преклоняться предъ тонкими, деликатными чувствами даже предвзвѣдками любимой женщины, которые не умѣли бы жидить и терпѣть? Этого ужъ даже и математикой любовной г. Боборыкина объяснить. Очевидно, что умыселъ другой тутъ былъ.

Сей умыселъ и уясняется для читателя, когда представитель и ступеи новой силы, вышеупомянутый старообрядецъ и сладострастный Умновъ, давно уже имѣвшій на „никоианку“ Вѣру свои виды и рѣше даже предлагавшій ей руку и сердце, повергаетъ къ ногамъ и гини сто тысячъ на какое-то благотворительное дѣло, которое въ снности считаетъ „загѣй“. И что же дѣлаетъ тогда умница Вѣра? Можетъ быть, полагаете, что она, корректная лѣди, броситъ Умнову въ лицо эти сто тысячъ? Нѣтъ, ошибаетесь. Она только подумала: „этотъ умвѣтъ любить“—и жметъ ему руку. Картина! Ну, конечно, какъ и умвѣтъ, коли по сту тысячъ за взглядъ милостивый отсчитываютъ. Такія-то вещи и на нижегородской ярмаркѣ продѣлываютъ. А умница Вѣра и этого не понимаетъ.

Не блещетъ художественными красотами и беллетристика *Смелая Выстника*. То, что могло бы быть интереснымъ въ длинномъ предлинномъ и скучномъ - прескучномъ романѣ г-жи Шапиръ: *Мать Босъ*, утопаетъ въ волнахъ, далеко не прозрачныхъ, утомятельныхъ болтовни. А сюжетъ могъ бы быть сдѣланъ интереснымъ. Рабство великодушнаго и сильнаго духомъ, хотя и лишеннаго инициативы мужчины предъ пустой, глупой, больной и бездушной женщиной—явленіе достаточно частое и очень любопытное. Оно почти фижангическій фактъ, какъ уступчивость большой и сильной собаки предъ какой-нибудь шавкой. Можетъ быть, еще интереснѣе было бы, если бы тиранъ-женщина была некрасивой столь же, сколь она глуха. Среди русской интеллигенціи, въ которой такъ значительно развиты чувства стыдливости, деликатности и сознанія своей вины предъ женщиной вообще, это явленіе можетъ быть болѣе распространено, тѣмъ въ какой-либо иной странѣ. Идея какъ бы мститъ за свое продолжительное униженіе. Русскій интеллигентъ какъ бы распахивается за терпѣ и домогровевскую мораль. Онъ такъ долго былъ рабовладѣльцемъ, что теперь съ болѣзненнымъ наслажденіемъ дѣлается рабомъ своей бывшей рабыни. И дѣлается не столько по чувству долга, сколько изъ жалости и стыда. И именно потому, что онъ чувствуетъ себя сильнымъ и великодушнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ чемъ-то виновнымъ. А притомъ жизни-то настоящей у него, все-таки, нѣтъ; нѣтъ въ силу этого и инициативы, и некуда и незачѣмъ ему расходывать свои довольно значительныя силы. Въ результатѣ—печальная трагикомедія семьи и несомнѣнная трагедія утраты активной силы, которая пригодилась бы, при иныхъ условіяхъ, для общественаго прогресса.

Но, къ сожалѣнію, эта идея, несомнѣнно присущая въ романѣ г-жи Шапиръ, расплылась въ массѣ излишняго беллетристическаго мусора. А притомъ и анализа психологическаго никакого нѣтъ, а въ немъ при подобной задачѣ все и дѣло. Жаль. Сюжетъ богатый и благодарный.

Отмѣтимъ любопытную статью г. Шарапова *Молодежь прежде и теперь* (*Русск. Выстн.*). Намъ тѣмъ пріятнѣе отмѣтить этотъ голосъ, что онъ исходитъ изъ того лагера, въ которомъ черезчуръ склонны

валить все совершавшееся въ послѣдніе печальные годы и въ особости духъ и характеръ нашей средней классической школы.

7. Шараповъ, съ большинствомъ заявленій котораго мы, разугая, несогласны, при сравненіи молодежи семидесятыхъ годовъ и ея развитія съ таковыми же (т.-е. молодежью и условіями) гдѣднихъ лѣтъ ярко изображаетъ идейное и моральное превращеніе прежняго предъ современнымъ... „При переходѣ въ высшія классы, — говоритъ онъ, — мы были матеріалистами по вѣрованіямъ и вѣдѣніямъ, — идеалистами по характеру. Наука была нашей религіей. Мы не религіозны до фанатизма, но по другой, по новой вѣрѣ. Доблесть, особая, юной, высокой, была запасъ огромный... Мы были готовы рать за понятія... Мы были готовы на всякую антиправительственную демонстрацію, потому что отъ души ненавидѣли существующій режимъ. За священное слово „конституція“ любой изъ насъ выбросился изъ четвертаго этажа... Въ ходившихъ тогда по рукамъ стихотвореній господствовалъ элегичный тонъ, характеризующій дворянскую молодежь въ ея послѣднемъ поколѣніи...“ Всѣ тогда ждали одного: свободы...“ Однимъ словомъ, — заключаетъ г. Шараповъ, — наше поколѣніе было чистѣйшимъ идеализмомъ. Неждановъ вполне нашъ говѣкъ; Соломинъ тоже нашъ... Наши отношенія къ женщинамъ были лишь порядочны. Я бы желалъ найти хоть одного изъ нашихъ, который бы зайнулся о приданомъ или задумалъ бы чрезъ жену устроить карьеру. Его бы по-просту заклевали... Наше поколѣніе было чуждо идеалистическимъ и въ немъ былъ большой запасъ старомодной дворянской силы... Ни одинъ изъ нашихъ, навѣрно, не писался бы въ *священную дружину*, куда пошло много современныхъ юльниковъ“.

Таковъ, по изображенію г. Шарапова, прежній молодой человекъ. Посмотримъ теперь, каковъ современный молодой человекъ. Мы сами, говоритъ г. Шараповъ, лично слушали манифестъ 19 февраля. Тогда историческая почва буквально горѣла подъ ногами и шестилѣтній хлопчикъ по развитію заткнулъ бы за поясъ нынѣшняго десятилѣтка. Появились разночинцы — и съ ними ровнь въ средѣ школьныхъ товарищей... Съ нѣкоторыми юнцами стало невозможно имѣть дѣло. (Да не потому ли невозможно, что времена настали подлые, времена распутства и священныхъ дружинъ, простирающихъ свое тлетворное вліяніе уже на чистыя дѣтскія души, даже въ святилище школы?) Прежній укъ исчезъ, остались казенныя программы, экзамены и внѣшняя дисциплина. А тутъ и реформа гимназій. Студентъ, прошедшій старую гимназію, и студентъ съ аттестатомъ зрѣлости — несравнимыя величины. Раньше въ средней школѣ читали и развивались. У нынѣшней средней школы молодежи самый мертвенный и безпросвѣтный зубрежъ. Нынѣшнихъ гимназистовъ даже сравнивать нельзя съ нашими, до чего имъ тугѣ и прямо невѣжественнѣе. Читать имъ безусловно некогда, потому что уроки заливаютъ ихъ, какъ утопающихъ волны. (А къ тому же и воспрещается. Надзиратели обыски дѣлаютъ и отбираютъ разрѣшенные цензурой книги, какъ не легальныя.) Мы, вступая въ высшую школу очень развитыми, съ одной стороны занимались наукой, а съ другой — пускали во всю нашъ накопленный идеализмъ. А нынѣшніе воспитанники средней школы являются отупѣлыми, лишенными всякой гнѣи идеализма, какихъ бы то ни было взглядовъ и убѣжденій, — словомъ, совсѣмъ голенькіе. У насъ избытокъ силъ уходилъ на всякіе виды творчества, а они стремятся отдохнуть отъ пережитой въ сред-

ней школѣ каторги. Нынѣшняя молодежь, свидѣтельствуеъ г. Шарповъ, читаетъ только легкую литературу. Тутъ даже опошленія и опошленіе. Какое опошленіе можетъ быть у человѣка, который никогда не возмался ни на вершокъ? Насколько въ наше время во всѣхъ нашихъ школахъ царилъ общій духъ, настолько теперь каждая школа — особнякомъ. У современной молодежи мировоззрѣніе, несомнѣнно, еще во въ какомъ ужасномъ видѣ! Это костюмъ, взятый на прокатъ, имѣющій никакого соотношенія къ внутреннему „я“ человѣка, къ его ховной жизни. Трудно повѣрить, до чего все упрощено, до чего въ душѣ никакихъ корней ходячихъ убѣжденій. Однимъ словомъ, мнѣнію г. Шарпова, надъ нами царятъ полныя сумерки, но намъ сгущающіяся въ нестерпимый мракъ. И мы съ нимъ вполне согласны. И очень радуемся, что, наконецъ, и въ тѣхъ кругахъ, къ которымъ принадлежитъ г. Шарповъ, этотъ мракъ замѣченъ. Наступаетъ только вопросъ о томъ, что именно породило этотъ мракъ мнѣнію г. Шарпова и его соратниковъ, „истинно русскихъ людей“ мракъ разсвѣдался только нѣкимъ „тихимъ свѣтомъ“. Ну, а мы знаемъ, что этотъ „тихий свѣтъ“ если и не былъ прямою причиною мрака, наступившаго уже и раньше, то во всякомъ случаѣ онъ отстиль сумерки и превратилъ ихъ въ полное омраченіе, съ которымъ намъ, вѣроятно, еще не скоро раздѣлаться.

„Наше современное *одичалое* настроеніе понятнѣе страшно, но еще страшнѣе то, что не видишь выхода. Сможетъ ли наша родная культура уложить эти дикіе элементы въ твердыя рамки и воскресить то, о чемъ живетъ человѣческая душа — вѣру и энтузіазмъ?“

Такимъ понятнѣе раздрающимъ душу стономъ заканчиваетъ г. Шарповъ свою знаменательную по нынѣшнимъ временамъ статью. Да и вѣжѣ жалко станетъ. Но только къ чему же такое отчаяніе? Ами Богъ не безъ милости... Дворянская культура, безъ сомнѣнія, имѣла нѣкоторыя свои достоинства. Но, во-первыхъ, мертвыхъ не воскресаютъ, хотя иногда ихъ и гальванизируютъ такъ, что они являютъ обманчивый видъ яко бы живыхъ. А во-вторыхъ, не одинъ только свѣтъ что въ окошкѣ. Не одна только дворянская культура бываетъ, а еще и общечеловѣческая, людская культура. Уложатся ли дикіе элементы въ рамки? А вы пробовали? Попробуйте уложить, да не искусственнымъ гальванизованіемъ трупа, а по-человѣчески, живымъ дѣломъ. Можетъ быть, и уложатся. Начните хоть съ маленькаго. Вообще, и спада, вѣрнее побольше въ человѣка и его силы, а не во внѣшнюю дисциплину. Право, для васъ же лучше будетъ.

Г. Шарповъ говоритъ о слабомъ социальномъ творчествѣ современныхъ поколѣній. Въ лежащихъ предъ нами книгахъ журналовъ имѣется матеріалъ для сужденія о томъ, какъ безразсудно наше общество, и безъ того небогатое культурными силами, выбрасываетъ за бортъ если не лучшую, то, во всякомъ случаѣ, и не худшую часть такихъ силъ. Въ статьѣ по поводу пятидесятилѣтія географическаго общества въ *Русскомъ Богатствѣ* авторъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: очень многочисленны были случаи, когда покровительство географическаго общества приходило на помощь людямъ, вслѣдствіе утраты нія политическими идеями потерявшимъ положеніе въ обществѣ. Можно указать на многочисленныя примѣры, когда поддержка общества привлекла къ служенію наукъ силы, которыя безъ нея погибли бы безусловно. И далѣе авторъ напоминаетъ имена Дыбовскаго, Голлесскаго, Ксенопольскаго, Чекановскаго, Витковскаго, Черскаго, Стржевскаго,

рскаго, Клеменса, Шапова и др. Въ семидесятыхъ годахъ одинъ лучшихъ публицистовъ приготовилъ статью, въ которой совѣтственной администраціи воспользоваться интеллигентными людьми, ренными въ отдаленномъ краѣ. Инженеръ Чернцовъ, стоявшій во въ ангарской экспедиціи, составилъ отрядъ своихъ помощниковъ лицъ этой категоріи; статистическое бюро въ Иркутскѣ свою канрію составило изъ студентовъ, высланныхъ изъ столичныхъ университетовъ. Авторъ могъ бы умножить количество своихъ примѣровъ.

могъ бы указать, наприм., что значительная часть черной работы той земской статистикѣ, которой наша родина не безъ основанія итса передъ всей Европой, сдѣлана руками тоже лицъ этой категоріи. Не безъ достаточнаго основанія можно утверждать, что во многихъ отдаленныхъ и не столь отдаленныхъ захолустьяхъ нашего отечества провинціальная печать буквально создана усиліями тѣхъ же и что, во всякомъ случаѣ, они составляли лучшую, наиболѣе мытливую, добросовѣстную и наиболѣе твердую въ принципахъ часть телей провинціальной печати, которая столь неуклонно и столь чно работала и будетъ работать для просвѣщенія и возрожденія іего бѣднаго въ культурномъ отношеніи отечества.

Всѣ эти факты, повидимому, говорятъ противъ нашего утвержденія езравсудной тратѣ культурныхъ силъ въ нашемъ обществѣ. Но ько повидимому. Приводимые примѣры представляютъ минимальную ичину по сравненію съ количествомъ даромъ пропавшихъ и, скажемъ шю, даромъ загубленныхъ силъ.

Все русское общество, которому пришлось за послѣднее двадцатіе не мало потерпѣть ущерба отъ установившихся въ этомъ дѣлѣ мѣдовъ, имѣетъ полное основаніе быть благодарнымъ хроникеру *стника Европы*, поставившему этотъ вопросъ, давно назрѣвшій и олѣвшій, на почву права и законности. Въ *Юридической Газетѣ* швилась замѣтка о положеніи лицъ, высылаемыхъ административнымъ рѣдкомъ въ тѣ или другія мѣстности Европейской или Азіатской Росіи. Перечислив всѣ ограниченія и запрещенія, которымъ подчинены сланные, г. Фридландъ, авторъ замѣтки ставитъ вопросъ: какой обвь жизни должно вести лицо, подвергшееся административной высылкѣ? е только государственная и общественная, но даже частная служба я него недосыгаема, учиться и учить наукамъ и ремесламъ оно не ѣветъ права, заниматься профессіями возбраняется, — словомъ, путь ь добыванію средствъ вездѣ прегражденъ. Едва ли можно назвать ормальнымъ такой порядкомъ вещей? На это скромное замѣчаніе юникеръ отвѣчаетъ, что ненормальны не только условія, въ котоыя поставлены высланные; ненормальна самая организація высылки, шормальны размѣры, въ которыхъ она примѣняется на практикѣ. И вѣствительно, именно въ этомъ и весь вопросъ. Подъ дѣйствіе положеній 14 августа 1881 г. и 12 марта 1882 г. по точному ихъ смыслу, — продолветъ хроникеръ, — не подходятъ ни лица порочнаго поведенія, ни лица, ротивъ которыхъ взведено и не опровергнуто обвиненіе въ политическомъ преступленіи. Что касается до этой послѣдней категоріи лицъ, о на основаніи ст. 1035 разрѣшеніе въ административномъ порядкѣ вля о политическомъ преступленіи возможно только тогда, когда прозводство признано подлежащимъ прекращенію, т.-е. обвиненіе не подвердившимся. Между тѣмъ, въ административномъ порядкѣ принимается мѣры, несомнѣнно имѣющія характеръ не предупрежденія, а назанія, наприм., заключеніе въ тюрьму на нѣсколько лѣтъ, ссылка

въ Якутскую область и т. п. Иначе говоря, наказанію подвержены лица призванныя юридически невиновными. Тогда какъ по закону рами предупрежденія и пресѣченія признаются только отдача водъ зорь полиціи, воспрещеніе жительства въ столицахъ или иныхъ мѣстахъ и высылка иностранцевъ за границу. Только эти мѣры и могутъ быть примѣняемы въ извѣстныхъ случаяхъ безъ суда. Ни о смыслѣ, ни заключеніи въ тюрьму въ законѣ не сказано ни слова. О заключеніи въ тюрьму не говорится и въ положеніи 15 августа 1881 года; не говорится только объ арестѣ, какъ мѣрѣ предосторожности, и о заключеніи въ крѣпости на время не свыше трехъ мѣсяцевъ, да и тѣ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ положеніи чрезвычайной охраны, какихъ мѣстностей теперь нѣтъ. Заключеніемъ въ тюрьму или ссылкою въ отдаленныя мѣстности на продолжительные сроки разрѣшаются административномъ порядкѣ такія дѣла, которыя по закону подлежатны исключительно суду, и разрѣшаются безъ гарантій, предоставляемыхъ подсудимому всякимъ, даже экстраординарнымъ судебнымъ производствомъ. Въ этой области большимъ шагомъ впередъ, справедливо замѣчаетъ хроникеръ, было бы простое соблюденіе дѣйствующаго закона. Что же касается до административной высылки, то хроникеръ ставитъ такіе вопросы о ея примѣненіи: допустима ли она только въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ положеніи чрезвычайной или усиленной охраны, или повсемѣстно? Не слѣдовало ли бы опредѣлить точно мѣстности, гдѣ могутъ быть водворяемы высланные, избравъ такія мѣстности, въ которыхъ не было бы само по себѣ наказаніемъ. Не слѣдовало ли бы измѣнить составъ „совѣщанія“ въ смыслѣ охраны правъ частныхъ лицъ? Не слѣдовало ли бы сдѣлать общимъ правиломъ выслушаніе „совѣщаніемъ“ личныхъ объясненій, т.-е. предоставлять имъ дому опровергать взводимыя на него обвиненія, а стало-быть право требовать предъявленія имѣющихся противъ него данныхъ.

„Самая постановка этихъ вопросовъ, — заключаетъ хроникеръ, — содержитъ ихъ разрѣшеніе“.

Дѣтскій Отдыхъ, апрѣль. Заинтересованные весьма естественнымъ вопросомъ о томъ, какое направленіе приметъ *Дѣтскій Отдыхъ* въ новой редакціи, мы тщательно присматриваемся къ общему характеру помѣщаемыхъ въ немъ статей.

Авторъ разсказа *Светлый праздникъ*, г-жа Стерня, съ баканымъ смакованьемъ расписываетъ роскошь и наряды богатой обставою Дѣти-читатели невольно почувствуютъ зависть къ тѣмъ радостнымъ чувствамъ, которыя испытывали маленькіе герои этого разсказа, и лучшей дорогіе, чудные подарки и поѣдая роскошныя яства. Нужды нѣтъ, что подарки эти—безсмысленны, наприм., большая кукла „съ малиновыми волосами“, и что педагоги въ одинъ голосъ называютъ эту игрушку вредной и безцѣльной тратой денегъ, но авторъ словно имъ поддразниваетъ, смакуя всѣ эти прелести и тѣмъ вводя дѣтей въ заблуждѣніе: „Когда папа поцѣловалъ меня три раза, — говоритъ г-жа Стерня, — вручилъ мнѣ большую куклу—мальчика съ настоящими волосами, въ малиновой рубашкѣ и бархатной поддевѣ, я такъ и обомлѣла отъ восторга. Такая же большая кукла, только дѣвочка, была вручена и Катѣ. Радости нашей не было предѣловъ“.

Любитъ авторъ привлекать вниманіе читателей и къ роскошнымъ костюмамъ. „Мы ухватились за руки и втроемъ, нарядныя (какъ тогда помню наши бѣлыя съ цвѣточками муслинг-леновая платья) и торжественныя, двинулись въ залу христосоваться съ папа и бабушкой“.

одобныхъ мѣстъ, съ подчеркиваніемъ нарядовъ, не мало у г-жи гернгъ.

Г. Орловскій поддерживаетъ высокое почтеніе къ разнымъ титуламъ, рассказывая въ очеркѣ *Фредъ* о томъ, какъ внучка графини, заивъ дыханіе, слушаетъ рассказъ маленькаго артиста про его знаменитость „съ важными дамами и генералами“, съ разными „княгинями князьями, графинями и баронессами“. Однимъ словомъ, такое амбре,—какъ выразалась городничиха,—что нельзя даже войти...

Графиня изображается такою обаятельной, что одно уже ея присутствіе облагоухивало васъ. На дѣвочкѣ Танѣ „было красивое платье въ синей шотландскій матеріи; кудрявая головка приняла благообразный видъ; даже движенія ея, какъ она подходила къ столу и садилась, точно вдругъ переизменились и стали изящнѣе,—всегда присутствіе бабушки вызывало въ ней такую переизмену“.

Г-жѣ Лукашевичъ въ повѣсти *Холодное сердце* никакъ не удаются иные разговоры. Хочется ей показать, какъ глубокомысленно разужаютъ иные люди, а выходитъ совсѣмъ наоборотъ,—общія мѣста, наминающія прописи или казенныя фразы, назначаемыя для перевода съ русскаго на нѣмецкій.

„Вы, навѣрно, очень любите природу?—говоритъ одинъ умный словѣкъ.“

„О, да! Соверзаніе природы—это великое наслажденіе... Сколько тутъ гармоніи, величія, прелести, поэзіи! Природу не всѣ могутъ постигнуть „серьезно и сосредоточенно“,—отвѣчаетъ другой такой же умный человѣкъ.“

„Вы правы,—продолжалъ первый умникъ:—кто не сжился съ подьми, тому надо уходить въ горы, въ лѣса, въ глушь.“

„Тамъ покой и тишина,—подхватываетъ второй,—тамъ все проще, ближе къ Творцу вселенной...“

Не удается г-жѣ Лукашевичъ передавать и тонкія ощущенія живописца, и его фантастическія картины, и артистическіе восторги, хотя она и прибѣгаетъ къ обычному для выраженія восторговъ междометію *о!* „О, эти чудныя, несравненныя картины, которыя проходили въ его воображеніи: эти лики святыхъ, эти воды, небо ясное, красивыя дамы!“ Красивыя дамы и лики святыхъ—что тутъ общаго? И неужели красивая дама представляетъ собою такую же „чудную, несравненную“ картину, какъ ясное небо? Иное дѣло—„воды“ и „дамы“, это сопоставленіе болѣе правдиво: гдѣ воды,—впрочемъ, только минеральныя, тамъ всегда непремѣнно дамы.

Шутки въ сторону, беллетристика въ *Дѣтскомъ Отдѣлѣ* оставляетъ желать многого. Слѣдовало бы редакціи прибѣгнуть къ помощи настоящихъ, а не дѣтскихъ только писателей. Дѣтскіе писатели часто ищутъ слишкомъ по-дѣтски, т. е. неумѣло.

Безъ страшныхъ исторій не можетъ обойтись этотъ журналъ. И къ чему онъ помѣщаетъ переводы глупѣйшихъ англійскихъ сказокъ? Отрубленныя руки, убитыя женщины, забрызганныя кровью, и заколотый мистеръ, брр!...—вотъ весь сюжетъ этой вредной сказки, зловѣще озаглавленной: *He сонъ, а правда*—и сопровождаемой страшною картиною.

Единственная содержательная статья во всемъ этомъ выпускѣ—культурно-ботаническій очеркъ П. Ф.—га *Финиковая и кокосовая пальма*. Молодой редакціи нужно, очевидно, приложить много усилія, чтобы пойти вровень съ другими дѣтскими журналами.

Всходы. Иллюстрированный журналъ для дѣтей прольнѣе возраста, *май*. Разсказъ г-жи Коваленской, какъ и всѣ произведенія этого автора, *Смирныя*, производятъ на читателей симпатичныя впечатлѣнія. Жаль только, что онѣ слишкомъ разслаблены. Другой недостатокъ—избитая тема: страданія дѣвочки-работницы модной мастерской. Этою сюжетомъ особенно полюбили такъ называемыя дѣтскіе писатели. Нельзя не отмѣтить и художественнаго недостатка разсказа. Это — излишнее сгущеніе красокъ. Хозяйка и главная мастерица—объ вѣдьмы. Хозяйка вмѣщаетъ въ себя, на подобіе героини ложно-классическихъ трагедій, всѣ пороки: она злодѣйка и въ всѣхъ смыслахъ. Всѣхъ поѣдомъ ѣстъ, ругаетъ, немилосердно бьетъ, лѣнива, прожорлива и жадна. И внѣшность злодѣекъ—самая классически-злѣйшая: у главной мастерицы, наприм., „обозленные“ слѣза глаза на выкатъ. Эти злодѣйки не только мучаютъ дѣвочекъ, но терзаютъ щенковъ и выбрасываютъ котятъ въ помойку,—однимъ словомъ, это—ужасъ какія вѣдьмы, какъ разъ такія, какія бываютъ въ книгахъ часто, а въ жизни очень рѣдко, если только бываютъ въ самомъ дѣлѣ. Читая разсказъ г-жи Коваленской, можно подумать, что тяжелое положеніе мастерицъ объясняется злобой хозяйекъ; и что во всемъ этомъ ненормальномъ положеніи пѣлаго класса виноваты только злыя вѣдьмы. Но тогда дѣти могутъ спросить: почему хозяйки такъ злыя? Почему онѣ такъ мучаютъ дѣтей? И почему модныя мастерицы должны открываться только злодѣйками? Надо или не касаться такъ серьезнаго, можно сказать—такого жгучаго вопроса или уже выяснять его какъ слѣдуетъ. Иначе въ головѣ ребенка-читателя вы возбудите рядъ мучительныхъ вопросовъ и сомнѣній и оставите ихъ совершенно выясненными.

Разсказъ *Биллецы* Клерси написанъ интересно. Тутъ изображаются какъ бѣжавшіе на пароходѣ звѣри и змѣи выбѣжали изъ своихъ вѣроченій, и какую панику произвелъ ихъ побѣгъ, и какое мужество и присутствіе духа проявили укротитель звѣрей и его слуга.

Съ интересомъ прочтутся статьи А. Нецаева: *Соляное царство Добываніе кристалловъ*. Первая изъ нихъ, въ связи съ описаніемъ добыванія соли, знакомитъ васъ и съ печальнымъ бытомъ рабочихъ въ соляныхъ копаняхъ.

Вообще, новый дѣтскій журналъ ведется, обдуманно и его можно рекомендовать вниманію родителей и воспитателей.

ИСОКЪ КНИГЪ, ПОСТУПИВШИХЪ ВЪ РЕДАКЦІЮ ЖУР-
ДА „Русская Мысль“ съ 1 мая по 1 іюня
1896 г.

ровичъ, А. А. Индукціонная кашка. Брянскъ, 1896 г. Ц. 50 к.
родинъ, И. П. Процессъ оплодотворенія въ растительномъ царствѣ. Иб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
асье, Гастонъ. Картины древне-ирусской жизни. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 5 к.
есе, Э. Э. Переселеніе крестьянъ оремъ въ Южно-Уссурійскій край въ 383—1893 гг. Спб., 1896 г. Ц. 4 р.
ернстьерне - Бьернсонъ. Сораніе сочин. Т. I. Пер. М. В. Лучиной. Изд. Ф. А. Югансона. Кіевъ, 1895 г. Ц. 35 к.
Собран. сочин. Т. III. Ц. 35 к.
Собран. сочин. Т. IV. Ц. 35 к.
нъ-Вендрихъ, полк. Отчетъ по правленію перевозками по желѣзнымъ орогамъ въ мѣстности пострадавшія ть неурожая (декабрь 1891 г.—мартъ 1892 г.). Спб., 1896 г.
рмель, С. С. Головные боли, сущность, классификація и лѣченіе. М., 1896 г. Ц. 40 к.
просы нервно-психической медицины. Вып. I—II. Кіевъ, 1896 г.
еобщая бібліотека. № 1. Шиллеръ, Вр. Разбойники. Изд. Ф. А. Югансона. Кіевъ, 1896 г. Ц. 15 к.
№ 2. Шекспиръ, В. Гамлетъ. Трагедія. Ц. 15 к.
юадевъ, Ив. Первичный наружный лѣчебно-медицинскій осмотръ мертвого тѣла. Спб., 1896 г. Ц. 60 к.
О врожденныхъ и приобретенныхъ свойствахъ дѣтей. Ц. 50 к.
ейстъ, Рудольфъ. Правовое гударство. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
дичное засѣданіе музея приклад. знаній 30 ноября 1895 г. М., 1896 г.
риневскій, В., д-ръ. Кавъ намъ

обуваться? О нормальной обуви, по пре-
имуществу дѣтской. Изд. магаз. „Мать
и дитя“. Спб., 1896 г. Ц. 25 к.
Г. Арсеній. Карьера. Повѣсть. Изд.
Д. П. Фяимова. М., 1896 г. Ц. 1 р.
Добролюбовъ, Н. А. Соч. Т III.
Изд. 5-е. Спб., 1896 г. Цѣна за 4 тома
6 р.
Е. М. Возмездіе или чудеса нашего вре-
мени. М., 1896 г. Ц. 20 к.
Ея Крейцрова совата изъ дневника г-жи
Поздышевой. Изд. 2-е. Пер. съ нѣм.
М. Э—на. Изд. Ф. А. Югансона. Кіевъ,
1896 г. Ц. 50 к.
Зетъ, Е. Французскіе дѣрвн. Москва,
1896 г. Ц. 1 р. 75 к.
Ибсенъ, Генр. Сбор. соч. Т. II. Изд.
I. Юровскаго. Спб., 1896 г.
Ингремъ, Дж. К. Исторія рабства.
Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
Каталогъ бібліот. для воскресной школы.
De-Kervilly, Dr. О варужаомъ или
мѣстномъ лѣченіи женскихъ болѣзней.
Пер. съ фр. д-ра В. К. Панченко. Изд.
Н. П. Петрова. Спб., 1896 г. Ц. 80 к.
Кольбе, Б. Ю. Введеніе въ ученіе объ
электричествѣ. II. Динамическое элек-
тричество. Изд. К. Л. Риккера. Спб.,
1896 г. Ц. 1 р. 40 к.
Козинцовъ, М. И. Сѣрносипичное
производство въ санитарномъ отноше-
ніи. Стародубъ, 1896 г.
Крушеванъ, Пав. Что такое Рос-
сія? Путевыя замѣтки. Москва, 1896 г.
Ц. 2 р.
Кувалдинъ, В. Къ вопросу о при-
мѣненіи мыльной пробы. М., 1896 г.
Ленинъ, Е. Нѣсколько замѣчаній по
поводу книжки Л. В. Ходскаго: „Осно-
вы государств. хозяйства“. Спб. 1894 г.
Кіевъ, 1895 г.
Лопатинъ, Валер. Объединенная ар-

- мейская жизнь. Варшава, 1896 года. Ц. 25 к.
- Лялинъ, Л.** Инжен.-технол. Къ вопросу объ огнеупорныхъ постройкахъ. Спб., 1896 г.
- Массальскій, Н.** Поволжье. Путеводитель. Спб., 1896 г.
- Мачтетъ, Г. А.** Васьяка горнисть. Рассказъ. М., 1896 г. Ц. 20 к.
- Мещерскій, А. П.** Письма деревенскаго хозяина. Изд. А. С. Суворина. Спб., 1896 г. Ц. 2 р.
- Мебиусъ.** Болѣзни нервной системы. Международная библиотека № 41. Спб., 1896 г. Ц. 15 к.
- № 40. Гельмгольцъ о взаимодѣйствіи силъ природы. Ц. 15 к.
- Милль, Дж.-Ст.** Основанія политической экономіи. Пер. съ посл. англ. изд. Е. И. Остроградской. Подъ ред. пр.-доц. О. И. Остроградскаго. Вып. I. Изд. Ф. А. Иогансона. Кіевъ, 1896 г.
- Автобиографія. Изд. кн. маг. „Книжное дѣло“. М., 1896 г. Ц. 75 к.
- Мольеръ, Ж.** Жоржъ Данденъ. М., 1896 г.
- Москвичъ, Григорій.** Путеводитель по Кавказу. Одесса, 1896 г. Ц. 2 р.
- Ньюкомбъ, С., и Энгельманъ, Р.** Астрономія. Вып. IV. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 40 к.
- Отчетъ С.-Петербур. Общества содѣйствія физическому развитію за 1895 г.** Спб., 1896 г.
- Отчетъ совѣта Общества попеч. о начальной образованіи въ Красноярскѣ за 1895 г.** Красноярскъ.
- Отчетъ мужской безплатной воскресной школы Московско-Казанской жел. дор. за 1894—1895 учебный годъ.**
- Отчетъ о новочеркасской женской воскресной школѣ за 1894—95 учебн. годъ.** Новочеркасскъ, 1896 г.
- Остроумовъ, Н. П.** Сарты. Этнографическіе матеріалы. Изд. 2-е и дополн. Изд. кн. маг. „Букнисть“. Ташкентъ, 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Пахоловъ, Христоф.** Опытъ педагогической хрестоматіи. Вып. III. Физическое воспитаніе. Казань, 1896 г. Цѣна 35 к., съ пер. 40 к.
- Памяти Евг. Ник. Андреева.** Справочная книжка для кустарныхъ ремесленныхъ и земледѣльческихъ артелей. Спб., 1896 г. Ц. 60 к.
- Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ.** Издана подъ ред. К. Я. Грота. Т. II. Спб., 1896 г. Ц. 3 р.
- Плохинскій, А.** Краткія свѣдѣнія изъ химіи для назвшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ. Изданіе книжнаго чагазана А. Д. Карчагина. Харьковъ, 1896 г. Ц. 40 к.
- Потоцкій, Ф. С.** Конспектъ римскаго права. Харьковъ, 1896 г. Ц. 1 р.
- Принсъ, Адольфъ.** Преступности общества. М., 1896 г. Ц. 40 к.
- Приоровъ, М. К.** Гдѣ честный трудъ и счастье. М., 1895 г. Ц. 10 к. — Дворняжка. Ц. 50 к.
- Прохорова, П. Н., д-ръ мѣд.** Биологическія основы медицины. Вып. I. Изд. В. И. Базилевскаго. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Рейнке, Е.** Приходъ и расходъ въ приходѣ. Пер. съ нѣм. Спб., 1896 г. Ц. 10 к.
- Самборскій, С. И.** Общедоступный учебникъ домашнихъ животныхъ. Спб., 1896 г. Ц. 80 к.
- Свѣшниковъ, М. И.** Очеркъ о теоріи государ. права. Спб., 1896 г. Ц. 2 р.
- Сербскій, Вл.** Судебная психологія. Вып. I. Законодательство о душевно-больныхъ. Изд. А. А. Баранова. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Степановъ, Н.** Учебникъ математической географіи. М., 1896 г. Ц. 75 к.
- Стефановичъ, Я. В.** Отъ Якутска до Аява. Путевныя наблюденія (Алтайскія экспедиція 1894 г.). Иркутскъ, 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Тезяковъ, Н. И.** Земская медицина. Заболѣваемость и смертность населенія Елисаветградскомъ уездѣ въ 1896 г. Елисаветградъ, 1896 г.
- Тимковскій, Н.** Приключенія братьевъ: Авось и Небось.
- Толбинскій, А. И.** Организационныя да въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Вильна, 1896 г.
- Тридцать третій годичный отчетъ комитетскаго общ. купеческ. кредита въ Москвѣ за 1895 г.** М., 1896 г.
- Труды съѣзда агрономовъ вятскаго губернскаго земства.** Вятка, 1896 г.
- Удинцевъ, Вс.** Пососессіонное право. Кіевъ, 1896 г.
- Фульер, Альфр.** Температурный характеръ. Пер. В. Н. Ланда. Изд. кн. маг. „Книжное дѣло“. Москва, 1896 г. Ц. 1 р.
- Диммерманъ, А.** Микроскопъ. Спб., 1896 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Чудиновскій, Ю., проф.** Извѣщенія по общей терапіи. Вып. III. Общія разраба по отношенію къ женскимъ. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.
- Шершеневичъ, Г. Ф.** Учебникъ русскаго гражданскаго права. Изд. II. Казань, 1896 г. Ц. 5 р.
- Школа грамоты.** Начатки родного языка для крест. ребятъ. Самара, 1896 г. Ц. 5 к.
- Ярмонкинъ, В.** Письма изъ деревни. Спб., 1896 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„БИБЛІОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

І. КНИГИ.

	Стр.
Беллетристика: „Флиртъ и др. рассказы <i>К. Баранцевича</i> .—„Новая мама“ ов. <i>В. П. Соколова</i> .—„Новые переводы „Божественной Комедіи“ <i>Данте Алигери</i>	241
Философія и психологія: „Французская философія первой половины XIX вѣка“. <i>И. Тена</i> .—„Душевные движенія“. Психо-физиол. очеркъ <i>Д-ра Г. Ламе</i>	246
Исторія, мемуары, біографіи: „Декабристы въ Западной Сибири“. Сост. <i>И. Дмитриевъ-Мамоновъ</i> . — „Всеобщая исторія литературы“ <i>І. Шерра</i> . — <i>В. Спирова</i> , его жизнь и философская дѣятельность“. Біогр. очеркъ <i>Г. А. Паперна</i> . — „Р. Декартъ, его жизнь и философская дѣятельность“. Біогр. очеркъ <i>А. Паперна</i>	249
Этнографія: „Мултаское „моленіе“ вотяковъ въ свѣтѣ этнографическихъ вѣданій“. <i>П. М. Богоевская</i>	254
Юридическія книги: „Исслѣдованіе о смертной казни“. <i>А. Ф. Бистяковскаго</i> . — „Что есть торговая несостоятельность“. <i>Д. В. Туткевича</i> . — „Судьбы вшей корпоративной присяжной адвокатуры“. <i>С. С. Розенберга</i> . „Возникновеніе семьи и брака“. <i>Карла Каутскаго</i>	257
Естествознаніе: „Строеніе матеріи“. Популярныя лекціи и рѣчи <i>В. Томона</i> .—„Учебникъ гистологіи челоуѣка со включеніемъ микроскопической техники“. <i>А. А. Бема и М. М. Давыдова</i> .—„Основы метеорологіи и климатологіи“. [<i>А. Лачинова</i>].—„Нѣкоторыя основныя задачи современнаго естествознанія“. Публичныя рѣчи <i>К. Тимирязева</i>	262
Сельское хозяйство: „Сборникъ свѣдѣній по культурѣ цѣнныхъ растений а Кавказѣ“.— „Справочный указатель земскихъ сельско-хозяйственныхъ учрежденій“	264

Учебныя книги для дѣтей: „Русская исторія“. Курсъ 3-го кл. гимназій
 и малыхъ школ. Сост. Ав. Туркесичъ. — „Русская и церковно-славянская азбука“
 И. Златовицкаго. — „Маленькая русская хрестоматія для дѣтей“. II. Смирновскаго.
 — „Литература“. Сборникъ статей въ прозѣ и стихахъ. Сост. К. Ф. Пед-
 лава. — „Книга для чтенія и практическихъ устныхъ и письменныхъ упражненій
 въ русскомъ языкѣ“. Сост. М. С. Александровичъ. — „Прописи для упражненія
 въ русскомъ почеркѣ“. П. Е. Еасьева. — „Русская исторія отъ древнѣйшихъ
 временъ“. Т. В. Н. М. Пылова. — „Приключенія Ивасака, маленькаго хохла“.
 Ав. Бастинина 264

Народныя книги: Изданія Т. О. Бузина 271

II. Периодическія изданія.

„Русское Знание“, апрель. — „Вѣстникъ Европы“, май. — „Сѣверный Вѣст-
 никъ“, май. — „Русскій Вѣстникъ“, май. — „Дѣтскій Отдыхъ“, апрель. — „Восхо-
 дитъ“, май. 273

**III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“
 съ 1 мая по 1 іюня 1896 г.**

ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ

многомагазина журнала „Русская Мысль“ В. М. Лаврова,

коммисіонера общества любителей россійской словесности

(Москва, уголъ Леонтьевского пер. и Большой Никитской, д. № 2—24).

Книжный магазинъ принимаетъ на коммиссію постороннія изда-
нія, подписку на все издающіеся въ Россіи журналы и газеты
высылаетъ все существующія въ продажѣ книги. За пересылку
нагъ берется по ея дѣйствительной стоимости. Книги могутъ
быть высланы и наложеннымъ платежомъ.

Книжный магазинъ принимаетъ на себя составленіе народныхъ библиотекъ
какія угодно суммы и даетъ требуемыя справки по составленію народныхъ
школьныхъ библиотекъ и складовъ для продажи книгъ. Книги по желанію
могутъ быть высланы въ простыхъ дешевыхъ переплетахъ (для народныхъ
нагъ переплеты отъ 4 коп.). Лица, выписывающія книги въ большомъ
количествѣ, благоволятъ сообщать самый точный адресъ для высылки книгъ
самымъ дешевымъ способомъ.

Главный складъ изданій Московскаго комитета грамотности.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Сенкевичъ, Генрикъ. Повѣсти и
рассказы. Перев. В. М. Лаврова, съ
предисловіемъ В. А. Гольцева. Цѣна 1 р.
50 к., съ пересылкою 1 руб. 80 коп.

Безъ догмата. Романъ. Перев. В. М.
Лаврова. (Третье изданіе). Цѣна 1 р.
50 к.

Путевые очерки. Перев. В. М. Лавро-
ва. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Потогъ. Переводъ В. М. Лаврова.
Цѣна 3 руб.

Семья Полавецкихъ. Перев. В. М. Ла-
врова. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 50 к.

Камо Грядеши? Романъ изъ временъ
Варона. Переводъ В. М. Лаврова.
Ц. 1 р. 50 к.

Жеешкова, Элиза. Повѣсти и рас-
казы. Пер. В. М. Лаврова. М., 1895 г.
Ц. 1 р. 50 к.

Надъ Нѣманомъ. Ром. въ 3 ч. Ц. 1 р. 50 к

Оде, Альфонсъ. Портъ-Тарасковъ.
(Послѣднія приключенія знаменитаго
Тартарова). Перев. М. Н. Ремезова.
Цѣна 1 руб.

Маленькій приходъ. Перев. М. Н. Ре-
мезова. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Эноша, Клеменсъ. Сизифъ. Кар-
тинки деревенской жизни. Перев. съ
польскаго В. М. Лаврова. Цѣна 50 к.,
съ пересылкою 65 к.

де-Мопассанъ, Гюи. Наше сердце.
романъ. Пер. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 р.

Ртель, А. И. Гарденинъ, ихъ двою-
родныя, приверженцы и враги. Романъ. Ц. 2 р.

Всѣ адмисіи „Русской Мысли“ на все ИЗДАНІЯ РЕДАКЦИИ, кромѣ народныхъ, пользуются
уступкою 10%.

Книги, вновь поступившія въ магазинъ въ теченіе послед-
няго мѣсяца, обозначены *.

Въ пользу воскресныхъ школъ. Сборникъ.
Цѣна 75 к.

Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній
русскихъ поэтовъ, составленный и из-
данный редакціею журнала „Русская
Мысль“. Цѣна 2 руб., съ пересылкою
2 руб. 50 коп.

Михайловскій, Н. К. Щедрикъ.
(Критическій опятъ) Цѣна 1 руб.

Короленко, Владиміръ. Очерки
и рассказы. (Шестое изд.). Ц. 1 р. 50 к.

— Очерки и рассказы. Книжка втора. (Вто-
рое изданіе). Цѣна 1 руб. 50 коп.

— Слѣпой музыкантъ. Этюдъ. (Третье
изданіе). Цѣна 75 коп.

Д-ръ Алексѣевъ, П. С. О пляс-
кѣ. Съ предисловіемъ графа Л. Н.
Толстого: „Для чего люди одурманиваютъ-
ся?“ Цѣна 1 руб.

Анютинъ, М. (М. Н. Ремезовъ). На-
шихъ волей годомъ. Романъ. Цѣна 1 р.,
съ пересылкою 1 р. 20 к.

Корелинъ, М. С., проф. Иллюстри-
рованными чтеніи по культурной исторіи.
Выпускъ I: Египетскіе боги. Выпускъ II:
Средневѣковая церковная готика. Одоб.
учен. комит. минист. народ. просв. для
ученическихъ старшаго возраста библио-
текъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и
женскихъ. Цѣна 1-го вып. 50 к., II-го
вып. 30 коп., вып. III. Финикійскіе море-
плаватели и ихъ культура. Рекоменд.
уч. ком. мин. нар. просв. для ученич.
старш. возр. библи. среднихъ учеб. завед.
М., 1896 г., Ц. 30 к.

Мачетъ, Григорій. Сизифъ. Томъ
II. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Богословский, В. С., проф. Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Цѣна 1 р. 60 к., съ перес. 1 р. 80 к.
Гольцевъ, В. А. Вопросы дѣя и жнн. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.
 — Объ искусствѣ. Критическія замѣтки. Цѣна 1 руб.
 — Литературные очерки. Цѣна 1 руб. Пересылка за 1 фунтъ по расстоянію.

Чеховъ, Мих. Закрытъ. Словарь сельскихъ хозяевъ. Цѣна 1 руб.
Чеховъ, Ан. Островъ Сахалинъ (на путевыхъ запискахъ). Ц. 2 р.
Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Цѣна Романъ. М., 1896 г. Ц. 2 р.
Астыревъ, Н. М. Въ волосинкахъ писаряхъ. Ц. 1 р. 50 к. Пересылка и въсю и расстоянію.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Что такое подати и для чего ихъ собирать? (3-е изданіе). Цѣна 1 коп.
Сенкевичъ, Генрикъ. Янко мумянтъ. Цѣна 1 коп.

— Пойдемъ за нимъ! Переводъ В. Лерова. М., 1895 г. Ц. 4 коп.
 Рассказъ про смутное время на Руси. Цѣна 1 1/2 коп.
Короленко, В. Г. Убийствъ. Ц. 1 1/2 р.

Библиотека „Русской Мысли“.

Сенкевичъ, Г. Черезъ степи. Ц. 40 к.
Ремезовъ, М. Клеопатра. Ц. 40 к.
 — Иуда и Римъ. М., 1896 г. Ц. 50 к.
Альбовъ, М. Юбилей. Цѣна 1 р.

Баранцевичъ, К. Побѣда. На сѣвѣрѣ дикомъ. Цѣна 1 р.
Ожешкова, Э. Милордъ. Вѣрна. Ц. 50 к.

Абламинскій, Д. Всеночное бдѣніе, вечера и утра, и Божественная литургія св. Іоанна Златоустаго, св. Василия Великаго и Пржедсвященныя Даровъ св. Григорія Двоеслова. Первый выпускъ круга общаго православнаго церковнаго пѣнія, положеннаго на ноты на 8 голоса партитурою для хора, фисгармоніи и фортепьяно. Киевъ, 1888 Ц. 1 руб. 75 коп.

Александрисъ. Искра любви. М., 1892 г. Цѣна 40 к.

Алексеѣвъ, А. А. Воспоминанія актера. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Алексій Васильевичъ Колюцовъ, его жизнь и сочиненія. Читаніе для молодежи. М., 1877 г. Ц. 75 к.

Альбомъ. Русскіе типы. М. ф. л. 50 к.; сред. ф. л. 60 к.; больш. ф. л. 75 к.

Альбомъ. Русскіе народы, съ нотомъ. 8 в. М. Ц. по 60 к.

Альбомъ копій съ картинъ русскихъ художниковъ. 2 вып. М., 1889 г. Цѣна по 2 р.

Альгрень. Деньги. Романъ. Пер. шведскаго. Москва, 1893 г. Ц. 60 к.

Альмедингенъ. Химія. Сиб., 1890 г. Ц. 2 р.

— Домашній опредѣлитель подлинности и тѣлности и др. веществъ. Сиб., 1891 г. Ц. 60 к.

— На всякій случай. Научно-популярныя совѣты. 2 ч. Сиб., 1892 г. Ц. 50 к.

Алябовъ, В. Связка литературныхъ писемъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Аммонъ, Д-ръ. Обязанности матерей. Гигіена беременности. Уходъ за малѣнькимъ ребенкомъ. Золотая книжка. Переводъ съ 32 нѣмецкаго изданія. Сиб., 1892 г. Ц. 1 р.

Амниторъ, Г., фонъ. За правду и за честь женщины. Противъ Брейеровой сонаты Л. Н. Толстого. Сиб., 1890 г. Ц. 50 к.

Амфитеатровъ. Психологія. Правда и вымыселъ. М., 1898 г. Ц. 1 р.

Анго, А. Физика. М. 1894 г. Ц. 2 р. 50 коп.

Андрѣ, М. Ф. Упраженія въ тригонометріи. Сборникъ задачъ съ подробными рѣшеніями. М., 1895 г. Ц. 35 к.

Абровъ, Н. Отъ Марса до Одессы черезъ Асины и Константинополь. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Августинъ, Архимандритъ. Руководство къ основному богословію. М., 1894 г. Ц. 1 р. 30 к.

Аверкіева, В. Яблона и груша. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Агаповъ, Д. В. Новая тригонометрія. Оренбургъ, 1894 г. Ц. 85 к.

— Подробное рѣшеніе и объясненіе типическихъ задачъ по ариметикѣ. Ц. 50 к.

— Искусственные способы рѣшенія уравненій второй степени со многими неизвестными. Ц. 60 к.

— Рѣшеніе нѣкоторыхъ геометрическихъ задачъ помощью теоремы Аганаова. Ц. 35 к.

Аданъ, Юлія. Дурнушка. Романъ. Сиб., 1894 г. Ц. 60 к.

Авбелевъ, И. П. Японія и Korea. Замѣтки изъ кругосвѣтнаго плаванія. Съ 15-ю рис. М., 1895 г. Ц. 75 к.

Айволи, Э., д-ръ. Гигіена возмужалости. Одесса., 1893 г. Ц. 40 к.

Акатовъ, Н. Какъ учить писать. М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.

Александровъ, Д. А. Звонки. Юмористическія альманахи и календарь на 1896 г. М., 1895 г. Ц. 60 к.

— Что читать и что пѣть? М., 95 г., 9 выпускъ. Цѣна каждому вып. 60 к.

- Дерсенъ, Гансъ.** Повѣсти и сказки. Новый полный пар. съ датскаго подлинника. 7 в. М., 1894 г. Ц. по 25 к.
- Дерсенъ, И.** Иллюстрированныя сказки въ 6 томахъ. Свб., 1894 г. Ц. 0 к. за томъ.
- Дне, Ж. П.** Практическое руководство къ устройству электрич. освѣщенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гурьевъ, Іоаннъ.** Столяръ-самоучка, опытъ, наставленія грамотныхъ оселанъ въ столярномъ ремеслѣ. Ц. 15 к. Какъ дѣлать простую мебель. Ц. 45 к. Домашній переплетчикъ. Ц. 10 к. вспомогательная книга при возведеніи каменныхъ и деревянныхъ зданій. Вологда, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Родовъ, Е. П.** Эскизы. М., 1893 г. 1. 1 р.
- Рендтсъ и Брандтъ.** Атласъ естественной исторіи. Свб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Рингеймъ.** Математическая географія. Изд. 5-е. Свб., 1893 г. Ц. 50 к.
- Рсеньевъ.** Изъ жизни и исторіи. Сборникъ рассказовъ для дѣтей. Свб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к. въ переплетѣ.
- Сьвернсена, П.** Норвержскія сказки. К., 96 г. Ц. 85 к.
- Ажнина.** Влуджающіе огоньки. Сборникъ дѣтскихъ рассказовъ, съ 44 картинками. Свб., 1891 г. Ц. 1 р.
- Вранцевичъ, К. С.** Родныя картины. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Картинки жизни.** 39 рассказовъ Сармата. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Вратынский, Е. А.** Полное собр. соч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
- Полное собраніе сочиненій.** Съ портретомъ автора, биографіей и его письмами. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
- Важтиарова, А.** По роднымъ краямъ. Валдаискія обители, съ 3 отдѣльными рисунками. Свб., 1893 г. Ц. 10 к.
- Возобразовъ, П. В.** Историческія статьи (англ. I). М., 1893 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Женякъ двухъ невѣстъ.** Историческій романъ. М. 1894 г. Ц. 40 к.
- О правахъ женщины.** М. 1895 г. Ц. 50 к.
- Публичныя лекціи о современномъ положеніи женщины (3-е изд.).** М. 1893 г. Ц. 20 к.
- О назначеніи женщины (2-е изд.).** Ц. 20 к.
- Сборникъ государственныхъ знаній, 8 томовъ.** Свб., 1880 г. Ц. 24 р.
- Безъ, д-ръ.** Построеніе деревянныхъ дѣланий. 1890 г. Ц. 1 р.
- Бендццудль, Альбертъ.** Къ вопросу о школьныхъ скамьяхъ. Пер. А. Федорова. Москва, 1898 г. Ц. 25 к.
- Беръ, Альфредъ.** Гигіена сифилиса. Общедоступное изложеніе, какъ предохранять и лечить себя отъ сифилиса. Кіевъ, 1898 г. Ц. 50 к.
- Бергергофъ, Г.** Руководство для драпировщиковъ, обойщиковъ и декораторовъ. М., 1891 г. Ц. 2 р.
- Бернетъ, Френсисъ.** Исторія маленькаго лорда. Свб., 1892 г. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.
- Бергеръ, Поль.** Слутники малокровныхъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
- Бернксенъ, А.** Краткій учебникъ химіи (органической). Свб., 1892 г. Ц. 3 р.
- Бессонъ, А. Г.** О нефтяномъ отопленіи паровыхъ котловъ. Свб., 1888 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Библиотека ремесленниковъ и кустарей, Окрашивание металловъ.** М., 1892 г. Ц. 40 к.
- Золоченіе и серебрение деревян.** издѣлій. М., 1890 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Библиотека экономистовъ:** 1) Адамъ Смитъ. 2) Рикардо. 3) Мальтусъ. 4) Милль. 5) Юмъ и Бентамъ. 6) Кенъ. 7) Ж. В. Сэ и Бастиа. Цѣна каждаго вып. 1 р.
- Библиотека-кросшка.** Миниатюрное изданіе, роскошно-отпечатанное, содержащее въ себѣ отдѣльныя произведенія лучшихъ русскихъ писателей: Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, фонъ-Визина, Бальцова, Карамзина, Богдановича и мн. др. Кіевъ. Ц. 5, 10, 15 и 20 к. за книжку.
- Вильдерлингъ, А.** Просвѣтители Россіи. Свб., 1894 г. Ц. 3 р.
- Вичеръ-Стоу.** Жизнь дяди Тома. Свб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Благовѣщенскій.** Винкельманъ и послѣдняя эпоха греческой скульптуры. Свб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Влекслей, Т. Т.** Перемижные электрическіе токи (Руководство для студентовъ и техникумовъ). Свб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Влекки, Д.** Самовоспитаніе умств., физ. и нрав. П., 1896 г. Ц. 50 к.
- Самовоспитаніе.** Изд. 3-е. Свб., 1891 г. Ц. 75 к.
- Влекловъ.** За фактами и цифрами. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Влиновъ, Н.** Сельская общественная служба. М., 1894 г. Ц. 50 к.
- Земская служба.** М., 1887 г. Ц. 50 к.
- Влокъ, Морисъ.** Матери великихъ людей. Пер. съ франц. Н. М. Деметьевой, М., 1893 г. Ц. 60 к.
- Влокъ, Ю.** Велосипедъ, его значеніе для здоровья, практическое приимѣненіе, уходъ за машиною и пр. Изд. 2-ое. М., 1893 г. Ц. въ переплетѣ 2 р.
- Воборыкинъ, П. Д.** Трутъ. Разсказъ. Москва, 1893 г. Ц. 20 коп.
- Богаевскій, П.** Мултанское „моленіе“ вотяковъ. М., 96 г. Ц. 40 к.
- Богдановъ, М.** Разсказы о птицахъ. М., 1895 г. Ц. 75 к.
- Богдановъ, профессоръ.** Сельско-хозяйственный словарь. Кіевъ, 1895 г. Ц. 8 р.

- Вогдановъ, И.** Счетоводство и денежная отчетность земскихъ начальниковъ, городскихъ и мировыхъ судей. М., 1895 г. Ц. 70 к.
- Воголюбовъ, Н.** Новая врачебная средства. Москва, 1895 г. Ц. 75 к.
- Вокль, Г.** Вліяніе женщины на успѣхи в аніа. П., 1896 г. Ц. 25 к.
- Исторія цивилизаціи въ Англіи. Переводъ Буйницкаго (въ 2-хъ томахъ). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Исторія цивилизаціи въ Англіи въ популярномъ изложеніи Нотовича. Седьмое изданіе. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
- Бородинъ, И.** Весна, русская жизнь и природа. Сборникъ для дѣтскаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Краткій учебникъ ботаники. (изд. 3-е). Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Боровичъ, Л. А.** Практическое руководство къ построению динамо-машинъ съ постояннымъ токомъ (Изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 3 р.
- Фабричные паровые котлы, устройство ихъ и уходъ за ними. М., 1893 г. Ц. 2 р. 75 коп.
- Боттонъ, Э.** Электрическіе звонки. Практическое руководство для любителей. Спб., 1890 г. Ц. 1 р.
- Брайсъ, Джемсъ.** Американская республика. Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 3 р. 50 к. М. 89; часть II. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.; часть III. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.
- Брассъ, Леонъ.** Гуттаперча, ея происхожденіе, добыча и обработка. Перев. съ франц. Бессонъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Браунъ, М., проф.** Какъ заражаются человѣкъ паразитами. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
- Брикнеръ, Потемкинъ.** Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Бриксъ, Гидравлика.** Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
- Брусиловскій, Е.** Одесскіе лиманы и ихъ лечебныя средства 1895 г. Одесса, Ц. 50 к., на велемавой бум. 60 к.
- Брюкке, Эрнестъ.** Красота и недостатки человѣческихъ формъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Брѣмъ, А.** Жизнь животныхъ. 75 видовъ. Одесса, 1893 г. Ц. 25 к. за выи.
- Жизнь на сѣверѣ и югѣ (Дополненіе къ соч. „Жизнь животн.“). Спб., 1891 года. Ц. 2 р.
- Брѣмъ, Комнатныя пѣвчія птицы.** М., 1876 г. Ц. 75 к.
- Жизнь животныхъ. Популярн. издан. Вып. 19, 20. Ц. вып. 20 к.
- Буанъ, Эмилъ.** Гальваноцелестина, никелированіе, золоченіе, серебряніе и электрометаллургія. Съ 26 рис. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.
- Буасье, Гастонъ.** Римская религія отъ Августа до Антонинавъ. Перев. М. Корсакъ. Ц. 5 р. М., 1878 г.
- Цицеронъ и его друзья. Пер. М. Корсакъ. Ц. 2 р. М., 1880 г.
- Паденіе азмчества. Пер. изъ р. и съ предисл. М. С. Корсакина. Ц. 4 М., 1892 г.
- Бугаевъ, Н.** Задачникъ къ ариметикѣ пѣлыхъ чиселъ. М., 1876 г. Ц. 25 к.
- Задачникъ къ ариметикѣ дробныхъ чиселъ. М., 1877 г. Ц. 30 к.
- Руководство къ ариметикѣ. Цѣлыя числа. М., 1895 г. Ц. 40 к.
- Ариметика дробныхъ чиселъ. Ц. 50 к.
- Бузолтъ, Георгъ.** Очеркъ государственныхъ и правовыхъ греческихъ древностей. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Бутовскій, В. И.** Русское искусство и мѣтнія о немъ Е. Віоле-ле-Дюкка. О. И. Буслаева. М., 1879 г. Ц. 1 р.
- Бутсъ, Вильямъ.** Въ трумбод Англіи. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.
- Вьернстьерне-Вьернсонъ, Н.** Имя вліяніа. Въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. каждой части 35 к.
- Леонарда (драма). Новая система (драма). Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
- Новобрачные (комедія). 1865 г. Сигуръ Крестосенсъ (драма). 1872 г. Балкстретъ (драма). 1874 г. Кіевъ, 1894 г. Ц. 45 к.
- Погѣсти и рассказы. Кіевъ, 1893 г. Ц. 85 к.
- По Большу пути. Романы. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
- *— Сочиненія. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
- Вѣлецкій, И.** Почвовѣдѣніе. Обращеніе почвы, ея составъ и свойства. М., 1895 г. Ц. 3 р.
- Вѣрь, Адольфъ.** Исторія всемірной торговли. Пер. Э. Циммерманъ. М., 1894 г., 8 части, цѣна 7 руб. 50 к.
- Вѣрь, Поль.** Первые коняги о землѣ (3-е изданіе). Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Вюрстенбиндеръ.** Раздѣла и улучшение земель. Руководство для практическихъ хозяевъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 60 к.
- В. В. Артель** въ кустарномъ производствѣ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Очерки теоретической экологіи. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Наши направленія. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Артельные начинанія русскаго общества. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Вагнеръ.** Химическая технология. Спб., 1892 г. Ц. 8 р.
- Какъ пріобрѣтаются болѣзнь желудка. Спб., 1893 г. Ц. 40 к.
- Вальтеръ-Скоттъ.** Иллюстр. романъ: 1) Замокъ Кенильвортъ; 2) Ледяная Монголія; 3) Аббатъ; 4) Лавина; 5) Астрологъ; 6) Пресвитеріале; 7) Настиръ; 8) Ламермурская швабръ; 9) Черный карликъ; 10) Северный Путь.

- 11) Пиратъ; 12) Обрученные; 13) Веверлей; 14) Карлъ Смильн; 15) Квентинъ Дорвардъ; 16) Перская красавица; 17. Робъ-Рой; 18) Ричардъ Ливное Сердце; 19) Вудстокъ. Сиб. 1892 г. Ц. каж. кн. 40 к.
- Квентинъ Дорвардъ. Романъ. М. 1885 г. Ц. 2 р.
- Вальтеръ, проф.** Море и его жизнь. Переводъ съ нѣм. подъ ред. проф. А. Н. Краснова. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Ванковъ.** Полный карманный техникъ. Сиб., 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Турбины. Практическое руководство для техниковъ, сельскихъ хозяевъ (съ 46 рис.). Сиб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Ванъ-Тигемъ.** Общая ботаника (морфология, анатомія и физиология растений). Подъ редакцію, съ примѣчаніями и дополненіями Ростовцева, съ предис. Тимирязева. М., 1895 г. Ц. 3 р. 75 к.
- Ванклингъ, Альфредъ.** Химія каменноугольно-газового производства. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Варио, Ж.** Дѣтскій докторъ. Сиб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Вармингъ, д-ръ.** Систематика растений. М., 1893 г. Ц. 5 р.
- Важеровъ, В. П.** Всеобщее начальное обученіе. М., 1894 г. Ц. 15 к.
- Введенскій, Алексій.** О характерѣ составѣ (сжатое изложене) и значеніи философіи В. Д. Кудрявцева-Платонова. Серг. Посадъ, 1893 г. Ц. 60 к.
- П. Е. Астафьевъ, его философскіе и публицистическіе взгляды. Серг. Посадъ, 1893 г. Ц. 25 к.
- О религиозной философіи Виктора Дитрихевича Кудрявцева. Харьковъ, 1893 г. Ц. 40 к.
- Очеркъ современной французской философіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.
- Рѣчь передъ защитой диссертации: Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія. М., 1891 г. Ц. 30 к.
- Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія. М., 1891 г. Цѣна 3 р.
- Демоніонъ Сократа. Этюдъ по исторіи древней философіи. Серг. Посадъ, 1893 г. Ц. 40 к.
- Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи. Сергіева Посада. 1894 г. Ц. 3 р.
- Западная дѣйствительность и русскіе идеалы. (Письма въ-за границы). Съ приложеніемъ характеристикъ: „Папа Левъ XIII по отзывамъ современниковъ“. Серг. Посадъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Веберъ, Георгъ.** Всеобщая исторія. Т. 1. Переводъ Андреева. Ц. 4 р. М. 90 г. Т. 2. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 3. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 92 г. Т. 4. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 92. Т. 5. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 6. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93.
- Т. 7. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 94. Т. 9. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 коп. М. 1888. Т. 10. Пер. Андреева. Ц. 4 руб. М. 1888 г. Т. 11. Пер. Андреева. Ц. 5 руб. 50 коп. М. 1889 г. Т. 12. Пер. Андреева и Невѣдомскаго. Ц. 4 р. 50 к. М. 90. Т. 13. Пер. Циммермана. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 14. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 6 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 1-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 93 г. Т. 15. Часть 2-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 93 г., съ портретомъ автора.
- Веберъ, К. К.** Практическое руководство по производству кирпича, черепицы и проч. лицевого товара съ атласомъ. Сиб., 1893 г. Ц. 5 р.
- Двигатели и приводы. Практ. руководство къ постройкѣ вѣтрен. и водян. двигателей съ атласомъ. Сиб., 1894 г. Ц. 5 р.
- Канатное и веревочное производство (съ 58 рис. въ текстѣ). Сиб., 1895 г. Ц. 75 к.
- Вегеле, Францъ.** Давтъ Алигьери, его жизнь и сочиненія. Пер. А. Веселовскаго. Ц. 8 р. М., 1881 г.
- Вегетарианская кухня.** Наставленіе къ приготовленію болѣе 800 блюдъ, хлѣбовъ и напитков для безупрочнаго питанія, Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 70 к.
- Вейнбергъ, Павелъ.** Новые рассказы и сцены. Второе изданіе. Сиб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Везенковъ.** Военная гимнастика. М., 1890 г. Ц. 60 к.
- Вейсъ, Германъ.** Вѣншній битъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ (съ 1945-ю рис. въ текстѣ). Пер. В. Чаева и И. Васильева. Т. I, часть 1-я. Москва, 1873 г.; часть 2-я, Москва, 1874 г. Т. II, ч. 2-я. Москва, 1876 г. Т. III, ч. 1-я и ч. 2-я. Москва, 1879 г. По 4 руб. за каждую часть.
- Еерецагинъ, В. В.** Литераторъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Дѣтство и отрочество. Т. I. М. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- На Сѣверной Двинѣ. Изд. 2-е. Москва, 1896 г. Ц. 1 р.
- Автобіографіи нѣсколькихъ незамѣч. русскихъ людей. Изд. 2-е. М., 1896 г. Ц. 1 р.
- Наполеонъ I въ Россіи. Москва, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Веселовскій, Ал.** Этюды и характеристики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 75 коп.
- Мизантропъ. Этюды о Мольерѣ. М., 1881 г. Ц. 2 р.
- Старинный театръ въ Европѣ. Историческіе очерки. М., 1870 г. Ц. 2 р.
- Викторовъ, П.** Ученіе о личности, какъ нервно-психическомъ организмѣ. Вып. I. Ц. 1 р. М. 1887 г.
- Винкельманъ, И. И.** Исторія искусства древности. Ревель, 1890 г. Ц. 3 р.
- Виноградовъ.** Extrapolalia съ русск. на латинскій. Киевъ, 1892 г. Ц. 60 к.

- Виноградовъ, Н. Федотъ.** Диалогъ объ идеѣ „бессмертія“ философа классической древности Платона. М., 1892 г. Ц. 60 к.
- Виноградовъ, Павелъ.** Учебникъ всеобщей истории. Часть II. Средніе вѣка. Изд. 2-ое. М., 1894 г. Ц. 90 к.
- Виргилій, Маронъ.** Энеида, книги 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Киевъ, 1887 г. Ц. 40 к.
- Книга 8-я. Киевъ, 1892 г. Ц. 35 к.
- Книжки 10, 11 и 12. Киевъ, 1888 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Вирховъ.** Опшательныхъ веществахъ. Слб., 1891 Ц. 50 к.
- Владимірова, А. К. (А. Европеусъ).** Сказки, преданія и легенды всѣхъ временъ и народовъ. Слб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Владиславлевъ, В.** Изъ быта крестьянъ. М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Владиславлевъ, М.** Учебникъ логики. Одоб. учен. комит. мин. нар. просв. какъ руководство для гимназій. Изд. 2-ое. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Водовозовъ, В. И.** Книга для первоначальнаго чтенія. Ч. I Ц. 45 к. Ч. II. Ц. 80 к.
- Книга для учителей. Ц. 60 к.
- Русская азбука для дѣтей. Ц. 80 к.
- Руководство къ русск. азбукѣ. Ц. 20 к.
- Дѣтскіе рассказы и стихотворенія съ картинками. Ц. 75 коп.
- Рассказы изъ русской исторіи. Вып. I. Ц. 40 к. Вып. II. Ц. 60 к.
- Предметы обученія въ народной школѣ (для учителей). Ц. 70 к.
- Словесность въ образцахъ и разборахъ. Ц. 1 р. 25 к.
- Новая русская литература. Ц. 1 р. 25 к.
- Очерки изъ рус. исторіи XVIII в. Ц. 1 р. 50 к.
- Русскія сказки въ стихахъ съ картинками въ переплетѣ. Ц. 1 р. 50 к.
- Переводы въ стихахъ и оригинальными стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.
- Водовозова, Е. Н.** Жизнь европейскіхъ народовъ. Ч. I. Жители юга (съ 26 рисун.). Изд. 4-е. Ц. 3 р. 75 к., въ переплетѣ 4 р. 55 к. Ч. II. Жители сѣвера. (съ 24 рис.). Изд. 3-е. Ц. та же. Ч. III. Жители средней Европѣ. Слб.
- На отдыхъ. Иллюстрирован. рассказы для мал. дѣтей. (40 рис.). Ц. 1 р.; въ папкѣ 1 р. 35 к. Слб.
- Изъ русской жизни и природы. Рассказы для дѣтей (изд. 6-е). Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р. Слб.
- Умственное и нравственное развитіе дѣтей (изд. 4-е Слб. Ц. 2 р.
- Одноголосныя дѣтскія пѣсни. (Музыка Рубца). Изд. 5-е. Слб., Ц. 1 р.
- Какъ люди на блѣзомъ свѣтѣ живутъ. Англичане. Ц. 40 к.
- Турки. Слб., Ц. 40 к.
- *Водовозовы, М. и Н. Изданія: Про-
- мышленность. Статьи изъ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“. Ц. 1 р. 50 к.
- Землеустройство и сельское хозяйство. Статьи изъ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“. Ц. 1 р. 50 к.
- Войнаровский, П.** Устройство и домахъ электрическаго освѣщенія, телефоновъ, электрическихъ звонковъ и другія приженія электричества въ домашнемъ быту. М., 1892 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Войславъ, С.** Развѣдки известныя истороженія полезныхъ ископаемыхъ посредствомъ шурфованія. Слб., 1896 г. Ц. 2 р. 40 к.
- Расчетъ и построеніе частей машинъ и передаточныхъ механизмовъ. Текстъ съ атласомъ въ 76 таблицъ. Слб., 1885 г. Ц. 4 р.
- Уходъ за паровыми котлами. Слб., 1893 г. Ц. 1 р.
- Волкенштейнъ, П. Е.** Словарь. Слб., 1889 г. Ц. 4 р.
- Ворисгоферъ, С.** Сказочная страна. Пер. съ нѣмц. Ц. 2 р. 75 к. въ переплетѣ.
- Образовательное путешествіе (изд. 2-е). Слб., 1892 г., съ рисунками въ текстѣ. Ц. 2 р. 25 к.
- Черезъ дѣбри и пустыни. Сказки молодого бѣглеца. Слб., 1894 г. (2-е изд.). Ц. 1 р. 50 к.
- Приключеніе контрабандиста. Слб., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Вундтъ, Вильгельмъ.** Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ (Пер. со 2-го нѣмц. изд.). Слб., 1894 г. Ц. 5 р.
- Душа и мозгъ. Одесса. 1895 г. Ц. 20 к.
- Гипнотизмъ и внушенія. Перевелъ съ нѣмц. Колубовскій. М., 1893 г. Ц. 75 к.
- Въ память Лавуазье.** Рѣчь проф. Н. Д. Залискаго, П. А. Кабукова и проф. И. М. Съезнова. М., 1894 г. Ц. 50 к., для отуд. 30 к.
- Гаварре, Ж.** Теорія Гаусса, приложенія къ сферическимъ зеркаламъ и сферамъ. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гавкинъ, Н. Я.** Карманный словарь иностранныхъ словъ. Изд. 4-е. Киевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
- Гаймъ, Р. Герднеръ,** его жизнь и сочиненія. Перев. В. Н. Невѣдомскаго. Т. I. ц. 5 р. и Т. II. ц. 5 р. М., 1898 г.
- Романтическая школа въ Германіи. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М., 1891 г.
- Гайсбергъ, С. Ф.** Карманная книга для установщиковъ электрическаго освѣщенія. Слб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Гамбургцевъ, В.** Архитектурная команда. Очеркъ московскихъ учреждений по строительному дѣлу. Москва, 1894 г. Ц. 40 коп.
- Гано, А.** Полный курсъ физики (въ 2 ч.). Слб., 1892 г. Ц. 4 р.
- Магнетизмъ и электричество. Слб. 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.

- Аррейсъ, Карлъ.** Германское торговое право. Краткій учебникъ дѣйствующаго въ Германіи торговаго, вексельнаго и морского права. Съ четвертаго, нѣмецкаго изданія 1892 г., перев. Н. И. Ржондирскій, подъ редакціей проф. Московскаго университета Н. О. Пересова. Вып. 1. М., 1893 г. Ц. 2 р. Вып. 2. Торговья сдѣлки. Ред. прив.-доц. Моск. университета Гусакова. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Аринъ, Н.** Дѣтство Тѣмъ. Москва, 1894 г. Ц. 60 к.
- Артманъ, Эдуардъ.** Сущность мирового процесса или философія безсознательнаго. Пер. А. А. Козлова. Вып. 2-й. Ц. 2 р. 50 к. М., 1875 г.
- Артвигъ.** Воздухъ и его жизнь. М., 1875 г. 2 р. 50 к.
- Аспари, Альфредъ.** Исторія итальянской литературы. Т. I. Итальянская литература средних вѣковъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.
- Агаръ-Альфредъ.** Половое мѣщеніе. Одесса, 1895 г. Ц. 75 к.
- Айнце, Н. Э.** Коронованный рыцарь. Ист. ром. Въ 3 ч. Слб., 1895 г. Ц. 2 р. — Князь тавриды. Историческій романъ. Въ 3 частяхъ. Слб., 1895 г. Ц. 2 р. — Аракачевъ. Историческій романъ XIX столѣтія. Въ 2 том. и 6 част. Изд. Слб., 1895 г. Ц. за оба тома 2 р.
- Арвинусъ.** Автобіографія (съ 4 портретами) М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Арценштейнъ, М.** Кредитъ для земствъ и городовъ. М., 1892 г. Ц. 75 к.
- Арценъ, А.** Общая физиология души (2 изд.). 1894 г. Ц. 75 к.
- Ардеръ.** Нѣмецко-русскій словарь важнѣйшихъ техническиихъ терминовъ употребленныхъ при описаніи и опредѣленіи растений. Слб., 1881 г. Ц. 50 к.
- Арманъ, Ф. Л., д-ръ.** Какъ гдѣчлѣсь московскіе дари. Мѣдио-историческій очеркъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 45 к.
- Суевѣріе въ мѣдианіи. Харьковъ, 1895 г. Ц. 50 к.
- Артвигъ, Оскаръ.** Кѣтъя и тканн. Основы общей анатоміи и физиологіи. Слб., 1894 г. Ц. 3 р.
- Артнеръ, Г.** Исторія всеобщей литературы XVIII в. Т. III, кн. 1. Пер. А. Пилина и А. Плещеева. Ц. 2 р. М., 1872 г.
- Асфель, д-ръ.** Противъ разврата. Одесса, 1896 г. Ц. 10 к.
- Айббинсъ, Г.** Промышленная исторія Англій. Культурно-историческая бібліотека № 1. Слб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Англійскіе реформаторы. М., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Айбонъ, Эдуардъ.** Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи (съ портретомъ автора). Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть II. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть III. Ц. 4 р. М. 84 г.
- часть IV. Ц. 8 р. 50 к. М. 84 г.; часть V. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VI. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VII. Ц. 8 р. 50 к. М. 86 г.
- Аизо.** Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. III и IV. Пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1881 г.
- Айльти, К. Счастье.** Популярныя очерки по нравственной философіи. Изд. 2-е Слб., 1894 г. Ц. 50 к.
- Айляровъ, А. Н.** Источники о софистахъ. Платонъ какъ историческій свидѣтель. Кіевъ, 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Айляровскій.** Забытая тетрадь. Цѣна 1 руб.
- Айтервальднеръ.** Руководство къ составленію естественно-научныхъ коллекціи. Слб., 1892 г. Ц. 3 р.
- Айршъ Вильямъ, д-ръ.** Геніальность и вырожденіе. Пер. со 2 нѣм. изд. Одесса, 1895 г. Ц. 1 р.
- Айлинскій, А. Г.** Руководство къ частной патологіи и терапіи внутреннихъ болѣзней. Т. I. Вып. I. Инфекціонныя болѣзни. Съ двумя таблицами рис. Харьковъ, 1895 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Айлинскій, В.** Біографическій очеркъ о Николаѣ Мих. Ядринцевѣ. М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Айнейстъ, Рудольфъ.** Исторія государств. учрежд. въ Англій. Перев. подъ редак. С. А. Велгерова. Ц. 4 р. 50 к. М., 1885 г.
- Айсъева, А. А.** Симуляція душевныхъ болѣзней и патологическое притворство. [Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Айголь, Н. В.** Сочиненія въ 5-ти том. Изд. двѣнадцатое. Слб., 1894 г. Ц. 6 руб. Въ переплетѣ. Ц. 8 р. 50 к.
- Айловачевъ.** Десять лѣтъ реформы. Слб., 1872 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Исторія желѣзно-дорожнаго дѣла. Слб., 1881 г. Ц. 1 р.
- Вопросы государственнаго хозяйства. Слб., 1873 г. Ц. 1 р.
- Айловачева-Панаева.** Русскіе писатели и артисты 1824—1870 гг. Слб., 1890 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Айльдсмитъ, Оливеръ.** Векфильдскій свѣщенникъ. М., 1890 г. Ц. 1 р.
- Айльцевъ, В.** Законодательство и нравы. Слб., 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Айльцендорфъ, Ф., проф.** Общественное мнѣніе. Слб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Айловъ, Д.** Двигатели малой силы для промышленности и сельскаго хозяйства (съ 95 рис. въ текстѣ). Слб., 1894 г. Ц. 2 р.
- Аймера.** Иліада. Перев. Н. М. Микскаго. М., 1896 г. Ц. 75 к.
- Айондаскій, Э. А.** Краткій очеркъ добыванія и обработки каучука и гуттаперчи. М., 1895 г. Ц. 40 к.
- Машины и станки для обработки картона. М., 1894 г. Ц. 15 к.

- Гораций Сатиры. Переводъ съ подстрочн. словаремъ. 2-е изд. Киевъ, 1891 г. Ц. 60 к.
- Одн. Переводъ I-й и II-й книги. Изд. 2-е. Киевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
- III и IV книги. Изд. 2-е, соот. Сахаровъ. Киевъ, 1893 г. Ц. 60 к.
- Горбуновъ. Программы мужскихъ гимназий и прогимназий. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 55 к.
- Программы городскихъ училищъ. Изд. 4-е. М., 1893 г. Ц. 35 к.
- Программы реальныхъ училищъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 85 к.
- Горкевичъ, Л. Руководство къ переводу съ русскаго языка на латинскій Гай Саллюстій Криспъ. Югуртинская война. Борисоглебскъ, 1893 г. Ц. 45 к.
- Горнъ, Винкель. История скандинавской литературы. Пер. К. Вальмонта. Ц. 2 р. 50 к. М., 1894 г.
- Горстманъ, А. О теории растворовъ. Слб. 1893 г. Ц. 40 к.
- Гортовъ, А. Методическое руководство. Обученіе письму. Е., 1885 г. Ц. 1 р. 30 к.
- Госпиталье, Э. Электричество въ домашнемъ быту (со многими рисунками). Слб., 1886 г. Ц. 2 р.
- Главнѣйшія приложенія электричества (2 изд.). Слб., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Гофштеттеръ, И. Доктрины капитализма (по поводу книги г. Струве: „Критическія замѣтки къ вопросу объ вспомогательномъ развитіи Россіи). Слб., 1895 г. Ц. 30 к.
- Грабинъ, А. Т. Воздушные замки. Комическій этюдъ. 2-е изд. М., 1895 г. Ц. 40 к.
- Гравинкель. Справочная книга для электротехникъ. Слб., 1893 г. Ц. 4 р. 80 к.
- Гранатъ, А., и К. Настольный энциклопедическій словарь, 8 т. или 108—115 вып. М., 1894 г. Ц. вып. на обыкновенной бумагѣ ц. 80 к., на лучшей бумагѣ ц. 40 к. Тому въ издѣ колѣн. пер., ц. 5 рублей, безъ переплета п. 4 р. 50 к., на лучшей бумагѣ безъ переплета ц. 5 р. 60 к., въ издѣ колѣн. пер. 6 р.
- Грегаръ, Л. История Франціи въ XIX вѣкѣ. Пер. подъ редакціей Лучичкаго. Т. I. Ц. 4 р. М., 1893 г. Т. II. Ц. 4 р. М., 1894 г. Т. III. М., 1896 г. Ц. 4 р.
- Григорова, Е. Вилліамъ Шекспиръ. М., 1896 г. Ц. 75 к.
- Григоровичъ, И. И. Очерки новѣйшей исторіи (6-е изданіе). Слб., 1892 года. Ц. 2 р.
- Гримо, Э. Элементарный курсъ органической химіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.
- Гриммъ. Книжки I и III въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Книжки III и IV въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Книжка I млад. вопр., безъ пер. М., 1893 г. Ц. 20 к.
- Книжка II млад. в., 6. пер. М., 1893 г. Ц. 20 к.
- Книжка III, IV и V-я сред. воз. М., 1893 г. Ц. по 20 к.
- Гриммъ, братья. Сказки. 13 т. М., 1894 г. Ц. по 20 к. кнж.
- Гриммъ, Д. Очеркъ по ученію о обогащеніи. Слб., 1893 г.
- Гримъ. Сказки (въ переплетѣ). К., 96 г. Ц. 1 р.
- Гринъ, Джонъ. История англійскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I. Ц. 3 р. М., 91 г. Т. II. Ц. 2 р. 50 к. М., 92 г. Т. III. Ц. 2 р. 50 к. М., 92 г. IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 1892 г.
- Громека М. С. О Л. Н. Толстомъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Гроссъ, Г. Экономическая система Карла Маркса. Слб., 1895 г. Ц. 20 к.
- Гротъ, Н. Я. Основные моменты развитія новой философіи. Москва, 1894 г. Ц. 60 коп.
- Критика понятія свободы воли въ связи съ понятіемъ причинности. М., 1889 г. Ц. 50 к.
- О духѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ. Одесса, 1886 г. Ц. 20 к.
- Устои нравственной жизни и истинности. М., 1895 г. Ц. 30 коп., в перес. 40 к.
- Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка. М., 1889 г. Ц. 40 к.
- Нравственные идеалы нашего времени. Фридрихъ Ницше и Левъ Толстой. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 30 к.
- Гротъ, Я. К. Переписка его съ Писемнымъ. Ц. 3 р.
- Грузинцевъ, А. П. Электромагнитная теорія свѣта. Харьковъ, 1893 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Грэхэмъ, Ж. Ж. Русо. Его жизнь, произведенія и окружающая среда. М., 1890 г. Ц. 1 р.
- Губеръ. Механика. Изд. 2-е. Слб.
- Гулишамбаровъ. Нефтяное отопленіе пароходовъ, паровозовъ, котловъ и проч. (3-е исправлен. и дополнен. изд.). Слб., 1894 г. Ц. 3 р. 1891 г. Ц. 3 р.
- Гумпловичъ, Л. Соціологія и этнологія. Ц. 50 к.
- Гурляндъ. Римскій юристъ Гай и его сочиненія. Ярославль, 1894 г.
- Гурьевъ, Н. А., и В. А. Долгоруковъ. Путеводитель по всей Сибири и средне-азиатскимъ владѣніямъ Россіи. Томскъ, 1895 г. Ц. 1 р.
- Гурфинкель, М. Дата и уходъ за нямъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Густафсонъ, Р. Сказки. Переводъ съ нѣмецк. изданія. Слб., 1885 г. Ц. 1 р. 25 к., въ роск. перепл.—1 р. 75 к.
- Густавсонъ. Двадцать лекцій аграрной химіи. Курсъ читанный въ Петровской земледѣльческой академіи. Второе изд. М., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гюббаръ, Гюставъ. История се

- мелкой литературы въ Испаніи. Переводъ Ю. В. Дюпельмайеръ. М., 1893 г. 2 р.
- го, Викторъ. Сочиненія въ двухъ томахъ. Слб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к. за два тома.
- Отважный предводитель негровъ Бугаргалъ. Слб., 1893 г. Ц. 60 к.
- Собраніе стихотвореній въ переводахъ русскихъ писателей. Вып. II. Центральная книжная торговля въ Тифлисѣ, 1895 г. Ц. 20 к. за каждый выпускъ.
- Собраніе стихотвореній, въ переводахъ русскихъ писателей. Вып. III. Тифлисъ, 1895 г. Ц. каждого выпуска 20 к.
- Стихотворенія. Вып. IV. Тифлисъ, 1895 г. Ц. 20 к. за вып.
- Стихотворенія. Вып. V. Тифлисъ, 1895 г. Ц. 20 к. за вып.
- Собраніе стихотвореній, вып. XII. М., 1896 г. Ц. 20 к.
- Собраніе стихотвореній 13 выпусковъ. Цѣна кажд. вып. по 20 к. Т., 1896.
- нилевскій, Г. П. Сочиненія въ пяти томахъ. (Изд. 7-е). Слб., 1892 г. Ц. 15 руб.
- нилевскій, Александръ. Основное вещество протоплазмы и его взаимоотношенія жизни. Слб., 1894 г. Ц. 60 к.
- нилевскій, В. Я., проф. Чувство и жизнь. Харьковъ, 1895 г. Ц. 50 к.
- нилевскій, Н. Я. Дарвинизмъ. Критическое изслѣдованіе. Т. II. Слб., 1899 г. Ц. 2 р.
- нте, Алигьери. Божественная комедія. Изд. Съ 68 рис. французскихъ художниковъ. Слб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Божественная комедія. Чистилище. Съ 2 рис. франц. худож. Слб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Божественная комедія. Рай. Съ 74 рис. франц. худож. Слб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- ю, Эмиль. Чудесное въ наукѣ. Популярная физика. М., 1892 г. Ц. 50 к.
- Кандолль, Альфонсъ. Мѣсто происхожденія воздѣлываемыхъ растений. Слб., 1886 г. Ц. 3 р. 60 к.
- Климовъ, В. М. Краткій курсъ электрической телеграфіи по программѣ техническихъ железнодорожныхъ училищъ, съ отдѣльнымъ атласомъ чертежей. Слб., 1894 г. Ц. 60 к.
- Кипль, Г. Ф. Безвзрывное сжиганіе топлива въ топкахъ паровыхъ котловъ. Съ прилож. 254 чертежей въ отдѣльномъ альбомѣ изъ 39 таблицъ. Слб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Крюжанинскій, В. Ф. Навеяс Согрус Алтъ и его пристаново на английскоу праву. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Кроссентъ. Олимпскія рѣчи. Первая рѣчь противъ Филиппа. Изд. 3-е. Киевъ, 1893 г. Ц. 65 к.
- Рѣчи противъ Филиппа. (2, 3 и 4). Киевъ, 1889 г. Цѣна 60 к.
- Дефоз. Робинзонъ Крузо, 1 и 2 ч. М., 1888 г. Ц. за обѣ ч. 4 р.
- Джабадари, И. С. Смертная казнь въ связи съ правомъ наказанія. Слб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Джеромъ, К. Праздники мысли глѣтля. Киевъ, 1893 г. Ц. 50 к.
- Диккенсъ, Чарльзъ. Пол. соб. соч. 6 т. Слб., 1894 г. Ц. кажд. т. 1 р. 50 к. — Святочные рассказы. II., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Длусскій. Стенографія. Слб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Цвѣтокъ олеандра. Ц. 1 р. 25 к.
- *Дмитріевъ, В. Изъясненіе морскихъ купаньями въ Ялтѣ. Одесса, 1895 г. Ц. 1 р.
- Добкевичъ, Б. Конспектъ по уголовному процессу. Киевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Доброе дѣло. Сборникъ повѣстей и рассказовъ К. Баранцевича, А. Барыковой, Н. Гарина, П. Засодимскаго, В. Короленка, П. Лѣскова, Д. Мамина-Сибиряка и др. М., 1894 г. Ц. 90 к.
- Добротворскій, П. Рассказы, очерки и наброски. Слб., 1898 г. Ц. 1 р.
- *Догановичъ, А. Оемка-дурьякъ. М., 1896 г. Ц. 15 к.
- Додоновъ, А. М. Руководство къ правильной постановкѣ голоса и изученію искусства глѣны. М., 1891 г. Ч. I. Ц. 50 к. Ч. II, практическая, М., 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Додэ, Альфонсъ. Сцена и кулисы. М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Дорнблитъ, О., д-ръ. Гигіена умственнаго труда. Одесса, 1891 г. Ц. 50 коп.
- Дриль, Дм. Преступность и преступники (уголовно-психологическіе этюды). Слб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Дройзенъ, И. Г. Исторія эллинизма. Пер. М. Шелгунова. Т. I, ц. 3 р. 50 коп. М., 1891 г.; т. II, ц. 3 руб. М., 1893 г.; т. III, перев. Э. Циммермана. Ц. 4 р. 50 к. М., 1898 г.
- Дрейфусъ, Ф. Міровая и социальная эволюція. М., 96 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Дрәперъ, Дж. В. Исторія умственнаго развитія Европы, въ 2-хъ томахъ. Киевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Дѣтское Чтеніе. XXV. Юбилейный номеръ. 1869—1894. Редакторъ П. В. Голыховскій. Слб., 1894 г.
- Дювернуа, А. Словарь болгарскаго языка въ 9 т. М., 1889 г. Ц. 18 р.
- Объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи. М., 1867 г. Ц. 2 р.
- Станиславъ Зноенскій и Янъ Гусъ. М., 1871 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Блаженный Меодій, первоучитель славянскій. Рѣчь, произнесенная въ университетѣ на празднествѣ тысячелѣтія для кончины бл. Меодія. М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Матеріалы для словаря древне-русскаго языка. М., 1894 г. Ц. 8 р.

- Дюмуленъ.** Цѣтная фотографія. Воспроизведеніе красокъ фотографіей. М., 1895 г. Ц. 70 к.
- Дюрсенъ, А., д-ръ.** Спутникъ гинеколога. Руководство для студентовъ и врачей. Пер. съ 8-го доп. и испр. изд. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
- Дю-Прель, Карлъ.** Философія истины или двойственность человѣческаго существа. Перев. съ нѣм. М. С. Алексеева. Спб., 1895 г. Ц. 8 р. 50 к.
- Евневичъ.** Гидравлика. Изд. 2-е. Спб., за два тома 6 р.
- Европейская библиотека.** Генрихъ Ибсенъ. Счастливецъ. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.
- Избранныя мысли Сафира. Спб., 1894 г. Ц. 30 к.
- Коппе, Франсуа: „Генриетта“. Спб., 1894 г. Ц. 25 к.
- Тэнъ, Ипполитъ: „Вальзакъ“. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
- Золя, Эмиль: „Завѣтъ матери“. Спб., 1894 г. Ц. 40 к.
- Егоровъ, Ѳ.** Методика - арифметика. М., 1893 г. Ц. 1 р.
- Ежегодникъ.** Обзоръ книгъ для народнаго чтенія и народныхъ картинъ 1893 г. М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Ежегодникъ тобольскаго губернскаго музея** за 1895 г. Ц. 1 р.
- Ежегодникъ.** Обзоръ книгъ для народнаго чтенія 1894 г. Изд. Моск. Ком. Грам. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Елпатьевскій, С. Я.** Очерки Сибири. М., 1893 г. Ц. 1 р.
- Ельницкій, К.** Характеристики дѣвочекъ. М., 1895 г. Ц. 75 к.
- Ечинацъ, А.** Методика новыхъ языковъ и американскій разговорный методъ. Для учителей, родителей и учениковъ. Спб., 1892 г. Ц. 45 к.
- Жакъе, Ѳ.** Сборникъ физическихъ задачъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.
- Желанскій, А.** Скамья и касседа. Рассказы изъ гимназической жизни семидесятихъ годовъ. М., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Желиховская, В.** Кавказскіе рассказы. Спб., 95 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Изъ тѣни къ свѣту. Спб., 95 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Въ татарскомъ захолустьѣ. Спб., 95 года. Ц. 1 р. 75 к.
- Женѣ, Рудольфъ.** Шекспиръ, его жизнь, сочиненія. Переводъ А. Н. Веселовскаго, съ примѣчан. Н. Сторонкина. М. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Жиро, П., проф.** Общество у животныхъ. Перев. В. Складфосовскаго. Москва, 1896 г. Ц. 1 р.
- Жоржъ-Зандъ.** Замокъ Вильпрэ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Жукъ, В.** Женщины-матери. Спб., 1896 г. Ц. 60 к.
- Какъ мать должна кормить ребенка. М., 1896 г. Ц. 50 к.
- Жуковъ, Николай.** Электротехника и обработка металловъ электрическимъ токомъ. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.
- Жюль Вернъ.** Гекторъ Сервалль и путешествіе въ солнечномъ мѣрѣ. Изд. Самойловичъ. Москва, 1887 г. Ц. 2 р. 50 коп.
- Жѣ.** Задачи по физикѣ. М., 1892 г. Ц. 2 р.
- Заблудовскій и Таненбаумъ.** Другъ коттегара. Спб., 1892 г. Ц. 25 к.
- Забѣлинъ, И.** Бундико и дрсній Огулскій ставъ. М., 1873 г. Ц. 2 р.
- Замбранскій, Ю.** Выжиганіе на реву, кожѣ и тканяхъ. М., 1896 г. Ц. 75 коп.
- Записки желудка.** Переводъ съ 10-го нѣмцкаго изданія. Спб., 1891 г. Ц. 25 к.
- Записная книга** на 1896 г. Съ 12-ю стр. въ колонкорѣ. пер. 1 р. 20 к. съ 1/2 стр. вдовъ въ колонкорѣ. пер. 1 р., съ 1/2 стр. поперекъ 75 к., съ 1/2 стр. 80 к. и сокращен. изд. 60 к. Кожаные переплеты 30 к.
- Засодимскій, П. В.** Записки о разсказахъ въ 2-хъ томахъ (изд. 2-е). Спб. 1894 г. Ц. 1 т. 1 р. 50 к., II т. 1 р. въ роскошномъ перепл.
- Бывальщины и сказки. Спб., 95 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Законы** о векселяхъ и упрощенный кодексъ судопроизводства. (Изданіе имп. фид.). М., 1894 г. Ц. 30 коп.
- Зеландъ, Н.** Здоровье и отсуженіе. М. 1895 г. Ц. 2 р.
- Зелинскій, В.** Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Справочникъ по русскому праву. вып. I, изд. 7-е. М., 1893 г. Ц. 1 р.
- Справочникъ по русскому праву. вып. II. М., 1892 г. Ц. 50 к.
- Грамматическій задачникъ для начальныхъ и среднихъ училищъ. Изд. 8-е. М., Ц. 25 к.
- Зрительный диктантъ. Ч. I, изд. 4-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Зрительный диктантъ. Ч. II, изд. 4-е. М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Справочный словарь буквъ Ѣ. Изд. 4-е. М., 1892 г. Ц. 25 к.
- Корнеловъ русскаго языка. М., 1894 г. Ц. 50 к.
- Хрестоматія для объяснительнаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 25 к.
- Методическія указанія и образцы уроки по преподаванію русской императорской грамматики. М., 1891 г. Ц. 1 р.
- Методическія указанія и образцы уроки по объяснительному чтенію. М., 1891 г. Ц. 1 р.
- Обученіе грамотѣ по звуковому способу. М., 1893 г. Ц. 1 р.
- Критическій комментарий къ сочиненіямъ

- Ивановъ, Ив.** Политическая роль французскаго театра въ связи съ философій XVIII-го вѣка. М., 1896 г. Ц. 3 р. 50 к.
- **Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ**. Спб., 1896 г. Цѣна 2 р.
- Иванюковъ, И.** Паденіе крѣпостного права въ Россіи. Спб., 1882 г. Ц. 3 руб.
- Политическая экономія. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 3 р.
- Ө. М. Достоевскаго**, три части. М., 1894 г. Цѣна по 1 руб.
- Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ, три части. М., 1887 г. Цѣна по 1 руб.
- Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина, три части. М., 1888 г. по 1 руб.
- Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого, три части. М., 1888 г. по 1 руб.
- Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя, двѣ части. М., 1889 г. Ц. по 1 руб.
- Критическіе разборы романа Тургенева „Отцы и дѣти“. М., 1894 г. Ц. 85 к.
- Критическіе разборы романа Достоевскаго „Братья Карамазовы“. М., 1894 г. Ц. 50 к.
- Критическіе комментаріи къ соч. А. Н. Островскаго. Ч. I, М., 1894 г., ч. II 1895 г., ч. III 1896 г. Ц. каждой ч. 1 р.
- Комментаріи къ соч. Островскаго. Ч. 3-я. М., 1896 г. Ц. 1 р.
- Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. М., 1896 г. Ц. 90 к.
- Землеръ, Генрихъ.** Чай, разведеніе его въ Китаѣ, Индіи, Японіи и на Кавказѣ. М., 1890 г. Ц. 75 к.
- Земмерфельдъ, Т., д-ръ.** Какъ предохранить себя и своихъ дѣтей отъ скарлатины, дифтерита, чахотки, тифа и др. заразныхъ болѣзней. Одес., 1895 г. Ц. 30 коп.
- Зетъ, Е.** Французскіе лирики. М., 1896 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Зиберъ, Н. И.** Очерки первобытно-экономической культуры. Ц. 4 р. 50 к. М., 1888 г.
- Зимницкій, В.** Условія и приемы обязательнаго чтенія. Москва, 1895 г. Ц. 55 к.
- Златовратскій.** Новые рассказы. М., 1896 г. Ц. 1 р.
- Зодотаревъ, Л.** Родительскія заботы о борьбѣ съ оловяннымъ у дѣтей. М., 1896 г. Ц. 80 к.
- Золя, Эмиль.** Серія романовъ Руго-ни-Маккаръ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 21 р.
- Зонтагъ.** Болѣзни желудка и кишечка. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
- Зудерманъ, Г.** Честь. Комедія въ 4-хъ д. М., 1891 г. Ц. 50 к.
- Родина. Драма въ 4-хъ д. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Свадьба Юланты и др. рассказы. М., 1895 г. Ц. 40 коп.
- Зутнеръ, Верта.** Долой оружіе. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.
- Ибсенъ, Генрихъ.** Привѣдѣнія (Драма въ 3 актахъ), переводъ Бальмонта. М., 1894 г. Ц. 50 к.
- Маленькій Эйольфъ. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Основныя положенія теоріи экономической политики съ Адама Смита до настоящаго времени. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Игерингъ, Рудольфъ.** Борьба за право. Пер. Волкова. М., 1874 г. Ц. 75 к.
- ***Игнатовъ, Н.** Новый иуководитель по жел. дор. и пароходамъ путямъ Россіи. Спб., 1896 г. Ц. 30 к.
- *— Въ Нижній на выставку! Спб., 1896 г. Ц. 60 к.
- Игра футболъ съ политичажами въ текстѣ. М., 1895 г. Ц. 70 к.
- Изъ дневника Аміеля. Пер. съ фр. М. Л. Толстой. Спб., 1894 г. Ц. 35 к.
- Изготовленіе рисунковъ для волшебнаго фонаря. М., 1895 г. Ц. 75 к.
- Иллюстрированная сказочная библиотека.** 30 сказокъ Андерсена, въ переводѣ Пороховской, со множествомъ рисунковъ. Цѣна каждой книжки отъ 5 до 20 коп. 6 сказокъ Гауфа. Ц. та же. Спб., 1894 г.
- Иллюстрированная пушкинская библиотека** (Изд. Павленкова), состоящая изъ 40 книжекъ со многими иллюстрац., цѣною отъ 2 к. и дороже (изд. 2). Спб., 1891 г.
- Иллюстрированная Лермонтовская библиотека** (изд. Павленкова), состоящая изъ 30 книжекъ, цѣною отъ 2 коп. и дороже. Спб., 1891 г.
- Ирусъ, П., д-ръ.** Гигіена современнаго общества. Одесса, 1891 г. Ц. 60 к.
- Фонъ - Герингъ, Рудольфъ.** Гражданско-правовые казусы безъ рѣшеній. М., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Объ основаніи защиты владѣнія. М., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Герингъ.** Борьба за право. Спб., 1895 г. Цѣна 25 к.
- Юдль, Фр.** Этика и политическая экономія. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
- Кадія.** Электричество. Изд. 3-е. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.
- Какъ живутъ люди въ Швейцаріи. Изд. Моск. Ком. Грам. М., 1895 г. Ц. 6 к.
- Казанскій, А.** Ученіе Аристотеля о значеніи опыта при познаніи. Одесса, 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Казоть.** Влюбленный дьяволъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- ***Калымовъ, В.** Сборникъ рассказовъ и стихотвореній. М., 1896 г. Ц. 15 к.
- Камаровскій, Л., проф.** Война или миръ? Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.
- Канониковъ.** Руководство къ химическимъ изслѣдованіямъ итательныхъ и вѣсуемыхъ веществъ. Спб., 1891 г. Ц. 3 р.

- Канторовичъ, Я.** Литературная собственность. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Кантъ, Иммануилъ.** Продегомени во великой будущей метафизикѣ. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Кандевъ, Ф.** Практиченіе сверчка. Спб., 1889 г. Цѣна въ роскошн. переплетѣ 2 р. 50 к.
- Карасевъ, А.** Музыкальная хрестоматія. Ч. I. Дѣтскій возрастъ. М. Ц. 40 к. Тоже часть II. Ц. 60 к.
- Каринскій, М.** Критическій обзоръ послѣдняго періода германской философіи. Спб., 1873 г. Ц. 2 р.
- Каронинъ (Петропавловскій).** Разсказы. 3 т. М., 1890 г. Ц. каждого тома 1 р. 50 к.
- Каро, Ф.** Песниязмы въ XIX в. Изд. 2-ое. М. 1893 г. Ц. 1 р., — Современная критика и причины ея упадка. М. 1883 г. Ц. 30 к.
- Карышевъ, Ив. А.** Православно-христіанскій взглядъ на основанія, принятія гр. Л. Н. Толстымъ для своего джеученія, изложеннаго въ его сочин. „Въ чемъ моя вѣра“. М., 1891 г. Ц. 60 к.
- Духовно-нравственный міръ въ чело-вѣкѣ по ученію св. православной вѣры. М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Богъ неопровержимъ наукой. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Составъ человѣческаго существа. Жизнь и смерть. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Каррьеръ, Морицъ.** Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеаловъ челоуѣка. Пер. Е. Корна. Т. I, ц. 3 р. Москва, 1870 г. Т. II, ц. 3 р. 50 к. Москва, 1871 г. Т. III, ц. 5 р. 50 к. Москва, 1874 г. Т. IV, ц. 4 р. Москва, 1874 г.
- Карѣевъ, Н.** Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ. П., 1896 г. Ц. 75 к.
- Карѣевъ, Н., проф.** Роль идей, учреждений и личности въ исторіи. Одеса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Историко-философскіе и социологическіе этюды. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Каценеленбогенъ, Г.** Краткій курсъ патологической анатоміи. К., 96 г. Ц. 1 р.
- Каццолино, Пр.** Гигіена уха. Кіевъ, 1898 г. Ц. 15 к.
- Квинтъ.** Реформаторы воспитанія. Перев. и перед. З. Перцовой. М., 1893 г. Ц. 2 р.
- Квитка-Основьяненко.** Памъ Халавскій. Миниатюрное изданіе Кіевъ, 1893 г. Ч. 1-я и 2-я. Ц. 50 к.
- Драм. соч. Кіевъ, 1898 г. Ц. 85 к.
- Малороссійскія повѣсти, разсказанныя Грыцкомъ Основьяненкомъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 75 к.
- Келльнеръ, Л.** Мысли о школьномъ домашнемъ воспитаніи. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Кенигсбергъ, М. М.,** д-ръ мед. Главныя основы анатоміи, физіологіи и гигиены въ научно-популярныхъ бесѣдахъ. Съ предисловіемъ профессора Эрисмана и 38 рисунками въ текстѣ. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 2 р.
- Кенигъ, Ф.,** д-ръ. Руководство къ частной хирургіи для врачей и учащихъ ся. Въ 2 томахъ изд. 3-е. Спб., 1894 г. Ц. 10 р.
- Кернъ, Ф.** Ива, ея значеніе, разведеніе и употребленіе. (Второе изданіе). Тула, 1896 г.
- Кесслеръ.** Синтаксисъ латинскаго языка для гимназій. Изд. 6-е. 1888 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Кейръ, Ф.** Воображеніе и память. Спб., 1896 г. Ц. 40 к.
- Киландъ, Александръ.** Ядъ. Фертуна (два романа). М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Кингсфордъ, Анна,** докт. мед. Научныя основанія вегетаріанства. Пер. съ англ. М., 1893 г. Ц. 80 коп.
- Кирстенъ, Г.** Пчеловодство. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.
- Кирхнеръ, Г.** Исторія философіи. П., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Кирхманъ, Ф.** Философія. П., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Кистяковский, А. Ф.** Элементарный учебникъ общаго уголовного права. 3-е изданіе. Кіевъ, 1891 г. Ц. 4 р.
- Клау, Ф. Ф.** Краткій очеркъ химическихъ явленій. Составилъ по программѣ реальн. училища. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 70 к.
- Клемпереръ, д-ръ.** Основы клинической діагностики. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Кнейпигъ, Севастьянъ.** Моее додоченіе. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Кобеко.** Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Изд. 3-е. Спб., 1887 г. Ц. 3 р.
- Кобелль.** Таблици. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Ковалевская, Софія, и Леоплеръ, А.** Борьба за счастье. Кіев, 1892 г. Ц. 1 р.
- Ковалевскій, М.** Очеркъ происхождения семьи и собственности. Лекціи, читанныя въ Стогольмскомъ университетѣ. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.
- Происхожденіе современной демократіи. Въ 2-хъ томахъ. М., 1895 г. Цѣна каждого тома 2 р. 50 коп.
- Ковалевскій, Е.** Народное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Козловъ, А. А.** Очерки изъ исторіи философіи. Понятія философіи и исторія философіи. Философія восточная. Кіевъ, 1897 г. Ц. 1 р.
- Тардъ (G. Tarde) и его теорія общества. Кіевъ, 1887 г. Ц. 1 р.
- Гипнотизмъ и его значеніе для исторіи и метафизики. Кіевъ, 1887 г. Ц. 5 к.

Письма о книгѣ гр. Л. Н. Толстого: „О жизни“. М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к., 2 пер. 1 р. 40 к.

Свое слово. Философско-литературный сборникъ, издаваемый вмѣстѣ „Философскаго трихисличника“. Кіевъ, 1888 г. № 1. Ц. 2 р. съ пер.; 1889 г. № 2. Ц. 2 р. съ пер.; 1890 г. № 3. Ц. 2 р. съ пер.

Озловскій, С. А. Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ арифметическихъ задачъ И. П. Верещагина. Ч. III (съ № 2466—3298 включительно). Минскъ, 1895 г. Ц. 75 к.

Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ арифметическихъ задачъ А. Малыгина и К. Буренина. Вып. II. Правило процентовъ (простыхъ и сложныхъ). Съ № 2891—3100 включительно. Борисовъ, 1894 г. Ц. 25 к.

Озлинина, Е. И. Ободренныя дѣти. Очеркъ изъ судебной практики. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Олеръ, I., проф. Шекспиръ съ точки зрѣнія права. (Шейлокъ и Гамлетъ). Пер. съ нѣмецкаго. Слб., 1895 г. Ц. 1 р.

Олоμπο, маркиза. Красавица. Рассказъ. Перев. съ итальян. М., 1894 г. Ц. 35 коп.

Оломовъ, Ж. Дѣдушкина внучка. Съ французскаго. Слб., 1894 г. Ц. 2 руб. въ роскош. переплетѣ.

Олубовскій, Я. Философскій ежегодникъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ольбе. Введеніе къ ученію объ электричествѣ. Слб., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.

Кольберинъ, Н. Русское гражданское право. К., 96 г. Ц. 1 р.

Олеа, Л. Дѣтство и юность великихъ людей. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.

Комаровъ, А. Народная школа. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Коменскій, Я. А. Педагогич. соч. Т. I. Великая дидактика. М. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Т. II. Мелкія соч. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Корелинъ, М. С. Ранній итальяскій гуманизмъ и его историографія. Вып. 1 и 2. М., 1892 г. Ц. за оба выпуска 6 р.

— Паденіе античнаго міросозерцанія. (Культурный кризисъ въ Римской имперіи). Лекція, читанная въ Московскомъ политехническомъ музеѣ въ 1891—1892 год. Слб., 1895 г. Ц. 75 к.

Коренбитъ, А. И. Нѣмецко-русскій техническій словарь. 25 выпусковъ. Ц. каждого вып. 40 к. М. 1892—1895 гг. (всего будетъ 35—40 выпусковъ).

Корнетъ, Г. Какъ уберечь себя отъ чахотки. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Корнигъ, И. Г., д-ръ. Нервный вѣкъ и нервное поколѣніе. Одесса, 1894 г. Ц. 40 к.

Коропчевскій, Д. А. Люди. Этно-

графическіе очерки. Съ картой Африки. М., 1896 г. Ц. 65 к.

— Рассказы дикаго человѣка. М., 1895 г. Ц. 2 р. 25 к.

Короленко. Годами годъ. Изд. 2-е. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Въ дурномъ обществѣ. Москва, 1894 г. Ц. 35 к.

Корсакъ, Марія. Первоначальные уроки русской грамматики. Ц. 60 коп. М., 1878 г.

Коршъ. Всеобщая исторія литературы. Томъ III. Слб., 1888 г. Ц. 5 р.

— Томъ IV. Слб., 1888 г. Ц. 6 р. 50 к.

Корнигъ. Первый вѣкъ и нервное поколѣніе. Одесса, 1894 г. Ц. 40 к.

— Гигіена кѣломурия. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.

Корфъ, Н. А. Нашъ другъ, книга для чтенія въ школѣ и дома (16 изд.). Слб., 1894 г. Ц. 75 к.

Костычевъ, П. Общедоступное руководство къ земледѣлію (Изд. 2). Слб., 1894 г. Ц. 75 к.

— Обработка и удобреніе чернозема. Слб., 1892 г. Ц. 2 р.

— Ученіе объ удобреніи почвъ. (Изд. 2). Слб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Котельниковъ, М. Г. Справочная книжка по винокуренію для лицъ акцизнаго надзора. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Котельниковъ. Начальные свѣдѣнія по скотоводству (Изд. 3). Слб., 1893 г. Ц. 40 к.

— Бѣды по земледѣлію. Вып. I. О почвѣ. 1893 г. Вып. II. Объ удобреніи почвъ. 1894 г. Вып. III. Травосѣяніе 1894 г. Вып. IV. О сѣменахъ и посѣвѣ, 1895 г. Вып. V. О воздѣлываніи хлѣбовъ. 1894 г. Вып. VI. Широколиствен. мучнистыя растенія. 1892 г. Вып. VII. О воздѣл. картофеля и корнеплодовъ. 1894 г. Слб. Цѣна кажд. вып. 30 к.

Коченовскій. Краткое руководство къ простому изслѣдованію сельско-хозяйственныхъ матеріаловъ и продуктовъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 80 к.

Краткій курсъ кожныхъ и венерическихъ болѣзней. Составленный примѣнительно къ программѣ испытательной медицинскій комиссіи. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р.

Крафотъ-Эбингъ. О здоровьѣ и больныхъ нервахъ. М., 1885 г. Ц. 75 к.

— Судобная психопатологія (Перевелъ Ал. Черемшанскій). Слб., 1895 г. Ц. 5 р.

— Прогрессивный общій параличъ. Пер. д-ра Вольтера. Харьковъ, 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Альбомъ, группы и портреты. Слб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Крестный календарь на 1896 г. Гатчука. Ц. 15 к.

Кривенко, Н. Бѣды о рогатомъ скотѣ. М. 1892 г. Ц. 70 к.

- Бже, В.** Молочное хозяйство, молочный скотъ, маслодѣіе и сыровареніе. Спб., 1896 г. Ц. 90 к.
- Вбо, Эженъ.** Трактатъ о человѣческой физиологіи. М., 1895 г. Ц. 3 р.
- Венфельдъ, П.** Половая нейррагенія. Одесса, 1892 г. Ц. 1 р.
- Видицкій, В. Н.** Временныя правила о волостномъ судѣ, преобразованномъ по закону 12 іюля 1889 г. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Витовъ.** Собраніе сочиненій, съ портретомъ автора и статьей о его жизни Ф. Д. Нефедова. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. Т. II. Ц. 1 р. 50 к. М., 84.
- В-Вонъ, Густавъ.** Эволюція цивилизацій. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.
- Вугве, Э.** Исторія духовной жизни женщины. М., 96 г. Ц. 75 к.
- Евнотъ, Ж.** Революціонный Парижъ. М., 96 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Ейбницъ, Г. В.** Избранныя философскія сочиненія. Съ портретомъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Избранныя философскія сочиненія. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Избранныя философскія сочиненія. Подъ редакціей В. П. Преображенскаго. Москва, 1890 г. Ц. 2 р.
- Ейненбергъ, Н.** Берегате дѣтей отъ вина, пива и водки! Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Еонтъевъ, Н. I.** Указатель пьесъ для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Ермонтовъ, М. Ю.** Пол. собр. сочиненій. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.
- Ессингъ, Г.** Мина фонъ-Баргельмъ. Перев. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
- Эмилія Галотти. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
- Натанъ Мудрый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
- Молодой ученый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
- Гамбургская драматургія. Пер. И. П. Рассина. Ц. 3 р. М., 1893 г.
- Драматич. соч.: Мина фонъ Баргельмъ, Эмилія Галотти, Натанъ Мудрый. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.
- Етурно, Ш.** Соціологія основанная на этнографіи. Пер. съ послѣдняго французскаго изданія. Вып. I. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.
- Есгафъ, Ф.** Хлѣбопечарное производство (по Бирнбауму) и описаніе производства сахарей и проч. на русскихъ заводахъ. Спб., 1880 г. Ч. I. Ц. 3 р.
- Івнй, Титъ.** Подстрочный переводъ 30-й книги сдѣя. Румянцевъ и Подгурскій. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
- Исторія Рима отъ основанія города. Книги I и II. Кіевъ, 1892 г. Ц. по 75 к.
- Римская исторія Кн. XXI, XXII. Изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Цѣна 60 к.
- Цидовъ, А. П., проф.** Руководство къ химическому исследованію жировъ и восковъ. Харьковъ, 1894 г. Ц. 3 р.
- Циппертъ, Ю.** Исторія культуры. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Листъ, Ф.** Наказаніе и его цѣль. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
- Ли, Ионасъ.** Осужденный на вѣкъ. Рассказъ, съ норвежск. М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Лодыгинъ, П.** Дѣдушкинъ рассказы о лошади—кормилицѣ и объ уходѣ за нею въ сельскомъ быту. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
- Лопатинъ, Л. М.** Понятіе объ индукціи. М., 1893 г. Ц. 25 к.
- Положительныя задачи философіи. М., 1886 г. Ц. 2 р.
- Лоранъ, Э.** Медицина души. П., 1896 г. Ц. 15 к.
- Нейрастенія. П., 1896 г. Ц. 15 к.
- Лотце, Германъ.** Микрокосмъ (мысли о естественной и бытовой исторіи человѣка, опытъ антропологіи). Пер. Е. Корша. Часть I. Ц. 2 р. М., 64 г. Часть II. Ц. 2 р. М. 66 г. Часть III. Ц. 2 р. 50 к. М., 67 г.
- Луговой, А.** Добей его! (Pollice verso). Параллели. Москва, 1893 г. Ц. 50 к.
- Сочиненія. 3 тома Спб., 1894 г. Ц. по 2 р.
- Лункевичъ, В.** Наука о жизни. Общедоступная физиологія человѣка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Лучицкій, И., проф.** Прововѣдникъ религіозной терпимости въ XVI вѣкѣ. М., 1895 г. Ц. 30 к.
- Льюисъ, Георгъ Генри.** На берегу моря (зоологическіе этюды). М., 1876 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Лѣтневъ, П.** Невидимый блѣкъ. Ром. Вмѣсто хлѣба, камень. Ром. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р. 50 к.
- Бархатные когти. Ром. въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
- На волосѣ. Романъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
- Современный недугъ. Ром. въ 3-хъ ч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Поперекъ дороги. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- На свѣту пролагаю. Ром. Безъ воли. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р.
- Вѣчная лоцина. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Волчья яма. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р.
- Сочиненія. 10 томовъ. Кіевъ, 189 г. Ц. 8 р.
- Любимовъ, Н. А.** Исторія физики. Ч. I. Періодъ греческой науки. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
- Философ. Декарта. Спб., 1886 г. Ц. 2 р.
- Любке, Вильгельмъ.** Исторія пластыи съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. Перев. В. Часва. М., 1870 г. Ц. 6 руб.
- Лялина, М.** Путешествія М. Н. Призвальскаго. Спб., 91 г. Ц. 2 р.
- Магаймъ,** Профессиональные рабочіе союзы. Ц. 1 р. 25 к.
- Магаффи, Дж.** Исторія классическа-

- го периода греческой литературы. Пер. А. Веселовской. Т. I (поэзия). Ц. 3 р. М., 1882 г. Т. II (проза). Ц. 3 р. М., 1883 г.
- Магнусъ Блаубергъ.** Русское виноградное вино и хересъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Маевскій, П.** Флора средней Россіи. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растенія. М., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к. Изд. 2-е исправлен. и дополнен.
- Майеръ, Викторъ.** Задачи химіи нашего времени. Спб., 1890 г. Ц. 50 к.
- Мауринъ, К., и Высоцкій, В.** Формулы по арифметикѣ, алгебрѣ, геометріи, тригонометріи, высшей алгебрѣ, дифференціальному и интегральному исчисленіямъ для рѣшенія задачъ по чистой математикѣ. М., 1887 г. Ц. 50 к.
- Макарова, С.** Отголоски старини. Историческіе рассказы для дѣтей. М., 1894 г. Ц. въ папкѣ 1 р., въ перекл. 1 р. 30 к.
- Македонскій.** Права и обязанности подданныма предъ военнымъ судомъ. М., 1886 г. Ц. 1 р.
- Маклеодъ, Д. Г.** Основанія политической экономіи. Спб., 1865 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Максимовъ, С. В.** Годъ на сѣверѣ. М. 1890 г. Изд. 4-е. Ц. 3 р.
- Куль хлѣба и его происхожденія. Четвертое иллюстрированное изданіе. Спб., 1894 г. Ц. р. 50 к.
- Малицкій, П.** Руководство по исторіи русской церкви. Вып. I. М., 1891 г. Ц. 90 к., вып. II. Москва, 1894 г. Ц. 75 к.
- Маминъ-Сибирякъ, Д.** Дѣтскія гѣни. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Рассказы и сказки для дѣтей младшаго возраста. М., 1895 г. Ц. 60 к., въ папкѣ 75 к.
- Акъ-Бозатъ. Рассказъ. М., 1895 г. Ц. 30 к.
- Уральскіе рассказы. Т. II. М., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Горное гнѣздо. Романъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Три конца. (Уральскія гѣтонисы). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Весеннія громы. Ром. въ 3-хъ част. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Мангуби, И.** Практическое винодѣліе. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Мантегацца, П.** Физиологія любви. 2-е испр. изд. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Физиологія женщины. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Физиологія и выраженіе чувствъ. Пер. съ француз. подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. Я. Грота и Е. В. Вербицкаго. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Физиологія ненависти. Одесса, 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Искусство быть счастливымъ. Одесса, 1890 г. Ц. 50 к.
- Гигіена красоты. Одесса, 1890 г. Ц. 50 коп.
- Лицейскій вѣкъ. Одесса, 1889 г. Ц. 50 к.
- Нервный вѣкъ. Одесса, 1889 г. Ц. 50 к.
- Марконеъ, А.** Дворецъ истины въ Парижѣ. М., 96 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Мартыновъ.** Anciens monuments de environs de Moscou. М., 1889 г. Ц. 10 р.
- Мартъ, Констанъ.** Философія и этика-моральности во времена Римской имперіи. Переводъ М. Корсака. Ц. 2 р. М., 1879 г.
- Матеріалы для біографіи Добролюбова.** собран. въ 1861—1862 гг. Т. I. Ц. 2 р. М., 1890 г.
- Маракуевъ, Н. Н.** Элементарная алгебра въ 2-хъ ч. М., 1887 г. Ц. 4 р.
- Галилей, его жизнь и ученые труды. М., 1888 г. Ц. 35 к.
- Марксъ, К.** Критика нѣкоторыхъ положеній политической экономіи. М., 1896 г., Ц. 1 р. 35 к.
- Масперо, Ж.** Древняя исторія народовъ Востока. Москва, 1895 г. Ц. 3 р.
- Массе.** Исторія кусочка хлѣба. Спб., 1877 г. Ц. 75 к.
- Масловичъ, Н.** Татьяна въ день 12 января. Харьковъ, 1895 г. Ц. 20 к.
- Житейскіе наставы. Спб., 92 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Маудсли, Генри.** Солъ и солиныя. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
- Мауреръ, Людвигъ.** Введеніе въ исторію общинаго, колторнаго, селскаго и городского устройства и общественной власти. Пер. В. Корна. Ц. 2 руб. 75 к. М., 1880 г.
- Мачтетъ, Григорій.** Баба и другіе рассказы. (Силуэты. Т. I.). Изд. 2-ое. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Влудный смѣхъ. Повѣсть. (Силуэты. Т. I.). Изданіе 2-ое. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.
- На досугъ. Новый сборникъ повѣстей и рассказовъ. М., 1896 г. Ц. 1 р.
- Живыя картины. Новый сборникъ повѣстей и рассказовъ. М. 1896 г. Ц. 1 р.
- Мейеръ, Аксель, д-ръ.** Гигіена брачнаго брака. Одесса, 1891 г. Ц. 50 к.
- Между прочимъ.** Сбор. рассказовъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Международная бібліотека.** № 1. Февр. Брюнеттеръ. Источники пессимизма. 2-е изд. Ц. 15 к. № 2. Кеттлеръ. Чтеніе женскаго эммансипаціи. 2-е изд. Ц. 15 к. № 3. Вундтъ. Связь философіи съ жизнью за послѣднія 100 л. 2-е изд. Ц. 15 к. № 4. Леметръ. Этюды о русскіхъ писателяхъ: Достоевскій, Островскій. 2-е изд. Ц. 15 к. № 5. Шенбахъ. Государственный строй С.-Амер. Союзн. Штатовъ. 2-е изд. Ц. 15 к. № 6. Брюнеттеръ. Отличительный характеръ французской литературы. Ц. 15 к. № 7. Шарль Рише. Гениальность и кониительство. Ц. 15 к. № 8. Фомъ-Шамъ. Самоубійство и современная цивили-

- миз. Ц. 15 к. № 9. И. Тэнъ. Шекспиръ. Ц. 15 к. № 10. Рене Думикъ. Литература и вырожденіе. Ц. 15 к. № 11. Луио Бретано. Причины экономическаго расстройтва въ Европѣ. Ц. 15 коп. № 12. Брандесъ. Звѣрь въ человѣкѣ. Ц. 15 в. № 13. Десля Стеффенъ. Этика и борьба за существованіе. Ц. 15 в. № 14. Отто-Генне-амъ-Ринъ. Законы культуры. Ц. 15 к. № 15. Ф. Штрайслеръ. Происхожденіе сомня. Ц. 15 в. № 16—17. А. Фулье. Психологія мужчин и женщин и ея физиологическія основанія. Ц. 25 в. № 18. А. Шоненгауэръ о возрастѣхъ человѣка. Ц. 15 в. № 19. По Лабанду. Государственный строй германской имперіи. Ц. 15 в. № 20. Густавъ Шенбергъ. Новая политическая экономія. Ц. 15 в. № 21. Альфредъ Бинъ. Механизмъ мышленія. Ц. 15 в. № 22. Ф. Паульсонъ. Гамлетъ, какъ трагедія пессимизма. Ц. 15 в. Роменингъ. Что такое социальный законъ? № 23. Ц. 15 в. Фердинандъ Лагранжъ. Реформа физическаго воспитанія № 24. Цѣна 20 к. Шарля Ферре. Наслѣдственность болѣзненнаго предрасположенія № 25. Ц. 15 в. Миттермайеръ. Судъ присяжныхъ и его значеніе № 26. Ц. 15 в. № 27. Смысл и право. Меркеля. № 28. Основы государственной критики. А. Гауфемута. № 29. Государственный строй Франціи, во Лебону. № 30. Исторія народнаго образованія въ Англіи, Л. Флейшнера. Ц. 15 в. № 31. Нервная система человѣка. Д-ра П. Мѣбуса. Ц. 15 в. № 32. Эмиль Золя. Георга Брандеса. Ц. 15 в. № 33. Спенсеръ, Г. О нравственномъ воспитаніи. Ц. 20 в. № 34. Фулье, А. Характеръ расъ и будущность бѣлой расы. Ц. 15 в. № 35. Летурно, Ш. Промежное и будущее литературн. Ц. 20 в. Глянциій Г. Основы морали. Одесса, 1895 г. Ц. 60 к.
- Мѣбусъ, д-ръ.** Гигіена, діета и леченіе нервныхъ людей. Спб., 1894 г. Ц. 75 к.
- Мейеръ.** Основанія теоретической химіи. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
- Мекензи, Уоллѣсъ.** Россія. Т. I и II. Спб., 1880. Ц. 5 р.
- Мензбиръ, М.** Дарвинизмъ въ биологіи и близкнзкъ ней наукахъ. М., 1886 г. Ц. 75 к.
- Мессеръ.** Звѣздный атласъ. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 5 р.
- Металлодавильное дѣло** (выдавливаніе полныхъ металлическихъ надѣлій) съ 8 табл. М., 1898 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Микуличъ, В.** Зарницы. М., 1895 г. Ц. 65 к.
- Миллеръ, В. П.** Акваріумъ. Краткое руководство къ уходу за акваріумомъ и его населеніемъ. Спб., 1894 г. Ц. 75 к.
- Милль, Джонъ-Стюартъ.** Основанія политической экономіи. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- О подчиненіи женщины. П., 1896 г. Ц. 60 к.
- *— Автобіографія. М., 1896 г. Ц. 75 к.
- МИЛЬТОНЪ.** Потерянный и возвращенный рай. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- МИЛКОКОВЪ, П. Н.** Государственное хозяйство въ Россіи и реформа Петра Великаго. Спб., 1892 г. Ц. 8 р. 50 к.
- Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Михайловъ-Викторовъ.** Собраніе анекдотовъ изъ жизни замѣчательныхъ людей. Т. 2. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Михайловскій, Н. К.** Литература и жизнь. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.
- Критическіе опыты. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Михеевъ, В. М.** Художники. Очерки и рассказы. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Михневичъ, В.** Русская женщина XVIII стол. К., 96 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Молло, М.** Правила адвокатской профессіи во Франціи. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Момсенъ, Э.** Римская исторія. Перев. Невѣдомскаго. Т. I, ц. 6 р. М., 1887 г. Т. II и III, ц. 7 р. М., 1887 г. Т. V, ц. 8 р. 50 к. М., 1895 г.
- Мопассанъ, Гюи.** Монтъ - Ориоль. Москва, 1894 г. Ц. 70 коп.
- Сочиненія, набранныя Л. Н. Толстымъ. 1 т. М 1893 г. Ц. 1 р. 25 в. Т. 2-я. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- На водѣ, сборникъ рассказовъ. Пер. съ фр. Никифорова, съ предисловіемъ Л. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- МОРДЕЙ, ДЖОНЪ.** Вольтеръ. Переводъ съ 4-го англ. изд. М., 1889 г. Ц. 2 р.
- Руссо. Перев. съ англ. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 в. М., 1881 г.
- Дидро и энциклопедисты. Пер. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 в. М., 1882 г.
- МОРЪ.** Краткая этимологія греческаго языка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Книга упражненій по греческому языку. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- МОРОХОВЕЦЪ, Левъ, проф.** Имп. Моск. унив. Физико-хим. ческыя основы биологическихъ и врачебныхъ методовъ изслѣдованія съ физиологической техникой для естествоиспытателей, врачей и студентовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 30 к.
- ***МОСКВИЧЪ, Г.** Кавказъ. Одесса, 1896 г. Ц. 60 к.
- *— Практическій путеводитель по Крыму. Одесса, 1896 г. Ц. 1 р.
- *— Практическій путеводитель по Черно-му морю. Одесса, 1896 г. Ц. 40 к.
- МОССО, А.** Физическое воспитаніе юношества. Спб., 1896 г. Ц. 60 к.

- Мостовскій М.** Этнографическіе очерки Россіи. М., 1874 г. Ц. 1 р.
- Мотлей, Д. Л.** Исторія Нидерландской революціи. 3 т. Спб., 1865 г. Ц. 7 р. 50 к.
- Мункъ, I., д-ръ мед.** Руководство къ кормленію больныхъ, для врачей, студентовъ и завѣдующихъ больницами, пріютами и пр. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Мусселіусъ, В.** Русско-латинскій словарь. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Мюссе, А.** Ночи. Перев. А. Облукова. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Мятлевъ, И. П.** Полное собр. сочиненій. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
— Полное собраніе сочиненій. Изданіе иллюстрированное. М., 1894 г. Три тома. Ц. 1 р. 20 к.
- Мясницкій, Ив.** Замоскворѣцкія свѣдѣнія. Юмористич. рассказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.
— „На добрую память“ изъ русскихъ писателей. Книга для семейнаго чтенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к., составл. Неклюфоровъ.
- МДС.** Врачебное искусство и медицинская наука. Одесса, 1894 г. Ц. 25 к.
- Н. Н.** Снабженіе горячей водой небольшихъ жилыхъ домовъ. Переводъ съ англійскаго инж. техн. Л. Л. Боровича. М., 1895 г. Ц. 40 к.
- Навиль, Э.** Что такое философія. М., 96 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Надсонъ, С. Я.** Литературные очерки (1883—1886 гг.). Спб., 1887 г. Изд. 2-е Ц. 1 р.
- Наединъ.** Сборникъ переводныхъ повѣстей, рассказовъ и стихотвореній Матильды Серао, Альфонса Доде, Бьёрнсона — Бьернстерна, Генри Лонгфелло, Гюи де-Мопассана и др. Ц. 70 к.
- Народныя русскія сказки и загадки.** Собраніе сельскими учителями Тульск. губ. въ 1862 и 1863 годахъ. Редакція А. А. Эрленвейна. Изд. 2-е. М., 1892 г. Ц. въ наклей 1 р.
- Народныя русскія сказки.** М., 1882 г. Ц. 1 р.
- Неверъ, Эмилія.** Искусство быть красивой. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Немировичъ-Данченко, В. И.** Гроза. Ром. въ 2-хъ ч. Изд. седьмое. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 50 к
— Бѣломорье и Соловки. Изд. 4-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Овѣда-рукокопъ. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
— Контрабандисты. Романъ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 2 р.
— На краю свѣта. Другъ за друга. Изъ жизни на крайнемъ сѣверѣ. Повѣсть для дѣтей. Въ трехъ частяхъ. Москва, 1898 г. Ц. 1 р., въ перешлѣтѣ 1 р. 30 к.
— Большое сердце. Повѣсть. Москва, 1894 г. Ц. 20 коп.
- Немировичъ-Данченко, Влад.** Ив. Старый домъ (Мертвая тѣль). М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Нелицова, Л.** Дѣвочка Инда. Расск. для дѣтей. Изд. II. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Нетыкса, М. А.** Краткое руководство кушачнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
— Крат. руковод. слесарнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
— Техника черченія (о томъ, какъ и чѣмъ чертить). Съ 433 картинками въ текствѣ и 4 литогр. табл. М., 1893 г. Ц. 2 р. 75 к.
— Способы воздухоохлажденія комнатныхъ аквариумовъ. М., 1895 г. Ц. 75 к.
— Руководство столярнаго ремесла. М., 1895 г. Ц. 75 к.
- Нефедовъ, Ф. Д.** Сочиненія. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. М., 1894 г.
— Томъ II. М., 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Ниваллерій планъ города Москвы,** suunnitelmän раздѣленія города на судебна-мировые участки и съ описаніемъ ихъ. М., 1894 г. Ц. 75 к.
- Никитинъ, В. Н.** Обломки разбитаго корабля. Сцены у мировъхъ судей послѣдствіяхъ годовъ. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.
- Никитскій, С.** Въра православной восточной греко-россійской церкви. Книга 1-я: Вѣрученія. Ц. 50 к. Книга 2-я: О нравственности. Ц. 70 к.
- Николаевъ, П.** Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ. Соціологическій этюдъ. Ц. 1 р. 50 коп. М., 1892 г.
- Николаевъ, Н.** Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Нимейеръ, Павелъ, д-ръ.** Геморрой. Причины болѣзни, способы леченія и предупрежденія ея. Пер. В. Боровича. Казань, 1895 г. Ц. 50 к.
- Нордау, Максъ.** Врожденіе. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Въ поискахъ за истиной (парадоксы, изд. 3-е. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Нотнагель, Г. д-ръ.** Руководство къ фармакологіи, въ 2 частяхъ. Спб., 1896 г. Ц. 4 р.
- Новѣйшая исторія Англіи 1865—1895 гг.** Краткій очеркъ событій. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Новѣйшая исторія Германіи 1866—1895 гг.** Краткій очеркъ событій. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Нурокъ.** Ключъ къ русскимъ упражн. грам. англійскаго языка. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50:
- Ньрокмъ, С., и Энгельманъ,** Р. Астрономія въ общепонятномъ изложеніи. Спб., 1894—1895 гг. Ц. I и II вып. по 1 р. 40 к., подлинная кн. за все соч. (4 вып.) 5 р. 60 к.
- Нюренбергъ, А. М.** Городовое положеніе (изд. 2-е). Москва, 1893 г. Ц. 80 к.
— Правила о раздробительной торговлѣ

Визитки напечатаны (изд. 2). М., 1894 г. 1 р.

оръ дѣятельности комитета грамот- ства, состоящаго при Импер. моск. общ. дѣлск. хов. М., 1895 г. Ц. 15 к.

идая патологія инфекціонныхъ болѣз- нѣ. К., 96 г. Ц. 30 к.

цедоступный лечебникъ домашнихъ жи- тельныхъ при участіи Э. К. Брандта со- авленъ Я. Н. Шмулевичемъ (Изд. е). Слб., 1891 г. Ц. 3 р.

устройство водяныхъ closetовъ (16 ис. въ текстѣ). М., 1894 г. Ц. 20 к.

идій, Назонъ. Избранныя басни въ „Метаморфозъ“. Изд. 2-е. Кіевъ, 194 г. Ц. 60 к. Пер. 8-й, 11-й, 12-й 15-й книги „Метаморфозъ“.

Переводъ 1-й и 2-й книгъ съ прилож. ографіи автора. Кіевъ, 1894 г. Ц.) к.

Пер. 6-й, 7-й и 13-й книги. Кіевъ, 194 г. Ц. 50 к.

Переводъ 3-й, 10-й, 14-й книги. Кіевъ. 194 г. Ц. 40 к.

снанико - Куликовскій. Языкъ искусство. Слб., 1895 г. Ц. 20 к.

евскій, В. Борьба съ вредными насекомыми въ Баваріи. Слб., 5 г. Ц. 20 к.

ородниковъ, П. Въ странѣ сво- мн. Въ 2-хъ т. Слб., 1882 г. Ц. 2 р.) к.

е, Люсьенъ. Семь чудесъ свѣта. уместіе къ семи чудесамъ свѣта съ научною дѣлю. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.

ьденбергъ, Германъ. Будда, о жизнь, ученіе и община. Перев. П. мволаева. Ц. 2 р. М., 1891 г.

жешко, Элиза. Диварка. Повѣсть. (ер. съ польскаго. М., 1894 г. Ц. 75 к.

Надъ Нѣманомъ. М., 1896 г. Ц. 1 р. 0 к.

ловъ, К. В., д-ръ мед. Основы анатоміи искусственныхъ и притвор- ныхъ болѣзней у прививаемыхъ къ воин- ной службѣ солдатъ. Изд. 2 исправл. доп. Слб., 1894 г. Ц. 2 руб.

ювичъ, Я. Женщина въ правѣ. Слб., 1895 г. Ц. 1 р. 60 в.

свободѣ воли. Рефераты и статьи чле- овъ психол. общ. М., 1889 г. Ц. 2 р.

вальдъ, Фридрихъ. Лгавалъ обая. Руководство къ уходу за лгаво- ою собакой. Ея воспитаніе, и дрессиро- вка. Лечебникъ собакъ. Слб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

трогорскій, Викторъ. Писма къ эстетическомъ воспитаніи. 1894 г. Ц. 40 к.

Выразительное чтеніе. Пособіе для уча- щихъ и учащихся. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 50 к.

Изъ міра великихъ преданій. Рассказы для юношества. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Этюды о русскихъ писателяхъ. IV. Ху-

дожникъ русской пѣсни А. В. Кольцовъ. Москва, 1893 г. Ц. 50 к.

— Родные поэты. Для чтенія въ классѣ и дома. Изд. 2-е. Москва, 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Хорошіе люди. Сборникъ разсказ. съ 45 рисунк. (изд. 2-е). Слб., 1891 г. Ц. 1 р., въ роскош. перепл.—1 р. 60 к.

— Изъ исторіи моего учительства. Какъ я сдѣлался учителемъ. Слб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Бесѣды о препод. словесн. М., 1896 г. Ц. 80 к.

— Этюды русскихъ писателей. М., 1888 г. Ц. 75 к.

— Этюды о русскихъ писателяхъ. М., 1891 г. Ц. 50 к.

— Русскіе писатели. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Острогорскій и Семеновъ. Рус- скіе педагогическіе дѣятели. М., 1897 г. Ц. 75 к.

О дѣлахъ житейскихъ М., 1886 г. Ц. 1 р. 25 к.

Очеркъ исторіи греческой философіи Целлера. Перев. съ нѣмецкаго М. Не- красова, подъ редакц. М. Каринскаго. Слб., 1886 г. Ц. 2 р.

П., Г. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 35 к.

Павленковъ, Ф. „Жизнь замѣчатель- ныхъ людей“ (Биографическая библиоте- ка). Ц. кажд. вып. 25 к.

Павоне, К., д-ръ. Гигіена нервныхъ страданій у дѣтей. Одесса, 1893 г. Ц. 50 коп.

Пальчикова. Двѣ сказки для дѣтей. Слб., 1893 г. Ц. 50 коп.

Парксъ, Генрихъ. 50 лѣтъ обще- ственной дѣятельности въ Австраліи, въ 2 ч., съ 2 портр. автора, пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 3 р. М., 1894 г.

Паульсенъ, Фр. Введеніе въ фило- софію. Пер. Н. Титовскаго, подъ ред. В. Преображенскаго. М., 1894 годъ. Ц. 3 р.

Паульсонъ. Стенографія. Слб., 1892 г. Ц. за 2 части 1 р.

— Руководство для лицъ, ухаживающихъ за больными. Слб., 1893 г. Ц. 60 в.

Пель. Фальсификаціи и мѣры борьбы съ ними. Слб., 1889 г. Ц. 60 к.

Пашкевичъ, В. Культура гѣмар- ствен. растеній. Слб., 1894 г. Ц. 80 к.

Педаевъ, Д. Атмосферное электри- чество. Харьк., 1895 г. Ц. 60 к.

Пекаторосъ, Г. М. Человѣчскія расы. Народы Африки № 1. Серія II. Одесса, 1895 г. Ц. 25 к.

Пеллисъе, Ж. Французская литература XIX вѣка. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Литературное движеніе въ XIX сто- лѣтіи. Сочиненіе, утѣченноею фран- цузской академіей. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Пеллико, Сильвіо. Мои товарищи. Перев. Гариной. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

- Пергаментъ, О.** Краткій историческій очеркъ развитія ученія объ электричествѣ. Киевъ, 1890 г. Ц. 60 к.
- Перковский, П.** Описание судовыхъ машинъ и котловъ, а также вспомогательныхъ механизмовъ. Слб., 1896 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Перси.** Братское изложеніе рѣзбы по дереву. М., 1895 г. Ц. 70 к.
- Персональный.** Учебникъ зоологіи. М., 1893 г. Ц. 85 к.
- Песоцкій, Н. А.** Древесная шерсть, ея употребленіе и производство (съ чертежами на отдѣльныхъ листахъ). М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Песталоцци, Г.** Педагогическія сочиненія въ 2-хъ т. Ц. кажд. т. 2 р. 50 к.
- Петерсонъ, О.** Семейство Бронтѣ (Керреръ, Элизъ и Актоъ Белль). Слб., 1895 г. Ц. 1 р. Въ пользу общ. вспомож. кончив. высшеіи женск. курсу.
- Петровъ, А. Н.** Русская военная сила. Т. I и II. Изд. 2-е. М. 1892 г. Ц. за оба тома 6 р.
- Петрова, проф., съ продолженіемъ проф. Надлеръ.** Лекціи по всемірной исторіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.
- Петушковъ, А.** Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растеній. М., 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Пешель, Оскаръ.** Исторія эпохи открытій. Пер. Э. Циммермана. Ц. 3 р. М., 1885 г.
- Писаревъ, Д. И.** Пол. собр. соч., въ 6 т. Слб., 1894 г. Ц. 6 р.
- Платонъ.** Апологія Сократа. Подстрочн. перев. Изд. 3-е. Киевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
- Критонъ. Изд. 2-е. Киевъ, 1890 г. Ц. 35 коп.
- Пло, О.** Живыя римскія императрицы. П., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Плутархъ.** Александръ Великій. М., 1893 г. Ц. 30 к.
- Юлій Цезарь. М., 1890 г. Ц. 25 к.
- Живыя и дѣла знаменитыхъ людей древности. Въ 4-хъ т. М., 1898 г. Ц. за всѣ тома 3 р. 50 коп.
- По, Эдгаръ.** Баллады и фантазіи. Москва, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Полное собраніе сочиненій. Вып. I. Книж., 1895 г. Ц. 65 к.
- Покровский, К.** Путеводитель по небу. М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Покровский, Е. А.** Дѣтскія игры и гимнастика въ отношеніи воспитанія и здоровья. Ц. 20 к.
- Площадки для дѣтскихъ игръ и физическихъ упражненій. М., 1894 г. Ц. 20 к.
- Русскія дѣтскія подвижныя игры. М., 1892 г. Ц. 75 в.
- Первоначальное физическое воспитаніе дѣтей (Популярное руководство для матерей). М., 1895 г. Ц. 1 руб. 50 коп. (изд. 2-е).
- Покорни, Д-ръ.** Общее земледѣліе. Ч. 3-я (послѣдняя). М., 1891 г. Ц. 2 р.
- ПОЛИТИЧНОСТЬ.** Европейскіе моменты. Слб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Полонскій, Я. П.** На закатѣ хотворенія. Москва, 1881 г. Ц. 1 р. 25 коп.
- Поповъ.** Курсъ общаго счетоводства. Казань, 1894 г. Ц. 2 р.
- Порошинъ, Ив.** Разсказы. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Посновъ, А.** Руководство къ правильной постановкѣ торговли, внутренн. счетоводства обществъ потребителей. М., 1896 г. Ц. 1 р.
- Потапенко, И. Н.** Повѣсти. 8 т. Слб., 1893 г. Ц. каждаго т. 1 р.
- Не герой. Романъ въ 2-хъ частяхъ. М., 1896 г. Ц. 1 р.
- Одины. Ром. М., 1896 г. Ц. 2 р.
- Голодь. М., 95 г. Ц. 40 к.
- *Потебни, А.** Мысль и языкъ. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.
- Изъ лекцій по теоріи словесности. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- *Починъ.** Сборникъ Общества любителей русской словесности на 1896 г. М., 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Прейеръ, В.** О сохраненіи здоровья и продленіи жизни. Одесса, 1895 г. Ц. 80 к.
- Прессъ.** Руководство къ боранію съ огнемъ. Слб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Защита жизни и здоровья рабочихъ. Вып. I и II. Слб., 1891 г. Ц. по 2 р.
- Искусственное высушиваніе дерева. 25 рис. 2 исправл. и дополн. изд. Слб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Прельсъ, Р.** Эстетика. Подъ редакціей и съ дополнител. статьей В. И. Чулко. Слб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Приготовленіе програвъ для дерева и дѣла простыхъ породъ дерева.** 2-й доп. М., 1892 г. Ц. 40 к.
- *Принсъ, А.** Преступность и общество. М., 1896 г. Ц. 40 к.
- Программа чтенія для самообразованія.** П., 1895 г. Ц. 40 к.
- Проблески.** Сборникъ произведеній русскихъ авторовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Пругавицъ, А. С.** Запросъ чести и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія. Слб., 1896 г. Ц. 2 р.
- Прудонъ, П.** Искусство, его основанія и общественное назначеніе. Слб., 1866 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Птицынъ, Владиміръ.** Дрѣвн. адвокаты и наши присяжные адвокаты. Слб., 1894 г. Ц. 50 к.
- Адвокатъ за адвокатуру. Слб., 1900 г. Ц. 30 к.
- Пересмотръ нашихъ судебныхъ нововъ. Слб., 1895 г. Ц. 50 к.
- Путешествія В. В. Конкерна.** Африкѣ. Изложен. Петри, съ 114 рисунками. Слб., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.

утеводитель по желѣзн. дорог. и пароходи. путямъ Россіи. Москва, 1895 г. Ц. 30 к.

УШКИНЪ, А. С. Пол. собр. сочиненій. Слб., 2 над. Ц. 1 р. 50 к.

Флюгеръ, Ф. Ф. В. Обь искусство продвѣзъ человѣческую жизнь. Одесса, 1890 г. Ц. 30 к.

Габовъ, С., проф. Способы прописыванія гѣкартвенныхъ веществъ, для врачей и студентовъ. Харьковъ, 1894 г. 1 р. 40 к.

Гадда-Вай (Е. П. Влаватская). Изъ пещеръ и дѣбрь Индіи. Загадочный племена на „Голубыхъ горахъ“. Слб., 18:3 г. Ц. 1 р. 75 к.

Гадловъ, Ф. П. „Обь истолкованіи“ Аристотеля. Слб., 1891 г. Ц. 50 к.

Гаевскій, М. Н. Плодовая школа и плодовой садъ (изд. 4-е). Слб., 1892 г. Ц. 1 р.

Гайтъ, Л. Практическое птицеводство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Жизнь первобытныхъ народовъ. Эскимосы и алеуты. М., 1888 г. Ц. 15 к.

Гаменскій, Н. Братья-нагон. Ром. въ 3-хъ част. М., 1895 г. Ц. 2 р.

— Докторъ Сафоновъ. М., 1889 г. Ц. 1 р.

Гашевскій, И., д-ръ. Забѣтки по фармакологіи для фельдшеровъ. 2-ое изд. Слб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Гегель. Содержаніе и воспитаніе растений въ комнатахъ. Изд. 2-е. Слб., 1890 г. Ц. 5 р. 50 к.

— Однолѣтнія и двулѣтнія цвѣтущія растения. Изд. 3-е. Слб., 1885 г. Ц. 3 р. 50 к.

Гейтцъ, В. Лекціи по патологіи и терапіи дѣтскаго возраста. Слб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

Гейхъ. Оптическая гигиѣна глазъ. Слб., 1893 г. Ц. 1 р.

Гекламъ, Карлъ. Ключъ къ здоровью. Популярная гигиѣна. Кіевъ, 1893 г. Ц. 60 к.

Геклю, Ф. Современные политическіе дѣтели. Слб., 1876 г. Ц. 2 р.

— Земля. Въ VI выпускахъ. Вып. I—к. 90 к. Вып. II—к. 1 р. 30 к. Вып. III—к. 1 р. 10 к. Вып. IV—к. 1 р. 10 к.

Вып. V—к. 1 р. Вып. VI—к. 1 р. 30 к.

Гембольдтъ, д-ръ. Школьная гигиѣна. Пер. съ нѣм. д-ра И. М. Раманьнова. М., 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Генанъ, Эрнестъ. Разореніе Іерусалима. М., 1886 г. Ц. 50 к.

— Историческіе и религіозные этюды. Изд. 8. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.

Гентгенъ, В. Новый родъ лучей. К., 99 г. Ц. 15 к.

Герно, А. Героизмъ. П., 1896 г. Ц. 1 р.

Рецептура. Составлена для студентовъ-медиковъ. Кіевъ. Ц. 50 к.

Рибо, Т. Современная англійская психологія. Подъ ред. П. Д. Боборыкина. М., 1881 г. Ц. 2 р.

— Память въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Слб., 1894 г. Ц. 80 к.

— Воля въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Перев. съ 8 доп. франц. изд. Слб., 1894 г. Ц. 80 к.

— Исслѣдованіе аффективной памяти. Пер. съ французск. Максимовой. Слб., 1895 г. Ц. 25 к.

Риль, А. Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Пер. Е. Корна. Ц. 2 р. М., 1888 г.

Рихтеръ, Е. Элементарная геометрія въ обьемѣ курса среднихъ учебныкъ заведеній. Слб., 1895 г. Ц. 1 р. 40 к.

Ричардсонъ, Чарльзъ. О выборѣ книгъ. М., 1889 г. Ц. 50 к.

Рише, Шарль. Черезъ сто лѣтъ. Слб., 1893 г. Ц. 50 к.

Робертъ, Карлъ. Краткое руководство живописи на тканяхъ. Москва, 1895 г. Ц. 70 к.

— Краткое руководство миниатюры. М., 1895 г. Ц. 70 коп.

Рогова, О. И. Рѣзосчетъ. Слб., 95 года. Ц. 2 р.

— Ласточкино гнѣздо. Слб., 94 г. Цѣна 2 руб.

— Дамышъ. Слб., 95 г. Ц. 1 р. 75 к.

— Снѣгъ гетмана. Слб., 91 г. Цѣна 2 руб. 25 к.

Розенбахъ. Современный мистицизмъ. Слб., 1891 г. Ц. 60 к.

Розенбергъ-Липинскій. Практическое земледѣліе (изд. 5). Слб., 1893 г. Ц. 3 р.

Романовъ, С. И. Словарь ружейной охоты. М., 1877 г. Ц. 3 р. 50 к.

Ромашкевичъ, П. А. Полный русскій орографическій словарь. Составленъ по „русскому правописанію“ академика Як. Грота. Изд. третье исправл., Слб., 1895 г. Ц. 1 р.

Рони, Ж. До нотона. Слб., 1892 г. Ц. 50 к.

Ростовская, М. Ф. Звѣздочки. Повѣсти и рассказы для дѣтей. Съ красочными рисун. Изд. третье. Слб., 1895 г. Ц. 1 р.

— Жучка. Рассказъ для дѣтей. Съ иллюстрированными рисун. Изд. третье. Слб., 1895 г. Ц. 1 р.

— Четыре времени года. Рассказы изъ деревенскаго быта. Съ рисун. Изданіе третье. Слб., 1895 г. Ц. 1 р.

— Сельцо Лебяжье. Повѣсть для дѣтей. Изд. третье, испр. Слб., 1895 г. Ц. 1 р.

— Пови. Приключенія эмскаго ола. Повѣсть для дѣтей. Изд. третье. Слб., 1895 г. Ц. 1 р.

— Крестьянская школа. П., 1895 г. Ц. 1 р. 75 к.

Рохау, А. Л. Исторія Франціи. Ч. I и II. Слб., 1866 г. Ц. 3 р. 50 к.

Рубакинъ, Н. А. Этюды о русской читающей публикѣ. Факты, цифра и наблюденія. Слб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

- Рудакій, Ал.** Лѣсная таксація. Пособіе для лѣсничихъ и лѣсопромышленниковъ. (Изд. 2-е). Спб., 1890 г. Ц. 3 р.
- Руководство для метеорологическихъ наблюдений.** Харьк., 1894 г. Ц. 80 к.
- Руссо, Жанъ-Жакъ.** Юлія или Новая Элоиза. М., 1892 г. Ц. 2 р.
- Руссий сельскій календарь.** Годъ II. М., 1895 г. Ц. 20 к.
- Русская библиотека.** № 6. Южаковъ, С. Любовь и счастье въ произведеніяхъ А. С. Пушкина. Ц. 20 к. № 7. Карѣевъ, Н., проф. Что такое общее образованіе? Ц. 20 к.
- Рѣшениковъ, Ѳ. М.** Собраніе сочиненій, въ 2-хъ т. Спб., 1890 г. Ц. за 2 т. 2 р. 50 к.
- Рябининъ.** Элеваторы и наше увлеченіе ими. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
- Саади-Ширази.** Гюльстанъ, „Двѣтнникъ розъ“. Пер. съ персидск. подлин. И. Холмогорова. Ц. 1 р. М., 1882 г.
- Сабатье, П.** Жизнь Франциска Ассизскаго. Перев. съ франц. М., 1895 г. Ц. 90 к.
- Салтыковъ (Щедринъ).** Полное собр. соч. 12 т. (Изд. 3-е). Ц. 18 р., а за каждый т. отдѣльно по 1 р. 75 к. Спб., 1894 г.
- Саловъ, И.** Уютный уголокъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.
— Суета мірская. М., 1894 г. Ц. 1 р.
— Съ натуры. Очерки и рассказы. М., Ц. 1 р.
- Саллюстій Криспъ.** Пособіе къ изученію и чтенію „Заговора Катилины“. Сост. Логвиновъ. Кіевъ, 1886 г. Ц. 60 к.
- Сахаровъ, А.** По русской землѣ. Второе изданіе. М., 1896 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Сборникъ рисунковъ токарныхъ надѣлій.** М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Сборникъ рисунковъ мебели и столярныхъ надѣлій.** М. Ц. 2 р.
- Сборникъ общества любителей російской словеса.** на 1891 г. М., 1891 г. Ц. 4 р.
- Свифтъ, Джонатанъ.** Путешествія Лемюльва Гулливера. Ч. I и II. М., 1889 г. Ц. за обѣ части 4 р. 40 к.
- Свѣтухинъ, М. И.** Къ діагностикѣ болѣзней сердца. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р.
- Святловскій, В. В.** Фабричная гигиена (163 рис.). Спб., 1891 г. Ц. 4 р.
— Бракъ. Совѣты и предостереженія врача. Одесса, 1894 г. Ц. 30 к.
- Сѣлли, Джемсъ.** Геніальность и похлѣпательство. Спб., 1895 г. Ц. 15 к.
- Селивановскій, И.** Ночь на Рождество. М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Семеновъ, Д.** Рождественская сказка. М., 1887 г. Ц. 1 р.
- Семеновъ, С. Т.** Крестьянскіе рассказы, съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Серас, Матильда.** Продай, любовь! Романъ. М., 1896 г. Ц. 60 к.
- Сервантесъ.** Славный рыцарь Дон-Кихотъ Лиманчскій. Т. I. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Донъ-Кихотъ, томы I и II. М., 1895 г. Ц. за два т. 5 р.
- Серебренниковъ, В.** Ученіе Юлія о врожденныхъ началахъ званія и вѣрности. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Сигеле.** Преступная толпа (опытъ индуктивной психологій). Спб., 1893 годъ. Ц. 80 к.
- Сикорскій.** Запканіе. Спб., 1899 г. Ц. 3 р.
- Симсонъ, Ѳ.** О невиданѣхъ событіяхъ водданыхъ. Спб., 1892 г. Ц. 4 р.
- Сиповскій, В. Ц.** Сократъ и его время. Историческій очеркъ. П. Короленко, В. Г. Тѣни. (Фантазія). М., 1894 г. Ц. 85 коп.
- Скабичевскій, А. М.** Исторія восточной русской литературы. 1848—1892гг. 2-е изд. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.
— Очерки исторіи русской культуры (1700—1868 г.). Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
— Сочиненія: критическіе этюды, публицистическіе очерки, литературнымъ характеристика (въ 2-хъ томахъ). Спб. 1895 г. Ц. 3 р. Изданіе 2-ое.
- Скворцовъ.** Гигіена. Спб., 1881 г.
- Скворцовъ, Ир. П., проф.** Основные вопросы лечебной гигиены. Оздѣль первый. Лечение климатическое. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Скворода, Г. С.** Сочиненія собранія и редактироваными проф. Д. И. Багалъевичъ. Харьк., 1894 г. Ц. 4 р.
- Сковронская, Марія.** Изъ жизни фантазія. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Скоровъ, А.** Сборникъ узаконеній и распоряженій правительства о крестьянахъ. Т. I (изд. 3-е). Уфа, 1891 г. Ц. 5 р. Т. II. М., 1893 г. (изд. 2-е). Ц. 4 р.
— Уставъ горный. Т. I (изд. 3-е). М., 1895 г. Ц. 4 р. Т. II. Уставъ о частной золотопромышленности. М., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.
— Уставъ лечебныхъ заведеній вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ. М., 1894 г. Ц. 70 к.
- Скоровъ.** Русскіе судебные ораторы и извѣстныхъ уголовныхъ процессовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 75 к.
— Формы приговоровъ сельскихъ и помещичьихъ сходовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Скоровъ и Подьянскій.** Своя уставовъ о службѣ гражданской. Т. I. Уставъ о службѣ по опредѣленію отъ правительства. М., 1895 г. 2 тома. № на за оба тома 4 руб.
- Сказки русскихъ писателей для дѣт.** Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
- Сказки русскаго народа.** 7 в. М., 1844 г. Ц. каж. выпуска 25 к.
- Сказка про лису да про волка.** М., 1821 г. Ц. 25 к.

- Дезскинский, А.** Бунтъ военныхъ поселятъ въ холеру 1881 г. Новг., 1894 г. Ц. 1 р.
- Доваръ** юридической терминологіи къ источникамъ римскаго права. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
- Довцовъ, И.** Обзорніе Россійской имперіи. М., 1886 г. Ц. 45 к.
- Майльсъ, Самуэль.** Путешествіе мальчика вокругъ свѣта. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Характеръ. Воспитаніе и образованіе. Изд. шестое. Спб., 1889 г. Ц. 90 к.
- Саморазвитіе, умственное, нравственное и практическое. Съ дополнительною статьей „Русскіе дѣятели“. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Умъ и энергія. Характеристики изъ жизни великихъ людей. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Долгъ (Нравственныя обязанности человека). Изд. второе, исправлен. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Мирновъ, А.** Живыя картинки сборникъ рассказовъ. Спб., 1895 года. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетъ 2 р.
- Москва—Самаркандъ. (Путевыя впечатлѣнія). М., 1895 г. Ц. 40 к.
- Мирновъ, В.** О внутренности земли. М., 1895 г. Ц. 80 к.
- Мирнова, А. П.** Изъ жизни нашихъ предковъ. Спб., 95 г. Ц. 1 руб. 50 к.
- Негиревъ.** Судебныя драмы. А. Бартевель. Убіиство Висновской. Г. Шамбля. Убіиство Гривъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Жизнь и смерть Сократа. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Оболевскій, А. И.** Фонетика церковно-славянскаго языка. М., 1891 г. Ц. 1 р.
- Лекціи по исторіи русскаго языка. Спб., 1891 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р.
- Оболевскій, Н. И.** Собраніе алгебраическихъ задачъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.
- Юважю, Давидъ.** Реализмъ и натурализмъ въ литературѣ и искусствѣ. Пер. А. Серебряковой. М., 1891 г. Ц. 2 р.
- Ювѣтовъ.** Итальяско-русскій словарь. М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Юколовъ, В. Д.** Промлое и настоящее земли. М., 1890 г. Ц. 50 к.
- Москва—Самаркандъ. (Путевыя впечатлѣнія). М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Юколовъ, Н.** Науки развиваютъ ли умъ или даютъ только знанія. Москва, 1895 г. Ц. 20 к.
- Юковнинъ, А.** Быть и казаться. Спб., 95 г. Ц. 2 р.
- Юлогубъ, Э.** Стихи. Книга 1-я. Спб., 1896 г. Цѣна 50 к.
- Юнна.** Геометрія теоретическая и практическая. М., 1878 г. Ц. 4 р.
- Зорокинъ, В.** О волостномъ и сельскомъ управленіи. М., 1887 г. Ц. 50 к.
- Юфокль.** Эдикъ въ Колошѣ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
- Эдикъ-царь. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
- Филокетъ. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.
- Электра. Кіевъ, 1888 г. Ц. 40 к.
- Спенсеръ, Гербертъ.** Начала социологіи (обрядовыя учрежденія). Кіевъ, 1890 г. Ц. (1 р. 50 к).
- Основныя начала. Пер. Алексѣева. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Спиноза, Бенедиктъ.** Этика, съ приложеніемъ портрета. М., 1892 г. Ц. 2 р.
- Трактатъ объ усовершенствованіи разума. Одесса, 1893 г. Ц. 75 к.
- Справочная книга для ремесленниковъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Среди цѣтловъ. Рассказы стараго садовника. 2-е изд. Спб., 95 г. Ц. 2 р.
- Средина и постоянство. (Свящ. книга почитователей Конфуція). М., 96 г. Ц. 25 к.
- Ставровскій, Л.** Жизнь и солнце. Х., 1892 г. Ц. 1 р.
- Станюковичъ.** Безшабашный. (Изъ современныхъ нравовъ). Рассказъ. М., 1894 г. Ц. 30 к.
- Станюковичъ, К. М.** Отверженные. Ром. въ двухъ част. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Степовичъ, А.** Очерки изъ исторіи славянскихъ литературъ. Кіевъ, 1898 г. Ц. 75 к.
- Стенинъ, П. А.** Востокъ. Историко-географическое и этнографическое обзорніе левальскаго мира. Спб., 1892 г. Ц. въ перепл. 6 р.
- Стэнли, Г.** Какъ я отыскалъ Ливингстона. Спб., 1874 г. Ц. 3 р.
- Стернгъ, А. В.** Бракъ по любви. Повѣсть. Москва, 1893 г. Ц. 50 коп.
- Очулась. (Изъ дневника Натальи Сергеевны). Пов. М., 1893 г. Ц. 30 к.
- Стокгэмъ, Алиса В., д-ръ медицины.** Токология или наука о дѣтороженіи. Изд. 2-е, съ предлол. гр. Л. Н. Толстого. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 25 коп.
- Стопповская, Анна.** Очеркъ исторіи культуръ китайскаго народа. Ц. 3 р. М., 1891 г.
- Стороженко, Н. И., проф.** Повѣія мировой скорби. Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.
- Страбонъ.** Географія (въ 17 кн. въ I томѣ). Пер. съ греч. Э. Г. Мищенко. Ц. 10 р. М., 1874 г.
- Страховъ, Н.** Міръ какъ цѣлое, черты изъ науки о природѣ. Изданіе 2-е. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
- Краткая методика закона Божія. М., 1891 г. Ц. 50 коп.
- Строковскій, В.** Токарное и слесарное ремесла. М., 1893 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Струве, Генрихъ.** Введеніе въ философію. Варшава, 1890 г. Ц. 8 р.
- Струнниковъ, А.** Вѣра какъ увѣренность по ученію православія. Самара, 1887 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Начатки философіи. М., 1888 г. Ц. 1 р. 60 коп.

- Судебныя драмы.** Жанъ Дела-
лонжъ. Ц. 80 к.
- Грѣхъ Кастоло. Поэтическое сумаше-
ствіе. Ц. 30 к.
- Убіѣство Маріи Анны и ея дѣтей. Ц.
20 коп.
- Убіѣство Бефани. Ц. 40 к.
- Шайка Лемара. Ц. 30 к.
- Сборникъ процессовъ всѣхъ странъ.
Ц. 30 к.
- Дуэль Пушкина. Ц. 40 к.
- Ольга Палемъ (Убіѣство студента Дов-
нара). М., 1896 г. Ц. 1 р.
- Сундквистъ, Оскаръ, и Марія
Лазарева.** Учебникъ новой практи-
ческой и первой научной методы крой-
ки дамскаго, дѣтскаго и верхняго платья
всѣхъ фасоновъ. М., 1892 г. Ц. съ ат-
ласомъ 8 р.
- Суриковъ, И. Э.** Стихотворенія.
М., 1884 г. Ц. 2 р.
- Сѣровъ, А. Н.** Критическія статьи.
Т. I, II, III, IV. Спб., 1892—1896 гг.
Ц. за всѣ 4 т. 6 р.
- Сюевъ, А.** Луженіе, цинкованіе и
освинцованіе. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Тайныя морозы.** Выпускъ I и II. М., 1895
г. Ц. 20 к. и 15 коп.
- Талдыкинъ, М.** Обязательный
текстъ къ атласу чертежей слесарно-то-
карныхъ работъ, составленному пригъ-
нательно въ программы ремесленныхъ
училищъ. М., 1892 г. Ц. атласа съ тек-
стомъ 6 р.
- Тардъ, Ж.** Законы подражанія. Спб.,
1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Тардъ, Г.** Судимость искусства. Спб.,
1896 г. Ц. 30 к.
- Таренецкій, А., проф.** Каведра и
музей нормальной анатоміи при импе-
рат. военно-медицинской (бывшей ме-
диико-хирургич. академіи) въ Петер-
бургѣ, за сто лѣтъ. Истор. оч. Спб.,
1895 г. Ц. 3 р.
- Терешкевичъ.** Дядя Червытъ. М.
1891 г. Ц. 60 к.
- Тжаска, А.** Русская азбука съ при-
бавленіемъ церк.-слав. азбуки. М., 96
года. Ц. въ папѣ 30 к.
- Тикноръ.** Исторія испанской литера-
туры. Пер. Н. И. Стороженко. Т. I. Ц.
3 р. М. 83 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1886 г.
Т. III. Ц. 3 р. 50 к. М., 1891 г.
- Тимирязевъ, К.** Черльзъ Дарвинъ и
его ученіе. Москва, 1894 г. Ц. 1 руб.
50 к.
- Земледѣіе и фвізіологія растений. Ч. I.
Ворьба растенія съ засухой. М., 1893 г.
Ц. 50 к. Ч. II. Происхожденіе азота
растеній. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Тиндаль, Джонъ.** Теплога, рассмат-
риваемая какъ родъ движенія. Изд. 2-е
М., 1888 г. Ц. 8 р. 75 к.
- Тихомировъ, Д. И.** Опытъ плана и
конспекта элементарныхъ занятій. Методическое пособие для преподавателя эле-

- ментарной школы. Изд. 8-е. М., 1892
г. Ц. 55 к.
- Азбука правописанія. Ч. I. Сборникъ
для дѣтскихъ пригъровъ и статей
главнѣйшіе случаи употребленія буквъ
съ приложеніемъ краткаго орфографиче-
скаго указателя. 17 изд. Ц. 40 к. Ч.
II. Сборникъ для дѣтскихъ пригъровъ
и статей на главнѣйшіе случаи употре-
бленія знаковъ препинанія. 9 изд. Ц.
40 к. М., 1892 г.
- Книга для церковно-славянскаго че-
тенія. Руководство для преподавателей на-
чальныхъ училищъ. Изд. 3-е. М., 1892
г. Ц. 1 р.
- Азбука церковно-славянскаго для на-
чальныхъ упражненій въ церковно-
славянскомъ чтеніи. Изд. 6-е. М., 1892 г.
Ц. 6 к.
- Какъ жить по слову Божію? Русскій
сборникъ статей и изреченій, содержа-
щихъ въ себѣ нравственное ученіе на
книгъ Ветхаго и Новаго Завета. М.,
1892 г. Ц. 5 к.
- Школа грамотности. Книга для на-
чальнаго обученія русскому и цер-
ковно-славянскому чтенію, писанью и
арметикѣ. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 5 к.
- Какъ учить читать, писать и считать
на первой ступени обученія. Обязатель-
ное руководство для учащихся и
бухварю. Изд. 12-е. М., 1893 г. Ц. 40 к.
- Изъ исторіи родной земли. Серия 1
разказы для школы и народа. Ч. I. Дрв-
няя Россія. Ц. 50 к. Ч. II. Новая Рос-
сія. Ц. 40 к. М., 1893 г.
- Методика обученія грамотѣ, обяза-
тельному чтенію, толковому выложенію
мыслей, грамматикѣ, правописанію и
церковно-славянскому чтенію. Руб-
водство для учителей. Изд. 3-е. М.
1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Книга для церковно-славянскаго че-
тенія. Ч. I. Руководство для учителей на-
чальныхъ училищъ. Изд. 8-е. Ц. 30 к.
Ч. II. Руководство для учителей на-
чальныхъ и городскихъ училищъ. Изд.
3-е. Ц. 20 к. М., 1894 г.
- Элементарный курсъ грамматикѣ для на-
родскихъ и двухклассныхъ училищъ.
Изд. 45-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.
- Начатки грамматикѣ. Руководство для
начальныхъ сельскихъ училищъ и дру-
гихъ элементарныхъ школъ. Изд. 84-
е. М., 1894 г. Ц. 15 к.
- Вѣсныя всходы. Первая послѣ азбуки
книга для класснаго чтенія и бесѣдъ.
М., 1896 г. Ц. 30 к.
- Вѣсныя всходы. Книга 2-я. М., 1896
г. Ц. 35 коп.
- Вѣсныя всходы. Руководство для уч-
теля къ 1-й и 2-й книгѣ. М., 1896 г.
Цѣна 30 коп.
- Тихомировъ, Д., и Зенгбушъ,
И.** Начатки географіи. Руководство для
народныхъ училищъ и другихъ элементар-

Шмъкъ школь. Изд. 5-е. М., 1894 г. 30 к.

Смирновъ, Д., и Тихомировъ, Е. Букварь для совѣстнаго обученія письму, русскому и церковно-славянскому чтенію и счету. Для народныхъ оубъ. Изд. 60-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.

Гентеръ, И. Алгебра (съ обширными собраніемъ примѣровъ). Сиб., 91 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гарскій, А. А., приватъ-доцентъ с.-унив. Пекичскаго эпидеміи. М., 93 г. Ц. 25 к.

Происхождение и развитіе нравственныхъ чувствъ. М., 1895 г. Ц. 25 к.

Ипнотизмъ въ педагогіи. Ц. 20 к.

Международный конгрессъ по экспериментальному и терапевтическому гипнозису. М., 1889 г. Ц. 10 к.

Въ вопросу о вредномъ вліаніи гипнозирования. Сиб., 1889 г. Ц. 50 к.

Беряченіе и болѣзнь судорожныхъ пригизаній. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Гипнотическое примѣненіе гипнозиса. М., 1890 г. Ц. 60 к.

Квицль, Алексисъ. Воспоминанія. ер. В. Невѣдомскаго. Ц. 2 руб. М., 193 г.

Кстой, Л. Н. Плоды просвѣщенія. омедія въ 4-хъ д. Кіевъ, 1892 г. Ц. 15 к.

„Ходите въ свѣтъ“ и другія проповѣданія, вошедшія въ XIV томъ полнаго собранія сочиненій. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Смерть Ивана Ильича. Кіевъ, 1891 г. Ц. 10 к.

Хозяинъ и работникъ. М., 1895 г. Ц. 20 к.

Рминъ. Опытный маляръ и живописецъ. Руководство къ исполненію всякаго рода малярныхъ работъ. Составленіе различнаго рода лаковъ и роскокъ. Брозвирова. Писаніе вытѣрокъ. Сиб., 1895 г. Ц. 1 р.

Грозная и дѣловая корреспонденція. І., 1896 г. Ц. 1 р.

Аутшольдъ, Г. Основы геологіи. І. П. Палеонтологія. М., 1876 г. Ц. 2 р. 5 к.

Часть III. Стратиграфія. М., 1877 г.

Лачевскій, Д. Древняя исторія. Изд. 5-е. Сиб., 1889 г. Ц. 2 р.

Новая исторія. Сиб., 1889 г. Ц. 2 р. 50 к.

Русская исторія, 2-е испр. изд., съ 96 рисунками, 6 картами, 6 планами и 8 раскрашенными картинками. Въ 2 часахъ. Сиб., 1895 г. Ц. 8 р. въ перелетѣ 9 р. 60 к.

Ренделенбургъ, Адольфъ. Логическія изслѣдованія. Пер. Е. Корша. Ч. I, д. 2 р.; ч. II, д. 2 р. М., 1868 г.

Рефолевъ, Л. Н. Стихотворенія (64—93 г.). М., 1894 г. Ц. 2 р.

Роизцкій, М. Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи. Т. I и II. М., 1883 г. Цѣна за оба тома 6 р.

Тройновскій. Первая помощь у себя дома и на волѣ битымъ въ отсутствіи врача. Изд. 2-е. Сиб., 1893 г. Ц. 1 р. 30 к.

Трубецкой, Евг., кн. Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V-мъ вѣкѣ. Ч. I. Мірооверпаніе блж. Августина. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Трубецкой, С., кн. Многое язычество или ложное христіанство? Отвѣтъ о. Буткевичу. М., 1891 г. Ц. 20 к.

Тумскій, К. И. Алюминій и сплавы съ нимъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.

— Противуаразныя средства и дезинфекція. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Тургеневъ. Стихотворенія. Изд. 2-е. Сиб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Турскій, М. Лѣсоводство. М., 1892 г. Ц. 2 р. 80 к.

— Лѣсоводственные орудія и инструменты. М., 1893 г. Ц. 60 к.

— Сборникъ статей по лѣсоразведенію. М., 1894 г. Ц. 70 к.

*— Таблицы для таксаціи лѣса. М., 1896 г. Ц. 50 к.

Турскій, М., и Яшновъ, Л. Опрежденіе древесины, вѣтвей и сѣмянъ главнѣйшихъ древесныхъ и кустарничьихъ породъ по таблицамъ. 2-е изд. М., 1893 г. Ц. 75 к.

Тьюкъ, Хэкъ. Духъ и тѣло, дѣйствіе психики и воображенія на физическую природу человѣка. Пер. П. Викторова. М., 1888 г. Ц. 2 р. 50 к.

Тѣнь, Г. Титъ Лавій, критическое изслѣдованіе. Пер. А. Иванова и Е. Щепкина. Ц. 1 р. 50 к. М., 1885 г.

Тѣнь, И. Чтеніе объ искусствѣ. Пять курсовъ лекцій. Изд. третье, исправлен. Сиб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.

Тѣнь. Критическіе омыты. Сиб., 1869 г. Ц. 1 р. 75 к.

Уайтъ, Г. Биссофанія. М., 96 г. Ц. 75 к.

Уильямсъ, Х. Этика пищи или нравственные основы безубойнаго питанія. Перев. съ англійск. Со статьей Л. Н. Толстого „Первая ступень“. М. 1893 г. Ц. 2 руб.

Указатель книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 1 р.

Указатель русскихъ книгъ и брошюръ по богословскимъ наукамъ. М., 1891 г. Вып. I. Ц. 25 коп. Вып. II. Ц. 40 к.

Ульцманнъ, Робертъ, проф. Лекціи по болѣзнямъ мочевыхъ органовъ. Вып. IV и V послѣдній. Пер. подъ ред. док. мед. Н. П. Федченко. Хар., 1893 г. Ц. 1 р.

Урусовъ. Полицейскій урядникъ. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Усовъ, С. А. Сочиненія. Томъ I. Статьи зоологическія. М. 1888 г. Ц. 3 р. 50 к.

Успѣнскій, П. П. содержаніе ра-

- стей въ комнатахъ. Сиб., 1895 г. Ц. 1 р. (изд. 8-е).
- Уставъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ съ разъясненіемъ вопросовъ, возникшихъ на практикѣ при его примѣненіи.** Изд. 4-е. Сиб. 1894 г. Ц. 2 р.
- Ученыя записки Императорскаго Московскаго университета. Отдѣлъ историко-филологическій.** Вып. XII. М., 1891 г. Ц. 2 р.
- Файнштейнъ, С.** Мнемоника. 5-е изд. Одесса, 95 г. Ц. 35 к.
- Файфъ, Ч. А.** Исторія Европы 19 в. Т. III, пер. подъ ред. Лучицкаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1890 г.
- Фалькенбергъ.** Исторія новой философіи отъ Николая Кузанскаго (XV в.) до настоящаго времени. Сиб., 1894 г. Ц. 3 р.
- Фарраръ, Ф. В.** Жизнь Иисуса Христа. Пер. съ англійскаго Ф. М. Матѣева. Изд. 2-е, испр и доп. Въ 2-хъ ч. М., 1892 г. Ц. 1 р 50 к.
- Фарраръ, В.** Женщины у домашняго очага. П., 1896 г. Ц. 25 к.
- Фаусеттъ.** Популярная политическая экономія. Сиб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Федоровъ, П. А., ТЕХН.** Иллюстрированный, домашній ремесленникъ. Школа работъ. Столярныхъ. Окрашиваніе дерева. Выпловочныхъ и мозаики. Токарныхъ. Рѣзныхъ. Кузнечныхъ. Слесарныхъ. Щеточныхъ. Гипсовыхъ и напѣ-мапѣ. Картонажно-футлярныхъ и перешитныхъ. Съ 406 рисунк. въ текстѣ. Сиб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Федоровъ.** Зубы и ихъ сохраненіе. Сиб., 1889 г. Ц. 60 к.
- Изъ прошлаго и настоящаго. Ц. 1 руб. 25 к.
- Федоровичъ, Флоріанъ.** Сельскохозяйственная архитектура. Сиб., 1898 г. Ц. съ атласомъ 5 р.
- Федосѣевъ, П. А.** Выборъ, установка и уходъ за фабричными паровыми котлами, машинами и приводами. Съ приложеніемъ новаго закона 30 июля 1890 г. объ устройствѣ, установкѣ и содержаніи паровыхъ котловъ и о порядкѣ ихъ освидѣтельствованія. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Фейгинъ, Ф., Д-ръ мед.** Привычные запоры и геморрой, причины ихъ развитія и средства къ изцѣленію. Сиб., 1895 г. Ц. 50 к.
- Фельдбергъ, Матильда.** Химическая чистка платъ и стирка бѣлья. М., 1894 г. Ц. 50 к.
- Ферьеръ, Э.** Дарвинизмъ (общедоступное изложеніе теоріи Дарвина), изд. 2-е. Сиб., 1894 г. Ц. 60 к.
- Ферре.** Фотографированіе безъ фотографіи. М., 1895 г. Ц. 75 к.
- Легкое и дешевое фотографированіе. М., 1895 г. Ц. 75 к.
- Ферри, Энрико.** Преступленія и преступники въ наукѣ и жизни. Сиб., 1890 г. Ц. 40 к.
- Филипповъ, Сергій.** Подъ крестомъ небомъ. М., Ц. 1 р.
- * — Около жизни и смерти. М., 1891 г. Ц. 1 р.
- Финдей, Георгъ.** Греція подъ властью владычествомъ. Пер. Соф. Вентено. Ц. 4 р. М., 1877 г.
- Филипповъ, Ал.** Исторія семилѣтняго правленія верховнаго тайнаго совѣта кабинета. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 3 р. 40 к.
- Фиске, Джонъ.** Открытіе Америки съ краткимъ очеркомъ древней Америки и испанскаго завоеванія Перу и Колумба. Т. I. Ц. 2 р. М., 1892 г. Т. II. Ц. 2 р. М., 1893 г.
- Фишеръ, Г.** Практическій мануалъ Практическаго руководствъ къ фабрици всѣхъ сортовъ шила во всякомъ усовершенствованномъ приѣмѣ. Сиб. 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Фламмаріонъ, К.** По волнамъ вѣчности. Сиб., 1893 г. Ц. 80 к.
- Въ небесахъ. 2 изд. Сиб., 1892 г. Ц. 30 к.
- Разсказы о небѣ. Сиб., 1893 г. Ц. 20 к.
- Конецъ міра. 1895 г. Ц. 60 к.
- Общедоступная астрономія. Сиб., 1894 г. Ц. 80 к.
- Флеровъ, А.** Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ. Одесса, 1894 г. Ц. 60 к.
- Грамматика древняго церковнаго языка. Одесса 1894 г. Ц. 50 к.
- Фойгтъ, Георгъ.** Возрожденіе классической древности или первый шагъ гуманности. Переводъ И. П. Радаки. Т. I. Ц. 3 р. 50 к. М., 1884 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1885 г.
- Фонвизинъ, С.** Конецъ дворянства. Рассказъ. 1894 г. Ц. 30 к.
- Фортуатовъ, А.** Сельскохозяйственная статистика Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Урожай ржи въ Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Фонъ-Хейденфельдъ.** Изъ классической жизни по поводу Крейлеровой пьесы. Пер. съ нѣм. Москва, 1895 г. Ц. 40 коп.
- Французъ и русскіе въ Крыму.** Писанъ франц. офицера къ своей семьѣ во время восточной войны. Пер. съ фр. И. Лютина. Минскъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Фредерикъ, Л., проф.** Практическія упражненія по физиологіи. Сиб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Фрѣпонъ, Г.** Акварель. Морскія виды. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Акварель. Пейзажъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Цвѣты и плоды. М., 95 г. Ц. 1 руб.
- Акварель. Насѣкомыя, птицы, рыбы. М., 95 г. Ц. 1 р.
- Фрикентъ.** Римскіе вазы и вазеточки первоначальнаго христіанскаго искусства. Часть I. Ц. 1 р. М. 75 к.

Часть II. Ц. 1 р. 50 к. М. 77 г. Часть III. Ц. 1 р. 50 к. М. 80 г. Часть IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 85 г.

РИКЕНЪ, А. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. I. Ц. 2 руб. М., 1891 г. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. 2-я. М., 1895 г. Ц. 2 р.

РИМАНЪ, ЭДУАРДЪ. Историческая географія Европы. Пер. под редакц. профес. И. К. Лучинскаго. Т. I. (текстъ). Т. II (карты). Цѣна 6 р. за оба тома. М., 1892 г.

Методы изученія исторіи. Пер. П. Николаева. Ц. 2 р. М., 1893 г.

УЛЛЬЕ, АЛЬФОНСЪ. Исторія философіи. Пер. П. Николаева. М., 1894 г. Ц. 3 р.

Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.

УЛЬЕ АЛЬФРЕДЪ. Декартъ. Пер. подъ редакціей профес. Грота. М., 1894 г. Ц. 80 коп.

Страданіе и удовольствіе и о выраженіи душевныхъ волненій. Сиб., 1895 г. Ц. 25 к.

— Темпераментъ и характеръ. М., 1896 г. Ц. 1 р.

УРНЬЕ, А. Лечение сифилиса. Пер. Гомсева. Изд. 2-е. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

УЙЕ. Происхожденіе міра. Критика гипотезы Ламласа и собственная теорія автора. Съ добавленіемъ космогонической гипотезы К. Вольфа. Пер. со 2 доп. изд. Изд. 2-е. Сиб., 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.

УЮСТЬЕЛЬ-ДЕ-КУЛАНЖЪ. Древняя гражданская община. Исслѣдованіе о культахъ, правахъ, учрежденіяхъ Греціи и Рима. М., 1895 г. Ц. 2 р.

УВОЛЬСОНЪ, О. Докторъ физики. Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнетизмѣ (2-е изд.). Сиб., 1888 г.

УИГГИНСОНЪ, Т. Здравый смыслъ и женскій вопросъ. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.

УИТРОВЪ, М. Евстафій Плакида. М., 1888 г. Ц. 50 к.

УОДЖЕТСЪ, И. Эдрикъ мореплаватель. Сиб., 90 г. Ц. 1 р. 20 к.

УКРИСТІАНОВИЧЪ, П. Опытъ устройства общеобразовательной школы съ цѣлью большей подготовкы учащихся къ жизни. М., 1894 г. Ц. 40 к.

УКРУЦОВЪ, П. Введеніе къ изученію теоріи химическихъ равновѣсій. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

УДВѢТКОВЪ, А. А. Новѣйшіе русскіе писатели (для старшихъ классовъ гимназій и домашнего чтенія), съ 27 портретами. Сиб., 1883 г. Ц. 3 р.

— Электрическое освѣщеніе въ примѣненіяхъ къ жизни и военному искусству, (151 рис.). Сиб., 1885 г. Ц. 2 р. 50 к.

УДВѢТКОВЪ, Н. Практическій курсъ русскаго правописанія (согласованъ съ

„Руководствомъ Я. Грота“). Ч. I и II. Ц. по 50 коп. Тула, 1895 г.

УДИГЕНЪ, Т. Физиологическая психологія. Сиб., 1893 г. Ц. 75 к.

УДИЦЕРОНЪ. Рѣчь за царя Дейотара. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.

— Рѣчь противъ Верреса (о казняхъ). Ц. 60 к.

— Рѣчь за Архіа. поста 1891 г. Ц. 30 к.

— Рѣчь къ судьямъ за Т. Аннія Милона. 1892 г. Ц. 60 к.

— Первая филиппика противъ Марка Антонія. Ц. 30 к.

— Вторая филиппика противъ Марка Антонія. Ц. 50 к.

— Рѣчь въ защиту Секста Роспіа Америкскаго. Ц. 60 к.

— Рѣчь противъ Калптинны. Ц. 50 к.

Рѣчь за Луція Муруну. Ц. 40 к. Рѣчь за Квинта Лигарія. Ц. 30 к.

— Рѣчь о назначеніи Гнея Помпея полководцемъ. Ц. 50 к.

— Тускуланскія бесѣды. Книга I. О презрѣніи къ смерти. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.

— Книги 2 и 3-я. О перенесеніи боли и объ утѣшеніи печали. 1889 г. Ц. 75 к.

— Книга 4-я. Объ остальныхъ душевныхъ волненіяхъ. Книга 5-я. О добродѣтели. 1889 г. Ц. за обѣ книги 75 к.

УРИКОВЪ, Н. Темы и планы ученическихъ сочиненій. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Частный починъ въ дѣлѣ народнаго образованія. М., 1895 г. Ц. 1 р.

УЧЕЛОВЪ, АНТ. П. Жена. Рассказъ. М., 1894 г. Ц. 25 к.

— Именины. Рассказъ. М., 1898 г. Ц. 20 к.

— Палата № 6. Рассказъ. М., 1893 г. Ц. 35 коп.

— Въ сумеркахъ. Изд. 7-е. Сиб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Рассказы. Изд. 8-е. Сиб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Палата № 6. Изд. 3-е. Сиб., 1893 г. Ц. 1 р.

— Каптанка. Изд. 3-е. Сиб., 1893 г. Ц. 50 к.

— Дуэль. Изд. 4-е. Сиб., 1894 г. Ц. 1 р.

УЧЕЛПАНОВЪ, Г. Проблема воспріятія пространства въ связи съ ученіемъ объ апріорности и врожденности. Ч. I. К., 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

УЧЕШИХИНЪ, ЕВГРАФЪ ВАС. Краткая исторія прибалтійскаго края. Изд. 2-е. Рига, 1894 г. Ц. 35 к.

УЧЕШИХИНЪ, ВСЕВ. Жуковский, какъ переводчикъ Шиллера. Ц. 60 к.

— Стихи. Ц. 1 р.

УЧИЖЪ, В., проф. Криминальная антропология. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

УЧИКОЛЕВЪ, Д. Руководство къ приготовленію и сжиганію фейерверковъ съ описаніемъ устройства электрическаго освѣщенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.

УЧИЧЕРИНЪ, Б. Н. Положительная философія и единство науки. М., 1892 г. Ц. 8 р.

— Основанія логики и метафизики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

- Опыт по исторіи русскаго права. М., 1858 г. Ц. 1 р.
- Нѣсколько современныхъ вопросовъ. М., 1862 г. Ц. 1 р.
- Курсъ государственной науки. Ч. I. Общее государственное право. Москва, 1894 г. Ц. 3 р.
- Ч. II. Соціологія. Москва, 1896 г. Ц. 3 р.
- Собственность и государство. Т. I. М., 1892 г. Ц. 4 р. Т. II. М., 1893 г. Ц. 4 р.
- Очерки Англии и Франціи. Москва, 1858 г. Ц. 1 р.
- Исторія политическихъ учений. Чч. 2, 3 и 4. Ц. каждой части 3 р.
- Чмыревъ, Н. Кобзарь Т. Г. Шевченка.** М., 1874 г. Ц. 1 р.
- Чудиновъ, А. Н.** Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Спб., 1894 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Чуевскій, И. А., д-ръ.** Конспектъ физиологіи человека. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Чумасовъ, К. А.** Практическое руководство по мыловаренію. М. 1893 г. Ц. 40 к.
- Шалуи.** Юмористическія сценки съ рисунками Буша. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Шамуринъ - Макарьевскій, Н. В.** Сельское хозяйство. Съ 110 рис. Четвертое дополнен. изд. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Шараповъ.** По русскимъ хозяйствамъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.
- Швейеръ-Лерхенфельдъ, А. Ф.** Женщина. Ея жизнь, нравы и обществен. положеніе у всѣхъ народовъ земного шара. Переводъ съ нѣмец. Спб., 1892 г. Ц. въ роскош. переп. съ 200 рисунк. 3 р. 75 к.
- Швингаммеръ и Кикъ, Вильгельмъ.** Простѣйшая школа кройки для драпировщиковъ и декораторовъ. Съ рисунками на 10-ти отдѣльныхъ листахъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Шекспиръ.** Драматическія сочиненія, въ пер. Кетчера, въ 9 част. Ц. первыхъ 8 част. по 1 руб.; цѣна. 9 ч. 2 руб. М., 1862 г.
- *— Гамлетъ принцъ Датскій. Кіевъ, 1896 г. Ц. 15 к.
- Шелли.** Сочиненія. Вып. I и II. Спб., 1894 г. (изд. 3-е). Ц. кажд. вып. 50 к.
- Вып. III. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
- Шелгунова, Л. П.** "Звѣздочка". Разсказы для маленькихъ дѣтей. Съ рисунк. Спб., Ц. 1 р. 25 к.
- Шелгуновъ, Н. В.** Сочиненія въ 2-хъ томахъ. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Цѣна за оба тома 3 р.
- Очерки русской жизни. Спб., 1896 г. Ц. 2 р.
- Шенланкъ, Бруно.** Промысловые синдикаты. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Шенрокъ, В. И.** Матеріалы для географіи Гоголя. М., 1895 г. т. I ц. 1 р., т. II ц. 2 р., т. III ц. 3.
- Шербюлье, Викторъ.** Искусство и природа. Новая теорія изящныхъ искусствъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шерръ, Юганнъ.** Шиллеръ в юности. М., 1875 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Всеобщая исторія литературы. Вып. IV. Пер. подъ ред. П. И. Вейсера. Изд. Байкова. Принимается подписка. Ц. 4 р. безъ дост., съ пер. и дост. 8 р. Вып. 1, 2, 3, 4 и 5 вып.
- Шервинскій, М.** Образцы архитектурныхъ деталей (15 листовъ образцовъ). Спб., 1891 г. Цѣна 1 р. и выше 6 рублей.
- Шиллеръ, Ф. Вильгельмъ Тель.** Изд. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
- Заговоръ Фіеско въ Генуѣ. Кіев, 1892 г. Ц. 25 к.
- Пѣсь о колоколѣ. Ц. 30 к. М., 1891 г.
- Шилтовъ, А., проф.** Сремъ и Бомбиковъ. (Посмертныя записки графа-философа). Харьковъ, 1895 г. Ц. 40 к.
- Шильдбахъ.** Дѣтская гимнастика. Изд. 2-е. Спб., 1887 г. Ц. 75 к.
- Шимко.** Патриаршіи казенный приказъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Шипкинъ, А. Н.** Сельско-хозяйственная экономія. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Шлоссеръ, Ф. К.** Исторія XVI столѣтія и XIX-го до паденія Француской имперіи. 8 томовъ. Спб., 1893 г. Ц. 10 р.
- Шмейдлеръ.** Желѣзно-дорожники. Спб., 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шмидтъ, Карлъ.** Исторія магнетизма, наложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ организмическомъ отношеніи къ культурной жизни народовъ. Пер. Э. Циммермана. Т. I, к. 5 руб. I. 1890 г.; т. III, к. 5 р. 50 к. М., 1890 г., т. IV, двѣ час., цѣна вмѣ 7 р. I. 1881 г.
- Шмидтъ, О.** Русалочка. М., 1892 г. Ц. 50 к.
- Шмитцъ, Л., д-ръ.** Половая жизнь человека. Одесса, 1892 г. Ц. 50 к.
- Шольцъ, Фридрихъ.** Невольности дѣтскихъ характеровъ. Пер. съ нѣмецкаго Л. Л. Сценс новаго. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шоненгауеръ, Артуръ.** Лучи свѣта его философіи. Извлечено изъ его соч. Юлиусомъ Фрауншtedтомъ. М., 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Лучи свѣта. П., 1896 г. Ц. 1 р.
- Шперкъ, Э.** Система Сильвы. Спб., 1895 г.
- Шредеръ, В., д-ръ.** Половина бытия. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
- Шредеръ, Р. И.** Хитъ и его развитіе въ Россіи и заграничій (изд. 4-е). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шредеръ, Р. И.** Русскій острокъ и

томьякъ и плодовой садъ. Спб., 1898 г. Ц. 2 руб. 50 к. (Изданіе 5-е).

Фредеръ, Учебникъ алгебры. Изд. 5-е. Спб., 1896 г. Ц. 5 р.

Фрейдеръ, Д. Японія и японцы. Спб., 95 г. Ц. 4 р.

Фтаркенбургъ, Горы отъ любви. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.

Фтейнъ, Вл. Артуръ Шопенгауэръ, какъ человекъ и мыслитель. Спб., 1887 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Графъ Джакомо Леопарди и его теорія infelicità. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Фтолль, Г. В. Великіе греческіе писатели. Спб. 1880 г. Ц. 2 р.

— Мнемъ классической древности. М., 1880 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Герои Греціи въ войнѣ и мирѣ. Спб., 1879 г. Ц. 2 р.

— Великіе римскіе писатели. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.

— Герои Рима въ войнѣ и мирѣ. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.

Фулинъ, Фридрихъ. Учебникъ исторіи римскаго права. Въ 2-хъ вып. М., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.

Шумковъ, И. В. Верблюды какъ сельскохозяйственное животное въ Россіи. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 1 р.

Шутце, Фр. Училищевѣдѣніе. Практическое ученіе о воспитаніи и обученіи для семинарій и учителей народныхъ школъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ш., Л. Невзбѣжное зло. Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 20 к.

Щепкина, А. В. Родныя мѣста. Чтеніе для дѣтей. Изд. 2-е. М., 1882 г. Ц. 1 р.

Эдвинсонъ, Г. Руководство спяки и луженія. Съ 66 подлинными въ текстѣ. М., 1894 г. Ц. 85 к.

Эдвинсонъ, Д. Какъ дѣлается маленкій электродвигатель. М., 1895 г. 2 изд. Ц. 40 к.

— Какъ сдѣлать маленькую динамо-электрическую машину. М., 1895 г. Второе исправлен. изд. Ц. 50 к.

Эйдамъ, Сохраненіе здоровья. (Общая гигиена въ примѣненіи къ обыденной жизни). Сбл., 1891 г. Ц. 40 к.

Экштейнъ, И., проф. Честь въ философіи и въ правѣ. Спб., 1896 г. Ц. 80 к.

Экштейнъ, Ф. А. Преподаваніе латинскаго и греческаго языковъ. Ревель, 1889 г. Ц. 3 р.

Экштейнъ. Въ карьерѣ. Спб., 1895 г. Ц. 15 к.

Элерсъ, Отто. Популярная политическая экономія. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.

Э—на, М. Ея Крейцера соната. К., 96 г.

Энгельгардтъ, А. Н. Фосфориты и сидерация. Спб., 1891 г. Ц. 2 р.

Эндлеръ, К. Уходъ за больными въ семьѣ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

Эртель, А. И. Двѣ вари. Повѣсть. М., 1894 г. Ц. 60 к.

— Записки степняка. Очерки и разсказы. I и II. Спб., 1883 г. Ц. 3 руб.

Эмархъ. Первая помощь. Спб., 1890 г. Ц. 80 к.

Эпинасъ, А. Соціальная жизнь животныхъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.

Южаковъ, С. Н. Афганистанъ и сопредѣльными страны. Политико-историческій очеркъ. Спб., 1886 г. Ц. 1 р. 50 к.

Юровъ, А. Систематическій курсъ логики для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.

Юрьевъ и **Владиміръскій**. Хозяйка дома. II., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Юрьевъ, Мих. Мои письма (4 дек. 1893 г. — 15 мая 1894 г.). М., 1895 г. Ц. 50 к.

— Карлъ Пятый и его время. Этюдъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.

— Спорные вопросы западно-европейской исторической науки. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Юлій Цезарь. Записки о междоусобной войнѣ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 75 к.

Якимовъ, Н. М. Бѣднѣй Тунгатай. Разсказъ изъ жизни киргизскихъ дѣтей, для дѣтей младшаго возраста. Тифлисъ, 1894 г. Ц. 15 к.

Яковлевъ, Е. Французско-русскій карманный словарь. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Янжуль, И. И., проф. Изъ психологии народовъ. Одесса, 1893 г. Цѣна 20 коп.

— Вопросъ о государственномъ вѣдѣнствѣ въ область промышленности. Спб. 1895 г. Ц. 15 к.

Янъ. Термохимія. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.

Едоровъ. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 1 р.

— Орлеанская дѣва. Пер. Шереметевскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.

— Коварство и любовь. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.

— Разбойники. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Племянникъ-дядя. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Album des chefs d'oeuvre de l'art. 16 вып. Ц. 4 р. 80 к. Отдѣльно каждый выпускъ по 35 коп.

Album universel. Съ видами Италіи, Швейцаріи, Франціи, Германіи, Турціи, Греціи и другихъ странъ. 30 выпускъ, въ каждомъ по 16 видовъ. Цѣна 39 вып. 9 р. 75 к. Каждому отдѣльно 30 коп.

Вов, Р. Н. Графическія данныя раціональнаго разчета рѣшетчатыхъ фермъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Cornelii Nepotis. Vitae excellentium imperatorum cum vita Catonis et Attici. Переводъ. Кіевъ, 1889 г. Ц. 75 к.

C. Julii. Caesaris commentarium de bello Gallico. Liber quintus. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Записки о Гальской войнѣ. Книга 1-я. Кіевъ, 1890 г. Ц. 85 к.

- Книги 2, 3, 4, 5, 6 и 7 по 50 к.
Crocker A. Wheeber. Уходъ за динамо-машинами. М., 1896 г. Ц. 1 р. 85 к.
Donjean, A. Офортъ. Руководство травления кровкой водкой на мѣдъ, цинкъ и стали. М., 1893 г. Ц. 75 к.
Hager'a, H., д-ръ. Руководство къ фармацевтической и медико-химической практикѣ, съ 7 по 25 вып., съ алфавитнымъ указателемъ. Сиб., 1895 г. Ц. 25 р.
Häusser. История реформаци. М., 1882 г. Ц. 5 р.
Herodoti historiarum. Книга первая. Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.
 — Книги 4, и 9. Ц. по 50 к.
 — Книги 5, 6, 7 и 8. Ц. по 60 к.
Heitzmann, C., Д-г. Анатомическій атласъ съ 625 рѣзанными на деревѣ рисунками. Переводъ съ 7-го нѣмецкаго изданія. За всѣ пять выпусковъ 3 р. Кіевъ, 1895 г.
Jordan, Dr. W. Руководство высшей геодезій. М., 1881 г. Ц. 8 р.
Joward, Alfred. Домашніе фильтры для очищенія воды, ихъ приготовленіе и уходъ за ними. М., 1894 г. Ц. 75 к.
Jul Parreidt. Зубы и уходъ за ними. Популярная гигиена зубовъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
Kercoff A. G. Cours gradué de langue française. Parties I, II, M., 1880 г. Ц. 1 р. 25 к. III et IV parties. M. 1892 г. Ц. 1 р. 25 коп.
Lehner, S. Клей и замазки. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
Lenhartz, H., проф. Микроскопическія и химическія изслѣдованія у постыли больного. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
Marissiaux, L., et Nomdrah, C. R. Простое устройство электрическихъ часовъ и будильниковъ. Руководство для электротехниковъ любителей. Съ 16 рисунками на отдельной таблицѣ. М., 1895 г. Ц. 35 к.
Moscou et ses environs, rues et monu-

- ments. Nouveau guide du voyageur.** 1891 г. Ц. 40 к.
Mörins, Paul, Dr. Гигіена нервныхъ людей. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
Paul Julius Mosbius. Общія дѣятели нерваыхъ болѣзней. Пер. съ фр. подъ ред. Минора. М., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
Ribot, Th. О чувственной памяти. Кіевъ, 1895 г. Ц. 40 к.
Roux, D-г и его соотрудниковъ. Методы для изученія дифтерій. Бактеріологическія и клиническія изслѣдованія. М., 1895 г. Ц. 3 р. 25 к.
Salomonsen, C., проф., и Черевковъ, д-ръ. Руководство къ практической (технической) бактериологіи. Общая и специальная часть для врачей, ветеринаровъ и студентовъ. Съ 81 рис. въ текстѣ. Харьк., 1894 г. Ц. 3 р.
Schrader, W. Гимназіи и реальныя училища воспитаніе и обученіе. Рема, 1892 г. Ц. 3 р.
Sell, д-ръ. Спиртъ и его добываніе свойствами и примѣса. Спб., 1889 г. Ц. 1 р.
Schamaus, Hans. Основы анатомической анатоміи. М., 1895 г. Ц. 6 р. (199 рис. въ текстѣ).
Tedeschi, V. Пима малелькихъ дѣтѣ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
Tillaux, P. Руководство къ топографической анатоміи въ приѣзженіи и хирургіи. Пер. съ 7 франц. изданій, под. ред. и съ приѣзженіями д-ра С. Таубера, проф. варшавскаго университета. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к. Написана дѣла за все сочиненіе (6 выпусковъ) 9 р.
Upwin. Основы построенія частей машины или изложене законовъ и условій, отъ которыхъ зависятъ размѣры и форма частей машинъ. Руководство для инженеровъ, механиковъ, строителей, фабрикантовъ для техническихъ и реальныхъ училищъ. М., 1887 г. Ц. 3 р. 50 к.
Weil-Mantou, d-г. Руководство для врачей по страхованію жизни. М., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Иностранныя книги, доставленныя книжнымъ магазиномъ Гросманъ и Кнебель въ Москвѣ.

Французскія дѣтскія книжки.

Французскія азбуки:

- L'Abedes tout petits.** Couverture en couleurs. Av. 6 grav. color., petit in 8°. Цѣна 8 коп.
L'Abe du premier âge. Couverture en couleurs. Av. 24 grav. color., petit in 8°. Цѣна 30 коп.
L'Alphabet usuel. Av. 24 grandes gravures en couleurs par Adrien-Marie; in 4°. Цѣна 65 коп.
L'Album Alphabet. Av. 27 belles illustrations en couleurs par. E. de Lip-

hart et de nombreuses gravures en noir, grand in 4°. Цѣна 1 р. 25 к.

Альбомы для дѣтей.

Первая серия.

in 4°. Цѣна по 65 коп.

- 16 стр. налеч. крупнымъ шрифтомъ, в хорошей бумагѣ, 7 картинъ въ красн. Цѣвтная обложка на картонѣ.
Le dormeur éveillé, illustré par Chervin.
Les animaux domestiques, illustré par Gambard.
Ali-Baba ou les 40 voleurs, ill. par Myrbach.

Le Pays des leurs, illustré par Gambard.

Вторая серия.

in 4°. Цена по 40 коп.

стр. напеч. крупнымъ шрифтомъ, на хорошей бумагѣ, 8 картинъ въ краск. Цвѣтная обложка на картонѣ.
Le père et soeur, ill. par Vogel.
Le magenta, ill. par Myrbach.
La petite Poucette, ill. par Job.
Le bon Quichotte, ill. par Myrbach.
Le Robinson Crusoe, ill. par Myrbach.

Третья серия.

in 4°. Цена по 20 коп.

картинъ въ краскахъ и 8 стр. текста. Цвѣтная обложка.
Le roman de l'Chanceux, ill. par Chovin.
Le Semaine de Julie, ill. par Martin.
Le vignol, ill. par Job.
Le roman L'ours, ill. par Massé.
Le roman dans la lune, ill. par Job.
Le oiseau bleu, d'après M-me d'Aulnoy, ill. par Clérico.
Le sept d'un coup! D'après Grimm, ill. par Poirson.
Le Baron de Krack, ill. par Chovin.

Четвертая серия.

in 8°. Цена по 13-ти коп.

картинъ въ краскахъ и 8 стр. текста. Цвѣтная обложка.
Le mandrillon, ill. par Grivaz.
Le pome Pouce, ill. par Vogel.
La belle journée, ill. par Steinlen.
La herbe bleue, ill. par Vogel.
Le merrot, ill. par Jazet.
Le Massaut du moulin, ill. par Tofani.
Le Chat botté, ill. par Myrbach.
Le prince Saphir, ill. par Gumery.
Le Riquet à la houppe, ill. par Vogel.

Пятая серия.

in 4°. Цена по 8-ми коп.

6 картинъ въ краскахъ и 8 стр. текста. Цвѣтная обложка.
Le Monsieur Dumolet, ill. par Vogel.
Le bon père m'a donné un mari, ill. par Bouisset.
Le Saint-Nicolas et Guilleri, ill. par Vogel.
Le Gribouille, ill. par Steinlen.
Il était une bergère, ill. par Bouisset.
Le Chevalier du Roi, ill. par Vogel.
Le M. de la Palisse, ill. par Chovin.
Le Malb'rough, ill. par Clérico.
Le Cadet Rousselle, ill. par Faria.
La Mère Michel, ill. par Faria.
Le Roi Dagobert, ill. par Chovin.
Le Abe des tous petits, ill. par Bouisset.
Le Renard et le Corbeau, ill. par Gélibest.
Sur le pont du nord, ill. par Bouisset.

Шестая серия.

in 16°. Цена по 5-ти коп.

6 гравюръ въ краскахъ и 8 стр. текста.

Цвѣтная обложка.

La Fête de Jeanne, ill. par Bouisset.
Le Mariage de Toto, ill. par Bouisset.
La Première Poupée, ill. par Bouisset.
Le Voyage de Lucie, ill. par Godefroy.
Le Jardin de Juliette, ill. par Godefroy.
Le Bain de Minet, ill. par Bouisset.
La Semaine de Noël, ill. par Bouisset.
La petite fermière, ill. par Bouisset.
La petite Ménagère, ill. par Bouisset.

Белая серия.

in 4°. Цена по 1 руб.

Содержитъ около 30 иллюстрацій въ краскахъ. Цвѣтная картонная обложка.
Le Voyage de mademoiselle Rosalie, illustré par A. Marie.
Bambins et bambines, ill. par E. Harding.

Восьмая серия.

in 4°. Цена по 1 руб. 75 коп.

La Jou née de Bébé, illustrat. par Bouisset. Texte par Arnaud.
Heureux âge, ill. par Harding.
L'Album des enfants sages, illust. par Harding.

Книжки для дѣтей отъ 6—8 лѣтъ.

Дѣтская библиотека, форматъ in 6. Цена каждою тома безъ перепл., чистый обложка 40 коп., съ перепл. 65 коп.
Les histoires de tante Rose, par M-me de Bosguérard.
Mémoires de Cigarette, par Théo-Sritt.
Contes aux tout petits, par P. Andrievéau.
Bébé en vacances, par M-me Gameau.
La chatte de M-lle Ida, par M-me de Paloff.
Petits amis, par M-me de Bosguérard.
Les Bons points de Bébé, par M-me de Sobol.
Mignonnettes, par M-me Noémi Balleyquier.
Scènes enfantines, par M-me Marie de Bosguérard.
Le petit monde, par M-me A. de Wailly.
Moi et mes poupées, par M-me de Bosguérard.
L'histoire d'une troupe de marionnettes, par M. A. de Brévillé.
Aimé pour son bon coeur, par M-lle Galouil.
La plage de Wimerux, par M-me Balleyquier.
***Les enfants de cigarette, par Théo-Critt.**
***Les bonheurs de bonshenrs de Paluline, par M-me de Bosguérard.**
Le théâtre de Polichinelle, par le papa de Nénette.
***Une partie de plaisir, par Roger Dombre.**
***Les mémoires d'un chèvvre, par M-me la comtesse de T.**

Les vacances de Paul, par M-me J. de Sobol.

Обозначены * икются только въ переплетѣ.

Книжки для дѣтей отъ 7—10 лѣтъ.

D'Hervilly, L'âge d'or de l'enfance. Histoires morales et amusantes, illustré.

Цѣна 4 руб.

Marel, Le petit monde. Enfantillage et poésies, illustré. Цѣна 3 руб.

Книжки для юношества отъ 10—13 лѣтъ.

Bibliothèque blanche.

Каждый томъ много. иллюстр. въ текстѣ съ переплетомъ по 1 руб.

Dickens Ch. L'Embranchement de Mugby. Dumas (A.). La Boullie de la comtesse Berthe.

Feuillet (Octave). La vie de Polichinelle. Mayne-Reid. Les Exploits des jeunes Boÿrs.

Muller (Eugène). Récits enfantins.

Musset, (P. de). M. le Vent et M-me la Pluie.

Ourliae (E). Le Prince Coqueluche.

Perrault. Les Lunettes de Grand'Maman. Sand (George). Gribouille.

Stahl (P.-J.). Les Aventures de Tom Pouce. — Contes de la tante Judith.

Verne (Jules). Un Hiverage dans les glaces.

Отъ 10—13 лѣтъ.

Bibliothèque de l'éducation maternelle illustrée.

Каждый томъ безъ перепл. 1 р. 15 к., съ перепл. съ зол. обр. 1 р. 75 к.

Anfossi. Le secret de sir William.

Jacques l'abandonné.

Balleysgier. Les Rodimbot.

M-me Trimbalmouche.

Bellaigue. La vengeance d'un hautcoeur.

Bonhomme. Récis de l'oncle Paul.

Bovet. Histoire d'un garçon.

Garnoy. La nuit de Noël.

Dumont. Fables pour les petits.

Jane. Les 28 jours de Suzanne.

Moneau. Mon petit frère.

Paloff. Echos des vacances.

Quantin. Histoire de Germaine.

Sobol. Bouton d'or.

Witt. Les héros modestes.

Отъ 12—14 лѣтъ.

Bibliothèque de la famille in 8°, илл.

Каждый томъ съ переплетомъ съ зол. обр. по 3 р.

Rochemont, Au pays des fées, ill. par. Mès Carnoy. Les légendes de France, ill. par E. Zier.

Graffigny. Contes d'un vieux savant. Ill. par P. Nac.

Cooper. Bas de cuir, arr. par Dubois, ill. en couleurs.

Mille et une nuits de la jeunesse ill. par Dubois, ill. en couleurs.

Нѣмецкія дѣтскія книги. Крупная печать, хорошая бумага, много иллюстрацій.

Новая изящная коллекція съ роскошными картинками на английскомъ способу

отъ 25 коп. до 90 коп.

Первая серия, по 25 коп.

Glückliche Reise. — Tromm, Tromm, Dremm. — Puck. — Mein Mezi. — Ein hörnchen auf Reisen. — Fürs Herblüchen. — Im Freien. — Der Kinderbus. — Huckle-Puck. — Ein treuer Hausfreund. — Eisenbahn ABC.

Вторая серия, по 30 коп.

Bekanntes und Unbekanntes. — Was Velein singt. — Wasich weiss! — Zederschauer Garten.

Третья серия, по 45 коп.

Ein Besuch bei Grossmama. — Der Schatzmann. — Unsere Kameraden. — Am Noah. — Ringel, Ringel, Rosenkranz, Puppen-Gesellschaft. — Die wunderliche Kutsche. — Robinson Crusoe. — In der Maienzeit. — Prinzessin Tausendschön. — Guckkasten. — Wer nicht „liebes Kindchen“ sein will. — Spielzeug Alphabet. — Garten Freuden.

Четвертая серия, по 60 коп.

Feierstündchen. — Von Nah und Fern. — Kleine und grosse Freunde. — Allen Gesellschaft.

Пятая серия, по 90 коп.

In Pelz und Flaum I (Der Thiere König). In Pelz und Flaum II (Eine kleine Wohlthäterin — Lustige Reigen. — Lieblings Kurzweil. — Komische Clowns. — Unsere Lieblingsthiere. — Familie Fagemaus. — Musjo Clown. — Ein Ausflug auf's Land. — Rothköpfehen.

Нѣмецкія дѣтскія книги по удешевленнымъ цѣнамъ.

Aus der Märchenwelt. Eine Auswahl d. schönsten deutschen Märchen gesammelt von Gebr Grimm, Bechstein und Anderen. Mit 10 bunten Bildern und vielen Textillustrationen imbro 1 р. 25 к. 1 р.

Biller, E. Lieschens kluge Einfälle. Lieschens Reise durch die Stube. Mariet und die sieben Puppen. Wie es Fritschchen auf seiner Schwester Hochzeit ging. M. vielen farbigen Illustrationen v. Kleinmichel. 4 kurze Geschichten in einem Bande gebunden imbro 2 р. 85 к.

Uch der Jugend, das., Bd. VII geb. **вѣсто** 4 p. 2 p. 50 к.

ey, Fabeln für Kinder. In Bildern gezeichnet von Otto Speckter (Original-Ausgabe des weltbekanntesten, klassischen Kinderbuches) 2 Bände („50 Fabeln“ und „Noch 50 Fabeln“) cartonirt zusammen **вѣсто** 3 p. 60 к. 1 p. 50 к.

Deutsche Jugend. Gediegenste Auswahl, von Bildern, Erzählungen, Märchen, Reisegeschichten, Gedichten, Fabeln. **вѣсто** 3 p. 60 к. 2 руб.

Jugend deutsche. Illustrierte Jugend und Familienbibliothek f. Knaben und Mädchen hrsg. v. Lohmeyer, **вѣсто** 2 p. 70 к. 1 p. 50 к.

Letke, Hermann. Die Kinderwelt, in Märchen und Liedern. Mit zahlreichen Holzschnitten nach Originalzeichnungen deutscher Künstler eleg. gebunden, **вѣсто** 1 p. 80 к. 1 p.

Krüger. Märchen aus Heimat und Fremde. Mit 50 Original-Illustrationen, darunter 4 Buntdruckbilder, 246 Seiten) in eleganten Einband, **вѣсто** 1 p. 50 к. 85 коп.

Lottka. Kindertäume Mit zahlreichen prächtigen Illustrationen von Claudius, eleg. geb. **вѣсто** 3 p. 1 p. 50 к.

Schanz, 101 neue Fabeln. Mit Beiträgen

von Bodenstedt. Lohmeyer.. Sturm etc. Zahlreiche Illustrationen v. Flinzer. eleg. gebunden, **вѣсто** 2 p. 50 к. 1 p. 50 к.

Strässle, Franz. Kleine illustrierte Naturgeschichte für die Jugend. sechste vermehrte und vielfach verbesserte Auflage Mit 179 Holzschnitten und 15 Tafeln Abbildungen in Farbendruck. Eleg. gebunden, **вѣсто** 3 p. 1 p. 50 к.

Sturm, J. Neues Fabelbuch. Mit. Ill. nach Originalzeichnungen von F. Flinzer cartonirt, **вѣсто** 1 p. 20 к. 75 к.

Нѣмецкiя азбуки.

Dietlein, R. Des Kindes erstes Lesebuch. Illustrierte Fibel mit farbigen Bildern. Auf Grundlage des mit dem Anschauungsunterricht verbundenen ersten Sprech-, Schreib, u. Lese-Unterrichtes bearb. für Schule und Haus. **въ наукѣ** 60 к.

Eisenbahn A. B. C. mit vielen bunten Bildern. 25 к.

Gureke, J. Schreib- und Lese Fibel. Mit Holzschnitten von O. Speckter, **въ наукѣ** 45 к.

Haestors, A. Fibel oder der Schreib-Lese-Unterricht. **въ наукѣ** 35 к.

Schlimbach. Fibel, **въ наукѣ** 85 к.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

журнала Русская Мысль,

уголъ Леонтьевского пер. и Большой Никитской, д. 2—24,

продаются по пониженной цѣнѣ оставшіеся экземпляры слѣдующихъ сочиненій:

Головачевъ, А. А. «Десять лѣтъ реформъ». **Вѣсто** 3 p. за 1 руб. 50 коп.

— «Исторія желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи». **Вѣсто** 2 p. 40 к. за 1 p.

Массе. «Исторія кусочка хлѣба». **Вѣсто** 1 p. 50 к. за 75 к.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
журнала **РУССКАЯ МЫСЛЬ**
В. М. Лаврова

доводить до всеобщаго свѣдѣнія, что при немъ съ 15 декабря
1895 года

открылась НОТНАЯ торговля,
сначала только для **иностранцевъ.**

Ноты могутъ быть высылаемы какъ за наличныя деньги,
такъ и съ наложеннымъ платежомъ.

Выписывающихъ покорнѣйше просятъ обозначать имя автора
и opus сочиненія.

Вышли изъ печати и разсланы подписчикамъ

I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII, IX, X и XI-й выпуски

„ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ“
Юганна Шерра.

Переводъ сдѣланъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія подъ редакціей и съ прилѣжаніями П. И. Вейнберга.

Все изданіе будетъ заключаться въ 20 выпускахъ, что составитъ два большіхъ тома въ 1.000 страницъ, со множествомъ гравюръ, картинъ, портретовъ, автографовъ, факсимиле и отдѣльныхъ приложеній. Всѣ клише для этого изданія заказаны издателями для художественнаго выполненія въ Штутгартѣ (Германія). Отдѣлы русской и славянской литературы будутъ обработаны болѣе подробно и самостоятельно. Изданіе закончится весной 1896 года.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ВСЕ ИЗДАНИЕ:

Безъ доставки 6 р. Съ доставкой и пересылкой 8 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и затѣмъ ежемѣсячно по 1 руб. до уплаты всей суммы. По окончаніи изданія цѣна будетъ повышена. Первый выпускъ можетъ быть высланъ отдѣльно за 50 коп.

Вышли изъ печати и поступили въ продажу новыя изданія:

ДРЕЙФУСЪ. Мировая и социальная эволюція. Цѣна 1 р. 50 к.

ТОМА. Внушеніе и его роль въ воспитаніи. Цѣна 40 коп.

ДАНТЬ. Адъ. Переводъ въ стихахъ *Н. Голованова*, подъ редакц. проф. *Ф. Буслаяна*. Цѣна 1 р. 50 к.

ФЮСТЕЛЬ де-КУЛАНЖЪ. Древняя гражданская община. Цѣна 2 руб.

Подписка принимается и книги продаются въ книжномъ магазинѣ журнала „Русская Мысль“ В. М. Лаврова, уголъ Большой Никитской и Леонтьевского пер., л. 2—24.
Издатели Д. В. Байковъ и К.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ Н. ФЕНУ и К^о

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., 40)

поступили въ продажу, между прочимъ, слѣдующія новыя книги:

- Кокотевскій, А.** Памяти Императора Всероссийскаго Александра III. Новое изданіе. Спб., 1896 г. Ц. 30 к.
- Иккерхедтъ, О.** Простой микроскопъ и его изготовленіе. Руководство для любителей. М., 1896 г. Ц. 40 к.
- Иозерской, Н.** Царское вѣнчаніе въ Россіи. Спб., 1896 г. Ц. 40 к.
- ронскій, П.** Повѣсти и рассказы. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.
- Ланка, С.** Общій курсъ минералогіи Л. Кристаллофизика и кристаллохимія. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- орикневскій, В.**, д-ръ. Какъ намъ обуваться? О нормальной обуви, по преимуществу, дѣтской. Спб., 1896 годъ. Ц. 25 к.
- еженка реформа, сводъ мнѣній и отзывовъ.** Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Солжикъ, В.** Курсъ законовѣдѣнія. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.
- Солгоруковъ, В.** Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азиатскимъ владѣніямъ Россіи. Томскъ, 1895 г. Ц. 1 р.
- Ефимовъ, А.** Вадимъ Незвановъ. Дирическій романъ. Спб., 1896 г. Ц. 2 р.
- Жадековъ, Н.** Дѣтскіе сельско-хозяйственные кустарные приемы самопомощи. Исторія ихъ, устройство и жизнь. Съ 5-ю рис. и 5-ю планами. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.
- Казенная и общественная продажа вина, ихъ экономическое и нравственное значеніе. Спб., 1896 г. Ц. 80 к.
- Игравъ, Дж.** Исторія рабства, отъ древнѣйшихъ до новыхъ временъ. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Ишидъ.** Японскій романъ. Спб., 1896 г. Ц. 60 к.
- Крушевскій, П.** Что такое Россія? Путевыя замѣтки. М., 1896 г. Ц. 2 р.
- Киллеръ, д-ръ.** Нервность и нервовы, гиплена нервныхъ людей. Изд. 2-е. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Лавровъ, М.** (генералъ отъ артиллеріи). Къ столѣтію со дня рожденія 25 іюня 1796 г. Императоръ Николай I, взглядъ русской школы. Историческій очеркъ. — До водаренія. — Верховное управленіе государства. — Общія мѣры по народному просвѣщенію. — Царственными заботы о развитіи военно-учребныхъ заведеній. — Заключение. Съ тремя портретами. Спб., 1896 г. Ц. 2 р.
- Ломанъ, Д.** Ко дню священнаго коронаванія и миропомазанія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Чтеніе для народа. Съ 25 кар. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.
- Лягитиной, О.** Помощь молодымъ матерямъ. 11 таблицъ выкроекъ въ натуральную величину для дѣтей малютокъ и до 10-ти лѣтъго возраста включительно. Спб., Ц. 1 р. 50 к.
- Озмидовъ, С.** Устройство и содержаніе коннаго завода въ небольшомъ хозяйствѣ. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.
- Ошибки и неудачи при работахъ на бромомеланиновыхъ пластинкахъ, причины ихъ и способы устраненія.** Спб., 1896 г. Ц. 85 к.
- Павловичъ, М.** Ретушированіе фотографическихъ негативовъ и позитивовъ. Спб., 1896 г. Ц. 80 к.
- Порожикъ, И.** Грезъ о счастья. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.
- Рытовъ, М.** Краткій учебникъ огородничества и плодородства для низшихъ школъ. Часть I. Огородничество. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.
- Сергеевъ, А.** Графъ Левъ Толстой. М., 1896 г. Ц. 50 к.
- Симаховскій, П.** Японско-китайская война 1894—1895 гг. Съ портретами, планами и крока. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 85 к.
- Собраніе юмористическихъ повѣстей и рассказовъ.** Спб., 1896 г. Ц. 60 к.
- Сохоловъ, Д.** Искупленіе рода человеческого Господомъ Іисусомъ Христомъ. Историческій очеркъ. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.
- Сужомликовъ, В.** Мюратъ Іоакимъ-Наполеонъ, король Обѣихъ Сицилій (его смерть). Спб., 1896 г. Ц. 1 р.
- Турскій, М.** Таблицы для таксаціи лѣса. Изд. 5-е. М., 1896 г. Ц. 50 к.
- Черезваловскій, В.** Похъ боевымъ огнемъ. Историч. хроника. Спб., 1896 г. Ц. 3 р.
- Чернышевъ, К.** Лишніе люди и женскіе типы. Спб., 1896 г. Ц. 80 к.
- Чиринскій, Н.** Общее животноводство. Изд. 2-е. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 40 к.
- Шахъ-Фохъ, графъ.** Исторія норманновъ въ Сициліи. Спб., 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Шидловскій, В.** Къ ученію о дифференціалъ и интегралъ. Спб., 1896 г. Ц. 40 к.
- Шпелъгагеръ, Ф.** Открытое письмо къ графу Льву Толстому. Спб., 1896 г. Ц. 20 к.

Пересылка—по вѣсу и разстоянію. Частнымъ лицамъ—съ наложеннымъ платежомъ.

ВЫШЛА ВОСЬМАЯ, МАЙСКАЯ, КНИЖКА НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНАГО
ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„НОВОЕ СЛОВО“

СОДЕРЖАНИЕ: 1) „На окраинѣ“. (Степные очерки). Юлія Безродной. 2) „Дамы Бирона“ (1740). (Окончаніе). А. Бриннера. 3) „Волчья смѣть“. Романъ-хроника в трехъ частяхъ. Часть третья. Вас. Немировича-Данченко. 4) „Филатка“. IV. (Примѣненіе). В. Савихина. 5) „Неизвѣданный уголокъ Россіи“. Барона А. А. Корфа. 6) „Ремъ“. Романъ Эмиля Золя. Перев. Н. Шульгиной. 7) Стихотвореніе * * *. П. Я. 8) „Похороны звѣзды“. Разсказъ Альфонса Додэ. 9) „Надъ Днѣпромъ“. (Стихотвореніе). Л. Шнейдова. 10) „Свѣтъ во мракѣ“. Романъ Вильяма Тейлорена. Перев. съ англ. В. Т. Ц. 11) „Концентрація торгово-промышленной дѣятельности на крайнемъ сѣверо-западѣ Сибири“. В. В. Бартонова. 12) „Проклятые вопросы и ученые отвѣты“. Евг. I—а. 13) „Въ области европейской мысли“. Л. Е. Оболенскаго. 14) „Антисемитическое движеніе въ Австріи“. П. Т. 15) Обзорніе внутренней жизни: I. „Народное образованіе“. А. Абрамова.—II. „Къ вопросу о судебной реформѣ въ Сибирѣ“. В. Бинштона.—III. „Земство и города“. Ш.—IV. Письма изъ провинцій: Письмо изъ Пензенской губерці (Рознь). В. Быстремна.—Письмо изъ Выдронужскаго, Тверской губ. (Заботы батина о народной читальнѣ). Выдронужскаго обывателя.—Изъ Царидына (Пѣвческіе гори и деревни). Н. Назанскаго.—Изъ Уфы. (Сельско-хозяйственныя курсы для учителей). Васъ-Вруса.—Изъ Шадринскаго уѣзда, Курской губ. (Наши переселенцы). Владим. Овсянникова. 16) Новая книга. 17) „Замѣтки о педагогической и дѣтской литературѣ“. В. П. 18) „Литература въ жизни и жизнь въ литературѣ“. (Письмо четвертое). А. Снабичевскаго. 19) „Научная хроника“. П. О. 20) „По поводу внутреннихъ мѣрсовъ“. С. И. 21) „Обзоръ заграничной жизни“. Интересен днѣ. В. Т. 22) Объявленіе.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Я. В. Абрамовъ, И. А. Бунинъ, В. В., И. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, Н. А. Кабуковъ, С. Н. Крылова, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Г. А. Мачетъ, Николай — оны, Л. Е. Оболенскій, И. Н. Потапенко, В. А. Поссе, А. С. Пругавинъ, Н. А. Рубакинъ, А. М. Сибичевскій, Б. М. Станюковичъ, В. А. Тимирязевъ, проф. Б. Тимирязевъ, А. П. Чеховъ, Щенотьевы (Е. С. и С. А.), В. Г. Яроцкий, А. И. Эртель и другіе.

Годовая подписка на ежемѣсячный научно-литературный и политическій журналъ (отъ 25—30 печ. лст.) Новое Слово принимается съ 1-го октября 1895 г. и 1-го октября 1896 г. Подписная дѣна съ пересылкой на годъ 10 р., на полгода 5 р., на три мѣсяца 2 р. 50 к., за границу на годъ 12 р., безъ пересылки 9 р.

Адресъ конторы редакціи: Спб., Спасская ул. (уг. Надеждинской), д. 15, к. 1.
Отдѣленіе конторы: Спб., Невскій пр., д. 54, Библіотека Черкесса.

Городская подписка принимается, кромѣ конторы редакціи и ея отдѣленія, въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, Н. П. Карбасяникова, К. Риккера, Цинзершта (Мелье) и въ библіотекѣ Л. Т. Рубакиной (Бол. Подъячская, д. 24).

Лица, выписывающія изданія О. Н. Поповой черезъ контору редакціи или ея отдѣленіе, за пересылку не платятъ, исключая изданій, выходящихъ по подпискѣ: Н. А. Добролюбова и Ч. Дарвина.

Редакторъ А. Н. Поповъ.

Издательница О. Н. Попова.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ ТРЕТЬЯ (май—іюнь) КНИГА ЖУРНАЛА

Вопросы Философіи и Психологіи

Издаваемого Московскимъ Психологическимъ Обществомъ

Содержаніе ея: *Н. А. Иванцовъ*. «Основной принципъ красоты».—*В. Т. Герье*. «Философія исторіи Гердера».—*Кн. С. Н. Трубецкой*. «Основанія идеализма».—*В. А. Гольцевъ*. «Н. Н. Страховъ, какъ художественный критикъ».—*В. О. Чижъ*. «Возрѣнія пространства и времени».—*Д. П. Сонисси*. «Книга о почитаніи родителей» (переводъ съ китайскаго).—*Баронъ Ч. Г. Гинцбургъ*. «Каббала, мистическая философія евреевъ». Съ предисловіемъ *Вл. С. Соловьева*.—*Н. Д. Виноградовъ*. «Психо-физиологическія изслѣдованія надъ микроорганизмами».—*Критика и библиографія*.—*Психологическое Общество*.—*В. Вальденбергъ*. «С. А. Бершадскій» (Некрологъ).—*Извѣстія и замѣтки*.—*А. А. Токарскій*. «Записки психологической лабораторіи психіатрической клиники Московскаго университета».— *Объявленія*.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ (съ 1-го января 1896 г. по 1-е января 1897 г.): безъ доставки—6 р., съ дост. въ Москвѣ—6 р. 50 к., съ перес. въ другіе города—7 р., за границу—8 руб.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 руб. Подписка на льготныхъ условіяхъ принимается только въ конторѣ журнала. Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

МОСКВА, Б. Никитская, уг. Леонтьеваго пер., д. 2—24.

ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ

новое изданіе Московскаго Психологическаго Общества:

КУНО ФИШЕРЪ.

АРТУРЪ ШОПЕНГАУЭРЪ.

Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей В. П. Преображенскаго.

XVI+521 стр. Цѣна 3 руб.

Лица, подписавшіяся на все сочиненіе и получившія 1-й выпускъ, могутъ получить 2-ой выпускъ.

Предсѣдатель Общества Н. Я. Гротъ. Редакторы: Л. М. Лопатинъ.
В. П. Преображенскій.

По соглашенію редакціи
НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ
 и редакціи журнала „**РУССКАЯ МЫСЛЬ**“
 въ книжномъ магазинѣ журнала „**РУССКАЯ МЫСЛЬ**“
 В. М. Лаврова
 ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА ВЪ РАЗСРОЧКУ НА
 „**Настольный Энциклопедическій Словарь**“
 изд. Т-ва **ГРАНАТЪ и К^о**.

8 томовъ (около 11,000 столбцовъ убористой печати). Изданіе окончено въ октябрѣ 1895 г. Первые шесть томовъ вышли вторымъ стереотипнымъ изданіемъ.

ЦѢНА: полному изданію безъ переплета 38 руб., въ изданіи коленкоровомъ переплетѣ (новаго образца съ кожанымъ корешкомъ) 42 руб.

За пересылку прилагается 10 коп. съ рубля стоимости. По желанію, намять можетъ быть выслано съ наложеннымъ платежомъ, причемъ при заказѣ должно быть приложено не менѣе 5 руб.

Допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ:

Гг. служащіе въ казенныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ вносятъ при подпискѣ 5 руб. и, представивъ удостовѣреніе о нахожденіи на службѣ, получаютъ немедленно шесть томовъ изданія въ переплетѣ, затѣмъ уплачиваютъ ежемѣсячно по 2 рубля, впродъ до оплаты остающейся суммы за восемь томовъ (т.е. 37 руб.) и стоимость пересылки (4 руб. 20 коп.); 7-й томъ высылается по выplatѣ всего 28 руб., 8-й—по выplatѣ всей стоимости изданія.

Частныя лица вносятъ при подпискѣ 5 руб. и получаютъ шесть томовъ съ наложеннымъ платежомъ въ 5 руб., затѣмъ уплачиваютъ каждый мѣсяцъ по 2 р. и каждые три мѣсяца по 6 р., впродъ до полной оплаты остающейся суммы за восемь томовъ 32 руб. и стоимость пересылки 4 руб. 20 коп., 7-й томъ высылается по выplatѣ всего 28 руб., а 8-й—по выplatѣ всей стоимости изданія.

Въ виду того, что „Снимковъ съ картинъ классическихъ художниковъ“ (4 серіи по 9 снимковъ) остается лишь сравнительно небольшое количество, таковыя будутъ выдаваться только лицамъ, подписавшимся на изданіе до 1 февраля 1895 г.

	Стр.
XIII. О ВВЕДЕНИИ ОБЩЕДОСТУПНАГО НАЧАЛЬНАГО ОБУЧЕНІЯ ВЪ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.—В. А. Крандівскаго	92
XIV. СОВРЕМЕННЫЙ МАДАГАСКАРЪ.—М. Венюкова	104
XV. СЕКРЕТНОСТЬ НАШЕГО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛѢДСТВІЯ.— В. С. Малченка	123
XVI. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—И. М. Иванюкова	149
XVII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Бороваліе Ихъ Императорскихъ Величествъ.—Правила о примѣненіи Судебныхъ Уставовъ въ Сибири.—Школьное дѣло въ Московской губерніи.—Необхо- димыя дополненія въ законахъ, касающихся охраны малолѣт- нихъ.—Отхожіе промыслы сельскихъ рабочихъ.—Съѣздъ вра- чей въ память Н. И. Пирогова.—† Н. В. Водозововъ	173
XVIII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г.	185
XIX. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книжки: Беллетристика.— Философія и психологія.—Исторія, мемуары, біографіи.—Этно- графія.—Юридическія книги.—Естествознаніе.—Сельское хо- зяйство.—Учебники, книги для дѣтей.—Народныя книги. II. Периодическія изданія: «Русское Богатство», <i>апрѣль</i> .— «Вѣстникъ Европы», <i>май</i> .—«Сѣверный Вѣстникъ», <i>май</i> .— «Русскій Вѣстникъ», <i>май</i> .—«Дѣтскій Отдыхъ», <i>апрѣль</i> .— «Всходы», <i>май</i> . III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редак- цію журнала «Русская Мысль» съ 1 мая по 1 іюня 1896 г.	241
XX. ОБЪЯВЛЕНІЯ	295

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Условія подписки на 1896 годъ:

(ОДИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ)

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста					
Россіи	12 р.	9 р.	— „ 6 р.	3 р.	— 1 р.
За границу.	14 „	10 р. 50 к.	7 „	3 „ 50 к.	—

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 руб.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ полнаго годоваго экземпляра. Съ подписокъ въ разсрочку уступокъ имъ не дѣлается.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе уплачивается 50 коп. За перемѣну иногородняго адреса на иногородній и иногородняго на городской уплачивается по 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ при разсрочкѣ подписной платы необходимо прилагать печатный адресъ бандероли или сообщить его №.

Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не поздиѣ 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ почтоваго департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—уголь Леонтьевского пер. и Большой Никитской ул., д. № 2—24.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К^о, Невскій просп., домъ Армянской церкви.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Л. Идзиковскаго.

Книжный магазинъ журнала «Русская Мысль» В. М. Лаврова принимаетъ подписку на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги и ноты.

Редакторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS

- 2-month loans may be renewed by calling (510)642-6753
- 1-year loans may be recharged by bringing books to NRLF
- Renewals and recharges may be made 4 days prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

RETURN
TO
LOAN
HO

4

6-month
Renew

1
CT 01 2002

IN S
APR 1

FEB
REC.

IN S
JAN

DD20 15M 4-02

RET'D JAN 25 1982

FORM NO. DD 6,

UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY
BERKELEY, CA 94720

© 1